

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Mani

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОРОДА И ВЕСИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА

К 60-летию Николая Андреевича МАКАРОВА

МОСКВА – ВОЛОГДА
«ДРЕВНОСТИ СЕВЕРА»

2015

УДК 903(47)
ББК 63.4(2)
Г70

Редакционная коллегия:

*Л. А. Беляев, П. Г. Гайдуков (отв. редактор),
И. Е. Зайцева (отв. секретарь), С. Д. Захаров (†), Н. В. Лопатин,
Вл. В. Седов, А. Н. Федорина (отв. секретарь), А. В. Энговатова*

Г70 Города и веси средневековой Руси : археология, история, культура : к 60-летию Николая Андреевича Макарова / Рос. акад. наук, Ин-т археологии ; [редкол. : П. Г. Гайдуков (отв. ред.) и др.] – Москва ; Вологда : Древности Севера, 2015. – 600 с. : ил. – Текст. рус., англ., нем.

ISBN 978-5-93061-100-7

Сборник статей подготовлен к юбилею известного археолога и историка, директора Института археологии РАН, академика Николая Андреевича Макарова. Под одной обложкой собраны работы археологов, историков, нумизматов, лингвистов и искусствоведов, которые соприкасаются в своей работе с разнообразными и широкими научными интересами юбиляра. Книга отражает круг интересов и научного общения юбиляра, дает определенный срез современного состояния отечественной археологии, истории и вспомогательных исторических дисциплин. В издании приняли участие иностранные коллеги, занимающиеся древнерусской археологией и историей или смежными дисциплинами.

Книга предназначена специалистам по средневековой археологии и истории России, а также всем интересующимся этими областями исторического знания.

УДК 903(47)
ББК 63.4(2)

Автор фото Н. А. Макарова на фронтисписе – *Александр Зверев* (Шекшово, 2015 г.)
Перевод на английский язык резюме статей – *Катрин Юдельсон*

ISBN 978-5-93061-100-7

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2015
© Авторы статей, 2015
© Оформление. ООО НИЦ «Древности Севера», 2015

Николай Андреевич Макаров: страницы научной биографии

22 декабря 2015 г. исполнилось 60 лет Николаю Андреевичу Макарову, академику, директору Института археологии РАН. Сегодня этот возраст считают периодом высшей зрелости и расцвета сил ученого¹. Но также – временем, когда можно оглянуться на уже пройденный путь, подвести предварительные итоги, собрать силы, которых потребуются на несколько десятилетий труда еще немало. Составляя этот сборник, единомышленники, последователи, коллеги и ученики Николая Андреевича выражают свою высокую оценку уже сделанного им в науке, а также стремятся поддержать и ободрить в будущих трудах.

Семья и годы юности

Н. А. Макаров родился 22.12.1955 г. в Москве. Конечно, всё начинается с семьи. Мать и отец – художники. Но ограничиться этими сведениями – значит скрыть от читателя самое важное и, по существу, ничего не сообщить о них. Разумеется, вступительная статья – не место для глубокого генеалогического исследования. Однако совсем не затронуть семейный круг юбиляра будет еще большей ошибкой: его собственные цели как ученого и его пристрастия как личности выступают гораздо рельефнее, если мы обратим внимание на 2–3 (хотя бы) поколения предшественников. Ведь его прадеды, деды, родители – именно предшественники, работавшие на той же ниве, что и юбиляр, ниве русской науки и культуры. Точнее будет сказать: ниве русской жизни, трудной, подчас неблагодарной, но бесконечно любимой.

Как будет ясно из знакомства с путем, пройденным юбиляром в науке, очень многое в нем – наследственное, как сказал бы историк XIX века – родовое. Глубокая любовь к спокойствию и величию Севера заложена отцом, прекрасным художником послевоенного «сурового стиля», прошедшим ад войны и ставшим убежденным певцом северной России². Однако не только от отца пришла укорененность в

национальном пейзаже, близость к нему, глубокое понимание исторического ландшафта Руси, постоянная потребность в контакте не только с древностями, но и с тем природным контекстом, в который они погружены. Со стороны матери³ их укрепляет унаследованная от деда, известного писателя Леонида Максимовича Леонова⁴, любовь к «русскому лесу» как основополагающей, архетипической основе отношения к национальной почве.

Стоит заговорить о несомненно присущей юбиляру способности мыслить логически, ясно и дальновидно, как невольно приходит на ум имя другого, не менее известного, деда (со стороны отца), Н. П. Макарова – ученого из славной плеяды русских экономистов, теоретиков и практиков, глубоко преданных сельскому хозяйству и русской деревне⁵.

Не менее славны прадеды. По линии бабушки, Татьяны Сабашниковой, – книгоиздатель Михаил Сабашников, старший из совладельцев книжного

³ Елена Леонидовна Леонова (1928–1999), член Союза художников, мастер особого жанра «окон», восходящего к интерьерным сюжетам XIX века «в комнатах», но включающего пейзаж, натюрморт и, отчасти, собственно жанр.

⁴ Леонид Максимович Леонов (1899–1994) более 60 лет работал как литератор, пережив все перипетии художественной жизни XX века. Острый интерес к проблематике христианской нравственности и ответственности (свойственный этому Герою Социалистического Труда, продолжившему традицию Ф. М. Достоевского), наряду с глубоким патриотизмом, делают творчество Леонова и в наши дни актуальным.

⁵ Николай Павлович Макаров (1887–1980), до революции зав. кафедрой политической экономии и статистики Воронежского сельскохозяйственного института, в 1917 г. – участник Главного земельного комитета и Лиги аграрных реформ (в 1918 г. учреждена библиотека по кооперативным и общественно-экономическим вопросам имени Н. П. Макарова и стипендия его имени в Воронежском среднем кооперативном училище). Позже (1919–1920) профессор МГУ и Московского кооперативного института, декан экономического факультета Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева (1925–1928), одна из ключевых фигур в Наркомате земледелия РСФСР. Убежденный рыночник, Н. П. Макаров не отрицал важности централизованного планирования и стремился построить хозяйство с учетом разделения труда и законов рынка; придавал особое значение демографии, качеству труда, «человеческому фактору». В 1930 г. репрессирован, позже (1935–1947) работал агрономом, в годы войны участвовал в антифашистском подполье, затем вернулся к преподаванию в вузах как профессор. Реабилитирован посмертно (16.07.1987).

¹ В Средние века момент высшего расцвета человеческих сил относили к 40-летию, в Новое время таковым считали 50 лет – после этого начинался постепенный спуск.

² Андрей Николаевич Макаров (1923–1987), заслуженный художник РСФСР, гвардии рядовой саперных войск, кавалер ордена Красной Звезды, ордена Славы III степени, медали «За боевые заслуги» и памятной медали за участие в Великой Отечественной войне.

Н. А. Макаров среди студентов, слушающих рассказ В. Л. Янина. Новгород, 1972 г.

Н. А. Макаров с сокурсниками на военных сборах. Ковров, 1977 г.

издательства и даже более – фундаментального проекта просвещения России путем переноса на ее почву «Памятников мировой культуры», проекта, сыгравшего значительную роль в формировании русской творческой интеллигенции XX века и влияющего на нее по сей день⁶.

От купцов и книжников с их подлинно благотворительной страстью – глубокая любовь Н. А. Макарова к культуре слова, увлеченное чтение не только старой, но и новейшей литературы, готовность к отклику на события художественной жизни в бесчисленных ее современных проявлениях. Но от них же – столь необходимые человеку практической жизни (а юбиляр, как любой почти археолог и, тем паче, руководитель именно таков) деловитость и твердость жизненной позиции; лаконичное, взвешенное слово; явное тяготение к другим формам языка – прежде всего подсчету, статистике, таблицам и графикам. Всё это не случайно, ведь и прадеды со стороны Леонида Леонова – тоже купцы, москвичи (Сабашниковы – родом из Кяхты), их лавки в Зарядье, совсем близко от места, где сейчас работает экспедиция Института археологии; их приход – у «Никола Мокрого» (увы, погибшего целиком, вместе с кладбищем).

Не будем, однако, углубляться в XIX век⁷. Любая, как угодно богатая и щедрая наследственная одаренность проявляется только через собственную активность и постоянный, каждодневный, подчас каторжный труд, требующий и физических сил, и устойчивого упорства (к счастью, и этим наделили Николая Андреевича его замечательные предки). Вернемся к его научной биографии.

Н. А. Макаров рано, и не только по книгам, познакомился с археологией, еще школьником (1972 г.) приняв участие в работах М. Х. Алешковского на валу Окольного города Новгорода. Здесь он впервые услышал лекции начальника Новгородской экспедиции В. Л. Янина, раскрывшие для него увлекательный мир средневековой археологии. Учился юбиляр на историческом факультете МГУ (1973–1978 гг.), где специализировался по кафедре археологии и написал дипломную работу под руководством профессора Д. А. Авдусина.

Дальнейшая научная деятельность Н. А. Макарова целиком связана с Институтом археологии РАН, где он прошел путь от лаборанта (1978 г.) до директора. Здесь он состоялся как творческая личность, здесь раскрылась его яркая научная индивидуальность.

⁶ Сколько радости испытал каждый, ощущая в руках шероховатый полукартон ручного отжима на сабашниковских обложках 1910-х годов с маркой-монограммой работы Сергея Митрохина и гладкомаслянистую желтоватую верже с текстами от «Софокла» и анненковского «Еврипида» до «Эдды» и «Персидских лириков»!

⁷ Хотя и там немало интересного, особенно в провинциальной, «домосковской» сначала крестьянской, и лишь затем купеческой жизни.

Воспитанник Новгородской и Гнёздовской экспедиций, Н.А.Макаров избрал основным предметом исследований древнерусские памятники сельских территорий, информационный потенциал которых как археологических источников ранее недооценивался.

На Русском Севере

Уже в студенческие годы Н.А.Макаров заинтересовался одной из ключевых проблем начальной истории России – освоением Севера Восточной Европы. К проблеме колонизации в XIX–XX вв. обращались многие отечественные историки. Но они опирались на материалы письменных источников и без археологических данных представить достоверную картину становления Северной Руси не могли. С конца 1970-х годов молодой ученый начал самостоятельные экспедиционные работы на Русском Севере и за два десятилетия внес значительный вклад в изучение этих обширных, но труднодоступных территорий.

Н.А.Макаров начал с исследования средневековых могильников в Вологодской и Архангельской областях, организовав Онежско-Сухонскую экспедицию ИА РАН. История заселения этих земель стала темой кандидатской диссертации (1985 г.; научный руководитель Л.А.Голубева, известный исследователь Белозерья). В основу легли материалы, в первую очередь, Кемского некрополя – дружинного могильника XI в. в северном Белозерье. Анализ материалов раскрыл сложный процесс взаимоотношений славян и финнов, в результате которого сформировалось русское население региона и наметились контуры своеобразной культуры Севера XI–XIII вв. Одним из важнейших результатов стало выявление в Восточном Прионежье следов новгородского и ростово-суздальского колонизационных потоков, на основе которых, как показал автор, сложилась одна из регионально-этнических групп древнерусской народности, белозерцы⁸. В научно-популярной версии исследования, посвященной памяти отца (Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993), Н.А.Макаров вновь поднял вопрос о заселении огромных территорий севера Европейской России: откуда пришли первые колонисты? какие причины заставляли их освоить мало гостеприимные земли? как сложились их отношения с местным финно-угорским населением? Получилась по-настоящему увлекательная книга, написанная замечательным литературным языком.

Итоги многолетних археологических и историко-географических исследований Русского Севера Н.А.Макаров подвел в докторской диссертации (1994 г.), вскоре изданной (Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам ар-

⁸ Текст диссертации, доработанный и дополненный новыми находками, опубликован: «Население Русского Севера в X–XIII вв.: по материалам могильников Восточного Прионежья». М., 1990.

Н.А.Макаров и С.А.Сидоров в экспедиции в Вологодской области. 1986 г.

хеологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М., 1997). В грандиозной по замыслу работе показано, что колонизация севера Восточной Европы – звено общего процесса восточнославянского расселения и территориального роста Древнерусского государства, а затем и Московской Руси. Его можно считать завершающим этапом освоения славянами лесной полосы Восточной Европы, начавшегося в середине I тыс. н.э., и своеобразным прологом к событиям конца XV–XVII в. – выходу Московского государства за Урал и колонизации Сибири.

Итак, опираясь на археологию, Н.А.Макаров убедительно показал, что древнерусское заселение Севера началось в конце X – начале XI в. и заметно активизировалось в середине XII в., когда вещи древнерусских типов распространились на огромном пространстве от Белозера и Волжско-Сухонского водораздела до Финнмарка и Северного Приуралья. Этот ареал примерно отвечает представлениям о зоне «русских даней», очерченной на основе летописей, грамот и других документов. Н.А.Макаров привлек максимальное количество разнообразных источни-

*Н. А. Макаров и П. Г. Гайдуков
на раскопках в Монино. 2002 г.*

*Н. А. Макаров знакомит сотрудников
Кирилло-Белозерского музея-заповедника с ходом
раскопок могильника Монино-2. 2000 г.*

ков и значительно продвинул изучение северных волоков – они впервые обрели археологическую реальность. По его мнению, волок представлял сухопутную дорогу через водораздел, с поселениями вблизи трассы, жители которых расчищали волоковый путь и предоставляли лошадей для транспортировки судов. Постоянные поселения на волоках появляются в XI в., а в XII в. часть их станет важнейшими центрами хозяйственного освоения Севера. Особенно важна характеристика Н. А. Макаровым колонизации как движения небольших самостоятельных групп. Консолидация групп, не связанных родством, в новые локальные общности происходит на новой территории, в процессе ее освоения. Иными словами, северная волость формировалась не путем сегментации родоначального поселения, как это считалось ранее, а за счет подселения новых колонистов.

Итоги многолетних изысканий Н. А. Макарова на Севере России, базирующихся на составлении подробных археологических карт крупных регионов, существенно дополнила монография «Средневековое расселение на Белом озере» (М., 2001)⁹, где воссозданы особенности заселения одной из ключевых исторических областей Древней Руси в X–XIII вв.

Новым этапом в изучении Н. А. Макаровым средневековых поселений стали исследования эталонного сельского микрорегиона на Русском Севере. Автор, выявивший и обследовавший сотни средневековых памятников, выбрал для анализа комплекс у д. Монино на Кубенском озере. Этот уникальный объект позволял рассмотреть историю отдельного поселения как отражение «макропроцессов», крупных исторических явлений. Работы заняли девять сезонов (1996–2004). На сравнительно небольшой площади изучались остатки жилищ и производственных комплексов, некрополей и средневековых полей с пахотными горизонтами. Наиболее полно изучено само поселение, основа одного из северных волостных центров, и его погребальные комплексы X–XII вв. (они представили ранее неизвестные формы языческого погребального обряда и постепенную трансформацию его, обусловленную распространением христианства). Благодаря совершенствованию методики полевых работ (просеивание, флотация слоя и др.) удалось собрать грандиозную для древнерусского сельского поселения коллекцию древностей – около 10 000 предметов.

Раскопками в Монино Н. А. Макаров показал, что северная деревня XI–XIII вв. – сложный социальный и хозяйственный организм, а распространенные ранее представления об изначальной простоте форм крестьянского быта на Севере просто неверны. Колонизация северной периферии Древ-

⁹ Написана в соавторстве с учеником Н. А. Макарова, рано ушедшим из жизни ученым С. Д. Захаровым (см. некролог: РА. 2016. № 1), и антропологом А. П. Бужиловой, ныне членом-корреспондентом РАН.

Н. А. Макаров с супругой Натальей Юрьевной и сыном Андреем в окружении научных сотрудников и членов Онежско-Сухонской экспедиции. Минино, 2001 г.

*Слева направо: 1 ряд – И. В. Папин, Е. В. Сухарев, Андрей Макаров, С. В. Меснянкина, А. С. Васильева;
2 ряд – И. Е. Зайцева, А. Н. Геля, А. С. Булатова, О. Н. Адаменко, И. И. Минаев, Н. В. Переслегин;
3 ряд – И. Е. Шамонтьев, Н. Е. Несговорова, А. А. Тришенкова, Н. А. Ломова, А. И. Беляева, В. А. Райкова,
М. А. Ананьина, Е. Е. Лесная, Н. А. Макаров, Н. Ю. Пронченко, Е. А. Шамонтьев;
4 ряд – В. А. Яничев, С. А. Кузнецов, С. В. Перерва, А. В. Суворов, В. Н. Шапкин, С. Д. Захаров*

ней Руси сопровождалась устройством крупных поселений, жители которых занимались сельским хозяйством, лесными промыслами и торговлей. Работы в Минино и широкое сравнительное изучение сельских поселений Руси стали основой трех томов обобщающего труда «Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере» (М., 2007–2009), подготовленного Н.А.Макаровым вместе с большим авторским коллективом.

В Суздальском Ополе

Уже с 2001 г., одновременно с завершившимся «северным проектом», Н.А.Макаров расширил сферу исследования, включив в нее Северо-Восточную Русь. Так в центре внимания ученого оказалась ключевая проблема русской истории – формирование государствообразующего ядра России. Он поставил перед собой задачу археологическими методами

прояснить глубинные исторические процессы, внутренние предпосылки для изменения баланса сил, обусловившие возвышение (в значительной степени неожиданное – как известно, до середины XII в. эти земли не вызвали особого интереса летописцев) Ростово-Суздальской Руси при Юрии Долгоруком и Андрее Боголюбском, с последующим превращением ее в мощное политическое образование с особым статусом и самосознанием.

Казалось, что Н.А.Макаров взялся за неразрешимую задачу. Дело в том, что Суздальское Ополе, регион Волго-Клязьминского междуречья, с его особым ландшафтом со свободными пространствами в зоне смешанных лесов, привлекло археологов давно. Но в самом начале изучения ему был нанесен, как считалось, непоправимый вред: в 1851–1854 гг. граф А.С.Уваров раскопал во Владимирской и Ярославской губерниях без малого 8 000 курганных насыпей, существенно повредив комплекс археологических источников региона.

Однако Н.А. Макаров, обратившись к изучению исторического центра Северо-Восточной Руси после длительного (полтора века!) перерыва, опирался на несравнимо более развитый методический и аналитический инструментарий, а также на богатый опыт исследования памятников иного рода – средневековых сельских поселений. Первоначально планировалось подробное обследование компактной территории к северу от Суздаля, возможно более полное выявление ее средневековых памятников и создание детальной археологической карты поселений. Но в ходе полевых работ экспедиция вышла за пределы намеченных границ, охватив обследованием и округу Владимира-на-Клязьме, крупнейшего политического центра Северо-Восточной Руси.

Можно сказать, что специально созданная новая Суздальская экспедиция ИА РАН под руководством Н.А. Макарова (работает до настоящего времени) превратила Суздальское Ополье в одну из самых подробно изученных в археологическом отношении территорий центра Русской равнины. За 15 лет

Н.А. Макаров на раскопках в Шекшово. 2013 г.

здесь выявлено и обследовано более 300 средневековых памятников, главным образом, неукрепленных; раскопки проведены более чем на 10 поселениях, а на 17 селищах – геомагнитная съемка общей площадью более 70 га. В раскопах и на распаханных селищах собрано более 10 000 средневековых предметов. Осмысленное применение и упорное совершенствование новейших приемов полевого обследования позволили возглавляемому Н.А. Макаровым коллективу перейти от выявления самых общих закономерностей динамики средневекового расселения к анализу конкретных аспектов хозяйства, социальной организации и культуры исторического центра Северо-Восточной Руси.

Среди важнейших итогов работ в Суздальском Ополье – выделение, картографирование и характеристика «больших поселений» X–XI вв. как особой категории археологических памятников, отличающихся крупными для лесной полосы Восточной Европы размерами, в среднем 6–10 га. Геофизическая съемка позволила понять их внутреннюю пространственную организацию, локализовать участки с высокой плотностью построек. Собранный материал показал, что поселения отличает высокая концентрация и разнообразие находок (в том числе «престижных ценностей» и вещей, связанных с дальней торговлей), присутствие остатков ремесленных производств. Изучение «больших поселений» привело Н.А. Макарова к мысли о том, что формирование сети таких селищ – один из магистральных путей организации расселения и хозяйства на Северо-Востоке Руси в X–XI вв.

Не менее интересным результатом стало выделение среди суздальских селищ поселений XII–XIII вв. с находками предметов, связанных с обиходом знати. Это вислые свинцовые печати, скреплявшие официальные документы; книжные заставки; стили для письма; фрагменты украшений из драгоценных металлов; оружие и детали парадного конского снаряжения; статусные предметы личного благочестия (кресты-энколпионы) и амулеты-змеевики). Следы социальной элиты искали ранее исключительно внутри городских валов, но, выявив выразительные серии высокопрестижных предметов на 25 селищах, Н.А. Макаров смог вполне обоснованно прийти к заключению о присутствии на этих поселениях дворов знати.

Не отказалась Суздальская экспедиция, невзирая на сложность задачи, и от поиска остатков курганных могильников, связанных со средневековыми поселениями. Немногие уцелевшие после массовых раскопок середины XIX в. курганы сейчас полностью распаханы, и там, где средневековая курганная археология делала первые шаги, можно идентифицировать следы лишь нескольких могильников. Среди них – один из крупнейших в центре Суздальской земли могильник в окрестно-

стях с. Шекшово (17 км от Суздаля). Здесь в 1852 г. А.С.Уваров раскопал около 250 насыпей с погребениями по обряду кремации и ингумации. Следы курганов полностью исчезли. Однако их удается обнаружить, используя полевую документацию XIX в. и современные эффективные методы изучения пространственной организации (электротомографическая съемка выявляет кольцевые структуры окружавших курганы ровиков). Н.А.Макаров смог локализовать зону могильника и остатки погребальных сооружений, и за четыре полевых сезона (с 2011 г.) его экспедиция вскрыла не менее девяти санивелированных курганов.

В двух курганах обнаружены погребения по обряду ингумации, которые датируются концом X – первой половиной XI в.; на площадках двух других курганов, X в., открыты остатки кремаций, совершенных на стороне. Выявлены такие разновидности погребального обряда, о существовании которых в центре Ростово-Суздальской земли X–XI вв. не было известно (бескурганные ингумации и кремации с размещением остатков трупосожжений в неглубоких ямках или на поверхности земли). В захоронениях и на площадке могильника найдены арабские, западноевропейские и византийские серебряные монеты; накладки и наконечники парадных мужских поясов; весовые гири; предметы вооружения; женские украшения поволжско-финских, славянских и балтийских типов. Выдающееся значение для изучения ранней истории Руси имеет находка парадного боевого топора с серебряной инкрустацией с изображением креста и трезубца, близкого родовому знаку князей Владимира Святославича и Ярослава Владимировича. Благодаря раскопкам последних лет Шекшово предстало как крупный могильник второй половины X – второй половины XII в., принадлежавший одному из «больших поселений», образывавших в X–XI вв. основное ядро Северо-Восточной Руси.

Вместе с поселениями и курганными могильниками древнерусского времени Суздальская экспедиция исследует объекты иных эпох. В числе особых достижений – открытие (2007–2009) финского могильника первой половины I тыс. н.э. у д. Большое Давыдовское. Здесь изучены останки 22 погребенных, сопровождавшие их металлические украшения и бытовые вещи, орудия труда и предметы вооружения III–V вв. Известно, что финны – исторические предшественники славян в Волго-Окском междуречье. Но поиск их древностей сложная задача. Финских могильников с погребениями этого времени насчитывается всего около 40, причем Большое Давыдовское на карте их распространения занимает крайнюю северо-западную точку. Это дает редкую возможность исследовать древности эпохи перехода от железного века к раннему Средневековью, мало изученной в Волго-

*Н.А.Макаров и С.Д.Захаров (1965–2015)
в инспекционной поездке на охранных раскопках
в Вологодской области. 2006 г.*

Клязьминском междуречье; реконструировать облик ранее неизвестной культуры локальной группы поволжских финнов.

Несомненно, за годы работ на Кубенском и Белом озерах, а затем во Владимиро-Суздальском Ополье, Н.А.Макаров выработал особый метод изучения средневековых сельских поселений. В ближайшие десятилетия археологическое изучение древнерусской деревни будет базироваться на методических приемах, разработанных в его экспедициях. Ученики Н.А.Макарова, усваивающие все тонкости созданных им подходов и методик полевого исследования в непосредственном рабочем контакте с руководителем, в процессе практического изучения памятников, уже образовали значительный отряд молодых ученых. В ближайшем будущем они, несомненно, образуют ядро новой научной школы.

Капитан науки

Труды Н.А.Макарова своевременно получили официальное признание в научном сообществе. В 1997 г. он избран членом-корреспондентом, а в 2011 г. – академиком РАН. Это неслучайно: экспедиционный и кабинетный труд ученого Николай Андреевич всегда умело совмещал с административной работой. В 1995–1999 гг. он возглавлял отдел истории Российского гуманитарного научного фонда, в 1999–2002 гг. работал заместителем академика-секретаря Отделения истории РАН по научно-организационным вопросам, с 2012 г. является руководителем секции истории в Отделении историко-филологических наук РАН. Избранный в 2003 г. коллективом сотрудников Института археологии РАН директором, юбиляр до настоящего времени работает в этой должности.

Н.А.Макаров прилагает значительные усилия к организации науки и к развитию проблемных дис-

Н.А.Макаров выступает на презентации трехтомника «Археология севернорусской деревни X–XIII веков». Вологда, 2010 г.

куссий по средневековой археологии в России. Им сформулирован ряд тем, выдвинутых для обсуждения на широких научных форумах, материалы которых получили широкий резонанс (сборники «Русь в XIII веке: древности темного времени» (М., 2003), «Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга» (М., 2005), «Сельская Русь в IX–XVI веках: от новых методов изучения к новому пониманию» (М., 2008), «Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования» (М., 2010) и, особенно, «Русь в X–XII веках: общество, государство, культура» (М., 2014)).

Исключительно удачным стал опыт авторского составления и редактирования обширного исторического очерка первых веков истории Древней Руси, основанного на анализе археологических открытий последних лет ведущими учеными России и Украины, собранными в единый коллектив (Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А.Макаров. М.: ИА РАН; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.).

Формируются и серии неперIODических изданий, объединенных общностью территории и хронологии. Работы в Суздальской земле убедили Н.А.Макарова в необходимости периодической конференции для координации исследований в регионе (первая из них, «Археология Владимиро-Суздальской земли», состоялась во Владимире в 2006 г.). Конференция проводится под его руководством регулярно (к настоящему времени вышло 5 выпусков материалов этого научного форума), помогая оперативно вводить в научный оборот результаты новейших исследований в древней Ростово-Суздальской земле и заметно консолидировать археологические работы в регионе.

Много лет Н.А.Макаров является членом Редакционного совета журнала «Российская археология». Он во многом определяет редакционную политику, оживляет дискуссии редколлегии трезвыми и точными характеристиками обсуждаемых материалов, выступает с основополагающими статьями.

Под руководством Н.А.Макарова продолжено авторитетное периодическое издание «Краткие сообщения Института археологии РАН». Благодаря его усилиям как главного редактора, они увеличились в объеме и стали ежеквартальными (за годы его руководства вышло в свет 19 выпусков: КСИА. Вып. 219–237. М., 2005–2015).

Как руководитель Института археологии РАН Н.А.Макаров прилагает постоянные усилия для укрепления позиций института в системе археологических учреждений России и для закрепления за РАН функций научной регламентации полевых археологических исследований; для развития экспертной деятельности; для совершенствования нормативной базы, регулирующей охрану археологического наследия России.

В числе особых заслуг юбиляра следует назвать постоянную готовность к прямым действиям, не-

обходимым для охраны наследия и организации связанных с этим раскопок. Так, в настоящее время Н.А.Макаров прилагает значительные усилия для защиты от застройки и разрушения древнерусского Клещина (предшественник Переслава-Залесского), для повышения уровня его охраны и придания этому уникальному археологическому комплексу статуса музейной территории. Усилия возглавляемой им Суздальской экспедиции помогают постепенно отстроить и охранную работу на Северо-Востоке. В круг его забот попадают отнюдь не только селища или могильники конца I – первых столетий II тыс. н.э. Не меньший интерес вызывают древние города и буквально все разделы культуры средневекового мира Руси. Н.А.Макаров находит время для того, чтобы организовать фиксацию граффити в храмах и надгробий на сельских кладбищах XVI–XVII веков, изучение архитектурных памятников XII–XIII веков и процесс идентификации исторических личностей (таких, например, как князь Дмитрий Пожарский). Отрядам его экспедиции постоянно находится работа на ключевых средневековых памятниках в Суздале и Кидекше, Владимире и Боголюбове, Переславе-Залесском и Юрьеве-Польском, что выводит на новый уровень знания о развитии этих городов и их архитектуре.

Трудно назвать иначе, чем исключительной, роль Н.А.Макарова в налаживании эффективной системы охраны археологических памятников и в противодействии нелегальным, грабительским раскопкам, а также всем формам «коммерциализации», приносящим вред археологии как фундаментальной науке.

Всегда крайне строгий, стремящийся к проверке и перепроверке достоверности научных фактов, Н.А.Макаров предъявляет самые высокие требования к фундаментальности исторических исследований и обоснованности выводов, эффективно противодействуя – в том числе, как член президиума Российского исторического общества – фальсификациям истории и распространению паранаучных конструкций.

Усиленное внимание уделяет Н.А.Макаров международным связям Института и своей работе в международных научных организациях. Он координатор ряда интернациональных проектов по изучению средневекового расселения и культурного ландшафта, участник многих конференций в Западной Европе и США (в том числе – экспедиций с международным участием, помогающим внедрить

в России самые современные полевые методики). Он читал лекции по средневековой археологии России в ряде западных университетов. Н.А.Макаров – член международного научного совета «Ruralia», который координирует исследования средневековых сельских поселений в Европе, а также член-корреспондент Немецкого археологического (с 2005 г.) и Американского археологического (с 2009 г.) институтов. Длительное время юбиляр представлял российскую гуманитарную науку в международном фонде INTAS. В последние годы он является членом совета фонда «Европейский совет исследований», созданного Евросоюзом для поддержки научных проектов.

Склонный к практическому действию и отнюдь не замкнувшийся в сфере своих собственных научных интересов (у специалиста она, по понятным причинам, всегда ограничена), Н.А.Макаров использует всякую возможность для того, чтобы продвинуть изучение древностей за пределы России – особенно в тех направлениях, на которых могут быть достигнуты результаты, важные для отечественной науки и культуры. Он всегда готов поддержать инициативный проект, выходящий за пределы сложившейся «номенклатуры исследовательских направлений» как хронологически (работы в Восточной Пруссии XVIII–XX вв.), так и культурно-географически (исследования Иерихона византийской эпохи, где его поддержка и руководство во многом решило дело организации легких работ в Палестине).

Нужно сказать несколько слов и о личных качествах Н.А.Макарова как нашего коллеги и руководителя. Тем более что эти качества проявлены чрезвычайно ярко. Николай Андреевич ценит готовность к прямому и честному действию; способность брать на себя ответственность за организацию исследований и за их научный результат; умение справляться собственными силами, работать своими руками, видеть своими глазами – вообще все те качества, что мы привыкли называть мужскими. Недаром одна из самых важных для него формул при оценке соратника: «мужик».

Свой юбилей Н.А.Макаров встречает в расцвете жизненных и творческих сил. Поздравляя Николая Андреевича с 60-летием, желаем ему здоровья, благополучия, ярких полевых открытий, увлекательных кабинетных исследований, новых книг и новых учеников. А возглавляемому им Институту археологии РАН – стабильности, успехов и процветания.

Л.А.Беляев, П.Г.Гайдуков

Список основных печатных трудов Н. А. Макарова¹

- 1980**
Топография погребений в древнерусских храмах XI–XIII вв. // Тез. докл. советской делегации на IV Международном конгрессе славянской археологии (София, сентябрь 1980 г.). М.: Наука, 1980. С. 71–73.
- 1981**
Каменные подушки в погребениях древнерусских городских некрополей // СА. 1981. № 2. С. 111–116: ил.
Магические обряды при сокрытии кладов на Руси // СА. 1981. № 4. С. 261–264.
- 1982**
Камско-вычегодская керамика на Шексне // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы / отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск: УдНИИ, 1982. С. 125–131.
Средневековый могильник Попово на Каргополье // КСИА. 1982. Вып. 171. С. 80–86: ил.
- 1983**
Раскопки средневекового могильника Погостище в Вологодской области // СА. 1983. № 3. С. 215–219.
Чашевидные сосуды средневековых памятников Волжско-Шекснинского района // КСИА. 1983. Вып. 175. С. 18–25.
- 1984**
Население Восточного Прионежья в X–XIII вв.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук / ИА АН СССР. М., 1984. 23 с.
Древности Севера – первое знакомство // Памятники Отечества. М., 1984. № 1 (9). С. 122–126: ил.
Камень Антония Римлянина // Новгородский исторический сборник. Л.: Наука, 1984. Вып. 2 (12). С. 203–210.
Несколько страниц северной одиссеи // Наука и жизнь. 1984. № 4. С. 33–35.
- 1985**
О некоторых комплексах середины – третьей четверти I тыс. н.э. в Восточном Прионежье и в бассейне р. Сухоны // КСИА. 1985. Вып. 183. С. 23–31.
- Орнаментика белозерской лепной керамики X–XI вв. // СА. 1985. № 2. С. 79–100: ил.
Формирование населения Белозерской округи в X–XIII вв. // Тез. докл. советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). М.: Наука, 1985. С. 108–109.
- 1986**
Археологические данные о характере колонизации Русского Севера в X–XIII вв. // СА. 1986. № 3. С. 60–71: ил.
Новые находки скандинавских вещей в Белозерской округе // X Всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, 1986. С. 180–182.
Обитаемый и необитаемый Север // Знание – сила. 1986. № 5. С. 18–20: ил.
- 1987**
Волок Славенский и начальные этапы освоения водного пути из Белозерья в Подвинье по археологическим данным // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тез. докл. Всесоюзной конференции (Суздаль, 1987 г.) / отв. ред. В. П. Шилов. М.: Наука, 1987. С. 156–157.
Кемский некрополь и государственный контроль над водно-волоковыми путями Севера в XI в. // Культура и история средневековой Руси: тез. конф., посвящ. 85-летию А. В. Арциховского. М., 1987. С. 25–27.
Меч из Кемского некрополя // СА. 1987. № 4. С. 266–270: ил.
- 1988**
Декоративные топорики из Белозерья // Памятники культуры: Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология: ежегодник. 1987 г. М.: Наука, 1988. С. 455–460: ил.
К изучению культовых камней // СА. 1988. № 3. С. 79–90: ил. Соавт.: Чернецов А. В.
К интерпретации находок предметов христианского культа в древнерусских могильниках // Новгород и Новгородская земля: история и археология:

¹ Полный список трудов Н. А. Макарова готовится к изданию в серии «Материалы к библиографии ученых» (примеч. ред.).

тезисы науч.-практ. конференции. Новгород, 1988. Вып. 1. С. 101–103.

Средневековые памятники Белозерской округи: Археологическая карта и комментарий // Проблемы изучения древнерусской культуры: Расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси / отв. ред. М. В. Седова. М.: ИА АН СССР, 1988. С. 57–93: ил.

Средневековые поселения Устюжской округи // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока. Вып. 11 / отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1988. С. 122–131: ил.

Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси / отв. ред. Б. А. Тимошук. М.: Наука, 1988. С. 230–241: ил. Соавт.: Чернецов А. В.

1989

Кемский некрополь в Северном Белозерье // КСИА. 1989. Вып. 198. С. 75–83: ил. Соавт.: Беляков А. С.

О некоторых пермско-финских элементах в культуре Северной Руси // Новые исследования по этногенезу удмуртов: сб. науч. трудов / отв. ред.: М. Г. Иванова, Н. И. Шутова. Ижевск: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы, 1989. С. 51–64: ил.

Новгородская и ростово-суздальская колонизация в бассейнах озер Белое и Лача по археологическим данным // СА. 1989. № 4. С. 86–102: ил.

Предметы восточноевропейского происхождения XI–XIII вв. на Севере Фенноскандии // XI Всесоюзная конференция по изучению истории, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тез. докл. М.: Институт истории АН СССР, 1989. Вып. 1. С. 170–171.

Север – памятник русской культуры // Знание – сила. 1989. № 1. С. 1–9: ил. Соавт.: Янин В. Л., Лихачёв Д. С., Чистов К. В., Бельская Г. П.

On the Christianization of the Rural areas of Russia in the 11th–13th centuries: Burials with Crosses and in Beloserie Cemeteries // Suomen Museo 1989. Helsinki, 1989. P. 49–59: fig.

1990

Население Русского Севера в XI–XIII вв.: по материалам могильников восточного Прионежья. М.: Наука, 1990. 216 с.: ил., карты.

Археология – обретения или утраты? // Знание – сила. 1990. № 5. С. 10–15: ил. Соавт.: Кренке Н. А., Чернов С. З.

Славяно-русская археология на страницах Русской энциклопедии // Народное образование. 1990. № 1. С. 168–173. Соавт.: Седов В. В., Чернецов А. В.

The Earliest Burials in Volok Slavensky and the Initial Stages of the Water Route from the Beloe Lake to the Dvina Basin // ISKOS. Helsinki, 1990. Vol. 9. P. 161–169.

1991

К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XIII вв. // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 11–21: ил.

Eastern Ornaments of the 11th–13th Centuries in the Sami areas: Origins and Routes // Acta Borealia. 1991. Vol. 2. P. 57–80: fig.

1992

Древнерусские амулеты-топорики // РА. 1992. № 2. С. 41–56: ил.

На волоках Русского Севера // Природа. 1992. № 4. С. 42–49: ил.

Пути колонизации Поморья: археологические памятники на Волоке Славенском и Волоке Мошинском // Духовная культура: история и тенденции развития: тез. докл. конф. (1–5 июня 1992 г.). Сыктывкар: СГУ, 1992. С. 23–26.

Средневековое поселение в Устюжском крае // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья: [материалы совещания, посвящ. памяти А. П. Смирнова, декабрь 1989 г.] / отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 1992. С. 121–126. Соавт.: Чеснокова Н. Н.

1993

Русский Север: таинственное средневековье. М.: ИА РАН, 1993. 192 с.: ил., карты.

Древности затопленного Белоозера // Природа. 1993. № 4. С. 62–68: ил. Соавт.: Захаров С. Д.

Колонисты на окраинах: сельское расселение на Волоке Славенском в X–XIII вв. // Славянская археология, 1990: Этногенез, расселение и духовная культура славян. Материалы по археологии России. Вып. 1. М.: Наука; Восточная литература, 1993. С. 160–176: карты.

Могильник Нефедьево на Волоке Славенском – памятник колонизации Севера // ПКНО, 1992. М., 1993. С. 445–457: ил.

Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // ННЗ: материалы науч. конф. Новгород, 1993. Вып. 7. С. 179–188: ил. Соавт.: Гайдуков П. Г.

Поселение Крыловское под Великим Устюгом // КСИА. 1993. Вып. 208. С. 68–76: ил. Соавт.: Чеснокова Н. Н.

Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследовании средневекового населения Восточной Европы / отв. ред. Т. И. Алексеева. М.: РАН, 1993. С. 3–78: ил. Соавт.: Алексеева Т. И., Балуева Т. С., Сегеда С. П., Федосова В. Н., Козловская М. В.

К истории формирования культурного ландшафта на Русском Севере // Там же. С. 145–166: ил. Соавт.: Спиридонова Е. А.

Русский Север и Лапландия: Торговые связи XI–XIII вв. // РА. 1993. № 2. С. 57–75: ил.

Ухтомский волок // Памятники отечества. 1993. Вып. 30. С. 41–43: ил.

Trade Relations between Russia and Northern Fenoscandia in the Early Medieval times // Oulun Yliopisto. Historian laitos. Erikoispainossarja. Oulu, 1993. Vol. 307. P.333–342: fig.

1994

Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья: автореф. дис. ... докт. историч. наук / ИА РАН. М., 1994. 52 с.

Колонизация Русского Севера в X–XIII вв.: некоторые итоги археологических исследований // Новгородские археологические чтения: материалы науч. конф., посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А.В.Арциховского (Новгород, 28 сент. – 2 окт. 1992 г.) / под ред. В.Л.Янина, П.Г.Гайдукова. Новгород, 1994. С.156–166: карты.

Лонгот-Еганский клад XII–XIII вв. (Полярный Урал) // Духовная культура – проблемы и тенденции развития: Всерос. науч. конф.: тез. докл. Сыктывкар: СГУ, 1994. Вып. 3. С. 24–28. Соавт.: Чеснокова Н.Н.

Первые христиане или последние язычники? // Кириллов: историко-краеведческий альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 67–80: ил.

Работы Онежско-Сухонской экспедиции // Археологические открытия 1993 г. М., 1995. С.25–26. Соавт.: Захаров С.Д.

Portages of the Russian North: Historical Geography and archaeology // *Fennoscandia Archaeologica*. 1994. XI. P.13–27: fig.

The Colonization of Voloč Slavensky in the Eleventh–Thirteenth Centuries – the Medieval Economy of the New Settled Areas // *Fenno-Ugri et Slavi 1992: Prehistoric economy and means of livelihood: papers presented by the participants in the Finnish-Russian Archaeological Symposium, 11–15 May 1992 in the National Museum of Finland*. Helsinki, 1994. P.34–42: fig.

1995

Пути древнерусской колонизации Севера. Некоторые итоги историко-археологических исследований средневековых волоков // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историкографии: материалы к Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне / ред. М.А.Безнин. Вологда: Русь, 1995. С.84–86.

Скандинавская фибула из Салехарда // РА. 1995. №3. С. 207–212: ил. Соавт.: Кренке Н.А.

Три каменных образка из Белоозера // РА. 1995. №1. С. 209–216: ил. Соавт.: Захаров С.Д.

Medieval Archaeology and Russian Society of the 1990-s: in Search of Mutual Understanding // *European Association of Archaeologists: First Annual Meeting, Santiago. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela*, 1995. P.57–58.

1996

Волоки Европейского Севера России. Археологические памятники на путях средневековой колонизации // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996. С.260–270.

Древнерусская археология: 10 лет между киевским и новгородским конгрессом // РА. 1996. №2. С.18–29.

Колонизация Севера в X–XIII вв. и некоторые общие проблемы взаимоотношения центра и окраин в истории средневековой Руси // *Древности Русского Севера*. Вологда, 1996. Вып. 1. С.170–175.

1997

Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв.: по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 368 с.: ил., карты.

Новые сфрагистические материалы из Белоозера // Истоки русской культуры: археология и лингвистика: сб. ст. / ред. А.В.Чернецов. М.: Русский мир, 1997. С.228–241: ил. Соавт.: Захаров С.Д.

Итоги охранных и исследовательских работ по программе «Археологические памятники Белозерья и природная среда» // Научное обеспечение охраны окружающей среды и рационального использования природных ресурсов: материалы науч.-практич. конф. Вологда: Вологодский политехнический ун-т, 1997. С.69–74. Соавт.: Захаров С.Д., Суворов А.В.

Конференция Uttmark-96 и исследование «внешних ресурсных зон» средневековых поселений в Северной Европе // РА. 1997. №3. С.201–205.

Округа средневекового Белоозера и некоторые общие проблемы происхождения и функций городов на севере Руси // Труды VI Международного конгресса славянской археологии (Новгород, 26–31 августа 1996 г.) / отв. ред. В.В.Седов. М., 1997. Т.3: Этногенез и этнокультурные контакты славян. С.185–198: ил.

The Northern Periphery of Russia: archaeological and anthropological evidence of medieval colonization // *Method and Theory in Historical Archaeology: Papers of the «Medieval Europe Brugge 1997» Conference 10. Zellik: I.A.P.*, 1997. P.183–190. Co-aut.: Buzhilova A.

1998

Палеоботанические материалы из Белоозера: к истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси // РА. 1998. №1. С.175–186: ил. Соавт.: Захаров С.Д., Кирьянова Н.А.

Почему мы исследуем средневековье // *Вестник РГНФ*. 1998. №1. С.24–32.

Приходская церковь Русского Севера на фоне археологической карты // Культура славян и Русь: сб. ст. к 90-летию академика Б.А.Рыбакова / сост. Т.Б.Князевская; ред. Ю.С.Кукушкин. М.: Наука, 1998. С.393–411: ил.

Сельские приходы XV–XVII вв. и системы расселения домонгольского времени на Белом озере: проблема преемственности // Кириллов: краеведческий альманах. Вологда, 1998. Вып. 3. С. 17–35: ил.

Medieval Russian Countryside and Rural Development in the Light of Recent Archaeological Investigations // European Association of Archaeologists: 4th Annual Meeting (Göteborg, Sweden, September 23–27 1998): Abstract Book. Göteborg: Department of Archaeology, Göteborg University, 1998. P. 138.

The Northern Periphery of Russia in 1000–1300 A.D.: Colonization, Settlement Patterns, Economical Changes // *Outland Use in Preindustrial Europe* / ed. Hans Andersson, Lars Ersgard, Eva Svensson. Lund, 1998. P. 40–50: fig. (Lund studies in Medieval Archaeology; 20).

1999

Валентин Васильевич Седов // Валентин Васильевич Седов: биобиблиографический указатель. М.: Эдиториал УРСС. 1999. С. 3–16.

К семидесятилетию Валентина Лаврентьевича Янина // Вестник РГНФ. 1999. № 1. С. 372–379: портр. Соавт.: Гайдуков П. Г.

«На Белозере сеять Вель» (археологический комментарий к летописной записи) // Великий Новгород в истории средневековой Европы: к 70-летию В. Л. Янина / ред. А. А. Гиппиус, Е. Н. Носов, А. С. Хорошев. М.: Русские словари, 1999. С. 232–244: 3 карты.

Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере: Могильник Минино II на Кубенском озере // РА. 1999. № 4. С. 163–179: ил. Соавт.: Зайцева И. Е.

Сельское расселение на севере Древней Руси: большие и малые селища и локальные группы поселений в средневековом культурном ландшафте Белоозера // Русская народная культура и ее этнические истоки: Пошехонские чтения, 1999: 1-й семинар / отв. ред. Ю. И. Смирнов. М.: Современный писатель, 1999. С. 9–13.

Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья // Феррапонтовский сборник. М.; Феррапонтово: Индрик, 1999. Вып. 5. С. 11–32. Соавт.: Охотина-Линд Н. А.

Финны и славяне на Белом озере: проблемы преемственности систем расселения и культурного ландшафта // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: материалы Международного полевого симпозиума, посвящ. 100-летию со дня рождения А. П. Смирнова и 25-летию исследований городища Иднакар / отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск; Глазов: Удмуртский ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 1999. С. 52–64: ил.

Far Northern Parts of Ancient Russia on their Way to Christianity // *Rom und Byzanz im Norden: Mission und Glaubenswechsel im Ostseeraum während des 8.–14. Jahrhunderts*. Mainz–Stuttgart, 1999. Bd. 2. P. 259–274: il.

Medieval settlement and rural development in Beloozero region, Northern Russia // European Association of Archaeologists: 5th Annual Meeting: Abstracts. Bournemouth, 1999. P. 152.

2000

Археологическое изучение севернорусской деревни: первые итоги раскопок поселения Минино на Кубенском озере // Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: докл. Международного науч. симпозиума по вопросам археологии и истории (11–14 мая 1999 г., Пушкинские Горы) / ред. А. Н. Кирпичников и др. СПб.: Вести, 2000. С. 145–161: ил. Соавт.: Захаров С. Д.

Время бугровщиков // Родина. 2000. № 8. С. 14–17: ил.

Историки России в РГНФ в 1995–1999 гг. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 133–150. Соавт.: Петров А. Е.

Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья // *Florilegium: к 60-летию Б. Н. Флори* / сост. А. А. Турилов. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 187–209. Соавт.: Охотина-Линд Н. А.

Medieval rural settlement in Northern Russia: nucleated villages and hamlets in the Beloozero-Kubenskoe region between 900 and 1250 A.D. // *Ruralia III: Conference Ruralia III* (Maynooth, 3–9 September 1999). Prague: Institute of Archaeology, 2000. P. 202–216: fig. (Památky archejlogické. Supplementum; 14).

2001

Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.: ил., карты. Соавт.: Захаров С. Д., Бужилова А. П.

Археологическое изучение древнерусской деревни на исходе XX века // Историческая наука на пороге XXI века / отв. ред. А. П. Деревянко. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2001. С. 68–83: ил.

Два средневековых каменных образка из Вологды // Восток – Россия – Запад: исторические и культурологические исследования: к 70-летию академика В. С. Мясникова / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: ПИМ, 2001. С. 55–61: ил.

К Дышащему морю. Северные окраины славянского мира // Родина. 2001. № 1–2. С. 37–41: ил.

Новые находки каменных образков и матрицы прикладной печати из Вологды и Белоозера // РА. 2001. № 3. С. 111–117: ил. Соавт.: Суворов А. В.

Шесть лет раскопок Мининского археологического комплекса // Кубенское озеро: взгляд сквозь тысячелетия. (Шесть лет исследования Мининского археологического комплекса). Вологда: Древности Севера, 2001. С. 3–6: ил.

Три века средневековой деревни // Там же. С. 37–40: ил.

2002

На могильном ложе // Родина. 2002. № 11–12. С. 118–122. Соавт.: Леонтьев А. Е., Шполянский С. В.

Northern Rus': Exploring Identity in Medieval Past // Medieval Europe (Basel, 2002). Hertingen, 2002. Vol. 2: Centre. Region. Periphery. P. 287–298.

2003

«Заволоцкие топонимы» новгородских берестяных грамот и деревянных цилиндров на археологической карте // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения: материалы Международной конференции (Великий Новгород, 24–27 сентября 2001 г.) / под общ. ред. акад. В. Л. Янина. М.: Индрик, 2003. С. 149–164: ил.

Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII в. // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М.: Наука, 2003. С. 131–151: ил. Соавт.: Захаров С. Д.

Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Там же. С. 5–11.

Результаты археологического изучения суздальских селищ // Вестник РГНФ. 2003. № 4 (33). С. 154–165.

Русь. Век тринадцатый. Характер культурных изменений // Родина. 2003. № 11. С. 19–24: ил.

Средневековые могильники на севере Древней Руси: новые исследования на Кубенском озере // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 2(14). С. 106–121. Соавт.: Зайцева И. Е.

Different Peripheries. Two Examples from Russia and Sweden // Lund Archaeological Review. Vol. 7: 2001. 2003. P. 123–137. Co-aut.: Eva Svensson, Marie Emanuelsson, Annie Johansson, Stefan Nilsson, Susanne Petterson, Sergej Zakharov.

2004

Валентин Васильевич Седов // Восточная Европа в Средневековье: к 80-летию Валентина Васильевича Седова. М.: Наука, 2004. С. 3–13. Соавт.: Артемьев А. Р.

К изучению средневековых могильников с кремациями на Русском Севере // Там же. С. 207–217: ил., 1 вкл.: рис. 1. Соавт.: Меснянкина С. В.

Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия России // Сохранение археологического наследия России: «Круглый стол» Совета Федерации РФ, 19 марта 2004 г. М.: Издание Совета Федерации, 2004. С. 13–24: карта.

К 75-летию В. Л. Янина // РА. 2004. № 1. С. 15–18: портр. Соавт.: Носов Е. Н.

Краткий очерк научной деятельности // Валентин Васильевич Седов / сост. В. Е. Родинкова. М.: Наука, 2004. С. 11–30. (Материалы к библиографии ученых: историч. науки; вып. 28).

Краткий очерк научной, педагогической, научно-организационной и общественной деятельности // Валентин Лаврентьевич Янин / сост. П. Г. Гай-

дуков. М.: Наука, 2004. С. 11–38. (Материалы к библиографии ученых: историч. науки; вып. 25). Соавт.: П. Г. Гайдуков.

Кресты-тельники из раскопок средневековых селищ и проблема христианизации севернорусской деревни // Исторические записки. Т. 7 (125) / ред. Б. В. Ананьич. М.: Наука, 2004. С. 251–274: ил.

Средневековое расселение в Суздальском Ополье // РА. 2004. № 1. С. 19–34: ил. Соавт.: Леонтьев А. Е., Шполянский С. В.

Rural settlement and landscape transformations in Northern Russia, A.D. 900–1300 // Land, Sea and Home: Proceedings of a Conference on Viking-period Settlement, at Cardiff, July 2001 / edited by John Hines, Alan Lane, Mark Redknap. Maney, 2004. P. 55–73: fig.

2005

Севернорусская деревня по материалам раскопок средневековых селищ на Кубенском озере // КСИА. 2005. Вып. 219. С. 136–148: ил., карты. Соавт.: Захаров С. Д.

Север и Юг Древней Руси в X – первой половине XIII в.: факторы консолидации и обособления // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 5–10.

Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н.э.: новые материалы // Там же. С. 196–215: ил. Соавт.: Леонтьев А. Е., Шполянский С. В.

2006

Основные проблемы изучения и сохранения археологических памятников в современной России // Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск) / отв. ред.: А. П. Деревянко, В. И. Молодин. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. Т. I. С. 43–48.

Суздальское Ополье: прогулка в Средневековье // Вестник истории, литературы, искусства: альманах. Т. III / гл. ред. Г. М. Бонгард-Левин. М.: Собрание, 2006. С. 94–105: ил. Соавт.: Шполянский С. В.

Топоровидная подвеска из центральной России // Arkeologian lumoa synkkyteen. Lighting the darkness – The attraction of archaeology: Papers in honour of Christian Carpelan. Helsinki, 2006. P. 85–89: fig.

Cultural Identity of the Russian North Settlers in the 10th–13th Centuries. Archaeological Evidence and Written Sources // The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology / ed. Juhani Nuorluoto. Helsinki, 2006. P. 259–281: fig. (Slavica Helsingiensia; vol. 27).

Traders in the Forest: the Northern Periphery of Rus' in the Medieval Trade Network // Pre-Modern Russia and its World: Essays in Honor of Thomas S. Noonan / ed. Theofanis G. Stavrou, James D. Tracy. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2006. P. 115–134: fig. (Schriften zur Geistesgeschichte des östlichen Europa; Bd. 29).

2007

Предисловие // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. Т. 1: Поселения и могильники. М.: Наука, 2007. С. 5–6.

Археологическое изучение древнерусской деревни X–XIII вв. // Там же. С. 7–20: карты.

Природная среда и первобытные древности // Там же. С. 21–30: ил., карты. Соавт.: Спиридонова Е. А., Суворов А. В.

Кубенские волости по письменным источникам XV–XVII вв. // Там же. С. 30–43: ил., карты.

Средневековые памятники и система расселения X–XIII вв. // Там же. С. 43–62: ил., карты.

Мининский археологический комплекс: общая характеристика // Там же. С. 63–76: ил., карты.

Мининский археологический комплекс: погребальные памятники // Там же. С. 130–182: ил. Соавт.: Зайцева И. Е.

Средневековые поселения и могильники в бассейне Кубенского озера. Каталог археологических памятников // Там же. [Приложение 1.] С. 185–196: ил., карты.

Могильник Минино II. Описание погребальных комплексов // Там же. [Приложение 3.] С. 233–338: ил. Соавт.: Зайцева И. Е.

Институт археологии: прошлое и настоящее // Институт археологии Российской академии наук. М.: ИА РАН, 2007. С. 6–13: ил.

Раскопки в Московском Кремле // Там же. С. 108–109: ил. Соавт.: Беляев Л. А., Энговатова А. В., Панова Т. Д.

Новые исследования средневековых могильников с кремациями на севере Европейской России // РА. 2007. № 1. С. 89–105: ил. Соавт.: Зайцева И. Е.

Начальный период средневековой колонизации Суздальского Ополя по материалам новейших исследований // ABC3. 2007. Вып. 1. С. 7–17: ил., карты.

Юрий Эдуардович Жарнов. Список печатных работ Ю. Э. Жарнова // Там же. С. 165–168. Соавт.: Ениосова Н. В., Пушкина Т. А.

Христианские древности Суздальских селищ: новые находки // КСИА. 2007. Вып. 221. С. 63–73: ил. Соавт.: Красникова А. М.

The land of the Beormas // *Ohthere's Voyages. A late 9th century account of voyages along the coasts of Norway and Denmark and its cultural context* / ed. Janet Batley, Anton Englert. Roskilde, 2007. P. 117–130: fig.

2008

Археологическое изучение севернорусской деревни: пути, подходы, результаты // Сельская Русь в IX–XVI веках. М.: Наука, 2008. С. 5–15: ил., карты.

Ландшафты Суздальского Ополя и влияние на них человека в средневековье (по данным археологических и палеоботанических исследований) // Там же. С. 127–156: ил., карты. Соавт.: Алешинская А. С., Кочанова М. Д., Спиридонова Е. А., Карпухин А. А.

Археология в изменяющейся России // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. I. С. 5–6. Соавт.: Дервянко А. П.

Суздальские древности и проблемы становления Северо-Восточной Руси // Там же. С. 19–27: ил., карта.

Изделия из камня и глины // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. М.: Наука, 2008. Т. 2: Материальная культура и хронология. С. 253–269: ил. Соавт.: Зайцева И. Е.

Мининский археологический комплекс: хронология и динамика развития // Там же. С. 290–316: ил. Соавт.: Захаров С. Д.

О находках энколпионов на суздальских селищах // ABC3. 2008. Вып. 2. С. 137–146: ил. Соавт.: Федорина А. Н.

Средневековое расселение в Суздальском Ополе: новые результаты и перспективы исследований // Там же. С. 3–22: ил., карта.

Погребальные памятники Суздальского Ополя: наследие А. С. Уварова и А. А. Спицына и современные исследования // История и практика археологических исследований: материалы Международной науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР, профессора А. А. Спицына (Санкт-Петербург, 28–30 ноября 2008 г.) / под ред. Е. Н. Носова, И. Л. Тихонова. СПб.: СПбГУ, 2008. С. 102–109. Соавт.: Красникова А. М., Карпухин А. А.

Предварительные итоги раскопок в Тайницком саду Московского Кремля // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М.: ИА РАН, 2008. Т. II. С. 464–467. Соавт.: Коваль В. Ю., Кренке Н. А., Панова Т. Д., Энговатова А. В.

2009

Археологическая мозаика Европейской России: 1991–2004 // АО 1991–2004 гг. Европейская Россия. М.: ИА РАН, 2009. С. 7–12.

Неизвестное Средневековье: сельские поселения и могильники на Кубенском озере // Там же. С. 415–429: ил.

Предисловие // Археология севернорусской деревни X–XIII вв.: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. М.: Наука, 2009. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. С. 5–6.

Мининский археологический комплекс на фоне древнерусских селищ лесной полосы Восточной Европы: общее и особенное // Там же. С. 55–60: карты.

Колонизация и системы жизнеобеспечения // Там же. С. 60–68: карты.

Пушной промысел в хозяйстве кубенских поселений // Там же. С. 68–79: ил., карты. Соавт.: Захаров С. Д.

Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Там же. С. 91–102: ил., карты.

К истории формирования ростово-суздальских владений на Севере // Там же. С. 103–106: карты.

Язычество и христианство // Там же. С. 106–115: ил., карты.

Заключение // Там же. С. 116–120.

Археологическое изучение Северо-Восточной Руси: колонизация и культурные традиции // Вестник РАН. 2009. Т. 79, № 12. С. 1068–1079: ил.

К 80-летию академика В. Л. Янина // Великий Новгород и Средневековая Русь: сб. ст.: к 80-летию академика В. Л. Янина. М.: ПИМ, 2009. С. 3–8: ил. Соавт.: Гайдуков П. Г.

Курганные могильники Суздальской округи в контексте изучения средневекового расселения и погребальных традиций // Там же. С. 432–454: ил. Соавт.: Красникова А. М., Карпухин А. А.

Institute of Archaeology: Past and Present // Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences. Moscow: IA RAS, 2009. P. 6–13: fig.

Rural settlement and trade networks in northern Russia, AD 900–1250 // Byzantine Trade, 4th–12th Centuries. The Archaeology of Local, Regional and International Exchange: Papers of the Thirty-eighth Spring Symposium of Byzantine Studies. (St. John's College, University of Oxford, march 2004) / edited by Marlia Mango. Farnham, 2009. P. 443–462.

2010

Русь и Волжская Болгария на Севере // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. С. 7–18: ил., карты.

К юбилею Е. Н. Носова // РА. 2010. № 1. С. 38–40: портр. Соавт.: Гайдуков П. Г.

Могильник Большое Давыдовское 2 – погребальный памятник 1 пол. I тыс. н.э. в Суздальском Ополье // РА. 2010. № 1. С. 41–52. Соавт.: Красникова А. М., Зайцева И. Е.

О датировке средневекового поселения Весь 5 под Суздаlem // Диалог культур и народов средневековой Европы: к 60-летию со дня рождения Е. Н. Носова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 113–141, табл., рис. IV–IX на вкл. между с. 112–113. Соавт.: Захаров С. Д., Шполянский С. В.

Полевые исследования Института археологии: старые и новые маршруты // Институт археологии. Новые полевые исследования. М.: ИА РАН, 2010. С. 6–7.

Ранняя история Суздальской земли по археологическим данным // Исторические записки / РАН; отв. ред. Б. В. Ананьич. М.: Наука, 2010. Вып. 13 (131). С. 289–312.

2011

Могильник Большое Давыдовское II в Суздальском Ополье: продолжение полевых исследований // ABCЗ. 2011. Вып. 3. С. 3–16: ил. Соавт.: Красникова А. М., Зайцева И. Е.

Радиоуглеродные даты памятников раннего железного века – средневековья в Суздальском Ополье // РА. 2011. № 4. С. 46–62: ил. Соавт.: Федорина А. Н., Зайцева Г. И., Гроотс П. М.

Финские древности первой половины I тыс. н.э. в Суздальском Ополье // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда / ред. Н. А. Макаров. СПб.; М.; Великий Новгород: ИА РАН, 2011. Т. II. С. 66–67. Соавт.: И. Е. Зайцева, А. М. Красникова.

2012

Предисловие // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 6–9.

Археологические древности как источник знаний о ранней Руси // Там же. С. 64–89: ил.

Суздальское Ополье // Там же. С. 194–211: ил.

Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Там же. С. 448–459: ил., карты.

Кладовая ранней Руси // Родина. 2012. № 9. С. 17–22: ил.

«...И откуда Русская земля стала есть» // Меч и златник: к 1150-летию зарождения Древнерусского государства: каталог выставки. М.: Кучково поле, 2012. С. 11–13.

Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Ополье // ABCЗ. 2012. Вып. 4. С. 65–85: ил.

Финские древности первой половины – середины I тыс. н.э. в Суздальском Ополье // Историко-культурное наследие и духовные ценности России: программа фундаментальных исследований Президиума РАН / отв. ред.: А. П. Деревянко, А. Б. Куделин, В. А. Тишков. М.: РОССПЭН, 2012. С. 151–161: ил. Соавт.: Красникова А. М., Зайцева И. Е.

Medieval Novgorod in its wider context // The archaeology of Medieval Novgorod in Context: Studies in Centre/Periphery Relations / ed. Mark Brisbane, Nikolaj Makarov, Evgenij Nosov. Oxford: Oxbow Books, 2012. P. 1–9: fig. (Archaeology of medieval Novgorod; vol. 4). Co-aut.: Brisbane M. A., Nosov E. N.

The Minino Project: The investigation of a group of medieval sites in the Beloozero region of northern Russia // Ibid. P. 40–57: fig.

The fur trade in the economy of the Northern Borderlands of medieval Russia / Ibid. P. 381–390.

2013

Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. 2013. № 4. С. 58–74: ил. Соавт.: Федорина А. Н., Шполянский С. В.

Начало Руси глазами современной археологии // Вестник РАН. 2013. Т. 83, № 6. С. 496–507: ил. Соавт.: Носов Е. Н., Янин В. Л.

Печать князя Михалки Юрьевича из Суздальского Ополья // Слов'яни і Русь: археологія та історія:

збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії України Петра Петровича Толочка з нагоди його 75-річчя. Київ: Стародавній світ, 2013. С. 190–195: ил. Соавт.: П. Г. Гайдуков.

Суздальская земля в IX–XI вв.: расселение, культура и балтийские связи // Археология Балтийского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 223–240: ил., карты. Соавт.: Федорина А. Н.

Славянская археология в России на современном этапе (основные направления и главные исследовательские проблемы) // Akademie Nauk. Uniwersytetu / Organizacje Nauki. Polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w. Redakcja Leszek Zasztowt. Warszawa, 2013. S. 101–121.

Средневековая Русь в новых проектах РГНФ // Вестник РГНФ. 2013. № 2. С. 193–204.

Средневековый могильник Шекшово в Суздальском Ополье: спустя 160 лет после раскопок А. С. Уварова // КСИА. 2013. Вып. 230. С. 219–233: ил. Соавт.: Красникова А. М., Зайцева И. Е.

Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // Ruralia IX. Hierarchies in rural settlements / ed. Jan Klápště. Praha: Brepols, 2013. P. 371–386.

2014

Новые исследования средневековых могильников Суздальской земли // Вестник РГНФ. 2014. № 1 (74). С. 157–177. Соавт.: Красникова А. М., Зайцева И. Е.

Собор на пашне: культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба в Кидекше // РА. 2014. № 3. С. 50–65: ил. Соавт.: Шполянский С. В., Долгих А. В., Алешинская А. С., Лебедева Е. Ю.

Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI веков // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III / ред. А. Г. Ситдииков, Н. А. Макаров, А. П. Деревянко. Казань: Отечество, 2014. С. 173–179.

Long-distance trade and domestic economy between Byzantine and the Baltic in the Viking Age // 20th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists (10–14 September 2014, Istanbul, Turkey): Abstracts. Istanbul, 2014. P. 13. Co-aut.: Carnap-Bornheim C., von.

2015

Археология в современной России: перспективы и задачи // РА. 2015. № 2. С. 5–14: ил. Соавт.: Беляев Л. А., Энговатова А. В.

А. С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси // АВСЗ. 2015. Вып. 5. С. 5–15, 281–284: ил.

Раскопки в Кидекше: Культурный слой и пахотный горизонт под церковью Бориса и Глеба // Там же. С. 159–179: ил. Соавт.: Шполянский С. В., Долгих А. В., Алешинская А. С., Лебедева Е. Ю.

Геоинформационная система «Археологические памятники России»: методические подходы к разработке и первые результаты наполнения // КСИА. 2015. Вып. 237. С. 7–19. Соавт.: Зеленцова О. В., Коробов Д. С., Ворошилов А. Н., Черников А. П.

Печать константинопольского патриарха Афанасия из переславского Спасо-Преображенского собора // РА. 2015. № 4. С. 246–252: ил. Соавт.: Гайдуков П. Г., Седов Вл. В., Бейлекчи В. В.

Новые исследования средневекового могильника Шекшово в Суздальском Ополье // АО 2010–2013 гг. М.: ИА РАН, 2015. С. 215–218. Соавт.: Красникова А. М., Зайцева И. Е.

Разведочные работы Суздальской экспедиции ИА РАН в 2010–2013 гг. // Там же. С. 218–222: ил. Соавт.: Федорина А. Н., Шполянский С. В., Карпухин А. А., Кренке Н. А.

Средневековый Суздаль в работах Института археологии в 2011–2012 гг. // Там же. С. 292–294. Соавт.: Федорина А. Н., Карпухин А. А., Милованов С. И., Шполянский С. В., Бадеев Д. Ю.

Древности Иерихона: византийский период // Институт археологии. Новые экспедиции и проекты. М.: ИА РАН, 2015. С. 70–73: ил. Соавт.: Беляев Л. А., Ворошилов А. Н., Голофаст Л. А.

Печать константинопольского патриарха Афанасия из Переславля-Залесского // Там же. С. 90–92: ил. Соавт.: Гайдуков П. Г., Седов Вл. В.

Могильник Шекшово в Суздальском Ополье // Там же. С. 96–98: ил. Соавт.: Зайцева И. Е., Красникова А. М.

Часть I

АРХЕОЛОГИЯ

Из Киевского Поднепровья в Суздальское Ополе (конец XI – 40-е годы XIII в.)

Сюжетно тема эта затронута во многих исследованиях по истории Древнерусского государства, но специально так и не нашла должного освещения. Ни в работах «чистых» историков, ни в исследованиях археологов-историков. А между тем она одна из стержневых в постижении сущности государственного и территориального развития Руси, выражавшегося в генетическом родстве ее центрального средоточия и периферии. В данном случае – Суздальско-Залесского края, в заселении которого активное участие приняли выходцы из Киевского Поднепровья и, шире, из Южной Руси в конце XI–XII в. Убедительным свидетельством этого является гидро- и топонимика северо-восточных русских земель, во многом повторяющая названия городов и рек Южной Руси (Владимир, Переяславль, Юрьев, Звенигород, Трубеж, Ирпень, Лыбедь).

В. Н. Татищев, первым обративший на это внимание, полагал, что причиной этого было «утоление печали» Юрия Долгорукого, лишенного великого княжения Киевского и стремившегося на северо-востоке воссоздать привычный ему южнорусский историко-географический ландшафт. «Потом зачал (Юрий. – П. Т.) строить в области своей многие грады ... теми же имяны, как в Руси суть, хотя тем утолить печаль свою, что лишился великого княжения Русского»¹.

Наверное, подобная сентиментальность у Юрия Долгорукого присутствовала. Но, во-первых, не только у него. Активное освоение Суздальского Ополя началось уже при Владимире Мономахе и продолжилось при Андрее Боголюбском. А, во-вторых, глубинная причина появления здесь южнорусских названий, несомненно, в массовом притоке нового населения. Вслед за князьями и их дружинами на северо-восток потянулись южнорусские крестьяне,

ремесленники, торговцы, духовенство. Как это всё происходило – древнерусские письменные источники не описывают, но тот же В. Н. Татищев утверждал, что для заселения новых городов Юрий Долгорукий привлекал людей «отовсюду» и, при этом, давал им «немалую ссуду»². Учитывая, что колонизационный поток на северо-восток находился под патронатом княжеской власти, можно полагать, что «немалые ссуды» на строения получали переселенцы также от Владимира Мономаха и Андрея Боголюбского.

Исследуя историю освоения Суздальско-Залесского края, появления здесь крупных городских центров трудно отрешиться от мысли, что перед нами своеобразная реплика Южной Руси. Всё, что строилось здесь в продолжение конца XI–XII вв., так или иначе, перекликалось с тем, что Русь уже создала в своем историческом центре. Причем это выражалось не только в названиях городов и их частей, но также в традициях монументального и крепостного строительства и даже в символике историко-географического ландшафта.

Сооруженная Мономахом крепость во Владимире-на-Клязьме, получившая название Печерного города, напоминала киевскую. В том числе и тем, что с напольной стороны выходила на речку Лыбедь. Переяславль-Залесский, возведенный во время правления Юрия Долгорукого, топографически почти в точности повторил расположение Переяславля Южного – в треугольнике, образуемом слиянием двух рек, одна из которых в обоих случаях имеет название Трубеж (рис. 1). Загородный дворцовый комплекс Юрия Долгорукого в Кидекше, что в 4 км от Суздаля, был дополнен храмом св. Бориса и Глеба, как в Вышгороде. Как свидетельствует летописная статья 1159 г., церковь была поставлена на месте «становища св. Бориса и Глеба». В Степенной книге уточнено, что там было «совокупное

¹ Татищев В. Н. История российская. Т. 3. М.; Л., 1964. С. 44.

² Там же.

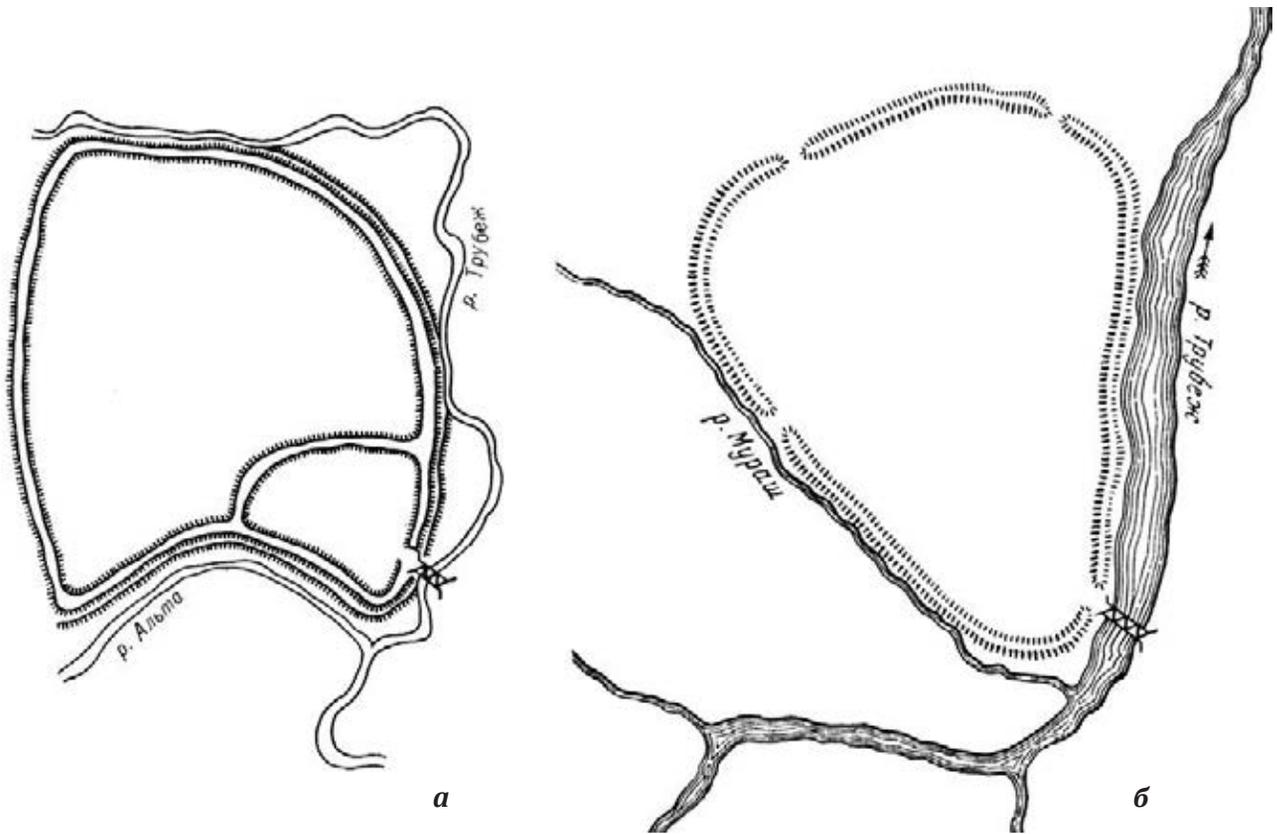

Рис. 1. а – план Переяславля Русского; б – план Переяславля Залесского

святых мученик становище», когда они отправлялись в Киев. По мнению Н. Н. Воронина, посвящение храма св. Борису и Глебу, погребенных в Вышгороде, в резиденции Юрия Долгорукого, подчеркивало зарождавшуюся концепцию того, что Суздальская земля также освящена деятельностью первых русских святых³.

Еще более показательной в этом плане является загородная резиденция Андрея Боголюбского. Она определенно уподоблена киевскому Вышгороду. Видимо, как память об этом киевском пригороде, где княжил Андрей и откуда в 1155 г. ушел во Владимирна-Клязьме. Это было очевидным уже для современников. Статья 1175 г. Ипатьевской летописи недвусмысленно об этом свидетельствует. «Создалъ же башеть собѣ городъ камень, именовъ Боголюбый, толь далече якоже Вышгородъ от Киева, також и Боголюбый от Володимѣря»⁴.

Подражание Киеву, в том числе и на почве соперничества за старейшинство на Руси, отчетливо об-

наруживается в строительстве Боголюбским нового города во Владимире. «Князь же Андрѣй бѣ городъ Володимѣрь силно устроилъ, к нему же ворота Златая доспѣ, а другая серебром учини»⁵. Освящение надвратной церкви в 1164 г., по-видимому, указывает на завершение в этом году строительства новой владимирской крепости с Золотыми воротами.

Летописное уточнение, что другие городские ворота были украшены серебром, позволяет сделать вывод, что Золотые имели такие же украшения из золота. Н. Н. Воронин полагал, что тяжелые дубовые их створы были, скорее всего, покрыты листами золоченой меди⁶. Наверное, это могло отразиться в их наименовании, однако элементы подобного декора, скорее всего, были лишь подтверждением такого названия ворот. Несомненно, в нем был более глубокий смысл, заключенный в наследовании киевскому образцу. Как справедливо полагал Н. Н. Воронин, идея самого сочетания проездной крепостной башни с торжественной «триумфальной аркой» главных во-

³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. Т. 1. М., 1961. С. 68.

⁴ ПСРЛ Т. II: Ипатьевская летопись. М., 1962. Стб. 580.

⁵ Там же. Стб. 582.

⁶ Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // МИА. 1949. № 11. С. 206.

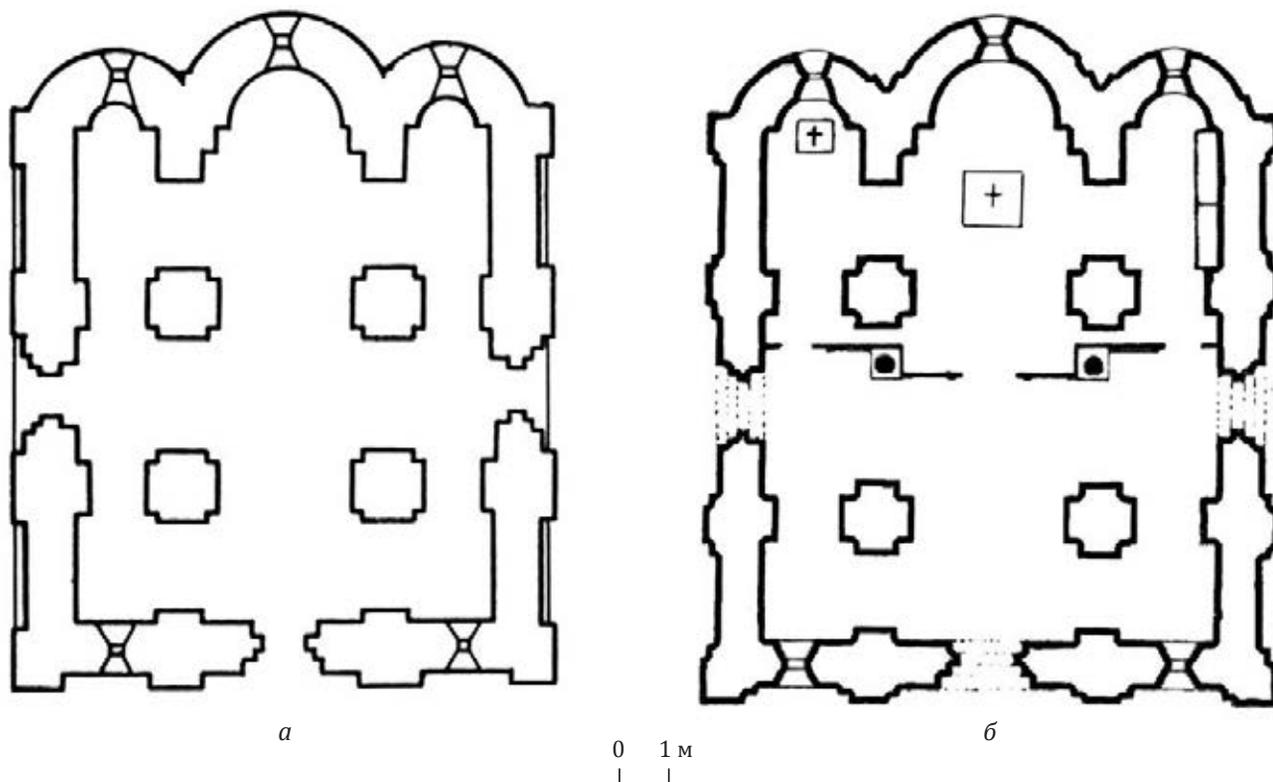

Рис. 2. а – план надвратной церкви на Золотых воротах Киева (по С. А. Высоцкому);
б – план надвратной церкви на Золотых воротах Владимира-на-Клязьме (по Н. фон Берку и А. Гусеву)

рот, равно как и само название, несомненно, навеяны киевскими Золотыми воротами⁷. Символично, что, как в Киеве пролет Золотых ворот равнялся ширине главного нефа Софии, так и во Владимире Золотые ворота имели пролет, равный такому же нефу Успенского собора. Определенная символика была и в местоположении владимирских ворот, с киевской стороны. Именно от них начинался для владимирцев путь на Киев.

В посмертном некроложном сказании об Андрее Боголюбском есть фраза, которая, при всей смысловой нечеткости, тем не менее неоспоримо указывает на связь киевских и владимирских Золотых ворот. «И поча весь народъ плача молвити: "Уже ли Киеву поѣха, господине, в ту церковь, тѣми Золотыми вороты, ихъ же дѣлать послалъ бяше тои церкви на вѣлицемъ дворѣ на Ярославлѣ, а река: Хочю создати церковь такую же, ака же ворота си Золота, да будет память всему отечеству моему"»⁸.

Как полагали российские историки С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, а в советское время Н. Н. Во-

⁷ Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. С. 206.

⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 593.

ронин, запись эта свидетельствует о том, что Андрей послал в Киев зодчих, возводивших Золотые ворота во Владимире, желая построить на Ярославовом дворе церковь такую же «Золотую», как эти ворота⁹. Но ведь там уже была такая. Церковь Благовещенья на киевских Золотых воротах. И это она, как и в целом парадные киевские ворота, послужили архитектурными прототипами для владимирских и церкви над ними. Убедительным основанием этому служит обмерный чертеж 1779 г. Н. фон Берка и А. Гусева, сделанный еще до перестройки владимирских ворот. Он фиксирует их первоначальное архитектурное состояние XII в.

Сравнив этот чертеж с обмерными данными киевских ворот, полученными в результате раскопок 1972–1974 гг., С. А. Высоцкий пришел к выводу, что главные объемы обоих ворот очень близки между собой. Практически одинаковыми оказались и планы их надвратных храмов: киевский – 10,5×11 м, владимирский – 11,07×11,16 м (рис. 2). Из этого С. А. Высоцкий сделал вполне логичное заключение, что в цитированном выше летописном тексте речь

⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. М., 1961. С. 323.

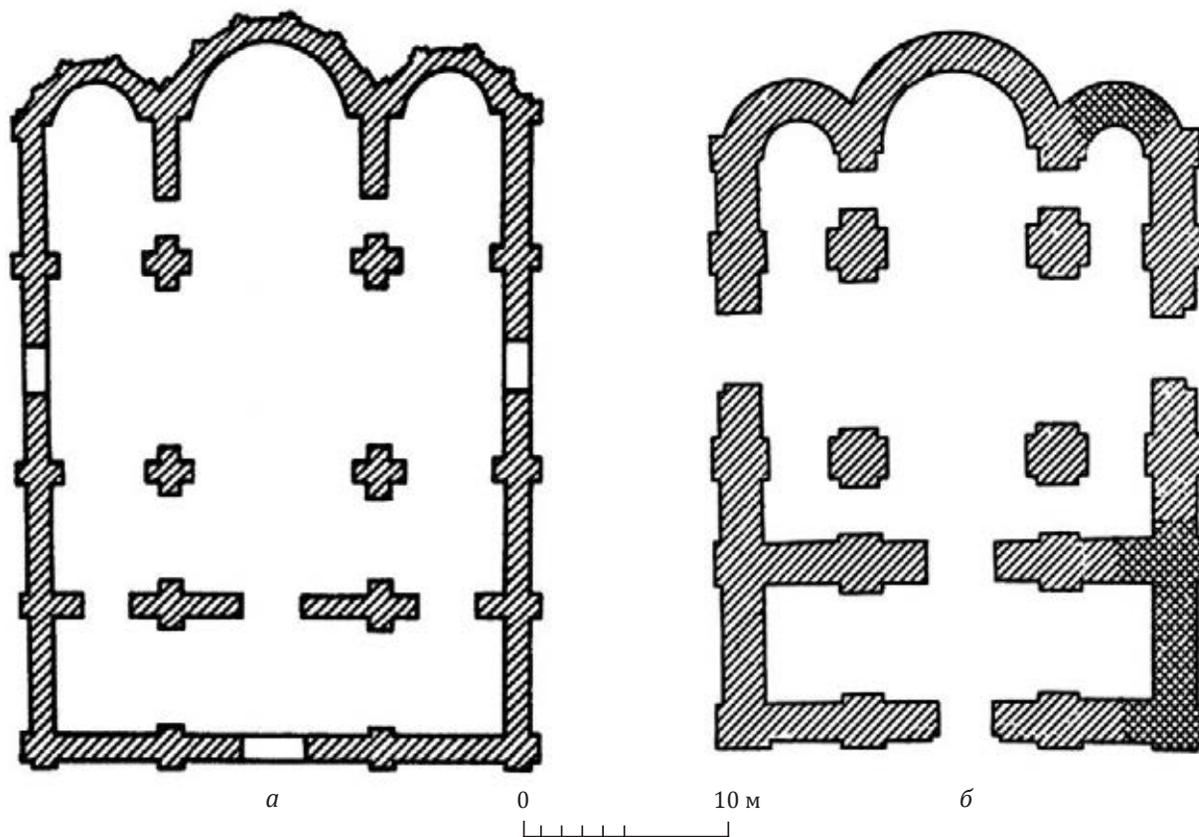

Рис. 3. а – план Успенского собора Киево-Печерского монастыря;
б – план собора Св. Богородицы в Суздале

идет о желании Андрея Боголюбского соорудить во Владимире церковь по образцу киевских Золотых ворот, т.е. такую, как надвратный храм Благовещения в Киеве¹⁰. Справедливости ради следует отметить, что аналогичная мысль была высказана еще в 1869 г. известным исследователем киевской архитектуры П. Лашкаревым на первом Археологическом съезде в Москве.

Наверное, точный смысл летописных слов и в будущем будет вызывать острые дискуссии среди исследователей, но то, что в нем отражена органическая культурно-историческая связь двух крупнейших древнерусских центров, сомнений нет никаких.

Разумеется, Андрей Боголюбский не был первым князем, который обратился к южнорусским церковным образцам. Началось всё с Владимира Мономаха, который приказал построить церковь такую же, как Успенский собор Киево-Печерского монастыря, и продолжилось при его сыне Юрие. «И въ своемъ княжении христороубецъ Владимиръ, въземъ мѣру божественна тоя церкви Печерьская, всѣмъ подобиемъ създа церковъ въ градѣ Ростовѣ, въ

¹⁰ Высоцкий С.А. Золотые ворота в Киеве. К., 1982. С. 112.

высоту и в широту, и в долготу ... Сын же его Георгий князь самъ въ своемъ княжении създа церковь в градѣ Суздали в ту же мѣру»¹¹.

Как полагал Н.Н.Воронин, епископ владимирский Симон ошибочно назвал город Ростов. В действительности, Мономах построил аналог Успенского собора в Суздале. Свидетельство этого содержится в статье 1222 г. Лаврентьевской летописи, рассказывающей о заложении новой церкви Богородицы в Суздале Юрием Всеволодовичем на месте разрушившейся; сообщается, что она была «создана прадѣдомъ его Володимеромъ Мономахомъ и блаженнымъ епископомъ Ефремомъ»¹². Раскопки фундаментов церкви Мономаха в 1994–1996 гг. показали, что они почти в точности соответствуют плану Успенского собора Печерского монастыря¹³(рис. 3).

¹¹ Абрамович Д.И. Киево-Печерский патерик. К., 1991 (1931). С. 11–12.

¹² ПСРЛ. Т.1: Лаврентьевская летопись. М., 1962. Стб. 445.

¹³ Зыков П. К характеристике строительства Владимира Мономаха и Ефрема Переяславского в Суздале // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький, 2008. С. 229–236.

Ко времени Мономаха относится также сооружение церкви Спаса на княжьем дворе, которая повторила название храма в селе Берестове¹⁴.

Еще одной киевской репликой, несомненно, было подворье Киево-Печерского монастыря в Суздале с церковью св. Дмитрия. По мнению Н.Н. Воронина, их основателем был ростовский епископ Исаия, выходец из Печерского монастыря и игумен киевского Дмитриевского монастыря¹⁵. В летописи об этих объектах сообщается под 1096 г., когда Мономахова отчина, где сидел его сын Изяслав, была захвачена мятежным черниговским князем Олегом Святославичем. «Олегу же повелѣ зажещи Суждаль городъ, токмо остана дворъ манастырскый Печерского манастыря и церкви, яже тамо есть святого Дмитрея»¹⁶.

Подытоживая главу о Мономаховом строительстве на северо-востоке Руси, Н.Н. Воронин отметил, что оно переносило сюда в почти не измененном виде южнорусскую архитектурную традицию. Каменное зодчество было новшеством и не имело на северо-востоке никаких предпосылок. Поэтому здесь, как и в других княжествах, киевское культурное наследие играло решающую роль¹⁷.

Сказанное относится не только к архитектуре, но и к строительному делу. Раскопки всех ранних храмов в Суздале, Переяславле Залесском, Владимире-на-Клязьме выявили в большом количестве керамические плитки, покрытые глазурью желтого, зеленого и коричневого цветов, а также неполивные. Все они от наборных полов. Впервые были применены в архитектуре Южной Руси (Киев, Белгород, Переяславль, Чернигов и др.), а затем получили распространение и в других регионах. Из Южной Руси была перенесена не только технология изготовления керамических половых плиток, но также и ряда производств строительных материалов – плинфы и извести. Выявленные А.Д. Варгановым в 1950 г. печи для обжига плинфы и извести в Суздале имеют более ранние аналогии в Киеве¹⁸. Особенно близки между собой «известковые» печи. Суздальская сложена из крупной сырцовой плинфы (37×25×5 см) на глине. Она круглая, диаметром 2,25 м. Нижняя часть стенки имеет кладку в два кирпича, верхняя – в один. Киевские печи, исследованные автором неподалеку от Софии, на самом краю плато над Крещатицким оврагом в 1970 г., были несколько более монументальные. Сложены также из плинфы (35×25×3,5 см) на глиняном растворе. Нижние их части опущены в материк, имеют двухрядовую кладку, сохранившуюся

на 12–14 рядов. Диаметр камер – 2,6–2,7 м (рис. 4). Датируются киевские печи временем строительства архитектурного ансамбля «Города Ярослава»¹⁹.

Вряд ли приходится сомневаться в том, что архитектурные и строительные традиции Южной Руси были перенесены на северо-восток конкретными артелями строителей, мастеров-плинфотворителей, плиточников, мастеров по обжигу извести и ряда других специалистов. Их заметное присутствие в новых городах Северо-Востока подтверждается не только возведенными крепостными валами и монументальными строениями, но также и в рядовой городской застройке.

Лучше других городов жилища горожан известны по раскопкам Суздаля, осуществленным А.Ф. Дубининым и М.В. Седовой. Южнорусскими по происхождению принято считать постройки столбовой конструкции, получившие определение как «землянки» или «полуземлянки». В целом они достаточно однотипны. Имеют размеры 4×4 м, но встречаются и большие: 6×6 и 8×8 м. Как правило, однокамерные, отдельные состояли из двух помещений. Печи глинобитные, подквадратные и круглые. Размещены в одном из углов жилищ²⁰.

Благодаря раскопкам нового времени накопились археологические данные и во владимирском домостроительстве. В целом, оно не отличалось от суздальского. В Мономаховом городе обнаружены такие же углубленные основания построек, некоторые имели площадь до 48 м². Авторы раскопок, заявив о какой-то самобытности владими́ро-суздальского домостроительства, тем не менее отметили его сходство с южнорусским²¹.

Н.Н. Воронин, М.В. Седова и другие исследователи полагали, что жилища «полуземляночного типа», скорее всего, появились в Суздале и других северорусских городах в результате переселения туда жителей юга Руси. Постепенно, утверждала М.В. Седова, принесенные переселенцами традиции нивелировались, и возобладала тенденция строительства срубных жилищ, присущая лесной зоне. Можно не сомневаться, писал Н.Н. Воронин, что, подобно новгородским собратьям, суздальцы были мастерами плотничного дела²².

Сегодня, когда срубные жилые постройки в большом количестве выявлены в Южной Руси, в том

¹⁹ Толочко П. П. Строительное дело // Новое в археологии Киева. К., 1981. С. 342–348.

²⁰ Дубинин А.Ф. Археологические исследования г. Суздаля // КСИИМК. Вып. XI. 1945. С. 92; Седова М. В. Суздаль в XI–XV веках. М., 1997. С. 167–175.

²¹ Зеленцова О.В., Кузина И.Н. Древнерусские усадьбы и усадебные постройки Владимира-на-Клязьме // Тр. III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Великий Новгород Старая Руса. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 145.

²² Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. С. 34–35; Седова М. В. Указ. соч. С. 169.

¹⁴ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. С. 46.

¹⁵ Там же. С. 25.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 475.

¹⁷ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси. С. 45–46.

¹⁸ Варганов А. Д. Обжигательные печи XI–XII вв. в Суздале // КСИИМК. 1956. № 65. С. 49–54.

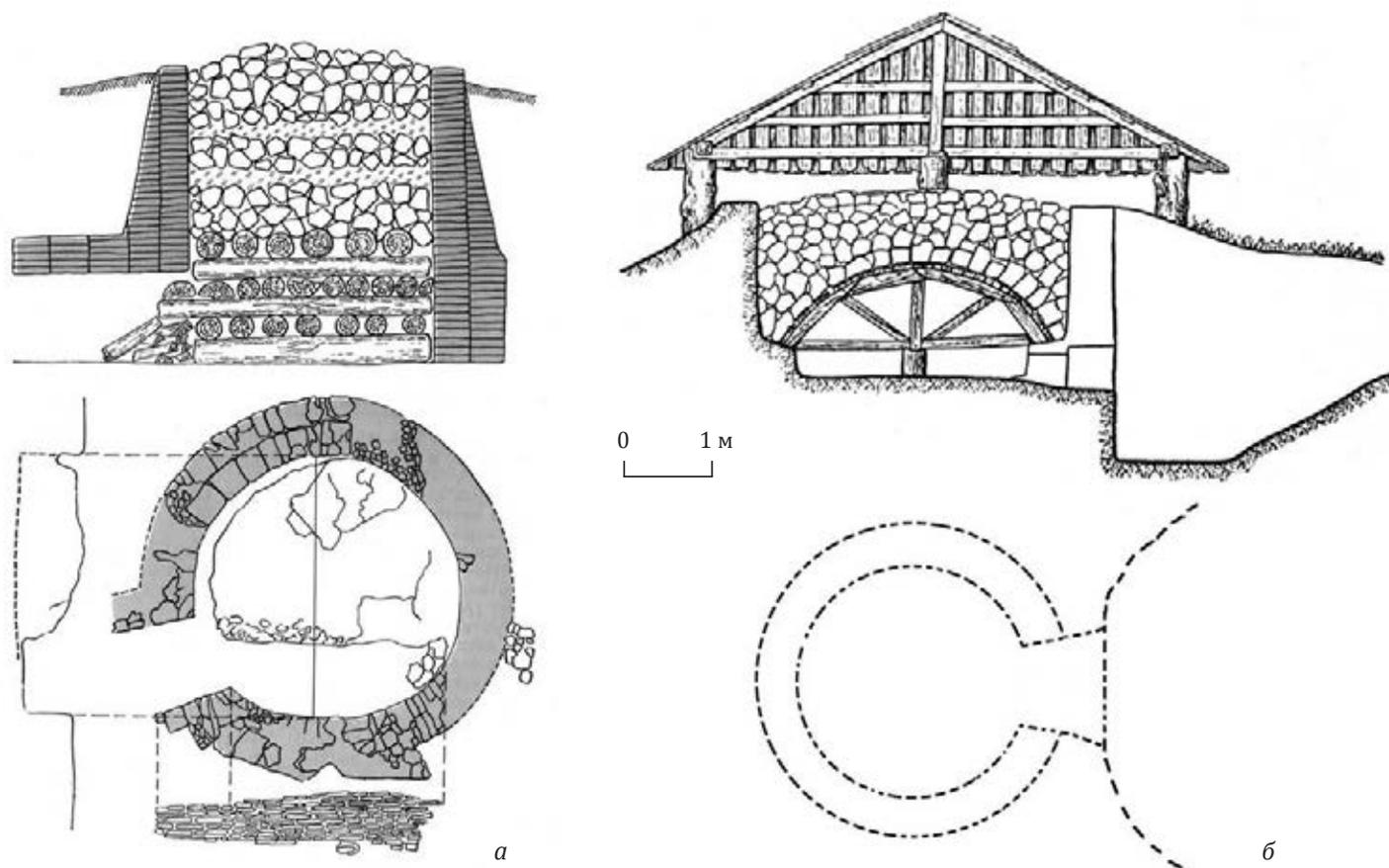

Рис. 4. Печи для обжига извести:
а – в Киеве (реконструкция П. П. Толочко);
б – в Суздале (реконструкция А. Д. Варганова)

числе и в Киеве, где целиком срубным был его торгово-ремесленный посад – Подол (около 200 га), выводы о принесенных традициях срубного домостроительства исключительно из лесной полосы Руси не кажутся единственно возможными²³. Их вполне могли принести и южноруссы, которые, наряду с каркасно-столбовыми, в продолжение X–XIII вв. возводили и срубные дома. К этому заключению можно было прийти и без массовых находок срубных жилищ, на основании свидетельств летописи. Во время противостояния дружин Ярослава и Святополка Владимировичей под Любечем киевляне, об-

ращаясь к новгородцам, вопрошали: «Что придосте с хромьцемъ симъ, а вы плотници суще, а приставимъ вы хоромомъ рубити нашихъ»²⁴. Определенно, фраза свидетельствует, что в Киеве были такие же срубные хоромы, как и в Новгороде. Это подтвердили раскопки на Подоле. И, разумеется, археологам уже давно пора отказаться от терминов «землянка» и «полужемлянка», о чем я говорю с конца 60-х годов XX в. На Руси, особенно в городах, таких жилых построек не было. Были наземные и с углубленным основанием, причем как каркасно-столбовые, так и срубные.

²³ Толочко П. П. Древний Киев.

²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 142.

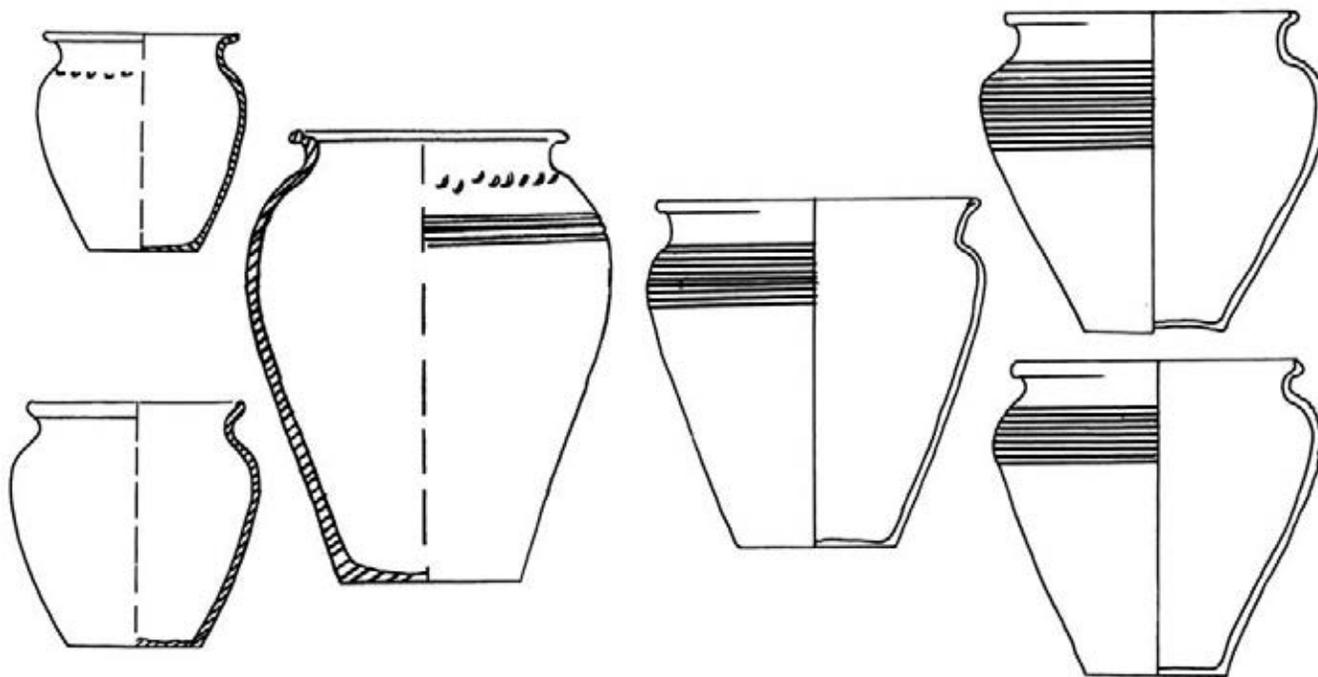

Рис. 5. Кухонные горшки XII–XIII вв.
Григоровка на Днепре и Владимир-на-Клязьме

Отдельно следует сказать о городском культурном слое в Суздальском Ополе. По наполнению материальными остатками он, практически, неотличим от культурного слоя городов Южной Руси конца XI–XIII в. В нем те же типы круговых горшков с валикообразными венчиками (рис. 5), ключи от трубчатых замков, шиферные пряслица, стеклянные браслеты, византийские амфоры, нательные крестики, подковообразные фибулы, кресты-энколпионы, свинцовые печати, кресала и др. Если не знать, что эти вещи обнаружены в Суздале, Владимире-на-Клязьме или Переяславле Залесском, их вполне можно принять за находки из Киева, Переяславля Южного или Чернигова.

До сих пор речь шла о традициях городской культуры, перенесенных из Южной Руси в Суздальско-Залесский край. Теперь посмотрим, находят ли они свое выражение в жизни села. Успехи последнего времени в его изучении, как в Среднем Поднепровье, так и в Суздальском Ополе, где много лет плодотворно работает Н.А. Макаров, уже можно делать какие-то предварительные выводы.

Прежде всего следует отметить сходность природных условий обоих регионов, плодородные почвы которых позволяли получать высокие урожаи злаковых и других сельскохозяйственных культур²⁵. Это обуславливало большую плотность в них сельского населения. При сравнении данных сплошного обследования сельских поселений в Суздальском Ополе и Днепро-Деснянском междуречье, можно прийти к выводу, что оба региона близки между собой, как в плотности поселений и системе расселения, так и по ряду других характеристик. Средние размеры поселений от 2,5 до 6 га в Ополе и от 2–3 до 6 га в Подесенье. Встречаются также и большие поселения, достигающие 19 га (на Суздальщине) и 17 га (на Киевщине)²⁶.

²⁵ В 1980 г. я осуществил научно-туристическое паломничество в Суздальско-Залесский край. Было это в июле, когда поспевали хлеба и начиналась жатва. Перезжая из Суздаля во Владимир и далее в Боголюбово, Переяславль, Юрьев, я постоянно ловил себя на мысли, что Ополе мне напоминает пейзажи Киевщины или Переяславщины.

²⁶ Макаров Н.А., Леонтьев А.Е., Шполянский С.В. Исследование средневековых селищ в Суздальском Опо-

По существу, сходна в обоих регионах и динамика заселенности. Ее пик приходится на XII – первую половину XIII в. Причем наибольшая плотность поселений наблюдается в подгородных регионах. На юге – в лесостепной полосе Киевского Поднепровья и Черниговского Подесенья, на северо-востоке – в Суздальском Ополе. Обращает на себя внимание относительно высокий уровень материальной культуры этих поселений. В их культурных слоях находят византийские амфоры, глиняные писанки, стеклянные браслеты, книжные застёжки, предметы вооружения, ювелирные украшения, круговую керамику.

Исследователи суздальских сельских поселений Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев, С. В. Шполянский полагают, что их материальная культура, в целом, была близкой к городской. Еще раньше к такому выводу склонялась М. В. Седова, отмечавшая «городские элементы» в материальной культуре суздальской сельской округи. Исходя из этого, названные авторы сформулировали интересный вопрос: «Следует ли рассматривать находки на селищах престижных вещей и импорта как индикатор пребывания на них представителей социальной элиты и указание на их владельческий статус или как свидетельство относительно высокого общего «стандарта потребления», присущего сельскому населению XI–XIII вв.?»²⁷.

Не думаю, что оптимальный ответ на него может быть найден на альтернативной основе. Здесь присутствует и то, и другое. Древнерусское село ведь неразрывно было связано с княжеским, боярским и церковным землевладением. Летописные источники полны сообщений о княжеских, боярских и монастырских селах. Разумеется, это не является свидетельством того, что в них непременно жили представители названных групп знати. В Южной Руси они проживали в укрепленных замках. К примеру, в междуречье Днепра и Десны, на площади более 2 тыс. км² выявлено 120 селищ и 24 городища, то есть на каждую укрепленную усадьбу приходилось по 5–6 селищ²⁸. Значительной была концентрация знати также в городах.

Очевидно, что в каждом конкретном случае мы не сможем определить владельческий статус того или иного сельского населения, но их социальная статусность, непосредственная связь с городской

культурной средой достаточно хорошо отражены в археологическом материале.

Как свидетельствуют исследования В. А. Петрашенки Григоровского поселения (что неподалеку от Канева), занимавшего площадь около 9 га, наивысшее его развитие приходилось на XII–XIII вв. Характер его домостроительства, состоявшего из каркасно-столбовых и срубных построек с углубленными нижними частями, гончарные горны, большое число ювелирных украшений, в том числе и имитирующих богатый боярский убор, стеклянные браслеты и бусы, писанки, предметы из резной кости, книжные застёжки и др. (рис. 6), практически, не оставляют сомнения в том, что перед нами остатки городского поселения. Однако отсутствие в нем укреплений, а также большое число находок сельскохозяйственного инвентаря (лемехи, наральники, чересла, косы, серпы, ножницы и др.) недвусмысленно указывают на его сельский характер²⁹.

Определенно, не все южнорусские села имели столь богатую городскую культуру, как Григоровское, находившееся на плодородных склонах второй надпойменной террасы Днепра. Но различия их могли быть только количественные, а не качественные. «Городские элементы» материальной культуры непременно присутствуют на каждом из них. И если предположить, что именно из таких поселений крестьяне Киевщины и Переяславщины уходили в Суздальское Ополе, то придется признать, что вместе с ними на новые земли «пришло» и южнорусское село.

В источниках нет прямых свидетельств о том, что южнорусская демографическая подпитка Суздальского Ополя имела место не только во времена Мономаха и Долгорукого, но также Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, но косвенные позволяют это предполагать. Удельные княжества, фрондируя с Киевом, тем не менее жизни своей без него не мыслили. Будучи, по образному выражению черниговских князей, «единого деда внуками», они постоянно стремились занять великокняжеский киевский стол или получить, хотя бы, какую-то часть в старой Русской земле, которую считали общеродовым наследием.

Особенно наглядным подтверждением сказанного являлась борьба владими́ро-суздальских князей за обладание переяславльским столом, на котором периодически утверждались сыновья и внуки Юрия Долгорукого, а также тяжба Всеволода Юрьевича за право обладания южнорусской волостью с пятью городами – Торческом, Треполем, Корсунем, Богуславлем и Каневом. Из пространной грамоты Всеволода, направленной Рюрику Киевско-

лье // АО 2001 г. М., 2002. С. 175; Они же. Сельское население в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половины II тыс. н. э. // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 197 и сл.; Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989. С. 91; Південноруське село IX–XIII ст. К., 1997. С. 99–143.

²⁷ Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянський С. В. Указ. соч. С. 214.

²⁸ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. С. 91; Его же. Город и сельскохозяйственная округа на Руси в IX–XIII вв. // Древние славяне и Киевская Русь. К., 1989. С. 122.

²⁹ Петрашенко В. А. Древнерусское село (по материалам поселений у с. Григоровка). К., 2005. Гл. 3–5.

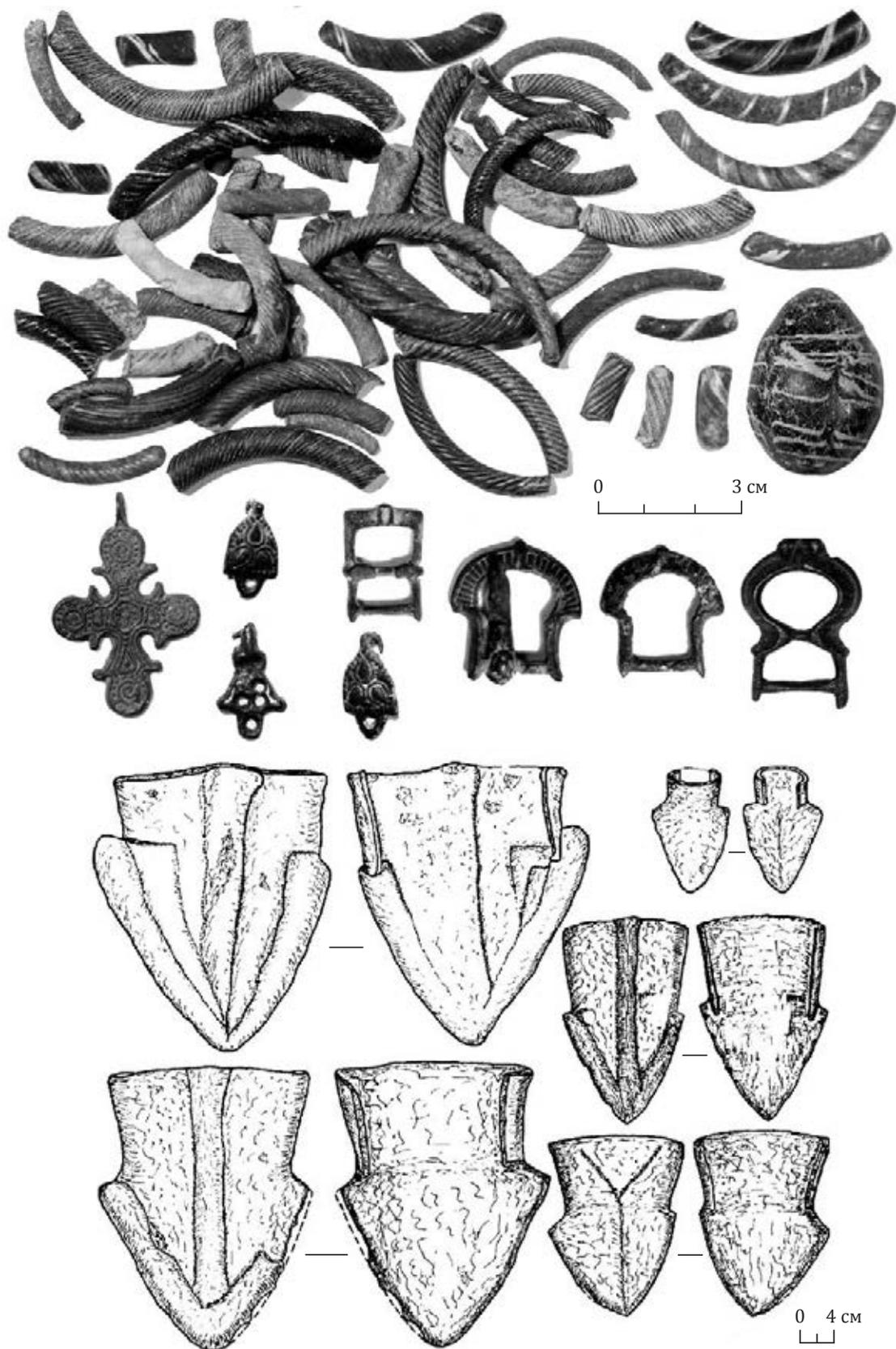

Рис. 6. Материалы из раскопок Григоровского поселения

му, следует сколь принципиальным для него было «причастие» в Русской земле. Оно рассматривалось как своеобразный символ органической связи его земли с общединастической отчиной. За такое «причастие», как следует из слов Всеволода, удельные князья должны были защищать Русскую землю от внешней угрозы. «А кому еси в ней часть далъ, с тем же си и блюди и стережи»³⁰. В конечном итоге, Рюрик Ростиславич вынужден был отобрать названную волость у волынского князя Романа Мстиславича и передать ее владими́ро-суздальскому Всеволоду Юрьевичу. Примечательно, что именно в нее входило богатое днепровское село Григоровка, исследованное В. А. Петрашенко.

Кроме «причастия», владими́ро-суздальские князья поддерживали постоянные отношения с Южной Русью через брачные связи. Особенно частыми они были в годы правления Всеволода Большое Гнездо и Юрия Всеволодовича. В летописях для этого времени сохранились сведения, по меньшей мере, о шести таких междукняжеских браках³¹. Все они сопровождалась активными взаимными контактами и перемещениями значительного числа людей.

Приведенные примеры политических отношений Владимира-на-Клязьме с Киевом и Южной Русью в княжение Всеволода Юрьевича и его сына Юрия убедительно свидетельствуют, что связи двух русских земель и в последней трети XII – первой половине XIII в. были тесными и постоянными. Свое продолжение они, несомненно, находили в сфере экономики и культуры. Причем из Киева на северо-восток поступала не только ремесленная продукция – стеклянные браслеты, трубчатые рамки, шиферные пряслица, серебряные браслеты-наручи, перегородчатые эмали, энколпионы, но переносились и сами производства. Нередко вместе с их носителями.

Как установила Ю. Л. Щапова, в различных древнерусских регионах обнаруживаются преимущественно киевские стеклянные браслеты, изготовленные по калиево-свинцово-кремнеземной технологии. Так было до конца XII в., когда их изготовление наладили и в ряде других центров. Причем благодаря киевским же браслетчикам, расселившимся по Руси³². Для нашей темы особый интерес, разумеется, представляют браслеты, происходящие из раскопок в Суздальском Ополе, но в распоряжении Ю. В. Щаповой оказалась лишь небольшая коллекция (22 браслета) из Владимира-на-Клязьме. Все они, согласно исследовательнице, точный аналог киевских и, следовательно, были привезены из Киева.

³⁰ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 683.

³¹ Толочко П. П. Династические браки на Руси XII–XIII вв. К., 2013. С. 40–75.

³² Щапова Ю. В. Стекло Киевской Руси. М., 1972. С. 169, 172–173.

Схожая ситуация обнаруживается в черневом и эмальерном ремеслах. Возникнув в Киеве, они с течением времени разошлись по всей Руси. И также, в том числе и посредством переселения киевских мастеров. Их традиции особенно заметны в изделиях Рязани и Владимира-на-Клязьме³³. Весьма ощутимое влияние киевских мастеров поливной посуды также прослеживается на материалах Рязани и Владимира-на-Клязьме³⁴. Б. А. Рыбаков, обратив внимание на близость владими́ро-суздальских эмалей к киевским, высказал предположение, что это, возможно, объясняется выводом из Киева части мастеров на северо-восток Руси после его взятия в 1169 г. союзниками Андрея Боголюбского³⁵.

Наверное, исключить этого нельзя, но ведь и эмали других провинциальных центров очень сходны с киевскими. Скорее всего, причина этого явления не связана со случайными обстоятельствами, а отражала общие тенденции в развитии прикладного искусства на Руси. Т. Н. Макарова объясняла схожесть эмалей киевских и провинциальных результатом частого перемещения «бродячего племени ювелиров»³⁶. Она не уточнила, каким образом осуществлялось это «перемещение», однако, учитывая большую мобильность княжеской власти, когда некоторые князья успевали за свою жизнь посидеть на столах нескольких городов, можно предположить, что в их «кочующей» свите были и придворные ремесленники.

Особый интерес в этом плане представляет изготовление ювелирных украшений в так называемых имитационных литейных формочках. Это изобретение киевских мастеров, позволявшее производить массовое подражание дорогим ювелирным вещам, со временем было освоено и в других русских городах, в том числе и небольших. Согласно данным Т. Н. Никольской, в детинце Серенска их найдено более 50³⁷. Как удалось установить А. А. Медынцевой, осуществившей сравнительный анализ серенских и киевских формочек, между Киевом и Серенском существовали тесные контакты в первой половине XIII в.³⁸ (рис. 7).

Существенное место в системе экономических связей Киевского Поднепровья и Суздальского Ополя занимала торговля. В нее были вовлечены не только собственно русские товары, но и иноземные,

³³ Макарова Т. Н. Черневое дело Древней Руси. М., 1986. С. 120.

³⁴ Макарова Т. Н. Поливная посуда. Из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М., 1967. С. 61. (САИ; вып. Е1-38).

³⁵ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 499.

³⁶ Макарова Т. Н. Перегородчатые эмали Древней Руси. М., 1975. С. 101.

³⁷ Никольская Т. Н. Литейные формочки древнерусского Серенска // Культура средневековой Руси. Л., 1974. С. 40–46.

³⁸ Медынцева А. А. О литейных формочках с надписями Максим // Древняя Русь и славяне. М., 1978. С. 378–382.

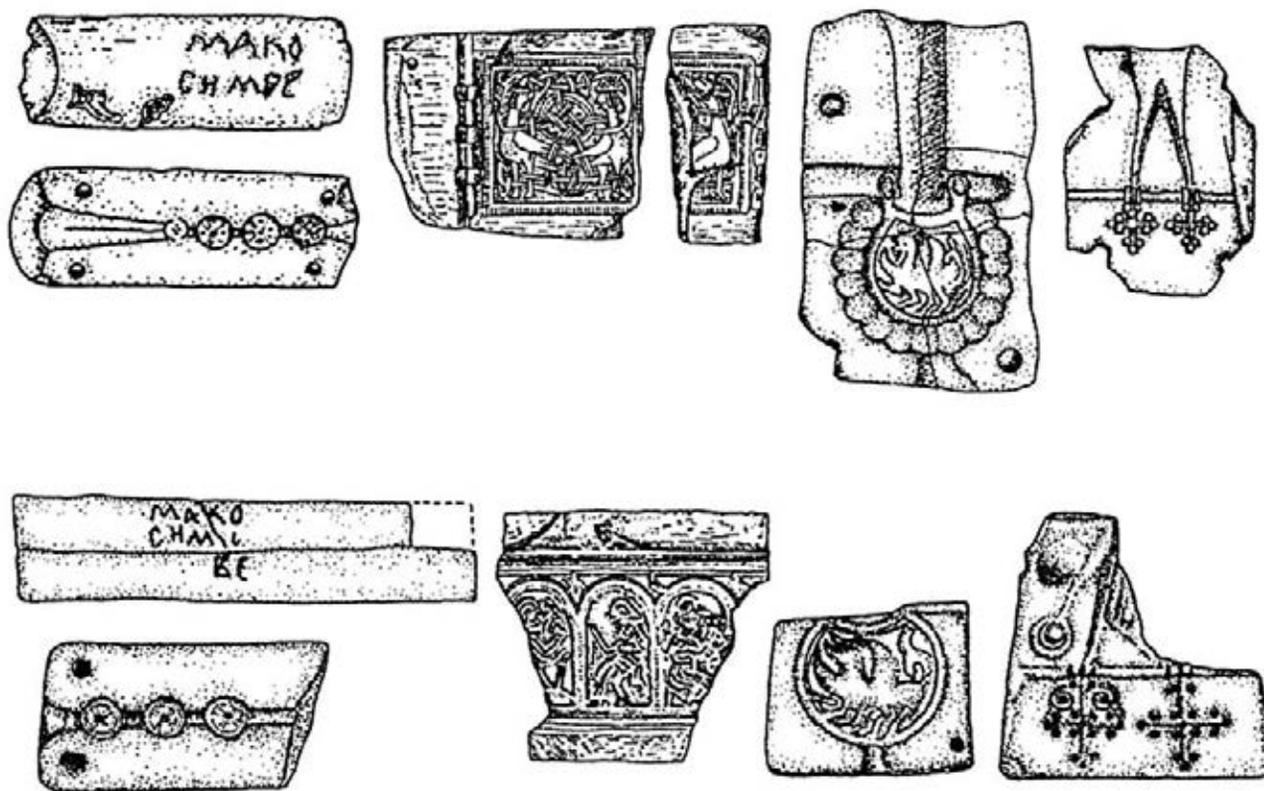

Рис. 7. Литейные формочки XII–XIII вв. из Киева и Серенска

поступавшие в Киев из Византии, Крыма, Сирии и др. стран. Это, прежде всего, шелковые ткани, в том числе и золототканые, произведения глиптики, в частности, резные иконки на агате, сапфире и стеатите, глазчатые бусы, стеклянная посуда, оконницы, амфоры³⁹. Из южнорусских изделий, поступавших на северо-восток, следует отметить стеклянные браслеты, кресты-энколпионы, шиферные пряслица, серебряные черные браслеты, колты, трехбусинные серьги и др.

Все эти товары из Киева на северо-восток шли несколькими путями. В X–XI вв. водно-сухопутным: вверх по Днепру, затем на Вазузу, оттуда – на Верхнюю Волгу, Нерль и Нерль Клязьменскую⁴⁰. Именно этим путем, согласно «Сказанию о чудесах Владимирской Божьей Матери», ехал в 1155 г. из Вышгорода в Суздаль Андрей Боголюбский. «Едущу

к нему путем, поя с собой проводника и приеха к реце Вазузе». Еще раньше по нему, по-видимому, ездили в Киев князья Борис и Глеб, княжившие в Ростове и Муроме.

В XII в. этот кружной путь потерял свое значение и на смену ему пришел более короткий сухопутный. Видимо, именно по нему шел в 1152 г. в Южную Русь Юрий Долгорукий, чтобы добыть себе великокняжеский киевский стол. В летописи его путь отмечен городами Вятичь, Мценск, Спаш, Глухов, Березый и Гюричев, что неподалеку от Чернигова. Узнав, что навстречу ему из Киева выступили Изяслав Мстиславич и его союзники, Юрий решил вернуться назад в Суздаль. Конечным пунктом его обратного пути в летописи назван Вятичь⁴¹. Как исходный пункт похода Юрия на Киев Вятичь назван и в статье 1154 г. «В то же лѣто поиде Гюрги с Ростовци, и с Суздальци, и со всѣми дѣтми в Русь ... пришедшу же ему в Вятичѣ, и ста не дошедѣ Козельска»⁴².

Есть все основания полагать, что это был наезженный и, по условиям времени, хорошо обустро-

³⁹ Сабурова М.А., Елкина А.К. Детали древнерусской одежды по материалам некрополя Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991. С. 65; Фехнер М.В. Шелковые ткани как источник для изучения экономических связей Древней Руси // История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971. С. 222; Седова М.В. Указ. соч. С. 185.

⁴⁰ Седова М.В. Указ. соч. С. 185.

⁴¹ Толочко П.П. Пути-дороги Киевской Руси // Киев и Русь. К., 2008. С. 317.

⁴² ПСРЛ. Т. 1.

енный путь. Поскольку на южнорусском отрезке он проходил по Черниговской земле, то обслуживался и контролировался черниговскими князьями. Об этом мы узнаем из летописной статьи 1196 г. Ипатьевской летописи. В ней содержится просьба киевского князя Рюрика Ростиславича к Ярославу Черниговскому пропустить киевское посольство к Всеволоду Суздальскому. Ярослав не только не пропустил послов, но еще и заблокировал путь. «Ярославъ Рюриковѣ рѣчи не имяше въры и того дѣля не пуеяше послѡвъ Рюриковыхъ сквозь свою волость»⁴³. В продолжении статьи говорится, что Ярослав, опасаясь неожиданного вторжения в Черниговщину Всеволода Юрьевича, велел разрушить мосты через реки. «И ста под лѣсы своими, засѣкса отъ Всеволода и отъ Давида, и по рѣкамъ велѣ мосты подѣсѣчи»⁴⁴.

Теоретически можно было бы предположить, что какой-то путь на северо-восток проходил также и по землям Переяславского княжества. Особенно учитывая его перманентную политическую зависимость от Владимиро-Суздальского стола. Однако каких-либо свидетельств в летописях об этом мы не находим. Но зато находим указания, что переяславцы и в начале XIII в. пользовались всё тем же

«черниговским» путем. В статье 1206 г. Лаврентьевской летописи сообщается, что переяславский князь Ярослав Всеволодович, вынужденный, под давлением Всеволода Чермного, покинуть свой стол, запросил черниговского князя дать ему путь в Суздаль. «Ярославъ же посла к нему пути прося у него, Всеволодъ же цѣлова крестъ, и да ему путь»⁴⁵.

Подводя краткий итог сказанному, можно утверждать, что Киевское Поднепровье и Суздальское Ополе с конца XI и до 40-х годов XIII в. находились в тесном культурно-историческом единстве. По существу, Северо-Восточная Русь явилась органическим продолжением Южной. Можно сказать, из нее и выросла. В свое время в литературе высказывалась мысль, что в результате отлива русских сил на северо-восток, в том числе и из-за постоянной половецкой опасности, юг Руси пришел в запустение. Многолетние археологические исследования убедительно опровергли такие предположения. На северо-восток уходило относительно избыточное население, что не сказывалось отрицательно на экономическом положении земель исхода. Одним из убедительных примеров этого может быть Григоровское сельское поселение на Среднем Днепре, пик развития которого приходился как раз на XII – начало XIII в.

⁴³ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 695–696.

⁴⁴ Там же. Стб. 698.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 1.

Summary

P. P. Tolochko

From the Dnieper Valley in the Kiev Area to the Suzdal High Plain

It can be asserted that the Dnieper Valley in the Kiev region and the Suzdal High Plain enjoyed close cultural-historical ties from the end of the 11th century until the 1240^s. In actual fact North-Eastern Rus was a natural extension of Southern Rus. It could be said that the former grew out of the latter. In the academic literature it has even been stated that as a result of the draining of Russian forces towards the North-East (in response among other things to the constant Polovtsian threat) the South of Rus

fell into a state of neglect. Many years of archaeological research have, however, shown the unfounded nature of any such suggestions. Relatively surplus population moved away north-eastwards but this did not have a negative effect on the economic position of the lands which they left. What could provide a convincing example of this is the Grigorovskoye rural settlement in the middle reaches of the Dnieper, which reached the high-point of its development precisely in the 12th and early-13th century.

Reflections on the Ecological Setting and Environmental Impact of Medieval Settlement Expansion in Northern Russia

Introduction

This paper¹ examines the evidence for settlement expansion into the north of Russia from the late 10th to the 14th century and contrasts some of that evidence with that from Novgorod.

The study area runs from the south of Novgorod, around Lake Ilmen, northwards towards the White Sea. This is a land of rivers and lakes set in a boreal forest zone largely comprised of pine, spruce and birch, but around Lake Ilmen there is deciduous forest and land suitable for cultivation. It was into this environment that Slavic peoples came and settled, probably starting in the 6th century, first around Novgorod (the Ilmen Slavs) and then slowly expanding into the northern forest zone. Indigenous tribes existed in parts of this territory who were made up of largely Finno-Ugric peoples sometimes differentiated geographically between those around the Baltic (Finno-Scandinavians or Finno-Balts) and those who lived further to the east (Finnic groups, such as the Iugra). While it is possible to identify by name some of these indigenous people from documents written down in the 12th century and later, it is extremely difficult to identify archaeologically indigenous groups in the northern part of these lands in the 9th to 11th centuries. It is thought that the territory around Lakes Onega and Beloe was sparsely populated until about the 9th century, when Slavic peoples, or perhaps a mixture of Slavic and Finno-Baltic peoples, began moving into it.

There are some general questions worth posing, which may help to introduce wider issues involving settlement expansion into new territories. For instance, what motivates people to move into new areas? In general terms there are three prime reasons:

1) to obtain new opportunities to exploit the land economically;

2) to begin a new life in a new land where there may be fewer restrictions, less victimisation and more freedom than in the homeland;

3) to control new territory for political expansion and colonisation.

The first two are largely driven by individuals (the settlers), whereas the third may have elements of coercion, or at least direction, from the political leadership of the home territory.

It may also be worth considering the different forms that settlement may take. Settlement could be temporary (often seasonal) or permanent; its location may maintain close connections with the homeland or it may be peripheral, marginal and therefore isolated; the composition of its inhabitants may be skewed (e.g. entirely or almost entirely male, at least in early phases of pioneer settlement); and the social status of its inhabitants may be quite dissimilar to those in the settlements of the homeland. The new settlement's access to resources (furs, minerals, land) may be quite high, while its access to material culture may be quite low, because of its remoteness from other centres of production.

A key question for archaeologists, historians and others will be to consider what impacts the appearance of new settlers in remote areas had on the local, vegetation (plant communities, forests, other habitats), animals, and indigenous people.

Conversely, it is also important to consider the extent to which the ecology and the natural environment influenced expansion into new territories in the first place, either by acting as an incentive (e.g. due to the richness of resources) or as a limiting factor (e.g. due to the scarcity of, or the difficulty in accessing, resources). The extent that ecological factors limited or affected settlement almost certainly changed over time, as some resources were over-exploited and became scarce, or as areas became more accessible enabling them to have a greater input into the regional economy.

¹ Parts of this paper were originally presented at a conference held in Newfoundland, Canada in 2010 and subsequently published: Brisbane M. Baltic Beads and Beaver: Motivations for Medieval Settlement Expansion in Northwestern Russia // ed. P. E. Pope and S. Lewis-Simpson. *Exploring Atlantic Transitions*. Woodbridge: Boydell Press, 2013. P. 15–24.

Figure 1: Map showing location of some of the sites mentioned in the text

The Colonisation of Northern lands in Medieval Russia

One of the main urban centres considered here is Novgorod (fig. 1), from where settlements expanded to the north and north-east. After Kiev, Novgorod and Rostov were the two most important regional centres in Russia in the early medieval period (from the late 10th to 13th centuries), and they were also the dominating political entities at that time. Rostov and Suzdal together with

their lands (often referred to as Suzdalia) made up a separate region competing with Novgorod – an important factor in the way that the northern zone was exploited.

The territory of Novgorod is often referred to as 'Novgorod Land', suggesting it was a unified entity. However, its precise definition is somewhat enigmatic. While its name suggests a unified territory, in effect it was comprised of two rather different regions, a core inner area around Novgorod itself, under the direct control of the Novgorodians, and the more peripheral land to the far

north and east, whose inhabitants paid tribute to the city via Novgorod's tax collectors.² At its peak around AD 1400, the so-called Novgorod Land stretched north to the Arctic Ocean and east to the River Ob, representing an enormous area, larger than modern day France.

Documentary evidence for this period is mostly limited to a small number of chronicles, first and foremost the Primary Russian Chronicle, which, like many chronicles, provides information on princes, political intrigue, and battles won and lost. For everything else, the main evidence comes from archaeology, and foremost amongst this is the evidence from Novgorod itself.³ Thanks to the excellent preservation of organic materials in Novgorod's anaerobic soils, we not only have a wide range of finds, but also the ephemera which permit insights into the town's links with the north. For instance, over 50 wooden cylinder seals have been found in archaeological deposits of the late 11th and 12th centuries, which tell us something of the tribute coming into Novgorod itself. These were used to seal sacks of tribute (mostly pelts) and indicated with writing and/or heraldic signs that the sack belonged to the prince, the Church (for tithes) or to the tax-collector himself, who received a specific percentage of the sums he collected. In addition, some of the cylinder seals indicated the place where the taxes had been collected. In two cases this was the area near the River Vaga, a tributary of the Northern Dvina, some 780 km to the north-east of Novgorod; another refers to a levy of furs to be collected along the River Pinega, more than 900 km from Novgorod⁴.

The Novgorod excavations also led to the recovery of the famous birch-bark documents, the first of which was discovered in 1951. Since then over 1000 of these have been excavated, many of which refer to trade, exchange and tribute collection. In one birch-bark letter, a tax collector in the north writes to a certain Khoten to complain that his area of tribute collection is too large for him to cope with and he asks for someone else to be sent to help⁵. This Khoten's name also occurs on two cylinder seals.

Another wooden artefact type associated with fur collecting is the tally stick. Over 600 examples from Novgorod are known, dating from the early 10th to early 15th centuries. The accounting tallies use the method, widespread in medieval Russia, of counting pelts in units of 40, called the *sorochook*⁶. While the cylinder seals re-

flect official tribute collection, particularly in the earlier centuries, the tally sticks show the growing influence of commercial trade using middlemen based in the town. This also helps to underline the point that the collection of pelts was a central part of the Novgorod economy. In this respect, we can see the town as both a consumer of forest products and, more importantly, as a redistribution centre for these products into wider trading networks.

This urban context and Novgorod's role in the fur trade have been well known for many years⁷. What has been less well understood, and what lacked archaeological evidence, was how contemporary rural sites were organised, and the nature and sequence of settlement expansion into the north and north-east. It was often assumed that most, if not all, of these settlements were basic hunting and trapping camps, often seasonal, and with a basic level of economy. However, recent work by Makarov and his team around Lakes Beloe and Kubenskoye in the Beloozero region has challenged and changed this perception⁸.

The Minino Archaeological Complex

One of the most interesting examples of this work occurs at the archaeological complex known as Minino located on Lake Kubenskoye, approximately 500 km east-northeast of Novgorod. The site has four components of medieval date, namely Minino I, II, VI and VII. Minino I is a settlement near the shore of the lake and is of late 10th- to early 13th-century date, while Minino II is its adjacent cemetery of approximately the same date. Minino VI and VII are settlements of the 12th to 15th century, located nearby, but slightly further away from the lake shore. These eventually replaced Minino I⁹.

The cemetery has produced remarkable evidence of grave goods, despite the nominal introduction of Christianity into the area from the end of the 10th century, a transition which is perhaps better seen in the move away from the practice of cremation to inhumation at this time. The individuals buried here clearly represent a settled population, as there are male and female burials, adults and children. Cremations (late 10th century only) are replaced by inhumations, of which there are 63 individuals, 16 male adults, 19 female adults, 26 children/juveniles and two of indeterminate age and gender. This evidence, along with the size and density of the settlement itself,

² See for example Halperin 1999 on the problems and definition of Novgorod Land.

³ See for example papers in: *Novgorod: The Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland* / ed. M. Brisbane, D. Gaimster. London: British Museum Press, 2001; *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context* / ed. M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford: Oxbow Books, 2012.

⁴ Yanin V.L. The wooden seals of tribute collectors // *Wood Use in Medieval Novgorod* / ed. M. Brisbane, J. Hather. Oxford: Oxbow Books, 2007. P. 203.

⁵ *Ibid.* P. 207 (Birch Bark Document 902).

⁶ Kovalev R.K. Accounting, tag and credit tallies // *Wood Use in Medieval Novgorod*. P. 193.

⁷ For instance: Martin J. *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986.

⁸ *Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. Т. 1: Поселения и могильники; М.: Наука, 2009. Т. 3: Палео-экологические условия, общество и культура.*

⁹ Makarov N.A. The Minino Project: The investigation of a group of medieval sites in the Byeloozero region of northern Russia // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context*. P. 40–57.

has led the excavators to estimate the population at Minino I was between 120 and 220 people, with the likely number of contemporary buildings being around 26 to 30, over the 250 to 300 years of the site's occupation¹⁰.

The archaeological evidence therefore suggests that this was not a seasonally occupied settlement of male trappers. However, the animal bone evidence shows that wild, fur-bearing animals do occupy a significant element: approximately 65% of all mammal bones identified are of wild species, of which beaver comprise 54%, squirrel 27%, pine marten 6.5% and elk 6.5%¹¹. The local lakes were also exploited for fish, which provided a significant part of the diet¹². However, domestic animals comprise about 35% of the total mammals, indicating that substantial numbers of livestock were kept at or near the site too. Over 90% of the domestic mammal bones come from cattle, sheep/goat, and pig (36%, 40%, and 15%, respectively). As discussed below, there was also abundant evidence of arable production.

The Character of the Minino Settlement and Its Environmental Impact

Further evidence for the permanency and settled nature of the Minino settlements includes the density of both houses and finds at the site, as well as extensive evidence for craft production and trade. For instance, there is abundant evidence of glass beads, metalwork, coins and trade equipment (both scales and weights). The coins are all imported and reflect contact with the Arab world in the 10th and early 11th century, but these so-called Kufic coins are largely replaced by western coins from the 11th century onwards¹³.

The extent and sophistication of non-ferrous metal production at Minino is also significant. Local cast jewellery was produced. There is evidence that low grade silver, lead-bronze and copper-zinc alloys were melted in round crucibles and that tin was melted in shallow ladles with handles. Ingots of silver, brass and copper, as well as wire, were discovered in or near workshops. Domestic products included belt fittings, finger rings, and temple rings in the 11th century; zoomorphic pendants and Christian items (crosses and small icons) in the 12th and early 13th centuries¹⁴.

¹⁰ Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. С. 60–68, 221–222.

¹¹ These figures are based on percentages of identifiable animal bones (Number of Identified Specimens Present).

¹² Hamilton-Dyer forthcoming // ed. Maltby M., Brisbane, M. *Animals and Archaeology in Northern Medieval Russia: Zooarchaeological Studies in Novgorod and its Region*. Oxford: Oxbow. [Forthcoming].

¹³ Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. С. 220–221.

¹⁴ Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском

Perhaps one of the most surprising aspects of these investigations is the impact that the inhabitants of Minino and the other settlements presumed to be in the area had on the local environment. This is underlined by the pollen evidence, which was studied as part of the research into Minino and its environment¹⁵. It showed that by the end of the 11th century/early 12th century tree pollen had dropped by 29% from 10th-century levels. At about the same time (i.e. around AD 1100), pollen common to weeds, meadow forbs and sedges, moss and willows all increased, suggesting a rise in soil water content. In addition, the presence of cereals increased, suggesting that more land was being used for arable farming while pine replaced spruce in the woods that did survive. This adds weight to the argument put forward by palynologists that rising water levels of Lake Kubenskoye and its tributaries contributed to the abandonment of Minino I at the end of the 13th century¹⁶. The cereal grain evidence suggests that barley was the dominant cereal crop, providing almost 60% of the total cereal remains found, followed by rye at about 30%. When the environmental and archaeological evidence is considered, it appears that far from being a seasonal, single-function settlement devoted to trapping, from its inception Minino was a fully settled, permanent community where farming and agriculture, trade and exchange were as much a part of settlement life as within settlements far to the south, in the homeland area of Novgorod itself¹⁷.

In this context, it would be interesting to speculate on the settlements' impact on the extent and character of the surrounding woodlands. While palynological studies are able to give us some ideas on this, a novel approach is currently being tried around Novgorod which may also prove useful to furthering our understanding of forest exploitation around Lake Kubenskoye. This study¹⁸ is using environmental evidence from Novgorod and its surrounding area to model changes to forest species over the period from around AD 800 to 1500. This will be discussed further below.

озере. Т. 3. С. 79–91; Zaitseva I.E. The manufacture of jewellery in rural settlements on the northern fringe of medieval Russia // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context*. P. 76–105.

¹⁵ Spiridovna E.A., Aleshinskaya A.S. Results of palynological investigations at archaeological sites in the Lake Ilmen (Novgorod) and Lake Kubenskoye (Beloozero) regions // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context*. P. 10–39.

¹⁶ *Ibid.*

¹⁷ Альслепен А. Археоботанические материалы: зерновые продукты в питании средневекового населения // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере*. Т. 3. С. 10–15, 211–213; Alsleben A. The Plant Economy of Northern Medieval Russia // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context*. P. 321–350.

¹⁸ Brisbane M., Cantarello E. forthcoming. 'Modelling changes in the forests of medieval Novgorod, Russia' (provisional title).

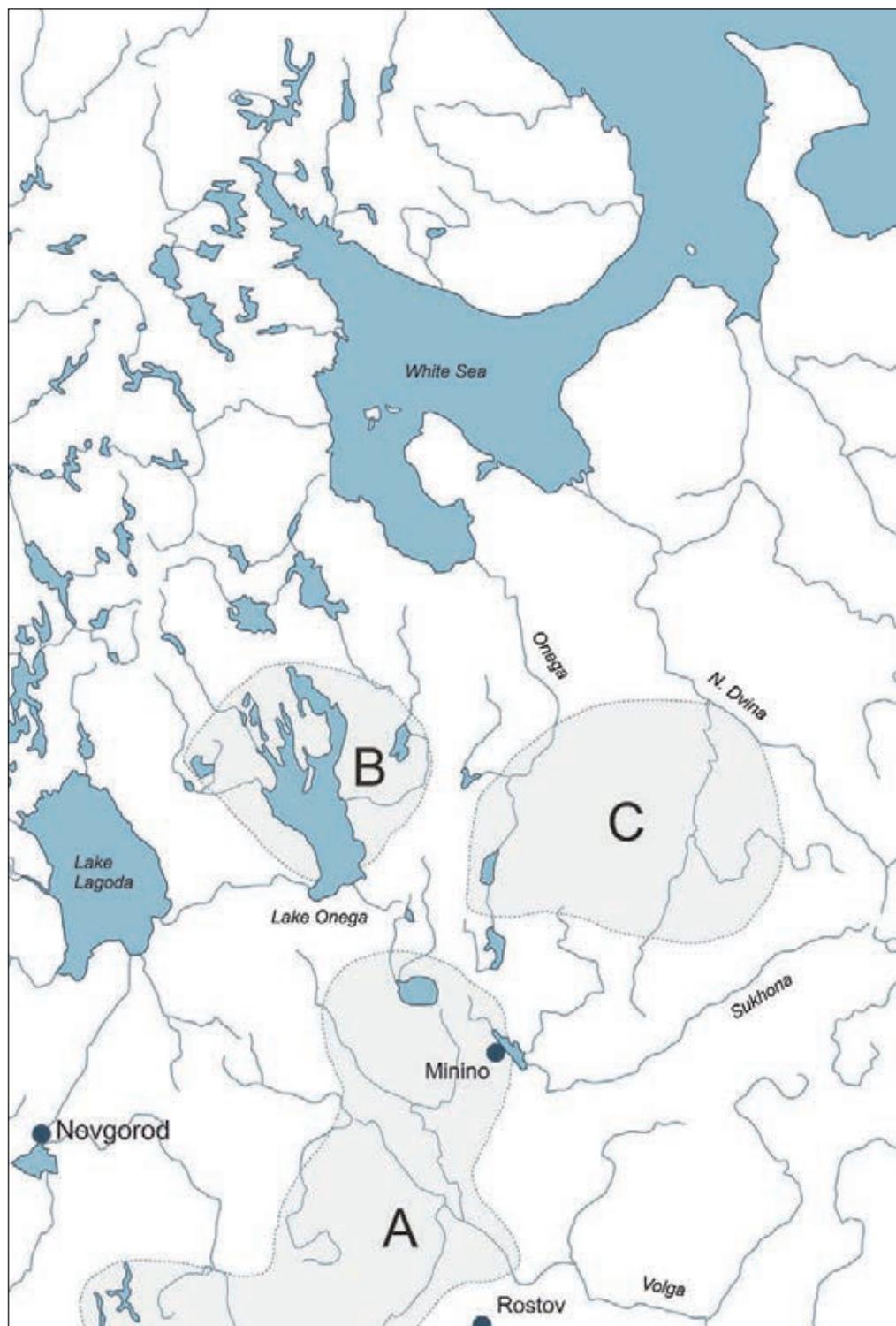

Figure 2. Areas of different types of settlement involved in fur collecting in northern Rus.

A: area of large, permanent settlements of the 10th to first half of the 13th centuries with high density of artefacts.
B: area of small, transient settlements of the 10th to 11th centuries with a low density of artefacts.

C: area of small, long term settlements of the 10th to first half of the 13th centuries with low density of artefacts.

(After: Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2009. Т. 3. Рис. 78, с. 68)

Minino in Its Wider Context

Two models (see fig.2) have been developed by Nikolai Makarov and his team for settlements to the north of Novgorod¹⁹. The first could be called 'the Minino model' where permanency of settlement supported a mixed economy, i.e. agriculture and hunting. The second model held sway in the area to the north of Minino, known as 'the Zaonezhie' (literally, 'beyond the Onega'; a sizeable lake some 200 km north of Minino and Lake Kubenskoye). Here, archaeological evidence is emerging for settlements occupied seasonally where hunting and trapping appear to have been the main activities²⁰. Within these new lands the role of portages as significant points in the colonisation process was recognised by Makarov after extensive study of six portages/river systems in the late 1980s and 1990s²¹. These waterways and portages had been used over a long period, as there is some evidence for sporadic use in the Neolithic, Bronze Age and Iron Age. However, the 11th century is the key period for development of portages and for the permanent settlements that were established around them, from the 11th to 13th centuries. This led Makarov to propose that the role of portages was crucial in transforming temporary, transient sites into permanent settlements, and convinced him that this was a form of colonisation by the Novgorodian city-state.

It is well known that Novgorod and Rostov maintained permanent settlements within the inner core of their lands. However, in the far-flung, outer regions there were seasonal camps for trapping fur-bearing animals and occasionally supporting tribute collectors, who operated right across the Iugra (the northern lands from the Pechora and Ob Rivers to the Urals and occupied by people of the same name), collecting from indigenous peoples, primarily Finno-Ugric tribes. This phase of expansion comes to an end shortly after the Mongol invasion of 1237, although the full extent of the impact of that invasion and its consequences is still very much debated. In general terms, Russia's development for the next 100 years or so is less expansionistic and more inward looking, concerned with satisfying the demands placed upon it by the Mongol invaders.

It would have taken some years before these northern areas were truly under the direct control of their homeland. And when they were, it was not Novgorod and Rostov, but the emerging state of Muscovy that un-

dertook colonial domination. According to Martin, 'The first Muscovite campaign into the wilderness inhabited by the Iugra was undertaken in 1465'²². From the mid-15th century to circa 1500, Moscow and the khanate of Kazan gained control over access to the supplies of northern luxury fur, while Novgorod held on to its squirrel trade and the method of fur supply associated with that commodity²³. Novgorod increasingly looked west to the Hanseatic League and the Baltic, while Rostov-Suzdal looked east and south until it was taken over by Muscovy and the khanates of Kazan. Finally, Novgorod was also annexed by Moscow in 1478, at which point its period of interest and control in the north was effectively over.

Contrasts With Novgorod

Equally crucial to understanding the nature and changes of the expansion and exploitation of the Novgorod Land is the evidence from Novgorod itself. It provides evidence of which resources were being directly consumed and utilised by the population of Novgorod. Comparing and contrasting the evidence from Novgorod with more distant sites, such as Minino, provide a useful cross-check for identifying the changing availability and exploitation of those resources over time.

The balance between wild and domesticated animals at Minino stands in marked contrast to that from Novgorod itself. From the excavations at Troitsky sites IX, X and XI, over 63,000 animal bone elements were recovered including over 33,000 identified mammalian remains. The identified material was dominated by bones of cattle and, to a lesser extent, by those of pig and sheep/goat. Bones of fur-bearing mammals form a very small proportion of the mammal assemblage in Novgorod. Beaver was the most common but only comprised 0.3% of the identified mammal elements. Although skeletal elements of beaver provide only a tiny proportion of the Troitsky assemblage, the types of beaver bones represented on the Troitsky sites clearly indicate that whole carcasses were sometimes brought to the town (tab. 1). Although mandibles are the best represented elements, many of the bones belong to the upper limbs. Foot bones are under-represented. These bones may often have been removed with the skins off-site. However, it is also possible that these small bones were commonly overlooked during normal excavation. More extensive sieving experiments are required to establish that their absence is not simply a factor of differential retrieval. Processing marks were observed on 37% of the beaver elements recovered, excluding teeth. Clear skinning marks were observed near the orbits of one skull and on the buccal aspect (cheek) of a mandible. However, most of the remaining butchery marks were made during dismemberment and filleting of the shoul-

¹⁹ Макаров Н.А., Захаров С.Д. Пушной промысел в хозяйстве кубенозерских поселений // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. С. 68–79, 222–224.

²⁰ Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3.

²¹ Makarov N.A. Portages of the Russian North: Historical Geography and Archaeology // *Fennoscandia Archaeologica*, XI. 1994. P. 13–27.

²² Martin J. *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. P. 95.

²³ *Ibid.* P. 92.

Table 1

**Elements of beaver from Troitsky Sites IX-XI,
Novgorod**
(NISP = Number of Identified Specimens Present)

Element	NISP	Butchered
Maxilla	4	
Skull frag	3	1
Mandible	16	6
Teeth	6	
Scapula	6	5
Clavicle	2	1
Humerus	8	6
Radius	3	2
Ulna	6	2
Pelvis	10	5
Femur	7	2
Tibia	11	3
Fibula	2	
Astragalus	1	
Calcaneus	2	
Metatarsal	1	
Vertebrae	5	
Ribs	7	2
Total	100	35
% butchered (excluding teeth)		37,2

der, pelvis and upper limbs rather than skinning (tab. 1). It is fair to say, however, that the beaver's and other wild mammal species' great importance as providers of pelts for regional and international trade is not reflected in the zooarchaeological material from Novgorod itself where the assemblages are dominated by bones associated with meat consumption rather than skinning.

These findings are in marked contrast to the evidence from Minino, where, as discussed above, the inhabitants ate much more meat from wild mammals than the residents of Novgorod. Beaver is the best represented species forming 35% of the assemblage²⁴. Again these bones include many elements from the upper limbs. Other animals hunted for their pelts, particularly squirrels and marten, also provided significant amounts of meat for the local community.

²⁴ Savinetsky A.B. Archaeozoological materials from Minino and changes in populations of utilized mammals from the North of European Russia from the Mesolithic to the Medieval Period // ed. M. Maltby, M. Brisbane. *Animals and Archaeology in Northern Medieval Russia: Zooarchaeological Studies in Novgorod and its Region*. Oxford: Oxbow. [Forthcoming].

The impact of incoming hunters and trappers on the wild animal population is reflected in the bone evidence. From the 11th to 13th century the number of elk that were exploited grew, while beaver declined, although not catastrophically. While the evidence for beaver exploitation declines, that for squirrel increases, a fact also borne out by the documentary evidence, which shows huge numbers of squirrel pelts being extracted from the forest²⁵. It is interesting to note the lack of bone evidence for sable at Minino and other nearby sites; this is because these were trapped further north – a driving factor for both Novgorodian and Suzdalian expansion north-east of Minino into the area known as the Zaonezhie.

Beaver Decline

Let's examine the evidence for beaver decline in more detail. As noted above, the importance of Novgorod in the international fur trade is well known. There is evidence, however, that the numbers of beaver caught by the inhabitants of Minino fell significantly in the 13th century. The percentage of beaver decreases from 41% in deposits dated to the 11th and early 12th century to 22% in features of 13th century date, with corresponding decreases in the numbers of squirrel and marten bone²⁶. Overexploitation, possibly reflected in the beaver mortality patterns at Minino, and the clearance of woodland for agriculture and pasture are both likely to have been factors in their decline. This also seems to be reflected at Novgorod. There are scarcely any beaver remains from the upper layers of the Troitsky deposits, which date from the 13th to 15th centuries. This supports other evidence for the decline in the beaver fur trade at this time²⁷. It is probably also significant that none of the Novgorod birch-bark documents that make reference to beavers are dated later than the early 13th century²⁸. The beaver assemblage from Novgorod probably mainly consists of animals captured in the near vicinity, which provided an occasional supplement to the urban diet. This local beaver population may have largely disappeared by the later medieval period.

Therefore, the international importance of the Novgorodian fur industry is best reflected in the composition of the zooarchaeological assemblage at Minino, located near one of the major procurement areas. Here, many of the skinned animals were also butchered for meat. However, the beaver's importance is not evident in

²⁵ For Novgorod trade in squirrel pelts see Martin J. *Treasure of the Land of Darkness: The Fur Trade and its Significance for Medieval Russia*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1986. especially 61–85 & 151–63; Makarov N.A. The fur trade in the economy of the northern borderlands of medieval Russia // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context*. P. 381–390.

²⁶ Savinetsky A. B. Op. cit.

²⁷ Martin J. Op. cit.; Makarov N.A. The fur trade in the economy of the northern borderlands of medieval Russia // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context*. P. 381–390.

²⁸ Rybina E.A. Fishing and hunting // *Wood Use in Medieval Novgorod*. P. 132.

the faunal assemblage from Novgorod itself. Most skinning took place elsewhere and therefore it was their pelts, rather than their meat that was brought to the town. In addition, the majority of the pelts were subsequently exported. Zooarchaeological evidence for the importance of furs and skins of all wild species to the inhabitants of Novgorod is therefore likely to be extremely limited.

Studies of the evidence for the exploitation of beavers in Novgorod have been used to illustrate the benefits of a holistic approach to medieval urban studies. To understand the complexity of life in a medieval town, it is necessary to embrace as many sources of evidence as possible. A similar approach can be made for the investigation of the importance of other species found in Novgorod. For example, the importance of fishing to the Novgorod economy is only partially reflected in the zooarchaeological data currently available²⁹. A much more extensive programme of sieving is required to establish more clearly the importance of the exploitation of fish, birds and many of the smaller mammal species including beaver and squirrel. This assessment has also demonstrated that there are opportunities to make much more detailed comparisons of the faunal assemblages within and between properties and between different areas of the town. To achieve this, however, a much more systematic collection policy for animal bones and other environmental data is required. The results at Minino provide an excellent illustration of how a systematic sieving programme can enhance our understanding of animal exploitation.

The study of the beaver remains in particular has demonstrated that the study of urban bone assemblages has to be complemented by analyses of remains recovered from other settlements within the region.

Forest Changes

As is well known, Novgorod is built almost entirely of wood and thus exploited its forests extensively, not only for building and street construction, but also furniture, domestic and agricultural items, tools and everyday items as well as fuel for heating and cooking and fodder/pannage for animals. Due to excellent organic preservation, wooden objects of all kinds have been excavated, studied and published, indicating how different tree species and tree sizes were selected for particular uses³⁰.

A current project is underway to attempt to map the forest and its exploitation. It will use archaeological

²⁹ Brisbane M. and Maltby M. Love letters to bare bones: a comparison of two types of evidence for the use of animals in medieval Novgorod // *Archaeological Review from Cambridge*, 18. 2002. P. 100–119; Maltby M. From alces to zander: a summary of the zooarchaeological evidence from Novgorod, Gorodishche and Minino // *The Archaeology of Medieval Novgorod in Context*. P. 351–380.

³⁰ See for instance papers in: *Wood Use in Medieval Novgorod*.

evidence from sites in Novgorod and its hinterland, as well as pollen and other ecological studies. The project adopts a novel approach, using a forest simulation model constructed using a programme known as LANDIS II. This software is normally used by ecologists to predict the long term impact of different forest management regimes. The study will use LANDIS to model forest change from approximately AD 700 to 1500, using different scenarios to see how the main species were affected³¹.

Using conifers (predominantly pine and spruce) and key deciduous trees (oak, lime, ash, etc.) and taking into account soil types, height above sea level, hydrology, climate and the accessibility of the forest, three or four possible scenarios for forest exploitation will be presented, each with varying degrees of intensity of exploitation. These will be checked against historical surveys and maps of the Novgorod forest from the 18th and 19th centuries.

In this way, a clearer model should emerge that helps to show how the intensity of land clearance together with the extensive exploitation of woodland through activity such as artisan production and town construction impacted on the forest, its ability to regenerate, the decline of certain species (deciduous mainly), and the deliberate removal of older and larger trees for construction and other purposes³².

Furthermore, it should be possible to trace the impact on the forest from around the 6th or 7th century when an early phase of forest clearance, most likely using slash and burn methods, took place around lakesides and along river valleys. This would have continued into the 8th and 9th century when clear-felling becomes more widespread but almost certainly continued into the 10th century and beyond³³. The demands of Novgorod's growing population meant that from the 10th to 14th century there was a phase of more intensive forestry with selected harvesting of species. This would be affected by the desirability of each tree species due to the quality of the wood and the size of the tree. Other factors affecting selection include the accessibility of tree types due to their location, distance from the town or the river, the local terrain, ownership and rights of access.

At this stage the above research is only exploring a series of hypotheses for testing, but it is hoped that running more simulations using LANDIS may develop this model further. While it may never be possible to recreate accurately the total forest cover of the hin-

³¹ Brisbane M., Cantarello E. Modelling changes in the forests of medieval Novgorod, Russia (provisional title). [Forthcoming].

³² Tarabardina O. Building timber in medieval Novgorod based on materials from the Troitsky XI and XII excavations // *Wood Use in Medieval Novgorod*. P. 106–118.

³³ See for example the debate about forest clearing in: Ankudinov I.Y. 'Novgorod birchbark documents as a source on the history of assarting new land // 50 years since their discovery, 50 years of their study: Materials from an International Conference held in Novgorod, Sept. 24–27 / ed. V. L. Yanin Novgorod, 2001.

terland of medieval Novgorod, it should be possible to suggest ways in which the forest was exploited that appear credible when assessed against other types of evidence. Comparisons of forest changes over time between the immediate hinterland of Novgorod and the far-flung settlements to the north and east, such as Minino, should help to put these medieval sites into their environmental setting and allow us to examine their impact on local ecology.

Conclusions

Favourable ecology would have influenced greatly the choice of region for expansion, with areas of abundant, desirable natural resources having particular appeal. Also, the extent to which the environment was suited to permanent settlement influenced whether there were established indigenous communities in place who could serve as procurers of desired resources.

The original motive for moving into a new territory changes over time. At first activities may be motivated by individuals' desire to exploit and profit from a natural resource (in this case, fur); however, they soon acquire other, less individually-oriented motives, such as the domination of an indigenous population through the taking of territory by an expanding entity (in this case the princedom of Novgorod).

It is also important to consider the immediate and long-term impact of the incoming population on the ecology of the settled region, in particular changes to flora and fauna. As has been demonstrated above, this can be investigated through the analysis of pollen, plant macrofossil and animal bone evidence. These can be used as the basis to develop detailed models of landscape and vegetation change.

Acknowledgements

We would like to thank colleagues at the Institute of Archaeology in Moscow, especially Dr Nikolai Makarov, for allowing us to use some of the published and unpublished material from their investigations at various sites but especially at Minino, and for sharing their findings with us. We would also like to acknowledge the support over many years of friends and colleagues in the Novgorod Archaeological Research Centre, the Institute for the History of Material Culture in St Petersburg, and the Department of Archaeology, Moscow State University. We are grateful to Mark Dover for his help with the illustrations. Mark Brisbane would also like to thank Dr Elena Cantarello for her help and advice with the forest modelling exercise, Katharine Judelson for the translation of the summary, and the Leverhulme Trust for support through an Emeritus Fellowship.

Резюме

Марк Брисбейн, Эллен Хэмблтон, Шейла Гамильтон-Дайер, Марк Молтби

Размышления по поводу экологического контекста и воздействия на окружающую среду расширением средневековых поселений в Северной Руси

Благодаря исследованиям под руководством директора Института археологии РАН Н.А. Макарова около Белоозера и Кубенского озера в Северной Руси, получены свидетельства существования долговременных поселений XI в. в регионе, который раньше считался местом только временного проживания в этот период, в основном охотников за пушным зверем. В статье рассматриваются свидетельства, касающиеся обширных поселений в области Белоозера, включая остатки поселений и могильников вместе с предметами материальной культуры. Обсуждается вопрос о том, в какой степени окружающая среда влияла на развитие посе-

лений, и оценивается, как некоторые особенности данной среды (кости не только диких, но и одомашненных животных; использование лесных ресурсов) определяли различные типы поселений и длительность их существования. В работе рассматривается воздействие поселений на окружающую среду, а также некоторые другие явления, вызывающие распространение и рост поселений в данной части Руси, как, например, торговая и коммерческая деятельность, политические устремления и конкуренция между расширяющимися политическими образованиями, в частности, Новгородом и Ростовом Великим.

Археологические данные к истории Ростовской епархии

Традиционная церковная история соотносит учреждение Ростовской епархии с событиями первых лет после крещения Руси и опирается на летописную легенду. Ее истоки могут уходить в 1060-е гг., время Андрея Боголюбского¹, в окончательном виде она нашла отражение в общерусских летописных сводах. Согласно Никоновской летописи, в 992 г. Владимир Святославич «ходи... в Суздальскую землю, и тамо крести всех». Тогда же митрополит Леон «в Ростове постави епископа Феодора»². В разных версиях этот сюжет находим в других летописных сводах XVI в. В ранних летописях такого рода сведения отсутствуют. Достоверность приведенного рассказа сомнительна. В начале 990-х гг. киевский князь был занят обороной от печенегов, обустройством южной границы и не располагал временем для миссионерской деятельности³. Других источников, указывающих на время появления епископов в Ростове, не существует.

Исторические исследования показали, что учреждение Ростовской епископии произошло во второй половине XI в. М.Д.Приселков допускал возможность основания кафедры в Ростове после 1064 г., Н.Н.Воронин – в 1060-х гг., А.Поппе – в период 1073–1074 гг., Я.Н.Щапов – в 1072–1073 гг., после восстания 1071 г.⁴ По версии А.В.Назаренко, Ростовская епископия в числе некоторых других была учреждена в последние годы княжения Ярослава Мудрого, около 1046 г. Затем, с 1054 по 1075 г., церковное управление Ростовскими землями осуществлялось из Переяславля, а самостоятельная кафедра была воссоздана в 1070-е гг. (скорее, в 1075 г.). Сложная судьба епархии объясняется перипетиями политической и церковной истории своего време-

ни⁵. Предложенная реконструкция при некоторой, признаваемой автором условности датировок представляется наиболее аргументированной из существующих. В подтверждение или опровержение гипотезы уместно обратиться к материалам XI в. главного города епархии – Ростова.

В 1160 г. в Ростове сгорела церковь Успения Богородицы, «дивная и великая... яко же не было ни будеть»⁶. Есть все основания считать ее первым соборным храмом Ростовской епархии. Поэтому выяснение времени ее строительства могло бы уточнить и время становления церковной организации в Северо-Восточной Руси.

«Ясность» была внесена уже в летописные своды XVI в. в соответствии с упомянутой выше легендой. В Тверском сборнике (1534 г.) в добавление к сообщению о пожаре указано, что «стоала та церковь 168 лет»⁷. Т.е. строительство состоялось в 992 г. В начальной части сборника это событие помечено под 991 г. и связано с именем первого ростовского епископа Федора (Феодора)⁸. В Воскресенской летописи строительство также отмечено под 991 г. с указанием первых семи ростовских иерархов, в ней служивших до гибели церкви в пожаре через 168 лет⁹. Несколько по-иному, но в контексте той же созданной легенды о крещении Ростовской и Суздальской земель освещает это событие Никоновская летопись: «церковь древяну... причистья Богородицы» в 991 г. князь Владимир поставил в основанном им Владимире¹⁰, а создание ростовского храма соотносится с именем второго ростовского епископа Илариона без указания вре-

¹ Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского» и византийско-русские отношения второй половины XII в. // Византийский временник. Т. 23. М., 1963. С. 33, 34, 42, 43, 45.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 64, 65.

³ ПВЛ. С. 54, 55.

⁴ Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 47.

⁵ Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 175, 195, 196, 204–206.

⁶ ПСРЛ. Т. 1. С. 242. Стб. 351.

⁷ ПСРЛ. Т. XV. М., 1965. Стб. 230.

⁸ Там же. Стб. 115.

⁹ ПСРЛ. Т. VII. СПб., 1856. С. 313–314.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 9. М., 1965. С. 64.

мени. Об этом сказано в известии о пожаре с перенесением даты события на 1162 г.¹¹

Епископы Ростова конца X – первой половины XI вв. Федор и Иларион – пастыри легендарные. По «Житию» св. Леонтия (четвертая редакция, XVI в.), Федор не смог преодолеть укоренившееся злое неверие ростовцев и был ими изгнан, а Иларион и вовсе сбежал из Ростова, «ни во что же успев»¹². Таким образом, агиография расходится с отраженными в летописях церковными рассказами. Не исключено, что Федор и Иларион – персонажи вымышленные¹³. Однако А. В. Назаренко указал на нелогичность и отсутствие каких-либо причин для оправдания такой выдумки. Федор и Иларион вполне могли быть реальными епископами первого периода существования Ростовской епархии 1046–1054 гг.¹⁴ Но в таком случае о возведении церкви в конце X в. не может быть речи.

Для уточнения вероятного времени строительства можно вспомнить сообщение Киево-Печерского патерика, источника XIII в., о создании Владимиром Мономахом каменных храмов в Ростове и Суздале. В Суздале собор был возведен на рубеже XI–XII вв., что подтверждено археологическими исследованиями¹⁵. В Ростове свидетельств каменного строительства этого времени нет, и в этой части рассказ патерика является «церковной легендой»¹⁶. Однако может оказаться, что патерик неверен в отношении каменного строительства в Ростове, но справедлив в утверждении самого факта создания храма, пусть деревянного. Владимир Мономах впервые появился в Ростове в 1068 г.¹⁷, и например, по мнению А. Н. Насонова, к этому времени можно отнести построение им церкви Успения Богородицы¹⁸. Но это не более чем предположение.

Однако предложенная дата заставляет вспомнить имя третьего ростовского епископа Леонтия (а по версии Киево-Печерского патерика – епископа первопрестольного), который является первым

достоверным главой Ростовской епархии и первым ростовским святым, канонизированным спустя немногим более 100 лет после смерти¹⁹. Как отмечал В. О. Ключевский, время его деятельности в Ростове «только по догадке, на основании других источников относят к третьей четверти XI в.»²⁰. Вероятное время смерти Леонтия исследователи определяют 1071–1073 гг.²¹ Иная версия времени появления епископа в Ростове – 1075 г. – связана с предпологаемым возобновлением владычной кафедры²².

Учитывая все скудные данные, в том числе небогатое на описание событий Житие, можно полагать, что период пребывания Леонтия во главе Ростовской епархии был недолог. Создание соборной церкви можно было бы связать с деятельностью Леонтия, но в Житии (старейшая синодальная редакция) указано, что похоронен Леонтий был в церкви пресвятой Богородицы «яже бе создал преже бывший его епископ»²³.

Подводя итог рассмотрению свидетельств письменных источников и мнений исследователей, приходится констатировать, что никакой определенности в вопросе о времени строительства первой ростовской деревянной церкви нет.

Между тем факт ее существования и гибели в пожаре подтвержден археологическими наблюдениями. Свидетельствами этого события Н. Н. Воронин считал находки крупных кусков древесного угля «в нижних слоях строительного мусора южной апсиды»²⁴. Стратиграфически определимый слой пожара был выявлен у северной стены ныне стоящего Успенского собора. Углистый слой толщиной до 0,15 м находился на глубине 3,7 м от поверхности и был перекрыт уложенным для выравнивания поверхности метровым слоем материковой глины. Поверх этого грунта была устроена мощная площадь первого белокаменного собора 1162 г. Таким образом, археологический контекст полностью соответствует летописному сообщению о скором строительстве каменного храма на месте сгоревшей церкви.

В горизонте пожара, опять же в подтверждение летописи о «церкви дубовой», были найдены несколько обломков дубовых плах и доски, два гвоздя и деревянная деталь кровли (?), изготовленная из массивной дубовой развилки. Керамика представлена фрагментом характерного для XII в. сосуда с частым линейным орнаментом.

¹¹ ПСРЛ. Т. 9. М., 1965. С. 230.

¹² Титов А. А. Житие св. Леонтия, епископа Ростовского. М., 1893. С. 3.

¹³ Шапов Я. Н. Указ. соч. С. 46.

¹⁴ Назаренко А. В. Указ. соч. С. 196.

¹⁵ Зыков П. Л. Собор Владимира Мономаха в Суздале. Плановая и пространственная композиция: материалы к реконструкции // Архитектура Византии и Древней Руси IX–XIII вв. СПб., 2010. С. 361–376. (ТГЭ; LIII).

¹⁶ Воронин Н. Н. Археологические исследования архитектурных памятников Ростова // Материалы по изучению и реставрации памятников архитектуры Ярославской области. 1: Древний Ростов. Ярославль, 1958. С. 4–6. См. также: Воронин Н. Н. Политическая легенда в Киево-Печерском Патерике // Труды отдела древнерусской литературы. Т. XI. Л., 1955. С. 96–102.

¹⁷ ПВЛ. С. 521 (комментарии Д. С. Лихачева).

¹⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства: историко-географическое исследование. Монголы и Русь. СПб.: Наука, 2002. С. 164.

¹⁹ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 2003. С. 10–12.

²⁰ Там же. С. 15.

²¹ Ключевский В. О. Указ. соч. С. 15, прим. 2; Воронин Н. Н. «Житие Леонтия Ростовского»... С. 23; Хорошев А. С. Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986. С. 61.

²² Назаренко А. В. Указ. соч. С. 205.

²³ Семенченко Г. В. Древнейшие редакции Жития Леонтия Ростовского // ТОДРЛ. Т. 42. Л., 1989. С. 250.

²⁴ Воронин Н. Н. Археологические исследования... С. 6.

Под слоем пожара залегал обычный для Ростова культурный слой: темно-серый суглинок с включениями щепы, камней и т.п. толщиной до 0,95 м, сменяющийся внизу слоем нарушенной хозяйственной деятельностью погребенной почвы. Немногочисленные обломки керамики из нижележащих отложений принадлежат круговым сосудам, которые можно датировать временем не ранее XI в. Определительный горизонт строительства деревянной церкви не прослеживается, хотя обилие щепы непосредственно под пожарищем может указывать на проводившиеся строительные работы за недолгое до пожара время. Но следует отметить, что шурф пришелся на участок естественного понижения древней поверхности и отложения здесь при сохранении хронологической последовательности сформированы, скорее, за счет смыва или сознательного сброса культурного слоя в западину с близлежащей территории. Поэтому и остатки пожарища, строго говоря, могли попасть сюда в результате расчистки церковного места под новое каменное здание.

При отсутствии очевидных следов строительства остается возможным определить вероятный период создания церкви на основании данных раскопок в других местах соборной площади. Раскопки 1986–1988 гг. у западной паперти собора показали, что к западу от собора специфический культурный слой площади формируется только после строительства собора 1162 г. поверх связанной с ним мощеной площади²⁵. Горизонт пожара 1160 г. не зафиксирован. Ниже лежит слой погребенной почвы, лишенный следов строительства или постоянного использования, с единичными находками круговой и лепной керамики, обычной для Ростова вплоть до последней четверти XI в.²⁶

В 30 м к югу от собора у Воскресенской надвратной церкви кремля под слоем упомянутого мощения площади сохранился культурный слой. Наиболее ранние следы освоения участка (переотложенный горизонт погребенной почвы с находками керамики) относятся к первой половине XI в. Но сколь-нибудь созидательная деятельность начинается со второй половины столетия. В третьей четверти XI в. появляется деревянный настил, ведущий в сторону, где могла стоять церковь²⁷.

Итак, не слишком информативные с точки зрения рассматриваемого вопроса результаты археологических раскопок не подтверждают летопис-

ную легенду о создании первого храма Успения Богородицы во времена Владимира Святославича, но позволяют считать, что строительство могло состояться не ранее середины – третьей четверти XI в. Если же помнить существующие свидетельства письменных источников и гипотезу А. В. Назаренко, то событие можно отнести к первому периоду истории епархии, времени первых епископов Федора или Илариона то есть подтвердить церковную легенду XVI в., но с существенной хронологической поправкой: церковь была поставлена в 1046–1054 гг., в последнее десятилетие княжения Ярослава Мудрого, наряду с Успенским соборами Волынской и Туровской епархий²⁸.

Другие доказательства распространения христианства в Ростове по археологическим данным, скорее, относятся к последней трети XI в., т.е. времени епископов Леонтия и Исая. В историю русской церкви Леонтий вошел и был канонизирован как равноапостольный святитель, крестивший ростовцев. Вместе с тем святой долгое время почитался как мученик, а его имя как первопрестольника в некоторых синодиках ростовских храмов XVII в. стояло на первом месте в последовательном списке ростовских архиереев²⁹. Эта версия истории ростовской кафедры восходит к Киево-Печерскому патерику «...его же невернии много мучивши, убиша...»³⁰. Независимо от разночтений источников, очевидно, что епископу Леонтию в Ростове пришлось столкнуться с некрещеными горожанами. Апостольскую и миссионерскую деятельность в пределах епархии продолжил его преемник, епископ Исая³¹, возглавлявший епархию в 1077–1090 гг., также впоследствии канонизированный.

Наиболее ранними христианскими погребениями, известными в Ростове, являются два детских захоронения, открытых поблизости от собора, в раскопе у Воскресенских ворот кремля. Оба совершены в гробиках или на помостах (?)³². Захоронения детей в указанном историко-археологическом контексте заставляют вспомнить сведения Жития св. Леонтия о его миссионерском внимании к детям. Применение в конструкции одного из гробов поперечной

²⁸ Назаренко А.В. Указ. соч. С. 198–202.

²⁹ Мельник А.Г. Святой Леонтий Ростовский: равноапостольный или мученик? // Сообщения ростовского музея. Вып. XIV. Ростов, 2003. С. 86–89.

³⁰ Киево-Печерский патерик (отрывки). Послание смиренного епископа Симона Владимирского и Суздальского к Поликарпу черноризцу печерскому. Слово 14 // Изборник. Повести Древней Руси / сост. и комм. Л.А. Дмитриев, Н.В. Понырко. М., 1987. С. 114–116.

³¹ Житие святого Исая, епископа Ростовского. Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии. Казань, 1856. С. 446–448.

³² Леонтьев А.Е., Иоаннисян О.М. Погребения XI в., церковь Иоанна Предтечи в Ростове и история саркофага св. Леонтия Ростовского // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008. С. 43, 44.

²⁵ Леонтьев А.Е. Из истории ростовской Соборной площади (по археологическим данным) // История и культура Ростовской земли, 1998 / ред. А.Г.Мельник. Ростов, 1999. С. 28.

²⁶ Леонтьев А.Е. Отчет о работе Волго-Окской экспедиции в 1987 г. // Архив ИА РАН. № 11982. Л. 37.

²⁷ Леонтьев А.Е. Раскопки у северных ворот ростовского кремля // Археология Верхнего Поволжья. М., 2006. С. 225–243.

шпонки для крепления досок днища и стенок имеет аналогии в материалах раскопок киевских кладбищ XI–XIII вв.³³ Использование такой, пока неизвестной в других местах конструкции косвенно может быть объяснено киевскими связями ростовских епископов, поставленных из иноков Киево-Печерского монастыря.

Примечательно, что погребения не положили начала кладбищу, не оказались в пределах освященного участка. Спустя исторически недолгое время одно из них было нарушено при строительстве колодца. В церковной истории Ростова эти ранние захоронения оказались эпизодом, вполне соответствующим контексту житийных историй.

Вещественными доказательствами распространения христианства служат культовые предметы мелкой пластики. Типологически наиболее ранние из них в Ростове представлены двумя экземплярами нательных крестов с изображением распятия. Один из них обнаружен в площади постройки, время сооружения которой на основании дендродат можно определить 1069 г. или близкими последующими годами³⁴. Литой, белого металла односторонний крестик с рельефным, не очень четким, грубоватым в деталях изображением распятия является обычным образцом своего типа (рис. 1: 1).

Второй крестик найден в слое середины – второй половины XI в.³⁵ От него сохранилась только верхняя лопасть с изображением головы Христа (рис. 1: 2). Формально крестик относится к тому же типу. Но в отличие от большинства своих аналогов он изготовлен на тонкой пластинке качественного сплава на основе меди и отличается более глубоким, хорошо проработанным рельефом. Если первый крестик – очевидная вторичная отливка, то второй – явный оригинал, вероятно, изготовленный не в Ростове. Качество изготовления сближает ростовский крестик с найденным в Новгороде в слое 30–40-х гг. XI в.³⁶

Ростовские крестики представляют собой 1-й вариант крестов с распятием, по классификации Н. Г. Недошивиной³⁷, или тип 2 нательных крестов «с так называемым грубым изображением распятого

³³ Сагайдак М.А. Давньокиївський Поділ. Київ., 1991. С. 97–99; Івакін В.Г. Християнські поховальні пам'ятки давньоруського Києва. Київ, 2008. С. 128, 129, рис. 46.

³⁴ Самойлович Н.Г. Стратиграфия и хронология Григорьевского раскопа в Митрополичьем саду Ростовского кремля // Практика и теория археологических исследований. М., 2001. С. 232.

³⁵ Самойлович Н.Г. Конюшеный раскоп в Ростове Великом. Результаты охранных археологических исследований 2001–2005 гг.: материалы охранных археологических исследований. Т. 9. М., 2007. С. 9, 10, рис. 11: 9.

³⁶ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. М., 1981. С. 49, 50, рис. 13: 3.

³⁷ Недошивина Н. Г. Об одном типе крестовидных подвесок Древней Руси // Проблемы археологии Евразии. М., 1990. С. 102–106. (Труды ГИМ; вып. 74).

Христа», по А. Е. Мусину, датируемых второй половиной XI – началом XII в.³⁸

В 2013 г. в раскопе на территории Конюшенного двора³⁹ был встречен ряд предметов, которые можно связывать с деятельностью епархиального центра первого времени его существования. Они не составляют единого комплекса, но обнаружены на локальном участке площадью около 60 кв. м при сравнительно небольшой разнице в глубине залегания и относятся к стратиграфически определимому горизонту культурного слоя, формирование которого в отсутствие уточняющих дендродат определяется второй половиной XI в.

Среди находок – антропоморфная фигурка ангела (?), вырезанная из тонкой, гнущейся латунной пластинки⁴⁰ со штампованным орнаментом по кромке силуэта⁴¹ (рис. 1: 8), вырубленный из железной пластины наперсный (?) крест (рис. 1: 13) и несколько нательных крестиков, представляющих типы изделий, получивших распространение на Руси с конца XI в.

Первые два изделия аналогий не имеют. Фигурка ангела, судя по пробитым отверстиям по периметру, могла быть накладкой или аппликацией в церковном убранстве. Находка поблизости обрезка и фрагмента оковки из такой же фольги дают возможность предполагать местное изготовление вещи. Железный крест – очевидная самоделка, вполне мог принадлежать подвижнику христианской идеи. По форме расширяющихся лопастей с характерными оконечностями крест свойствен своему времени и по очертанию схож с крестами т. н. скандинавского типа.

В одном уровне с упомянутыми предметами нашлась бракованная отливка креста (рис. 1: 3), а также обломок крестика с криновидными концами и выпуклым средокрестием (рис. 1: 6). Аналогичный по форме и размерам целый экземпляр, должным образом не очищенный после отливки (рис. 1: 7), был обнаружен в основании культурного слоя поблизости, на другом участке раскопа⁴².

Еще две находки также являются в разной степени неудачными отливками из бронзы плоских двусторонних крестиков с медальонами на концах (рис. 1: 9, 10). Целый объемный крест, представляющий другой известный тип, при хорошем качестве литья получил в оглавии ушко с неверно расположенным фронтальным отверстием (рис. 1: 11).

³⁸ Мусин А. Е. Христианизация Новгородской земли в IX–XIV вв. Погребальный обряд и христианские древности. СПб., 2002. С. 152–156.

³⁹ Конюшеный двор – хозяйственная часть резиденции ростовских митрополитов XVII в., вынесенная за пределы стен кремля.

⁴⁰ Свинцовая латунь с высоким содержанием цинка. Анализ Н. В. Ениосовой, каф. археологии МГУ.

⁴¹ Верхняя часть фигурки (голова) частично утрачена. Орнамент односторонний.

⁴² Самойлович Н. Г. Конюшеный раскоп... С. 10, рис. 11: 11.

Рис. 1. Предметы христианской символики из раскопок в Ростове. 1, 2, 4-7, 9-12 – нагельные кресты; 13 – наперсный (?) крест; 3 – бракованная отливка нагельного креста; 8 – фигурка ангела (?). 1-3, 6-11, 13 – из слоя второй половины XI в.; 4, 5, 12 – XII в.

Наконец, еще один аналогичный по форме крестельник представляет собой добротную отливку без каких-либо изъянов, но не прошедшую последующую обработку: на поверхности по бокам сохранились заусеницы по стыку створок литейной формы (рис. 1: 12). Обломанная грубая отливка разновидности креста скандинавского типа (рис. 1: 4) найдена в неясной стратиграфической ситуации, но, скорее, относится к слою XII в. так же, как и фрагмент узорного янтарного крестика (рис. 1: 5).

Таким образом, большинство находок представляют собой либо бракованные, либо не бывшие в употреблении изделия и, следовательно, были изготовлены на месте. На возможную близость мастерской указывают редкие находки мелких слитков (капель) металла и фрагментов тиглей. Поскольку исследованный участок находился поблизости или, возможно, уже входил в территорию владычного

двора, можно предполагать, что в рассматриваемое время в центре епархии началось изготовление предметов личного благочестия типовых форм, копий изделий известных форм – серийных, дешевых в производстве, рассчитанных на массовое распространение. Едва ли этот факт отразил возросший спрос на христианскую символику со стороны верующих. Скорее, такое производство – свидетельство начала насущной для епархии широкой миссионерской деятельности – крещения населения, поскольку «...даже в самом Ростове, несмотря на то, что проповедь доходила до этих мест, христианство распространялось очень слабо...»⁴³.

По данным археологии, в подтверждение житийных сюжетов во второй половине XI в. язычество

⁴³ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Кн. I, т. I. М., 1988. С. 178.

продолжало существовать даже в непосредственной близости от Ростова, что сказалось в сохранении погребального обряда кремации. Известное еще по публикации А.С.Уварова трупосожжение в кургане 757 в группе у дер. Кустерь из раскопок П.С.Савельева 1854 г. содержало вместе с серебряным трехбусинным височным кольцом серебряную монету Экберта I (1057–1068)⁴⁴, что позволяет датировать погребение в пределах последней трети XI в. Столь поздний пример использования кремации можно объяснить как протестное восстановление уже утраченной ритуальной практики в условиях христианизации во времена епископов Леонтия и Исаяи (по житию Исаяи: «...где обреташа идолы и капища, разоряше их и огню предаваше»)⁴⁵. Такая позиция основана на устоявшейся точке зрения об исчезновении трупосожжения как основного погребального обряда в центральных районах Северо-Восточной Руси в конце X – начале XI вв. Но логичнее, наверное, говорить не о возобновлении, а, вслед за А.А. Спицыным, о пережиточном сохранении обряда кремации в некоторых местностях на протяжении XI в.⁴⁶

В.А.Лапшин прав, указывая на отсутствие в пяти из шести приведенных А.А.Спицыным примерах пережиточных кремаций очевидных доказательств их совершения в XI в. Но если обратиться к общему для исследователей источнику, публикации материалов раскопок А.С.Уварова и П.С.Савельева 1851–1854 гг., то можно найти другие датирующие признаки для некоторых трупосожжений. Такими являются находки в погребениях трехбусинных височных колец, витых браслетов и витых (ложновитых или рубчатых) перстней⁴⁷. В материалах современных раскопок датировка этих украшений определяется начиная с XI в.⁴⁸ Известны также курганы с ярусными захоронениями, в которых кремации находились выше ингумаций, т.е. были совершены позже⁴⁹. В одном случае нижнее погребение по обряду трупоположения содержало бронзовый витой браслет⁵⁰. Едва ли в подобных

⁴⁴ Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Труды I АС. Т. II. М., 1871. С. 754, 830.

⁴⁵ Лапшин В.А. Язычество и христианство в Ростове XI века // Православие в Древней Руси. Л., 1989. С. 31–34.

⁴⁶ Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 97.

⁴⁷ Уваров А.С. Указ. соч. С. 792, № 987; С. 811, № 27; С. 836, № 538, № 1538.

⁴⁸ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв. С. 13, 14, 94–97, 122–127; Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990. С. 67, 79; Седова М.В. Суздаль в X–XV вв. М., 1997. С. 155–157; Зайцева И.Е. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. М., 2008. С. 103, 117, 118, 123, 124.

⁴⁹ Уваров А.С. Указ. соч. С. 790, № 154; С. 831, № 60; С. 836, № 1538.

⁵⁰ Там же. С. 797, № 76.

случаях следует видеть принципиальный возврат к языческим традициям; скорее, можно говорить о существовавшей биритуальности⁵¹.

В современных исследованиях при обращении к археологическим источникам следствие христианизации видится в изменении погребального обряда: появлении с рубежа X–XI вв. ингумаций на смену кремациям. Это не единственная, но весьма аргументированная точка зрения⁵². Поскольку распространение трупоположений в курганах и реже на отдельных территориях в грунтовых могильниках было всеобщим явлением, то, при всех оговорках о существовании местных обрядовых особенностей, предполагается широкое восприятие христианской идеи разнородным населением Северо-Восточной Руси. Думается, что причины, обстоятельства изменений обрядности не однозначны, тем более на Северо-Востоке Руси, где могла сохраняться устойчивая субстратная традиция ингумации. Погребения XI в. с разной ориентировкой, богатым инвентарем и посудой, известные в разных краях Ростовской земли, едва ли можно считать христианскими. Распространение безынвентарных захоронений с западной ориентировкой под курганами или в могильниках приходится на XII в. В силу отсутствия инвентаря большинство таких погребений точной датировке не поддаются, но в случае тщательного и полного исследования памятников их хронология именно такая⁵³. При всех различиях в этнокультурной ситуации и интенсивности распространения христианства на разных территориях аналогичная унификация обрядности примерно в то же время шла в Новгородской земле⁵⁴.

Находки крестов, которые бытовали или могли бытовать ранее 1060-х гг., в пределах епархии немногочисленны. Две вырезанные из дирхемов крестовидные подвески найдены в погребениях по обряду ингумации конца X – начала XI вв. Тимерёвского могильника. Крест, изготовленный из листового серебра, сопровождал такое же по обряду захоронение в кургане 199 у с. Васильки под Суздалем⁵⁵.

К периоду середины X – первой четверти XI в. отнесен серебряный энколпион из Углича с изобра-

⁵¹ Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–X веков. Смоленск, 1995. С. 237.

⁵² Макаров Н.А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 126; Мусин А.Е. Указ. соч.; Макаров Н.А. Переход от язычества к христианству по материалам новейших исследований селищ и могильников на Севере Руси // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М., 2008. С. 29–42.

⁵³ Макаров Н.А. Переход от язычества к христианству... С. 33.

⁵⁴ Мусин А.Е. Указ. соч. С. 199–206.

⁵⁵ Уваров А.С. Указ. соч. С. 830; Недошивина Н.Г. Средневековые крестовидные подвески из листового серебра // СА. 1983. № 4. С. 222–225.

жением распятия, найденный в нижнем горизонте культурного слоя города⁵⁶. Во владимирских курганах (раскопки А. С. Уварова) обнаружен энколпион с изображениями на створках распятия и Богоматери, датируемый в общих пределах XI в.⁵⁷ Крест неясного типа происходил из парного захоронения в кургане 4 у с. Вель в комплексе со скорлупообразной фибулой, датируемой второй четвертью X в.⁵⁸, что позволило рассматривать его как один из ранних⁵⁹. Однако по сведениям А. А. Спицына, в комплекс украшений захоронения входили круглые крестовключенные подвески из древностей XII–XIII вв.⁶⁰, имеющие аналогии в костромских курганах⁶¹. Что касается фибулы, то она не была частью костюма, а была положена «у левого бедра», в бересте⁶², т. е. являлась погребальным даром и могла быть вещью, пережившей свое время.

Крестики с изображением распятия были найдены на селищах Суздальского Опожья Шекшово 2 и Торбаево 5⁶³. Судя по публикации и описанию, близок к ним также экземпляр из коллекции Тимёрёвского селища под Ярославлем⁶⁴. В Белоозере известен один бронзовый крест, на основании аналогий датированный в общих рамках XI в.⁶⁵ Еще один экземпляр найден на поселении Соборная Горка в бассейне Средней Шексны⁶⁶.

Большее распространение имели нательные кресты «скандинавского типа». Общий период бытования изделий этой группы определяется в рамках конца X – начала XII в.⁶⁷ Уходящая в X столетие датировка находок дала возможность предполагать

раннее начало «интенсивной христианизации» населения Северо-Восточной Руси⁶⁸. Такой вывод кажется преждевременным.

В коллекции владимирских курганов (Суздальское Ополье, бассейны оз. Плещеево и Неро) отмечено 9 находок крестов «скандинавского типа»⁶⁹. Один из них, серебряный хорошей работы, аналогичен найденному в Ростове (рис. 1: 4) – он сопровождал кремнированные останки⁷⁰. А. С. Уваров отмечал находку креста-тельника в еще одном трупосожжении⁷¹ и, учитывая обряд погребения, полагал, что владельцы «носили такие христианские предметы без всякого понятия о их настоящем значении»⁷². Всего, по А. С. Уварову, во владимирских курганах 54 «христианских предмета» были найдены в 36 погребениях⁷³.

Фрагмент крупного серебряного креста хорошей работы найден на селище Большое Давыдовское 2 в Суздальском Ополье⁷⁴. Два креста «скандинавского типа» найдены на поселении Монино I (оз. Кубенское). Один из них, большого размера, двусторонний, датирован первой половиной XI в.⁷⁵ Общий период бытования изделий этой группы определяется в рамках XI – начала XII в.⁷⁶, но крупные кресты редки и датируются концом XI – первой половиной XII в.⁷⁷, а единственный на территории Руси аналогичный мининскому крест с двусторонней орнаментацией известен в погребальном комплексе кургана 17 у с. Вель (раскопки А. С. Уварова)⁷⁸. В дополнение к аргументам М. В. Фехнер, в подтверждение указанной датировки можно указать присутствие в инвентаре погребения вещей указанного времени: трехбусинных височных колец с полыми шариками и круглой крестовключен-

⁵⁶ Томсинский С. В. Серебряный крестик-энколпион (из раскопок 2001 г. в Угличе) // *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. СПб., 2002. С. 263–267; Корзухина Г. Ф., Пескова А. А. Древнерусские энколпионы: кресты-реликварии XI–XIII вв. СПб., 2003. С. 50, 56, табл. 9, 1.2/20.

⁵⁷ Асташова Н. И., Петрова Л. А., Сарачева Т. Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013. С. 18, 143, кат. № 9.

⁵⁸ Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* М., 1967. С. 194. (Труды ГИМ; вып. 43).

⁵⁹ Мусин А. Е. Указ. соч. С. 135.

⁶⁰ Спицын А. А. Указ. соч. С. 116, 142, рис. 191, 201; Успенская А. В. Нагрудные и поясные привески // *Очерки по истории русской деревни X–XIII вв.* С. 127.

⁶¹ Рябинин Е. А. Костромское Поволжье в эпоху Средневековья. Л., 1986. С. 73, табл. IV: 10.

⁶² Уваров А. С. Указ. соч. С. 827.

⁶³ Любезное сообщение Н. А. Макарова.

⁶⁴ Дубов И. В. Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 179, рис. 42: 11.

⁶⁵ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 46, 166, рис. 263: 23.

⁶⁶ Кудряшов А. В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец, 2006. С. 94, рис. 23: 1.

⁶⁷ Фехнер М. В. Крестовидные подвески «скандинавского» типа // *Славяне и Русь*. М., 1968. С. 213; Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра. С. 62.

⁶⁸ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Новые данные о процессе христианизации Древнерусского государства // *Archeologia abrahamica. Исследования в области археологии и художественной традиции иудаизма, христианства и ислама* / ред. Л. Беляев. М.: Индрик, 2009. С. 161.

⁶⁹ Фехнер М. В. Указ. соч. С. 211, 212, рис. 2; Спицын А. А. Указ. соч. С. 143, 144, № 210–212, 232; Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: каталог выставки. М.: ГИМ, 2012. С. 110, № 289.

⁷⁰ Уваров А. С. Указ. соч. С. 695, 826; Спицын А. С. Указ. соч. С. 117, 143, рис. 212 (курган 668 у с. Кабанское).

⁷¹ Уваров А. С. Указ. соч. С. 825 (курган 2557 у дер. Городище).

⁷² Там же. С. 695.

⁷³ Там же. С. 786, 787, 825–828.

⁷⁴ Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов древнерусского селища Давыдовское 2 в Суздальском Ополье // *Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара*. Вып. 4. М.; СПб., 2012. С. 35, рис. 3: 24.

⁷⁵ Макаров Н. А. Переход от язычества к христианству ... С. 37, рис. 77: 1; Его же. Язычество и христианство // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков*. Т. 3. М., 2009. С. 110, рис. 65: 1.

⁷⁶ Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра. С. 62.

⁷⁷ Фехнер М. В. Указ. соч. С. 210.

⁷⁸ Там же. С. 213, рис. 1: 2.

ной подвески⁷⁹. Два крестика «скандинавского типа» найдены в погребениях по обряду ингумации конца X – начала XI в. Тимерёвского могильника⁸⁰. Четыре аналогичных, в их числе 1 крупный, известны на поселениях Средней Шексны: Соборная Горка и Андрушино-Ирма⁸¹.

Нательные кресты в Северо-Восточной Руси становятся более разнообразными по форме и оформлению и перестают быть редкими во второй половине XI в. Это общая археологическая датировка, обусловленная качеством и спецификой источников. В случае более точных наблюдений речь может идти о последних десятилетиях столетия. В Суздале наиболее ранние предметы христианского культа на основании аналогий датируются в общих рамках XI в. Но в датируемых комплексах относятся к концу столетия, поскольку найдены в постройках, сгоревших в одном пожаре⁸², вероятно, связанном с событиями 1096 г.⁸³ Из того же летописного сообщения известно о существовании в Суздале в это время подворья Печерского монастыря и церкви св. Дмитрия.

В Белоозере в стратифицированном слое конца XI в. найдены янтарные крестики⁸⁴. Многочисленные металлические кресты получают распространение с XII в.⁸⁵ В Угличе такого рода находки отмечены в культурном слое второй половины XI в.⁸⁶ На посе-

лении Усть-Шексна, где, вероятно, творил расправу над волхвами Ян Вышатич в 1071 г., ранние крестики представлены образцами конца XI в.⁸⁷

Если обратиться к сельским памятникам обширной территории Ростовской епархии, охватывавшей территорию Северо-Восточной Руси, то оказывается, что кресты-тельники, известные по находкам в погребениях и на поселениях, входят в широкий обиход не ранее конца столетия⁸⁸, в XII в. получают массовое распространение, а религиозная символика пополняется индивидуальными иконками, образками⁸⁹. В разных районах отмечены следы местного производства этих изделий⁹⁰.

Изложенные наблюдения с учетом ростовских находок позволяют полагать, что производство и распространение предметов христианской символики, не быстрый, но очевидный процесс унификации погребального обряда связаны с учреждением (или возобновлением, по А. В. Назаренко) и деятельностью Ростовской епархии во времена епископов Леонтия и Исая. Начало широкой христианизации в допустимых археологическими и письменными источниками хронологических рамках можно отнести к 1060–1070-м гг.

⁷⁹ Уваров А. С. Указ. соч. С. 827; Атлас к Трудам I Археологического съезда. Табл. XXXIV, 11.

⁸⁰ Фехнер М. В., Недошивина Н. Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. 1987. № 2. С. 84; Мусин А. Е. Указ. соч. С. 130, 133.

⁸¹ Кудряшов А. В. Указ. соч. С. 94, рис. 23: 3, 4.

⁸² Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. С. 83, 86, 89, 92, рис. 24: 11; 27: 3.

⁸³ Там же. С. 199; Пвл. С. 109.

⁸⁴ Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере X–XIII вв. М., 1973. С. 84–86, рис. 23: 7, 9–11, 21, 22.

⁸⁵ Захаров С. Д. Указ. соч. С. 59, 161–168, табл. 14.

⁸⁶ Томсинский С. В. Угличе Поле в IX–XIII вв. СПб., 2004. С. 206, рис. 59: 10, 11.

⁸⁷ Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н., Иванов Л. М. Тысячелетия вокруг устья Шексны. Рыбинск, 2004. С. 199, рис. 11, фото 33; Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н. Новые данные о материальной культуре поселения Усть-Шексна // Археология: история и перспективы: Вторая межрегиональная конференция. Ярославль, 2006. С. 301, 302, рис. 4: 9, 6: 11.

⁸⁸ Макаров Н. А. Переход от язычества ... С. 34–41; Макаров Н. А., Красникова А. М. Христианские древности суздальских селищ: новые находки // КСИА. Вып. 221. М., 2007. С. 63–73; Кудряшов А. В. Указ. соч. С. 94–96.

⁸⁹ Макаров Н. А. Язычество и христианство. С. 110–112. Рис. 67.

⁹⁰ Рыкунова И. И., Рыкунов А. Н., Иванов Л. М. Указ. соч. С. 199; Макаров Н. А. Язычество и христианство. С. 110; Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов древнерусского селища Давыдовское 2 ... С. 34, 35.

Summary

A. E. Leontiev

Archaeological Data Pertaining to the History of the Rostov Diocese

This article is devoted to archaeological data which make it possible to specify more precisely the fragmentary information found in written sources relating to the history of the creation of one of the oldest dioceses in Rus – that of Rostov. Results of the excavations have shown that the first wooden church there, that of the Dormition of the Mother of God, was built in the mid-11th century, probably

between 1046 and 1054. Archaeological traces of church activity are only discernible in materials from the second half of the 11th century (burials, the manufacture of objects bearing Christian symbols [fig. 1]). Evidence from written sources makes it possible to determine the beginning of that period as the 1060^s or 1070^s and to link it with the time when Bishops Leontii and Isaya held office.

Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопа «Рубленый город II – 2008 г.»)

Вопрос о дате основания одного из древнейших русских городов – Ярославля – всегда являлся дискуссионным¹. В конце 1950-х гг. основной стала версия историков и краеведов о том, что город основан Ярославом Мудрым в начале XI в. (на месте языческого поселения Медвежий Угол) для защиты пути к Ростову по реке Которосли². Письменные свидетельства об основании Ярославля отсутствуют. Впервые город упоминается в летописи под 6579 (1071) г. – гораздо позже предполагаемой даты основания³.

Одним из решающих факторов определения поселения как города является наличие укреплений. Как летописных свидетельств, так и следов ранних крепостных укреплений (вала и рва) на территории Ярославля на настоящее время не сохранилось. Древнейшее письменное упоминание о наличии крепости относится к осаде Ярославля булгарами в 1152 г.⁴ Поселение характеризуется как «мал гра-

док», который осаждающие смогли окружить своими судами («оступиша градок в лодиях») и отрезать от внешнего мира. Таким образом, в середине XII в. Ярославль был уже укреплен и способен противостоять вражеским набегам.

Следующее упоминание городских укреплений находим под 6717 (1209) г. Это сведение о закладке ростовским князем Константином Всеволодовичем новой крепости в Ярославле: «Того же лета князь Костяньтин Всеволодовичь заложи город Ярославль на Волзе»⁵. Из этого краткого сообщения следует, что князь Константин возвел новые городские укрепления, видимо, взамен старых, не отвечавших возросшему значению города, в тот период второго по значимости в Ростовском княжестве. Впоследствии в крепости мы видим княжий двор, где в 1215 г. строится каменный Успенский собор⁶.

Древнейшей частью города считался мыс при слиянии рек Волги и Которосли, получивший в документах XVI–XVII вв. название Рубленый город и до XVIII в. сохранявший значение административно-церковного центра Ярославля. Это мыс, ограниченный с юга и севера высокими берегами двух рек, а с napольной стороны – глубоким оврагом (видимо, древней старицей Которосли). Именно на территории Рубленого города исследователи предполагали найти следы древнейшей городской фортификации.

В документах XVII в. в Ярославле упоминаются две «осыпи», по которым до 1658 г. стояли деревянные стены с башнями⁷. «Малая осыпь» – это непо-

¹ Верховой Н. Ярославль. Историческая монография о времени основания города. Рыбинск: Типолитография Ф.К. Фальк, 1903; Иванов Л.М. Археологические источники и реконструкция ранней истории Ярославля // Археология: история и перспективы. Первая межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль, 2003. С. 89–99.

² Обзор легендарных сведений об основании Ярославля, впрочем, не выходящих за пределы XVIII–XIX вв., и их анализ представлен: Дубов И.В. Города, величеством сияющие. Л.: Издательство ЛГУ, 1985. С. 64–74.

³ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. С. 175; ПСРЛ. Т. 2: Ипатьевская летопись. С. 164.

⁴ ПСРЛ. Т. 24: Типографская летопись. С. 77; Т. 34: Пискаревский летописец. С. 75. «В лето 6660... Того же лета придоша болгаре по Волзе к Ярославлю без вести и оступиша градок в лодиях, бе бо мал градок. Изнемогаху людие во граде гладом и жаждою и не бе лзе никому же изыти из града и дати весть ростовцом. Един же уноша от людей ярославских ноцию изшед из града, перебред реку, в борзе доеха Ростова и сказа им: “Болгаре пришедша”. Ростовцы же пришедша, победиша болгары».

⁵ ПСРЛ. Т. 37: Вологодская летопись. С. 164.

⁶ ПСРЛ. Т. 1: Лаврентьевская летопись. С. 438.

⁷ Ярославские писцовые, дозорные, межевые и переписные книги XVII века. Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии. Кн. VI. Вып. 3–4. Ярославль: Типолитография Николаевой, 1913. С. 241.

средственно крепость Рубленого города, «большая» же, построенная в XVI в., защищала территорию посада, располагавшегося с севера и запада. Основу крепости Большого города, действительно, составлял высокий вал, который был скрыт в XIX в.⁸ Что представляла собой «малая осыпь», сказать сложно, потому что конкретных упоминаний о находившихся здесь валах нет. Были ли здесь в XVI–XVII вв. валы или для устройства стен и башен использовался удобный рельеф местности, по письменным источникам проследить невозможно.

Первые археологические исследования с целью изучения укреплений ярославского городища на его западной оконечности были проведены Н.Н. Ворониным в 1940 г.⁹ Шурф, заложенный на краю оврага (к северу от Никольской церкви), выявил «идущую вскоре под дерновым покровом плотную красную глину – возможно, след вала в основании стен Рубленого города»¹⁰. Н.Н. Воронин не дал определенного ответа на вопрос о времени появления укреплений, указав, впрочем, что в XIII в. они уже существовали¹¹. Возникновение догородского поселения на мысу при слиянии Волги и Которосли исследователь связывал с IX–X вв.¹²

В своей обзорной работе П.А. Раппопорт отнес сооружение укреплений ярославского городища к XIII в.: «Здесь, на мысу при слиянии рек Которосли и Волги, расположен детинец, отделенный от плато рвом, позднее превратившимся в овраг Медведица»¹³.

В 1975 г. экспедицией под руководством И.В. Дубова был заложен шурф у церкви Никола Рубленый город (находился на расстоянии около 20 м к востоку от места исследования Н.Н. Воронина). Целью работ было обнаружение остатков древних укреплений по краю оврага. В шурфе была открыта прослойка глины (по мнению исследователей, происходящая из поздней строительной ямы¹⁴), а ниже, на отметках 2,9–3,0 м, «конструкция из полусгнивших полуобгоревших бревен диаметром 10–15 см, утопленных в материковую глину», распо-

ложенных поперек трассы предполагаемого вала¹⁵. Хотя площадь раскопок была небольшой, И.В. Дубов и О.М. Иоаннисян предположили, что обнаруженная конструкция относится к сооруженному в XI в. валу городища¹⁶. На каком основании исследователи датировали выявленные конструкции именно этим периодом, из текста статьи неясно. Однако работы Н.Н. Воронина и И.В. Дубова важны как первые исследования с целью установления даты возведения ранних городских укреплений.

Среди дальнейших археологических исследований на территории городища наибольший интерес представляют работы В.В. Праздников. Раскопом 1993 г. у церкви Никола Рубленый город исследованы остатки нескольких ярусов деревянной застройки, самый ранний из которых был отнесен ко второму десятилетию XIV в. Автор указывает на сильную нарушенность древнейших отложений: «... строительство XIII–XIV вв. почти полностью уничтожило древнейшие напластования так же, как и строительство XVIII–XX вв. уничтожило слои XV–XVII вв.»¹⁷.

Полученные данные В.В. Праздников обобщает в одной из статей, где возникновение древнего поселения на участке Рубленого города он связывает с XI в., ссылаясь на наличие в коллекции единичных находок этого времени и фрагментов лепной керамики с территории городища. Сложение городского посада исследователь относит к XII в.¹⁸

Перечисленные археологические исследования на городище были небольшими по площади и не давали возможности составить цельную картину возникновения и развития древнего Ярославля. Не было обнаружено и достоверных следов ранних городских укреплений.

В 2004–2013 гг. территория Рубленого города стала предметом археологического исследования экспедицией Института археологии РАН¹⁹ (рис. 1) на больших площадях²⁰.

¹⁵ Там же. С. 22.

¹⁶ Дубов И.В. Указ. соч. С. 80.

¹⁷ Праздников В.В. Отчет о работе Ярославской экспедиции в 1993 г. Ярославль, 1994. // Архив ИА РАН. Р-1.

¹⁸ Праздников В.В. Археологическое изучение г. Ярославля в 1992–1994 гг. // Археология Ярославского края. Вып. 1. Рыбинск, 1998. С. 19–26.

¹⁹ Фараджеева Н.Н., Осипов Д.О. Археологические исследования в историческом центре г. Ярославля. (Успенский раскоп. 2004–2006 гг.) // Археология: история и перспективы. Третья межрегиональная конференция: сб. статей. Ярославль, 2007. С. 170–183; Отчеты о работе ярославской археологической экспедиции за 2004–2013 гг. // Архив ИА РАН. Р-1.

²⁰ Энговатова А.В., Осипов Д.О., Фараджеева Н.Н., Бужилова А.П., Гончарова Н.Н. Массовые средневековые захоронения в Ярославле: анализ археологических и антропологических материалов // РА. 2009. № 2. С. 68–78; Энговатова А.В. Отчеты об охранных археологических раскопках в г. Ярославле за 2007–2013 гг. // Архив ИА РАН.

⁸ Небольшой фрагмент этого вала сохранился под юго-восточным участком ограды Спасского монастыря.

⁹ Воронин Н.Н. Раскопки в Ярославле // МИА. М.; Л., 1949. № 11. С. 177–192.

¹⁰ Там же. С. 181–182.

¹¹ Там же. С. 178: «Весьма вероятно, что развитие, а может быть, и укрепление города произошло в домонгольское время, когда в начале XIII в. оживился Волжский путь...».

¹² Там же. С. 191.

¹³ Раппопорт П.А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X – XV веков // МИА. М.; Л., 1961. № 105. С. 27.

¹⁴ Дубов И.В., Иоаннисян О.М. К топографии древнего Ярославля (итоги и задачи изучения) // КСИА. М., 1980. Вып. 160. С. 22.

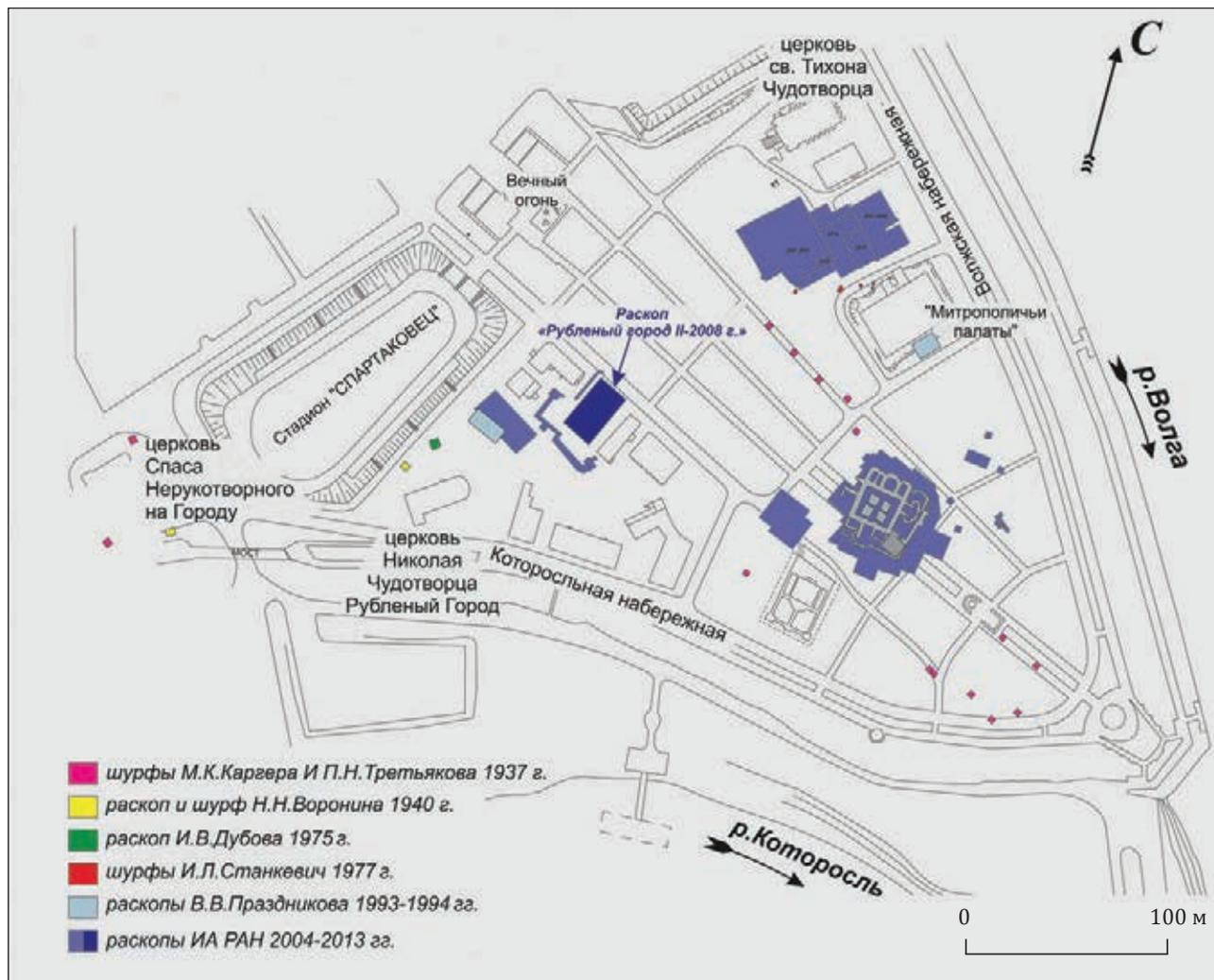

Рис. 1. План ярославского городища с указанием мест археологических исследований

Раскопки 2008 г. проводились в районе пл. Челюскинцев, вблизи церкви Николая Рубленный город, на участке площадью 400 кв.м, отведенном под строительство жилого дома²¹. Нужно отметить, что исследуемый участок находился на расстоянии более 40 м к юго-востоку от современной границы оврага (в настоящее время ее маркирует ограда стадиона «Спартаковец»). Именно на краю этого оврага, как ранее предполагали исследователи, могли находиться первые городские укрепления. Стоит отметить, что на месте проведения археологических работ не наблюдалось никаких видимых следов древних валов. Однако именно здесь нами впервые были обнаружены достоверные свидетельства на-

личия ранних фортификационных сооружений на территории ярославского городища.

Практически с самого начала работ – на глубине от -1,2 до -1,8 м – стали фиксироваться большие участки (от 7–12 м²) желтого, рыжего и желто-серого песка, не содержащего находок. При последующей разборке пластов оказалось, что в юго-западной части раскопа песок формирует единый массив, общая площадь которого достигает более 250 м². Он прорезан немногочисленными поздними погребками, датированными по артефактам и керамическому материалу XVIII – началом XX в. Более ранних жилых и хозяйственных построек в этой части раскопа не выявлено.

На глубине от 1,8 м в границах песчаного массива стали проявляться четкие подквадратные структуры, обрамленные остатками дерева разной степени сохранности. На глубине 2,2–2,4 м от дневной поверхности были зафиксированы девять под-

²¹ Энговатова А.В. Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу: квартал, ограниченный площадью Челюскинцев и Которосльской набережной, 1 (на участке строительства) (Рубленный город II – 2008 г.) // Архив ИА РАН. М., 2009.

прямоугольных в плане объектов, ограниченных следами тлена различной мощности и остатками деревянных конструкций, заполненных песком, отличающимся плотностью и цветом. Стало возможным выявить особенности их расположения – в три ряда, протяженностью на всю ширину раскопа с северо-запада на юго-восток (рис. 2).

В ходе дальнейших исследований выявлены три линии не связанных друг с другом деревянных конструкций, заполненных песком или супесью различной цветности. Изначально они имели квадратную или подквадратную форму. Под воздействием времени, массы заполнения и других естественных факторов стенки были деформированы – в плане мы видим, что они в ряде случаев как бы выгнуты наружу или завалены внутрь (рис. 2). Поэтому размеры этих конструкций колеблются в зависимости от степени сохранности и направления деформации деревянных частей.

Наибольшую ширину (5,8–6,2 м) имел северо-восточный (внешний) ряд, наиболее удаленный от берега р. Которосли. Наименьшая ширина прослежена у внутреннего юго-западного, ближайшего к реке ряда – не более 3,4–4 м. Ширина среднего ряда конструкций – около 4,5 м.

Конструкции в разных рядах различались не только по размерам, но и по степени сохранности деревянных элементов. Судя по наиболее хорошо сохранившимся из них, деревянные сооружения представляли срубы, сложенные из цельных круглых бревен. Использовались взрослые деревья: даже сильно ссохшиеся сохранившиеся фрагменты были в диаметре около 20 см, длина бревен – более 6 м. Анализ фрагментов деревянных конструкций на породе дерева (определение А. А. Гольевой) показывает, что использовались хвойные породы²².

Лучше сохранились нижние венцы двух срубов центрального ряда (что, видимо, обусловлено именно его местоположением посередине и меньшим воздействием разрушающих факторов) (рис. 3). Северо-восточные стенки городней № 4 и 5 зафиксированы соответственно на 8 венцов (высота – 1,5 м) и 2 венца (высота – около 0,4 м) (рис. 4). Габаритные размеры срубов центрального ряда составляют около 3,9–4,5×4–4,6 м, расстояние между ними в среднем – 0,6–1,2 м, а между внешним и центральным рядами внутривальных конструкций – около 0,8 м.

Сохранившиеся углы позволили установить, что стены были срублены в обло с чашкой в верхней части бревна (рис. 5, 6). Отмечены также выпуски бревен длиной до 40 см. Зазор между

²² Гольева А. А. Рубленый город. Раскопки 2008 года. Почвенные исследования. Приложение № 4 к отчету А. В. Энговатовой «Отчет об охранных археологических раскопках в г. Ярославле по адресу: квартал, ограниченный площадью Челюскинцев и Которосльной набережной, 1 (на участке строительства) (Рубленый город II – 2008 г.)». Т. V. М., 2009 // Архив ИА РАН. С. 16–20.

выпусками бревен двух срубов составляет в настоящее время 8–10 см. Вероятно, при возведении выпущенные бревна двух соседних срубов смыкались вплотную (зазор был минимальным или отсутствовал). Пространство между рядом стоящими срубами (0,6–1,2 м) также было заполнено песком одновременно с городнями. Вот только некоторые наблюдения: все конструкции заполнялись в короткий временной промежуток времени, так что можно говорить об археологической «одновременности» этого процесса. Признаков того, что конструкции долгое время стояли открытыми, нет.

Особо стоит сказать о «рисунке» заполнения деревянных конструкций. Определенная, явно неестественная «полосатость» структур заполнения во всех случаях (рис. 7) позволяет говорить о том, что грунт для них брался, видимо, из различных мест и на различной глубине.

В разрезах заполнения конструкций иногда были видны включения грунта, несколько отличавшегося по цвету от основной песчаной толщи (рис. 8). Данные включения имели четкую форму и границы, что позволило специалистам высказать мнение о том, что, по крайней мере, часть вала сооружалась в холодное время с использованием мерзлого грунта, поскольку песчаные куски иначе бы рассыпались или утратили такие четкие очертания.

Еще один интересный вопрос: откуда брали грунт для засыпки? Все исследованные конструкции сооружались одновременно, их нижняя часть была единовременно засыпана аллювиальным материковым песком разного цвета. Цветность и структура песка аналогичны соседним разрезам и песку, выявленному при бурении соседних участков ярославского городища²³. Строители укреплений явно предпочитали использовать более легкий в работе песчаный грунт, хотя в окружающих естественных разрезах Волги и Которосли фиксировалось также наличие глины и суглинков.

Анализ типологических особенностей конструкций, выявленных в раскопе «Рубленый город», позволил авторам работ сделать вывод, что они являются остатками городских укреплений – древо-земляного вала²⁴. Такой тип фортификаций был достаточно распространен на Руси²⁵. Конечно, каждое конкретное сооружение имело свои особенности, хронологическую или территориальную специфику.

В чем же специфика найденных нами конструкций? Во-первых, это довольно крупные внутренние

²³ Заботкина Л. В. Отчет «Составление схематической карты палеоповерхности участка Рубленого города исторической части г. Ярославля». М., 2008.

²⁴ Автор придерживается точки зрения Ю. Ю. Моргунова и под термином «вал» подразумевает руины крепостных стен.

²⁵ Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М.: Наука, 2009.

Рис. 2. План выявленных в раскопе «Рубленый город II – 2008 г.» фортификационных сооружений

Рис. 3. Раскоп «Рубленый город II – 2008 г.». Общий вид расчищенных деревянных конструкций с востока

Рис. 4. Деревянные внутривальные конструкции. Вид с северо-востока

Рис. 5. Угол сруба внутривальной конструкции

Рис. 6. Угол конструкции, рубленный в обло. Вид сверху

Рис. 7. Структура заполнения внутривальных конструкций. Вид с юго-востока

Рис. 8. Структура заполнения внутривальных конструкций. Вид с юго-запада

размеры подквадратных в плане срубов (городен), составляющих внутривальную конструкцию, – от 3,5 до 5–6 м каждая сторона, что может говорить о периоде возведения сооружения не позднее X–XI вв.²⁶ Во-вторых, конструкция состоит из отдельно стоящих срубов с довольно длинными выпусками бревен, примыкающих вплотную друг к другу, что не типично для северо-восточных территорий Руси. Аналогию можно найти в Киеве – это так называемый Ярославов вал, но при этом следует учитывать, что киевские оборонительные сооружения значительно масштабнее (размеры срубов – 6,7×19,2 м). Однако типологически они имеют много сходных с Ярославлем элементов: состоят из отдельно стоящих засыпанных грунтом срубов с выпусками бревен до 0,7 м²⁷. Хотя имеются и некоторые различия: киевские срубы внутри делились врубленными перегородками²⁸.

Общая ширина выявленных в Ярославле деревянных конструкций в основании достигала 14 м, а песчаное основание прослежено в ширину на 16 м. Расстояние от северо-восточной стенки городен наружного ряда до края рва составило около 2,8 м. Вал сохранился на высоту более 2 м, в юго-восточной стенке раскопа были зафиксированы остатки еще

²⁶ Древняя Русь. Город, замок, село / отв. ред. Б. А. Колчин. М.: Наука, 1985. С. 169. (Археология СССР).

²⁷ Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 256, рис. 50.

²⁸ Там же.

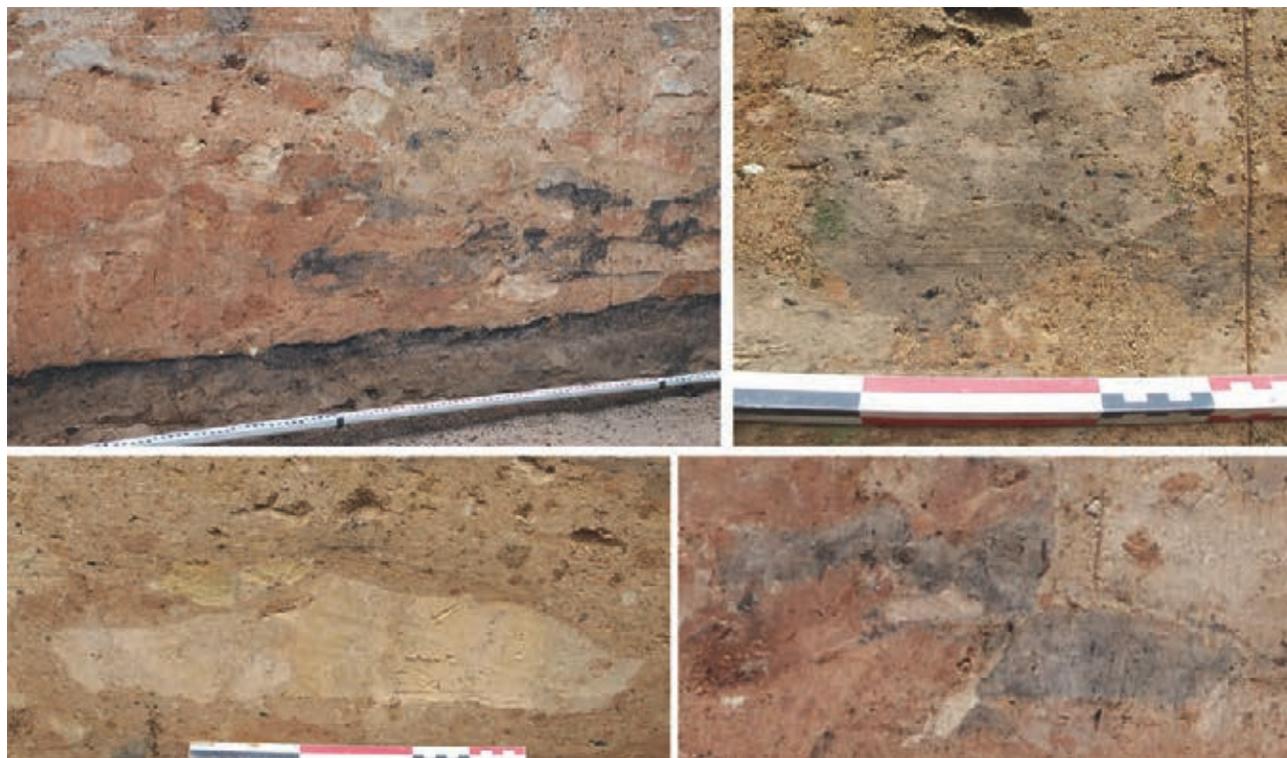

Рис. 9. Включения грунта, отличающегося по цвету от основной засыпки внутривальных конструкций

Рис. 10. Городня в юго-восточной стенке раскопа

одной городни на высоту 2 м (рис. 9). Прослеженный участок дерево-земляных укреплений занимал всю юго-западную часть раскопа. Таким образом, доступными для изучения оказались девять городен из трех рядов (рис. 2). Важный вопрос о реконструкции внешнего облика укреплений требует отдельного исследования. Обратим лишь внимание, что многие детали выявленных фортификаций представляются близкими по описаниям как с киевскими материалами раскопок «Ярославова вала», так и с некоторыми выводами И. Ю. Стрикалова по материалам Старой Рязани.

Насыпи, содержащие остатки цепочек городней, в массе датируются X–XI вв. Для крепостей этого времени характерно отсутствие конструктивной

взаимосвязи соседних срубов: их приставляли друг к другу с промежутком, достигавшим 0,8–1,5 м, заполненным так называемыми выпусками концов бревен. Значительные размеры городней и их квадратная в плане форма также характерны для раннего периода развития русской фортификации. Например, в Заречье это 4×4 м, в Старых Безрадичах поперек вала они достигали 3,1–3,8 м, вдоль вала – 5,7 м, но, судя по чертежам, есть и длиной лишь 3,7 м. Позже размеры городней сократились.

Переходная форма зафиксирована в киевском «городе Ярослава», построенном между 1018 и 30-ми годами XI в., – там стена состояла из шести рядов городней размерами в среднем 3×3 м каждая.

Данные радиоуглеродного датирования образцов древесины, тлена и угля из внутривальных конструкций и слоя под валом. Раскоп «Рубленный город II – 2008 г.»

Год работ	Объект	Образец	Лаб. №	Возраст ¹⁴ C	
				BP	AD, вероятность, начало-конец
2008	Городня № 5, СВ стенка	уголь	Ки-15478	1070 ± 35	1σ 900–920, 960–1020 AD 2σ 890–1030 AD
2008	Городня № 4, 3-й сверху венец	дерево	Ле-8615	1190 ± 25	1σ 780–790, 805–880 AD 2σ 770–900, 920–940 AD
2008	Городня № 4, ЮВ стенка	сердцевина дерева	Ки-15475	1310 ± 40	1σ 660–720, 740–770AD 2σ 640–780 AD
2008	Городня № 4, ЮВ стенка	внешние кольца дерева	Ки-15575	1160 ± 50	1σ 780–900, 910–960 AD 2σ 770–990AD
2008	Городня № 4, СЗ стенка	уголь	Ки-15477	1130 ± 45	1σ 880–990 AD 2σ 780–1000 AD
2008	Городня № 5, СВ стенка	дерево	Ле-8621	1090 ± 40	1σ 895–925, 935–995 AD 2σ 870–1030 AD
2008	Городня № 5, СВ стенка, 2-й сверху венец	дерево	Ле-8620	1140 ± 16	1σ 885–900, 915–960 AD 2σ 860–980 AD
2008	Городня № 5, ЮВ стенка	сердцевина дерева	Ки-15476	1280 ± 35	1σ 685–730, 735–775 AD 2σ 660–820 AD
2008	Городня № 5, ЮВ стенка	внешние кольца дерева	Ки-15576	1150 ± 40	1σ 780–800, 820–850, 860–980 AD 2σ 770–990 AD
2008	Городня № 2	тлен	Ле-8616	1175 ± 18	1σ 780–790, 810–890 AD 2σ 770–900, 920–940 AD
2008	Прослойка угля под валом	уголь	Ки-15479	1180 ± 45	1σ 770–900 AD 2σ 720–750, 760–980 AD
2008	Слой под насыпью вала	уголь	Ле-8619	1120 ± 30	1σ 894–905, 912–926, 934–977 AD 2σ 783–789, 830–839, 874–998 AD
2008	Уголь под валом	уголь	Ле-8617	1010 ± 30	1σ 992–1034 AD 2σ 978–1044, 1089–1121, 1139–1156 AD

Вышесказанное с высокой степенью вероятности позволяет датировать обнаруженные в процессе раскопок 2008 г. фортификационные сооружения временем великого княжения Ярослава Владимировича.

При разборке заполнения некоторых городней в их нижней части были найдены разрозненные камни. В основании одной из городней внешнего ряда (№ 3) на слое, подстилающем вал, было зафиксировано скопление частично обожженных камней (возможно, остатки очага) (рис. 11). Рядом на том же уровне, на слое, подстилающем вал, обнаружены фрагменты лепной керамики, в том числе развал лепного керамического сосуда полного профиля (№ 1284) (рис. 12).

Как такового сколь-нибудь мощного культурного слоя города или даже долго существовавшего поселения под валом не обнаружено. Но все же находки позволяют надежно реконструировать разновременную антропогенную активность, связанную с существованием небольших (возможно, кратковременных) поселений предшествовавших эпох.

Под валом зафиксирован хорошо выраженный погребенный серо-коричневый слой древней пахоты с включениями мелких углей в виде темной плот-

ной органической прослойки коричневого цвета (по определению почвовед А. А. Гольевой)²⁹ (рис. 3, 9). В этом слое встречены отдельные небольшие фрагменты лепных сосудов, типологически относящихся к широкому периоду от VIII–IX до начала X в.³⁰ (рис. 12). Однако этих фрагментов немного, и в этом слое не найдено ни одного металлического предмета. Поэтому датировать по типологии вещей этот слой сложно. Из слоя пахоты отобраны три образца на анализ со ¹⁴C (таблица 1). Несмотря на довольно большую погрешность метода, календарная датировка – от VIII–IX до начала XI в. – дает представление о возможных интервалах бытования пахоты, расположенной недалеко от поселения. Отметим, что эти данные совпадают с датировкой этого слоя по типологии керамики. Не поврежденный пахотой развал обожженных валунов (рис. 11) и связанный с ним сосуд вполне могут относиться и к периоду возведения самого фор-

²⁹ Engovatova A., Golyeva E. Anthropogenic soils in Yaroslavl (Central Russia): History, development, and landscape reconstruction // Quaternary International. Vol. 265. 28 June 2012. P. 54–62.

³⁰ Керамическая коллекция обработана к. и. н. Е. К. Кадиевой.

Рис. 11. Скопление обожженных камней в слое, подстилающем вал. Вид с юго-востока

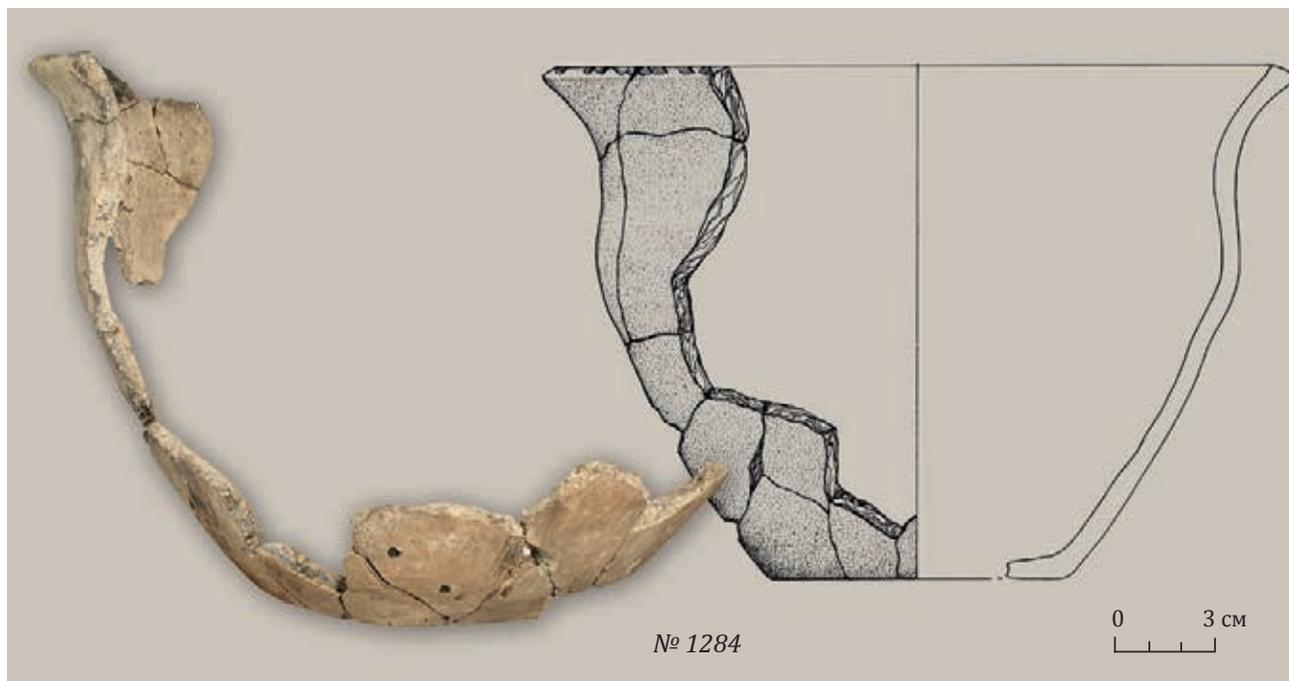

Рис. 12. Лепной керамический сосуд из нижней зоны заполнения внутривальной конструкции

Рис. 13. Фрагменты лепных керамических сосудов из слоя под валом

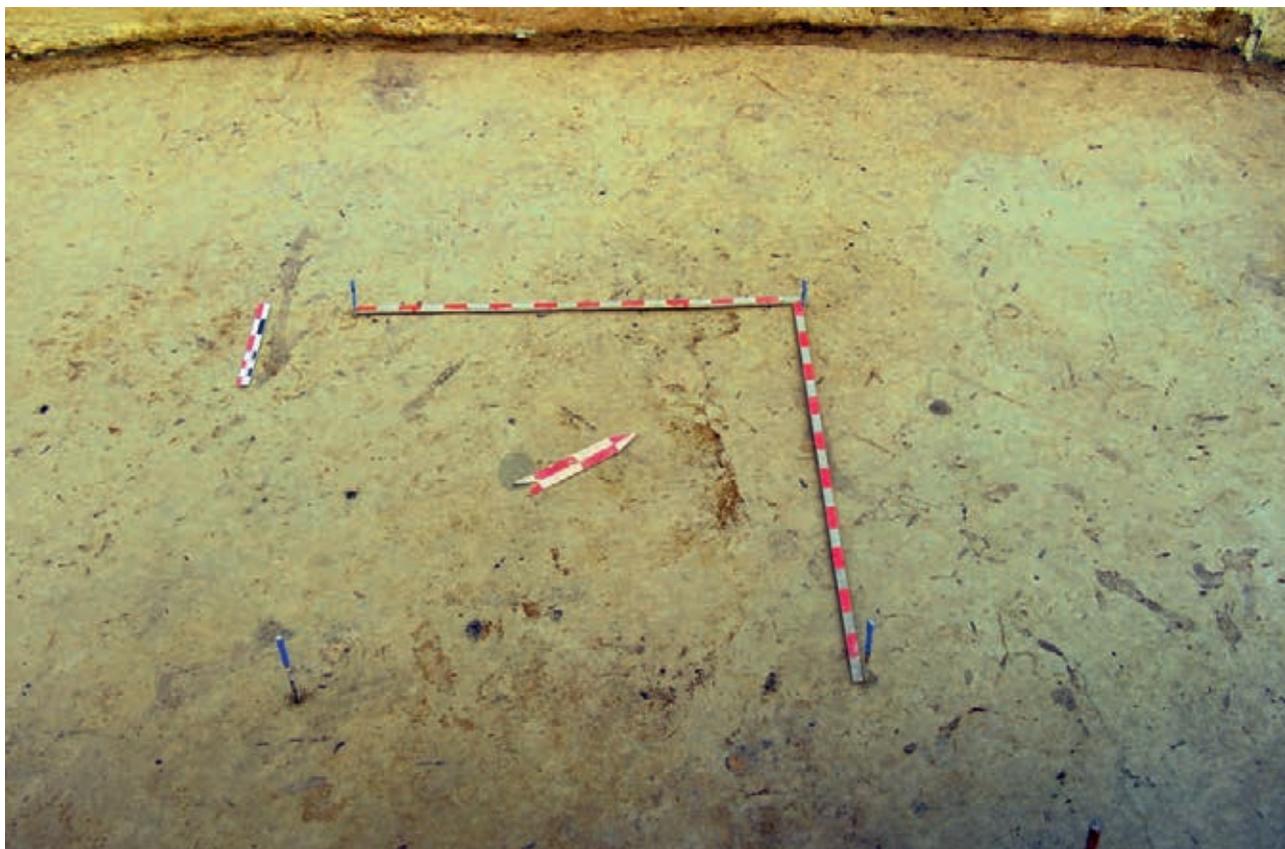

Рис. 14. Следы древней пахоты в слоях под валом

тификационного сооружения. Под валом А.А. Гольевой методом фитолитного анализа выявлены следы еще более древней пахоты, относящейся, видимо, к поселению железного века, предшествующему городской застройке этого места³¹ (рис. 14).

В юго-восточной части раскопа в слое светлого песка под слоем пашни зафиксирован горизонт, содержащий артефакты эпохи неолита. Стоит отметить, что культурный слой на этом неолитическом поселении не выражен цветом. Неокрашенность слоя в песчаных грунтах часто встречается на подобных небольших неолитических объектах региона. Датировать это неолитическое поселение можно на основании типологии орнамента на обломках керамических сосудов поздним периодом льяловской культуры, серединой – концом IV тысячелетия до н.э. Этой датировке не противоречит и облик немногочисленного кремневого инвентаря, найденного там же. Судя по стратиграфическому положению неолитических находок, часть из них находилась *in situ*, но некоторая часть была перемещена

³¹ Гольева А.А. Рубленый город. Раскопки 2008 года. Почвенные исследования.

в процессе распушки и залегала в слое несколько выше (рис. 2).

Таким образом, созданию оборонительного сооружения на этом месте предшествовали минимум три периода антропогенного использования этой территории начиная с эпохи неолита.

Наличие сохранившихся деревянных конструкций крепости позволило отобрать серию образцов для радиоуглеродного анализа (рис. 2; таблица 1). Образцы взяты также и из органического слоя, предшествующего возведению укреплений. Радиоуглеродные исследования проводились в двух лабораториях – в Санкт-Петербурге и Киеве (индексы Le и Ki). Датировки деревянных конструкций вала в калиброванном виде [OxCal. Version 4.2 (current release)] дали интервал от IX до начала XI в. (таблица 1). Поскольку внутривальные конструкции были сооружены из крупных деревьев, которые могли иметь возраст более ста лет, исследователи датировали два образца, разделив их на внутреннюю и внешнюю части ствола. Таким образом, некоторое удревание дат по ¹⁴C, видимо, связано с большим возрастом деревьев, из которых были со-

Рис. 15. Деревянная застройка во рву

оружены конструкции вала. Для датировки оборонительных сооружений очень важен еще один факт – на территории Рубленого города Ярославля не найдено культурных слоев, которые относились бы к IX–XI вв. В этот период центральным поселением на реке Которосли было Тимерёво с хорошо узнаваемым более ранним набором артефактов.

Раскоп 2008 г. оказался удачно расположен – помимо всей линии стены (три линии городен, одна из которых, возможно, была присыпана) и бермы в раскоп попала большая часть рва. Раскоп перпендикулярно разрезал всю эту конструкцию (рис. 1, 2). В северо-восточной части раскопа остатков фортификации не было – там зафиксирован участок с

влажным слоем, который обеспечил сохранность остатков деревянных построек, а также вещевых находок, изготовленных из органических материалов (кожа, дерево, ткань, кость). Этот участок древнего рва был исследован на глубину до 6 м (у северо-восточного профиля) от уровня дневной поверхности (до 4 м от уровня подножия вала) (рис. 2, 15).

Результаты геологического бурения³², электромагнитной и геомагнитной разведки³³, геоморфоло-

³² Заботкина Л.В. Отчет «Составление схематической карты палеоповерхности участка Рубленого города в исторической части г.Ярославля».

³³ Исследования под руководством д.г.н. И.Н.Модина (геологический факультет МГУ).

Таблица 2

Результаты дендроанализа образцов древесины из раскопа «Рубленый город II – 2008 г.»

Год работ	№	Объект	Деталь	Возраст	Внешнее кольцо	Дата последнего годовичного кольца
2008	2	Сооружение 66		37	?	1219
2008	6	Сооружение 66	Частокол	30	есть	1236
2008	1	Сооружение 66		63	?	1241
2008	4	Сооружение 66	Частокол	62	?	1241
2008	5	Сооружение 66	Частокол	63	?	1241
2008	2	Сооружение 69	Развал СВ стенки	33	?	1193?
2008	9	Сооружение 69	Бревно рядом с СЗ стеной	35	?	1193?
2008	1	Сооружение 69	Развал СВ стенки	33	?	1194?
2008	10	Сооружение 69	Верхний венец ЮВ стены	54	есть	1194?
2008	3	Сооружение 69	Развал бревен СВ стены	36	?	1197?
2008	11	Сооружение 69	Нижний венец ЮВ стены	90	?	1200?
2008	15	Сооружение 69	ЮЗ лага пола	49	есть	1204?
2008	13	Сооружение 69	Нижний венец СВ стены	66	?	1210?
2008	4	Сооружение 69	Верхний венец ЮЗ стены	49	?	1211?
2008	5	Сооружение 69	2-й венец ЮЗ стены	78	?	1211?
2008	7	Сооружение 69	Верхний венец СЗ стены	67	?	1211?
2008	12	Сооружение 69	Верхний венец СВ стены	70	есть	1212?

гические исследования³⁴ позволили предполагать, что это была часть естественного понижения рельефа местности, видимо, одна из древних стариц реки Которосли. Этот естественный, ярко выраженный рельеф участка при впадении Которосли в Волгу был использован строителями города как часть оборонительных сооружений – ров. находка небольшого льяловского поселения позволяет предполагать, что в эпоху неолита этот рукав Которосли был обводнен.

Хорошая сохранность древесины во влажном слое позволила провести дендрохронологическое

датирование некоторых жилых и хозяйственных построек, найденных во рву. По результатам исследований (А. А. Карпухин) сделан вывод, что некоторые из них были построены на рубеже XII–XIII вв.³⁵ (таблица 2). Следовательно, к этому времени ров уже утратил свое фортификационное значение. Остатки древней городской стены в рельефе, видимо, сохранились довольно долго. В разрезе зафиксированы сезонные слои оплывания песчаного заполнения

³⁴ Исследования проведены д.г.-м.н. Ю.А. Лаврушиным (Геологический институт РАН).

³⁵ Карпухин А. А., Соловьёва Л. Н., Энговатова А. В. Дендрохронологическое датирование сооружений XIII в. из раскопок в Ярославле // Аналитические исследования лаборатории естественнонаучных методов. Вып. 2. М., 2011. С. 92–114.

вала (рис. 2, 9). Подобные следы оплывания вала были зафиксированы И.Ю.Стрикаловым на Южном городище Старой Рязани³⁶.

Полученные материалы позволили сделать следующие выводы. Обнаружены остатки фортификационных сооружений – древо-земляной конструк-

³⁶ Стрикалов И.Ю. Оборонительный комплекс Южного городища Старой Рязани в свете новых исследований // Археология Подмосквья: материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011. С. 109–132.

ции вала и рва. Они были созданы не позднее XI в., а ров в конце XII в. после потери оборонительного значения начал активно застраиваться. При датировке укреплений учтены следующие факторы: их конструктивные особенности, анализ керамического материала, данные радиоуглеродного анализа и дендрохронологии. Благодаря археологическим исследованиям 2008 г. ИА РАН появились данные, позволяющие увидеть, какими были первые городские фортификационные сооружения Ярославля.

Summary

A. V. Engovatova

The City Fortifications of Yaroslavl in the Eleventh Century (based on data from 2008 excavations at the Yaroslavl Kremlin)

The questions of the early history of the city of Yaroslavl, and the date when the city was founded have occupied historians, researchers and archaeologists for over a century. Since written records does not provide conclusive evidence, the value of the archaeological data is very great. Excavations in the city centre of Yaroslavl were undertaken at the end of the 1930^s, although significantly more extensive results were obtained during the more recent excavations (from 2004 to 2013) carried out by the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences. These latter excavations comprised a large-scale extensive archaeological investigation of the area of the Yaroslavl Kremlin area.

As a result of research conducted during 2008 at the Yaroslavl Kremlin site, evidence was uncovered of the first city fortifications of Yaroslavl.

During the research, three rows of wooden fortifications – not connected to each other – were discovered. Analysis of typical such structures enabled the

authors of the study to conclude that these are the remains of the city's ancient wood-and-earth ramparts. The exceptionally good level of preservation of the internal wooden sections enabled these to be subjected to radio-carbon dating.

As a result of natural scientific analysis (palynology, soil analysis) it was established that these fortifications stand on a site where there had previously been a long-established settlement. Signs of a neolithic settlement were located, where a short period of organised agriculture was practiced in the period before the epoch in which the fortress was built.

The dating of the ancient Yaroslavl fortress fortifications was made on the basis of their typology, along with the radio-carbon dating, and analysis of ceramic fragments. Dendrochronology dating enabled researchers to conclude that the moat had lost its defensive role by the beginning of the C12th, when the fortifications began to be built over for civilian purposes.

Innovations in the Rural Edge. Inventions and Smart Organizations in the Scandinavian Outland Use

Different Peripheries – or Maybe not Peripheries

In 1997 I was invited by Nikolaj Makarov to visit the excavations carried out at Minino and the landscape surrounding Minino. This unforgettable fieldtrip was to become the starting point of a joint project investigating peripheries in Sweden and Russia during Early Middle Ages (including the Scandinavian Viking Age)¹. The two compared areas of investigation, the Beloozero-landscape in Russia and northern Värmland in Sweden, were clearly different. In the Russian area there were larger agricultural areas and settlements, richly furnished graves and even a large early urban centre, Beloozero. Northern Värmland, on the other hand was characterized by deep forests, small hamlets, no known graves and definitely no traces of urbanization.

Despite the differences, the two investigated areas had two things in common. First, both the Beloozero-landscape and northern Värmland boasted dynamic histories, including large-scale exploitation of outland resources for producing goods for sale to the external world during the investigated period. Second, both investigated areas were presumed to be, and were treated as, peripheries or marginal landscapes by present-day scholars. These aspects, with emphasis on Swedish conditions, will be elaborated in this article.

But before taking off on this avenue, an important conclusion from our joint project should be stated so that the reader may adjust his or her spectacles to follow the tour: "...marginality lies in the eyes of the beholder – and the fact that both the Beloozero area and northern Värmland are located far away from the archaeological and academic institutions has had a great impact on their alleged marginality"².

¹ Svensson E., Makarov N., Emanuelsson M., Johansson A., Nilsson S., Pettersson S., Zakharov S. Different Peripheries. Two Examples from Russia and Sweden // *Lund Archaeological Review*. Vol. 7: 2001. 2003. P. P.123–137. *With Sergej Zacharov in fond memory!*

² *Ibid.* P. 136.

The Scandinavian Outland Use

The Scandinavian word 'utmark' will here be translated 'outland', although that word do not cover the full meaning of 'utmark'. In fact, 'utmark' has turned out to be a word hard to translate into other languages, in spite that there are similar phenomena around the word. Often other expressions such as 'upland' or 'marginal land' are used instead³.

The outlands were, by definition, created at the onset of the preindustrial agrarian system in the late Bronze Age to Early Iron Age Scandinavia⁴. Through the formation of a system consisting of a fixed location of the farmstead housing people and, during the winter also cattle with adjacent infields and meadows delimited by fences, the areas outside of the fence became outlands. The outlands could be of different size, character and relative importance in the agrarian economy. In champion agricultural regions, the outlands tended to be smaller and play a more complementary role in the rural economy. In areas with natural conditions less suitable for cereal cultivation such as heavily forested, marine and mountain areas, the outlands could be vast and more prominent in the carrying capacity of the agrarian units⁵.

Everywhere the outlands were used for grazing cattle, which most of the time was kept outside the fenced infield areas to spare the hay of the meadows for winter fodder. But there were also numerous resources in the outlands that were used for production of various goods, sometimes for sale. Iron production, hunting, stone quarrying and tar production are some examples that have been investigated archaeologically. In many cases

³ Holm I., Stene K., Svensson E. Liminal landscapes – a brief Overview // *Beyond the concepts of 'marginality' and 'periphery'* / ed. I.Holm, K.Stene, E.Svensson. Liminal landscapes. Oslo: Unipub, 2009. P. 10–12.

⁴ In the forested and mountain areas of Scandinavia the preindustrial agrarian system seems to appear in the Early Iron Age.

⁵ Svensson E. *Människor i utmark*. Stockholm: Almkvist & Wiksell International, 1998.

outland production was more than a necessary addition to cereal cultivation and cattle-breeding, and could be the foundation of a substantial accumulation of wealth in rural communities⁶.

But how did outland use come about? Many of the tasks were demanding and often required a variety of skills, technology and advanced organization. Features not easily associated with areas, due to tough natural conditions, considered to be peripheral or marginal and settled only due to shortage of more suitable agrarian land. Maybe we are looking at the core of the Swedish proverb 'need is the mother of all inventions' (Sw. *Nöden är uppfinningarnas moder*)? Or, are we dealing with innovative environments? Maybe frontier societies?

The Innovative Mind ... and Frontier Societies

The concept of innovation initially had rather strict technological connotations, but lately, the concept has been developed to include also social and cultural processes, agency and decision-making. Moving away from simple rational choice or Homo oeconomicus-thinking, the cultural context of innovation is increasingly being emphasized. Also, it is put forward that it is important to understand that the seeds for innovation are embedded in situational rationalism as well as in cultural contexts⁷.

The Swedish scholar Alexander Styhre has pointed out that innovation is dependent on three principles; playfulness, reciprocity and squandering (i. e. the conspicuous and symbolic waste of excess resources). Playfulness forms the core of the innovative mind and includes inventive, creative and non-functionalistic agency. It feeds new combinations of previous thinking and new ideas. Through reciprocity innovation is socialized, as it is relational and constituted through ongoing relations involving different actors. Reciprocity creates socially solid and temporally extended relationships for organization. The principle of squandering is harder to understand, but it stands for (the visual and symbolic of) non-calculative and non-instrumental perspectives that undermine the sense of predictability and robustness of everyday life, that is facilitating changes and welcoming the unexpected⁸.

Squandering can be considered the opposite of another principle often considered important in rural societies, namely risk management. The German sociologist Ulrich Beck coined the expression 'Risk society' to describe the modern welfare states, where past struggles to achieve a daily bread have been replaced by struggles to avoid a number of (often invisible) threats. Beck also argues that in today's welfare states more and more peo-

ple organize themselves to cope with risks⁹. But risks and risk mitigation did not occur in modernity, but rather has been present through most of human history. There were a number of mitigations or inventions intended for managing common risks in rural medieval societies, such as long-term storages or granaries for food supply in case of periodical food shortages, and irrigation facilities for controlling spells of drought¹⁰.

Whereas playfulness, reciprocity, squandering and risk management are principles, frontier societies were physical entities. They can be perceived as a spatial correspondent to the innovative mind. In contrast to concepts such as 'marginal land' or 'periphery', frontier society implies that people going and also settling there were searching for something, and that there were some kinds of attractive resources at hand. It could be virgin land, gold, freedom or something else. Historical examples also show that features that can be associated with playfulness, reciprocity and squandering often were fleshed out in frontier societies, such as the staging of so far unknown, or transformed, solutions to various challenges in the new contexts, the building of different types of social networks and the rash spending of quick gains. But also cross-cultural contacts and confrontation, harsh competition and violence could be present¹¹.

Frontier societies, if they are to survive, go through processes of transformation towards long-term stability. The extraction or exploitation economy is successively replaced by more sustainable, or at least durable, ways of making a living, such as agriculture. However, agriculture in medieval times was a risky business, and especially so in areas with less favourable cultivation conditions. Thus, risk management tends to move up the ladder in importance in rural communities transforming themselves from frontier societies.

The Minino-area is a good example of a frontier society, with people moving in to new places following the attractive fur-bearing animals, which were key resources for a lucrative trade gaining wealth to the hunting settlers with squandering expressed in luxury grave goods¹². Like many other frontier societies, the wild phase of resource

⁹ Beck U. Risk society: towards a new modernity. London: Sage, 1992.

¹⁰ See articles in: *Ruralia VIII. Processing, storage, distribution of food: food in the Medieval rural environment. Ruralia VIII, 7th-12th September 2009, Lorca Spain. Turnhout: Brepols, 2011.*

¹¹ *Medieval frontier societies / red. Robert Bartlett & Angus MacKay. Oxford: Clarendon; Lawrence, 1989. S. 1999; Towards a feminist archaeology of households. Gender and household structure on the Australian goldfields // ed. P. M. Allison. The archaeology of household activities. London & New York. P. 121-141; Svensson E. Marginality in our hearts. Consuming the exotics of poverty and hard work // Medieval rural settlement in marginal landscapes. Ruralia VII. Turnhout: Brepols, 2009. P. 138.*

¹² Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.

⁶ Svensson E. *Människor i utmark*.

⁷ Styhre A. *A social theory of innovation*. Malmö: Liber, 2013.

⁸ *Ibid.*

extraction gave way to later periods of consolidation, settling, farming and a slower pace of life. Can the same be said for the Scandinavian outland use?

Claiming the Outlands...

Even if the outlands, and thereby outland use, were, by definition, created at the onset of the preindustrial agrarian system, there are numerous traces of human activities in the rough landscapes that were to become outlands predating the late Bronze Age or Early Iron Age. In most cases these traces relate to hunting (pitfalls) and sporadic grazing, but also to temporary settlements dated to the Neolithic or Early Bronze Age¹³.

The traces taken together demonstrate that there was expansion into the wild by people exploiting the areas with a combinatory economy, including at least cattle breeding and hunting. However, these expansions do not seem to have resulted in permanent settlement, and can well have had the character of combined expeditions and seasonal / temporal use and settlement. Interestingly enough, the traces of early land-use often correspond with later shieling sites.

Similar processes have been detected in other parts of Europe, for instance in fairly recent investigations into the mountains of Northern Spain and Southern France¹⁴. In the Neolithic and the Bronze Age, people started to take high mountain areas into use for grazing on a sporadic basis. But more intensive and institutionalized use of the high mountain areas for grazing, including the use of "shielings", and cereal cultivation did not take place until the Middle Ages.

How shall this early use of outlying areas be interpreted? As a pre-outland use? As frontier societies? My interpretation (and others) is that we are dealing with a neolithization process expanding out in the outlying areas, possibly using some kind of transhumance system. The process also came to include a scouting of resources and possibilities, a knowledge that could be used for the later staging of outland use.

With the introduction of preindustrial agrarian system, most often taking place in the centuries after AD in

forested and montane Scandinavia, a more systematic and regular use of the outlands replaced the earlier sporadic use. Also, more technology intense activities, such as iron production, were introduced. In most cases it was the question of known technologies that had been used previously elsewhere, but were introduced and developed in the new context of outland use. For instance bloomery iron production was moved from the settlement sites to the proximity of the resources ore and wood in the outland, and production was greatly increased¹⁵. But there were also new features popping up in the outlands.

Inventions – the Shieling and the Blast Furnace

Shielings, *fäbod* or *säter*, were long-lived phenomena in northern and central Scandinavia. In areas where agricultural land was scarce and conditions were rough, cattle were brought out to the outland to graze during the summer, and winter fodder was collected from its meadows for the long stabling season. Due to the distance from the mother farmstead/hamlet/village to the forest grazing, shielings were built with houses, stables, barns etc. for the herders and the cattle. Shielings were in use in Scandinavia well into the middle of the twentieth century; in fact, there are still a few active shielings, but they were considered old-fashioned and relicts from a preindustrial agrarian system in the early twentieth century. These characteristics made the shielings interesting in the eyes of the scholars, especially ethnologists, at the time¹⁶.

The age of the shieling system is of great interest. An influential hypothesis was presented by the Norwegian historian Jørn Sandnes¹⁷. According to Sandnes, shielings were secondary to the regular farmsteads, and it was the need for winter fodder and haymaking in the outland that was the genesis of shielings. Sometime in the twelfth and thirteenth centuries, cattle were brought to graze close to the meadows, but this land-use ceased during the late medieval agrarian crisis. 'Real', or ethnographic, shielings, in the historically known sense, were not, according to Sandnes, established until the sixteenth and seventeenth centuries (fig. 1).

During the last three decades, there have been a number of archaeological and palaeobotanical investiga-

¹³ Indrelied S. Fangstfolk og bønder i fjellet: bidrag til Hardangerviddas førhistorie 8500–2500 år før nåtid. Oslo: Universitetets oldsaksamling; Prescott, 1994 (1986). C. 1995 (1993). From Stone Age to Iron Age: a study from Sogn, western Norway. Bergen: University of Bergen; Svensson E. Människor i utmark, with references. Mesolithic remains are not accounted for.

¹⁴ Álvarez González, D., Fernández Mier, M. & López Gómez, P. An archaeological approach to the *brañas*: Summer farms in the pastures of the Cantabrian Mountains (Northern Spain) // Malga, Buron, Alm, Shieling, Seter, Salaš, Orry and Cayolar: Seasonal exploitation of Uplands from prehistory to the modern day / ed. J. Collis & F. Nicolis. J. R. Collis Publications, Sheffield. [In press.]; Rendu C., Bille E., Conesa M., Calastrenc C., Campmajo P. & Crabol D. Margins and centres in the shaping of the Pyrenean slopes: Medieval dynamics within the long term perspective Medieval rural settlement in marginal landscapes. *Ruralia VII*. Turnhout: Brepols, 2009. P. 235–351.

¹⁵ Englund L.-E. Blästbruk: myrjärnshanteringens förändringar i ett långtidsperspektiv. Stockholm: Stockholm University, 2002.

¹⁶ Erixon S. Bebyggelseundersökningar. Öfversikt. Periodiska bebyggelser. Fäbodväsen. Stockholm: Nordiska museet, 1918; Frödin J. Siljansområdets fäbodbygd. Lund: Gleerups, 1925; Hougen B. Fra seter til gård: studier i norsk bosetningshistorie. Oslo: Norsk arkeologisk selskap, 1947.

¹⁷ Sandnes J. Ljåen og krøttermulen: Om opphav og alder til det norske seterbruket. (Norsk) Historisk tidsskrift 3/1989. P. 351–357; Sandnes J. Utmarksdrift og ressursutnyttelse i Norge i eldre tid // ed. H. Ilsøe & B. Jørgensen/ Plov og pen: Festskrift til Svend Gissel 4. januar 1991. København: Det kongelige Bibliotek, 1991. P. 213–221.

Fig. 1. The shieling Backasättern. Photo: Eva Svensson

tions of shieling sites in Sweden and Norway¹⁸. Through these investigations palaeobotany, and to some extent archaeology, has pushed back the establishment of shiel-

¹⁸ Elgfangst og bosetning i Gråfjellområdet / ed. T. Amundsen. *Varia* 64. Oslo, 2007; Emanuelsson M., Bergquist U., Segerström U., Svensson E. & von Stedingk H. Shieling or Something Else? Iron Age and Medieval Forest Settlement and Land Use at Gammelvallen in Ångersjö, Central Sweden // *Lund Archaeological Review*. Vol. 6. 2000. 123–138; Emanuelsson M., Johansson A., Nilsson S., Pettersson S. & Svensson E. Settlement, shieling and landscape: The local history of a forest hamlet. Stockholm: Almqvist & Wiksell International, 2003; Kvamme M. Pollen analytical studies of mountain summer-farming in western Norway // *The cultural landscape – past, present and future* / ed. H. H. Birks, H. J. B. Birks, P. E. Kaland & D. Moe. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 349–365; Magnus B. Iron Age exploitation of high mountain resources in Sogn. *Norwegian Archaeological Review*. 1986. Vol. 19, no. 1. P. 44–50; Kultur og natur i Grimsdalen landskapsvernområde. Sluttrapport fra DYLAN-prosjektet / red. O. Risbøl, K. Steine, A. Sætren. Oslo, 2011. (NIKU; Tema 38). URL: http://www.niku.no/filestore/Publikasjoner/NIKU_Tema38.pdf (24 April 2012); Skrede M. Shielings and landscape in western Norway. Research traditions and recent trends // ed. I. Holm, S. Innselset & I. Øye. 'Utmark'. The outfield as industry and ideology in the iron age and the middle ages. Bergen: UBAS, International 1, 2005. P. 31–41; Svensson E. Människor i utmark; Vestlandsgården – fire arkeologiske undersøkelser. Havrå – Grinde – Lee – Ormelid / ed. I. Øye. Bergen: Arkeologisk institutt, Universitetet i Bergen & Bergen Museum, 2002.

ings, or at least shieling land-use, in time. Palaeobotanical and archaeological investigations in western Norway have provided indications of shieling-like land-use and what appear to have been hearths or cooking pits on shieling sites dating back to the Early Iron Age and in some case even to the Bronze Age. The Iron Age use of the shielings appears to correspond to the permanent establishment of farmsteads in the rural areas historically associated with the shielings.

Investigations in Värmland and in Härjedalen in western Sweden come up with somewhat later dates for establishment. From the late Early Iron Age to late Iron Age, grazing and sometimes also haymaking appear on a couple of shieling sites. In these cases too, there was a strong connection between the establishment of shielings and the development of the associated agrarian mother farmsteads or hamlets. In both Sweden and Norway buildings were erected and full-scale shieling land-use, that is, forest grazing and haymaking, but sometimes also a little cereal cultivation, can be demonstrated in the Viking Age and the Middle Ages (fig. 2).

The paleobotanist Marie Emanuelsson has demonstrated that it was the combination of farmstead and shieling that made settlement expansion possible into

Backasättern, Backa Värmland

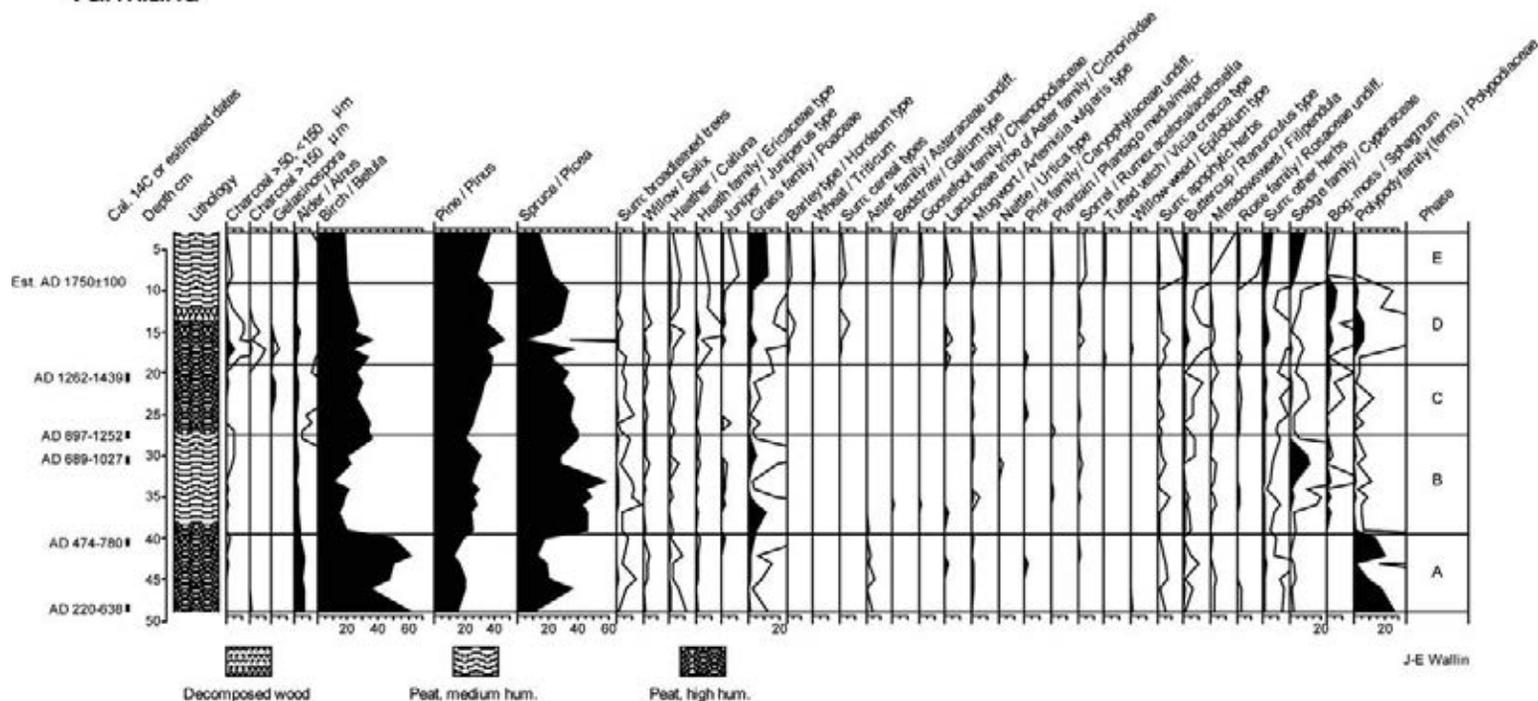

Fig. 2. Pollen diagram from the shieling Backasättern. Emanuelsson M. et al. 2003, fig. 43.

areas with less good agricultural prerequisites¹⁹. Shielings were thus an important innovation for settlement expansion. But was it an innovation created in the Scandinavian outlands? After all there were shieling-like structures in many upland areas across Europe, which shared several features.

A cross-European comparison of shieling like sites demonstrated that there were both variation and conformity in the shieling-like sites, transhumance and grazing systems, that in most cases were connected to permanent settlement units²⁰. The existence of parallel grazing and transhumance regimes bear witness of elaborate systems of upland land-use and practice staged in the South European mountains, whereas the upland grazing systems in the British Isles, the Alps and Scandinavia were less complex.

The most likely explanation is that the different upland grazing regimes and shieling-like sites were differ-

¹⁹ Emanuelsson M. Settlement and land-use history in the central Swedish forest region: the use of pollen analysis in interdisciplinary studies. Umeå: Swedish University of Agricultural Sciences, 2001.

²⁰ Svensson E. Upland living. The Scandinavian shielings and their European sisters // *Nordic Middle Ages - Artefacts, Landscapes and Society: essays in honor of Ingvild Øye on her 70th birthday* / red. I. Baug, J. Larsen & S. Samset Mygland. UBAS 8. Bergen: University of Bergen, 2015.

ent, locally or regionally originated, innovations, especially as there were different organizations created for working the shielings (see below). Of course, there was some diffusion, such as the export of Scandinavian shielings to new settlement areas such as the Atlantic Islands, where they played an important role in making settlement possible. But in general it appears to have been the question of different strategic ways of solving similar problems, namely a need to extend grazing, and to some extent also other agrarian activities, beyond the village and infield resources²¹.

The use of shielings also meant spreading agrarian practices into different settings of natural conditions, and thus spreading many of the risks regularly faced by preindustrial peasants. Shielings, and shieling-like sites, should thus be perceived as having an important risk-management function in rural communities.

Shielings were well integrated in the rural economy and the agrarian practices. In fact, they were means of maintaining an agrarian system in spite of less favourable agricultural conditions. In contrast to shielings, blast furnaces became industrial exponents that expanded the agrarian system and ultimately developed beyond

²¹ Ibid.

the agrarian way of life and became a major element in Swedish industrialization.

Bloomery furnaces appear in different shapes in many corners of the world. It was a great technology transmitting bog ore into iron, and large quantities of good iron was produced and traded on the basis of the bloomery iron production. The blast furnace was an even greater technology. Through the blast furnace's capacity of creating higher temperatures, rock ore could be used and better iron and steel produced. Through the use of rock ore, the development of mining went hand in hand with the blast furnace. The blast furnace was invented in the Central Swedish Mining District at the latest in the 12th century and was spread to other Mining Districts²². In the centuries to come, the blast

²² Magnusson G. Lapphyttan. An example of medieval iron production. *Medieval Iron in Society*. Papers presented at the symposium in Norberg, May 6–10, 1985. Jernkontorets forskning H 34. Stockholm, 1985; Pettersson Jensen I-M. *Norberg och järnet: bergsmännen och den medeltida industrialiseringen*. Stockholm: Stockholm University, 2012.

furnace changed the course of Swedish – and European – history. The blast furnace is still in foundation of the steel industry (fig. 3).

Blast furnace technology depended on a number of resources being present, such as rock ore, wood for charcoaling, heat-resistant building material for the furnace and water power for powering the bellows, and was therefore dependent on specific natural conditions. The technology also required special skills and organization for successful operation. The invention of the blast furnace took place in rural communities which, centuries earlier, had initiated colonization based on agrarian economies, with cattle breeding appearing to have been of most importance. Also other kinds of outland use, such as bloomery iron production have been detected.

In the Central Swedish Mining District there was rock ore that, at least initially, was accessed fairly easy and had a quality suitable for the early blast furnaces. There were also forests that could be used for produc-

Fig. 3. Remains of a blast furnace in the outland, the Central Swedish Mining District. Photo: Eva Svensson

Fig. 4. Making iron in the reconstructed blast furnace at Lapphyttan, Norberg. Photo: Hans Lind (f)

tion of charcoal, and rapids suitable for water power. It is also likely that the outland use practised previously, especially bloomery iron production, functioned as capability builder for the outland use practitioners that was transferred to blast furnace working²³ (fig. 4).

Blast furnace iron production appears to have started as a kind of outland use operated by the local hamlets. Not only the resources, but also many of the earliest blast furnaces, were located in the outland. However, the great yields and earnings from the production soon attracted other actors, such as nobles, bishops and kings. When the Central Mining District appears in historical documents from the Middle Ages, some of the greatest magnates in Sweden stand out as interested parties. Also, the peasants involved in the iron production were transformed into iron masters, a special social group with distinct privileges and influence in society²⁴.

Iron production, both bloomery and blast furnace iron production, answered to an increasing need for iron in medieval society²⁵. Rural communities making iron could trade the products and buy a number of necessities they no longer needed to produce themselves. But iron production was also a mean for generating surplus, even great wealth. Thus iron production could function as a source for both risk management and squandering. However, investigations into medieval farmsteads involved in iron production have shown that the inhabitants consumed luxury only modestly, and preferred rather to honour local traditions and values than display excess²⁶. This choice may well be related to the organization of outland use practices.

Smart Organizations – Communality, Versatility, Seasonality – and the Importance of Women

Ethnographic description of agrarian life in the rural edges of preindustrial Scandinavia emphasize the importance of communality with work cooperatives as central actors and commonly managed features, such as shielings, the seasonal planning of tasks and versatility as strategy. Also, the relative freedom and influence held by women is sometimes pointed out as an exotic abomination²⁷.

It is not possible to establish when communality, seasonality, versatility and the status of women were established as organizational features, but I will argue that they belong together with outland use and was nec-

essary for the successful expansion of different outland activities. Because outland use required the exploitation of large areas, people could stay away from the farmsteads during shorter or longer periods, different activities could be combined and some major enterprises could be undertaken. Several families working together, expanding the households by also sending women into the woods, careful yearly planning of different activities to avoid idle periods and flexibility to include or exclude task when judged appropriate were the answers to the challenges posed by outland use²⁸.

Collective organizations were key to managing agrarian economies in preindustrial times. There was co-operation also in champion cultivation areas, but the collective organizations were stronger where harsh natural conditions posed harder challenges in gaining a livelihood. There were many things that required cooperation, mutual assistance and common decision-making, such as building fences, tending wells, harvesting and shieling management. The Nobel Laureate, Elinor Ostrom has pointed out a number of factors characterizing successful and durable collective, or local self-organized, resource management organizations such as social capital (including trust, security and self-esteem), and the presence of local regulations, monitoring and sanctions²⁹. These factors appear to have been in place in local communities strongly depending on outland use.

Shieling management may serve as a good example. The maintenance and operation of the shielings, including the haymaking, were carried out by a special co-operative called the shieling collective (Sw. *fåbodlag*), whereas the herding, milking and dairy work were assigned to female members of the households in the co-operative or hired by the co-operative. The shieling collectives, which in many cases also were responsible for other assignments, promoted the building of social capital. The members both shared a shieling and a social ideology for which the communication of equality was fundamental. Even the heads of the co-operatives were presented as nothing more than *primus inter pares*, i.e. the first among equals. There were also regulations, monitoring and sanctions prohibiting unsustainable use or abuse of the shielings. The dates for departure to and return from the shielings, as well as the number of cattle to be herded, were regulated through local customs and collective decisions. Monitoring was carried out by the local community as both departure and return were public actions surrounded by festivities. Breaking of the agreements was treated as the criminal offence of grass robbery (Sw. *gräsrän*)³⁰.

²⁸ Svensson E. Människor i utmark; Svensson E. Expanding the household // *Lund Archaeological Review* 4. 1998. P. 85–100.

²⁹ Ostrom E. *Governing the commons: the evolution of institutions for collective action*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

³⁰ Svensson E. Människor i utmark, with references.

²³ Pettersson Jensen I-M. *Norberg och järnet...*

²⁴ *Ibid.*

²⁵ Karlsson C. *Förlorat järn: det medeltida jordbrukets behov och förbrukning av järn och stål*. Uppsala: Swedish University of Agricultural Sciences, 2015.

²⁶ Emanuelsson M. et al. *Settlement, shieling and landscape*.

²⁷ Löfgren O. *Kvinnfolksgöra – om arbetsdelning i bondesamhället*. *Kvinnovetenskaplig tidskrift* 1982, nr. 3. P. 6–14.

Another advantage with collectives was that they brought together a number of different competences and capacities for undertaking a multitude of tasks not possible for a single household. A co-operative could thus be a 'jack-of-all-trades', and allow for different skills in the co-operative to be distributed strategically. The versatility and flexibility enabled through collective work organizations were trademarks for outland-using peasants, and seems to have been present also at household level³¹. However, more technology intensive outland uses demanded some expertise and specialization not possessed by everyone, but through a co-operative households could be part of outland production they did not possess enough skills in themselves.

Versatility was an important strategy for holding a high degree of self-subsistence and for spreading risks in a rural community. Failure in one sector of the rural economy could be compensated by intensifying another, both on a yearly basis and in a longer time perspective. In Northern Värmland the depressed yields from bloomery iron and elk hunting due to market failure in the 13th century, were compensated by increased cereal cultivation and cattle breeding, including intensified use of shielings³².

Careful seasonal planning was one necessary tool for versatile rural communities to economize on the workforce in order to be able to pursue a multitude of outland uses³³. Shielings were in use during the summer half of the year³⁴, a busy season in rural communities, maybe especially so in Scandinavia where the growing season was short. Ploughing, sowing, harvesting, haymaking and related tasks had to be carried out when the weather was favorable. The Italian anthropologist Pier Paolo Viazzo has pointed out that demographic balance in the Alpine rural communities was something relative, and related to season. In the short summertime, many hands were needed in the labour-intense agriculture. But in wintertime there were too many mouths to feed, and most male inhabitants left the area to work elsewhere³⁵.

In Scandinavia too it was common, especially in the transition period from the preindustrial to the industrial society, to leave the rural communities in wintertime to find temporary employment. But in the Viking Age and the Middle Ages industries, or protoindustries, and their workforce were integrated in the rural economies as outland use. This meant that iron production, both with

bloomery and blast furnaces, stone quarrying, tar production etc. had to be operated when agriculture did not demand the full attention of the peasants. According to ethnographic sources, most phases of these trades were pursued during the winter half of the year³⁶.

The last piece of the smart organization puzzle in outland use appears to be a Scandinavian particularity. In 1762 the county governor described the women in northern Värmland with admiration, as diligent and equally used to hard physical labour as the men. Women who were not taking care of small children operated the shielings or worked together with the men in all kinds of tasks in the outland³⁷. This description from Northern Värmland of women regularly carrying out tasks outside the confinities of the farm seems to be valid also in other Scandinavian areas where outland use was prominent.

The Scandinavian tradition of female herders at the shielings, that is sending them far out in the woods for almost half a year, should be noted. Within other European shieling like grazing regimes the herders were men, or whole families moved out with the cattle³⁸. The Scandinavian tradition may have its roots in milking being a stigmatized task for men to perform³⁹, but it definitely served as an important mean for expanding the households and their capacities to be versatile. And maybe the shielings were once invented by women...

Playfulness, Reciprocity, Squandering, Risk Management and Frontier Societies

It is time to return to the concepts of innovation and frontier societies in relation to inventions and smart organizations discussed above. A major problem is that we meet these inventions and organizations when they are (more or less) mature, and we are so far unable to track the innovation phase as such, only the transformation processes. Concerning shielings, archaeology and paleobotany gives insight into a transformation process from transhumance and more random use of places for grazing into the institutionalized shieling. For blast furnaces there is reason to believe that the previous bloomery furnace served as a foundation for the new technology. The processes behind the smart organizations were probably interlinked with the onset of the preindustrial agrarian system and the outland use.

Of the four theoretical principles playfulness, reciprocity, squandering and risk management, reciprocity and risk management stand out clearly in this investigation. Reciprocity was the foundation of the collective organizations that were working the shielings and blast furnaces, and must be considered a prerequisite for the

³¹ Johansson E. Inledning // Periferins landskap. Historiska spår och nutida blickfält i svensk glesbygd / ed. E. Johansson. Lund: Nordic Academic Press, 2002. P. 7–27.

³² Emanuelsson M. et al. Settlement, shieling and landscape.

³³ Magnusson G. Lågteknisk järnhantering i Jämtlands län. Stockholm: Stockholm University, 1986. P. 283.

³⁴ There are a few examples of shielings operating during winter.

³⁵ Viazzo P. P. Upland communities: environment, population and social structure in the Alps since the sixteenth century. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.

³⁶ Magnusson G. Lågteknisk järnhantering...

³⁷ Mörner A. Kort oeconomisk beskrifning öfver Wermlandh åhr 1762. Published by Värmlands Museum. Värmland förr och nu. Karlstad, 1952. P. 52.

³⁸ Svensson E. Upland living.

³⁹ Löfgren O. Kvinnofolksgöra...

development of our innovations and outland use as such. Once in motion, co-operatives and reciprocity continuously reproduced one another, at least until the coming of modern industry. Playfulness, however, harder to detect, was most likely interwoven with reciprocity at the rituals and festivities inaugurating the projects undertaken by co-operatives such as the departure to the shielings.

Risk management, not squandering, was a guiding principle in Scandinavian rural communities with prominent outland use. The social ideology and communication of equality promoted modest behaviour and avoidance of ostentatious luxury consumption. There may have been resource wasteful phases accommodating the setting in motion of the blast furnace and maybe also the shieling, but if so, they were soon replaced by more sustainable practices. Inventions were used to increase versatility and strengthen risk management to secure the communities against the numerous threats constantly

hovering over agrarian economies. Accumulating wealth through trading some of the products was one way of gaining security, but also a way of producing a socially acceptable state in society.

Lastly, are we dealing with frontier societies? No, the rural societies hosting the innovations discussed here were sedentary communities institutionalizing the pre-industrial agrarian system. But, they were likely preceded by frontier societies in the colonization phases. Tentatively, the expanding neolithization process with transhumance can be an indicator of frontier activities. And maybe these experiences were later fleshed out in innovative minds.

Acknowledgement

I am most grateful to Mark Gardiner for correcting my English!

Резюме

Ева Свенсон

Инновации в сельской жизни. Изобретения и рациональная организация пространства на периферии Скандинавии

Деревенские общины в лесистой и гористой сельской периферии Скандинавии использовали отдаленные угодья («выселки» – outlands) с целью расширить сельскохозяйственную активность и увеличить товарную продукцию. Из-за этого роль этих земель (outland), лежащих и сегодня вдали от городов и научных центров, воспринималась как маргинальная, лежащая вне главного, прогрессивного направления в развитии землепользования для ведущих районов сельского хозяйства. Однако исследования доказывают противоположное. В сельских общинах, известных широким использованием аутлэндов, наблюдаются очень живые и динамичные процессы. В статье такое использование рассматривается как инновационный процесс, нововведение и усовершенствование в сфе-

ре организации хозяйства, а также анализируется в социальной плоскости, в терминах готовности к смелым пробам и ошибкам, большей склонности к риску, а также к совместным действиям и взаимопомощи. Тем самым аутлэнды находят место и в общей концепции пограничных сообществ, фронта. Анализ таких новшеств, как летние пастбища и воздуходувные печи, вариативность поведения и сезонный характер самих работ приводит к выводу о развитии общественных форм пользования, зарождении элементов высокой организованности. Постепенно выясняется, что при вовлечении в оборот аутлэндов наиболее важными принципами для рождения инноваций стали взаимопомощь, коммуникативность, готовность к хозяйственным рискам.

К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные

Археологические данные

Дискуссия о месте древнейшего Смоленска хорошо известна. Гипотеза А.А. Спицына¹ о том, что на современное место город был перенесен лишь при князе Ярославле Мудром, а до этого находился в Гнёздове, неоднократно обсуждалась в литературе, и некоторые, весьма компетентные археологи, склонялись к ее поддержке². При этом Е.А. Шмидт на основании анализа текста предания об убийстве князя Глеба пришел к выводу, что в 1015 г. Смоленск был уже на своем нынешнем месте³.

Д.А. Авдусин отстаивал версию о том, что местоположение первоначального Смоленска находилось «где-то в центре современного города», но не на верхней площадке Соборной горы⁴. Этот вывод был сделан в итоге 40-летних работ Смоленской экспедиции МГУ. Однако фактических данных для обоснования такой локализации первоначального Смоленска практически не было. Предположение Д.А. Авдусина более основывалось на интуиции, он сам прекрасно понимал, что его аргумент о единичных находках на склонах Соборной горы арабских дирхемов не может быть признан сильным для обоснования наличия здесь городского ядра. Все раско-

¹ Спицын А.А. Гнёздовские курганы в раскопках С.И. Сергеева // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905.

² Ляпушкин И.И. Смоленск и Гнёздово // Проблемы истории феодальной России. СПб.: ЛГУ, 1971. С. 33–37; Нефёдов В.С. Ранние этапы политогенеза на территории Смоленской земли (конец IX – начало XI в.) // Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства. Вологда: Древности Севера, 2012. С. 89–113; Шмидт Е.А. О времени возникновения города Смоленска // Музейный вестник. Вып. 6. Смоленск, 2012. С. 139–149; Его же. Письменные источники о кривичах и их граде Смоленске в IX–X вв. н.э. // Там же. Вып. 7. Смоленск, 2013. С. 36–43.

³ Шмидт Е.А. Письменные источники... С. 43.

⁴ Авдусин Д.А. Актуальные вопросы изучения древностей Смоленска и его ближайшей округи // Смоленск и Гнёздово. М.: Изд-во МГУ, 1991. С. 9.

пы, находившиеся у подошвы Соборной горы, с южной стороны улицы Соболева, дали лишь материал конца XI в. и более поздний. Отсутствие в Смоленске более ранних материалов стало уже аксиомой для многих исследователей⁵.

В раскопах Д.А. Авдусина, Н.Н. Воронина и П.А. Раппопорта на вершине Соборной горы были найдены архитектурные объекты XII в. и лишь один фрагмент стенки лепной керамики, атрибуция которого затруднена. Более выразительные фрагменты лепной керамики были еще в 1925 г. найдены на вершине Соборной горы в шурфе возле колокольни XVII в. А.Н. Лявданским⁶. Сами находки утрачены в годы войны, их культурно-хронологическая интерпретация по единственной фотографии затруднена.

Начиная с 1990-х гг. в Смоленске развернулись новоостроечные археологические работы. Около 20 исследователей вели раскопки в городе за последние 25 лет. В архиве ИА РАН накопилось более сотни отчетов по Смоленску. В результате появились первые достоверные данные о находках X (IX?) – XI вв. в пределах исторической территории Смоленска. Особенно значимым был прирост информации в результате охранных и разведочных работ 2005 и 2014–2015 гг. Конечно, полученные на сегодняшний день данные еще очень далеки от полноты, но они дают определенную перспективу для дальнейших поисков.

Начнем рассмотрение материалов в хронологическом порядке.

Однотипная лепная керамика (рис. 1), аналогичная найденной в смоленских курганах первой половины – середины X в. (например, в раскопанной

⁵ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX – X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 243–273.

⁶ Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии // Научные известия Смоленского государственного университета. Т. 3, вып. 3. Смоленск, 1926. С. 179–296, табл. XII: 3.

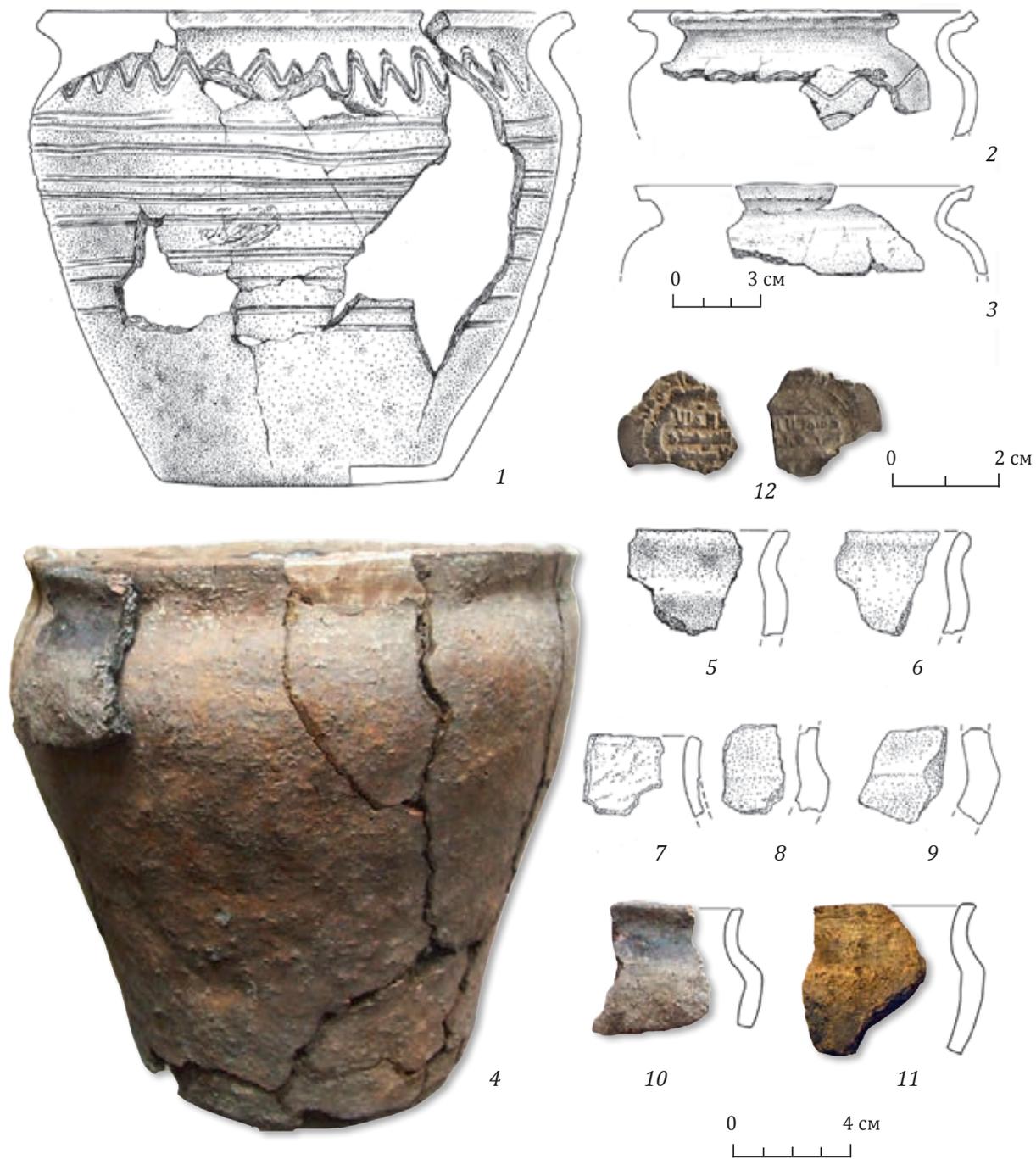

Рис. 1. Лепная и раннекруговая керамика из Смоленска и сравнительный материал:
 1 – раннекруговой горшок конца X – начала XI в., шурф №4 Смядынь (2014 г.); 2, 3 – круговые горшки с развитой профилировкой XI в., шурф №4 Смядынь (2014 г.); 4 – горшок из курганной группы Новоселки (раскопки Е.А. Шмидта, 1964 г.) и приложенный к нему фрагмент венчика с М. Школьной ул., 6 (раскопки Т.А. Асмолковой, 2011 г.); 5 – фрагмент венчика с ул. Металлистов, 14 (раскопки О. М. Олейникова, 2005); 6, 7, 9 – фрагменты из шурфа на М. Школьной, 7а (раскопки И. Н. Ершова, Н. А. Кренке, 2014 г.); 8 – фрагмент стенки с ул. Реввоенсовета, 2 (раскопки И. Н. Ершова, Н. А. Кренке, 2014 г.); 10 – фрагмент венчика с М. Школьной ул., 6 (раскопки Т.А. Асмолковой, 2011); 11 – фрагмент венчика с Ново-Ленинградской ул., 11 (раскопки 2005 г. О. М. Олейникова); 12 – фрагмент дирхема (подъемный материал 2005 г. в районе ул. Металлистов, 14)

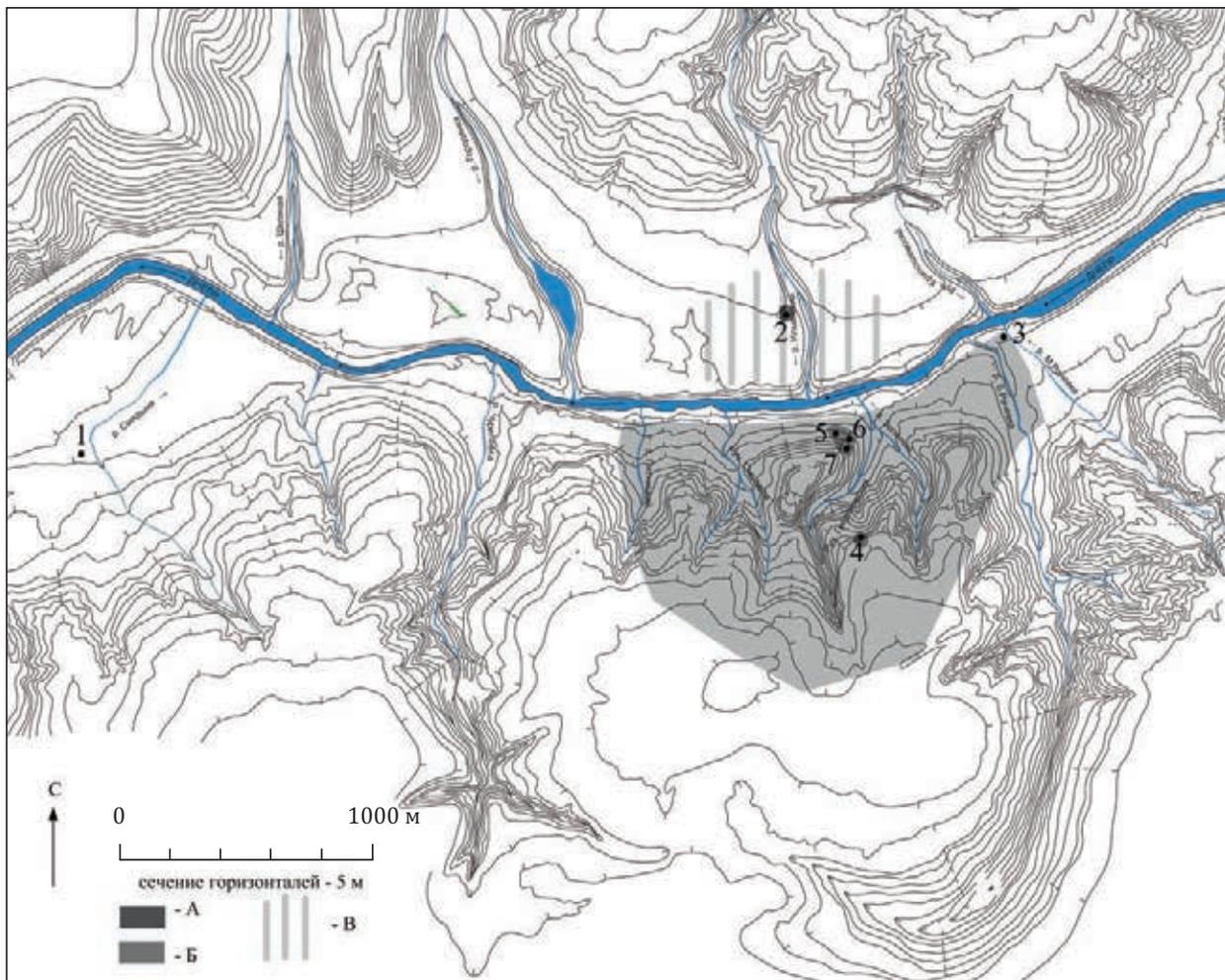

Рис. 2. Реконструкция поселения на месте Смоленска на X и XI вв.

А – поселение X в.; Б – поселение XI в.; В – предположительное место поселения XI в.

1 – шурф № 4 на Смядыни (2014 г.), раннекруговая керамика X – XI вв.; 2 – шурф на Ново-Ленинградской, 11 (2005 г.), лепная керамика; 3 – ювелирная мастерская XI в. на Малой Рачевке (Набережная Горького, 24, 2015 г.); 4 – ул. Реввоенсовета, 2 (2014 г.), лепная керамика; 5 – ул. Металлистов, 14 (2005 г.), лепная керамика; 6 – М. Школьная ул., 6 (2011 г.), лепная керамика; 7 – М. Школьная ул., 7а (2014 г.), лепная керамика

Е.А.Шмидтом курганной группе Новоселки) найдена уже в трех пунктах в пределах центра Смоленска (рис.2). А именно – 1) в Заднепровье, напротив Соборной горы (ул. Ново-Ленинградская 11, раскопки О.М.Олейникова, 2005 г.); 2) на северо-восточном склоне Соборной горы, на ул. Малой Школьной, 6 (раскопки 2011 г. Т.А.Асмолковой)⁷ и Малой Школьной, 7а (раскопки 2014 г. И.Н.Ершова, Н.А.Кренке); ул. Металлистов, 14 (раскопки 2005 г. О.М.Олейникова); 3) на северо-западном склоне мыса, на котором стоит Георгиевская церковь (пер. Реввоенсовета, 2, раскопки 2014 г. И.Н.Ершова, Н.А.Кренке).

Особенно показательны результаты, полученные в стратиграфическом шурфе на Малой Школь-

ной ул., 7а⁸. Предварим его описание некоторым общим наблюдением относительно формирования отложений культурного слоя на Соборной горе. Видимо, начиная с древнейших этапов освоения склонов Соборной горы и до настоящего времени люди делали горизонтальные подрезки на ее довольно крутых склонах. В результате образовывались террасы-уступы, тыльные части которых были врезаны в материк, а на бровках террас накапливались мощные отложения в несколько метров толщиной. Наиболее ценными для археологии оказываются в этих условиях средние части террас-подрезок, где иногда сохранялась последовательность слоев. Именно в

⁷ Авторы благодарят Т.А.Асмолкову за разрешение опубликовать материал из ее раскопок.

⁸ Смоленская экспедиция ИА РАН работала в составе: Н.А.Кренке, И.Н.Ершов, А.А.Войцик, В.А.Раева, М.В.Лавриков.

таким месте был заложен шурф на Малой Школьной улице, 7а. Общая толщина напластований здесь составила 2,5 м. На уровне материка прослеживалась срезанная поверхность почвы, в которую были впущены канавки усадебных оград и прослеживались остатки столбов частоколов. В предматериковом горизонте в слое серого суглинка залежали фрагменты лепных слабопрофилированных горшков и круговых тонкостенных горшков развитой профилировки «позднегнёздовского типа» (в шурфе 1) и типичных «смоленских», более толстостенных горшков с эсовидным профилем, округлым валиком на торце венчика, орнаментированных рядом поперечных насечек по плечу (в траншее). Лепная керамика была, как отмечалось выше, идентична керамике из смоленских курганов середины X в.

По образцам древесины из шурфа были получены три радиоуглеродные датировки. Во-первых, для датирования были взяты два кола из канавки в материке⁹. Получены две даты: по восточному столбику – 1065±35 (SPb-1512)¹⁰, калиброванное значение 966–1019 гг. (вероятность – 58,3%); по западному столбику – 1050±30 (SPb-1513), калиброванное значение – 977 – 1012 гг. (вероятность – 68,2%). Во-вторых, датировалась щепка из пласта 6, перекрывавшего предматериковый горизонт. Получена дата 866±30 (SPb-1511), калиброванное значение которой – 1155–1220 гг. н.э. То есть по результатам радиоуглеродного датирования время сооружения частокола – конец X – начало XI в. Эти даты вполне увязываются с обнаруженными в предматериковом слое шурфа 1 фрагментами круговой керамики «позднегнёздовского типа». Характерная особенность этой керамики – изящный, сильно профилированный прогнутый венчик эсовидного профиля, тонкие стенки, волнистый и линейный орнаменты (варианты 1–4 типа 3, по Каменецкой). Е. В. Каменецкая относит подобную керамику к XI в., отмечая, что она есть на гнёздовском поселении (селище), но малочисленна в курганах и редко встречается в городском слое Смоленска¹¹.

Наличие частокольных оград усадеб, на наш взгляд, важный признак, указывающий на плотную застройку и, вероятно, на городской характер поселения.

На 30–40 см выше залегал горизонт, датированный второй половиной XII – началом XIII в. по радиоуглероду и керамике.

⁹ Датирование производилось в лаборатории Географического факультета Педагогического университета им. А. И. Герцена в Санкт-Петербурге под руководством М. А. Кульковой.

¹⁰ Калибровка производилась по оксфордской программе (OxCal), версия 4,2.

¹¹ Каменецкая Е. В. О верхней дате Гнёздовского поселения под Смоленском (по керамическому материалу) // Проблемы истории СССР. Вып. 6. М.: Изд-во МГУ, 1977. С. 11.

Концентрация находок лепной керамики, залегающей именно в предматериковом слое, зафиксирована пока только на участке владения Малая Школьная ул, 7а. На соседних участках Малой Школьной улицы и на ул. Металлистов лепная керамика встречена лишь в перекопах и в единичном количестве. В районе ул. Металлистов, 14, ниже по склону на поверхности огорода, в 2005 г. был найден также дирхем – Саманиды, Наср б. Ахмад, место и год чеканки отломлены, по типу – Самарканд, 329–331 гг. х. (940–943 гг.), с именем халифа ал-Муттаки лиллаха (определение А. А. Гомзина, рис. 1: 12).

Ареал находок лепной керамики охватывает среднюю часть северо-восточного склона Соборной горы (рис. 3). Размер участка – 130×150 м (около 2 га). Важно отметить отсутствие в раскопах на северо-восточном склоне Соборной горы раннекруговой керамики «раннегнёздовского типа».

Профилированная круговая керамика типа 3, по Е. В. Каменецкой, условно датированная в широких рамках XI в., ранее была встречена лишь в незначительном количестве в раскопах на ул. Соболева. В раскопах последних лет ситуация кардинально изменилась. Керамика этого типа встречена очень широко. Она зафиксирована при раскопках Пятницкого конца на ул. Студенческой¹². В центре Смоленска керамика данного типа встречена и на северном склоне Соборной горы при раскопках на ул. Металлистов, 8¹³. Ареал керамики простирается далеко на юг – от кромки «смоленских гор» далее на водораздел. Она встречена в верховьях Резницкого оврага, в раскопе на ул. Ленина 8а¹⁴ и на пересечении ул. Б. Советская и Коммунистическая¹⁵. В восточной части города керамика XI в. (можно уточнить – середины – второй половины века, судя по совместным с ней находкам колец «деснинского типа») была встречена при разведочных работах 2015 г. (рис. 4) на приустьевом участке левого берега Малой Рачевки (ул. Набережная Горького, 24). На берегу Малой Рачевки были найдены остатки мастерской по обработке цветных металлов (ювелирной). В комплексе с обычными кухонными горшками залежали сотни фрагментов ошлакованных и не использованных тиглей, выплески меди, литники, бракованные

¹² Пронин Г. Н., Соболев В. Е., Гусаков М. Г. Древний Смоленск. Археология Пятницкого конца. Смоленск, 2011. Илл. 79, 81.

¹³ Нигматуллин Р. А. Альбом к отчету о раскопках в г. Смоленске на ул. Металлистов, 8 в 1999 г. // Архив ИА РАН. 1999. Р-1 № 22808. Рис. 226.

¹⁴ Олейников О. М. Отчет о проведении охранных археологических исследований на территории строительства пристройки к жилому дому по адресу: г. Смоленск, ул. Ленина, дом 8а, в 2005 г. // Архив ИА РАН, р-1 № 33136. 2005.

¹⁵ Зубарев Н. В. Отчет о результатах охранных археологических исследований при строительстве административного здания ОАО «Мобильные телесистемы» по адресу: г. Смоленск ул. Б. Советская / Коммунистическая, 2002 // Архив ИА РАН. р-1 № 23112. Илл. 163, 172.

Рис. 3. Вид на северо-восточный склон Соборной горы.
Показана зона распространения лепной керамики X в. Рис. А. В. Филатовой

украшения. Нужно отметить, что на Малой Рачевке были найдены не единичные фрагменты, а чистые комплексы ям, насчитывающие многие сотни фрагментов. Аналогичная керамика XI в. была найдена при осмотре в 2015 г. отвалов траншеи водопровода возле церкви на Малой Рачевке (перекресток ул. Соболева и ул. 2-й Верхний Волок)¹⁶. Пространство первой террасы между Рачевкой и Малой Рачевкой было заселено в XI в. и, возможно, являлось местом сосредоточения ремесленных мастерских.

Таким образом, на основе данных археологии, накопленных к 2015 г., можно установить следующую последовательность формирования поселения на месте Смоленска.

В первой половине X¹⁷ в. в центре Смоленска существовало не менее трех поселенческих ядер: 1) на северо-восточном склоне Соборной горы (самое большое площадью около 2 га); 2) на мысу, расположенном с востока от Соборной горы, на противоположном правом берегу Красного (Георгиевского) ру-

чья; 3) в Заднепровье, на первой террасе, 200 – 300 м к северу от Нижне-Никольской церкви. Характер этих поселений остается неясным, никаких доказательств тому, что это был город, нет.

Материалы второй половины X – рубежа X/XI вв., на которые бы указывала раннекруговая керамика в центре Смоленска, практически не известны (авторы могут указать лишь на один венчик из раскопок 2005 г. на ул. Металлистов, 14, хранящийся в Смоленском музее¹⁸). Материал этого времени зафиксирован в шурфе 2014 г. на Смядыни (в тыловой части поймы, возле Васильевского храма Борисоглебского монастыря (рис. 1). Скорее всего, это изолированный, не связанный с городом поселенческий объект.

В XI в. мы видим уже очень значительное по размерам, очевидно, городское поселение, которое простирается вдоль левого берега Днепра, от устья реки Малая Рачевка (1-й пер. Горького) до устья Пятницкого ручья (развилка Большой Краснофлотской и Студенческой ул.). Его протяженность – около 2 км.

¹⁶ Находки сделаны при наблюдениях В. А. Раевой.

¹⁷ О второй половине IX в. ничего нельзя сказать, так как у нас нет никаких оснований для подтверждения или отрицания такой датировки найденной лепной керамики.

¹⁸ Авторы выражают благодарность заведующей отделом археологии Смоленского краеведческого музея Т. В. Столяровой за помощь в работе с музейными коллекциями.

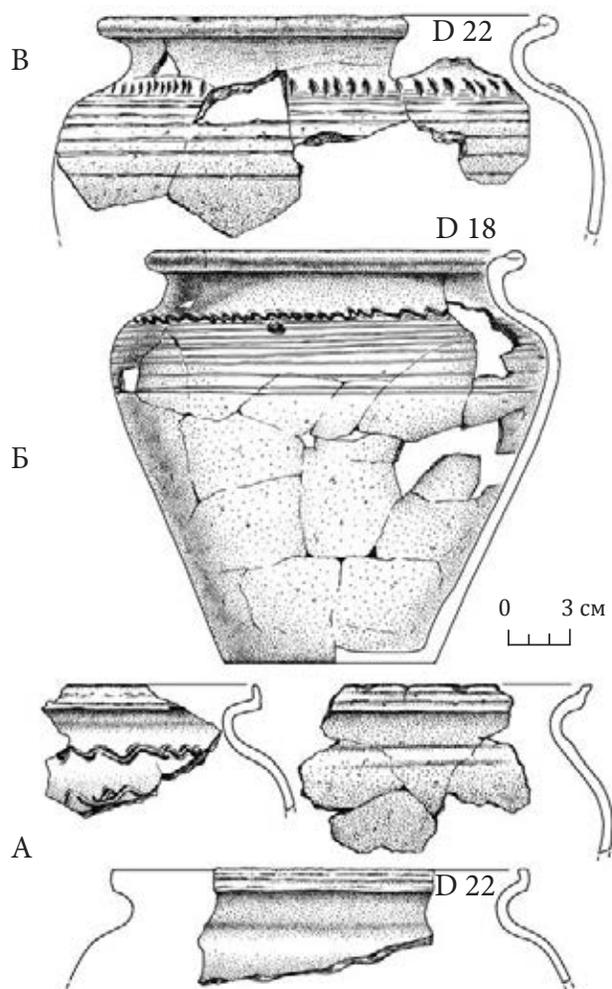

Рис. 4. Эталоны смоленской керамики XI–XII–XIII вв. А – керамика XI в. (Набережная Горького, 24, раскопки 2015 г.); Б – керамика XII в. (ул. Бакунина, раскопки 2014 г.); В – «типично смоленская» керамика конца XII – начала XIII в. (ул. Бакунина, раскопки 2014 г.)

По направлению от Днепра на юг размеры поселения достигали 1 км, оно охватывало северные отроги «смоленских гор». Характер освоения Заднепровья в это время пока еще мало прояснен.

Авторы прекрасно осознают, что точность датировок еще совершенно недостаточна, хронология керамики остается «расплывчатой» в пределах столетия. Однако нельзя сбрасывать со счетов результаты радиоуглеродного датирования. Они явно указывают на то, что усадьбы на Соборной горе теснились и ограждались частоколами уже в начале XI в. Другое, косвенное соображение заключается в том, что необходимо было какое-то время для формирования такого значительного по размерам поселения полукруглой в плане формы с длиной радиуса

около 1 км, каким мы видим Смоленск в конце XI в. Логично предположить, что в начале XI в. оно уже существовало.

Актуальнейшей задачей являются поиски ответа на вопрос – чем обусловлен провал в материалах второй половины X в.? Что за этим стоит – недостаточность данных или реальное уменьшение интенсивности «жизненной активности» на территории Смоленска в это время (перетекание «центра силы» в Гнёздово?)?

Топонимические данные

Для понимания роли Соборной горы в истории первоначального Смоленска важно осмысление и таких, на первый взгляд, далеких от археологии фактов, как этимологии названий ручьев у подножия холма. Это «Смолигов колодезь» с западной стороны и ручей «Смольянка» с восточной стороны. Названия ручьев ныне не сохранились в живом быту, однако их реальность в прошлом не подлежит сомнению. К этим гидронимам логично было бы присоединить и «Смядынь» по причине того, что они все три, как оказывается, имеют близкую этимологию, важную и для проблемы происхождения названия города. На этот момент внимание исследователей не обращалось до сих пор.

Смядынь. О. Н. Трубочев полагал, что гидронимы с архаичным суффиксом *-ынь* концентрируются на территории к юго-востоку от Смоленска (бассейны Сожа, Десны и отчасти Дона) и в бассейне Припяти (ее южных притоков)¹⁹. И. И. Срезневский указывал на то, что древнерусское «смядый» имело вариацию «смяглый» (смуглый, черный)²⁰; вероятно, было и первоначальное «смядлый» – т. е. «темный, цвета меда (?)»; прилагательное это употреблялось в древнерусское время только для обозначения цвета кожи, в основном, человека²¹. В. Л. Васильев указывает, что существование новгородского гидронима «Смядино»²² может свидетельствовать в пользу его деантропонимности (от личного имени «Смяд-, Смед-»). Есть и прямое указание на существование топонима «Смединъ» в недалекой округе Киева в «Списке городов русских ближних и дальних» XV в.

¹⁹ Трубочев О. Н. Труды по этимологии. М., 2009. Т. 4: Рукописные памятники Древней Руси. С. 109, 165.

²⁰ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3: Р-Ш и дополнения. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1912. С. 453.

²¹ Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. С. 208–209.

²² Васильев В. Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: древнеславянские деантропонимные образования. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 1975. С. 183.

«**Смолигов колодезь**». Иоасаф Шупинский²³ упоминает местную легенду о «*Смолиговом колодезе*» и «некоем предводителе *Смолиге*, который будто бы город населил и по имени своему назвал». Предполагать выдуманность имени нет оснований: гидроним упоминается еще в росписях караулов – документах Смоленской приказной избы 1610 г.²⁴ Среди деантропонимов Новгородчины есть гнездо архаичных топонимов с корнем «*Смолиг-*»²⁵. Недалеко от Смоленска, на Витебском шоссе, стоит село *Смолиговка*. В.Л. Васильев полагает, что ойконимы образованы от личного имени *Смолиг* с корнем «*смол-*» при помощи редкого суффикса *-иг, -ег*, а древнейшее упоминание имени зафиксировано в новгородской берестяной грамоте № 603, датируемой второй половиной XII в.

Подобные двусоставные гидронимы с приставкой колодезь маркировали и ручьи, и источники. Косвенно это подтверждает фраза П.Е. Никитина о наличии в Смоленске шести «*протоков колодезных*», т.е. ручьев²⁶. Смоленский диалектизм «*крыница*» (равно, как и «*колодезь*») не всегда обозначал «колодец» в современном толковании слова, а первоначально лишь – «*источник, родник, ключ*»²⁷. Устойчивое сохранение в городе сразу двух архаичных древнерусских названий соседних ручьев (был еще «*Верзенов колодезь*», ныне Пятницкий ручей) – значимый и достоверный факт истории Смоленска.

«**Смолигов колодезь**» хорошо вписывается в архаичную славянскую систему деантропонимии, датируемую не позже IX–X вв.²⁸ По поводу двучленных гидронимов с приставкой «*колодезь*» О.Н. Трубочев высказал предположение, что эта группа является частью комплекса древнейшего славянского гидро-

нимического пласта²⁹. Необходимо отметить также обилие гидронимов с приставкой «*кладенец*» (колодезь) и в ближней округе древней столицы Болгарии Преславы³⁰.

Какое отношение имеет этот гидроним к названию города? Скорее всего, вряд ли прямое. Есть сильные аргументы против: а) филологам трудно представить схему образования урбанонима *Смоленск* от гидронима с суффиксом *-иг*; мы знаем архаичную письменную форму урбанонима как *Смольнеск*; б) И. Шупинский, наряду с упоминанием «*Смолигова колодезя*», сообщает и о прежнем названии Георгиевского ручья (ныне Красный) – мол, тот в старину назывался «*Смольянка*», и что город от этого ручья мог прозваться (и у нас также нет оснований не доверять этому сообщению).

Ручей Смольянка. Насколько верно это сведение И. Шупинского, подтвердить или опровергнуть уже никто не сможет, но образование названия города от ручья *Смольянка* находится в полном соответствии с правилами лингвистики. Деантропонимные гидронимы *Смолка, Смолинка, Смольянка* и пр. широко распространены по всем славянским землям³¹. Подозрения возникают лишь из-за формы словообразования гидронима с суффиксом *-ка*, тогда как архаичнее звучало бы как ручей «*Смольнин*» (что и было, возможно, первоначальной формой гидронима).

Отметим еще важное для нас значение корня *смол-*, упомянутое И.И. Срезневским³²: *смол* – «*грязь, жижа*». Это значение сближает нашу версию этимологий гидронимов со стремлением С. Роспонда связать название города с архаичным значением праславянской основы *smol-* (вид почвы: черная, болотистая земля)³³. Смолосочетание «*черная грязь*» для смоленского говора означает не чернозем, а болотистую местность. Оно довольно широко применялось в древней гидронимике в округе Смоленска: семь речек *Черногрязок, Черноземок*, хорошо сочетающихся с многочисленными *Ржавками, Ржавцами*³⁴.

По С. Роспону наименования городов с суффиксальным окончанием на *-(ь)скъ, -цк* (так называемые вторичные) в большинстве своем образованы от гидронимов³⁵, а расположены эти города на территории

²⁹ Трубочев О.Н. В поисках единства. М.: Наука, 2005. С. 146–148.

³⁰ Кръстев Б., Витлянов С. За няколко топонима от околните на старопрестолния Преслав // 1100 години Велики Преслав. Т. 2. Шумен: Издателство на ВПИ «Константин Преславски», 1995. С. 250–251.

³¹ Агеева Р.А. Гидронимия Русского Северо-Запада как источник культурно-исторической информации. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 28.

³² Срезневский И.И. Указ. соч. Т. 3. С. 446.

³³ Нерознак В.П. Названия древнерусских городов. М.: Наука, 1983. С. 160.

³⁴ Трубочев О.Н. Труды по этимологии. Т. 4. С. 46 и далее.

³⁵ Нерознак В.П. Указ соч. 208 с.

²³ Шупинский Иоасаф, иеромонах. Историческое и географическое описание города Смоленска / публ. и комм. С.П. Писарева // Справочная книжка Смоленской губернии на 1898 год / Издание Смоленскаго губернского статистического комитета. Смоленск: Типография П.А. Силина, 1897. С. 243.

²⁴ Сапожников Н.В. Историческая топография древнего Смоленска: дис. ... канд. ист. наук. М.: Машинопись, 1983. С. 216.

²⁵ Васильев В.Л. Архаическая топонимия Новгородской земли: древнеславянские деантропонимные образования. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2005. С. 259 и далее.

²⁶ Никитин П.Е. История города Смоленска. М.: Типография С. Селивановского, 1847. С. 7.

²⁷ Флягина М.В. К вопросу об особенностях номинации водных объектов в народных говорах (на материале названий малых водоемов в донских говорах) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 2. С. 121–123.

²⁸ Толкачев А.И. К истории словообразовательных форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI – XV вв. III // Этимология, 1976. М.: Наука, 1978. С. 128.

Белоруссии, Северной земли и Смоленщины³⁶. Деантропонимные же названия большей частью не имеют подобного суффиксального окончания, тем самым резко обозначая границу между своей группой и группой посессивных топонимов. В округе Соборной горы были гидронимы с корнем «*смол-*» и его вариациями. Таким образом, можно предполагать, что название Смоленска образовано от гидронима, изначально деантропонимного; процессы эти, скорее всего, шли не синхронно и в обратной последовательности (имя – деантропонимный гидроним – урбаноним).

К рассмотренной группе смоленских гидронимов органично примыкают также и прочие архаичные деантропонимные гидронимы, как: Городянка

³⁶ Этот вывод противоречит мнению С. Роспонда о преимущественном распределении таковых урбанонимов на Севере Руси (Роспонд С. Структура и стратиграфия древнерусских топонимов // Восточно-славянская ономастика. М., 1972. С. 13–24). Гипотезы С. Роспонда придерживались и Ю. Ю. Моргунов с С. П. Щавелевым (Моргунов Ю. Ю., Щавелев С. П. «Курескь на Тускорь»: к вопросу о происхождении летописного города // Славянский средневековый город. Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 2. С. 261–271), обосновывая существование некоего северного колонизационного потока, достигшего Посеймья. Против этого аргументированно выступил В. В. Енуков (Енуков В. В. Славяне до Рюриковичей. Курск: Учитель, 2005. С. 192).

(Городня), Крупешевский (Крупощиц-Крупешевец северный и южный), Большая и Малая Рачевки, Верзенов колодезь, Чуриловка. За пределами долин этих ручьев к востоку и западу названия ручьев и речек резко меняют свой характер – они все названы по существенным признакам окружающего ландшафта и растительности (Кловский ручей, Ясенная, Дубровинка, Боровая, Вязовенька и т. д.). Возможно, что таким образом в структуре гидронимической номенклатуры города и его округа отразились реальные границы домонгольского Смоленска, города большого и многонаселенного.

Итак, беглый анализ небольшой части микрогидронимии Смоленска приводит нас к выводу о сосредоточении вокруг Соборной горы разнородных, но равно архаичных гидронимов с близкой этимологией, сводящей их разнообразие к одному значению: обозначению цвета кожи человека («смуглый, темный, темно-каштановый, коричневый, смоляной, цвета дегтя»). Эти гидронимы, несомненно, оказали влияние на появление названия города. При всём при этом, они никак не связаны друг с другом по источнику происхождения, восходя к разным личным именам (Смяда, Смолиг, Смолка-Смол-Смолен). Что за этим стоит и как это могло бы отразиться в археологии древнейшего Смоленска – вопрос для будущего.

Summary

I. N. Ershov, N. A. Krenke, M. A. Kulkova, O. M. Oleinikov and N. A. Syrovatko

On the Question of Locating Ancient Smolensk:

Archaeological and Toponymical Data

This article presents new archaeological data obtained through reconnaissance work prior to new construction projects being undertaken in Smolensk over the last 25 years, which have been shedding light on the earliest stages in the evolution of the city. The most important factual evidence was provided by hand-moulded pottery of the 10th century in three places within the central area of the city. The largest concentration of such finds was recorded on the north-east slope of Sobornaya Gora (Cathedral Hill), which indicates that there must have been settlements there, probably those of a rural type. Properties of an “urban type” enclosed by palisades emerged a little later, at the beginning of the 11th century, as has been revealed through radio-carbon dates and archaeological finds. The results of numerous excavations within the town have made it possible to establish that at the end of the 11th century it stretched over two

kilometres along the bank of the Dnieper from Malaya Rachevka to Pyatnitsky Stream and one kilometre in a southerly direction from the river along the route which was eventually to become Greater Soviet St. Analysis of the etymology of the names of the streams and ravines within the territory of the town (where there are habitation levels dating from the 11th and 12th centuries) indicate that they date from archaic, pre-Mongol times and are derived from personal names of medieval Rus. At the same time the etymology of names for waterways and expanses of water such as “Smyadyn”, “Smoligov Kolodez” (Smoligov Well) and “Ruchei Smolyanka” (Smolyanka Stream), which probably played a part in the emergence of the town’s eventual name, all have the implications “swarthy, dark or black”, which in the medieval period were used exclusively for designations of the human population’s skin colour.

Das Gräberfeld von Groß Ottenhagen/ Berezovka – ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrader Gebiet

Einführung¹

Das kaiserzeitliche und völkerwanderungszeitliche Gräberfeld von Groß Ottenhagen, heute Berezovka im Kaliningrader Gebiet² (Abb. 1), ist eines jener Gräberfelder des 1. nachchristlichen Jahrtausends im ehemaligen

¹ Dieser Artikel stellt eine verkürzte Fassung eines bereits im Jahr 2005 erschienenen Beitrages in den 85. Berichten der Römisch-Germanischen Kommission (vgl.: Ibsen T., Skvorzov K. Das Gräberfeld von Groß Ottenhagen/Berezovka im Kaliningrader Gebiet – Ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jt. n. Chr. im ehemaligen Ostpreußen // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. Bd. 85. Mainz am Rhein; Zabern, 2004. S. 381–452) dar.

² Diese Schreibweise ergibt sich nach dem internationalen System der Transkription des russischen Alphabets in lateinische Buchstaben (Barran J. Nördliches Ostpreußen. Königsberger Gebiet und Memelland. Ortsnamensverzeichnis und Karte deutsch-russisch und deutsch-litauisch. Leer, 1992. S. 15). Der Ort gehörte bis 1933 zum Kreis Königsberg im nordöstlichen Ostpreußen. Nach der 1939 erfolgten Neuordnung der Kreiszugehörigkeiten wurde Groß Ottenhagen in den Kreis Samland eingegliedert. Nach dem Zweiten Weltkrieg wurde das Königsberger Verwaltungsgebiet am 7. April 1946 offiziell als selbständige Enklave „Kaliningradskaja Oblast“ in die Sowjetunion eingegliedert (Ibid. S. 7). In diesem Zuge erfolgte eine Umbenennung der meisten deutschen Ortschaften. Das Dorf Groß Ottenhagen erhielt dabei den Namen „Berezovka“. In der polnischen Forschung werden für ehemals deutsche Ortschaften des heute russischen Gebietes zusätzlich polnische Namen verwendet, die oft schon vor dem Zweiten Weltkrieg in Gebrauch waren (Ibid. S. 8). Der Fundort Groß Ottenhagen wird dabei in der polnischen Literatur mit dem Ortsnamen „Polesie“ bezeichnet. Dieser Name ist allerdings falsch, es handelt sich um eine Verwechslung mit einer anderen, heute ebenfalls mit dem Namen „Berezovka“ belegten Ortschaft im ehemaligen Kr. Fischhausen im Samland. Den gleichen Namen „Berezovka“ trägt auch der ehemalige Ort Groß Sausgarten, Kr. Preußisch Eylau, ebenfalls im heutigen Kaliningrader Gebiet gelegen. Um Doppelbenennungen und Verwechslungen zu vermeiden, wird hier ausschließlich der alte, deutsche Name „Groß Ottenhagen“ verwendet, unter dem der Fundplatz auch Eingang in die archäologische Literatur gefunden hat. Gleiches gilt für alle weiteren Fundorte des ehemaligen Ostpreußen, deren heutige Namen anhand der Konkordanzliste im Anhang ermittelt werden können.

Ostpreußen, die bereits vor dem Zweiten Weltkrieg – also noch in der deutschen Forschungsperiode – ausgegraben wurden. Bedingt durch die Forschungsgeschichte waren viele dieser Nekropolen seither in Vergessenheit geraten, können nun aber durch die Wiederauffindung großer Teile der ehemaligen Prussia-Sammlung neu bewertet werden.

In Zusammenhang mit den Ereignissen des Zweiten Weltkrieges wurden sowohl die Funde als auch der Großteil der Grabungsunterlagen dieser Fundstellen aus ostpreußischen Museen wie dem Königsberger Prussia-Museum ausgelagert und galten bis vor wenigen Jahren als unwiederbringlich verschollen³. Seit den 1990er Jahren jedoch tauchen an verschiedensten Stellen immer wieder Originalfunde und Dokumente zu Fundplätzen im ehemaligen Ostpreußen auf, die der wissenschaftlichen Forschung zugänglich gemacht werden können und ansatzweise den Verlust der Quellenbasis ausgleichen. Oft sind die überlieferten Dokumente aber fragmentarisch und lassen keine vollständige Rekonstruktion der Befundsituationen zu.

Anders verhält es sich mit der Grabungsdokumentation zum Gräberfeld von Groß Ottenhagen, das in zwei Ausgrabungen in den Jahren 1928 und 1930 partiell untersucht wurde. Auch hier gelten die Funde mit wenigen Ausnahmen⁴ bis heute als verschollen. Dagegen haben sich die originalen Ausgrabungsberichte, darunter

³ Reich Ch. Archäologie einer vorgeschichtlichen Sammlung. Die Bestände des ehemaligen Prussia-Museums im Museum für Vor- und Frühgeschichte // Archäologisches Nachrichtenblatt. Bd. 8, H. 1. Berlin, 2003. S. 14–23.

⁴ Nur vier Keramikgefäße sind im Zuge der 1944 erfolgten Auslagerung des Keramikbestandes der Studiensammlung des Prussia-Museums in Königsberg ins damalige Heimatmuseum Allenstein (Ibid. S. 14 f.), heute „Muzeum Warmii i Mazur“ in Olsztyn, gelangt und haben sich dort erhalten. Für die Zusendung der Fotos und Zeichnungen zu den Gefäßen sei an dieser Stelle dem Leiter der archäologischen Abteilung des Museums, Dr. M. J. Hoffmann, gedankt.

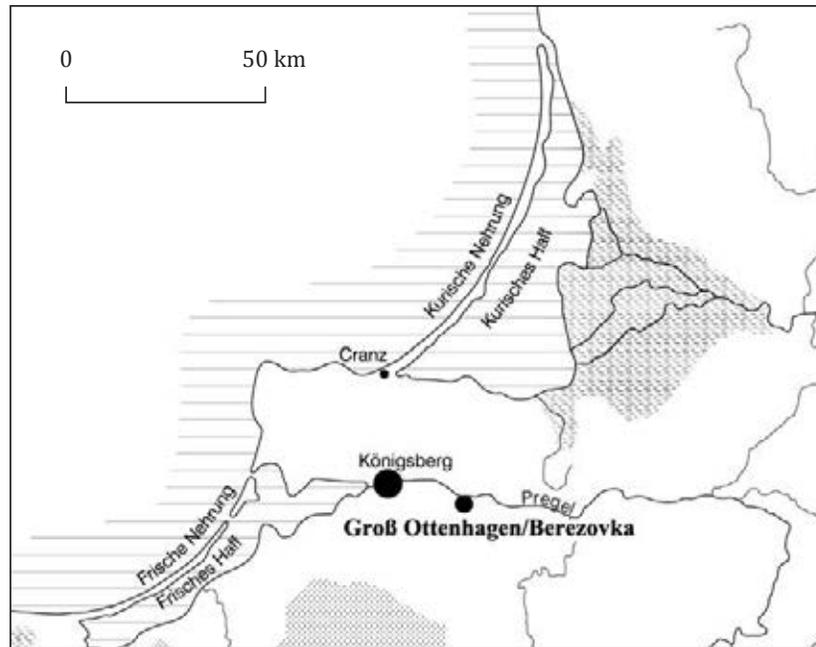

Abb. 1. Geographische Lage des Fundplatzes Groß Ottenhagen/Berezovka im Samland

auch zahlreiche Fundzeichnungen, im privaten Nachlass des damaligen Ausgräbers Herbert Jankuhn erhalten. Sie lagern heute annähernd vollständig im Archiv des Archäologischen Landesmuseums Schleswig, Stiftung Schleswig-Holsteinische Landesmuseen Schloß Gottorf. Weitere Dokumente befinden sich im neu eingerichteten Prussia-Archiv des Museums für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz⁵. Diese Archivalien ermöglichen heute eine Neubewertung des Gräberfeldes, die mittlerweile durch zwei Forschungsgrabungen in den Jahren 2003 und 2004 um wichtige Erkenntnisse ergänzt werden konnte.

Forschungsgeschichtlicher Hintergrund

Die Archäologie des ehemaligen Ostpreußen blickt auf eine lange Forschungstradition zurück, die in nicht geringem Maße durch die außerordentlich hohe Anzahl an Fundstellen begünstigt wurde. So bezeichnete A. Bezenberger⁶ 1903 das Gebiet des Samlandes und der angrenzenden Landschaften Natangen und Nadrauen als ein „einziges großes Gräberfeld“.

Die Fülle an Fundplätzen verschiedenster Zeitstufen und Denkmalgattungen zeigt eindrucksvoll E. Hollacks (1908) berühmte „Vorgeschichtliche Übersichtskarte von

Ostpreußen“ aus dem Jahr 1908. Seit der Mitte des 19. Jh. waren insbesondere auf Gräberfeldern der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit von zeitgenössischen wissenschaftlichen Institutionen wie der „Physikalisch-Ökonomische Gesellschaft zu Königsberg“ oder der „Altertumsgesellschaft Prussia“ zahlreiche Ausgrabungen durchgeführt worden. Bis zum Ende des Zweiten Weltkrieges ließen weitere Untersuchungen die Zahl der Fundstellen aus dem ersten nachchristlichen Jahrtausend erneut anwachsen. So zählte das Königsberger Prussia-Museum, in dem der Großteil der Originalfunde und die meist handschriftlichen Ausgrabungsberichte zusammengeführt wurden, kurz vor Kriegsende mit Hunderttausenden von archäologischen Exponaten zu den größten und berühmtesten Sammlungen Europas, und die Archäologie der Region galt als außergewöhnlich gut erforscht.

Diese Forschungstradition brach mit dem Ende des Zweiten Weltkrieges unvermittelt ab. Durch den Verlust der Funde und Ausgrabungsunterlagen konnten die bekannten Fundstellen nur bedingt in die weiterführende archäologische Forschung der Nachkriegszeit integriert werden. Zwar sind viele Funde in der vorkriegszeitlichen Literatur abgebildet, selten aber werden genaue Fundumstände genannt oder geschlossene Fundkomplexe vollständig vorgelegt, so dass in den zeitgenössischen Publikationen nur zusammenfassende Berichte zu finden sind. Es verwundert daher nicht, dass das heutige Kaliningrader Gebiet auf der archäologischen Landkarte lange Zeit nahezu als *terra incognita* erschien.

⁵ Unser Dank gilt Prof. Dr. W. Menghin, H. Junker, M. Malliaris und H. Wieder für die Einsichtnahme in das Archivmaterial und die Erlaubnis zur Publikation.

⁶ Engel C. Aus ostpreußischer Vorzeit. Königsberg, 1935. S. 77.

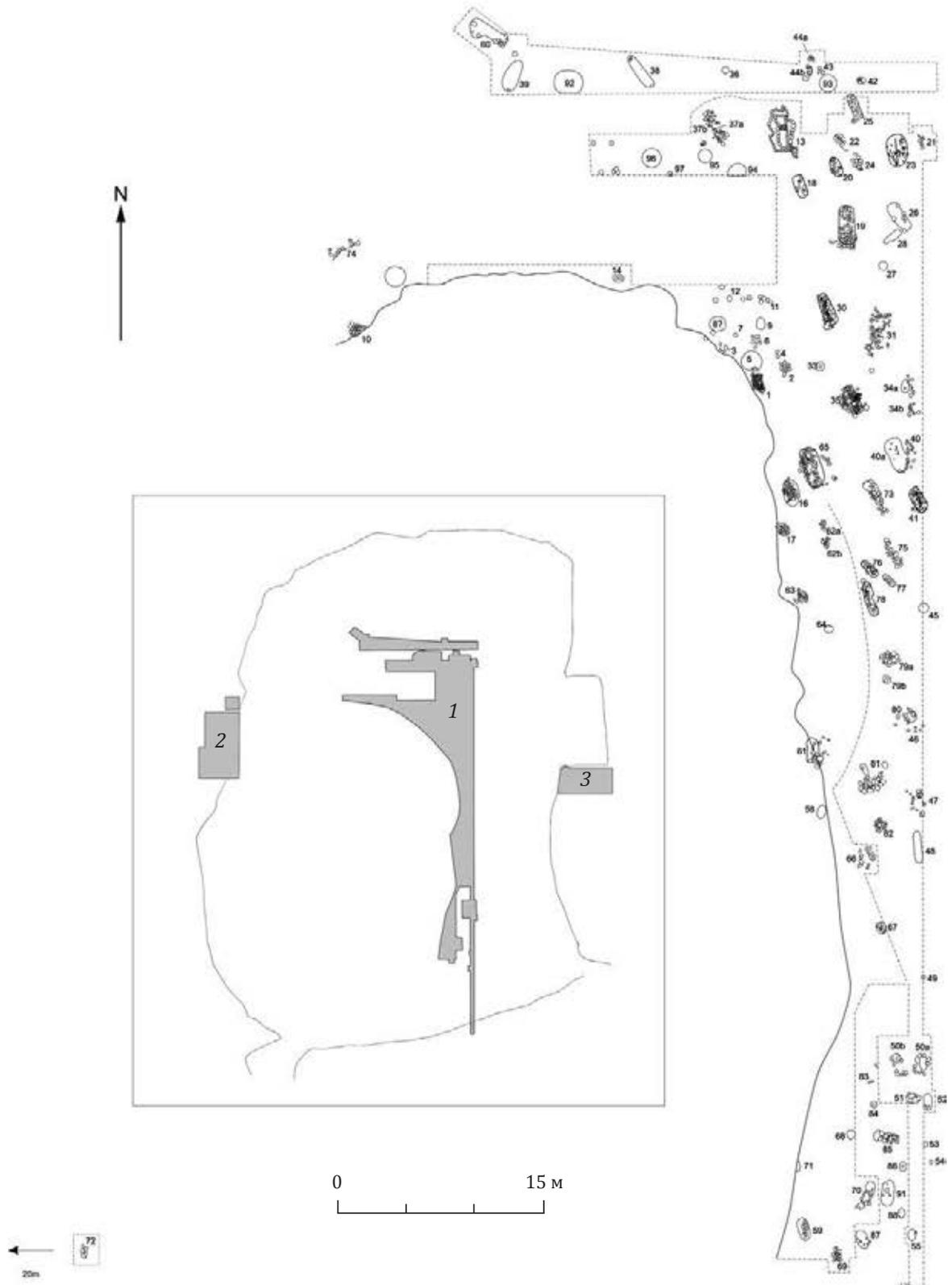

Abb. 2. Großes Bild: Gesamtplan der Grabungsflächen von H. Jankuhn aus den Jahren 1928 und 1930 mit Angabe der Schnittgrenzen.
 Kleines Bild in der Mitte: Schematischer Übersichtsplan der Grabungsflächen (grau unterlegt):
 1 – Gesamtplan von H. Jankuhn;
 2 – westliche Grabungsfläche der Nachuntersuchungen 2003/2004;
 3 – östliche Grabungsfläche der Nachuntersuchungen 2003/2004.
 Die äußere Umrandungslinie gibt die heutige Ausdehnung der Kiesgrube an

Erst mit dem Beginn von Ausgrabungsaktivitäten durch russische Archäologen gegen Ende der 1960er Jahre⁷ und den Forschungen polnischer Wissenschaftler⁸ in den 1980er Jahren, die sich hauptsächlich auf die in der Vorkriegsliteratur nur dürftig publizierten Fundmeldungen stützten, ist ein erneuter Aufschwung der archäologischen Forschung in der Region zu verzeichnen. W. Nowakowski⁹ gelang eine zeitliche Gliederung der von ihm als Dollkeim-Kovrovo-Kultur benannten Kulturgruppe der ersten sieben Jahrhunderte n. Chr., zu der auch der Fundplatz Groß Ottenhagen zu rechnen ist.

Seit der Wiederentdeckung von Originalfunden und Archivalien aus den Beständen des Königsberger Prussia-Museums in den 1990er Jahren ist das heutige Kaliningrader Gebiet – auch unterstützt durch die politischen Änderungen – wieder in den Blickpunkt der internationalen Forschung gerückt. Speziell von deutscher Seite aus scheint durch die zahlreich in verschiedenen Institutionen vorhandenen Archivbestände eine Beschäftigung mit der Archäologie des Kaliningrader Gebietes unverzichtbar und wurde in jüngster Vergangenheit folgerichtig von verschiedener Seite aus angestrebt. Nur durch die Aufarbeitung dieser Archivbestände kann die Archäologie der Region wieder in die moderne Forschung eingebettet und somit eine Basis für künftige Untersuchungen gelegt werden.

Im Fall des Gräberfeldes von Groß Ottenhagen ist die Verknüpfung von Archivmaterial mit modernen archäologischen Ausgrabungen gelungen.

Archivalien und Forschungsstand zu Groß Ottenhagen

Das Archivmaterial zum Gräberfeld ist heute auf mehrere Institute verteilt. Ein Großteil der originalen Ausgrabungsunterlagen des damaligen Grabungsleiters Herbert Jankuhn befindet sich im Archiv des Archäologischen Landesmuseums Schleswig, Stiftung Schleswig-Holsteinische Landesmuseen Schloß Gottorf. Sie bestehen aus zwei handschriftlichen Feldtagebüchern, Befundbeschreibungen, Planumszeichnungen fast aller Grabanlagen, einigen Fotografien einzelner Gräber so-

⁷ Vgl. dazu mit weiterführender Literatur: Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit dem römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröff. Vorges. Sem. Marburg, Sonderbd. 10. Marburg; Warszawa, 1996.

⁸ Vgl. u. a.: Godłowski K. The chronology of the late Roman and Early Migration Periods in Central Europe // *Prace Archeologiczne*. T. 11. Kraków, 1970; Jaskanis J.J. Obrządek pogrzebowy zachodnich Bałtów u schyłku starożytności (I–V w. n. e.). Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. (Biblioteka Archeologiczna; t. 23); Idem. Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym // *Materiały starożytne i wczesnośredniowieczne*. T. 4. Warszawa, 1977. S. 239–350; Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit ... S. 14.

⁹ Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit ... S. 14.

wie 51 Fundzeichnungen, die vornehmlich Funde der älteren Römischen Kaiserzeit abbilden. Zudem findet sich ein detaillierter Gesamtplan aller 106 bis dahin aufgedeckten Befunde, wie er bisher noch für kein Gräberfeld des Gebietes publiziert worden ist (Abb. 2–4).

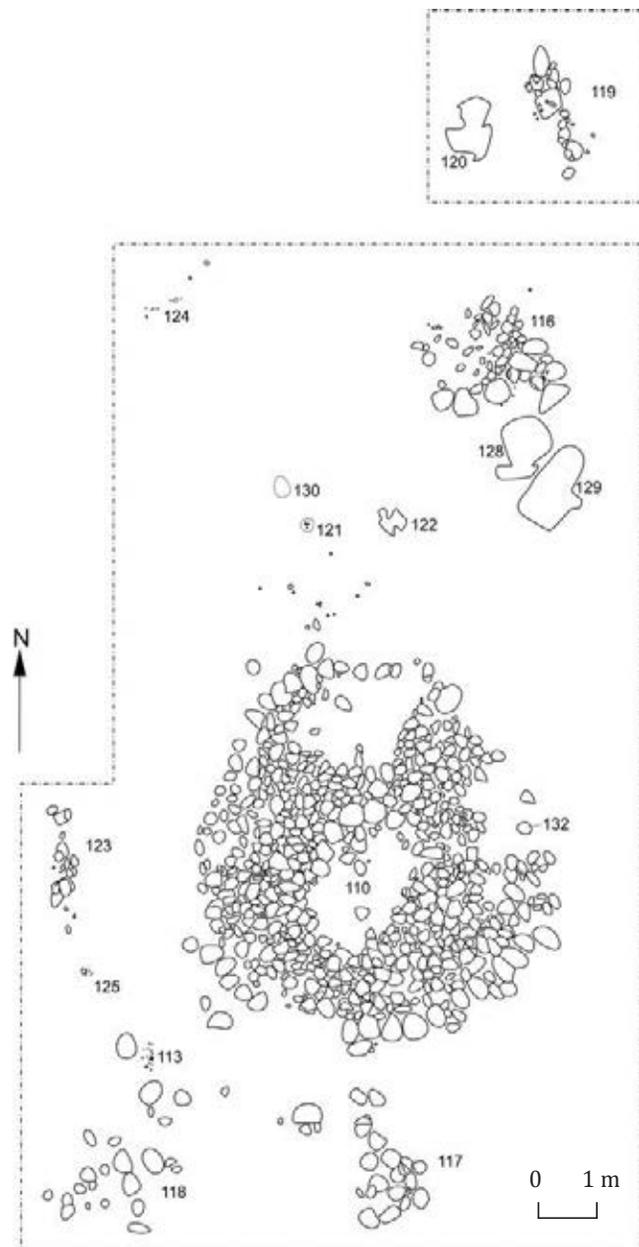

Abb. 3. Groß Ottenhagen, Übersichtplan des westlichen Grabungsbereiches auf Grundlage des Planes von H. Jankuhn und der neuen Ausgrabungen 2003 und 2004 (zur neuen Nummerierung der Befunde beachte Fußnote 22)

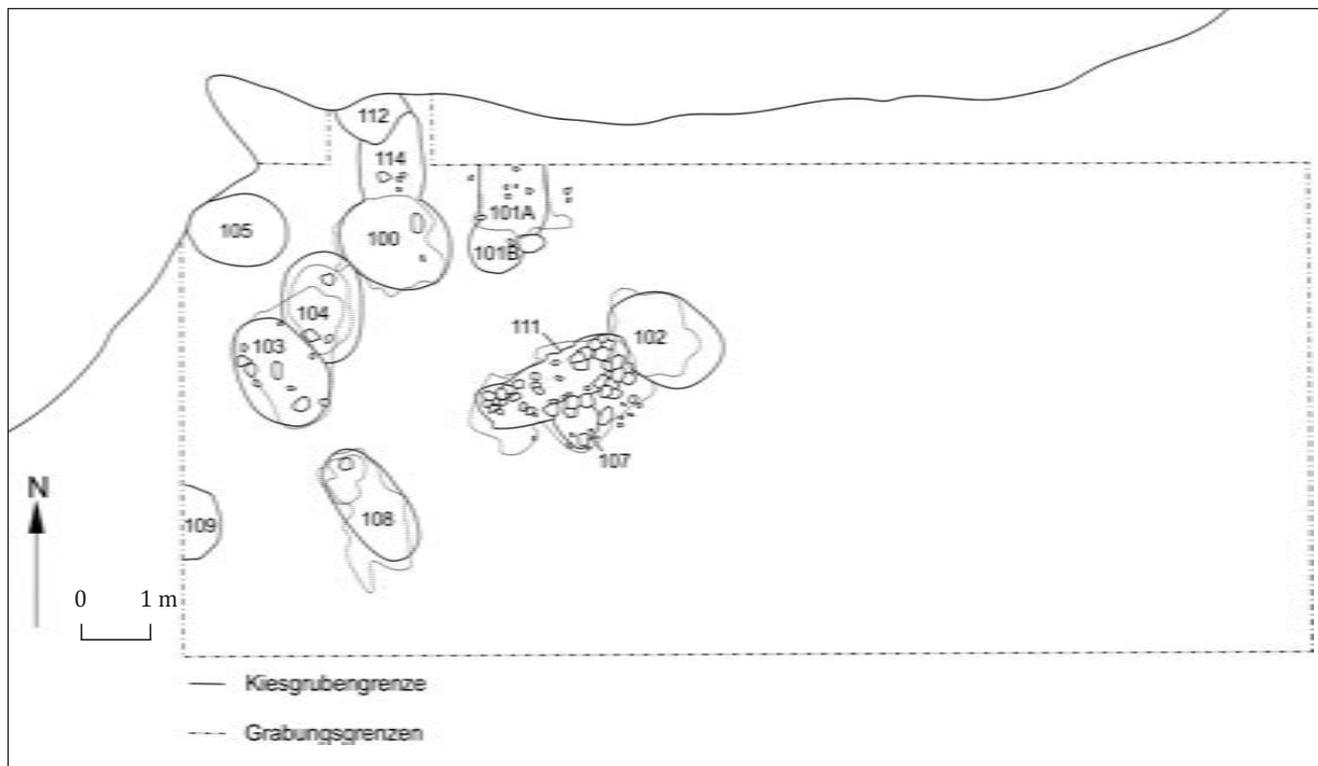

Abb. 4. Östlicher Grabungsbereich (Punktlinie: Grubenumriß im ersten Planum; durchgezogene Linie: Umriß der Pferdegrabgruben; zur neuen Nummerierung der Befunde beachte Fußnote 22)

Ebenfalls im Archäologischen Landesmuseum Schleswig lagert seit dem Jahr 2003 der vollständige Nachlass von Rudolf Grenz, der seit den 1960er Jahren alle verfügbaren Informationen zu Fundstellen im ehemaligen Ostpreußen gesammelt und archiviert hat. Darunter sind auch einige Originaldokumente aus dem Nachlass Jankuhn.

Aus dem Bestand des ehemaligen Prussia-Museums in Königsberg stammen 30 Dokumente, die sich heute im neu eingerichteten Prussia-Archiv im Museum für Vor- und Frühgeschichte, Staatliche Museen zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz befinden. Sie dokumentieren im Wesentlichen die Korrespondenz zwischen Jankuhn und Angestellten des Prussia-Museums und enthalten zudem alte Zeitungsberichte und die Fundstelle betreffende Aktennotizen.

Das Foto eines Stirnbleches als Teil des Pferdegeschirres aus dem älterkaiserzeitlichen Grab 23 von Groß Ottenhagen entstammt dem Nachlass von Marta Schmiedehelm aus dem Ajaloo Institut Tartu in Estland¹⁰.

¹⁰ Diese Information verdanken die Verf. A. Cieslinski (Warschau).

Nur drei älterkaiserzeitliche Grabinventare¹¹ aus Groß Ottenhagen und ein einzelnes Keramikgefäß¹² wurden mit Abbildungen der Funde vor dem Verlust der Prussia-Sammlung veröffentlicht, zwei weitere Gräber¹³ sind unter Angabe des Fundinventars nur schriftlich erwähnt. Diese publizierten Funde bilden die Grundlage aller späteren Besprechungen¹⁴ der Fundstelle.

¹¹ Es sind die Gräber 19 und 23, deren vollständiges Inventar zusammengestellt ist, sowie Grab 78. Die Fibel aus Grab 78 ist nur in den Zeichnungen Erika Löwedeys erhalten (La Baume W. Der altpreußische Schild // Alt-Preußen. 1941. Jg. 6. S. 6, Abb. 1; Ders. Ein altpreußisches Frauengrab mit Stoffhaube aus Gr. Ottenhagen, Kreis Samland // Ibid. 1942. Jg. 7. S. 16, Abb. 2; Ders. Altpreußische Zaumzeug // Ibid. 1944. Jg. 9, H. 1/2. S. 4, Abb. 5.).

¹² Keramikgefäß aus Grab 65 (Jankuhn H. Zur räumlichen Gliederung der älteren Kaiserzeit in Ostpreußen // Archaeologia Geographica. Bd. I, H. 4. S. 57, Abb. 8: d).

¹³ Gräber 70 und 87 (W. La Baume 1944, 15).

¹⁴ So erwähnt Jaskanis (J. Jaskanis, Cmentarzyska kultury zachodniobałtyjskiej z okresu rzymskiego. Materiały do badań nad obrządkiem pogrzebowym. Cemeteries of the West Baltic Culture of the Roman Period. Materials for the study of the burial rite. Mat. starożytne i wczesnosred 4, 1977, 239–350. S. 313) das Gräberfeld bei seiner Auflistung aller ihm bekannten westbaltischen Fundstellen der ersten fünf nachchristlichen Jahrhunderte und kartiert den Fundort (Ibid. S. 348, Kar-

In allen Publikationen wird nur ansatzweise angedeutet, dass die Nekropole sowohl eine älterkaiserzeitliche Belegungsphase als auch eine Nutzung in der späten Völkerwanderungszeit aufweist. Durch die Auswertung der originalen Grabungsdokumentation aus dem Nachlass Jankuhn können nun genauere Aussagen zu Belegungsphasen und -struktur formuliert werden, die zusammen mit den Ergebnissen der modernen Ausgrabungen eine Neubewertung der Nekropole ermöglichen.

Lage des Fundplatzes

Das Gräberfeld von Groß Ottenhagen liegt am Rande einer Kiesgrube ca. 30 km östlich des heutigen Kalininograd und 4 km südlich des Pregel (heute Pregola) in dessen breiten, aus sandigen Böden bestehenden Urstromtal. Der Ort selbst befindet sich auf der 15–20 m höher gelegenen Uferterrasse, die aus lehmigen Böden gebildet wird. Durch die langsame Fließgeschwindigkeit und die geringe Tiefe des Flusses kann es bei den häufigen, starken Westwinden zu Rückstauungen kommen, die das gesamte Pregeltal bis zur Stadt Tapiau, Kr. Wehlau überschwemmen¹⁵. Dieser Umstand lässt für die bisher noch nicht lokalisierte, zum Gräberfeld gehörende Siedlung eine Lage unter dem heutigen Dorfkern oder zumindest in der unmittelbaren Umgebung auf der erhöhten, hochwassergeschützten Uferterrasse annehmen.

In einem Zeitungsartikel der „Königsberger Allgemeine Zeitung“ vom 7. März 1928, der auf die Ausgrabungen Bezug nimmt, wird berichtet, dass „man seit Jahren Kies aus einem Berge gefahren“¹⁶ hatte und dabei auf vorgeschichtliche Funde gestoßen sei. Bei diesem „Berg“ wird es sich aber eher um eine flache Erhebung gehandelt haben, die aus dem umliegenden Flachland nicht mehr als 2 – 3 m herausragte. Noch heute deuten die leicht ansteigenden Ränder der Kiesgrube auf diese Geländeerhöhung hin.

Die Lage des Bestattungsareals auf dieser sandigen Anhöhe bot einerseits leicht zu bearbeitenden Boden, in den die Grabgruben ohne große Mühe eingetieft werden konnten. Andererseits finden sich relativ oberflächennah größere Steine in den anstehenden Kies eingebettet, die sich zum Grabbau verwenden ließen. Sicherlich hat auch die exponierte Lage auf einer Anhöhe zur Wahl dieses Standortes beigetragen.

te 2, 216). – S. Wilbers-Rost (Wilbers-Rost S. Pferdegeschirr der römischen Kaiserzeit in der Germania libera. Zur Entstehung und Ausbreitung des „Zaumzeugs mit Zügelketten“. Oldenburg, 1994. S. 205f. Kat. № 120. 1–8 Beilage 3, 1b.) nahm Einsicht in die privaten Unterlagen Herbert Jankuhns und listet sieben Pferdebestattungen aus Groß Ottenhagen auf. – W. Nowakowski (Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 63, Taf. 93–95) ordnet die publizierten Inventare der Gräber 19, 23 und 78 der von ihm als Dollkeim-Kovrovokultur benannten (Ibid. S. 14) archäologischen Gruppe zu.

¹⁵ Kosack H.P. Geographie Ostpreußens. Kitzingen/Main: Holzner, 1952. S. 12. (Der Göttinger Arbeitskreis: Schriftenreihe; H. 32).

¹⁶ SMPK/MFV PM-A 482/1, 8.

Die heutige Ausdehnung der Kiesgrube ist gegenüber der Situation in zeitgenössischen Karten¹⁷ um ca. 30 m nach Osten und ca. 40 m nach Norden erweitert, wodurch die Flächen der Altgrabungen nun mitten im heutigen Grubenbereich liegen und durch die späteren Bodeneingriffe vollständig abgetragen sind. Süd- und Westrand der Kiesgrube dagegen scheinen seit den Ausgrabungen Jankuhns unberührt.

Ausgrabungsgeschichte

Die Entdeckung des Gräberfeldes geht auf den 4. Februar 1928 zurück, als Arbeiter am Rand einer Kiesgrube im Norden des Dorfes Groß Ottenhagen auf zwei Steinpackungen aufmerksam wurden¹⁸. Zwar waren schon seit der Zeit vor dem ersten Weltkrieg immer wieder Funde von Pferdeskeletten, Trensen und Steigbügeln beim Kiesabbau beobachtet worden, allerdings unterblieben Meldungen an die zuständigen Behörden. Die am 5. März und am 25. April 1928 erfolgten Probegrabungen durch den Direktor des Prussia-Museums, Dr. Wilhelm Gaerte, förderten mehrere Körperbestattungen des 2. Jh. n. Chr. zutage¹⁹.

Für die Zeit vom 27. August bis zum 11. September des gleichen Jahres wurde der in Angerburg in Ostpreußen geborene Herbert Jankuhn, der zu dieser Zeit in Berlin und Königsberg Germanistik, Geschichte und Vorgeschichte studierte, vom Prussia-Museum mit den Untersuchungen der Fundstelle betraut²⁰. Nach Abschluß dieser Ausgrabungen war die Zahl der Befunde auf 72 angewachsen. Durch Zeitungsberichte der „Königsberger Allgemeine Zeitung“²¹ ist überliefert, dass sich Gräber aus zwei verschiedenen archäologischen Perioden auf der Nekropole vereinten. Im Nordteil des ca. 120 m langen und 10 m breiten, untersuchten Streifens am Rande der Kiesgrube konzentrierten sich Gräber des 2. und 3. Jh. n. Chr., im Süden wurden mehrere Gräber des 6. bis 8. Jh. aufgedeckt.

Erst nach zwei Jahren wurden vom 14. bis 25. April 1930 die Ausgrabungen, wiederum unter Leitung von Jankuhn, fortgesetzt. Insgesamt sind bis zum Abschluss dieser Grabungskampagnen 106²² Befunde aufgedeckt worden, darunter 78 Bestattungen.

¹⁷ Meßtischblatt Nr. 1391 aus dem Jahr 1914 mit Korrekturen von 1922 und 1936, herausgegeben vom damaligen Reichsamt für Vermessung.

¹⁸ SMPK/MFV PM-A 482/1, 3.

¹⁹ Crome J. Ausgrabungen und Besichtigungen im Jahre 1928 // Prussia: Zeitschrift für Heimatkunde und Heimatschutz. Bd. 28. Königsberg, 1928. S. 379.

²⁰ Ibid.

²¹ SMPK/MFV PM-A 482/1, 10.

²² Zwar sind in Jankuhns Tagebüchern nur 91 Befundnummern verzeichnet. Da einige Gräber zwei Bestattungen enthielten, hat er in wenigen Fällen durch den Zusatz „a“ zwei Befundnummern vergeben. Die Gesamtzahl der Befunde ist bei der Neubearbeitung angestiegen, da einige Objekte als eigenständige Befunde identifiziert werden konnten. Danach handelt es sich insgesamt um 106 Befunde.

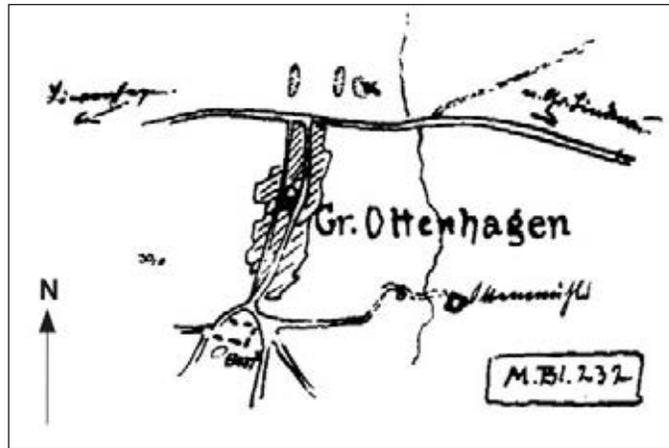

Abb. 5. Lageskizze der von Bohnsack durchgeführten Nachuntersuchung von 1936. Das kleine Kreuz an der östlichen der drei Kiesgruben im Norden des Dorfes markiert die Stelle der Nachgrabung. Das Gräberfeld liegt an der mittleren der hier abgebildeten Kiesgruben

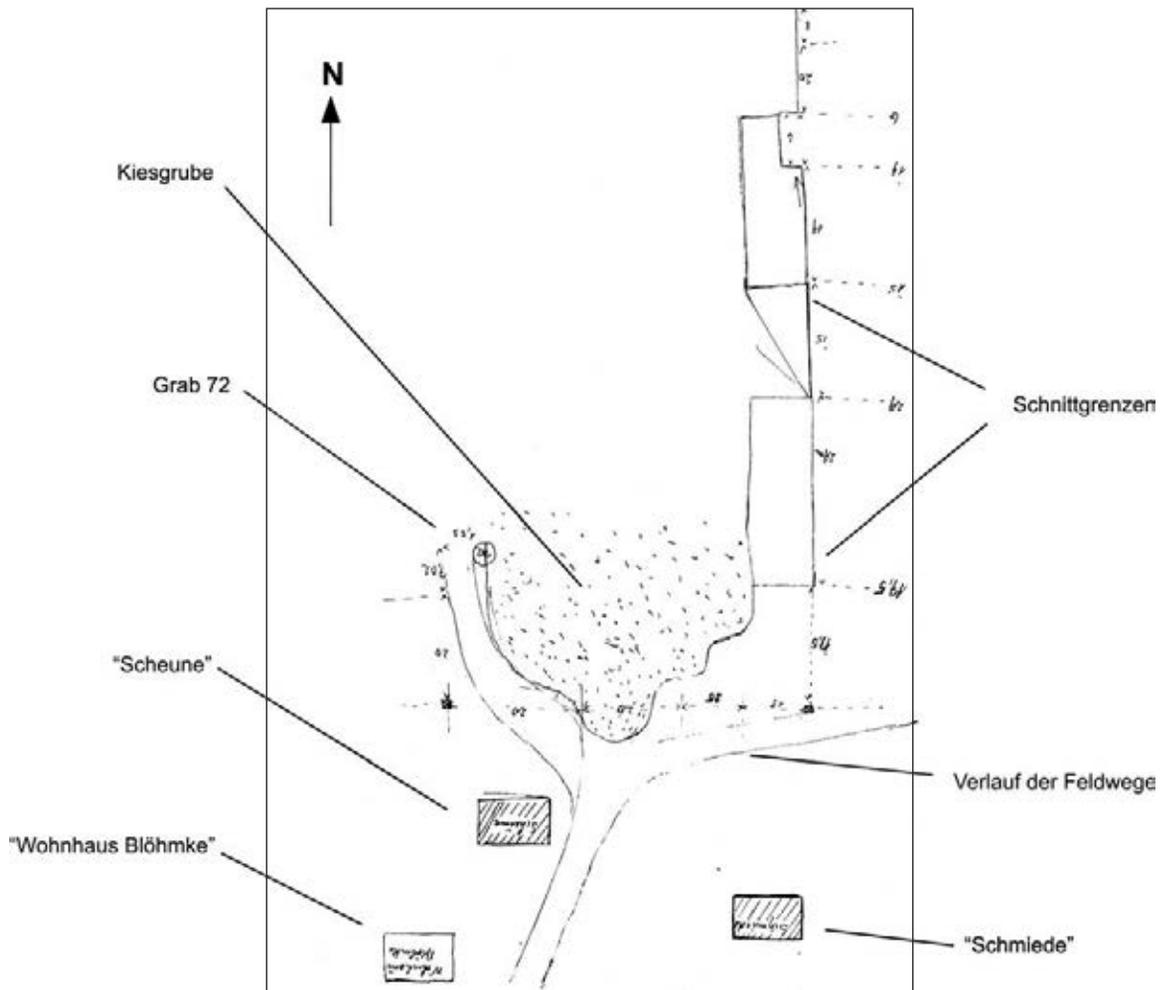

Abb. 6. Skizze aus dem Grabungstagebuch von H. Jankuhn. Eingezeichnet sind drei Gebäude (Wohnhaus Blöhmke, Schmiede und Scheune) und ihre Lage zur Kiesgrube und den Schnittgrenzen (mit Meterangaben). Am Westrand der Kiesgrube befindet sich Grab 72

In den folgenden sechs Jahren haben keine archäologischen Untersuchungen an der Kiesgrube von Groß Ottenhagen stattgefunden. Erst 1936 wird das Gräberfeld bei der Anlage einer neuen Kiesgrube wieder in den Archivalien erwähnt, als eine verdächtige Steinpackung beobachtet und dem Prussia-Museum am 26. Februar 1936 telefonisch Bericht erstattet wurde. Walter Gronau, Mitarbeiter des Prussia-Museums, führte daraufhin eine zweitägige Untersuchung durch und dokumentierte einen Befund mit darüberliegender Steinpackung, der anscheinend „Reste aus schon früher zerstörten Gräbern“²³ beinhaltete. Gronaus Untersuchungsbericht, der in den Berliner Archivalien erhalten ist, liegt eine Skizze bei, die eine Wiederauffindung der Fundstelle ermöglicht, obwohl die genaue Lage seit Kriegsende unbekannt war.

Wiederauffindung der Fundstelle

In der Skizze (Abb. 5) sind nördlich des Dorfes drei Kiesgruben zu erkennen, deren östliche mit einem Kreuz markiert ist. In seinem Bericht für das Prussia-Museum²⁴ schreibt Gronau, daß „hart östlich des alten Gräberfeldes“ eine weitere Kiesgrube erschlossen wurde, an deren Ostrand der neu aufgedeckte Befund gelegen hat. Die Grundlage für diese Lageskizze bildet das Messtischblatt 1391, das 1914 vom Reichsamt für Landesaufnahme mit Berichtigungen von 1922 und 1936 im Maßstab 1:25 000 für die Region erstellt worden ist. Zwar sind auf dieser Karte nur zwei Gruben im Norden der Ortschaft erkennbar, aber nach den Angaben Gronaus wurde die östliche Grube erst im Jahr 1936 angelegt. Die Lage des Gräberfeldes lässt sich somit an den Rand der östlichen Kiesgrube im Messtischblatt Nr. 1391 verlegen. Südlich dieser Kiesgrube sind drei Gebäude erkennbar, die sich in gleicher Anordnung in einer Skizze aus dem Nachlaß Jankuhns wiederfinden und hier mit „Wohnhaus Blöhmke“, „Schmiede“ und „Scheune“ bezeichnet sind (Abb. 6). Nördlich der Gebäude ist die Kiesgrube abgebildet, an deren Ostrand die Grabungsschnitte der Jahre 1928 und 1930 eingezeichnet sind. Auf der Westseite der Grube ist das isoliert gelegene Grab 72 vermerkt. Aus dem Feldtagebuch Jankuhns stammt der Hinweis, dass dieses Grab „47 Schritt nördlich der Nordwestecke der Blöhmkeschen Scheune“ gelegen hat. Dadurch ergibt sich eine ungefähre Entfernung von 33 m bis 42 m²⁵. Somit gelingt durch die Zusammenführung aller verfügbaren Informationen die grobe Lokalisierung der Fundstelle²⁶. Während der Ausgrabungen im Jahr 2003 konnten diese bis dahin nur theoretischen Annahmen durch die Lokalisierung und Freilegung der Fundamente der erwähnten

Scheune bestätigt werden. Die Westseite der Kiesgrube ist heute noch völlig intakt und entspricht der Situation von 1930. Eine Bodenvertiefung ca. 38 m nördlich der Scheunenfundamente an der Südwestseite der Kiesgrube stammt vermutlich von der Freilegung des Grabes 72 durch Jankuhn. Die alten Grabungsgrenzen sind so bis auf wenige Meter genau zu lokalisieren und mit der rezenten topographischen Situation zu verknüpfen. Die Wiederauffindung der Fundstelle bildete die Voraussetzung für zwei je vierwöchige Nachuntersuchungen, die das Institut für Ur- und Frühgeschichte der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel in Zusammenarbeit mit dem Museum für Geschichte und Kunst Kaliningrad sowie der Staatlichen Universität Kaliningrad vom 1. bis 28. August 2003 sowie vom 3. bis 27. August 2004 durchgeführt hat. Die Ausgrabungen wurden von der ZEIT-Stiftung Ebelin und Gerd Bucerius sowie vom Alumni-Verein der Christian-Albrechts-Universität zu Kiel finanziert²⁷.

Forschungsergebnisse

Während der Ausgrabungen in den Jahren 1928 und 1930 sowie der Nachuntersuchung von 1936 sind 106 Befunde zutage getreten, darunter 78 Bestattungen. Die restlichen 28 Befunde sind unsichere Bestattungen oder Gruben unbekannter Funktion.

Hinzu kommen die 43 in den Jahren 2003 und 2004 aufgedeckte Befunde, von denen 26 als Bestattungen angesprochen werden können. Demnach umfasst das Gräberfeld von Groß Ottenhagen nun insgesamt 104 Bestattungen und 46 Befunde unbekannter Funktion²⁸.

Zu allen in den Jankuhnschen Grabungen aufgedeckten Befunden existiert ein Gesamtplan im Maßstab 1:100. Durch die Wiederauffindung der Fundstelle im Jahr 2003 können auch die neu entdeckten Befunde mit diesem Gesamtplan verknüpft werden (vgl. Abb. 2). So werden Aussagen zur räumlichen und zeitlichen Belegungsabfolge ermöglicht. Aus quellenkritischer Perspektive ist dabei aber zu beachten, dass ein großer Teil des Gräberfeldes durch den Kiesabbau undokumentiert zerstört wurde. Alle archäologischen Untersuchungen konzentrierten sich auf die jeweils verbliebenen Randbereiche und stellen somit nur einen Ausschnitt aus einem ehemals sehr viel größeren Komplex dar.

Nach der Auswertung aller verfügbaren Archivmaterialien ergibt sich für die Nekropole von Groß Ottenhagen eine Einteilung in drei Belegungsphasen. Die erste Belegungsphase umfasst den jüngeren Abschnitt der älteren

²⁷ Für die Ermöglichung der Projekte sei beiden Institutionen unser größtmöglicher Dank ausgesprochen.

²⁸ Dabei sind die Gräber bzw. Befunde 1–99 bei den Altgrabungen Jankuhns zutage getreten, die Befunde 100–133 entstammen den Ausgrabungen 2003 und 2004. Unterschiede zwischen Nummerierung und Anzahl der Gräber erklären sich durch die Vergabe von lateinischen Buchstaben als Zusatzzeichnungen, wenn es sich bei einem Befund um mehrere Einzelbestattungen handelte.

²³ Smpk/mfv pm-a 482/1, 19.

²⁴ SMPK/MFV PM-A 482/1, 19.

²⁵ Die alte deutsche Maßeinheit „Schritt“ entspricht einer Strecke von 70–90 cm.

²⁶ Für die Hilfe bei der Identifizierung der Gebäude sei an dieser Stelle dem in Groß Ottenhagen aufgewachsenen Werner Liedtke, Wolfenbüttel, ganz herzlich gedankt.

Römischen Kaiserzeit und den Übergang zu jüngeren Römischen Kaiserzeit. Sie entspricht den Phasen 1 und 2 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur²⁹. Die Phase 1 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur lässt sich überregional mit der Stufe B2, Phase 2 mit Stufe B2/C1-C1a synchronisieren³⁰. Absolutchronologisch entspricht Phase 1 dem Zeitraum 70–150 n. Chr. und Phase 2 der Zeit 150–200 n. Chr.³¹

Nach einem Fehlen von Fundmaterial des 3. und 4. Jh. lässt sich die Nutzung erst in der späten Völkerwanderungszeit am Ende des 5. Jh. n. Chr. wieder fassen und bis in die erste Hälfte des 7. Jh. n. Chr. nachweisen. Dieser zweite Belegungszeitraum von Groß Ottenhagen entspricht in der Dollkeim-Kovrovo-Kultur dem Ende der Phase 5 und der gesamten Phase 6 und kann in der überregionalen Chronologie der ausklingenden Stufe D und einem Großteil der Stufe E³² gleichgesetzt werden. Nach einer weiteren Fundlücke im 8. und 9. Jh. n. Chr. zeichnet sich eine dritte Belegungsphase im 10. Jh. und frühen 11. Jh. n. Chr. ab, die sich damit dem Frühmittelalter bzw. der „spätheidnischen“ Stufe G nach A. Bezenberger³³ gleichsetzen lässt. Obwohl viele Gräber aufgrund des fehlenden Fundmaterials oder nur schlechter Fundbeschreibungen nicht datiert werden können, lassen sich für alle drei Belegungszeiträume bevorzugte Nutzungsareale erkennen. Diese chronologischen Beobachtungen deuten auch für einige beigabenlose Gräber allein aufgrund ihrer räumlichen Lage eine Zuordnung zu einem der drei Groß Ottenhagener Belegungszeiträume an.

Drei Belegungsphasen

Für einen Großteil der Gräber von Groß Ottenhagen lassen sich charakteristische Merkmale im Grabbau herausarbeiten, die durch die Verknüpfung mit dem

²⁹ Die fast ausschließlich aus Grabfunden bekannte archäologische Kulturerscheinung der Römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit wurde im Arbeitsgebiet früher mit den Begriffen „samländisch-natangische Kulturgruppe“ (Blume E. Die germanischen Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur römischen Kaiserzeit. Würzburg, 1912. S. 170. (Mannus-Bibliothek, № 8)), „samländische Kultur“ (Åberg N. Ostpreußen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala, 1919. S. 12–67) oder „samländisch-natangische Gruppe“ (Engel C. Aus ostpreußischer Vorzeit. S. 85) bezeichnet. Die Benennungen entstanden durch die relative Einheitlichkeit im Formengut, die sich schon am Ende des 19. Jh. deutlich abzeichnete. Die Unschärfe dieser Bezeichnungen, die in leicht variierender Form auch für Kulturerscheinungen der Stein- und Bronzezeit verwendet wurden, korrigierte W. Nowakowski (W. Nowakowski, Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 14) zugunsten des heutigen Namens, indem er nach dem größten und fundreichsten Gräberfeld von Dollkeim (heute Kovrovo) für die Römische Kaiserzeit und die Völkerwanderungszeit den Begriff Dollkeim-Kovrovo-Kultur einführte und den Fundstoff in 6 Phasen gliederte.

³⁰ Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 56.

³¹ Ibid.

³² Ibid. S. 96.

³³ Bezenberger A. Analysen vorgeschichtlicher Bronzen Ostpreußens. Königsberg, 1904. X.

Fundmaterial drei Belegungsphasen zugeordnet werden können. Dabei beschränken sich die Gräber der unterschiedlichen Belegungsphasen jeweils auf eine ganz bestimmte Zone der Nekropole. So sind über die Bestimmung der zeitlichen und räumlichen Ausdehnung hinaus auch Aussagen zu Struktur und Belegungsabfolge der Nekropole möglich. Nur im Westen im Bereich des kaiserzeitlichen Grabhügels 110³⁴ liegen Hinweise auf zwei Bestattungen der Völkerwanderungszeit vor, die eine Vermischung des ersten und zweiten Belegungszeitraumes andeuten. Diese Beobachtungen verbieten es, die in unmittelbarer Nähe von Gräbern einer bestimmten Belegungsphase gelegenen, aber undatierten Bestattungen pauschal dem gleichen Zeitraum zuzuweisen. Dennoch ist die Aussage zulässig, dass in jeder Nutzungsphase bestimmte Areale des Gräberfeldes bevorzugt werden, wobei stets zu beachten ist, dass der ergrabene Abschnitt der Nekropole nur einen Ausschnitt aus einem ehemals sehr viel größeren Komplex darstellt.

1. Belegungsphase: Römische Kaiserzeit

Der vermutlich an mehreren Stellen gleichzeitig einsetzende Beginn der Belegung fällt in Phase 1 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur bzw. in die Stufe B2 der älteren Römischen Kaiserzeit. Gräber dieser ersten Belegungsphase streuen über einen ca. 70–80 m breiten Raum vom Westen der Kiesgrube bis in den Nord- und Mittelteil der bei den Jankuhnschen Grabungen aufgedeckten Flächen.

Insgesamt 25 Körperbestattungen stehen elf Brandbestattungen gegenüber. Die Körperbestattungen sind regelhaft mit Steinpackungen verschiedener Größen und Formen überdeckt und dienen vermutlich der oberirdischen Kennzeichnung der Gräber, da Grabüberschneidungen nur in einem Fall belegt sind. Darüber hinaus ist an eine Funktion als symbolischer Schutz zu denken. Interessant ist die Beobachtung, dass große Grabgruben meist mit großen Steinpflastern kombiniert sind. Die Steinpflaster erreichen Längen zwischen 2,0 und 3,8 m, die Breite variiert zwischen 0,65 und 1,9 m, während die zugehörigen Grabgruben Längen zwischen 1,82 und 3,0 m sowie Breiten zwischen 0,55 und 1,3 m aufwiesen. Die Ausrichtung dieser Grabanlagen war mit geringen Abweichungen regelhaft nordsüdlich. Nur wenige Gräber mit großen Grabgruben lassen die flächige Bedeckung mit Steinen vermissen. Kleine Grabgruben mit Längen zwischen 1,1 und 1,53 m sowie Breiten von 0,45 bis 0,75 m waren mit Steinpflastern von 0,64 bis 1,24 m überdeckt. Vermutlich handelt es sich um Kindergräber.

³⁴ Nach Fertigstellung dieses Artikels wurden die vier Gräber 110, 111, 112 und 114 für den abschließenden Grabungsbericht im Archiv des Instituts für Archäologie der Russischen Akademie der Wissenschaften Moskau mit neuen Befundnummern versehen. Im Einzelnen erfolgten folgende Umbenennungen: Befund 110 zu 114, Befund 111 zu 107, Befund 112 zu 109 und Befund 114 zu 106. Die Befunde 107 und 109 wurden gestrichen, da es sich nicht um eigene Befunde handelt.

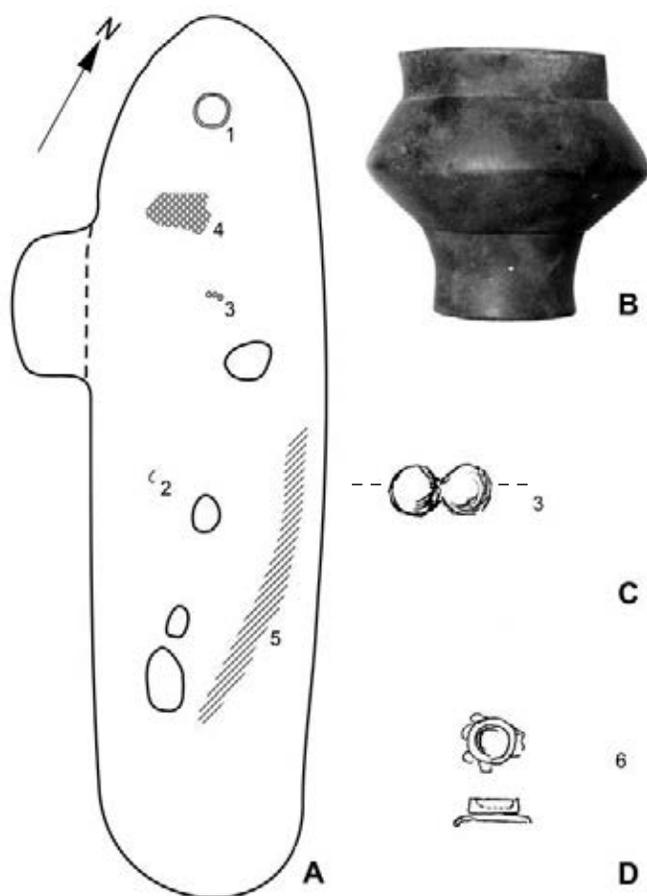

Abb. 7: A - Grab 32, Grubenumriß bei - 92 cm und Lage der Funde: 1 - Gefäß, 2 - eiserner Haken, 3 - Perlen, 4 - Brandstelle mit Holzkohle, 5 - dunkle Verfärbung, 6 - Bronzebesatzstück. B - Gefäß; C - Doppelglasperle; D - Besatzstück, Material unbekannt. A - Maßstab 1:20; B - Maßstab ca. 1:3; C und D - Maßstab 1:1.

Als Besonderheit des Groß Ottenhagener Grabbaus lassen sich einige Körpergräber anführen, deren Grabgruben an einer oder zwei Längsseiten kleine, rechteckige Ausbuchtungen von durchschnittlich 0,3×0,4 m aufwiesen. Vermutlich handelt es sich um Beigabennischen, vielleicht zur Aufnahme von organischen Beigaben (Abb. 7).

Körpergräber der ersten Belegungsphase scheinen gegenüber den zeitgleichen Brandgräbern selbst bei Berücksichtigung der möglichen Verfälschung durch den Verbrennungsvorgang bei letzteren generell durch einen höheren Beigabenreichtum gekennzeichnet zu sein.

Die Brandgräber der ersten Groß Ottenhagener Belegungsphase lassen sich in Urnengräber, Knochenlager, Brandschüttungsgräber und Brandgrubengräber unterscheiden. Zwar sind nicht alle Gräber dieser Kategorie durch Fundmaterial sicher kartiert, die Lage auf dem Friedhof in Zonen, die sonst ausschließlich der älteren

Römischen Kaiserzeit vorbehalten sind, sowie der ähnliche Grabbau oder das Fehlen ähnlicher Bestattungsarten in späteren Zeiten lassen jedoch für die hier genannten Grabanlagen eine relativ gesicherte Zuordnung zur ersten Belegungsphase zu.

Urnengräber kommen fünfmal vor. Nur die Urne aus Brandgrab 116 C entstammt den modernen Ausgrabungen, alle anderen sind nur durch Beschreibungen überliefert. Als Brandgrubengräber, bei denen die kalzinierten Knochen zusammen mit den restlichen Brandrückständen in einer Grube deponiert waren, lassen sich fünf Bestattungen beschreiben. Sie lagen in Nachbarschaft der Körpergräber und wiesen bei rundlichen Grabgruben bis 1,0 m Durchmesser meist eine Bedeckung mit ähnlich großen Steinplastern wie bei den Körpergräbern auf. Lediglich die Grube von Grab 18 mit einer weiblichen Bestattung erreichte eine Länge von 1,65 m bei einer Breite von 0,8 m. Sie imitiert damit den Grabbau der Körpergräber, was auch auf die Lage der Beigaben übertragbar ist. So lag eine mitgegebene Perlenkette im dem Bereich, wo bei Körpergräbern die Brustgegend zu vermuten ist. Ein Keramikgefäß fand sich wie bei den Körperbestattungen im Nordbereich der Grabgrube.

Insgesamt elf Bestattungen lassen sich als Knochenlager oder „Knochenhäufchen“ ansprechen. Bei ihnen bilden die offenbar vor der Niederlegung gesäuberten Knochenfragmente kleine Konzentrationen, die auf eine Deponierung in vermutlich organischen, aber bei der Auffindung vergangenen Behältnissen hindeuten. 14 Gräber lassen sich als Brandschüttungsgräber definieren. Die in Konzentrationen liegenden Knochenhäufchen werden hierbei von Brandrückständen in der umgebenden Grabgrube begleitet.

Als Besonderheit im Groß Ottenhagener Bestattungsbrauch erscheint die Brandbestattung 110³⁵ im Westen der Kiesgrube, die von einer 0,5 m hohen und 7 m großen, rundlichen Steinpackung aus kopfgroßen Feldsteinen überdeckt war und somit als Grabhügel angesprochen werden kann (vgl. Abb. 3). Sie wurde während der modernen Ausgrabungen dokumentiert. Die Steinpackung wies in ihrer Mitte einen rechteckigen Freiraum von 1,25×1,8 m auf, in dem die Bestattungen mit den Beigaben deponiert war. Im südlichen Randbereich fand sich zusätzlich eine doppelte Pferdebestattung. Die Beigabe einer Lanze weist in diesem Fall auf eine männliche Bestattung hin.

Mit den Gräbern 13 und 23 zeichnen sich nur zwei weitere kaiserzeitliche Grabanlagen³⁶ in Groß Ottenhagen durch die Beigabe eines Pferdes aus. Beide Male handelt es sich um Körpergräber, die durch Lanzenspitzen, Sporen und in einem Fall auch durch die Beigabe eines Schildes als Bestattungen männlicher Individuen

³⁵ Zur alternativen Benennung dieses Grabes siehe Fußnote 22, zur ausführliche Besprechung des Befundes vgl. Skvorzov 2014.

³⁶ Vgl. auch: La Baume W. Altpreußische Zaumzeug. S. 3 ff, Abb. 6.

angesprochen werden können. In beiden Gräbern befindet sich das auf dem Bauch liegende Pferd mit südlich orientiertem Kopf westlich der menschlichen Bestattung in der gleichen Grabgrube.

Ähnliche Gräber mit Pferdebestattungen der älteren Römischen Kaiserzeit sind hinlänglich aus dem Bereich der Dollkeim-Kovrovo-Kultur bekannt³⁷ und gelten geradezu als deren charakteristisches Kennzeichen³⁸. Dabei werden stets die gleichen Phänomene wie in Groß Ottenhagen beobachtet³⁹. So sind die älterkaiserzeitlichen Pferdebestattungen vorwiegend mit menschlichen Körpergräbern kombiniert, wobei das Pferd entweder in der gleichen oder in einer eigens angelegten Grube westlich des Reiters liegt. Der Kopf der meist auf dem Bauch liegenden Tiere ist immer in Richtung Süden orientiert. Diesem Bild entsprechen die Gräber 13 und 23 von Groß Ottenhagen.

Herkunft und Genese der Pferdebestattungen sind bis heute ungeklärt⁴⁰. Die ältesten Pferdegräber im westbaltischen Kulturkreis kommen im Samland in der Phase 1 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur und damit überregional in der Stufe B2 auf, Grab 23 von Groß Ottenhagen zählt dabei zu den frühesten Komplexen. Die Mehrzahl der kaiserzeitlichen Pferdebestattungen im Samland wird allerdings in die jüngere Römische Kaiserzeit datiert⁴¹. Mit dem Beginn der Völkerwanderungszeit verbreitet sich die Sitte der Pferdebestattungen über das gesamte westbaltische Gebiet. Auch in den folgenden Jahrhunderten bis ins 12. und 13. Jh. treten sie zahlreich auf und bilden eines der wichtigsten Kriterien für die Abgrenzung des westbaltischen Kulturkreises⁴².

Das Fundmaterial der Phase 1 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur setzt sich aus Elementen zusammen, die einzeln auch aus benachbarten Regionen bekannt sind. So gelten die im Gebiet der Wielbark-Kultur sehr häufigen, kräftig profilierten Fibeln der Form A⁴³ IV, 72 und besonders Augenfibeln der preußischen Nebenserie vom Typ A III, 60-61 als überregionale Formen. Auch Halsringe mit trompetenförmigen Enden sind aus anderen Gebieten hinlänglich bekannt. Die Kombination dieser

Gegenstände aber wird niemals außerhalb der Siedlungsgrenzen der Dollkeim-Kovrovo-Kultur angetroffen und kann hier daher als spezifische Tracht angenommen werden⁴⁴. Dazu kommen Gegenstände wie die sog. samländischen Frauengürtel, Kopfhäuben mit durch konzentrische Kreise verzierten Bronzeblechen oder Armringe mit profilierten Enden, deren Verbreitung ausschließlich auf den hier besprochenen Raum beschränkt bleibt. Abgesehen von Halsringen mit trompetenförmigen Enden sind alle diese Gegenstände auch im Groß Ottenhagener Fundmaterial vertreten. Tongefäße mit mehrfach gelochtem Henkel komplettieren die Beigabenausstattung. Interessant sind die Fibeln vom Typ A V, 133, die aus drei Frauengräbern belegt sind. Auffällig ist die Beobachtung, dass alle drei Frauengräber mit der Beigabe einer Fibel A V, 133 Brandbestattungen darstellen, während alle anderen sicher als weibliche Bestattungen anzusprechenden Befunde des ersten Groß Ottenhagener Belegungszeitraumes Körpergräber darstellen. In der Bogaczewo-Kultur dagegen sind Brandbestattungen regelhaft⁴⁵, Körpergräber kommen nie vor. Es ist daher denkbar, dass die Trägerinnen der Fibeln A V, 133 von Groß Ottenhagen aus dem Siedlungsgebiet der Bogaczewo-Kultur stammen, wo auch der Ursprung dieser Fibelform vermutet wird⁴⁶. Während die beschriebenen Funde hauptsächlich aus Frauengräbern stammen, sind auch für Männerbestattungen der Phase 1 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur bestimmte Beigaben charakteristisch. Dazu zählen die gleichen Fibelformen und vor allem Waffen wie Lanzen und Schilde, die aber überregional weit verbreitete Formen darstellen und sich nicht zur kulturellen Abgrenzung verwenden lassen. Dafür eignen sich dagegen die aus zahlreichen Einzelementen bestehenden Zaumzeugsätze mit Nasenberge und Kehlberge sowie Zügelketten, die in Groß Ottenhagen in Grab 23 vorkommen. Sie sind zwar auch in Skandinavien und im westlichen Ostseeraum verbreitet, innerhalb des baltischen Raumes stellen sie allerdings eine Besonderheit dar, die in der älteren Kaiserzeit größtenteils auf Fundstellen der Dollkeim-Kovrovo-Kultur beschränkt bleibt⁴⁷. Die zahlreichen eisernen Geräte wie Tüllenbeile, Sichel, Hobel, Sägen, Pfrieme, Feuerstähle und Messer in Gräbern der Dollkeim-Kovrovo-Kultur, die W. Nowakowski⁴⁸ (1996, 56.) als Besonderheit des Samlandes anführt, lassen sich im Groß Ottenhagener Fundmaterial nur selten nachweisen.

³⁷ W. Nowakowski (Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 166, Anhang M) listet für die Dollkeim-Kovrovo-Kultur 38 Fundorte mit Pferdebestattungen auf.

³⁸ Engel C. Aus ostpreußischer Vorzeit. S. 68; Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 63.

³⁹ Vgl. Engel C. Aus ostpreußischer Vorzeit. Königsberg, 1935. S. 6; La Baume W. Altpreußische Zaumzeug. S. 2; Jaskanis J. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the first Millenium of our Era // Acta Baltico-Slavica. Bd. 4. Bialystok, 1966. S. 34.

⁴⁰ Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 63.

⁴¹ Jaskanis J. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the first Millenium of our Era. 44 ff.; Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 63.

⁴² Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 63.

⁴³ Der Großbuchstabe „A“ meint hier und im gesamten Text die Fibeltypologie nach O. Almgren (1923).

⁴⁴ Vgl. zuletzt: Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 56.

⁴⁵ Ibid. S. 81.

⁴⁶ Nowakowski W. Die Nebenformen Almgren 133 und 137 aus heutiger Sicht // 100 Jahre Fibelformen nach Oskar Almgren / Hrsg. J. Kunow. Wünsdorf, 1998. S. 198. (Forschungen zur Archäologie im Land Brandenburg; 5).

⁴⁷ Jankuhn H. Zur räumlichen Gliederung der älteren Kaiserzeit in Ostpreußen. Abb. 2.

⁴⁸ Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 56.

Von der nachfolgenden Phase 2 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur fehlt im Groß Ottenhagener Fundmaterial fast jede Spur. Lediglich Gefäße vom Typ Wiekau (vgl. Abb. 7 B), die zwar allgemein schon in Phase 1 vorkommen, aber in Phase 2 ihre Hauptverbreitung erlangen, sind in den Groß Ottenhagener Gräbern zahlreich vorhanden, dürften aber hier aufgrund der Beifunde noch in Phase 1 gehören. Insbesondere Kniefibeln oder Dreisprossenfibeln vom masurischen Typ A V, 96-98 sowie Armbrustfibeln mit umgeschlagenem Fuß und Ringen aus geperltem Bronze- oder Silberdraht sind in den Groß Ottenhagener Gräbern nicht beobachtet worden.

Vereinzelte sind auch Aussagen zur inneren Struktur des Gräberfeldes möglich. An einigen Stellen entsteht der Eindruck von Grabgruppen. So liegen im Nordwesten der Grabungsflächen von Jankuhn drei einzelne Gräber, die beigabenlos und nur mit einem geringen Steinschutz ausgestattet sind. Als mögliche Familiengrablagen lassen sich die Männerbestattung 75, die Frauenbestattung 78 sowie die beiden als Kinderbestattungen interpretierten Gräber 76 und 77 ansprechen. Auffallend ist die Konzentration der beiden Gräber 13 und 23 mit Pferdebestattungen im Norden der Nekropole, um die sich viele beigabenreiche Bestattungen gruppieren. Der Grabhügel 110 mit dem zentralen Brandgrab wird von mehreren Brandbestattungen umgeben, die sich um den Hügel gruppieren und in ihrer Anordnung sicherlich auf die markante Grabanlage Bezug genommen haben. Gleiches mag für die beiden völkerwanderungszeitlichen Bestattungen im Umfeld des Hügels gelten, die vielleicht als in viel späterer Zeit erfolgte Nachbestattungen zu interpretieren sind. Nur durch das einzeln gelegene, gestörte Grab 72 am Südwestrand der Nekropole, in dem lediglich eine Pferdebestattung freigelegt wurde, sind die völkerwanderungszeitlichen Befunde im Umfeld des Hügels mit der südlichen Grabgruppe des 5. – 7. Jh. verbunden. Hier liegt eine Konzentration an Pferdebestattungen vor. Ebenso abgesetzt vom Rest des Gräberfeldes ist die Gruppe mit Bestattungen der dritten Belegungsphase des 10. und anfänglichen 11. Jh. im Osten der Nekropole. Auch sie scheint auf die älteren Bestattungen Bezug zu nehmen, da in keinem Fall eine Überschneidung der älteren durch jüngere Bestattungen vorliegt. Wenngleich eine Siedlungskontinuität aufgrund des Fehlens von Bestattungen des 3. und 4. Jh. sowie des 8. und 9. Jh. n. Chr. nicht belegt werden kann, muss von einer Platzkontinuität gesprochen werden.

Das Groß Ottenhagener Gräberfeld stellt in seiner ersten Belegungsphase ein typisches Gräberfeld der Dollkeim-Kovrovo-Kultur dar, in dem sich nahezu alle kulturspezifischen Elemente nachweisen lassen. Der geographischen Lage der Nekropole an der südlichen Randzone ihres Siedlungsgebietes sind möglicherweise die Einflüsse aus dem Bereich der südlich gelegenen Bogaczewo-Kultur zuzuschreiben, die sich durch die sonst nur spärlich im Siedlungsgebiet der Dollkeim-Kovrovo-Kultur nachgewiesenen Funde der Fibeln A V, 133 vermuten las-

sen. Der Fund einer Fibel vom Typ A IV, 84 deutet durch deren hauptsächliche Verbreitung im pannonischen Raum sowie durch geringere Vorkommen im Bereich der Przeworsk- und Wielbark-Kultur an, daß die älterkaiserzeitliche Dollkeim-Kovrovo-Kultur sich maßgeblich am Bernsteinhandel beteiligt hat. So lässt sich der Fund zumindest den intensiven Kontakten mit der Wielbark-Kultur zuschreiben, die als Zwischenhandelspartner gedient haben dürfte. Weitere Anzeichen für den Bernsteinhandel sind die zahlreichen Glasperlen, die allgemein als römischer Import gelten und vielleicht im Austausch gegen den Bernstein an die Dollkeim-Kovrovo-Kultur verhandelt wurden. Römische Bronzemünzen dagegen, die in der jüngeren Römischen Kaiserzeit bzw. in den Phasen 2 und 3 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur wahrscheinlich den gleichen Zweck erfüllt haben, wurden in Groß Ottenhagen nicht geborgen. Auch daran lässt sich ablesen, dass das Gräberfeld von Groß Ottenhagen in dieser Zeit entweder nicht belegt gewesen ist oder dass entsprechende Funde bisher nicht geborgen werden konnten.

2. Belegungsphase: Völkerwanderungszeit

Die Gräber der zweiten Groß Ottenhagener Belegungsphase bilden eine deutliche Konzentration im südlichen Bereich des Jankuhnschen Grabungsabschnittes. Lediglich Grab 113 südlich des älterkaiserzeitlichen Grabhügels 110 im Westteil der Nekropole liegt außerhalb dieser Zone. Dabei deutet es aber an, dass sich die mit Bestattungen der Völkerwanderungszeit belegte Zone bis in den westlichen Teil ausgedehnt haben könnte. Weitere Gräber dürften dem Kiesabbau zum Opfer gefallen sein.

Lediglich elf Bestattungen können sicher dieser zweiten Belegungsphase von Groß Ottenhagen zugeordnet werden, da nur wenige Funde aus diesen Bestattungen durch skizzenhafte Zeichnungen bekannt sind.

Von diesen elf datierbaren Gräbern sind acht als Brandgrabengräber zu beschreiben. Ihnen stehen drei Brandschüttungsgräber gegenüber, bei denen die kalzierten Knochen Konzentrationen innerhalb der Scheiterhaufenrückstände bilden. Steinpflaster, die sich in der Regel an der Größe der Grabgruben orientieren, kommen vor, können aber auch fehlen. Etwa die Hälfte der Gräber des zweiten Belegungszeitraumes ist unter der menschlichen Bestattung auch mit einer Pferdebestattung versehen gewesen. Die Tiere liegen fast immer mit dem Kopf im Süden und meist in kniender Stellung auf dem Bauch, was der üblichen Lage der Pferdebestattungen innerhalb der Dollkeim-Kovrovo-Kultur entspricht⁴⁹.

Die Funde aus dieser zweiten Belegungsphase sind wesentlich schlechter dokumentiert als die der ersten Phase. Nur wenige skizzenhafte Zeichnungen überlie-

⁴⁹ Engel C. Aus ostpreußischer Vorzeit. Königsberg, 1935. S. 68–69; Jaskanis J. Human Burials with Horses in Prussia and Sudovia in the first Millenium of our Era. S. 34.

fern einige flaschenförmige Keramikgefäße und insgesamt fünf Scheibenfibeln, die sich typologisch schwer bestimmen lassen. Aus drei Gräbern liegen Armbrustsprossenfibeln vor, die nach den Beschreibungen vermutlich dem vom Typ A V, 96–98 zuzuweisen sind. Eine klare Datierung ins 6. Jh. liefern die beiden bronzenen Schlußkreuzfibeln (Abb. 8), die bei den Untersuchungen 2003 und 2004 entdeckt wurden. Beide Fibeln sind in der direkten Umgebung des Hügelgrabes 110 im Westen der Kiesgrube und damit außerhalb der Konzentration völkerwanderungszeitlicher Gräber im Südbereich der Jankuhnschen Grabungen zutage getreten.

Neben Keramik und Fibeln sind in den Gräbern des zweiten Belegungszeitraumes nur wenige andere Fundgruppen vertreten. So stammen aus drei Gräbern Trinkhörner, die zweimal durch die Erwähnung von silberverzierten Mündungsbeschlägen und einmal durch eine skizzenhafte Zeichnung überliefert sind.

Abb. 8. Schlußkreuzfibel aus dem Umfeld von Hügelgrab 110 (neue Befundnummer 114; siehe Fußnote 22)

Abb. 9: Pferdebestattungen 101A und 101B im Bereich der östlichen Grabgruppe des 10. und 11. Jh.

Als einzige Geräte sind eiserne Messer belegt, die in sieben Bestattungen der südlichen Grabgruppe enthalten waren, sechsmal handelt es sich dabei um ein Brandgrubengrab mit Pferdebestattung. Weil Pferde für westbaltische Kulturen als männerspezifische Grabbeigabe angesehen werden, lässt sich das Vorkommen von Messern in der zweiten Belegungsphase von Groß Ottenhagen auf Männergräber einschränken.

Da die Pferdegräber im südlichen Teilabschnitt des Gräberfeldes im Gegensatz zu den Gräbern der dritten Belegungsphase von Groß Ottenhagen, in denen sie regelhaft beigegeben sind, nie mit Steigbügeln vergesellschaftet sind und diese auch erst frühestens ab dem späten 7. Jh. im Samland auftreten⁵⁰, ergibt sich hier ein zusätzlicher Hinweis auf eine Zeitstellung der zweiten Belegungsphase in den hier vorgeschlagenen Zeitraum des 5. – 7. Jh. n. Chr.

3. Belegungsphase: Frühmittelalter

Ausschließlich auf den östlichen Bereich des Gräberfeldes begrenzt sind die zwölf Brandgrubengräber der dritten Groß Ottenhagener Belegungsphase im Osten der Kiesgrube, die alle bei den Nachuntersuchungen des Jahres 2003 entdeckt wurden.

In den Gruben fanden sich kalzinierte Knochen mit Brandrückständen vermischt, wobei sowohl der Leichenbrand als auch die Holzkohleschüttungen an einigen Stellen stärkere Konzentrationen zeigten. Die Beigaben waren in die Brandrückstände eingebettet und wiesen Brandspuren auf. Unter den Bestattungen war regelhaft ein unverbranntes Pferd in kniender Stellung oder auf der Seite liegend beigegeben (Abb. 9). Die Tiere wiesen mit dem Kopf nach Süden oder Südwesten. Trensen und Steigbügel fanden sich bei der Ausgrabung in Tragelage im Maul bzw. an den Körperseiten. Die Pferdegrabgruben reichten bis in eine Tiefe von durchschnittlich 150 cm und grenzten sich durch ihre schwach humose, homogene Konsistenz und leicht dunkelbrauneres Erdmaterial deutlich vom umgebenden, hellbraunen Sand und von den darüberliegenden, schwarzgefärbten Brandbestattungen ab. Der Grabbau deckt sich mit seiner unregelmäßigen Verwendung von Steinen und den Brandgruben, die in eine schwärzliche Erdschicht eingebettet sind, mit dem allgemeinen Bild des Grabbaus des 10. und 11. Jh. n. Chr. in der Region. Auch Pferdebestattungen sind ein übliches Phänomen auf Gräberfeldern der prussischen Kultur und

⁵⁰ O. Kleemann (Kleemann O. Samländische Funde und die Frage nach den ältesten Steigbügeln in Europa // *Dokumenta Archaeologica* Wolfgang La Baume dedicata 8 II 1944 / red. O. Kleemann. Bonn, 1956. S. 117. (Rhein. Forsch. Vorgesch; 5)) begründet diese Datierung mit dem Steigbügelpaar aus Kipitten, Kr. Fischhausen. – Abweichend davon die Datierung bei von zur Mühlen (Mühlen B. v. z. Die Kultur der Wikinger in Ostpreußen. Bonn, 1975. S. 47. (Bonner Hefte zur Vorgeschichte; 9)), der in Anlehnung an eine unveröffentlichte Dissertation von Heym (Heym H. Unveröffentlichte Dissertation. Königsberg, 1938.) für den Kipittener Fund eine Zeitstellung in die zweite Hälfte des 9. Jh. anführt.

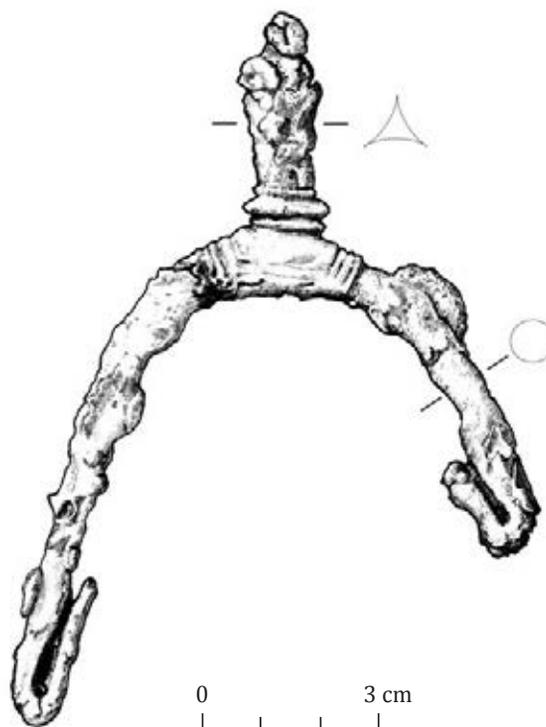

Abb. 10. Sporn vom Typ Menzlin, Streufund aus dem Bereich der östlichen Grabgruppe des 10. und 11. Jh.

gelten geradezu als eines ihrer Hauptkennzeichen.

Das Fundmaterial der dritten Belegungsphase gliedert sich in Beigaben, die zur menschlichen Bestattung gehören, und Gegenstände, die der Pferdeausrüstung angehören.

Die Beigaben in den menschlichen Bestattungen umfassen mehrere Fragmente von bronzenen, tordierten Halsringen, zwei Lanzen spitzen, ein Knochenkamm und drei einfache Messer mit geradem Rücken, die alle keine gesicherten chronologischen Aussagen zulassen. Interessant ist ein als Einzelfund im Bereich der Gräber der dritten Belegungsphase gefundener bronzeplattierter Sporn vom sog. Typ Menzlin (Abb. 10). Der Fund gehört aufgrund seiner nach innen umgebogenen Bügelenden rein formal zu den Hakenspornen und gehört der Typologie von J. Žak und L. Maćkowiak-Kotkowska⁵¹ dem Technotyp III:2 an. Vernachlässigt man hingegen das typologische Merkmal der Haken und sucht nach Parallelen der Kombination von Dornprofilierung und

⁵¹ Žak J., Maćkowiak-Kotkowska L. *Studia nad uzbrojeniem środkowoeuropejskim VI–X wieku*. Posen, 1988. S. 124–132.

Bronzeplattierung, bieten sich als Vergleiche die ins 10. Jh. gehörenden Sporen aus einem Grab ohne Nummer von Wiskiauten⁵² und aus Grab 736 von Birka⁵³ an. Kürzlich hat T. Kind⁵⁴ mehrere Exemplare des sog. Typ Menzlin mit im Querschnitt dreieckigem Dorn mit kurzem Stachel vorgelegt, die dem Groß Ottenhagener Sporn bis auf die abweichende Befestigungsart durch Nietplatten entsprechen. Sporen vom Typ Menzlin gehören zu einer Gruppe von Prachtsporen, die aufgrund der hauptsächlichlichen Verbreitung an Nord- und Ostseeküste als westskandinavische Entwicklung angesprochen werden. Sie gehören ins 10. und 11. Jh.⁵⁵ und sind, abgesehen von den Funden aus England und Deutschland auffällig oft in Polen und im ehemaligen, nordöstlichen Ostpreußen verbreitet⁵⁶. Dieses Bild verdichtet sich durch das Groß Ottenhagener Stück zugunsten der östlichen Gebiete.

Die Ausrüstungsgegenstände des Pferdegeschirrs sind wesentlich zahlreicher. Insgesamt 18 Steigbügel sind in vier Gräbern als Einzelstücke, in den verbleibenden sieben Bestattungen als Steigbügelpaare vertreten. Sie gehören unterschiedlichen Formen an, lassen sich aber allgemein in den Zeitraum des 10. oder 11. Jh. datieren⁵⁷. Auch die sieben Ringtrensen und zwei Knebeltrensen passen sich gut in das allgemeine Typenspektrum der Zeit ein. Zusätzlich sind diverse Teile vom Zaumzeug gefunden worden, darunter vor allem mehrere kreuzförmige Riemenverteiler und weitere Beschläge und Schnallen. Eine eiserne Glocke komplettiert die Pferdeausstattung.

Zusammenfassende Interpretation

Für den ersten Belegungszeitraum lässt sich eine eindeutige Zugehörigkeit zur Dollkeim-Kovrovo-Kultur herausarbeiten. Kennzeichnende Elemente sind neben dem Grabbau auch die Fundmaterialien und ihre Kombination miteinander. Neben der birituellen Bestattungsweise und der Verwendung von Steinabdeckungen ist es vor allem die Pferdegrabsitte, die klare Entsprechungen in Phase 1 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur der älteren Römischen Kaiserzeit findet. Auffälligerweise fehlen Urnengräber, die in dieser Region für die jüngere Römische Kaiserzeit charakteristisch sind, im Spektrum von Groß

Ottenhagen fast völlig. Dies ist mit dem Fehlen von Bestattungen dieses Zeitraumes zu erklären und bestätigt zusätzlich die anhand des Fundmaterials gewonnene zeitliche Einschätzung der ersten Belegungsphase von Groß Ottenhagen, die nicht mehr in die jüngere Römischen Kaiserzeit übergreift.

Für die zweite Groß Ottenhagener Belegungsphase ist eine Zuordnung zur Dollkeim-Kovrovo-Kultur nur bedingt möglich. Einerseits liegt dies in dem Umstand begründet, daß sich das Fundmaterial nur selten auf einen genauen Zeitraum eingrenzen läßt und oft nur allgemeine Datierungen angegeben werden können. Andererseits ist gerade der Übergang der Dollkeim-Kovrovo-Kultur in ihrer letzten Phase 6 zur frühmittelalterlichen Kultur der Prussen bisher nicht genügend erforscht, um die diffizilen, kulturverändernden Vorgänge dieses Zeitraumes abschließend beurteilen zu können. Hier scheint durch weitreichende Völkerverschiebungen das ursprüngliche Kerngebiet der Dollkeim-Kovrovo-Kultur plötzlich vom Hinterland und damit vom Handelsnetz abgeschlossen zu sein, was zur Auflösung der Dollkeim-Kovrovo-Kultur und zur Umwandlung in die frühmittelalterliche Kultur der Prussen führt⁵⁸. Gerade dieser Umwandlungsprozess wird aber einerseits an der veränderten Grabsitte festgemacht, die wenige oder gar keine Beigaben in den Gräbern kennt, andererseits laufen die zuvor als kulturspezifisch angesehenen Pferdebestattungen oder die Keramikform der flaschenförmigen Gefäße unvermindert weiter und nehmen an Zahl noch zu. Aufgrund des Fehlens von weiteren Beigaben können sie aber nicht genau datiert werden. In der vorkriegszeitlichen Literatur wurde verschiedentlich der Versuch gemacht, die Stufe F durch das Fehlen von Fundmaterial der vorangehenden Stufe E einerseits und der nachfolgenden Stufe G andererseits zu definieren⁵⁹. Gestützt wurden diese Vermutungen durch Beobachtungen zur räumlichen Verteilung von Gräbern auf den Nekropolen, nach denen diese meist beigabenlosen Bestattungen zwischen Zonen mit einer Belegung in den Stufen E oder G gelegen haben sollen. Neuere Interpretationsmodelle gehen von einer zufälligen Wiederbelegung der alten Nekropolen der Dollkeim-Kovrovo-Kultur durch die frühmittelalterliche Kultur der Prussen und nicht von einer Kontinuität aus⁶⁰, wenngleich auch hier die ungebrochene Keramiktradition und das Weiterleben der Pferdebestattungssitte betont wird. Allerdings wurden

⁵² Mühlen, B. v. z. Op. cit. Taf. 32.

⁵³ Arbman H. Birka I. Die Gräber. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien. Stockholm, 1939. Taf. 38.

⁵⁴ Kind T. Archäologische Funde von Teilen der Reitausrüstung aus Europa und ihr Beitrag zur Kultur- und Sozialgeschichte der Ottonenzeit // Europa im 10. Jh. Archäologie einer Aufbruchzeit. Internationale Tagung in Vorbereitung der Ausstellung „Otto der Große, Magdeburg und Europa“ / Hrsg. J. Henning. Mainz, 2002. S. 292.

⁵⁵ Gossler N. Untersuchungen zur Formenkunde und Chronologie mittelalterlicher Stachelsporen in Deutschland (10.–14. Jahrhundert) // Bericht der Römisch-Germanischen Kommission 79 (1998). S. 522.

⁵⁶ Kind T. Op. cit. S. 291, Abb. 6.

⁵⁷ Ibsen T., Skvorzov K. Op. cit. S. 428 ff.

⁵⁸ Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 96–97; Idem. Die Balten zwischen Weichsel und Memel zwischen 400 und 800 n. Chr. Ein Entwurf der Forschungsproblematik. *Archaeologia Baltica*. Vol. 4. Vilnius, Žara, 2000. S. 14–15.

⁵⁹ Engel C. Beiträge zur Gliederung des jüngsten heidnischen Zeitalters in Ostpreußen // *Congressus Secundus Archaeologorum Rigae*, 19.–23. VIII. 1930. Riga, 1931. S. 325.

⁶⁰ Nowakowski W. Das Samland in der römischen Kaiserzeit... S. 96; Idem. Die Balten zwischen Weichsel und Memel... S. 15.

im 6. und 7. Jahrhundert auch neue Gräberfelder angelegt, die ebenfalls eine Anwesenheit der kulturellen Determinanten der Keramik, der Sprossenfibeln und der Pferdebestattungen aufweisen.

Genau in diese Übergangszeit fällt die zweite Belegungsphase von Groß Ottenhagen. Mit den Schlußkreuzfibeln läßt sich ihr Beginn zwar mit der Phase 6 der Dollkeim-Kovrovo-Kultur gleichsetzen, die Anwesenheit von Armbrustsprossenfibeln und flaschenförmigen Gefäßen sowie von Pferdebestattungen aber sind schon als Anzeichen der frühmittelalterlichen Kultur der Prussen zu werten. So läßt sich für die zweite Belegungsphase keine eindeutige Kulturzugehörigkeit herausstellen. Auffällig ist die nun auch in Groß Ottenhagen nachgewiesene Benutzung eines Gräberfeldes der vorangehenden Dollkeim-Kovrovo-Kultur durch die nachfolgende prussische Kultur. Leider fehlt es auch im Groß Ottenhagener Fundspektrum an eindeutigen Funden, die in den Zeitraum zwischen der zweiten Hälfte des 7. und dem 10. Jh. einzuordnen sind und eine lineare Entwicklung der prussischen Kultur aus der Dollkeim-Kovrovo-Kultur heraus nahelegen.

Die dritte Belegungsphase von Groß Ottenhagen ist dagegen eindeutig mit der aus Schriftquellen bekannten, prussischen Kultur zu verbinden, die im 9. bis 13. Jh. im Gebiet des Samlandes und der südlich und östlich angrenzenden Landschaften siedelt. Kennzeichnend sind hier neben der geographischen Lage vor allem der Grabbau und die Bestattungsweise mit unverbrannten Pferdebeisetzungen unter den menschlichen Brandbestattungen. Das Fundmaterial läßt in seiner Zusammensetzung nur wenige kulturspezifische Eigenheiten erkennen. Auch hier ist eher die Mischung der aus verschiedenen anderen Regionen stammenden Funde zu einem kulturspezifischen Konglomerat entscheidend für eine Abgrenzung gegenüber benachbarten kulturellen Einheiten. Insgesamt beinhalten aber alle Gräber der dritten Belegungsphase Fundmaterial, zu dem sich auf prussischem Siedlungsgebiet Analogien finden lassen. Zwar konnte für keinen der drei Belegungszeiträume bisher die zugehörige Siedlung lokalisiert werden, es liegen aber aufgrund mündlicher Überlieferungen durch ehemalige Einwohner des Ortes Hinweise auf einen Burgwall prussischer Zeitstellung unter der Kirche des heutigen Ortes vor⁶¹. Diese Information läßt sich mit der indirekt durch die gleichzeitigen Bestattungen nachgewiesenen Besiedlung im Zeitraum der dritten

⁶¹ Für die mündlichen Informationen zum Burgwall während eines Vortrages von T. Ibsen zum Gräberfeld von Groß Ottenhagen am 15.5.2004 in Bebra danken die Verf. Herrn E. Beister aus ehemals Groß Ottenhagen.

Belegungsphase von Groß Ottenhagen verknüpfen. Ob allerdings, wie E. Blume⁶² am Anfang des 20. Jh. vermutete, „die Besiedlung der Ortschaften [...] in der Zwischenzeit niemals wesentlich unterbrochen worden“ war, wird nur die konsequente Auswertung der gesamten Archivalien Ostpreußens in Verbindung mit neueren Untersuchungen zeigen können.

Ausblick

Das Gräberfeld von Groß Ottenhagen stellt trotz des nur abschnittsweise ausgegrabenen Bereiches vor dem forschungsgeschichtlichen Hintergrund eine Besonderheit dar, da sich durch die Erhaltung der originalen Ausgrabungsdokumentation in Verbindung mit modernen Nachuntersuchungen das Bild eines Bestattungsplatzes des 1. Jahrtausends n. Chr. zeichnen läßt, das in seiner Detailgenauigkeit nahezu ohne Parallelen in der Region bleibt. So kann die chronologische Einordnung zwar aufgrund des schlechten Forschungsstandes und der teilweise lückenhaften Überlieferung nur ansatzweise durchgeführt werden, andererseits gelingt es aber, eine deutliche Dreiteilung des Fundstoffes zu erarbeiten, der jeweils mit einem bestimmten Grabbau verknüpft werden kann. Darüber hinaus lassen sich Informationen zur Lage der Beigaben, zur Unterteilung des Grabbaus und zur Struktur der Nekropole gewinnen, die als Ansatz zur Überprüfung der in der vorkriegszeitlichen Literatur nur zusammenfassend für andere Gräberfelder der Region publizierte Forschungsergebnisse dienen können.

Durch die Auswertung des Archivmaterials in Kombination mit den Ergebnissen der modernen Nachuntersuchungen des Fundplatzes kann gezeigt werden, welches wissenschaftliche Potential die auch zahlreich zu anderen Nekropolen in den verschiedensten Institutionen gelagerten Archivalien beinhalten. Viele der originalen Dokumente aus dem ehemaligen Prussia-Museum oder aus den Nachlässen verschiedener Wissenschaftler stehen der Forschung mittlerweile wieder zur Verfügung und bilden die Grundlage zur Einbindung der archäologischen Fundstellen des ehemaligen Ostpreußen insbesondere des ersten nachchristlichen Jahrtausends in die moderne wissenschaftliche Diskussion. Die verantwortungsbewußte und kritische Aufarbeitung dieser Archivalien, die heute wieder für die Wissenschaft zugänglich sind, sollte ein besonderes Anliegen der zukünftigen archäologischen Forschung sein und als Basis für eine gemeinsame internationale Zusammenarbeit genutzt werden.

⁶² Op. cit. S. 211.

Резюме

Т. Ибсен, К. Н. Скворцов

Могильник Гросс Оттенхаген – Березовка – повторно открытый памятник I тысячелетия н.э. в Калининградской области

Могильник Гросс Оттенхаген – Березовка в Калининградской обл. Российской Федерации (ранее Восточная Пруссия) впервые исследовался в 1920-х гг. Считается, что за немногими исключениями находки утеряны вместе со всей Прусской коллекцией из Кёнигсберга. Однако полевая документация сохранилась в поместье проводившего раскопки Герберта Янкуна. Она была изучена в свете современного состояния исследований. Благодаря архивным материалам могильник был локализован; в 2003 и 2004 гг. были проведены его новые раскопки. Всего изучено 104 погребения I тыс. н.э. и 46 других объектов, в основном современных.

Процесс функционирования могильника подразделяется на три фазы, разделенные перерывами. Ранняя фаза относится к периоду Римской империи, точнее – времени перехода к поздней империи (фаза B2 и B2/C1-C1a), вторая – к концу эпохи Великого переселения народов (фаза E), третья – к раннему Средневековью (X – начало XI в. н.э.).

Погребения периода Римской империи совершались по обрядам ингумации или кремации с применением мощных каменных конструкций. В течение двух последующих фаз кремации исключительно редки. В большинстве случаев в погребальном обряде также использован камень. На протяжении всех трех фаз встречаются погребения коней (без использования кремации). Раскопками 2003 г. выявлен единственный небольшой курган с каменной наброской 7 м в диаметре и 0,5 м высотой, под ней обнаружено богатое кремационное погребение мужчины, сопровождавшееся двумя кон-

скими захоронениями, что необычно для данной территории. Погребение датируется переходным временем от раннего к позднему периоду Римской империи.

Высококачественные рисунки Герберта Янкуна зафиксировали погребальный инвентарь. Набор вещей включает типичные для Западной Балтии формы, известные в культуре Доллькайм-Коврово (период Римской империи). Находки конца Великого переселения народов имеют лишь краткие описания, и данные об этом периоде ограничены; однако некоторые вещи имеют аналогии в материалах переходного времени между концом культуры Доллькайм-Коврово и началом формирования раннесредневековой культуры пруссов. Все находки, относящиеся к третьей фазе использования могильника (X – начало XI в.), выявлены новыми раскопками. Их следует связывать с культурой прусского населения.

Важным достижением новых работ следует считать воссоздание полного и детального генерального плана могильника. Он включает точно локализованные старые раскопы, все выявленные старыми раскопками погребения, а также погребения, исследованные в ходе новых раскопок. Благодаря точной полевой фиксации (несмотря на некоторые потери) и сохранившимся архивным материалам в сочетании с результатами современных исследований, можно утверждать, что могильник Гросс Оттенхаген – Березовка занимает особое место среди многих ранее исследованных погребальных памятников региона, относящихся к I тыс. н.э.

Могильник Которск XII: длинные курганы в древнерусскую эпоху

Актуальнейшей проблемой в изучении древнерусской культуры остается определение и детальное исследование тех древностей, на основе которых складывалась культура Древней Руси¹. Одной из культур Северо-Запада, непосредственно предшествовавших древнерусской, была культура псковских длинных курганов, наиболее поздние памятники которой еще недостаточно введены в научный оборот.

Могильник Которск XII был раскопан автором совместно с С. Л. Кузьминым в составе Плюсского отряда Ленинградской областной экспедиции ЛОИА АН СССР (рук. экспедиции Е. А. Рябинин) весной 1990 г. Материалы этого памятника уже упоминались в литературе², однако в полной мере до сих пор не опубликованы³.

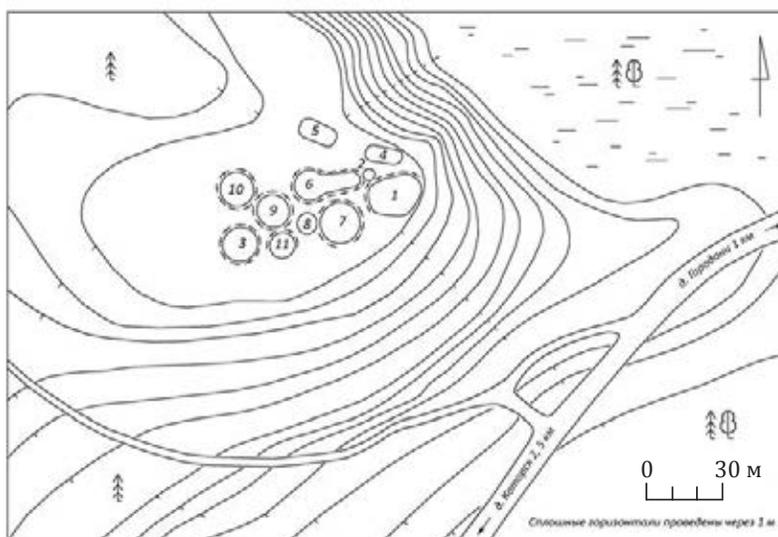

Рис. 1. Могильник Которск XII. Топографический план

Общая характеристика памятника

Могильник Которск XII располагался к северо-северо-востоку от деревни Которск Плюсского района Псковской области, на правом берегу р. Горбоньки (притока р. Плюссы), на поросшем сосновым

бором песчаном холме, и состоял из 11 разнотипных насыпей (рис. 1).

Восточнее подножия того же холма, справа от дороги, в смешанном лесу, находятся две расплывчатые насыпи той же культуры (группа Которск XIV по существующей индексации).

Далее к югу, приблизительно в 3 км, расположен крупный комплекс средневековых археологических памятников, связанных с поселением Которский погост, материалы которого также важны для настоящего исследования⁴.

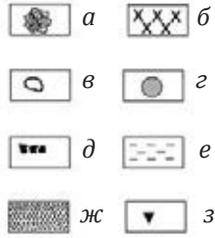
¹ Русь в IX–X веках. Археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. 496 с.

² См., напр.: Кузьмин С. Л. Некоторые итоги изучения культуры псковских длинных курганов (по материалам памятников в бассейнах рек Луги и Плюссы) // Древности Подвонья: исторический аспект: по материалам круглого стола, посвященного памяти А. М. Микляева (6–8 октября 1999 г.). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. С. 226–232; Михайлова Е. Р. Культура псковских длинных курганов: памятники финального этапа // Вестник СПбГУ. Серия 6. Вып. 4. 2007. С. 389–398.

³ Я выражаю искреннюю признательность Сергею Леонидовичу Кузьмину (СПбГУ) за возможность полноценной публикации этого памятника, а также Сергею Германовичу Попову (ИИМК РАН) за выполненные им радиоуглеродные датировки памятника.

⁴ Подробнее: Кузьмин С. Л. Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М., 1991. С. 153–168; Михайлова Е. Р. Бескурганые могильники близ Которского погоста: хронология и место среди погребальных древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура / отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев; сост. И. Е. Зайцева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 317–335.

Рис. 2. Могильник
Которск XII.
Курган № 1.
План раскопа.

Условные обозначения:
а – пни деревьев;
б – кальцинированные
кости;
в – камень;
г – лепной сосуд;
д – угли;
е – прокаленность;
ж – углистый песок;
з – нивелировочная
отметка материка

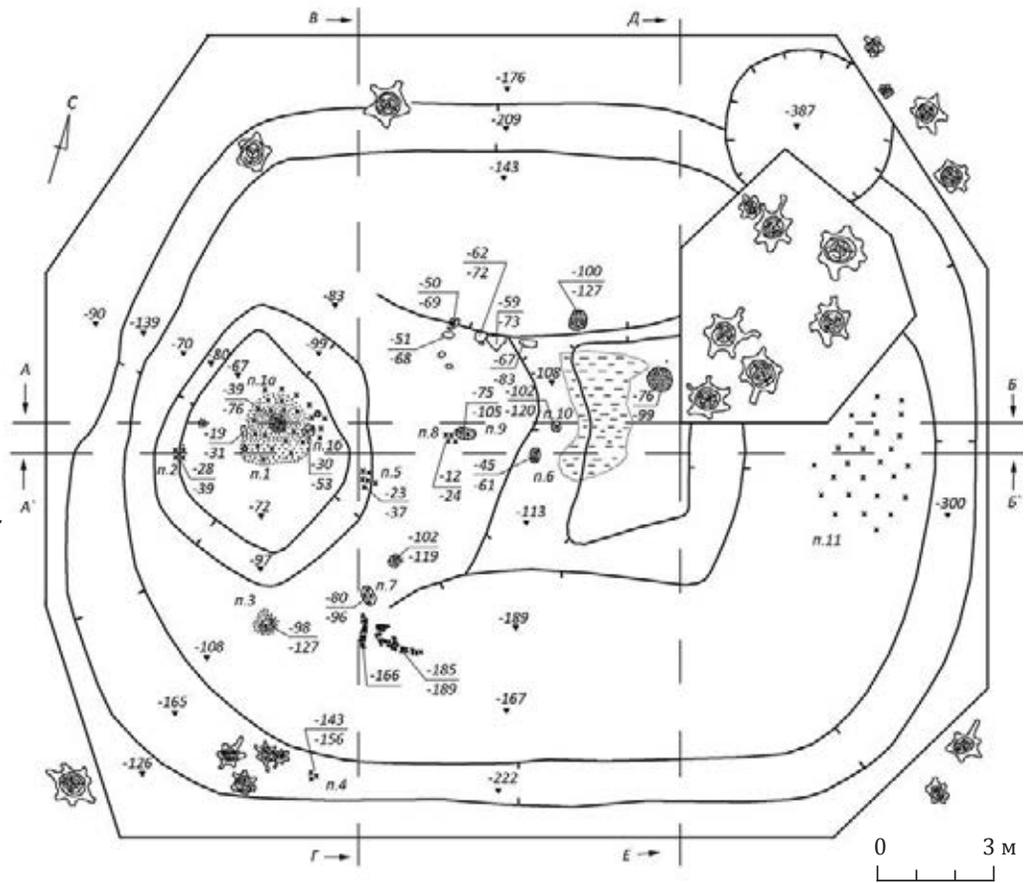
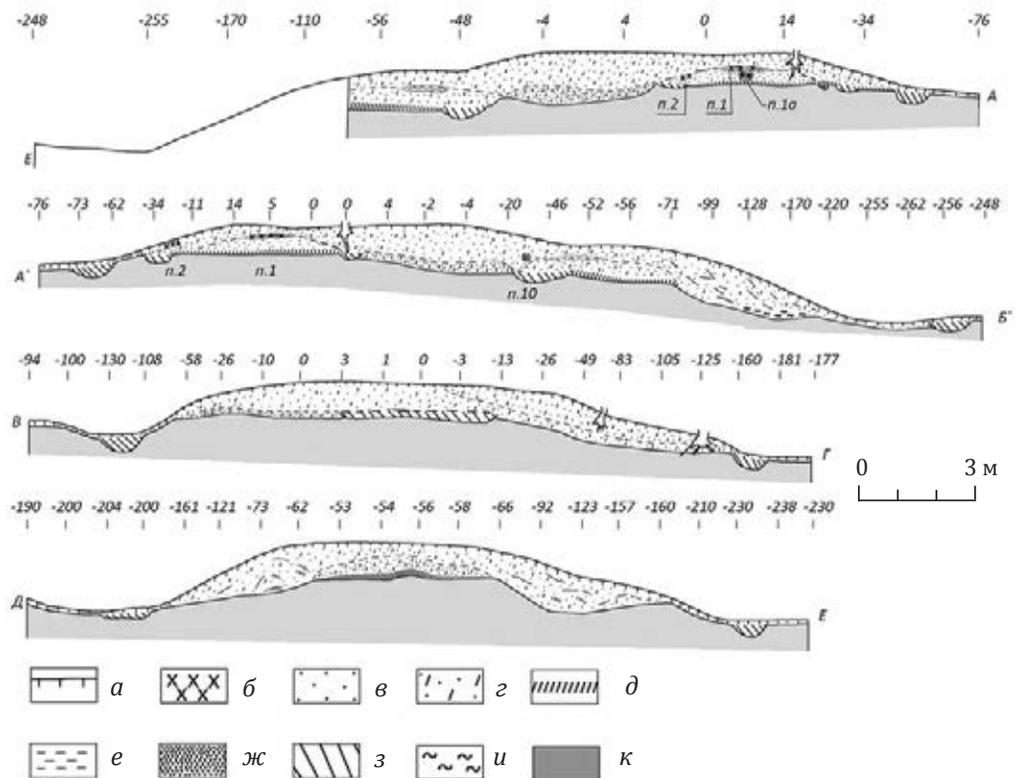

Рис. 3. Могильник
Которск XII.
Курган № 1.
Разрезы насыпи.

Условные обозначения:
а – современный дерн;
б – кальцинированные
кости;
в – светлый песок на-
сыпи;
г – слабо гумусирован-
ный песок;
д – погребенный дерн;
е – прокаленность;
ж – углистый песок;
з – темно-серый
аморфный песок;
и – подзол;
к – материк

Результаты раскопок

Курган №1

Большая четырехугольная в плане насыпь с уплощенной вершиной располагалась на восточном краю могильника. Размеры насыпи составляли 18×22 м, высота – 0,8–2,5 м. По основанию кургана прослеживался ров, перекрытый в южной части оползшей полый насыпи. В ходе раскопок была выявлена чрезвычайно сложная внутренняя структура насыпи и определена последовательность ее сооружения (рис. 2, 3).

Первый этап в сооружении кургана №1 представлен первоначальной насыпью, выявленной в западной части раскопа (рис. 4: 1). Это был небольшой курган – размером ок. 4×4,5 м и высотой 0,4 м от уровня погребенной почвы, окруженный сплошным кольцевым ровиком шириной 0,4–0,6 м и глубиной до 0,2 м. В плане он представлял собой неправильный четырехугольник, ориентированный углами приблизительно по странам света.

Поверхность кургана была образована тонким слоем погребенного дерна, на котором лежало погребение 1 – пятно углистого песка, насыщенного мелкими фрагментами кальцинированных костей. Пятно было округлое в плане, до 1,4 м в поперечнике, мощностью 0,10–0,12 м. В нем был найден железный нож, покрытый окалиной (рис. 5: 1). На юго-западном краю пятна углистого песка лежал крупный гранитный булыжник, а южнее камня на поверхность первоначальной насыпи был поставлен лепной керамический сосуд, от которого сохранилось лишь дно (рис. 5: 2). Сосуд красновато-оранжевый, довольно рыхлый, со значительным содержанием дресвы.

Под центром погребения 1 была выявлена впущенная в насыпь яма с отвесными стенками, заполненная черной маркой землей, перемешанной с большим количеством угля. В плане яма была округлой, ее диаметр составлял 0,3–0,35 м, глубина – 0,35–0,40 м. Она прорезала всю первоначальную насыпь и погребенную почву и доходила до материка. В нижней части заполнения ямы было встречено компактное скопление крупных обугленных осколков костей, среди которых различимы фрагменты плоских и трубчатых костей, черепа и позвонков – погребение 1а.

На восточном склоне первоначальной насыпи обнаружено погребение 1б: очищенные от угля, пережженные кости лежали в яме, вырытой в поле первоначальной насыпи и прорезавшей погребенную почву. Среди костей найдены два перстнеобразных кольца и нож со следами истлевшей деревянной рукояти (рис. 5: 11–13). Рядом с погребением 1б на поверхность первоначальной насыпи был поставлен вверх дном приземистый лепной сосуд кирпично-оранжевого цвета (рис. 5: 14). Из-за большого количества дресвы в тесте и слабого обжига черепки раскрошились, особенно дно. По внешнему виду

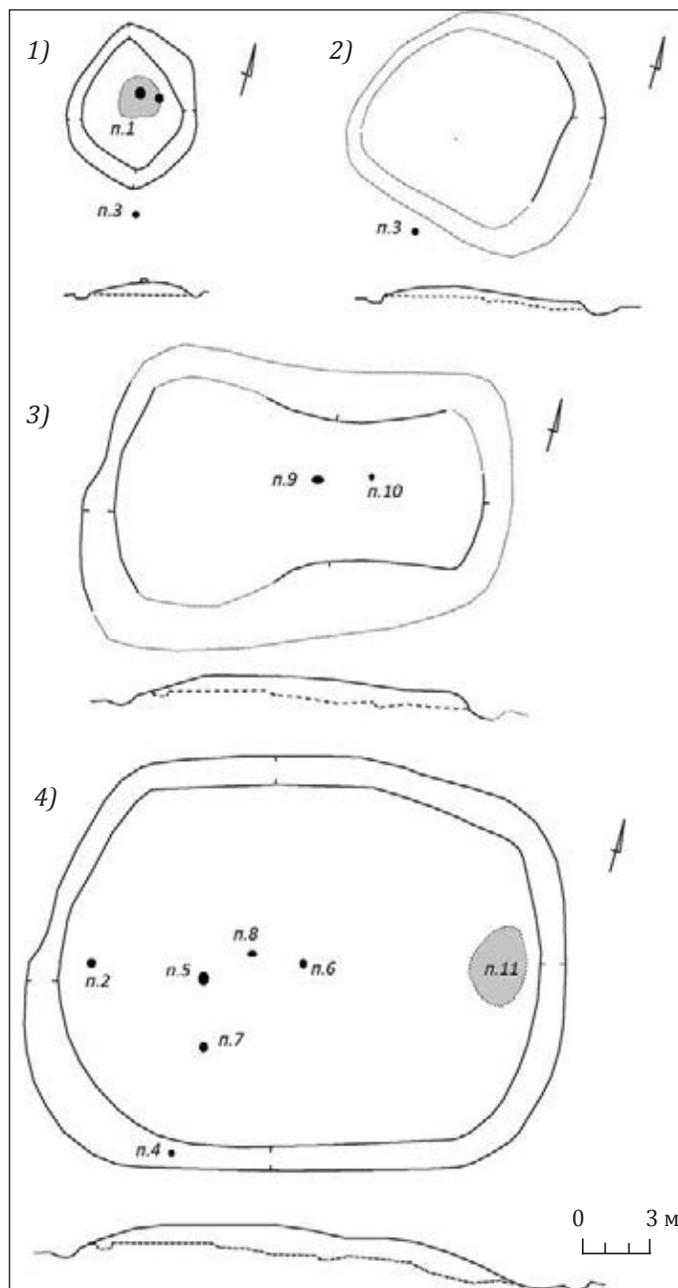

Рис. 4. Могильник Которск XII. Курган №1. Этапы сооружения насыпи (схема)

этот горшок аналогичен поставленному на юго-западном краю погребения 1.

Вторым этапом возведения кургана №1 явилось его увеличение в восточном направлении (рис. 4: 2). От этого этапа сохранилась часть ровика, ограничивавшего вновь возведенный курган и отстоявшего от внешнего края ровика вокруг первоначальной насыпи приблизительно на 4 метра. Зафиксированная ширина вновь прорытого рва – 1,3–2 м, глуби-

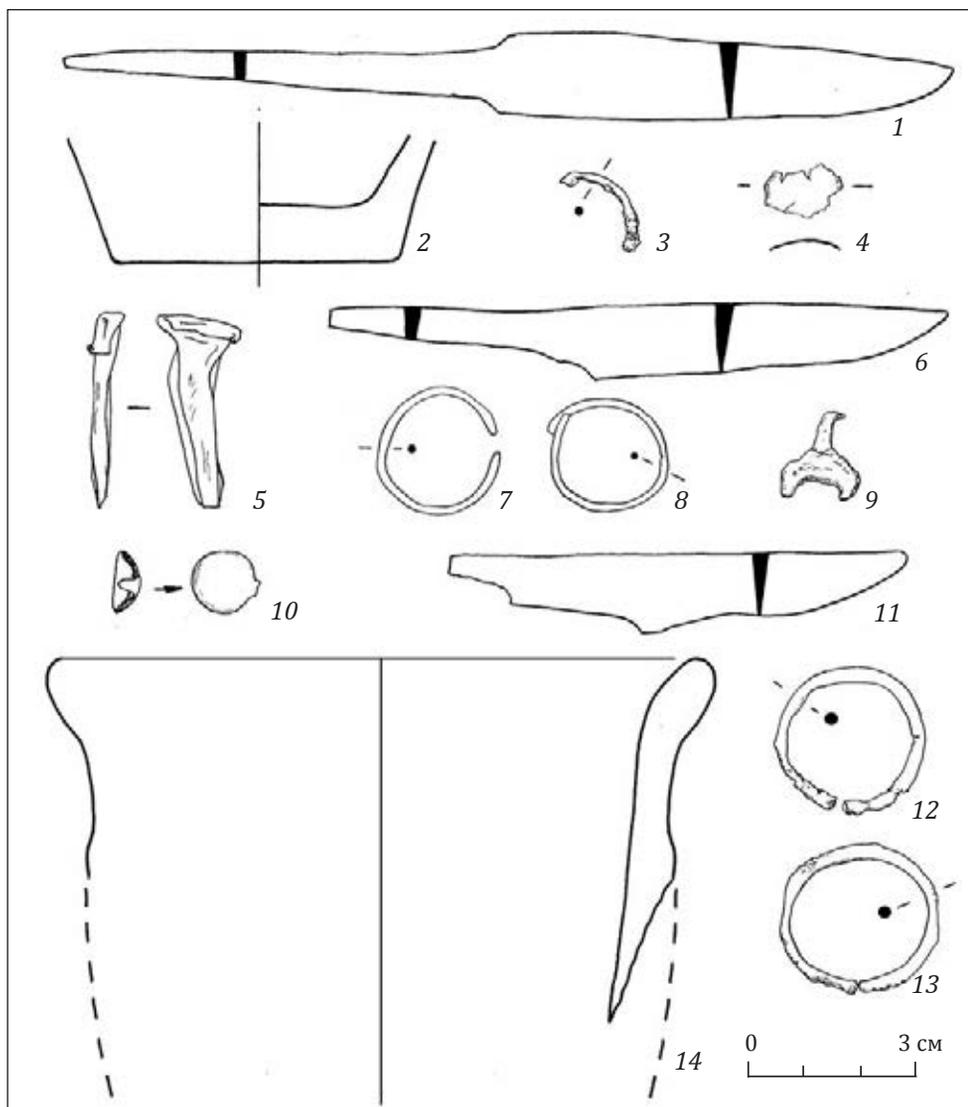

Рис. 5. Могильник Которск XII. Курган № 1.

Находки: 1, 2 – погребение 1; 3 – погребение 2; 4 – погребение 5; 5 – в дерне; 6–9 – погребение 7; 10 – погребение 10; 11–14 – погребение 16.
1, 5, 6, 11 – железо; 2, 14 – керамика; 3, 4, 7, 8, 10, 12, 13 – бронза; 9 – оловянистый сплав. Рис. автора

на – до 0,4 м; его северная и южная части были уничтожены при последующих реконструкциях кургана.

Пространство между первоначальной насыпью и вновь отрытым рвом было засыпано сероватым песком.

В 1 м к югу от первоначальной насыпи выявлено погребение 3, помещавшееся в материковой ямке. Овальная в плане ямка размером 0,28×0,40 м и глубиной 0,30 м была заполнена черной маркой землей, перемешанной с углем, в которой компактно залежали пережеванные кости. На некоторых косточках замечены зеленые пятна от окислов меди, однако вещей погребение не содержало. В нижней части заполнения были собраны кости крупного животного, также обожженные.

Погребение 3, скорее всего, представляет собой грунтовое захоронение, приуроченное к внешнему краю ровика первоначальной насыпи. Примеры таких захоронений известны⁵. Было оно совершено на первом или втором этапе сооружения кургана, сказать трудно.

Третий этап отмечен сооружением удлиненной насыпи размерами 8×16 м, вытянутой почти по линии запад – восток. Основание этой насыпи было

⁵ См., например: Михайлова Е. Р. Комплекс памятников в урочище Колода близ дер. Засобье (Лужский р-н Ленинградской области // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: сб. науч. ст. / отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 105.

вырезано в материке так, что с севера, востока и юга получившийся курган был ограничен широкими подрезками с крутым внутренним склоном. Насыпь третьего этапа имела высоту 0,3–0,5 м, ее вершина была уплощена (рис. 4: 3).

Вдоль северного края вершины лежал ряд небольших булыжников, между которыми зафиксированы следы тонкого деревянного столбика. Часть поверхности насыпи оказалась прокалена до розово-оранжевого цвета. Можно предположить, что на вершине кургана в этот период располагались какие-то деревянные конструкции, позднее разобранные и частично сброшенные в ров.

С третьим этапом связаны погребения 9 и 10 во впущенных в насыпь ямках.

Безынвентарное погребение 9 представляло собой овальную в плане ямку с плоским дном размером ок. 0,35×0,5 м, глубиной ок. 0,3 м, заполненную черной углистой землей. В ямке компактно залежали слабо обожженные кости.

Погребение 10 также располагалось в овальной в плане ямке, заполненной углистым песком. Размеры ямки – 0,2×0,28 м, глубина – 0,18 м. Здесь лежало плотное скопление слабо пережженных костей. Погребение безынвентарное, но в нескольких сантиметрах к востоку от него, среди мелких кальцинированных косточек, залежавших здесь во «взвешенном» состоянии, найдена бронзовая бляшка-скорлупка, свернутая в трубочку (рис. 5: 10).

Свой окончательный вид курган № 1 приобрел после сооружения рва, ооконтурившего прямоугольную со скругленными углами площадку размерами 15×21 м (рис. 4: 4).

Ширина самого рва составляла 0,8–1,8 м, глубина – 0,4–0,7 м, но при его сооружении был дополнительно срезан материковый грунт со стороны внешнего северного склона так, что получилась дополнительная материковая подрезка, нарушившая ровик расположенного рядом кургана № 2.

Насыпь, перекрывшая все предшествующие, достигала 1 м высоты с запада и 2,5 м с востока, со стороны склона холма. С этим последним этапом связаны несколько погребений.

Погребение 2 – плотное скопление очищенных от угля кальцинированных костей, непосредственно под дерном на западном конце кургана. Оно округлое в плане, размером 0,25×0,27 м, мощностью 0,11 м. Среди костей найден фрагмент бронзовой проволоки (рис. 5: 3).

Погребение 5 – линза слабо обожженных, очищенных от угля костей на дне впущенной в насыпь неглубокой ямки. Размеры линзы – 0,3×0,3 м, мощность – 0,12–0,13 м. На многих косточках – зеленые пятна окислов меди. Кроме останков взрослого, здесь, видимо, находились и кости ребенка (фрагменты очень узких и тонких косточек); предполагаемые кости ребенка лежали в западной части по-

гребения. Окислы меди фиксировались только на обломках крупных костей, среди которых находился обломок тонкой выпуклой бронзовой пластинки (фрагмент бляшки-скорлупки?) (рис. 5: 4).

Погребение 6 – овальная в плане линза лежащих плотной массой слабо обожженных, крошащихся костей, размером 0,26×0,4 м и мощностью 0,14 м, на многих косточках заметны окислы меди.

Погребение 7 – плотное скопление очищенных от угля, плохо пережженных костей, овальное в плане и почти круглое в сечении, как будто кости были завернуты в ткань и этот сверток помещен в насыпь. Среди костей находились два перстнеобразных кольца, сломанная миниатюрная привеска-лунница и нож со следами истлевшей рукояти (рис. 5: 6–9).

Погребение 8 – безынвентарное компактное скопление очищенных от угля кальцинированных костей, размером 0,24×0,36 м и мощностью 0,10 м.

Еще два участка находок разрозненных осколков пережженных костей, залежавших в насыпи во «взвешенном» состоянии, были обозначены как погребения только условно – погребение 4 и погребение 11.

Погребение 11 охватывало обширный участок на восточном конце окончательной насыпи, многочисленные разрозненные кости лежали в песке насыпи и, возможно, происходили из более ранних погребений, разрушенных при реконструкции и досыпке насыпи.

Погребение 4 – скопление разрозненных косточек в юго-восточной части заполнения рва, окружавшего окончательную насыпь.

Курган № 2

Курган располагался у северо-западного угла кургана № 1, на узкой перемычке между рвами курганов № 1 и № 6.

Маленький плоский курган имел в плане форму неправильного квадрата. Размеры насыпи составляли 5×5 м, высота – 0,2 м. Курган был окружен ровиком шириной 0,4–0,8 м и глубиной 0,10–0,15 м; юго-восточный угол насыпи и ров рядом с ним оказались прорезаны внешним краем рва, окружавшего окончательную насыпь кургана № 1 (рис. 6).

В центре кургана выявлено захоронение: кальцинированные кости с примесью угля помещались во впущенной в насыпь овальной в плане ямке, размером 0,24×0,35 м и глубиной 0,28 м, частично прорезавшей погребенную почву. Среди костей найдены сильно оплавленные бусы из прозрачного темно-синего стекла (14 – 15 экземпляров), сплавившиеся в несколько комьев.

Приблизительно в 1 м к югу от погребения была расширена округлая неглубокая материковая ямка, заполненная углем и углистым песком.

При раздирновке кургана был найден железный нож с сохранившейся в оковке рукояти гнилой древесинной, относящийся, по-видимому, к новейшему времени.

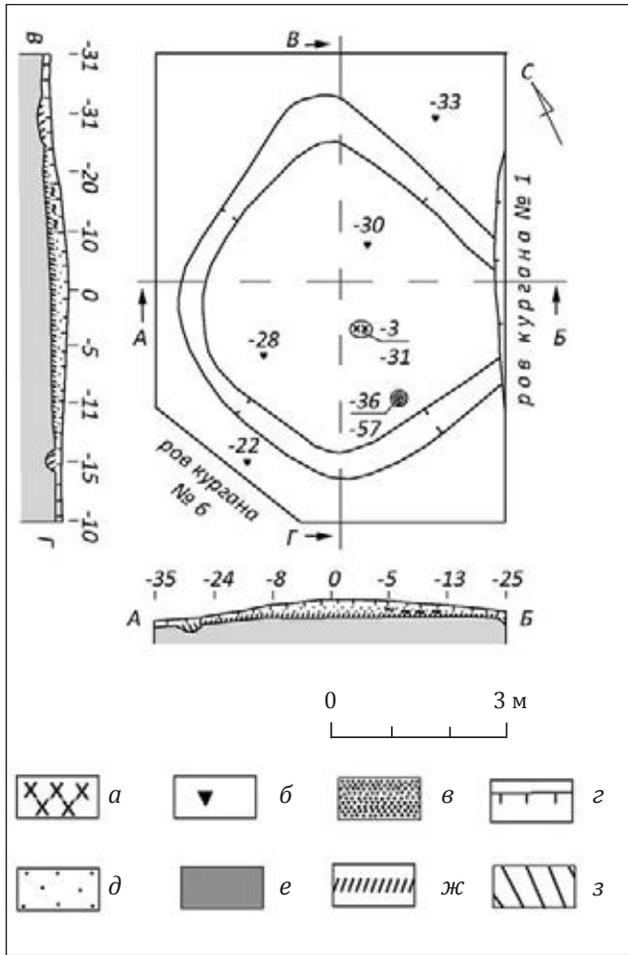

Рис. 6. Могильник Которск XII. Курган № 2.
План раскопа. Условные обозначения:
а – кальцинированные кости;
б – нивелировочная отметка материка;
в – углистый песок; г – современный дерн;
д – светлый песок; е – материк;
ж – погребенный дерн; з – темно-серый песок

Курган № 3

Крайняя юго-западная насыпь, округлая в плане, диаметром ок. 12 м, окруженная заплывшим кольцевым ровиком.

В основании кургана была выявлена окруженная ровиком округлая площадка, по всей поверхности которой лежал слой погребенной почвы (темно-серый гумусированный песок) мощностью до 1 м. Сама насыпь, состоявшая из желтого песка, достигала высоты 1–1,2 м от уровня погребенной почвы (рис. 7).

Ров был заполнен, в основном, песком оползшей в него насыпи; ширина рва составляла 1,6–1,8 м, глубина – 0,4–1 м.

На поверхности слоя погребенной почвы под центром насыпи на площади 6×2–6 м были рассы-

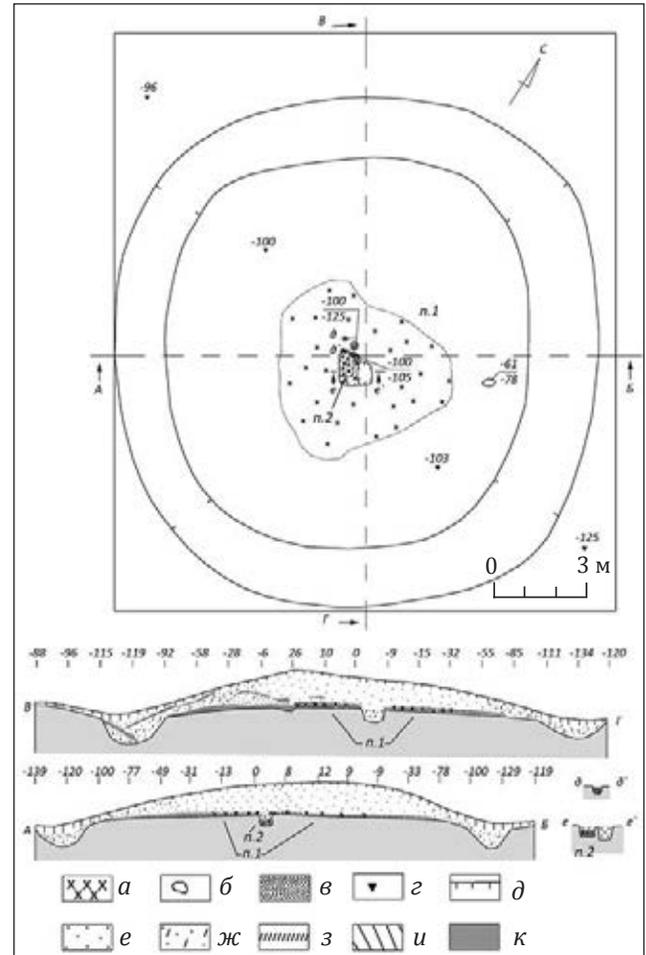

Рис. 7. Могильник Которск XII. Курган № 3.
План раскопа. Условные обозначения:
а – кальцинированные кости; б – камень;
в – углистый песок; г – нивелировочная отметка материка; д – современный дерн; е – светлый песок;
ж – сероватый песок; з – погребенный дерн;
и – темно-серый песок; к – материк

паны кальцинированные кости, обозначенные как погребение 1.

В центре подкурганной площадки располагалась яма Г-образной формы, общим размером 1,2×1,2 м. Над заполнением ямы расчищены следы обугленной деревянной плахи, уложенной горизонтально на уровне погребенной почвы – возможно, следы перекрытия.

Восточный «выступ» этого комплекса образован прямоугольной ямой с отвесными стенками, заполненной песком, аналогичным песку насыпи, без нахонок. От западной части комплекса эта яма отделялась материковой перемычкой.

Западная часть представляла собой такую же прямоугольную яму с отвесными стенками и плоским дном, на дне которой обнаружено скопление

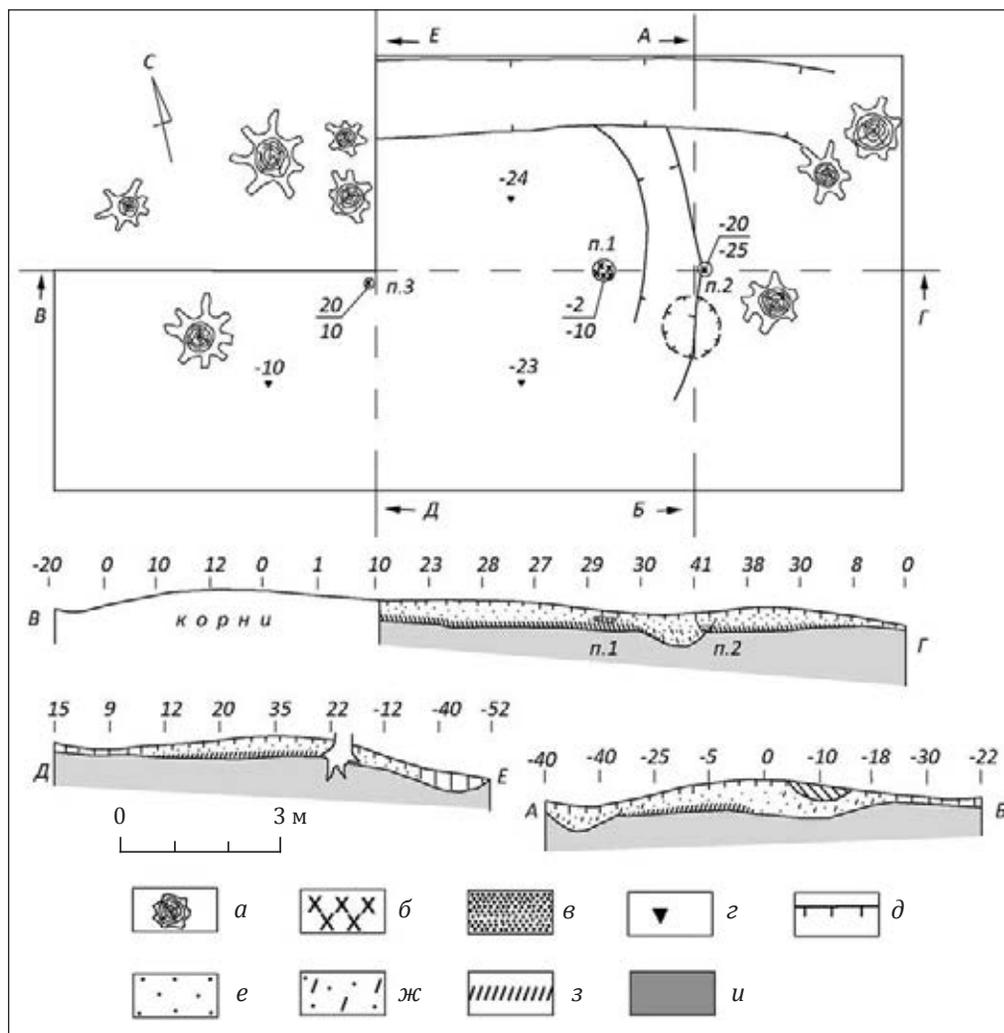

Рис. 8. Могильник Которск XII. Курган № 4. План раскопа.

Условные обозначения: а – пень; б – кальцинированные кости; в – углистый песок; г – нивелировочная отметка материка; д – современный дерн; е – светлый песок; ж – сероватый песок; з – погребенный дерн; и – материк

кальцинированных костей вперемежку с углем (погребение 2).

У северо-западной стенки ямы с захоронением располагалась заполненная углем и углистым песком, округлая в плане материковая ямка, диаметром 0,3 м и глубиной 0,2 м.

Курган № 4

Курган в северо-восточной части могильника имел удлиненную форму и был ориентирован продольной осью по линии северо-запад – юго-восток. Размеры насыпи до раскопок составляли 8×16 м, высота – 0,2–0,4 м (рис. 8).

На первом этапе своего существования это была, по-видимому, подпрямоугольная насыпь, ограниченная ровиком только с восточной (или, возможно,

с восточной и северной) стороны. Остатки ровика, окружавшего первоначальную насыпь, были прослежены на протяжении 5 метров в виде дугообразно изогнутой канавки в материке. Ширина ровика составляла около 1 м, глубина достигала 0,4 м.

Площадка под первоначальной насыпью имела вид почти прямоугольного пятна серого гумусированного песка (слоя погребенной почвы) мощностью до 0,1 м. Высота первоначальной насыпи составила 0,2–0,4 м.

С первоначальной насыпью уверенно связывается безынвентарное погребение 3. Оно располагалось в центре первоначальной насыпи, во впущенной в насыпь ямке; диаметр ямки – 0,21 м, глубина – 0,1 м.

Позднее насыпь была удлинена в восточном направлении. Вновь сооруженная насыпь перекрыла

первоначальный ров и была удлинена за пределы рва приблизительно на 3 м.

Еще одна конструкция, связанная с окончательной насыпью – мелкий ровик по ее продольной северо-восточной стороне, прослеженный на протяжении 9 – 9,5 м. Ширина рва составляла ок. 1,5 м, глубина – 0,3–0,4 м; местами в него оползла северная пола насыпи.

С вторым этапом сооружения кургана связываются два захоронения, впущенных в восточную половину окончательной насыпи над засыпанным первоначальным ровом.

Погребение 1 – плотное скопление пережженных костей непосредственно под дерном. Кости лежали на дне округлой в плане ямки диаметром 0,36 м и глубиной 0,08 м, впущенной с поверхности кургана. Среди костей были найдены два небольших обломка разбитого изделия из мягкого белого мела с отверстием – возможно, фрагменты пряслица.

Безынвентарное погребение 2 выявлено на глубине 0,2 м от поверхности насыпи: очищенные от угля кальцинированные кости лежали на дне ямки диаметром 0,2 м и глубиной 0,2 м. Мощность слоя костей составляла 0,05 м.

Примечательно, что все три обнаруженных в данном кургане захоронения, вне зависимости от стратиграфической позиции, приурочены к продольной оси насыпи.

Курган № 5

Крайняя северная в могильнике насыпь, размером 12×5 м и высотой до 0,5 м, без ровика, ориентированная продольной осью по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток, (рис. 9).

В основании насыпи был прослежен сплошной слой погребенной почвы, занимающий пространство 4–4,5×10,5 м. Профиль слоя погребенной почвы показывает, что курган был насыпан на неровном месте: насыпь перекрыла естественную яму.

Слой погребенной почвы был перекрыт насыпью, сооруженной из желтого однородного песка в один прием. В центре кургана, сразу под дерном, обнаружены два безынвентарных погребения в мелких ямках, расположенные на его продольной оси (погребения 1 и 2).

Курган № 6

Комбинированный курган стоял в центральной части могильника; он состоял из двух частей: западной – круглой, диаметром 12 м и высотой до 1,9 м, и примыкавшей с востока длинной, размером 15×6 м и высотой 0,8–1,2 м. Вокруг всего кургана до раскопок прослеживался заплывший ровик.

Курган имел сложную структуру и возник путем слияния нескольких частей (рис. 10).

Под восточной частью длинной насыпи был выявлен небольшой первоначальный курган: ровик

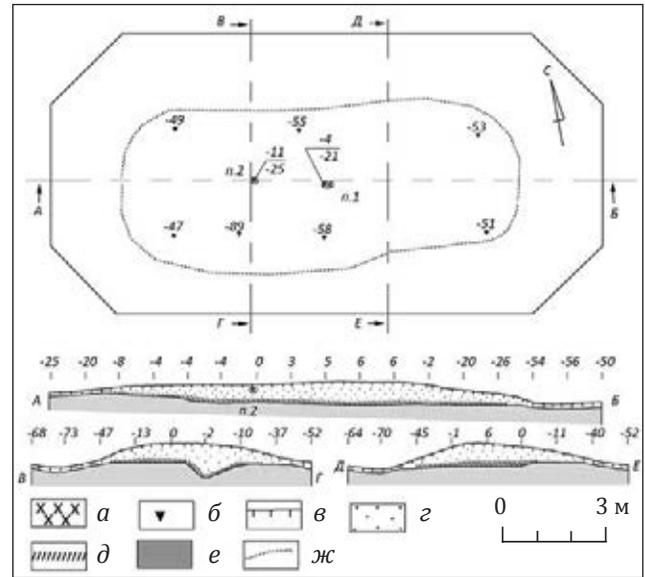

Рис. 9. Могильник Которск XII. Курган № 5.

План раскопа. Условные обозначения:

- а – кальцинированные кости; б – нивелировочная отметка материка; в – современный дерн;
- г – светлый песок; д – погребенный дерн;
- е – материк; ж – контур насыпи

шириной 0,8–1,2 м и глубиной до 0,4 м ограничивал квадратную в плане площадку размером 3,8×4 м.

Западная часть кургана представляла собой крутобокую полусферическую насыпь с поврежденной вершиной. При разборе насыпи отмечен крупный гранитный булыжник размером 0,2×0,2×0,4 м, сползший с вершины насыпи на ее восточный склон.

Кольцевой ровик шириной ок. 1 м и глубиной 0,8–0,9 м оконтуривал площадку диаметром 9 м. По всей поверхности площадки прослеживался слой погребенной почвы толщиной до 0,15 м.

В южной части подкурганной площадки выявлено погребение № 6: в овальной материковой ямке, размерами 0,4×0,5 м и глубиной 0,2 м. Кальцинированные кости здесь были перемешаны с сажой и углем, среди костей встречены капли оплавленной бронзы.

Погребение № 4 было впущено в восточную полу круглой части кургана на глубину 0,4 м. Пережженные кости лежали в овальной в плане ямке размером 0,3×0,4 м. Среди костей найдена узкая железная пластинка – по-видимому, черенок ножа (рис. 11: 2).

Еще одно скопление кальцинированных костей, обозначенное как погребение 1, обнаружено в материковой яме, вырытой на дне рва к юго-востоку от кургана. Яма имела овальную в плане форму, ее размеры – 0,5×1 м, глубина – 0,36 м. Кости очищены от угля, вещей нет.

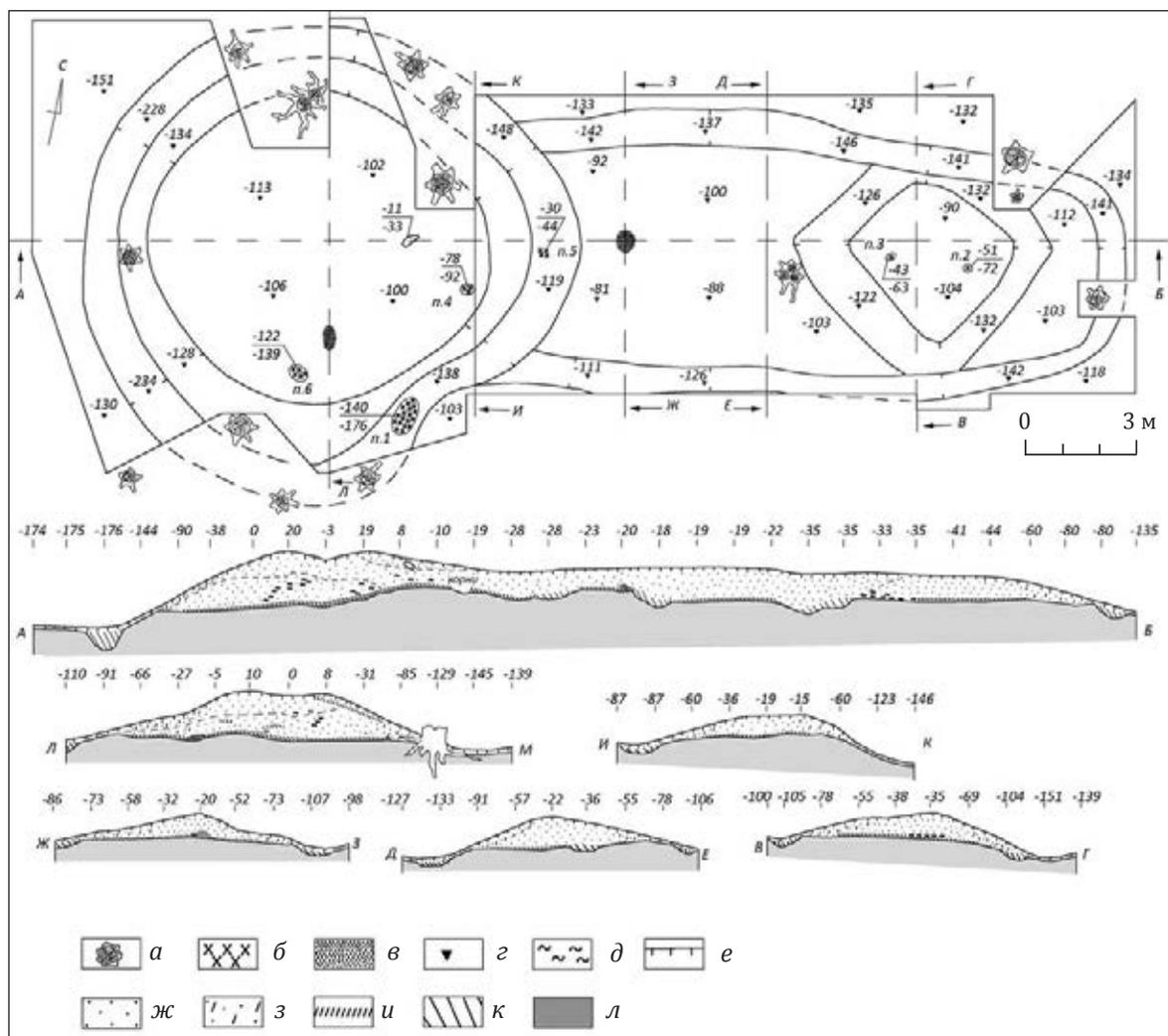

Рис. 10. Могильник Которск XII. Курган № 6. План раскопа. Условные обозначения: а – пень; б – кальцинированные кости; в – углистый песок; г – нивелировочная отметка материка; д – подзол; е – современный дерн; ж – светлый песок; з – сероватый песок; и – погребенный дерн; к – темно-серый песок; л – материк

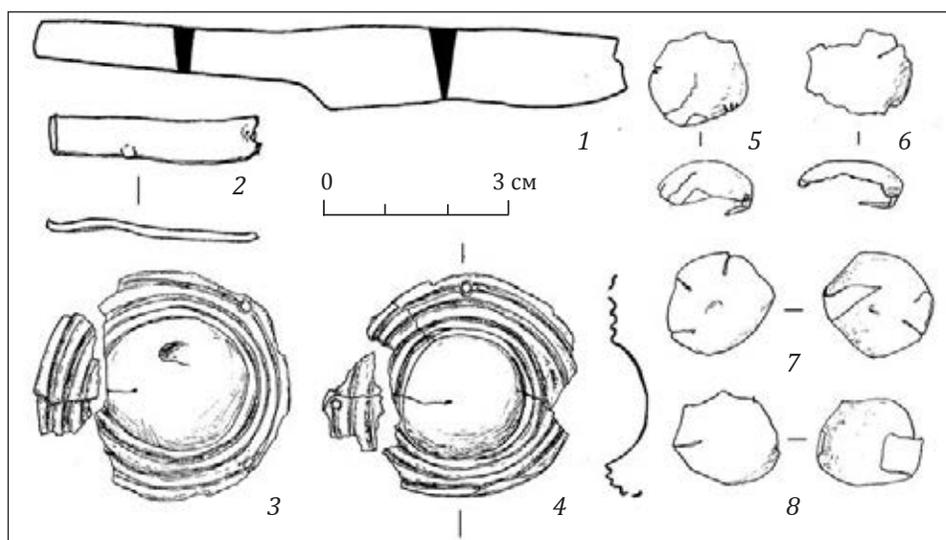

Рис. 11. Могильник Которск XII. Находки из курганов: 1 – курган 6, погребение 3; 2 – курган 6, погребение 4; 3–8 – курган 8, погребение. 1, 2 – железо; 3–8 – бронза. Рис. автора

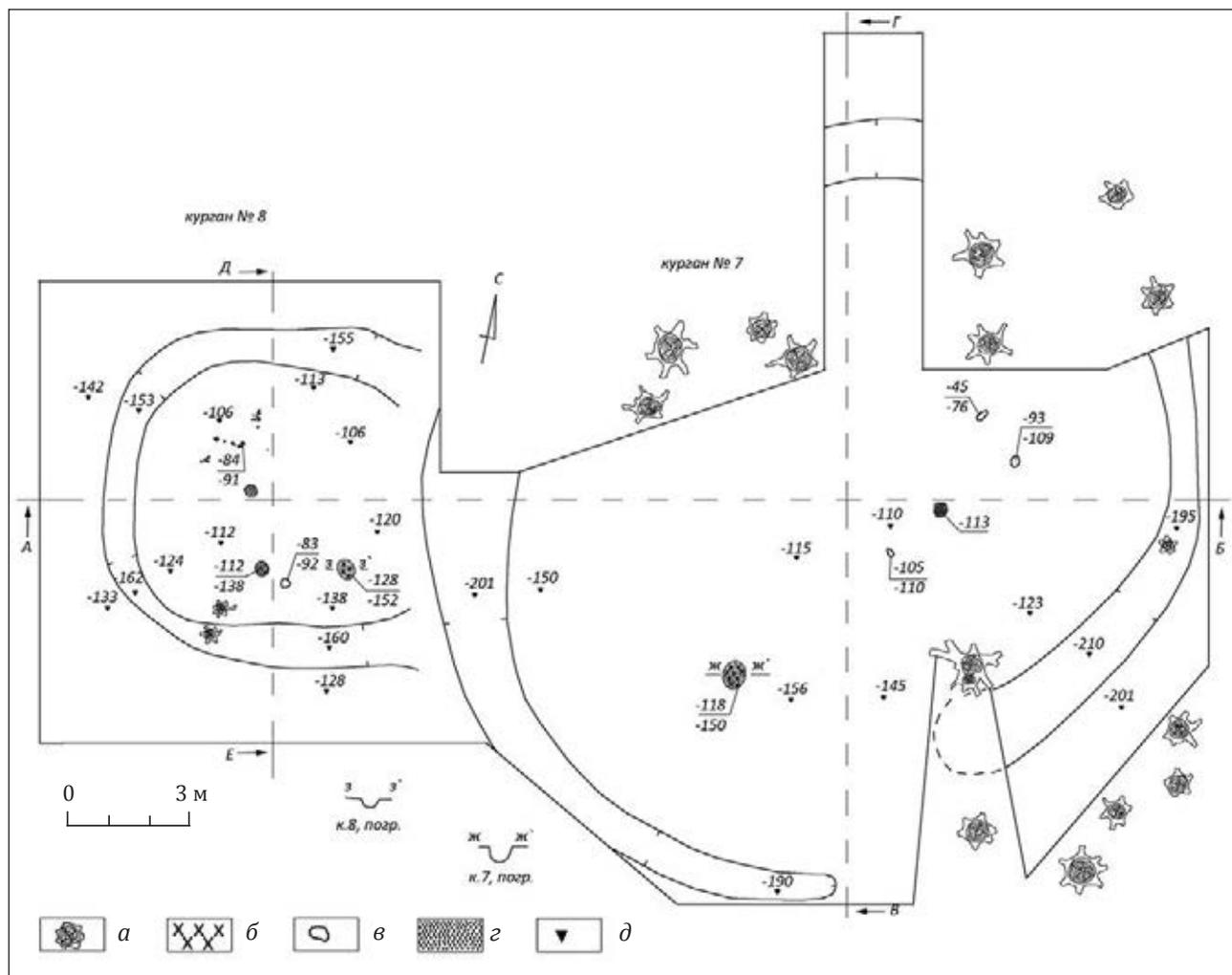

Рис. 12. Могилиник Которск XII. Курганы № 7 и 8. План раскопа.
Условные обозначения: а – пень; б – кальцинированные кости; в – камень; г – углистый песок; д – нивелировочная отметка материка

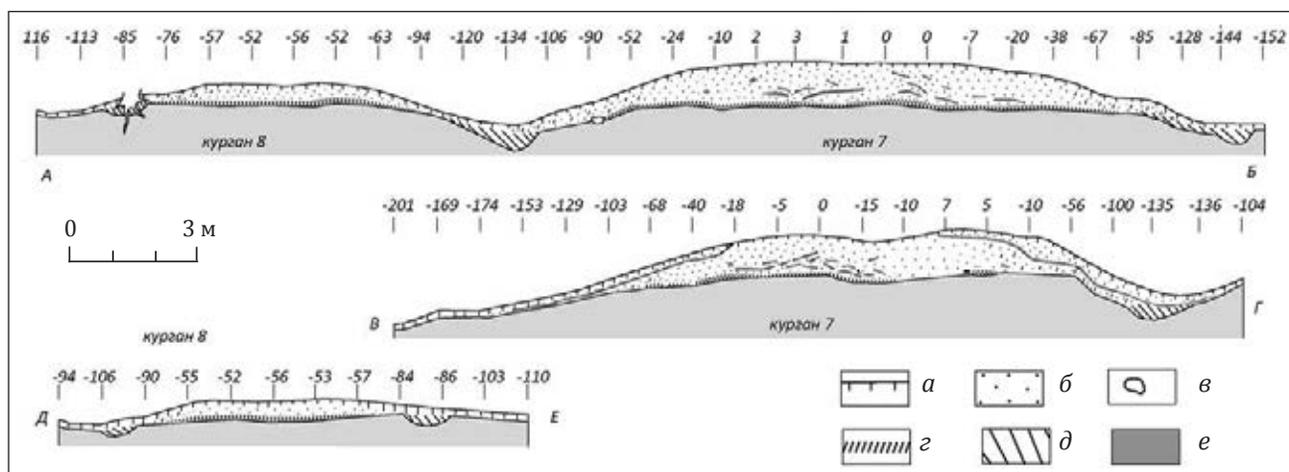

Рис. 13. Могилиник Которск XII. Курганы № 7 и 8. Разрезы насыпей. Условные обозначения: а – современный дерн; б – светлый желтый песок; в – камень; г – погребенный дерн; д – темно-серый песок; е – материк

Из-за корней деревьев не удалось проследить соотношение круглой и длинной частей насыпи, но по всей вероятности, длинная часть была присыпана к круглой, перекрыв одновременно небольшую квадратную насыпь, описанную выше.

Длинная часть кургана была ограничена ровиком шириной 0,6–1,2 м и глубиной 0,2–0,5 м. С ней связано несколько захоронений.

Безынвентарное погребение 5 – россыпь кальцинированных костей сразу под дерном в западной части длинной насыпи.

Безынвентарное погребение 2 было замечено с глубины 0,1 м от современной поверхности кургана: очищенные от угля, пережженные кости лежали в ямке диаметром 0,2 м и глубиной 0,2 м.

Погребение 3 покоилось во впущенной в насыпь ямке диаметром 0,3 м и глубиной 0,24 м. Среди очищенных от угля, пережженных костей здесь был найден железный нож (рис. 11: 1).

Курган № 7

Основанием крупной полусферической насыпи была площадка диаметром 16 м, ограниченная рвом шириной 0,6–2,4 м и глубиной 0,8–1,4 м. В юго-восточной части ров имел перемышку шириной около 4 м (рис. 12, 13).

Высота насыпи над уровнем погребенной почвы достигала 0,9 м, она состояла из чистого желтого песка, в котором, в особенности в нижней части, были заметны многочисленные прослойки и линзы гумусированного темно-серого песка – следы кусков дерна. В насыпи же встречено несколько крупных булыжников.

В южной части площадки зафиксировано погребение: слабо пережженные человеческие кости перемежку с сажей лежали в овальной материковой ямке размером 0,5×0,7 м, глубиной около 0,3 м.

Курган № 8

Небольшая насыпь высотой около 0,4 м располагалась к востоку от кургана 7.

Ровик, шириной 0,4–0,8 м и глубиной 0,3–0,4 м, ограничивал с трех сторон площадку размером 6×7 м. В плане подкурганная площадка имела форму квадрата со скругленными углами, по всей ее поверхности прослеживался слой погребенной почвы (см. рис. 12).

В юго-восточной части площадки выявлено погребение. В материковой ямке (размером 0,4×0,5 м и глубиной 0,24 м) в черном углистом песке лежали кальцинированные кости слабого обжига. Здесь собрано около двух десятков целых и фрагментированных бронзовых бляшек-скорлупок и две бронзовые же тисненные круглые бляхи с отверстиями на полях (рис. 11: 3–8).

Ровик, окружающий курган № 8, разрывается с восточной стороны, выходя ко рву кургана № 7 –

следовательно, к моменту сооружения кургана 8 курган № 7 уже существовал.

Курган № 9

Полусферическая насыпь в центральной части могильника, диаметром 12–13 и высотой почти до 2 м, окруженная по основанию заплывшим рвом (рис. 14). На восточной поле насыпи, выступая из современного дерна, лежал небольшой валун, по-видимому, сползший с вершины.

Вершина кургана была повреждена грабительской ямой, прорезавшей насыпь почти до уровня

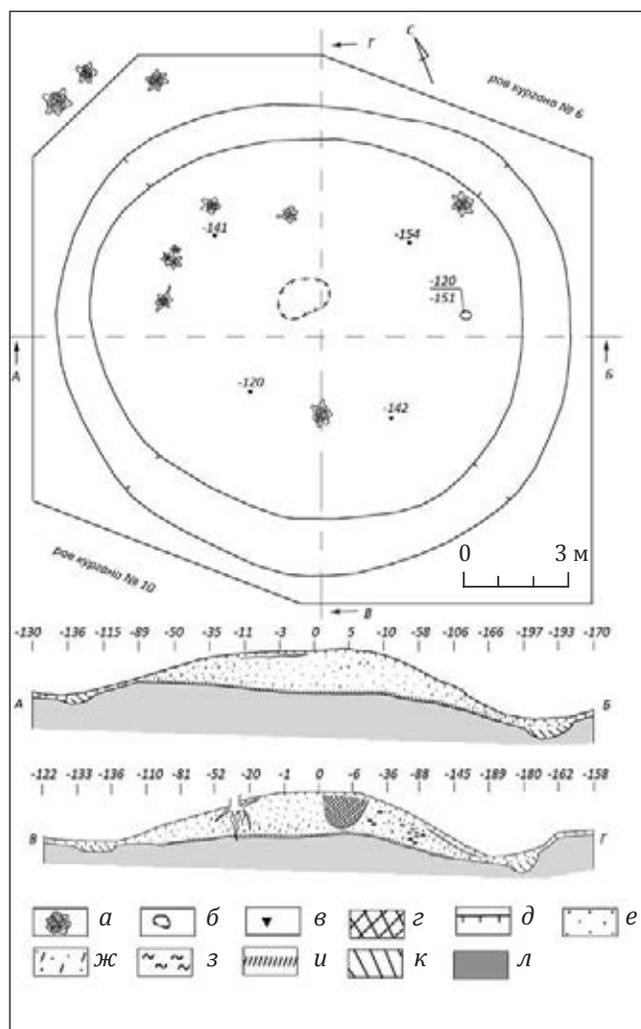

Рис. 14. Могильник Которск XII. Курган № 9. План раскопа. Условные обозначения: а – пень; б – камень; в – нивелировочная отметка материка; г – песок, перемешанный с лесным мусором; д – современный дерн; е – светлый желтый песок; ж – слабо гумусированный песок; з – подзол; и – погребенный дерн; к – серый песок; л – материк

погребенной почвы и, вероятно, разрушившей захоронение: в выбросе на северной поле кургана были собраны отдельные пережженные косточки. Насыпь была возведена в один прием из аморфного желтого песка, местами оподзоленного.

Основание кургана составляла округлая площадка, вырезанная из локального всхолмления и ограниченная кольцевым рвом, шириной 1–1,8 м и глубиной до 0,6 м. Высота насыпи от уровня погребенной почвы составляла 1,2 м, но внешне курган казался гораздо выше.

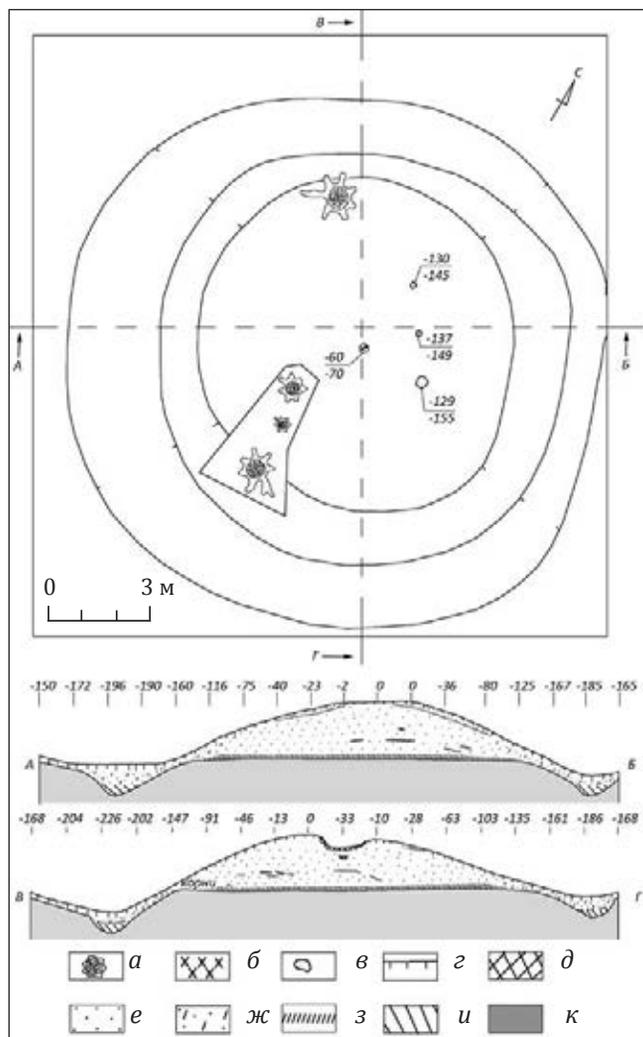

Рис. 15. Могильник Которск XII. Курган № 10.
План раскопа. Условные обозначения:
а – пень; б – кальцинированные кости; в – камень; г – современный дерн; д – песок, перемешанный с лесным мусором; е – светлый желтый песок; ж – слабо гумусированный песок; з – погребенный дерн; и – серый песок; к – материк

Курган № 10

Курган, диаметром 13 м и высотой до 2,3 м, располагался на западном краю могильника. В его вершине была вырыта крупная, но неглубокая яма (рис. 15).

Округлая в плане подкурганная площадка диаметром 10 м была окружена кольцевым рвом, шириной до 4 м, глубиной 1,2 м. Этот курган тоже был возведен на месте локального всхолмления, что внешне сильно увеличило высоту насыпи. На погребенной почве в северо-восточной части кургана, в линию с интервалом 1,5 м, лежали три некрупных валуна.

Высота насыпи от уровня погребенной почвы составила около 1,5 м. Насыпь состояла из желтого песка с прослойками погребенного дерна. Большая часть прослоек погребенного дерна в насыпи залегала почти горизонтально, на уровне 0,5 м от погребенной почвы и, возможно, отмечала поверхность первоначальной небольшой насыпи, располагавшейся под северной частью позднейшего кургана.

В центре кургана, на глубине 0,6 м от вершины, выявлено безынвентарное захоронение: очищенные от угля, пережженные кости лежали на дне ямки диаметром 0,2 м. Мощность слоя костей составила 0,1 м.

Курган № 11

Низкая расплывчатая насыпь, высотой до 1 м и около 10 м в поперечнике, в юго-западной части группы. На южном склоне насыпи лежал гранитный булыжник, сползший с вершины насыпи.

В основании кургана – квадратная в плане площадка со скругленными углами размером 10×10 м, окруженная ровиком шириной 0,8–1,5 м и глубиной 0,2–0,4 м. В юго-восточной части ров имел широкий разрыв (рис. 16). Насыпь состояла из желтого песка и была сооружена в один прием. Высота насыпи от уровня погребенной почвы составляла 0,6–0,7 м.

В центре кургана, на глубине 0,2–0,25 м от вершины выявлено безынвентарное захоронение – плотное скопление пережженных костей размером 0,3×0,3×0,4 м, очищенных от угля.

Погребальный обряд и структура могильника

Погребальный обряд могильника Которск XII полностью соответствует погребальной обрядности культуры псковских длинных курганов⁶.

Здесь представлены практически все характерные типы курганных насыпей: длинные, комбинированная из круглой и валообразной частей, крупная подчетыреугольная, маленькие плоские и высокие полусферические. Многие насыпи сооружались в несколько приемов.

⁶ Михайлова Е. Р. О деталях строения насыпей и структуры некрополей культуры псковских длинных курганов // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. V. Минск, 2009. С. 75–88.

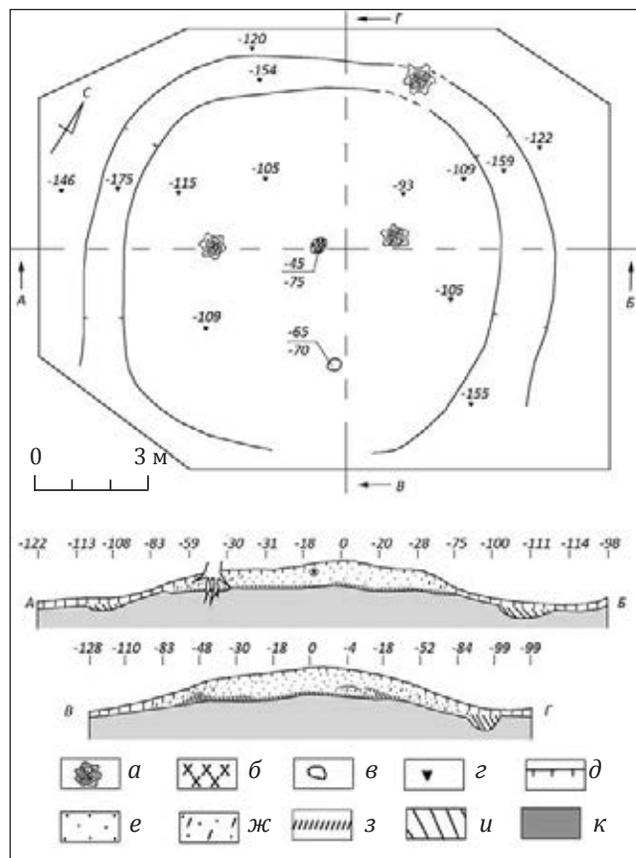

Рис. 16. Могильник Которск XII. Курган № 11.
План раскопа.

Условные обозначения: а – пень; б – кальцинированные кости; в – камень; г – нивелировочная отметка материка; д – современный дерн; е – светлый желтый песок; ж – слабо гумусированный песок; з – погребенный дерн; и – серый песок; к – материк

Наличие ровиков, окружающих насыпь и вновь отрывавшихся при каждой реконструкции кургана, – тоже характерная черта этой культуры.

Из этого правила в могильнике Которск XII выбиваются только две низкие удлиненные насыпи (№ 4 и 5). Курганы, не окруженные рвами, очень редки, но всё же известны – можно назвать, например, низкую овальную насыпь в могильнике Березицы V⁷.

Устройство подкурганной площадки подрезанием склонов естественных возвышений неоднократно отмечалось исследователями⁸. Во многих случаях этот прием использовался для уменьшения объемов земляных работ и создания впечатления высоких насыпей (ср. описание курганов № 9 и 10).

⁷ Михайлова Е. Р. Исследования памятников культуры длинных курганов близ дер. Березицы в Широ-Чернозерском межозерье (в печати).

⁸ См., напр., раскопки А. А. Спицына в Замоще: Отчет Императорской Археологической комиссии за 1909 и 1910 годы. СПб., 1913. С. 163.

Из вариантов захоронения наиболее обычно для рассматриваемого могильника помещение остатков кремации в ямки, впущенные в материк или в насыпь. Любопытно, что погребения в материковых ямках здесь, как правило, содержали уголь и сажу, в то время как в насыпи чаще помещались кости, очищенные от угля. Сечение большинства захоронений (уплощенный сегмент или плоская лента) показывает, что почти во всех случаях кремированные останки просто высыпались в ямку или на поверхность, предназначенную для совершения захоронения. Урновые захоронения в могильнике Которск XII отсутствуют.

Уникально погребальное сооружение, обнаруженное под курганом № 3: сложной формы материковая яма, возможно, перекрытая жердями.

Захоронения (по крайней мере, некоторые) могли быть обозначены на древней дневной поверхности. На первоначальную насыпь кургана № 1 были поставлены два сосуда. Рядом с погребениями в курганах № 2, 3 и 8 расчищены глубокие ямки, заполненные углями. Столбовые ямки рядом с захоронениями были обнаружены, например, при раскопках могильника Сторожинец⁹.

Еще одну черту, характерную для описываемого могильника, представляют крупные гранитные булыжники, уложенные по одному на вершину большинства круглых насыпей. Они зафиксированы при раскопках курганов № 3, 7, 8, 9, 10, 11, а также круглой насыпи в составе комбинированного кургана № 6 и на поверхности первоначальной насыпи кургана № 1.

В плане весь могильник отчетливо разделяется на три части (см. рис. 1).

Первую из них, «центральную», образуют два наиболее заметных кургана со сложной внутренней структурой: крупный прямоугольный № 1 и комбинированный № 6, – и расположенный между ними маленький курган № 2. Наиболее сложные курганы с наибольшим числом захоронений в них, по видимому, использовались на протяжении длительного времени и образовывали ядро могильника.

В их структуре тоже есть сходные черты. Начальными элементами курганов № 1 и № 6 послужили такие же низкие неправильно-четырёхугольные насыпи, как курган № 2 – все они располагались рядом друг с другом и были одинаково ориентированы (рис. 17).

Курган № 2 по каким-то причинам не претерпел позднейших реконструкций, а две другие маленькие плоские насыпи оказались включены в состав удлиненных курганов, ориентированных в одном направлении: с запада-юго-запада на восток-северо-восток.

⁹ Попов С. Г. Курганы второй половины I тысячелетия н.э. могильника Сторожинец (исследования 1998–1990 гг.) // Setumaa kogumik 5. Uurimusi Setumaa loodusest, ajalooist ja rahvakultuurist. Tallinn; Väraska, 2012. С. 107, 111, 129.

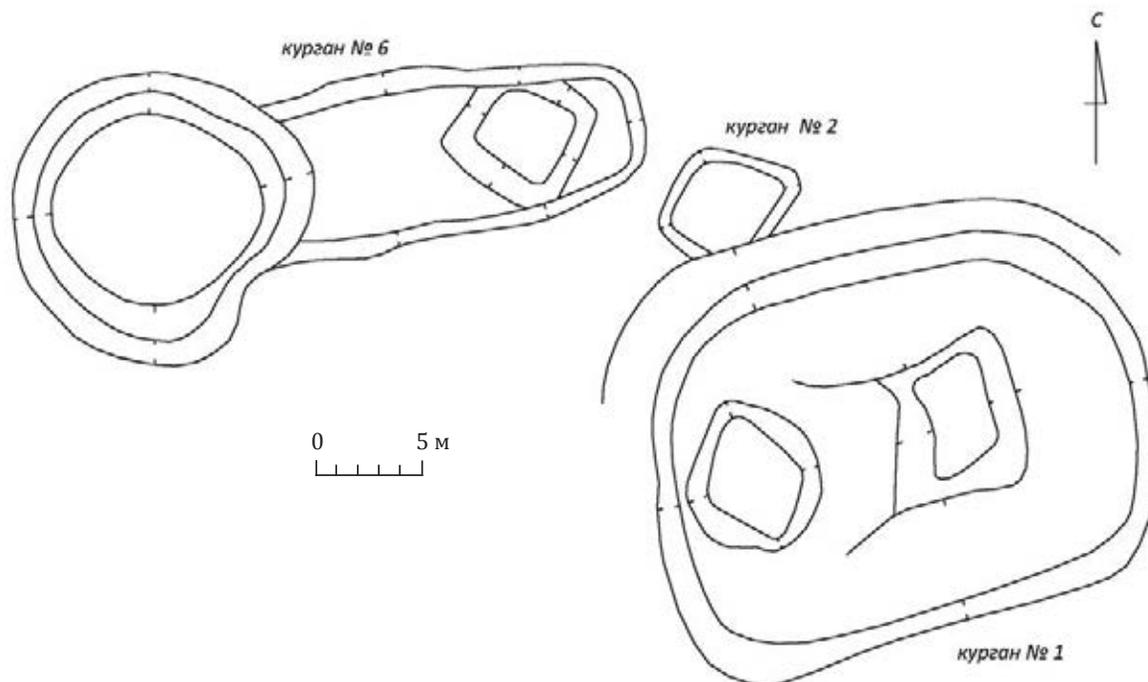

Рис. 17. Могильник Которск XII. Схема насыпей «центральной» части

Вторую часть могильника составляют две низкие удлиненные насыпи без ровиков, одинаково ориентированные продольными осями с северо-запада на юго-восток и образующие северо-восточный край кладбища.

Третья, юго-западная часть могильника наиболее обширна. Ее составляют округлые курганы, в основном, довольно высокие (1–1,5 м), возведенные в один–два приема. Почти все они содержали по одному погребению. По многим признакам схожа с ними круглая насыпь в составе комбинированного кургана № 6, непосредственно соседствующая с курганами юго-западной части.

Характеристика находок. Датировка могильника

Керамика представлена двумя фрагментированными лепными сосудами, обнаруженными на поверхности первоначальной насыпи кургана № 1 (см. рис. 5: 2, 14). Оба изготовлены из глины со значительной примесью крупной дресвы, выступающей на красновато-оранжевой поверхности. Черепки рыхлые, поэтому оба сосуда раскрошились и не поддаются полной реконструкции.

Низкий слабопрофилированный горшок с довольно высокой шейкой и отогнутым венчиком, связанный с погребением 1б, находит аналогии в керамике длинных курганов Псковско-Чудского региона. Н. В. Лопатин, специально исследовавший керамику

культуры длинных курганов, отмечает как характерный признак керамической посуды Псковско-Чудского региона именно приземистость пропорций¹⁰.

В погребение в кургане 2 попало 14–15 бусин из прозрачного темно-синего стекла, т.е. целое ожерелье. Форму расплавленных бус установить невозможно. Бусы из прозрачного густо-синего стекла – частая находка в длинных курганах на всех этапах существования этой культуры¹¹.

Столь же характерны для культуры псковских длинных курганов бляшки, вытисненные из тонкого бронзового листа – так наз. бляшки-скорлупки и умбовидные бляшки¹² (см. рис. 5: 4, 10; рис. 11: 3–8).

Бляшки-скорлупки бытовали в культуре длинных курганов на всем протяжении ее существования, т.е. с конца V в. до начала – первой половины XI в., и чаще всего входили в состав поясной гар-

¹⁰ Лопатин Н. В. О происхождении и локальной специфике керамических наборов культуры псковских длинных курганов // КСИА. 2003. Вып. 214. С. 55. Рис. 6: 2, 3; 7: 1.

¹¹ Седов В. В. Длинные курганы кривичей. М.: Наука, 1974. С. 27. (САИ; ЕІ-8); Башенькин А. Н., Васенина М. Г. Женский убор древнего населения Устюженского края (по археологическим материалам) // Устюжна: историко-литературный альманах. Вып. 2. (Старинные города Вологодской области / гл. ред., сост. М. А. Безнин). Вологда: Вологодский гос. пед. ин-т, 1993. С. 12–15; Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов: типология и хронология. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. С. 110–113.

¹² Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс... С. 46–52. Ср.: Седов В. В. Длинные курганы кривичей. С. 31–32, 34.

нитуры. Найденный в кургане 8 набор из бляшек-скорлупок и более крупных круглых умбоновидных блях, безусловно, представляет собой комплект. Наличие на полях умбоновидных блях маленьких, крестообразно расположенных отверстий позволяет предположить, что они могли нашиваться на ткань. Похожие, но менее крупные и проще оформленные умбоновидные бляшки встречены при раскопках М. Аун в кургане 8 могильника Рысна-Сааре I в Юго-Восточной Эстонии¹³.

Три из четырех найденных в могильнике ножей относятся к группе ножей с прямой спинкой, распространенных в лесной зоне Восточной Европы на протяжении длительного времени (см. рис. 5: 6, 11; 11: 1). Четвертый нож, с узким длинным черенком и уступами при переходе от лезвия к черенку (см. рис. 5: 1), близок к так наз. IV группе ножей Восточной Европы по Р. С. Минасяну, распространяющейся в Восточной Европе в результате контактов с северо-европейским миром в эпоху викингов¹⁴.

Плоский железный гвоздь, найденный при снятии дерна с кургана 1 (см. рис. 5: 5), следует отнести к эпохе раннего Средневековья. Аналогичные были найдены при раскопках селища культуры длинных курганов в урочище Колода¹⁵, а также поблизости от рассматриваемого могильника, на селище Которский погост и на могильнике с кремациями Которск XI.

И, наконец, две разновидности украшений представляют собой предметы, не свойственные культуре псковских длинных курганов, но хорошо представленные в ранних древнерусских памятниках.

Две пары перстнеобразных височных колец из бронзовой проволоки диаметром 27, 27, 24 и 20 мм найдены в кургане № 1 (см. рис. 5: 7, 8, 12, 13); в том же кургане обнаружен фрагмент аналогичной проволоки (см. рис. 5: 3), но веских оснований считать его фрагментом височного кольца нет. Перстнеобразные височные кольца широко распространяются в лесной зоне Восточной Европы в конце I тыс. н. э. и встречаются в самых поздних длинных курганах, однако подавляющее большинство исследователей связывает эти украшения с древнерусским женским костюмом¹⁶.

¹³ Хранятся в Таллине, Ajaloo Instituut, 4929: VIII, 10, 58, 76.

¹⁴ Минасян Р. С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) // АСГЭ. 1980. Вып. 21. С. 72–73; Лесман Ю. М. Скандинавский компонент древнерусской культуры // Stratum plus. 2014. № 5. С. 46.

¹⁵ Михайлова Е. Р. Комплекс памятников в урочище Колода... С. 28. Рис. 10: 2–4.

¹⁶ Левашова В. П. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. / под ред. Б. А. Рыбакова. М.: Сов. Россия, 1967. С. 15. (Труды ГИМ. Вып. 43); Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. С. 13; Хвоцинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 60.

Миниатюрную ширококорогую привеску-лунницу из оловянистого сплава (см. рис. 5: 9) можно рассматривать в широком контексте мелких нашивных украшений и привесок из оловянистых сплавов, широко распространенных в Восточной Европе начиная с V–VI вв.¹⁷, тем более что такие украшения и формочки для их отливок встречены в памятниках культуры длинных курганов¹⁸.

Однако украшение из могильника Которск XII – гладкая ширококорогая лунница – не находит аналогий среди прочих миниатюрных привесок из легкоплавких сплавов, несмотря на все их разнообразие¹⁹. Как и проволочные височные кольца, ширококорогие лунницы в лесной зоне Восточной Европы – деталь формирующегося древнерусского женского костюма. Например, в своде новгородских ювелирных украшений М. В. Седовой учтено 4 ширококорогих лунницы: две из них найдены в доярском слое Неревского раскопа, еще две – в напластованиях древнейшего 28-го яруса (953–972 гг.) того же раскопа. Любопытно, что все неревские лунницы изготовлены из серебра или биллона. Дешевой имитацией серебряных украшений являлись как раз украшения из олова, свинца, либо сплавов на их основе. К XII в. ширококорогие лунницы выходят из употребления²⁰.

Все находки с четкой культурно-хронологической характеристикой происходят всего из трех курганов. В кургане 8 найден набор тисненых бляшек, характерных для культуры псковских длинных курганов; из кургана 2 происходят остатки ожерелья из бус, также характерных для псковских длинных курганов; в различных погребениях кургана 1 представлены керамика и вещи, традиционные для культуры длинных курганов, а также предметы, которые можно связать с формированием древнерусской культуры на Северо-Западе (нож IV группы по Р. С. Минасяну, перстнеобразные височные кольца, миниатюрная ширококорогая лунница).

¹⁷ Щеглова О. А. Свинцово-оловянные украшения VIII–X вв. на северо-западе Восточной Европы // Ладога и ее соседи в эпоху средневековья / отв. ред. А. Н. Кирпичников. СПб.: ИИМК РАН, 2002. С. 135–150; Кренке Н. А., Тавлинцева Е. Ю. Литейные формы финального этапа существования Дьякова городища // Кренке Н. А. Дьяково городище. Культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. М.: ИА РАН, 2011. С. 105–106.

¹⁸ Носов Е. Н. Поселение и могильник культуры длинных курганов на озере Съезжее // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 68; Аун М. Археологические памятники второй половины 1-го тысячелетия н. э. в Юго-Восточной Эстонии. Тл.: ОЛИОН, 1992. С. 108, 123; Михайлова Е. Р. Полностью исследованный могильник культуры псковских длинных курганов Берёзно I // Исследования погребальных памятников на западе средневековой Новгородской земли: сб. науч. ст. / отв. ред. Е. Р. Михайлова. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 23. Рис. 16: 4.

¹⁹ См.: Щеглова О. А. Свинцово-оловянные украшения...

²⁰ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода... С. 24.

Результаты радиоуглеродного датирования курганов могильника Которск XII. С. Г. Попов (ИИМК РАН)

Образец	Объект датирования	¹⁴ C возраст ВР	Калиброванная дата по программе OxCal, cal AD (1σ)	Калиброванная дата по программе OxCal, cal AD (2σ)
ЛЕ-3910	курган 1, погр.3 (первый или второй этап насыпи)	1130 ± 40	880...980 AD	770...1000 AD
ЛЕ-3909	курган 1, плаха из разрушенных конструкций третьего этапа	990 ± 30	990...1050 AD (44,1%), 1090...1120 AD (19,3%), 1140...1150 AD (4,8%)	980...1060 AD (56,8%), 1070...1160 AD (38,6%)
ЛЕ-3908	курган 1, столб в насыпи (третий этап)	800 ± 40	1210...1270 AD	1160...1280 AD
ЛЕ-3913	курган 1, уголь с прокаленного пятна на поверхности насыпи третьего этапа	1160 ± 40	780...790 AD (4,1%), 800...900 AD (49,8%), 910... 950 AD (14,3 %)	770...980 AD
ЛЕ-3912	курган 7, пятно угля на погребенной почве	1090 ± 30	895...920 AD, 940...990 AD	890...1020 AD
ЛЕ-3911	курган 8, погребение	1140 ± 35	870...980 AD	780...990 AD

Интересно проследить за стратиграфическим положением находок в кургане № 1. С погребениями первого этапа связаны находки лепной керамики (погр. 1 и 1б), перстнеобразных височных колец (погр. 1б) и ножей двух разных типов (погр. 1 и 1б). К третьему этапу относится погребение 10, рядом с которым найдена бляшка-скорлупка. И, наконец, на последнем этапе существования в кургане совершаются захоронения 5 с предполагаемым фрагментом бляшки-скорлупки и 7 с перстнеобразными височными кольцами, привеской-лунницей и ножом с прямой спинкой.

Таким образом, можно утверждать, что во время использования для захоронений кургана № 1 (расположенного в центральном ядре могильника и функционировавшего длительное время) в употреблении одновременно находились предметы двух культурных традиций.

Проверить эти заключения позволяют радиоуглеродные даты, полученные для нескольких курганов, в том числе интересующих нас № 1 и № 8 (см. табл. 1). Все датировки относятся к концу I и даже началу II тысячелетия н.э. (образец ЛЕ-3908, давший невозможно позднюю датировку, мы не рассматриваем).

Учитывая взаимное стратиграфическое расположение датированных образцов, курган № 1 следует датировать в пределах конца IX–X в. Практически тем же периодом датируется курган № 8, а учитывая калиброванную дату более раннего кургана № 7, курган № 8, видимо, следует датировать только в пределах X в.

По-видимому, и весь могильник из 11 насыпей можно предположительно поместить в X в. Люди, хоронившие здесь своих умерших, в быту пользовались распространенными в это время орудиями и украшениями, но сохраняли прежнюю, традиционную,

погребальную обрядность и некоторые старинные элементы одежды (возможно, как погребальный костюм)²¹.

Могильник Которск XII и другие памятники финального периода культуры псковских длинных курганов

Полная характеристика публикуемого могильника невозможна без учета его контекста. Сравним Которск XII с соседними памятниками того же времени, в первую очередь – с расположенным в трех километрах к югу комплексом памятников Которского погоста. Аналогии «древнерусским» предметам – проволочным височным кольцам и ножу IV группы по Р.С. Минасяну, найденным в погребениях могильника Которск XII, как и следовало ожидать, присутствуют на селище Которский погост, в слое черного гумуса, сформировавшемся в основном в X–XI вв.²², и на одновременных ему бескурганых могильниках с кремациями²³ (рис. 18: 1–8).

Однако в составе того же комплекса исследована крупная насыпь, сооруженная в традициях культуры псковских длинных курганов и содержащая захоронения с «древнерусскими» вещами. Речь идет о кургане № 1 могильника Которск IV, раскопанном С. Л. Кузьминым в 1988 г.²⁴

²¹ Михайлова Е. Р. Культура псковских длинных курганов: памятники финального этапа; Её же. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов ... С. 228–230.

²² Mikhaylova E. R. Kotorsky Pogost – a local Centre in the western Part of Novgorod Land // Strongholds and Power Centres East of the Baltic Sea in the 11th–13th Centuries. A collection of articles in memory of Evald Tõnisson / ed. H. Valk. Tartu, 2014. P. 221–226.

²³ Михайлова Е. Р. Бескурганые могильники близ Которского погоста ... С. 321, 329.

²⁴ Кузьмин С. Л. Которский погост ... С. 158–160.

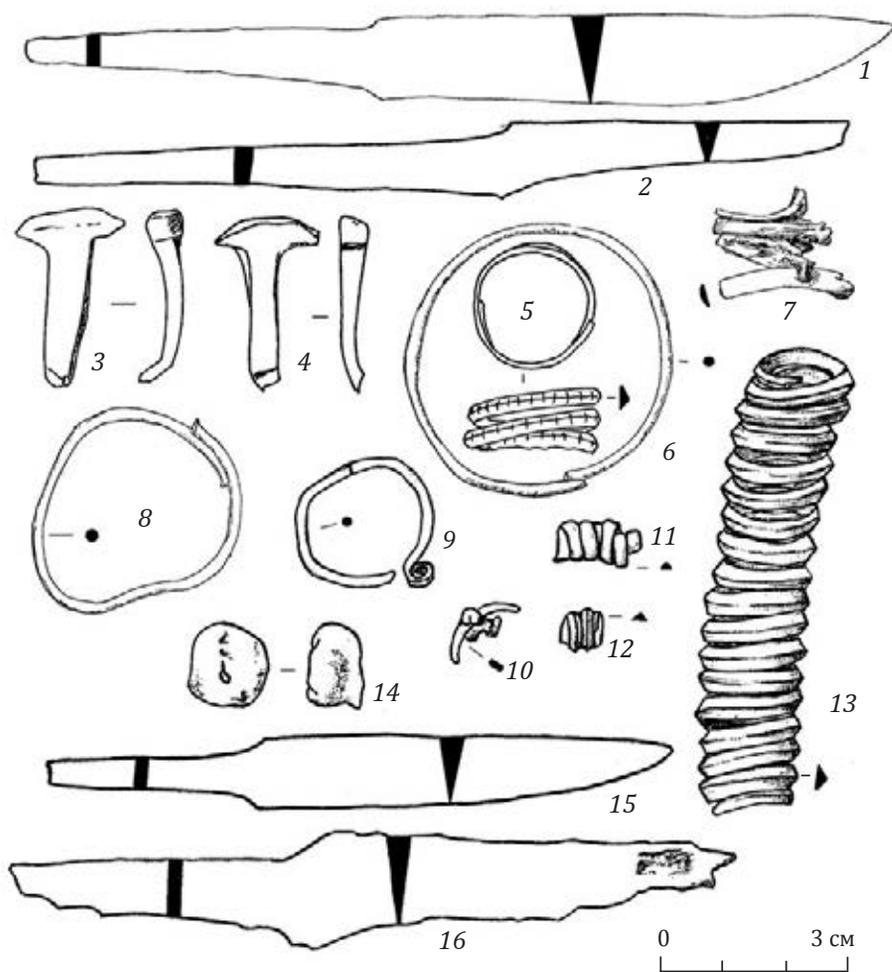

Рис. 18. Находки из памятников Которского погоста: 1, 3, 5, 6 – селище Которский погост, слой черного гумуса; 2 – бескурганый могильник Которск XVI; 4 – бескурганый могильник Которск XI; 7, 8 – бескурганый могильник с кремациями Которск IX; 9–15 – могильник Которск IV, курган 1, погр. 2; 16 – могильник Которск IV, курган 1, погр. 1.
1–4, 15, 16 – железо; 5, 7–9, 11–13 – бронза; 6, 10 – серебро; 14 – голубое стекло. Рисунок автора

Интересно топографическое положение могильника Которск IV среди прочих погребальных памятников, составляющих этот комплекс. Весь комплекс, вытянутый вдоль берега речки Городоньки, разделяется на две большие части: в юго-западной части, вокруг поселения Которский погост, сосредоточены сопки, бескурганые могильники с кремациями и курганные кладбища с ингумациями XI – начала XIII в., в северо-восточной, выше по течению реки, – несколько курганных групп и одиночных насыпей культуры псковских длинных курганов. Курганная группа Которск IV располагается на стыке двух частей комплекса, в 500 м к югу от могильника с длинными курганами Которск V и рядом с могильником Которск XI (содержал курганы с древнерусскими

ингумациями, перекрывшие бескурганые кремации предшествовавшего периода).

Раскопанный курган № 1 представлял собой насыпь из песка и прослоек дерна диаметром около 25 м и высотой до 3 м, окруженную ровиком с широким разрывом с западной стороны.

Погребение 1 представляло собой россыпь кальцинированных костей на вершине кургана, среди костей был найден железный нож (рис. 18: 16).

Погребение 2 было помещено в неглубокую ямку, впущенную в вершину насыпи. Среди очищенных от угля костей здесь найдены железный нож, бронзовое проволочное височное колечко с завитком, крупная бронзовая спираль и две мелкие бронзовые спиральки, оплавленная бусина из прозрач-

ного голубого стекла, капли расплавленного стекла неопределимого цвета и оплавленный обломок серебряной проволоки (рис. 18: 9 – 15).

Как погребение 3 были обозначены разрозненные кальцинированные кости, собранные в заполнении ровика.

Все предметы, найденные в кургане, характерны в первую очередь для ранних древнерусских памятников Северо-Запада, а ближайшие топографически аналогии им найдены на селище Которский погост и в соседних бескурганных могильниках.

Проволочные височные кольца с завитком наружу на территории лесной зоны Восточной Европы были распространены в VIII–XI вв., отдельные экземпляры относятся к еще более позднему времени. Показательны находки в Старой Ладобе, на Труворовом городище, на селище Нестеровичи и др.²⁵

Крупные дровые спирали, так называемые «накосники», встречаются чаще всего в сопках и связанных с сопками поселениях. Можно указать также находку «накосника» треугольного сечения на Староладожском Земляном городище в напластованиях первой половины IX в.²⁶

Оплавленная бусина из прозрачного голубого стекла, по-видимому, была кубической с «мягкими» гранями. Такие бусы известны в северных древностях IX–X вв. (в т.ч. несколько экземпляров найдены в слоях Е2–Д Староладожского Земляного городища), похожие бусы известны также на юге Восточной Европы и Северном Кавказе в памятниках VIII–IX вв.²⁷

Таким образом, захоронения в раскопанном кургане могильника Которск IV по вещам следовало бы датировать в пределах IX–X вв., однако, учитывая дату слоя черного гумуса на селище Которский погост и наиболее вероятную дату соседних бескурганных могильников с кремациями, дату следует сузить до X в., т.е. курган №1 группы Которск IV одновременен могильнику Которск XII.

В отличие от могильника Которск XII, расположенного на некотором удалении от погоста, Которск IV непосредственно граничит с упомянутым селищем, и похороненные здесь люди наверняка были погостскими жителями. Тем любопытнее разница между обоими погребальными памятниками.

В то время как могильник Которск XII в целом демонстрирует традиционную погребальную об-

рядность культуры длинных курганов (от наличия всех основных типов насыпей до присутствия в погребениях элементов традиционного убора), насыпи в могильнике Которск IV унифицированы (четыре высокие полусферические насыпи, расположенные кучно друг рядом с другом), а предметы из захоронений полностью соответствуют ранним древнерусским находкам с близлежащего погоста.

Известны и другие памятники, относящиеся к финальному периоду культуры длинных курганов.

Могильник Березицы VI располагался приблизительно в 20 км к юго-западу от Которского комплекса, близ д. Березицы Струго-Красненского района Псковской области²⁸.

В состав курганной группы входило 8 округлых в плане насыпей и 3 грунтовых захоронения. Подобно могильнику Которск XII, Березицы VI демонстрируют формы и приемы сооружения насыпей, свойственные культуре длинных курганов; в захоронениях в курганах встречены характерные керамика и украшения – темно-синие стеклянные бусины на проволочных колечках.

В грунтовых погребениях могильника найдены стеклянные и сердоликовые бусы, аналогии которым известны, в том числе, в горизонте Д Староладожского Земляного городища, и могут быть датированы X в.²⁹ Кроме бус, встречены обломки небольших колец из бронзовой проволоки – возможно, височных.

Планиграфические особенности могильника позволяют считать его единым комплексом, функционировавшим в течение непродолжительного времени, и, следовательно, грунтовые погребения с «древнерусскими» украшениями синхронны курганам, сооруженным в русле прежних традиций.

В крупном могильнике у деревни Сторожинец Гдовского района Псковской области, близ восточного берега Чудского озера, помимо ранних насыпей, раскопано несколько курганов, в которых захоронения по обряду кремации на стороне сочетались с впускными ингумациями XI – начала XII в. В нескольких трупосожжениях здесь также встречены оплавленные обломки «древнерусских» вещей, в т.ч. широкопластинчатых браслетов, гривен с «рыльцами», грушевидные крестопорезные бубенчики и др. Для тех же курганов получены и радиоуглеродные датировки, укладывающиеся в X – начало XI в.³⁰

²⁵ Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов... С. 103–105.

²⁶ Михайлова Е. Р. Бескурганные могильники близ Которского погоста... С.321.

²⁷ Львова З.А. Стеклянные бусы Старой Ладogi. Ч. I: Способы изготовления, ареал и время распространения // АСГЭ. 1968. Вып. 10. С. 90; Френкель Я.В. Стратиграфическая схема раскопок Н.И.Репникова на центральном участке Земляного городища Старой Ладogi и источниковедческий потенциал коллекции бус из этих раскопок // Староладожский сборник. Вып. 7 / отв. ред. А. А. Селин. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 110. Рис. 16: 9, 10.

²⁸ Публикация материалов могильника: Соболев В. Ю. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI // Археологические вести. 2008. №15. С. 118–132. О других памятниках культуры длинных курганов в этом комплексе: Михайлова Е. Р. Исследования памятников культуры длинных курганов...

²⁹ Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов... С. 120, 122–123.

³⁰ Попов С. Г., Хвошинская Н. В. Некоторые итоги изучения Гдовского района (к 30-летию Гдовского отряда ИИМК РАН) // Археология и история Пскова и Псковской земли:

Можно указать также единичные комплексы с предметами X в. в могильниках Безьва III, Рапти-Наволоок III, Репьи, Казихи, Нестеровичи, Низовка. Ряд погребений датированы концом I тыс. по результатам радиоуглеродного анализа³¹.

Без сомнения, количество известных памятников культуры длинных курганов с «древнерусскими» вещами в захоронениях с течением времени будет возрастать, однако определенные выводы можно сделать уже сейчас.

Все перечисленные выше погребальные памятники по своему внешнему облику, приемам сооруже-

семинар имени академика В. В. Седова: материалы LII заседания, посвященного памяти профессора А. Р. Артемьева. Псков, 2007. С. 199–216; Попов С. Г. Курганы второй половины I тысячелетия н. э. могильника Сторожинец...

³¹ Подробнее см.: Михайлова Е. Р. Вещевой комплекс культуры псковских длинных курганов... С. 215–220.

ния курганов, способам захоронения кремированных останков полностью соответствуют обрядности культуры псковских длинных курганов. Единственное, что выделяет их на общем фоне, – наличие в захоронениях предметов, распространяющихся на Северо-Западе Восточной Европы с IX–X вв. и характерных для ранних древнерусских памятников этого региона. Мы можем предположить, что на протяжении X в. традиционная погребальная культура всё более «расходится» с повседневной жизнью, постепенно становясь своеобразным заповедником прежней традиции, но продолжает существовать вплоть до повсеместного перехода местного населения к новому погребальному обряду.

Актуальными задачами в изучении памятников этого периода остаются как продолжение полевых исследований, так и подробный анализ материалов поселений X–XI вв., где проживало соответствующее население.

Summary

E. R. Mikhailova

The Kotorak XII Burial-ground: Long Burial Mounds of the Medieval Period

Materials from excavations of the Kotorak XII Burial-ground in the North of the present-day Pskov Region are published in this article. This burial-ground, consisting of 11 burial-mounds, was completely excavated in 1990. The burial-ground has been classified as belonging to the culture of Pskov Long Burial-mounds on the basis of the funerary rite and the finds made in the burials.

Apart from the objects traditional for the Culture of Long Burial-mounds, articles were also encountered which were typical for the early stage of medieval Rus-

sian culture. These finds and also the radio-carbon dates obtained for the burial-ground make it possible to date the site to the 10th century.

The burial-ground published here is not unique. Several other sites of the Long Burial-Mound Culture have been recorded, during the excavations of which “medieval Russian” objects were discovered. It can be assumed that during the 10th century the traditional funerary Culture of the Long Burial-mounds survived but over time became more and more ‘divorced’ from everyday life.

Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья

Одним из наиболее ярких и информативных археологических свидетельств процесса славянской колонизации северо-восточных территорий являются погребальные курганные могильники.

Открытие в 2013 г. курганных захоронений конца X – начала XII в. на территории Подболотьевского могильника представляет большой интерес, так как они демонстрируют начало распространения новых элементов погребальной обрядности и фиксируют появление древнерусского населения в Муромском Поочье.

Подболотьевский могильник был открыт в 1910 г. при строительстве дороги из Мурома в Меленки и исследовался В.А.Городцовым, которым было изучено 260 грунтовых захоронений, датированных VI – началом XI в. Благодаря широкомасштабным для того времени раскопкам могильника и публикации, в которой были выделены основные признаки этой культуры, Подболотьевский могильник надолго стал эталонным памятником муромы¹.

В 2012–2014 гг. строительство дороги вокруг г. Мурома позволило вновь обратиться к исследованию этого уникального памятника и среди грунтовых погребений, составляющих основной объем могильника, открыть серию подкурганных захоронений, что в корне изменило наши представления об этом памятнике.

Подболотьевский могильник, расположенный в бассейне р. Оки, на коренной террасе левого берега р. Илевны (левый приток Оки), уже более 100 лет известен науке как грунтовый могильник финского населения, «первых насельников Мурома» – муромы. Сейчас здесь раскопано более 400 погребений. Это грунтовые захоронения с северной, традиционной для муромы ориентировкой умерших, сопровождаемые богатым погребальным инвентарем. Хро-

нологически могильник существовал достаточно долгое время. Наиболее ранние погребения датируются концом VII – первой половиной VIII в., а основная часть VIII–IX вв.²

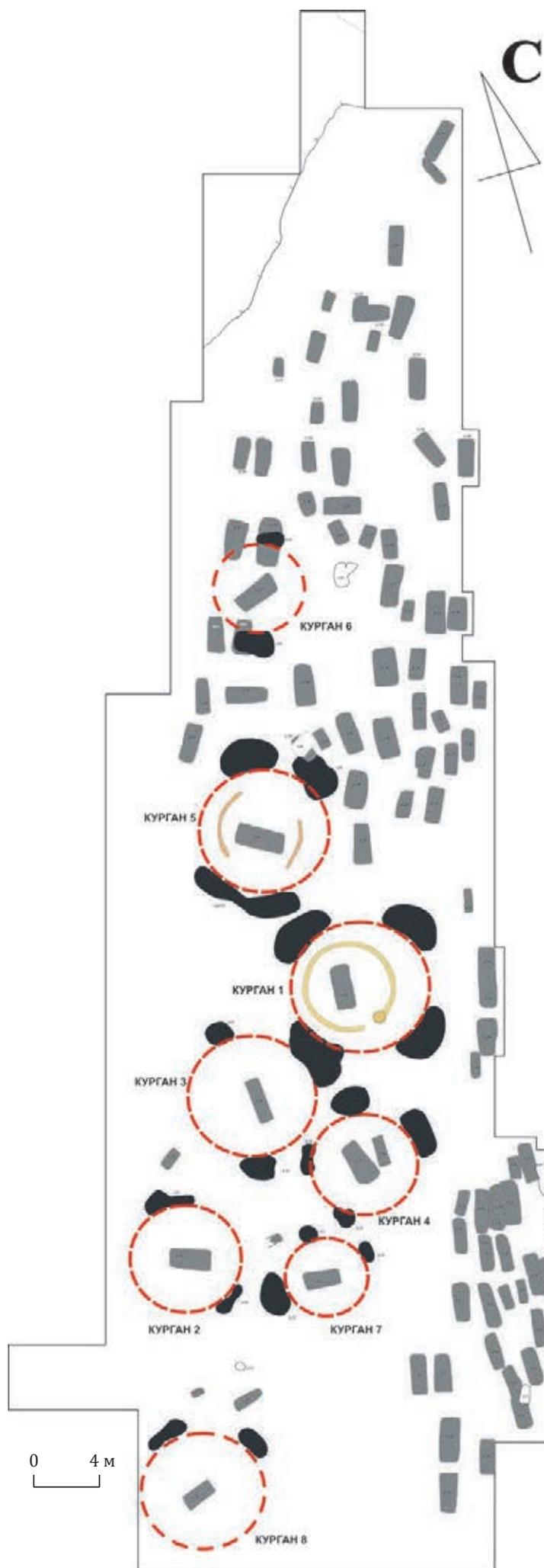
В 2013 г. на западной окраине могильника, помимо грунтовых погребений с традиционной для муромы северной ориентировкой и обрядностью, были открыты погребения, ориентированные головой на запад, и зафиксированы элементы обряда, чуждые для аборигенного населения Муромского Поочья.

Ввиду того, что территория памятника в последнее столетие активно распахивалась, насыпи не сохранились, и археологически курганы зафиксированы по ямам, маркирующим курганные ровики, канавкам от кольцевидных оградок и могильным ямам, расположенным по центру круглых площадок, ограниченных ровиком и оградкой (рис. 1).

Одним из наиболее интересных комплексов является курган 5. От него сохранилось четыре ямы овальной и бобовидной форм шириной от 1,5 до 2,5 м и длиной от 2,9 до 3,6 м. Глубина ям небольшая – 0,20–0,26 м, только одна глубиной 0,55 м. Заполнение у всех ям одинаковое – темно-серая супесь с золистыми прослойками и большим количеством древесного угля. Ямы в плане образовывали кольцевидную форму и ограничивали площадку диаметром 7,3 м. Внутри площадки с запада и востока в виде двух канавок зафиксированы остатки кольцевой оградки. Ширина канавок – 0,28–0,32 м, глубина – до 20 см. Диаметр кольцевой оградки по внутреннему периметру составлял 5,2 м. С северо-востока и юго-запада в оградке были разрывы шириной до 3,5 м. В центре круглой площадки располагалось захоронение 97 в могильной яме размером 3,04×1,26 м и глубиной до полуметра.

¹ Городцов В.А. Археологические исследования в окрестностях г. Мурома в 1910 году. М.: Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1914. С. 40–216. (МАО; Т. XXIV).

² Зеленцова О.В. Новые исследования Подболотьевского могильника // КСИА / гл. ред. Н.А. Макаров. Вып. 236. М., 2014. С. 219–230.

б

Рис. 1. Подболотьевский могильник.
а – план раскопа, б – погребение 97

а

Рис. 2. Вещи из погребения 97

Характер заполнения и заглупление прямоугольной формы, прослеженное на дне могильной ямы, свидетельствуют, что тело было помещено в какую-то конструкцию. Погребенный мужчина в возрасте 30–35³ лет лежал, судя по сохранившимся фрагментам ног, зубов и расположению украшений, на левом боку, головой ориентирован на северо-запад. В области правого виска найдено перстневидное височное кольцо с завернутым в спираль концом (рис. 2: 1). Чуть южнее от нижней челюсти лежал бронзовый браслет из массивной прямоугольной пластины с прямосрезанными концами (рис. 2: 4). В области груди найден фрагмент серебряной пластинки (рис. 2: 3) и пластинчатый широкосрединный перстень с завязанными концами (рис. 2: 7), к северо-западу от него в верхней части груди – второй браслет из серебряного дрота ромбического сечения с завязанными концами (рис. 2: 6).

Умерший был подпоясан ремнем – в области пояса расчищены две арочные железные пряжки (рис. 2: 9) и железное кольцо (рис. 2: 5). К железному кольцу, на кожаном ремешке, вероятно, было подвешено шило (рис. 2: 8) и железный нож с уступом (рис. 2: 12). Около его черенка прослежен оловянный (?) тлен, возможно, от рукояти или ножен. На поясе же висела кожаная сумка, от которой со-

хранился только фрагмент бронзовой обоймочки с кусочком кожи. В сумке лежало железное калачевидное кресало с язычком (рис. 2: 11) и сланцевый оселок (рис. 2: 10). Слева в районе таза найдено бронзовое кольцо (рис. 2: 2), у левой ноги стоял глиняный горшок, орнаментированный веревочными отпечатками по плечикам и насечками по краю слабо отгнутого венчика (рис. 3: 2), рядом с ним, слева – кость животного. В восточном углу на дне могильной ямы найдены три пластинчатые серебряные оковки от деревянного сосуда. В южном углу стояла профилированная миска на кольцевом поддоне (рис. 3: 1). Миски подобных форм появляются у нижеокского населения, по наблюдениям В.В.Гришакова, в X–XI вв., и эта форма не известна в сопредельных финских памятниках Окско-Сурского междуречья. Единственную близкую форму ему удалось обнаружить в материалах Тимерёвского поселения⁴. Кроме Тимерёва, подобные формы известны в кургане 14 у с.Арефино на Смоленщине⁵ как нехарактерные для древностей Волго-Клязминского междуречья; отмечены эти формы и в курганном могильнике у

³ Антропологические определения д. и. н. М. В. Добровольской.

⁴ Гришаков В. В. Керамика финно-угорских племен правобережья Волги в эпоху раннего Средневековья / отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Йошкар-Ола, 1993. С. 123, рис. 14: 4.

⁵ Шмидт Е. А. Курганный могильник у с. Арефино // Смоленские древности. Вып. 4. Смоленск, 2005. С. 84, илл. 9: 3; с. 89, илл. 16: 1.

Рис. 3. Глиняная посуда. 1, 2 – погребение 97; 2, 3 – погребение 87; 4, 5 – погребение 104

д. Плешково Тверского Поволжья⁶. Причем в этом же могильнике имеются аналогии второму сосуду из нашего погребения⁷. Аналогичные формы с веревочным штампом по плечу присутствуют и в Тимерёвских курганах⁸. До недавнего времени эти формы относили к посуде финского происхождения⁹, но исследования последних лет позволяют предположить, что они в той или иной мере встречаются на всей территории Северо-Восточной Руси и это типы, которые не имеют четкой этнической окраски¹⁰, но неким образом маркируют территорию, связанную с распространением курганной обрядности.

Важной для датировки и понимания данного погребения является находка серебряного браслета с завязанными концами. Аналогии ему известны во Владимирских¹¹ и Тимерёвских курганах¹², такой браслет был обнаружен Е.И. Горюновой на Тумовском селище¹³, известны они в могильниках Среднего Поднепровья¹⁴, на Готланде, где датируются X в.¹⁵ В Новгороде найден в слое середины X в. и, по наблюдениям М.В. Седовой, характерен также для погребений и кладов X–XI вв.¹⁶ Два аналогичных браслета были в составе денежно-вещевогоклада с территории Восточного селища в Гнёздово, который датируется второй половиной 40-х–60-ми гг. X в.¹⁷ Широкосрединные перстни с завязанными концами зачастую присутствуют в тех же комплексах, что и браслеты¹⁸. Со скандинавским же кругом

древностей соотносится и находка остатков деревянного сосуда с металлическими обкладками¹⁹.

Таким образом, погребение можно датировать в пределах второй половины X – начала XI в. Погребальный обряд и набор инвентаря позволяют говорить, что данное погребение принадлежит представителю иноэтничного населения. Наиболее близкие аналогии как среди вещей, так и в целом традиции погребального обряда находятся в материалах курганных могильников Ярославского Поволжья и Суздальского Ополя.

В этой части могильника на свободной от грунтовых захоронений территории сгруппировано еще 5 аналогичных комплексов (рис. 1). Вероятно, они имели сходные размеры насыпей, о чем свидетельствуют размеры подкурганных площадок – от 6,8 до 7,8 м. В трех курганах в центре площадок располагалось по одному мужскому захоронению (погребения 87, 92, 95), в одном – женское захоронение (погребение 3). В кургане 4 в центре круглой площадки находилось два захоронения: мужское и женское (погребения 11, 96). Четыре захоронения совершены в ямах стандартного размера и глубиной 20–30 см. Более значительная глубина – до полуметра оказалась характерна для курганов с кольцевидными канавками (погребение 97 и 87). Умершие в четырех случаях ориентированы головой в северном направлении с небольшим отклонением на запад или восток, в трех – на запад. Погребальный инвентарь мужских захоронений достаточно однообразный: топоры типа VIII²⁰, топор-чекан типа I по А.Н. Кирпичникову (рис. 4: 1)²¹, узколезвийные ножи с уступом (рис. 4: 8), калачевидные кресала с язычком (рис. 4: 6), перстневидные височные кольца с завитком, спиральные перстни (рис. 4: 1), лировидные пряжки (рис. 4: 2), пластинчатые браслеты с расширяющимися концами (рис. 4: 4). Таким образом, планиграфия и погребальный материал свидетельствуют, что данные захоронения совершены приблизительно в один промежуток времени и могут датироваться в пределах XI в. В погребении 96 в области шеи и верхней части груди найдено ожерелье, состоящее из стеклянного навитого бисера черного цвета (87 шт.) и многочастных навитых пронизок синего цвета (17 шт.) (рис. 7: 8). Состав ожерелья подтверждает предложенную датировку²².

⁶ Комаров К.И. Раскопки курганного могильника у д. Плешково Тверской области // Археологические статьи и материалы: сб. участников Великой Отечественной войны. Тула, 2002. С. 164, рис. 11, 19, 21.

⁷ Там же. С. 164, рис. 11: 5, 7.

⁸ Мальм В.А. Культовая и бытовая посуда из Ярославских могильников // Ярославское Поволжье X–XI вв. / под ред. А.П. Смирнова М., 1963. С. 46, рис. 25.

⁹ Там же. С. 47.

¹⁰ Макаров Н.А. Суздальское Ополье // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 200, 203, рис. 11: 1.

¹¹ Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 151, рис. 307.

¹² Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Этнокультурная характеристика Тимерёвского могильника по материалам погребального инвентаря // СА. № 2. М., 1987. С. 80, рис. 7: 2.

¹³ Горюнова Е.И. Этническая история Волго-окского междуречья / отв. ред. А.П. Смирнов. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 177, рис. 78: 34.

¹⁴ Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси: каталог. Paris ACHVuz, 2012.

¹⁵ Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands II. Tupentafeiln / Stockholm, 1992. Tafel 140: 3, 4.

¹⁶ Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.) / отв. ред. Б.А. Колчин. М.: Наука, 1981. С. 94, рис. 34: 14.

¹⁷ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. С. 266, рис. 1, табл. 3.

¹⁸ Авдусина С.А. Гнёздовский клад 2001 года // Славяне и иные языки: к юбилею Натальи Германовны Недо-

шивиной / отв. ред. Н.И. Асташова. М., 2014. С. 98, рис. 2, 5, 6; Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Указ. соч. С. 80, рис. 7: 7.

¹⁹ Arbman H. Birka I: Die Gräber. Taffeln. Stockholm, 1940. Taf. 214, 216; Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. Указ. соч. С. 74.

²⁰ Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. М.; Л.: Наука, 1966. С. 30, рис. 6. (САИ; вып. Е1–36).

²¹ Там же. С. 30, рис. 6.

²² Захаров С.Д., Кузина И.Н. Изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков / отв. ред. Н.А. Макаров. Т. 2. М.: Наука, 2008. С. 190–196.

Рис. 4. Вещи из погребения 11

Наряду с подкурганными захоронениями в данной части могильника исследованы и грунтовые погребения, которые свидетельствуют о появлении в начале XI в. в Муромском Поочье нового поселения. Таким является женское погребение 104, парное подкурганному захоронению 97, расположенное в двух метрах от него и ориентированное головой на запад (рис. 1). Набор украшений включал 8 височных колец из цветного металла, три из которых с S-овидными концами (рис. 5: 1), два с полыми бусинами (рис. 5: 2), два с ажурными зернеными бусинами (рис. 5: 3), одно с тремя полыми бусинами (рис. 5: 4) и одно простое. Представленные типы височных колец имеют множество аналогов в славянских памятниках Восточной Европы XI–XIII вв.²³

²³ Левашева В.П. Височные кольца // Очерки истории русской деревни X–XIII вв. М., 1967. С. 16. (Труды ГИМ.

В области шеи расчищено ожерелье из навитого бисера черного цвета, серебростеклянных из тянутой трубочки и золотостеклянных навитых бусин (рис. 5: 14). Также в комплекс входят пластинчатые прямые перстни с прямосрезанными (рис. 5: 12, 13) и широкосрединные с завязанными концами (рис. 5: 7, 10), подвеска-коник (рис. 5: 5) типа XVII по Е. А. Рябинину²⁴. Погребальный инвентарь включал два глиняных сосуда (Рис. 3: 5, 6), в том числе миску

вып. 43); Рябцева С. Древнерусский ювелирный убор: основные тенденции формирования. СПб., 2005. С. 35, 44; Спицын А.А. Указ. соч. С. 139, рис. 130; Седова М.В. Указ. соч. С. 13, рис. 3, 4; Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР / гл. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1982. Табл. XXVII–2.

²⁴ Рябинин Е.А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XV вв. Л.: Наука, 1981. С. 114, табл. XVII, 8. (САИ; вып. Е-60).

Рис. 5. Вещи из погребения 104

на кольцевом поддоне, а также шиферное пряслице (рис. 5: 9) и железный нож (рис. 5: 16).

Для понимания генезиса могильника и этапов формирования новой материальной культуры в регионе интересно рассмотреть материалы из грунтовых захоронений, располагающихся к северу от курганов в западной части могильника. Формирование курганного кладбища на окраине могильника, наличие пустого пространства шириной от 4 до 16 м между грунтовыми захоронениями и курганами свидетельствуют о том, что курганы сооружались тогда, когда грунтовые погребения были выражены на поверхности.

В этой части могильника расположено 35 грунтовых погребений, которые отличаются от более ранних набором вещевого инвентаря и типами украшений, сохраняя при этом характерные для муромы элементы обрядности. Здесь, как в ранней части некрополя, сохраняется рядность и ориентировка погребенных головой на север. Основные украшения, характерные для муромского женского костюма, сохраняя свою форму, типологически отличаются от тех, что были распространены в предшествующий период, часть шумящих украшений уходит из употребления, убор становится беднее, но общая его композиция сохраняется: продолжают бытовать браслетовидные височные кольца «муромского типа», ожерелья из шумящих подвесок, браслеты, перстни, встречаются гривны «глазовского типа», нагрудные бляхи с крышечкой и т.п. В мужских комплексах встречаются проушные топоры типа VIII, салазковидные и пластинчатые кресала, перстневидные височные кольца, пластинчатые узкомассивные браслеты.

В то же время, в этих захоронениях появляются новые типы украшений, в том числе характерные для древнерусских памятников X – начала XI вв. Это крестопорезные бубенчики, «усатые» перстни, широкосредние перстни с завязанными концами, плоские подвески-коньки типа XVII по Е.А.Рябини-ну, распространенные во второй половине X – первой половине XI в., шиферные пряслица. Отличает женский костюм от более раннего обилие бус, в том числе золотостеклянных, из тянутой трубочки лимонovidных желтых, цветных, полосатых и др. В женском погребении 105 найдена круглая скандинавская фибула (рис. 6) типа IIВ по Янссону²⁵. В погребениях Бирки такие броши датируются X в. и сочетаются с парными скорлупообразными фибулами, скрепляющими бретели юбки и расположенными в области груди²⁶. Аналогичные фибулы найдены

²⁵ Jansson J. Grosse Rundspanger // Birka II. Stockholm, 1984. Abb. 9-1.

²⁶ Янссон И., Попутчик М.В., Андрощук Ф. Скандинавская фибула из Винницкой области // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 575; Arbman H. Birka I: Die Gräber. Taffeln. 1940–1943, Upsala. Taf. 71.

Рис. 6. Фибула из погребения 105

в курганах Ярославского Поволжья, в Суздальском Ополе²⁷. В мужских захоронениях появляются калачевидные железные кресала, узколезвиные ножи с уступом, сланцевые оселки, широкосредние перстни с завязанными концами и т.д.

В целом для муромских захоронений второй половины X – начала XI в. характерно наличие инокультурных вещей, но их присутствие скорее говорит о проникновении вещей славянского и общерусского облика вследствие пока еще неустановленных историко-культурных и торговых контактов населения Нижнего Поочья со своими северо-западными соседями.

Несколько иная ситуация складывается после появления здесь нового населения, которое начинает хоронить своих умерших на территории муромского кладбища.

О процессах взаимодействия пришлого и местного населения свидетельствуют захоронения 11 и 96, совершенные под курганной насыпью. В составе женского убора присутствуют браслетовидные височные кольца, традиционные для муромского костюма (рис. 7: 1–7). Процессы уже не просто аккультурации, но, очевидно, и ассимиляции демон-

²⁷ Недошивина Н.Г., Зозуля С.С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С. 185. Рис. 9: 7; Макаров Н.А. Суздальское Ополе // Там же. С. 202. Рис. 9: 3.

Рис. 7. Вещи из погребения 96

Рис. 8. Вещи из погребения 3

стрирует женское захоронение 3, совершенное под курганной насыпью, о наличии которой свидетельствуют три округлые ямы, ограничивающие круглую в плане площадку диаметром 5 м, в центре которой находилась могильная яма (рис. 1). В нем головой на запад погребена женщина, украшения которой демонстрируют синкретический характер ее убора. В нем присутствуют две пары браслето-видных височных колец «муромского типа» (рис. 8: 1–3), на груди – дисковидная нагрудная бляха с крышечкой из тонкой фольги очень архаичного облика (рис. 8: 5). Подобные пережиточные типы блях в Кельгининском могильнике датируются серединой XI в.²⁸ Данные украшения позволяют видеть в этой женщине представителя аборигенного населения. В то же время в ее костюме присутствуют новые виды украшений: на шее ожерелье, состоящее из бус, монетовидных привесок, причем две с чеканным орнаментом в виде креста, 8 дирхемов и 4 западноевропейских денария (рис. 8: 8–19). В комплексе погребального убора также присутствует витой браслет с завязанными концами (рис. 8: 6) и узкопластинчатый прямой перстень с сомкнутыми концами (рис. 8: 4).

Дирхемы, по определению А. А. Гомзина, относятся к династии Саманидов и датируются второй половиной – концом X в., денарии П. Г. Гайдуков²⁹ определил как германские, поздний из которых датируется второй четвертью XI в.

Таким образом, в конце X – начале–середине XI столетия древнерусские колонисты начинают активно осваивать и Муромское Поочье, что вполне согласуется с данными о том, что во второй половине X в. южная часть Владимирского Ополья уже была занята сетью крупных долговременных древнерусских поселений³⁰.

Дальнейший процесс развития подболотьевского общества демонстрируют захоронения с юго-западной ориентировкой, 6 из которых были исследованы в этой части могильника. Два из них (погребения 107, 184) совершены под курганными насыпями (курганы 6, 8), четыре – грунтовые (погребения 4, 5, 76, 128). Направление их ориентировки колеблется в пределах 230°–260° по азимуту. Для всех этих захоронений характерны неглубокие могильные ямы. Глубина четырех погребений от уровня материковой поверхности составляет от

0,03 м до 0,07 м. Одно захоронение совершено на уровне материка. Глубина подкурганного погребения 107 достигает 0,18 м. В погребении 184 расчищено четыре железных гвоздя, скреплявших по углам деревянную конструкцию (гроб?), в которую была помещена погребенная. Форма конструкции, исходя из расположения гвоздей, определяется как прямоугольная с минимальными размерами 0,35 – 0,42×1,5 м.

Рассматриваемые погребения отличаются не только по чертам погребального обряда, но и по планиграфии (рис. 1). Курган с погребением 107 (курган 6) расположен от основного скопления курганов к северу на 6 м, курган с погребением 184 – на 7,5 м к югу. Ямы, составляющие кольцевой ровик кургана 6, прорезают погребение с северной ориентировкой, которое датируется по находкам подковообразной фибулы со спиральными концами, набору складных весов с гирьками и подражанию саманидскому дирхему Насра б. Ахмада второй половиной X в. Еще два грунтовых погребения совершены в межкурганном пространстве и два – к югу от основного скопления подкурганных захоронений. Таким образом, анализ планиграфии позволяет говорить, что это наиболее поздняя группа погребений, исследованных на могильнике.

На основании археологического материала в целом погребения датируются XI – самым началом XII в. В подкурганном погребении 184 расчищено два ожерелья из стеклянных бус. Первое состояло из 23 навитых золотостеклянных бус (рис. 9: 2), второе – из 46 лимоновидных бус из тянутой трубочки с металлической прокладкой (рис. 9: 3). На основании широкого круга аналогий лимоновидные бусы с металлической фольгой датируются XI в., а золотостеклянные навитые бусы – XI – серединой XII в.³¹ В женском погребении 128 в состав ожерелья входили 44 навитые золотостеклянные бусы различных типов. Часть их выполнена из бледно-розового стекла. По наблюдениям исследователей бусы из подобного стекла с серебряной фольгой бытовали в XI – самом начале XII в.³² Из грунтового захоронения 76 происходит двухчастная прямоугольная пряжка с железным язычком. Аналогичные пряжки широко известны на памятниках Восточной Европы XI – первой половины XII в.³³ В этом же погребении найдены два пластинчатых браслета со звериноголовыми концами (рис. 9: 5). Подобные браслеты в курганных древностях Руси датируются XI – началом XII в.³⁴

²⁸ Вихляев В. И., Беговаткин А. А., Зеленцова О. В., Шитов В. Н. Хронология могильников населения I–XIV вв. западной части среднего Поволжья. Саранск: Красный октябрь, 2008. С. 57, 141.

²⁹ Выражаем благодарность П. Г. Гайдукову и А. А. Гомзину за определение монет.

³⁰ Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В. Средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / под ред. Н. А. Макарова и А. Е. Леонтьева. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 123.

³¹ Захаров С. Д., Кузина И. Н. Изделия из стекла и каменные бусы. С. 196, 197.

³² Там же. С. 197.

³³ Зайцева И. Е. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополья // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. С. 367.

³⁴ Седова М. В. Указ. соч. С. 112.

Рис. 9. Вещи из погребения 184

Рассматривая данные захоронения в комплексе с поздними погребениями, исследованными в начале XX в. В. А. Городцовым, в том числе женское захоронение с оловянным крестиком³⁵, можно сделать вывод, что захоронения с юго-западной ориентировкой умерших демонстрируют дальнейшее развитие погребального обряда в XI в. на территории Нижнего Поочья и восприятие новых культурных традиций.

Среди курганных могильников рубежа I–II тыс. н.э. на рассматриваемой территории наиболее изученным и надежно документированным является курганный могильник Тумовского селища, исследованный Е. И. Горюновой в 1947 г.³⁶ Ввиду того, что материалы данных исследований остались неопубликованными, а местонахождение коллекции на настоящий момент не установлено, его анализ возможен только на основе информации, которая представлена в отчете.

³⁵ Городцов В. А. Археологические исследования в окрестностях г. Муром в 1910 году. С. 40–216.

³⁶ Горюнова А. Е. Отчет о работе Муромской экспедиции 1947 года // Архив ИА РАН. Р-1, № 146.

Курганная группа располагалась в 250 м к югу от Тумовского селища на краю надпойменной террасы левого берега р. Илевны. Могильник, по оценке исследовательницы, занимал площадь приблизительно 3,5 тыс. кв. м. Местность распахивалась, поэтому количество курганов неизвестно. На плане Е. И. Горюновой отмечено 23 насыпи, 9 из которых ею были исследованы.

Курганы округлой формы, диаметром 6–7,2 м, высотой 0,45–0,6 м, в четырех случаях в их основании прослежены ровики. Видимо, они были и у других курганов, но не зафиксированы ввиду того, что вскрывалась только сама насыпь, без прилегающей территории.

Погребения совершались в могильных ямах. Встречены как парные захоронения, так и одиночные. Размеры могильных ям парных погребений 2,15–2,5×2,7 м, одиночных 2,1–2,7×1–2,1 м. Глубина 0,4–1 м. Преимущественная ориентировка – юго-западная с небольшим отклонением к западу. Всего исследовано 10 погребений, 7 из которых – групповые в ямах, одно – кремация, а в двух могильных ямах костяков не обнаружено. Во всех случаях,

где зафиксирован костяк, погребенный был положен вытянуто на спине, ориентирован головой на юго-запад, руки согнуты в локтях и положены на таз или живот. В трех погребениях встречены кованые железные гвозди, что может указывать на существование домовин (или гробовин) неясной конструкции с использованием гвоздей.

В кургане 2 зафиксировано трупосожжение. В центре дна могильной ямы была вырыта небольшая ямка размерами 0,5×0,5×0,5 м, в которую были помещены кальцинированные кости с остатками погребального костра. Вещей нет.

В целом находок в погребениях очень мало, они выявлены только в шести захоронениях из десяти. В каждом погребении присутствует от 1 до 5 вещей. В женских захоронениях это стеклянные бусы, височные кольца, перстни, подвеска, нож. В мужских – детали ременной гарнитуры (пряжки, кольца), стеклянные бусы, нож, кресало, кресальный кремь, ювелирный пинцет.

Как отмечалось выше, коллекция предметов в настоящее время недоступна для исследования, поэтому для определения датировки могильника нами использовано описание вещей и их рисунки, приведенные в отчете. В погребении 7 (курган 8) найдена «ажурная серебряная подвеска с извивающимся чудовищем. Ушко имеет изображение человеческого лица»³⁷. Судя по рисунку, Т.А. Пушкина отнесла ее к типу 159 по Петерсену³⁸. По наблюдениям А.С. Дементьевой подобные подвески, относящиеся к так называемому гнёздовскому типу, имели наибольшее распространение на территории Восточной Европы в середине X – первой половине XI в., но изредка встречаются и в комплексах второй половины XI – первой половины XII в.³⁹

В насыпи этого же кургана найдена бочонковидная золотостеклянная бусина, которая датируется по аналогиям XI – первой половиной XII в.⁴⁰ Данные находки, а также наличие кремационного захоронения при преобладании трупоположений в ямах и присутствие безынвентарных захоронений позволяют датировать в целом исследованные погребения концом X – началом XII столетия. Более точная датировка возможна после обнаружения коллекции вещей.

При сравнении двух рассмотренных курганных могильников можно выделить ряд общих и отличительных черт:

³⁷ Там же. С. 27.

³⁸ Пушкина Т.А. Скандинавские находки из окрестностей Муром // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 165.

³⁹ Дементьева А.С. «Подвески гнёздовского типа» на территории Древней Руси X–XIII вв. // Гнёздово: результаты комплексных исследований памятника. М., 2007. С. 230, 231.

⁴⁰ Захаров С.Д., Кузина И.Н. Изделия из стекла и каменные бусы. С. 196, 197.

– наличие курганных ровиков в основании насыпи;

– погребения совершались в могильных ямах;

– в обоих могильниках присутствуют погребения с западной и юго-западной ориентировкой. Но если в Тумовском могильнике представлена только такая ориентировка, то в Подболотьевском могильнике есть подкурганные захоронения с северной ориентировкой;

– присутствие деревянных конструкций скрепленных гвоздями, в которые помещались погребенные;

– по сравнению с материалами Подболотьевского могильника могильные ямы в тумовских курганах больше по размерам, особенно в ширину;

– ни в одном из тумовских погребений не встречены свидетельства наличия заупокойной пищи: глиняные сосуды и кости животных;

– в Подболотьевском могильнике все подкурганные захоронения совершены по обряду ингумации, в то время как в Тумовском могильнике есть одно кремационное захоронение.

Вопрос, какими причинами обусловлены различия между двумя могильниками – хронологическими или культурно-историческими, остается открытым, так как для этого следует более точно определить рамки существования тумовских курганов. Но в то же время, материалы данных могильников свидетельствуют, что курганный обряд погребения появляется на территории Нижнего Поочья в конце X – начале XI в. уже как сложившаяся и сформировавшаяся традиция. Для нее характерно сооружение курганных насыпей над грунтовыми захоронениями в могильных ямах, преимущественно с трупоположением, использование огня в погребальной обрядности и совершении поминальных действий (прослойки угля в курганных ровиках), сооружение кольцевых оградок. Вероятно, эта традиция была принесена в муромский край из Волго-Клязьминского междуречья.

Археологические материалы раскопок Подболотьевского могильника в 2013–2014 гг. демонстрируют процессы взаимодействия пришлого населения с автохтонным. Освоение финскими племенами элементов духовной культуры нашло отражение в существовании синкретического погребального обряда. Дальнейшее развитие данной погребальной традиции XI в. происходит в рамках общих закономерностей на обширных территориях Древнерусского государства – исключительно западная ориентировка, ингумационные захоронения в грунтовых ямах, отсутствие вещевого инвентаря. При этом сохраняются некоторые элементы финского погребального обряда – использование огня, сооружение кольцевых оградок. Все это свидетельствует об углублении процессов ассимиляции населения Нижнего Поочья и формировании новых культурных традиций.

Summary

O. V. Zelentsova, S. I. Milovanov

A Barrow's Funeral Rite in Nizhnee Poochye in Middle Ages

The article considers the materials of the most relevant researches of the Podbolotyevskiy cemetery on the territory of which in 2012–2014 apart from the ground burials nine under barrow burials of the 11th – the beginning of the 12th cc. were studied. The results of the excavation works of 1947 of the Tumovskiy barrow cemetery are also brought here. The materials of these cemeteries testify that the barrow's funeral rite appeared on the territory of Nizhnee Poochye at the end of the 10th – the beginning of the 11th cc. as already an existing and formed tradition. The construction of barrow mounds over the ground burials in bone chambers, mostly with corpse positioning, use of fire in bur-

ial ritualism and executing funeral activities (the layer of coal in barrow pits) and the building of ring fences are distinctive features for this tradition. Probably, it was brought into the Murom Region by ancient Russian colonists from the Volga-Klyazma interfluve.

Archaeological materials of the excavation works of the Podbolotyevskiy cemetery have allowed tracing the processes of the interaction between alien population and Finnish Murom tribes having lived on these territories until the Slavs arrived. The assimilation of the elements of spiritual culture by the Finnish tribes has been embodied in the existence of the syncretistic funeral rite.

Хронология болгарских селищ конца X–XIII в. в Западном Закамье (по материалам исследований 1992–2011 гг.)

Вопросы хронологии болгарских древностей неоднократно поднимались в археологической литературе на протяжении всей истории их изучения. С конца XIX и до начала XX в. материальная культура Волжской Булгарии рассматривалась без деления на какие-либо хронологические периоды, что хорошо видно по немногочисленным археологическим работам этого времени, в частности статьям казанского коллекционера А. Ф. Лихачева¹. С началом профессиональных стационарных раскопок болгарских памятников в 40-х–50-х гг. XX в. ситуация стала меняться, хотя в целом, как отмечал выдающийся археолог-булгаровед А. П. Смирнов, проблема датирования оставалась весьма острой². С накоплением археологического материала во второй половине XX в. обозначилось деление средневековых болгарских древностей на три периода: раннеболгарский (вторая половина VIII – первая половина X в.)³, домонгольский (вторая половина X – начало XIII в.) и золотоордынский (вторая половина XIII–XIV в.).

Если рассматривать определяющие для разработки хронологии болгарских древностей X–XIII вв. категории памятников, использовавшиеся казанскими археологами в этот период, то на первом месте будут городища, затем могильники и на последнем – селища. Информативность их различна. Если раннеболгарские языческие могильники дали возможность разработать детальную хронологию для периода

IX – первой трети X в.⁴, то для последующих периодов эта возможность уменьшилась, и безынвентарные мусульманские захоронения в этом отношении проанализированы недостаточно. Болгарские городища с большой стратиграфической шкалой немногочисленны, при этом сохранность слоев различна, что создает определенные трудности при анализе находок.

Сложилось так, что наименее исследованными памятниками болгарского периода в XX в. были селища. Несмотря на их численное преобладание, они изучались лишь эпизодически. Первый шаг в изучении селищ был сделан В. Ф. Генингом, начавшим в конце 1950-х гг. исследования Рождественского археологического комплекса⁵. Многообещающие данные, полученные при анализе раскопочных материалов по узкой датировке болгарских древностей этого комплекса, к сожалению, не получили продолжения в исследованиях казанских археологов.

Небольшие раскопки селищ, которые проводила Т. А. Хлебникова в 1960-х гг., давшие очень интересные материалы, в большинстве случаев так и остались неопубликованными или были описаны очень кратко в статьях и монографии⁶. Разные подходы казанских и чувашских исследователей к интерпретации и датировке памятников не позволили в полной мере привлечь к анализу материалы раскопок болгарских селищ в Чувашии⁷.

⁴ Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.

⁵ Генинг В. Ф., Стоянов В. Е., Хлебникова Т. А., Вайнер И. С., Казаков Е. П., Валеев Р. К. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань: зд-во ун-та, 1962. С. 51–79.

⁶ Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X – начала XIII в. // МИА. 1962. № 111. С. 93–152; Её же. Керамика памятников Волжской Булгарии. К вопросу об этнокультурном составе населения. М.: Наука, 1984. С. 74–85.

⁷ Руденко К. А. Материальная культура болгарских селищ низовий Камы XI–XIV вв. Казань: Школа, 2001. С. 16–17; Фахрутдинов Р. Г. О степени заселенности булгарами

¹ Руденко К. А. Творческая лаборатория А. Ф. Лихачева: от коллекционера к ученому // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер.: Гуманит. науки. Казань, 2012. Т. 154, кн. 3. С. 187–198.

² Смирнов А. П. Волжские болгары. М.: Изд-во ГИМ, 1951. С. 4.

³ Казаков Е. П. Об археологическом изучении раннеболгарского периода // Новое в археологии и этнографии Татарии / отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: КФАН СССР, 1982. С. 29–37.

Рис. 1. Схема расположения болгарских селищ в нижнем течении Камы. 1 – Лаишевское; 2 – Мурзихинское; 3 – VI Алексеевское; 4 – Остолоповское селища

Научный потенциал болгарских селищ в отношении хронологии был раскрыт в 1970-х – 2000-х гг. Е. П. Казаковым, который проводил охранно-спасательные работы на одном из болгарских поселений – Измерском селище в Спасском районе Республики Татарстан и сборы подъемного материала на расположенных в этом микрорегионе других селищах, в первую очередь, на I Семеновском⁸. Эти исследования показали, что ключом к изысканиям по уточнению болгарской хронологии XI–XIV вв. (периода, когда болгарские погребальные памятники уже не предоставляют узкие датировки, поскольку в мусульманских погребениях этого времени перестали помещаться вещи) могут быть болгарские селища.

То, что делало селища длительное время малопривлекательными для археологов по сравнению с городищами – тонкий культурный слой, относительно малое количество материала, его рассредоточенность и бедность индивидуальными находками, – оказалось большим преимуществом в решении конкретных археологических задач, в частности вопросов хронологии. Впрочем, обсуждения этих проблем в казанской археологии 1990-х и 2000-х гг. практически не было, поскольку основной дискурс касался других сюжетов, например, границ болгарского государства, особенностей и специфики городской культуры и т. п.

Материалы исследований селищ в низовьях р. Камы и ее притоков Брыссы, Меши, Архаровки (Лаишевского, Мурзихинского, Остолоповского, Песчаноостровного, VI Алексеевского селищ)⁹ (рис. 1) во второй половине 90-х годов XX в. и первого десятилетия XXI в., продолжившие тематику исследований болгарских селищ, начатую Е. П. Казаковым, принципиально не изменили общую хронологию, но существенно уточнили видение проблем датирования и выявили ряд существенных моментов, например, массовое распространение южносибирских (аскизских) предметов, их реплик и подражаний им как в болгарских древностях, так и в целом в Волго-Камье с XI до конца XII в.¹⁰

территории современной Чувашской АССР // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья / отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: ИЯЛИ КФАН СССР, 1971. С. 175–201.

⁸ Казаков Е. П. Булгарское село X – начала XIII века низовьев Камы. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1991. С. 15–20.

⁹ Предварительные итоги исследований были опубликованы: Руденко К. А. Исследования селища и могильника Песчаный остров (Алексеевского у дамбы) в Татарии в 1993–94 гг. // Материалы и исследования по археологии Поволжья / отв. ред. Ю. А. Зеленева, Г. А. Фёдоров-Давыдов. Йошкар-Ола, 1998. Вып. 1. С. 60–71; Руденко К. А. Остров Мурзиха и его окрестности: хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.): опыт микрорегионального исследования: каталог археологических коллекций НМ РТ. Казань: Школа, 2002. С. 33–47.

¹⁰ Руденко К. А. Аскизская проблема: Восток и Запад // Вопросы истории Сибири. Вып. 9: сб. науч. ст. па-

К сожалению, полностью изучить эти поселения раскопками (за исключением Песчаноостровного селища конца XIII – начала XIV в.) не было возможности, поскольку часть их была уже безвозвратно утрачена из-за размыва культурного слоя Куйбышевским водохранилищем. Материалы раскопок показали, что, как правило, исследователями вскрывался участок поселения, использовавшийся небольшой промежуток времени в пределах одного столетия (при учете самых широких рамок бытования предметов), а в реальности, скорее всего, и того меньше. Это получалось в результате экстенсивного территориального роста поселения, что характерно именно для селищ¹¹. Сами изученные селища функционировали, в целом, по историческим меркам также недолго – от 100 до 150 лет.

Вторым важным моментом было наличие на ряде исследованных селищ четкой стратиграфии. Если Измерское и Мурзихинское селища – памятники однослойные, то Остолоповское имеет несколько стратиграфических слоев, связанных с историческими этапами существования этого поселения (возникновение, развитие, разрушение, восстановление, запустение). Кроме того, эта ситуация зафиксирована и планиграфически¹² (рис. 2). VI Алексеевское селище – памятник однослойный, но с несколькими стратиграфическими горизонтами.

При разработке общей хронологии этих памятников мы использовали локальные датировки материалов отдельных поселений. На VI Алексеевском селище в основе хронологического членения артефактов было положено сопоставление керамического и вещевого комплексов из закрытых объектов (ям и сооружений) и культурного слоя, что позволило не только установить взаимосвязь между периодами вторичного заполнения близлежащих объектов, но и определить датирующие элементы материальной культуры, характерные для этого поселения в период XI–XII вв.¹³

На Мурзихинском и Лаишевском селищах из-за разрушения верхних слоев культурного слоя и уничтожения его в результате размыва использовалась корреляция между комплексами из сохранившихся сооружений по круговой, лепной и подправленной на круге керамике, а также индивиду-

мья В. А. Могильникова / отв. ред. Е. М. Данченко. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. С. 172–181.

¹¹ Руденко К. А. История археологического изучения Волжской Булгарии (X – начало XIII в.). Казань: Школа, 2014. С. 183–184.

¹² Руденко К. А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища в Алексеевском районе Республики Татарстан // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 123–145.

¹³ Руденко К. А. VI Алексеевское селище. Казань: Репер, 2000. С. 33–40.

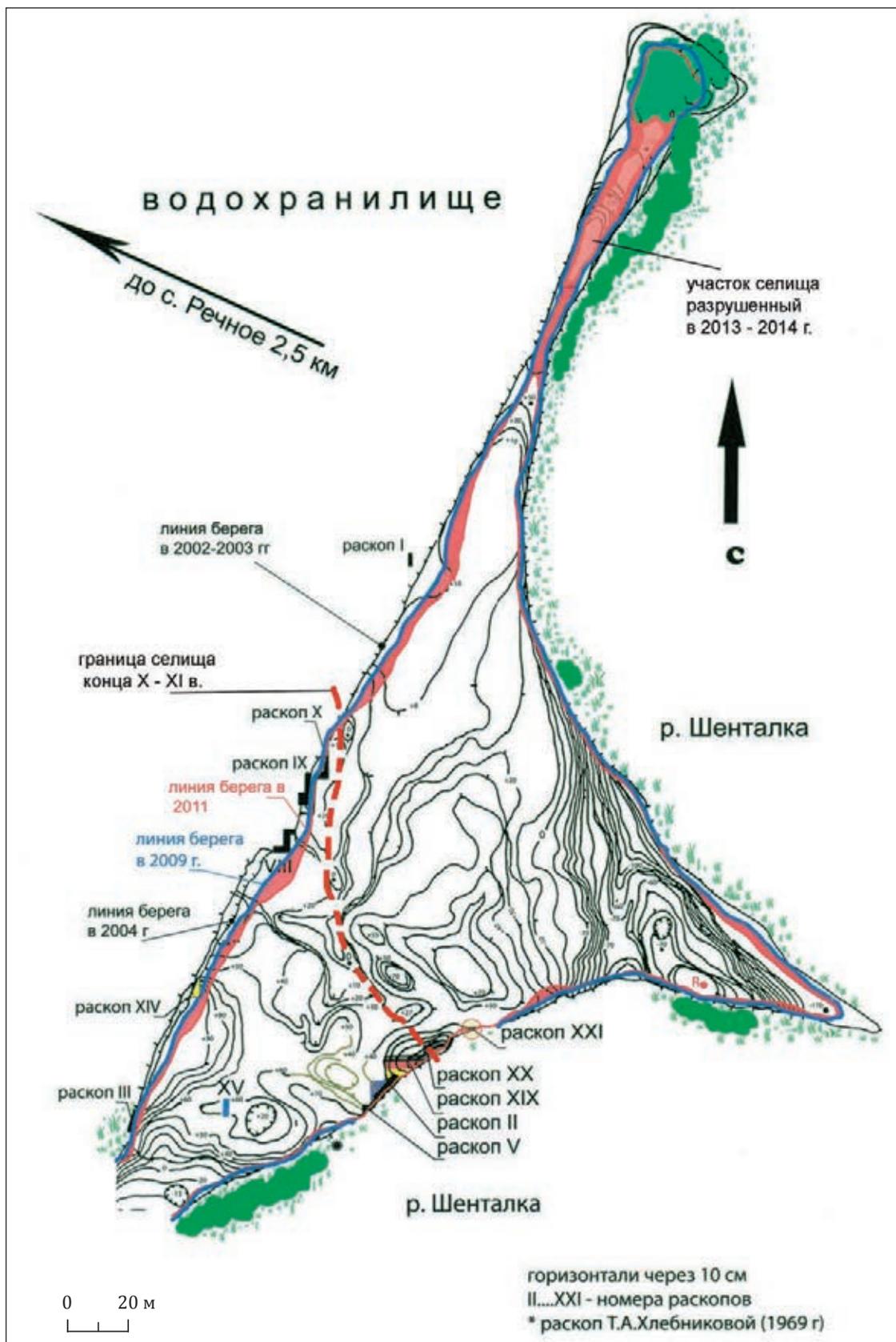

Рис. 2. План Остолоповского селища

альным находкам¹⁴. Выяснилось, что на этих памятниках имеется серия близких керамических форм подправленной на круге керамики (тип «джукетау») с характерными элементами формовки и декора (рис. 16: 69), выполненными, вероятно, в одной мастерской, обеспечивавшей продукцией небольшую округу в малый промежуток времени, включая и близлежащие городища, например, Кашан I. Кроме того, в культурном слое и объектах были зафиксированы характерные древнерусские сосуды с примесью дресвы в тесте и с оттисками штампа и подражания им на всех памятниках (как целые формы, так и фрагменты) в синхронных сооружениях и слоях (рис. 16: 5, 34). Это позволило установить тесную связь археологических комплексов XI – первой-второй трети XII в. памятников Мурзихинско-Курналинского микрорегиона между собой и синхронизировать их¹⁵.

Базовым памятником было Остолоповское селище в Алексеевском районе Республики Татарстан, стационарно исследованное впервые Т.А.Хлебниковой в 1960-х гг. и К.А.Руденко в 1997–2009 гг. Т.А.Хлебникова считала, что Остолоповское селище возникло на рубеже IX–X вв., Е.П.Казаков – что во второй половине X в. Раскопки 90-х гг. XX в. и начала XXI в. дали материал для корректировки этих выводов. Анализ закрытых комплексов и послыное изучение находок из культурного слоя позволили выявить характерный для каждого из слоев набор предметов быта и вооружения (рис. 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9). Выяснилось, что исследованная нами часть Остолоповского селища датируется в рамках рубежа X–XI – начала первой половины XII в. Причем большинство исследованных построек в северо-восточной части селища были возведены в первой половине XII в., а в юго-западной – в XI в.¹⁶ (рис. 2).

На селище было выделено 5 слоев (территория его не распаивалась; здесь были зафиксированы следы только одной постройки XX в.), отличающихся плотностью, цветом и составом находок. I слой – дерн и поддерновый слой. II слой (темно-серая супесь), отложившийся в период запустения и финальной стадии существования поселения, относится к трем четвертям XII в. (примерно 1110-е–1170-е гг.). Ко II слою и верхнему горизонту III слоя относятся дневные уровни 7 исследованных сооружений (начало XII в.; вторичное исполь-

зование – середина, вторая половина XII в.) и два очага, вероятно, от наземных домов. Отметим, что наземные жилые постройки зафиксированы только в этом слое и только в южной части селища. Из вещевого комплекса для этих слоев характерны детали двухцилиндровых навесных замков и ключей от них (тип В по Б.А.Колчину) (рис. 3: 10–12; 4: 14; 9: 6–9), овального кресала (рис. 4: 22), железных уздечных и портупейных накладок (рис. 4: 15, 16; 9: 18) и пряжек (рис. 9: 13), колчанного крючка (рис. 3: 20). К рубежу II и III слоев относится находка свинцового конического грузика из клада таких изделий, обнаруженного на селище (рис. 4: 1).

Слой III (серая супесь) – период стабильного развития поселения, прерванного в результате разгрома и пожара (IIIa – прослойка светло-серой золы с находками костяных и железных наконечников стрел (рис. 9: 14–16), железных пластин от доспеха (рис. 8: 6; 9: 17), кольчужных колец и т.п.), кратковременного запустения и начала использования юго-западной части селища для сброса мусора из построек на вновь отстроенной части селища к северу–северо-востоку от заброшенной территории. Датируется этот слой второй половиной XI – началом XII в. (примерно 1050–1100 гг.). К нему относятся дневные уровни 23 объектов (начало постройки и функционирование: вторая половина XI – начало XII в.; использование вторично, для сброса мусора: 70-е гг. XI – 40-е гг. XII в.). Для этого слоя характерны железные одноцилиндровые навесные замки «болгарского типа» (рис. 5: 20; 8: 9, 20, 21), железные плоские пряжки и накладки – реплики аскизских изделий (рис. 5: 1, 2, 4; 8: 3). Дополнительные данные, уточнившие датировку слоя, получены по результатам анализа по С14 обгоревшей половицы одного из жилищ.

Слои IV (светло-серая супесь) и V (погребенная почва) на ряде участков – нижний горизонт III слоя – период освоения данной территории и быстрого развития поселения. Датируется IV слой XI в. К этому слою относятся дневные уровни 26 объектов, функционировавшие с первых десятилетий XI в. и прошедшие свой жизненный цикл в рамках этого столетия. В этом слое встречаются также замки «болгарского типа» (рис. 6: 15), железные пряжки и накладки (рис. 6: 1, 2; 7: 1, 2), фрагменты кресал с бронзовыми рукоятями (рис. 6: 7), стеклянные глазчатые бусины, бронзовые бубенчики (рис. 6: 4) и свинцовые амулеты (рис. 6: 3). Слой IV был дополнительно датирован находкой в культурном слое литой подвески, сделанной по оттиску дирхема конца X в. Не исключено, что освоение этой части территории селища происходило с конца X в., однако явных находок этого времени, кроме артефактов из подъемного материала, не выявлено.

V слой – погребенная почва, верхний горизонт которой частично переработан в результате хозяйственной деятельности населения селища.

¹⁴ Руденко К. А. Остров «Мурзиха» ... С. 38–43; Его же. К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI–XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья: материалы Международного полевого симпозиума / отв. ред. М. Г. Иванова. Ижевск; Глазов, 1999. С. 73–102.

¹⁵ Руденко К. А. Остров «Мурзиха» ... С. 69–91; табл. М-1, М-2, М-3.

¹⁶ Руденко К. А. О некоторых итогах исследования Остолоповского селища ... С. 126, 140–141, табл. 1.

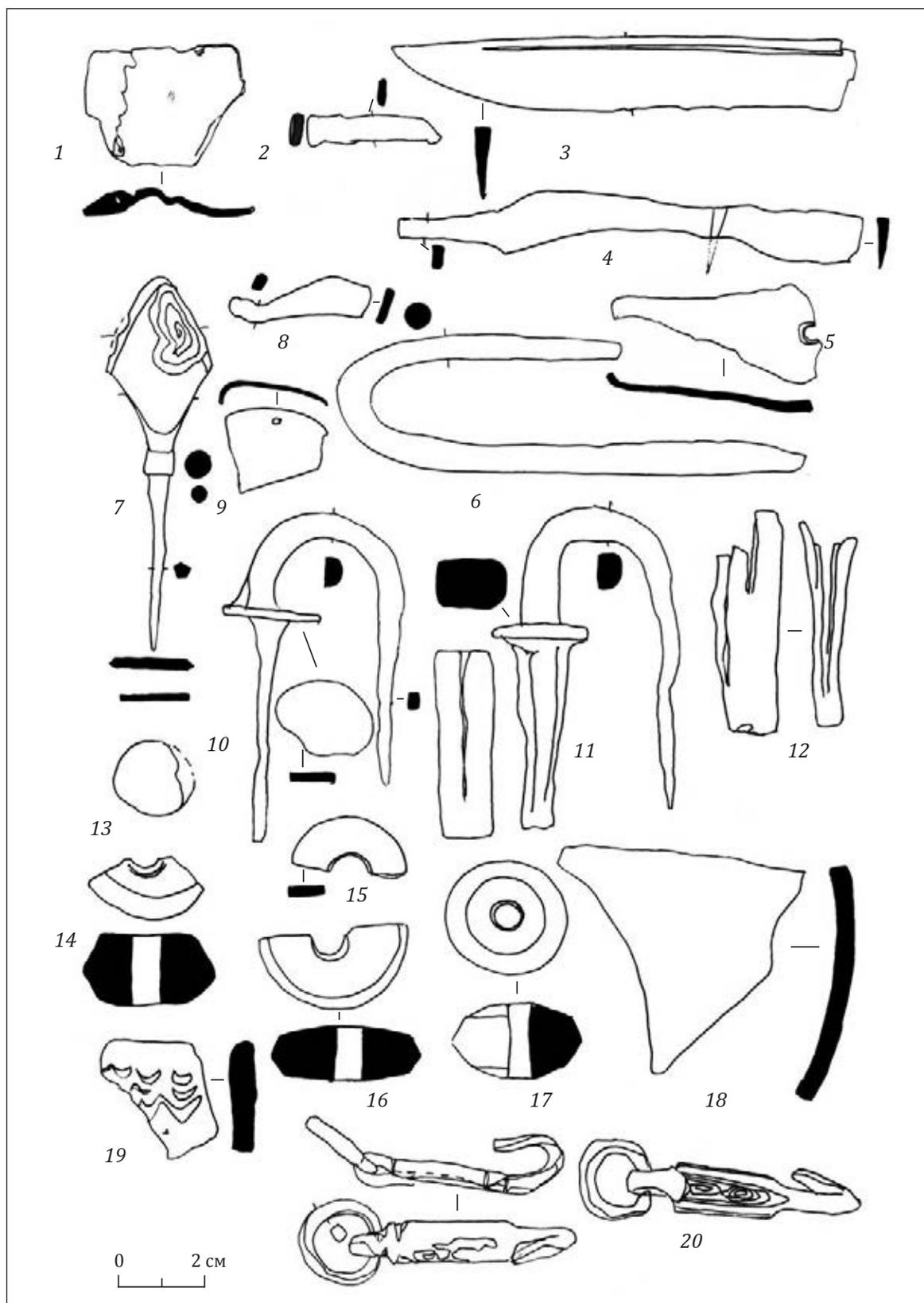

Рис. 3. Остолоповское селище. Раскоп XX. Слои II–III. Индивидуальные находки. 5, 12, 16 – второй пласт; 4 – четвертый пласт; остальные – первый пласт. 1 – медь; 2–12, 20 – железо; 13, 14, 16–19 – керамика; 15 – камень

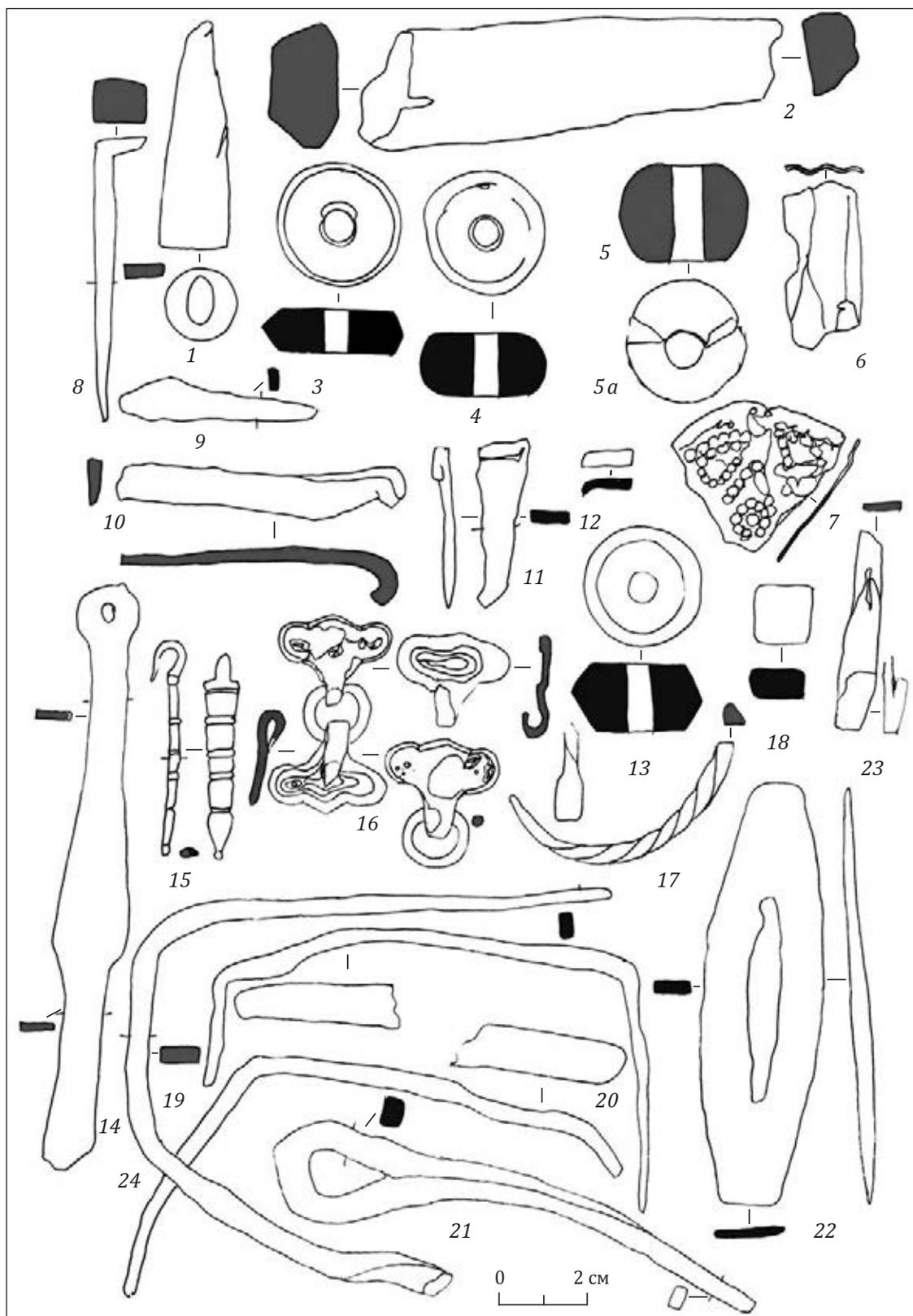

Рис. 4. Остолоповское селище. Раскоп XXI. Слой II (1 и 2 пласт). Индивидуальные находки.
 1 – свинец; 6, 7 – медь; 2 – окаменевшее дерево; 3, 4, 5, 13 – глина; остальное – железо.
 1–5 – пласт 1; остальные – пласт 2

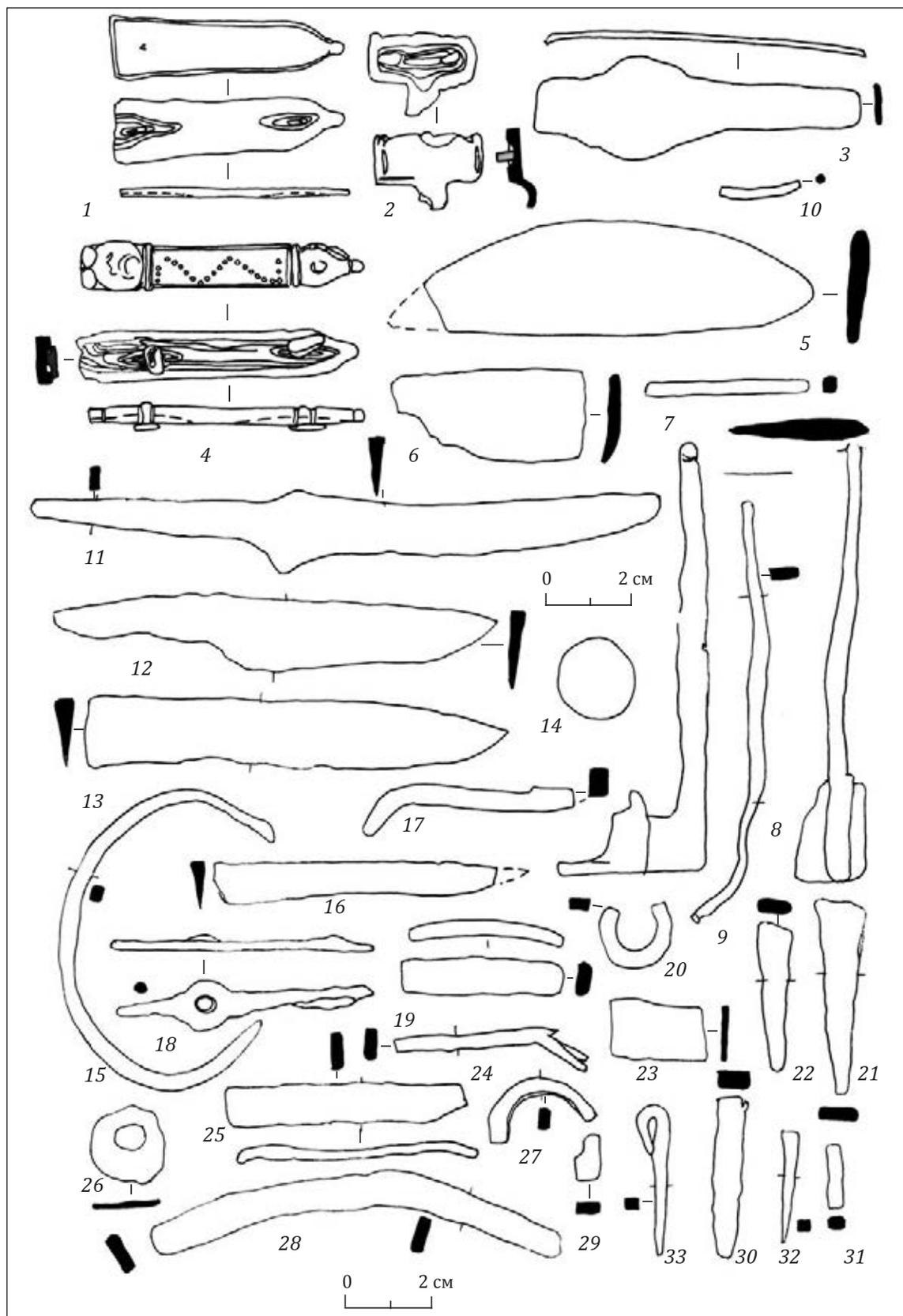

Рис. 5. Остолоповское селище. Раскоп XX. Слой II (пласт 2).
Индивидуальные находки. 5 – кость, остальное – железо

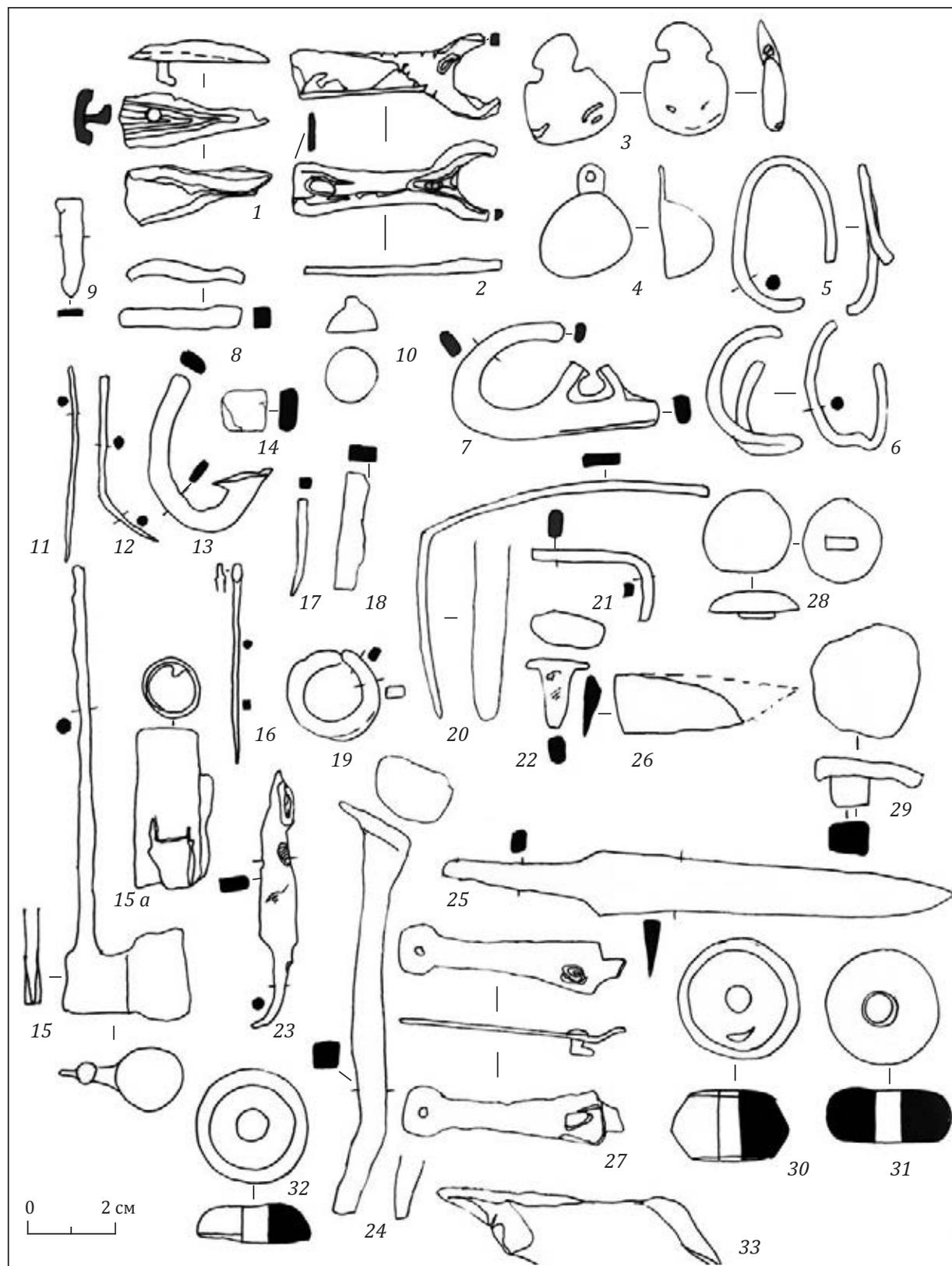

Рис. 6. Остолоповское селище. Раскоп XX. Слои III–IV (пласт 3 и 4). Индивидуальные находки.
 8–15а, 31, 34 – пласт 4; остальное – пласт 3. 3 – свинец, 4–7 – бронза; 32 – шифер;
 30, 31 – глина; 33 – окаменевшее дерево; остальное – железо

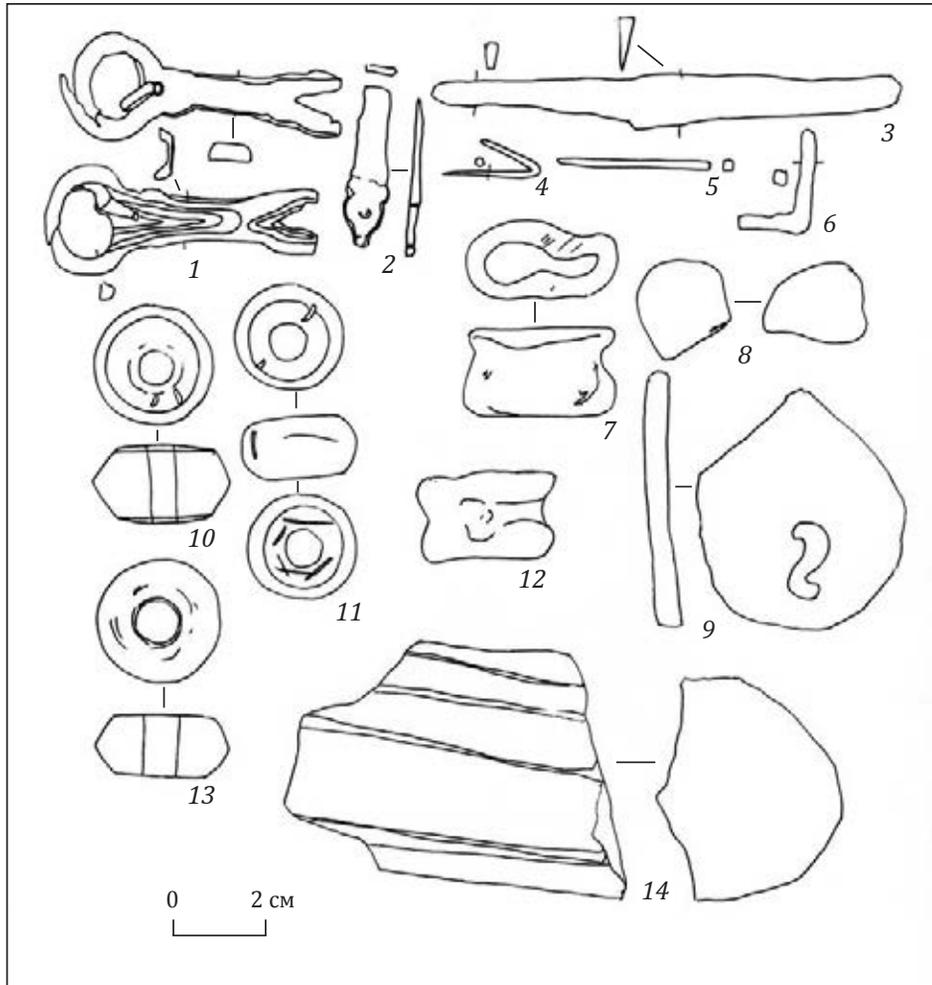

Рис. 7. Остолоповское селище. Раскоп XXI. Слой III (пласт 3).
Индивидуальные находки (12, 13 – яма 1). 9, 10, 12, 13 – глина;
7, 12 – кость; 14 – окаменевшее дерево; остальное – железо

Для корректировки полученных данных материалы раскопок были сопоставлены с находками из подъемного материала, собиравшегося на протяжении сезонов 1997–2009 гг. и фиксировавшимися в течение нескольких лет вместе с разрушенными в результате размыва объектами на общем плане памятника.

Полученные материалы из раскопок вышеперечисленных селищ относятся к концу X – последней трети XII в. Время их существования, в целом, может быть несколько шире, но не ранее последней трети X и начала XIII в. Рассмотрим наиболее характерные для всех селищ артефакты, характеризующие этапы их развития. Мы не описываем здесь керамический материал, поскольку предварительный сопоставительный анализ был проведен ранее¹⁷ и дальнейшая разработка этой темы требует специального

исследования. Отметим только, что керамические комплексы наибольшую близость обнаруживают в ассортименте круговой посуды (рис. 16); типологически более разнообразны сосуды типа «джукетау» (по Т.А.Хлебниковой) – формы их имеют достаточное своеобразие на разных селищах (рис. 16: 16–19, 23–27, 65–69); керамика с примесью толченой раковины (рис. 16: 14, 15) немногочисленна. Железные наконечники стрел были изучены в отдельной работе¹⁸ и здесь не анализируются.

Наиболее стабильной и хронологически определимой частью изделий являются металлические ременные накладки, браслеты, перстни и височные кольца. Самый ранний комплекс находок характеризуется серебряными накладками в виде трилистни-

¹⁷ Руденко К.А. Остров Мурзиха ... С. 82–102, табл. 0.

¹⁸ Руденко К.А. Железные наконечники стрел VIII–XV вв. из Волжской Булгарии: исследование и каталог. Казань: Заман, 2003.

ка (рис. 11: 12–15) и его разновидностями (рис. 11: 35), а также бронзовыми пряжками (рис. 11: 5, 6). Он относится к рубежу X–XI – середине XI в. и уходит своими истоками в украшения салтово-маяцкого круга¹⁹. Подобные накладки имеют широкое распространение не только на Средней Волге, они известны и в материалах древнерусских селищ²⁰. Синхронными им являются многочисленные украшения костюма, широко распространенные на памятниках поволжских и пермских финнов, а также населения Северо-Востока Руси (рис. 10: 49–55). Встречаются в это время и единичные славянские украшения, в частности, височные кольца: вятические, радимичские, новгородских словен²¹. В этот же период они известны и с селищ приустьевой части Камы и крупных болгарских городищ²².

Во второй половине и особенно в конце XI в. на болгарских памятниках, а с начала XII в. и на сопредельных территориях (Прикамье, Причье)²³ распространяются железные украшения конской упряжи и поясного набора, связанные с древностями Южной Сибири²⁴ (рис. 13: 4–14, 16–56). Синхронны им бронзовые лировидные пряжки с узкой рамкой (рис. 11: 8), литые накладки с фигурным краем (рис. 11: 24) и стержневидные псалии (рис. 15: 11, 12). Последние бытовали, видимо, незначительный отрезок времени и в начале XII в. уже не встречаются.

В первой половине XII в. бытуют железные пряжки с рамкой лировидных очертаний (рис. 13: 12–14), а также идентичные им бронзовые (рис. 11: 31); близки им железные цельнорамчатые пряжки (рис. 13: 9, 10, 14). Дальнейшее развитие лировидных пряжек ведет к увеличению приемной рамки и появлению специфических форм изделий, характер-

ных для Прикамья (рис. 11: 9). Показательна бронзовая пряжка, отлитая по восковой модели и украшенная узором из накладных жгутиков (рис. 11: 10). Такой способ украшения был широко распространен в IX–XIII вв. у поволжских и прикамских финнов, а также у славян в конце X – начале XI и до XII в. В Волжской Булгарии этот способ орнаментации распространяется в XII в.

Железная ременная гарнитура (рис. 13) является хорошим датирующим материалом. Если в IX–X вв. встречаются, как правило, небольшие цельнорамчатые пряжки (рис. 13: 1), то начиная со второй половины XI в. и до конца XII в. бытуют как цельнощитковые, так и шарнирные пряжки иной формы и конструкции (рис. 13: 8–14, 16–21). Наиболее характерна для XII в. пряжка с луковичеобразной рамкой, подвижно соединенной с прямоугольным сплошным щитком с сосковидным завершением (рис. 13: 19, 20, 22). Встречаются, хотя и нечасто, такие пряжки на памятниках XII в. у мордвы, удмуртов и марийцев. Один комплекс с ними составляют железные накладки квадратной, очковидной и подпрямоугольной форм с прикрепленным снизу железным колечком (рис. 13: 29–32), а также прямоугольные накладки без кольца (рис. 13: 56). В материалах начала-середины XIII в. такие находки неизвестны. Прототипами их были южносибирские изделия аскизской культуры. Можно считать, что эти предметы в рассматриваемом регионе являются своего рода хронологическим репером для периода второй половины XI–XII в.²⁵ Как показали исследования этой категории артефактов, данный тезис может быть распространен на всю территорию Булгарии.

Стоит отметить, что в данном случае имеются в виду не все пряжки, сделанные из железа – например, подпружные пряжки универсальной формы использовались очень долго (рис. 13: 1, 2). Кроме того, в конце XIII в. появляется и бытует, видимо, весь XIV в. железная ременная гарнитура иных типов и иных истоков – круглые накладки в виде многолепестковой розетки (рис. 13: 58–63).

Из ювелирных украшений характерными для конца XI – начала XIII в. являются височные кольца – трехбусинные серебряные или золотые без подвесок (рис. 10: 4, 6), а также серебряные заколки с полусферической головкой со сканой каймой (рис. 10: 8). Последние бытуют до конца XIII в. и появляются не ранее XII в. Также отметим плетенные из серебряной проволоки браслеты (рис. 10: 36), перстни с гравировкой и чернением (рис. 10: 24–29). Они появляются на селищах в XI в. и бытуют до XIII в.; перстни со схематическим рисунком (рис. 10: 29) встречаются чаще всего в XIII в. Также

¹⁹ Гаврилина Л. М. Металлические украшения сбруи из кочевнического погребения X в. Нижнего Поволжья // *Материалы по археологии Калмыкии* / отв. ред. Е. В. Цуцкин. Элиста: Калмыцкий ИОН АН СССР, 1991. С. 155.

²⁰ Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т.* / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. С. 90, 95, рис. 77: 5; 85.

²¹ Руденко К. А. Находки русских вещей на болгарских негородских поселениях низовьев Камы // *Памятники истории и культуры Верхнего Поволжья: тезисы* / отв. ред. Ф. В. Васильев. Н. Новгород, 1992. С. 110.

²² Полубояринова М. Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. С. 29.

²³ Иванова М. Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI–XIII вв. Ижевск, 1992; Архипов Г. А. Марийцы XII–XIII вв. Йошкар-Ола, 1986; Гришаков В. В. Два погребения с саблями из Мордовско-Паркинского могильника // *Археологические исследования в Окско-Сурском междуречье*. Саранск, 1992. С. 109–114.

²⁴ Кызласов И. Л. Аскизская культура Южной Сибири X–XIV вв. / отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1983. (САИ; вып. ЕЗ-18); Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. Изделия аскизского круга в Среднем Поволжье: исследование и каталог. Казань: Заман, 2001. С. 69–70.

²⁵ Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XIV вв. ... С. 71–75.

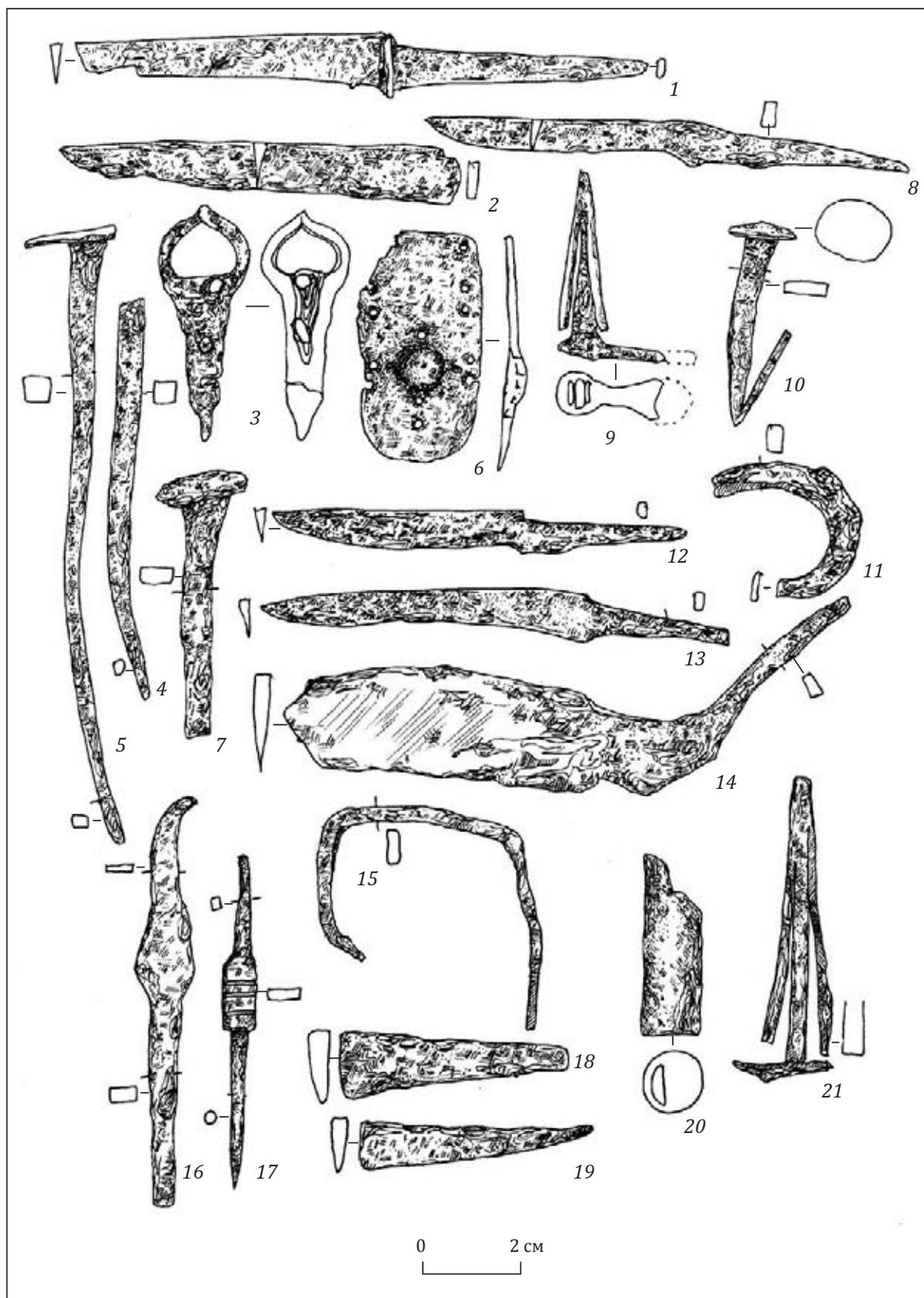

Рис. 8. Остолоповское селище. Железные изделия из раскопов VI (14-21), VIII (1-5, 8, 9), IX (6, 7), XII (10-13)

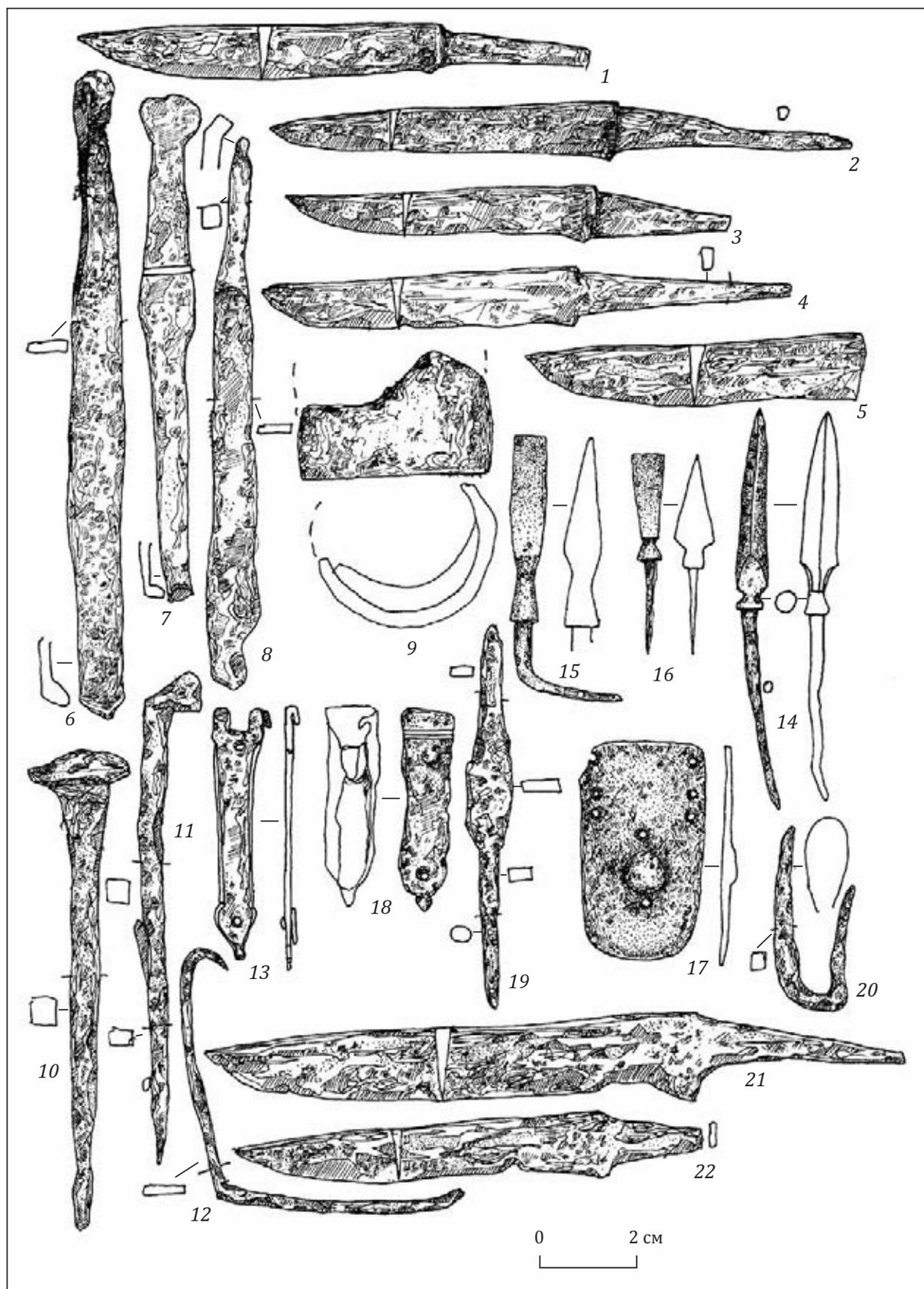

Рис. 9. Остолоповское селище. Железные изделия из раскопов I–III (1–14), IV (15–22)

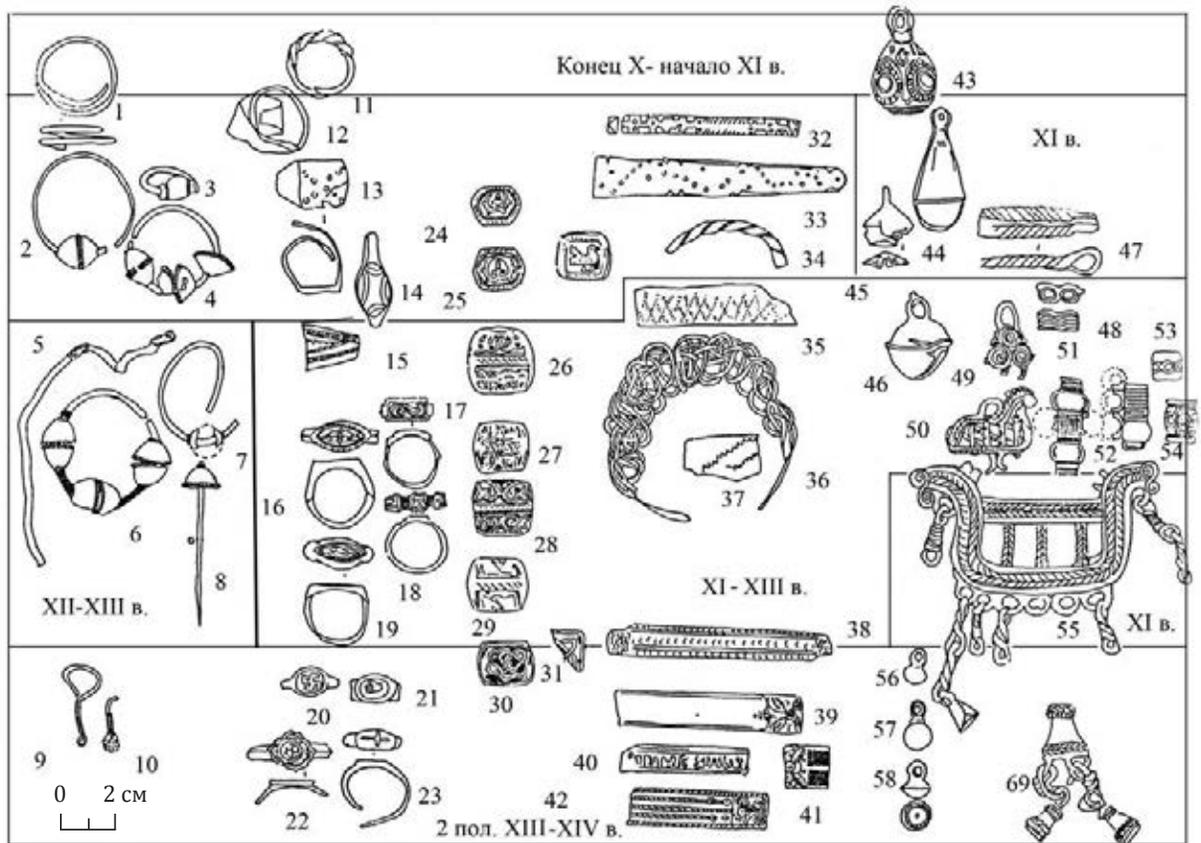

Рис. 10. Украшения и бытовые предметы. Селища: Чакма – 4, 5, 7, 9, 10, 12–23, 33–35, 37–40, 41, 45, 46, 50, 53–54, 56–59; Мурзихинское – 2, 7, 11, 24–31, 44, 49, 51, 59; VI Алексеевское – 1, 3, 32, 43; Рождественское – 6, 8; Посадки 1 – 38; Степное озеро – 39; IV Старокуйбышевское – 36; Алексеевское – 55; Серебрячихинские находки – 52; Лаишевское I местонахождение – 43. 6, 8, 9, 24–31, 36, 50 – серебро; 16–19, 21, 22 – свинцово-оловянистый сплав; остальное – бронза и медь

в XIII в. начинают использоваться литые перстни из свинцово-оловянистого сплава (рис.10: 16–19), шире распространившиеся в XIV в.

Для селищ рассматриваемого региона выделяется типичный набор серебряных женских украшений костюма XI–XII вв. Это плетеные браслеты (рис.10: 36), черненые перстни (рис.10: 24–28) и трехбусинные височные кольца (рис.10: 5, 6). Данный комплекс изделий был наиболее распространен во второй четверти XII в. Характерным для XII – начала XIII в. следует считать серебряные с чернью перстни²⁶ (рис. 10: 26–28). На рубеже XII–XIII и весь XIII в. могли бытовать перстни с рисунком в виде плетенки (рис. 10: 30). Характерная черта композиции на черненых перстнях второй половины XII в. – деление поля щитка на две симметричные части, заполненные стилизованными вариантами растительного орнамента (рис. 10: 24–31). Изредка в материалах этого

²⁶ Руденко К.А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. Казань: Заман, 2015. С. 50–71.

времени встречаются находки медных височных колечек, покрытых золотой фольгой²⁷ (рис. 10: 5).

В XII в. разнообразие бронзовых и медных ремennых накладок, пряжек, привесок-пуговиц, височных колечек и подвесок сходит на нет. Прослеживается тенденция к увеличению размеров накладок к концу XI – началу XII в. (рис. 11: 23). В XII–XIII вв. бытует и довольно специфичный поясной набор, состоящий из фигурно-прорезных накладок (рис.11: 26) и подпрямоугольных с рельефным орнаментом накладок, чаще встречающихся в XIII и даже в XIV в. (рис. 11: 25).

С рубежа XI–XII и до середины или конца XII в. наблюдается увеличение в составе находок пермско-финских элементов украшения костюма, аналогии которым есть у древней карелы, перми вычегодской, частично – в удмуртских и марийских памятниках XII–XIII вв. Это бронзовые бусы, пронизки и привески: зооморфные, спиралевидные, труб-

²⁷ Там же. С. 504, кат. № 407.

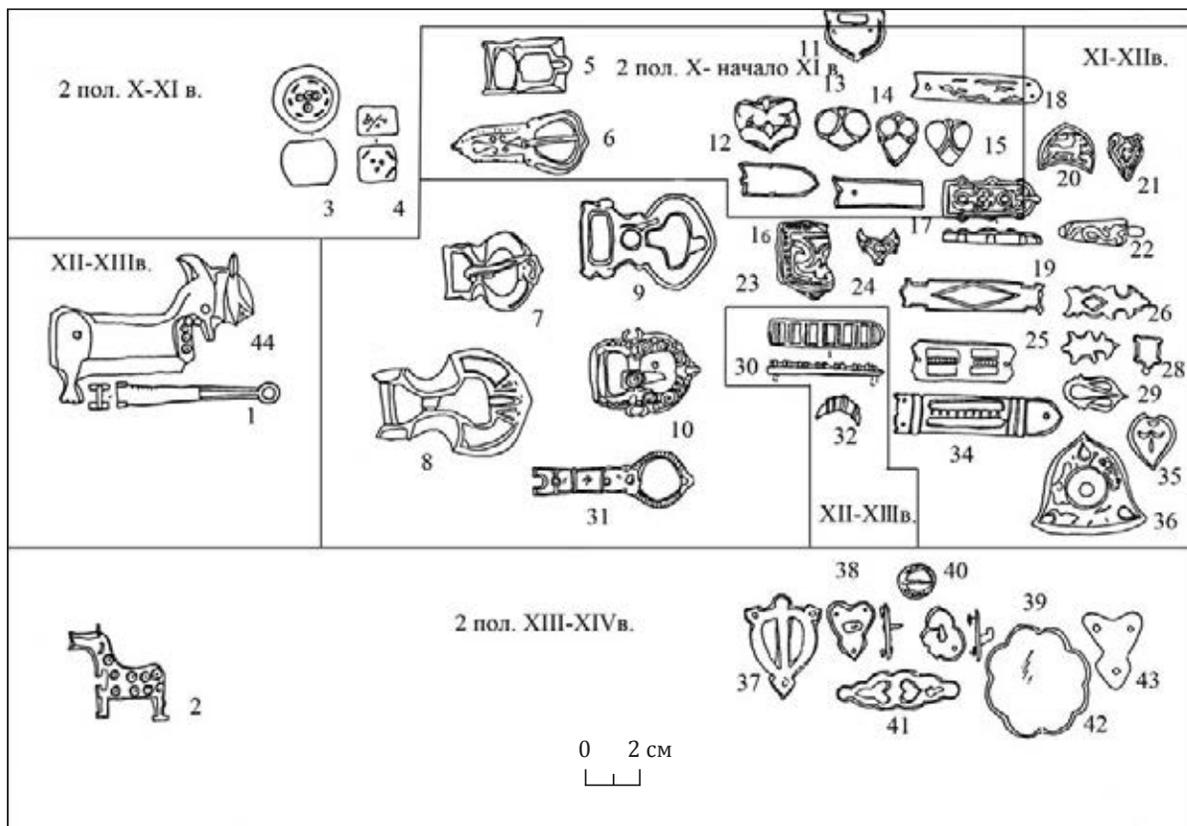

Рис. 11. Пряжки и накладки из цветного металла. Селища: Чакма – 8, 9, 19, 20, 22, 24–34, 37–43; Мурзихинское – 1, 7, 10, 18, 21, 23; VI Алексеевское – 7, 12–17; VI Рождественское – 35, 36; Дамба III – 2; Лаишевское I местонахождение – 11. 12–17 – серебро; остальное – бронза и медь

чатые с вздутиями, конусовидные²⁸ (рис. 10: 49–55). С середины XII и до начала XIII в. встречаются птицевидные и различные формы шумящих подвесок и привесок: миниатюрные ложечки, копоушки и т. п.

Наиболее ранний браслет датируется XI в. (рис. 10: 32). В XII в. распространяются пластинчатые браслеты с гравированным рисунком, близкие древнерусским (рис. 10: 33, 35, 37). Со второй половины XIII в. и весь XIV в. бытуют браслеты с изображением львиной личины (рис. 10: 39, 40); К золотоордынскому времени относятся серьги в виде знака вопроса (рис. 10: 9, 10).

Накладки из цветного металла конца X–XI в. в большинстве случаев являются штампованными; для крепления к ремню к ним припаивались шпеньки, иногда фиксировавшиеся на ремне специальными квадратными пластинками. В XII–XIII вв. начинает преобладать литая техника изготовления

поделок из цветного металла; штампованных изделий немного. Украшения второй половины XII – первой половины XIII в. отлиты по восковой модели в наборной технике из отдельных жгутиков. Это, в основном, птицевидные подвески и пряжки. Основная масса медных (латунных) браслетов XII–XIII вв., как и перстней, – литая. В ювелирном деле с XII и до первой трети XIII в. применяются плетение из жгутов (браслеты, гривны) и ковка (перстни). В золотоордынский период плетение для производства браслетов не использовалось, литье и ковка и (в незначительном количестве) штамповка применялись в изготовлении перстней, браслетов и накладок. Интересно, что в конце X – XI в. напускные бусины у височных колец припаивались к кольцу; в XII–XIII вв. – крепились с помощью обойм или сканой проволоки. С XII и до первой трети XIII в. применялось покрытие бронзовой основы золотой фольгой. Изредка такие случаи известны и в золотоордынских материалах²⁹.

²⁸ Истомина Т. В. Комплекс погребения 37 Чжытыягского могильника // Проблемы финно-угорской археологии Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1992. С. 127–136; Савельева Э. А. Вымские могильники XII–XIV вв. Л., 1987. С. 86, рис. 29: 62–82.

²⁹ Руденко К. А. Булгарское золото: филигранные височные подвески. Древности Биляра. Т. I. Казань: Заман, 2011. С. 80, 81.

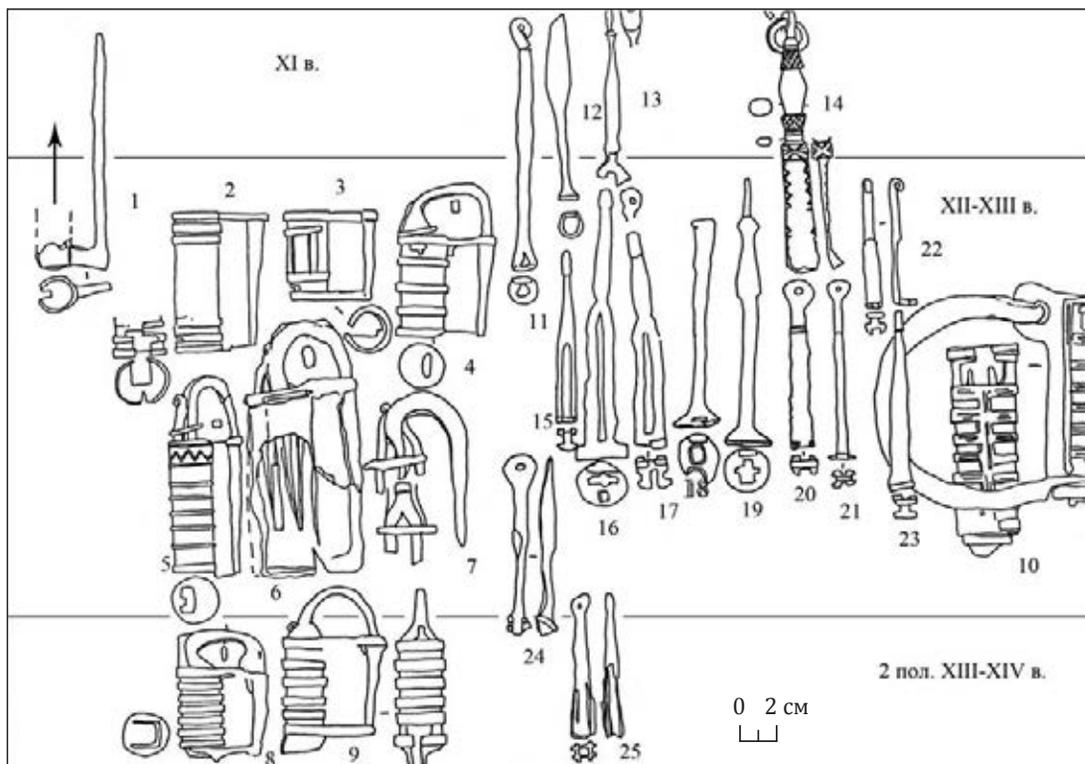

Рис. 12. Железные замки и ключи. 1 – VI Алексеевское и Остолоповское селища; 8, 9 – местонахождение Разбойничий остров; остальное – селище Чакма

Сельскохозяйственных орудий на рассматриваемых селищах выявлено немного. Как правило, это железные серпы, фрагменты кос, несколько наральников. Узкой датой бытования они не имеют, но все происходят из комплексов не ранее XI в., а чаще XII–XIII вв. (рис. 14: 8). Возможно, ко второй половине домонгольского периода относятся своеобразные узколезвийные серпы-косы (ширина лезвия 15–20 мм), не встречающиеся на золотоордынских памятниках. Надо сказать, что эволюция сельскохозяйственных орудий в этот период характерна не только для Волжской Булгарии, но и для других регионов Европы³⁰.

Среди хозяйственных и бытовых предметов выделяются замки и ключи (рис. 12). В конце X и особенно широко в XI – первой половине XII в. используются замки так называемого «болгарского типа» (рис. 12: 1). Замков типа А (по Б.А.Колчину³¹) на поселениях исследуемого региона очень немного (встречаются, как правило, детали пружинного механизма и ключи): видимо, основной период их бытования на сельских поселениях в основном приходится на конец X – начало XI в. Железные замки типа В (по Б.А.Колчину)

распространяются с XII в. (возможно, со второй его половины) и бытуют до конца XIV в. Достаточно узко, в основном в рамках XII в., встречаются замки типа Б. На памятниках второй половины XIII в. они неизвестны. Характерной чертой замков рубежа XII–XIII вв. – первой трети XIII в. можно считать появление крупных – до 11–14 см высотой – изделий типа В и в единичных случаях типа Б (рис. 12: 6).

Усложнение пружинного механизма в первой половине-середине XIII в. выразилось в оформлении дужки замка своеобразным завитком, образовавшимся от крепления дополнительного пружинного стержня (рис. 12: 5, 6, 7). Позднее, в конце XIII – XIV в., он модифицировался в своеобразный гребень (рис. 12: 8), имевший декоративную и утилитарную (для крепления кожаного ремешка в сквозном отверстии гребня) функции. В это же время на дужке припаиваются небольшие колечки (рис. 12: 9). Данный элемент фиксируется и на русских памятниках с XIII в.³² Для XIV в. характерно усиление защитной системы, выразившееся в появлении боковых щитков с двух или трех сторон на донце (рис. 12: 8, 9). Зафиксирован случай, когда вся донная часть замка была закрыта небольшой железной коробочкой. Очевидно, данное средство защиты должно было

³⁰ Мугуревич Э.С. Замки и сельские поселения в средневековой Ливонии (по археологическим материалам и письменным сведениям Латвии конца XII – середины XVI века): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1983. С. 14, 15.

³¹ Колчин Б.А. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. М., 1959. (МИА; № 65).

³² Лысенко П.Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. С. 23.

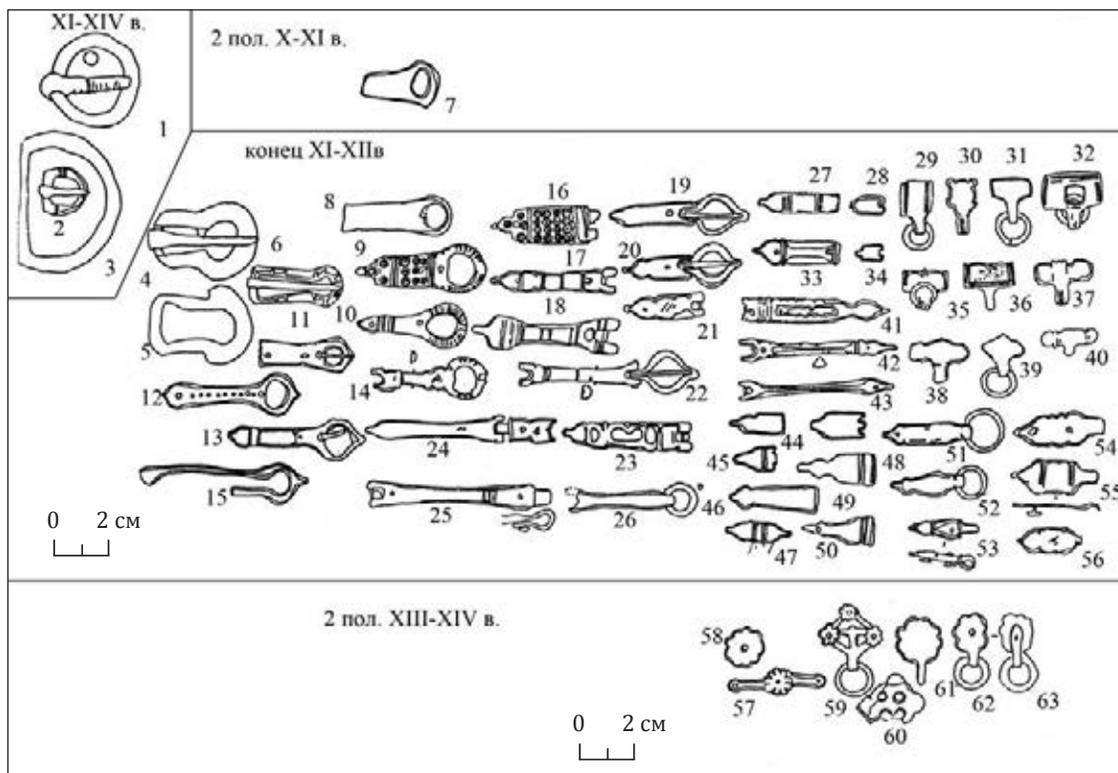

Рис. 13. Пряжки и накладки из железа. Городище Старый Нохрат – 16; городище Биляр – 10, 12, 18, 24; селище VI Алексеевское – 4, 7, 15, 52; селище Мурзихинское – 19, 22, 35–39, 44–49; селище Чакма – остальные. Коллекция НМ РТ: 10, 12, 16, 18, 24

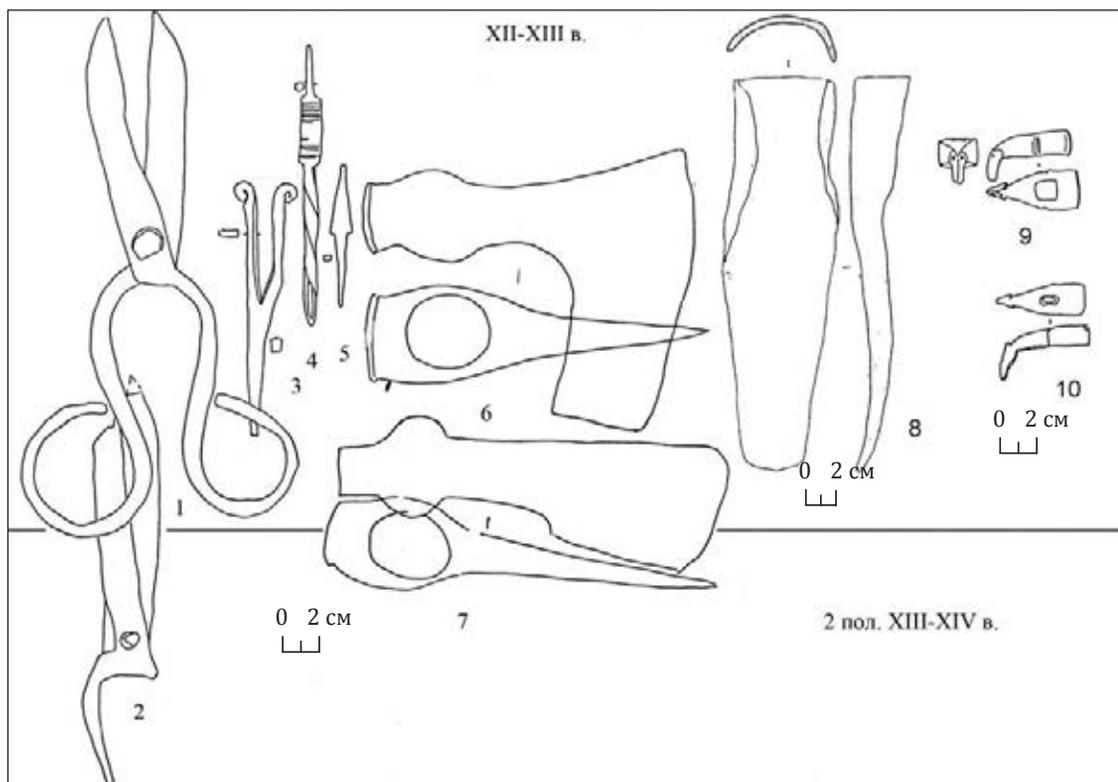

Рис. 14. Изделия из железа. Мурзихинское селище – 7, 10; Саконское селище – 9; остальные – селище Чакма

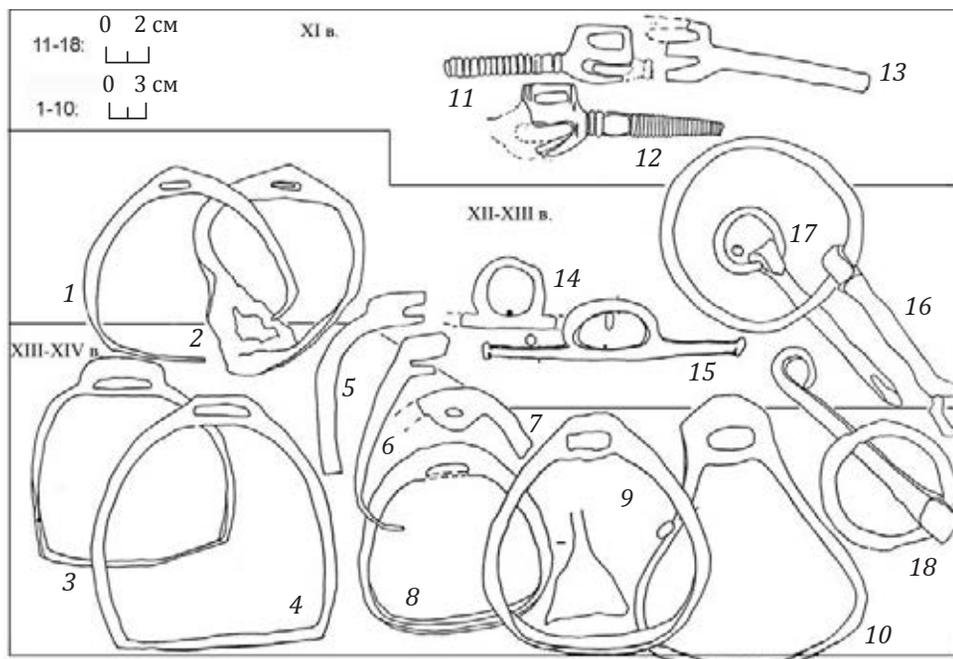

Рис. 15. Изделия из железа. VI Алексеевское – 11, 13; городище Биляр – 12; Семеновский остров – 4 (по А.Х. Халикову), 10 (по Е.П. Казакову), 5; селище Песчаный остров – 8, 9; Мурзихинское селище – 17; остальные – селище Чакма

предотвратить подбор отмычки. Наибольшее распространение на селе железных замков приходится на вторую половину домонгольского периода.

В XII – начале XIII в. встречаются бронзовые замочки в виде «рогатого барса» (рис. 11: 44), а со второй половины XIII в. наиболее характерны замочки в виде лошадки (рис. 11: 2). Поделки такого рода конца X–XI в. реалистичны и изображают различных животных³³.

Большим разнообразием и спецификацией отличаются ножи XII – середины XIII в. Они в среднем имеют длину 12–15 см при длине лезвия 7–10 см; ширина лезвия, как правило, не превышает 1,5 см. Нередки находки миниатюрных изделий длиной до 5 см. В конце XIII–XIV в. наиболее часто встречаются универсальные ножи, более крупные и массивные. Длина их 16–16,5 см при длине лезвия 13–15 см; ширина лезвия – 2–2,5 см. Бытовали ножи и менее крупных размеров. В золотоордынский период практически не встречаются миниатюрные ножи.

Для XII–XIII вв. характерны двулезвийные овальные кресала. В XIV в. форма двулезвийных кресал приближается к прямоугольной. Для конца X – XI в. типичны поделки с бронзовыми литыми рукоятками и железные С-видной формы³⁴. Калачевидные кресала в регионе бытуют с X по XIX в.

Шарнирные ножницы «лировидных» очертаний типичны для памятников XII–XIII вв. (рис. 14: 1).

Встречаются они и в XIV в., но здесь наблюдается уменьшение величины плечика и сужение ширины полотна (рис. 14: 2). Небольшие ножницы с цельноковаными кольцами, близкие современным, встречаются преимущественно в XIII–XIV вв.

Из других изделий к разряду датирующих можно отнести светцы, появляющиеся на болгарских селищах с XII в. (рис. 14: 3), а также очажные цепи с крючками, распространяющиеся с медными котелками в XII–XIII вв. Для XII – середины XIII в. характерны стремена, имеющие стрельчатое завершение (рис. 15: 1, 2). К началу XII в. уже не встречаются стремена грушевидной формы с оттянутой подпрямоугольной пластиной с отверстием для ремня. Со второй половины XIII в. ассортимент стремян увеличивается, наиболее часто встречается арочная форма изделий с расплюсченной верхней частью дужки, последняя – прямоугольной или близкой к ней формы (типы VI, VII, ДI, ДII по Г.А. Фёдорову-Давыдову³⁵). Подобной формы стремена с округлой дужкой или стремена круглой формы также имеются на памятниках второй половины XIII–XIV в. (рис. 15: 3–10). С конца X в. (особенно широко – в XI в.) до начала XII в. распространяются удила со стержневидными псалиями и восьмерковидным щитком с двумя прорезями для ремня. Имеющиеся экземпляры украшены кольцевыми насечками (рис. 15: 11–13). В XII – начале XIII в. встречаются прямые однопетельчатые псалии с ши-

³³ Казаков Е. П. Булгарское село ... С. 90, 91, рис. 33: 1.

³⁴ Там же. С. 82.

³⁵ Фёдоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 116.

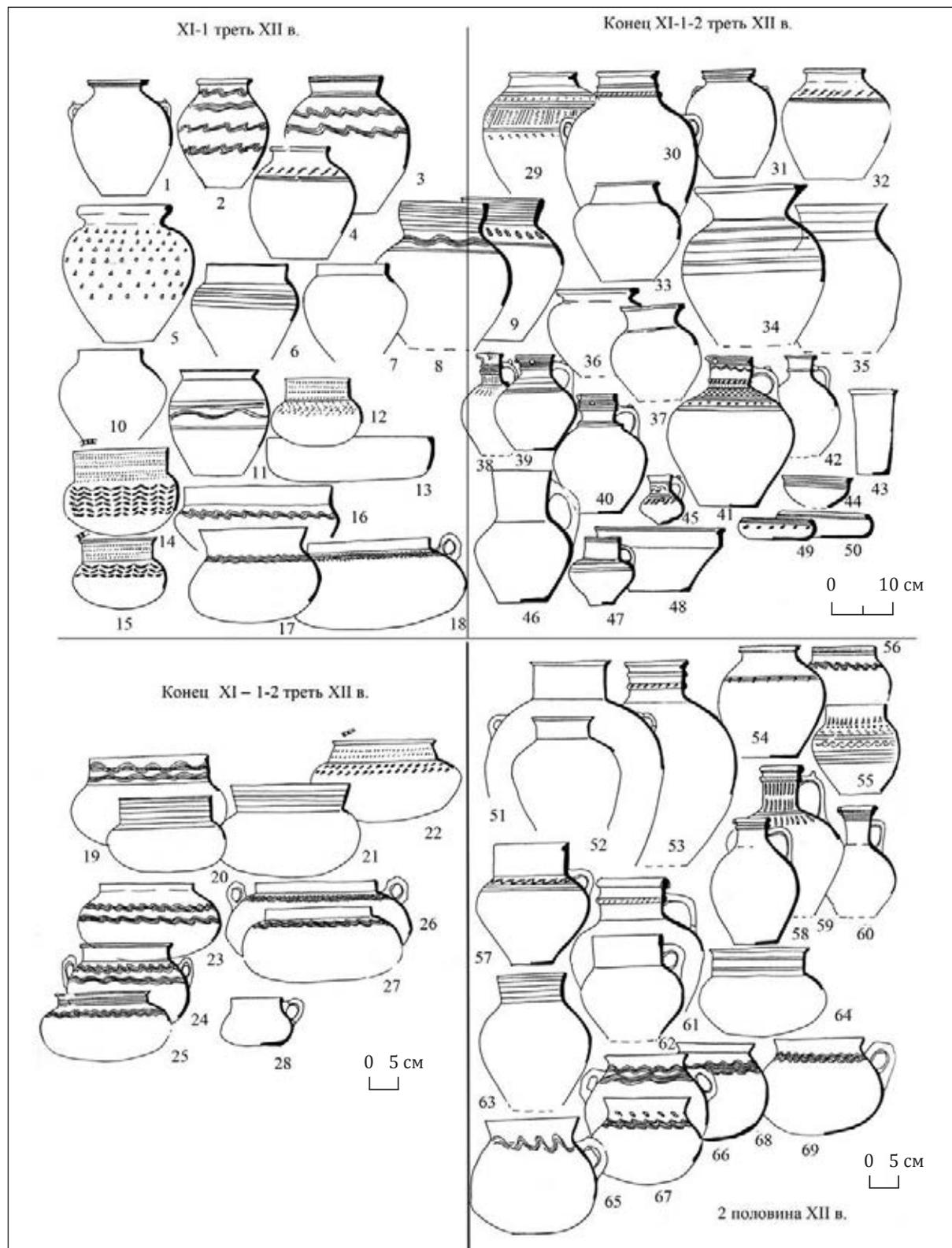

Рис. 16. Хронологическая таблица керамики XI–XII вв. по материалам VI Алексеевского (1–11, 29, 31, 46, 58, 60), Мурзинского (30, 32–54, 57, 59), Лаишевского (23–28, 55, 56, 65–69) и Остолоповского (17–22, 63, 64) селищ. 11–11, 28–64 – круговая керамика; 12, 13 – лепная керамика с примесью шамота; 14, 15 – лепная керамика с примесью толченой раковины в тесте; 16–25, 63–67 – керамика типа «джукетау»

щечками-утолщениями на концах; возможно, что время их наибольшего распространения относится к рубежу XII–XIII – первой трети XIII в. (рис. 15: 14, 15). На селищах XII в. рассматриваемого региона не встречаются крылатые и стержневидные псалии, известные на памятниках приустьевой части Камы³⁶, видимо, уже вышедшие из употребления к этому времени. Кольчатые двусоставные удила наибольшую популярность получают с XII в. (рис. 15: 16, 17). Ряд экземпляров XIII–XIV вв. имеет грызла с широкими раскованными крючками для колец (рис. 15: 16, 17, 18).

Железные наконечники стрел с XI в. представлены в широком ассортименте и мало чем отличаются по составу и времени бытования от древнерусских³⁷. Однако есть и определенные нюансы, в частности, достаточно большой процент наконечников южносибирских типов, в том числе и так называемых срезней³⁸, появление которых в археологических материалах традиционно считалось признаком монгольского времени. Тем не менее узколезвийные срезни, как и ряд оригинальных форм, например, кунжутolistных наконечников встречаются в Булгарии с XI в. как заимствование из Сибири³⁹.

В XII–XIV вв. широко распространены широколопастные топоры с молоткообразным обухом (рис. 14: 6). Для начала XIII в. характерны топоры с вытянутым бойком и небольшим, оттянутым к рукояти лезвием (рис. 14: 7). Для XII–XIII вв. типичны

ювелирные молоточки с бойком в виде головы животного (рис. 14: 9, 10).

Проведенное исследование позволяет скорректировать существующую хронологию болгарских древностей XI–XIII вв., что согласуется с современными подходами к оценке материалов XIII в. Древней Руси⁴⁰. Разработка локальных узких хронологических шкал даст возможность скорректировать датировки объектов и горизонтов на памятниках со сложной стратиграфией. Это не является универсальным методом и каждый археологический памятник, как это мы видим на материалах исследованных селищ, обладает спецификой, что нужно, безусловно, учитывать при обобщениях. Вместе с тем, как было показано в данной статье, есть ряд категорий артефактов, которые фиксируются практически на всех исследованных памятниках в одном хронологическом интервале.

Это не означает, что вся система периодизации болгарских древностей нуждается в пересмотре. Рубежным этапом остается монгольское завоевание, разделившее историю Булгарии на домонгольский и золотоордынский периоды, однако изменение материальной культуры после этого исторического события происходило не сразу, а постепенно в течение достаточно длительного времени. Этого же принципа в оценке артефактов следует придерживаться и при анализе материалов конца XIV–XV в. Принятие этого тезиса позволит заполнить лакуны, имеющиеся в существующей в настоящее время хронологии болгарских средневековых материалов XIII и XV вв. Однако самым важным представляется возможность определить хроноиндикаторы для датировки слоев и объектов в рамках небольших временных промежутков.

⁴⁰ Макаров Н.А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке: древности темного времени / отв. ред. Н.А. Макаров, А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 5–8.

³⁶ Казаков Е. П. Булгарское село ... С. 105.

³⁷ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы. Самострел. VIII–XIV вв. М., 1966. (САИ; вып. Е1-36).

³⁸ Руденко К.А. Железные наконечники стрел... Табл. XIV: 223, 225, 226.

³⁹ Руденко К.А. Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII–XVII вв. н.э. (справочник-определитель археологического материала): руководство для практической работы. Уфа: ВЭГУ, 2010. С. 151, рис. 10–585.

Summary

K. A. Rudenko

The Chronology of Large Bulgarian Settlements Between the End of the 10th and 13th Centuries in the Western Part of the Region Beyond the River Kama (Based on Materials Gleaned Through Research Undertaken Between 1992 and 2011)

This article examines questions relating to the chronology of large settlements in the Kurnalinsk-Alexeyevskii micro-region in the western part of the region beyond the River Kama. The study undertaken so far for the dating of Bulgarian antiquities in the archaeological literature of the 20th century and the periods proposed in connection with that chronology are duly analysed and attention is focused on the special features of the materials from the large settlements in question, which

are significant as sources for the elaboration of a time-scale for these medieval artefacts. The author has singled out the main sites, which had dated habitation levels that make it possible to determine which categories of articles are typical for a specific period. On this basis a local time-scale has been elaborated for articles fashioned from both non-ferrous metal and iron, which were in use in the 11th and 12th centuries in the western part of the region beyond the River Kama.

Лучевые височные кольца Гнёздова

Набор женских украшений, найденных в культурном слое и погребениях Гнёздова, ярко отражает и разнообразие направлений торговых связей, и этническую неоднородность постоянного населения этого раннегородского центра Руси. Наиболее многочисленную категорию среди этого материала представляют более 11 тысяч импортных стеклянных и каменных бус, относительно недавно привлечших специальное внимание археологов¹.

К наиболее выразительным с точки зрения этнической индикации относятся находки скандинавских рельефных фибул и славянских височных колец. Их общая характеристика и технологии изготовления рассмотрены в нескольких публикациях конца 1980-х – начала 2000-х гг.² Среди височных колец более половины составляют проволочные перстнеобразные разных типов, которые всеми признаны в качестве нейтральных и широко распространенных. На втором месте оказывается группа колец так называемого волинского типа – 8 находок. Остальные группы, такие как гроздевидные, лунничные и бусинные, представлены единичными находками. Наибольший интерес представляют лучевые кольца, время бытования и ареал которых особенно важны при обращении к проблемным вопросам характеристики этого памятника. К настоящему времени известно о находках семи лучевых височных колец, шесть из которых имеют хороший археологический контекст (рис. 1).

Рассмотрим их более подробно с учетом представляющих публикаций гнёздовского материала³.

¹ Френкель Я. В. Опыт датирования пойменной части Гнёздовского поселения на основании анализа коллекции стеклянных и каменных бус (по материалам раскопок 1999–2003 гг.) // Гнёздово: результаты комплексного исследования памятника. М., 2007. С. 78–117; Доброва О. П. Стеклянные бусы Гнёздова по материалам раскопок Центрального городища. [В печати].

² Пушкина Т. А. Височные кольца Гнёздовского комплекса // Труды V Международного конгресса славянской археологии. Т. III, вып. 1 б, секция V. М., 1987. С. 50–57; Енисова Н. В. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнёздова // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 258–267; Енисова Н. В. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 83–92. (Труды ГИМ; вып. 124).

³ Анализ металла и технологии изготовления новых находок произведен Н. В. Енисовой. Приношу ей искреннюю

благодарность за ценные консультации и разрешение использовать неопубликованные результаты исследования.

Все гнёздовские лучевые кольца или их обломки изготовлены по оттиску в глиняных литейных формах, четыре из них выполнены из серебра, три – из свинцовой латуни. Единственное семилучевое кольцо украшено ложной зернью (рис. 1: 1). Оно относится к кольцам, объединенным Е. А. Шинаковым в группу II тип Г. Для них характерна односторонняя псевдозернь, образующая бордюр по краям лучей и внутренних зубцов, гладкое рельефное продолжение дужки на щитке, овальные утолщения у основания дужки⁴. А. В. Григорьев выделил аналогичные кольца в тип 2 второго этапа развития лучевых колец и отметил две выразительные детали их оформления: гладкий треугольник или зигзаг внутри луча или внутренних зубчиков и тесное расположение лучей на кольце, практически сливающихся краями⁵. Наиболее близки гнёздовскому экземпляру находки из заполнения котлована жилища № 24 на Новотроицком городище⁶ и кольца Супрутского городища⁷. Несколько аналогичных украшений обнаружены в составе двух смешанных кладов, найденных на севере правобережной части Поочья: Алпатьевском и безымянном⁸. Кольца этого типа Е. А. Шинаков датировал «рубежом IX–X вв. по горизонту разрушения Новотроицкого городища и раннему периоду существования Гнёздовского селища» (выделено мной. – Т. П.)⁹. В свое время IX в. в Гнёздове был основан И. И. Ляпушкиным на основе сходства лепной керамики селища с посудой Новотроицкого городища и находке ложнозерне-

благодарность за ценные консультации и разрешение использовать неопубликованные результаты исследования.

⁴ Шинаков Е. А. Классификация и культурная атрибуция лучевых височных колец // СА. 1980. № 3. С. 117, рис. 2.

⁵ Григорьев А. В. Лучевые серьги (височные кольца) культур роменского круга древностей // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 5. Липецк, 2010. С. 223, рис. 3: 3–5, 7, 8.

⁶ Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958. С. 95, рис. 63. (МИА; № 74).

⁷ Изюмова С. А. Ранние типы лучевых височных колец Супрутского городища // Вестник МГУ. Серия «История». 1978. № 6. С. 103, рис. 1: 1; Григорьев А. В. Лучевые серьги ... Рис. 3: 7, 8.

⁸ Григорьев А. В. Лучевые серьги ... С. 223.

⁹ Шинаков Е. А. Указ. соч. С. 119.

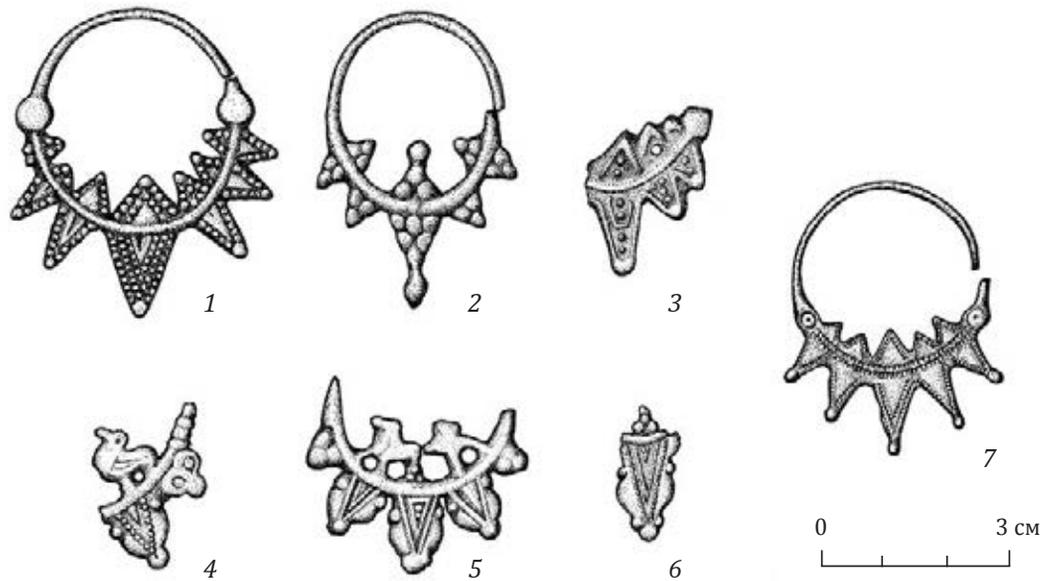

Рис. 1. Лучевые височные кольца Гнёздова: 1, 3, 6 – серебро; 2, 5, 7 – свинцовая латунь. 1, 4, 7 – Центральное селище; 2, 3 – Центральное городище; 5 – случайная находка; 6 – погребение. Рисунки А. С. Дементьевой

Таблица 1

Лучевые височные кольца Гнёздовского комплекса

Рисунок	Описание	Металл, технология
1: 1	Семилучевое, ложнозерненное, изображение одностороннее, целое; семь лучей на внешней стороне дуги кольца, семь зубцов на внутренней. Диаметр кольца 3,2 см.	Низкопробное серебро (Ag – до 71 %, медь – более 20 %, примеси свинца, олова и цинка), отливка по оттиску в глиняную форму (Ениосова Н. В. Химический состав и техника изготовления височных колец из Гнёздова // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. Т. 4. М., 1998. С. 258).
1: 2	Пятилучевое, ложнозерненное, изображение двухстороннее, целое; пять лучей на внешней стороне дуги кольца, три – на внутренней. Диаметр кольца 2,8 см.	Свинцовая латунь (медь – 94 %, цинк – около 5 %, свинец – около 1 %), не первая отливка по оттиску в глиняную форму.
1: 3	Пятилучевое, ложнозерненное, изображение одностороннее, фрагмент.	Низкопробное серебро (Ag – 70 %, с большим количеством свинцовой латуни), некачественная отливка по оттиску в глиняную форму.
1: 4	Пятилучевое (?), ложнозерненное, изображение одностороннее, фрагмент.	Серебро (Ag – 93 %, медь – около 6 %), отливка по оттиску в глиняную форму.
1: 5	Пятилучевое (?), ложнозерненное, изображение одностороннее, фрагмент.	Свинцовая латунь (медь – 94 %, цинк – менее 5 %, свинец – около 1 %), отливка из переплавленного металла по оттиску в глиняную форму, литейные швы не удалены.
1: 6	Пятилучевое (?), ложнозерненное, изображение одностороннее, фрагмент оплавлен.	Низкопробное серебро (Ag – более 80 %, медь – 10 %), отливка по оттиску в глиняную форму (Ениосова Н. В. Химический состав и техника... С. 259. Рис. 1: 1).
1: 7	Пятилучевое, орнамент нанесен зубчатым колесиком и круглым пуансоном, изображение одностороннее, целое. Диаметр кольца 3,0 см.	Свинцовая латунь (медь – более 85 %, свинец – 11 %), небрежная отливка по оттиску в глиняную форму, литейные швы не удалены (Ениосова Н. В. Химический состав... С. 258, рис. 1: 2).

ного височного кольца¹⁰. Типологически близки, но не идентичны гнёздовскому кольцу несколько находок с территории Курского Посеймья, у которых отсутствуют гладкие полоски на лучах, украшенных ложной зернью. Такое кольцо найдено на городище Переверзево II в комплексе сооружения, датированного концом IX – первой половиной X в.¹¹ С учетом этой даты и предложенной А. В. Григорьевым даты гибели Супрутского городища – второе десятилетие X в.¹² – время бытования таких колец можно несколько расширить по сравнению с предложенной ранее.

Шесть остальных гнёздовских колец относятся к пятилучевым.

Первое пятилучевое кольцо (рис. 1: 2) отличается выраженными полушариками псевдозерни на лицевой стороне и менее рельефным орнаментом на его обратной стороне; ровные шарики венчают выступающие центральные луч на внешней и зубец на внутренней стороне дуги. Наличие орнамента на обеих сторонах украшения и свободное расположение пирамидок псевдозерни на дуге кольца позволяют отнести нашу находку к кругу наиболее ранних лучевых колец, который соответствует 1 варианту пятилучевых серег¹³. Прямой аналогией нашему является литое серебряное кольцо из клада украшений Новотроицкого городища¹⁴. Несмотря на то, что эта группа лучевых колец оказывается наиболее многочисленной среди ранних (теперь 19 экземпляров с учетом нашей находки), надежно датировать ее трудно. Учитывая общую дату Новотроицкого городища и условия залегания найденного там кольца «на горизонте древней дневной поверхности или близко к ней»¹⁵, можно предложить датировку: конец IX – начало X в.

Фрагмент, украшенный только с лицевой стороны, принадлежит кольцу, лучи которого обведены гладким рельефным кантом, а псевдозернь заполняет внутреннюю поверхность и лучей, и зубцов на внутренней стороне дуги. Несмотря на слабо выраженный рельеф орнамента, достаточно ясно читается его деталь петлеобразной формы, разделяющая цепочку псевдозерни на центральном луче (рис. 1: 3). Кольца с такими характеристиками были выделены А. В. Григорьевым в тип 3 украшений первой группы

одного из этапов развития лучевых серег¹⁶. Чрезвычайно близкими гнёздовскому кольцу оказываются одно из семилучевых колец Супрутского городища¹⁷ и 4 кольца из известного Железницкого (Зарайского) клада¹⁸. Сходство супрутских и колец Железницкого клада было недавно отмечено А. В. Григорьевым, который предположил изготовление этих украшений с использованием единой модели¹⁹. Кольца из клада серебряные, как и оба супрутских.

Три следующих находки отнесены к пятилучевым условно, скорее, в силу традиции. Знакомство с аналогичными целыми или почти целыми экземплярами позволяет видеть у большинства таких колец по три центральных фигурных луча, которые сопровождаются симметрично расположенными по краям двумя выступами псевдозерни. Наши фрагменты принадлежат кольцам редкого типа (рис. 1: 4–6). Впервые такое кольцо было отмечено среди находок Супрутского городища и названо «ажурным»²⁰. В настоящее время их количество остается по-прежнему незначительным. Однако кольца, украшенные изображениями птиц вдоль внутренней стороны дуги, теперь выделены исследователями в отдельную 2-ю группу височных украшений. Все три гнёздовских кольца можно отнести к 1 типу серег данной группы. Для типа характерно изображение пары миниатюрных птицеобразных фигур, следующих вплотную друг за другом вдоль края рельефного продолжения дужки кольца с внутренней его стороны, между птицами должен располагаться небольшой выступ, имитирующий пирамидку зерни. Второй характерной чертой являются фигурные лучи и расположение по одной пирамидке псевдозерни слева и справа от крайних лучей на внешней стороне дуги²¹. Фигурные лучи украшены гладким рельефным зигзагом, направленным вниз, вдоль него располагается цепочка мелкой псевдозерни, а иногда основание дуги кольца украшено рельефными перехватами.

Изображение птицы на фрагменте гнёздовского серебряного кольца более четкое, чем на латунном фрагменте – здесь читается контур крыла (рис. 1: 4, 5). У этого кольца отчетливо видны три ряда утолщения у основания дужки, что сближает его с одним из супрутских колец²². Еще ближе нашей находке по внешним признакам оказывается височное кольцо, найденное на Буковине. Правда, оно происходит с территории памятника гораздо более позднего вре-

¹⁰ Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968. С. 113–114. (МИА; № 152).

¹¹ Шпилев А. Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII в. – 1-я половина XIII в.) // Верхнее Подонье: археология: история. Тула, 2009. С. 7.

¹² Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула, 2005. С. 133–140.

¹³ Шинаков Е. А. Указ. соч. С. 115, рис. 2; Григорьев А. В. Лучевые серьги ... С. 219–220.

¹⁴ Ляпушкин И. И. Городище ... Рис. 13.

¹⁵ Там же. С. 26, 188.

¹⁶ Григорьев А. В. Лучевые серьги ... С. 223.

¹⁷ Изюмова С. А. Указ. соч. Рис. 1: 3.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М., 1949. С. 104, рис. 14 [внизу справа].

¹⁹ Григорьев А. В. Лучевые серьги ... С. 224.

²⁰ Изюмова С. А. Указ. соч. С. 101, рис. 1: 6.

²¹ Григорьев А. В. Лучевые серьги ... С. 224, рис. 3: 9–12.

²² Там же. Рис. 3: 10.

мени, XII–XIII вв.²³ Височные кольца с изображением пары птиц рассмотрены А.В. Григорьевым в составе второй группы лучевых серег (височных колец), которые возникают и распространяются на втором этапе развития украшений роменского круга древностей. Этап охватывает конец IX – начало X в.²⁴

Последнее височное кольцо – пятилучевое, украшено циркульным и зубчатым орнаментом, имитирующим, видимо, зернь; концы лучей едва заметно утолщены и приближаются к каплевидной форме (рис. 1: 7). Две дуги из отпечатков зубчатого колеса имитируют продолжение объемной дужки на лицевой стороне кольца. Точных аналогов нашему кольцу пока найти не удается. По своим характеристикам это кольцо приближается к украшениям, выделенным Е.А. Шинаковым в III группу, датированную им же концом X – началом XII в.²⁵

Итак, на основании аналогий большинство гнёздовских лучевых колец относится к украшениям, время возникновения и бытования которых определяется второй половиной IX – первой четвертью X в. Исключением оказываются два кольца: фрагмент серебряного с изображением птицы и пятилучевое из медного сплава, украшенное зубчатым орнаментом, имитирующим зернь. Поскольку часть гнёздовских находок рассматривалась и учтена Е.А. Шинаковым и А.В. Григорьевым при определении дат групп и типов, необходимо обратить внимание на контекст наших находок.

Семилучевое ложнозерненное кольцо (рис. 1: 1) происходит из котлована постройки на одном из участков западной части селища. Вместе с кольцом были найдены обломки лепной посуды, глиняное пряслице, железный стержень, долото, обрывок бронзовой проволоки и бронзовая трубочка²⁶. Единственный относительный хронологический признак данного комплекса – лепная керамика в заполнении котлована. Его дополняет полная аналогия кольцу среди находок жилища № 24 Новотроицкого городища, указанная выше.

Пятилучевое латунное ложнозерненное кольцо (рис. 1: 2) найдено в юго-западной части площадки Центрального городища в нижней части заполнения ямы, связанной со сгоревшей наземной постройкой²⁷. В этом же слое в яме найден стеклян-

ный рубленый бисер, в основном желтого цвета, несколько бусин лимоновидной формы (золотостеклянных и желтого цвета), ланцетовидная железная стрела, фрагмент дирхема и еще несколько малозначимых предметов, которые не определяют дату комплекса. Стеклянный рубленый бисер желтого цвета, судя по материалам Старой Ладоги и Новгорода, бытует во второй половине VIII – третьей четверти XI в. Цветные и золотостеклянные лимоновидные бусы датируются X–XI вв.²⁸ Наконечники стрел ланцетовидной формы с плоским черешком без упора, аналогичные нашей находке, широко бытовали в IX – первой половине XI в.²⁹ Фрагмент монеты принадлежит аббасидскому дирхему, выпущенному при Харуне ар-Рашиде в 186 г. х., т.е. в 802 г. н.э.³⁰ Монеты, выпущенные этим правителем в огромном количестве, продолжали участвовать в обороте серебра и в начале X в.³¹ Казалось бы, что заполнение ямы можно датировать началом X в. Однако показательное соотношение лепной и раннекруговой керамики, найденной в яме: 63% против 37%. Гончарный круг в Гнёздове появился в конце первой четверти или даже в 20–30 гг. X в.³² Наличие круговой керамики среди преобладающей лепной омолаживает дату этого комплекса и позволяет поднять ее до середины века.

Обломок серебряного пятилучевого кольца (рис. 1: 3) также найден в юго-западной части площадки Центрального городища³³. Находка происходит из слоя, содержавшего стеклянный рубленый бисер желтого цвета и немногочисленные обломки лепной и раннекруговой посуды. Поскольку слой частично переотложен, дату точнее, чем X в., предположить невозможно.

Обломок серебряного кольца с птицеобразной фигурой (рис. 1: 4) найден на пойменном участке селища в яме, в которой лепная составила около 16% от всей собранной в ней керамики. Автор раскопок отнес яму на основании стратиграфических данных к финальному этапу (горизонт 2) существования

²³ Тимошук Б.О. Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ, 1982. С. 179, рис. 91: б. Сомнение в поздней дате этой находки было высказано несколько лет назад А.Г. Шпилевым (см.: Шпилев А.Г. Височные кольца Курского края (2-я половина VIII в. – 1-я половина XIII в.) // Верхнее Подонье... С. 10).

²⁴ Григорьев А.В. Лучевые серьги ... С. 225.

²⁵ Шинаков Е.А. Указ. соч. С. 120–121.

²⁶ Ляпушкин И.И. Отчет о работе Днепровской археологической экспедиции ИА (Ленинградское отделение) АН СССР, 1968. С. 21–22; Альбом. С. 43, рис. 34.

²⁷ Пушкина Т.А. Отчет о раскопках в Гнёздове Смоленской археологической экспедиции МГУ в 2011 году. М., 2012. С. 69.

²⁸ Львова З.А. Стеклянные бусы Любши // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. I. М.; Л., 2010. С. 469; Щапова Ю.Л. Стеклянные бусы Древнего Новгорода // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М., 1956. С. 173–174. (МИА; № 55).

²⁹ Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1966. С. 73.

³⁰ Определение монеты любезно произведено к.и.н. А.А. Гомзиным.

³¹ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси // Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 124.

³² Каменецкая Е.В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 115.

³³ Пушкина Т.А. Отчет о раскопках в Гнёздове Смоленской археологической экспедиции МГУ в 2014 году. М., 2015.

этой части поселения. Общие границы этапа определены второй половиной X в.³⁴

Место находки второго такого кольца, но выполненного из латуни (рис. 1: 5), точно неизвестно. Судя по сохранности, оно может происходить из культурного слоя.

Фрагмент третьего аналогичного серебряного кольца (рис. 1: 6) происходит из погребения (вероятно, женского), совершенного по обряду трупосожжения³⁵. Немногочисленный инвентарь пострадал от огня, в его составе отмечены несколько стеклянных лимонovidных бусин желтого цвета и серебростеклянная пронизка, серебряная пустотелая бусина и обломок пластинчатого перстня, тип которого определить не удастся, обломок дирхема 180 г. х. (796/797 г. н.э.). В опубликованном дневнике раскопок В. И. Сизова упомянуты два обломка оплавленных серебряных монет, в фондах ГИМ хранится только один фрагмент монеты Харуна ар-Рашида. Указанный в работе Т. В. Равдиной фрагмент саманидской монеты начала X в. в коллекции отсутствует³⁶.

О времени бытования лимонovidных бус уже говорилось. Серебряные бусы, аналогичные входящей в инвентарь этого комплекса, датируются в рамках X – первой половины XI в. Височное кольцо было отнесено Н. В. Ениосовой к первой половине X в. на основе совместной находки его с бусами и монетами³⁷. Может быть, находку стоит датировать в целом X в.

Последнее пятилучевое височное кольцо (рис. 1: 7) происходит из заполнения хозяйственной ямы, раскопанной в западной части Центрального селища³⁸. В яме найдено значительное число кусков кузнечного шлака и только круговая керамика второй половины X в., что позволяет датировать тем же временем и само кольцо.

Рассмотренные нашим находкам параллели суммарно датируются концом IX – первой четвертью X в. В то же время комплексы, в которых обнаружены лучевые кольца в Гнёздове, за исключением содержащего семилучевое серебряное кольцо, уверенно можно отнести ко времени не ранее середины X в.

Некоторые серебряные украшения или их обломки могут оказаться сырьем, предназначенным для переплавки в тиглях местных ювелиров – су-

ществование в Гнёздове развитого ремесла хорошо известно³⁹. Предположительно к числу таких находок относятся обломки двух серебряных колец, обнаруженные на территории пойменной части селища и Центральном городище. Кстати, семилучевое ложнозерненное кольцо было найдено в заполнении постройки производственного характера⁴⁰. Высказанное предположение подтвердить трудно. Нельзя исключить и местное происхождение некоторых из наших находок. Так, у случайно найденного кольца и пятилучевого кольца с зубчатым орнаментом, отлитых из свинцовой латуни, заметны неубранные литейные швы, а у последнего отмечено неумелое использование зубчатого инструмента.

Интересно, что фрагмент латунного кольца с фигурками птиц относится к тому же типу, что и обломки двух серебряных, но одно из них найдено на селище, а второе – в женском трупосожжении. Выразительные формы славянских височных колец встречаются среди погребального инвентаря гнёздовских курганов нечасто. Кроме описанного здесь обломка лучевого кольца, можно уверенно назвать еще четыре комплекса, из которых происходят 10 находок. Среди них: 1 экземпляр проволочного спирального «северянского», 1 экземпляр гроздевидного кольца «нитранского» типа, 2 – бусинных кольца «карантеновского» стиля, 6 экземпляров проволочных среднего размера, завязанноконечных (одно погребение)⁴¹. Кольца, найденные в погребениях, несомненно, входили в состав убора и использовались по своему назначению. О том, что эти находки и формы гнёздовской керамики, особенно раннекруговой, указывают на неоднородность состава славянской группы населения в Гнёздове, говорилось и ранее, причем в качестве исходных территорий указывалось левобережье Днепра в целом или правобережье р. Псёл⁴².

Рассмотрев круг аналогий гнёздовским находкам лучевых колец, постараемся уточнить территорию, с которой можно связывать происхождение части постоянного славянского населения этого раннегородского центра. Практически все памятники, из материалов которых происходят ранние типы ложнозерненных лучевых колец, – это памятники роменской культуры, расположенные на территории Курского Посеймья, правом берегу р. Псёл и правобережье Среднего Поочья⁴³. Наиболее близкими гнёз-

³⁴ Мурашева В. В. Отчет о раскопках Смоленской экспедиции ГИМ в 2008 году. М., 2009. С. 101; Френкель Я. В. Указ. соч. С. 106–108.

³⁵ Ширинский С. С. Указатель материалов курганов, исследованных В. И. Сизовым у д. Гнёздово в 1881–1901 гг. // Гнёздовский могильник: археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. I. М., 1999. С. 119, рис. 27: III, 11.

³⁶ Равдина Т. В. Монеты X–XI вв. в погребениях Древней Руси. М., 1988. С. 43. Дата аббасидской монеты любезно уточнена к. и. н. А. А. Гомзиным.

³⁷ Ениосова Н. В. Химический состав... С. 259.

³⁸ Авдусин Д. А. Работы Смоленской экспедиции в 1970 году. М., 1971 // Архив ИА РАН. С. 12.

³⁹ Ениосова Н. В. Ювелирное производство Гнёздова: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1999. С. 7–8.

⁴⁰ Вешнякова К. В., Булкин В. А. Ремесленный комплекс Гнёздовского поселения (по материалам раскопок И. И. Ляпушкина) // Археологический сборник. Гнёздово: 125 лет исследования памятника. М., 2001. С. 43.

⁴¹ Пушкина Т. А. Височные кольца Гнёздовского комплекса... С. 54–55; Ениосова Н. В. Химический состав... С. 259–261.

⁴² Пушкина Т. А. Височные кольца Гнёздовского комплекса... С. 56.

⁴³ Григорьев А. В. Лучевые серьги... Рис. 1.

довским оказываются находки из таких памятников, как городище Новотроицкое (р. Псёл) и городище Супруты (р. Упа, приток Оки), время существования которых не выходит за пределы первой половины X в.⁴⁴ С Новотроицким городищем и некоторыми другими роменскими памятниками бассейна р. Псёл связаны аналогии формам лепной посуде Гнёздова, ее орнаментации и составу теста – такие как сковороды с гладким бортиком, некоторые сосуды с вертикальным горлом, расположение веревочного орнамента и пальцевых вдавлений по краю венчика, примесь шамота. На некоторых селищах юга Смоленского Поднепровья, расположенных в бассейне Десны, Сожа и Ипути, обнаружена близкая роменской лепная керамика, аналогии которой известны в Гнёздове, но вроде бы не обнаружены севернее на других памятниках на правом берегу Днепра⁴⁵. Упоминание об этом неслучайно – можно предположить, что проникновение части славян-роменцев с Левобережья Днепра на территорию Верхнего Поднепровья и, в частности, в район Гнёздова происходило по р. Сож. Косвенным образом на это указывает карта могильников культу-

⁴⁴ Борисевич Г. В., Узьянов А. А. Микрорельеф и грунт как вспомогательные источники для реконструкции этапов застройки Новотроицкого городища // Методы естественных наук в археологии. М., 1987. С. 60–61; Прекращение жизни на Супрутском городище происходит даже раньше – во втором десятилетии этого века, см.: Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н. э. Тула, 2005. С. 133–140.

⁴⁵ Каменецкая Е. В. Керамика IX–XIII вв. как источник по истории Смоленского Поднепровья: дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. С. 134–135.

ры смоленских длинных курганов с находками салтовских вещей⁴⁶. Наиболее южные памятники – это Цурковка, Арефино и Слобода-Глушица, лежащие на левом берегу Днепра. Кроме того, в лепной керамике из погребений Слободы-Глушицы, а также Новоселок (близкого Гнёздову территориально, хронологически и по характеру культуры памятника) прослеживаются сходные с роменской керамикой черты⁴⁷. Наличие этих черт подтверждает предположение о том, что контакты населения смоленского Поднепровья с лесостепными территориями не были прямыми, а осуществлялись через носителей роменской культуры⁴⁸. О возможном использовании водного пути по р. Сож во второй половине X в. говорят клады восточного серебра (клад Сож – 952/953 гг., клад Старый Дедин – 978/979 гг. и клад Барсуки – около 995 г.)⁴⁹.

Таким образом, представляется наиболее вероятным, что основная часть славянского населения Гнёздова X в. является родственной населению, оставившему памятники роменского круга на территории бассейна Псла и Сейма, а также территории Верхнего и Среднего Поочья.

⁴⁶ Нефёдов В. С. Салтовские древности в смоленских длинных курганах // Гістарычна-Археалагічны зборнік. Мінск, 2002. Рис. 5.

⁴⁷ Шарганова О. Л. Технологическое изучение керамики селища у пос. Новоселки // Гнёздово: результаты комплексных исследований памятника. М., 2007. С. 284.

⁴⁸ Нефёдов В. С. Салтовские древности ... С. 138.

⁴⁹ Леонтьев А. Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X вв. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. Рис. 3 (№ 53, 90, 105).

Summary

T. A. Pushkina

Radiate Temple Rings from Gnyozdovo

The range of female jewellery items found in habitation levels and burials at Gnyozdovo vividly reflect the various directions in which its trade links developed and the ethnic diversity of the permanent population of this early urban centre in Russia. The most striking ethnic indicators among the finds from this site are parts of female attire – both Scandinavian and Slavonic: oval fibulae and temple rings.

Among the temple rings a small group of jewellery items stands out – namely that of radiate rings. The time when they were in use and their distribution area are particularly important when specifying the characteristics of this site. The author has examined seven radiate temple rings, six of which have a well-defined archaeological context. They were found during archaeological excavations of the settlement and the burials in it.

An examination of the range of parallels for the Gnyozdovo finds has made it possible to specify the territory, with which the origin of part of the permanent Slavonic population of Gnyozdovo might be linked.

Parallels for the Gnyozdovo finds examined by the authors generally date from between the end of the 9th century to the first quarter of the 10th. At the same time all the Gnyozdovo assemblages, in which radiate rings were found – apart from one of them, which contained a silver ring with seven rays – can confidently be assigned a date no earlier than the middle of the 10th century.

It seems most likely of all that the main part of the Slavonic population in Gnyozdovo in the 10th century was related to the population, which had abandoned the sites of the Romenskaya Culture in the territory of the basin of the Psjol and Seim rivers and also territories in the upper and middle reaches of the River Oka.

Серьги славян Хазарского каганата

Термин «славянские земли Хазарского каганата» введен в научный оборот А.В. Григорьевым, который исследовал характер и динамику взаимоотношений юго-восточной группы славян с Хазарией¹. Опираясь на данные археологии, автор расширяет известный летописный перечень племен, плативших дань хазарам (поляне, северяне, радимичи и вятичи) за счет славян лесостепного Подонья, не отмеченных в письменных источниках. Славянская территория, попавшая в сферу влияния каганата, достигает максимального размера во второй половине IX в., несмотря на утрату позиций в районе Киева и на правом берегу Днепра вследствие похода Аскольда и Дира, а затем Олега² (рис. 1).

Одной из примечательных особенностей материальной культуры славян Хазарского каганата являются находки так называемых серег «салтовского» типа, которые традиционно рассматриваются как предметы импорта³.

Серьги «салтовского» типа – устойчивый термин, впервые введенный в научный оборот Н.Я. Мерпертом⁴. Серьги литые или составные имеют форму разомкнутого кольца, в основном, округлой или овальной формы с шариком-отростком в верхней части и удлиненной подвеской в нижней. Их типология была разработана С.А. Плетневой⁵. На территории салтово-маяцкой культуры получили распро-

странение самые разнообразные виды серег⁶ – от роскошных наборных золотых, изготовленных из тисненых деталей, до скромных литых бронзовых подражаний драгоценным изделиям⁷.

Серьги рассматриваемого типа получили широкое распространение на большой территории. Исследование локальных вариантов данной категории украшений позволило Д.А. Сташенкову утверждать, что серьги «салтовского» типа должны рассматриваться не как импорт с территории Хазарского каганата, а как одно из проявлений евразийской моды⁸. Выделяется целый ряд крупных локальных групп, имеющих свои особенности в морфологии и технологии изготовления данного вида украшений (Северный Кавказ, Подонье и Поднепровье, Мордовия с Пензенской и Тамбовской областями и др.). Анализ находок серег с территории юго-восточной группы славянских племен позволяет выделить еще одну локальную группу «салтовских» серег – серьги славян Хазарского каганата.

Классификация

Отделы выделяются по конструкции серьги, типы – по способу сочленения кольца и подвески (именно этот признак позволяет определить прототипы славянских серег) (рис. 2).

Отдел I. Односоставные (кольцо и подвеска составляют единое целое)

Тип 1 – место сочленения кольца и подвески оформлено овальной бусиной, которая является дериватом дисков-ограничителей для крепления на кольце подвижных подвесок салтовских прото-

¹ Григорьев А. В. О славянских землях Хазарского каганата // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. С. 214–221. (ТГЭ; т. XLIX).

² Там же. С. 218.

³ См., например: Прошкин О. Л. Этно-культурная интерпретация находок IX – 1-й половины X века с городища в урочище «Чертово Городище» // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура: тезисы докладов Международной научной конференции. М., 2012. С. 67–71.

⁴ Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. М.; Л., 1951. Вып. XXXVI. С. 30.

⁵ Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М., 1967. (МИА; № 142); Она же. На славяно-хазарском пограничье: Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.

⁶ В данной статье не рассматривается вопрос о происхождении серег «салтовского» типа. История изучения данного вопроса подробно рассмотрена в работе П. Шомоди (2009).

⁷ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... С. 109 (рис. 57), 113.

⁸ Сташенков Д. А. Евразийская мода в эпоху раннего Средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998. С. 213–231.

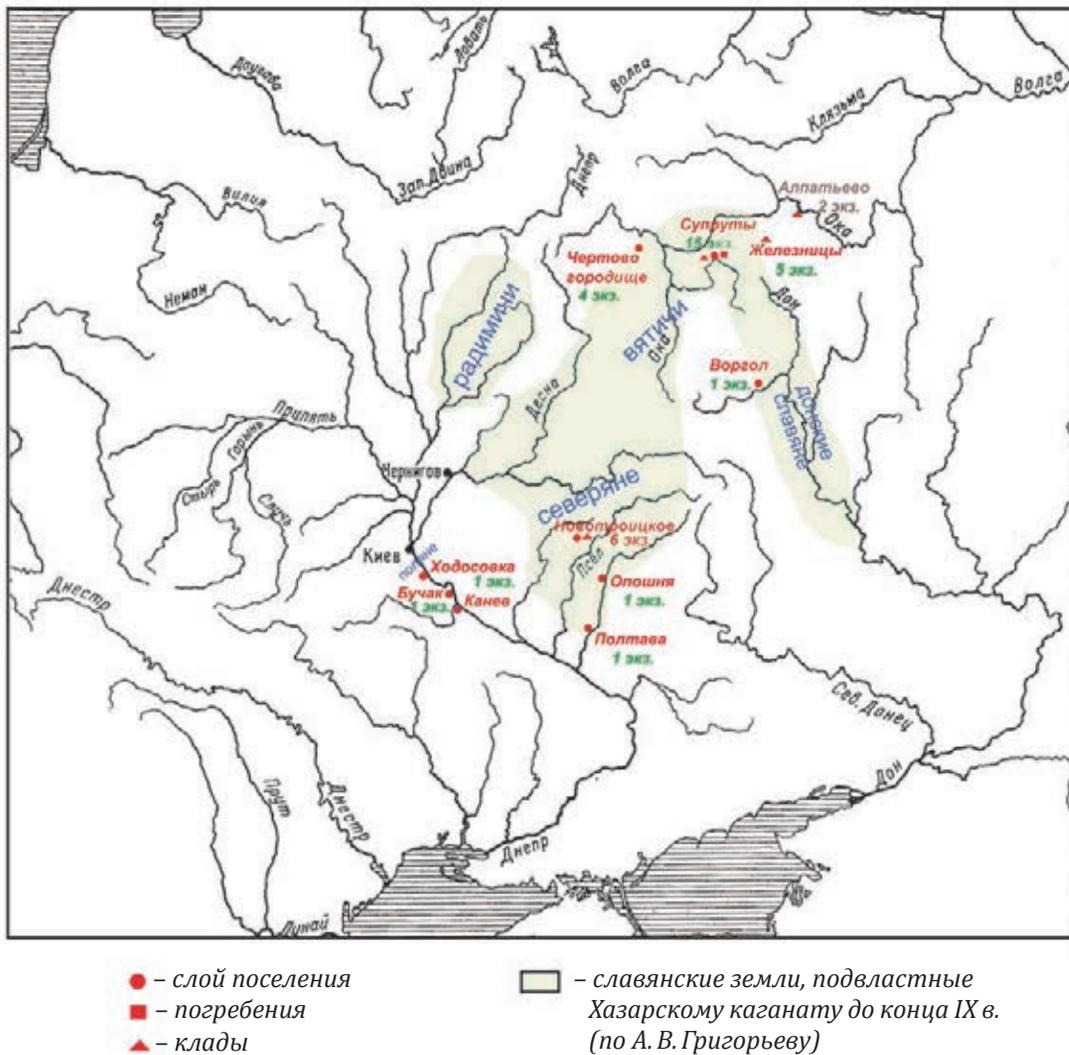

Рис. 1. Находки серег «салтовского» типа

типов (типы 1–4 по С. А. Плетневой). В рамках типа выделяется 4 подтипа (а–г) по форме подвески, восходящие к разным вариантам конструкций подвесок оригинальных салтовских украшений.

Подтип а (рис. 2: 1–3) – гроздевидная подвеска «бальясина» состоит из чередующихся эллипсоидных и шаровидных «бусин» разного диаметра, на конце – небольшой выступ-«шишечка».

Места находок: Супрутское городище⁹, Зарайский (Железницкий клад)¹⁰, Ворголь¹¹ – 1 экз., городи-

ще Новотроицкое¹², Чёртово Городище¹³, Алпатьевский клад¹⁴ – 2 экз., Ходосовка¹⁵, Полтава¹⁶.

Подтип б (рис. 2: 4) – гроздевидная подвеска «бальясина» состоит из небольших «бусин» одинакового диаметра, на конце – шаровидная «бусина».

Места находок: Супрутское городище¹⁷, городище Новотроицкое¹⁸.

¹² Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. М.; Л., 1958. Рис. 15: 3. (МИА; № 74).

¹³ Прошкин О. Л. Указ. соч. С. 69, рис. 2: 1.

¹⁴ Мурашева В. В. «Книга путей и стран» (Алпатьевский клад) // Славяне и иные языки... М., 2014. С. 129, рис. 2: 3–4. (Труды ГИМ; вып. 198).

¹⁵ Сухобоков О. В. До питання про пам'ятки волинцевського типу // Археологія. Київ, 1977. Вип. 21. С. 61, рис. 8: 4.

¹⁶ Григорьев А. В. Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула, 2000. С. 123, рис. 44: 23.

¹⁷ ГИМ. Оп. В 2731/1.

¹⁸ Ляпушкин И. И. Указ. соч. С. 89, рис. 58: 2.

⁹ Изюмова С. А. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 210, рис. 2: а, б; Григорьев А. В. Славянское население водораздела Оки и Дона в конце I – начале II тыс. н.э. Тула, 2005. С. 87, рис. 37: 10; ГИМ. Оп. В 2728, 2731.

¹⁰ Путь из варяг в греки и из грек...: каталог выставки. М., 1996. С. 72, кат. 564–568.

¹¹ Винников А. З., Славяне лесостепного Дона в раннем Средневековье VIII – нач. XI века. Воронеж, 1995. Рис. 20: 32.

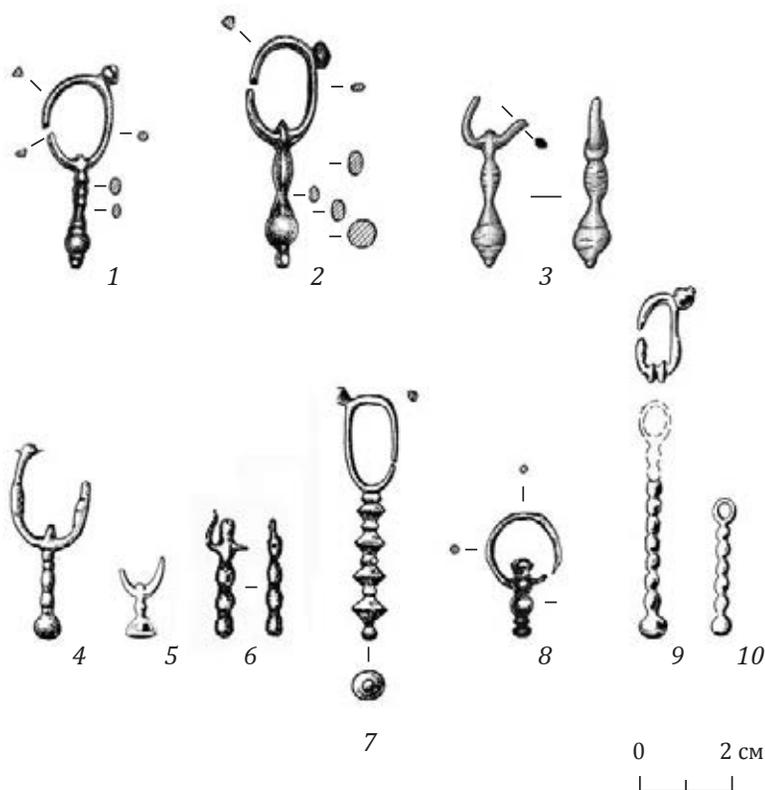

Рис. 2. Классификация серег.

Отдел I. Тип 1а – 1–3, тип 1б – 4, тип 1в – 5, тип 1г – 6, тип 2 – 7, тип 3 – 8.

Отдел II. Тип 1 – 9–10. 1–2, 4, 7–8 – Супруты, 3 – Железницы,

5, 9–10 – Новотроицкое городище, 6 – Бучак.

1–7, 9–10 – серебро, 8 – бронза

Подтип в (рис. 2: 5) – подвеска состоит из большой шаровидной и крупной полушаровидной «бусины».

Место находки: городище Новотроицкое¹⁹.

Подтип г (рис. 2: 6) – подвеска-пронизка состоит из бусин одинакового диаметра.

Место находки: поселение Бучак²⁰.

Тип 2 – место сочленения кольца и подвески никак не оформлено, подвеска имеет форму многочастной пронизки с чередованием крупных и мелких бусин (рис. 2: 7), прототипы формы литой подвески угадываются в наборных подвесках салтово-маяцкой культуры и среди древностей Северного Кавказа²¹.

Место находки: Супрутское городище²².

¹⁹ Там же. Рис. 15: 3.

²⁰ Петрашенко В. О. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 193, рис. 2.

²¹ Ковалевская В. Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: история и культура (Alanica-III). Владикавказ, 1995. С. 149, рис. 7: 8.

²² ГИМ. Оп. В 2717/3.

Тип 3 – место сочленения кольца и подвески оформлено круглой бусиной, сверху которой укреплен дополнительная бусина, подвеска-«балясина» состоит из чередующихся крупных и мелких бусин (рис. 2, 8).

Серьга данного типа отличается от всей серии рассматриваемых украшений округлой формой кольца, отсутствием шарика-отростка на внешней стороне кольца и способом оформления места сочленения кольца и подвески. Очевидно, что данное украшение относится к совершенно иной линии развития данной категории украшений, ее прототипы следует искать в области распространения, так называемых, серег «волынского» типа, состоящих из кольца и напускной многочастной гроздевидной подвески. Наиболее близкие аналогии рассматриваемой серьге зафиксированы на территории Дунайской Болгарии, где они датируются IX–XI вв.²³

Место находки: Супрутское городище²⁴.

²³ Рябцева С. С. Древнерусский ювелирный убор. СПб., 2005. С. 89, 97, рис. 23.

²⁴ ГИМ. Оп. В 2728/239.

Статистические данные о находках серег «салтовского» типа

Отделы	Типы	Места находок	Всего
I	1а	Супруты – 13 экз. (из них 2 – из состава клада, 3 – из погребений), Железницы – 5 экз., Воргол – 1 экз., Новотроицкое (клад) – 1 экз., Чёртово Городище – 2 экз, Алпатьево – 2 экз., Полтава – 1 экз., Ходосовка – 1 экз.	26
	1б	Супруты – 1 экз., Новотроицкое (клад) – 1 экз.	2
	1в	Новотроицкое (клад) – 1 экз.	1
	1г	Бучак – 1 экз.	1
	2	Супруты – 1 экз.	1
	3	Супруты – 1 экз.	1
II	1	Новотроицкое (клад) – 3 экз., Чёртово Городище – 2 экз.	5
Тип неизвестен		Опошня* – 1 экз.	1
Клады – 15 экз., погребения – 3 экз., слой поселений – 20 экз.			38

* Выражаю искреннюю благодарность А. В. Григорьеву за сообщение о данной находке

Отдел II. Двусоставные (кольцо и подвеска имеют подвижное сочленение)

Тип 1 – место сочленения оформлено двумя лицевыми дисками-ограничителями, подвеска в виде многочастной пронизки фиксировалась между дисками (рис. 2: 9–10). Прототипы подобных серег во множестве найдены как среди салтовских древностей (тип 4 по С. А. Плетневой)²⁵; так и на Северном Кавказе (отдел 4 по В. Б. Ковалевской)²⁶.

Места находок: городище Новотроицкое (клад)²⁷, Чёртово Городище²⁸.

Химический состав изделий

Всего выполнено 18 анализов серег (11 – городище Супруты, 5 – Железницкий клад, 2 – Алпатьевский клад) со славянских территорий и, в качестве сравнительного материала, – 2 анализа серег из Лядинского могильника. Химический состав металла определен с помощью неразрушающего рентгенофлуоресцентного энерго-дисперсного анализа (РФА)²⁹. Все серьги, за исключением одной, отлиты из серебра, содержание которого колеблется от 77,8% до 92,5%. Большая часть украшений (76%) отлита из «желтого» многокомпонентного сере-

бра³⁰. К этому типу сплава относятся украшения из всех трех, доступных для исследования комплексов находок. Две серьги из Супрут (анализы № 9 и 15) отлиты из высокопробного двухкомпонентного серебра. Из низкопробного многокомпонентного серебра изготовлены два изделия из Железницкого клада (анализы № 2 и 4), однако следует отметить, что содержание серебра в них не намного ниже (79,3% и 77,9%) важного порога в 80%. При снижении содержания серебра ниже данного рубежа изделия приобретают желтоватый оттенок.

Серьга, отнесенная к типу 3 отдела I (№ 16, Супруты)³¹, резко отличается от остальных украшений по составу сплава – она отлита не из драгоценного металла, а из оловянно-свинцовой бронзы, что еще раз подтверждает тот факт, что она относится к совершенно иной производственной и этно-культурной традиции.

Для того, чтобы выяснить есть ли разница в составе сплавов славянских серег и украшений с других территорий, были сделаны анализы двух украшений из Лядинского могильника (среднецнинская мордва). Мордовские серьги (анализы № 19–20) отлиты из многокомпонентного низкопробного серебра, что говорит об иной традиции отношения к драгоценному сырью – серебро в значительной степени разбавлено бронзой (анализ № 19) или латунью (анализ № 20).

²⁵ Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье... С. 113, рис. 57.

²⁶ Ковалевская В. Б. Указ. соч. С. 163.

²⁷ Ляпушкин И. И. Указ. соч. Рис. 15: 3.

²⁸ Прошкин О. Л., Массалитина Г. Л. Урочище Чертово Городище. Калуга, 2004. С. 63, рис. 13: 5.

²⁹ Анализы выполнены в отделе археологических памятников Исторического музея с помощью прибора микро-рентгенофлуоресцентный спектрометр M1 MISTRAL SDD.

³⁰ Сплавы разделены на типы в соответствии с классификацией, предложенной Н. В. Ениосовой, Т. Г. Сарачевой и Р. А. Митояном (Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М., 2008. С. 132).

³¹ ГИМ. Оп. В. 2728/239.

Таблица 2

Результаты анализа химического состава серег «салтовского» типа

N	Памятник	Опись ГИМ, сектор «В»	Cu	Ag	Au	Sn	Pb	Zn	Bi
1	Железницы	269/10	9,54	84,47	0,43	0,87	2,85	1,84	
2	Железницы	269/11	14,37	79,28	0,17	0,78	1,41	3,79	0,07
3	Железницы	269/12	13,19	85,21	0,4		1,15	0,03	0,04
4	Железницы	269/13	17,2	77,86	0,27	0,69	1,96	1,9	0,02
5	Железницы	269/14	13,03	81,43	0,14	0,8	1,37	3,02	0,08
6	Супруты	2728/78	10,41	82,76	0,24	0,16	1,59	4,72	0,03
7	Супруты	2728/79	8,32	88,38	0,4		1,04	1,87	
8	Супруты	2728/80	7,08	87,2	0,23		1,48	3,94	
9	Супруты	2728/81	5,23	92,45	0,34	0,92	0,79	0,22	0,04
10	Супруты	2728/93	11,75	83,02	0,19	1,12	2,89	1,03	0,01
11	Супруты	2728/94	6,72	89,2	0,24	0,18	1,91	1,73	0,01
12	Супруты	2728/95	7,01	88,97	0,43	1,07	1,52	0,95	0,06
13	Супруты	2731/1	9,85	84,36		1,53	1,65	2,54	
14	Супруты	2731/2а	8,71	87,62	0,24	0,73	1,35	1,22	0,06
15	Супруты	2731/26	5,9	92,11	0,4	0,42	0,83	0,33	
16	Супруты	2728/239	85,5	0,35		11,23	1,71	0,94	
17	Алпатьево	2789/82	7,13	88,74	0,31	0,37	1,53	1,79	0,12
18	Алпатьево	2789/83	6,51	85,65	0,32	0,43	3,12	3,89	0,09
19	Лядинский могильник	68/435	17,69	68,32	0,28	6,13	2,92	1,89	0,14
20	Лядинский могильник	68/436	39,5	55,83	0,07	0,22	0,69	3,42	0,05

Таблица 3
Распределение серебряных серег по типам сплавов³²

Типы сплавов	Количество предметов	Доля предметов (%)
Двухкомпонентное высокопробное серебро	2	12
«Желтое» многокомпонентное серебро	13	76
Многокомпонентное низкопробное серебро	2	12

В настоящее время ответ на вопрос об источнике поступления серебра на территорию Восточной Европы в IX–X вв. сомнений не вызывает. Сырьем для ювелирной продукции служило арабское монетное

³² В таблице учтены данные по составу сплавов серег с территории восточнославянских племен (без учета Лядинского могильника).

серебро³³. Одними из важных диагностических признаков химического состава монет, чеканенных как на территории Афганистана, так и на территории Средней Азии (Самарканд, аш-Шаш и др.), являются примеси висмута и золота³⁴. Микропримеси висмута зафиксированы в 71 % (12 из 17) изделий, золота – в 94 % (16 из 17 изделий), что, безусловно, является указанием на источник поступления металла. Наличие висмута и в составе сплавов мордовских серег говорит об одном и том же пути поступления драгоценного металла.

³³ Arrhenius B., Linder Welin U.S., Tapper L. Arabisk silver och nordiska vikingasmycken // Tor. Vol. XV. Uppsala, 1973. S. 151–160; Ениосова Н.В., Сарачева Т.Г. «От Грек золото ... из Чех же, из Угорь сребро» (пути поступления ювелирного сырья на Север и Юг Древней Руси в IX–IX вв.) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 15.

³⁴ Ениосова Н.В., Митоян Р.А. Арабское серебро как источник сырья для славянских и скандинавских ювелиров (по материалам гнёздовских кладов X в.) // От палеолита до Средневековья. М., 2011. С. 91–92.

Содержание легирующих компонентов в серебряных серьгах

Cu		Zn		Pb		Sn	
содержание примеси (%)	доля предметов, содержащих лигатуру	содержание примеси (%)	доля предметов, содержащих лигатуру	содержание примеси (%)	доля предметов, содержащих лигатуру	содержание примеси (%)	доля предметов, содержащих лигатуру
5,23–17,2	100 %	0,03–4,72	100 %	0,79–3,12	100 %	0,16–1,53	82 %

Исследования Е. А. Давидович показали, что при Саманидах, вплоть до 40-х годов X в., монеты чеканились по одной указной пробе – вероятно, 92,5 % серебра. Однако содержание серебра в отдельных дирхемах могло опускаться вплоть до 59 % за счет повышения содержания свинца и меди³⁵. Результаты анализа серег демонстрируют наличие примеси цинка, не характерного для арабского монетного серебра. Цинк зафиксирован во всех изделиях, его содержание колеблется от нескольких сотых процента до 4,72 %. Очевидно, что в целях экономии драгоценного металла, восточноевропейские ремесленники старались разбавить высокопробное серебро арабских дирхемов. Преобладающими типами сплавов, использовавшимися как лигатура при создании украшений, были, вероятно, свинцовая (Cu+Zn+Pb) и многокомпонентная латуни (Cu+Zn+Pb+Sn). Об использовании последней говорит наличие небольшой доли олова (до 1,5 %) в значительной части изделий.

В IX–X вв. использование латуни характерно, в основном, для двух регионов: северо-западной Европы (Швеция, Готланд, Прибалтика и др.), а также Арабского халифата, Хазарского каганата и аланских памятников³⁶. Для территорий, находившихся в зоне влияния Хазарского каганата, наиболее вероятным источником латуни является поступление сырьевого металла с Востока.

Технология изготовления

Серьги «салтовского» типа, найденные на восточнославянских территориях, по сравнению со сложно-составными украшениями салтово-маяцкой культуры, представляют собой несложные, достаточно грубо изготовленные изделия. Вероятно, потребители данной ювелирной продукции были

³⁵ Давидович Е. А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М., 1966. С. 115–118, 131–134.

³⁶ Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М., 2008. С. 133–135.

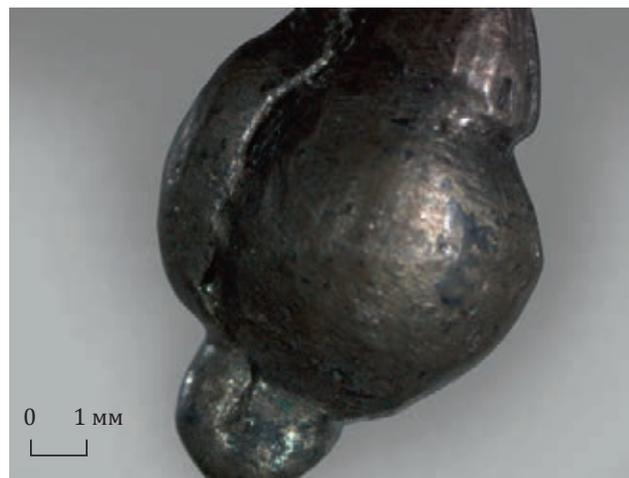

Рис. 3. Фрагмент серьги (Супрутское городище). Литейный дефект – наплыв металла

непритязательны к тщательной проработке деталей – важен был лишь общий облик украшений.

Изучение с помощью бинокулярной лупы доступных для исследования односоставных серег из коллекции Исторического музея показало, что основным формообразующим приемом получения готового изделия было литье в двусторонние формы. Об этом свидетельствует наличие ясно читаемых литейных швов на торцевых поверхностях всех изученных экземпляров. Сглаженность и невнятность контуров орнамента заставляет предполагать, что для оттиска в створках разъемных пластичных (глиняных) форм, с целью получения рабочих полостей для отливок, мастера-ювелиры использовали готовые изделия³⁷. На одном из украшений из Супрут зафиксирован наплыв металла – наиболее часто встречающийся дефект на литых изделиях. Он образуется при смещении створок формы при их скреплении перед заливкой металла³⁸. Примечательно, что, несмотря на заметный

³⁷ Рындина Н. В. Технология производства новгородских ювелиров X–XV вв. // МИА. № 117. М., 1963. С. 219.

³⁸ Зайцева И. Е., Сарачева Т. Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» во второй половине XI–XIII в. М., 2011. С. 133.

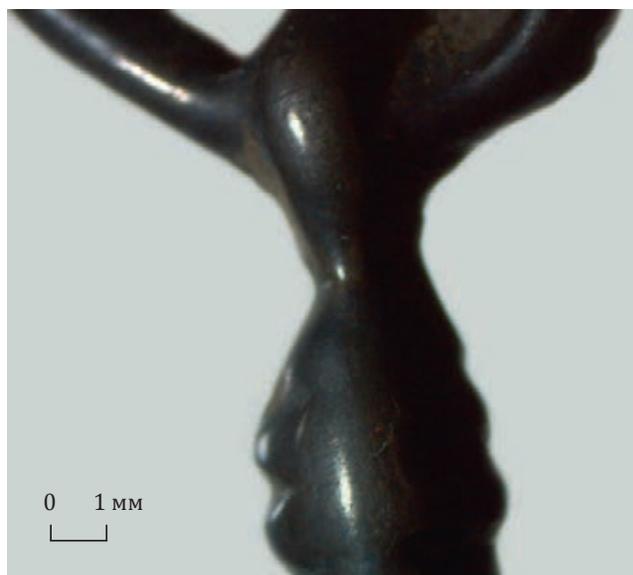

Рис. 4. Фрагмент серьги (Железницкий клад).
Ребро на лицевой поверхности подвески

глазу дефект (рис. 3), изделие не было выбраковано и использовалось по назначению.

Кроме хорошо видимого литейного шва, на подвесках большинства изделий внятно читается ребро, перпендикулярное плоскости кольца (рис. 4). Эта особенность указывает на историю деградации конструкции данного вида украшений. Изначальным образцом были двусоставные серьги с подвеской, которая, в свою очередь, отливалась в двусоставной форме. Таким образом, ребро в центре лицевой и оборотной сторон подвески является следом древнего литейного шва.

Хронология и территория распространения

Основой для датировки серег славян Хазарского каганата являются клады, в состав которых входят эти украшения. Младшая монета Железницкого клада датируется 877/8 г.³⁹, клада с Супрутского городища – 866 г.⁴⁰, Алпатьевского клада – 855–861 гг.⁴¹ А. А. Гомзин, исследовавший закономерности выпадения кладов на территории Поочья, относит все три клада к последней четверти IX в. – первому десятилетию X в.⁴² Серьги из Новотроицкого горо-

³⁹ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 81.

⁴⁰ Изюмова С. А. Указ. соч. С. 208.

⁴¹ Мурашева В. В. «Книга путей и стран» ... С. 116.

⁴² Гомзин А. А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в среднем и нижнем Поочье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. С. 13.

дища также найдены в составе кладов, сокрытых в момент гибели поселения. Исследователь Новотроицкого городища И. И. Ляпушкин датирует финал городища концом IX – началом X в.⁴³

В то время как клады позволяют получить достаточно узкую датировку входящих в их состав предметов, слой поселения датируется гораздо шире. Так, например, время существования Чёртова городища определяется IX–началом X в.⁴⁴, Супрутское городище, по мнению А. В. Григорьева, было разрушено в первом десятилетии X в.⁴⁵, и необходимо отметить, что большинство находок серег связано с финальным горизонтом. Таким образом, наиболее вероятная дата максимального распространения серег «салтовского» типа на славянской территории – последняя четверть IX – начало X в. Не исключено, что серьги получили распространение и ранее, на это указывают находки на правом берегу Днепра, на территории, уже вышедшей в последней трети IX в. из сферы влияния Хазарского каганата. Единственный предмет, который очевидно выбивается из указанных хронологических рамок – украшение, найденное в составе слоя второй половины X в. Полтавского городища⁴⁶. Однако этот единичный факт, вероятно, следует отнести на счет переживания отдельными предметами основного срока бытования.

Картографирование находок серег «салтовского» типа (рис. 1) показывает, что мода на них распространилась практически на все территории, находившиеся в зависимости от Хазарского каганата (исключение составляет территория радимичей, но она археологически изучена хуже других территорий). Концентрация находок в Поочье не может говорить о максимальной популярности серег именно в этом регионе. Большое количество находок связано, прежде всего, со степенью сохранности культурного слоя поселений (городище Супруты, откуда происходит максимальное количество украшений, погибло во время военного набега), значительная часть серег происходит из транзитных кладов данного региона, связанных с водными торговыми путями.

Очевидно, что «провинциальная хазарская» мода оказала влияние на складывание славянского женского металлического убора, и серьги рассматриваемого типа органично вошли в его состав. Судя по инвентарю из погребения на городище Супруты (рис. 5), они успешно сочетались с лучевыми височными кольцами. Устойчивое сочетание серег и проволочных височных колец, смонтированных в единое украшение (Железницкий клад), говорит об оригинальном способе ношения серег, неизвестном носителям салтово-маяцкой культуры (рис. 6). Можно

⁴³ Ляпушкин И. И. Указ. соч. С. 188.

⁴⁴ Прошкин О. Л. Указ. соч. С. 70.

⁴⁵ Григорьев А. В. Славянское население ... С. 182.

⁴⁶ Григорьев А. В. Северская земля ... С. 124.

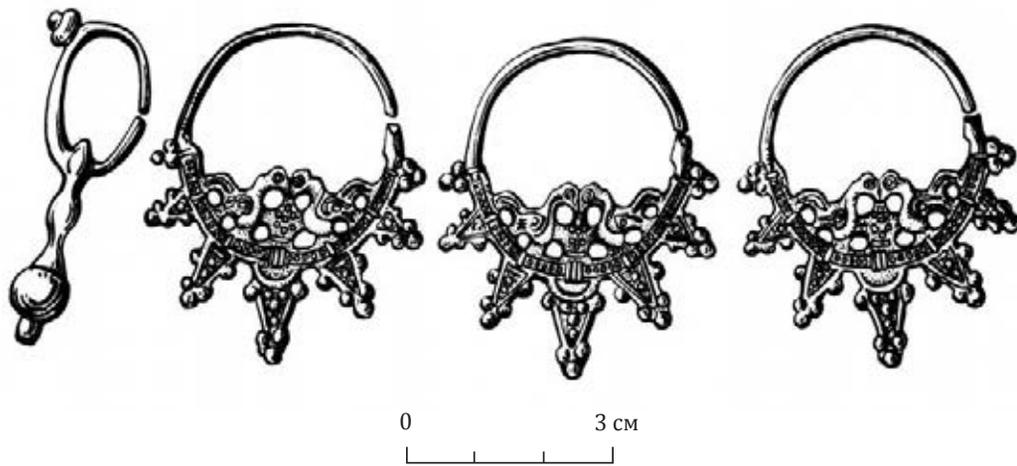

Рис. 5. Женские украшения из погребения на гордище Супруты (раскопки С. А. Изюмовой, 1970 г.)

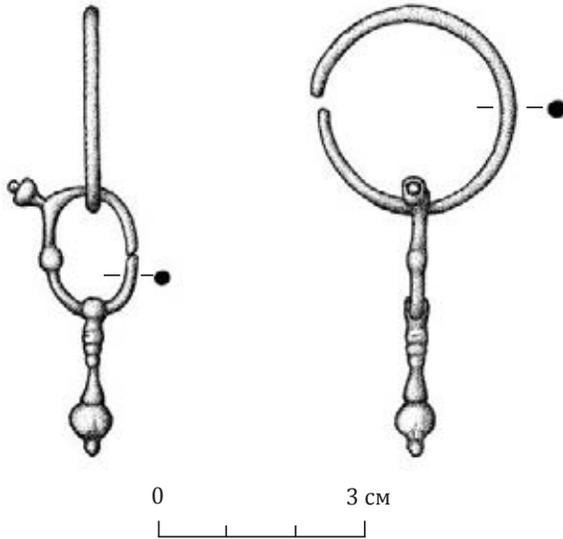

Рис. 6. Серьга из Железницкого клада

отметить, что и в составе Алпатьевского клада двум серьгам «салтовского» типа также соответствуют два проволочных височных кольца⁴⁷. На территории славян Хазарского каганата сформировался свой, довольно широкий для периферийного региона, отдаленного от источника модных идей, набор типов серег. Подтверждением вероятности изготовления серег на славянской территории является находка на Каневском городище литейной формы для отливки данного типа украшений⁴⁸. Безусловно импортным украшением можно считать лишь серьгу из медного сплава (отдел I, тип 3) с Супрутского городища.

⁴⁷ Мурашева В.В. «Книга путей и стран»... С. 117.

⁴⁸ Петрашенко В.О. До проблеми археологічної інтерпретації літописних полян // Старожитності Русі-України. Київ, 1994. С. 183, рис. 3.

Summary

V. V. Murasheva

Earrings of the Slavs in the Khazar Khaganate

Earrings of the so-called "Saltov type" became widespread over a large territory: they can be regarded as one of the manifestations of Eurasian fashion in the medieval period. A range of large local groups within this jewellery type can be identified, each of which had its own features as regards morphology and the technology used for manufacture. Study of finds from

East Slav territories makes it possible to assume that earrings of the "Saltov type" became an integral part of attire for Slav women from the tribes within the Khazar Khaganate's sphere of influence. It is probable that in the 9th and early-10th century earrings were produced inside Slav territories and cannot be regarded as imported items.

Фибулы типа «Терслев» на территории Древней Руси

Украшения, декорированные в стиле «Терслев», получили название по крупнейшему кладу эпохи викингов, найденному в 1911 г. на острове Зеландия в Дании¹. Исследователи включают в эту группу такие предметы женского убора, как подвески к ожерелью и круглые фибулы, скреплявшие ворот нижней рубашки или туники². Разные по функциональному назначению, конструкции и размерам (диаметр – от 1,5 до 4,5 см) изделия объединяет мотив орнамента – четыре волюты, вписанные в круг. Они образуют замкнутую композицию, благодаря соединяющей их контурной линии в виде окружности, квадрата или ромба. В центральной части круга иногда присутствует равноконечный крест (рис. 1). В некоторых случаях крестовидная фигура

¹ Friis Johansen K. Sølvsatten fra Terslev // Aarbøger for nordisk Oldkyndighet og Historie III, 2, 1912, 189–263.

² В составе клада Терслев были представлены только подвески этого типа.

хорошо различима и в расположенных симметрично волютах³. Особой разновидностью стиля «Терслев» является композиция из трех волют, соединенных с помощью равностороннего треугольника. На всех экземплярах этого типа крест в центральной части украшения отсутствует. Помимо общих стилистических признаков украшения типа «Терслев» отличает техника изготовления – они выполнены из серебра или золота с помощью соединения пайкой двух пластин – гладкой и рельефной. Выпуклые линии орнамента получены тиснением на круглом штампе с позитивным рельефом. Контурные орнамента на верхней пластине дополнены круглой и декорированной проволокой, а также шариками зерни. При

³ Eilbracht H. Filigran – und Granulationskunst im Wikinischen Norden: Untersuchungen zum Silberschmiedetechniken zwischen dem Kontinent und Nordeneuropa // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Beiheft 11. Köln-Bonn, 1999. S. 138.

Рис. 1. Лицевая и оборотная стороны серебряной фибулы типа «Терслев». Случайная находка на о-ве Эланд, Швеция (Ekelunda, Sandby sn., Öland, SHM 4432, D-38 мм). Фото автора

изготовлении подвесок заготовка плоской нижней пластины имела прямоугольный выступ для получения ушка-трубочки. В случае фибул к нижней пластине крепились держатель и приемник иглы, а также петля для подвешивания мелких украшений на колечке или цепочках⁴.

В настоящее время известно девять подвесок, относящихся к типу «Терслев». Они обнаружены в кладах Дании (Vester Vedsted и Terslev), некрополе и гавани Хедебю на территории Северной Германии. Единственный экземпляр за пределами Скандинавии эпохи викингов происходит из польского клада (Piaski), найденного в окрестностях Волина⁵.

Фибулы «Терслев» с выпуклой лицевой поверхностью получили более широкое распространение, чем подвески. По последним подсчетам в Северной Европе и на восточном побережье Балтики известно 48 находок: они сконцентрированы на севере Германии, в Дании, Южной Швеции, Упланде и на островах Эланд и Готланд. В центральных и северных провинциях Швеции, Норвегии, Польше и Восточной Пруссии фибулы этого типа встречаются значительно реже⁶.

Целые и фрагментированные украшения чаще присутствуют в кладах, чем в погребениях (62% – клады; 30% – погребения; 8% – случайные находки). Фибулы происходят из могильников на территории Шлезвига (Hedeby, Thumby-Bienebek, Kosel); Средней Швеции (Birka, Ulunda); Дании (Snoldelev), Норвегии (Tomberg) и Восточной Пруссии (Wiskiauten)⁷.

М. Стенбергер относил фибулы «Терслев» к типу SpII, включая в него только украшения из золота и серебра в технике зерни и скани⁸. И. Янссон на материалах Бирки выделил две группы фибул с этим типом орнамента: литые имитации из медных сплавов – III в и их прототипы из драгоценных металлов – VA⁹. В каталоге, составленном Х. Айльбрахт, подвески типа «Терслев» отнесены к типу A.1.4, а фибулы – к типу B.1.2¹⁰. Наиболее полный каталог и подробная классификация подвесок и фибул типа «Терслев» предложены в работе З. Кляйнгэртнер. Она разделила орнаментальные композиции на 4 основных типа с учетом формы и ориентации линий, соединяющих четыре волюты, вписанные в круг. В зависимости

от оформления центральной части украшения внутри типов выделены варианты. К основным типам исследовательница добавляет «особые формы»: украшения с тремя волютами и фибулы-дериваты, орнамент которых имеет лишь отдаленное сходство с классической композицией «Терслев»¹¹. Модифицированная версия этой сложной классификационной схемы содержится в монографии, посвященной некрополю Хедебю. Авторы предложили разделить украшения «Терслев» на 6 вариантов, а к «особым формам» отнести лишь единичные находки нестандартного облика, не выделяя их в отдельные типы (рис. 2)¹². С помощью последней схемы удалось дать исчерпывающую морфологическую и стилистическую характеристику подвескам и фибулам из Хедебю и аналогичным изделиям из Северной Европы, определить круг близких параллелей и высказать суждения об относительной и абсолютной хронологии погребений и отдельных находок.

Как полагают, наиболее ранними украшениями в стиле «Терслев» являются две золотые подвески из камерного погребения 5(2) в южной части некрополя Хедебю: его относят к рубежу IX–X столетий. Первой половиной X в. датируют женское погребение в могильной яме с остатками гроба (№ 497): среди богатого инвентаря обнаружена серебряная фибула с четырьмя волютами. Золотая фибула «Терслев» с тремя волютами присутствует в камерном погребении 2 середины X в.¹³ Из пяти фибул «Терслев», обнаруженных в Бирке, три происходят из камерных погребений. Анализ датирующих типов украшений и монет из этих комплексов показывает, что погребение Bj 834 относится к ранней стадии поздней Бирки (конец IX – первая четверть X в.), а погребение Bj 731 и 965 – к финальной стадии существования памятника (третья четверть X в.)¹⁴. На основе датировки монет, обнаруженных совместно с фибулами и подвесками типа «Терслев», можно заключить, что украшения, декорированные в этом стиле, присутствуют в кладах, выпадающих с первой четверти X в. (Oppmannasjön – 895–927; Bräcke – 901–925) до последней четверти XI в. (Sigsarve – 1047–1074). Тем не менее пик распространения украшений «Терслев» приходится на 50-е–60-е годы X в.¹⁵

Прикладное искусство континентальной Европы и англо-саксонской Британии VII–VIII вв. – источник заимствования многих орнаментальных композиций эпохи викингов, включая декор с различными комбинациями волют. Мотив креста, появившийся в орнаменте северных изделий на рубеже IX–X вв., связывают с проникновением христианства в эли-

⁴ Eilbracht H. Op. cit. S. 24–46.

⁵ Ibid. S. 189–191.

⁶ Kleingärtner S. Fibeln und Anhänger vom Typ Terslev und ihre gegossenen Imitationen // Zwischen Tier und Kreuz. Untersuchungen zur wikingerzeitlichen Ornamentik im Ostseeraum. Neumünster, 2004. S. 225, Liste 5.

⁷ Arents U., Eisenschmidt S. Die Gräber von Haithabu. Bd. 2. Neumünster, 2010. S. 271–273.

⁸ Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit 1. Text. Stockholm, 1958. S. 40–44.

⁹ Jansson I. Kleine Rundspangen // Birka II: 1 Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm, 1984. S. 63–66.

¹⁰ Eilbracht H. Op. cit. S. 189–191, 201–208.

¹¹ Kleingärtner S. Op. cit. S. 222–274.

¹² Arents U., Eisenschmidt S. Op. cit. S. 110–115.

¹³ Ibid. S. 318–319.

¹⁴ Jansson I. Op. cit. S. 72, Tab. 8:1.

¹⁵ Arents U., Eisenschmidt S. Op. cit. S. 111, Tab. 8.

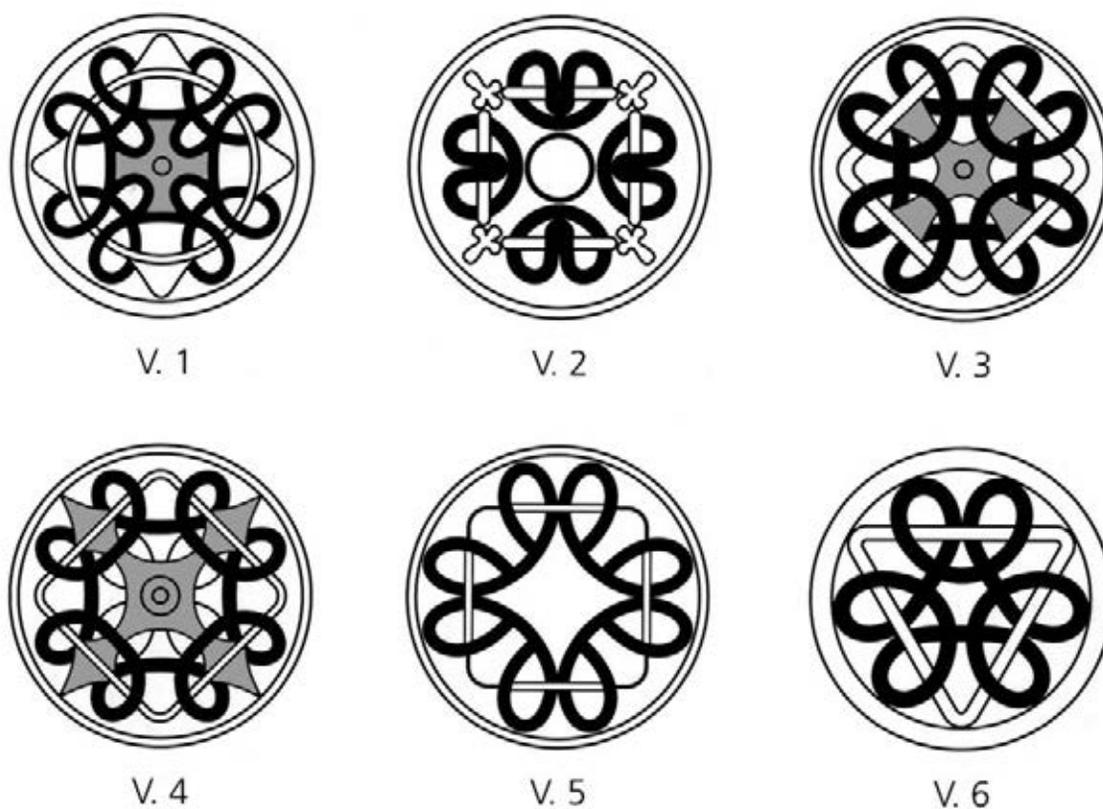

Рис. 2. Схематичные изображения шести вариантов орнамента «Терслев». По: Arents U., Eisenschmidt S. Op. cit. S. 112, Abb. 52

тарную культуру южной Скандинавии и с миссионерской деятельностью священников из Фризии и Германии¹⁶. Расцвет искусства зерни и скани на Севере Европы в X в. был обусловлен развитием торговых и дипломатических контактов между датской элитой и франкской аристократией, а также распространением продукции придворных мастерских в качестве подарков, трофеев или предметов торговли. Континентальные импорты, свидетельствующие о перемещении престижных даров, появляются в южной и юго-западной Скандинавии в середине IX в.¹⁷

Однако стиль «Терслев» не является прямым заимствованием из Западной Европы: прототипы украшений этого типа, датированные ранее X в., за пределами северных стран пока неизвестны¹⁸. Неко-

торые исследователи отмечают также, что в орнаменте подвесок и фибул «Терслев» есть мотив сложного, замкнутого кольца-узла, который повторяется циклично – это характерная черта скандинавского стиля Борре. От круглых плоских фибул каролингско-оттоновского круга с двухэлементной системой застёжки украшения «Терслев» отличают выпуклая лицевая поверхность и трехчастная система креплений на обороте с дополнительной петлей¹⁹.

Изготовление украшений «Терслев» в мастерских Северной Европы документируется находками инструментов ювелиров. Из южной Скандинавии происходит 12 выпуклых штампов-патриц для изготовления верхней пластины украшений типа «Терслев». Два экземпляра известны в наборе, обнаруженном в гавани Хедебю (41 патрица для тиснения), еще два найдены на других участках этого поселения. Три штампа происходят из Лунда в шведской провинции Сконе, два обнаружены на поселении

¹⁶ Frick H-J. Karolingisch-ottonische Scheibenfibeln des nördlichen Formenkreises // *Offa. Berichte und Mitteilungen zur Urgeschichte, Frühgeschichte und Mittelalterarchäologie*. Bd.49/50. Neumünster, 1993. S. 273–279.

¹⁷ Hilberg V. Hedeby in Wulfstan's days: a Danish emporium of the Viking Age between East and West // *Wulfstan's Voyage. The Baltic Sea region in the early Viking Age as seen from shipboard. Maritime Culture of the North*. Vol. 2. Roskilde, 2009. P. 83.

¹⁸ Eilbracht H. Op. cit. S. 143–144.

¹⁹ Jansson I. Op. cit. S. 65; Hårdh B. Viking Age Uppåkra // *Från romartida skalpeller till senvikingatida urnesspännen. Nya materialstudier från Uppåkra. Acta Archaeologica Lundensia. Series IN8*, No. 61. 2010. P. 264; Eilbracht H. Op. cit. S. 158.

Рис. 3. Глиняная форма для производства литых копий фибул или подвесок «Терслев» и ромбических фибул в стиле Борре из раскопок производственной зоны в Хедебю в 1913 г. (LMS/KS13710).

Фото автора

Упокра, расположенном в 4-х км к югу от этого города. На территории Дании известно четыре патрицы, из них две для производства украшений с тремя волютами (Tissø, Hjørring). Самая южная находка хранится в коллекции музея г.Шпайер (Германия, земля Рейнланд-Пфальц), однако сведений о происхождении этого штампа нет²⁰. Распределение ювелирных инструментов свидетельствует о нескольких центрах производства украшений «Терслев», действовавших на юге Скандинавии во второй половине X в. Среди них не только ранние города, ассоциированные с королевской властью (Хедебю, Лунд), но аристократические усадьбы (Тиссё) и торгово-ремесленные центры (Упокра)²¹.

В Скандинавии, Древней Руси и на Британских островах встречаются литые имитации фибул и подвесок «Терслев», изготовленные из серебра, медных или легкоплавких сплавов²². Глиняная литейная форма, обнаруженная в Хедебю, свидетельствует о серийном производстве литых копий одновременно

²⁰ Armbruster B. Goldsmith' tools at Hedeby // Land, Sea and Home. Proceedings of a Conference on Viking-period Settlement at Cardiff, July 2001. Society for Medieval Archaeology Monograph 20. Leeds, 2004. P. 115–116.

²¹ Duczko W. Scandinavian dies of the Viking Age // Outils et ateliers d'orfèvre des temps anciens. Saint-Germain-en-Laye, 1993. P. 185–190; Svanberg F. Exclusive jewellery, Borgeby and Western Scania c. AD 950–1050 // Fornvännen 93:2. P. 119.

²² Jansson I. Op. cit. S. 63–64, Abb. 8: 2, III A; Недошивина Н. Г., Зозуля С. С. Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М., 2012. С. 185, рис. 7.

с изделиями более высокого статуса в технике зерни и скани (рис. 3)²³.

На территории Древней Руси обнаружено восемь серебряных фибул типа «Терслев». Морфологические, стилистические и технологические черты позволяют разделить их на две группы: четыре экземпляра принадлежат к вариантам, известным в Скандинавии, несмотря на особенности их орнамента и техники производства. Остальные украшения относятся к гибридным типам, сочетающим различные стили и представляющим переработанные версии скандинавских мотивов.

К украшениям типа «Терслев» иногда ошибочно причисляют две круглые серебряные фибулы из Среднего Поднепровья и Нижнего Подесенья. Одна из них обнаружена в камерном погребении 49, раскопанном в 1999 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве²⁴. Вторая происходит из женского погребения 1 в курганном могильнике Седнев в 25 км к северо-востоку от Чернигова (рис. 4)²⁵. Обе фибулы, без сомнения, скандинавского происхождения и имеют общие признаки с украшениями «Терслев»: выпуклую поверхность, четыре волюты в орнаменте, сканную проволоку и зернь. Однако отсутствует главный признак стиля «Терслев» – замкнутая композиция. Кроме того, они отличаются одночастной конструкцией и отсутствием тисненого рельефа. Обе фибулы из Южной Руси принадлежат к тому же кругу престижных украшений, что и многочисленные серебряные дисковидные подвески с тремя или четырьмя волютами, в орнаменте которых невозможно обнаружить крест. Они получили широкое распространение в Скандинавии и Древней Руси во второй половине X в.²⁶

Среди фибул «Терслев», обнаруженных на древнерусской территории, только одна принадлежит к классическому варианту с орнаментом из четырех волют и крестом в центральной части украшения. Орнамент фибулы, найденной предположительно в селе Весь Владимирской губернии (курган 4 из раскопок А. С. Уварова в 1852 г.), по ряду признаков может быть соотнесен с вариантом 1 по классификации У. Арентс и С. Айзеншмидт (рис. 5). Фибула состоит из двух пластин, верхняя – рельефная получена тиснением на выпуклом штампе; четыре волюты объединены окружностью. Несмотря на то, что композиция производит впечатление замкнутой,

²³ Hilberg V. Op. cit. P. 95, Fig. 12.

²⁴ Ивакин Г. Ю. Погребения X – первой половины XI в. из раскопок Михайловского Златоверхого монастыря (1997–1999 гг.) // Русь в IX–XIV веках: взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 289, рис. 7: 5.

²⁵ Комар А. В. Чернигов и Нижнее Подесенье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М., 2012. С. 359, рис. 18: 3. Следует отметить, что автор статьи называет эту фибулу «скандинавской круглой фибулой со сканным декором», не причисляя ее к типу «Терслев».

²⁶ Eilbracht H. Op. cit. S. 105–115, Taf. 2–4.

Рис. 4. Серебряная фибула с орнаментом в виде волут, декорированная в технике скани и зерни, из Седневских курганов, раскопки Д. Я. Самоквасова (ГИМ 76990/794/3).
Фото автора

Рис. 5. Фибула «Терслев» с четырьмя волутами и крестом в центре, диаметр – 33 мм. Владимирская губерния, Суздальский уезд, с. Весь, курган 4, раскопки А. С. Уварова, 1852 г. (ГИМ 55421. Оп. В 1069/50).
По: Меч и златник... С. 110, рис. 285

она состоит из отдельных элементов – изогнутых отрезков бусинной проволоки, соединенных попарно. Каждый из них дополнен непрерывным рядом шариков зерни. Проволока со спиральной нарезкой и гранулы создают эффект переплетенных лент металла. Пространство между волутами и бордюром заполнено бессистемно напаянной зернью. Бордюр оконтурен двумя видами проволоки: декорированной и гладкой круглого сечения.

Фибулы «Терслев», относящиеся к варианту 1, встречаются чаще других украшений этого типа: они известны в 14 кладах X – первой половины XI в. Из семи погребений с фибулами варианта 1 пять датируются X в. в целом; к первой половине X в. можно отнести два экземпляра из Бирки и Хедебю²⁷. В наборе штампов из гавани Хедебю есть экземпляр, по диаметру и декору подходящий для изготовления фибулы из Суздальского Ополя (рис. 6)²⁸. С большой долей вероятности можно заключить, что она произведена в мастерских на юге Скандинавии. Вместе с фибулой «Терслев» в комплексе кургана 4

Рис. 6. Выпуклый штамп-патрица из медно-железной сплава для производства фибул «Терслев» из комплекса находок в гавани Хедебю в 1979 г., диаметр – 35 мм. По: Armbruster B. Die Preßmodel von Haithabu. S. 268, Taf. 5: 3

²⁷ Arents U., Eisenschmidt S. Op. cit. S. 110–115, Tab. 8.

²⁸ Armbruster B. Die Preßmodel von Haithabu // Haithabu und die frühe Stadtentwicklung im nördlichen Europa. Schriften des Archäologischen Landesmuseums. Neumünster, 2002. Bd. 8. S. 255, Taf. 5: 3.

Рис. 7. Серебряные фибулы из Владимирских курганов. Депапортизованные находки из раскопок А. С. Уварова. По: Сокровища ойкумены... С. 105. 1 – фибула «Терслев» с четырьмя волютами и стеклянной вставкой (ГИМ); 2 – фибула-дериват типа «Терслев», диаметр – 44 мм (ГИМ. Оп. 57а/801)

(погребение женщины по обряду ингумации) обнаружены скандинавская подвеска с тремя волютами и крестик «скандинавского» типа, а также дирхеми середины–второй половины X в.²⁹

Из неустановленного курганного комплекса на территории Суздальского Ополя происходит еще одна серебряная фибула с орнаментом «Терслев». К сожалению, качественное изображение этой находки опубликовано только в популярном издании без масштаба и оборотной стороны³⁰. Несмотря на то, что в орнаменте украшения есть замкнутая композиция с центральным крестом и четырьмя волютами, его невозможно вписать ни в одну из предложенных классификаций. Характерными особенностями этой фибулы являются декор из двух или трех соединенных вместе проволок, стеклянная вставка в центре креста и небольшое количество зерни: мелкие шарики плотно уложены только внутри контура центрального изображения. Треугольники из трех крупных гранул и одиночные зерна образуют

²⁹ Меч и златник. К 1150-летию зарождения Древнерусского государства: каталог выставки. М., 2012. С.110, кат. 285–289.

³⁰ Сокровища ойкумены. Великое переселение. М., 2005. С. 105.

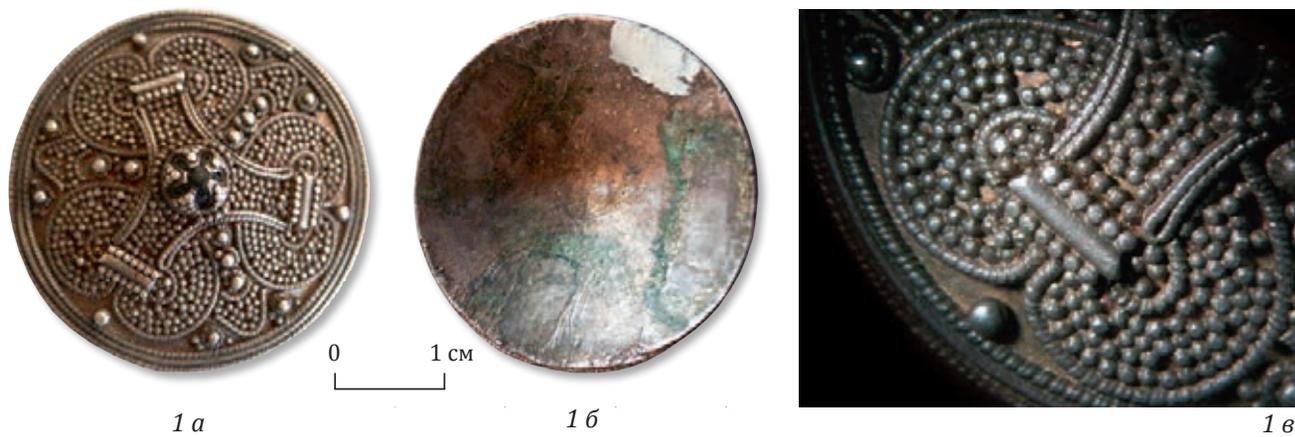
три пояса – вокруг креста, внутри завитков каждой волюты и по краю бордюра (рис. 7: 1). У этой фибулы нет аналогов, вероятно, она выполнена умелым мастером, копирующим чужой образец и дополнившим его треугольниками из шариков зерни.

Две чрезвычайно близких друг другу фибулы из Гнёздова относятся к варианту 6 с тремя волютами, вписанными в равносторонний треугольник³¹. Одна из них найдена на Центральном городище, другая – в кургане Ц-198. В центральной части этих украшений – трехлопастные фигуры с вогнутыми сторонами и стеклянными вставками в напаянных гнездах (рис. 8: 1, 2). От большинства фибул типа «Терслев» гнёздовские украшения отличаются одночастной конструкцией – сканно-зерненный орнамент помещен непосредственно на выпуклой пластине, лишенной рельефа.

Декор гнёздовских фибул выполнен из гладкой и бусинной проволоки – филигранной нити, полученной с помощью специального напильника. Готовую проволоку разрубали на отрезки нужной длины, некоторые были прокованы с обеих сторон для получения плоского брусочка с фестончатыми краями. Из этих прямых и изогнутых отрезков-заготовок на лицевой поверхности фибулы выкладывали контуры орнамента «Терслев». Все пространства внутри контурных линий заполнены мелкой (D – 0,5 мм), бессистемно напаянной зернью. Ряды крупных шариков зерни (D – 1,8 мм), посаженных на колечки из сканной проволоки, помещены между волютами и «углами» треугольника в бордюрной части украшения. Бордюр оформлен с помощью нескольких рядов толстой проволоки. На оборотной стороне обеих фибул приспособления для застежки – держатели и приемник иглы, а также колечко для подвешивания цепочек не сохранились. Об их расположении можно судить только по следам припоя в виде зеленых окислов (рис. 8: 3).

В целом фибулы отличает прекрасное качество работы за счет точной укладки филигранного рисунка, использования проволоки разного диаметра и сечения, а также чистоты припоя: он не «топит» орнамент. Судя по остаткам припоя между шариками зерни, соединение деталей орнамента происходило с помощью химического состава, включающего куприт меди и органический компонент – клей. Поверхность, подготовленную для укладки филигранного узора, покрывали полученным веществом – присутствие клейкой субстанции позволяло мастеру зафиксировать отрезки проволоки и гранулы в нужном порядке. Затем добавляли флюс и помещали фибулу в древесный уголь. При нагревании происходило разрушение органического вещества и высвобождение углерода, который восстанавливал

³¹ Arents U., Eisenschmidt S. Op. cit. S.110–112, Abb.52: V6.

медь из соединений. В месте контакта поверхности пластины и накладных проволочек/шариков восстановленная медь образовывала промежуточный низкотемпературный сплав, соединяющий элементы изделия с основой и между собой. Такой способ пайки происходил при относительно низкой температуре – около 800 С° и практически не оставлял следов на поверхности изделия. Использование химического припоя было зафиксировано при технологическом изучении украшений из Бирки и Хедебю³².

Несмотря на очевидное сходство, фибулы из Гнёздова различаются в мелких деталях. На поверхности украшения с городища в центральной и бордюрной зонах меньше мелкой зерни; волюты и лопасти более «узкие». В целом композиция выглядит более строго и изящно из-за пропорций и контраста гладкой и гранулированной зон. Плотно уложенные шарики зерни занимают почти все поле украшения из кургана Ц-198.

Украшения «Терслев» с тремя волютами – редкий вариант этого типа. В списке находок помимо гнёздовских – золотые фибулы из камерного погребения 2 в Хедебю и два серебряных экземпляра из кладов, обнаруженных на острове Зеландия: фибула из Сейрё (Sejrø) и подвеска из Терслев³³. Несмотря на общие стилистические черты, фибулы из Южной Скандинавии отличаются от гнёздовских: они меньше³⁴; пластина под декор получена с помощью тиснения; в орнаменте доминирует скань, дополненная редкими шариками зерни, а в центральной части нет гнезда со стеклянной вставкой.

Стилистические и технологические особенности гнёздовских фибул позволяют предположить,

³² Armbruster B. Goldschmiede in Haithabu – Ein Beitrag zum frümittelalterlichen Metallhandwerk // Das archäologische Fundmaterial VII. Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Neumünster, 2002. S.174–175; Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking Period. Stockholm, 1985. P. 26.

³³ Arents U., Eisenschmidt S. Op. cit. S. 113–114.

³⁴ Диаметр фибулы с Центрального городища – 35 мм; из кургана Ц-198 – 32 мм; из камерного погребения 2 в Хедебю – 24 мм; из клада Сейрё – 27 мм.

Рис. 8. Серебряные фибулы «Терслев» с тремя волютами из Гнёздова:
1 (а, б) – фибула из камерного погребения Ц-198, диаметр – 32 мм (раскопки Д. А. Авдусина в 1976 г., Археологический музей МГУ);
1(в) – макросъемка участка фибулы с увеличением в 20 раз;
2 – фибула из раскопок Н. В. Андреева и Н. П. Милонова на Центральном городище в 1940 г., диаметр – 35 мм (СОМ 5488/12).
Фото автора

что они сделаны одним мастером. Он не пользовался штампами для тиснения, что усложняло процесс изготовления: для размещения сложного циклического декора на гладкой выпуклой поверхности требовались художественный талант и искусное владение техникой филигрании. Судя по некоторым признакам, этот ювелир работал не на юге Скандинавии, а в Средней Швеции: только в этом регионе встречаются сканно-зерновые фибулы, обильно украшенные разнокалиберными гранулами и стеклянными вставками, закрепленными в выпуклых гнездах (Бирка, Тушта)³⁵.

³⁵ Eilbracht H. Op. cit. Taf. 16: 197; Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking Period ... Fig. 105.

Рис. 9: 1. Серебряная фибула – депаспортизованная находка с территории селища к западу от р. Свинец, диаметр – 41 мм (Археологический музей МГУ).
Фото автора

Рис. 9: 2. Макросъемка участка фибулы с увеличением в 20 раз: несовпадение контуров орнамента на тисненой пластине и сканно-зерненого узора; треугольнички зерни в бордюрной зоне украшения.
Фото автора

Обе гнёздовские фибулы найдены в исключительно богатых комплексах. Курган Ц-198 – женская ингумация в камере, содержащая овалы фибулы ЯП51, 11 серебряных украшений, среди которых проволоочная фибула, браслет, лунница, крест, бусины, скандинавские и восточные подвески, шелковый головной венчик с золотными нитями, складные весы и фрагмент восковой свечи. По ряду признаков это погребение принадлежит к скандинавской культурной традиции и датируется третьей четвертью X столетия³⁶.

Вторая фибула была найдена в юго-западной части Центрального городища в комплексе серебряных и золотых украшений, который авторы раскопок рассматривали как инвентарь «полуязыческого» женского погребения с частично обожженными костями³⁷. Отсутствие полноценной полевой документации не дает возможности уточнить обстоятельства находки 1940 г. Однако учитывая, что за долгие годы археологического изучения Центрального городища на его территории ни разу не были зафиксированы следы погребений, можно предположить, что мы имеем дело с ошибочной интерпретацией сгоревших построек в качестве кострища.

³⁶ Жарнов Ю. Э. Женские скандинавские погребения в Гнёздове // Смоленск и Гнёздово. М., 1991. С. 208.

³⁷ Андреев Н. В., Милонов Н. П. Раскопки на Гнёздовском городище в 1940 г. // КСИИМК. Вып. 11. 1945. С. 27–28, рис. 21: 1–4, 22.

Современные данные о стратиграфии городища, включая участки, граничащие с раскопом 1940 г., а также сходство с достоверными комплексами кладов из Гнёздова и Скандинавии свидетельствуют, что исключительно редкие золотые и серебряные украшения, среди которых две золотые византийские монеты-подвески, являются вещевым кладом. Хорошая сохранность находок из металла и органики (ложка из слоновой кости), не затронутых действием погребального костра, подтверждает эту гипотезу. Время выпадения этого комплекса можно датировать не ранее середины X в.³⁸

Третий экземпляр фибулы «Терслев» из Гнёздова, найденный случайно на Гнёздовском селище, расположенном к западу от р. Свинец, относится к гибридным типам – «особым формам» по классификации немецких исследовательниц. Судя по двухчастной конструкции – рельефной верхней пластине и гладкой нижней с застежкой и колечком из рубчатой проволоки, фибула принадлежит к скандинавской технологической традиции (рис. 9: 1). На это указывает крест, помещенный в центр украшения, синяя стеклянная вставка, закрепленная в напаянной гнезде, а также применение оконтуренной проволокой разнокалиберной зерни (0,2–0,7 мм). Однако «деструкция» орнамента «Терслев» и грубая

³⁸ Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама. М., 2012. С. 264–266.

работа свидетельствуют о попытке неумелого воспроизведения чужого украшения. Волюты трансформировались в птичьи крылья; центральный крест сделан из отдельных пластинок с напаянными сканными проволочками, а не с помощью зерни, как на скандинавских образцах. На качество работы мастера указывают несоответствующие контуры орнамента на рельефе тисненой пластины и узора из скани и зерни, неправильно подобранный припой, «утопивший» проволоку и гранулы (рис. 9: 2). Характерная особенность этой фибулы – бордюр из 24 треугольников, составленных из 6, 10 или 15 шариков зерни, расположенных вдоль края верхнего диска. Регулярная зернь, образующая геометрические фигуры, является характерным признаком скандинавского искусства зерни и скани³⁹.

Две похожие на гнёздовский экземпляр фибулы «особой» формы происходят из курганов Суздальского Ополя⁴⁰. Они практически совпадают по диаметру (41–43 мм), имеют одинаковую двухчастную конструкцию, систему застёжек, а также петлю с кольцом для цепочек на обороте. В орнаменте обеих фибул читаются модифицированные волюты – крылья, плотно заполненные мелкой зернью внутри очерченного проволокой контура. Об оформлении центральной части плохо сохранившегося экземпляра судить невозможно; в его бордюрной зоне расположены треугольники из шариков зерни. Вторая фибула не имеет геометрических элементов в орнаменте. В центральной части – полусферический выступ, вписанный в ромб с вогнутыми сторонами. Углы ромба ограничиваются отрезками проволоки – это рудименты сплошной линии, соединявшей волюты в классических вариантах композиции «Терслев». Между этими отрезками и бордюром припаяны три отрезка проволоки, расположенные под углом друг к другу, напоминающие хвост геральдической птицы (рис. 7: 2). Качество изготовления этой фибулы нельзя назвать хорошим: среди шариков зерни много бракованных гранул – проволочных колечек, нагретых недостаточно для того, чтобы сила поверхностного натяжения придавала им сферическую форму. Пайка отдельных элементов декора произведена небрежно – на поверхности остались «островки» нерасплавленного припоя. Особенность декора фибулы связана с тем, что для контура центральной фигуры и «птичьих хвостов» использовали два «слоя» проволоки. Сначала создавали контурный рисунок из тонких отрезков круглой проволоки, затем между ними укладывали более толстую проволоку с «винтовой» нарезкой. Из-за разницы в диаметре эти декоративные элементы не поместились внутри нижнего контура и оказались немного выше

³⁹ Duczko W. The filigree and granulation work of the Viking Period ... P. 78–79.

⁴⁰ Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 130, рис. 23, 25.

Рис. 10. Серебряная фибула – дериват украшения «Терслев» из Финнмарка, Норвегия.

По: Petersen J. *Vikingetidens Smykker*. Stavanger, 1928. S. 122, Fig. 125.

Прорисовка по фотографии из публикации

остальных деталей, придавая орнаменту дополнительную рельефность. Такой прием использования скани встречается еще дважды: в декоре круглой серебряной зооморфной фибулы из Старовознесенского некрополя в Пскове и в орнаменте фибулы из клада Собачьи горбы, речь о которой пойдет ниже⁴¹. На обороте фибулы из Суздальского Ополя есть следы ремонта крепления застёжки, нельзя не заметить также, что металл на лицевой стороне сильно потерт. Все это свидетельствует о долгой жизни украшения.

Ближайшая параллель фибуле из Владимиро-Суздальских курганов обнаруживается в погребении на территории Финнмарка – самой северной провинции Норвегии (Ekerø, Vadsø). Она опубликована в знаменитой работе Я. Петерсена, но никогда не привлекалась в качестве аналогии для фибулы из Суздальского Ополя, несмотря на их поразительное сходство (рис. 10). находка, лишенная археологического контекста, отнесена автором к эпохе викингов в целом⁴². Не исключено, что она попала на Север

⁴¹ Ениосова Н.В. Исследование химического состава металла и техники изготовления украшений и бытовых предметов из камерных погребений Старовознесенского некрополя // Древнерусский некрополь Пскова X – начала XI в. Камерные погребения Пскова X в. (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). Т. 2. [В печати].

⁴² Petersen J. *Vikingetidens Smykker*. Stavanger, 1928. S. 122, Fig. 125.

Рис. 11. Лицевая и оборотная стороны серебряной фибулы из клада у д. Собачьи Горбы в округе Новгорода, диаметр – 70 мм (Гос. Эрмитаж, ОАБЕС 7636).
Фото автора

Рис. 12. Серебряная подвеска с изображением геральдической птицы из гнёздовского клада 1867 г. (Гос. Эрмитаж, ОАБЕС 994/44).
Фото автора

вместе со своей владелицей и является редким археологическим свидетельством русско-норвежских связей в конце X – первой половине XI в., известных по письменным источникам.

Фибула из клада Собачьи Горбы конца XI в., обнаруженного вблизи Новгорода, является наиболее поздним дериватом стиля «Терслев» на территории Древней Руси⁴³. Эта двухчастная фибула больше других украшений этого круга (d – 70 мм), ее бордюр состоит из восьми чередующихся рядов гладкой и декорированной проволоки. Рельефная верхняя пластина получена тиснением, в центральной части расположен ромб с полусферическим выступом, заполненный мелкой зернью. В ромб вписаны контуры четырех волют из изогнутых отрезков гладкой и декорированной проволоки. Внутри волют – зерновые лопасти креста с округлым окончанием. Между бордюром и центральной фигурой – два ряда пирамидок и ромбов, составленных из регулярных шариков зерни (рис. 11). На оборотной стороне фибулы сохранились приемник иглы и петля с кольцом, на котором подвешены цепи с наконечниками в виде голов дракона. В клада помимо фибулы были массивные гривны и браслеты, а также бусины. Монетную часть составляли 336 арабских, византийских и западноевропейских монет, младшая из которых выпущена в 1075⁴⁴.

⁴³ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 26–27.

⁴⁴ Там же. С. 100–101.

Из Гнёздова и Суздальского Ополя помимо дериватов фибул «Терслев» происходят дисковидные подвески с геральдической птицей, сочетающие германский зооморфный орнамент и славянскую геометрическую зернь, расположенную на ушке (рис. 12)⁴⁵. Учитывая стиль изображений и технические приемы изготовления фибул и подвесок, можно предположить, что их сделал один мастер. Особенности его индивидуальной манеры связаны с трансформацией мотивов, характерных для стиля «Терслев», и адаптацией элементов славянского искусства зерни.

При полном отсутствии находок – индикаторов производства гибридных фибул «Терслев» и подвесок с птицей, трудно судить о месте их изготовления. Возможно, украшения выполнил ювелир, принадлежавший к скандинавской общине Гнёздова в стационарной мастерской. Их высокая стоимость была обусловлена не только материалом – высокопробным серебром, но и уникальным сочетанием таланта художника с практическими знаниями о физических свойствах металлов. Жители города на Верхнем Днепре обладали значительными платежными средствами и запасами весового серебра для развития элитарного ювелирного ремесла. На различных участках Гнёздовского поселения най-

⁴⁵ Новикова Е. Ю. Подвеска с птицей из Владимирских курганов. Опыт атрибуции // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993. С. 46–56, рис. 1: 1, 2; рис. 2: 1, 3, 4; рис. 3: 3. (Труды ГИМ; вып. 82).

дены многочисленные свидетельства обработки драгоценных металлов и производства скандинавских украшений – важных символов культурной принадлежности для поселенцев, живущих вне Скандинавии⁴⁶. Нельзя исключать также, что дериваты фибул «Терслев» и подвески с птицей были изготовлены странствующими мастерами в тех пунктах, где ощущается присутствие скандинавов, например, на селищах Суздальской земли. Однако археологические свидетельства их деятельности практически неуловимы.

Датировка этой группы находок затруднена из-за отсутствия достоверных комплексов. Сканный зерненный узор из Владимирских курганов, по мнению В.А.Лапшина, относятся ко второй половине X – началу XI в.⁴⁷ Большой гнёздовский клад 1867 г., содержащий подвеску с геральдической птицей, традиционно датируют по младшей монете 953/954 г. Однако дошедшая до нас монетная часть этого комплекса не является полной⁴⁸. По ряду признаков, включающих ремонт и степень износа украшений, а также необычный состав серебра, зафиксированный в некоторых образцах, время выпадения

клада можно отнести к последней четверти или даже к концу X столетия⁴⁹.

Подводя итог сказанному выше, можно заключить, что фибулы «Терслев» принадлежат к общим компонентам скандинавской культуры, распространенной от Южной Скандинавии до Волго-Клязьминского междуречья. Как и в Северной Европе, эти украшения относятся к редким типам и обнаружены в богатых камерных погребениях или ингумациях либо в комплексах кладов. Появление в Гнёздове и Суздальском Ополье изделий, произведенных в мастерских Южной Скандинавии и Центральной Швеции, связано с присутствием состоятельных скандинавских женщин, получивших престижные украшения в дар или по наследству. Высокий статус и привлекательность фибул «Терслев» привели к появлению «гибридных» типов, созданных на Руси в последней четверти X – начале XI в. Вероятно, практически все дериваты фибул «Терслев» и подвески с геральдической птицей были произведены в ювелирной мастерской Гнёздова. Однако нельзя исключать, что странствующий мастер перемещался между Верхним Поднепровьем и Суздальским Ополем, выполняя заказы представительниц верхней страты древнерусского общества, не утративших своей скандинавской идентичности.

⁴⁶ Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс. С. 254

⁴⁷ Лапшин В.А. Ранняя дата Владимирских курганов // КСИА. Вып. 166. М., 1981. С. 46.

⁴⁸ Пушкина Т.А. Первые гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология: традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д.А.Авдусина. М., 1998. С. 370–374.

⁴⁹ Eniosova N.V. Tracing the routes of silver procurement to the early urban centre Gnezdovo in the 10th/early 11th centuries // Hrsg. T. Bedeguz. Die Archäologie der frühen Ungarn. Chronologie, Technologie und Methodik. RGZM – TAGUNGEN. Bd. 17. Mainz, 2012. S. 270–273.

Summary

N. V. Eniosova

The Terslev-style Brooches from the Old Russian Territory

This paper deals with the Terslev-style silver brooches named after a famous 10th century hoard from Terslev, Denmark. The Terslev-style pattern comprises four or three symmetrically placed volutes bound by a round, square or lozenge frame. The centre of brooch sometimes forms a cross. Some of the most elaborate brooches of the Viking Age are worked using copper alloy matrix dies and richly decorated with filigree and granulation. Forty-eight Terslev-type pendants and brooches are recorded mostly from southern Scandinavia, central Sweden, Gotland and Öland. They occur in hoards and graves dated from the early 10th up to the last quarter of the 11th century. Eight brooches of this type came from the Old Rus' territory. They are known from the graves excavated at Gnezdovo (1) and Vladimir

mounds (4). However, the latter group could not be attributed to burials due to incomplete information on find circumstances. Two Terslev brooches occur in rich hoards found at the Gnezdovo hill fort (second part of the 10th century) and near Novgorod (late 11th century); one brooch was found accidentally in the western part of the Gnezdovo open settlement. Only one chamber grave C-198 from Gnezdovo could be dated with certainty to the third quarter of the 10th century. Besides the truly Scandinavian Terslev jewellery found at Gnezdovo and Vladimir mounds there is a small group of hybrids comprises Terslev-derived motifs and Slavic geometrical granulation. The Scandinavian goldsmith at Gnezdovo or in the Vladimir area possibly produced them for the members of the local nobility.

«Пегас» с Рюрикова городища

Коллекция археологического материала с Новгородского (Рюрикова) городища многочисленна и разнообразна. Интересные находки обнаружены как при раскопках, так и при многолетних сборах подъемного материала на городищенском холме и на берегах Сиверсова канала. Среди находок встречаются арабские, византийские, западноевропейские монеты, древнерусские печати, редкие предметы североевропейского круга древностей, многочисленные украшения из цветного металла, янтаря и камня, характеризующие элитарную культуру княжеской резиденции и ее международные связи.

В данной статье¹ мы хотим обратить внимание на случайную находку, сделанную на городище в 1968 г. Это литая бронзовая накладка прямоугольной формы (2,84×3,2 см; толщина 0,26 см), имеющая выступающий мысик на верхней длинной стороне (рис. 1: 1). К ремню накладка крепилась расположенными по углам четырьмя железными штифтами, остатки трех из них сохранились в отверстиях. В центре накладки – рельефное изображение крылатого животного. Судя по оформлению головы и передних ног, заканчивающихся копытами, это лошадь. Задние конечности проработаны не так хорошо, но их окончания также можно интерпретировать как копыта, а прочерчивания на них – как спускающиеся волосы. пышный хвост загнут вверх. Левое крыло поднято, а правое намечено гравировкой прямо на теле животного. Видимо, для реалистичности изображения гравированными линиями украшены также верхнее левое крыло и хвост, а радиальной гравировкой подчеркнут круп лошади. Одним словом, перед нами Пегас.

Долгое время этой уникальной находке, как это порой бывает, не находилось прямых аналогий. Ког-

да в 2004 г. вышел солидный труд С.Д.Захарова об археологических материалах древнерусского города Белоозера, на таблице с ремненными накладками я неожиданно обнаружила близкую аналогию городищенской находке². От городищенской накладки белозерская отличается только тем, что имеет простую прямоугольную форму, у нее нет фигурного мысика (рис. 1: 2). Однако это не имеет большого значения, поскольку известны многочисленные примеры наборных поясов с практически идентичными поясными бляшками, чуть отличающимися по конфигурации³. Более важно то, что полностью совпадает изображение животного: общая композиция и его поза с приподнятой левой ногой (как бы в момент движения), загнутый пушистый хвост, гравировка на хвосте, крыле (в отличие от нашей находки, еще и дополнительно на гриве), также обозначено второе крыло на теле и полукругом выделен круп. С.Д.Захаров увидел на белозерской накладке более фантастическое существо, полагая, что у него львиный хвост и вместо копыт на задних лапах обозначены когти или пальцы. Насчет лап трудно спорить, там действительно есть какие-то насечки, а вот таких пышных хвостов у львов явно не бывает. Впрочем, это несущественно. Идентичность накладок несомненна, они вышли если не из-под руки одного мастера, то из одной ювелирной мастерской. Где же могла находиться это мастерская?

С.Д.Захаров не знал о находке с Рюрикова городища, хранящейся в фондах Новгородского государственного историко-архитектурного музея-заповедника, которая никогда не публиковалась, поэтому он привел достаточно широкий круг аналогий различных зверей с крыльями и загнутыми хвостами на прямоугольных накладках и щитках пряжек, но справедливо отметил, что «все они

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Президиума РАН в рамках Программы фундаментальных исследований «Историческая память и российская идентичность» (проект «Элитарная культура Северной Руси IX–X веков: столкновение традиций на пути к единству»).

² Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 188, рис. 96: 41.

³ См. например: Хвощинская Н.В. Финны на западе Новгородской земли. СПб., 2004. Табл. XVII: 1; XXXVI: 9–12.

Рис. 1. Бронзовые накладки с изображением крылатого коня:
 1 – Рюриково городище (сканировано С. Е. Торповым, рисунок Е. В. Грицик);
 2 – Белоозеро (по С. Д. Захарову); 3 – Саламатовское городище I
 (фотография из отчета А. М. Белавина, рисунок с фотографии воспроизведен Е. В. Грицик)

сильно отличаются от белозерской накладки»⁴. Мы не будем рассматривать подробно эти аналогии. В основном это изображения различных грифонов с птичьими клювами (кавказские и венгерские аналогии) или каких-то хищных животных с загнутым на спину хвостом. Хотя все они мало походили на белозерский экземпляр, автор верно определил территориальный круг возможных аналогий: это поволжские, южноуральские, северокавказские и венгерские древности.

Действительно, полная аналогия нашим северорусским накладкам была встречена в регионе Пермского Предуралья⁵. В 1986 г. на Саламатовском I городище, расположенном на правом берегу р. Усьвы в 3 км выше по течению ее впадения в р. Чусовую, была найдена прямоугольная подвеска, переделанная из литой наременной бронзовой накладки путем припайки к ней пластинчатого ушка, загнутого спиралькой (рис. 1: 3)⁶. В центре изделия выпуклое изображение знакомого нам коня, до мелочей повторяющее уже рассмотренные нами изображения на городищенской и белозерской накладках. Возможно, близкие изображения были на щитках неволинских пряжек, но их прорисовка в публикации настолько схематична, что угадывается только общий контур коня⁷.

Находки одинаковых украшений в трех достаточно удаленных пунктах неслучайны. Они маркируют экономические связи, существовавшие в X–XIII вв. между населением Прикамья, Поволжья и Северной Руси. Торговый путь, по которому, в частности, наборные неволинские пояса достигали Скандинавии, хорошо трассируется кладами монет⁸. По мнению большинства авторов, значительную роль в торговом посредничестве между Древней Русью, с одной стороны, и территориями, занятыми пермско-финскими и поволжско-финскими племенами, с другой стороны, играла Волжская Болгария – раннесред-

невековое государственное образование, возникшее на рубеже IX–X вв.⁹, а некоторые исследователи удревяняют эту дату до второй половины VII в.¹⁰ В силу своего исключительно выгодного географического положения при слиянии Камы с Волгой этот район оказался одним из центров транзитной торговли. Широкие культурно-экономические, а в ряде случаев и политические контакты связывают его с Арабским халифатом, Хазарией, Средней Азией, Кавказом, Византией, Древней Русью, Прибалтикой и Скандинавией¹¹.

Торговля способствовала экономическому развитию самой Волжской Булгарии, в том числе развитию ее земледелия и ремесла. Булгарский экспорт делился на две группы товаров – на продукцию собственного производства и на предметы, приходящие с Востока и поступающие на другие территории при посредничестве булгар. Булгарские ювелиры были искусными мастерами. В их мастерских столкнулись традиции различных народов. С достаточной долей вероятности можно предполагать, что и рассматриваемые нами литые накладки могли быть сделаны именно здесь. В основе наших предположений лежит сам сюжет крылатого коня Пегаса.

Культ коня в разных проявлениях был распространен в древности и Средневековье на широких территориях как у северных, так и у южных народов Евразии. Этому сюжету посвящена обширная литература, рассматривающая данное явление в историко-культурном и фольклорно-этнографическом контексте. Образ крылатого коня исследователи прежде всего связывают с космогонической идеологией. А. М. Беленицкий, освещая культ коня в идеологических представлениях народов Средней Азии и европейских степей, отмечал, что «многочисленные памятники искусства, изображающие крылатых коней и так называемые солнечные колесницы, запряженные конями, открыты в Средней Азии и Казахстане»¹². Он приводит изображения крылатых коней из Пенджикента, Ак-тепе, Каргалы, Беграма. Крылатые кони украшали геммы сасанидской династии, правившей Ираном в III–VII вв. н.э.¹³ В античной, вавилонской, иранской, индийской и других

⁴ Захаров С. Д. Указ. соч. С. 188.

⁵ Я благодарна В. В. Новикову и А. М. Белавину за ценные советы и уточнения в поисках аналогий накладкам с Юрюкова городища и Белоозера.

⁶ Белавин А. М., Голдобин А. В., Крыласова Н. Б., Ленц Г. Т., Милиаскарова А. Г., Терехин А. А. Археологические памятники бассейна р. Чусовой. Чусовой: Музей истории р. Чусовой, 1988. Рис. 8: 20; Крыласова Н. Б. Украшения Саламатовского I городища // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 7. Пермь, 2011. С. 87, 93, рис. 2: 13.

В монографии А. М. Белавина «Камский торговый путь» эта находка случайно приписана к коллекции находок с селища Телячий Брод (см.: Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: Пермский гос. педагогический университет, 2000. С. 109, рис. 50: 8).

⁷ Голдина Р. Д., Водолаго Н. В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. Табл. XXVI: 23, 31.

⁸ Кропоткин В. В. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 38–62.

⁹ Белавин А. М., Оборин В. А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII вв. // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 63–75.

¹⁰ Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы евразийских степей. Древность и Средневековье. СПб., 2000. С. 138.

¹¹ Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 36–46; Белавин А. М. Указ. соч. С. 27–31.

¹² Беленицкий А. М. Конь в культах и идеологических представлениях народов Средней Азии и евразийских степей в древности и раннем Средневековье // КСИА. Вып. 154. М.: Наука, 1978. С. 32.

¹³ Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 119.

мифологиях крылатые кони увлекали в небо солнечные колесницы богов. Самый известный крылатый конь – это греческий белоснежный Пегас. Одним словом, круг аналогий сюжету крылатого коня ведет нас на территории европейских степей, Востока (в широком понимании) и Средиземноморья.

У финно-угорских и балтских народов образы коней в бронзовой пластике в качестве разнообразных подвесок были совершенно иными. Это стилизованные изображения животных: плоские, объемные, полые, чаще в качестве шумящих подвесок, иногда в виде парных голов, смотрящих в разные стороны и прочие. Они хорошо известны по статьям и сводам Л. А. Голубевой и Е. А. Рябиной¹⁴ и другим работам. Однако следует заметить, что ни разу здесь мы не встречаем образ коня с крыльями. Так что, скорее всего, он пришел с юга. Кроме того, накладки с Рюрикова городища, Белоозера и Саламатовского городища отличаются по технике изготовления от

финно-угорских и балтских украшений. Характеризуя накладку с Саламатовского городища, Н. Б. Крыласова подчеркивает, что она выполнена в технике литья с последующей подчеканкой, которая была характерна для изготовления поясных накладок болгарскими ремесленниками в X – первой трети XIII в.¹⁵ Таким образом, можем предполагать, что именно Волжская Булгария являлась местом производства накладок, которые по известному торговому пути оказались и на Белоозере, и на Городище под Новгородом.

Относительно хронологии можно сказать, что накладки относятся к древнерусскому периоду. Дело в том, что на Белоозере ранние слои датируются временем начиная со второй половины X в., на Саламатовском городище также нет материалов ранее X в.¹⁶ Видимо, ее можно датировать второй половиной X–XII вв. Общая датировка Рюрикова городища не противоречит этому.

¹⁴ Голубева Л. А. Зооморфные украшения финно-угров. М.: Наука, 1979. Табл. 10–25. (САИ. Вып. Е1–59); Рябина Е. А. Зооморфные украшения Древней Руси X–XIV вв. Л.: Наука, 1981. Табл. IX–XII, XIV–XVII. (САИ; вып. Е1–60).

¹⁵ Крыласова Н. Б. Указ. соч. С. 93.

¹⁶ Захаров С. Д. Указ. соч. С. 68; Крыласова Н. Б. Указ. соч. С. 88.

Summary

N. V. Khvoshchinskaya

‘Pegasus’ from Rurik Gorodishche

This article is devoted to a chance find made at Rurik Gorodishche in 1968. It was a cast-bronze plate rectangular in shape (2.84×3.2 cm² and with a thickness of 26 mm³), which has a protruding ‘ledge’ on its upper long side (fig. 1). The plate had been attached to a strap by four iron rivets at its corners. In the centre of the plate there is a depiction of a winged animal worked in relief. To judge from the shape of the animal’s head and its forelegs ending in hooves, it is a horse.

Complete parallels for this object have been found in the medieval Russian town of Byeloozero and in the foothills of the Urals near Perm at the Salamatovskoye fortified settlement. In the latter instance, the plate had been reworked as a pendant. The details of the depiction on all three plates coincide. Finds of similar items of jewellery at considerable distances from each other are more than mere coincidences. They are markers for the commercial links which existed in the 10th–13th centuries between the populations of the Kama and Volga regions and that of Northern Rus. The trade route via which composite Nevoli nobel sets, among other things, made their way as far as Scandinavia, can be clearly traced thanks to finds of coin hoards.

A significant part in trade mediation between medieval Rus, on the one hand, and the territories inhabited by tribes of Finns in the Perm and Volga regions, on the other, was that played by Volga Bulgaria. Wide cultural and economic contacts linked Volga Bulgaria with the Arabian Caliphate, Khazaria, Central Asia, the Caucasus and the Mediterranean – precisely the places where in art the motif of a winged horse was well-known. Bulgarian jewellers were skilled masters of their craft. Traditions of various different peoples would encounter each other in their workshops. Given that the plates were cast and then caulked – a technique which was a typical one for the manufacture of belt plates by Bulgarian craftsmen in the 10th century through to the first half of the 13th – it can be assumed with a fair degree of probability that the belt decorations examined here were made precisely within the territory of Volga Bulgaria. With reference to the materials from Byeloozero and the fortified settlement of Salamatovskoye, it is possible to date the belt plates to the period from the second half of the 10th century through to the 12th.

Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополе

Начиная с 2001 г. Суздальская археологическая экспедиция ИА РАН под руководством академика Н.А.Макарова осуществляет комплексную программу широкомасштабных археологических исследований в Суздальском Ополе. Одним из главных направлений работ экспедиции стало детальное изучение Шекшовского археологического комплекса – крупного гнезда средневековых сельских поселений (16 селищ), возникающего в X в. и включающего курганный и грунтовый некрополь Шекшова 9¹. Комплекс памятников расположен в 20 км к северо-западу от Суздаля по обоим берегам р.Ирмес при впадении в нее р.Урды на площади около 15,5 кв. км. Центр комплекса, образовывавшего в X–XI вв. наряду с другими подобными памятниками основное ядро Суздальской земли, составляли поселения Шекшова 2 (10 га) и Большое Давыдовское 2 (3 га)².

Могильник Шекшова 9, занимающий площадь около 6 га, вплотную примыкает к селищу Шекшова 2 (рис. 1). В настоящее время он распаивается и никак не виден в рельефе. Некрополь был обнаружен в результате закладки разведочных раскопов и шурфов на возвышенности, находящейся к северу от селища. Он идентифицируется с курганами в урочище Половецкая лужа, данные о которых содержатся в дневнике А.С.Уварова за 1852 г. Тогда здесь было раскопано 244 насыпи³. Проведенные экспедицией

работы на селище и могильнике включали сбор находок на распашке и стационарные раскопки: на селище Шекшова 2 раскопками исследована площадь около 100 кв. м⁴, на могильнике заложено 3 раскопа общей площадью 1350 кв. м. Группой геофизиков во главе с д.ф.м.н. И.Н.Модиним была выполнена геомагнитная и электротомографическая съемка площадки могильника.

Наиболее ранние погребения на могильнике совершены по обряду кремации. Кремированные остатки людей и животных помещались как под курганные насыпи (кург. 3, 10), так и в неглубокие грунтовые ямки, или, возможно, рассыпались по поверхности земли. Подавляющее количество находок, связываемых с этими полностью разрушенными в настоящее время погребениями происходит из слоя современной распашки⁵.

Культурный слой поселения Шекшова 2 на исследованных участках также переотложен распашкой, непотревоженные напластования сохранились только в заполнениях материковых ям.

Одной из самых многочисленных групп среди собранных в верхнем слое селища и могильника предметов из цветных металлов вместе с шумящими украшениями финских типов являются детали поясной гарнитуры: пряжки, накладки и наконечники. Подробному рассмотрению этой категории археологических находок и посвящена настоящая работа.

На сегодняшний день в пахотном слое селища Шекшова 2 найдено 13 бронзовых и 1 серебряная детали поясов: 7 накладок, 2 целые пряжки и 5 их

¹ Федорина А. Н., Красникова А. М. Средневековое поселение в Шекшовском микрорегионе // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара / отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. Вып. 5. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. С. 147–158.

² Предметы из цветного металла, обнаруженные на поселении Большое Давыдовское 2, уже введены в научный оборот (Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов древнерусского селища Большое Давыдовское II в Суздальском Ополе // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара / отв. ред. Н. А. Макаров. Вып. 4. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 30–47).

³ Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е. Средневековый могильник Шекшова в Суздальском Ополе: спу-

стя 160 лет после раскопок А. С. Уварова // КСИА. Вып. 230. М.: ИА РАН, 2013. С. 219–233.

⁴ Макаров Н. А., Федорина А. Н. Суздальская земля в IX–XI вв.: расселение, культура и балтийские связи // Археология балтийского региона. М.; СПб.: Нестор-История, 2013. С. 228.

⁵ Большая часть предметов из сборов найдена Н. А. Макаровым.

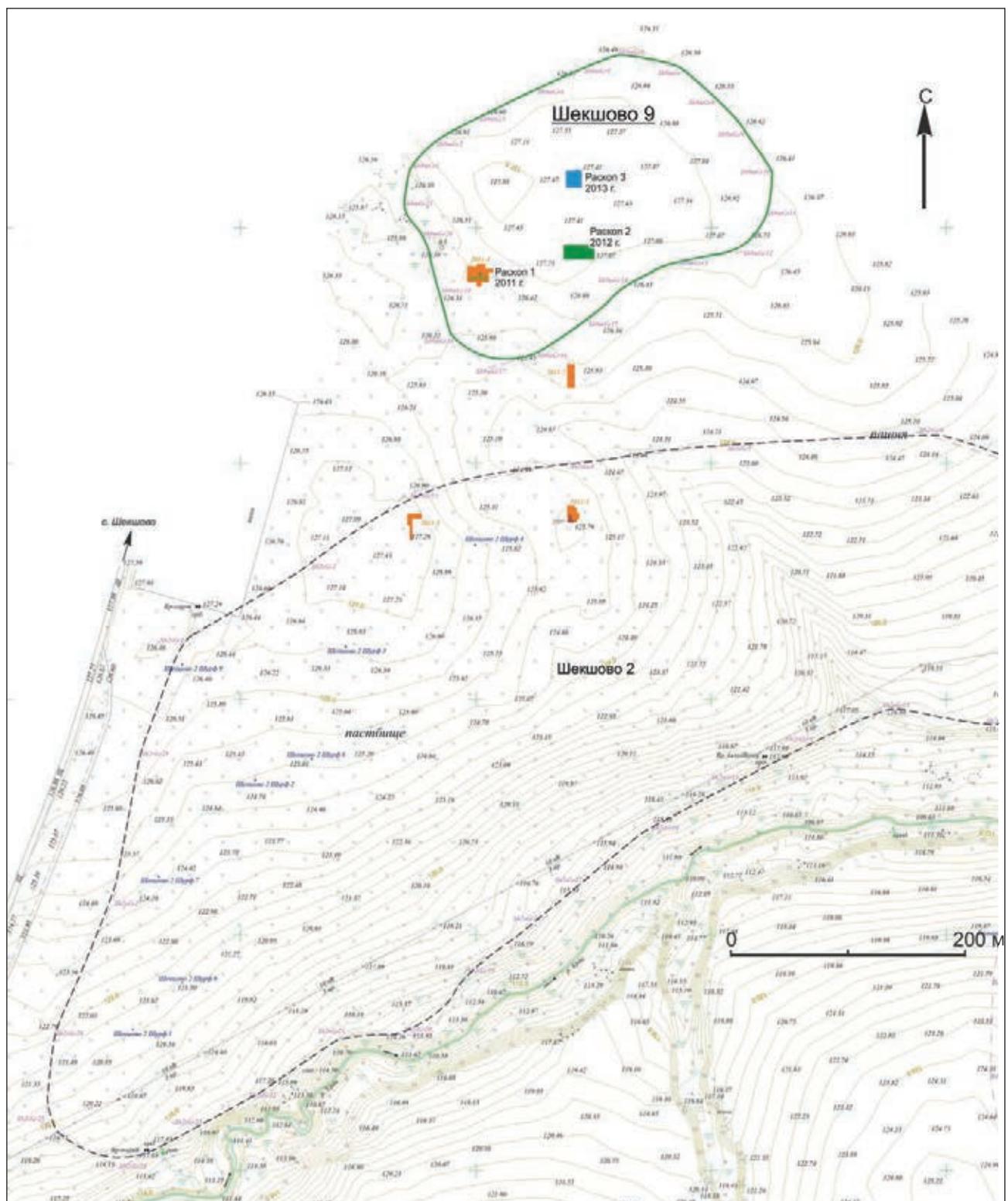

Рис. 1. Поселение Шекшово 2 и могильник Шекшово 9.
План подготовлен А. А. Карпухиным и А. М. Красниковой

обломков. В материковых ямах детали поясных наборов не обнаружены. На могильнике Шекшово 9 собрано 13 поясных пряжек, 10 наконечников и 101 накладка. Все предметы этой группы обнаружены в переотложенном состоянии в слое распушки и заполнениях материковых ям. Наряду с одиночными находками, большинство накладок составляют серии от 2 до 39 экземпляров. Идентифицируются детали не менее 11 поясных наборов и одного набора для сумочки. Возможно, частями этих наборов являются и собранные пряжки и наконечники, но отличия в их стилистике не позволяют говорить об этом уверенно. Некоторые типы накладок уже известны по раскопкам владимирских курганов в середине XIX в.⁶, другие обнаружены в Ополье впервые. Оплавленность многих накладок и наконечников свидетельствует об их происхождении из погребений по обряду кремации. Однако ни одна из пряжек не была оплавлена.

Практически все накладки, наконечники и пряжки изготовлены по выплавляемым моделям в одноразовых пластичных формах. Модели для пряжек преимущественно вырезались из воска: на многих отлитых предметах заметны следы резьбы по холодному воску, перешедшие на металл. Выплавленные модели для накладок и наконечников изготавливались чаще всего путем оттискивания в воске твердых моделей, при этом на оборотах тонких восковых пластинок проступал негативный рельеф⁷. Недавно в Гнёздово обнаружена такая пиррофилитовая модель для оттиска моделей накладок⁸.

Пряжки (20 экз.). 12 пряжек дошли до нас целиком, у трех из них сохранились язычки. 18 экземпляров изготовлены из бронзы, две пряжки сделаны из легкоплавкого сплава. Ни одна из пряжек не деформирована в результате температурного воздействия. Самую многочисленную группу шекшовских пряжек составляют двучастные. Среди них 12 экз. представлены лировидные пряжки⁹ (рис. 2: 1–10, 16), 2 экз. – прямоугольные (рис. 2: 11) и 1 экз. – овальные с вогнутыми длинными сторонами (рис. 2: 14). Длина целых лировидных пряжек равна 24–35 мм. Лировидные пряжки как с лилие-

видным носиком, так и с украшенной выпуклым орнаментом передней частью рамки получили большое распространение на всей территории Древней Руси в XI – первой половине XII вв. Многочисленные аналогии этим серийным пряжкам встречены практически на всех памятниках Восточной Европы, где есть материалы этого времени, в том числе на памятниках Суздальского Ополья¹⁰.

К раннему варианту лировидных пряжек относится целый экземпляр размерами 27×24,5 мм с двумя небольшими «отростками» по бокам тыльной стороны (рис. 2: 10). Пряжки с отростками, вероятно, являются упрощенным вариантом пряжек с головками птиц¹¹. Они получили большую популярность в X в. в Венгрии¹², Румынии (Клуж)¹³, южнорусских землях (Шестовица, курган 42)¹⁴. Для памятников Поволжья такие пряжки не характерны. Известны только экземпляры подобных пряжек из Юмского могильника для застезки ножен меча¹⁵ и Дубовского – от пояса¹⁶.

Столь же распространены в это время были и двучастные прямоугольные пряжки с лилиевидными носиками (рис. 2: 11). Целая пряжка из Шекшова имеет размеры 31×19 мм¹⁷. По лепной восковой

¹⁰ См., например: Спицын А. А. Указ. соч. С. 154; Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В. Средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. С. 121–122; Зайцева И. Е. Детали поясной и уздечной гарнитуры... С. 367–369; Ее же. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Наука, 2008. Т. 2. С. 83; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука, 1981. С. 144; Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Наука, 2004. Рис. 94: 1–4, 7–11, 18–20; Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. Київ: Стародавній Світ, 2011. С. 225; Руденко К. А. Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань, 2007. С. 206, рис. 95; Шноре Э. Д. Асотское городище. Рига, 1961. Табл. VI, 1. (Материалы и исследование по археологии Латвийской ССР; т. II); Thunmark-Nulén L. Die Wikingerzeit Gothlands II: Typentafeln. Stockholm, 1998. Taf. 128; Дончева-Петкова Л. Одръци. Некрополи от XI век. Т. 2. София: Марин Дринов, 2005. С. 307, таб. LVII.

¹¹ См., например, Гнёздово: Сизов В. И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1: Гнёздовский могильник близ Смоленска. СПб., 1902. Таб. II: 20–22. (МАР; № 28).

¹² Fodor I. The ancient Hungarians. Exhibition catalogue. Budapest: Hungarian national museum, 1996. P. 118, 153.

¹³ Рябцева С. С., Рабинович Р. А. О возможности выделения венгерских древностей в Карпато-Днестровском регионе в IX–X вв. // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. С. 274, рис. 5: 23, 24.

¹⁴ Бліфельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. Київ, 1977. С. 200, таб. XI.

¹⁵ Архипов Г. А. Марийцы IX–XI вв.: к вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1973. С. 36.

¹⁶ Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX–XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань, 2012. С. 380, рис. 274. (Археология евразийских степей; вып. 14).

¹⁷ Аналогии таким пряжкам см.: Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра. С. 83.

⁶ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905.

⁷ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: УРСС, 2000. С. 10–11.

⁸ Пушкина Т. А., Мурашева В. В., Ениосова Н. В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 252.

⁹ При публикации пряжки из Шекшова 2 из сборов 2004 г. (Зайцева И. Е. Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополья // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / отв. ред. Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера, 2014. С. 363–376) произошел сдвиг в подрисовочных подписях на с. 368, рис. 3: правильно должно быть «5 – Шекшово 2, 6 – Поганое озеро 1, 7 – Кибол 3».

Рис. 2. Поясные пряжки: 1, 4, 5, 9, 16 – Шекшово 2, остальные – Шекшово 9.
1–11, 14–18 – бронза, 12–13 – легкоплавкий сплав

модели изготовлена прямоугольная пряжка размерами 30×21 мм с вогнутыми длинными сторонами (рис. 2: 14). Рамка пряжки украшена продольными бороздками, имитирующими финно-угорскую наборную технику. Язычок слеплен из двух уплощенных жгутов. Пряжки, сделанные в этой технике, известны в материалах Мининского археологического комплекса на Кубенском озере Вологодской обл.¹⁸

Необычна одночастная пряжка размерами 22×19 мм, изготовленная из легкоплавкого сплава (рис. 2: 12). Она имеет форму трапеции с треугольной передней частью рамки с тремя выступами на ней – по углам и в середине. На концах тыльной стороны рамки также имеются два небольших выступа. Игла неподвижна и составляет с пряжкой одно целое. Эту пряжку вообще нельзя было использовать: вероятно, данный экземпляр является браком.

¹⁸ Там же.

Ввиду плохой сохранности пряжки, которая к тому же не получилась, можно предположить несколько вариантов ее прототипов. 1. Бронзовые одночастные пряжки трапециевидной формы с треугольной передней частью рамки, украшенные зооморфным рисунком, известны в X в. на территории Скандинавии¹⁹ и Древней Руси²⁰. Верхняя и нижняя перекладины у многих пряжек этого типа оформлены в виде лап животных, «хватящих» тыльную перекладину. Возможно, пряжка из Шекшова является неудавшейся отливкой по оттиску такого изделия.

¹⁹ См., например: Arbmán H. Birka I: Die Gräber. Tafeln. Uppsala, 1940. Taf. 86: 2; Hedenstierna-Jonson, C. & Holmquist Olausson, L. The Oriental Mounts from Birka's Garrison. An expression of warrior rank and status. Antikvariskt arkiv 81. Stockholm, 2006. P. 26.

²⁰ Гнёздово: Мурашева В. В. Поясной набор // Древняя Русь: быт и культура / отв. ред. Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М.: Наука, 1997. С. 307, рис. 61: 5.

2. Двучастные пряжки похожей формы (у экземпляра из Шекшово отсутствует вторая часть) происходят из Большетиганского могильника (кон. VIII–IX в.; п. 7)²¹. В этом случае смущает получающаяся ранняя дата шекшовской пряжки.

4 пряжки, 3 бронзовые и одна из легкоплавкого сплава, относятся к типу одночастных с неподвижным щитком и штифтовым креплением. Пряжка с овальной рамкой и гладким щитком подтреугольной формы имеет размеры 30×19 мм (рис. 2: 18). Другая пряжка шириной 22 мм имеет треугольную рамку и гладкий щиток подпрямоугольной формы (рис. 2: 15). Рамка третьей пряжки не сохранилась (рис. 2: 17). Щиток заостренной подовальной формы шириной 15,5 мм украшен выпуклым рисунком в виде сдвоенной пальметты, повторяющим широко известный орнамент византийских пряжек типа Сиракузы²². Одночастные пряжки с короткими щитками разных форм, гладкие и украшенные выпуклым декором, были неперменной принадлежностью поясов X – начала XI вв.

Оригинальна пряжка размерами 36×24 мм, изготовленная из легкоплавкого сплава по оттиску готового изделия (рис. 2: 13). Щиток вытянутой подпрямоугольной формы украшен сердцевидной композицией из завитков, имеющей большую популярность в Южной Руси²³, Дунайской Болгарии²⁴ и Венгрии²⁵ на протяжении длительного периода. Находки из Болгарии и Венгрии датируются временем до начала XI в. Южнорусские сердцевидные накладки с завитками относятся исследователями к XI–XII вв.²⁶

Таким образом, все пряжки из культурного слоя селища Шекшово 2 и половина из могильника Шекшово 9 датируются XI – первой половиной XII вв. Скорее всего, на могильнике они происходят из разрушенных погребений, совершенных в насыпях и на площадках курганов. Необходимо отметить, что наряду с высококачественными экземплярами две пряжки были явно изготовлены непрофессионально.

²¹ Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 141, рис. 22: 33.

²² См., например: Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV–IX вв. Пряжки. М.: Наука. 1979. Таб. VIII. (САИ; вып. Е1-2).

²³ Орлов Р. С. Северопричерноморский центр художественной металлообработки в X–XI вв. // Археология. № 47. Київ: Наукова думка, 1984. С. 33; Михайлов К. А. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв.: северная и южная традиции // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. С. 139–142.

²⁴ Плетньов В., Павлова В. Раннесредневековни ремечни апликации във Варненския археологически музей // Известия на народния музей Варна. Кн. 30–31. Варна, 2000. С. 226, таб. XXXV.

²⁵ Рябцева С. С., Рабинович Р. А. Указ. соч. С. 267.

²⁶ Орлов Р. С. Указ. соч.; Михайлов К. А. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв. С. 138.

Наконечники (10 экз.). Все наконечники обнаружены на могильнике. Они изготовлены по выплавляемым моделям: 9 экз. из бронзы и один из биллона. К ремню наконечники крепились при помощи шпеньков. В отличие от пряжек два наконечника деформированы в результате воздействия огня. Два наконечника имеют плоскую гладкую неорнаментированную лицевую поверхность и прямой верхний край (класс I, группа 1 по В. В. Мурашевой²⁷). Нижний край наконечника размерами 22×10 мм заострен (рис. 3: 1), у наконечника размерами 21×9 мм он округлый (рис. 3: 2). Небольшие по размеру плоские гладкие наконечники с прямым верхним краем встречены в Прикамье, на Урале, в Лядинском могильнике в материалах X в. Несколько подобных изделий найдено в Гнёздово²⁸.

Два оплавленных наконечника имеют плоскую поверхность, отделанную по периметру небольшой канавкой. Нижний край у одного из них сделан в виде треугольного выреза, у другого он оплавлен. На гладкой поверхности бронзового наконечника шириной 10,8 мм около нижнего края помещено углубление (отверстие?) овальной формы (рис. 3: 3). Два похожих углубления (отверстия) имеются на биллоновом наконечнике шириной 15 мм (рис. 3: 4). Между ними в центре поверхности прочерчена канавка с двумя короткими отростками (класс IV, тип 1Г по В. В. Мурашевой). Похожие экземпляры наконечников обнаружены во владимирских курганах в раскопках Уварова (класс III, периферия по В. В. Мурашевой; дата, предлагаемая исследовательницей, – вторая половина X в.²⁹, на I Измерском селище³⁰ и в кургане X в. в Киеве³¹).

В единичном экземпляре представлен обломок верхней части наконечника, имеющий вид пятилистника, листья которого разделены рифлеными ободками (вид 06 по В. В. Мурашевой; рис. 3: 5). Целый экземпляр такого наконечника трапециевидной формы происходит из Гнёздово (вторая половина X в.³²). В западнорусских землях собрана серия идентичных наконечников: Люцинский могиль-

²⁷ Классы и группы указываются по книге В. В. Мурашевой «Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.)».

²⁸ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 57–58; Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь: издательство Перм. гос. пед. ун-та, 2000. С. 107, рис. 48: 19; Ястребов В. Н. Лядинский и Томниковский могильники Тамбовской губернии. СПб., 1893. Таб. VI, 9. (МАР; № 10).

²⁹ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 108

³⁰ Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татарское книжное издательство, 1991. С. 128, рис. 43: 33, 34.

³¹ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 122.

³² Там же. С. 126.

Рис. 3. Поясные наконечники из Шекшова 9:
1-3, 5-10 – бронза, 4 – биллон

ник, курганы 5 (гр. I) и 18 (гр. II) в Заславле, городище на Менке, курган у д. Замошье в Полоцком районе. Все белорусские комплексы датируются концом X – началом XI в.³³ В Венгрии известны наконечники подобной формы, но с трилистником на конце³⁴. Необходимо отметить, что прием отделки листьев и лепестков цветков рифленой каймой – один из излюбленных в венгерской металлопластике.

Два наконечника имеют прямой нижний край, скошенные бортики и плоскую поверхность, украшенную прочерченным углубленным орнаментом в виде завитков (размеры наконечников составляют 40×12 мм (рис. 3: 6) и 36×13 мм (рис. 3: 7³⁵). Наконечник с волютообразными завитками происходит из к. 450 Тимерёва³⁶.

К достаточно распространенному на территории Древней Руси и Европы в XI – начале XII вв. типу относится наконечник размерами 37×9 мм (рис. 3: 10). Его выпуклая лицевая поверхность украшена

орнаментом из прочерченных одинарных завитков, расположенных в ряд. В получившиеся канавки забивалась серебряная проволока. Эти наконечники у же получили детальную характеристику³⁷.

Два наконечника – целый размерами 31×12 мм и обломок – украшены выпуклым растительным декором (рис. 3: 8, 9). Нижний край у целого наконечника имеет треугольный вырез. Точные аналогии этим предметам подобрать пока не удалось. Стилистически крупные центральные бутоны треугольной формы являются одним из основных декоративных элементов на венгерских накладках и сумочках³⁸.

Накладки (108 экз.). Практически все накладки собраны на могильнике. С селища происходят только семь неоплавленных экземпляров. Лицевая поверхность одной бронзовой накладки размерами 18×25 мм покрыта серебром (рис. 4: 1). Выпуклый рисунок, изображающий трехлепестковый цветок с почками в пазухах, сделан с большим мастерством. На древнерусской территории похожие по рисунку накладки, но худшего качества известны в Гнёздове (класс II, вид 1Г-2 по В. В. Мурашевой)³⁹. Украшен-

³³ Лавыш К. А. Художественные традиции восточной и византийской культуры в искусстве средневековых городов Беларуси (X–XIV вв.). Минск: Белорусская наука, 2008. С. 122, 126, 129, 199.

³⁴ Fodor I. Op. cit. P. 376.

³⁵ Поверхность наконечника покрыта полудой.

³⁶ Мурашева В. В. Древнерусские ремесленные украшения (X–XIII вв.). С. 60.

³⁷ Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра. С. 86.

³⁸ Fodor I. Op. cit.

³⁹ Мурашева В. В. Древнерусские ремесленные украшения (X–XIII вв.). С. 29.

Рис. 4. Поясные накладки: 1-7 – Шекшово 2; 8-15 – Шекшово 9. 1, 3-15 бронза, 2 – серебро

ная такими накладками уздечка обнаружена в марийском Дубовском могильнике⁴⁰ известны они и в Качкашурском могильнике на р. Чепце⁴¹. В большом количестве подобные накладки обнаружены в Дунайской Болгарии⁴².

Вторая бронзовая накладка размерами 13,5×13 мм имеет сердцевидную форму (рис. 3: 3). Лицевая поверхность украшена углубленным орнаментом – по бордюру рубчатый, а в центре каплевидный. Модель накладки получена в результате отливки воска в каменной форме. Готовые провололочные шпеньки вставлялись в отлитую модель (не сохранились). Накладки сердцевидной формы с рифленным ободком по краю, имеющие небольшие размеры, объединены В.В. Мурашевой в вид 1Б класса IV. Они обнаружены во Владимирских курганах, в т. ч. в Шекшово, в Тимерево, на Измерском селище и в Пермском Предуралье. Тип датируется концом X – началом XI в.⁴³

⁴⁰ Никитина Т.Б. Указ. соч. С. 58, 374.

⁴¹ Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны... С. 161, рис. 42а.

⁴² Плетньов В., Павлова В. Указ. соч. С. 85.

⁴³ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 31.

Необычна серебряная квадратная довольно толстая накладка размерами 13,8×13,6×3,1 мм (рис. 4: 2). Она отлита по резной восковой модели (по остывшему воску). Рисунок на лицевой поверхности, получившийся несколько угловатым, изображает крест с округлыми лопастями. В лопастях и средокрестии сделаны глубокие канавки, заполненные серо-зеленой эмалью (?). На обороте в еще не остывший металл был вставлен короткий бронзовый шпенек, который при ношении фиксировался квадратной заклепкой. Наиболее близкими по стилистике и рисунку являются накладки из Гнёздово (вид 018 по В.В. Мурашевой, X в.⁴⁴) и Рождественского городища в Пермском Предуралье⁴⁵.

Тонкая прямоугольная накладка размерами 20×12 мм украшена в центре углубленным рисунком в виде толстого лепестка (рис. 4: 6). Набор таких накладок, состоящий из 27 экз., часть из которых оплавлена, происходит из могильника Крутика Кладовка I, 3 аналогичные накладки найдены в гарнизоне Бирки⁴⁶. В сводке В.В. Мурашевой приведены

⁴⁴ Там же. С. 54.

⁴⁵ Белавин А.М. Указ. соч. С. 106, рис. 47: 109.

⁴⁶ Hedenstierna-Jonson, C. & Holmquist Olausson, L. Op. cit. P. 95, pl. II, 6–8.

близкие по рисунку экземпляры из Гнёздово, имеющие форму граната (класс III, e-1, 2)⁴⁷ и относящиеся ко второй половине X в.

По отгиску готового изделия отлита небольшая накладка овальной формы размерами 15×14 мм, украшенная смазанным рисунком креста и рубчатым бордюром (рис. 4: 5). Маленькие круглые наклейки имели широкое распространение по всей территории Восточной Европы⁴⁸.

Две небольшие наклейки имеют пятиугольную форму. На поверхности обеих наклеек сохранились небольшие участки, покрытые полудой. Одна наклейка размерами 14×11 мм украшена рисунком двух расположенных один над другим трилистников и рубчатым бордюром (рис. 4: 7) Полная аналогия этой наклейке обнаружена в комплексе погребения конца X – начала XI в. в Заславле⁴⁹. Другая наклейка размерами 13×11 мм декорирована сердцевидной композицией (рис. 4: 4). Украшенная аналогичной наклейкой сумочка происходит из вегнерского погребения в Уфехерто⁵⁰.

Как уже указывалось выше, большинство наклеек, собранных на могильнике, ассоциируются в гипотетические наборы. Единичных экземпляров обнаружено пока 9. Гладкая двускатная наклейка размерами 17×13 мм имеет сердцевидную форму (класс I, вид 2A по В.В. Мурашевой; рис. 4: 9). Подобные украшения найдены в Кумбите (юго-восточное Приладожье), Седневе, к.390 Тимерево, могильнике Ступолохта на р.Андоге; п.66 Дубовского могильника, п.913 могильника Бирка. Дата по В.В. Мурашевой – вторая половина X в.⁵¹ Небольшая по размеру (11×8 мм) гладкая плоская наклейка пятиугольной скругленной формы близка одному из наборов (№2⁵²; рис. 4: 13). К достаточно известному типу относится круглая наклейка диаметром 17,5 мм с круглым отверстием диаметром 7 мм в центре, рифленным бортиком и выпуклым рисунком 4-х лепесткового цветка (класс XX по В.В. Мурашевой; рис. 4: 8). Подобные наклейки известны в Гнёздово и Бирке, где датируются второй половиной X в.⁵³ Вторая круглая наклейка имеет диаметр 16 мм (рис. 4: 10). Она

украшена по краю рифленным ободком, прерываемым тремя небольшими каплевидными выступами и рисунком многолепесткового цветка в центре (класс XXIV по В.В. Мурашевой). Такие наклейки известны в двух вариантах – широкие, как в Шекшове, и узкие, имеющие сердцевидную форму. Они найдены в Гнёздово и в Аниково в Пермском Предуралье⁵⁴. Из Плиски происходит экземпляр аналогичной широкой наклейки⁵⁵, фон которой заполнен чернью⁵⁶. Дата наклеек – вторая половина X–XI вв.

От одной плоской наклейки квадратной (?) формы сохранился небольшой обломок размерами 10×8 мм с одним шпеньком (рис. 4: 12). От другой пятиугольной наклейки, имеющей вид гладкой рамки с утопленным краем, до нас дошли две стороны размерами 15×15 мм (рис. 4: 14). При раскопках могильника Черный ручей 4 на р.Андоге А.В. Кудряшовым обнаружены наклейки арочной формы, в которые вставлялись пластинки из легкоплавкого металла (верхняя дата – X в.)⁵⁷. Возможно, в рамку из Шекшова также вставлялась подобная пластинка.

Пятиугольная наклейка размерами 15×12 мм в виде трех шаровидных выступов, разделенных выпуклыми валиками, близка по рисунку наклейкам из набора №9, отличаясь от них деталями рисунка (рис. 4: 11)⁵⁸. Другая пятиугольная наклейка размерами 22×15 мм, изготовленная по резной восковой модели, сделанной не очень аккуратно, по периметру украшена канавкой (рис. 4: 15). В результате длительного использования шпеньки сломались, и в четырех местах на наклейке были проделаны круглые отверстия. Делались они с оборота, так что металл выступил на лицевую поверхность. Этот тип крупных наклеек, относящийся к классу X по В.В. Мурашевой, известен в могильниках Пермского Предуралья (например, п.55 Рождественского могильника)⁵⁹. На многих изделиях в центре помещен рисунок трехлепесткового цветка или ростка. На территории Древней Руси подобные наклейки обнаружены в Гнёздово и в кургане у д. Кириллино в Санкт-Петербургской губернии, могильнике Ступолохта⁶⁰. Дата наклеек – вторая половина X–XI вв.

⁴⁷ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 30.

⁴⁸ Зайцева И.Е. Детали поясной и уздечной гарнитуры... С. 372.

⁴⁹ Лавыш К.А. Указ. соч. С. 122, рис. 208.

⁵⁰ Hedenstierna-Jonson, C. & Holmquist Olausson, L. Op. cit. P. 59.

⁵¹ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 106–107; Кудряшов А.В. Белозерская весь: современный взгляд // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура. С. 305; рис. 5: 10; Никитина Т.Б. Указ. соч. С. 402, рис. 296; Arbman H. Op. cit. Taf. 88.

⁵² Этот тип наклеек будет рассмотрен при описании набора.

⁵³ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 43; Arbman H. Op. cit. Taf. 91.

⁵⁴ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 43–44.

⁵⁵ Минаева О. Български паралели на източните находки на металопластиката от Бирка. София, 2012. С. 101.

⁵⁶ Скорее всего, черни на этой наклейке нет, а данное заключение возникло из-за недостаточной очистки находки.

⁵⁷ Кудряшов А.В. Указ. соч. С. 302–303.

⁵⁸ Этот тип наклеек будет рассмотрен при анализе набора.

⁵⁹ Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с.Рождественск. Пермь, 2008. С. 146, рис. 62.

⁶⁰ Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 35–36; Кудряшов А.В. Указ. соч. С. 305, рис. 5.

Рис. 5. Предполагаемые наборы накладок из Шекиово 9: набор № 1. Бронза

Последняя накладка овальной формы размера 15×9 мм имеет выпуклую гладкую поверхность и три длинных прямых шпенька. Аналогии ей пока подобрать не удалось.

Кроме единичных, на участке могильника собраны серии однотипных накладок, которые, возможно, являются частями наборов. Рассмотрим их детально.

Набор № 1 (рис. 5) самый многочисленный: он представлен 39 экз.: 22 накладки, полученные с использованием одной модели, имеют полукруглую (арочную) форму с прорезью, 17, полученных по дру-

гой, – сердцевидную. Размеры полукруглых накладок равны 17×18–19 мм, сердцевидных – 18×17–17,5 мм. Возможно, к этому же набору относится наконечник с продольной канавкой (рис. 2: 20). Некоторые накладки оплавлены, некоторые нет. Части набора собраны на одном участке (раскоп 3) в пахотном слое и в заполнении могильной ямы погребения 7, совершенного в XI в. Рисунок на накладках одинаков: это трехлепестковый цветок (класс IX по В.В. Мурашевой). Небольшие лепестки образуются канавками, такие же канавки оконтуривают края накладок. Лицевые и боковые поверхности накладок покрыты лу-

жением⁶¹. Наиболее толстым слой олова был в канавках рисунка. Накладки этих двух типов, связанные своим происхождением с позднехазарским кругом древностей, были достаточно распространены как в могильниках Поволжья и Прикамья, так и Дунайской Болгарии и Карпато-Поднепровском регионе⁶². Тем не менее наиболее близкие по рисунку аналогии встречены в Поволжье: так, в п. 71 Рождественского могильника и п. 2 Вотчинского могильника в Коми обнаружены наборы, сочетающие, как и в Шекшове, оба вида накладок⁶³. Рассматриваемый набор, вероятно, связан с самым ранним хронологическим пластом в Шекшове. Сердцевидные накладки с идентичным рисунком встречены в Танкеевском могильнике, погребения в котором датируются до середины X в.⁶⁴ Необходимо отметить, что многие накладки этих типов с других памятников имеют рубчатую, а не гладкую канавку по периметру: находки подобных накладок с рубчатым декором в Михайловском относятся В. В. Мурашевой к X в.⁶⁵

Набор № 2 (рис. 6: 2) состоит из 5 гладких неоплавленных накладок сердцевидной формы с 3 «почками»: 4 узких размерами 17×12–12,4 мм и одной широкой размерами 13×18 мм. Поверхность накладок покрыта лужением (класс I по В. В. Мурашевой). Гладкие сердцевидные накладки с «почками» так же, как и рассмотренные выше, связаны с позднехазарским кругом древностей. Их многочисленные находки зафиксированы на широкой территории⁶⁶. В п. 18 могильника Нижняя стрелка и п. 92 Рождественского могильника расчищены пояса, со-

державшие и широкие, и узкие подобные накладки⁶⁷. По мнению А. М. Белавина, пояса с данными накладками являлись импортом из Венгрии⁶⁸, однако на Гнёздовском селище обнаружена шиферная модель высотой 17 мм для получения полостей для отливок таких накладок в пластичной форме⁶⁹. Вероятно, этот тип накладок существовал в течение длительного времени начиная с конца IX в.

Набор № 3 представлен двумя неоплавленными накладками сердцевидной формы (рис. 6: 3) размерами 17×22 мм. Тонкие накладки украшены углубленным рисунком: по контуру – бордюром из ложных перлов, в центре – рисунком трехлепесткового цветка с утолщенным центральным лепестком. Идентичная накладка происходит из раскопок Гнёздовского городища⁷⁰. Этот тип накладок (близких по рисунку, но не идентичных) описан у В. В. Мурашевой как вид 04. Он имеет южное происхождение и встречен в Гульбище в комплексе первой половины X в. и венгерских материалах IX–X вв.⁷¹

Набор № 4 (рис. 6: 4) представлен 4 тонкими накладками пятиугольной формы размерами 16,8×17–19,4 мм с изображением двух кругов и сердцевидной фигуры над ними (класс XXXIII по В. В. Мурашевой). Накладки этого вида появляются в салтовских древностях (Дмитриевский могильник, мог. 22)⁷². В венгерских погребениях, датирующихся исследователями IX – началом X в.⁷³, встречены высококачественные экземпляры подобных накладок, сделанные из серебра с позолотой. В южнорусских некрополях (Седнев, Табаевка) имеются бронзовые накладки этого рисунка, инкрустированные серебром (вторая половина X в.)⁷⁴. Накладки из Шекшова на этом фоне выглядят наиболее демократичными. Возможно, они изготовлены по оттиску готовых изделий. Тем не менее верхняя дата их бытования вряд ли далеко выходит за середину X в., что также причисляет их к наиболее раннему пласту древностей в Шекшове.

⁶¹ Рентгено-флуоресцентный анализ покрытия выполнен на РФА-спектрометре M4 Tornado (Bruker) в Институте проблем эволюции и экологии им. Северцова РАН, аналитик – Л. А. Пельгунова.

⁶² Рябцева С. С., Рабинович Р. А. Указ. соч. С. 274.

⁶³ Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Указ. соч. С. 151, рис. 67; Истомина Т. В. Вотчинский могильник // Этнокультурные процессы в древности на Европейском Северо-Востоке (источники и исследования) / отв. ред. Э. А. Савельева. Сыктывкар, 1999. С. 95, рис. 10: 20, 21. (Материалы по археологии Европейского Северо-Востока; вып. 16); Данич А. В. Поясные накладки Питерского (Степаново Плотбище) могильника // Поволжская археология. № 1. Казань, 2013. С. 186, рис. 1: 60; Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны... С. 161, рис. 42а: 8.

⁶⁴ Казаков Е. П. Поясные накладки волжских болгар из Танкеевского могильника и Измерского селища // Русь и Восток в IX–XVI веках: новые археологические исследования / отв. ред. Н. А. Макаров, В. Ю. Коваль. М.; Наука, 2010. С. 54–57.

⁶⁵ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 111.

⁶⁶ Там же. С. 26, 35; Рябцева С. С., Рабинович Р. А. Указ. соч. С. 274; Fodor I. Op. cit. P. 141; Бонев С., Дончева С. Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. Велико Търново: Фабер, 2011. С. 275, таб. XXXIII, 235; Казаков Е. П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. С. 130, рис. 44: 27б; Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Указ. соч. С. 417 и др.

⁶⁷ Никитина Т. Б. Указ. соч. С. 269, рис. 163; Белавин А. М. Указ. соч. С. 156, рис. 90: 1.

⁶⁸ Белавин А. М. Указ. соч. С. 157.

⁶⁹ Ениосова Н. В., Мурашева В. В., Пушкина Т. А. Исследования Гнёздовского комплекса археологических памятников // АО, 1991–2004 гг. Европейская Россия / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: ИА РАН, 2009. С. 380.

⁷⁰ Пушкина Т. А. Изучение Гнёздовского комплекса археологических памятников // Научные экспедиции РГНФ. М.: Российский гуманитарный научный фонд, 2014. С. 66.

⁷¹ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 52.

⁷² Плетнёва С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура. М.: Наука, 1967. С. 165–V. (МИА; № 142); Фонякова Н. А. Прикладное искусство Хазарии второй половины VIII – начала X вв. (по материалам художественной металлообработки): дис. ... канд. истор. наук // Архив ИА РАН. P-2. № 2411. А-1988. С. 214, рис. 26: 25.

⁷³ Fodor I. Op. cit. P. 354.

⁷⁴ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 48.

Рис. 6. Предполагаемые наборы накладок из Шеکشово 9: наборы №№ 2–6. Бронза

Рассмотренные наборы накладок, связанные своим происхождением с позднехазарскими древностями и имеющие широкие географические рамки бытования, могли производиться в разных мастерских при возникающем спросе. Косвенным подтверждением этого является набор небольших ажурных накладок из 15 элементов для отделки кошелька или колчана (**набор №5**; рис. 6: 5). Детали набора обнаружены вместе с накладками из набора №1 в пахотном слое раскопа 3 и в заполнении ямы погребения 7.

Изучение входящих в него составляющих позволяет сделать интересные наблюдения: элементы набора были изготовлены в разное время и, вероятно, в разных местах. К первоначальным можно отнести 4 ажурные накладки размерами 16×14 мм, изображающие три соединенных трилистника. Накладки изготовлены по оттиску готового изделия в односторонней форме с крышкой (видны затеки металла по нижней плоскости накладок) и имеют по три прямых шпенька. В п. 956 Бирки расчищен укра-

шенный идентичными накладками кошелек⁷⁵. 7 накладок из шекшовского набора сделаны по оттиску ажурного экземпляра. Оттиск был проведен не очень качественно, так что получившиеся изделия больше походят на маски. Все эти накладки также имеют по три шпенька на обороте. 4 последние накладки размерами 9×7 мм изготовлены уже по оттиску редуцированного экземпляра. Первоначальный рисунок на их поверхности совсем утрачен. На обороте накладок сделано по одному шпеньку.

Этот набор является ярким свидетельством того, как местный мастер использовал оказавшиеся в его распоряжении предметы дальней международной торговли для создания похожих по виду изделий. Возможно, вторичные накладки были изготовлены для восполнения утрат на уже готовом изделии, но существует вероятность, что первоначальные накладки были немногочисленны и сам кошелек изготавливался сразу с использованием вторичных накладок⁷⁶.

Более половины из обнаруженных в Шекшове накладок было произведено в мастерских Волжской Болгарии. Болгарские накладки начинают попадать к жителям Ополья, вероятно, уже с рубежа IX–X вв. Наиболее массовый характер их распространение приобретает во второй половине X – начале XI вв. Рассмотрим эти наборы.

На многих памятниках в различных регионах Восточной Европы обнаружены накладки сердцевидной и квадратной с прорезью формы, украшенные прорезанным растительным орнаментом в виде побега. Они получили большую популярность у тюрков и через них попали на территорию Восточной Европы⁷⁷. Болгарские ремесленники охотно тиражировали и распространяли подобные типы. В нашей коллекции к ним относятся два набора бронзовых неоплавленных накладок, различающиеся рисунком побега. В **набор № 6** входят три накладки сердцевидной формы (рис. 6: 6). Размер целого экземпляра составляет 21×20 мм. **Набор № 7** (рис. 7: 7) состоит из 6 экземпляров: 4 квадратных с прорезью размерами 17,5–17,7×17,2 мм и двух сердцевидных размерами 17×16,5 мм.

Набор № 8 (рис. 7: 8) представлен тремя фрагментами оплавленных накладок сердцевидной формы, изготовленных из серебра. Скошенный борт накладок украшен выпуклым рисунком виноградной лозы. У наиболее сохранившегося экземпляра он покрыт позолотой. На гладкой лицевой поверхности сделаны 4 полусферических углубления: большое и

3 маленьких, также покрытые позолотой. Этот набор является наиболее богатым среди всех собранных Суздальской экспедицией. Почти точная аналогия данным накладкам происходит с Измерского селища⁷⁸. Наконечники с идентичным изображением имеются в материалах раскопок владимирских курганов, а пряжка в марийском Дубовском могильнике⁷⁹. Предметы датируются второй половиной X – первой половиной XI в.

Набор № 9 (рис. 7: 9) состоит из двух неоплавленных накладок пятиугольной формы размерами 16×13 мм с тремя полусферическими выступами и «ушками». Накладки отлиты по выплавляемым моделям, подвергавшимся дополнительной подрезке после отливки. Эти стандартные и довольно многочисленные изделия, кроме Суздальского Ополья⁸⁰, известны на памятниках Волжской Болгарии⁸¹, финских могильниках Поволжья – Дубовский, Веселовский могильники⁸², Пермского Предуралья – Огурдинский, Рождественский могильники⁸³ и северо-восточных периферийных районов Древней Руси (Крутик).

Самыми популярными в Шекшове были наборы пятиугольных бронзовых накладок, лицевые поверхности которых украшал рисунок пятилепесткового цветка в различных вариациях (лотос). Полный набор таких накладок на ремне из раскопок А. С. Уварова в Шекшове хранится в фондах ГИМ (оп. 1299. № 15–55). Среди новых находок – второй такой же набор из 5 неоплавленных накладок (**набор № 10**; класс XIV по В. В. Мурашевой; рис. 7: 10), состоящий из 4 узких размерами 22×20 мм и одной широкой размерами 18×23 мм накладок⁸⁴, и набор из 5 более толстых накладок размерами от 14,5×14,6 до 15×19 мм с иным рисунком цветка⁸⁵ (**набор № 11**; класс XVIII, 1а по В. В. Мурашевой; рис. 7: 11). Это характерная продукция болгарских мастерских, имевшая большой спрос как в самой Волжской Болгарии, так и среди окружающих ее финно-угорских народов. Об этом свидетельствуют многочисленные находки таких накладок в

⁷⁸ Казаков Е. П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. Казань: Институт истории АН РТ, 2007. С. 202, рис. XIV: 7.

⁷⁹ Мурашева В. В. Древнерусские ремесленные наборы украшения (X–XIII вв.). С. 58.

⁸⁰ Спицын А. А. Указ. соч. С. 132: 57.

⁸¹ Казаков Е. П. Поясные накладки волжских болгар... С. 56–58.

⁸² Никитина Т. Б. Указ соч. С. 380, 402.

⁸³ Белавин А. М. Указ. соч. С. 106, рис. 47.

⁸⁴ Подробный разбор накладок этого типа см.: Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра. С. 91. В последние годы еще один набор идентичных накладок из 28 элементов собран на могильнике поселения Крутик (Захаров С. Д., Меснянкина С. В. Могильники поселения Крутик: первые результаты исследований // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара / отв. ред. Н. А. Макаров. Вып. 4. М.; СПб: Нестор-История, 2012. С. 14–29).

⁸⁵ Одна накладка оплавлена.

⁷⁵ Arbman H. Op. cit. Taf. 129.

⁷⁶ Возможно, набор просто был составлен из накладок разных видов. Близкие по рисунку накладки с прорезями известны в Гнёздово и в Коростени (см., например: Комар А. В. Киев и Правобережное Поднепровье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С. 300–333).

⁷⁷ Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра. С. 89, 90.

Рис. 7. Предполагаемые наборы накладок из Шеکشово 9: наборы №№ 7–12.
7, 9–12 – бронза, 8 – серебро с позолотой

мордовских, марийских и прикамских погребальных памятниках⁸⁶. Практически идентичные изделия распространялись на обширной территории, достигая западнорусских земель⁸⁷. Накладки набора № 11 являются одними из самых поздних: точные их аналогии

⁸⁶ Казаков Е. П. Поясные накладки волжских болгар... С. 55–60; Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А. Критерии выделения статусных погребений на основе комплексного анализа поясных наборов VIII–XI вв. по материалам мордовских могильников // КСИА. Вып. 229. М., 2013. С. 84–90.

⁸⁷ Сизов В. И. Указ. соч. Таб. III, 31; Лавыш К. А. Указ. соч. С. 126, рис. 233, 6–8.

известны как на памятниках второй половины X в., так и в комплексах, датирующихся XI в.⁸⁸

От **набора № 12** (рис. 7: 12) до нас дошли 3 неоплавленные плоские накладки овальной формы размерами 16×14,4 мм. Сами накладки неаккуратно вырезаны из пластины толщиной 2 мм. Овальные пластинки крепились к ремню при помощи 2 шпеньков: у одного экземпляра один из шпеньков бронзовый, а другой железный, у двух оба бронзо-

⁸⁸ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 115–116.

вые. Эти изделия не являются серийными, они созданы, вероятно, в домашних условиях.

Таким образом, детальное изучение предметов поясной гарнитуры, обнаруженных в последние годы в Шекшове, позволяет сделать ряд наблюдений.

1. Самые ранние находки этой категории могут быть датированы временем не позднее второй четверти X в. Среди обнаруженных в Шекшове 9 около 30 дирхемов 5 относятся к первой половине X в., а монета из Шекшова 2 – к концу IX в.⁸⁹ Вероятно, во второй четверти X в. и начинается жизнь в Шекшове. Дата совпадает с предложенной В. А. Лапшиным для владимирских курганов в целом⁹⁰.

2. Рассматривая вопрос о той среде, в которой были распространены украшенные накладками пояса, большинство исследователей сходятся во мнении, что она была воинской⁹¹. Так, Н. А. Фоякова прямо пишет, что изготовлявшие наборные пояса мастерские располагались в ставках хазарских воинов⁹². Похожая картина получается и при описании В. В. Мурашевой «черниговского» производственного центра⁹³.

Причины распространения моды на ношение украшенных накладками поясов в Дунайской Болгарии в X в. болгарские исследователи видят в сильном византийском влиянии на местное общество⁹⁴. Установлением тесных контактов с Византией в середине X в. они объясняют и возникновение княжеских мастерских по производству поясной гарнитуры в Древней Руси⁹⁵. К. А. Михайлов также придерживается версии о заимствовании верхушкой древнерусского общества в X в., как и в Дунайской Болгарии, византийского покроя одежды (кафтаны или скарамангиев)⁹⁶.

Скорее всего, крупные партии серийных накладок производились в специализированных мастер-

ских и широко распространялись⁹⁷. Из всего этого следует, что находки металлических деталей поясной гарнитуры т.н. «восточноевропейского» облика в Шекшове, несомненно, свидетельствуют о приобщенности местных жителей к системе ценностей формирующегося древнерусского общества. Около 40% шекшовских поясов можно отнести к этой группе: аналогии накладкам, как это было показано выше, находятся на большом пространстве на значительно удаленных друг от друга памятниках. Некоторые накладки могли изготавливаться и в самом Шекшове, например, набор №12. О существовании местного ювелирного производства свидетельствуют находки обломков тиглей в культурном слое селища.

Существует и другая сторона вопроса. Специалисты, изучающие древности Волжской Болгарии, пермского Предуралья и материалы финно-угорских могильников Поволжья, наоборот, акцентируют внимание на том, что в X – первой половине XI вв. пояса с накладками были популярны среди рядового населения этих регионов. Это дань общеевразийской моде, а не показатель статусности. Большинство накладок на этих памятниках, вероятно, является продукцией болгарских мастерских⁹⁸. Возможно, накладками, как и стеклянными бусами, болгарские купцы расплачивались за меха. Присутствие многочисленных накладок на памятниках этого времени характерно и для северо-восточных периферийных регионов Древней Руси, еще слабо включенных в орбиту Древнерусского государства⁹⁹.

О. В. Зеленцовой и И. А. Сапрыкиной было предпринято специальное исследование комплексов погребений с наборными поясами из мордовского Крюково-Кужновского могильника IX–XI вв. с целью определения критериев статусности данного элемента одежды в финно-угорской среде¹⁰⁰. Одними из наиболее значимых оказались материал, из которого изготавливались накладки (серебро с позолотой или бронза), и тщательность проработки изделий¹⁰¹.

Наборные пояса не были редким элементом одежды у жителей Шекшова. Сломанные шпеньки и дополнительные отверстия свидетельствуют о ре-

⁸⁹ См.: Макаров Н. А., Красникова А. М., Зайцева И. Е. Указ. соч. С. 225. Определения монет выполнены А. Гомзиным.

⁹⁰ Лапшин В. А. Ранняя дата владимирских курганов // КСИА. Вып. 166. М.: Наука, 1981. С. 48.

⁹¹ Плетнёва С. А. Указ. соч. С. 164; Фоякова Н. А. Лотос в растительном орнаменте металлических изделий салтово-маяцкой культуры VIII–IX вв. // СА. 1986. №3. С. 45; Гаврилина Л. М. Прикладное искусство кочевников Восточной Европы X–XIV веков: дис. ... канд. истор. наук // Архив ИА РАН. Р-2. № 2352. А-1986; Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 84; Hedenstierna-Jonson, C. & Holmquist Olausson, L. Op. cit. P. 65.

⁹² Фоякова Н. А. Прикладное искусство Хазарии... С. 45.

⁹³ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). С. 94.

⁹⁴ См., например: Бонев С., Дончева С. Указ. соч. С. 157–164.

⁹⁵ Там же. С. 159.

⁹⁶ В другой работе К. А. Михайлов, наоборот, связывает угасание моды на наборные пояса в XI в. именно с переориентацией древнерусского общества на Византию (Михайлов К. А. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв. С. 132).

⁹⁷ Один из подобных комплексов, функционировавший в X в., был недавно исследован в Болгарии недалеко от Великого Преслава (Бонев С., Дончева С. Указ. соч.).

⁹⁸ Казаков Е. П. Поясные накладки волжских болгар... С. 106–107.

⁹⁹ Зайцева И. Е. Изделия из цветных металлов и серебра. С. 57–141; Захаров С. Д., Меснянкина С. В. Указ. соч. С. 26–27; Кудряшов А. В. Указ. соч. С. 299–311.

¹⁰⁰ Михайлов К. А. Древнерусские кафтаны «восточного типа» (мода, происхождение, хронология) // Вестник молодых ученых. СПб., 2005. № 1. Там же приведены и различные точки зрения исследователей на статус наборного пояса.

¹⁰¹ Зеленцова О. В., Сапрыкина И. А. Указ. соч. С. 89.

гулярном их ношении. При этом только один набор из 11-ти, сделанный в серебре с позолотой, может маркировать богатство своего владельца.

По наблюдениям Н.А.Макарова, материальная культура поселений Суздальского Ополя X в. имеет славяно-мерянский облик. Носители разных культурных традиций не были обособлены, и на территории Ополя активно развивались процессы культурной интеграции¹⁰². Вероятно, к этому же кругу славяно-мерянских древностей нужно относить и находки большинства деталей ременной гарнитуры, появившихся здесь в результате активности болгарских купцов. Тесные связи жителей Ополя с Волжской Болгарией в это время документируются сообщением Ипатьевской летописи под 1024 годом, когда во время сильного голода в Суздале «все люди» пошли по Волге в Болгары, привезли хлеб и «также ожиша»¹⁰³.

Таким образом, полученные в последние годы материалы позволяют пересмотреть уже устоявшийся в древнерусской археологии тезис о безусловной социальной, в первую очередь, воинской статусности обладателей наборных поясов и уздечек¹⁰⁴. По-видимому, ситуация была сложнее: наряду

¹⁰² Макаров Н. А. Суздальское Ополье // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С. 211.

¹⁰³ ПСРЛ. Т. II. Стб. 135.

¹⁰⁴ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.) С. 84.

с действительным распространением наборных поясов в древнерусской воинской среде во второй половине X – начале XI вв., мы фиксируем и заметную популярность этих украшений у рядового финно-угорского и смешанного славяно-финского населения. Крупным центром производства поясной гарнитуры для этих потребителей выступает Волжская Болгария: все накладки имеют высокую степень стандартизации и явно производились массово профессиональными мастерами.

3. Практически все накладки из могильника, датировка которых может быть установлена в определенном интервале, укладываются в пределы X – первой половины XI в. Накладок и наконечников хорошо известных типов XI – первой половины XII вв. практически нет¹⁰⁵, хотя пряжки этого времени (лировидные и прямоугольные) преобладают в коллекции пряжек. Вероятно, мода на наборные пояса, продолжающаяся в это время существовать и в Южной, и в Северо-Западной Руси, и на Готланде¹⁰⁶, в Северо-Восточной Руси исчезает. Одной из причин этого, возможно, является прекращение массового производства бронзовых накладок мастерскими Волжской Болгарии.

¹⁰⁵ Только один наконечник может быть отнесен к этому хронологическому периоду.

¹⁰⁶ Михайлов К. А. Древнерусские наборные пояса XI–XII вв. С. 132–144.

Summary

I. E. Zaytseva

Details of a Belt Set from Shekshovo in the Suzdal Opolie (Field Region)

This article is devoted to the metall details of a belt set from Shekshovo in the Suzdal Opolie (138 articles) dating from the 10th–12th centuries obtained as a result of work carried out by the Suzdal Archaeological Expedition of the Institute of Archaeology affiliated to the Russian Academy of Sciences. Apart from one-off finds (buckles, stzapends, mounts, plates) it proved possible to single out 12 sets of mounts. These materials have made it possible to re-examine the idea well-established in the archaeology of medieval Rus concerning the indisputable social, in particular military, status enjoyed

by the owners of belt-sets and bridles. The situation was, however, clearly more complex: as well as the undeniable distribution of belt sets of medieval Rus in the late-10th and early-11th centuries among the armed militias of medieval Rus, we also recorded the undeniable popularity of these items among the rank-and-file Finno-Ugric and mixed Slavic-Finnish populations. Volga Bulgaria was a major centre for the production of belt sets for these population groups: all the mounts exhibit a high degree of standardization and were clearly manufactured on a mass scale by professional craftsmen.

Датирующие находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополя (по материалам археологических исследований последних лет)

Изучение археологических материалов, относящихся ко второй половине XIII–XV вв., для центральных районов Владимиро-Суздальской земли имеет целый ряд важных особенностей, обусловленных историей региона и сложившейся историографической традицией.

Основной чертой истории Суздаля и его округа в это время представляется историкам как медленное, так и не завершившееся до конца восстановление после нашествия 1238 г. и последующих татарских набегов. Последствиями этих событий стало сокращение площади и изменение характера городской застройки, уменьшение количества населения, постепенное обеднение материальной культуры, потерявшей черты элитарности, присущей ей в домонгольскую эпоху¹.

Масштабные раскопки, проводившиеся в 1974–1990 гг. в кремле и окольном городе Суздаля под руководством М. В. Седовой, позволяли (до начала масштабных охранных работ в исторических городах центральных областей России) считать его одним из наиболее изученных древнерусских столичных центров Северо-Восточной Руси.

В отношении материалов, относящихся ко второй половине XIII – первой половине XV вв., прослеженная в результате этих исследований картина представляется довольно противоречивой. При наличии отдельных ярких вещей и некоторого коли-

чества серийных предметов отсутствует целостное представление об облике материальной культуры населения города на продолжительном временном отрезке, охватывающем около двух веков.

При доминировании в раскопах материалов XI–XIII и XVI–XVIII столетий, даже с увеличением масштабов охранных исследований, выделение закрытых или относительно чистых комплексов XIII – первой половины XV в. происходит очень медленно. В таких условиях обобщение сведений о новых находках вещей, имеющих ясную хронологическую атрибуцию, происходящих как из раскопок, так и обнаруженных в качестве подъемного материала, представляется вполне актуальным.

Задача выделения комплекса материалов второй половины XIII–XV в. стала одной из основных при проведении работ, начатых Суздальской экспедицией ИА РАН под руководством Н. А. Макарова в 2001 г. Целью этих исследований было выявление памятников железного века – Средневековья, изучение структур расселения и культурного ландшафта в историческом центре Владимиро-Суздальской земли². За 14 лет работ (2001–2014 гг.) обследована территория площадью около 350 кв. км, найдено более 300 средневековых поселений. Стационарные исследования проводились на восьми селищах.

¹ Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. М., 1997. С. 25, 30; Макаров Н. А. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 6–7.

² Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н. э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005. С. 196–215; Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. 2013. № 4. С. 58–74.

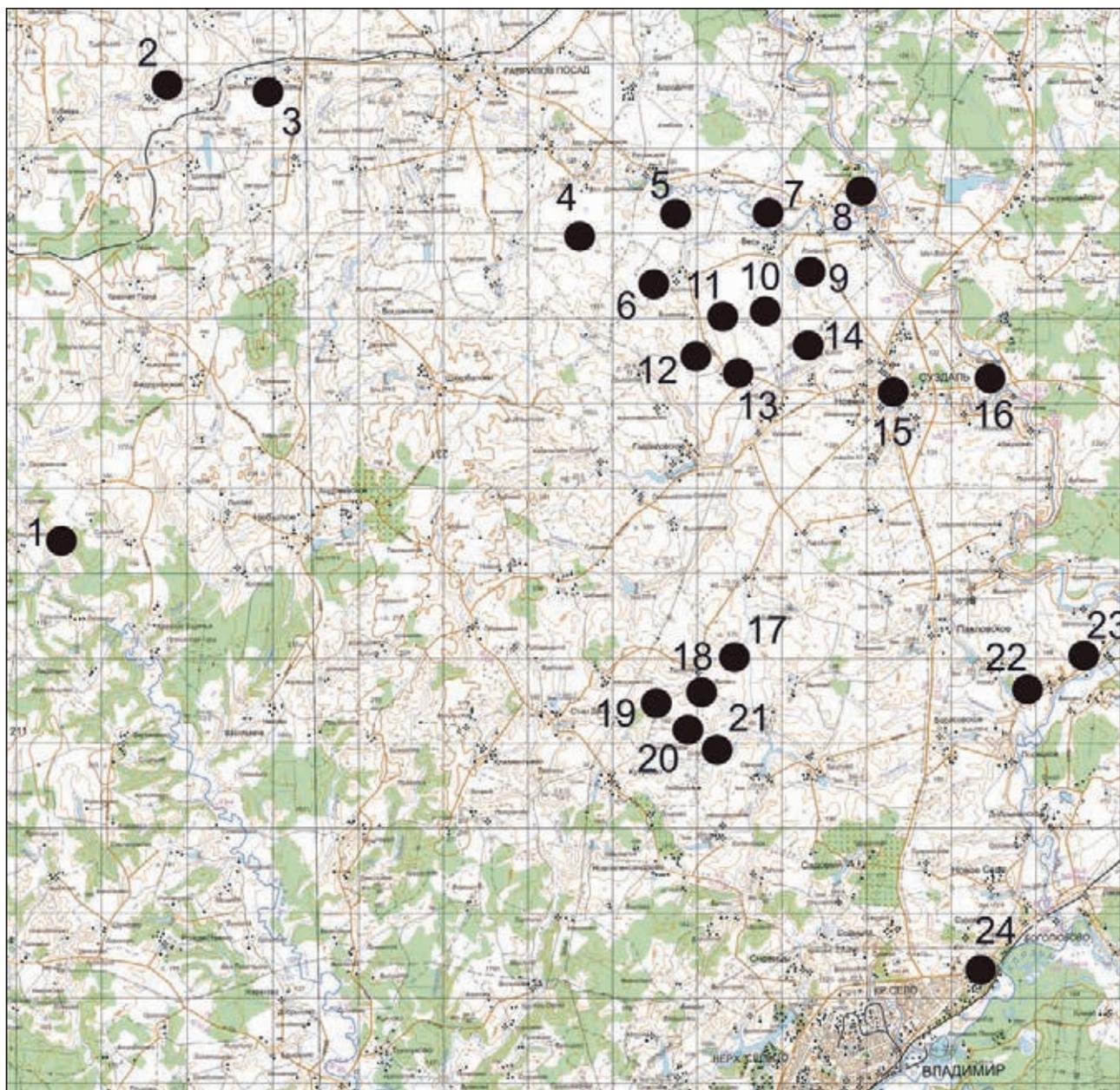

Рис. 1. Карта памятников Суздальского Ополья с датирующими находками второй половины XIII–XV вв.
1 – Семьинское городище; 2 – Парша 4; 3 – Осановец 1; 4 – Большое Давыдовское 4; 5 – Подолец 1;
6 – Кистыш 3; 7 – Весь 5; 8 – Пантелиха 1; 9 – Поганое озеро 1; 10 – Кибол 11; Вишенки 6; 12 – Янево 4;
13 – Янево 6; 14 – Кибол 5; 15 – Суздаль; 16 – Кидекша 1; 17 – Тарбаево 5–7; 18 – Яневец 2; 19 – Раславское 1;
20 – Скородумка 1; 21 – Скородумка 6; 22 – Васильково 6; 23 – Мордыш 1; 24 – Сунгирь 1

Коллекция средневековых предметов, найденных в результате этих исследований, составляет более 12 000 находок (около 7 500 – в процессе разведок).

В ситуации отсутствия дробной хронологической шкалы керамики для средневековых памятников региона находки вещей часто оказываются важным ориентиром для установления крайних границ временного диапазона существования поселений. Для материалов XIII – начала XV столетия это представляется особенно актуальным, поскольку изменения, происходящие в составе керамических комплексов поселений Суздальского Ополья этого времени, только еще начинают проявляться³.

Основываясь на представленном обзоре датированных находок второй половины XIII – первой половины XV вв., можно в первом приближении составить представление об облике материальной культуры населения Суздальского Ополья после монгольского нашествия. Всего вместе с Суздаlem вещи золотоордынского времени были найдены на 24 памятниках (рис. 1).

24 из 101 предмета были получены в результате раскопок в Суздале, 16 находок происходит из сборов на селище Кистыш 3, в раскопках и сборах на Киболе 5 найдено 14 предметов, на селище Раславском 1 – 5, на Семьинском городище – 5, Сунгире 1 – 4. На остальных памятниках собрано по небольшому количеству находок. Конечно, эта статистика отражает, скорее, степень интенсивности сборов материала на отдельных памятниках, но все-таки позволяет сделать некоторые наблюдения.

Предметы вооружения. Находки предметов вооружения, датировка которых может быть определена временем не ранее второй трети XIII в., для территории Ополья имеют особое значение. Речь идет о тех образцах оружия, выпадение в культурные слои которых, хотя бы гипотетически, может быть связано с событиями зимы 1238 г.⁴ или с другими походами ордынцев. Таких вещей на настоящий момент обнаружено совсем немного.

М. В. Седова говорит о находках двух тупоугольных срезней⁵, из материалов городских раскопок 1974–1990 гг. В. В. Данилов упоминает только об одном наконечнике, который «можно связать с

монголо-татарами»⁶, но при этом не дает ему никакого описания. Скорее всего, речь идет о стрелах типа 67 по А. Ф. Медведеву⁷, представляющих собой наконечники в виде узкой вытянутой лопаточки с тупоугольным или дугообразным лезвием.

В настоящий момент находки срезней этого типа (рис. 2: 9–11) кроме Суздаля происходят еще с семи памятников (Весь 5, Подолец 1, Кистыш 3, Яновец 2, Тарбаево 5–7, Скородумка 6, Семьинское городище). Всего было найдено восемь наконечников (не считая суздальских) – на каждом из памятников по одному, за исключением селища Скородумка 6, откуда происходит две находки. В двух случаях (селище Весь 5 и Семьинское городище) вещи были обнаружены при проведении раскопок, стрела с комплекса памятников у с. Тарбаева не имеет точной привязки, поскольку была получена Владимиро-Суздальским музеем в качестве дара⁸.

К числу довольно распространенных стрел, появляющихся в Восточной Европе во второй половине XIII в., относится находка из Суздаля. Наконечник имеет форму широкой лопаточки с секировидным острием (тип 68 по А. Ф. Медведеву) (рис. 2: 12).

Еще три наконечника принадлежат более редким типам:

Тип 71 – пламевидный с расширением в середине пера найден на селище Тарбаево 7 (рис. 2: 8).

Видимо, к «кунжутолистным» (тип 72) относится обломанный наконечник с остатками фигурных вырезков на плоском в сечении пере, с хорошо сформованным упором, круглой короткой шейкой и насадом длиной 6,19 см (рис. 2: 16). (Тарбаево 7).

Так называемый «дучидский» срезень (тип 69) с тупоугольным острием и слабо выгнутыми плечиками найден при раскопках на Семьинском городище. Насад у наконечника обломан, максимальные размеры пера составляют 70×40 мм, вес экземпляра 15,86 г⁹.

Прямая связь появления стрел «степных» типов, имеющих аналогии среди сибирских и монгольских древностей, в культурных слоях русских средневековых городов и селищ с частыми татарскими набегами кажется довольно очевидной¹⁰.

³ Данилов В. В. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // *Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси*. М., 1991. С. 78–100.

⁴ Медведев А. Ф. Ручное метательное оружие. Лук, стрелы, самострел VIII–XIV вв. М., 1966. С. 75–76. (САИ; вып. Е1–36).

⁵ Родина М. Е. Находки с селищ у с. Тарбаево близ Суздаля в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // *Археология Владимиро-Суздальской земли*. М., 2012. С. 90–91.

⁶ Пользуясь случаем выразить благодарность М. Е. Родиной и Н. А. Кокориной за любезно предоставленную возможность ознакомиться с материалами раскопок Семьинского городища, хранящихся в фондах ВСМЗ.

⁷ Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 76; Коваль В. Ю. Ордынцы на Руси // *Русь и Восток в IX–XVI веках*. М., 2010. С. 80.

³ Кадиева Е. К. Керамика из усадьбы г. Владимира конца XII–XIII века (по материалам раскопок 1993–1998 гг. в квартале 22) // *Русь в XIII веке. Древности темного времени*. С. 315–339; Федорина А. Н. Керамические комплексы средневековых селищ Вишенки 3 и Кистыш 3: сравнительная характеристика // *Археология Владимиро-Суздальской Руси*. Вып. 1. М., 2007. С. 33–42; Шполянский С. В. Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздалем // *Археология Владимиро-Суздальской земли*. Вып. 3. М., 2011. С. 43.

⁴ Бейлекчи В. В., Родин В. В. Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в городе Суздале 2007 // *Археология Подмосковья*. Вып. 3. М., 2007. С. 218.

⁵ Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. С. 71.

Рис. 2. Предметы вооружения второй половины XIII – первой половины XV вв.
 1 – Парша 1; 2, 8, 16 – Тарбаево 5-7; 3 – Большое Давыдовское 4; 4, 12 – окольный город Суздаля;
 5, 10, 13 – Кистыш 3; 6 – Вишенки 6, 7 – Пантелиха 1; 9 – Подолец 1; 11 – Яновец 2; 14, 15 – Кибол 5

Однако в последнее время, с накоплением новых данных, такая интерпретация представляется не единственно возможной. О. В. Двуреченский в своей классификации наконечников Московского государства второй половины XV–XVII вв. выделяет срезни в виде узкой вытянутой лопаточки в отдельный тип (17). Констатируя вхождение в состав комплекса вооружения русского служилого сословия стрел, наиболее распространенных в степях Восточной Европы в золотоордынскую эпоху, исследователь обратил внимание на длительность использования этого типа наконечников, период бытования которых охватывает все позднее Средневековье¹¹.

В состав набора стрел, сформировавшегося в конце XIII–XIV столетиях, кроме уплощенных наконечников рассекающего действия, входили экземпляры бронебойных снарядов подквадратного и ромбического сечения с утяжеленной боевой головкой.

Три наконечника типа 89 по А. Ф. Медведеву происходят из городских раскопок на Торговой площади, с селищ Кистыш 3 и Большое Давыдовское 4. Они представлены экземплярами пирамидальной формы с удлиненной, круглой в сечении шейкой, с выраженными гранями с шипиками по углам квадратной головки (рис. 2: 3–5). Датированы они второй половиной XIII–XIV вв. В культурном слое средневековой Твери два подобных наконечника имеют дендродату 1364–1419 гг.¹²

Особенно интересной представляется находка на селищах Парша 4 и Тарбаево 5 двух черешковых, почти квадратных в сечении наконечников с максимальным расширением головки в верхней ее трети (рис. 2: 1–2). О. В. Двуреченский выделяет такие стрелы в отдельный тип (4), по функциональному назначению определяет их как бронебойные ударно-раскалывающего действия. Ему известно всего 4 наконечника этого типа из Орешка, Москвы и Коломны. Их датировка приблизительно была определена в рамках второй половины XIV – третьей четверти XV в.¹³

Еще один тип наконечников XIV–XV вв. представлен среди стрел Ополя двумя экземплярами. Это ромбовидные снаряды с расширением в верхней трети пера с вытянутыми вогнутыми плечиками и упором. Тип (9 по О. В. Двуреченскому) разделяется на два варианта, оба они есть на суздальских памятниках. Варианты различаются формой сечения пера. Наконечник с сечением наиболее широкой его части в виде усеченного ромба

(вариант а), был найден на селище Вишенки 6, общая его длина составляет 67 мм, перо – 50 мм при максимальной ширине 12 мм, вес снаряда 9,09 г (рис. 2: 6). Второй – уплощенного сечения (вариант б) происходит с селища Пантелиха 1, его длина – 68 мм, размеры пера 51×13 мм, вес составляет 9,4 г (рис. 2: 7).

Эти наконечники в целом близки типу 51 по А. Ф. Медведеву, отличаются от него более удлиненными пропорциями (1:4 против 1:2 – 1:3). О. В. Двуреченскому известно 13 подобных наконечников, найденных на территории Московского государства, датированы они очень широко – XIV – первой половиной XVII вв. Исследователь подчеркивает морфологическую близость наконечников 9-го типа с формами, широко распространенными в позднем Средневековье и раннем Новом времени за Уралом, в комплексе вооружения кочевников Южной Сибири и Центральной Азии¹⁴.

Помимо наконечников стрел, к числу предметов вооружения второй половины XIII–XIV вв. относятся две dospешные пластины (рис. 2: 14–15). Они были найдены в процессе раскопок селища Кибол 5 в большой подпольной яме (яма 1), в заполнении этого времени.

Пластины похожи между собой, имеют, по видимому, пятиугольную форму, один из краев у каждой из них утрачен. В обоих случаях довольно хорошо сохранилась та сторона пластин, которая оформлена в виде треугольного выступа, по его углам размещены отверстия для крепления. Пластины немного расширяются к противоположному от выступа краю, имеют слабую вогнутость. Их ширина составила от 48–52 мм до 51–55 мм, длина – 62 и 76 мм, толщина меняется от 0,7 до 1,3 мм. Прямых аналогий таким пластинам «дощатого» доспеха найти не удалось, однако их сходство, форма, размеры, находка в одном комплексе позволяют предполагать именно такую атрибуцию.

Предмет, относящийся к всадническому комплексу вооружения, происходит из сборов на селище Кистыш 3 (рис. 2: 13). Это звездчатое колесико от шпоры, снабженное 16 лучами. Звездочки с большим количеством лучей (больше 6–8) начинают преобладать к началу XIV столетия¹⁵.

Ременные железные накладки. Одним из заметных событий в изучении средневековых восточноевропейских древностей в последние десятилетия стало выявление железной ременной гарнитуры, обозначаемой обычно как изделия «аскизского круга»¹⁶. Оставив в стороне полемику

¹¹ Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси и Русского государства XV–XVII веков // Археология Подмосквья. Вып. 3. М., 2007. С. 288, 297.

¹² Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV веках. СПб.; Тверь, 2009. С. 90, 322.

¹³ Двуреченский О. В. Наконечники стрел Московской Руси ... С. 283, 298.

¹⁴ Там же. С. 286, 296.

¹⁵ Кирпичников А. Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л., 1973. С. 68–69. (САИ; вып. Е1–36).

¹⁶ Кызласов И. Л. Успехи в изучении древнехакасских изделий, найденных на Руси и в Поволжье // Аскизские

Рис. 3. Изделия из железа: 1–18 – ременная гарнитура. 19–26 – кудельные булавки. 1 – Кидекша 1; 2, 3, 8 – окольный город Суздаля; 4, 9, 11, 12, 20, 21 – Кистыш 3; 7, 14–18 – Кибол 5; 5, 6 – Янево 4; 10, 23, 24 – Весь 5; 13 – Мордыш 1; 19 – Сунгирь 1; 22 – Большое Давыдовское 4; 25 – Осановец 1, 26 – Парша 4

об их происхождении, отметим лишь, что в целом не подвергается сомнению привнесенный характер этого явления для древнерусской материальной культуры. Распространение этих вещей на русских памятниках происходит или незадолго до монгольского нашествия¹⁷, или, преимущественно, уже в золотоордынское время¹⁸.

В тех случаях, когда вещи происходят из раскопок и их датировка может быть установлена достаточно достоверно, она определяется, за редким исключением, в пределах второй половины XIII – первой половины XV вв.¹⁹

С территории Суздальского Ополья в настоящий момент происходит коллекция железной ременной гарнитуры, включающая находки около полусотни разного рода накладок и более сотни пряжек. Предметов, в отношении которых можно довольно уверенно говорить о датировке их временем золотоордынского господства, всего 18, они происходят с семи памятников (включая Суздаль).

Наиболее выразительны, с точки зрения внешней схожести с вещами «аскизского круга», шесть предметов, представленные наконечниками ремней или уздечными распределителями (рис. 3: 8–13). Три из них (из Суздаля, селищ Кистыш 3 и Вель 5) – это вытянутые пятиугольные изделия, основание которых расширяется и оканчивается в виде «ласточкина хвоста» или дугообразного края с небольшими боковыми выступами, а сужающееся завершение имеет на конце округлое расширение. В центральной части накладок, ближе к зауженному концу, располагается ромбовидное расширение. Два отверстия для крепления находятся у основания

«ласточкина хвоста» или на дугообразном выступе и на самой оконечности изделия в округлом завершении узкого конца. Еще одна накладка (Кистыш 3) имеет близкую форму и отличается тем, что узкий конец у нее завернут и приклепан с противоположной стороны, образуя петлю, а крепление ее со стороны основания осуществляется с помощью двух штифтов, помещенных симметрично на выступах «ласточкина хвоста». По-видимому, близкая по форме накладка была найдена на селище Мордыш 1, от которой сохранился только обломок фигурного основания с двумя штифтами (рис. 3: 13). Ближе всего по форме к поволжским аналогам узкая уздечная накладка (Кистыш 3) с «шлемовидным» завершением и основанием в виде «ласточкина хвоста». Длина изделий составляет от 39 до 51 мм.

Исходя из существующих сейчас подходов к описанию морфологии ременной гарнитуры, предложенных К. А. Руденко²⁰, находки можно классифицировать как «прямоугольные со шлемовидным завершением и фигурноскобчатым основанием». Последняя вещь из представленных может быть отнесена к типу БЗд по К. А. Руденко²¹ отличаясь меньшими размерами и отсутствием выраженной профилированности. Накладка с петлей близка типу Б8, но отличается наличием ромбовидного расширения и сужением пластины в центральной части. В целом при внешней схожести форм заметны и различия между известными поволжскими предметами и суздальскими образцами. Это наличие ромбовидного расширения, размещение штифтов на округлом завершении узкого конца изделия, сужение в центральной части изделий, не позволяющее обозначить абрис предмета как прямоугольный.

Две накладки, которые тоже можно соотнести с находками из Волго-Камья, были найдены на селище Янево 4 (рис. 3: 5, 6). Одна из них – наконечник ремня «геральдической» формы²² (Д4 по К. А. Руденко), размерами 31×19–21 мм, – украшен по краю рельефной полосой, которая с двух концов основания наконечника образует небольшие декоративные выступы. Через центр накладки из вершины ее треугольного завершения проходит углубленная полоса, разделяющая ее на две части. На кожаную основу наконечник крепился с помощью трех штифтов. Вторая накладка – прямоугольная, в нижней части имеет сужающийся выступ, который, очевидно, является обломком петли, крепившейся на шпеньке, расположенном у ее основания. Размеры накладки, без учета петли, составляют 37×18 мм. Она имеет

древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000; Его же. Особенности появления аскизских изделий в Европе // Русь и Восток в IX–XVI веках. М., 2010; Руденко К. А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Болгарии // Аскизские древности в средневековой истории Евразии. Казань, 2000; Руденко К. А. Происхождение и развитие элементов аскизской культуры в Поволжье и Прикамье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003; Белорыбкин Г. Н. Золотаревское поселение. СПб., 2001; Гоняный М. И. Тюркские элементы в материальной культуре древнерусских поселений конца XII – третьей четверти XIV в. района Куликова поля (на примере украшений ременной гарнитуры) // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М., 2005.

¹⁷ Кызласов И. Л. Успехи в изучении древнехакасских изделий ... С. 3–4; Гоняный М. И. Указ. соч. С. 85–100.

¹⁸ Коваль В. Ю. Ордынцы на Руси. С. 82.

¹⁹ Двуреченский О. В. Изделия из черного металла // Средневековое поселение Настасьино. М., 2004. С. 47; Лапшин В. А. Указ. соч. С. 92, 326–327; Шполянский С. В. Раскопки селищ в пределах волости Перемышль в Подмосковье и некоторые общие вопросы динамики освоения региона в конце XII – первой половине XV века // Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009. С. 180; Мухина Т. Ф. Проблема выделения строительного горизонта второй половины XIII – XIV вв. (на примере раскопа в Торговых рядах г. Владимира в 2004 г.) // Археология Владимиро-Суздальской земли. Вып. 3. М.; СПб., 2011. С. 161, 162.

²⁰ Руденко К. А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Болгарии. С. 80.

²¹ Руденко К. А. Тюркский мир и Волго-Камье в XI–XII вв. (археологические аспекты проблемы) // Татарская археология / гл. редактор Р. Фахрутдинов. Казань, 2000. № 1–2 (6–7). С. 47, 79.

²² Там же. С. 50.

точно такое же декоративное оформление, как и ременной наконечник, найденный всего в пяти метрах от нее (рельефная полоса по краю, углубленная – через середину накладки), что позволяет предполагать, по меньшей мере, синхронность бытования этих вещей.

«Геральдические» накладки представляют собой одну из распространенных форм ременной гарнитуры Доно-Волжского региона золотоордынского времени, известны среди вещей, изготовленных как из железа²³, так и из цветного металла²⁴. Предметы, близкие по форме ременному наконечнику из Ополя, найдены и на средневековых русских памятниках (селище Настасьино²⁵, посад Можайского кремля²⁶, селище Исканское 1 в Калужской области²⁷).

По-видимому, часть одного поясного набора была найдена на селище Кибол 5. Из слоя конца XIII–XIV вв. заполнения ямы 1 происходят три однотипные накладки и поясной наконечник (рис. 3: 14–17). Накладки фигурные, состоящие из трех соединенных между собой розеток, имеют аналоги в поволжских материалах (тип Д1). Кибольские накладки немного различаются по размерам. Одна из них длиннее остальных, размеры накладок составляют 49×15 и 44–45×15 мм (ширина определена по центральной розетке). Центральная розетка у накладок крупнее, имеет восемь лепестков, крайние розетки – шестилепестковые. Точную аналогию накладкам из Киболы можно найти среди верхнедонской ременной гарнитуры²⁸, у тверской накладки все три розетки – шестилепестковые²⁹.

Поясной наконечник, найденный вместе с накладками, представляет собой удлиненный предмет с треугольным завершением и фестончатым основанием, который может быть определен как тип ВIV по Г.Н. Федорову-Давыдову³⁰. Размеры наконечника составляют 66×12–15 мм, он плавно расширяется в сторону основания, внешняя сторона изделия слабо выпуклая, на нее насечкой нанесен геометрический орнамент в виде смыкающихся ромбов. На основу

наконечник крепился с помощью трех штифтов, два из которых располагались в основании изделия, а один – в треугольном завершении.

Стоит отдельно отметить, что при раскопках на селище Кибол 5 впервые в регионе зафиксирован комплекс вещей, представляющий собой часть набора железной ременной гарнитуры, относящийся к золотоордынскому времени. Значимым является и то обстоятельство, что, исходя из имеющихся данных, из трех пунктов (Тверь, Суздальское Ополе, Верхний Дон) с территории русских земель известно уже 7 фигурных накладок типа Д1. Это небольшое количество, тем не менее, превышает число опубликованных сейчас находок из Волго-Камья. Вещи встречены в каждом из пунктов небольшими сериями, что демонстрирует, по-видимому, существование довольно устойчивой традиции использования ременной гарнитуры, включавшей такие предметы.

Из Суздаля происходят две накладки, которые имеют вид удлинённых пластин с раздваивающимся или расширяющимся окончанием (рис. 3: 2, 3)³¹. Аналоги их известны в кочевнических древностях золотоордынского времени, обозначаются как «трехлопастные»³². Размеры суздальских вещей составляют 26–30×11–15 мм, они крепятся на основу с помощью трех штифтов, два из которых располагаются на широком основании, а один – на расширении окончания. Подобная накладка найдена на селище Грязновка 2, на Верхнем Дону³³, известны аналогичные вещи из Москворечья³⁴.

Близкое по форме и функциональному назначению изделие происходит из сборов на селище Кистыш 3 (рис. 3: 4). В отличие от суздальских находок в основании накладки размещается круглое отверстие, завершающееся по бокам небольшими отрезками, на которых находятся шпеньки. Похожее изделие происходит с верхнедонского селища Устье 3, но оно отличается от накладки с Кистыша 3 своими размерами³⁵.

Небольшие круглая и фигурная накладки с петлями для колец найдены в культурном слое Киболы 5 (рис. 3: 7, 18), они имеют большое количество аналогий в Поволжских древностях (типы А4б и Д6 по К.А. Руденко)³⁶.

³¹ Пользуясь случаем выразить признательность О.А. Несмиян и В.Г. Несмиян за предоставленную возможность ознакомления с неопубликованными материалами их раскопок.

³² Красильников К.И. К вопросу о монгольском периоде в среднем Подонцовье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 15: Средневековые древности Евразийских степей. Воронеж, 2001. С. 217, 224.

³³ Гоняный М.И. Указ. соч. С. 95.

³⁴ Шполянский С.В. Раскопки селищ в пределах волости Перемышль в Подмоскowie ... С. 179, 180.

³⁵ Гоняный М.И. Указ. соч. С. 89, 94.

³⁶ Руденко К.А. Датировка находок «аскизского круга» из Волжской Болгарии. С. 84.

²³ Федоров-Давыдов Г.Н. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 48, 50.

²⁴ Полякова Г.Ф. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. Казань, 1996. С. 203, 206; Кравец В.В. Кочевники Среднего Дона в эпоху Золотой Орды. Воронеж, 2005. Табл. 8: 25.

²⁵ Двуреченский О.В. Изделия из черного металла. С. 246.

²⁶ Меньшиков М.Ю. «Мастерская» бронника на посаде Можайского кремля (по материалам раскопок 2006 г.) // Археология Подмоскowie. Вып. 4. М., 2008. С. 148.

²⁷ Прошкин О.С., Фролов А.С. Поселение у села Исканское (к вопросу о локализации древнерусской Исконы) // Археология Подмоскowie. Вып. 11. М., 2014. С. 200, 202.

²⁸ Гоняный М.И. Указ. соч. С. 89, 100.

²⁹ Лапшин В.А. Указ. соч. С. 327.

³⁰ Федоров-Давыдов Г.Н. Указ. соч. С. 48, 50.

Последняя из железных ременных накладок второй половины XIII в. была обнаружена в процессе раскопок селища Кидекша 1, в заполнении крупной постройки³⁷. Накладка имеет форму, близкую прямоугольной, один из краев ее закруглен, в центре, занимая почти все пространство накладки, размещается тисненый округлый выступ. По периметру накладки располагаются три отверстия для крепления. Размеры ее составляют 29×18–19 мм (рис. 3: 1). Типологически близкие вещи известны в золотоордынских древностях³⁸, железная накладка с округлой выпуклостью в центре, но другой формы, найдена на селище Вединец 1 в районе Куликова поля³⁹.

Находки монет. На средневековых селищах Ополя было обнаружено четыре серебряных монеты, две из которых – джучидские и еще две – подражания им. Наиболее ранняя из находок происходит с селища Раславское 1, это анонимный дирхам, чеканенный в Сарае, год чеканки не уместился на монетной пластине. По типу датируется 681–682 г.х. (1282–1284 гг.) (рис. 4: 3). На селище Васильково 6 найдена монета хана Узбека, она сильно обрезана, место и год чеканки не сохранились, по типу – Сарай 727–728 г.х. (1326–1328 гг.) (рис. 4: 4) (определение А. А. Гомзина).

Подражания золотоордынским монетам происходят с селищ Кистыш 3 и с Сунгиревского (рис. 4: 1–2). В обоих случаях это подражание дангам середины или второй половины XIV в. нижеволжской чеканки. Для монеты, происходящей с поселения в низовьях Сунгира, определено, что прототип был чеканен при хане Джанибеке в 1350-е гг. (определение А. В. Пачкалова).

Изделия из кости. В процессе раскопок в Суздале в последние годы было найдено три обломка деталей костяных весов для малых взвешиваний, использовавшихся для проверки полновесности монеты (рис. 4: 19). Вместе с двумя предыдущими находками, опубликованными М. В. Седовой⁴⁰, сейчас из города известно пять фрагментов таких весов.

С селища Кистыш 3 происходит находка фрагмента костяной печати в виде шахматной пешки (рис. 4: 10). Изделие было расколото вдоль, сохранившись менее чем на треть, поэтому изображение, которое должна была нести печать, не читается. Однако конусовидная, расширяющаяся к основанию, с рельефным пояском и ушком для подвешивания форма печати видна отчетливо. Общая высота печати составляет 31 мм, диаметр сохранившейся части основания 6 мм, диаметр ушка 4–5 мм. Известны находки таких печатей в культурных слоях первой

половины XIII столетия, но основное их количество относится ко второй половине XIII–XV в.⁴¹

Изделия из стекла. При раскопках на территории окольного города Суздаля было найдено два стеклянных щитковых перстня, по-видимому, европейского производства (рис. 4: 13, 14). В отличие от находок предшествующих лет, эти экземпляры были изготовлены из непрозрачного стекла зеленого и желто-зеленого цвета. Перстни из стекла подобной цветовой гаммы хоть и встречаются несколько реже, чем бирюзовые, но также были довольно широко распространены. В последние годы аналогичные находки были сделаны при раскопках во Владимире⁴², довольно много их найдено в Москве⁴³.

Христианские древности. Предметы христианского культа, найденные в Суздале и его округе, не раз становились предметом изучения⁴⁴. Выделение вещей, относящихся ко второй половине XIII–XV столетиям, среди находок последнего времени частично уже было сделано. Среди энколпионов, найденных в последние годы, два могут быть датированы временем позднее середины XIII столетия. Один происходит с селища Кистыш 3, прямоконечный, с низкорельефным изображением распятия на лицевой стороне и Богоматери на оборотной (рис. 4: 17). Второй был найден на селище Янево VI, на территории современного села. Это створка округлоконечного энколпиона с распятием и с погрудным изображением предстоящих в боковых и архангелов в верхнем и нижнем медальонах. Близкий по иконографии двусторонний наперсный округлоконечный крест обнаружен на распаханной части поселения Ивановско-Кощеево. Подробное описание этих находок уже было опубликовано⁴⁵. В двух последних случаях возможна более поздняя, чем вторая половина XV в., датировка предметов, что не позволяет в полной мере рассматривать эти вещи как часть материальной культуры населения Ополя времен золотоордынского господства.

В числе тельников второй половины XIII–XV вв. наиболее интересна небольшая серия крестов с ветвями копьевидной формы, соединенными между собой дугами с выступами в средней части каждой из дуг, в результате образующих просветы сердцевидной формы (рис. 4: 5–7). Полные

⁴¹ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М., 2004. С. 223–224.

⁴² Мухина Т. Ф. Указ. соч. С. 162.

⁴³ Кользин А. М. Торговля древней Москвы (XII – середина XV в.). М., 2001. С. 84–85.

⁴⁴ Макаров Н. А., Красникова А. М. Христианские древности суздальских селищ: новые находки // КСИА. № 221. М., 2007. С. 63 – 73; Макаров Н. А., Федорина А. Н. О находках энколпионов на суздальских селищах // Археология Владимир-Суздальской земли. Вып. 2. М., 2008. С. 137–146.

⁴⁵ Макаров Н. А., Красникова А. М. Указ. соч. С. 69; Макаров Н. А., Федорина А. Н. Указ. соч. С. 141–142.

³⁷ Шполянский С. В. Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздалем. С. 41–42.

³⁸ Федоров-Давыдов Г. Н. Указ. соч. С. 48, 50.

³⁹ Гоняный М. И. Указ. соч. С. 89, 98.

⁴⁰ Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. Рис. 70.

Рис. 4. Монеты, христианские древности, изделия из стекла и кости второй половины XIII – XV вв.
 1, 8, 10, 17 – Кистыш 3; 2 – Сунгирь 1; 3 – Раславское 1; 4 – Васильково 1; 5 – Кибол 11; 6 – Кистыш 3;
 7 – Кидекша 1; 9, 11, 12 – Кибол 5; 13, 14, 19 – окольный город Суздаля; 15, 16 – Раславское 1; 18 – Мордыш 1

аналогии им датированы на основании находок в погребениях тверских князей с монетами концом XIV–XV в.⁴⁶ Два таких крестика происходят из сборов (Кистыш 3, Кибол 11), а один обнаружен при раскопках 2008 г. в с. Кидекша в заполнении котлована постройки XIII–XIV вв.⁴⁷

Хорошо известные типы тельников представлены пятью находками, три из которых – это равноконечные крестики с треугольными окончаниями лопастей, украшенные желтой эмалью (рис. 4: 8, 9). Один из них найден в Суздале, при раскопках на улице Слободской⁴⁸. Второй происходит из сборов на селище Кистыш 3⁴⁹. Третий крест найден на селище Кибол 5, в заполнении ямы 1 вместе с парой доспешных пластин и железной ременной гарнитурой. Датировка этого комплекса может быть в целом определена в рамках второй половины XIII–XIV вв. Практически синхронные сооружения, с близким по составу набором находок, недавно были исследованы в окрестностях Нижнего Новгорода⁵⁰.

Из того же раскопа на Кибол 5 происходит два равноконечных крестика с ромбическим средокрестием и криновидным завершением лопастей (рис. 4: 11, 12). Один из них найден в составе того же комплекса, что и крестик с эмалью, другой – в культурном слое поселения. Два подобных креста опубликованы М. В. Седовой из раскопок в Суздальском кремле⁵¹. Находок таких крестов известно достаточно много, датировки их хорошо обоснованы⁵².

С селища Раславское 1 происходит две довольно интересные находки. В одном случае это, по-видимому, оглавие энколпиона, близкое по форме кубу со срезанными углами, с изображением Спаса (рис. 4: 15). Во втором – круглая односторонняя литая иконка с ушком, оформление которого также напоминает куб со срезанными углами, и рельефным изображением св. Николы (рис. 4: 16). Диаметр иконки 16–17 мм, по ее краю идет узкий рельефный бортик, фон вокруг погрудного изображения святого углублен, хорошо читается нимб и столбчатая надпись с двух сторон от фигуры. Иконогра-

фия и форма оглавий позволяет отнести обе находки к XIV–XV вв.⁵³

Изделия из цветных металлов. Происходящие со средневековых поселений Ополя изделия из цветных металлов золотоордынского периода (помимо предметов христианского культа), в основном, представлены украшениями. Довольно подробно категориальный состав ювелирных изделий второй половины XIII–XVI вв. для Северо-Восточной Руси был рассмотрен Т. Г. Сарачевой⁵⁴. Разнообразие находок из суздальского региона не слишком велико, большинство представлено перстнями со щитком овальной, прямоугольной или ромбической формы. Всего перстней 15, происходят они с девяти памятников (рис. 5: 1–9). В процессе раскопок найдено 7 перстней, три – на Семьинском городище, один – на селище Кибол 5, три – в Суздале, все остальные обнаружены при проведении поверхностных сборов.

Ромбощитковый перстень в коллекции один (Кибол 5), изображения ладоней помещены на щитки двух перстней (селища Скородумка 1 и Сунгирь 1), схематическое изображение птички – на двух (Семьинское городище, Раславское 1). На щитке-квадрифолии с Тарбаево 5 изображена шести (?) лепестковая розетка. Еще один перстень со щитком квадрифолийной формы происходит с Веси 5. На крупном овальном щитке перстня с Сунгирьского селища углубленный литой декор выполнен в виде четырех завитков, расходящихся от центра, обозначенного точкой и коротких черточек, расположенных по периметру. Перстень с, по-видимому, аналогичным декором известен в Переславле Рязанском⁵⁵. Перстни с неорнаментированными или украшенными гравированным орнаментом щитками овальной и прямоугольной формы найдены на селищах Поганое озеро 1, Раславское 1, Семьинском городище, в Суздале. Из городских раскопок происходит перстень с изображением свастики на овальном щитке на фоне, выполненном желтой эмалью.

Браслеты представлены единственной находкой с Большого Давыдовского 4 (рис. 5: 14), где был обнаружен фрагмент пластинчатого изделия с рельефными валиками, которые по новгородской шкале датируются с 40-х гг. XIII в. до середины XV в.⁵⁶

К числу вещей, характерных для XIII–XV вв., по-видимому, можно отнести и фрагменты двух ви-

⁴⁶ Зайцева И. Е. Указ. соч. С. 63.

⁴⁷ Шполянский С. В. Раскопки средневекового поселения Кидекша под Суздалем. С. 41–42.

⁴⁸ Работы О. А. Несмиян и В. Г. Несмиян в 2010 г.

⁴⁹ Макаров Н. А., Красникова А. М. Указ. соч. С. 71.

⁵⁰ Грибов Н. Н. Предварительные итоги исследования русского селища второй половины XIII–XIV в. на окраине Нижнего Новгорода // Археология Владимиро-Суздальской земли. М., 2007. С. 58–67.

⁵¹ Седова М. В. Суздаль в X–XV веках. С. 203.

⁵² Сарачева Т. Г., Сапрыкина И. А. Ювелирные изделия // Средневековое поселение Настасьино. М., 2004. С. 57; Шполянская Д. В. Комплекс предметов личного благочестия с селища XIV–XVI вв. Рождество 1 (предварительное сообщение) // Археология Подмосквья. Вып. 4. М., 2008. С. 267.

⁵³ Николаева Т. В. Прикладное искусство Московской Руси. М., 1976. С. 35–44, 138–159; Пуцко В. Г. О системном изучении русского художественного медного литья малых форм // Русское медное литье. Вып. 1. М., 1993. С. 26; Шполянская Д. В. Указ. соч. С. 268–275.

⁵⁴ Сарачева Т. Г. Ювелирные изделия второй половины XIII–XVI вв. с территории Северо-Восточной Руси // КСИА. Вып. 221. М., 2007. С. 73–88.

⁵⁵ Там же. С. 83.

⁵⁶ Там же. С. 81, 82.

Рис. 5. Изделия из цветных металлов, восточная поливная керамика:
 1, 10, 11 – Кибол 5; 2, 5, 12, 16 – Сунгирь 1; 3 – Скородумка 1; 4, 9 – Раславское 1; 6 – Тарбаево 5;
 7, 15 – Кистыш 3; 8 – Поганое озеро 1; 13, 17-23 – окольный город Суздаля; 14 – Большое Давыдовское 4

сочных колец с фигурной лопастью (рис. 5: 11, 12), найденных в окольном городе Суздаля и селище Кибол 5. С. Д. Захаровым была проанализирована вся доступная информация о датировке и распространении подобных изделий⁵⁷. Полученная картина демонстрирует широкое распространение украшений, их бытование в обширном хронологическом диапазоне (вплоть до XV в.), что подтверждается Т. Г. Сарачевой⁵⁸. Двумя находками представлены фрагменты бубенчиков со щелевидной прорезью и рельефным валиком (селища Кистыш 3⁵⁹, Кибол 5) (рис. 5: 10).

Уникальной находкой, пока не имеющей прямых аналогов, можно считать составное изделие, найденное в окольном городе Суздаля в раскопе 2012 г. Оно представляет собой тисненую семилепестковую розетку диаметром 23–25 мм. С противоположной стороны розетки к ее центру припаян круглый в сечении стержень, изогнутый таким образом, чтобы обогнуть край розетки. Стержень завершается прямоугольной литой головкой, по форме имитирующей стеклянную или каменную выпуклую вставку в оправе. По внутреннему периметру бортика прямоугольной головки идет косая насечка, имитирующая орнамент. Размеры головки составляют 10×12 мм (рис. 5: 13).

Несмотря на то, что аналогов этой вещи не известно, хорошо узнаваемы детали украшений, воспроизведенные мастером при ее изготовлении, находящиеся достаточное количество аналогий в материалах золотоордынского времени⁶⁰.

К числу сравнительно редких вещей относится круглая плоская литая накладка с изображением зверя с повернутой головой и поднятым хвостом (рис. 4: 18). По краю накладки размещается рельефный рифленый бортик. Диаметр изделия составляет 17–18 мм, противоположная сторона накладки гладкая, слегка вогнутая, на основу она крепилась с помощью двух шпеньков, от которых остались отверстия, расположенные по краям. Такие накладки известны в Новгороде и Рюриковом городище, где датируются первой половиной XIV в.⁶¹, и на памятниках золотоордынского времени в Поволжье⁶².

⁵⁷ Захаров С. Д. Указ. соч. С. 170.

⁵⁸ Сарачева Т. Г. Указ. соч. С. 82.

⁵⁹ Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В. Указ. соч. С. 204; Сарачева Т. Г. Указ. соч. С. 84.

⁶⁰ Кравец В. В. Указ. соч. Таб. 7, 27; Каримова Р. Р. Элементы убранства и аксессуары костюма кочевников Золотой Орды. Казань, 2013. С. 192; Недашковский А. Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 32.

⁶¹ Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. X–XV вв. М., 1981. С. 150; Козлова А. В. Украшения ремня, сбруи и сумок восточного происхождения из раскопок в Великом Новгороде // ННЗ. Вып. 18. Великий Новгород, 2004. С. 191–192.

⁶² Недашковский А. Ф. Указ. соч. С. 32–34; Козлова А. В. Указ. соч. С. 192.

Восточная керамика. Помимо находок поливной керамики золотоордынского времени из суздальских раскопок предшествующих лет, собранных В. Ю. Ковалем, к настоящему времени известно еще о девяти фрагментах.

Семь из них происходят из раскопок Суздаля и представлены преимущественно обломками полуфаянсовых сосудов, покрытых бирюзовой поливой с черной подглазурной росписью (рис. 5: 17–19, 21, 23). Два фрагмента, вероятно, можно отнести к кашинным сосудам с полихромной подглазурной росписью, однако размеры обломков очень невелики, и такое определение может быть только предположительным (рис. 5: 20, 22). Еще в одном случае был найден фрагмент керамического сосуда с односторонним покрытием бирюзовой поливой.

Кроме Суздаля фрагменты поливной восточной посуды найдены еще в двух пунктах – на селищах Кистыш 3 и Сунгирь 1 (рис. 5: 15, 16). В обоих случаях это полуфаянсы с бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью. Находка из Сунгирия отличается светлым (почти белым) цветом кашинной массы и высокой ее твердостью, что, возможно, говорит о ближневосточном или иранском происхождении этого фрагмента⁶³.

Предметы бытового и хозяйственного назначения. Среди находок, которые могут быть использованы для характеристики культурных слоев поселений второй половины XIII – первой половины XV вв., довольно большое количество серийных вещей, использовавшихся в быту и хозяйственной деятельности, начало бытования которых относится к предшествующему хронологическому периоду и продолжается в течение длительного времени. Среди таких находок замки и ключи от замков типов В, В 1-2, Г, топоры типа Б по Б. А. Колчину, короткие овальные кресала, бритвы, некоторые другие категории вещей. Таких предметов найдено несколько десятков, в ряде случаев они представляют довольно массовые серии. К числу вещей, датируемых обычно временем после середины XIII в., относят кудельные булавки с перекрученным стержнем и фигурной головкой. И хотя сейчас появились публикации, в которых отмечается более раннее их использование, даже в этом случае датировка этих предметов определяется XIV в.⁶⁴ На суздальских селищах найдено восемь таких булавок, они происходят с шести памятников (рис. 3: 19–26).

Все селища, где были обнаружены серии вещей, являются крупными памятниками, хронологический диапазон существования которых охватывает несколько столетий. Такая ситуация демонстриру-

⁶³ Коваль В. Ю. Керамика Востока на Руси IX–XVII века. М., 2010. С. 52.

⁶⁴ Лапшин В. А. Указ. соч. С. 95.

ет, как представляется, продолжение в целом нормального функционирования локальных поселенческих центров. Малое количество находок или даже единичные предметы, обнаруженные на сравнительно небольших селищах (Подолец 1, Кибол 11), являются важными ориентирами, позволяющими в условиях отсутствия дробной хронологической керамической шкалы фиксировать продолжение поселенческой или хозяйственной активности на этих памятниках после середины XIII в.

Интересным кажется выявление селищ (Скородумка 6, Яновец 2), на которых кроме находок наконечников «степных» стрел не отмечено никаких других вещей золотоордынского времени.

Важным дополнением к представлениям об облике сельских поселений Ополья конца XIII–XIV вв. являются находки монетного серебра, демонстрирующие включенность населения селищ в торговую деятельность, и ременной железной гарнитуры, которую, по-видимому, стоит рассматривать как элемент материальной культуры русского населения этого времени.

В целом, несмотря на сравнительно небольшой объем имеющегося сейчас материала, очевидна картина стабильного существования крупных поселений региона, что может свидетельствовать о сохранении населения и экономического потенциала Ополья в позднем Средневековье.

Summary

S. V. Shpolyanskii

Finds from the Late-13th Century Through to the Early 15th from Suzdal and the Large Settlements of the Vladimir-Yurevskoye (Suzdal) High Plain, Which Can Be Used for Dating Purposes (with Reference to Materials From Archaeological Excavations of Recent Years)

This article provides a survey of finds that can be used for dating purposes from the late-13th century through to the early-15th, which makes it possible to form an idea of what the material culture of the population of the Suzdal High Plain looked like after the Mongolian invasion.

Various categories of finds with well-substantiated dates are examined: items of weaponry, jewellery craft-

ed from non-ferrous metals and glass and various highly expressive bone articles, Christian antiquities, finds of silver coins and iron decorations for straps.

In general, the picture obtained with the help of these materials reflects the stable existence of large settlements in the region, which can testify to the fact that the Suzdal High Plain retained its population and economic potential into the Late Medieval period.

О металле украшений комплексов курганов № 285 и № 382 Тимерёвского могильника

Тимерёвский археологический комплекс является одним из «эталонных» археологических комплексов финального этапа раннего Средневековья Древней Руси (X–XI вв.), расположенных на территории России. Древности этого памятника, наряду с одноранговыми археологическими памятниками – Старой Ладогой, Гнёздовым, Рюриковым городищем и нижними культурными напластованиями древнего Новгорода – подлежат тщательному комплексному изучению, включающему, в том числе, весь археометрический арсенал.

Однако по ряду позиций изучение артефактов Тимерёвского комплекса отстает от изучения находок перечисленных выше археологических памятников. В том числе это касается и исследования изделий из цветных металлов, происходящих из тимерёвских курганов.

Настоящей работой авторы начинают преодоление этого источниковедческого отставания. Целью работы является анализ сравнительно небольшой серии изделий из цветных металлов, происходящих из двух крупных курганов, исследованных Ярославской археологической экспедицией ЛГУ–СПбГУ.

Описание кургана № 285

Расположенный в центральной части могильника курган № 285 относится к группе наиболее крупных насыпей некрополя. Диаметр кургана по основанию достигал 23 м, максимальная высота от уровня материка – 1,9 м (реконструируемая первоначальная высота кургана – 1,5 м). Первоначально курган имел плоскую вершину диаметром около 11 м. Насыпь состояла из супеси и глины. Курган был окружен ровиком глубиной от 55 до 95 см и

шириной от 2 до 5 м. Курган ранее уже раскапывался: насыпь нарушена доведенными до материка заплывшими ямой и траншеей.

Погребение в кургане было произведено по обряду трупосожжения на месте. Сожжение производилось на площадке размерами 6×6 м с использованием каких-то деревянных конструкций. Когда огонь погас, остатки сожжения были собраны в кучу, зафиксированную в ходе раскопок как линза размерами 1,4×1,1 м и мощностью до 0,25 м. После этого насыпь кургана была досыпана.

Из анализа кальцинированных костей следовало, что на кострище были сожжены тела нескольких человек: взрослые мужчина и женщина, подросток, ребенок (возможно, дети). Кроме того, среди кальцинированных костей были зафиксированы кости лошади и собаки. При досыпке кургана часть кальцинированных костей попала в насыпь.

Большинство находок было обнаружено при разборке линзы, отвечающей собранным в кучу остаткам сожжения. В ней были обнаружены несколько десятков элементов ременной гарнитуры из цветных металлов (иногда золоченые и серебряные), металлические детали ларца, фрагменты плетения из золотой нити, кусочки тонкого серебряного листа, латунный перстень, копоушка, обгоревшая призматическая сердоликовая бусина, детали конской сбруи, два лепных горшка в обломках и многочисленные оплавленные кусочки стекла и металла. В насыпь вместе с частью кальцинированных костей попали и некоторые находки. В их числе – большинство изделий из кости и рога (фрагменты одностороннего орнаментированного гребня, орнаментированная копоушка, привеска), обгоревшие ребристые фаянсовые бусы, кусочки оплавленной бронзы.

Курган датируется по комплексу данных серединой – второй половиной X столетия. По «бусиной хронологии» курган датируется временем после середины X в.¹

Описание кургана № 382

Курган был расположен в западной части могильника, на его окраине. Как и в случае с курганом № 285, курган № 382 – один из наиболее крупных курганов некрополя: диаметр его по основанию достигал 14 м, максимальная высота от уровня материка – 2,15 м. Сооруженная из супеси и глины насыпь первоначально имела полусферическую форму.

Сходство кургана № 382 с охарактеризованным выше курганом № 285 проявлялось и в сохранности насыпи. Курган к моменту раскопок был также нарушен ямой и траншеей. Правда, в данном случае траншея не прорезала всю насыпь кургана, а доходила только до его середины.

Погребение в кургане было произведено по обряду трупосожжения на месте. Сожжение производилось с использованием деревянных конструкций, остатки которых сохранились в северо-восточном и северо-западном секторах. Продукты горения (угольки, кальцинированные кости, оплавленные и обгоревшие предметы) были распространены на кострище неравномерно – основная масса их сосредоточена рядом с остатками деревянных сооружений. Анализ расположения находок на кострище убеждает, что все вещи были смещены со своих первоначальных мест после совершения кремации. Остатки сожжения в ходе раскопок зафиксированы как линия размерами 5,0×4,5 м и мощностью до 0,12 м. Из анализа кальцинированных костей следовало, что на кострище сожжены тела мужчины и женщины, а также коня, собаки и какого-то хищника.

При исследовании кострища были найдены более 60 сбруйных и поясных накладок, выполненных в различных стилях, в том числе два так называемых наконечника ремня, мелкие фрагменты одной или нескольких овальных скорлупообразных фибул из латуни, различные шумящие привески. Кроме того, на кострище обнаружены две сердоликовые вставки от перстней (в том числе с арабской надписью «Ибраим сын Али»), железная подвеска в виде молоточка Тора, перегоревшие сердоликовые, из горного хрусталя и стеклянные бусы, слиточки серебра (остатки украшений?), фрагменты накладок от железной оковки ларца, расплавившийся стеклянный сосудик, железные нож и ледоходный шип, фрагмен-

¹ Седых В.Н., Френкель Я.В. Бусы из погребальных комплексов Тимерёва: хронологический аспект // XIII Тихомировские краеведческие чтения. К 150-летию со дня рождения Илариона Александровича Тихомирова: материалы научной конференции / отв. ред. В.Н. Дегтеревская. Ярославль: ИПК «Конверсия», 2012. С. 306–308.

ты глиняной лапы, костяного орнаментированного гребня и пр.² На кострище зафиксировано восемь скоплений фрагментов керамики от 4–5 лепных сосудов. Полагаем, что целостность комплекса находок была нарушена в ходе методически несовершенных раскопок насыпи в предшествующее время.

К сожалению, значительный по объему набор бус кургана дает немного возможностей для узкого датирования: стеклянные бусы очень пострадали в огне погребального костра, датировка каменных бус, также сильно пострадавших при кремации, позволяет предложить только широкую дату – от рубежа первой и второй трети X в. до конца XI в.³ Дата кургана по комплексу данных – вторая половина X в.

На данном этапе работ была сформирована выборка из 33 предметов: 18 изделий из цветных металлов, найденных на кострище кургана № 285, и 15 изделий из кургана № 382.

В выборку вошли ременные украшения пояса и конской упряжи, фрагменты овальных фибул, а также трапецевидная привеска, «лапчатая» подвеска, бубенчик, бутылковидная привеска, спиралька и перстень. Из многочисленных коллекций изделий цветных металлов, собранных в ходе раскопок курганов №№ 285 и 382, на данном этапе исследования были отобраны наиболее характерные изделия. Таким образом, рассматриваемая выборка сформирована искусственно.

На начальном этапе работы украшения, включенные в выборку, были, на основании морфологии и стилистики декора, разделены на четыре серии, культурная принадлежность которых сомнения не вызывала. В пятую по остаточному принципу были объединены прочие изделия выборки, культурная принадлежность которых на основании стилистического анализа с уверенностью не определялась.

1. «Североевропейская» серия. Стилистика декора изделий, включенных в эту серию, не оставляла сомнения в принадлежности данных находок к украшениям северного круга древностей⁴. В «се-

² Седых В.Н. Новые данные к истории Великого Волжского пути // Великий Волжский путь: материалы круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути» / отв. ред. Ф.Ш. Хузин. Казань: изд-во «Мастер Лайн», 2001. С. 173–188; Его же. Тимерёво: итоги исследований 1983–1990 гг. // Археология: история и перспективы. Пятая межрегиональная конференция: сб. ст. / отв. ред. А.Е. Леонтьев. Ярославль; Рыбинск: Рыбинский Дом печати, 2012. С. 157–170.

³ Седых В.Н., Френкель Я.В. Бусы из погребальных комплексов Тимерёва... С. 320.

⁴ Stenberger, Märten. Das Gräberfeld bei Ihre im Kirchspiel Hellvi auf Gotland. Der Wikingerzeitliche Abschnitt // Acta Archaeologica. Vol. XXXII, 1961. Kopenhagen, 1962. S. 44, Abb. 43; Thunmark-Nylén, Lena. Die Wikingerzeit Gotlands I. Abbildungen der grabfunde. Stockholm, 1995. Abb. 198 b, 25–29, 34–52; Мурашева В.В. Древнерусские ременные наборные украшения (X–XIII вв.). М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 49, 67 и др.

Рис. 1. «Североевропейская» серия.
№ 24, 58, 65, 11, 68, 32, 130, 95-1, 95-2 – курган № 382; № 86, 25, 26, 31 – курган № 285

Рис. 2. «Среднеднепровская» («черниговская») серия. № 3, 63, 95, 60, 74 – курган № 285

вероевропейскую» серию включены накладки и наконечники ремней – поясные украшения и/или украшения конской упряжи (далее – ременные украшения), а также фрагменты овальных фибул (рис. 1: № 130, № 95-1 и № 95-2)⁵. В серию входят находки из обоих рассматриваемых курганов. Это четыре накладки, происходящие из раскопок кургана № 285: золоченые прямоугольные накладки с рельефно выступающей головкой животного (рис. 1: №№ 25, 26, 31) и четырехугольная накладка (рис. 1: № 86), а также целая серия изделий из кургана № 382 – выпуклые накладки со сложным орнаментом (рис. 1: №№ 11, 68; № 32; №№ 58, 65), ременной наконечник (рис. 1: № 24), а также мелкие фрагменты овальных фибул (рис. 1: №№ 130, № 95-1 и № 95-2).

⁵ Здесь и далее номера в подписях к иллюстрациям соответствуют номерам полевых описей комплексов курганов.

2. «Среднеднепровская» («черниговская») серия (рис. 2). Помещенная в название географическая привязка условна. Серия названа в соответствии с работами Р. С. Орлова⁶ и В. В. Мурашевой⁷. В эту серию вошли только специфические ременные накладки – украшения конской упряжи из кургана № 285. Аналогичные изделия выделены В. В. Мурашевой в класс XXXIII, группу 1⁸. Часть изделий декорирована серебрением, одно – еще и позолочено. Многочисленность таких накладок, входящих в комплекс кургана (речь идет о нескольких десятках), застав-

⁶ Орлов Р. С. Среднеднепровская традиция художественной металлообработки в X–XI вв. // Культура и искусство средневекового города / отв. ред. И. П. Русанова. М.: Наука, 1984. С. 32–52.

⁷ Мурашева В. В. Древнерусские ременные наборные украшения ... С. 94.

⁸ Там же. С. 48. Рис. 68: 1Ж и 1М.

Рис. 3. «Степная X» серия.
№ 10, 32, 66, 93 – курган № 285

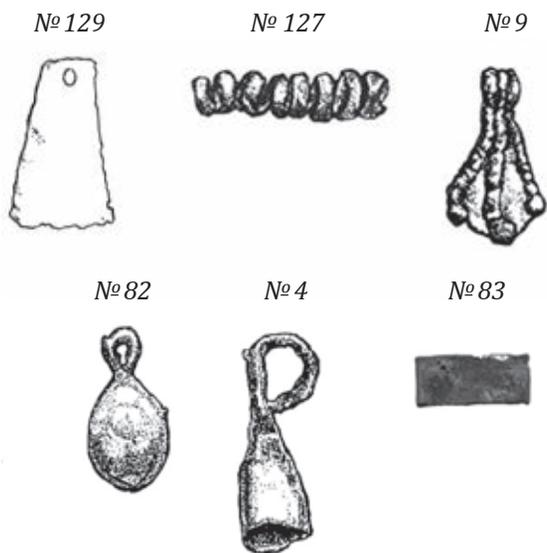

Рис. 4. «Аборигенная» серия. № 129, 127, 9, 82,
4 – курган № 382; № 83 – курган № 285

ляет снять обозначенную выше неопределенность трактовки «ременных украшений», отнеся изделия данной группы, скорее, к украшениям именно конской упряжи. В серию входят круглые накладки с 5-лучевой звездой (рис. 2: №№ 3, 63), четырехугольная накладка с 4-лучевой звездой (рис. 2: № 95) и накладки своеобразной формы – в виде трех слившихся кружков (рис. 2: №№ 60, 74). В названной выше работе В. В. Мурашевой такая форма не очень удачно названа «сердцевидной».

Аналогичные накладки с 5-конечной звездой вместе со «строеными» бляшками были обнаружены в погребении 115 Киевского некрополя⁹. Кроме того, бляшки с 5-конечной звездой известны из раскопок Гнёздовского могильника¹⁰ и могильника Бирули (Белоруссия)¹¹.

⁹ Каргер М. К. Древний Киев: очерки по истории материальной культуры древнерусского города. Т. I. М.; Л.: издательство Академии наук СССР, 1958. С. 187–189, рис. 35.

¹⁰ Авдусин Д. А. Гнёздовская экспедиция // КСИИМК. Вып. 44. М., 1952. С. 100, рис. 29: 11.

¹¹ Археологическая научно-музейная экспозиция НАН Беларуси. Минск: Беларуская навука, 2009. С. 39.

Рис. 5. «Промежуточная» серия.
№ 5, 43, 94, 44, 90 – курган № 285

3. «Степная X» серия (рис. 3). В эту серию, стилистически связанную с кругом степных древностей, вошли эффектные ременные украшения со специфическими элементами декора, позолоченного и посеребренного. Более точная культурная приуроченность находок серии в рамках широкой кочевнической традиции IX–XI вв. авторами не произведена¹². В серию входят сердцевидные накладки (рис. 3: №№ 66, 93) и растянуто-сердцевидные с прямоугольной горизонтальной прорезью (рис. 3: №№ 10, 32).

4. «Аборигенная» серия (рис. 4). В эту серию предметов, связанных с аборигенно-субстратной культурной средой, нами были включены изделия, большинство которых можно связать с материальной культурой финно-угорского круга: трапециевидная привеска (рис. 4: № 129), «лапчатая» подвеска (рис. 4: № 9), бубенчик (рис. 4: № 82), бутылковидная привеска (рис. 4: № 4), спиралька (рис. 4: № 127) из раскопок кургана № 382 и обломок перстня (рис. 4: № 83) из кургана № 285.

5. В пятую серию изделий (рис. 5) по остаточному принципу были временно объединены прочие изделия выборки, культурная принадлежность которых на основании стилистики и морфологии не очевидна: ременной наконечник (рис. 5: № 5), трехлопастные Y-образные накладки (рис. 5: №№ 44, 90) и ажурные трехлопастные накладки (рис. 5, №№ 43, 94).

¹² К. А. Михайлов атрибутировал данные украшения как относящиеся к кругу древностей тухтятско-кыргызского происхождения (Михайлов К. А. Центральноазиатские ремесленные украшения в материалах древнерусских памятников X в. // ННЗ. История и археология / отв. ред. В. Л. Янин. Вып. 11. Новгород, 1997. С. 254). Позиция К. А. Михайлова была аргументировано оспорена Г. Г. Король и Л. В. Коньковой, см.: Король Г. Г., Конькова Л. В. Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII веках // Археологические вести / отв. ред. Е. Н. Носов. Вып. 14. М.: Наука, 2007. С. 146–147.

Техническая часть

Для исследования использовались неразрушающие методики: рентгенофлуоресцентный анализ¹³, рентгеноспектральный микроанализ.

Сначала все перечисленные изделия были исследованы методом РФА¹⁴. Всего произведено не менее 130 измерений расчищенного металла. Для каждого изделия¹⁵ отдельно проводился анализ наружной и внутренней поверхностей (для каждой

поверхности проводилось, как правило, по два-пять измерений).

В нескольких случаях отдельно анализировался металл торцевой части крепежного шпильки накладок. При работе с накладками, снабженными шайбами-фиксаторами, анализировался один из фиксаторов. Усредненные результаты РФл-анализа помещены нами в таблице (табл. 1).

Таблица 1А

Результаты РФл-анализа украшений кургана № 285

№	Шифр	Мишень	Fe	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Cu	Zn	Au	Bi	Кол-во изм.
1	№ 25	наруж.	0,22	nd	nd	2,37	nd	1,0	основа	7,33	0,32	Nd	2
		внутр.	0,22	nd	nd	nd	nd	0,27	основа	0,66	nd	Nd	2
		фиксатор	0,17	nd	0,17	nd	0,13	0,3	основа	nd	nd	Nd	1
2	№ 31	наруж.	0,28	0,25	nd	3,95	nd	0,44	основа	1,48	1,95 ¹⁶	Nd	2
		внутр.	0,39	2,22	0,15	10,4	nd	4,0	основа	2,67	0,5	Nd	2
		фиксатор	0,33	nd	nd	1,25	nd	3,14	основа	2,17	0,17	Nd	1
3	№ 86	наруж.	0,32	1,54 ¹⁷	0,34	18,16 ¹⁸	0,47 ¹⁹	2,38	основа	0,45	1,42	Nd	3
		фиксатор	0,32	nd	nd	nd	nd	0,47	основа	0,77	nd	Nd	1
4	№ 3	наруж.	0,17	0,26	4,93	0,91	nd	0,33	основа	0,57	0,1	Nd	1
		внутр.	0,19	0,16	9,09	0,67	0,19	0,19	основа	0,47	0,14	Nd	1
		фиксатор	0,18	nd	17,49	nd	nd	0,48	основа	0,43	0,15	0,17	2
5	№ 63	наруж.	0,30	0,15	7,22	0,81	nd	0,51	основа	nd	0,09	0,8	4
		внутр.	0,16	0,17	1,91	0,58	nd	0,18	основа	nd	nd	Nd	4
		фиксатор	0,15	nd	25,78	0,81	nd	1,70	основа	nd	0,21	1,2	4
6	№ 95	наруж.	0,14	0,36	15,39 ²⁰	1,03	nd	0,78	основа	0,44	0,05	0,1	2
		внутр.	0,14	0,19	1,93	0,91	0,1	0,27	основа	0,54	nd	Nd	2
		фиксатор	0,17	0,21	0,18	0,1	nd	1,27	основа	0,5	nd	Nd	2
7	№ 60	наруж.	0,23	0,15	17,20 ²¹	0,62	nd	0,51	основа	0,34	0,1	0,16	1
		внутр.	0,2	0,13	1,03	0,75	nd	0,21	основа	0,46	nd	Nd	1
		фиксатор	0,12	0,10	0,79	nd	nd	0,62	основа	nd	nd	Nd	1
8	№ 74	наруж.	0,13	nd	11,67	0,45	nd	0,20	основа	0,43	0,06	Nd	2
		внутр.	0,28	nd	13,53	0,76	nd	0,68	основа	0,74	0,05	0,15	2
		фиксатор	0,22	?	3,58	nd	nd	0,3	основа	nd	0,03	0,03	1
9	№ 5	наруж.	0,29	0,38	17,93 ²²	nd	0,24	1,4	основа	nd	0,17	0,15	1
		внутр.	0,25	0,17	2,15 ²³	0,61	nd	0,28	основа	nd	0,06	Nd	1
		шпенец	0,13	0,14	8,79	0,52	nd	0,57	основа	nd	0,18	0,08	1
		фиксатор	0,20	0,23	19,27	nd	nd	1,04	основа	nd	0,08	0,15	1
10	№ 10	наруж.	0,1	nd	62,23	nd	nd	1,33	34,02	3,52	0,33	nd	2
		внутр.	0,15	nd	55,99	nd	nd	0,82	36,13	3,0	0,80	nd	1
		шпенец	0,09	nd	81,7	nd	nd	1,67	15,96	1,27	0,49	nd	1
		фиксатор	0,64	nd	12,45	nd	nd	0,63	85,40	1,16	nd	nd	1

Продолжение таблицы см. на следующей странице.

¹³ Далее – РФА, РФл-анализ.

¹⁴ Измерения произведены Я. В. Френкелем в лаборатории научно-технической экспертизы Государственного Эрмитажа на приборе ArgTAX (используемый режим: 50 kV, 700 mA, время экспозиции – 40 сек.).

Сердечно благодарим С. В. Хаврина за помощь. Особая благодарность Н. В. Енисовой за любезные консультации и содействие при работе со специальной литературой.

¹⁵ Если это было возможно.

¹⁶ Полагаем, что золото, выявляемое в результатах анализа, является остатками золочения поверхности. По этой причине в процедуре определения типа сплава наличие золота здесь не учитывается.

¹⁷ Усреднено по двум измерениям. Еще одно измерение дало содержание As, равное 5,44 %.

¹⁸ Усреднено по двум измерениям. Еще одно измерение дало содержание Sn, равное 33,67 %.

¹⁹ Зафиксировано в одном измерении. В двух других измерениях зафиксированное содержание сурьмы практически не превышало фоновое.

²⁰ Следы серебрения.

²¹ Следы серебрения.

²² Происхождение серебра не очевидно. В патине серебра меньше (6,48 %, 7,57 %).

²³ Происхождение серебра не очевидно. В патине серебра больше (0,22 %).

Таблица 1А (продолжение)

Результаты РФл-анализа украшений кургана № 285

№	Шифр	Мишень	Fe	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Cu	Zn	Au	Bi	Кол-во изм.
11	№ 32	наруж.	0,11	nd	61,39	nd	0,11	1,28	31,54	1,56	0,92	nd	2
		внутр.	0,10	nd	67,73	nd	nd	1,31	30,15	1,53	0,35	nd	1
		шпенец	0,12	nd	69,30	nd	nd	1,27	29,70	2,44	0,60	nd	1
		фиксатор	0,16	0,15	0,19	nd	0,23	0,49	основа	nd	nd	nd	2
12	№ 66	наруж.	0,13	nd	56,96	nd	0,08	2,66	38,62	1,17	0,56	nd	1
		внутр.	0,86	nd	40,48	0,27	nd	1,11	57,06	0,88	0,4	nd	1
		шпенец	0,08	nd	85,98	0,8	0,11	2,03	11,0	0,61	0,51	nd	1
13	№ 94	наруж.	0,87	nd	28,31	nd	nd	1,94	основа	6,96	0,5	0,44	2
		внутр.	0,50	nd	30,06	nd	nd	2,54	основа	6,27	0,44	0,76	2
		фиксатор	0,17	0,13	0,38	nd	0,30	0,50	основа	0,79	nd	nd	2
14	№ 43	наруж.	0,87	nd	26,66	nd	nd	1,84	основа	8,82	0,5	0,36	4
		внутр.	0,62	nd	21,38	nd	nd	1,52	основа	9,4	nd	0,24	2
		шпенец	1,02	nd	20,28	nd	nd	2,01	основа	11,61	nd	0,20	1
15	№ 90	наруж.	0,64	nd	38,22	0,30	nd	1,53	51,29	7,21	0,48	0,62	1
		внутр.	0,97	nd	38,7	0,43	nd	1,47	43,15	13,68	0,87	1,07	1
		фиксатор	1,07	nd	30,89	nd	nd	0,25	основа	0,98	nd	nd	1
16	№ 44	наруж.	0,36	0,89	48,44	0,29	nd	2,67	основа	5,94	0,13	0,71	2
		внутр.	0,80	0,78	45,08	nd	nd	2,65	44,89	5,12	0,14	0,65	2
		фиксатор	0,33	1,0	30,89	0,21	nd	2,83	основа	4,22	nd	0,37	2
17	№ 83	наруж.	0,49	0,19	0,26	0,52	0,11	4,76	основа	7,89	nd	nd	2
		внутр.	0,50	0,09	0,18	0,15	0,10	1,91	основа	9,18	nd	nd	2
18	№ 26	наруж.	0,29	0,25	nd	1,03	nd	0,22	основа	3,39	0,93	nd	1
		внутр.	0,32	0,43	nd	1,11	nd	0,11	основа	2,7	0,94	nd	1
		фиксатор	0,19	0,18	6,92	0,3	0,31	0,40	основа	0,4	nd	?	1
19	№ 93	наруж.	0,54	nd	47,21	nd	nd	1,52	43,16	6,20	1,40	nd	2
		внутр.	0,39	nd	53,27	0,31	nd	1,95	37,44	5,20	1,36	nd	2
		шпенец	0,15	nd	41,86	nd	nd	0,87	54,61	3,83	0,28	nd	2
		фиксатор	0,98	nd	16,75	nd	nd	1,45	79,54	2,41	nd	nd	2

Таблица 1Б

Результаты РФл-анализа украшений кургана № 382

№	Шифр	Мишень	Fe	As	Ag	Sn	Sb	Pb	Cu	Zn	Au	Bi	Кол-во изм.
20	№ 32	наруж.	0,25	0,66	0,78	9,55	0,08	0,79	основа	0,66	1,51	nd	1
		внутр.	0,20	0,41	0,66	6,91	0,11	0,14	основа	0,62	0,81	nd	1
		фиксатор	0,27	0,52	0,59	5,69	0,10	0,09	основа	1,04	1,35	nd	1
21	№ 65	наруж.	0,37	0,70	0,37	5,49	0,13	0,31	основа	1,54	1,25	nd	3
		внутр.	0,39	0,39	0,05	5,44	0,11	0,39	основа	0,97	0,07	nd	3
		фиксатор	0,15	0,16	0,19	0,12	0,10	0,17	основа	0,18	nd	nd	2
22	№ 68	наруж.	0,25	0,56	0,28	1,91	nd	0,25	основа	1,75	0,98	nd	1
		фиксатор	0,21	0,17	nd	2,43	nd	0,38	основа	1,06	nd	nd	1
23	№ 58	наруж.	0,28	0,96	0,38	4,90	nd	1,21	основа	0,57	1,01	nd	2
		внутр.	0,18	0,32	0,24	3,93	0,07	0,38	основа	0,58	0,21	nd	2
		фиксатор	0,19	0,13	0,14	0,11	nd	0,08	основа	1,55	0,19	nd	1
24	№ 11	наруж.	0,30	1,32	0,38	5,16	0,12	0,81	основа	1,32	0,93	nd	2
		внутр.	0,24	0,65	0,27	4,52	0,11	1,51	основа	1,29	nd	nd	2
		фиксатор	0,18	0,09	0,14	0,17	0,09	0,16	основа	0,70	nd	nd	2
25	№ 24	наруж.	0,20	2,28	0,55	4,62	0,30	1,20	основа	0,55	0,57	nd	3
		внутр.	0,15	0,76	0,29	2,59	0,22	0,83	основа	0,56	nd	nd	2
		торец	0,17	0,62	0,32	2,92	0,23	0,48	основа	0,56	0,12	nd	1
26	№ 95-1	наруж.	0,50	1,04	8,51	1,58	0,09	0,89	основа	10,44	1,68	nd	3
		внутр.	0,43	0,35	6,28	0,95	0,15	1,08	основа	12,71	0,18	nd	3
27	№ 95-2	наруж.	0,61	0,67	1,85	0,84	0,15	0,97	основа	7,07	0,37	nd	2
		внутр.	0,26	0,66	1,78	0,90	0,17	1,42	основа	9,94	0,24	nd	2
28	№ 130	наруж.	0,19	0,34	0,51	0,45	0,15	0,59	основа	5,72	0,20	nd	5
		внутр.	0,30	0,47	6,35	1,85	0,18	0,69	основа	4,37	0,35	nd	5
29	№ 129	одна пов-сть	0,17	0,10	0,12	0,40	nd	0,34	основа	4,62	nd	nd	1
30	№ 127	одна пов-сть	0,26	0,26	0,21	2,05	0,12	2,37	основа	5,91	0,11	nd	1
31	№ 9	одна пов-сть	0,46	0,62	0,31	6,55	0,07	1,29	основа	2,0	nd	nd	2
32	№ 4	одна пов-сть	0,74	0,30	0,24	1,34	0,13	0,57	основа	2,17	nd	nd	2
33	№ 28	одна пов-сть	0,24	0,11	0,18	0,46	nd	0,88	основа	4,44	nd	nd	3

Классификация сплавов производится по схеме, опубликованной в 2008 г. Н. В. Енисовой, Р. А. Митояном, Т. Г. Сарачевой²⁴.

На основании сравнения результатов анализа сплавов, из которых были изготовлены изделия группы 5, со сплавами изделий групп 1–4, была проведена перегруппировка: изделия группы 5 были разнесены по другим группам.

При изучении нами различались данные, полученные при анализе собственно металла и при анализе патины²⁵. Анализ поверхности металла изделия требовал расчистки небольших участков изделий. Такая процедура неизбежно нарушала целостность находок, но с этим приходится мириться. Процедура расчистки металла от патины нами производилась «на глазок», до появления специфического металлического блеска²⁶. Контроль качества расчистки давал РФл-анализ: относительно высокое содержание железа (около 1% и выше) указывало на незавершенность расчистки.

На основании полученных анализов можно заключить следующее.

1. «Североевропейская» серия

1.1. Ременные накладки и наконечник ремня (рис. 1)

В серии 10 изделий: 9 накладок (382 – №№ 11, 32, 58, 65, 68 и 285 – №№ 25, 26, 31, 86) и наконечник ремня 382 – № 24. Данные о классах сплавов приведены в табл. 2.

Исследованные ремные накладки²⁷ 382 – № 32, 285 – № 86 оказываются изготовленными из

²⁴ Классификация подобных сплавов дана в работе: Енисова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси // Цветные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху Средневековья. М., 2008. С. 107–180.

²⁵ Состав патины также анализировался. Именно в патинном слое лучше всего сохраняются следы легко утрачиваемого накладного (механического или ртутно-амальгамного) декора поверхности изделия драгоценными металлами. Кроме того, представлялось важным «отсечь» возможность попадания на поверхность изделия постдепозиционных загрязнений металлом других артефактов. Анализировалась патина как наружной, так и внутренней поверхности объекта. Результаты анализа патины в данной работе не представлены.

²⁶ В ряде случаев (особенно – при работе с высокооловянными бронзами) металлический блеск так и не появлялся. Поверхность изделия после снятия наружного слоя патины имела блеклый серый цвет, под микроскопом выглядела бугристой, «рыхлой», губкообразной: процесс разрушения первоначального сплава зашел очень далеко. Дальнейшая расчистка позитивных результатов не давала. В таких случаях, фактически, правильнее было бы говорить не об анализе сплава, а об анализе продуктов его разрушения.

²⁷ Так как ремные накладки североевропейского облика происходят из обоих рассматриваемых курганов, то в данном разделе мы для удобства восприятия помещаем перед номером изделия номер кургана, из которого оно происходит.

Таблица 2

Шифр	Металл украшения	Металл шайбы-фиксатора
382 – № 32	оловянная бронза с повышенным содержанием золота	оловянно-цинковая бронза с повышенным содержанием золота
285 – № 86	оловянная бронза с повышенным содержанием золота	–
285 – № 26	оловянная латунь с повышенным содержанием золота	сплав «чистой» меди с серебром
382 – № 65	оловянно-цинковая бронза	«чистая» медь
382 – № 68	оловянно-цинковая бронза	оловянно-цинковая бронза
382 – № 11	многокомпонентная цинковая бронза	«чистая» медь
382 – № 24	оловянная бронза	–
285 – № 25	многокомпонентная латунь; «чистая» медь	«чистая» медь
285 – № 31	оловянно-цинковая бронза; мышьяковистая многокомпонентная бронза	многокомпонентная бронза или латунь
382 – № 58	оловянно-свинцовая бронза с повышенным содержанием золота; двухкомпонентная оловянная бронза	двухкомпонентная латунь

оловянной бронзы с повышенным содержанием золота (1–1,5%)²⁸. Заметим, что у накладки 285 – № 86 оловянная бронза (с большим количеством олова), расчищенная на наружной поверхности изделия, содержит заметную примесь мышьяка²⁹.

Наконечник ремня 382 – № 24 отлит из оловянной бронзы. Расчищенный на наружной поверхности изделия металл сплава отличается от металла сплава внутренней поверхности: он содержит заметную примесь или приплав мышьяка; еще там фиксируется свинец.

Ременная накладка 285 – № 26 отлита из оловянной латуни с повышенным содержанием золота (ок. 1%).

Ременные накладки 382 – № 65, 382 – № 68 изготовлены из оловянно-низкоцинковой бронзы³⁰.

²⁸ В патине наружной поверхности этих изделий золото присутствует приблизительно в такой же концентрации. То есть здесь имеет место именно оловянная бронза с повышенным содержанием золота, а не остаточные следы золочения поверхности накладок. Согласно результатам анализа металла внутренней поверхности накладки 382 – № 32, содержание золота – около 0,8%.

²⁹ Два измерения дали сопоставимый результат – около 1,5% As. Еще одно измерение дало содержание As, равное 5,44%. Внутренняя поверхность накладки не исследовалась.

³⁰ Для 382 – № 68 равноценное наименование: оловянная латунь с низким содержанием олова и цинка.

Отметим разницу в содержании золота на наружной и внутренней поверхностях этих накладок. На внутренней поверхности накладок присутствие золота едва заметно. На наружной поверхности золото фиксируется в концентрациях 1–1,5%. С формальной точки зрения, этого, казалось бы, достаточно, чтобы обозначить металл наружной поверхности этих изделий как «оловянно-цинковую бронзу с повышенным содержанием золота». Дальше неизбежно встает вопрос о причинах различий с результатами анализов металла внутренней поверхности накладок.

Остановимся на этом сюжете несколько подробнее. На внутренней поверхности металла накладки 382 – № 65 золота меньше на два порядка (около 0,07%). При этом четыре измерения состава патины, покрывающей наружную поверхность накладки 382 – № 65, в одном случае обнаруживают заметно меньшее содержание золота, чем в металле (0,2%), в одном случае – сопоставимое (0,9%), а в двух других – значительное присутствие золота – 3,02% и 8,13%. Понимание сложности процессов, лежащих в основе образования патины, не позволяют нам в данном случае усреднять полученные результаты. Тем не менее полученные данные позволяют обоснованно заключить, что поверхность накладки 382 – № 68 была позолочена. Тогда золото, зафиксированное в металле наружной поверхности накладки, – это остатки декоративной позолоты, которые не должны учитываться при определении класса сплава накладки. Полагаем, что этот вывод следует распространить и на накладку 382 – № 65.

Ременная накладка 382 – № 11 отлита из многокомпонентной низкоцинковой бронзы.

Исследование накладок 382 – № 58, 285 – № 25 и 285 – № 31 неожиданно обнаружило заметно не похожие результаты анализов металла сплавов наружной и внутренней поверхностей изделий. Судя по результатам анализа, перечисленные накладки оказываются двухслойными. Заметим, что визуально обнаружить двуслойность нам не удалось. У накладок 285 – № 25 и 285 – № 31 золоченые³¹ наружные рельефные пластинки, изготовленные из многокомпонентной латуни (285 – № 25) и оловянно-цинковой бронзы (285 – № 31), каким-то образом укреплены на основе из «чистой» меди (285 – № 25) и мышьяковистой многокомпонентной бронзы (285 – № 31). Похожая схема обнаруживается в конструкции накладки 382 – № 58: металл наружной пластины – низкомышьяковистая оловянно-свинцовая бронза с повышенным содержанием золота, металл внутренней пластины – двухкомпонентная оловянная бронза³². При этом содержание золота и в

³¹ Содержание золота в патине наружной поверхности – 13–20%.

³² Считаю необходимым подчеркнуть известное недоумение авторов, столкнувшихся с такими резуль-

татами, и в металле наружной поверхности изделия (1–1,2%) на порядок меньше содержания золота и в патине, и в металле внутренней поверхности изделия (0,1–0,2%). Это исключает для накладки 382 – № 58 возможность золочения (в патине золоченых накладок содержание золота на порядок больше) и подтверждает вывод о двухслойности изделия.

Таким образом, сплавы ременных украшений североευропейского облика неоднородны. В подавляющем большинстве – сплавы бронзы и латуни, иногда – с повышенным содержанием золота. А вот содержание сколько-нибудь значительного (более 0,8%) приплова серебра в сплавах этой группы не отмечено. В сплавах всех накладок присутствует олово (за двумя исключениями³³ – в незначительной концентрации: 1–4% Sn). Сплавы шести изделий из 10³⁴ содержат цинк, обычно – в незначительной концентрации (1–3,4% Zn). Единственным исключением является сплав наружной пластинки накладки 285 – № 25: содержание цинка в этой детали составляет около 8%, что тоже немного, то есть большинство бронз и латуней изделий этой серии – низкоцинковые и низкооловянные.

Шайбы-фиксаторы изготовлены из «чистой» меди (382 – № 65, 382 – № 11; 285 – № 25), сплава «чистой» меди с серебром (285 – № 26), двухкомпонентной латуни (382 – № 58), оловянно-цинковой бронзы с повышенным содержанием золота (382 – № 32), оловянно-цинковой бронзы (382 – № 68), многокомпонентной бронзы или латуни (285 – № 31). Устойчивой корреляции между формальными классами сплавов металла накладки и металла шайбы-фиксатора в рассмотренной серии не наблюдается. В случае изделия 382 – № 32 и накладка, и фиксатор изготовлены из сплава одного класса (причем с повышенным содержанием золота). В случае изделия 285 – № 25 внутренняя пластинка и фиксатор изготовлены из «чистой» меди. Заметим, что концентрация олова и цинка в сплавах большинства шайб-фиксаторов, как и в сплавах накладок, незначительна. Повышенное содержание золота в сплавах фиксаторов встречено только один раз. В одном случае (285 – № 26) обнаруживается значительное содержание серебра (около 7% Ag), да еще в сплаве с «чистой» медью.

Данные по накладкам 285 – № 31 и 382 – № 58 первоначально трактовались нами как следствие неоднородности металла сплава; повторные анализы заставляли предположить ошибку измерительной процедуры. Однако повторяющиеся данные по накладке 285 – № 25 невозможно было объяснить этими причинами. Правильность принципиальной несхожести состава сплавов наружной и внутренней поверхностей накладки 285 – № 25 подтвердил опытный археометрист С. В. Хаврин, к консультации которого авторы обратились. В этой ситуации вывод о двухслойной конструкции накладок является единственным возможным для авторов объяснением.

³³ 285 – № 86: 18,16% Sn; 285 – № 31 (внутренняя поверхность): 10,4% Sn.

³⁴ Кроме 382 – №№ 24, 32, 58 и 285 – № 86.

1.2. Овальные фибулы (рис. 1)

Исследованные фрагменты овальных фибул оказываются изготовленными (см. табл. 3) из сплава многокомпонентной высокоцинковой латуни с повышенным содержанием серебра (382 – 95 – 1)³⁵, свинцовой латуни или многокомпонентной латуни (с низким содержанием свинца и олова) и повышенным содержанием серебра (382 – № 95-2), двухкомпонентной латуни с низким содержанием цинка (382 – № 130). В последнем случае отмечено серебрение внутренней поверхности³⁶, при этом на внутренней поверхности изделия вместе с серебром присутствует олово (следы лужения или припоя?).

Возможно, посеребренной была деталь основы двускорлупной ажурной фибулы; с нее серебро могло попасть на внутреннюю поверхность накладной части фибулы.

Таким образом, сплавы фрагментов овальных фибул представлены неоднородными латунями. В двух случаях из трех сплавы близки к классу многокомпонентных латуней с повышенным содержанием серебра, причем по содержанию серебра сплавы заметно отличаются (6,3–8,5 % и около 1,8 %). При этом свинец и олово присутствуют в сплавах в низкой концентрации (около 1–1,5 %). Содержание цинка в сплавах исследованных фрагментов овальных фибул заметно (в разы) выше, чем в цинкосодержащих сплавах большинства ременных украшений североευропейской серии, но всё же сравнительно незначительно (4–12 %): можно говорить о низко- и среднецинковых латунях. Отметим также заметное содержание золота в металле сплавов овальных фибул (десятые доли процента), впрочем, в тенденции меньшее, чем в случае ременных украшений североευропейской серии.

Можно предположить, что в погребальном комплексе кургана № 382 было не менее чем две или три различных фибулы. Некоторая неопределенность атрибуции связана с вероятностью того, что два фрагмента могут происходить от наружной и внутренней деталей одной двухсоставной ажурной фибулы.

В одном случае (382 – № 95-2) отмечено заметное содержание золота в патине с наружной стороны изделия (см. табл. 3). Видимо, это изделие было позолочено.

³⁵ Отметим, что у фрагмента 382 – № 95-1 на поверхности металла сплава наблюдается такое же сочетание мышьяка и золота, как и в ременных накладках 382 – №№ 11, 58.

³⁶ В патине внутренней поверхности этого изделия серебро присутствует в концентрации 6–11 %; в металле сплава внутренней поверхности – около 4 %; в патине наружной поверхности серебро присутствует в концентрации 1–1,6 %, в металле сплава наружной поверхности серебра около 0,4 %.

Таблица 3

Объект	Шифр	Cu, %	Ag, %	Au, %
Патина, наружная поверхность	№ 95-2	Ок. 84	Ок. 3,4	Ок. 12,5
Патина, внутренняя поверхность		Ок. 93	Ок. 4,0	Ок. 0,75

2. «Среднеднепровская» («черниговская») серия

Представлена изделиями, обнаруженными только в кургане № 285 (рис. 2). Всего в серию входит шесть изделий: пять накладок (№№ 3, 63, 95, 60 и 74) и наконечник (№ 5). Данные о классах сплавов приведены в табл. 4.

Таблица 4

Шифр	Металл украшения	Металл шайбы-фиксатора
№ 3	Ag + «чистая» медь	Ag + «чистая» медь
№ 63	Ag + «чистая» медь	Ag + низкосвинцовая бронза или Ag(Pb) + «чистая» медь
№ 95	Ag + низкосвинцовая бронза	низкосвинцовая бронза
№ 74	Ag + «чистая» медь	Ag + «чистая» медь
№ 60	Ag + «чистая» медь	«чистая» медь
№ 5	Ag + «чистая» медь	Ag + низкосвинцовая бронза или Ag(Pb) + «чистая» медь

Входящие в серию круглые пятилучевые накладки (№№ 3, 63) изготовлены из сплава «чистой» меди с серебром (№ 3: 5–9 % Ag, в среднем – около 7 %, № 63: ок. 2 % Ag)³⁷. В одном случае (№ 3) поверхность звездочки декора была вызолочена сплавом серебра с золотом (ок. 30 % Ag – ок. 7 % Au).

Четырехугольная четырехлучевая бляшка (№ 95) изготовлена из низкооловянной бронзы (Sn ок. 1 %) с повышенным содержанием серебра (Ag ок. 2 %)³⁸. Посеребренные «сердцевидные» бляшки (№№ 60, 74) изготовлены из сплава «чистой» меди с серебром: в одном случае (№ 60) приплав серебра незначителен (ок. 1 % Ag), в другом (№ 74) – ок. 12 % Ag.

К этому же классу сплавов принадлежит металл, из которого был изготовлен посеребренный ременный наконечник (№ 5), первоначально отнесенный нами к 5-й группе: сплав «чистой» меди с небольшим количеством серебра (ок. 2 % Ag).

Анализ торцевой части шпенька, прикрепленного с внутренней стороны изделия, показал несколько иное соотношение меди и серебра в сплаве.

³⁷ Данные зафиксированы по внутренней поверхности изделия. Более высокая концентрация серебра на наружной поверхности изделия (4–10 %, в среднем – 7,22 %), видимо, объясняется остатками посеребления.

³⁸ Данные зафиксированы по внутренней поверхности изделия. Наружная поверхность вне звездочки посеребрена, звездочка позолочена (Au – ок. 9 %).

В данном случае было зарегистрировано более высокое содержание серебра: ок. 8% Ag. Отметим, что визуально следы какого-либо ремонта изделия не обнаружены³⁹.

Металл сплава шайб-фиксаторов изделий №№ 3, 74, 60 и 95 определяется легко. Эти шайбы-фиксаторы изготовлены из сплава меди с серебром (№№ 3 и 74), из низкосвинцовой бронзы (№95) и из «чистой» меди (№60). Несколько сложнее обстоит дело с определением класса металла шайб-фиксаторов №№ 5 и 63. Из формальных соображений, учитывая выявленное содержание в этих сплавах свинца (1% и 1,7%), эти сплавы можно было бы определить как низкосвинцовые бронзы с повышенным содержанием серебра. Из похожего сплава (только без серебра), несомненно, изготовлена шайба-фиксатор накладки № 95.

Но несколькостораживает, что на фоне достаточно однообразных сплавов серии в этих двух случаях содержание серебра в фиксаторах заметно больше, чем в самих накладках. Это наблюдение заставляет рассматривать возможность того, что в данном случае серебро не было очищено от примесного свинца. То есть обнаруживающийся в сплаве свинец – это не приплав к меди, а геохимический спутник серебра, не полностью удаленный при очистке серебряной руды. В таком случае сплав, из которого изготовлены шайбы-фиксаторы, правильнее определить как Ag(Pb) + «чистая» медь. К сожалению, на данном уровне знаний мы не можем уверенно отдать предпочтение одному из названных выше двух объяснений присутствия в сплаве свинца.

Корреляция между металлом накладок и шайб-фиксаторов в данной серии изделий, казалось бы, более устойчивая. Однако обратим внимание на то, что в трех случаях из шести серебра в металле фиксаторов (№63 – ок. 20%, 3 – ок. 17%, 5 – ок. 19%) больше, чем в металле самих накладок. В силу этого, предположение о том, что в данных случаях накладки и фиксаторы были изготовлены одновременно в одной мастерской и в таком виде вошли в погребальный комплекс, кажется недостаточно обоснованным. Более вероятно, что эти шайбы были изготовлены позднее, при ремонте, возможно, из низкопробных серебряных монет. Судя по присутствию в сплавах заметной концентрации висмута, исходным материалом могли быть низкопробные дирхемы.

3. «Степная X» серия

Представлена изделиями, обнаруженными только в кургане № 285. Всего в серию входит 8 накладок (№№ 10, 32, 66, 93, 94, 43, 90, 44)⁴⁰. Данные о классах сплавов приведены в табл. 5.

³⁹ См. ниже: серия 3, накладки кургана № 285 (№ 66, 10).

⁴⁰ Накладки № 94, 32, 90, 44, культурная принадлежность которых была на первом этапе исследования не очевидна, первоначально были отнесены к 5-й серии (см. ниже).

Таблица 5

Шифр	Накладка	Фиксатор
№ 10	многокомпонентное низкопробное серебро	двухкомпонентная латунь с повышенным содержанием серебра
№ 32	многокомпонентное низкопробное серебро с повышенным содержанием золота	«чистая» медь
№ 66	многокомпонентное низкопробное серебро	–
№ 94	свинцовая латунь с повышенным содержанием серебра	«чистая» медь
№ 43	свинцовая латунь с повышенным содержанием серебра	–
№ 90	свинцовая латунь с повышенным содержанием серебра	двухкомпонентная латунь с повышенным содержанием серебра
№ 44	свинцовая латунь с повышенным содержанием серебра	свинцовая латунь с повышенным содержанием серебра
№ 93	свинцовая латунь с повышенным содержанием серебра и золота	свинцовая латунь с повышенным содержанием серебра

Ядром серии являются своеобразные стилистически однородные эффектные накладки №№ 10, 32, 66 и 93, декорированные серебрением и золочением. Культурная принадлежность этих изделий к «степной вуали» (в широком понимании) не вызывала сомнений. В ходе исследования, на основании результатов анализа металла, к этой серии были отнесены столь же своеобразные и стилистически однородные, но более «скромные» по декору и не такие «очевидно-степные» по культурной принадлежности трехлопастные Y-образные накладки №№ 44 и 90, и ажурные трехлопастные накладки №№ 43 и 94 (перечисленные накладки на первом этапе отнесенные к 5-й серии).

Фактически все накладки «степной X» серии выполнены из сплавов серебра со свинцовой латунью. Содержание свинца в металле сплава низкое: не более 2,7%. Содержание цинка также низкое: в 15 случаях из 16 – не более 10%, в одном случае – около 14%⁴¹ (среднее – 5,4%), таким образом, латунь низкоцинковая и низкосвинцовая. Содержание серебра – не меньше 20%, не более 70%⁴². Отметим заметное содержание золота (0,13–1,4%) в металле накладок.

С формальной точки зрения определение типа сплава изделий данной серии сводится к разделению металла накладок на два класса: на класс «многокомпонентного низкопробного серебра» (накладки №№ 10, 32, 66 и 93) и на класс «свинцовой

⁴¹ Накладка № 90, внутренняя поверхность.

⁴² О несколько повышенном содержании серебра в шпёнках – см. ниже.

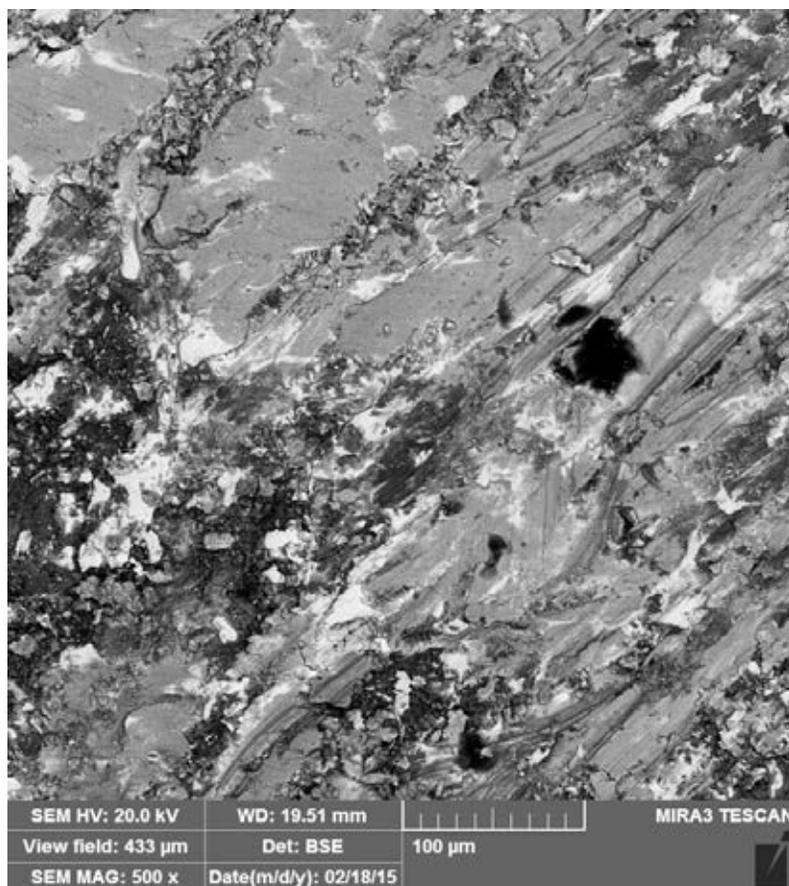

Рис. 6. Электронно-микроскопическая фотография в отраженных электронах расчищенного металла внутренней поверхности накладки № 43 (увеличение 500 крат)

латуни с повышенным содержанием серебра» (накладки №№ 90, 94, 43 и 44)⁴³. При этом эффектные изделия, образовавшие «стилистическое ядро» серии, оказываются изготовленными из многокомпонентного низкопробного серебра, а из свинцовой латуни с повышенным содержанием серебра изготовлены накладки, стилистическая принадлежность которых к «степной» серии была на первом этапе исследования не очевидна. Добавим к этому, что в одном случае (№ 93) в металле отмечено высокое содержание золота (около 1,4 %).

Металл одной из накладок (№ 43) был исследован методом рентгеноспектрального микроанализа⁴⁴. Увеличение в 500 раз⁴⁵ расчищенного от патины и подполированного участка внутренней поверхно-

сти накладки показало (рис. 6), что структура⁴⁶ сплава – сложно-зернистая, что указывает на неомогенность расплава на момент застывания. Заметим, что форма зерен часто была угловатая. Подобная структура сплава отмечалась в литературе⁴⁷.

Исследование элементного состава зерен⁴⁸ выявило значительную их вариабельность. Было отмечено присутствие в металле богатых серебром структурных единиц, содержащих около 60 % серебра, 2 % свинца, 2 % цинка, 5–6 % меди (рис. 6, зерна белого цвета). Только такие зерна содержат в своем составе свинец, являющийся, в данном случае, геохимической примесью к серебру. Другой тип структурных единиц содержал около 60 % меди, 7,5 % цинка, 5,5 % серебра, 0,1 % никеля, около 15 % углерода (рис. 6, зерна светло-серого цвета). В структурных единицах более темного и черного цветов при

⁴³ К данной группе сплавов принадлежит металл, из которого были изготовлены трехлопастные Y-образные накладки № 90 и 44, а также ажурные трехлопастные накладки № 43 и 94, на первом этапе отнесенные к 5-й серии.

⁴⁴ Исследование проводилось в СПбГПУ, в лаборатории исследования и моделирования структуры и свойств металлических материалов (аналитик – С. А. Филиппов).

⁴⁵ Сканирующий электронный микроскоп Te. Scan Mira.

⁴⁶ Изображение в отраженных электронах.

⁴⁷ Валиулина С. И., Храменкова Р. Ч. Химический состав изделий из цветного металла Больше-Тиганского могильника // Древние ремесленники Приуралья / отв. ред. В. И. Завьялов. Ижевск, 2001. С. 265.

⁴⁸ Проведено с помощью детектора EDS Oxford X-Max.

переменном содержании серебра (6–12 %) заметно уменьшалось содержание других металлов (медь: 20–40 %, цинк: 0,9–3,3 %), фиксировалось железо (около 1,5 %), появлялись заметные концентрации серы (0,5 %), фосфора (0,6–1,1 %), хлора (0,3–0,7 %), возрастала концентрация углерода (в темно-серых зернах – преимущественно около 18%⁴⁹, в зернах черного цвета – до 60 %). Отметим, что концентрация в сплаве разных типов структурных единиц при анализе торцевой части шпенька и на внутренней поверхности накладки при визуальном анализе изображений хорошо соответствовали друг другу, что подтверждает результаты, полученные для данной накладки методом РФл-анализа.

Заметим, что для 7 накладок из 8 наблюдается устойчивая корреляция: чем больше в сплаве изделия серебра, тем меньше там цинка (табл. 6). В самом деле, в сплавах накладок №№ 10 и 32, где концентрация⁵⁰ серебра около 50 % и более, концентрация цинка – примерно 1–3,5 %. В сплавах накладок №№ 66, 44 и 93, где концентрация серебра 45–50 %, концентрация цинка около 5–6 %. В сплавах накладок №№ 90, 43 и 94, где содержание серебра – между 20 % и 40 %, содержание цинка – между 6,5 % и 10 %.

Таблица 6

Многокомпонентное низкопробное серебро			Свинцовая латунь с повышенным содержанием серебра		
Шифр	Серебро, %	Цинк, %	Шифр	Серебро, %	Цинк, %
№ 10	55,99–62,23	3–3,52	№ 94	28,31–30,06	6,27–6,96
№ 32	61,39–67,73	1,53–1,56	№ 90	38,22–38,7	7,21–13,68
№ 93	47,21–53,27	5,2–6,2	№ 44	45,08–48,44	5,12–5,94
№ 66	40,48–56,98	0,88–1,17	№ 43	21,38–26,66	8,82–9,4

Обращает на себя внимание, что результаты анализа металла торцевой части шпеньков в двух случаях из пяти (изделия №№ 10, 66) заметно отличаются от результатов анализа металла «тела» накладок (табл. 7). С формальной точки зрения эта деталь накладки № 66 изготовлена из сплава серебра со свинцовой бронзой (цинк – 0,61 %), причем класс сплава ближе к высокопробному многокомпонентному серебру. Результат анализа металла шпенька накладки № 10 также указывает на заметно большее (по сравнению с «телом» накладки) содержание серебра. Вспомним, что похожая ситуация имела место с результатами анализа тела изделия и торцевой части шпенька ременного наконечника № 5 серии 2 (см. выше).

⁴⁹ При одном измерении – 13 %.

⁵⁰ Здесь речь идет о содержании серебра и цинка, усредненных по измерениям наружной и внутренней поверхностей.

Таблица 7

Шифр	Металл внутренней поверхности накладки		Металл торцевой части шпенька	
	Серебро, %	Цинк, %	Серебро, %	Цинк, %
№ 10	55,99	3,0	81,7	1,27
№ 32	67,73	1,53	69,30	2,44
№ 93	53,27	5,2	41,86	3,83
№ 66	40,48	0,88	85,98	0,61
№ 43	21,38	9,4	20,28	11,61

Казалось бы, имеют место свидетельства ремонта (взамен отпавшего шпенька к накладке прикреплен новый шпенец из сплава близкого, но не идентичного состава). Но визуально следы ремонта нами не были обнаружены. Можно предположить, что отмечаемая разница составов сплавов «тела» накладок и шпеньков, обнаруживающаяся в этих случаях, (№№ 66, 10 и № 5 серии 2) является результатом какого-то металлургического процесса сплавки и/или отливки. Однако происходит это не всегда (ср. результаты анализа металла накладок и шпеньков №№ 43, 32 и 93).

Шайбы-фиксаторы изготовлены в изделиях №№ 44 и 93 из сплава серебра со свинцовой латунью, в изделиях №№ 10 и 90 – из низкоцинковой латуни с повышенным содержанием серебра (около 1 % Ag, около 1 % Zn), в накладках №№ 32 и 94 – из «чистой» меди. Таким образом, сколько-нибудь надежной корреляции между металлом накладки и металлом шайб-фиксаторов для группы в целом вновь не наблюдается: в трети случаев сплав фиксаторов близок сплаву накладок, в другой трети – сделан из «чистой» меди, еще в одной трети – выполнен из низкоцинковой латуни. При этом в сплавах, из которых изготовлены шайбы-фиксаторы, в отличие от металла накладок, сколько-нибудь заметное присутствие золота не зафиксировано.

4. «Аборигенная» серия

Всего в серию (рис. 4) входит шесть изделий: пять находок из кургана № 382 (№№ 4, 9, 82, 127, 129) и одна – из кургана № 285 (№ 83). Данные о классах сплавов приведены в табл. 8.

Таблица 8

Курган	Шифр	Сплав
382	№ 129	Латунь двухкомпонентная
	№ 127	Многокомпонентная латунь
	№ 9	Многокомпонентная бронза
	№ 4	Латунь оловянная
	№ 28	Латунь двухкомпонентная
285	№ 83	Латунь свинцовая

Два изделия данной серии изготовлены из двухкомпонентной латуни (№№ 82 и 129). Изделие № 4 отлито из оловянной латуни. Перстень (№ 83) из кургана № 285 сделан из свинцовой латуни.

Два изделия изготовлены из многокомпонентных цинково-свинцово-оловянных сплавов: № 9 – из многокомпонентной бронзы, № 127 – из многокомпонентной латуни. Таким образом, это всё – цинкосодержащие сплавы с достаточно низким содержанием цинка (2–9%). Другие два легирующих компонента – свинец и олово – обнаруживаются тоже в сравнительно низких концентрациях (свинец – 1,3–4,8%, олово – 1,3–6,6%).

Легко заметить, что ансамбль сплавов «аборигенной» серии хорошо соотносится со сплавами ременных украшений «североевропейской» серии. Однако сразу бросается в глаза существенное отличие: заметного содержания мышьяка и золота – признаков, обнаруживающих себя в рассмотренных сплавах накладок «североевропейской» серии, – в сплавах «аборигенной» серии не зафиксировано. Интересно отметить, что в «аборигенной» серии не встречается «чистая» медь, столь часто встречающаяся в рассмотренных выше сериях. Здесь для нас важно, в первую очередь, что «чистая» медь часто использовалась для изготовления шайб-фиксаторов во всех трех выше рассмотренных сериях. Впрочем, для сколько-нибудь убедительных сопоставлений выборке не хватает массовости.

Дискуссия и выводы

Таким образом, распределение типов сплавов по рассмотренным в выборке разностильным сериям изделий оказывается не случайным, а подчиняющимся определенным закономерностям.

Изделия серии 2 – «среднеднепровской» («черниговской») – изготовлены, в большинстве случаев, из сплавов меди или низкооловянной бронзы с незначительным количеством серебра (1–2%). В одном случае серебра на порядок больше, но тип сплава тот же.

В тематически сфокусированной работе Р.С. Орлова, посвященной изделиям «среднеднепровской традиции художественной металлообработки»⁵¹, для ременных украшений «Художественной школы А» отмечены два типа медно-серебряных сплавов «типа биллона (серебро и медь)». Р.С. Орлов пишет: «Большая часть изделий черниговской серии изготовлена из малоизвестного для древностей Восточной Европы сплава – меди, легированной серебром или серебром и оловом. Серебро в качестве лигатуры использовалось вместо свинца и олова в

тех же пределах от 0,3 до 5%»⁵². Существенно, что исследователь отмечает низкое содержание серебра в сплавах, что хорошо соотносится с нашими результатами. Заметим, что рациональные основания составления такого сплава не очевидны.

Изделия серии 3 («степная Х») изготовлены, с формальной точки зрения, из сплава серебра с низкосвинцовой и низкоцинковой латунью, причем серебра в сплаве сравнительно много (30–70%). Такой состав сплавов, устойчиво повторяющийся в морфологически одностильной серии изделий, требует несколько более подробного комментария.

Очень перспективно предположение, что изделия изготовлены из низкокачественных серебряных монет. Действительно, в литературе есть указания на то, что в конце X в. концентрация серебра в дирхемах очень заметно падает⁵³. Но металлы изделий серии 3 представлены сплавом серебра с латунью. Кроме того, восточное (среднеазиатские) серебро второй половины X в. содержит висмут⁵⁴. В сплавах же изделий серии 3 наблюдается любопытная зависимость: висмут там фиксируется в металле изделий, содержащих 20–50% серебра. При этом в рассмотренных сплавах изделий этой серии, содержащих более 50% серебра, висмут зафиксирован не был. Можно, конечно, предположить, что в одном случае в качестве вторичного сырья для изготовления украшений использовались поздние «арабские» (с висмутом), а в другом – европейские или ранние арабские (без висмута) серебряные монеты, причем для более роскошных изделий были задействованы последние. Но в силу результатов рентгеноспектрального микроанализа, выявившего корреляция серебра со свинцом в структурных зернах сплава исследованного изделия «степной Х» серии, изложенная выше версия выглядит пока несколько надуманной. Кроме того, ожидае-

⁵² Там же. С. 44, 46, рис. 8. В целом же, на сегодняшний день благодаря публикациям результатов анализов средневековых изделий из цветных металлов статистика распространения подобных сплавов заметно изменилась. См., например: Королёва Э.В. Результаты спектрального анализа ювелирных изделий средневекового Пскова // Археологическое изучение Пскова. Вып. 3: Раскопки в древней части Среднего города (1967–1991): материалы и исследования / отв. ред. И. К. Лабутина. Т. 1. Псков, 1996. С. 235; Сапрыкина И.А. Предварительные результаты исследования химического состава цветного металла из погребений VIII–X веков Подболотьевского могильника // КСИА. Вып. 236. М.: Языки славянской культуры: Знак, 2014. С. 232. Классификация подобных сплавов дана в работе: Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья... С. 107–180.

⁵³ Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья... С. 160, 151.

⁵⁴ Eniosova N.V. Tracing the routs of silver procurement to the early urban centre Gnězdovo in the early 10th/early 11th centuries // RGZM-TAGUNGEN. Bd. 17: Die Archäologie der frühen Ungarn. Mainz: 2012. P. 265–270, 276.

⁵¹ Орлов Р.С. Указ. соч. С. 32–52.

мой устойчивой связки «висмут-золото», как будто, не обнаруживается.

Одна из возможных трактовок – изделия изготовлены из полиметаллического рудного сырья. Такие предположительные трактовки представлены в веере гипотез, помещенных в работе С.И. Валиулиной и Р.Ч. Храмченковой в 2001 г. Авторы пишут: «Представляется очевидным, что цинк, свинец и олово являются примесью меди»⁵⁵. Там же отмечается, что, помимо меди, «грязным» может быть и серебро; рассматривается даже возможность сплава серебра с «грязной» медью, полученной «при выплавке серебра из серебро-полиметаллических руд»⁵⁶.

Иная точка зрения – целенаправленный сплав серебра с латунью из технологических соображений либо «вследствие экономической конъюнктуры»⁵⁷.

В специальной литературе отмечалось, что иногда по «формальным признакам» свинцовая бронза – это «грязная медь» с высоким содержанием свинца⁵⁸. Такая трактовка могла бы позволить в нашем случае полагать, что имеет место сплав серебра с низкоцинковой двухкомпонентной латунью, изготовленной на основе «грязной» меди. Однако принять подобную трактовку, как нам представляется, для рассмотренных изделий нельзя. В самом деле, рентгеноспектральный микроанализ показал, что в структурных зернах свинец коррелирует с серебром, а не с медью, то есть, возможна совсем иная трактовка: серебро, содержащее, в силу некачественной очистки, заметную примесь свинца, сплавляется с двухкомпонентной низкоцинковой латунью, полученной на основе «чистой» меди. В специальной литературе низкое содержание цинка в двухкомпонентных латунях часто трактуется как результат многочисленных переплавок⁵⁹. Но, казалось бы, тогда в сплаве должна быть заметна «технологическая грязь» – следы легирующих компонентов использованного при переплавках лома.

⁵⁵ Валиулина С. И., Храмченкова Р. Ч. Указ. соч. С. 266.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Егорьков А. Н., Щеглова О. А. Металл «антских» кладов по результатам эмиссионно-спектрального анализа // Древние ремесленники Приуралья / отв. ред. В. И. Завьялов. Ижевск, 2001. С. 286; Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья ... С. 149–150.

⁵⁸ Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья ... С. 145; Зайцева И. Е. Сплавы цветных металлов сельских памятников северо-восточных окраин Древней Руси // Археология северорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009. С. 159.

⁵⁹ Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья ... С. 134, 147.

В случае изделий серии «степная X» схема, как будто, несколько иная: загрязненное свинцом серебро с переменным присутствием висмута сплавляется с двухкомпонентной низкоцинковой латунью, полученной на основе «чистой» меди. Сколько-нибудь уверенно формулировать гипотезу о происхождении такого сплава мы на данный момент не можем.

Считаем уместным привести здесь отрывок из неоднократно упомянутой капитальной работы Н. В. Ениосовой, Р. А. Митояна и Т. Г. Сарачевой: «В результате многочисленных переплавок вышедших из употребления низкопробных серебряных изделий с добавлением лома цветного металла ювелиры производили украшения, в составе которых содержится до 30% серебра. Добавка такого количества драгоценного металла не изменяет цвет медного сплава и не придает ему сходства с серебром. В этом случае серебро выступает как один из элементов многокомпонентного сплава на основе меди. Из него изготовлены многочисленные поясные украшения, обнаруженные в Гнёздове, Чернигове и венгерских могильниках второй половины X – начала XI в.»⁶⁰.

Хотелось бы отметить в этой связи, что схожие по формально-археометрическим параметрам сплавы цветного металла с серебром могут иметь очень разную культурно-хронологическую атрибуцию. Отмеченные сплавы, встречающиеся в значительно более ранних антских кладах⁶¹, вряд ли имеют к рассматриваемому сюжету сколько-нибудь прямое отношение. Рассмотренные изделия «среднеднепровской (черниговской)» серии не содержат цинка, олова и свинца в заметных концентрациях и характеризуются совсем иным соотношением серебра и меди.

Похожие на металл изделий «степной X» серии сплавы серийно обнаруживаются среди находок кочевнического круга (в широком понимании этого слова), культурно-генетически связанных с западно-кочевнической традицией. Подобные сплавы отмечены в вышеназванной работе С. И. Валиулиной и Р. Ч. Храмченковой о металле ранневенгерского Больше-Тиганского могильника IX–X вв.⁶² Есть подобные изделия и в собственно венгерском материале⁶³. Кроме того, из подобных сплавов были изготовлены украшения салтовского облика, происходящие из Супрутского клада⁶⁴.

⁶⁰ Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья ... С. 152.

⁶¹ Егорьков А. Н., Щеглова О. А. Указ. соч. С. 286.

⁶² Валиулина С. И., Храмченкова Р. Ч. Указ. соч. С. 264, 273–274, табл. 1.

⁶³ Szegeby E. Beiträge zur Metalltechnik der IX–X. Jahrhunderte in Ungarn // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae. XII. Budapest, 1960. P. 324.

⁶⁴ Мурашева В. В. Супрутский клад: из раскопок 1969 г. М., 2008. С. 32–33.

Изделия серии 4 («аборигенная») изготовлены из многокомпонентных низкоцинковых бронз и латуней. Такие сплавы, по согласному мнению многих авторов, характеризуют ювелирную производственную традицию ремесленных центров, интенсивно использующих лом цветных металлов.

Самой неоднородной по составу сплавов оказывается серия 1 («североевропейская»). Хотя фрагменты фибул оказываются изготовленными из низко- и среднецинковых латуней, концентрация цинка в этих латунях самая высокая в выборке (если не учитывать сплавы латуни с серебром). Однако характерны для Северной Европы высокоцинковых латуней в рассмотренной «североевропейской» серии из Тимерёва нет совсем, даже в фибулах содержание цинка «не дотягивает» до североевропейских значений. Действительно, Е. Н. Ениосова в работе о скандинавских рельефных фибулах из Гнёздова отмечала: в гнёздовских украшениях цинк, как правило, не превышает 10%, «...тогда как в шведских, норвежских и шотландских образцах (фибул. – В. С., Я. Ф.) цинк зафиксирован в концентрациях, превышающих 15%, достигая иногда 25%»⁶⁵. Специфические слитки высокоцинковой (20–21% Zn) двухкомпонентной латуни были найдены в 2004 г. на Земляном городище Старой Ладogi в ходе раскопок А. Н. Кирпичникова⁶⁶.

По этому показателю фибулы кургана № 382 хорошо соотносятся как раз с большинством гнёздовских фибул скандинавского облика.

Поясные накладки «североевропейской» серии изготовлены из самых разных бронз и латуней, как правило, с низким содержанием легирующих компонентов: оловянной бронзы, мышьяковистой оловянно-свинцовой бронзы, оловянно-свинцовой латуни и «чистой» меди. Общее здесь – не в составе металла, а в североевропейском облике изделия. Такая ситуация очень характерна для вос-

точноевропейских ремесленных центров⁶⁷, испытывавших на себе воздействие «скандинавской вуали».

Легко заметить, что общее в этой группе сплавов – использование олова в качестве легирующего элемента, что практически отсутствует в сплавах других рассмотренных серий, кроме «аборигенной». Иногда олово присутствует в значительных количествах, в этих случаях в сплаве присутствует заметное содержание мышьяка и сурьмы⁶⁸. Таков металл накладки № 86, выполненной из оловянно-свинцовой бронзы с высоким содержанием олова и низким содержанием свинца. Сопоставимые сплавы известны в Залахтове, Старой Ладoge⁶⁹, Городке на Ловати⁷⁰. В последнем случае корреляция олова с мышьяком и сурьмой была специально отмечена В. А. Галибиным⁷¹. Интересно, что близкие аналогии сплавам такого состава, как будто, обнаруживаются в синхронных кочевнических ременных украшениях Южной Сибири⁷².

Приведенные данные не могут быть пока сколько-нибудь обоснованно обобщены из-за малочисленности исследованной серии находок. Несомненным, однако, представляется, что металл Тимерёвского археологического комплекса является очень перспективным объектом для планомерного широкого археометрического исследования.

⁶⁷ Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Латуни средневекового Новгорода // ННЗ. История и археология. Вып. 14: Материалы научной конференции / отв. ред. В. Л. Янин. Новгород, 2000. С. 111–127; Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Особенности бронзовых сплавов Северо-Запада Руси // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы научных семинаров 2001–2002 гг. / отв. ред. В. В. Седов. Псков, 2003. С. 229–245; Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья ... С. 107–180.

⁶⁸ Следует признать, что заметное содержание сурьмы было зафиксировано только в одном измерении из трех.

⁶⁹ Ениосова Н. В., Митоян Р. А., Сарачева Т. Г. Химический состав ювелирного сырья эпохи Средневековья ... С. 142.

⁷⁰ Горюнова В. М. Цветной металл городка на р. Ловати (X–XII вв.). Спектральный анализ и технология // Новое в археологии Северо-Запада СССР / отв. ред. В. М. Массон. Л.: Наука, 1985. С. 56–61.

⁷¹ Там же. С. 56.

⁷² Король Г. Г., Конькова Л. В. Южносибирские импорты в Восточной Европе и проблемы этнокультурного и регионального взаимодействия в X–XIII веках // Археологические вести / отв. ред. Е. Н. Носов. Вып. 14. М.: Наука, 2007. С. 148.

⁶⁵ Ениосова Н. В. Скандинавские рельефные фибулы из Гнёздова // Труды ГИМ. Вып. 124: Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Археологический сборник / отв. ред. В. В. Мурашева. М., 2001. С. 90.

⁶⁶ Хаврин С. В. Вот металл цветной // Ладога в контексте истории и археологии Северной Евразии: сб. ст. памяти Д. А. Мачинского: по материалам XVII чтений памяти Анны Мачинской и XVIII чтений памяти Анны и Дмитрия Алексеевича Мачинских / ред. В. Т. Мусбахова. СПб., 2014. С. 54, табл. 3.

Summary

V. N. Sedykh, Y. V. Frenkel

On the Metal Used in Jewellery from Certain Assemblages in the Timeryovskii Burial-ground

This article examines the composition of alloys used to fashion metal items of jewellery found during excavations of the burial-mounds making up the Timeryovskii Burial-ground. To this end the material was divided into four series on the basis of stylistic features: (1) "North-European"; (2) "Middle-Dnieper" ("Chernigov"); (3) "Steppe X"; (4) "Local". The analysis duly carried out revealed that the composition of the alloys does indeed correspond to the stylistic series listed above. The North-European series of articles, for instance, was made of bronze and brass, which for the most part had low tin and zinc content. The zinc content in the brass, from which shell-shaped oval fibulae (found only as fragments) were fashioned is slightly higher. The metal of the articles from this series was found to contain a noticeable amount of gold (up to 1.95%). The "Middle-Dnieper" (or Chernigov) series of articles was made from an alloy of 'pure' copper with an insignificant amount of silver. The "Steppe X" series of articles was represented by belt decorations of nomadic appearance (in the wide sense of the term). These articles were cast from an alloy of silver (20–60%) and brass with a low lead and zinc content. Articles from the "Local Production" series, associated with a Finnish sub-stratum of the population, were made mainly from multi-component bronzes and brasses with a low content of alloying elements. No presence

of any admixtures of precious metals has been recorded in the alloys of this series.

The composition of the metal in articles of the "North-European" series is in keeping with the craft tradition of East-European centres, which reflects a clear link to the material culture of Scandinavia. No reliable parallels were found for the metal used in the "Middle-Dnieper" ("Chernigov") series. At the same time there were reliable parallels for the metal of the "Steppe X" series to be found in the jewellery traditions of the same period in western nomadic societies. Correlations of silver, bismuth and gold have not been noted in the articles of this series. Bismuth has been recorded in items of jewellery with less silver content. No reliable correlation has been established between the metal used for jewellery and that used for attaching fasteners. In a number of instances there was more silver in metal to fix clasps to jewellery items than in that used for the jewellery itself. The metal used for articles in the "Local" series is of a kind typical for East-European craft centres further removed from the main routes or trading in non-ferrous metals. This conclusion ties in with the observations made by our Moscow colleagues.

The preliminary results obtained would indicate good prospects for undertaking an archaeometric study of the metals found in the Timeryovskii Burial-ground.

Глазурованные чашечки из погребений XI века

В ходе исследований могильника Никольское III на Русском Севере, проводившихся Н.А. Макаровым в 1981–1985 гг., были обнаружены обломки двух глазурованных чашечек¹. Подобные вещи находили на Руси (и шире – в Северной Европе) и ранее, хотя они не привлекали к себе особо пристального внимания: фактически ими интересовались только два исследователя – Т.Арне² (1938) и Н.А. Макаров, собравший сведения о 5 местах находок подобных чашечек³. Речь идет о сосудах миниатюрного размера, высотой 4–5 и диаметром 5–6 см, с уплощенно-сфероидальным корпусом, небольшим плоским дном, слегка отогнутым венчиком и маленькой кольцевидной ручкой, имевшей в месте верхнего прикрепления (немного ниже края венчика) дополнительную деталь в виде прямоугольной (подтрепачной) пластинки, которая прикреплялась перпендикулярно стенке сосуда. Такую деталь в русскоязычной литературе называют «пятой», функциональным ее назначением было служить упором для большого пальца руки, державшей чашку⁴. При миниатюрных размерах чашки и ручки (в узкое отверстие которой палец было просунуть довольно

сложно), такой упор был нужен, чтобы удержать сосудик в руке.

Все известные чашечки изготовлены из светложгущихся глин с заметной примесью мелкого песка, а вся их поверхность целиком (как изнутри, так и снаружи) полностью покрывалась слоем прозрачной зеленой глазури (в том числе и на дне сосуда снизу). К сожалению, химический состав глазури этих чашечек еще никогда не определялся, но, судя по тонкослойности, мелкому цеку и сильной патинированности, это свинцовая глазурь.

Чашечки описываемого вида обнаружены в девяти пунктах Восточной и Северной Европы (в т.ч. в семи местах Древней Руси). Впервые на территории Руси обломок такой чашечки был найден при раскопках владимирских курганов, проводившихся графом А.С. Уваровым в 1852 г., он сохранился в фондах ГИМ⁵. Находка была сделана рядом с черепом в женском труположении под курганом №42 из могильника в урочище «Паны» у дер. Весь Суздальского уезда⁶. Сохранилось не более 1/4 сосуда⁷, изготовленного из беложгущейся глины с примесью мелкого песка (рис. 1: 1). Глазурь частично осыпалась и сильно патинирована (приобрела желтоватый цвет), однако изначально она, вероятно, была зеленой (свинцовые глазури часто патинируются и практически утрачивают свой первоначальный цвет). Изображение этого обломка было впервые опубликовано Т.Арне⁸. Инвентарь рассматриваемого погребения

¹ Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. (по материалам могильников восточного Прионежья). М.: Наука, 1990. Табл. XVI: 30, XVIII: 14.

² Арне Т.И. Китайская чашка из Владимирской губернии // Труды секции археологии РАНИОН. Вып. IV. М., 1928. С. 27–28; Arne T. En sino-iransk kopp // Fornvannen. Vol. 33. Stockholm, 1938. P. 107–113.

³ Макаров Н.А. Население Русского Севера... С. 61.

⁴ В европейской литературе ручки с подобной деталью именуют «latch-type handles», т.е. «ручками с упором (фиксатором)». Их следует отличать от зооморфных ручек лепных кружек, распространенных на широких пространствах евразийских степей, в Средней Азии и Закавказье с IV в. до н.э. вплоть до XI в. н.э. (Абрамова М.П. О керамике с зооморфными ручками // СА. 1969. № 2. С. 69–84). Зооморфные ручки имели близкую профилировку, но отличались исключительно вертикальной постановкой (у них нет горизонтально располагавшихся элементов – пластинок-упоров).

⁵ Музейный номер ОФ 55421. Опись «В»1069. № 70.

⁶ Уваров А.С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. I Археологического съезда. Т. II. М., 1871. С. 802.

⁷ Хотя А.С. Уваров писал о том, что найден был только обломок сосуда, низкое качество проводившихся работ заставляет предполагать, что изначально чашечка была целой, но расколотой на несколько обломков, большая часть которых была просто не замечена землекопами (крестьянами, нанятыми в окрестных деревнях) в ходе вскрытия погребения.

⁸ Арне Т.И. Китайская чашка из Владимирской губернии. С. 27–28, табл. II.

был исключительно богат и включал 14 серебряных бусинных колец (А.С.Уваров писал о кольцах «с украшениями»), 2 серебряные гривны («гладкая и витая жгутом»), 3 серебряных позолоченных бусины, серебряный плетеный и дровяной бронзовый браслеты, пластинчатый и рубчатые перстни, «маленькая привеска» и «кусочек шелковой одежды»⁹. По набору инвентаря это одно из самых богатых погребений не только могильника у дер.Весь, но и среди всех труположений (из числа 7757 курганов), вскрытых в Суздальском Ополье под общим руководством А.С.Уварова в 1851–1853 гг. По подсчетам А.А.Спицына, среди женских погребений в этих курганах лишь 21 включало 6 и более височных колец, 14 колец зафиксировано только в двух погребениях, а еще большее их количество (21 экз.) имелось всего в одном захоронении¹⁰. Таким образом, погребение с чашечкой входило в число 3 самых богатых женских ингумаций поздней группы погребений¹¹.

Датировка этого погребения оценивалась исследователями по-разному. А.А.Спицын относил его к захоронениям XII в., но при этом снабдил датировку знаком вопроса, что и понятно, поскольку вещей, строго датирующихся только этим временем, в погребении не было. Надо напомнить, что большинство остальных погребений владимирских курганов он относил к XI в. Датировка в пределах первой половины X в., предложенная Т.Арне¹² по отношению к рассматриваемому погребению, не может быть признана сейчас достоверной, поскольку исходила она не из всестороннего анализа погребального комплекса, а из стремления сблизить его дату с имевшейся тогда хронологией погребения на Готланде (см. ниже). Поскольку здесь нет возможности заниматься подробным анализом не сохранившегося в полном объеме инвентаря погребения из кургана 42, можно условно датировать его XI – началом XII вв.

Следующая находка, на этот раз почти целой (склеенной из обломков, утрачена была только часть края) чашечки (рис. 1: 2), была сделана в Annexhemman на южной окраине города Хемсе (Hemse) на Готланде¹³. Судя по архивным данным

⁹ Из них в ГИМ сохранились только обломки нескольких височных колец, бронзовый браслет и 2 перстня. В 1928 г. Т.Арне еще мог видеть 3 кольца (из них одно с тремя бусинами, 2 – с одиночными), 4 перстня и 1 дровяную гривну (Арне Т.И. Китайская чашка из Владимирской губернии. С. 27–28, табл. II).

¹⁰ Спицын А.А. Владимирские курганы // ИАК. Вып. 15. СПб., 1905. С. 106.

¹¹ Поздняя (XI–XII вв.) группа погребений включала исключительно ингумации, в отличие от ранней (датированных А.А.Спицыным X в.), где значительную долю составляли кремации, а богатство инвентаря было несравнимо большим, нежели в поздней группе.

¹² Арне Т.И. Китайская чашка из Владимирской губернии. С. 28.

¹³ Arne T.J. La Suede et l'Orient, tudes archologiques sur les relations de la Suede et de l'Orient pendant l'ge des Vi-

Национального музея древностей в Стокгольме, чашечка (музейный номер SHM 5035: b) была куплена директором музея Б.Э.Хильдебрандтом в 1873 г. в составе коллекции других вещей, происходивших из грунтовых ингумаций (следов курганной насыпи не зафиксировано)¹⁴. Таким образом, речь идет не об одном, а, вероятно, о нескольких захоронениях, которые условно рассматривались исследователями как единый комплекс, датированный Т.Арне временем «около 900 г.»¹⁵. Перечисленные в музейной описи, публикациях Т.Арне и Л.Тюнмарк-Нюлен¹⁶ находки из этого комплекса (одна круглая фибула, две фибулы в виде головы зверя, два кольца и браслет, бронзовая застежка из шпильки и цепочки, 26 бусин, костяной гребень и арабская монета) лишь отчасти позволяют уточнить датировку чашечки, поскольку их изображения не опубликованы¹⁷ и, кроме того, неясно, с какими именно из этих вещей соседствовал данный сосуд. Бронзовые фибулы отнесены Л. Тюнмарк-Нюлен к типам 4 (Dosenfibel, т.е. «круглая») и 7e (Tierkopfibeln, фибула в виде «звериной» головы), что позволяет датировать их в пределах X – начала XI в.¹⁸ Арабская монета 917/918 г.¹⁹ могла быть не связана с остальным комплексом или с погребением, включавшим чашечку, но если даже она происходила из того же погребения, ее дата не противоречит датировкам фибул. Среди 26 бусин в погребении отмечены 19 стеклянных, три янтарных, одна известняковая, две горнохрустальные, одна фаянсовая с бирюзовой глазурью, причем их датировки также соответствуют хронологии фибул. Таким образом, условно реконструируемое погребение может быть датировано X – началом XI в., что уже существенно сблизает находившуюся в нем чашку с восточноевропейскими (см. ниже).

Чашечка из погребения на Готланде имела довольно крупные размеры (высота около 5 см, диаметр тулова 6,3 см) и очень плохую сохранность глазурного покрытия, значительная часть которого

kings // Archives d'études orientales. Vol.8. Uppsala, 1914. P.197; Arne T. En sino-iransk kopp. P.107–113; Oxenstierna E. G. Die Wikinger. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1966. Taf. 38.

¹⁴ Благодарю проф. М.Рослунда (Лунд, Швеция) за подробную консультацию по данному вопросу и сообщению архивных данных.

¹⁵ Arne T.J. La Suede et l'Orient... P. 197.

¹⁶ Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands. IV: 1. Katalog. Stockholm, 2000. S. 452, 453.

¹⁷ Изображения некоторых из этих вещей, в т.ч. чашечки и фибул, вывешены в сети Интернет.

¹⁸ Круглые фибулы типа 4 были распространены в конце периода VIII:2 (даты: 900/910–990/1005 гг.) начале периода VIII:3 (даты: 990/1005–1090/1110 гг.) (Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands. III: Text. Stockholm, 2006), т.е. примерно в течение 50 лет. Пользуюсь случаем выразить свою глубокую благодарность Т.А.Пушкиной (МГУ) за консультацию, предоставленную литературу и помощь в датировке этих фибул.

¹⁹ Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands. S. 453.

Рис. 1. Прорисовки профилей чашечек из Владимирских курганов (1), Нефедьево (4, 5) и коллекции Еморфопулоса (6), копии фото чашек с Готланда (2) и из Сузудлы (3).
2 – по Т.Арне (Arne T. J. *La Suede et l'Orient* ... Fig. 2);
3 – по V. Ģinters (Ģinters V. *Siguldas kapukallna ķiniešu trauciņš // Senatne un Māksla. № 1. Rīga, 1937. Fig. 1*);
4, 5 – по Н. А. Макарову (Макаров Н. А. *Население Русского Севера* ... Табл. XVI: 30; XVIII: 14);
6 – по R. Hobson (Hobson R. L. *Chinese pottery and porcelain. Vol. 1. L.; NY, 1915. Pl. 11, 2*)

осыпалась, а оставшаяся была иризована и показалась Т.Арне «белой»²⁰. Но белый цвет могла иметь патина, образующаяся при разложении свинцовой глазури. Л.Тюнмарк-Нюлен описывает эту глазурь иначе – в оттенках от светло-зеленого до оливково-зеленого и темно-зеленого, что вызывает гораздо большее доверие²¹, но, к сожалению, она не дала описания черепка сосуда. По мнению Т.Арне, эта чашечка была сделана «из замечательно тонкой, хорошо промятой и обожженной фарфоровой глины с примесью муки»²². А поскольку в публикации 1928 г.

чашки с Готланда и из-под Суздаля рассматривались совместно, то «фарфоровая» атрибуция распространилась и на последнюю. К сожалению, ознакомиться с готландской чашкой пока не удалось, но чашка из владимирских курганов не имела никакого отношения к фарфору. Разумеется, любая белоглиняная керамика имеет некоторое цветовое сходство с фарфором, изготовленным из белой каолиновой глины, однако различия между ними весьма велики. Прежде всего, фарфор (равно как и другие глиняные массы, применявшиеся в китайском керамическом производстве) никогда не отощался песком, а, напротив, тщательно от него очищался. С другой стороны, имелась в виду «мука» из песка). Возможно, в авторском тексте на шведском (или французском?) языке стояло слово «отмученная», в силу давней и неистребимой привычки археологов многих стран мира называть естественно-чистую глину «отмученной».

²⁰ Arne T. J. *La Suede et l'Orient* ... P. 197.

²¹ Thunmark-Nylen L. *Die Wikingerzeit Gotlands*. S. 453.

²² Арне Т. И. Китайская чашка из Владимирской губернии. С. 27. Слово «мука» здесь появилось, вероятно, из-за ошибки переводчика, поскольку в Китае подобные органические добавки не практиковались (если, конечно, не

светложгущиеся глины (в т.ч. и чисто белые), применявшиеся в эпоху Средневековья в странах Востока и Средиземноморья, даже прошедшие самую тщательную очистку, по самой своей фактуре (пористости, слоистости) принципиально отличались от фарфора и других китайских керамических материалов, характеризовавшихся исключительной однородностью и полным отсутствием пористости (не говоря уже о слоистости). Поэтому можно с абсолютной уверенностью утверждать, что суздальская чашка, а значит, и готландская, не имели никакого отношения к фарфору. Забегая вперед скажем, что и все остальные чашки с территории Восточной Европы также были изготовлены из обычных светложгущихся глин, а не фарфора.

Третьим местом находки подобной чашечки был курган в Сигулде в Латвии, раскопанный в 1835 г. известным латышским археографом К.-Э. Напиерским (K. Napirska). Однако эта находка (фактически – первая на территории Восточной Европы) долго оставалась никому не известной, пока в 1937 г. она не была опубликована В.Гинтерсом²³. Вместе с чашечкой в подкурганном погребении были найдены денарии 1024–1039 гг. (Германия, император Конрад II) и 1021–1036 гг. (Германия, архиепископ Кёльна Пилигрим), что позволяет датировать его не ранее 1020-х гг. Следуя за мнением Т.Арне и сравнивая чашку из Сигулды с готландской, В.Гинтерс назвал ее формовочную массу «фарфоровидной», а это позволяет думать, что в действительности она была просто белоглиняной, подобно чашечке из владимирских курганов. Диаметр чашки составлял 5,8 см, высота – 4,4 см (рис. 1: 3). Глазурь, как и в ранее рассмотренных случаях, была сильно разрушена (иризована и патинирована) до светло-серого или коричневатого цвета (разные цвета патины).

Еще пять находок были сделаны в 1980-х гг. при раскопках подкурганых захоронений в различных частях Руси.

Одна целая (до сих пор не опубликованная) чашечка была найдена при раскопках курганная группа Плешково 1 у одноименного села в Кимрском районе Тверской области. Она происходила из женского труположения в кургане 5, инвентарь которого включал два трехбусинных (бусы гладкие полые) височных кольца, 16 обломков перстнеобразных колец, одну гривну, золото- и серебростеклянные бусы (количество не указано), два грушевидных бубенчика (вероятно, крестопорезных. – В.К.), шесть коньковых привесок «смоленского типа», железный, бронзовый и серебряный (проволочный завязанный) браслеты, выпукло-вогнутый браслет (материал не указан), три пластинчатых широкосрединных (с ребром) завязанных и два широкосре-

динных усатых перстня. Этот комплекс был датирован авторами отчета XI в.²⁴, что не вызывает никаких возражений. Чашечка лежала около кисти правой руки погребенной, глазурь на ней была сильно патинирована и в значительной мере осыпалась. К сожалению, в отчете нет изображения этой чашечки, кроме общего фото погребения²⁵, судя по которому эта чашечка по форме не отличалась от найденных в Сигулде и Заславле (см. ниже).

Чашечка из IV курганного могильника (курган 10, погребение 2) у г. Заславль Минской области Республики Беларусь²⁶ сохранилась почти полностью (утрачена только нижняя часть ручки) (рис. 2: 1). Она происходила из погребения, которое было разрушено грабительской ямой, поэтому другие вещи из него отсутствовали, по косвенным данным оно датировано автором раскопок второй половиной – концом X в. или концом X – началом XI вв.²⁷, однако вполне могло датироваться и более поздним временем (в пределах XI в.). Чашечка найдена у локтя погребенного индивида. Она изготовлена из глины кремового цвета с примесью мелкого песка, сплошь покрыта белым ангобом и бледно-зеленой прозрачной глазурью, сильно патинированной (покрыта пленкой желто-коричневатого цвета) и частично расстеклованной.

Такая же (с утраченной нижней частью ручки) чашечка (рис. 2: 2) была найдена в кургане 40 могильника «Калатовки» у дер. Избищи Логойского района Минской области (Беларусь), в котором не было погребения. Раскопки курганов проводились В.В.Казеем (курган 40 исследовался в 1988 г.), публикация материалов подготовлена Г.В.Штыховым, который рассматривает курган 40 в качестве кенотафа²⁸. Могильник датирован в пределах середины X – середины XII вв., более узкая датировка для данного погребения невозможна.

Два одинаковых сосуда (у одной чашечки отбита ручка) из могильника Никольское III (рис. 1: 4, 5) занимают в этом ряду особое место. Находки на Русском Севере впервые дали довольно узкую и очень надежную дату подобным чашечкам, известным на территории Руси, потому что благодаря находкам серебряных западноевропейских денариев конца X – третьей четверти XI вв. этот могильник уда-

²⁴ Кольцов Л.В., Комаров К.И. Отчет о раскопках курганного могильника Плешково 1 в Кимрском районе Калининской области в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8635. С. 12, 13, рис. 63, 85.

²⁵ Там же. Рис. 85.

²⁶ Государственный историко-культурный музей-заповедник Заславль, музейный номер КП 3332.

²⁷ Заяц Ю.А. Заславль в эпоху феодализма. Минск, 1995. С. 46, 100, рис. 50.

²⁸ Штыхов Г.В. Курганы могильник Избішча-Дзвінаса // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. Вып. 16. Мінск, 2008. С. 30, іл. 140: 7.

²³ Ģinters V. Siguldas kapukallna ķiniešu trauciņš // Senatne un Māksla. № 1. Rīga, 1937. P. 41–44.

лось датировать в интервале 1040–1070-х гг.²⁹ Чашечки были обнаружены в наиболее богатых по инвентарю женских труположениях из курганов № 8 (погр. 2) и № 10 (погр. 1)³⁰. В первом погребении были найдены монеты 1023–1029 гг. (Англия, король Кнут) и 1059–1086 гг. (Фризия, граф Эгберт II)³¹, а во втором – 996–1002 гг. (Германия, император Оттон III) и 1038–1057 гг. (Фризия, граф Бруно III)³².

Последней по времени находкой чашечек данного типа стал целиком сохранившийся и пока не опубликованный сосуд из грунтового бескурганного женского погребения в Пскове, исследованного А. В. Михайловым в 2008 г. и датированного в пределах XI в.³³ Чашка из этого погребения лежала рядом с головой погребенной (справа от черепа).

Итак, на сегодняшний день известно 9 пунктов находок чашечек, причем все они найдены только в могильниках. Из них 7 представляют собой курганные могильники, один – городской бескурганый (?) некрополь и один – сельский (?), предположительно, бескурганый могильник (на Готланде). Несмотря на находку из Пскова, все остальные образцы происходят из могильников, расположенных вдали от крупнейших городских центров Руси. Важно также заметить, что во всех тех случаях, когда было возможно определить пол «владельца» таких чашечек, ими оказывались женщины, а во всех случаях, когда контекст находок четко определен, он связан только с XI в.

Совершенно очевидно также, что рассматриваемые чашечки не были широко распространенным предметом, поскольку 9 предметов – ничтожное количество для просторов Восточной Европы. Очень важны данные могильника Никольское III, показывающие как раритетность таких вещей (они находились в 2 погребениях из 77 исследованных), так и их отношение к статусности, поскольку чашечки были встречены только в наиболее богатых (= социально престижных) захоронениях. На сегодняшний день ареал поливных чашечек охватывает в основном северную часть Руси, самыми южными из них являются находки из Суздальского Ополя и Заславля в Беларуси. Однако было бы поспешным предполагать,

²⁹ Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. М.: Наука, 1993. С. 140.

³⁰ Макаров Н. А. Население Русского Севера... С. 39, 149, 151.

³¹ В этом погребении была также найдена половина монеты, чеканенной в городе Йевер (Евер) во Фризии герцогом Саксонии Ордульфом (1059–1072 гг.) или графом Зальма Германом (1059–1086).

³² Макаров Н. А. Население Русского Севера ... С. 38, 61, 149–151; табл. XVI: 30, XVIII: 14.

³³ Пользуюсь случаем выразить свою благодарность А. В. Михайлову за предоставленную информацию и разрешение упомянуть данную находку, происходящую из Образского 2 раскопа на Засковье (погребение 15). Датировка погребения определена по инвентарю, включавшему, в числе иных украшений, золотостеклянные бусы.

Рис. 2. Фото чашечек из курганов у Заславля (1) и Избищ (2)

что эта особенность географического распределения может помочь в атрибуции таких предметов.

Относительно происхождения этих чашечек имеется несколько взаимоисключающих мнений. Первым о китайском происхождении чашечки с Готланда высказался шведский исследователь Ф. Мартин (1912), чье мнение было воспринято Т. Арне, который, описывая чашечки из Готланда и владимирских курганов, назвал их «фарфоровыми» и сформулировал гипотезу об их происхождении из Китая³⁴. Выше

³⁴ Arne T. J. La Suede et l'Orient... P. 197; Арне Т. И. Китайская чашка из Владимирской губернии. С. 27. Надо заметить, что в публикации 1914 г. Т. Арне еще склонялся к иранской атрибуции готландской чашки, лишь упоминая мнение Ф. Мартина, но к 1928 г. пришел к убеждению в ее китайском происхождении. Впрочем, после посещения Ирана и личного знакомства с его керамикой исследователь вновь стал склоняться к персидской атрибуции подобных чашек (Arne T. En sino-iransk kopp. P. 107–113).

уже было дано пояснение, почему это определение неверно. Но Т.Арне выдвигал и другие аргументы в пользу китайского происхождения этих сосудов, в частности, он указал несколько аналогий среди китайской керамики эпохи Тан (VII–IX вв.), отметил сходство глазурей на рассматриваемых чашках и статуэтках эпохи Тан, указал на восточные торговые связи, по которым в Восточную и Северную Европу поступали товары «из Китая и Индии», назвав среди этих товаров и чашку из Гнёздова³⁵.

Но сходство глазурей только по внешним характеристикам (без аналитических исследований) служить аргументом при атрибуции не может, тем более что не было даже разъяснено, в чем именно Т.Арне видел это сходство. Если в «беловато-желтом» цвете глазури «с легкой иризацией»³⁶, то у рассматриваемых чашек цвет глазури изначально был иным (зеленым), а вместо «легкой иризации» имела место глубокая патина, разрушившая весь верхний слой глазури. Фарфоровые статуэтки (и сосуды) эпохи Тан действительно бывают покрыты бесцветной глазурью³⁷, но, как правило, они все же имели двуцветное (зеленое и желто-коричневое) глазурное покрытие³⁸. Впрочем, и эти наблюдения не имеют серьезного значения, поскольку сравнивать фарфоровые изделия с керамикой из обычной глины по кроющим глазурям вообще не имеет смысла – это совершенно разнородные классы керамики. Наконец, чашка из Гнёздова, как было показано еще Т.И.Макаровой³⁹, является византийской и в этом качестве не может поддерживать мнение Т.Арне. Что же касается «аналогий» среди китайской зеленополивной керамики эпохи Тан – чашек из коллекций Джорджа Еморфопулоса⁴⁰, О.Сирена и О.Карлбека⁴¹ – то на цвете глазури сходство этих сосудов и заканчивается: не говоря уже о не менее чем 200-летнем хронологическом разрыве и разнице в формовочных массах, эти чашки имели простые кольцевидные ручки, без «пяты» (рис. 1: 6). Закрытая форма некоторых китайских сосудов имеет сходство только с готландской чашкой, но отличается от всех остальных экземпляров, найденных в Восточной Европе. Таким образом, ни один из аргументов Т.Арне не может быть сегодня принят – китайское

³⁵ Арне Т.И. Китайская чашка из Владимирской губернии. С. 27–28.

³⁶ Там же. С. 28.

³⁷ He Li. Chinese ceramics. The new standard guide. L., 1996. № 128–141.

³⁸ Там же. № 156–180.

³⁹ Макарова Т.И. Поливная посуда: из истории керамического импорта и производства Древней Руси. М., 1967. С. 14, 15, табл. III: 1. (САИ; вып. E1-38).

⁴⁰ Hobson R.L. Chinese pottery and porcelain. Vol. 1. L.; NY, 1915. Pl. 11: 2; Idem. The catalogue of the George Eumorfopoulos collection of Chinese, Korean and Persian pottery and porcelain. Vol. 1. L., 1926. P. 38, pl. LIII: 322.

⁴¹ Arne T. En sino-iransk kopp. Fig. 4, 5.

происхождение для чашек из Восточной Европы и Готланда полностью исключается.

Современные исследователи склоняются к иранской атрибуции таких чашек⁴², и, как будет показано ниже, небезосновательно, однако они не привели достоверных аналогий среди персидской керамики какой бы то ни было эпохи, т.е. ограничились формулированием догадки со ссылками на мнения авторитетных специалистов, в частности Б.И.Маршака⁴³. Поэтому необходимо более подробно рассмотреть все возможные направления поиска происхождения этих таинственных сосудов.

И начать нужно все же с Китая, поскольку именно там, вероятно, впервые появились керамические зеленополивные чашки с кольцевидными ручками, некоторые из которых имели сверху упор для пальца. По крайней мере, такие чашки известны для эпохи Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.). Они имели различные профилировки: как схожие с рассматриваемыми средневековыми, так и существенно от них отличавшиеся⁴⁴, поскольку подражали металлическим – медным (рис. 3: 1) и серебряным, которые были достаточно широко распространены в эпоху Хань⁴⁵. С одной стороны, исследователи отмечают традиционность подобных форм китайской посуды, с другой – указывают на сасанидские аналогии, делая вывод об их западном происхождении⁴⁶, что само по себе алогично, поскольку эпоха Сасанидов (224–651 гг. н.э.) хронологически следует за эпохой Хань. Поэтому вектор заимствований мог быть совершенно противоположным.

В эпоху Тан (VIII–IX вв.) чашки с кольцевидными ручками самых разнообразных профилировок (рис. 3: 2, 3) были широко распространены как среди металлической посуды⁴⁷, так и в керамике, изготавливавшейся из самых разных формовочных масс, вплоть до фарфора⁴⁸. Причем именно в посуде Китая впервые встречаются чашки с ручками, снабженны-

⁴² Oxenstierna E.G. Die Wikinger. Stuttgart; Berlin; Köln; Mainz, 1966. S. 89; Макаров Н.А. Население Русского Севера... С. 61.

⁴³ Макаров Н.А. Население Русского Севера... С. 89.

⁴⁴ Newton I. Chinese ceramic wares from Hunan // Far Eastern ceramic Bulletin. L., 1958. № 23.

⁴⁵ Munsterberg O. Chinesische Kunstgeschichte. Bd. 2. Esslingen, 1912. Abb. 174; Strachwitz A. Graf. Chinesisches Tang-Silver und ost-westliche Kunstbeziehungen // Ostasiatische Zeitschrift. Bd. 15–16. № 1–2. Berlin, 1940. Abb. 1, 2; Gyllensvord Bo. Kinesisk konst. Stockholm, 1957. Fig. 1: i.

⁴⁶ Gyllensvord Bo. Kinesisk konst. Stockholm, 1957. P. 63, 64.

⁴⁷ Gyllensvord Bo. T'ang gold and silver. Stockholm, 1957. Fig. 21: h, i; 24: a–c, d, k, l, m, o; Jenyns R. S., Watson W. Arts de la Chine. Fribourg, 1963. Vol. 2. Fig. 29; Watson W. Precious metal – its influence on Tang earthenware // Pots and Pans (Oxford Studies in Islamic Art. III). Oxford, 1986. Fig. 3.

⁴⁸ Willetis W. Chinese Art. Vol. 2. Harmondsworth, 1958. Fig. 65: t; 78: d, e.

ми «пятой». Такие чашки производились в Китае и в более позднее время, в т.ч. в X–XI вв.⁴⁹ и в XII–XIII вв. (южносунские селадоны и «Guan-уао»)⁵⁰, однако в это время они уже были очень редки, причем не известно ни одного китайского сосуда столь позднего времени, у которого «пята» имела бы такую же прямоугольную форму, как у чашек из Восточной Европы.

В ходе поиска аналогий рассматриваемым чашкам, разумеется, невозможно обойти вниманием многочисленные серебряные и золотые чаши и другие сосуды (например, небольшие кувшины) сасанидской эпохи⁵¹, изготавливавшиеся в Персии и распространившиеся по широким пространствам евразийских степей в эпоху Великого переселения народов и в последующее время (рис. 3: 4–6). Продолжали они производиться там и позднее, в исламскую эпоху⁵², что видно по редким сохранившимся образцам восточных серебряных сосудов VIII–X вв., поступавших на север Восточной Европы благодаря торговле с арабскими купцами⁵³.

Нельзя также не вспомнить об относительно немногочисленных, но выделяющихся на общем фоне кувшинах-кружках из драгоценных металлов, известных по материалам культуры енисейских кыргызов VIII–X вв., кольцевидные ручки которых были снабжены сверху плоскими пластинами-«пятами»⁵⁴ (рис. 3: 7). Подобные сосуды встречаются в материальной культуре всех тюркских племен, причем, судя по находке в Нижне-Лубяном могильнике деревянной чашки с ручкой, снабженной наверху упором для пальца⁵⁵, а в Верхне-Салтовском могильнике – керамической черномореной миски-кружки с такой же ручкой (экспозиция Государственного Эрмитажа, Кутузовская галерея), традиция изготовления подобной посуды имела место и в Северном Причерноморье, причем среди рядового населения. Однако все эти разрозненные предметы указывают только на то, что чашки с подобным оформлением были распространены на огромной территории и на протяжении достаточно длительного времени.

⁴⁹ Gyllensvord Bo. *Kinesisk konst*. Stockholm, 1957. Fig. 5; Watson W. *Tang and Liao ceramics*. L., 1984. P. 128, № 103.

⁵⁰ Wirgin J.-C. *Sung Ceramic Designs*. Stockholm, 1970. Fig. 43: 8; Young M. *Early Chinese ceramics from New York State Museum*. NY, 1991. Fig. 48, p. 105.

⁵¹ Орбели И. А., Тревер К. В. Сасанидский металл. М.; Л., 1935. № 52–57, 62; Маршак Б. И. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII–VIII веков // Тр. ГЭ. Т. V. Л., 1961. Табл. 4: 3, 11–13; 6: 1, 2, 5–8, 11.

⁵² Allan J. W. *Silver: the key to bronze in Early Islamic Iran* // *Kunst des Orients*. Ht. 1/2. Wiesbaden, 1977. Fig. 30, 31.

⁵³ Даркевич В. П. *Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья*. М.: Наука, 1976. Табл. 33: 1–4; 36: 8.

⁵⁴ Степи Евразии в эпоху Средневековья // *Археология СССР* / отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. Рис. 29, 33: 16.

⁵⁵ Там же. Рис. 46: 41.

Если говорить именно о керамических чашках и кружках (как поливных, так и неполивных), следует прислушаться к авторитетному мнению Б. И. Маршака, указавшего (вслед за другими исследователями) на то, что кольцевидные «ручки с плоской накладкой сверху» являются наследием античной традиции⁵⁶, а само появление этих ручек в Персии и Средней Азии, скорее всего, обусловлено западным (средиземноморским) культурным импульсом. Среднеазиатские кружки с подобными ручками VII–VIII вв.⁵⁷ (рис. 3: 8, 9) отмечают переходный этап к керамике Мавераннахра IX–XI вв.⁵⁸, но не менее широко ручки с «пятой» были распространены на посуде тюркских народов, населявших в X–XII вв. предгорьях Тянь-Шаня и долины Сыр-Дарьи, где они известны как у глазурованных, так и неполивных кружек и чашек самых разных пропорций⁵⁹.

Однако надо иметь в виду, что подобная конструкция ручек была распространена далеко не только в тюркской среде. Они известны на зеленополивных керамических чашках с рельефным декором и росписью ангобом VIII–XI вв. из Египта⁶⁰ (рис. 3: 10) и Ирана⁶¹. Нельзя не обратить внимание на иранские кружки закрытого типа (сужающиеся к краю) XII–XIII вв., изготовленные из кашина и относившиеся к различным типам восточных фаянсов⁶², причем «луковицеобразная» форма многих чашек имеет некоторое сходство с профилем голландской чашки (рис. 3: 11). В то же время нельзя не заметить и отличий – на иранских кашинных

⁵⁶ Маршак Б. И. Указ. соч. С. 189.

⁵⁷ Там же. Табл. 2: 20; 6а: 12, 21; 7: 6.

⁵⁸ Ташходжаев Ш. С. *Художественная поливная керамика Самарканда IX – начала XIII вв.* Ташкент: ФАН, 1967. Рис. 8; Шишкина Г. В. *Глазурованная керамика Согда (вторая половина VIII – начало XIII в.)*. Ташкент: ФАН, 1979. Табл. XIII: 14; XLVIII [слева вверху]; XLIX: 4, 7.

⁵⁹ Бубнова М. А. *Средневековое поселение Ак-Тобе 1 у с. Орловки // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. Рис. 13: 85, 93; Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата: Наука, 1972. Табл. II: 9; XI: 17; Байпаков К. М. *Керамика средневекового Отрара. Алма-Ата, 1991. № 103, 106.**

⁶⁰ Scanlon G. T. *Slip-painted early lead-glazed wares from Fustat: a dilemma of nomenclature* // *Colloque international d'archeologie islamique* / ed. by R.-P. Gayraud. Paris, 1998. Fig. 28, 57; Charleston R. J. *Masterpieces of Western and Near Eastern ceramics*. Vol. IV. Tokyo: Kodansha, 1979. № 3.

⁶¹ Arne T. *En sino-iransk kopp*. Fig. 6; *Islamische Kunst in Berlin*. Berlin, 1971. Abb. 39; Fukai S., Takahashi B. *Perusha no ko-toki (Early Persian Ceramics)* (на японск. яз.). Kioto: Tankosha, 1980. № 110, 112.

⁶² *World Ceramics* / ed. by R. J. Charleston. L., 1979. № 233; Fehervari G. *Islamic Pottery. A comprehensive study based on the Barlow Collection*. L., 1973. № 54, 181; Grube E. J. *Islamic Pottery of the 8th to the 15th Century in the Keir Collection*. L., 1976. № 136; Allan J. W. *Islamic ceramics*. Oxford: Ashmolean museum, 1991. № 12; Pancaroglu O. *Perpetual Glory. Medieval Islamic ceramics from the Harvey B. Plotnick Collection*. Chicago: Art Institute, 2007. № 61–63, 77, 78.

Рис. 3. Металлические (1–6) чашки из Китая эпох Хань (1) и Тан (2, 3), сасанидского Ирана (4–6), металлический кувшин из Хакасии (7) и керамические кружки из Средней Азии (8, 9), Египта (10), Ирана (11), Португалии (12), Византии (13, 14). Без масштаба.

- 1 – по Во Gyllensvord (Gyllensvord Во. Kinesisk konst. Stockholm, 1957. Fig. 1: i);
 2, 3 – по Во Gyllensvord (Gyllensvord Во. T'ang gold and silver. Stockholm, 1957. Fig. 24: k, o);
 4–6 – по Б. И. Маршаку (Маршак Б. И. Влияние торевтики... Табл. 4, 11, 13; 6, 6);
 7 – по Л. Р. Кызласову (Степи Евразии в эпоху Средневековья. Рис. 29);
 8, 9 – по Б. И. Маршаку (Маршак Б. И. Указ. соч. Табл. 6а, 12, 21);
 10 – по G. T. Scanlon (Scanlon G. T. Slip-painted early lead-glazed wares from Fustat... Fig. 28);
 11 – по J. W. Allan (Allan J. W. Islamic ceramics. № 12),
 12 – из музея Мертолы (Museu de Mertola. № 64);
 13 – по С. Н. Моргана (Morgan C. H. The Byzantine Pottery. Fig. 38: f);
 14 – по В. Бöhendorf-Arslan (Böhendorf-Arslan В. Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei. Taf. 49: 37)

чашках ручки всегда размещались на самом краю сосуда, тогда как у чашек из Восточной Европы они смещены ниже края, на плечики. Кроме того, все чашки/кружки Ближнего и Среднего Востока имели кольцевой поддон, начисто отсутствующий у образцов из Восточной Европы. Таким образом, речь идет только о сходстве отдельных морфологических деталей, но ни в коем случае – не о какой-то степени тождества тех и других сосудов, изготовленных из разных материалов и по разным технологиям. Важно также подчеркнуть, что именно к XI в. в большинстве стран Востока глиняные поливные чашки с ручками, снабженными «пятой», постепенно сменяются кашинными (тоже керамическими, но изготовленными из иного, силикатного, материала), производившимися в основном в XII–XIII вв. (позже производство такой керамики постепенно сокращается).

Наконец, ручки рассматриваемого здесь вида были известны гончарам и воспроизводились не только на Ближнем и Среднем Востоке, но и в других регионах исламского мира, вплоть до арабской Испании IX–XIII вв., где ими снабжались глазурованные чашки-плошки различных пропорций⁶³ (рис. 3: 12). И этот факт заставляет обратить более пристальное внимание на Средиземноморье (и в особенности – на Византию) как регион, в котором традиция изготовления ручек с упором фактически не прерывалась с античной эпохи. Собственно, о том, что чашки и кружки с ручками данного типа производились в Византии на протяжении длительного времени, было всегда известно, но эти сосуды не обращали на себя внимания исследователей. В Константинополе обломки поливных чашек и кувшинчиков с кольцевидными ручками, покрытыми сверху тонкими пластинками, явно служившими упором для пальца, были найдены в слоях XI–XIII вв. при раскопках Большого дворца⁶⁴ и при исследованиях в квартале Сарачхане⁶⁵. При раскопках в Коринфе в слоях IX–XII вв. были встречены чашки как из белой, так и из красной глины различных форм, среди которых экземпляры с кольцевидными ручками и «пятой» присутствовали стабильно⁶⁶ (рис. 3: 13, 14).

⁶³ Llubia L. M. *Ceramica medieval espanola*. Barcelona, 1967. Fig. 30; Zozaya J. *Apercu general sur la ceramique espagnole // La ceramique medieval en Mediterranee occidentale Xe–XVe siècles: actes du colloque international*, Valbonne, 1978. Paris, 1980. Fig. 21: c, d; Villalba J. A. *Ceramica hispanomusulmana de Toledo // Segundo Coloquio Internacionalde ceramic Medieval en el Mediterraneo Occidental*. Madrid, 1986. P. 130; *Expozicion La Mezquita de Cordoba: siglos VIII al XV*. Cordoba, 1986. № 48; *Museu de Mertola. Arte islamica*. Mertola, 2001. № 62, 63.

⁶⁴ Stevenson R. B. K. *The Pottery // The Great Palace of Byzantine Emperors*. Vol. 1. Oxford, 1947. Pl. 19: 16, 22.

⁶⁵ Hayes J. W. *The Pottery // Excavations at Sarachane in Istanbul*. Vol. 2. Princeton, 1992. Fig. 70: 26.

⁶⁶ Morgan C. H. *The Byzantine Pottery // Corinth*. Vol. 11. Cambridge-Massachussets, 1942. Fig. 38: f; 40: d; 47: i;

Обращение к византийским аналогам неизбежно заставляет вспомнить и о большой серии поливных сосудов Дунайской Болгарии, снабженных зооморфными ручками в их позднем (сильно геометризованном) варианте, хотя среди них не известно ни белоглиняных, ни имеющих горизонтально расположенную «пяту»⁶⁷. Однако эти чашечки были такими же плоскодонными, целиком покрытыми глазурью, как и те, что найдены в могильниках Восточной Европы.

В завершение нашего обзора следует сказать, что, судя по довольно редким, но повсеместно встречающимся археологическим находкам, небольшие чашечки с кольцевидными ручками производились и русскими гончарами⁶⁸, причем самые ранние из них датируются уже X в.⁶⁹, однако все они представляли собой довольно грубые толстостенные изделия горшковидной профилировки, поливные сосуды такого типа не известны вовсе⁷⁰, а о каких-то дополнительных деталях на ручках говорить даже не приходится. Маловероятно происхождение этих чашечек и из Волжской Булгарии (где неполивные кружки с зооморфными ручками были известны в не меньшей степени, чем на Балканах), поскольку там в гончарном (включая глазурное) производстве светложгущиеся глины никогда не применялись.

Подведем итоги предпринятому исследованию. Чашки и кружки с кольцевыми ручками, снабженными «пятой», были распространены на огромных пространствах Евразии и Африки на протяжении не менее чем 1000 лет, вплоть до XIV в. Однако, опираясь на достоверные даты чашек из погребений в Восточной Европе в пределах XI в., поиск аналогий следует вести именно для этого или непосредственно предшествующего периода, т. е. X–XI вв., а это позволяет исключить из зоны поиска Китай. Пожалуй, следует исключить и наиболее удаленные от Восточной Европы территории (Испанию, Египет и Южную Сибирь), не имевшие с ней прямых контактов.

Для дальнейшего сужения зоны поиска целесообразно выделить главные отличительные признаки

Böhlendorf-Arslan B. *Glasierte byzantinische Keramik aus der Türkei*. Istanbul, 2004. S. 337, taf. 49: 37.

⁶⁷ Христова М. За един тип чаши от старобългарските некрополи // *Stephanos archaeologicos in honorem Professoris Stephae Angelova / Studia archaeologicae universitatis Serdicensis*. Suppl. V. София, 2010. Табл. I: 2; Тотев Т. Интересна група глазирани глинени съдове със зооморфни дръжки от Велики Преслав // *Stephanos archaeologicos in honorem Professoris Stephae Angelova / Studia archaeologicae universitatis Serdicensis*. Suppl. V. София, 2010. Обр. 1.

⁶⁸ Мезенцева Г. Г. *Древньоруське місто Родень. Княжа Гора*. Київ, 1968. Табл. XVI: 8.

⁶⁹ Шмидт Е. А. О смоленских длинных курганах // *Славяне и Русь*. М., 1968. С. 228.

⁷⁰ Макарова Т. И. Указ. соч.

этих чашечек и выяснить, где они встречаются на керамике X–XI вв. Таких признаков всего 5:

1. Применение светложгущихся глин с примесью песка.
2. Форма чашечек, напоминающая низкие миниатюрные горшочки, без всяких поддонов.
3. Прозрачная зеленая свинцовая глазурь.
4. Плоское дно, покрытое глазурью снаружи.
5. Кольцевая ручка с подтрапещевидной «пятой», прикрепленная к тулову несколько ниже края.

Признак 1 характерен только для керамики Византии, Киева⁷¹, в Средней Азии использовались светлые глины без примесей, поэтому этот регион не может претендовать на роль производителя наших чашечек. Признак 2 встречается в керамике Волжской и Дунайской Болгарии, а также Руси. Признак 3 связан с керамикой всех стран, кроме Руси и степей Причерноморья. Признак 4 относится к керамике Византии, Руси и Дунайской Болгарии. Признак 5 для указанного временного отрезка известен для Средней Азии, Ирана, Северного Причерноморья.

Возможные производители	Признаки				
	1	2	3	4	5
Византия	+	-	+	+	-
Средняя Азия	-	-	+	-	+
Иран	-	-	+	-	+
Закавказье	-	-	+	-	-
Южная Русь	+	+	-	+	-
Дунайская Болгария	-	+	+	+	-
Степи Причерноморья	-	-	-	-	+
Волжская Булгария	-	+	+	-	-

Итак, ни в одной из стран (и даже целых регионов), производивших поливную посуду в X–XI вв., не зафиксирована встречаемость всех пяти признаков. Попробуем подойти к решению этой проблемы по-иному.

Предшествующие исследователи верно подметили, что важнейшими признаками для атрибуции таинственных чашечек являются состав формовочной массы и форма ручки. Если исходить из этого посыла, то следует признать, что масса чашечек имеет ближайшее сходство с византийскими изделиями и унаследовавшей византийские традиции южнорусской (прежде всего киевской) поливной керамикой. В то же время ручки чашечек из севернорусских курганов не имеют точных аналогов ни в Византии, ни в других странах с провинциально-византийской культурой, ни на Руси. Эти ручки повторяют формы металлических и керамических чашек иранского производства, но имеют также сходство с сосудами, изготавливавшимися в тюркской среде от Северно-

го Причерноморья до Южной Сибири. Но население евразийских степей в X–XI вв., судя по имеющимся сегодня данным, еще не обладало собственным производством поливной посуды, следовательно, эти чашечки сделаны не в тюркской среде, а скорее, под ее влиянием, с расчетом на сбыт тюркам. А поскольку на территории расселения тюркских народов подобные чашечки до сих пор найдены не были, надо думать, что масштабы производства таких сосудов были невелики.

Получается, что место производства этих своеобразных сосудов следует искать в той части Европы, где были известны восточные формы посуды и византийские технологии изготовления поливной посуды. С этой точки зрения наиболее вероятным местом производства (или происхождения гончара-производителя этих сосудов) является Дунайская Болгария, где производство поливной посуды к XI в. уже было освоено, причем именно на основе византийских технологий, но формы сосудов заметно отличались от греческих. Однако в Дунайской Болгарии посуда изготавливалась исключительно из красной глины, поэтому сами Балканы вряд ли могли быть местом производства. Получается, что наиболее вероятным местом изготовления этих чашечек является Киев, который в XI в. был крупнейшим торговым, культурным и производящим центром Восточной Европы. Само производство могло быть налажено пришлым мастером (скорее всего, болгаринном) и нацелено на сбыт продукции соседним степнякам. Можно осторожно предположить, что появление в Киеве мастера-изготовителя этих чашечек было связано с эмиграцией болгар после разгрома Первого Болгарского царства и присоединения его к Византии в 1018 г. Само производство в этом случае, скорее всего, было рассчитано на сбыт чашечек печенегам. Но после победы Ярослава Мудрого над печенегами в 1036 г. и ухода основной их массы на Балканы, нераспроданная продукция могла реализовываться в севернорусских землях. Поэтому-то большинство чашечек и отложилось в погребениях второй и третьей четвертей XI в. Единственная хронологически и морфологически выпадающая из этого ряда чашечка происходит с Готланда, так что ее пока трудно полностью отождествлять с остальными, восточноевропейскими.

Для каких целей могли использоваться чашечки, совершенно чуждые культуре севернорусских племен? Кто мог быть их покупателем? Вряд ли эти нефункциональные, но притом довольно дорогие вещи, могли найти спрос у населения, не привыкшего пользоваться такими предметами в быту (да и, прямо скажем, абсолютно бесполезными в этом смысле). Скорее, они оказались нужны для совершенно иных целей. Вспомним, что на XI в. приходится период активного распространения христианства среди славянского населения Восточной Европы. По мнению исследователей, именно в это

⁷¹ Макарова Т. И. Указ. соч. С. 9–11, 36–39.

время на Руси появляются византийские литургические чашечки-куличья⁷², внешне имеющие довольно большое сходство с рассматриваемыми чашечками. Литургические чаши несли на дне изображение креста, а чашечки из курганных захоронений не имели никакой христианской символики, но они также могли применяться при богослужении в условиях оцерковления славян. Наконец, они могли распространяться как дары неопитам со стороны миссионеров. Поэтому кажется вполне объяснимым попадание этих чашек прежде всего в самые богатые погребения в ряде курганных групп (Никольское III, Весь, Плешково), принадлежавшие представителям сословной верхушки общества. Если эта гипотеза верна, то появление таких чашечек маркирует проникновение христианства в языческую среду, хотя и не объясняет их предназначения в обряде погребения. Нельзя с уверенностью отрицать их связи с помазанием елеем, совершавшимся, в том числе из керамических поливных чашечек при соборовании

⁷² Залеская В.Н. Византийские белоглиняные расписные кружки и киликовидные чаши // СА. №4. 1984. С. 117–123.

умирающих. Этот обряд особенно четко отразился в погребальных древностях Московской Руси и считается, что он проник сюда в конце XIV в.⁷³, но эта дата пока не подкреплена общим анализом всех случаев обнаружения сосудов в христианских погребениях, по крайней мере, XII – начала XIV в. Вполне вероятно, что чашечки использовали для тех ранних христианских обрядов (возможно, важных именно для женщин), которые сохраняли связь с глубоким дохристианским прошлым с его традицией надгробных возлияний вина и масла.

Думается, что разгадка тайны чашечек из севернорусских курганов станет возможной после дальнейшего накопления данных об их распространении, обнаружения мастерской по их изготовлению и установления того обряда, в котором они использовались.

⁷³ Розенфельдт Р.Л. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 1968. С. 49, табл. 17: 3–5, 9, 14, 16 (САИ; вып Е1-39); Авдусина Т.Д., Владимирская Н.С., Панова Т.Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля // СА. 1984. №2. С. 206, 207, рис. 3: 1–9; Беляев Л.А. Древние монастыри Москвы по данным археологии. М.: Мейкер, 1995. С. 117, табл. 90.

Summary

V. Y. Koval

Small Glazed Cups from Burials of the 11th Century

This article treats finds of white-clay (not porcelain, as was previously thought) glazed cups with handles supplied with a special support ledge for the thumb, which have been found in eight places within the territory of Eastern Europe and also on the island of Gotland in female burials of the 10th and 11th centuries. Earlier it was assumed that they had originated in China or Iran.

The absence of any parallels for these vessels in those countries, however (and also in Byzantium, the Balkans, Volga Bulgaria etc.) makes it possible to reject those assumptions and put forward a hypothesis to the effect that cups of this kind were manufactured in Kiev by a foreign craftsman (who had emigrated there from the Danube region of Bulgaria).

Стеклянные бусы из могильника Никольское III в центральном Белозерье

Могильник Никольское III, известный также под названием Болтинской группы или Кемского некрополя, находится в Вологодской области, на левом берегу р. Кемы, которая, сливаясь с Ковжей, с севера впадает в Белое озеро (рис. 1). Памятник занимает мыс, образованный впадением в Кему р. Выдробы, недалеко от деревни Никольское. Впервые он исследовался раскопками в 1927 г. М. Е. Арсаковой. Тогда было вскрыто пять насыпей. Основные работы велись на памятнике в 1981–1982 и 1984–1985 гг. экспедицией под руководством Н. А. Макарова: было изучено 37 курганов и 23 грунтовых погребения, обнаруженных в межкурганном пространстве могильника. Материалы раскопок и их анализ опубликованы в монографии «Население Русского Севера в XI–XIII вв.»¹. Найденное среди вещевого инвентаря в захоронениях исключительное для Белозерья количество монет позволило определить узкие хронологические границы функционирования могильника: 1030–1070-е гг.

Все исследованные захоронения Кемского некрополя совершены по обряду ингумации. Курганы содержат от одного до четырех погребений в материковых ямах и насыпях. Костяки расположены вытянуто на спине, с ориентировкой на запад. Погребения, совершенные в гробах, сопровождалось довольно многочисленным инвентарем. Среди находок: керамические сосуды, изделия из железа, костяные гребни, кресты-тельники, поливные яйца-писанки, украшения и детали костюма из цветных металлов, изделия из стекла и камня. Помимо упомянутого необычно большого количества монет, инвентарь погребений примечателен и наличием

оружия в захоронениях. Здесь найден единственный в Белозерье меч (погребение 1 из кургана 1), боевые топоры, в том числе один инкрустированный серебром, и копье.

Расположение памятника на важном торговом пути, представительная по численности коллекция бус и другого вещевого материала, надежное датирование могильника по находкам монет – всё это делает актуальным изучение стеклянных украшений из погребений могильника. Сравнительному анализу бус из Никольского III и других могильников центрального Белозерья посвящена отдельная статья², поэтому цель настоящей работы – публикация состава бусинной коллекции из некрополя.

Классификацию, составленную для бус Никольского III, правильнее было бы назвать описанием. Главным аргументом при выборе подхода послужила необходимость сопоставления их с уже опубликованными бусами из раскопок других памятников Русского Севера – Белоозера и Мининского археологического комплекса³. Как и в указанных случаях, за основу классификации бус Кемского некрополя принято деление стеклянных изделий по основному способу их изготовления, впервые предложенное З. А. Львовой для материалов Сар-

² Кузина И. Н. Могильники Белозерья в XI в. (сравнительный анализ по материалам находок стеклянных бус) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Вып. 4. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2009. С. 22–33.

³ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004. 592 с.; Захаров С. Д., Кузина И. Н. Вещевой материал Мининского археологического комплекса: изделия из стекла и каменные бусы // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров; Ин-т археологии РАН. М.: Наука, 2007. Т. 2: Материальная культура и хронология / ред. С. Д. Захаров. 2008. С. 142–215.

¹ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. (По материалам могильников восточного Прионежья.) М.: Наука, 1990. С. 119–124.

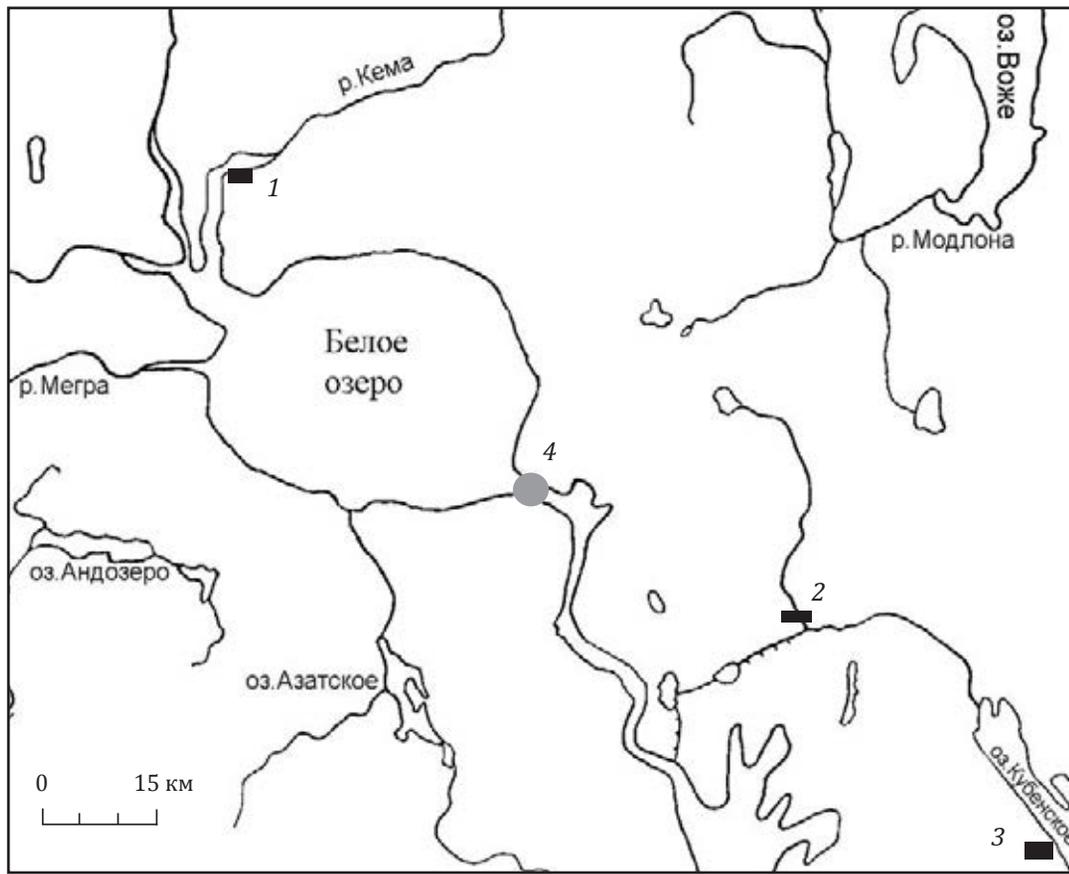

Рис. 1. Могильники центрального Белозерья с материалами XI в. Никольское III (1), Нефедьево (2), Монино 2 (3) и древний город Белоозеро (4) на современной карте

кела – Белой Вежи⁴. И те и другие подразделяются на подгруппы по наличию или отсутствию декора. Форма поперечного сечения послужила основой для деления на классы.

Далее в схему введен дополнительный признак – по основным размерам (высота и максимальный диаметр) выделены два разряда бус – собственно бусы и бисер. Устойчивость размеров последнего была показана С. Д. Захаровым на материалах древнего Белоозера и подтвердилась при анализе бус Мининского археологического комплекса⁵.

По материалу декора бусы делятся на отделы, в каждом из которых в зависимости от элементов, составляющих декор, выделяются подотделы.

⁴ Львова З. А. Стекланные браслеты и бусы Саркела – Белой Вежи // Тр. Волго-Донской археологической экспедиции. Т. 2. М.; Л.: АН СССР, 1959. С. 307–332 (МИА. № 75); Она же. Стекланные бусы Старой Ладоги. Ч. 1 // АСГЭ. Вып. 10. Л.: Советский художник, 1968. С. 64–94.

⁵ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. С. 144, 146; Захаров С. Д., Кузина И. Н. Вещевой материал Мининского археологического комплекса ... С. 146.

Типы выделены по форме продольного сечения. По цвету бусы разделены на виды, по прозрачности стекла – на подвиды.

Прозрачность стекла обозначена двумя значениями: непрозрачное и прозрачное. К первым отнесено как специально заглушенное стекло (так называемое пастовое), так и стекла, ставшие непрозрачными вследствие высокой концентрации красителя: последние могут быть похожими на «пастовые» или же пропускать свет в очень тонком сколе. К прозрачным отнесены также полупрозрачные (просвечивающиеся на свет) стекла. Прозрачность бус из двойного стекла определялась по верхнему, покровному, стеклу.

Формат статьи определил способ организации материала: чтобы показать распределение видов бус по комплексам, для них была введена сплошная нумерация, указанная цифрой со скобкой. Эта цифра соответствует номеру в первых столбцах таблиц 1 и 2 и позициям на рисунке 2.

Всего в женских, детских и мужских погребениях найдено 564 стекланных бусины. Большая часть

Таблица 1

Распределение бус по курганным погребениям могильника Никольское III (экз.)

Вид бус*	Курган (погребение)																				
	2	4	7		8		9		10	13	14	16	18	22	23	25	26	27	29	33	37
	(2)	(2)	(1)	(2)	(1)	(2)	(1)	(3)	(1)	(2)	(1)	(1)	(1)	(1)	(1)	(1-4)	(2)	(2)	(1)	(2)	(1)
1						3					1										
2					2	1															
3					2	4		1													
4																1	1				
5			1		1																
6			1			1															
7						1															
8						3															
11													1								
12		43																			
13		1																			
14		1																			
15																22					
16			5	2		23	19		30	41		10		6	1		2			37	
19					6	4	6		8					27				1	2		
20														2							
22																1					
24																					1
27						1															
28						1															
32			10																		
34						3															
36		5														14		46			
37		2																			
38						1															
Неопр.	1							2							2						
Всего	1	52	17	2	11	46	25	3	55	41	1	10	1	35	2	39	1	49	2	37	1

* Цифра в столбце «Вид бус» соответствует цифре со скобкой, указанной при описании бус в тексте статьи, и позиции на рисунке 2.

Таблица 2

Распределение бус по грунтовым погребениям могильника Никольское III (экз.)

Вид бус	Погребения										неизв.*
	1	2	5	7	9	10	11	13	16		
4								5			
5								7			5
8								7			
10								3			
14								9			
15											32
16	1	1		21	2			1	1		
17								2			
19			1					39			
20								2			
21								1			
22									1		
23								1			
25								1			
26								1			
29								1			
30								1			
31								1			
37							1				
Неопр.	1	1									
Всего	2	2	1	21	2	1	17	64	2		37

* «Неизв.» – принадлежность бус к конкретному погребению не установлена.

Рис. 2. Стекланные бусы могильника Никольское III.
Навитые (1–5, 7–13, 16–31) и бусы из тянутых трубочек (32–35, 37)

(80 %) происходит из 21 курганного захоронения, на долю девяти грунтовых погребений приходится 20 % от всех стекланных бус, найденных в могильнике⁶. Несмотря на грабительские раскопки, основная их часть была найдена *in situ*. По основному способу изготовления бусы распределяются всего на две неравные группы: навитые и из тянутых трубочек.

Группа I. Бусы, изготовленные навивкой

Бусы этой группы в могильнике насчитывают 449 экземпляров, что составляет 81% от суммы всех, найденных на памятнике. Среди них значительной серией представлена подгруппа с декором (314 экз., или 73 % от всех навитых бус). Одноцветных без декора – 142 экземпляра (27%).

⁶ В погребениях, исследованных М.Е. Арсаковой в 1927 г., стекланных бус обнаружено не было.

Подгруппа А. Без декора (рис. 2: 1–14)

1. Округлые в поперечном сечении. Всего 38 экземпляров, различающихся по продольному сечению и цвету:

1) три зонных хорошей прозрачности бусины из желтого стекла. Д = 5 мм, Н = 4,2 мм, конический канал – 2,3 и 1,2 мм;

2) одна зонная из черного заглушенного стекла с блестящей поверхностью. Д = 5,4 мм, Н = 4 мм, канал – 2 мм;

3) желто-зеленые заглушенного стекла бусы с блестящей поверхностью – 4 экземпляра. Д = 6–8 мм, Н = 5–7 мм, канал – 2–3 мм;

4) три зонные синие (кобальтовые) прозрачные бусы. Д = 5,2–6,1 мм, Н = 3,5–4 мм, канал – 3 мм;

5) зонные бусы из непрозрачного стекла разных оттенков белого цвета. Всего 5 экземпляров. Их отличительная особенность – толстые стен-

ки и маленького диаметра отверстие для нити. Д = 4–5,6 мм, Н = 3–4 мм, канал – 1,5–2 мм;

б) зонные и боченковидные неопределимые: полное расстекловывание этих экземпляров не позволяет определить их цвет и другие характеристики даже приблизительно (10 экз.);

7) одна цилиндрическая, немного неровная, сильно расстеклованная трубочка из бирюзового полупрозрачного стекла. Д = 4,2 мм, Н = 14,7 мм, цилиндрический канал – 1,9 мм;

8) битрапециодные оранжево-коричневые, темно-голубые и зеленые бусы с отношением диаметра к высоте примерно 1:1. Д = 7–8,4 мм, Н = 6,6–9 мм. Всего 11 экземпляров. Установить точное количество бус каждого цвета не удалось из-за плохой сохранности. Большинство они расстеклованы насквозь, покрыты толстой серой коркой коррозии или рассыпаются;

9) битрапециодная синяя прозрачного стекла с пропорциями 1:2. Д = 10 мм, Н = 6 мм, канал – 4 мм.

2. Ребристые в поперечном сечении – 3 экземпляра:

10) две боченковидных и одна почти цилиндрическая бусины принадлежат к одному типу бус из синего (предположительно – кобальтового) стекла. Бусы определены как прозрачные, хотя темное, насыщенное цветом стекло прозрачно только условно. Ребра на каждом экземпляре сформованы ножом – неодинакова глубина борозд и ширина «долек», что особенно заметно на одном экземпляре. Д = 15–13,5 мм, Н = 10,4–9 мм, каналы конические и цилиндрический – 8,1 мм × 7,5 мм, 7 мм и 6,4 × 5,6 мм.

3. Бугристые в поперечном сечении:

11) бусы этого типа представлены единственной крупной цилиндрической полупрозрачной синей бусиной с четырьмя ребрами (основной краситель – медь). Обычно под бугристыми понимают ягодовидные бусы. В данном случае бусина, скорее, напоминает сдвоенные ребристые бусы. Д = 14 мм, Н = 18 мм.

4. Бисер. Всего 86 экземпляров. Согласно наблюдениям, граница между бусами и бисером проходит на отметке 5 мм, диаметр большей части бисера составляет 3,5–4,0 мм⁷. Кроме того, бисер характеризуется ограниченным количеством вариантов форм: к нему относятся только круглые в поперечном сечении изделия без декора.

12) вишневый прозрачный, разной сохранности – 43 экземпляра. Некоторые бисерины отливают металлическим блеском;

13) одна бисерина желтого стекла;

14) 10 зеленых;

15) 32 неопределимых из-за полного расстекловывания экземпляра.

Подгруппа Б. С декором (рис. 2: 16–31)

I. С металлической фольгой. Бусы, декорированные металлической фольгой – золотой и серебряной особенно многочисленны на памятнике. Всего их найдено 303 экземпляра: 205 с золотой фольгой и 98 с серебряной, в сумме 57% от всех найденных бус (или 96% от всех навитых с декором). Все экземпляры имеют «канву», листик фольги часто уложен неровно, четко прослеживается место стыка металлической прокладки. Они изготовлены из прозрачного стекла хорошей сохранности. Частичное отсутствие верхнего (покровного) стекла отмечено в единичных случаях. На некоторых бусах (в основном это относится к серебростеклянным) утрачен верхний слой стекла и частично фольга. Кантарель бесцветная на всех экземплярах. Внутреннее стекло также бесцветное, но иногда встречается серого и «марганцевого» оттенка. Примечательно, что и те и другие бусы из описываемой коллекции отличает разнообразие форм.

а) с золотой фольгой найдены бусы, в подавляющем большинстве округлые в поперечном сечении (202 экз.), среди них отмечены:

16) зонные, цилиндрические, боченковидные, битрапециодные (причем разных пропорций: высота относится к диаметру и как 1:1, и близко по значению к 1:2) и цилиндрические с едва читающимся легким ребром;

17) две ребристые цилиндрические золотостеклянные (с крупными ребрами);

18) ягодовидная (бугристая) бусина представлена небольшим фрагментом, позволяющим, однако, точно определить тип бусины.

Все золотостеклянные бусы имеют яркий цвет фольги, в единичных случаях она из-за небольшой толщины «расползлась». Д = 6,5–8,2 мм, Н = 6,4–8,3 мм, канал – 4–5,5 мм;

б) бусы с серебряной фольгой также в основном округлые:

19) цилиндрические, боченковидные, битрапециодные с легким ребром (93 экз.);

20) четыре ребристых цилиндрических;

21) одна ребристо-бугристая цилиндрическая.

Ребристые и ребристо-бугристая бусы имеют размеры близкие округлым. Д = 7,5–9,4 мм, Н = 7–9,2 мм, канал – от 4 до 6 мм в зависимости от диаметра бусины.

II. С глазками.

а) с одноцветными:

22) две так называемые треугольные бусы – округлые в поперечном сечении, зонные красно-коричневые непрозрачные с тремя желтыми выпуклыми глазками. Д = 5,6 мм, Н = 4 мм;

б) с концентрическими: округлые в поперечном сечении;

⁷ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. Рис. 28.

23) боченковидная бусина из заглушенного бело-серого стекла с шестью двухцветными глазками: синими и в тон основы. Д = 10,5 мм, Н = 10,1 мм, канал конический – 3,4 и 4,1 мм;

24) почти цилиндрическая бусина из навитой трубочки, из желтого заглушенного стекла с тремя красно-бело-синими глазками, один из которых двойной. Д = 10,5 мм, Н = 7 мм, канал цилиндрический – 3,6 мм.

в) с реснитчатými: округлые – 5 экземпляров;

25) зонная бусина из красно-коричневого непрозрачного стекла с двумя крупными глазками с черной серединой и черными и белыми ресничками. Д = 10,3 мм, Н = 9 мм, конический канал – 4,2 и 5,6 мм.

26) боченковидная бусина из желтого заглушенного стекла с тремя разными по цвету и размеру глазками: с желтой серединой в голубом ободке и белыми и голубыми ресничками; с желтой серединой в белом ободке и красными, синими, желтыми и белыми ресничками; с желтой серединкой и красными и белыми ресничками. Д = 13,1 мм, Н = 9,8 мм, конический канал – 4,4 и 5,1 мм;

27) цилиндрическая бусина из желтого заглушенного стекла с тремя глазками: с красной сердцевинкой и белыми, красными и зелеными ресничками. Д = 12 мм, Н = 11 мм;

28) боченковидная бусина из желтого заглушенного стекла с тремя выпуклыми глазками: зелено-бело-красная концентрическая сердцевина и бело-красные реснички. Д = 13 мм, Н = 11,9 мм;

29) цилиндрическая, немного неровная бусина из желтого заглушенного стекла с тремя почти полностью выкрошившимися глазками: предположительно они имели серо-сине-зеленую концентрическую сердцевину и белые с бордовыми реснички. Д = 12,5 мм, Н = 8,1 × 10,1 мм, конический канал – 3,4 и 2,9 мм;

г) с реснитчатými глазками в овалах – два экземпляра, округлых в поперечном сечении.

30) боченковидная черная бусина с четырьмя глазками из бордовых ресничек с белым стеклом между ними. Практически плоские овалы выполнены из ярко-белых тонких нитей. Глазки выпуклые и плоские, два из них положены неровно, из-за чего глазки выглядят не реснитчатými, а полосатыми. Д = 14 мм, Н = 11,3 мм, канал цилиндрический – 4 мм;

31) цилиндрическая черная (в тонком слое непрозрачная, вероятно, фиолетовая) непрозрачная бусина с тремя реснитчатými глазками, заключенными в бело-серые овалы. Глазки из красных ресничек с желтым и синим стеклом между ними, плоские и выпуклые. Овалы также плоские и выпуклые, довольно сильно выдающиеся над поверхностью бусины. Д = 14,3 мм, Н = 12,7 мм, канал конический – 6,7 и 4,2 мм.

Группа II. Бусы, изготовленные из тянутой трубочки

Найдена 101 бусина этой группы, что составляет 19% от всех, зафиксированных в могильнике. Среди них бусы обеих подгрупп: без декора – 32 экземпляра (32% всех бус в группе) и с декором – 69 (68%).

Подгруппа А. Без декора (рис. 2: 32–35)

1. Округлые в поперечном сечении: зонные, боченковидные, цилиндрические.

32) желтые одно- и двухчастные, синие и зеленые одночастные лимонovidные бусы (25 экз.). Д = 4–7 мм, Н = 3,8–5,7 мм, канал – 1,2 мм;

33) две цилиндрические пронызки из синего и зеленого прозрачного стекла. Н = 13 мм, Д = 3,2 мм, канал – 1,2 мм;

2. Плоские, или уплощенные, в поперечном сечении бусы из тянутых трубочек:

34) три экземпляра (две фиолетовые и одна ярко-голубая, прозрачные) – эллипсоидные с маленькими шейками, характерными для лимонovidных бус. Канал также уплощен. Размеры бусин в поперечном сечении составляют 3,4 × 5,0 мм, Н = 5,8–6,3 мм.

3. Ребристые в поперечном сечении:

35) боченковидные – два экземпляра из желтого непрозрачного стекла, однослойные, без шеек. Д = 16 и 13,4 мм, Н = 12 и 10 мм, канал – 3,1 и 2,6 мм. У более крупной бусины канал деформирован.

Подгруппа Б. С декором (рис. 2: 36–38)

I. С металлической фольгой.

а) серебряной:

36) округлые одно- и двухчастные мелкие бусины с шейками с плохой сохранностью верхнего (покровного) стекла. Нижнее – прозрачное зелено-вато-серых «грязных» оттенков или белое, почти непрозрачное. По размерам они соответствуют бисеру из навитых трубочек и в ожерельях, вероятно, выполняли именно эту роль. Д = до 5 мм, Н = до 6 мм (65 экз.);

б) золотой:

37) три округлые бусины такого же размера, как и серебростеклянные, но лучшей сохранности. Верхнее стекло (иногда, вероятно, светло-коричневое) без утрат.

II. С глазками.

а) реснитчатými:

38) округлая боченковидная желтая непрозрачная бусина с тремя гладкими глазками: желтая с бордовым ободком серединка и бело-бордовые реснички. Вокруг единственной невысокой шейки видны следы формирующего инструмента. Д = 12 мм, Н = 10 мм, канал – 2,9 мм.

Бусы, найденные по одному–двум экземплярам в мужских погребениях, судя по расположению, выполняли функцию пуговиц, как и единичные наход-

ки в женских. Все женские ожерелья, за исключением единственного погребения, найдены в области шеи и груди, редко головы. Бесспорно, они были частью костюма погребенных. Вообще, количество бус в захоронении не зависит от возраста погребенных и не связано с количеством монет среди погребального инвентаря⁸. Практически нет различий и в составе бусинных комплексов из курганных и грунтовых захоронений.

Все бусы из погребений могильника Никольское III имеют аналоги на древнерусских памятниках этого времени и за пределами Руси. Исключение составляет бусина из тянутой трубочки, декорированная реснитчатым глазком, – подобные ей экземпляры автору не знакомы. Составы ожерелий также обычны для XI столетия. Необычна для памятников

⁸ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв.

центрального Белозерья значительная доля навитых бус с металлической фольгой – более половины всех найденных. Бросается в глаза и небольшое разнообразие типов по сравнению с ближайшими сопоставимыми могильниками в этом регионе – Нефедьево и Минино II⁹. Вероятно, названные черты являются следствием относительно недолгого функционирования могильника и особым положением оставившего его населения: основание поселков на Кеме автор раскопок связывает с установлением новгородцами таможенно-контрольных пунктов на основных водно-волоковых магистралях Севера, что, кроме всего прочего, подтверждается нехарактерным для региона курганным обрядом погребения, находками оружия и большого количества серебряных монет.

⁹ Кузина И. Н. Могильники Белозерья в XI в. ...

Summary

I. N. Kuzina

Glass Beads of Nikolskoye III Cemetery (Central Belozerye)

This article is devoted to the glass beads which were found by the expedition under the leadership of N. A. Makarov in barrows and ground burials Nikolskoye III cemetery in 1981–1982 and 1984–1985. The cemetery dates back to the 1030–1070. Among artifacts we can see sword, axes, pottery, work tools, ornaments made of non-ferrous metals and stone, a large number of silver coins and 564 glass beads. Wound beads account for 449 units (81%), from drawn tubes – 101 (19%). Single beads findings should be considered as buttons. They were found both in the burial of men and women.

In most cases the beads were necklaces. All beads have analogs among beads on the monuments of the 11th c. on the territory of Rus', except for one. A large number of beads with gold and silver foil is unusual for Central Belozerye. A small variety of beads is another interesting feature of the collection from Nikolskoye III. Probably these features can be explained by short functioning of cemetery and the special role of the population, which has created it. N. A. Makarov connects the village by the river Kema with the establishment of customs check points in the area by Novgorod.

Результаты и перспективы исследования кожевенно-сапожного ремесла в России

Повседневная жизнь средневекового города, одежда горожан, их быт и материальная культура – одна из основных тем современной медиевистики. Ценным историческим источником для характеристики быта, повседневной жизнедеятельности, норм городского общежития, вопросов демографии являются коллекции изделий из кожи. По мере вводимого в научный оборот материала, расширения его географии и хронологических рамок совершенствуется методика изучения этой категории находок.

На начальной стадии исследования считалось, что уже в древнерусское время кожевниками был достигнут высокий технологический уровень, поэтому сложившаяся тогда технология выделки кож существенно не изменялась вплоть рубежа XIX–XX вв.¹ Вслед за Б.А. Рыбаковым² в советской историографии подчеркивались длительный упадок городского ремесла и утрата ремесленных навыков, которые связывались с монгольским нашествием. Однако по мере изучения стала проявляться сложность и неоднозначность ордынского влияния на состояние русского общества, вступившего в стадию глубокой внутренней трансформации, затронувшей самые разные стороны его жизни еще в первой половине XIII в. Несмотря на негативное воздействие монгольского завоевания на общее состояние ремесла и торговли, отдельные ремесла, после вхождения Руси в состав улуса Джучи, получают новый импульс для своего развития³.

В кожевном ремесле также произошли серьезные перемены, выразившиеся в освоении русскими ремесленниками технологии выделки толстых кож, что, в свою очередь, привело к появлению жесткой конструкции, включающей поднаряд (подкладку) – многослойный задник с твердой вставкой и каблук. Вследствие развития технологии, с начала XIV в. становится возможным расширение модельного ряда и изготовление более совершенных конструкций обуви. С этим процессом связано появление в XIV–XV вв. новых терминов. Одни из них связаны с выделкой кожи: лабаз, тузлук, шакша, шадрик, другие – с отделкой и сортами кожи: булгара, мусат, сафьян, бахтарма⁴. К середине XIV в. доминирующей обувью русских становятся сапоги, окончательно вытеснившие низкую обувь (туфли, поршни). Под влиянием восточной моды сапоги начинает носить всё городское население. С этого времени русская городская обувь (как и костюм в целом) всё сильнее отличается от Западной Европы, где, за исключением Польши, городское население носило туфли и башмаки, а сапоги являлись принадлежностью путешественников, охотников и военных.

В связи с малочисленностью письменных свидетельств и трудностью их интерпретации, основным источником для исследования кожевенно-сапожного ремесла являются археологические коллекции. Кроме конкретности и эмпиризма, археологические данные выгодно отличают их постоянное пополнение. В городах с «мокрым слоем» количество кожаных деталей и обрезков от раскроя сопоставимо с керамикой, а в отдельных случаях превышает ее. Благодаря обработке многочисленных коллекций кожаных изделий, отходов производства, образцов ремесленного инвентаря, мы сумели получить достаточно полное представление

¹ Изюмова С.А. К истории кожевенного и сапожно-ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65. М., 1959. С. 195; Колчин. Б.А. Ремесло. Обработка кожи // Древняя Русь. Город. Замок. Село. М., 1985. С. 269.

² Рыбаков Б.А. Ремесло древней Руси. М., 1948.

³ Макаров Н.А. Русь в XIII в.: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени. М., 2003. С. 5–11.

⁴ Поварнин Г.Г. Очерки мелкого кожевенного производства в России. СПб., 1912. С. 234, табл. XIV.

о развитии кожевенно-сапожного ремесла в разных исторических периодах⁵.

В то же время устройство средневековых кожевенных мастерских мы представляем гораздо хуже. Специфика этого водоемкого и экологически вредного производства подразумевает его компактное скопление на городских окраинах, вблизи проточных водоемов. К примеру, в Великом Новгороде основная часть мастерских, занимавшихся выделкой кож, располагалась в прибрежной части района «Кожевники», оказавшейся затопленной после строительства Волховской плотины⁶. На сегодняшний день при раскопках многочисленных русских городов следы кожевенных мастерских были зафиксированы во Пскове⁷, Великом Новгороде⁸, Твери⁹, Полоцке¹⁰ и Москве¹¹, однако их подробного описания или какого-либо специального исследования в нашем распоряжении нет.

Следует отметить, что в археологической литературе исследователи нередко путают кожевенное и сапожное ремесло, называя «кожевенной» мастерскую, где из уже готового сырья (выделанной кожи) шилась обувь или другие изделия. Отходы такой мастерской включают скопления обрезков от раскроя, обувные колодки и сапожные ножи, тогда как для кожевенной мастерской, где шкуру превращали в выделанную кожу, характерны шерсть, зола, остатки дубильных чанов и соответствующий инструментарий¹². Анализ археологических коллекций позволяет установить, что разделение ремесленников, занимающихся выделкой кож и изготовлением изделий из готового сырья, произошло не в позднем Средневековье, как полагал Б. А. Рыбаков¹³,

⁵ Курбатов А. В. Кожевенное ремесло в средневековой России: автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2012. 53 с.; Осипов Д. О. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование): автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2012. 48 с.

⁶ Орлов С. Н. Топография Великого Новгорода: дис. ... докт. ист. наук. М., 1968. С. 2.

⁷ Лабутина И. К. Раскопки в Пскове у здания Педагогического института // АО 1969 г. М., 1970. С. 26; Лабутина И. К. Раскоп 1967 г. в Окольном городе Пскова // АИП. 1994. Вып. 2. 1994. С. 39, 41; Салмина Е. В. Работы на Петровских VIII–IX раскопах в 2007–2008 гг. // АИППЗ. Псков, 2010. С. 40–41.

⁸ Хорошев А. С. Новые материалы по археологии Невского конца // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 263–264; Засурцев П. И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. М., 1963. С. 137. (МИА; № 123).

⁹ Жилина Н. В. К вопросу о происхождении Твери // КСИА. 1986. Вып. 187: Славяно-русские древности. С. 54.

¹⁰ Штыхов Г. В. Древний Полоцк (IX–XIII вв.). Минск, 1975. С. 42.

¹¹ Рабинович М. Г. О древней Москве. М., 1964. С. 102.

¹² Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде. М.; Л., 1949. С. 128. (МИА; № 11).

¹³ Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М.; Л., 1948. С. 695.

а в древнерусское время¹⁴. В письменных источниках XVI в. ремесленники, занимавшиеся выделкой кожи, именовались кожевниками, тимовниками, сыромятниками, ирешниками, подошвенниками (подошевенниками)¹⁵ и др., тогда как мастеров, изготавливающих различные изделия из уже выделанной кожи, источники называют сапожниками, ремесленниками, рукавичниками, каблучниками и пр.¹⁶

Как показывает практика, наиболее эффективным средством научного изыскания в данном случае является метод комплексного исследования, предполагающий привлечение максимально широкого круга источников и их взаимопроверку. Уже отмечавшаяся ранее скудность и лапидарность письменных документов, может быть компенсирована археологическим материалом, количество которого постоянно растет. К постоянно пополняющимся находкам можно отнести и берестяные грамоты, часть которых также содержит интересующие нас сведения. В частности, в грамоте № 500, обнаруженной на Славенском раскопе Великого Новгорода (20-е – 30-е гг. XIV в.), среди перечня товаров названы: «кожа деланая», «2 недъеланы кожи», «5 телянь», «5 овцынь», «3 хомоуты рьяны»¹⁷. Следует отметить, что термины «деланная» и «неделанная», отражающие различные стадии обработки кожевенного сырья, сохраняются и позднее. О сырьевой базе кожевников дают представления новгородские грамоты №№ 133, 622 (вторая половина XIV – начало XV в.) и №№ 153, 266/275, 384 (XII–XIV вв.), где упомянуты шкуры нерпы, лося и оленя¹⁸.

Несмотря на лапидарность письменных документов, их анализ позволяет зафиксировать косвенные свидетельства о разделении труда, специализации отдельных ремесленников, получить представление об их материальном положении. В частности, в лавочных (оброчных) и писцовых книгах можно проследить соседство усадеб кожевников и красильщиков, которое характерно и для западноевропейских

¹⁴ Осипов Д. О. К вопросу о дате разделения кожевенно-сапожного ремесел (анализ материалов раскопок в Новгороде Великом и Москве) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 46. С. 63–76.

¹⁵ Ранее под подошвенниками подразумевались ремесленники, кроившие подошвы, тогда как А. В. Курбатов убедительно доказал, что это мастера, выделявшие специальные подошвенные (подошевные) кожи (Курбатов А. В. Кожевенное сырье, техническое обеспечение его выделки и сортамент кож средневековой Руси // *Stratum plus*. 2010. № 5. С. 205).

¹⁶ Осипов Д. О. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода в свете письменных источников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 48. С. 97, 98.

¹⁷ Арциховский А. В., Янин В. Л. Новгородские грамоты на бересте по раскопкам 1962–1976 гг. М., 1978. С. 93–95.

¹⁸ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–57 гг.). М., 1963. С. 84–86; Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984–1989 гг.). М., 1993. С. 150.

городов. Так, в Шлаффхаузене (Швейцария) с 1278 г. поселения кожевников, расположенные на городской окраине, соседствовали с бойнями и мастерскими красильщиков, образуя непрерывный процесс от разделки туш до выделки окрашенной кожи¹⁹. Несомненный интерес для изучения технологии выделки кож представляют «кислые колодцы», упомянутые в новгородских купчих и актах передачи недвижимости времени шведской оккупации. Их наличие свидетельствует об использовании кожевниками подземных вод минеральных источников²⁰.

В советские годы для реконструкции технологического цикла обработки кожевенного сырья пытались использовать физико-механические и химические анализы. Первое экспериментальное тестирование образцов средневековой кожи было проведено в 1952 г. специалистами кафедры технологии обуви Московского технологического института легкой промышленности, приглашенных на раскопки московского Зарядья²¹. Впоследствии подобные анализы проводились в Полоцке и Минске²². Однако полученные результаты вызывают у специалистов многочисленные вопросы по причине несовершенства методики, нуждающейся в доработке. Кроме того, использование данных тестирования для характеристики такого массового производства, как кожевенное затруднено из-за малочисленности и широкого временного диапазона имеющих образцов²³. Для совершенствования методики тестирования необходимо продолжать работу в этом направлении, увеличивая количество образцов и совершенство качественных показателей анализов.

Сегодня представляется перспективным изучение типов красящих веществ и способов крашения кожи с помощью молекулярной спектроскопии и жидкостной хроматографии. Найденные в культурном слое изделия из кожи, как правило, теряют изначальный цвет, приобретая одинаковую темно-коричневую окраску. Методика идентификации невидимых для глаза элементов красителя разработана специалистами лаборатории физических методов Новосибирского института органической химии им. Н. Н. Ворожцова СО РАН на образцах пазы-

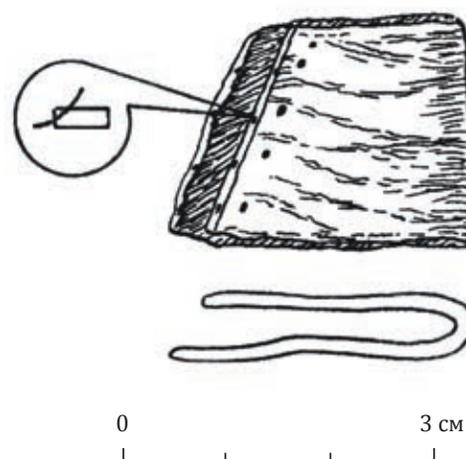

Рис. 1. Кожаный наперсток из раскопок в Московском Кремле. Рисунок края

рыкских тканей, извлеченных из мерзлотных курганов Горного Алтая²⁴.

Результативным можно назвать сотрудничество археологов с факультетом товароведения и экспертизы товаров (сырья) животного происхождения МГАВМиБ²⁵ им. К. И. Скрябина, определявших видовую принадлежность образцов кожи из раскопок новгородского и московского Кремля²⁶. Абсолютное преобладание шкур КРС подтверждает сведения, полученные при обработке средневековых коллекций российских²⁷ и западноевропейских²⁸ городов.

Повышение интереса к исследованию коллекций кожаных изделий способствует выявлению новых категорий находок, ранее относившихся к типу «неопределенных предметов». Среди них были выявлены конские шоры, кожаные наперстки (рис. 1)²⁹,

²⁴ Кундо Л. П. «Живые» красители пазырыкского текстиля // Полосьмак Н. В., Баркова Л. Л. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV–III в. до н.э.). Новосибирск, 2005. С. 206–211.

²⁵ Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии.

²⁶ Осипов Д. О. Кожевенно-сапожное ремесло Великого Новгорода X–XVII вв. (комплексное исследование): дис. ... докт. ист. наук. 2012. Приложение № 4. С. 119–124; Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи (по материалам раскопок в Московском Кремле). М., 2014. Приложение № 2. С. 173–181.

²⁷ Курбатов А. В. Новгородская революция XII века и прогресс в кожевенном ремесле // У истоков русской государственности. СПб., 2007. С. 90.

²⁸ Croenman-van Waateringe W. Een prehistorische schoen uit Klazienaveen // Varia bio-archaeologica. Groningen, 1988. P. 71.

²⁹ Курбатов А. В. Кожевенное производство Твери XIII–XV вв. (по материалам археологических исследований 1993–1997 гг.). СПб., 2004. 312 с.

¹⁹ Ruckstuhl B. Die berber im mittelalterlichen Schaffhausen // Stadtluft, Hirsebrei und Bettelmönch. Die Stadt um 1300. Zürich, 1992. S. 421–424.

²⁰ Nordlander I. Real estate transfer deens in Novgorod 1606–1616. Stockholm, 1987. 171 p.

²¹ Зыбин Ю. П., Шестакова И. С., Богданов И. А. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи // Архив ИА РАН. Ф -1. № 555.

²² Левко О. Н. Витебск XIV–XVIII вв. Минск, 1984. С. 99–100; Штыхов Г. В. Опыт исследования древнеполоцкой кожи // СА. 1963. № 4. С. 243–244.

²³ Курбатов А. В. Данные этнографии в реконструкции русского средневекового кожевенного производства // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. СПб., Псков, 1997. Т. 1. С. 372–373.

Рис. 2. Сокол балобан в кlobучке.
Фото В. М. Федорова

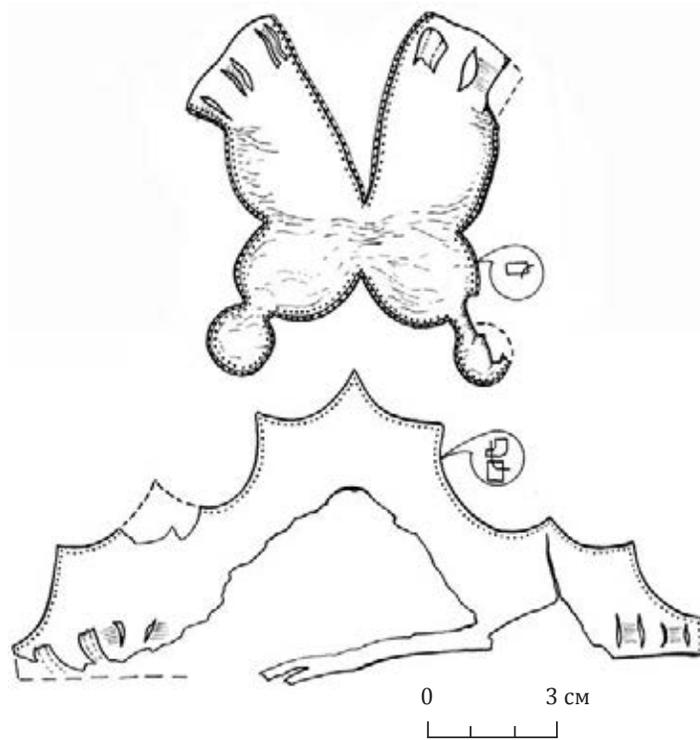

Рис. 3. Кlobучок из раскопок в Московском Кремле.
Рисунок кроя

детали пращи³⁰ и др. Новой страницей в истории изучения охоты с ловчими птицами стала находка соколиного кlobучка – кожаного наглазника для ловчих птиц, изготовленного в виде шапочки с тяжелой сзади (рис. 2). Кlobучок был обнаружен при археологических раскопках на Подоле Московского Кремля, в заполнении постройки конца XIV в.³¹ Даже беглое знакомство с историей нашего государства свидетельствует о древности, важности и широком распространении соколиной охоты, которой тешилась знать. Упоминания ловчих птиц встречаются в статьях Русской Правды, на страницах летописей, берестяных грамот. Сцены, изображающие атаку пернатого хищника, присутствуют на церковных фресках, миниатюрах Лицевого летописного свода, в декоре оружия и т. д.

Подлинными атрибутами охотничьего снаряжения позволяют реконструировать практическую сторону соколиной охоты, представлявшую собой целый пласт древней культуры. После публикации материалов раскопок в Московском Кремле кlobуч-

ки и другие детали охотничьего снаряжения были зафиксированы в фондах Новгородского музея-заповедника (рис.3), Тверского государственного объединенного музея, Мемориально-музейного комплекса «История государственности татар и татарского народа», Рязанском историко-архитектурном музее-заповеднике и др.

К охотничьему инвентарю принадлежат и специальные сапоги с высокими голенищами, зафиксированные при обработке материалов Дубошина и Троицкого раскопок³². В письменных источниках такие сапоги именовались ловчими³³ – «...да шестеры ловчие сапоги новые...»³⁴. Естественно, что какие-либо изображения и описания «ловчих» сапог в письменных источниках отсутствуют. Тем не менее логично предположить, что особое название такой обуви было определено ее конструктивным своеобразием. К ним относились высокие голенища, крепившиеся на поясе при помощи ремней, для которых в верхней части голенища закреплялись кожаные петли или пришивались специальные накладки.

³⁰ Осипов Д. О. Атрибуция предметов из кожи (материалы раскопок Великого Новгорода и Москвы) // РА. 2013. № 1. С. 141–145.

³¹ Осипов Д. О. К истории соколиной охоты. По материалам раскопок в Московском Кремле // Московский Кремль в XV столетии. Древние святыни и исторические памятники. М., 2009. С. 435–441.

³² Осипов Д. О. К вопросу об атрибуции одной категории кожаных изделий // Археологические вести. СПб., 2011. № 17. С. 187.

³³ Ловчий – организатор охоты. С XVI века придворный чин.

³⁴ Опись Карельского Николаевского монастыря // Акты исторические. Т. 1. СПб., 1841. С. 285.

Раскопки 2007 г. на Подоле Московского Кремля дополнили коллекцию ремесленного инструментария. Речь идет о находке двух редких металлических штампов-матриц, применявшихся для тиснения изображений на кожаных монашеских поясах. На обоих штампах изображены главные (двунадесятые) христианские праздники, выполненные на лицевой стороне в технике контррельефа³⁵. Первая матрица содержит сюжет «Сошествие во ад» (Воскресение Христово), на что указывает изображение над головой Иисуса голгофского креста, который является символом искупительной жертвы Сына Божия и начала Нового времени (рис.4). На второй изображен сюжет «Преображение», где, согласно иконографии, по обеим сторонам от Христа изображены Моисей и Илия как сослужащие ему священник и диакон³⁶. С таких матриц, имеющих отчетливую проработку краев, делались оттиски на монашеских поясах. Примечательно, что набор монашеских атрибутов, включавших пояс³⁷ и параманд³⁸, с тиснеными изображениями двунадесятых праздников был зафиксирован в 1836 г. во время ремонта Спасо-Преображенского собора Московского Кремля в белокаменном саркофаге одного из княжеских захоронений XIV в.³⁹ Металлические матрицы изготовлены из медных сплавов методом литья, с возможной подправкой резцом после отливки. С помощью рентгено-флюоресцентного анализа удалось определить процентный состав металла кремлевских штампов, включающих 2% Fe (железо), 50% Cu (медь), 10% Pb (свинец), 38% Sn (олово).

Очевидно, что найденные при раскопках вещи сами по себе не могут считаться полноценным историческим источником. Для их перехода в новое качество требуется серьезная работа по поиску функционального назначения, аналогий, установления времени бытования. В процессе исследования, наряду с получением новой информации, происходит верификация уже имеющихся данных. Характерным примером пересмотра ранее существовавших представлений является достаточно распространенный

³⁵ Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи... С 123–126.

³⁶ Определение выполнено Е. А. Моршаковой, которой автор приносит искреннюю благодарность.

³⁷ Кожаный пояс как часть монашеского облачения был в обиходе еще в домонгольское время. Он знаменовал умерщвление плоти и готовность на доброе дело (Древности Российского Государства. М., 1849. С. 166).

³⁸ Параманд – четырехугольный нагрудник с подшитыми шнурами, охватывающий плечи монаха и стягивающий его одежду. «Параманд дается иноку во всегданнее воспоминания ему взятия на себя благого ига Христова и легкого бремени ношения его и в обуздание и связание всех похотей и плотских желаний» (Никольский К. Пособие к изучению Устава богослужения православной церкви. 7-е изд. СПб., 1907. С. 746).

³⁹ Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI вв. М., 2004. С. 166–168.

Рис. 4. Металлическая матрица с сюжетом «Сошествие во ад»

тип сапог на высоком, скошенном каблуке. Они хранятся как в фондах российских, так и европейских музеев: Государственный Эрмитаж, Музеи Московского Кремля, Российский Этнографический музей, Угличский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, Новгородский государственный музей-заповедник, музей этнографии г. Берлина, музей обуви г. Роман⁴⁰ и др. Несмотря на достаточно широкое распространение такой обуви, ее внятного описания, атрибуции и датировки до недавнего времени не существовало. Если в хранении Оружейной палаты Московского Кремля сапожная пара числилась как «татарские сафьяновые сапоги XVII в.» (рис. 5), то аналогичные сапоги, хранящиеся в фондах Новгородского госу-

⁴⁰ Интернациональный музей обуви в г. Роман на юге Франции открылся в 1971 г. в помещении монастыря.

Рис. 5. Сапоги. Оружейная палата. Музеи Московского Кремля. Шагрень

дарственного музея-заповедника, описывались как «... редкий подлинный образец богатой боярской обуви, так красочно описываемые в былинах:

«... сапожки – зелен сафьян,
Вот шилом пяты, носы остры,
Вот под пяту-пяту воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати»⁴¹.

Позднее эта атрибуция была заимствована С. А. Изюмовой, которая отнесла сапоги «зеленого сафьяна» к новгородской обуви XVI–XVII вв.⁴² Однако среди многочисленных деталей средневековой русской обуви XVI–XVII вв., как в Великом Новгороде, так и в других древнерусских городах, за долгие годы раскопок ничего подобного обнаружено не было. Среди моделей татарской обуви XVI–XVII вв., развившейся на основе ремесленных традиций

⁴¹ Порфиридов Н. Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI–XV вв. М.; Л., 1947. С. 53.

⁴² Изюмова С. А. Указ. соч. С. 192–222.

Волжской Болгарии, такие модели также не встречаются. Неизвестны они и по этнографическим материалам этого региона⁴³.

В результате осмотра этих сапог стало очевидным, что кожа, из которой изготовлены все описанные выше сапоги, не имеет никакого отношения к сафьяну⁴⁴. Это шагрень (саур)⁴⁵, издревле использовавшаяся для изготовления ножен, отделки конской упряжи и обуви. Сырьем для ее изготовления чаще всего служили ослиные или лошадиные шкуры. Специфический «зернистый» рельеф лицевой поверхности достигался специальной обработкой: вымоченную в воде кожу засыпали зернами проса, которые вбивали или вдавливали со стороны бахтармы. Затем кожу растягивали и сушили. После высыхания на поверхности кожи сохранялось характерное «зернистое» тиснение⁴⁶.

Конструктивное и морфологическое единство сапог такого фасона продиктовано, прежде всего, их функциональной принадлежностью. Хранящиеся в перечисленных выше музеях сапоги принадлежали к парадной всаднической обуви со скошенным каблучком, позволявшим всаднику увереннее держаться в стременах. Производство таких сапог было широко распространено в крупных городах Туркестана⁴⁷. Чаще всего такие сапоги окрашены в зеленый цвет, являющийся одним из символов Пророка. Особенно известными туркестанскими центрами кожевенного дела рубежа XIX–XX вв., где выделялась шагрень, были Ташкент, Фергана, Коканд, Самарканд, Бухара⁴⁸.

Еще одним примером верификации имеющихся данных могут служить кирпичные «кожевенные чаны» из Зарядья (рис. 6), зафиксированные А. Ф. Дубыниным в слое XVI в.⁴⁹ Заполнение чанов обрывками кожи и обрывками обувных деталей задавало совершенно определенное направление их атрибуции, поэтому Х. И. Крис⁵⁰ вспомнила о работе Г. А. Новицкого, где среди описания оборудования кожевен-

⁴³ Мазанов А. А. Одежда татар XVI–XVIII вв. (по старинным рисункам и гравюрам) // Новое в археологии и этнографии Татарии. Казань, 1982.

⁴⁴ Сафьян – кожа козы, дубленая сумахом и выкрашенная в яркие цвета.

⁴⁵ «Саур» – сорт дубленой конской или ослиной шкуры, выделяемый в Туркестане (Система научного описания музейного предмета. Классификация, методика, терминология. СПб., 2003. С. 296).

⁴⁶ Парамонов И. О. О кожевенном производстве в Туркестанском крае // Русский Туркестан. Вып. 2. М., 1872. С. 219.

⁴⁷ На территории Западного Туркестана, присоединенного к Российской империи в 1867 году, было образовано Туркестанское генерал-губернаторство.

⁴⁸ Осипов Д. О. Сапог зеленой шагреню // Родина. 2011. № 5. С. 134–136.

⁴⁹ Дубынин А. Ф. Отчет о работе московской экспедиции за 1955 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 1110. С. 82, 83.

⁵⁰ Х. И. Крис – начальник одного из участков, где были найдены описанные здесь кирпичные сооружения.

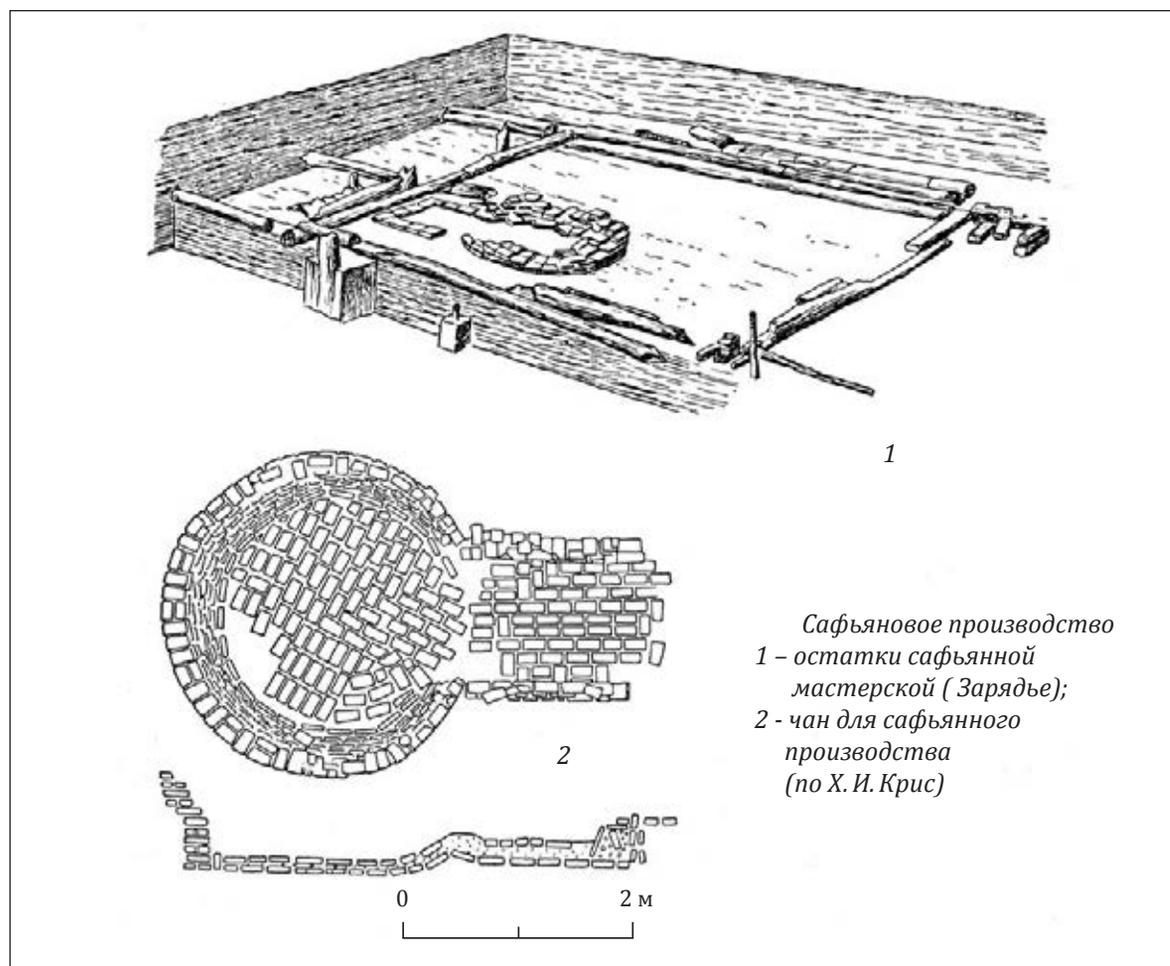

Рис. 6. Кирпичные чаны из раскопок в Зарядье.

По: Рабинович М. Г. О древней Москве: очерки материальной культуры и быта горожан XI–XVI вв. М., 1964

ного завода упоминаются «обложенные кирпичом ямы, где топчут кожи»⁵¹. Очевидно, что зафиксированные в заполнении чанов обрезки от раскроя не имели никакого отношения к процессу выделки кожи. На подлинное назначение «чанов» указывает слой древесного угля и прокаленной глины на дне сооружений, сведения о которых содержатся в тексте отчета⁵², но исключены из статьи⁵³.

Впоследствии такие сооружения неоднократно фиксировали при раскопках на Манежной площади, в Романовом переулке и на ул. Волхонка⁵⁴. К коже-

венному производству они не имели никакого отношения⁵⁵. Это дворовые печи-поварни, построенные на территории крупных боярских усадеб (именно они и располагались в XVI в. в Зарядье), служившие для приготовления пищи самим владельцам усадьбы и их многочисленной дворни, количество которой порой исчислялось сотнями⁵⁶. Как многие впускные сооружения чаны оказались местом складирования отходов располагавшейся поблизости сапожной мастерской⁵⁷.

Результаты, полученные за последние годы, не снимают задач дальнейшего исследования кожевенно-сапожного ремесла. Практика показывает, что при

⁵¹ Новицкий Г. А. Первые московские мануфактуры XVII в. // Московский край в его прошлом. М., 1928. С. 48, 49.

⁵² Дубынин А. Ф. Отчет о работе московской экспедиции за 1955 год. 1956 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 1110.

⁵³ Дубынин А. Ф. Археологические исследования в Зарядье (Москва) // КСИИМК. М., 1956. № 65. С. 119–130.

⁵⁴ Векслер А. Г., Осипов Д. О. Дворовые печи-поварни (по материалам археологических раскопок в Москве) // Тр. МИГМ. Вып. 9. М., 1996. С. 19–23.

⁵⁵ Осипов Д. О. К вопросу о дате разделения кожевенного и сапожного ремесел... С. 63 – 76.

⁵⁶ Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1906. Глава XIII, § 16.

⁵⁷ Осипов Д. О. Средневековая обувь и другие изделия из кожи... С. 118.

обработке коллекций кожаных изделий можно получить массу самых разнообразных сведений, порою весьма далеких от кожевенно-сапожного ремесла⁵⁸. К сожалению, специфика изделий из кожи, подавляющую часть которых составляют обувные детали, затрудняет их описание и систематизацию, требующую знакомства с принципами конструирования обуви. В связи с этим археологические отчеты нередко содержат лишь статистику общего количества найденных в пласте (слое) обувных деталей без определения их форм и размеров. В публикациях чаще всего также упоминаются лишь отдельные предметы, тогда как именно массовая продукция несет в себе всю информацию, собранную в ходе эволюции промысла⁵⁹.

Для преодоления этих проблем нами была разработана методика системного описания и классификации кожаной обуви⁶⁰, рассчитанная на обычного заинтересованного исследователя. Содержащийся там алгоритм, вкуче с терминологическим словарем, рисунками и справочниками-классификаторами, позволяет археологу-практику при обработке коллекций археологической кожи сохранять значительную часть информации. Возможно, существующая методика нуждается в доработке, однако те, кто хотел воспользоваться методической помощью при публикации, сделал это⁶¹. В каких-то случаях археологи находят возможность пригласить специалиста для обработки коллекций со стороны или пытаются вырастить исследователя из своего коллектива. В то же время значительная часть «археологической кожи» навсегда исчезает из научного оборота по вине археологических организаций, сотрудники которых вовсе не утруждают себя публикациями коллекций или написанием специальных приложений к «научным» отчетам, качество которых оставляет желать лучшего. И дело здесь, чаще всего, не в материальном обеспечении, а в принципе работы, метко окрещенного «серой археологией»⁶².

Тем не менее в последнее время территория исследования российского кожевенно-сапожного ремесла продолжает расширяться. Вначале, кроме древнерусских городов Северо-Восточной и Северо-Западной России, в зону исследований попадают памятники Русского Севера. В 1998 году

⁵⁸ Осипов Д. О. Информационные возможности коллекций кожаной обуви. (По материалам раскопок в Мо-скве) // РА. М., 2003. № 2. С. 17–30.

⁵⁹ Джонс Дж. Инженерное и художественное проектирование М., 1976. С. 35.

⁶⁰ Осипов Д. О., Лихтер Ю. А. Системное описание и классификация кожаной обуви: методические рекомендации. М., 2004.

⁶¹ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея: новые археологические исследования. Екатеринбург–Нефтеюганск: Магеллан, 2008. С. 79–93.

⁶² Беляев Л. А. Вступительное слово. Материалы круглого стола, проведенного редакцией журнала «Российская археология» // РА. 2002. № 4. С. 70.

А. В. Курбатовым была опубликована коллекция изделий из кожи, полученная при раскопках Пустозерска⁶³, начатых О. В. Овсянниковым еще в 1970 г. Состав коллекции кожаных изделий этого поселения, вместе с находками со стоянки заполярной экспедиции на острове Фаддея и в заливе Симса, отразил своеобразие определенного этапа освоения Севера Европейской части России XVI–XVII вв., выраженное в промысловой деятельности и сезонной активности основного контингента русского населения, использовавшего местное сырье и способы его обработки. Нарabотка опыта приспособления русских людей к экстремальным условиям Севера порождает широкий спектр наименований обуви, появившихся в русском языке: канги (кеньги), коты, пимы, уледи, унты и др.⁶⁴

С 2001 г. экспедицией ООО «Северная археология-1», под руководством Г. П. Визгалова, возобновились раскопки Мангазейского городища, по итогам которых публикуется коллективная монография «Мангазея. Кожаные изделия», обобщающая материалы раскопок 2001–2007 гг., отразившая весь спектр кожаных изделий этого уникального памятника, включающий футляры для компасов и писал, берестяные шаблоны-лекала и другие редкие находки⁶⁵. Разносторонний анализ всего объема археологической кожи позволил авторам монографии не только изучить характерные приемы раскроя, сборки и декорирования изделий, но и рассмотреть их в контексте общерусских, западноевропейских и аборигенных традиций, иллюстрирующих процесс адаптации русского населения к жизни в полярных широтах⁶⁶. С 2008 г., кроме Мангазеи, в научный оборот включаются такие перспективные памятники, как Туруханск и Березовское городище⁶⁷.

⁶³ Курбатов А. В., Овсянников О. В. Кожаные предметы из раскопок Пустозерска // Третьи Аввакумовские чтения. Нарьян-Мар, 1998. С. 42–55.

⁶⁴ Курбатов А. В. Кожаные предметы из Пустозерска. Приложение // Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003. С. 231.

⁶⁵ Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея. Кожаные изделия (Материалы раскопок 2001–2007 гг.). Екатеринбург, 2011. 220 с.

⁶⁶ Осипов Д. О. Рецензия на книгу: Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Курбатов А. В. Мангазея. Кожаные изделия (материалы раскопок 2001–2007 гг.). Екатеринбург, 2011 // РА. 2005. № 3. С. 165–169.

⁶⁷ Курбатов А. В. Заключение по находкам предметов, связанных с кожевенно-обувным ремеслом. С. 117. Приложение к отчету о НИР; Визгалов Г. П. Комплексные археологические исследования Старотуруханского городища в Туруханском районе Красноярского края в 2008 году. Нефтеюганск // Архив Научно-производственного объединения «Северная археология». Р-1. Д. 213; Визгалов Г. П. Отчет о НИР: «Проведение аварийно-спасательных археологических работ на культурном слое исторического поселения Березово». Т. 2, кн. 1. Нефтеюганск, 2010 // Архив Научно-производственного объединения «Северная археология». Ф. 1. Д. 302/2.

В 2011 г. начался новый этап в исследовании Албазинского острога, на территории которого работает одноименная археологическая экспедиция, учрежденная фондом «Петропавловск», совместно с Центром по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. Помимо изучения письменных источников и применения естественнонаучных методов, исследователи впервые обратились к изучению коллекции кожаных изделий. В 2014 г. в Благовещенске прошла международная научно-практическая конференция «Дальневосточный фронт: Приамурье в XVII веке», где, наряду с другими предметами, была представлена коллекция кожаных изделий, собранных Северо-Азиатской комплексной археологической экспедиции Сибирского отделения Академии наук СССР в 1974–1976 гг., переданная сегодня в фонды Амурского областного краеведческого музея⁶⁸.

Следствием развития географии исследования является расширение хронологических рамок коллекций. Помимо периода позднего Средневековья, начинается исследование материалов, связанных с освоением русскими поселенцами территории Сибири и Приамурья, сопоставимых с историческими и этнографическими источниками. Это направление затрагивает русские памятники и поселения аборигенных культур. Примером такого исследования могут служить раскопки памятника Бала-1, расположенного в Ханты-Мансийском районе ХМАО-

⁶⁸ Осипов Д. О. Коллекция изделий из кожи // Программа конференции «Дальневосточный фронт: Приамурье в XVII веке». Благовещенск, 2014. С. 4.

Югры, интерпретированный исследователями как зимнее поселение аборигенного хантыйского населения, функционировавшее в качестве постоянного двора (почтовой станции), расположенной на зимнем пути Самаровского яма, материал которого датируется XVIII – началом XIX в.⁶⁹

Пересмотр отношений к поздним коллекциям связан с пониманием важности этого материала в контексте общих проблем археологии Нового времени, которая постепенно начинает входить в реалии нашей научной деятельности⁷⁰. Законодательное оформление этого процесса отражено в новом «Положении о порядке проведения археологических полевых работ...»⁷¹, способствующее преодолению историковедческого разрыва между археологическими находками, обработанными в соответствии с традициями археологической науки, данными этнографии и музейными коллекциями.

⁶⁹ Баранов М. Ю. Отчет о проектно-изыскательских работах по проекту: «Обустройство правобережной части Приобского месторождения. Кусты скважин №№ 228, 232, 265, 269, 370, 373». Спасательные археологические работы (раскопки) на поселении «Урочище Бала 1» в Ханты-Мансийском районе ХМАО–Югры Тюменской области в 2013 г. // ОПИ ИА РАН.

⁷⁰ Археология позднего периода истории. Материалы круглого стола, проведенного редакцией и редколлекцией журнала «Российская археология» // РА. 2005. № 1. С. 81–99.

⁷¹ Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением Бюро отделения историко-филологических наук РАН от 27 ноября 2013 г. № 85. М., 2014. С. 5.

Summary

D. O. Osipov

Results Obtained Through Investigation of the Crafts of Leather-workers and Bootmakers in Russia

This article provides a survey of the modern state of research into the medieval crafts of leather-working and boot-making in Russia. The high level of information available for this category of finds makes it possible to obtain interesting evidence about the everyday life of households, work engaged in on a regular basis, norms of community life in the towns and questions of demography. The author considers ideas which held

sway previously regarding the level of development of leather-working and boot-making and he re-examines the categories of finds, which had previously been classified as indeterminate objects. In the final part of the article there is a list of works written in the Late Medieval and Early Modern periods, which have extended the geographical and chronological framework of such investigations.

Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики

Находящийся в самой северо-западной части Ленинградской области г. Выборг хорошо известен в стране и далеко за ее пределами древним замком и средневековой городской архитектурой.

Своим западным, прибалтийским, обликом он создает дополнительный исторический колорит в той картине прошлого нашей земли, которая формируется неповторимым «ожерельем» крепостей Корелы, Орешка, Яма, Ивангорода, Копорья, Старой Ладogi. Однако до последней поры мало кому было известно, что и толщина культурного слоя Выборга сохранила целый подземный деревянный город со своими постройками, уличными мостовыми, развитой дренажной системой и разнообразными находками монет, хозяйственного инвентаря, украшений, предметов торговли и бытовых вещей из металла, керамики, кожи, дерева и бересты, относящимися к XV–XVIII вв. Эти находки позволяют увидеть все стороны жизни горожан на протяжении четырех веков начальной истории города. Раскопками и в процессе археологического надзора за строительными работами в древнейшей части Выборга выявлена также историческая топография города, та древняя поверхность, на которой ставились дома первых горожан.

Известно, что Выборг получил городские привилегии от короля Эрика Померанского 19 августа 1403 г. Город со всей присущей ему структурой, следовательно, уже к этому времени существовал и развивался. Поэтому представляется парадоксальным, что при археологических исследованиях ранее не были выявлены не только слои, но даже, за редким исключением, и отдельные находки предшествующего времени и времени начала городской истории в мысовой части города – территории его исторического центра¹. Не найдены таковые и в окрестностях

¹ Лишь на острове Кирккосаари, к северо-востоку от Выборгского замка, были найдены кольцевая фибула и подвеска, относящиеся к эпохе шведских крестовых походов в Финляндию (1050–1300 гг.). При раскопках у ка-

города. Эта лакуна может объясняться приоритетным интересом исследователей к средневековой архитектуре Выборга и этапам строительства Выборгского замка. Однако и в процессе интенсивной строительной деятельности конца XIX – первой трети XX в. и существования налаженной системы археологического надзора такие находки не отмечались. Начало городской истории Выборга по-прежнему освещалось по исчерпавшим в значительной мере свой потенциал историческим документам².

С 1998 г. и по настоящее время Институт истории материальной культуры Российской академии наук (ИИМК РАН) проводит на территории города исследовательские и охранные спасательные раскопки. Они охватили восточную (улицы Титова и Сторожевой башни – 1998–2001 гг.), западную (улица Южный вал – 2003 г.) и центральную (улица Выборгская – 2004, 2006, 2011, 2012 гг.) части исторического центра Выборга³ (рис. 1, 2).

федерального собора В. А. Тюленевым найдена решетчатая подвеска XIII в. Он также в 1980-е гг. выявил и изучил карельское укрепленное поселение на Замковом острове, предшествующее времени постройки шведами на нем замка (Тюленев В. А. Старый Выборг. СПб., 1995. 83 с.).

² Gardberg C. J., Welin P. O. Viipuri – kivistä rakennettu kaupunki. Jyväskylä, 1996. 143 s.; Kauppi U-R. & Miltšik M. Viipuri – Vanhan Suomen pääkaupunki. Выборг – столица старой Финляндии. Viborg – gamla Finlands huvudstad. Suomalaisen Kirjallisuusseuran toimituksia 593. Rauma, 1993. 199 s.; Тюленев В. А. Старый Выборг. СПб., 1995. 83 с.; Tjulenev V. A. Entisajan Viipurin uusista arkeologisista tutkimuksista. Teoksessa: Viipurin kaupungin historia. I osa. Lappeenranta, 1982. S. 25–34.

³ Сакса А. И. Выборг – город четырех исторических традиций (итоги исследований 1998–2000 гг.) // Культурное наследие Российского государства, 2002. Вып. 3. СПб., 2002. С. 150–164; Новые данные по ранней истории средневекового Выборга (предварительные итоги археологических исследований 1998–2000 гг.) // Страницы выборгской истории. Выборг, 2004. С. 569–584; Древний Выборг. Становление средневекового города // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II.

В общей сложности раскопано около 600 кв. м площади средневекового города⁴. В 2007 г. археоло-

М., 2008. С. 510–5144; Средневековый Выборг: начало городской истории (по итогам раскопок 1999–2006 гг.) // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем Средневековье: доклады Международного российско-литовского семинара. Санкт-Петербург, 4–8 декабря 2006 г. СПб., 2009. С. 139–146; Раскоп на ул. Южный Вал в Выборге. Стратиграфия культурных напластований средневекового города // Хорошие дни. Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб., М., 2009. С. 473–484; Новые данные по городской стене Выборга 1470-х гг. // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных территорий. 80-летию со дня рождения Анатолия Николаевича Кирпичникова посвящается. Т. II. М., 2010. С. 238–252; Современное состояние археологических исследований в Выборге: результаты и проблемы // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 257–258; Археологические раскопки в Выборге: исследование средневекового межевого участка на улице Выборгская, 8 («дом купеческой гильдии» начала XVII века) // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 323–327; Сакса А. И., Бельский С. В., Курбатов А. В., Полякова Н. Ю. Выборг – первые века истории (некоторые итоги исследований 1998–2001 гг.) // Проблемы балтийской археологии: сб. науч. трудов. Калининград, 2003. С. 129–140; Saks A. I. Archaeological Cronology of Medieval Vyborg – preliminary results of the excavations of 1998–2000 // Fennouugri et slavi 2002. Dating and Chronology. Saarijärvi, 2004. S. 98–109; Baugeschichte und kulturhistorische Stratigraphie des mittelalterlichen Wyborgs (nach Materialien der Ausgrabungen 1998–2008) // The Hansa town Riga as mediator between east and west. Riga. Proceedings of an international scientific conference dedicated to 70 years of archaeological research in Riga held in Riga, Latvia, on 23–25 September 2008. Riga, 2009. S. 152–162; Kaupunkiarkeologia Viipurissa. Kaupungin alkuvaiheen ongelma // Maasta, kivistä ja hengestä. Markus Hiekkanen Festschrift. Saarijärvi, 2009. S. 226–239; Vyborg: New Evidence of the city's Fortifications // Castella Maris Baltici X. Archaeologia Medii Aevi Finlandiae XVIII (Finland 24–29.8. 2009). Saarijärvi, 2012. P. 161–172; Saks Aleksandr I. Archaeological Cronology of Medieval Vyborg – preliminary results of the excavations of 1998–2000 // Fennouugri et slavi 2002. Dating and Chronology. Saarijärvi, 2004. S. 98–109; Saks A, Belsky S., Kurbatov A., Polyakova N., Suhonen M. New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // Fennoscandia archaeologica XIX. Helsinki, 2002. S. 37–64; Saks A., Taavitsainen J.-P. Viipuri (Sw. Viborg, Ru. Vyborg) // De første 200 årene – nytt blick på 27 skandinaviske middelalderbyer. UBAS – Universitetet i Bergen Arkeologiske Skrifter. Nordisk 5. Bergen, 2008. S. 393–400; Saks A., Belsky S., Kurbatov A., Polyakova N., Suhonen M. New archaeological excavations in Viipuri. Results of field investigations of the 1998–2001 seasons and current research problems of urban history // Fennoscandia archaeologica XIX. Helsinki, 2002. S. 37–64; Stanislav Belsky, Aleksanteri Saks, Mervi Suhonen. Stadsarkeologi i Viborg // Medeltidsarkeologisk tidskrift 2003: 1. Lund, 2003. S. 14–30.

⁴ Археологические исследования в Выборге в 1998–2010 гг. финансировались, главным образом, Фондом изучения карельской культуры (г. Йоенсуу, Финляндия). С 2011 г. существенную материальную помощь в археологическом изучении важнейших вопросов ранней истории города оказывает ОАО «Газпром Нефть». Археологический надзор в местах нового строительства последнего времени проводился за счет заказчика работ. Раскопки осуществлялись Выборгской археологической экспедицией ИИМК РАН под руководством автора данной работы.

гические работы по надзору за новым строительством проводились в пределах старого города – на улице Краснофлотская и в парке им. Ленина, на месте бастиона XVI в. Эурпя (Эуропэ) Рогатой крепости (Горнверка). В целом, работы по надзору за новым строительством в Выборге проведены на площади около 3000 кв. м.

Проведенные в последнее десятилетие раскопки в средневековой части города показали одну общую закономерность. А именно – наличие мощных, до 3-х и более метров, горизонтов деревянной застройки. Причем во всех случаях нижние представлены слоями темно-коричневой земли с большим количеством щепы, навоза и костей животных, находками рыболовных принадлежностей, остатками деревянных конструкций, в которых даже в самых нижних частях использовались уже бывшие в употреблении бревна. Датируются эти горизонты во всех исследованных частях города от начала XV до рубежа XV/XVI вв.⁵

В строительной деятельности многое определялось рельефом мысовой части города – его исторического ядра, для которого характерны были значительные высотные перепады, глубокие выемки и крутые скалистые террасы – «лбы» и «языки».

Этим обстоятельством и объясняются мощные, до 40–80 см, слои темно-коричневой земли в основании культурного слоя на исследованных участках. Именно на этой платформе были в первой четверти – середине XV в. устроены бревенчатые подкладочные основания-платформы и поставлены дома и другие городские постройки. К этому же времени относятся первые мощные бревнами улицы и дренажные желоба. Во второй половине XV–XVI вв. Выборг приобретает все основные черты средневекового города с квартальной застройкой и уличной сетью. Имеются основания говорить также о быстром и почти полном изменении материальной культуры в городе, в значительной мере в этот период ориентированном на торговлю.

Проявляющийся в археологическом материале из раскопок в центральной и древнейшей части Выборга начальный период роста города относится к 1410–1420 гг. Отсутствие слоев, относящихся ко времени первых упоминаний города, стало своего рода загадкой выборгской археологии. Не были

⁵ Saks Aleksandr I. Archaeological Cronology... S. 98–109; Saarnisto M., Saks A., Radiocarbon dates from archaeological excavations in Viipuri. The corner site of former Uudenportinkatu and Etelävalli // Fennoscandia archaeologica XXI. Helsinki, 2004. S. 37–42; Saarnisto Matti, Saks Aleksandr. Radiohiilijaituksia Viipurin arkeologisilta kaivauksilta Viipurin linnaläänin synty // Viipurin läänin historia II. Jyväskylä, 2004. S. 259–261; Saarnisto Matti, Saks Aleksander. Radiocarbon dates from archaeological excavations in Viipuri. The corner site of former Uudenportinkatu and Etelävalli // Fennoscandia archaeologica XXI (2004). S. 37–42; Saks Aleksanteri, Matti Saarnisto J.-P. Taavitsainen. 1200-luvun lopun raadiohiilijaitus Viipurista // Suomen keskiajan arkeologian seura (SKAS). 3/2003. Turku, 2003. S. 15–20.

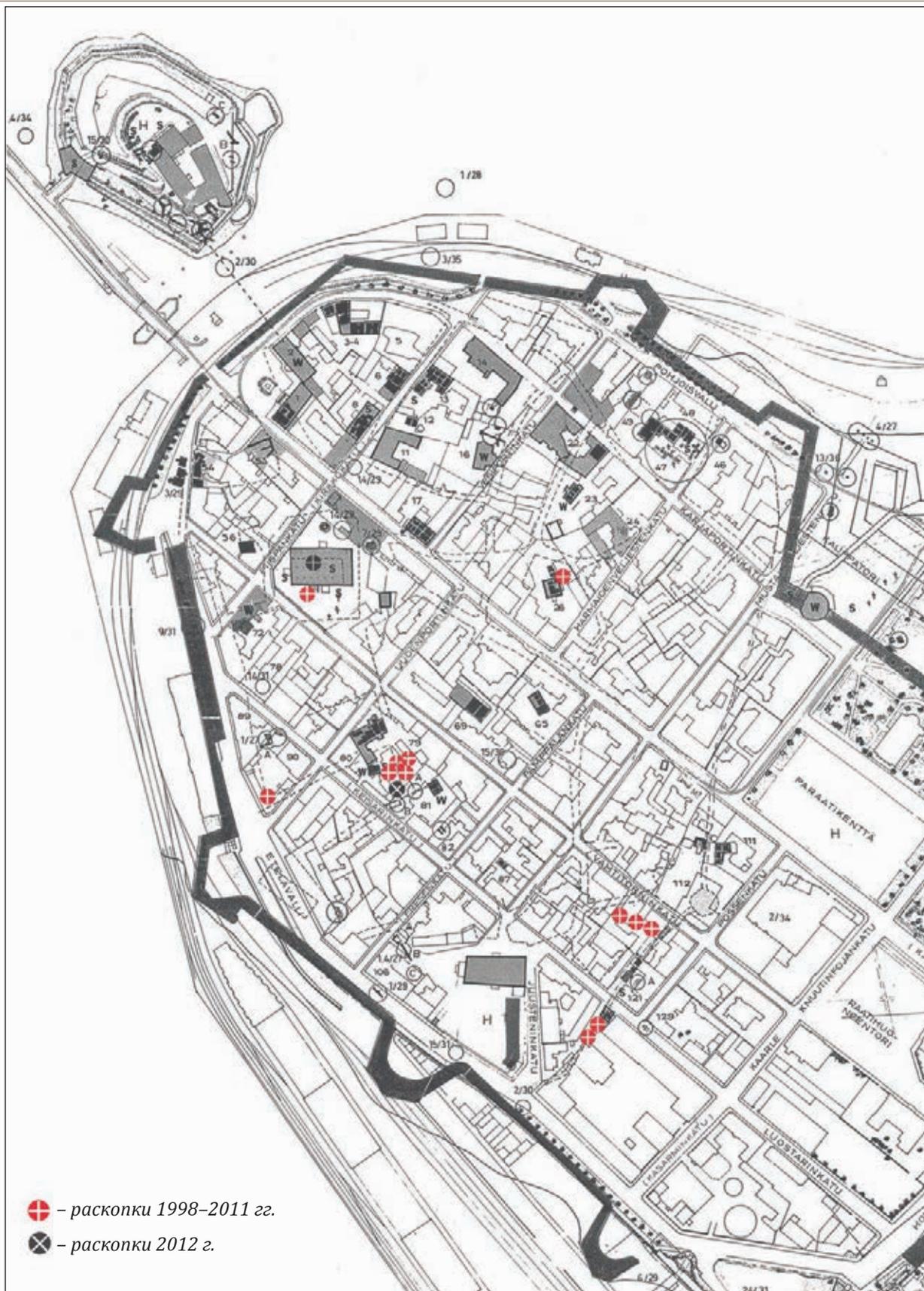

Рис. 1. Карта Выборга 1939 г. с нанесением средневековой планировки и построек

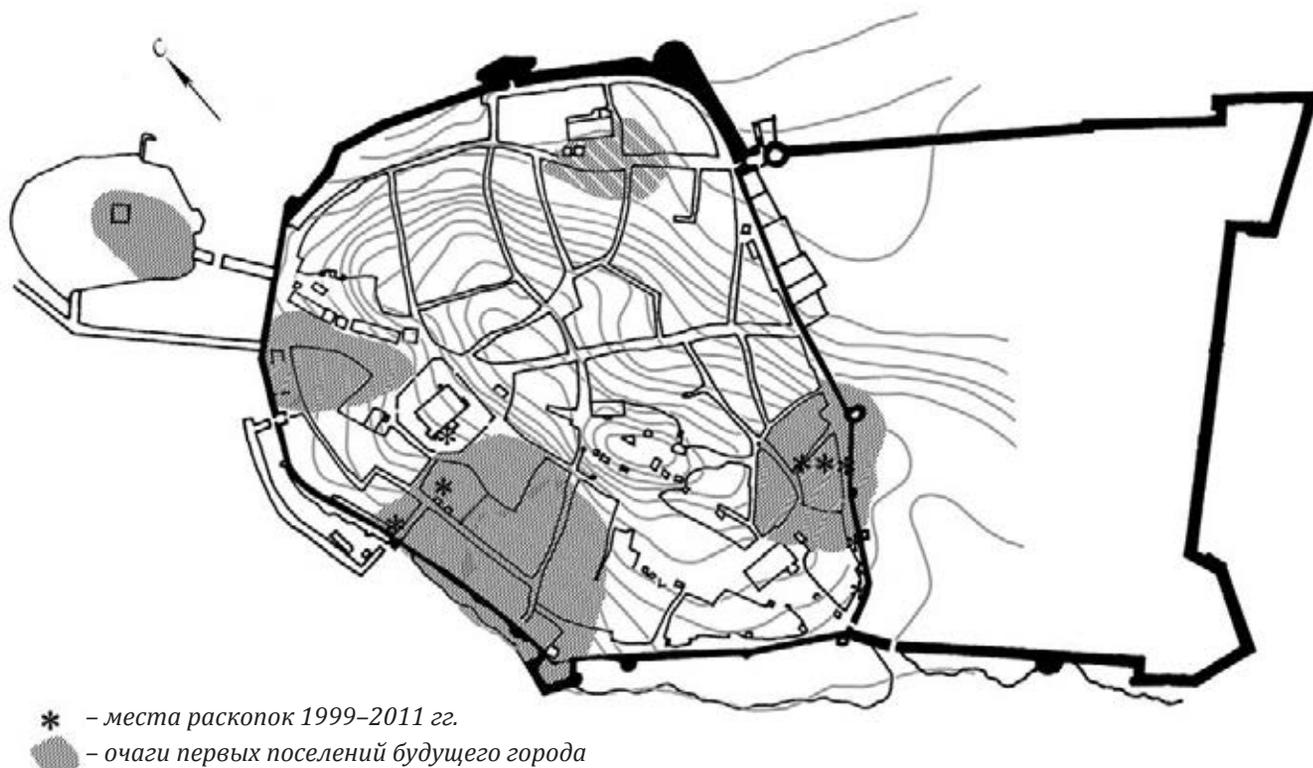

Рис. 2. Средневековый Выборг (до начала регулярной застройки в 1640-х гг.) с нанесением мест археологических раскопок

они зафиксированы и в центральной части города в непосредственной близости от средневековой городской церкви. К настоящему времени, с учетом результатов всех раскопок последних лет, можно с большой долей уверенности утверждать, что причина этого заключается в двух обстоятельствах. Первое: при раскопках в различных частях города под толщей культурного слоя в три и более метра выявились неровности скалы, характеризующиеся наличием крутых скальных выступов и глубоких впадин, что делало большую часть территории городского мыса чрезвычайно сложной для организации жилого пространства в древности (рис. 3). Пригодными для строительства жилья на первоначальном этапе его заселения во второй половине XIV – начале XV в. были небольшие ровные участки по периметру центральной городской скальной возвышенности. Это обнаружилось при раскопках в восточной (ул. Сторожевой башни (Vahtitorninkatu), ул. Титова (Possenkatu)) и западной (ул. Южный вал) (Etelävalli) частях старого города (рис. 1, 2). Второе: по письменным источникам известно, что во время военного похода новгородцев 1411 г. город на материковом мысу (охабень, пригород) был сожжен. Следы этого события археологически за-

фиксированы нами при раскопках в восточной части средневекового Выборга на улице Титова (Possenkatu), где дерево из нижнего горизонта датировано временем около 1270 г. (760±40 (SU-3589)) (калибровано AD 1245 (1272) 1283)⁶. Оно перекрыто слоем угля толщиной до 20 см.

Можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что город после катастрофы 1411 г. застраивался заново. Эти масштабные работы охватили и ранее не освоенные участки. При этом значительные неровности и углубления в скале нивелировались мощными, толщиной до 0,8 м, слоями более раннего культурного слоя (темный или темно-коричневый гумус с примесью угля, древесного тлена и большого количества щепы). На этой подсыпке сооружались подкладочные платформы из бревен, в том числе и из более ранних построек, на которых строились жилые и хозяйственные постройки.

Материальная культура этого раннего этапа (1410/20-е – 1470-е гг.) характеризуется большим количеством находок грузил и поплавков от рыбо-

⁶ Saksa Aleksanteri, Matti Saarnisto J.-P. Taavitsainen. 1200-luvun lopun raadiohiiliajoitus... S. 15–20.

Рис. 3. Раскоп 2004 г. на улице Выборгская, 8. Южный профиль

Рис. 4 Первоначальный рельеф центральной части города на улице Краснофлотская (Harmaidenveljestenkatu). На заднем плане – подвальная часть жилого дома второй половины XVII или начала XVIII в.

ловных сетей и костей животных в слое. Находки керамики и вещей редки. В сущности, речь идет о двух – трех поселениях с развитым животноводством и ориентацией на рыболовный промысел (рис. 2). В то же время даже в центральной части города остаются значительные незастроенные участки с очень сложным рельефом поверхности (рис. 4).

Как уже выше отмечалось, этот рельеф поверхности городского мыса определил места первоначального заселения и динамику развития различных частей города. На раннем этапе, во второй половине XIV – начале XV в., были заселены наиболее удобные прибрежные участки. Очевидно также, что в то время конфигурация городского мыса была иной, а соединявший его с материком перешеек был более узким. В хозяйстве населения преобладали рыбная ловля и животноводство. Нижние горизонты XV в. существенно отличаются от более поздних верхних слоев. В них фиксируется процесс формирования ранней городской структуры, характеризующейся сложением отдельных заселенных участков,

уличной сети, дренажной системы, развитием ремесла и торговли на фоне существующего городского животноводства и промыслов. С 1470-х гг. прослеживается интенсивная строительная деятельность на всех исследованных участках,

К концу столетия город уже защищен каменной стеной и в нем построены из камня городская церковь, соборы доминиканского и францисканского монастырей. Начавшееся строительство каменных жилых домов позволило заполнить пустующее ранее пространство в центральной возвышенной части города. В то же время в городе преобладали деревянные дома. В домостроительстве небольшие срубные бревенчатые постройки сменяются большими по площади, зачастую двухкамерными домами и хозяйственными сооружениями (амбары, хлева, конюшни) (рис. 5–7). В XVI в. развивается каменное гражданское строительство, что позволило освоить крутые склоны центрального городского холма. Обычным становится мощение дворовой территории камнем и устройство сложной дренажной

Рис. 5. Раскоп 2011 г. на улице Выборгская, 8. Горизонт 9. Первые постройки на материке (первая половина XV в.)

Рис. 6. Раскоп 2011 г. на улице Выборгская, 8. Горизонт 8 (вторая половина XV в.)

Рис. 7. Раскопы 2004 и 2006 гг. на улице Выборгская, 8. Горизонт 5 (конюшня) 2004 г.

Рис. 8. Раскоп 2011 г. на улице Выборгская, 8. Горизонт 5, уровень 3 (5/3) (XVI в.)

системы. Происходит явный рост населения и благосостояния горожан. Город интенсивно застраивается и меняется – строительные горизонты обновляются буквально с каждым поколением жителей Выборга (рис. 8–9).

Особенностью градостроительной истории Выборга является его необычайно быстрое развитие со второй четверти – середины XV в., достигшее расцвета в его третьей четверти и, особенно, на рубеже веков. Причины этому следует искать в общей политической и экономической ситуации в Швеции и в ее финских провинциях в позднем Средневековье.

В истории Выборга есть этапы, которые радикально влияли на развитие города. Наиболее известные из них – это строительство каменной городской стены в середине 1470-х гг. и начатое в 1640 г. осуществление регулярного плана города. На формирование основных направлений градостроительства в Выборге влияли также и такие характерные для средневековых городов обстоятельства как пожары и осады неприятелем.

Нам представляется, что сооружение каменной оборонительной стены в Выборге в 1470-е гг. не следует объяснять лишь изменением внешнеполитической ситуации на восточных границах государства, вызванным присоединением Новгорода к Великому Московскому княжеству и, как следствие, появлению более сильного неприятеля на востоке. Это изменение пришлось на время строительства стены и, тем самым, явилось более совпадением во времени, чем реакцией на новую угрозу. Такие масштабные предприятия не осуществляются в короткий временной промежуток без предварительной подготовки. Представляется, что строительство стены могло быть продиктовано в значительной мере созданием второй линии обороны замка и лишь во вторую очередь защитой растущего города. Не исключены и планы продолжения экспансии на восток к концу периода независимости Новгорода в противовес притязаниям Москвы на новгородские земли.

Археологические исследования в городе не открывают непосредственных причин и факторов быстрого развития всех сфер городской экономики

Рис. 9. Раскоп 2011 г. на улице Выборгская, 8. Горизонт 5, уровень 1 (5/1) (XVI в.)

и культуры. Необходимо привлечение данных других исторических дисциплин. Очевидно только, что на первом этапе основой экономики была рыбная ловля и домашнее животноводство (обеспечение потребностей замка?). К последней четверти XV – началу XVI в., буквально при жизни одного – двух поколений горожан, Выборг достиг уровня других городов Балтийского региона. Выборг предстает уже как сложившийся средневековый европейский город, в котором была развита городская структура, действовали городская церковь и ратуша, монастыри доминиканцев и францисканцев, церкви которых также были построены из камня. Остальные дома Выборга еще в большей своей части были деревянными. У города были налаженные и оживленные торговые связи с метрополией (Швецией), со многими городами Балтийского побережья от Германии до Таллинна. Оттуда получали керамические изделия, предметы из металла, кожи и дерева, монеты из серебра и меди, другие, не нашедшие отражения в археологическом материале продукты. На рубеже XV и XVI столетий Выборг, таким обра-

зом, достаточно быстро видоизменился в город, который сопоставим с Турку, Ригой, Тарту и другими городами Ганзейского союза по степени развития городского хозяйства и торговли. Средневековый Выборг, не будучи членом этого союза городов, по своей материальной культуре фактически являлся восточным его продолжением.

Материальная культура и быт горожан в целом приобретают характерный для всех городов Балтийского региона облик, что наглядно отражается в находках керамической посуды, обуви, бытовых вещей, ремесленных инструментов и украшений. Подлинный расцвет Выборга приходится на XVI в., когда в составе находок появляются в большом количестве монеты – в основном шведские медные (253 экз.), торговые пломбы (8 экз.) и счетные жетоны (2 экз.), книжные застёжки (7 экз.), разнообразные столовые ножи, в том числе и «фруктовые» с фигурными бронзовыми завершениями рукояти. Наряду с лаптями в городе бытовала европейская модная обувь (туфли и башмаки), использовалась немецкая каменная керамика и горшки-граппены,

Рис. 10. Характерные для средневековых торговых центров стран Балтийского побережья находки в Выборге: книжные застёжки, счетный жетон и торговые пломбы

Рис. 11. Ножи столовые «фруктовые» из раскопок в Выборге

Рис.12. Типичные для средневековых торговых центров стран Балтийского побережья формы замков из раскопок в Выборге

тарелки с росписью, а также другие характерные для торговых центров Германии, Скандинавии и стран Балтии вещи (рис. 10–12). Строительная деятельность была очень интенсивной; горизонты с остатками различных сооружений расположены непосредственно один над другим, сменяясь буквально через каждое поколение жителей.

О состоянии городской застройки в рассматриваемое нами время говорят пожары, регулярно происходившие в Выборге. Таковые были отмечены в 1477, 1575, 1594, 1612, 1613, 1627, 1627, 1628, и 1652 гг. Наиболее разрушительные из них, уничтожившие большую часть города, фиксируются и в наших раскопах, создавая дополнительную основу для городской хронологии. Они имели и свою, своего рода положительную, сторону, так как город застраивался заново, модернизировался, оставляя

также будущим археологам больше исследовательского материала.

Так, к примеру, следствием разрушительного пожара 1477 г., оставившего отчетливые следы в археологических раскопах в виде сгоревших построек, и который, видимо, полностью уничтожил весь город, было начало каменного строительства в городе (церкви и гражданские постройки) и освоение новых, ранее считавшихся неудобными участков. Показательны в этом смысле и материалы одного из горизонтов раскопов 2001 г. в восточной части города (улица Сторожевой башни) и 2004–2011 гг. в центральной части (улица Выборгская, 8), деревянные постройки которого сгорели в огне. У нас имеются все основания сопоставить рассматриваемый горизонт по времени с одним из тех пожаров, которые в 1627 и 1628 гг. уничтожили значительную часть

города и, тем самым, положили конец эпохе дорегулярной застройки в истории Выборга. Но, несмотря на начавшееся планомерное освоения городской территории, в нем еще долго были значительные незаселенные участки, как это видно и по результатам археологических работ в городе последних лет.

Особо следует отметить полученные в результате этих работ новые данные по исторической топографии Выборга. Уже в процессе работ первых лет стало очевидным, что первоначально город не занимал всей территории, ограниченной в 1470-е гг. городской каменной стеной. Он состоял, вероятно, из трех самостоятельных поселков, возникших у подножия центрального скального возвышения на территории будущих кафедрального собора, доминиканского и францисканского монастырей (рис. 2). По своей форме они были еще ближе к поселениям сельского типа, чем к средневековым городам. Экономической базой их населения были рыболовство и животноводство, а также, возможно, огородничество и земледелие.

Следовательно, в материковой части города, вполне вероятно, уже на момент постройки Выборгского замка в 1293 г. существовало постоянное население. До этого времени считалось, что мысовая часть будущего города была заселена лишь в первой половине XIV в., когда пространство Замкового острова стало тесным для растущего торгово-ремесленного населения Выборга. Оно расселилось в форме подковы по ближайшей к замку береговой линии. Историческое развитие в городе, как выясняется, происходило в значительной мере на базе уже имеющегося на мысу населения и неравномерно даже в границах отдельных участков. И лишь с конца XV и в XVI в. городская территория стала занимать большую часть мыса. Это стало возможным и с распространением каменного строительства, позволившего заселить склоны центральной возвышенности, которые в первоначальный период городской истории были еще выше и круче; ведь культурный слой в городе достигает трех и более метров. В условиях неровностей рельефа заселение низменных и влажных участков требовало больших усилий по нивелировке поверхности, перемещения грунта и создания деревянных подкладочных платформ под постройки. По результатам работ 2007 г., затронувших более 1500 кв.м площади в центральной части средневекового города на восточном склоне городской возвышенности, выявилось, что на этом участке первые дома, в том числе и из камня, были возведены лишь в конце XVII или самом начале XVIII в. (рис. 4).

Выборг по результатам раскопок 1998–2012 гг. представляется как город с четырьмя культурно-историческими традициями. На начальном этапе XV в. в нем, шведском по принадлежности городе, наглядно представлено первоначальное карельское население, основу экономики которого еще

в значительной мере составляли животноводство и рыболовство. Рыболовный промысел и был тем видом деятельности, который нес в себе потенциал будущего торгово-экономического развития. В конце XV–XVI вв. характер городской застройки кардинально меняется. Появляются новые постройки, как жилые, так и хозяйственного назначения, занимавшие уже всю территорию средневекового города в пределах, ограниченных каменной городской стеной 1470-х гг. Сформировались городские кварталы и связывающие различные участки города между собой улицы. С последней четверти XV в. начало осуществляться каменное строительство в городе, главным образом еще храмовое и гражданское общегородского значения (кафедральный собор, церкви доминиканского и францисканского монастырей, ратуша и др.). Во второй половине XVI в. Выборг значительно расширяется к востоку со строительством каменных укреплений (бастионов и куртин) Рогатой крепости – Горнверка. Один из ее бастионов под названием Панцерлакс сохранился в прибрежной части города, а остатки второго бастиона – Эуропэ (Эуряпяя) были на высоту до трех метров буквально выкопаны из земли в 2007 г. на территории парка им. Ленина. По материалам раскопок также отчетливо видно, как изменились быт и занятия горожан. Преобладающей становится импортная посуда из Германии и других областей Европы и Прибалтики. Оттуда же поступают изделия из кожи, ткани, металла и дерева. Городская культура проявляется не только в бытовании предметов иноземной торговли, но и в их видовом и качественном составе. Характерной чертой можно отметить использование стильной обуви, фасоны и формы которой можно видеть на полотнах голландских и других западноевропейских мастеров XVI в. Выборг становится полноценным европейским городом.

С 1640 г. в Выборге осуществляется регулярный план города, согласно которого Каменный (старый) город должен был разделен на прямоугольные кварталы. На место кривых, соответствующих рельефу города средневековых улиц предполагалось провести прямолинейные. Основу уличной сети составили четыре главных улицы, проходившие от замка вдоль мыса к юго-востоку. Была также спроектирована новая городская площадь перед Абовским мостом напротив замка, куда переносились ратуша и рынок. Представление об облике Выборге того времени дает рисунок Эрика Дальберга (1682 г.) (рис. 13). Этот план просуществовал в общих чертах до 1710 года, когда войска Петра I овладели Выборгом. Город и прилегающие к нему земли вошли в состав Российской империи.

Выборгская земля сохранила также на удивление много материальных остатков времени Петра I и, в целом, российского периода – до создания Авто-

Рис. 13. Гравюра 1709 г.,
выполненная на основе рисунка Э. Дальберга (1682 г.)

номного княжества Финляндии в 1809 г. и включения Выборга в его состав в конце 1811 г. Тут и следы бомбардировки города 1710 г., и остатки посуды, монет, бытовых изделий. Но особенный интерес представляют находки именно первой четверти-середины XVIII в. Это чрезвычайно интересно в плане сопоставления с аналогичным материалом Петербурга. Можно предположить, что выборгские материалы должны отличаться от петербургских в силу естественного различия в направлении торговых связей. Но как и в какой степени? Это еще одна тема будущих исследований. И, наконец, в этой земле сохранились свидетельства и относящегося к периоду финской автономии и независимой Финляндии времени, хорошо сохранившегося, как и предшествующий XVIII в., в архитектурном облике города.

Выборгская земля – культурный слой города – на удивление хорошо сохранила свидетельства прошедших веков его истории, представляя собой бесценное хранилище исторической памяти в масштабах всего Балтийского побережья.

Научная и культурно-историческая значимость этих раскопок определяется также и тем, что в других исторических городах региона из-за скученности застройки подобные исследования невозможны – культурные напластования раннего времени в значительной части уничтожены или скрыты под современными домами, зачастую имеющими многовековую историю. Уникальность археологического и культурно-исторического наследия Выборга состоит именно в том, что в городе под современной дневной поверхностью сохранились слои конца эпохи Средневековья и Нового времени (XV – XVIII вв.). Тем самым, этот город является не только географическим восточным протяжением средневековой городской цивилизации Балтики, но и ее хронологическим продолжением, формируя ее территориальную и временную цельность. Уникальность Выборга состоит еще и в том, что «выкопанная лопатой археолога» ранняя история города непосредственно смыкается с его историческим архитектурным обликом, создавая неразрывную историческую перспективу.

Summary

A. I. Saksa

Medieval Vyborg as an Eastern Extension of the Urban Civilization from the Baltic Coast

As a result of the archaeological excavations carried out by the Vyborg Archaeological Expedition of the Institute for the History of Material Culture affiliated to the Russian Academy of Sciences, habitation levels dating from the 15th–18th centuries have been discovered in the old part of Vyborg with a combined thickness of 3.5 metres with well-preserved horizons of wooden architecture.

A striking feature of the history of Vyborg is its unusually rapid development in the second quarter and middle of the 15th century. By the last quarter of the 15th century and the beginning of the 16th, Vyborg had reached the level attained by the other cities of the Baltic region. By then it already presented as a well-established European medieval town protected by a stone wall and with a well-developed urban structure. It possessed a city church and town-hall, a Dominican and a Franciscan monastery, both of which boasted a stone church. Yet at

the same time it was a town in which wooden houses predominated.

The true flowering of Vyborg was in the 16th century: the archaeological finds from levels pertaining to this period included coins, commercial seals, book clasps, fashionable European shoes, imported pottery and other items as well, which were typical for trading centres and other countries of the Baltic region. There are grounds for considering that the material culture changed rapidly and almost completely in the city, which was orientated to a significant degree towards trade. At the turn of the 15th century, Vyborg changed quite fast into a town that could be compared with Turku, Riga, Tartu and other towns of the Hanseatic League, as regards the level of development of its urban economy and trade. Medieval Vyborg, which was not a member the League, was for all intents and purposes its eastern extension as far as its material culture was concerned.

Часть II

ИСТОРИЯ

Things, Persons and Practices in Circulation Between Byzantium and the British Isles in the Viking Age: a Role for Rus?

The connexions between Old Rus and external peoples and cultures are a recurrent theme in our honorand's work, and he has shown the significance of long-distance trade to settlement-patterns¹. It seems appropriate to present, by way of counterpoint, some artefacts of external origin unearthed around the British Isles, along with a few finds in regions that became interlinked with the British Isles through enterprises of the Vikings from the ninth century on. Some of the objects are undeniably of Byzantine manufacture while others, of apparent North Atlantic origin, have come to light in the land of Rus. To flag up such connexions of the British Isles with the easternmost reaches of the Viking world may help to make sense of items which at first sight look unconnected with Byzantium, or inconclusive as evidence of Insular links with Byzantium. By way of highlighting the vitality of Anglo-Scandinavian connexions and their reach to Byzantium, one may note the seal of a certain Sven the patrikios. He was «interpreter of the English» sometime in, most probably, the later eleventh or twelfth centuries². His Nordic name of Sven probably denotes a man of Scandinavi-

an stock, born in England; conceivably, though, he might have been a native of Scandinavia who somehow gained fluency in Old English before heading for Byzantium. Anyway, the ties between England and Scandinavia and also the likeliest – eastern – route taken by Sven to reach Byzantium are implicit in this seal, and routes are germane to this paper. The appearance in and around the British Isles of three types of Byzantine-related evidence – «things», «persons» and «practices» – will receive attention. Material objects will be to the fore, befitting our honorand's work, but persons and practices will not be neglected entirely. The focus will be on items that reached the British Isles before the Norman Conquest of England in 1066.

Byzantine seals have been found in Winchester and London. The find at Winchester of a seal of John Raphael, a senior member of the palace guard and subsequently, in 1046, the commander of Varangians in Southern Italy, is well-known³. Less celebrated is that of a seal of the *genikos logothetes* Leo on the Strand beside the Thames (fig. 1). Leo's *curtus honorum* is traceable, and the likeliest date for this seal is the mid- to late-990s⁴. He was, presumably, writing about matters akin to those prompting correspondence between the *genikon* and notables of other peoples, for example the Rus and the Hungarians; these matters were probably to do with their performance of military service in Byzantium⁵. Judging by

¹ See, e.g.: Макаров Н.А., Захаров С.Д., Бужилова А.П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.; Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствия // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 449–459, особ. С. 454–455, 458–459. See also: Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Гнёздовский археологический комплекс // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 243–273.

² Shchavelev A. A seal of Byzantine «Translator of the English» Patrikios Spheon: its date and socio-cultural context // Byzantium and Rus' seals. Proceedings of the International Colloquium on Rus'-Byzantine Sigillography, Kyiv, Ukraine, 13–16 September 2013 / ed. H. Ivakin, N. Khrapunov, W. Seibt. Kiev: The Sheremetievs' Museum, 2015. P. 193–200; Shandrovskaja V.S. The seal of Michael, Grand Interpreter of the Varangians // Byzantium and the Viking world / ed. F. Androschuk et al. Uppsala: Uppsala Universitet, 2016 (forthcoming).

³ The seal of John Raphael found at Lower Brook Street, Winchester, in 1962 receives elucidation and a dating of c. 1030–40 from P. Grierson. Byzantine seals // The Winchester mint: and coins and related finds from the excavations of 1961–71 / ed. M. Biddle. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 681–684, 687–688. (Winchester Studies; 8).

⁴ Cheynet J.-C. The London Byzantine seals // La société byzantine. L'apport des sceaux. Vol. 1. Paris: Association des amis du Centre d'histoire et civilisation de Byzance, 2008. P. 146–147; Lilie R.-J. et al. Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. II. Abt. Berlin: Walter De Gruyter, 2013. № 24537.

⁵ Cheynet J.-C. Op. cit. P. 155, 158; Shepard J. Trouble-shooters and men-on-the-spot: the emperor's dealings

Fig. 1. Lead seal of Leo logothete of the genikon, found on the Strand, London
(from: Cheynet J.-C. *The London Byzantine seals*. P. 147)

the seal's London find-spot, Leo was corresponding with King Ethelred the Unready's administration, around the time that Viking raiding on England resumed. Another suggestive item is the enamelled encolpion with Greek lettering, seemingly containing a fragment of the True Cross, which Ethelred's son, Edward the Confessor, took to his grave in Westminster Abbey in 1066, along with a silk of probable Byzantine manufacture. The silk – unlike the encolpion – survives, albeit fragmentarily. It is undyed and not, apparently, of top quality⁶ but a seal likewise datable to the mid-eleventh century has been found not far from Westminster, in the Strand. It belongs to a series ranging from the seal of the fore-mentioned Leo to those of several other treasury officials of the later eleventh century⁷. Taken together, they most probably register diplomatic exchanges between Byzantium and England.

A fragment of silk twill in red and gold has, along with a silk bag and ribbon fragments, been excavated in a house of the late tenth or earlier eleventh century in Winchester, another royal centre. They were found in the same prosperous trading quarter as John Raphael's seal⁸. Viewed in isolation, they might be interpreted as

further marks of diplomatic exchanges, while the late tenth- and earlier eleventh-century *folleis* unearthed in or quite near Winchester⁹ might be seen as loose change discarded by emissaries. So might the two *folleis* found in the Strand, reportedly «Class F» and «Class G.1» and dateable to the mid-eleventh century¹⁰. On the other hand, they could register the movements of other sorts of travellers. Noting that the seals and coins were found in the same part of London, G. Egan suggested a connexion between them. He stressed that the finds were made in «precisely the areas where soil conditions allow metalwork [... of lead and bronze] to remain legible». «It would», he remarked, «be unwise to take the currently attested distribution as even beginning to define the full extent of the capital's buried links with Byzantium»¹¹. He queried G. Boon's wholesale dismissal of finds of Byzantine coins in Britain as being more recent losses. S. Moorhead and C. Morrisson have continued the debate. Focusing on Early Byzantine copper coins, Morrisson has amplified Moorhead's point that the coins seem concentrated in Southwest England and other Atlantic-oriented parts, beyond the control of early Saxon kings and king-

with outsiders // *Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo*. Spoleto, 2011. Vol. 58. P. 713.

⁶ Ciggaar K.N. *England and Byzantium on the eve of the Norman Conquest* // *Anglo-Norman Studies*. 1982. Vol. 5. P. 89–95. Writing before publication of the London seals, H. Granger-Taylor inferred from the silk's lower quality that it was not a diplomatic gift from Byzantium: *Silk from the tomb of Edward the Confessor* // *Byzantium: treasures of Byzantine art and culture* / ed. D. Buckton. London: British Museum Press for the Trustees of the British Museum, 1994. № 166. See now also: Owen-Crocker G.R. *Brides, donors, traders: imports into Anglo-Saxon England* // *Textiles and the medieval economy: production, trade and consumption of textiles, 8th–16th centuries* / ed. A. Ling Huang, C. Jahnke. Oxford: Oxbow Books, 2015. P. 73.

⁷ Cheynet J.-C. *Op. cit.* P. 147–154.

⁸ Biddle M. *Byzantine and eastern finds from Winchester* // *The Winchester mint: and coins and related finds from*

the excavations of 1961–71 / ed. M. Biddle. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 667. (*Winchester Studies*; 8).

⁹ Georganteli E.S. *Byzantine coins* // *The Winchester mint: and coins and related finds from the excavations of 1961–71* / ed. Biddle M. Oxford: Oxford University Press, 2012. P. 671–672, 676–677. (*Winchester Studies*; 8); Biddle M. *Op. cit.* P. 666–667; *Online Portable Antiquities Scheme* // URL: <https://finds.org.uk/> [accessed 30 October 2015]: Record ID: HAMP-D09423; Record ID: HAMP-AFE522.

¹⁰ Egan G. *Byzantium in London? New archaeological evidence for 11th century links between England and the Byzantine world* // *Material culture and well-being in Byzantium (400–1453)* / ed. M. Grünbart et al. Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2007. P. 111–112. For another three finds of Middle Byzantine coins in or near the City of London, see: *Ibid.* P. 117.

¹¹ Egan G. *Op. cit.* P. 114.

lets¹². They both note the significance of the St Menas flask found at Meols on the Wirral peninsula: this is likelier to have been brought back by some pilgrim than to have come as a commodity¹³. And Morrisson remarks on a certain coincidence between finds of copper coins in the Southwest and those of amphorae and Phocaean Red Slip tableware at sites like Cadbury Castle and Tintagel. She suggests a connexion with the tin trade¹⁴.

These finds date from the sixth and seventh centuries, but the question arises whether there may be comparable finds in regions lacking close associations with royal centres – and thus less likely to be traversed by foreign embassies – for later periods, too. The unearthing of fragments of eastern silks in mid- and later tenth-century strata at Viking-Age York and Lincoln has, after all, been taken for a sign of trade rather than diplomatic exchanges. The York silks come from workshops and stores of craftsmen who specialised in weaving and embellishing textiles¹⁵. Those silks dyed with the rich red kermes of the eastern Mediterranean are almost certainly of Byzantine manufacture, and others could well be of the same origin¹⁶. Given all the signs of continuing contacts between Eastern England and Scandinavia, one can be fairly confident that the silks arrived via the Rus rivers of the «East-Way», rather than across the Alps from Italy.

The Viking world's waterways diverged markedly from the routes of Late Antiquity, ranging from North America to the English Channel, and eastwards via the Baltic to the Black Sea and the Caspian, rather than down to the western Mediterranean. The routes of circulation of their persons and things more or less reflect «the Viking diaspora», a concept that has received cogent rehabilitation from L. Abrams¹⁷. Their routes crisscrossed the

Irish Sea, reaching down to Normandy as well as around the Scottish coast and the Northern Isles. Against this background, it is unsurprising that sizable numbers of Northmen settled on the Wirral peninsula, drawn by its combination of reasonably fertile soil, convenient landing places, and communications inland along the Mersey and the Dee rivers¹⁸. Operating independently of English royal authority in Chester, they kept in touch with fellow-Scandinavians in Ireland. Their chief port, Meols, prospered and they probably had a mint, issuing lightweight coins in sizable quantities. Although these served the Irish Sea trade, most of the provenanced examples are from Scandinavia¹⁹. Hopes of a plentiful crop of finds of Middle Byzantine *folleis*, counterparts to the Early Byzantine copper coins found on the Wirral, await realisation: hardly any have been unearthed near Meols so far. Nonetheless, in light of the fore-mentioned London finds, Egan noted the possible wider implications not only of the earlier coins from the Wirral but also of the find not far away at Warburton (Greater Manchester) of an anonymous *follis* datable to between c.969 and 1092²⁰. In fact, his expectation that other, unstratified, Byzantine base-metal coins might come to light through the Portable Antiquities Scheme seems justified by recent finds in areas beyond the Lower Thames valley and Winchester, in Danelaw regions where the English king's rule was looser. Examples include the Class A2 *follis* found at Cambridge in 2012²¹; and another such coin, apparently datable to Constantine IX's reign, found in north-east Derbyshire in 2014²². One would hardly expect numbers of *folleis* unearthed in Scandinavian-occupied areas to be vast, given the paucity of such coins in Scandinavia proper. Yet a connexion with travellers and, specifically, with traders is manifest: at emporia like Hedeby and nearby transit-routes linking the Baltic and North Seas across the Jutland peninsula, several *folleis* have been unearthed²³. Indeed, Mor-

¹² Moorhead S. Early Byzantine copper coins found in Britain: a review in light of new finds recorded with the Portable Antiquities Scheme // *Ancient History, Numismatics and Epigraphy in the Mediterranean world: studies in memory of Clemens E. Bosch and Sabahat Atlan and in honour of Nezahat Baydur* / ed. O. Tekin, E. Atalay. Istanbul: Ege Publications, 2009. P.265–266; Morrisson C. Byzantine coins in early medieval Britain: a Byzantinist's assessment // *Early medieval monetary history: studies in memory of Mark Blackburn* / ed. R. Naismith et al. Farnham: Ashgate, 2014. P.215, 220; fig. 10.3 on p. 218–219 (map of coin finds in Britain).

¹³ Moorhead S. Op. cit. P.265–266; Morrisson C. Op. cit. P.211. See also: Harris A. Byzantium, Britain and the west: the archaeology of cultural identity, AD 400–650. Stroud: Tempus, 2003. P.134–138, 147–148, 153–154; colour plate 19.

¹⁴ Morrisson C. Op. cit. P.215, 220.

¹⁵ Walton P. Textiles, cordage and raw fibre from 16–22 Coppergate // *The Archaeology of York*. York, 1989. Vol. 17/5. P.313–314, 374–375; Walton Rogers P. Textile production at 16–22 Coppergate // *The Archaeology of York*. York, 1997. Vol.17/11. P.1779, 1785–1790, 1801–1803; Fleming R. Acquiring, flaunting and destroying silk in late Anglo-Saxon England // *Early Medieval Europe*. 2007. Vol. 15. P.130–132.

¹⁶ Walton P. Textiles, cordage and raw fibre ... P.381–382, 419–420; Hall R. *Book of Viking Age York*. London: Batsford / English Heritage, 1994. P.85–87.

¹⁷ Abrams L. *Diaspora and identity in the Viking Age* // *Early Medieval Europe*. 2012. Vol. 20. P.17–38.

¹⁸ Griffiths D., Philpott R. Introduction and topography of the Meols shore // *Meols: the archaeology of the North Wirral coast* / ed. D. Griffiths, R.A. Philpott, G. Egan. Oxford: Oxford University School of Archaeology, 2007. P.1–13; Griffiths D. The early medieval period // *Ibid*. P.402–404.

¹⁹ Bean S. Coins and tokens: pre-Roman to post-medieval // *Meols: the archaeology of the North Wirral coast* / ed. D.Griffiths, R.A.Philpott, G.Egan. Oxford: Oxford University School of Archaeology, 2007. P.349; Griffiths D. Op. cit. P.406. See now: Leighton J., Woods A.R. Insular imitations of Aethelred II's Long Cross coinage // *Early medieval monetary history: studies in memory of Mark Blackburn* / ed. R. Naismith et al. Farnham: Ashgate, 2014. P.515–516, 529–530.

²⁰ Egan G. Op. cit. P.116. For the earlier Byzantine copper coins and artefacts found on the Wirral, see: Moorhead S. Op. cit. P.265–266; Morrisson C. Op. cit. P.211; Harris A. Op. cit. P.153–154.

²¹ Online Portable Antiquities Scheme: Record ID: CAM-064213.

²² Online Portable Antiquities Scheme: Record ID: DE-NO-426C9D. This follis is reportedly Class D.

²³ Wiechmann R. Haithabu und sein Hinterland – ein lokaler numismatischer Raum? Münzen und Münzfunde aus

Fig. 2. Silks found beside the River Liffey, Dublin
(from: Wincott Heckett E. *Viking age headcoverings...*)

(Left) Eleventh-century silk veil-type cloth
(Pl. III, DHC17)

(Right) Late tenth-century band and tie
(Pl. IV, DHC24)

Fig. 3. Silks found beside the River Liffey, Dublin
(from: Wincott Heckett E. *Viking age headcoverings...*)

(Far left) Mid to late tenth-century cap (Pl. XI, DHC37)

(Second left) Mid tenth-century cap (Pl. XII, DHC39)

(Top right) Mid to late tenth century cap? (Pl. XIII, DHC 38)

(Bottom right) Late tenth/early eleventh century stitched cloth showing sewing techniques (Pl. XIV, DHC 59)

risson herself cites I. Zachrisson's thesis that stray finds of Roman and early Byzantine bronze coins in Northern Sweden register the workings of the fur-trade²⁴. In other words, finds of even a few *folleis* in areas far-removed from kingly powerbases may have something to do with commerce, if not with other kinds of unofficial traveller from the Byzantine world.

The fact remains that hardly any Middle Byzantine *folleis* have been found in northwest England or other Atlantic-oriented regions, in contrast with Wessex and the Danelaw. But one should note the presence in a Viking-Age grave on the other side of the Irish Sea, at Kilmainham in Dublin, of a seal matrix whose Greek lettering begins with the name *Philipos*²⁵. Still more suggestive are the finds from houses excavated beside the River Liffey. Fragments of 41 wool and 27 silk textiles have been published. They are small and their weave seems too fine for them to have served as fabric for dresses or tunics. Rather, they were made up on the spot to serve as various kinds of head-coverings for women.

Haitabu (bis Zum Jahre 2002) // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. 2007. Bd. 36. P.202–203, 232–233.

²⁴ Morrison C. Op. cit. P.220, n. 38; Zachrisson I. Vittnesbörd om pälshandel? Ett arkeologiskt perspektiv på romerska bronsmynt funna i norra Sverige // Fornvännen 2010. Vol.105. P. 189, Fig. 2; P.190, 195–198.

²⁵ Harrison S.H., Ó Floinn R. *Viking graves and grave-goods in Ireland*. Dublin: National Museum of Ireland, 2014. No. 3.5.11. P.207. I am very grateful to Lesley Abrams for bringing this find to my attention.

They are a mixture of caps, scarves and long and short bands, all woven in a tabby binding system²⁶ (figs. 2, 3). These are not grave-goods, but castoffs and oddments from the activities of craftsmen and traders beside the Liffey. Representing only a fraction of the 2,000 or so textile fragments from the Dublin excavations, they were chosen «because of their similarity of structure and possible function». In other words, even more silks are in play, owing their unusually good state of preservation to the «damp, anaerobic conditions» by the waterside²⁷. Moreover, the area excavated was fairly modest²⁸. Wider-ranging excavations might well have disclosed more workshops. The silks were deposited between the mid-tenth and late eleventh centuries, a timespan roughly overlapping with those from York and Lincoln, and it is probably no accident that, according to E. Wincott Heckett, «the best material comparable to the Dublin finds is three or possibly four silk caps from York and Lincoln»²⁹. In her view, «very similar silk cloth was used to make caps to a pattern common to Dublin, York and Lincoln»³⁰. There do not seem to be such close matches of silk, pattern and design of headgear elsewhere in the Viking world, although she notes a possible example from

²⁶ Wincott Heckett E. *Viking age headcoverings from Dublin*. Dublin: Royal Irish Academy, 2003. P.1–6, 44–52, 91–93.

²⁷ Ibid. P. 1.

²⁸ See plans in: Ibid. Figs. 1 and 2, P.2–3.

²⁹ Ibid. P.49.

³⁰ Ibid. P.52.

Birka³¹. But development of types of Insular fashion would fit with other indications of frequent communication between the Northmen of Dublin and York, as also with Abrams' suggestion of variants evolving within the Viking diaspora, with types of ornament and motifs developing in one region and sometimes spreading across the Viking world³².

These finds beside the Liffey prompt four more remarks bearing on the silks found – or mentioned – in the British Isles, and on the routes they had taken. Firstly, silk seems to have become quite a routine feature of women's head-coverings in Dublin. This implies a fairly steady inflow of silks for over a century, rather than just the occasional cargo. In York, too, finds from the busy workshop area at 16-22 Coppergate suggest fairly intensive working of silk alongside wool and linen³³. In support of such a supposition is data of a different sort, much of it coming from parts of England where Scandinavian domination was brief, at most. This constitutes our second remark. R. Fleming has pointed out how often silks are mentioned in writings of the late Anglo-Saxon period. Churchmen like the Blickling homilist condemn the vogue for «luxury textiles [*godweb*] embellished with gold»³⁴. Fleming collates these mentions with manuscript illuminations of what seem to be silk-trimmed garments and also with archaeological finds – the tablet-woven gold-and-silk braids on clothing of persons buried in Winchester's Old Minster and, outside cemeteries, the silk braids and ribbons from Winchester and London as well as Lincoln and York. These «probably once served as fancy edgings around cuffs and tunic openings»³⁵. One of Fleming's themes is that silks and other precious textiles became a standard attribute of kings from the time of Aethelstan onwards, rarely occurring in literary sources before the 930s. Garments made entirely of silk or embroidered with gold continued to be symbols of authority and of senior clergy, but they ceased to be a royal monopoly. By the mid-eleventh century silks were flaunted by lesser nobles and well-to-do townfolk, too³⁶. In other words, clothing edged with silk or embroidered gold became a «fashion accessory» of the prosperous, rather than exclusively an authority-symbol.

A similar chronology seems to hold good across the Irish Sea. Fleming, while mentioning the silks sported by members of continental elites, observes an apparent discrepancy with their availability in England: the fine attire worn by a Yorkshire thegn fooled Italian robbers

into supposing him to be Earl Tostig of Northumbria!³⁷ Indeed, the contrast struck the Norman conquerors of England a few years later, if we believe William of Poitiers. He marvels at the profusion of bejewelled gold crosses and *pallia* – presumably silks – and praises Englishwomen's skills at needlework and gold brocade; the examples of these given by William the Conqueror to Saint-Etienne-de-Caen would, he writes, impress even Greek or Arab visitors³⁸. When William with his courtiers returned to Normandy and paraded in clothes «woven and encrusted with gold», the French and local Normans were amazed, never having seen anything like it³⁹. Even allowing for exaggeration, this suggests that gold brocade and silken *pallia* were markedly commoner in England than in Northern France.

Such a contrast is surprising, in light of the fact that Viking routes encompassed Normandy. It prompts two further remarks bearing on silks in the British Isles, their place of manufacture and the ways by which they reached the north. Without claiming that southern England, the Danelaw, northwest England and the Irish Sea littoral formed an integrated economic zone or that fashions for head-coverings were the same in Danelaw emporia as, say, in Winchester, one should recall the virtually contemporaneous appearance and dissemination of silks in Dublin, York and Lincoln and much of the rest of England. According to Fleming, there are resemblances between silk ribbons from Dublin and those excavated in England⁴⁰. The contrast between these Insular sites and even the southern shores of the Channel seems to stand, tending to support the likelihood that the silks arrived mostly by routes other than overland from Northern Italy. Fleming herself allows for this possibility, as also for a Byzantine place of manufacture for many of them⁴¹. The chronological pattern of finds of silks in the disparate societies of, say, Wessex, York and Viking Dublin implies a shared supply-chain. So does the evidence of trade between the Irish Sea and points further east – the coins quite likely of Meols manufacture, for example, found in the Isle of Man and North Wales as well as Scandinavia⁴²; the find in Dublin of tenth-century coins from mints at Chester, Norwich, Exeter and London, along with lead weights and scales⁴³; and the coins struck for the Norse

³¹ Ibid. P.52.

³² Abrams L. Op. cit. P.31–34.

³³ Walton P. Textiles, cordage and raw fibre ... P.294–297, 411–421.

³⁴ Fleming R. Op. cit. P.133 and n. 27.

³⁵ Ibid. P.136.

³⁶ Ibid. P.130–132, 135–137, 156–157.

³⁷ Vita Aedwardi Regis (The life of King Edward who rests at Westminster) / ed. and trans. F.Barlow; 2nd Ed. Oxford: Clarendon Press, 1992. P.54–57; Fleming R. Op. cit. P.137.

³⁸ William of Poitiers. Gesta Guillelmi / ed. and trans. R.H.C.Davis, M.Chibnall. Oxford: Clarendon Press, 1998. P.152–155, 176–177.

³⁹ Ibid. P.180–181.

⁴⁰ Fleming R. Op. cit. P.136 and n. 41.

⁴¹ Ibid. P.132. See also: Dodwell C.R. Anglo-Saxon art. A new perspective. Manchester: Manchester University Press, 1982. P.155–156.

⁴² Bean S. Op. cit. P.349; Griffiths D. Op. cit. P.406; Leighton J., Woods A.R. Op. cit. P.515–516, 529–530.

⁴³ Wincott Heckett E. Op. cit. P.1; Harrison, Ó Floinn. Viking graves and grave-goods. P.171–177.

king Sitric Silkenbeard in Dublin, copying the *Long Cross* issue of Ethelred the Unready around the time that Scandinavian moneyers were doing likewise⁴⁴. One need hardly belabour the facts that finds of silks and other items of probable Byzantine provenance occur mainly in mid- and later-tenth-century sites at Gnezdovo; that the Dnieper waterway to Constantinople only came into regular use in the mid-tenth century; or that finds of silks and gold-embroidered textiles of any type at Birka from before the tenth century are rare⁴⁵. The upshot is a series of strong hints that the silks attested for quite diverse points of the British Isles from the mid-tenth century on had come mostly via the land of Rus, whether they were of Byzantine or Islamic manufacture.

The techniques and ornamental patterns on all these silks and bits of brocade would need detailed comparison before one could turn hints into certainties and, perhaps, identify firmly which were made in Byzantium. Instead of attempting this, I shall note another product suggestive of commercial exchanges encompassing the North Atlantic and the Islamic and Byzantine worlds. This constitutes my fourth remark with a bearing on routes. The evidence consists of glass-beads found on Iceland. They make up 88% of the 200 or so beads found, their numbers increased by modern techniques of investigating settlements and burials⁴⁶. Glass-beads occur in profusion at Hrísrú, casual losses that seem to denote high-status farmstead⁴⁷. According to two contributors to the volume on the Mosfell valley (where Hrísrú lies), some of the bead types found there – eye beads and metal-foil beads – point to «the Caspian Sea or the Near East», recalling finds at Hedeby; and, they state, «an astonishingly high fifty per cent of the sampled glass from Hedeby contains soda ash», suggesting eastern, «perhaps Byzantine» influence⁴⁸. It is for others to others to assess this last suggestion. Of most importance here is the statement that such glass is «not common in ninth-tenth century Western Europe, where soda lime and wood ash glasses

dominated»⁴⁹. Here, surely, is another sign of commercial links in the North Atlantic, bypassing the Western European mainland, and running through the Baltic and the land of Rus to Byzantium and Central Asia.

The beads deserve attention alongside the silks because the latter, taken in isolation, are still liable to be seen in terms of diplomatic exchanges. If, however, commerce is accepted as a possible medium, the stray finds of bronze *folleis* from the Danelaw and northwest England may be testimony to the activities of traders and other travellers from the Byzantine and Islamic worlds. This is not to claim that traders usually accompanied their goods all the way from production-point. On the contrary, one should envisage a series of exchanges between a few far-flung emporia like Hedeby, Birka and Novgorod, which were also the nuclei of, or feeder-points for, regional markets that might have the purchasing power regularly to acquire costly goods from afar⁵⁰. A valuable commodity like silk would probably have undergone several transactions before reaching the wharves of York, London or Dublin. It was thus a matter of interlocking circuits, with high-value produce from the North Atlantic world being exchanged at emporia for such deluxe items as silks, which had initially been retailed in Byzantium or the Islamic world and then changed hands, perhaps several times.

Space is lacking for scrutiny of these interlocking commercial circuits: their invigoration around the British Isles from around the second half of the tenth century on, and their interaction with markets in Flanders and the Rhineland, and beyond. Recent excavations have shown, for instance, the vitality of the Scandinavians' presence and trading in Danelaw towns less celebrated than York and Lincoln, such as Norwich⁵¹. And R. Faith has reconstructed a network of transhipment points along the Trent – many of them owned by men with Scandinavian names – whence cargoes could travel upstream to the Midlands or downstream to the Humber and then Northumbria or overseas. Lincoln's «self-consciously Anglo-Scandinavian merchant class...owed much of its wealth to trade»⁵². That it is also a find-spot of Viking silks may be no coincidence. Meanwhile Russian archaeologists have found at emporia like Gnezdovo clothing- and scabbard-ornaments of Insular Style⁵³, and even hints of the North Atlan-

⁴⁹ Ibid. P.239–240.

⁵⁰ Sindbæk S. Networks and nodal points: the emergence of towns in early Viking Age Scandinavia // *Antiquity*. 2007. Vol. 81. P.126–129.

⁵¹ Ayers B. The growth of an urban landscape: recent research in early medieval Norwich // *Early Medieval Europe*. 2011. Vol. 19. P.77–85.

⁵² Faith R. The structure of the market for wool in early medieval Lincolnshire // *Economic History Review*. 2012. Vol. 65. P.697, 683–689.

⁵³ Михайлов К.А., Носов Е.Н. Новые находки наконечников ножен мечей на Рюриковом городище // *Археологические вести*. 2002. № 9. С. 136–140; Ениосова Н.В. Укра-

⁴⁴ Hudson B. Viking pirates and Christian princes. *Dynasty, religion, and empire in the North Atlantic*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P.84, 90–91; Leighton J., Woods A.R. Op. cit. P.515.

⁴⁵ See, e.g.: Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Указ. соч. С.267–270; Shepard J. Constantinople – gateway to the north: the Russians // *Constantinople and its hinterland* / ed. C. Mango, G. Dagron. Aldershot: Variorum, 1995. P.249, 253–254, 259; Hägg I. *Med textilier som källmaterial: glimtar ur vikingatidens historia* // *Saga och Sed Kungl. Gustav Adolfs Akademiens årsbok 2006*. Uppsala, 2007. P.116–117, 120–124.

⁴⁶ Hreidarsdóttir E. Beads from Hrísrú and their wider Icelandic context // *Viking archaeology in Iceland: Mosfell Archaeological Project* / ed. D. Zori, J.L. Byock. Turnhout: Brepols, 2014. P.135–137.

⁴⁷ Ibid. P.140.

⁴⁸ Hilberg V., Kalmring S. Viking Age Hedeby and its relations with Iceland and the North Atlantic // *Viking archaeology in Iceland: Mosfell Archaeological Project* / ed. D. Zori, J.L. Byock. Turnhout: Brepols, 2014. P.239.

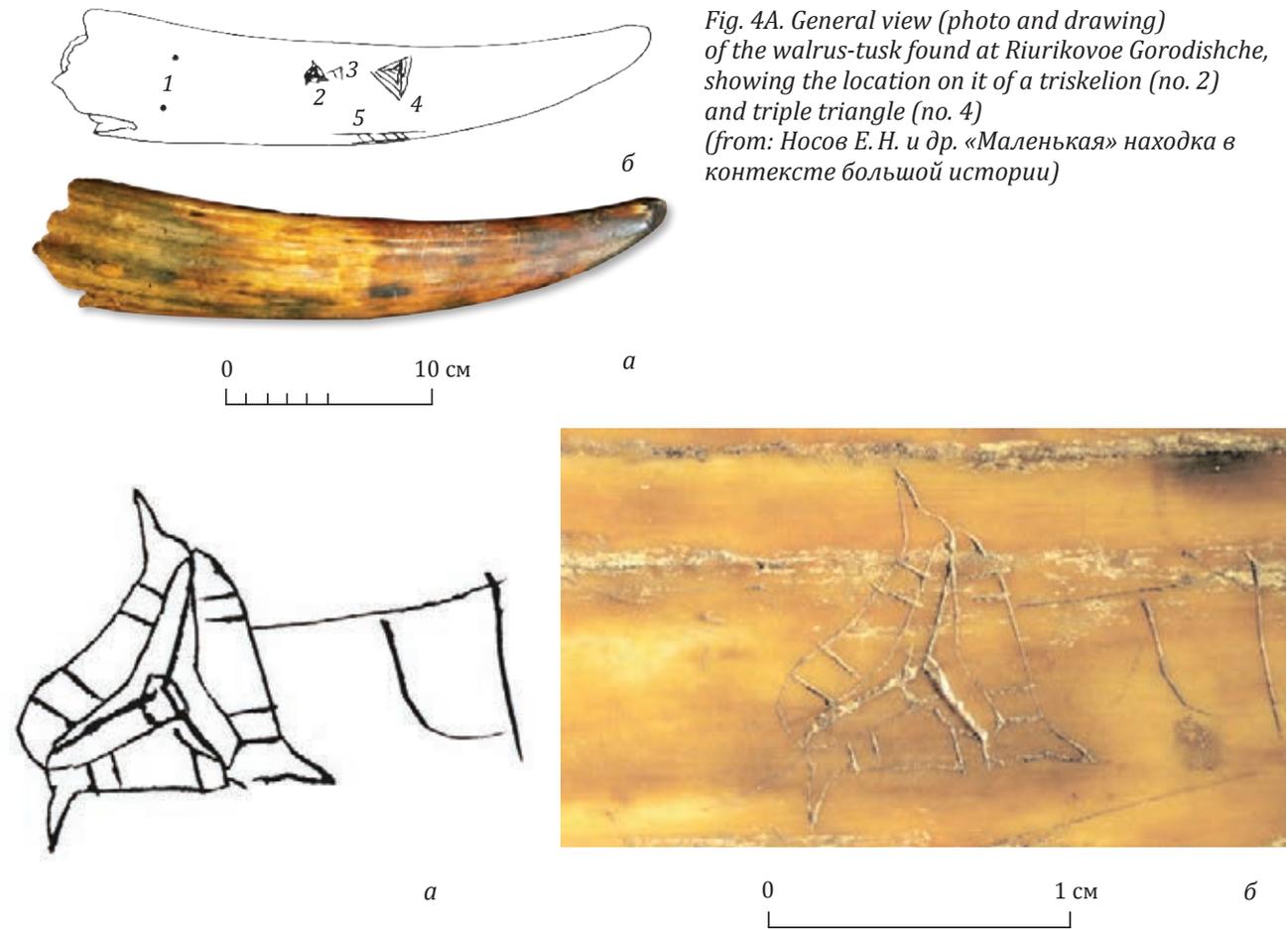

Fig. 4A. General view (photo and drawing) of the walrus-tusk found at Riurikovoe Gorodishche, showing the location on it of a triskelion (no. 2) and triple triangle (no. 4) (from: Носов Е. Н. и др. «Маленькая» находка в контексте большой истории)

Fig. 4B. Photo and drawing of the triskelion (no. 2) (with non-figural sign to the right) (from: Носов Е. Н. и др. «Маленькая» находка в контексте большой истории)

tic produce exported in return for silks. In an earlier tenth-century stratum in Riurikovoe Gorodishche they have unearthed a walrus-tusk. The tusk could come from anywhere in the North Atlantic, but the excavators suggest a connexion with the British Isles on account of two symbols carved on its surface: a *triskelion* (or three-legged figure), and a triple triangle (figs. 4A and 4B). Neither symbol is peculiar to the British Isles, but the excavators note the frequent occurrence of the *triskelion* motif in the Norse-Celtic world⁵⁴. The *triskelion* was competently carved while the tusk was being

prepared to serve as an ornament or amulet, well before it was deposited in Rus⁵⁵. There seems no reason to reject the excavators' attribution of the carving to the Hiberno-Norse world. And all the more so in that the same earlier tenth-stratum disclosed a strap-end «practically identical to late Saxon strap-ends originating in Whitby Abbey in Yorkshire»⁵⁶. Presumably the walrus-tusk, albeit not the strap-end, was an object of trade, corroborating Muqqadasi's mention of «fishes' teeth» amongst the commodities exported from Volga Bulgaria in the late tenth century⁵⁷.

шения англо-саксонского и ирландского происхождения на территории Древней Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры: Шестые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 21–23 декабря 2001 г.): сб. ст. / науч. ред. Д.А. Мачинский. СПб.: Староладожский историко-архитектурный археологический музей-заповедник, 2002. С. 127–130.

⁵⁴ Носов Е. Н. и др. «Маленькая» находка в контексте большой истории // Хорошие дни... Памяти Александра Степановича Хорошева. Великий Новгород; СПб.; М., 2009. С. 373–374, 378–380; рис. 1, 2, 3 на с. 372; рис. 6:3 на с. 377.

⁵⁵ Там же. 373–374, 376.

⁵⁶ Михайлов К.А. Находка англо-саксонского наколенника ремня с Рюрикова городища // ННЗ. Вып. 17. Великий Новгород, 2003. С. 156; Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII–X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 384.

⁵⁷ Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Указ. соч. С. 384; Translation in Ibn Fadlan and the land of darkness: Arab travellers in the Far North / trans. P.Lunde, R. Stone. London: Penguin, 2012. P. 169.

One might expect substantial ships to have been built to carry goods like walrus-tusks, whalebone and wool, along with the furs from Rus and other northern regions that were, most probably, being bartered for German silver coins from the late tenth century on. And here the archaeological evidence corroborates our idea of interlocking circuits, in that extant examples of long warships and vessels designed to carry large cargoes date from around the second half of the tenth century onwards. Even allowing for freaks of survival, new types seem to have appeared then, including boats that relied on sails rather than oars and thus could carry more goods⁵⁸. One example is «Skuldelev 1». Although only 16.5 metres long, this vessel had a carrying capacity of some 24 tons and was capable of North Sea and Atlantic crossings. Yet it would only have needed a crew of five to seven men⁵⁹.

One can easily picture vessels of this sort laden with goods such as wool and whetstones, plying the northern seas. It is slightly more surprising that traces of clinker-built boats have also been found far to the east of the Baltic, well beyond Staraja Ladoga and Riurikovoje Gorodishche. These traces mostly take the form of rivets for fastening the planks together, along with nails and rudders, but occasionally more substantial wooden remains have come to light. Among these are ribs from a boat found in a stratum dating from the end of the tenth century in north-east Rus, at Rostov. Although now in poor condition, they were drawn by

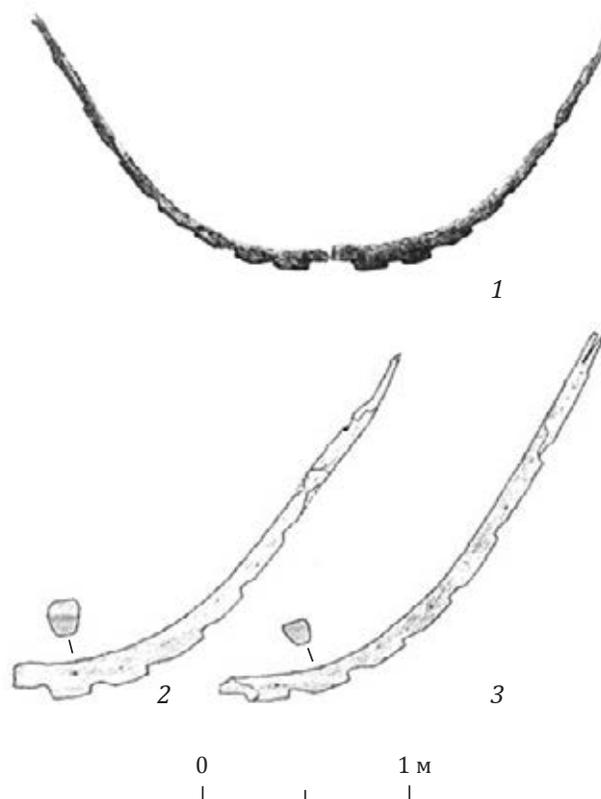

Fig. 5. Ribs from a boat found at Rostov (from: Леонтьев А. Е. Детали судов и лодок... Рис. 1, с. 159)

⁵⁸ See, e.g.: Bill J. Viking ships and the sea // *The Viking-world* / ed. S. Brink, N. Price. London: Routledge, 2008. P. 174–177; Englert A. Large cargo ships in Danish waters 1000–1250. Roskilde: The Viking Ship Museum, 2015. P. 50–55, 58–60. (Ships and Boats of the North; 7)

⁵⁹ Bill J. Op. cit. P. 176; G. Williams. *The Viking ship*. London: British Museum Press, 2014. P. 60, 328.

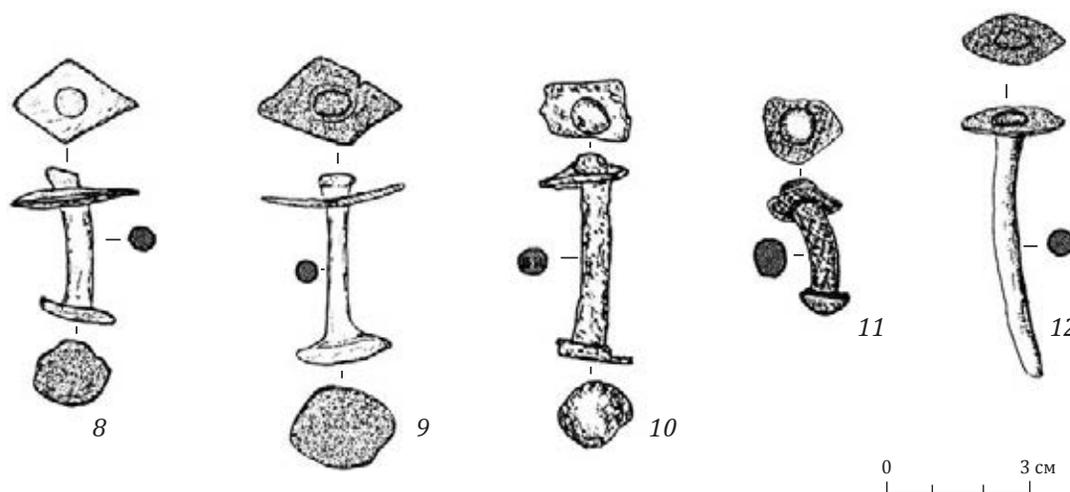

Fig. 6. Iron boat rivets found at Rostov (from: Леонтьев А. Е. Детали судов и лодок... Рис. 4: 8–12, с. 163)

their discoverer in 1955⁶⁰ (fig. 5). A.E. Leont'ev has concluded that the boat was sailed to Rostov by «foreign traders», citing finds there of rivets which had belonged to similar boats⁶¹ (fig. 6). These, he signals, are of Scandinavian type, and were sizable. He reckons that the vessel whose ribs survive had been about 3 metres broad and between 14 and 20 metres long – «not inconsiderable» by tenth-century standards and comparable with the «Skuldelev 1» cargo boat⁶².

There is nothing inherently surprising about the penetration of a potentially seafaring vessel so far inland. The portages between the Volga's headwaters and river-systems leading to Lakes Il'men or Ladoga and the sea were negotiable, provided that sufficient manpower was available⁶³. The precise location of the finds does, however, evoke comment from Leont'ev: he finds it «remarkable» that shipowners should have ventured from the Volga along minor rivers to Lake Nero, where Rostov would have been the end of the line, not a transit-point⁶⁴. Archaeology has, in fact, provided an explanation why Lake Nero might have been a destination of choice: it seems to have been a centre of fur-trading, judging by the finds there of arrowheads designed to kill animals without damaging their pelts, and of innumerable bones of furry animals in sites not so far away⁶⁵. These, along with finds in settlements of countless glass-beads, fragments of silver dirhams and also English and German coins, offer a picture of wide-ranging trade, with exotic goods being exchanged for furs from the animals local people had hunted or trapped. Boats taking 24 tons or so of cargo would have enabled owners to turn a good profit. The distribution-pattern of finds indicative of sizable clinker-built boats fits with this picture. Besides the Upper Volga region, there have been finds of rivets at Gnezdovo and on the portages between northern river-systems and the Upper Dnieper, with occasional finds in the Middle Dnieper region, including Shestovitsa near Chernigov⁶⁶. That no rivets have been reported below the Middle Dnieper is hardly surprising. As we know from Constantine VII's

account of the Rus in his *De administrando imperio*, the Dnieper Rapids precluded easy portaging of largeish vessels, at least while Pechenegs and other nomads could pillage travellers with impunity. Constantine's description begins by showing how they coped with this problem, through annual collection from Slav tributaries of timbers for craft purpose-built for the voyage to Byzantium⁶⁷.

So far, so unproblematic, supposing that furs were brought down to the Middle Dnieper region – often in sizable boats – to be exchanged in Constantinople for silks, some of which ended up eventually in the British Isles, after transactions whereby such products as wool, walrus ivory, salt-fish and English- and German-minted silver were offered in exchange. One may, however, wonder whether these commodities had sufficient purchasing-power to bring Byzantine (or Oriental) silks to England and Dublin alike in apparent profusion. One may also wonder why so many traders and travellers at Gnezdovo went to the trouble of hauling boatloads of furs and other inanimate produce across to the Upper Dnieper, only to be transferred at Kiev onto other kinds of boat for the journey past the Rapids. It would, surely, only make sense if this was the most expedient means of keeping goods in peak-condition and under close supervision as long as possible. But would reloading furs and suchlike onto simpler rivercraft at Gnezdovo have impaired their condition? Or could there have been something in the nature of the goods that made retention of them in bulkier boats worthwhile – if, for example, they were living creatures and could receive food and accommodation on board, while having fewer chances of escape?

Fortunately, Constantine VII's account offers a possible solution, in treating «slaves» as a commodity routinely shipped south, and implying their propensity to flee at any opportunity: even when marched past the most formidable Rapid, they were in chains⁶⁸. If (as is likely) they were conveyed in simple craft, their chances of jumping overboard for freedom were presumably brighter; yet keeping them permanently in chains would presumably have impaired their looks, if not health. In other words, the longer they travelled in roomier boats the better, and one suspects that many traders bringing slaves down to Kiev sold them to dealers specialising in «the Dnieper run». These suspicions gain support from Ibn Fadlan's account of the slave-traders he saw at Bulgar in 922. His account implies boats comparable to those found at Gnezdovo, with rivets of the sort found there as well as at places like Rostov. The Rus at Bulgar had boats big enough to be anchored, and the cabins they built to house 10 or 20 persons may give us an idea of the number of passengers on any one vessel⁶⁹. The boat in which a chieftain was burnt could accommodate a «pavilion» which

⁶⁰ Леонтьев А.Е. Детали судов и лодок X–XIII вв. в археологической коллекции Ростова Великого // Археологический сборник памяти Марии Васильевны Фехнер / ред. Н.Г. Недошивина. М.: Государственный исторический музей. 1999. С. 159, рис. 1. (Труды ГИМ; вып. 111).

⁶¹ Леонтьев А.Е. Детали судов и лодок ... С. 162; рис. 4: 8–12 на с. 162. Rivets have been found at Timerevo, too: Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Восточноевропейские пути... С. 394.

⁶² Леонтьев А.Е. Детали судов и лодок... С. 159, 162, № 8 на с. 166.

⁶³ Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Указ. соч. С. 394–395.

⁶⁴ Леонтьев А.Е. Детали судов и лодок... С. 165.

⁶⁵ Леонтьев А.Е. На берегах озёр Неро и Плещеево // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 175; Захаров С.Д. Белоозеро // Там же. С. 231–233, 239.

⁶⁶ Леонтьев А.Е., Носов Е.Н. Указ. соч. С. 394; Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Ениосова Н.В. Указ. соч. С. 271; Андрощук Ф., Зоценко В. Скандинавские древности Южной Руси: каталог. Париж: АСНВуз, 2012. № 274–275, 280–282.

⁶⁷ Constantine VII. *De administrando imperio* / ed. and trans. G. Moravcsik, R.J.H. Jenkins. Washington, DC: Dumbarton Oaks Center for Byzantine Studies, 1967. P. 56–59.

⁶⁸ Constantine VII. *De administrando imperio*. P. 60–61.

⁶⁹ Ibn Fadlan. *Trans. Lunde, Stone*. P. 46–47.

could itself take six men and a slave-girl, alongside the corpse⁷⁰. If, as Ibn Fadlan implies, the slaves were mainly girls or young boys⁷¹, whose value depended heavily on appearance, this would have given the Rus reason to keep them in secure, comfortable, conditions as long as possible. The same calculations could have induced traders to have sizable boats hauled across the portages to Gnezdovo, rather than transferring their wares to different craft for the journey all the way down the Dnieper. In other words, Constantine VII's account meshes both with archaeological data from Gnezdovo and with Ibn Fadlan, and registers the importance of the slave-trade to the prosperity of the Rus on the Middle Dnieper.

But can this trafficking account for the appearance in the British Isles of such things as Byzantine- or Islamic-made silks? One of the other types of evidence mentioned in our title, «practices», can be mentioned only passingly, rewarding as it would be to consider cults like St Clement's (to some degree a Danish «import», stimulated by his cult in Cherson and Kiev)⁷²; the periodic renewal of coin issues by royal (as by Byzantine) authorities⁷³; and the appearance of the title *basileus* on charters of Wessex's kings from the 930s on – around the time when silks became their standard attributes⁷⁴. While these practices suggest awareness of Byzantine ways, attestations of persons from the Byzantine world at large in the North Atlantic region are more indicative of direct contacts. Their journeying from east to west may be not just a counterpart to involuntary travels of slaves in the opposite direction, but a corollary, in so far as many boats were now of sufficient size to carry paying passengers. One may recall, in this connexion, Adam of Bremen's statement that Swedes preferred using waterways to visit «Greece», as being safer than the land-route: presumably this worked the other way, too⁷⁵.

Among the more striking instances of people in the north hailing from the Byzantine world are three «Armenian bishops» attested on eleventh-century Iceland. Indeed, priests speaking Armenian and Greek were common enough for restrictions to be placed on their perfor-

mance of services by an early twelfth-century law-code («Grey-Goose»)⁷⁶. This implies a fair number of easterners on the island, purportedly in religious orders. Figures of similar profile loom in Anglo-Saxon sources, too, from the mid-tenth century on, with a tendency to be taken for «bishops». Foremost is «Bishop Sigewold, a Greek by origin» and one of «the king's magnates» under Edgar. His English name is most probably calqued on the Greek «Nikephoros» meaning «victory-bearing»⁷⁷. Whether or not he had even been ordained, he presumably had some education. He became a counsellor of Edgar and, rivalling another magnate, sought control of an important town in the Danelaw, Ely. Our text describes the rival as «Thorsteinn, a Dane», presumably resident in the region. One may surmise that Nikephoros likewise had connexions there, besides entering royal circles. In other words, he could well have landed in Eastern England from across the North Sea, perhaps accompanying silks to York or Lincoln. And, along with other priests and poseurs, he could represent a counter-flow to streams of persons borne involuntarily eastwards in sizable ships.

Our literary sources for easterners in England are monastic and clerical, with nothing to offer about traders or other travellers from the east, or tales of slaves. But that significant numbers of slaves were heading in the opposite direction seems a reasonable supposition, and a few bits of evidence and general considerations support it. Firstly, Rimbert's *Life of Anskar* mentions Christian captives shipped to the Swedes and, in Birka, rich traders, any one of whom allegedly possessed more than 100 pounds of silver⁷⁸. The silver was, almost certainly, of eastern origin while the Christian slaves can only have come from the North Sea region or further west, given the Baltic's dearth of Christian communities. Secondly, that slaves and dealers crisscrossed the North Atlantic is suggested by a vignette in *Laxdæla Saga*. In a scene comparable with Ibn Fadlan's depiction of Rus dealers on the Middle Volga, Hǫskuldr chose from among twelve slave-girls sitting in a tent in southern Norway, and took her to his home on Iceland. He had bought her for three silver marks from Gilli «the Rus», nicknamed on account

⁷⁰ Ibid. P.51, 53.

⁷¹ Ibid. P.50.

⁷² See: Crawford B.E. *The churches dedicated to St. Clement in medieval England*. St. P.: Axiōma, 2008. Esp. P.18–19, 34–43, 58–91, 207–209.

⁷³ Dolley R.H.M., Metcalf D.M. *The reform of the English coinage under Eadgar* // *Anglo-Saxon coins: studies presented to F.M.Stenton* / ed. R.H.M.Dolley. London: Methuen, 1961. P.154–155; Nightingale P. *The ora, the mark and the mancus: weight-standards and the coinage in eleventh-century England*, Part 2 // *The Numismatic Chronicle*. 1984. Vol. 144. P.239–240.

⁷⁴ Fleming R. Op. cit. P.137–138; Shepard J. *From the Bosphorus to the British Isles: the way from the Greeks to the Varangians* // *ДГ*, 2009 г. М., 2010. С.23–24.

⁷⁵ Adam of Bremen. *Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum* / ed. and trans. W.Trillmich, R.Buchner. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft. 1961. P.452–453. (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters; 11).

⁷⁶ *Íslendingabók: Kristni saga* / trans. S.Grønlie. London: Viking Society for Northern Research, University College London, 2006. P.10; «Grey Goose» in *Laws of early Iceland*. Grágás. The Codex Regius of Grágás with material from other MSS / trans. A.Dennis et al. Winnipeg: University of Manitoba Press, 1980. [Repr. 2006]. Vol. I. P.38; Garipzanov I.H. *Wandering clerics and mixed rituals in the early Christian north, c.1000–c.1150* // *Journal of Ecclesiastical History*. 2012. Vol. 63. P.3–5.

⁷⁷ *Liber Eliensis* / ed. E.O. Blake. London: Offices of the Royal Historical Society, 1962. P.73–74. See: Lapidge M. *Byzantium, Rome and England in the early middle ages* // *Settimane di studio del centro italiano di studi sull'alto medioevo*. Spoleto, 2002. Vol. 49. P.386–388.

⁷⁸ Rimbert. *Vita Anskari* / ed. and trans. W.Trillmich, R.Buchner. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1961. P.114–115, 60–61. (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters; 11).

of his «Rus hat» and, probably, a dealer in furs as well as slaves. But the slave-girl herself hailed from Ireland and, Hǫskuldr would later discover, was a princess⁷⁹.

A third item of evidence has received illumination from Janel Fontaine at an Oxford seminar. While wary of associating archaeological data with the slave-trade, she pointed out the existence of an «arc of silver», a distribution-pattern of hoards found in Eastern Ireland, mostly around the Dublin Pale⁸⁰. The silver hoards only appear in the era of the Vikings, being datable mainly to the ninth and earlier tenth century. Dirhams do not occur in abundance, but Fontaine allowed for a possible connexion between the arrival of silver from afar and the slave-trade, citing the classic article of P. Holm. Relying mainly on literary sources, Holm saw the mid-tenth to mid-eleventh century as when Dublin became «the foremost trading centre of Ireland», essentially «a merchant's town», supplying the Irish kings' need of luxuries, items such as wine, silk and precious stones⁸¹. To buy such commodities, the Irish could export cattle and slaves, and Holm proposes a variety of sources for the slaves, with the Hiberno-Norse of Dublin at the centre of a nexus of slave-raiding and -trading that encompassed Wales, the Scottish Isles and English ports like Bristol⁸². This is, I suggest, a context into which the silk caps found beside the Liffey, the pennies probably struck at Meols and, even, the *folliis* from nearby Warburton fit quite well.

Quite how many slaves headed east, and whether some went as far as Rus and Byzantium are questions as unanswerable as those of precisely how silks reached York and Dublin and (in the latter case) of how many ended up at Irish chieftains' courts inland. One might sift through the *Laws of Gotland* – of thirteenth-century date, but probably registering longstanding customs – and ponder the attention paid to slaves and runaways⁸³. And the *Kratkaia Pravda* specifically provides for runaway or stolen slaves being harboured by Varangians: the latter must hand them back to their rightful owners and pay a fine «for the offence»⁸⁴. This implies slave-dealing as well as slave-stealing on the Varangians' part, with the

further implication that they were still conveying slaves to and from Rus in the mid-eleventh century, seemingly the time when the *Kratkaia Pravda* was composed⁸⁵. In this era, a market in Constantinople seems to have been reserved for slaves sold by the Rus⁸⁶. The preoccupations of the authorities in Constantinople were akin to those of the English authorities, when it came to slave-trading: dealing with runaways and putting a price on redeemable or slain slaves feature in both the Russo-Byzantine treaties and the treaty made between Ethelred the Unready and a group of Viking leaders (including the Norse king Olaf Tryggvason) in, most probably, 994⁸⁷. From the similarities alone one can scarcely infer anything more than the prominence and profitability of slave-trading in both Byzantine and English society at this time, and direct links between their respective slave-markets look implausible. Nonetheless, the apparent influx into the British Isles of Byzantine things, especially silks, may best be explained by a series of transactions by traffickers, involving high-value slaves. Judging from details available for Irish Sea slave-trading and also from *Laxdæla Saga's* account of the peregrinations of Gilli «the Rus» and the Irish princess, slaves and dealers could range back and forth across vast distances, with Rus a possible outlet for slaves as well as a source of furs.

Correlation of stray written references with far-flung items of material culture is, inevitably, hazardous. It is all the more open to charges of arbitrariness in the case of commodities like slaves, so seldom identifiable from archaeological data alone. But our correlation does at least bring perspective to phenomena like Sigewold and sense to statements liable to be dismissed as curios. A couple of instances may illustrate this. Firstly, the impression that Thietmar of Merseburg relays in his *Chronicle* from an eyewitness account that the Kievian region in 1018 was teeming with «fast-moving Danes» and «runaway slaves»⁸⁸. This seems to fit our picture quite well,

⁷⁹ *Laxdælasaga* / ed. B. S. Kristjánsson; trans. K. Kunz // *The saga of the people of Laxardal and Bolli Bollason's Tale*. London: Penguin, 2008. P. 16–17, 19; Wyatt D. *Slaves and warriors in medieval Britain and Ireland, 800–1200*. Leiden: Brill, 2009. P. 153–154.

⁸⁰ Fontaine J. *The archaeology of slavery: comparing methods in the British Isles and Slavic Central Europe* / Paper delivered on 5 May 2015, Khalili Research Centre, Oxford.

⁸¹ Holm P. *The slave trade of Dublin: ninth to twelfth centuries* // *Peritia*. 1986. Vol. 5. P. 331, 334–335.

⁸² *Ibid.* P. 340–342. See also: Hudson B. *Op. cit.* P. 45–46, 88–89, 146–147.

⁸³ *Guta lag: the law of the Gotlanders* / trans. C. Peel. London: Viking Society for Northern Research, University College London, 2009. P. xxi, xxxii, xxxviii–xxxix (introduction); p. 60–63 (text).

⁸⁴ *The laws of Rus' – tenth to fifteenth centuries* / ed. and trans. D. H. Kaiser. Salt Lake City, UT: Charles Schlacks Jr., 1992. P. 16.

⁸⁵ For approaches to slavery in Rus, see e. g.: Фроянов И. Я. *Киевская Русь: очерки социально-экономической истории*. Л.: изд-во Ленинградского университета, 1974. С. 100–113, 151–157; Franklin S., Shepard J. *The emergence of Rus, 750–1200*. London: Longman, 1996. P. 118–119, 219, 222, 288, 290–291; *Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия* / под общ. ред. Е. А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2014. С. 670–671, 872–873 [М. Б. Свердлов].

⁸⁶ *Посмертные чудеса святителя Николая* / ред. архимандрит Леонид // *Памятники древней письменности*. 1888. Т. 72. С. 25.

⁸⁷ *Повесть временных лет* / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д. С. Лихачева; под ред. В. И. Адриановой-Перетц; [Доп. М. Б. Свердлова]. 2-е изд. СПб.: Наука, 1996. С. 19, 24–25. (Литературные памятники); «Ethelred's treaty with the Viking army». *Trans. in English Historical Documents*, с. 500–1042 / ed. D. Whitelock. Rev. ed. London: Eyre Methuen–New York: Oxford University Press, 1979. P. 437–439. For comparison between Russo-Byzantine and Anglo-Scandinavian agreements, see: Stein-Wilkeshuis M. *Scandinavians swearing oaths in tenth-century Russia: pagans and Christians* // *Journal of Medieval History*. 2002. Vol. 28. P. 155–168.

⁸⁸ Thietmar of Merseburg. *Chronicon* / ed. and trans. W. Holtzmann, R. Trillmich. Darmstadt: Wissenschaftliche

as does his mention of eight markets in Kiev itself: may not some have been slave-markets? Secondly, William of Malmesbury's allegation that the wife of Earl Godwin, Gytha, dealt in slaves with Denmark: she sold girls especially, «whose beauty and youth would enhance their price, so that by this hideous traffic she could accumulate vast wealth»⁸⁹. Godwin family interest in Irish Sea slave-trading is inferred by D. Wyatt: after being exiled, Harold Godwinson raided the Severn estuary with his warband, probably in quest of slaves to be marketed⁹⁰.

Buchgesellschaft, 1957. P.474–475. (Ausgewählte Quellen zur Deutschen Geschichte des Mittelalters; 9).

⁸⁹ William of Malmesbury. *Gesta regum Anglorum* / ed. and trans. R. A. B. Mynors et al. Oxford: Clarendon Press, 1998. Vol. I. P. 362–363; Hudson B. Op. cit. P. 146–147; Wyatt D. Op. cit. P.136.

⁹⁰ Wyatt D. Op. cit. P.106 and n. 206.

After Harold's death at the Battle of Hastings, Godwin family contacts formed over their years of slave-trading might be expected to come in useful. If networks furthering exchanges of silks for slaves ranged eastwards, they could have had a bearing on both the standing and the destination of Harold's daughter, named (like her grandmother) Gytha. Within, probably, a few years of Hastings, she was in Rus, and married to none less than Vladimir Monomakh⁹¹. Here is another instance of the movement of persons far eastwards from the British Isles – and a hint of Old Rus' role as intermediary between the North Atlantic and the Byzantine world.

⁹¹ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 522–524; Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия. С. 183 [В. И. Матузова].

Резюме

Джонатан Шепард

Путешествия и торговля между Британскими островами, Русью и Византией в эпоху викингов

На Британских островах известно значительное число находок X и XI веков, происхождение которых многие исследователи связывают с Византией. Это монеты, изделия из шелка и свинцовые печати. Определение находок как византийских иногда оспаривается, сомнению подвергается и время появления монет на Британских островах. Распространено мнение, что эти вещи поступали на острова в основном через Италию. Цель данной статьи – доказать византийское происхождение большинства подобных находок. Автор делает акцент на их количественной представительности и сравнительной типологии изделий, сопоставляя их с ранне-византийскими находками на Британских островах. Особое внимание обращено на факт оживленной торговли по Ирландскому морю как в эпоху викингов, так и в V–VI вв., когда наличие прямых связей с Византией несомненно. Об этом свидетельствуют находки шелковых изделий в Дублине на берегах р. Лиффи. Подчеркивается, что вещественные находки необходимо рассматривать на фоне сведений

письменных источников. В последних упоминаются путешествия отдельных лиц, не только дипломатических посольств, но также торговцев и клириков; часть путешественников были подневольными (рабами). Вероятно, последние являлись основным видом «товара», который шел в обмен на шелка из Византии и стран Востока. Присутствием византийцев среди английского правящего класса и монашества может объясняться появление в конце X – начале XI в. титулов и придворных церемониалов, несколько напоминающих византийские. Автор считает эти предположения вероятными в свете ряда других свидетельств тесного взаимодействия скандинавской диаспоры (включая ее представителей на Британских островах и Руси) с Византийским миром. Не отвергая устоявшегося мнения о том, что контакты Византии с Британскими островами шли через страны Средиземноморья, Италию, альпийские горные проходы, автор стремится доказать, что основной поток товарообмена с Византией проходил через земли Руси.

К этногеографии Сказания о призвании варягов

Две основные редакции Варяжского сказания – по Новгородской первой летописи младшего извода (Н1мл) и по Повести временных лет (ПВЛ) – значительно различаются¹. Первая из них, согласно выводам А. А. Шахматова и его последователей, отражает тот вид текста, который имелся в Начальном киевском своде (Нсв). Она не содержит явных указаний на соответствие трех упомянутых городов – Новгорода, Белоозера, Изборска – племенам, приглашающим князей.

Составитель ПВЛ, напротив, был уверен в наличии соответствий между городами и племенами. Эта уверенность побудила его решительно переработать текст Сказания, имевшийся в Нсв, ликвидируя противоречия, которые он усмотрел в тексте предшественника. В редакции Сказания по ПВЛ настолько усилены этногеографические мотивы, что сам сюжет кажется лишь поводом для перечисления племен и городов.

Ни одна из версий Сказания не дает прямого ответа на вопрос: в землях какого племени расположен Изборск? Ответ на него приходится искать «между строк», чем и занимались историки начиная с составителя Устюжской летописи XVI в., приписавшего Изборск кривичам. Не углубляясь в историографию этого вопроса, заметим, что большинство возможных вариантов ответа перебрал в разных своих работах еще А. А. Шахматов. В 1904 г. он приходил к заключению, что «составителю сказания, новгородцу первой половины XI в., было ясно, что городом кривичей был Изборск»², а в 1908 г., очевидно, углу-

бившись в этногеографию региона, опровергал сам себя: «...изборяне рассказывали о Труворе, правда, изборяне это не кривичи, но подходящего кривичского предания в наличности у летописца не имелось; Изборск населен наполовину чудью, пришлось ввести чудь в число племен, призвавших варягов»; «...мы находим чудь в эпизоде о призвании князей, и имени ее соответствует город Изборск, пограничный город словен и чуди. Эта чудь была необходима для составителя Новгородского свода: иначе он не мог уяснить себе поселения Трувора, одного из призванных варяжских князей, в Изборске»³.

Представляется, что последнее рассуждение ближе к истине, однако предложенный Шахматовым мотив летописца неубедителен: как отмечал и сам исследователь⁴, никакого соответствия городов племенам в первоначальной версии Сказания не было, и с этой точки зрения уяснить себе размещение Трувора не было нужно.

Проблемы этнокультурной истории региона Изборска

Каждый из вариантов, предложенных Шахматовым, нашел своих приверженцев среди историков XX века, и не в последнюю очередь археологов. В. В. Седов указывал на кривичский, латгальский и прибалтийско-финский этнические компоненты населения Изборска⁵. Г. С. Лебедев отрицал само существование «псковских кривичей» и предложил считать Изборск западным поселением ильменских словен, вступивших в «этнические контакты

¹ Существенно различаются между собой и версии Сказания по двум редакциям самой ПВЛ, но в статье речь пойдет главным образом об элементах, общих для ПВЛ. За основу здесь взята «силвестровская редакция» (по Лаврентьевской летописи).

² Шахматов А. А. Сказание о призвании варягов // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1, кн. 2. СПб.: Наука, 2003. С. 226. (По изданию: Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб., 1904. Т. IX, кн. 4).

³ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.: Наука, 2002. С. 214, 217. (По изданию: Летопись занятий Императорской Археологической комиссии. Вып. 20. СПб., 1908).

⁴ Там же. С. 207.

⁵ Седов В. В. Изборск в раннем Средневековье. М.: Наука, 2007. С. 91–95, 396.

с латгалами, эстами, чудью»⁶. Д. А. Мачинский размещал в Изборске и на обширных прилегающих территориях чудское племя норова/мерева, поименованное в летописи, согласно его выводу, мерей⁷. А. А. Горский связывал с Изборском чудь Варяжского сказания⁸.

Этнокультурная предыстория Изборского края подробно рассмотрена В. В. Седовым⁹, который считал, что эти земли с древности входили в ареал восточной группы прибалтийских финнов в пограничье с западной группой, причем во второй половине I тыс. н. э. наблюдаются культурные заимствования в этой зоне – как с запада на восток, так и обратно. В материалах Изборского городища к субстратной традиции прибалтийских финнов относятся открытые очаги, обложенные камнями¹⁰; вещевой материал также находит многочисленные аналогии в финском мире.

Вполне очевидно, что взаимодействие славян и прибалтийских финнов началось в регионе Изборска и Пскова в пределах второй половины I тыс. н. э., однако датировка начала этого процесса и этническая оценка отдельных культур этого времени – длинных курганов и сопок – остаются дискуссионными¹¹.

Археологические материалы времени начального летописания более однозначны. Из недавних публикаций для изучаемого вопроса важны монографии о могильниках двух разных групп «чуди» – Залахтовье¹² и Сиксяля¹³. Несмотря на то, что эти памятники находятся в отдалении от Изборска (первый – в 85 км к северу, а второй – в 40 км к юго-западу), авторы публикаций проделали большую работу по со-

поставлению материалов на широком фоне. Яркие и своеобразные комплексы погребального инвентаря этих двух памятников показывают, что Изборск с окрестностями в XI–XII вв., несмотря на многие аналогии в отдельных типах вещей, принадлежал как целое к другому культурному кругу, а именно к общедревнерусской культуре северной зоны.

Эстонский археолог Х. Валк рассматривает этническую ситуацию региона Изборска в связи с обобщением археологических материалов земли Сетумаа¹⁴ и фундаментальной публикацией могильника Сиксяля. Исследователь считает, что прибалтийско-финский (чудской) этнический компонент составлял значительную долю изборожан, несмотря на принадлежность к общей культуре «древнерусского времени». При этом чудской компонент сам по себе неоднороден. Одну из групп этого населения ближайшей округи Изборска связывают с традицией сооружения каменных конструкций в курганах. Вероятно, это были предки современных сету, подвергшиеся ассимиляции славянами¹⁵.

Традиции использования камня в погребальных сооружениях имели в окрестностях Изборска и Пскова глубокие корни. Они прослеживаются в нескольких вариантах начиная с первых веков н. э. и связываются как с культурой эсто-ливских каменных могильников с оградками, так и с памятниками восточных прибалтийских финнов, для которых, по В. В. Седову, были характерны погребальные сооружения в виде беспорядочно набросанных камней. Влияние этих традиций испытала и культура длинных курганов в третьей четверти I тыс. н. э.¹⁶

Другая группа прибалтийских финнов, оставившая могильник Сиксяля и ряд других памятников к юго-западу от Изборска, характеризуется гибридной культурой со значительными элементами древностей латгалов. Если В. В. Седов усматривал в составе жителей Изборска непосредственное присутствие латгалов, то Х. Валк считает, что элементы латгальской культуры переданы сюда данной группой – «чудью очела», которая сформировалась в

⁶ Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1978. С. 83–85.

⁷ Мачинский Д. А. Этносоциальные и этнокультурные процессы в Северной Руси (период зарождения древнерусской народности) // Русский Север. Л., 1986. С. 19–23.

⁸ Горский А. А. Кривичи и полочане в IX–X вв. (вопросы политической истории) // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования, 1992–1993 годы. М., 1995. С. 62.

⁹ Седов В. В. Изборск ... С. 19–35.

¹⁰ Там же. С. 73.

¹¹ Седов В. В. Прибалтийские финны. Древности северо-западной части Восточной Европы во второй половине I тыс. н. э. // Финны в Европе, VI–XV вв. Вып. I. М., 1990. С. 8–35; Конецкий В. Я. Чудь «Повести временных лет»: этнокультурная и историческая интерпретация // Новгородика-2006. К 100-летию академика Д. С. Лихачёва: материалы Международной научной конференции. Великий Новгород, 2007. С. 202–216, там же историография.

¹² Хвощинская Н. В. Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтовье). СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 428 с.

¹³ Laul S., Valk H. Siksälä. A community at the frontiers. Iron age and medieval. Tallinn; Tartu, 2007. 237 p.; Valk H., Ratas J., Laul S. Siksälä kalme. II. Matuste ja leidudekataloog. Tartu, 2014. 335 p. [на эст. яз.]

¹⁴ Valk H. Hilisrauaaeg (1000/1050 – 1225) // Setomaa – 2. Vanem ajalugumuinasajast kuni 1920. aastani. Tartu, 2009. S. 126–166 [на эст. яз.]. Резюме: Поздний железный век (1000/1050 – 1225). С. 170–172.

¹⁵ Седов В. В. Мальский курганно-жальничный могильник близ Изборска // КСИА. Вып. 146. М., 1976. С. 95; Valk H. Hilisrauaaeg ... P. 171.

¹⁶ Седов В. В. Погребальные памятники Изборска // Археологические памятники Европейской части РСФСР: погребальные памятники. М., 1988. С. 94–97; Его же. Изборск... С. 21, 28; Харлашов Б. Н. Курганы с каменными конструкциями в округе Пскова и Изборска // Краеугольный камень. Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Т. 2. М.: Ломоносовъ, 2010. С. 459–467; Яковлев А. В. Памятник круга ранних каменных могильников в Выбутах близ Пскова // Древности Пскова. Археология. История. Архитектура: к юбилею И. К. Лабугиной. Псков, 1999.

результате этнического контакта финнов с латгалами¹⁷. Относили очелу к чудским племенам и другие исследователи¹⁸. Традиционно Очела отождествляется с областью Адзеле на северо-востоке современной Латвии, которая, согласно выводу Э. Мугуревича, была заселена как латгалами, так и предками эстонцев¹⁹. В обоснование мнения о чудской принадлежности очелы Х. Валк ссылается на контекст Н1мл под 1178: «иде Мьстиславъ с новгородци на Чюдь, на Очелу...»²⁰. Между тем контекст этот неоднозначен; в Академическом и Толстовском списках этот оборот выглядит иначе: «на Чюдь и на Очелу». В более раннее время Н1мл сообщает о последовательных отдельных походах князя Мстислава Владимировича на Очелу (под 1111) и на Чудь (1113 и 1116).

Разными по происхождению группами представлен в Изборске и славянский этнический элемент. В материалах Труворова городища отмечены височные кольца, свойственные самым разным группам восточных славян²¹, но еще более красноречивы материалы женских погребений XI–XII вв. из округи Изборска, данные о которых пополнились за последние годы. До сих пор здесь в основном находили височные кольца перстнеобразные и с тремя зернеными бусинами (характерные главным образом для правобережья белорусского и среднего Поднепровья): Малы²², Верепково, Лопатово, Новая²³. В двух погребениях могильника Усть-Смолка встречены уборы из браслетообразных завязанных колец, причем в одном кольца завязаны двумя концами проволоки, а в другом – одним²⁴, что указывает на

¹⁷ Валк Х. Об истории основных путей из Изборска на запад // Изборск и его округа: материалы Международной научно-практической конференции 2007–2008 гг. Изборск, 2009. С. 96; Valk H. Nilisrauaaeg ... P. 171.

¹⁸ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 83; Конечкий В. Я. Чудь ... С. 203.

¹⁹ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига: Зинатне, 1965. С. 15.

²⁰ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 225.

²¹ Седов В. В. Изборск ... С. 93, 354–357.

²² Седов В. В. Мальский ... С. 93.

²³ Грушина Л. Е. Курганно-жальничный могильник близ дер. Верепково; Курганный могильник у дер. Лопатово (Турок) Печорского района Псковской области; Жальнично-грунтовый могильник у дер. Новая Печорского района Псковской области [Электронный ресурс] // Setumaa – 2. Археология и ранняя история (до 1920 года). CD-ROM [ко 2-му тому]. [Статьи на русском языке]. Тарту, 2009. С. 53–64. Печатная версия: Setumaa – 2. Vanem ajalugumuinasajast kuni 1920. aastani. Tartu, 2009.

²⁴ Лопатин Н. В. Итоги изучения археологического комплекса Усть-Смолка в 1999–2001 гг. // Изборск и его округа: материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию Изборской археологической экспедиции, 6–7 сентября 2001 г. Псков, 2002. С. 48–52; Его же. Могильник Усть-Смолка III [Электронный ресурс] // Setumaa – 2. Археология и ранняя история (до 1920 года). CD-ROM [ко 2-му тому]. [Статьи на русском языке]. Тар-

связи с кривичскими территориями Смоленской и Тверской земель, а также Северо-Востоком Руси²⁵. В этом же могильнике открыто погребение с латгальским головным венчиком (вайнагой) в комплексе с перстнеобразными височными кольцами²⁶.

Противоречия в оценках этнической ситуации в регионе Изборска и прилегающих территорий Эстонии и Латвии в работах В. В. Седова, Э. Мугуревича, Х. Валка и др. исследователей не являются непримиримыми и касаются главным образом удельного веса прибалтийско-финского (чудского) элемента в межэтнических контактах. Как видим, большинство археологов при всех вариантах решения вопроса об этносе жителей Изборска признает интенсивные этнокультурные контакты с участием «чуди» в этом регионе в период ранней Руси²⁷. Такая картина является далеко не исключительной: «... по мере накопления археологических материалов повсеместно выявляется культурная многокомпонентность средневековых памятников северной периферии Руси»²⁸. Однако не будем в данный момент подробно касаться археологических материалов и обратимся вновь к текстам летописей, возможности рассмотрения которых далеко не исчерпаны. Понимание летописцами интересующего нас вопроса – об этнической принадлежности жителей Изборска – можно уточнять, хотя оно и не сформулировано впрямую.

Чудь в ранней истории Руси

Чудь русских летописей отождествляется конкретно с эстами – западными соседями Новгородской земли²⁹. Это подтверждается целым рядом летописных контекстов за XI–XIII вв., где данный этноним всегда (если имеет географическую определенность) соотносится с землями эстов. Возможно, в некоторых ранних контекстах содержание термина «чудь» было еще более узким, относясь к населению

ту, 2009. С. 84–86. Печатная версия: Setumaa – 2. Vanem ajalugumuinasajast kuni 1920. aastani. Tartu, 2009.

²⁵ Седов В. В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 160, 167; Макаров Н. А. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология севернорусской деревни X–XIII веков: средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3. М., 2009. С. 96.

²⁶ Лопатин Н. В., Харлашов Б. Н. Новые данные об округе Изборска в X–XII вв. // КСИА. Вып. 240. [В печати].

²⁷ Седов В. В. Изборск ... С. 117, 395–396; Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С. Археологические памятники ... С. 85; Конечкий В. Я. Чудь ... С. 213; Валк Х. Об истории ... С. 171; Лопатин Н. В. Изборск // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 133–136.

²⁸ Макаров Н. А. Культурная идентичность ... С. 91.

²⁹ Седов В. В. Прибалтийские финны. Эсты // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М.: Наука, 1987. С. 12. (Археология СССР); Конечкий В. Я. Чудь ... С. 202, там же ссылки.

Юго-Восточной Эстонии³⁰, однако не следует в этом видеть противопоставление с другими эстонскими землями. Целый ряд сообщений летописей за конец XII – начало XIII в., в которых «чудь» (без уточнений) чередуется с конкретными территориально-племенными обозначениями («чудь ерева», «чудь рекома торма» и др.), убеждает в распространении этнонима на всех эстов. Отнесение в писцовых книгах к «чуди» самых западных погостов территории води³¹ лишь уточняет исконные представления новгородцев о восточных пределах чудских земель в пограничье с водскими.

Кроме того, летописцы знали отдельную чудь заволоцкую, но всё же не употребляли термин «чудь» в расширительном значении, охватывающем группу финноязычных народов. Поэтому вряд ли возможно согласиться с мнением А. В. Кузы, который относил чудь к первоначальным участникам федерации северных племен, но предлагал понимать этот этноним расширительно – как обозначающий «чудь вообще», включая весь, мерю и эстов³². Богатые фольклорные и топонимические материалы, касающиеся этнонима «чудь»³³, свидетельствуют, скорее всего, о постепенном расширении его употребления в более позднее время.

Намек на расширенное понимание чуди допустимо усмотреть в этногеографическом введении ПВЛ: его автор в состав чуди, возможно, включал водь, ижору и корелу, потому что в списках народов в пределах Введения эти этносы отдельно не упоминаются³⁴. Причисление к летописной чуди ряда родственных народов, соседствующих с эстами с востока, предполагает и Е. Л. Назарова³⁵, хотя отнесение в этой работе белозерской веси также к чуди на основе информации Варяжского сказания остается неубедительным.

В работах ряда исследователей, не принимающих выводы шахматовской школы о вторичности многих контекстов ПВЛ по сравнению с Н1мл, выстроена теория об особой роли чуди в первые века русской истории. Одинаковое отношение к тексту ПВЛ как исконному или даже сохранившему более древнюю, чем в Н1мл, информацию, приводит

³⁰ Конецкий В. Я. Чудь ... С. 213.

³¹ Рябинин Е. А. Финно-угорские племена в составе Древней Руси. СПб.: Изд-во СПбУ, 1997. С. 18–20, там же ссылки.

³² Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества XII–XIII вв. М., 1975. С. 147.

³³ Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М.: Наука, 1990. С. 86–115.

³⁴ «В Афетовѣ же части съдять русь, чудь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва, заволочская чудь, пермь, печера, ямь, угра, литва, зимьгола, корсь, лѣтьгола, любь»...; во втором списке добавляются черемись и норома.

³⁵ Назарова Е. Л. Эсты и «чудь» в русских летописях // Восточная Европа в древности и средневековье: X Чтения к 80-летию В. Т. Пашуто. М., 1998. С. 79–82.

Т. Нунана, а также Е. А. Мельникову и В. Я. Петрухина к сходным выводам³⁶. Получается, что чудь участвует в призвании князей, но после этого не входит в число подданных Рюрика. Она участвует в походе Олега на Киев в 882 г., но отсутствует среди племен, которым Олег «устави дани» после завоевания Киева. Она участвует также в походе Олега на Царьград 907 года, но не упоминается в русско-византийском договоре этого года. Из всего этого делается вывод, что чудь занимала важное союзническое положение по отношению к русским князьям, участвовала в их военных кампаниях наряду с варягами на наемных основаниях, но не входила в число подданных, в отличие от мери, веси, муромы и славянских племен.

Однако при изложении этой стройной системы не учитывается, что она выстроена из разнородных элементов. Так, перечень племен в войске Олега 6390 (882) есть простой повтор перечня из статьи ПВЛ 859 г. о варяжской дани (совпадает не только состав, но и порядок), второй же перечень племен из статьи 882 г., связанный с установлением даней в Киеве, совпадает в ПВЛ с Н1мл и является, следовательно, наследием Начального свода. Текст ПВЛ под 6415 (907) вторичен по целому ряду признаков, в том числе и по составу племен в войске Олега³⁷; весьма сомнительна сама подлинность договора 907 года. Что касается разногласий в Сказании о призвании князей, то более подробно рассмотрим их ниже.

Построения Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина уже критиковались на основе археологических данных, которые могут свидетельствовать о контактах эстов со скандинавами и славянами по отдельности, но не подтверждают контакты последних между собой через земли эстов³⁸. Часть выводов Т. Нунана, Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина должна быть принята. Действительно, никакая данническая зависимость чуди от Новгорода или Киева ранее XI в. не прослеживается³⁹. Справедлива оценка информа-

³⁶ Noonan T. The nature of Medieval Russian-Estonian relations, 850–1015 // *Baltic History*. Columbus (Ohio), 1972. P. 13–20; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. Русь и чудь. К проблеме этнокультурных контактов Восточной Европы и балтийского региона в первом тысячелетии н. э. // *Балто-славянские исследования*, 1988–1996. М.: Индрик, 1997. С. 40–50.

³⁷ Творогов О. В. Повесть временных лет и Начальный свод (текстологический комментарий) // *Труды Отдела древнерусской литературы / АН СССР*. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Л.: Наука, 1976. Т. XXX. С. 16, 17.

³⁸ Конецкий В. Я. Чудь ... С. 203, со ссылкой на: Седов В. В. Эсты и Северо-Западная Русь // *Славяне, финно-угры, скандинавы, волжские булгары: доклады Междунар. науч. симпозиума по вопросам археологии и истории*. СПб., 2000. С. 182–193.

³⁹ К такому же выводу приходили и другие исследователи: Куза А. В. Новгородская земля ... С. 147; Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе: (С древнейших времен до 1000 г.): тексты, перевод, комментарий. М.: Наука, 1993. С. 193.

ции о привлечении представителей чуди к мероприятиям Владимира Святославича как достоверной. Кроме того, вышеизложенная трактовка содержания термина «чудь», согласно Введению ПВЛ, может подкрепить мнение Е. А. Мельниковой и В. Я. Петрухина об особой роли чуди в славяно-скандинавских контактах, поскольку путь скандинавов к Ладоге лежал через земли не «эстонской чуди», а води и ижоры. В то же время принципиально важным я считаю отдельное рассмотрение текстов Сказания: сперва из Н1мл, а затем – из ПВЛ, что будет соответствовать порядку их создания и редактирования.

Чудь в Варяжском сказании по Н1мл

Один из ключевых вопросов в рассмотрении взглядов летописца по разбираемому вопросу – время и причины добавления чуди в список приглашающих племен, а также характер редакторских трансформаций этого списка.

До недавнего времени преобладало согласие исследователей с первоначальной точкой зрения А. А. Шахматова, относившего вставку чуди к работе составителя ПВЛ⁴⁰ с последующим влиянием на текст Нсв (где чуди исконно якобы не было) при составлении более поздних новгородских сводов⁴¹. Решающих текстологических аргументов в пользу этого мнения, однако, найдено не было.

К настоящему времени целым рядом исследователей аргументирована точка зрения о том, что Н1мл близко к тексту воспроизводит текст Нсв, послуживший основой для ПВЛ. Наиболее подробно она изложена в публикации П. С. Стефановича, где делается вывод о том, что вся статья 854 г. Н1мл составляет единую повесть о Начале Русской земли⁴². Споры о соотношении Н1мл и ПВЛ, конечно, будут продолжаться, но в данный момент мы имеем до-

⁴⁰ Единственным объяснением добавления чуди при таком понимании оказываются размышления составителя ПВЛ, обладавшего обширными этногеографическими познаниями: «в этом призвании могла участвовать, по соображению игумена Сильвестра, чудь, иже пресъдять къ морю Варяжскому (см. космографическое введение). Отсюда замена мери чудью...» (Шахматов А. А. Сказание ... С. 226).

⁴¹ Шахматов А. А. Сказание ... С. 226; Алешковский М. Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М.: Наука, 1971. С. 124; Горский А. А. Кривичи и полочане ... С. 61; Стефанович П. С. Загадочное известие летописи: древнейшая дань из Новгорода в Киев // Новгородский исторический сборник. № 12 (22). М.; СПб., 2011. С. 26.

⁴² Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 47–49, там же ссылки; Стефанович П. С. «Сказание о призвании варягов» или *Origo gentis russorum*? // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2010 г.: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 573.

статочное основание избрать в качестве отправной точки для дальнейших рассуждений концепцию о тождестве ранней части Н1мл с Нсв. Из этого следует, в частности, что чудь присутствовала в тексте Варяжского сказания ранее составления ПВЛ.

Текст Сказания по Н1мл, в свою очередь, имеет явные признаки редактирования, поэтому уместны и попытки ретроспекции, расслоения этого текста. В частности, вставкой в более ранний текст предстает включение чуди в перечень приглашающих племен. Известны также разнообразные взгляды на время и последовательность появления в рассказе первых трех племен⁴³, но мы здесь будем исходить из положения о первоначальности их присутствия – по крайней мере по отношению к приписанной «в хвост списка» чуди.

Разберем фрагмент Сказания по Н1мл с упоминаниями чуди. «Въ времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии Словени, и Кривици и Меря: Словенѣ свою волость имѣли, а Кривици свою, а Мере свою; кождо своимъ родомъ владыше; а Чюдь своимъ родом; и дань даяху Варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у них, то ти насилье дѣяху Словеномъ, Кривичемъ и Мерямъ и Чюди. И вѣсташа Словенѣ и Кривици и Меря и Чюдь на Варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити...». Из четырех сходных перечней племен, следующих подряд, чудь появляется со второго раза, причем здесь очевидна избыточная вставка, смысл которой – дополнительно соотнести северный сюжет с южным, открывающим статью 854 года: «Начало земли Руской. Живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣstech и странахъ, владѣюща кождо родомъ своимъ». Скорее всего, она относится к Начальному своду. Хотя фраза «владѣюща кождо родомъ своимъ», вероятно, присутствовала и в более ранних летописных текстах⁴⁴, именно в Нсв она заняла особенно видное место в начале повествования.

На первый взгляд, присутствие чуди в третьем и четвертом перечнях является прямым продолжением вставки в перечне втором. Но это не обязательно так. Допустимо видеть здесь иную логику и последовательность: дублируя этот зачин в пассаже о северных племенах, составитель Нсв обратил внимание на то, что далее действуют уже четыре

⁴³ Янин В. Л., Алешковский М. Х. Происхождение Новгорода (к постановке проблемы) // История СССР. 1971. № 2. С. 52; Куза А. В. Новгородская земля... С. 149–151; Михеев С. М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011. С. 213–214.

⁴⁴ Гиппиус А. А. Два начала Начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 57–96; Его же. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. С. 54, 55, 61.

племени вместо трех, и приписал оборот «а чюдъ своим родом»⁴⁵.

Таким образом, возможно относить вставку чуди в третий и четвертый перечни к более ранним этапам редактирования текста, чем Нсв. Так же, как и тройственная система городов (Новгород, Белоозеро, Изборск), участие чуди хорошо согласуется с политической линией Ярослава в период его новгородского княжения – линией, которая объединяет и включение Изборска на чудской границе в число городов легендарной «Руси Рюрика», и включение самой чуди в список племен, добровольно подчинившихся последнему. Именно Ярослав Владимирович начал политику завоевания и обложения данью чудских земель, которая продолжалась его преемниками в XI – начале XIII в.

Альтернативным решением вопроса о времени вставки Изборска и чуди в текст Сказания может быть отнесение ее к «Своду Изяслава» начала 1060-х гг., реконструируемому А.А. Гиппиусом⁴⁶. Именно в это время произошло жестокое обострение отношений Руси с чюдью⁴⁷. Однако более подходящим моментом для этой вставки мне представляется время новгородского княжения Ярослава и особенно – короткий период его противостояния с Владимиром (1014–1015) – исходя из большей уместности тройственной системы городов в целом как отражающей конструкцию Новгородского княжества, автономного от Киева⁴⁸.

Реконструируемая история вставки чуди в текст обеспечивает предположение о трех этапах бытования и редактирования самого текста, предшествующих ПВЛ: 1) рассказ о варяжской дани на трех северных племенах, освобождении от нее и о призвании князей; 2) дополнение рассказа вставками о чуди и о городах, где сели княжить братья Рюрика; 3) включение Варяжского сказания в повесть о Начале Русской земли (статья 854 г. Н1мл).

⁴⁵ Трактовка этого оборота как свидетельства особого положения чуди среди племен (Мельникова Е.А., Петрухин В.Я. Русь и чюдъ... С. 41) представляется мне натяжкой.

⁴⁶ Гиппиус А.А. До и после ... С. 61.

⁴⁷ Н1мл под 1060, Софийская I летопись под 1054 и 1060; Назарова Е.Л. Заметки к истории похода на чудь 1054 года // Норна у источника Судьбы: сб. ст. в честь Елены Александровны Мельниковой. М.: Индрик, 2001. С. 282–288; Тваури А. Следы города Юрьева с 1030 по 1061 г. в культурном слое нынешнего Тарту // Псков в российской и европейской истории (к 1100-летию летописного упоминания): Международная научная конференция: в 2 т. М.: МГУП, 2003. Т. 1. С. 240–244.

⁴⁸ Подробнее об этом см.: Лопатин Н.В. О феномене древнейшего летописного упоминания Белоозера и Изборска // Северная Русь и проблемы формирования Древнерусского государства: сб. материалов Международной научной конференции (Вологда – Кириллов – Белозерск, 6–8 июня 2012 г.). Вологда, 2012. С. 21–31; Его же. Изборск в кругу реалий Варяжского сказания. [В печати].

Этногеография Сказания в ПВЛ

Обратимся к последующему редактированию текста Сказания при составлении ПВЛ. Закономерен вопрос: что заставило составителя ПВЛ поставить чудь на первое место, и вообще: почему порядок племен изменен по сравнению с Нсв? Как полагал А.А. Шахматов, это произошло из-за того, что чудь первоначально была приписана над строкой⁴⁹. Но остается непонятным, если и над строкой, то почему именно в начале списка?

По-видимому, объяснение должно быть другим: если состав племен (первых четырех) соответствует Н1мл, то порядок их перечисления определен Введением самой ПВЛ.

Посмотрим на основные перечни племен Северной Руси в Н1мл и ПВЛ.

Н1мл, Сказание: словене, кривичи, меря, чудь
ПВЛ, Введение (Лаврентьевская):

Перечень 1) русь, чюдъ и вси языци: меря, мурома, весь...

Перечень 2) ... словѣни..., полочане..., кривичи..., на Бѣлѣозерѣ сѣдять весь, а на Ростовскомъ озерѣ меря, а на Клецинѣ озерѣ меря же, а по Оцѣ рѣцѣ, где втечетъ в Волгу, мурома языкъ свой...

Перечень 3) ...инии языци, иже дань даютъ Руси: чюдъ, меря, весь, мурома,... (ср. в Ипатьевской: чюдъ, весь, меря, мурома,...)

ПВЛ, Сказание (Лаврентьевская):

Перечень 4) на чуди, и на словѣнхъ, на мери, и на всѣхъ [веси?], кривичѣхъ.

Перечень 5) русь [руси?], чудъ, словѣни и кривичи и вси [весь?]

Перечень 6) ...первѣи насельници в Новѣгородѣ словѣне, въ Полотьски кривичи, в Ростовѣ меря, в Бѣлѣ-озерѣ весь, в Муроме мурома.

Начав перечень в Сказании, как и во Введении, от моря Варяжского, то есть с чуди, составитель ПВЛ чередовал племена неславянские со славянскими, приблизительно следуя их географическому расположению. Порядок перечисления финских племен в Сказании (перечни 4 и 6) соответствует их порядку во Введении, особенно 3-му перечню.

Справедливо не доверяя включению мурома с Муромом в земли Рюрика, П.С. Стефанович не находит убедительной причины ее избрания из обширного списка неславянских племен Введения для добавления в Сказание⁵⁰. Поскольку Муром отсутствует в списке раздачи городов наместникам Рюрика, но появляется в самой последней, обобщающей фразе (перечень 6), то и нет нужды специально искать смысл его присутствия в тексте: конструкция фразы говорит о том, что этот город для автора был лишь удачным дополнением

⁴⁹ Шахматов А.А. Сказание ... С. 226.

⁵⁰ Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов» ... С. 549. Перечень племен см. выше в прим. 34.

ем списка парных объектов, составленного на основе его этногеографических знаний. Несмотря на обширность списка неславянских племен, подданных Руси, только для областей мери, веси и мурома летописец мог указать крупные города, что и определило композицию новой редакции повествования с муромой в качестве заключительного штриха.

Можно допустить также влияние на перечень 6 со стороны рассказа о размещении сыновей Владимира в 988 г.: «И посади Вышеслава в Новѣгородѣ, а Изяслава в Полотскы, а Святополка в Туровѣ, а Ярослава в Ростовѣ. Умеръшу же старейшему Вышеславу в Новѣгородѣ, и посади Ярослава в Новѣгородѣ, а Бориса в Ростовѣ, а Глеба в Муромѣ...»⁵¹.

Первые насельники в Изборске – ?

Следует обратить внимание на то, что в 6-м перечне, в котором обобщается этнонимия и топонимия Сказания, пропущены два названия: из этнонимов – чудь, из топонимов – Изборск. Уместно задать вопрос: почему? Ведь создание гладкой и законченной системы в этом сюжете было явной заботой составителя ПВЛ, дополнявшего картину недостающими племенами и городами: в качестве пары Белоозеру добавлена весь, кривичам – Полоцк, мере – Ростов, мурома вместе с Муромом – как продолжение этого ряда. Кажется очевидным, что Изборск и чудь составляют заготовку для аналогичной пары. Поэтому вряд ли можно согласиться с объяснением отсутствия Изборска в перечне 6 только тем, что составитель ПВЛ не понимал отношения этого малозначительного городка и к названным племенам, и вообще к древнейшей истории Руси⁵².

⁵¹ Цит. по Н1мл.

⁵² Шахматов А.А. Сказание... С.226; Стефанович П.С. «Сказание о призвании варягов»... С.548. Отмечены и археологические свидетельства упадка городской жизни

В обеих редакциях Сказания просматривается взаимосвязь чуди с Изборском, однако с разной смысловой окраской. Если в редакции Н1мл Изборск следует понимать как опорный пункт политики Ярослава в отношении чуди⁵³, то составитель ПВЛ, весьма вероятно, имел замысел связать с чудью само происхождение этого города.

«Иные языци» (весь, меря, мурома) в качестве первых насельников трех русских городов представлялись составителю ПВЛ нормальным явлением – очевидно потому, что к его времени эти народы со своими территориями стабильно входили в состав Русской земли. Напротив, чудь, в отличие от следующих за нею данников Руси (перечень 3), сохраняла независимость и время от времени оказывала сопротивление взиманию дани. Программу покорения чуди, начертанную Ярославом Мудрым, в течение 100 лет выполнить не удалось. Походы Мстислава на чудь 1113 и 1116 гг. совпадают по времени с работой составителя ПВЛ⁵⁴. В этой обстановке предполагаемый замысел летописца связать происхождение Изборска с чудью, несмотря на наличие к тому некоторых оснований, столкнулся с противоречиями. Поэтому, вероятно, пара названий и была обойдена молчанием.

Изборска в конце XI – XII в., см.: Лопатин Н.В. К вопросу о хронологических лакунах в материалах Труворова городища // АИППЗ. Материалы 58-го заседания (17–19 апреля 2012 г.). М., Псков, 2013. С. 188–191.

⁵³ Такое объяснение появлению Изборска в Сказании предлагал еще А.Н.Насонов («Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.: Изд-во АН СССР, 1951. С. 73).

⁵⁴ Запись за 1113 г., возможно, присутствовала в ПВЛ первой редакции, но не сохранилась (Гиппиус А.А. К проблеме редакций Повести временных лет. I // Славяноведение. 2007. № 5. С. 30, 37).

Summary

N. V. Lopatin

To the Ethno-geography for the Legend of the Calling of the Varangians

This article is devoted to analysis of ethno-geographic information to be found in the Legend of the Calling of the Varangians as found in the main editions of the text – the *Novgorod First Chronicle* (younger version) and the *Tale of Bygone Years*. An argument is put forward to the effect that references to the Chud' were inserted into the "Nachal'nyi Svod" being reflected in the *Novgorod Chronicle* and subsequent editing of the text when the *Tale of Bygone Years* was being compiled

is also examined. The article presents a survey of archaeological data relating to the history of the Izborsk region, including evidence for there having been a Baltic-Finn (Chud') population in it in the era of medieval Rus. A hypothesis is put forward suggesting that the compiler of the *Tale of Bygone Years* planned to link the origin of Izborsk with the Chud' population, although this idea was not realized in the text which has come down to us.

Новгородский холоп Дудика и соболя падерборнского епископа Майнверка

В Новгородской первой летописи младшего извода, а также в летописях, отразивших так называемую новгородско-софийскую традицию, под 6563 (1055/6) г. читаем о злоключении новгородского епископа Луки Жидяты (1036–1059): «В семь же лѣтъ клевета бысть на епископа Луку от своего холопа Дудики, и изиде изъ Новагорода и иде Киеву, и осуди митрополит Ефримъ, и пребысть тамо 3 лѣта». О благополучном для епископа исходе узнаем из статьи 6566 (1058/9) г.: «Сем же лѣтъ архиепископъ (так! – А. Н.) Лука прия свои столъ в Новѣгородѣ и свою область. Дудицѣ же холопу оскомины: урѣзаша ему носа и обѣ руцѣ, и бѣжа в Нѣмци»¹. Казнь Дудики была не только жестокой, но и поспешной: ее совершили, не дожидаясь возвращения оправданного епископа, который «преставися, ѣдя с Киева, на Копысѣ, октоврия мѣсяця въ 15»². В Никоновской летописи имеются небольшие добавления, происхождение которых неясно; Дудика обвиняет епископа «въ неподобныхъ рѣчехъ», митрополит Ефрем осуждает Луку «по Дудикинымъ рѣчемъ и злых его друзей Демьяна и Козмы клеветамъ», в итоге наказаны не только Дудика, но «и лукавымъ совѣтникомъ, Козмѣ и Даміану, достойное воздаша по злодѣянню ихъ»³.

Еще раз, быть может, это имя всплывает в оставшемся до самого последнего времени не опубликованным граффито новгородского Софийского собора, если следовать его прочтению, предложенному А.А.Гиппиусом: «(гѣй) [п]опо[з](и) р)абоу (с)[в]о[е][м]у До(у)д[и]цѣ» (с опиской во втором сло-

ве: «попози» вместо «помози»)⁴; читаемое во второй строке продолжение **доуни**, в котором А.А.Гиппиус предполагает «(на Ра)доуни(цу)» или подобное, оставляем здесь без внимания как иррелевантное для нашей темы. Надпись находилась на хорах и сохранилась в виде фотографии с кальки, сделанной при ремонтных работах в конце XIX в.⁵

В недавней работе, еще не зная о существовании новгородского граффито, мы уже обращались к этому антропониму, указав, что на самом деле, несмотря на внешне славянский облик, он, вероятнее всего, имеет нижненемецкое происхождение⁶. Более пристальное обращение к источникам подтвердило это предположение: перед нами, вне сомнения, транслитерация ниж.-нем. *Dodika*, производного от антропоосновы герм. **dōd-* с неясной этимологией⁷. Заметим, что это обстоятельство, похоже, бросает свет на некоторые особенности софийского граффито. К ним относится, во-первых, сбивчивость орфографии: *n* вместо *m* в слове «помози», начальное *d* в имени «Дудицѣ», кажется, исправлено из *b*. Во-вторых же, что важнее, гласный в основе имени на кальке выглядит как перечеркнутое вертикальной

⁴ Гиппиус А. А. Клевета на епископа Луку: эпиграфические свидетельства летописного эпизода? // ТОДРЛ. СПб., 2015. Т. 63 (в печати; благодарим автора за возможность познакомиться с текстом статьи и фотографией кальки до публикации); квадратные скобки обозначают знаки, более или менее уверенно читаемые только благодаря контексту, круглые скобки – смысловые конъектуры, насколько они позволительны величиной пустот между знаками на кальке.

⁵ Фотоотдел архива Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге; негатив III-7301.

⁶ Назаренко А. В. Древняя Русь и славяне (историко-филологические исследования). М., 2009. С. 337, примеч. 30.

⁷ Назаренко А. В. Дудика, Негварь: два германских антропонима в новгородской традиции // Slověne – Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. 2015. Vol. 4. № 1. P. 324–327.

¹ НПЛ. С. 182–183; ПСРЛ. СПб., 2002. Т. 41. С. 65; 2-е изд. Пгр., 1915. Т. 4/1. С. 118; М., 2000. Т. 6/1. Стб. 183; СПб., 1863. Т. 15. Стб. 152–153 и др.

² Так в перечне новгородских епископов в приложении к Комиссионному списку: НПЛ. С. 473; Копыс(ь) – город в верховьях Днепра, несколько южнее Орши.

³ ПСРЛ. 1862. Т. 9. С. 91.

штрихом *o* или как два «слеplенных» *o*. А.А. Гиппиус предпочитает последнее, считая второе *o* случайными царапинами, которые прорисовщик перенес на кальку; как следствие, освобождается место для предполагаемого *u*. Стóбит, однако, усмотреть случайную царапину в вертикальной черте, пресекающей *o*, для *u* места уже не остается, и придется думать, что автор граффито написал свое имя с немецким этимологическим *o* – *Додицъ*.

Так или иначе, но Дудика не случайно бежал не куда-либо, а именно «в Нѣмци», т.е., надо думать, на родину. Этот незаурядный шаг выдает в нем человека со средствами и вряд ли простого холопа, а, очевидно, владычного тиуна, свидетельство которого, подобно свидетельству «боярьска тивуна», могло «по нужи», несмотря на холопство, иметь вес при судебном разбирательстве⁸. Тиун – лицо немаловажное при новгородском владычном дворе; известен случай, когда периодом тиунства, наряду с периодом святительства епископа, датирована рукопись – минейный стихирарь середины XII в.: «Коньчяшася книги сия ... при епискоупѣ Аркадии и при тижнѣ Тоупочелѣ»⁹.

Оставим до времени вопрос о том, каким путем иноземец мог оказаться в холопстве у новгородского епископа, и обратимся к вырисовывающемуся немецкому следу в этой истории.

Если попытаться очертить круг упоминаний занимающего нас имени в немецких источниках (почти исключительно актовых), хронологически приближенных ко времени жизни новгородского Дудики, т.е. текстах XI и отчасти X в., то обнаружится весьма любопытное обстоятельство: топографически практически все они концентрируются на узком пространстве в округе южносаксонского города и кафедрального центра Падерборна.

1. 955 г.: германский король Оттон I санкционирует основание монастыря Фишбек и дарит ему земельные владения, среди прочих – «in comitatu Dodican» («в графстве Додики»); *Dodican* отражает древнесаксонскую форму *genetivus singularis* основ на *-n* (ср. № 3 и т.п.)¹⁰.

2. 960 г.: Оттон I дарит монастырю св. Маврикия в Магдебурге имения, которые он выменял у своих вассалов (*fideles*) *Reding* и *Duodecho*¹¹.

3. 990 г.: германский император Оттон III подтверждает владения монастыря Хильвартсхаузен «in comitatu Dodichonis»¹².

4. 1000 г.: Оттон III позволяет аббату монастыря Хельмарсхаузен, расположенного «in comitatu Dodiconis», чеканить монету, держать рынок и взимать пошлины по праву, принятому на рынках в Майнце, Кельне и Дортмунде¹³.

5. 1003 г.: германский король Генрих II дарует иммунитет монастырю Хельмарсхаузен, расположенному «in comitatu Dudiconis»¹⁴.

6. 1010 г.: *Duodecho*, настоятель кафедрального капитула в Магдебурге, поименован в дарственной Генриха II магдебургскому капитулу¹⁵; это тот самый Вальтхард, «qui et Dodico vocabatur» («который прозывался и Додикой»), соборный настоятель в 984–1012 гг., что в 1012 г. с именем Вальтхарда стал магдебургским архиепископом¹⁶.

7. 1013 г.: германский король Генрих II утверждает примирение между майнцским архиепископом и епископом хильдесхаймским; среди подписавших грамоту представителей сасонской знати значится «Dodico comes» («граф Додика»)¹⁷.

8. 1015 г.: дарение монастырю, основанному падерборнским епископом Майнверком; список свидетелей возглавляет «Dodica comes», после которого следует имя фогта монастыря: «Amulung advocatus monasterii»¹⁸.

9. 1015 г.: знатная дама по имени *Dudica* оставляет свое имение двум сыновьям, которые дарят его Падерборнской церкви¹⁹.

10. 1017 г.: *Dodica* назван среди свидетелей дарения германским императором Генрихом II монастыря Хельмарсхаузен Падерборнской церкви²⁰.

11. 1019 г.: дарение Падерборнской церкви при епископе Майнверке; среди свидетелей первым поименован «Dodican comitem» (аккузатив древнесаксонских основ на *-n*: ср. № 1)²¹; в списке дарствен-

¹² Die Urkunden Otto des III. / hrsg. Th. Sickel. Hannover, 1893. Nr. 59. P. 465.

¹³ Ibid. Nr. 357. P. 786.

¹⁴ Die Urkunden Heinrichs II. und Arduins / hrsg. H. Bresslau, H. Bloch, R. Holtzmann u. a. Hannover, 1903. Nr. 47. P. 56.

¹⁵ Ibid. Nr. 224. P. 261.

¹⁶ Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / hrsg. R. Holtzmann. Berlin, 1935. Cap. III, 12. P. 112; Claude D. Geschichte des Erzbistums Magdeburg bis in das 12. Jahrhundert. Köln; Wien, 1972. Bd. 1. S. 72, Anm. 32.

¹⁷ Die Urkunden Heinrichs II. Nr. 255. P. 296.

¹⁸ Regesta historiae Westfaliae. Accedit codex diplomaticus / hrsg. H. A. Erhard. Münster, 1847. Bd. 1. Nr. 86. P. 65.

¹⁹ Das Leben des Bischofs Meinwerk von Paderborn / hrsg. F. Tenckhoff. Hannover, 1921. Cap. 111. P. 60; Regesta historiae Westfaliae... Nr. 845. P. 458 (perest).

²⁰ Die Urkunden Heinrichs II. Nr. 371. P. 476.

²¹ Regesta historiae Westfaliae... Nr. 87/VI. P. 66.

⁸ Русская Правда / введение, подгот. текста, комментарий Я. Н. Шапова, Т. Е. Новицкой // Российское законодательство X–XX веков. М., 1984. Т. 1. С. 69 (статья 66); Карпов А. Ю. Ярослав Мудрый. М., 2001. С. 286–287, 430.

⁹ Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV веков. М., 2000. С. 88, № 74.

¹⁰ Die Urkunden Konrad I., Heinrich I. und Otto I. / hrsg. Th. Sickel. Hannover, 1884. Nr. 174. P. 256.

¹¹ Ibid. Nr. 214. P. 296.

ной из Жития Майнверка Падерборнского находим также редкую форму, на этот раз латинского генетива, с основообразующим *-a*, как и в древнесаксонском оригинале, вместо обычного в латинском *-o* (*Dodiconis*): «*Dodike ... testimonio*» («по свидетельству ... Додики»)²².

12. 1019 г.: Генрих II дарует монастырю Кауфунген владения «*in comitatu Dodechonis*»²³.

13. 1019 г.: Генрих II, по ходатайству магдебургского архиепископа Герона «*Dötichonisque comitis*» («и графа Доутики»), дарует Падерборнской церкви лес по берегу рек Фульды и Везера «*in comitatu eiusdem Dötichonis comitis*» («в графстве того же графа Доутики»)²⁴; в списке этой грамоты в составе Жития Майнверка имя графа приведено в форме *Dodico*: «*interventu ... Dodiconisque comitis de Wartberge*» («по ходатайству ... Додики, графа из Вартберга»; ср. № 16), «*in comitatu eiusdem comitis Dodiconis*»²⁵.

14. 1020 г.: новое издание предыдущей грамоты с уточнением границ дарения: «*Dütichonisque comitis*», «*in comitatu eiusdem Dütichonis comitis*»²⁶.

15. 1009/20 г. (датировка на основании времени святительства Майнверка и даты смерти графа Додики): в купчей падерборнского епископа Майнверка среди свидетелей первым значится «*Dodica comes*»²⁷, «*in presentia Dodiconis comitis*» («в присутствии графа Додики»)²⁸.

16. 1015/20 г.: граф *Dodico* с согласия своей матери *Hildigund*'ы и брата *Sigobodo* дарит Падерборнской церкви земельные владения со всем к ним относящимся «за исключением своих министерялов» («*excertis ministerialibus eius hominibus*»): названы 10 имен, среди которых на пятом месте – *Doda*²⁹; в списке грамоты из Жития Майнверка имя Додики (*Dōdica/Dodico*) сопровождается определением «*de monte Wartberch*» («с горы Вартберг»)³⁰.

17. 1015/20 г.: «некий граф по имени Сигобод» («*quidam comes nomine Sygobodo*») (брат графа Додики: см. № 16) дарит имение Падерборнской церкви при епископе Майнверке; первым в перечне свидетелей стоит «*Dodica comes*»³¹.

18. 1015/20 г.: еще один *Dodica* назван среди свидетелей в предыдущем документе вскоре после *Amulung*'а, фогта епископа Майнверка.

19. 1021 г.: германский император Генрих II передает Падерборнской церкви «*comitatum, quem Dōdico comes, dum vixit, tenuit*» («графство, которое держал граф Доудика, пока был жив»)³²; в Житии Майнверка Падерборнского – *Dodico*³³.

20. 1022 г.: некто *Bern*, «из родичей графа Додики» («*quidam propinquorum Dodiconis comitis*»), после смерти Додики безуспешно пытается оспорить дарственную последнего Падерборну (см. № 16)³⁴.

21. 1025 г.: подтверждение германским королем Конрадом II дарственной Оттона I (см. № 1): «*in comitatu Dodican*»³⁵.

22. 1023 г.: Конрад II снова возвращает Падерборну «*comitatum Duodiconis quondam comitis*» («графство прежнего графа Дуодики»), переданное им ранее Майнцской церкви³⁶; в Житии Майнверка – «*Dodiconis comitis*»³⁷.

23. 1036 г.: *Dodico*, декан падерборнского капитула, – в списке свидетелей основания епископом Майнверком монастыря в «меру храма Гроба в Иерусалиме» («*mensura ecclesiae et sepulchri de Iherusalem*»), доставленной хельмарсхаузенским (ср. № 4–5) аббатом *Vuino*³⁸.

24. 1009/36 г. (датировка временем святительства епископа Майнверка): *Dodicho* среди свидетелей дарения в пользу Падерборнской церкви³⁹.

Как видно из перечисленного материала, территориально-административное образование, именуемое в источниках «графством Додики», существовало по крайней мере с 955 по 1020 г. (год смерти Додики, современника епископа Майнверка)⁴⁰, так что мы имеем дело, несомненно, с родовым именем (*Leitname*), которое носили представители двухтрех, а возможно, и четырех поколений (№№ 1, 2–5, 7–8, 11–17, 19–22). Коль скоро после смерти последнего Додики его графство передается Падерборнской церкви (№ 19), можно заключить, что в 1020 г. графский род с маркирующим семейным именем *Dodico/Dodica* в мужской линии пресекается. Действительно, в грамотах германских королей и императоров Генриха III (1039–1056), Генриха IV (1056–1106), Лотаря III (1125–1138) и саксонского герцога Генриха Льва (1142–1182), в которых (грамотах) саксонские дела представлены значительно, имя *Dodico*

²² Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 59. P. 45.

²³ Die Urkunden Heinrichs II. Nr. 407. P. 522.

²⁴ Ibid. Nr. 418. P. 532.

²⁵ Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 169. P. 94–95.

²⁶ Die Urkunden Heinrichs II. Nr. 430. P. 551.

²⁷ Regesta historiae Westfaliae... Nr. 87/XXIII. P. 69.

²⁸ Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 120. P. 61.

²⁹ Regesta historiae Westfaliae... Nr. 95. P. 76.

³⁰ Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 49. P. 41.

³¹ Regesta historiae Westfaliae... Nr. 96. P. 77; Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 50. P. 43.

³² Die Urkunden Heinrichs II. Nr. 439. P. 561.

³³ Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 171. P. 95.

³⁴ Ibid. Cap. 173. P. 96.

³⁵ Die Urkunden Konrads II. / hrsg. H. Bresslau unter Mitwirkung von H. Wibel und A. Hessel. Hannover; Leipzig, 1909. Nr. 15. P. 17.

³⁶ Ibid. Nr. 198. P. 263.

³⁷ Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 198. P. 114.

³⁸ Regesta historiae Westfaliae... Nr. 127. P. 100.

³⁹ Ibid. Nr. 87/XXX. P. 71.

⁴⁰ Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 171. P. 95.

не встречается ни разу. Территориально «графство Додики» при жизни последнего из его владельцев охватывало, согласно приведенным выше актовым источникам, по меньшей мере следующие области: *Hesse, Nitergo, Netgo, Bohtergge*; они занимали бассейн реки Димель и верховья реки Рура, т. е. все саксонские земли к югу от Падерборна. Возможно, графство было еще пространнее, включая и часть правобережья Везера, так как при первом его владельце в него входил также *Laginga*, который, как можно догадываться, находился на берегах Ляйне в районе современного Гёттингена (см. карту). Впрочем, уточнение границ «графства Додики» не представляет особой важности для нашей темы.

Анализ антропонимии, представленной в падерборнских документах (прежде всего, в свидетельских перечнях), убеждает, что из шести случаев, остающихся за вычетом из списка тех имен, носителями которых были представители графского рода, четыре также относятся к одному лицу – члену падерборнского клира. В № 23, наиболее позднем из точно датированных упоминаний (1036 г.), он назван деканом (*decanus*) и значится сразу за *Hosadus*, «настоятелем материнской церкви» («*prepositus matris ecclesiae*»), т. е. кафедрального собора Пресв. Богоматери и свв. Килиана и Либория в Падерборне, главой здешнего капитула, и его братом *Uffo*. Следом идут *Vouio*, «настоятель сего места» («*prepositus loci istius*»), т. е. новообразованного под Падерборном монастыря, *Becelinus* и *Erpo* – соответственно экономом (*camerarius*) и кравчий (*dapifer*), а также *Eizo* и *Geylo* – «братья-виночерпии» («*fratres et pincerne*») (затрудняемся сказать, были ли три последних должностными лицами при капитуле или при персоне епископа).

Легко убедиться, что антропонимическое окружение Додики в №№ 10, 18, 24 во многом одно и то же и имеет соответствия в кратком списке свидетелей в № 23. Сведем эти данные в таблице, добавив к ним, в качестве контрольных, имена свидетелей из № 16 – дарения Падерборну графа Додики (табл. 1).

Многочисленные повторения имен (они выделены полужирным с указанием адреса других упоминаний этого имени) убеждают в том, что приписка, заключающая перечень свидетелей в № 10: «Из аббатства Хельмарсхаузен» («*De abbata Helmuuwardeshusun*»), не резюмирует перечисление (чему мешают также имена герцога Бернхарда и епископа Теодериха), а лишь суммарно указывают на хельмарсхаузенскую братию в качестве свидетелей наряду с названными поименно, а следовательно, в колонках I–IV Додика упомянут среди членов падерборнского клира. Вывод: Додика из №№ 10, 18, 24, вероятнее всего, тождествен падерборнскому декану Додике из № 23.

Тем самым перечень упоминаний имени *Dodico/Dodica*, хотя и насчитывает 24 позиции, относится к

отнюдь не многочисленным лицам: двум-четырем саксонским графам середины X – первой четверти XI в., представлявшим одно семейство, клирику Падерборнской церкви первой половины XI столетия, магдебургскому клирику рубежа X–XI вв. (№ 6) и знатной даме, которая в те же времена имела владения, не поддающиеся однозначной локализации, и сыновья которой предпочли подарить их падерборнской кафедре (№ 9).

Контраст еще более усилится после следующих наблюдений.

Магдебургский Додика, весьма вероятно, находился в генеалогической связи с графами, носившими это имя. Магдебургский архиепископ Вальтхард (июнь–август 1012 г.), имевший второе имя *Dodica*, сделал карьеру не в императорской канцелярии (как то было обычным при императорах Саксонской династии), а в магдебургском кафедральном капитуле, т. е. был, скорее всего, местного, саксонского, происхождения. Это наводит на мысль о родстве между Вальтхардом-Додикой и тем *Duodecho*, который располагал имениями близ Магдебурга в 960 г. (№ 2). При этом владельческая история семейства Вальтхарда-Додики уводит много западнее от Магдебурга – на Верхний Везер, в район устья реки Димель (левого притока Везера, несколько южнее Падерборна)⁴¹, т. е. как раз в графство Додики, родовым замком которого *Wartberg(e)* располагался там же (очевидно, нынешний Варбург на Димеле); в житиях св. Хаймерада (умер в 1019 г.) и св. Мейнверка Падерборнского (памятниках последней четверти XI и середины XII в. соответственно) Додика не раз именуется по этому замку; см., кроме № 13, 16:

25. «comes quidam Dudecho nomine de monte, qui Wartberch appellatur» («некий граф по имени Дудека с горы, что зовется Вартберг»)⁴².

Стало быть, редкое второе имя Вальтхард-Додика вполне мог получить из-за своего прямого или опосредованного предыдущим поколением (№ 2?) родства (кровного или духовного) с одноименными саксонскими графами из южного Энгера⁴³.

⁴¹ Claude D. Geschichte des Erzbistums Magdeburg... Bd. 1. S. 219, Anm. 39.

⁴² Ekkeberti vita s. Haimradi / ed. R. Koepke // MGH SS. Hannover, 1852. T. 10. Cap. 15. P. 603; Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 13. P. 21.

⁴³ Это проливалось бы некоторый свет на странную двуименность магдебургского архиепископа. В самом деле, само имя *Walthard* не дает возможности рассматривать *Dodica* в качестве его гипокористики (уменьшительно-ласкательной формы), как в случае двуименности *Liudolf-Dudo*, которую фиксируют источники применительно, например, к Людольфу, старшему сыну Оттона I (Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg... Cap. II, 3; 5; 7. P. 42, 44, 46). Стало быть, надо искать какую-то другую причину. Быть может, имя *Dodica* было в семействе Вальтхарда дополнительным, родовым?

Таблица 1

I (№ 23)	II (№ 10)	III (№ 18)	IV (№ 24)	V (№ 16)
1. Hosadus prepositus 2. Vffo (V/28) frater eius 3. DODICO (II/21, III/12, IV/63) <i>decanus</i> 4. Bouo (II/31) prepositus 5. Becelinus camerarius 6. Eppo (IV/64) dapifer 7. Eizo 8. Geylo fratres et pincerne 9. Eue et filii eius 10. Landico 11. Eue 12. Dudo (V/44) 13. Tydman 14. Aldericus	1. Thietmar (III/16, IV/5, V/30) 2. Ekkica 3. Ludier 4. Ekkica 5. Raedig (V/41) 6. Vualhem 7. Vudukin 8. Benna (IV/34) 9. Kiza 10. Amulag 11. Volcbal 12. Thietmer (V/46) 13. Immed 14. Gerbraht 15. Vuiking (III/25, V/19) 16. Thiedric (III/30, IV/58) 17. Ibo (IV/68) 18. Aeica (III/35, V/39) 19. Heriuuard 20. Burchard 21. DODICA (I/3, III/12, IV/63) 22. Thiaza (IV/44) 23. Vretheric (V/32) 24. Lefherd 25. Echulf 26. Oua (III/13, V/51) 27. Vindula 28. Fronca 29. Heriman (III/18, V/31) 30. Thiaza (IV/70) 31. Boua (I/4, III/33) 32. Theodericus episcopus 33. Bernhardus dux	1. Dodico comes 2. Bernhart (IV/1, V/5) 3. Brun 4. Amulung (V/6) 5. Asik (V/40) 6. Becelin (I/5, V/25) 7. Kono (V/11) 8. Imuka (V/21) 9. Sicca 10. Sicca 11. Hemuka 12. DODICA (I/3, II/21, IV/63) 13. Oua (II/26, V/51) 14. Alfric (IV/9, V/16) 15. Meinhere (V/17) 16. Thiatmar (II/1, IV/5, V/30) 17. Engilmar 18. Hiriman (II/29, V/31) 19. Kraht 20. Hiriman (V/34) 21. Ricdag 22. Kobbo 23. Erdag 24. Waldric 25. Wikinc (II/15, V/19) 26. Bette 27. Brun 28. Wicman (IV/21) 29. Isgar (V/47) 30. Thiadric (II/16, IV/58) 31. Ecbehrt 32. Brunhart 33. Boua (I/4, II/31) 34. Hiridag 35. Eika (II/18, V/39)	1. Bernhardus (III/2, V/5) <i>comes</i> 2. Meinbold 3. Albo 4. Azo 5. Thiatmar (II/1, III/16, V/30) 6. Thiathard 7. Reinfrid 8. Waltere 9. Alueric (III/14, V/16) 10. Frethebolt 11. Hizil 12. Meinhard 13. Ruothulf 14. Helmdag 15. Wizil 16. Walderic 17. Bodo 18. Vdo 19. Heinric 20. Helmeric 21. Wicman (III/28) 22. Werin 23. Weirinheri 24. Hoico 25. Hamuco 26. Admund 27. Heio 28. Tammo (V/46) 29. Godefrit 30. Adelgar 31. Heinric 32. Hunico 33. Beringer 34. Benno (II/8) 35. Walbraht 36. Hunir 37. Abichin 38. Acelin 39. Arnust 40. Abbelin 41. Niso 42. Poppo 43. Wilbraht 44. Thiaza (II/22) 45. Tiemma 46. Wichart 47. Asceco 48. Aica 49. Boso 50. Rantwic 51. Racico 52. Rodbraht 53. Bernhart 54. Wernizo 55. Thiadbolt 56. Meinbold 57. Folcmar 58. Thiederich (II/16, III/30) 59. Rocbraht 60. Adechin 61. Azechin 62. Haico 63. DODICHO (I/3, II/21, III/12) 64. Eppo (I/6) 65. Aluico 66. Menger 67. Thiederich 68. Hibo (II/17) 69. Liudbrath 70. Tiaza (II/30) 71. Wezil 72. Tiaza 73. Hamiza	1. Sibodo 2. Immed 3. Sibehrt 4. Thiatmar 5. Bernhardus (III/2, IV/1) 6. Amulung (III/4) 7. Bernhardus 8. Erp 9. Ailbrat 10. Volkpold 11. Kono (III/7) 12. Roduuard 13. Haika 14. Hageruuored 15. Helmuure 16. Alfric (III/14, IV/9) 17. Mainheri (III/15) 18. Ratheri 19. Vuiking (II/15, III/25) 20. Adalbart 21. Imuka (III/8) 22. Asman 23. Folcmar 24. Hiddi 25. Becilin (I/5, III/6) 26. Vual 27. Vuidier 28. Vffa (I/2) 29. Hunald 30. Thiadmar (II/1, III/16, IV/5) 31. Hiriman (II/29, III/18) 32. Frithuric (II/23) 33. Rainhald 34. Hiriman (III/20) 35. Asdag 36. Acca 37. Bacca 38. Vnaca 39. Aica (II/18, III/35) 40. Asic (III/5) 41. Redig (II/5) 42. Imuca 43. Mainbald 44. Duda (I/12) 45. Tamma (IV/28) 46. Thiadmar (II/12) 47. Isgar (III/29) 48. Hardered 49. Mainuueric 50. Hiriman 51. Oua (II/26, III/13) 52. Hamaca 53. Heiluuuard 54. Frithuric

То же самое можно предполагать и в отношении падерборнского декана Додики. Его высокая должность в капитуле, а также почетное место в перечне свидетелей (№18) позволяет усмотреть в нем лицо достаточно знатного происхождения, а с учетом имени – одного из младших или, скорее, побочных представителей местного графского рода; заметим в этой связи, что в дарственной, упомянутой под №16, граф Додика делает характерное исключение из числа несвободных, приписанных к даримым владениям, не только для своих министералов, но и для «женщин, уже взятых на его ложе» («mulieribus iam ad geniseum eius assumptis»).

Итак, перед нами редкое имя, упоминания которого сосредоточены хронологически в первой трети XI в., генеалогически – в рамках и в окружении графского рода, в котором это имя было фамильным, а топографически – возле Падерборна.

Столь неожиданное обстоятельство заиграет еще ярче, стоит привлечь для сравнительных статистических наблюдений источники, содержащие массовый антропонимический материал – например, монастырские синодики. Легко убедиться, что ниж.-нем. *Dodico/Dodica* даже при учете его верхне-немецкого варианта *Toticho/Toticha* представлено буквально единичными примерами:

26. *Dudoko*⁴⁴;
27. *Tvoticha*⁴⁵;
28. *Töticha*;
29. *Tuoticho*⁴⁶;
30. *Totiga*;
31. *Touticha*⁴⁷.

Если сопоставить, скажем, два последних упоминания из Книги побратимства (*Liber confraternitatum*) монастыря Райхенау с количеством упоминаний других имен с основой герм. *dōd-*, то окажется, что производные с формантом *-k-* уступают, иногда значительно, и различным аллографам бессуффиксального *Dodo/Doda* (23 случая⁴⁸), и вариантам с иными формантами: типа *Dodilo* (3 упоминания⁴⁹), *Dodino* (4 упоминания⁵⁰) и др.

⁴⁴ Die Totenbücher von Merseburg, Magdeburg und Lüneburg / hrsg. G. Althoff, J. Wollasch. Hannover, 1983. S. 12, d 16. (MGH Lib. mem. T. 2)

⁴⁵ Das Necrolog des Klosters Michelsberg in Bamberg / hrsg. J. Nospickel, mit Beiträgen von D. Geuenich, E. Hochholzer, J. Wollasch. Hannover, 2004. S. 532, d 7. (MGH Lib. mem. T. 6).

⁴⁶ Necrologium monasterii s. Emmerami Ratisbonensis // MGH Necrologiae Germaniae. T. 3 / ed. L. Baumann. Berlin, 1905. P. 147, d 9.

⁴⁷ Das Verbrüderungsbuch der Abtei Reichenau / hrsg. J. Authenrieth, D. Geuenich, K. Schmid. Hannover, 1979. S. 69, d 83. (MGH Lib. mem. T. 1).

⁴⁸ Ibid. S. 69, d 82.

⁴⁹ Ibid. S. 69, d 84.

⁵⁰ Ibid. S. 69, d 86.

Сказанное позволяет подозревать какую-то связь между новгородским Дудикой и южным Энгерном с его церковным центром в Падерборне, а еще точнее: искать именно в этих краях немецкую родину Дудики. В поисках объяснения столь экзотической судьбе вероятного падерборнского уроженца следует обратить внимание на один, также достаточно экзотический, факт в биографии падерборнского епископа Майнверка (1009–1036), документы из канцелярии которого и обеспечивают большую часть приведенных выше упоминаний имени *Dodico/Dodica*.

В науке уже отмечалось, что Майнверк, по всей вероятности, имел какое-то отношение к международной торговле дорогими мехами⁵¹.

Действительно, созданное около 1165 г. житие этого чрезвычайно деятельного церковного иерарха устроено необычно: половину его составляют копии документов, которые сопровождали многочисленные земельные приобретения падерборнской кафедры при Майнверке, представляя собой, тем самым, скорее список вкладной книги падерборнского капитула. Дарители обычно получали взамен отказанных епископской кафедре владений тот или иной род компенсации: либо право пожизненного пользования доходами с каких-то имений, либо просто некоторую сумму денег или иные ценности. И вот что интересно: очень часто в качестве такого рода ценностей, получаемых из рук епископа Майнверка, служили меха или меховые изделия. Неоднократно упоминаются не только беличьи («*pelles griseae*»)⁵², но и куньи шкурки («*pelles martherinas*»)⁵³, причем в больших количествах – стоимостью по несколько марок серебра, а также изделия из этих мехов: шапки (*cappa*)⁵⁴, шубы (*pelliceum*)⁵⁵; ср. еще «рыжие меха» («*pelles rufas*») (вероятно, лисьи)⁵⁶ или просто «добрые меха» («*pelles bonas*»)⁵⁷ и даже «одну кунью шубу за 6 марок, один соболиный кафтан за другие 6 марок» («*I martherinum pelliceum pro VI talentis, unam zebelinam tunicam pro aliis VI talentis*»)⁵⁸. (К слову сказать, из сравнительных данных, имеющихся в Житии Майнверка, можно заключить, что изделия

⁵¹ См., например: Stein W. Handels- und Verkehrsgeschichte der deutschen Kaiserzeit. Berlin, 1922. S. 87–88; Назаренко А. В. Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 151, комм. 26.

⁵² Имеется в виду, очевидно, более дорогая зимняя белка со шкуркой серого цвета (ср. франц. *gris* «серый»): Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 44, 56, 85. P. 39, 44–45, 52.

⁵³ Das Leben des Bischofs Meinwerk... Cap. 37, 91, 109. P. 37, 53, 57.

⁵⁴ Ibid. Cap. 92. P. 53 (“*cappa grisea*”); Cap. 78, 103. P. 50, 56 (“*cappa martherina*”).

⁵⁵ Ibid. Cap. 45. P. 39 (“*pelliceum martherinum*”); см. также примеч. 58.

⁵⁶ Ibid. Cap. 58. P. 45.

⁵⁷ Ibid. Cap. 111. P. 58.

⁵⁸ Ibid. Cap. 123. P. 61.

из куницы ценились в шесть раз дороже, чем из белки, так как за беличью шубу давали одну марку⁵⁹.)

Падерборнский епископ располагал не только мехами и меховыми изделиями во вполне товарных количествах, но и раритетными сведениями о технологии выделки каракуля. Вот какая любопытная история произошла в Падерборне в 1022 г. (ее также приводит к вящей славе своего героя автор Жития Майнверка). Император Генрих II (некогда, заметим, соученик Майнверка в школе при хильдесхаймском кафедральном капитуле), намереваясь посетить Падерборн, известил епископа Майнверка о своем желании принять баню. Последний спешно велел забить в своих имениях всех беременных овец, а из шкурок ягнят, добытых из их утроб, изготовить накидку (*pallium*), окаймленную «кунными шейками» («*gulis martherinis*»). Однако отнюдь не все были столь хорошо осведомлены в тонкостях мехового промысла, как Майнверк, которого ждал опасный конфуз. Когда на плечи вышедшего из бани Генриха набросили каракулевую накидку, многие из его окружения возмутились, указывая, что негоже почитать императора овечьей шкурой. Епископу пришлось оправдываться, и он сумел сделать это, лишь пригласив купцов (*mercatores*), которые подтвердили, что Майнверк в самом деле предложил императору «лучший род одеяния» («*optimum genus indumenti*») для людей высокого звания⁶⁰.

Понятно, что купцы, выручившие епископа перед лицом суровых обвинений в оскорблении величества, может быть, и были немцами, но вели свои дела на далеких международных рынках. Показательно и то, что они оказались в достаточной близости в момент неожиданной нужды. Тут уместно вспомнить о рынке, который с 1000 г. существовал при монастыре Хельмарсхаузен, примерно в полусотне километров от Падерборна, «в графстве Додики» (№ 4), и который с 1017 г. принадлежал Падерборнской церкви (№ 10); причем рынок этот функционировал на праве Дортмунда, Майнца и Кёльна – известных центров международной торговли. Надо полагать, что именно через рынок в Хельмарсхаузене, лежавшем на берегу Везера, главной торговой артерии центральной Саксонии (Энгерна), попадали в Падерборн те драгоценные меха, что в больших количествах обнаруживаются в руках местного епископа.

Очевидно, епископ Майнверк был одним из тех, кому полвека спустя, в 1070-е годы, бременский (Бремен – город и епископство в низовьях Везера) каноник и хронист Адам ставил в упрек страсть к дорогим мехам. Описывая земли и народы Восточной Прибалтики, он отмечал, в частности, о прусах: «Золота и серебра они совершенно не ценят, у

них в изобилии заморских мехов, коих тлетворный дух породил среди нас отраву гордыни. Мехов этих у них – все равно что грязи, на нашу, сдается, погибель, ибо к куньему меху стремимся всеми правдами и неправдами, словно к высшему блаженству. Поэтому за шерстяные платья, что у нас называются *faldones*⁶¹, они меняют драгоценных куниц»⁶².

Конечным пунктом плавания на восток по Балтийскому морю Адам совершенно справедливо представляет Русь; описание маршрута от Гамбурга через Шлезвиг и Юмну (Волин, в устье Одера) до «Острогарда Руси» («*Ostrogard Ruzziae*») даже снабжено в хронике хронометражем⁶³. Конечно, Адам описывает не новизну, а устоявшуюся практику, и маршрут этот действовал и во времена Майнверка так же, как во времена Адама. Это значит, что торговцы из Падерборна или Хельмарсхаузена, спустившиеся по Везеру к Бремену, имели полную возможность сесть на корабль в Шлезвиге, как то рекомендует Адам (а, вернее, его датские информанты), и через непродолжительное время оказаться на Руси и прежде всего – в Новгороде, где доступ к драгоценным мехам был еще шире, чем у пруссов.

Столетием позже этот торговый маршрут назван среди основных, наиболее доходных, применительно к купцам из другого южносаксонского города – вестфальского Медебаха. Они получили торговое право соседнего Зоста от своего сюзерена – кельнского архиепископа Райнальда в 1165 г., но в силу географического положения должны были спускаться, в отличие торговцев из Зоста, не к Рейну по его правым притокам Липпе или Руру, а к Везеру по левому притоку последнего – Эдеру. Поэтому мы совсем не удивимся, узнав из архиепископской жалованной грамоты Медебаху, что жители его имели обыкновение вкладывать свои деньги в торговлю «в Дании или на Руси» («*in Datia vel in Ruzia*»)⁶⁴.

⁶¹ Судя по названию (итал. *falda* «пола (одежды)», нем. *Falten*, англ. *fold* «складка» и др.), складчатая или длиннополая одежда; ср. совсем невыразительную статью в итоговом словаре: *Mittellateinisches Wörterbuch*. München, 2008. Bd. 4. Lief. 1 (36). Sp. 49, s. v. 2. *faldo*.

⁶² Adam von Bremen. *Hamburgische Kirchengeschichte* / hrsg. V. Schmeidler. Hannover; Leipzig, 1917. Cap. IV, 18. P. 245–246 («*Aurum et argentum pro minimo ducunt, pellibus abundant peregrinis, quarum odor letiferum nostro orbi superbiae venenum propinavit. Et illi quidem uti stercora haec habent ad nostram, credo, dampnationem, qui per fas et nefas ad marturinam vestem anhelamus quasi ad summum beatitudinem*»); Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия. М., 2010. Т. 4: Западноевропейские источники / сост., перевод и коммент. А. В. Назаренко. С. 147.

⁶³ Adam von Bremen. *Hamburgische Kirchengeschichte*. Cap. II, 22. P. 80; Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. 4. С. 127–129 (см. здесь же, в примеч. 32, о значении термина «Острогард», который, скорее всего, служил у датчан названием Руси).

⁶⁴ *Urkundenbuch zur Landes- und Rechtsgeschichte des Herzogtums Westfalen*. Arnsberg, 1839. Bd. 1. Nr. 55. Cap. 15. S. 74–75; Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. 4. С. 258–260.

⁵⁹ *Ibid.* Cap. 86. P. 52 («*II pellicia grisea pro duobus talentis*»).

⁶⁰ *Ibid.* Cap. 181. P. 103.

Для полноты картины отметим, что и Зост, и расположенный несколько западнее Дортмунд – образцы торгового права для Медебаха и Хельмарсхаузена соответственно, и Бремен прямо именуется в качестве контрагентов Смоленска в договоре с немецкими городами 1229 г. («Жат», «Дортмънь», «Бремънь» или в несколько иных орфографических вариантах в разных списках)⁶⁵.

⁶⁵ Иванов А., Кузнецов А. Смоленско-рижские акты: XIII в. – первая половина XIV в. [Рига], 2009. С. 535, 550, 569, 588, 606.

Итак, в первой половине – середине XI в. выходец из падерборнских краев, где сосредоточены упоминания имени лат./ниж.-нем. *Dodico/Dodica* для этого периода, вполне мог оказаться по торговым делам в Новгороде.

Дабы правильно оценить эти факты в связи с занимающим нас вопросом о новгородском Дудике, надо учесть, что международная торговля – если исключить еврейское купечество – в те времена, в первой половине XI в., носила еще сеньориальный характер. Иными словами, в качестве реально дей-

ствовавших на международных рынках агентов обычно выступали лично зависевшие от сеньора (светского или церковного, персонального или корпоративного – например, монастыря) лица, вроде того Хартвика, который даже в 70-е годы XII в., постоянно пребывая в Киеве в качестве торгового фактора регенсбургского монастыря св. Эммерам, оставался челядином (*familiaris*) последнего⁶⁶.

Таким образом, Дудика, если перед нами купец-гость (а разумной альтернативы такому предположению не видно), скорее всего изначально был человеком несвободным – челядином Хельмарсхаузена, падерборнского капитула, епископа Майнверка или графа Додики. Укажем в этой связи на министриала последнего по имени *Doda* (№ 16), т.е. тезоименитого своему сюзерену (*Dodica* – уменьшительная форма от *Doda*).

Нетрудно представить себе ситуацию, которая могла бы подтолкнуть падерборнского Додика, оказавшегося на Руси, превратиться в новгородского Дудика. Конечно, личная зависимость не предполагала права перехода от одного хозяина к другому. Но в первой половине XI в. деятельность немецкого купца в далеком заморском Новгороде еще не имела той международной договорной основы, какую мы

⁶⁶ Die Traditionen des Hochstifts Regensburg und des Klosters St. Emmeram. München, 1943. Nr. 926. S. 459; Древняя Русь в свете зарубежных источников... Т. 4. С. 274–275.

видим в XII столетии. Это значит, что полноценных юридических возможностей вернуть «ускочившего» холопа у саксонского хозяина Дудики не было бы, даже если бы он узнал о самом факте.

И все же удержание новгородским епископом чужого холопа, пусть и заморского, да еще на публичной должности (если тот действительно значился тиуном), выглядело бы, думается, сомнительным шагом. Коль скоро уж иноземный «гость» был вынужден полагаться только на местное право, в отсутствие договорного, то вероятнее думать о каком-либо соответствующем казусе русского обычного права – в частности, из ряда излагаемых в статье 54-й Пространной Правды «Аще который купец истопиться»⁶⁷.

Но самым непринужденным остается предположение, что причиной холопства немецкого купца стали какие-то несчастья, постигшие его во время торговой поездки на восток Балтики – например, пленение где-нибудь в земле чуди в ходе одной из военных экспедиций новгородцев в эти земли⁶⁸, как мы и догадывались ранее⁶⁹.

⁶⁷ Русская Правда. С. 68.

⁶⁸ Об одной из них, сопряженной с основанием Юрьева, – походе Ярослава, отнесенном в летописи к 1030 г., – узнаём из Повести временных лет: ПСРЛ. Т. 1. Стб. 149; Т. 2. Стб. 137.

⁶⁹ См. примеч. 6.

Summary

A. V. Nazarenko

The Novgorod Serf Dudika and the Sable Furs of Bishop Meinwerk of Paderborn

Dudika, a serf of Bishop Luka of Novgorod, who according to the Novgorod chronicle had slandered his master in 1055 and later run away “to the Germans”, bore a German name – Low-German “Dodica” – and was, accordingly, a German (to be precise a Saxon). Searches for men bearing such a name in German sources relating to the end of the 10th or first half of the 11th century – almost exclusively official documents – have led to astonishing results. All mentions (and there are over 20) of this name relate to a district of Paderborn in Southern Saxony. In the meantime, Bishop Meinwerk of Paderborn (1009–1035) was involved in international trading in valuable

furs and there was a monastery in Helmarshausen, which belonged to Paderborn, where a market had been held since 1007, entitled to operate with rights such as those enjoyed by such well-known centres of international trade as Mainz, Cologne and Dortmund. It is interesting to note that Helmarshausen was in the county of a certain Dodica. This article bears out the hypothesis that Dudika from Novgorod had originally been a merchant from the vicinity of Paderborn, who had ended up (perhaps after being taken prisoner) in Novgorod as a serf in the service of the local bishop and who, perhaps thanks to his personal qualities, was to become a steward (tiun).

«Иванское» купечество в средневековом Новгороде

«Иванское» купечество в средневековом Новгороде, его положение в новгородском обществе XII–XV вв. привлекают и будут привлекать к себе внимание исследователей, так как речь идет о единственной купеческой организации в средневековой Руси, о характере которой сохранился ряд конкретных сведений в таких текстах, как «Устав Всеволода» и «Рукописание» Всеволода. Вопрос о датировке, времени создания этих текстов был предметом дискуссии. Итоги этой дискуссии подвел В. Л. Янин. Согласно его заключениям время составления первоначальной редакции «Рукописания» следует датировать рубежом XIII–XIV вв. К концу XIII в. относится и составление «Устава Всеволода», но при его составлении был использован особый новгородский источник, содержащий важные сведения о «иванском» купечестве, относящийся к более раннему времени, который исследователь был склонен датировать 1218–1221 гг.¹ Мной приведен ряд аргументов в пользу того, что нововведения, касавшиеся в значительной мере «иванского» купечества, зафиксированные текстом «Устава Всеволода», были осуществлены в Новгороде в 70-х – 80-х гг. XIII в.² Таким образом, в нашем распоряжении имеются два текста, более ранний и более поздний, содержащие важные сведения о «иванском» купечестве. Представляется важным рассмотреть внимательно содержание сведений, содержащихся в обоих текстах, о месте «иванского» купечества в жизни Новгорода и сопоставить их между собой.

В «Уставе» как участник совещания, созванного для проведения преобразований, фигурирует «иванский староста» Васята³. Таким образом, уже существовало объединение купцов во главе со своим ста-

ростой, которое носило такое название по названию храма, находившегося под их патронатом: «а старостам и торговцам ... строить дом святого Ивана».

Одно из главных преобразований, зафиксированных в «Уставе», – это то, что князь передал «святей Софии и епископу и старосте Иваньскому всему Новгороду мерила торговаа, скалвы воцаныя, пуд медовыи, и гривенку рублевою и локоть еваньский»⁴. Таким образом, князь отказывался в пользу Новгорода от сбора пошлин, взимавшихся при взвешивании и измерении ряда товаров. Об установлении подобных порядков говорят «привилеи» правителей Великого княжества Литовского соседним с Новгородом «землям» – Полоцкой, Витебской, Смоленской⁵. «Привилеи», конечно, относятся к гораздо более позднему времени, чем «Устав», но они во многом, по мнению исследователей, отражали более раннюю практику. В некоторых случаях возможно установить, как подобный порядок конкретно функционировал. Так, в «привилее» 1511 г. Полоцкой земле указывается, что «за предков наших городские весь» «держжали бояре посполу с мещаны», а полученные доходы делили между собою «на полы». Конкретно взвешиванием и сбором пошлин занимались «по два боярина, а по два мешчанина»⁶.

В отличие от полоцких порядков «бояре» в числе людей, ведающих весами, в «Уставе» не указаны. Напротив, в «Уставе» предписывается «бояром» «не вступатися в тыи оброky». Очевидно, «весь Новгород» в «Уставе» представляли «сотни», объединявшие основную массу новгородского населения за исключением «бояр». Вместе с тем явной особенностью новгородских порядков является особое упоминание купеческой организации как одного из обладателей и «мерил», и доходов от них.

⁴ Там же. С. 486.

⁵ Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. Вып. III. М., 1980. № 323. С. 88; Любавский М. К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. М., 1910. С. 346–369.

⁶ Полоцкие грамоты ... Вып. III. С. 88.

¹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 2003. С. 121–135. В пользу установленного В. Л. Яниным соотношения между текстами говорит такая показательная деталь. В «Уставе» упоминается «поп иванский», в «Рукописании» присутствует множественное число.

² Флоря Б. Н. К изучению церковного устава Всеволода // Россия в Средние века и Новое время: сб. ст. к 70-летию Л. В. Милова. М., 1999. С. 82–94.

³ НПЛ. С. 486.

К каким же «мерилам» после преобразований должно было получить доступ «иванское» купечество. Это – прежде всего, «скалвы вощаные» – особые весы для взвешивания воска, в то время одного из главных товаров в торговле России с Западом. Наименование этих весов «скалвами» – равноплечными коромысловыми весами, установленными в Новгороде в начале 60-х гг. XIII в.⁷, говорит о том, что перечень мерил в новгородском источнике редактировался при его включении в «Устав Всеволода». Далее в перечне следует «пуд медовый» – неравноплечные коромысловые весы, на которых взвешивался такой важный товар, как мед.

«Гривенка рублевая» «Устава Всеволода» в других новгородских источниках не упоминается. Лишь в тексте Псковской III летописи под 1463 г. помещена запись: «Того же лета бысть во Пскове темьян дорог, по 60 денег рублевая гривенка». Темьян – это благовоние. Очевидно, «гривенка рублевая» – это какой-то эталон для взвешивания дорогих и особенно ценных товаров.

«Локоть еваньский» – мера для измерения тканей. Ее наименование указывает, как представляется, на то, что такой эталон хранился в церкви св. Ивана. Образец такого эталона с надписью «святого иваньского» был найден при раскопках в Новгороде⁸.

Этот перечень показывает, что «иванское» купечество участвовало на новгородском торгу во взвешивании и измерении целого ряда важных товаров, из них сукно и воск были едва ли не главными товарами новгородско-европейской торговли.

Правда, не все весы на торгу были переданы «иванскому» купечеству и Новгороду. Известно, что в целом ряде «земель» были особые весы для взвешивания такого важнейшего в средневековой торговле товара, как соль. Так обстояло дело, например, в Полоцке, где, судя по его договору с Ливонией (1338–1341 гг.), имелись особые весы для взвешивания воска «скалвы» и весы, где взвешивали соль «оу пудный ремень»⁹. Косвенное указание на существование таких особых весов и в Новгороде обнаружила в немецком документе 1336 г. А.Л.Хорошкевич (упоминается гридница «весовщиков соли» на Ярославле дворище)¹⁰. Особые весы для взвешивания «пудовщиками» соли и некоторых других товаров отмечены и в Новгородской таможенной грамоте

1571 г.¹¹ Очевидно, эти весы остались в руках князя и назначенных им чиновников.

В привилее Витебску 1503 г., где отмечалась передача местному обществу городских мер и весов, отмечалось: «а коли которой Витблянин у всех проступит або у локти, ино Витбляном самим казнити виноватого по своему праву»¹². В «Уставе Всеволода» устанавливалось, что нарушители правил должны быть казнены, а имущество их конфисковано – «треть живота святей Софии, а другая треть святому Ивану, а третья треть сочским и Новугороду»¹³. Такое распределение штрафа позволяет логично заключить, что и суд над преступниками должны были вершить совместно представители епископа, «иванского» купечества и сотских, представлявших население Новгорода¹⁴. И здесь «иванское» купечество выступает как особая самостоятельная сила.

Остается, однако, неясным, кто и как производил измерение, взвешивание и сбор торговых пошлин и как доходы делились. На эти вопросы текст «Устава Всеволода» не дает ответа.

Положения «иванского» купечества касаются еще два фрагмента «Устава». Так, здесь предписывалось «старостам и торговцам, докладывая владыки, строить дом святого Ивана»¹⁵. В качестве комментария к этому тексту может быть привлечена запись Новгородской I летописи под 1184 г.: «Заложил архиепископ Илия с братом церковь святого Иоанна камени на торговщи»¹⁶. В.Л.Янин убедительно показал, что в этом известии речь идет именно о церкви Ивана на Опоках, находящейся под патронатом «иванского» купечества¹⁷.

Последний фрагмент «Устава», который заслуживает рассмотрения, – это запись о доходах, выделяемых для патронального храма «иванского» купечества: «а попу Иваньскому рускаа пись с борисоглебьским на пол; а сторожу Иваньскому руской порочици пятно да десять конюхов соли»¹⁸. Как показал В.Л.Янин, речь шла о наделении храма доходами, взимавшимися в Старой Руссе – общерусском центре солеварения¹⁹. «Пись» (позднее

¹¹ ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 282. С. 327.

¹² Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. I. СПб., 1846. № 204. С. 352.

¹³ НПЛ. С. 487.

¹⁴ Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 130–131.

¹⁵ НПЛ. С. 486.

¹⁶ Там же. С. 37.

¹⁷ Янин В.Л. Буевище «Петрятино дворище» в Новгороде // Янин В.Л. Средневековый Новгород: очерки археологии и истории. М., 2004. С. 197.

¹⁸ НПЛ. С. 486. Слово «конюх» употреблялось в значении «ковш» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1955. С. 156), «порочка» в некоторых говорах это – черпало, черпак на шесте. (Там же. Т. III. М., 195. С. 322).

¹⁹ Янин В.Л. Новгородские посадники... С. 129–130.

⁷ ГВНП. М.; Л., 1949. № 29. С. 31; Клейнберг И.Э. Орудия взвешивания в балтийской торговле Великого Новгорода и Пскова (до конца XV в.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1973. С. 143–149.

⁸ Псковские летописи. Вып. II. М., 1955. С. 157; Арциховский А.В., Тихомиров М.Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 48.

⁹ Полоцкие грамоты. Вып. I. М., 1970. № 4. С. 39–40.

¹⁰ Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода в XIV–XV веках. М., 1963. С. 220.

«писчее») – побор, собиравшийся в Русе²⁰, делился пополам между храмом Ивана на Опоках и церковью Бориса и Глеба в Русе. Разрушенная в эпоху Смуты, она стояла на городской площади и была, по-видимому, главным городским собором Русы²¹. Формально, данный текст касается Иванского храма, а не «иванского» купечества, однако, как увидим далее, получение Иванским храмом доходов в Русе было, по-видимому, следствием установления патроната «иванского» купечества над храмом Бориса и Глеба. Об этом говорит летописный фрагмент, скопированный с текста 30-х гг. XV в., в котором рассказывается о путешествии новгородцев в 60-е гг. XII в. в Святую Землю, откуда они принесли много реликвий. Часть этих реликвий была передана храму Бориса и Глеба. Одновременно новгородские «мужи» пожаловали «притворянам» Борисоглебского храма «скатерть» с пояснением «во веки им кормление»²². «Скатерть», очевидно, символическое обозначение какого-то количества продуктов, доставлявшегося клиру из Новгорода, очевидно, «иванским» купечеством²³. Сопоставление этих данных позволяет поставить вопрос, что уже в домонгольское время деятельность «иванского» купечества не ограничивалась одним Новгородом.

Этим ограничивается круг сведений о «иванском» купечестве, который содержится в «Уставе Всеволода».

Рассматривая данные, содержащиеся в «Рукописании», следует сразу отметить одну особенность текста. Если в «Уставе» упоминается один «иванский» староста, то в «Рукописании» последовательно говорится о двух старостах, стоящих во главе «иванского» купечества²⁴. В «Уставе Всеволода» также говорится о совещании князя «со старостами», но это уже упоминавшийся Васята и староста Болеслав, стоявший в перечне участников совещания выше Васяты²⁵. Очевидно, Болеслав возглавлял другую организацию новгородского купечества. О существовании такой организации говорит запись в Новгородской I летописи под 1156 г.: «В то же лето поставиша заморости (в мл. изводе – купцы)

церковь святых Пятнице на Тръговищи»²⁶. «Заморские» купцы – это купцы, которые вели торговлю в странах на другой стороне Балтийского моря – в Поморье и в Скандинавии. Строительство ими своего особого патронального храма явно говорит о существовании у них своей особой организации, ее глава – «староста» и должен был ведать делами сношений Новгорода с немцами. Объединение это продолжало существовать и в самом начале XIII в. Под 1207 г. в Новгородской I летописи снова читается: «свьрьшиша церковь святых Пятница заморский (в мл. изводе – купце) августа в 30»²⁷.

В предложениях немецкой стороны 60-х гг. XIII в., излагавшихся перед заключением договора между Новгородом и немецкими городами, упоминалась обязанность выезжавших из Новгорода немецких купцов давать марку серебра храму св. Пятницы²⁸. Очевидно, именно «заморские» купцы ведали делами с немцами.

Однако в текст договора 1269 г. упоминание о пошлине в пользу храма св. Пятницы не вошло. В договоре указывалось, что споры между немецкими купцами и новгородцами должны рассматриваться «перед тысяцким, старостами и новгородцами». Суд этот должен был производиться «на дворе святого Ивана»²⁹. Есть все основания отождествить упомянутых в договоре старост с двумя купеческими старостами, которым вместе с тысяцким в «Рукописании» поручен «суд торговли»³⁰. Таким образом, к 1269 г. во главе «иванского» купечества стояло уже двое старост. Следует отметить, что позднее храм св. Пятницы явно перестал быть патрональным храмом купеческого объединения. В 1345 г. Святую Пятницу, «что порушилася в великий пожар», отстраивали «повелением раба божия Андрея, сына тысяцкого»³¹.

Всё сказанное позволяет предположить, что «иванское» купечество «Рукописания» сформировалось в XIII в. за счет слияния в одну общность «заморского» и «иванского» купечества³². Очевидно, что как документ, оформлявший положение всей верхушки новгородского купечества, «Рукописание» и включалось в сборники, содержавшие ряд важных новгородских документов, как, например, в сборники, сопровождавшие текст новгородских

²⁰ Вероятно, об этом налоге идет речь в описании города конца XV в. – «а писцу рускому с оброка с двора по денге» (см.: Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. М., 2009. С. 32).

²¹ См. подробнее: Флоря Б.Н. Старая Руса в «Уставе Всеволода» // Норна у источника Судьбы: сб. ст. в честь Елены Александровны Мельниковой. М., 2006. С. 416–417.

²² Отчет имп. Публичной библиотеки за 1894 год. СПб., 1897. С. 114–115.

²³ См. об этом подробнее: Флоря Б.Н. О положении «иванского» купечества в Новгороде домонгольского времени // Новгородский исторический сборник. Т. 12 (22). М.; СПб., 2011. С. 34–36.

²⁴ НПЛ. С. 559–560.

²⁵ Там же. С. 486.

²⁶ Там же. С. 30, 217.

²⁷ Там же. С. 50, 247.

²⁸ Hansiches Urkundenbuch. T. I. Halle an S., 1876. № 663. S. 231. О датировке документа см.: Клейненберг И.Э. Орудия взвешивания ... С. 148–149.

²⁹ ГВНП. № 31. С. 59–60.

³⁰ НПЛ. С. 559.

³¹ Там же. С. 357.

³² См. об этом подробнее: Флоря Б.Н. О купеческих организациях в Новгороде XII–XV вв. // От Древней Руси к России Нового времени: сб. ст. к 70-летию А.Л.Хорошкевич. М., 2003.

летописных сводов. В «Рукописании» указывалось, что в ведении тысяцкого и двух старост находятся «всякие дела Иванская и торговая и гостиная»³³, т. е. и дела, касающиеся дальней торговли «гостей».

В этой судебной коллегии двое «старост» представляли «иванское» купечество, а тысяцкий был представителем «житых и черных людей», то есть тех частей населения Новгорода, которые не принадлежали к боярству. «Рукописание» запрещало посаднику и боярам «вступатца» в их суд³⁴. Тысяцкий, очевидно, сменил здесь 10 сотских «Устава Всеволода». Вместе с тем в составе судебной коллегии не было больше представителей епископской кафедры. Очевидно, тысяцкому принадлежал и какой-то общий надзор за жизнью «иванского» купечества. Неслучайно, вступивший в члены корпорации должен был давать тысяцкому «сукно ипское»³⁵.

Установившаяся система отношений, обеспечивавшая определенную автономию «торгового суда» по отношению к новгородскому боярству, была нарушена, когда, как показал В. Л. Янин, со второй четверти XIV в. тысяцкими стали всё чаще становиться новгородские бояре³⁶.

Если в «Уставе Всеволода» оставалось неясным, как будет осуществляться управление «мерилами», переданными князем «епископу, и старосте иванскому, и всему Новгороду», то в целом ряде статей «Рукописания» очень ясно определялось отношение «иванского» купечества к весам для взвешивания воска³⁷. В 4 ст. отмечалось, что весы находятся «в притворе святого Ивана», а взвешивают на них «иванские» старосты. Пошлины при взвешивании следовало брать по нормам, установленным в «Рукописании» (ст. 5). Указание: «А куны ... класти святого великого Ивана в дом» показывает, что полученные доходы оставались в распоряжении «иванского» купечества. Из этих доходов должны были выделяться средства на содержание клира храма св. Ивана, на выплаты князю «через год» (ст. 1, 7).

Передача одного из важнейших новгородских «мерил» в полное распоряжение новгородского купеческого объединения не имеет аналогий ни в Северо-Восточной Руси, где весы разного рода принадлежали государственной власти либо передавались ею различным церковным учреждениям³⁸, ни в соседних землях Западной Руси, где весами (как, например, в Полоцке) ведали совместно представители бояр и мещан (см. выше). Неслучайно, в по-

следней статье «Рукописания» предписывалось: «А городу, ни владыце, ни боярам весу не отнимати у святого великого Ивана, ни продавати»³⁹.

Всё это показывает, какой влиятельной силой было «иванское» купечество, имевшее в своем распоряжении столь важный источник доходов.

Вместе с тем обращает на себя внимание, что другие «мерила», которые фигурируют в «Уставе Всеволода» (пуд медовый, гривенка рублевая, локоть иваньский), в «Рукописании» вообще не упоминаются. В связи с этим встает вопрос, в чьем распоряжении они могли находиться в XIV–XV вв. Проще всего решается вопрос с «локтем». Найденный эталон с надписью датируется XIV в.⁴⁰, а в ганзейском письме 1422 г. И. Э. Клейненберг обнаружил упоминание о «веревке святого Ивана», равной 10 локтям, которая использовалась для измерения сукон, которые привозили немецкие купцы⁴¹.

Ясно, что измерение сукон при их продаже в Новгороде осуществлялась при активном участии «иванского» купечества, взимавшего, конечно, при этом соответствующие доходы. Что касается других «мерил», то косвенное свидетельство о том, что и они оставались в распоряжении «иванского» купечества, содержит текст Новгородской таможенной грамоты 1571 г., где читается: «А воск, и мед, и олово, и свинец, и квасцы, и ладан, и темьян весити по старине на крюк у Ивана святого под церковью на Петрятине дворище»⁴². Таким образом, в XVI в. на весах у церкви Ивана на Опоках взвешивали и мед, и благовония, для измерения которых использовалась «гривенка рублевая».

Вместе с тем заслуживает внимания, что в XVI в. на весах у храма Ивана на Опоках взвешивали также олово и свинец. Между тем в одной из редакций скры немецких купцов в Новгороде рубежа XIV–XV вв. говорится о взвешивании свинца и олова «на княжеских весах» («upre des konznges schalen») ⁴³. Возможно, с ослаблением позиций княжеской власти в Новгороде XV в. и взвешивание металлов перешло в руки «иванского» купечества.

Возможно, о других «мерилах» в «Рукописании» не говорилось, потому что в отличие от воска взимание пошлин при взвешивании этих товаров оставалось традиционным. Во всяком случае есть основания полагать, что какого-либо ухудшения позиций

³⁹ НПЛ. С. 560.

⁴⁰ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты ... С. 48.

⁴¹ Клейненберг И. Э. «Веревка» как мера длины сукна в Новгороде XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. XII. Л., 1981.

⁴² ААЭ. Т. I. № 282. С. 327.

⁴³ Schluter W. Nowgoroder Schra in sieben Fassungen von XII bis XVIII Jahrhundert. Dorpat und Lubeck, 1914–1916. S. 156–157; Клейненберг И. Э. Унификация вощаного веса в новгородско-ливонской торговле XV в. // Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966. С. 86.

³³ НПЛ. С. 559.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Янин В. Л. Новгородские посадники ... С. 422–424.

³⁷ НПЛ. С. 559.

³⁸ Флоря Б. Н. Сбор торговых пошлин и посадское население в Русском государстве (конец XV – начало XVII в.) // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 330–331.

«иванского» купечества в Новгороде при подготовке «Рукописания» не произошло.

Сложный, пока не поддающийся решению вопрос о источниках доходов «иванского» купечества за пределами Новгорода, возникает при сопоставлении данных «Устава Всеволода» и «Рукописания». В «Уставе» говорится о передаче «святому Ивану» половины «писчего» в Русе. В «Рукописании» об этом ничего не говорится. Напротив, в «Рукописании» устанавливается, что «святому Ивану» должна быть передана половина доходов от «пуда воцаного» в Торжке, а другая половина передается главному городскому собору Торжка – св. Спасу⁴⁴. В этой связи в научной литературе неоднократно отмечалось, что каменное здание собора было построено в 1364 г. «замышлением богобоязливых купец новгородчких»⁴⁵. Сопоставление этого известия с «Рукописанием» позволяет установить, что «святой Иван» этого документа – символическое обозначение «иванского» купечества по его патрону, и с получением важной части городских доходов связана и важная роль «иванского» купечества в жизни Торжка.

Сопоставляя между собой «Рукописание» и «Устав», можно было бы сделать вывод, что первоначально «иванскому» купечеству в лице его патронального храма принадлежали определенные доходы в Русе, затем они были утрачены и появились пожалования в Торжке. Ряд фактов, однако, противоречит такому выводу. Здесь следует снова обратиться к разбиравшемуся выше рассказу о «хождении» новгородцев в Святую Землю при великом князе Ростиславе Мстиславиче. Согласно этому рассказу, вернувшись, «мужи новгородские» посетили не только Русу, но и Торжок и поднесли собору св. Спаса «чашу», «во веки им кормление», т. е. право на получение определенного количества напитков. Право это подтвердил, посетив Торжок, Иван Калита⁴⁶. Стоит отметить, что летописный фрагмент, в котором читается этот рассказ, был составлен при участии клира Спасского собора⁴⁷. Согласно этому рассказу, определенный патронат «иванского» купечества над городскими соборами Торжка и Русы был установлен уже в домонгольское время.

С другой стороны, связь между собором Бориса и Глеба в Русе и новгородским купечеством прослеживается, как отмечалось в научной литературе, и после составления «Рукописания»⁴⁸. Так, в 1403 г. «поставиша купце новгородския прасоле церковь

камену святыи Борис и Глеб»⁴⁹. Представляется возможным наметить некоторые связи между «прасолами» и «иванским» купечеством, если учесть, что одно из значений термина «прасол» – торговец скотом. Между тем в уже цитированной Новгородской таможенной грамоте 1571 г. содержалось предписание: «А мясником на озере городом ... у путников коров не купити ни на которых дорогах, гонити путники коровы на продажу к Ивану святому на Опоках»⁵⁰. Там, по-видимому, определялась цена этого скота⁵¹. Всё это показывает несостоятельность предложенного объяснения, но расхождение между данными источников является фактом, которым нельзя пренебрегать. Этот аспект жизни и деятельности «иванского» купечества заслуживает дальнейшего изучения, тем более, что сам характер связей «иванского» купечества с такими центрами Новгородской земли, как Торжок или Руса, остается во многом неясным.

Как уже отмечалось, определенные связи, устанавливавшиеся «Уставом Всеволода» между «домом св. Софии» и «иванским» купечеством, в «Рукописании» не прослеживаются. Какие-либо представители епископской кафедры не входили ни в состав «торгового суда», ни в управление весами для взвешивания воска. Отсутствует в «Рукописании» и предписание «строить дом святого Ивана, докладываа владыкы». Лишь в 6 ст. «Рукописания» содержалось обращение к епископу с призывом «стояти за дом святого великого Ивана»⁵².

Вместе с тем установления «Устава» об опеке епископа над «домом святого Ивана» никто не отменял, и, как представляется, с усилением роли и значения архиепископской кафедры в жизни Новгорода середины XV в. стали предприниматься попытки реактивировать нормы «Устава Всеволода». Так, в 1453 г. старое здание храма Ивана на Опоках было разрушено «повелением владыки Еуфимия»⁵³, а когда к 1455 г. новое здание было построено, оно было «подписано» повелением этого архиепископа⁵⁴. Так реализовывалось предписание «Устава Всеволода», предлагавшее «строить» храм, «докладываа владыкы». Остается неясным, удалось ли и в какой мере архиепископу реанимировать другие установления «Устава Всеволода», касавшиеся интересов кафедры.

⁴⁴ НПЛ. С. 558–559.

⁴⁵ Там же. С. 368–369; Янин В.Л. Новгородские посадники ... С. 125.

⁴⁶ Отчёт ... С. 114–115.

⁴⁷ Малыгин П. Новоторжский летописец // Тверская старина. 1994. № 1–2.

⁴⁸ Янин В.Л. Новгородские посадники ... С. 130.

⁴⁹ НПЛ. С. 397.

⁵⁰ ААЭ. Т. I. № 282. С. 320.

⁵¹ Семенов А.И. Топография Новгородского торгового центра в 1583 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. I. Л., 1936. С. 35.

⁵² НПЛ. С. 559.

⁵³ ПСРЛ. Т. XVI. СПб., 1889. Стб. 193.

⁵⁴ Там же. Стб. 194.

Summary

B. N. Florya

The “Ivansky Merchants” in Medieval Novgorod

The “Ivansky Merchants” in medieval Novgorod and their position within Novgorod society of the 13th–15th centuries attract scholars’ attention and will continue to do so, since it was the only merchants’ organization in medieval Rus, about the nature of which a range of concrete information has survived in such texts as the “Vsevolod Charter” and Vsevolod’s “Manuscript”. The merchants’ association mentioned in the “Manuscript” took shape in the 13th century when the “Ivansky merchants” and the “overseas” merchants decided to come together in a single body. There is no other instance in North-Eastern Rus of the unrestricted transfer of responsibility for one of the most important “standards” (wax) to an association of merchants as was the case in Novgorod: weights of various kinds were usually the responsibility of the state authorities or they were made over by

the state to various church institutions. Such a practice was not to be found in the lands of Western Rus either: weights were supervised jointly by representatives of the boyars and tradespeople (as for example in the town of Polotsk). In Novgorod the “Ivansky Merchants” were actively involved in the measuring out of cloth when it was sold in the city. As regards other “standards”, there is indirect evidence to show that they too were supervised by the “Ivansky Merchants”: “Wax and honey, tin and lead and yeast and incense are weighed in accordance with ancient custom using the Saint Ivan hook by the church in St. Peter’s Court” (text of Novgorod’s customs charter dating from 1571).

The question as to the nature of the links between the “Ivansky Merchants” and centres outside Novgorod – in particular Torzhok and Russa – requires further study.

Город Дубна на реке Дубне

Русские летописные своды XIV–XV вв. сохранили редкие упоминания Дубны. Они говорят о географическом объекте с данным наименованием всего четыре раза, при описании событий 1134, 1216, 1445 и 1451 гг. Но несмотря на редкость таких наименований, в научной, научно-популярной и краеведческой литературе до сих пор не стихают споры о том, о какой Дубне писали в средневековой Руси. Разобраться в ведущейся полемике следует потому, что от точного определения того, что за Дубна названа в указанных сводах, зависит общая оценка развития Верхнего Поволжья в раннее время, его заселенности, прохождения здесь границ различных политических образований XII–XV вв., экономической, в частности торговой, роли данного региона в общей истории Руси. Начать следует с самого позднего и самого определенного упоминания Дубны.

Летописный рассказ о внезапном нападении на Москву сына хана Сеид-Ахмета Мазовши в 1451 г. дает четкое представление о том, что летописцы XV столетия понимали под названием Дубна. Летопись сообщает, что «того же лѣта прииде вѣсть к великому князю, что идет на нь изгоном из Седиахметевы Орды царевич Мазовша, и поиде противу ему к Коломнѣ, не успѣвъ събратися. Бывшу же ему близ Брашевы, и прииде вѣсть ему, что уже Татарове близ берега, и князь велики воротися к Москвѣ, а что с ним людеи было, тѣх всѣх отпусти к берегу с воеводою княземъ Иваном Звенигородским, чтобы не толь борзо перевезлися реку Оку; он же, убоясь, вернуса назад иным путемъ, а не за великимъ княземъ. Князь же велики, взем Петров день на Москвѣ и град осадивъ, посади в нем мать свою Софью да сына своего князя Юрья и множество боаръ и дѣтей боарских, преже же всѣх отца своего митрополита Иону и архиепископа Ростовского Ефрѣма и весь чинъ священнически и иночески, и многое множество народа града Москвы, да самъ изыде из града Москвы и съ сыномъ своим великимъ княземъ Иваномъ. А свою великую княгиню отпустилъ с меншими детми на Углич, а самъ тогда начевал въ Озерецкомъ, а оттуда поиде к Волзѣ. А Татарове, пришед, стаха у берега, чающе противу себя рати, и не бысть ничто же. Они же, чающе потаившуся рать или брегъ дающими им, и послаша сторожи на сю сторону Оки. Они же обыскавша всюду и не обрѣтоша ничто же и възвращашеся, повѣдающе имъ, что нѣтъ пртивящихся им. И

такое перевезошася Оку реку и напрасно устремишася к Москвѣ, и приидоша под неа в пяток, въ 2 июля на Положение ризъ богородици въ 1 час дне, и тако вся посады зажгоша въ един час, а сами в то время со вся страны начаша къ граду приступати».

Далее летописец рассказал о том, как самоотверженно защищали москвичи свой город, хотя им и приходилось страдать от жары и дыма пылавшего вокруг Кремля огня. Когда пожар стал утихать, защитники города предприняли ряд вылазок. Стычки продолжались до вечера 2 июля. С наступлением сумерек Мазовша отошел от города. Москвичи стали готовиться к продолжению боя, который, в чем они не сомневались, должен был возобновиться на следующий день. Но татары не появились. Вскоре выяснилось, что они спешно покинули Москву, бросив все, что успели захватить. Причина столь неожиданного отступления Мазовши заключалась в том, что, услышав ночью большой шум в готовившемся обороняться Кремле, татары решили, будто туда пришел с многочисленным войском великий князь, а потому, побросав трофеи, бежали. Только тогда, по словам летописца, «великаа же княгини Софья часа того послала по сына своего, великого князя Василья, поне же бо в той же пяток, въсходящу солнцу, перевезелся бяше за Волгу на усть Дубны. Слышав же се князь велики, преже въсплакася и благодараше господа бога и пречистую мать его и всѣх святыхъ, и часа того възвратися к Москвѣ»¹.

Приведенный летописный текст читается в Московском летописном своде конца XV в., но его вполне можно возводить к источнику этого свода – Московскому великокняжескому своду 1479 г., поскольку он есть в Эрмитажном списке XVIII в. данного свода, правда, не вполне исправном, а также в Воскресенской летописи. Содержание летописного повествования о внезапном нападении царевича Мазовши на Москву свидетельствует о его составлении по рассказам лиц из великокняжеского окружения. Говорится о том, что известия о движении Мазовши получал великий князь Василий Васильевич, он же принимал практические решения о противостоянии царевичу на левом берегу р. Оки, а затем в Москве, внутри кремлевской крепости. Сообщаются

¹ Полное собрание русских летописей. Т. XXV. М.; Л, 1949. С. 271–272.

подробности о пребывании великого князя в Москве в Петров день (29 июня), его отъезде вместе с семьей из Москвы на север, о ночевке в селе Озерком, сохранившемся до настоящего времени и расположенном к северо-западу от Лобни на пути к Волге. Названные в летописном рассказе даты точны и подробны. Так, указывается, что 2 июля, когда ранним утром Мазовша появился под стенами Москвы, приходилось на пятницу. Действительно, в 1451 г. 2 июля было пятницей (Пасха 25 апреля). Приведено точное время появления Мазовши в Москве – «въ 1 час дне», что для 2 июля означало половину четвертого утра по современному делению суток на часы. Совершенно очевидно, что такие записи мог сделать современник событий.

Поэтому упоминание в летописной статье 6959 (1451) Дубны в Московском летописном своде 1479 г. нужно возводить к ранней и современной событиям 1451 г. записи. Из летописных слов о том, что великий князь 2 июля «в той же пяток, въсходящу солнцу, перевезелся бяше за Волгу на усть Дубны», следует, что Василий Темный переправился на левый берег Волги в районе устья Дубны, т.е. Дубна в контексте летописного рассказа о событиях 1451 г. означает реку. Правда, в последнее время некоторые краеведы подмосковного города Дубны (современного наукограда) стали утверждать, будто летописное выражение «на усть Дубны» может передавать название не реки, а поселения, возникшего на месте древнерусского города Дубна, сожженного в ходе междоусобной борьбы русских князей в 1216 г.² Даже не прибегая к историографии вопроса и к авторитету различных исследователей XVIII–XX вв.³, можно сказать, что подобное утверждение ошибочно: если бы речь шла о поселении, то вместо «на усть Дубны» в летописи должно было бы читаться «на Устьдубнѣ».

Однако косвенное указание на заселение речных берегов при впадении Дубны в Волгу в летописной статье 1451 г. все-таки обнаруживается, хотя дубненские краеведы внимания на него не обратили и не оценили. Летопись говорит, что ранним утром 2 июля 1451 г. великий князь Василий Васильевич «перевезелся бяше за Волгу». Переплыть Волгу великий князь и его окружение, вероятно, не малочисленное, могли только в том случае, если у правого берега Волги у устья Дубны стояли лодки. А если на реке была лодочная гавань, значит, по соседству на речных берегах жили люди.

² Даченков И. Б., Крымов Е. Ю. История Дубненского края: средневековый экскурс. М., 1998. С. 69–72, 80, 82.

³ О Дубне как реке при описании событий 1451 г. см.: Татищев В. Н. История Российская. Т. V. М.; Л., 1965. С. 270, 334; Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. V. М.: Наука, 1993. С. 187, 532; Соловьев С. М. Сочинения. Кн. II. М., 1988. С. 430, 740; Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отд. 2: Указатель географический. СПб., 1907. С. 102; Зимин А. А. Визит на распутье. М., 1991. С. 148.

Такое заключение подтверждается несколько более ранним упоминанием Дубны. Упоминание встречается в Тверском сборнике при описании событий 1445 г. Под 6953 г. там сообщается, что «княжны великаа Софиа побѣжала ко Твери, и князь Дмитри Шемьяка Юриевичъ з Дубны великую княгиню Софию увернулъ къ Москвѣ»⁴. Речь в приведенной цитате идет о событиях, последовавших за разгромом московского великого князя Василия Васильевича под Суздалем 7 июля 1445 г. и его пленении татарами, когда мать Василия великая княгиня Софья Витовтовна, напуганная возможным нападением победителей на Москву, бежала из столицы, но захвативший Москву звенигородский князь Дмитрий Юрьевич Шемьяка вернул беглянку обратно, справедливо опасаясь, что Софья через Тверь убежит к родственникам в Литву, а те окажут ей и ее сыну политическую и военную помощь в борьбе за московский великокняжеский стол. Софья Витовтовна была задержана в определенном месте, и летопись это место называет. По ее словам, Дмитрий Шемьяка вдовую великую княгиню «з Дубны ... увернулъ». Выражение «з Дубны» более определено, чем выражение «на усть Дубны» летописной статьи 1451 г. Оно указывает на место, объект, а не на пространство. И если объект носил название Дубна, то речь должна идти о поселении Дубна, но не о реке Дубне. В целом выясняется, что в середине 40-х гг. XV в. на р. Дубне существовал населенный пункт, который назывался Дубна, а не Усть-Дубна, как настаивают некоторые дубненские краеведы, не вполне знакомые с материалами по истории своего города.

Что касается первого, самого раннего упоминания Дубны, то оно, как говорилось выше, встречается в летописном рассказе о событиях 1134 г. Древнейший текст сохранился в Новгородской I летописи старшего извода, в мартовской статье 6642 г.: «Томъ же лѣтъ ходи Всѣволодъ съ новгородъци, хотя брата своего посадити Суждали, и воротишася на Дубнѣ опять; и на томъ же пути отяша посадничество у Петрила и даша Иванку Павловицю»⁵. Поскольку приведенной записи в Новгородской I летописи старшего извода предшествует запись о пожаре в Новгороде 4 августа, поход можно датировать временем после 4 августа 1134 г. С другими деталями тот же поход описан в ультрамартовской статье 6643 г. Лаврентьевской летописи: «И иде Мстиславичъ Всеволодъ и Изяславъ на Ростовъ, и на Волзѣ воротишася Новгородъци. И иде Всеволодъ опять Новугороду, а Изяславъ оста на Волоцѣ»⁶. Лаврентьевская летопись не называет по именам никаких новгородцев, как это делает Новгородская I летопись старшего изво-

⁴ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. Стб. 492.

⁵ НПЛ. С. 23. О дате см.: Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 243.

⁶ ПСРЛ. Т. I. Л., 1926–1928. Стб. 302. О дате см.: Бережков Н. Г. Указ. соч. С. 54.

да, и не говорит об их разногласиях, но она сообщает о том, что брат Всеволода Изяслав, который намеревался занять княжеский стол в Суздале, тоже был участником похода. Обе летописи отмечают, что поход цели не достиг. С пути ратники повернули обратно («опять», т.е. вспять). Местом возврата в Новгородской I летописи старшего извода названа Дубна, но в Лаврентьевской летописи – Волга.

Свидетельство Новгородской I летописи старшего извода о походе новгородцев на Суздаль осенью 1134 г. Новгородской I летописи старшего извода с раннего времени привлекало внимание историков. Привлекало не потому, что оно содержало упоминание Дубны, а потому, что описывало первое военное столкновение Новгорода с соседним Суздальским княжеством и характеризовало отношение новгородцев к войне против сыновей Владимира Мономаха и к войне против их племянников – сыновей скончавшегося в 1132 г. киевского князя Мстислава Великого, объединившихся с черниговскими князьями против своих родных дядей. Однако историки обращали внимание и на маршрут похода, и на упомянутые в летописи географические объекты.

Уже первый русский историк В.Н.Татищев, используя не древнейшие летописи, а поздние, но повторявшие в ряде случаев текст ранних памятников русского летописания, отмечал, что «идоша Мстиславичи, Всеволод и Изяслав, на Ростов, хотяще Юриevi Ростов отъяти, и на Волзе от Дубны воротитася новгородцы, не восхотеша на Владимиричи (потомки Владимира Мономаха. – В.К.) со Олговичи (потомки черниговского князя Олега Святославича. – В.К.) воевати...»⁷. Нетрудно видеть, что в своем повествовании о событиях 1134 г. (сам В.Н.Татищев считал, что эти события относятся к 1135 г.) историк соединил свидетельства, восходящие к Новгородской I летописи старшего извода, и свидетельства, восходящие к Лаврентьевской летописи. Географические познания и здравый смысл подсказали ему, что указанные в летописях разные места поворота вспять новгородской рати на самом деле являются одним и тем же – местом впадения реки Дубны в Волгу, а маршрут похода пролегал вдоль Волги. Прекращение похода В.Н.Татищев связывал с изменением политической позиции новгородцев, их нежеланием воевать на стороне черниговских князей против живших в середине 30-х гг. XII в. сыновей Владимира Мономаха.

Через несколько десятилетий после написания татищевской «Истории Российской» Н.М.Карамзин, объясняя мотивы похода, писал, что княживший в Новгороде Всеволод Мстиславич «обещал брату (Изяславу. – В.К.) завоевать для него область Суздальскую. Он не сдержал слова: дошел только до реки Дубны и возвратился»⁸. Дубну летописного из-

вестия 1134 г. первый русский историограф прямо признавал рекой.

То же самое утверждал и М.П.Погодин в составленном им списке древних географических объектов Суздальского княжества, существовавших в домонгольское время⁹.

Никаких сомнений относительно Дубны не испытывал при комментировании статьи 6642 г. Новгородской I летописи старшего извода С.М.Соловьев. «Мстиславичи с посадником Петрилою, – писал этот историк, – отправились на войну, но едва достигли они реки Дубны, как несогласия городского веча повторились в полках: противники похода против дядей в пользу племянников, против сына Мономахова в пользу внуков его опять подняли голос и на этот раз пересилили, заставили князя возвратиться и тут же, отняв посадничество у Петрилы, как видно, желавшего войны, отдали его Ивану Павловичу». С.М.Соловьев привел и справку относительно географического положения Дубны: «Река Дубна, впадающая в Волгу ниже города Корчевы, в Тверской губернии»¹⁰.

Статья о Дубне в Географическом указателе к первым восьми томам Полного собрания русских летописей характеризует Дубну, упоминаемую в летописной статье 6642 г., как «правый приток Волги»¹¹.

А.Н.Насонов, обстоятельно анализировавший формирование границ Суздальского княжества (прежней Ростовской земли) с Новгородом и внимательно изучавший летописные тексты, посвященные событиям XII в., не сомневался в том, что упоминаемая под 6642 г. в Новгородской I летописи старшего извода Дубна является рекой¹².

Автор данной работы также считал, что Дубна статьи 6642 г. Новгородской I летописи старшего извода – это река: «Полки Всеволода двигались, следовательно, по Волге и, дойдя до места впадения в нее р. Дубны, повернули обратно»¹³.

Все изменилось в 1986 г., когда среди подъемного археологического материала на правом берегу р. Волги близ впадения в нее р. Дубны на территории наукограда Дубна были обнаружены древнерусские свинцовые печати, преимущественно княжеские, и торговые пломбы, вымытые водой из сохранявшихся на волжском берегу остатков русского средневекового городища. Откомандированный для ознакомления с находками тогдашний младший научный

⁹ Погодин М.П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Период удельный. Т.IV. М., 1850. С.274, 287.

¹⁰ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. I. М., 1988. С.410–411, примеч. 213 на с. 685.

¹¹ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отд. 2. С.102.

¹² Насонов А.Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С.90, 179, 192–193, 239 (географический указатель).

¹³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. С.79.

⁷ Татищев В.Н. Указ. соч. Т.IV. М.; Л., 1964. С.190.

⁸ Карамзин Н.М. Указ. соч. Т.II–III. М.: Наука, 1991. С.110.

сотрудник Института археологии АН СССР С. В. Белецкий, до этого занимавшийся историей Пскова, стал писать не только о них, но и вообще о ранней истории Дубны. Первые публикации С. В. Белецкого появились в 1987 г.¹⁴ В данной работе высказанные им суждения о древней Дубне цитируются по его (в соавторстве с Е. Ю. Крымовым) статье в научном журнале «Советская археология» 1990, №3, который более доступен, чем местная городская газета или малотиражный сборник тезисов, тем более что только в журнале С. В. Белецким были приведены необходимые ссылки на источники и научные труды, хотя основные выводы повторяли то, что было высказано им в 1987 г. «Массовый керамический материал, – писал С. В. Белецкий, – собранный при осмотре памятника в 1986 г. [Белецкий С. В., Фролов А. С., Крымов Е. Ю. Разведка в окрестностях Дубны // АО 1986 г. М., 1988], коллекции подъемного материала с Ратминского поселения, находящиеся в частных руках, а также материалы раскопок 1963–1965 гг. [Успенская А. В. Древнерусское поселение близ г. Дубна // Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40. С. 108, рис. 2] свидетельствуют о том, что поселение возникает около середины XII в. и активно функционирует до начала XIII в. [Белецкий С. В. Древнерусский город Дубна // Наука и человечество. М.: Знание, 1988]. Конечно, нельзя исключать, что поселение возникало несколько ранее, чем середина XII в., однако вряд ли намного; в пользу этого свидетельствует отсутствие среди известных нам археологических материалов керамики и вещей находок, относящихся к XI или XI – началу XII в.»¹⁵

Исходя из того, что поселение при впадении Дубны в Волгу возникает не ранее XII в., полагаем, что вопрос о конкретно-исторических причинах основания этого поселения должен рассматриваться в связи с проблемой формирования границ Ростовской земли. Недавно эти сюжеты были проанализированы В. А. Кучкиным. Исследователь отмечал, что фиксирование границ Ростовского княжества происходит в годы княжения здесь Юрия Долгорукого (1095–1149 гг., с перерывами) и, вероятнее всего, начинается после высвобождения этих земель из-под

¹⁴ Белецкий С. В. Когда основан город? // Дубна. Наука. Содружество. Прогресс. № 1 (2840). 1987. 7 января; Он же. О времени основания летописной Дубны // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС: тезисы докладов всесоюзной археологической конференции. Суздаль. 1987. М., 1987.

*Примечания 15–17 относятся к статье С. В. Белецкого и Е. Ю. Крымова (прим. редкол.).

¹⁵ А. В. Успенская датировала Ратминское поселение X–XIII вв. [Успенская А. В. Древнерусское поселение близ г. Дубна // Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40. С. 105–111]. Однако в обоснование нижней даты никаких аргументов приведено не было. На недостаточность оснований для датировки X в. поселения при впадении р. Дубны в Волгу указывал, кстати, и В. А. Кучкин [Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 82, примеч. 196].

опеки Южной Руси [Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 76], т. е. после смерти в 1132 г. Мстислава Великого. Новгородский рубеж, в частности, был, по мнению В. А. Кучкина, укреплен в 40-е годы XII в. и проходил несколько западнее устья р. Медведица – левого притока Волги, впадающего в нее ниже по течению от устья р. Дубна [Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 82].

Аргументом в пользу возникновения порубежных крепостей на западной границе Ростовской земли в конце 40-х годов XII в., по мнению В. А. Кучкина, является быстрое продвижение новгородских войск в походе 1135 г. на Суздаль, что, по мнению исследователя, свидетельствует об отсутствии сопротивления на всем протяжении пути к Ждане Горе. Действительно, путь из Новгорода до р. Кубра новгородцы проделали всего за 26 дней, однако маршрут этого похода в источниках не описан. Но в то же время интересные данные имеются в описании маршрута предшествующего похода новгородцев, осенью 1134 г. Тогда полки под командованием князя Всеволода Мстиславича дошли до границ Новгородской земли и внезапно повернули обратно. Новгородская Первая летопись отмечает, что войска «воротишася на Дубне» [НПЛ. С. 23].

Традиционно принято считать, что в этом сообщении речь идет не о поселении, а о реке Дубне, от устья которой повернули обратно полки Всеволода Мстиславича. Некоторые основания для такого заключения есть. В Лаврентьевской летописи в том же контексте сказано: «На Волзе воротишася» [Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. 1962. Т. 1. Стб. 302], и это наводит на мысль о реке, являвшейся ориентиром в описании похода.

Однако отсутствие мотивировки для внезапного прекращения похода и организация в том же году нового похода, начавшегося 31 декабря 1134 г., свидетельствуют о том, что причина прекращения осеннего похода 1134 г. скрывается не в неожиданной смене политических симпатий и антипатий у руководителей похода. Вероятнее всего, на пути новгородских войск оказалась неожиданная преграда, преодолеть которую в условиях осенней распутицы оказалось невозможно.

Такой преградой, на наш взгляд, явилась крепость Дубна¹⁶, о появлении которой в период подготовки похода в Новгороде еще не знали (или, что менее вероятно, которую не брали в расчет). Основание в устье р. Дубна опорного пункта на пограничье

¹⁶ Остатки фортификаций у Ратминского поселения прослеживались еще в конце XIX в. [Плетнев В. А. Об остатках древности и старины в Тверской губернии. Тверь, 1903. С. 257]. Уже в 1960-е годы следы валов не наблюдались [Успенская А. В. Древнерусское поселение близ г. Дубна // Тр. ГИМ. 1966. Вып. 40].

Ростовского княжества с Новгородскими землями в 1133–1134 гг. вполне оправдано: в 1132 г. начался конфликт между Юрием Долгоруким и его племянником Всеволодом Мстиславичем, и в связи с этим укрепление новгородско-ростовского рубежа приобрело особую актуальность. Путь же по Волге мимо устья Дубны, по справедливой оценке В. А. Кучкина, был самым естественным и удобным маршрутом в глубь Ростовской земли [Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. С. 79]^{*17}.

Если изложенное справедливо и возникновение населенного пункта Дубна относится к 1133–1134 гг. [Белецкий С. В. О времени основания летописной Дубны // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М.: Наука, 1987. С. 35, 36], то поступление сюда документа, скрепленного печатью Мстислава Великого, оказывается невозможным: поселение было основано уже после смерти князя¹⁸.

Подводя общий итог работы по изучению сфрагистического материала с Ратминского городища, С. В. Белецкий писал: «Публикуемые сфрагистические памятники позволяют по-новому представить историю древнерусского населенного пункта Дубна, единственный раз упомянутого в летописи в связи с его гибелью в пожаре феодальной войны. Дубна предстает важным центром в системе городов Верхневолжья. Уже в начальный период своей истории город, возведенный на западной границе Ростовского княжества, оказался в сфере интересов новгородского республиканского правительства, привлекая к себе повышенное внимание высших боярских магистратов. И, по крайней мере в период расцвета (конец XII – начало XIII в.), в городе находился постоянно действующий административный пункт, чиновники которого располагали правом скрепления документов печатью.

Значение города при впадении Дубны в Волгу среди других городов Ростовской земли (а позднее Переяславского княжества) определяется самим местом его в пределах административных границ этих территориально-политических образований. Располагаясь на пограничье с владениями Новгорода Великого, город Дубна в то же время находился на

оживленном торговом пути, связывающем Новгород с Владимиро-Суздальскими землями. И вряд ли будет большой натяжкой предполагать, что в Дубне находился один из таможенных пунктов, через которые проходил хлеб из низовских земель в Новгород. Не случайно именно города Верхневолжья были стерты с лица земли в войне 1216 г., начавшейся сразу же вслед за попыткой переяславского князя объявить Новгороду торговую блокаду¹⁹.

Из процитированного текста С. В. Белецкого относительно упоминания Дубны в статье 6642 г. Новгородской I летописи старшего извода следует, что специальным изучением и сопоставлением письменных свидетельств С. В. Белецкий не занимался, историография вопроса XVIII – середины XX вв. его не заинтересовала, исторический фон рассматриваемых событий представлен расплывчато и неточно, а логические рассуждения противоречивы. Так, указывая на то, что есть «некоторые основания» считать Дубну летописной статьи 1134 г. рекой, он приводит эти основания: «В Лаврентьевской летописи в том же контексте сказано: “На Волзе воротишася”». Иными словами, Волгу в Лаврентьевской летописи С. В. Белецкий признавал рекой. А если так, то почему слова «на Волзѣ воротишася» Лаврентьевской летописи толкуются в статье «Памятники актов сфрагистики из древнерусской Дубны» как указание на реку Волгу, а аналогичные слова «воротишася на Дубнѣ» как указание на город Дубну? Разъяснений в указанной статье найти нельзя. Один из ее авторов умышленно или случайно для доказательства своих утверждений вводил систему двойных стандартов. В древнерусском языке отход от города обозначался с помощью предлогов «в», «из» и «с»: «възвратистася ис Дѣдославля»²⁰, «изъ Ямень воротися»²¹, «възвратиса Волока»²³, «оувзратиса ис Козельска»²⁴, «увернулъся в Опоках», «съ Бездежа увернувъся»²⁵, «увернуся изъ Володимеря»²⁶, а отход от реки – с помощью предлога «на»: «оувернулъся на Угрѣ»²⁷.

Объясняя, почему поход после 4 августа 1134 г. новгородцев на Суздаль продлился только до Дубны, С. В. Белецкий писал, что «причина прекращения осеннего дохода 1134 г. скрывается не в неожиданной смене политических симпатий и антипатий у руководителей похода», а в появлении крупной суздальской крепости – Дубны, пройти которую новгородцы

^{*17} Полагаем, что январский поход 1135 г., когда на пути новгородских войск не оказалось никаких препятствий, шел иным путем, нежели осенний поход 1134 г.: войска Всеволода Мстиславича, вероятнее всего, свернули со Мсты к востоку и через верховья Мологи вышли к р. Медведица, вдоль которой спустились к Волге, обойдя, таким образом, крепость Дубну с севера. Город Кснятин, прикрывавший устье Нерли, как известно, был основан позднее 1134 г.

¹⁸ Белецкий С. В., Крымов Е. Ю. Памятники актов сфрагистики из древнерусской Дубны // СА. 1990. № 3. С. 236–237. При цитировании этой публикации в квадратных скобках вписаны полные названия научных трудов, которые были использованы С. В. Белецким при написании работы. В оригинале статьи вместо этих названий стоят условные цифры.

¹⁹ Там же. С. 245.

²⁰ ПСРЛ. Т. II. Стб. 338.

²¹ Там же. Т. XXV. С. 213.

²² Там же. С. 148.

²³ Там же. С. 157.

²⁴ Там же. Т. II. Стб. 332.

²⁵ Там же. Т. XV. Вып. I. Пг., 1922. Стб. 45, 71.

²⁶ Там же. Т. XXIII. СПб., 1910. С. 183 (6990 год).

²⁷ Там же. Т. XV. Вып. I. Стб. 61.

оказались не в состоянии. Представляется полной загадкой, как можно было давать подобные объяснения, если в Новгородской I летописи старшего извода сразу же после фразы «и воротишася на Дубнѣ опять» читалось «и на томъ же пути отяша посадничество у Петрила и даша Иванку Павловицю». Страсти в новгородском войске кипели такие, что смена посадника произошла не в Новгороде на вечевой площади, а в военном стане – случай чрезвычайно редкий в новгородской истории. А такие ученые, как В.Н. Татищев, М.М. Щербатов²⁸, С.М. Соловьев и особенно старший коллега С.В. Белецкого В.Л. Янин²⁹ подробно объяснили, в чем заключался смысл противоречий в новгородском обществе и среди участников похода, однако с мнениями этих историков С.В. Белецкий знаком не был, ссылки на их труды в статье «Памятники актов сфрагистики из древнерусской Дубны» отсутствуют, зато наличие распрей среди новгородцев в осеннем походе 1134 г., явно мешавших его успешному осуществлению, вопреки всем имеющимся в источниках и научной литературе свидетельствам, С.В. Белецким решительно отрицалось.

Основание Дубны С.В. Белецкий относит к 1133–1134 гг., мотивируя это тем, что «в 1132 г. начался конфликт между Юрием Долгоруким и его племянником Всеволодом Мстиславичем, и в связи с этим укрепление новгородско-ростовского рубежа приобрело особую актуальность». Конфликт, действительно, имел место. Он произошел примерно в самом конце июня – начале июля 1132 г., когда «выгна Юрьи» Всеволода из Переяславля³⁰. Речь идет о борьбе дяди и его старшего племянника за южнорусское Переяславское княжество. Но для этого не надо было укреплять границу Суздальского княжества с Новгородом на далекой от Переяславля Волге. Особую актуальность приобретало не это, а оборонное усиление Переяславского княжества и его столицы. Приписывание Юрию Долгорукому основание Дубны в 1133–1134 гг., сделанное без всякого анализа исторической обстановки того времени, оказывается совершенно несостоятельным. С лета 1132 г. и по лето 1136 г. Юрий Долгорукий находился в Южной Руси³¹, а в период с конца зимы 1133/1134 г. и по весну 1135 г. он владел там Переяславским княжеством, которое получил по обмену с киевским князем Ярополком Владимировичем за свое Суздальское княжество³².

Указание С.В. Белецкого, будто строительство Дубны означало «укрепление новгородско-ростовского рубежа» (надо говорить о суздальско-нов-

городском), противоречит летописным данным 30–40-х гг. XII в., согласно которым эта граница простиралась далеко на запад от устья р. Дубны, достигая, скорее всего, устья р. Тверцы³³.

В этой связи встает вопрос о смысле строительства Дубны в годы, которые называет С.В. Белецкий. Он не объясняет, какой логикой руководствовался Юрий Долгорукий, если он действительно основал город Дубну в 1133–1134 гг. как пограничную крепость, но лишь после 1134 г. в устье р. Нерли Волжской построил Кснятин³⁴, расположенный к основным суздальским владениям Юрия гораздо ближе, чем Дубна. Почему князь защищал свои самые важные владения в последнюю очередь?

Возникновение Дубны, по мнению С.В. Белецкого, явилось полной неожиданностью для новгородцев. Осенью 1134 г. они пошли походом на Суздаль, вдруг узрели Дубну и тут же повернули обратно. «Такой преградой, на наш взгляд, – пишет С.В. Белецкий, – явилась крепость Дубна, о появлении которой в период подготовки похода в Новгороде еще не знали (или, что менее вероятно, которую не брали в расчет)»³⁵. Однако Новгородская I летопись старшего извода начинает свою статью 6642 мартовского года сообщением о весьма примечательных новгородских событиях: «Почаша мълъвити о Сужьдальстѣи воинѣ новъгородци и убиша мужь свои и съвъргоша и съ моста въ субботу Пянтикостъную»³⁶. Суббота Пянтикостная приходилась в 1134 г. на 2 июня. Следовательно, обсуждение возможной войны с Суздаlem, с которым у новгородцев до этого были мирные отношения в течение многих десятилетий, началось в Новгороде самое позднее в мае 1134 г. Сторонники войны с Суздаlem имели полную возможность до первого осеннего похода на Суздаль (после 4 августа 1134 г.) послать сторожей-разведчиков по тому маршруту, по которому предполагали вести свои войска, и получить необходимые сведения. Следует напомнить, что в январе 1135 г. новгородцы за 27 дней дошли из Новгорода до Ждани горы на р. Кубре, левом притоке р. Нерли Волжской. Поэтому все высказывания С.В. Белецкого о полной неосведомленности новгородцев относительно существования Дубненской крепости оказываются ни на чем не основанным домыслом.

Пытаясь объяснить, как новгородцы, выступив 31 декабря 1134 г. во второй (зимний) поход против суздальцев, уже 26 января 1135 г. оказались на Ждане горе, С.В. Белецкий предложил свой вариант развития событий начала 1135 г. До работы С.В. Белецкого считалось, что быстрый переход новгородцев из сво-

²⁸ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. Т. II. СПб., 1771. С. 133–134.

²⁹ Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 62–72.

³⁰ ПСРЛ. Т. II. СПб., 1908. Стб. 294–295.

³¹ Там же. Стб. 300.

³² Там же. Т. I. Стб. 302.

³³ НПЛ. С. 25; ПСРЛ. Т. II. Стб. 339.

³⁴ «Город Кснятин, прикрывавший устье Нерли, как известно, был основан позднее 1134 г.» – Белецкий С. В., Крымов Е. Ю. Указ. соч. С. 237, примеч. 7.

³⁵ Там же. С. 236–237.

³⁶ НПЛ. С. 23.

его города до Ждани горы объясняется тем, что на их пути по правому берегу р. Волги не было никаких крепостей, которые могли бы задержать их продвижение в основные районы Суздальского княжества. С. В. Белецкий согласен с тем, что на пути к Ждане горе новгородцы не встретили никакого сопротивления. Он указывал на «январский поход 1135 г., когда на пути новгородских войск не оказалось никаких препятствий»³⁷. Но препятствий, по его мнению, не было потому, что новгородцы шли к Ждане горе не по волжскому правобережью, а «свернули со Мсты к востоку и через верховья Мологи вышли к р. Медведица, вдоль которой спустились к Волге, обойдя, таким образом, крепость Дубну с севера»³⁸. Предположение о том, что гипотетическую Дубну можно было бы обойти и с юга, С. В. Белецким даже не обсуждается. Он настаивает на единственном северном варианте. Однако маршрут, указанный С. В. Белецким, никаким источникам не известен. Действительно, зачем новгородцам в 1135 г. нужно было со Мсты идти до истоков Мологи, чтобы затем оказаться на Медведице, если верховья самой Медведицы были во много раз ближе к Мсте, чем верховья Мологи? Этого С. В. Белецкий не разъясняет. Из его слов ясным становится только то, что новгородцы должны были свернуть к Мологе примерно от устья Мсты. Но левобережье Мсты в ее нижнем течении почти на 20 км к востоку от реки изобилует многочисленными мелкими озерами, здесь большие пространства болот, лесные массивы, очень редкие поселения и до настоящего времени. Если исходить из представленный С. В. Белецкого, новгородцы должны были двигаться по малолюдной и необжитой территории, к тому же в тяжелых погодных условиях. По словам современника событий, зимой 1134–1135 г. «сташа денье зли: мразь, вялиця, страшно зъло»³⁹. Идея об обходе якобы города Дубны с севера оказывается недоказуемой. Обращение же к летописным описаниям других походов новгородцев и их союзников против суздальцев рисует дело в ином свете.

Так, в начале 1149 г. новгородцы в союзе с киевским князем Изяславом Мстиславичем и его братом смоленским князем Ростиславом начали войну с Юрием Долгоруким⁴⁰. Новгородская I летопись старшего извода под 6656 годом сообщает, что союзники «мъного воеваша людье Гюргево, и по Волзѣ взяша 6 городъкъ, оли до Ярославля попустиша...»⁴¹. В конце 1180 г. вместе с другим киевским князем Святославом Всеволодовичем и его сыном Владимиром

³⁷ Белецкий С. В., Крымов Е. Ю. Указ. соч. С. 237, примеч. 7.

³⁸ Там же.

³⁹ НПЛ. С. 23.

⁴⁰ В Ипатьевской летописи этот поход описан после известия, датированного 9 января 1149 г. См.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 368–369.

⁴¹ НПЛ. С. 28.

новгородцы предприняли поход на Владимирское княжество, ставшее преемником Суздальского. Они «съяшася на Вълзѣ устье Тъхвери и положиша всю Вългу пугу, и города всѣ пожьгоша...»⁴². Весной 1216 г. новгородцы вместе с несколькими князьями приняли участие в войне против Ярослава Всеволодовича (отца Александра Невского) и его братьев-союзников. Новгородцы и полки других князей «пойдоша по Волзе, воююще; и пожьгоша Шешю, и Дубну, и Къснятинь, и все Поволожье»⁴³. Из этих свидетельств следует, что при походах на своих восточных соседей новгородцы, двигаясь вдоль Волги по ее правому берегу, стремились не обойти, как утверждал С. В. Белецкий, а уничтожить поволжские города. Очевидно, что главной опасностью для них представляли не преграда на пути (согласно С. В. Белецкому, единственная в 1134 г.) и не более многочисленные преграды в 1149, 1180 и 1216 гг., а неприятельские крепости у себя в тылу.

Таким образом, выдвинутую С. В. Белецким мысль о том, что в статье 6642 г. Новгородской I летописи старшего извода под Дубной разумелся город Дубна, и все его дополнительные аргументы в пользу такого толкования летописного текста следует признать несостоятельными. Принятая в русской исторической науке трактовка упоминаемой в летописном рассказе о событиях 1134 г. Дубны как реки является единственно верной.

Если Дубна в летописном рассказе 1451 г. и летописном сообщении 1134 г. является рекой, то возникает вопрос: не река ли Дубна упомянута и в летописном тексте под 1216 годом, который был приведен выше? Положительно на этот вопрос отвечали М. П. Погодин⁴⁴ и составители Указателя географического к первым восьми томам Полного собрания русских летописей⁴⁵. Казалось бы, летописная фраза «пожьгоша Шешю, и Дубну, и Къснятинь, и все Поволожье» совершенно исключает такое понимание, поскольку реку Дубну (и Шешю, т.е. Шошу) нельзя сжечь, и под Шошей и Дубной надо понимать населенные пункты. Однако в данном случае мы имеем дело с метонимией, которой нередко пользовались средневековые летописатели. В частности, в начальном летописании, сохраненном в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях, при описании похода 941 г. на Константинополь князя Игоря указывается, что последний «Судъ весь пожьгоша»⁴⁶. Суд – часть Босфорского пролива, залив, омывающий Константинополь. Говоря о Суде, летописец имел в виду прилегающую к заливу часть византийской столицы.

⁴² Там же. С. 26.

⁴³ Там же. С. 55.

⁴⁴ Погодин М. П. Указ. соч. Т. IV. С. 274, 287.

⁴⁵ Указатель к первым восьми томам Полного собрания русских летописей. Отд. 2. С. 102.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. I. Стб. 44; Т. II. Стб. 33.

С Дубной и Шошей статьи 1216 г. положение несколько сложнее. Сообщая об их сожжении, летописец мог иметь в виду не только два населенных пункта на этих реках, но и пространства по течению обеих рек (ср. приведенное выше из статьи 1180 г. выражение «положиша всю Вългу пусту»).

Однако внимательное чтение летописного повествования под 1216 г. приводит к заключению, что Шошей и Дубной там названы все-таки не реки, а поселения. Говоря о начале войны, приведшей к знаменитой Липицкой битве 21 апреля 1216 г., летопись сообщает, что торопецкий князь Мстислав Мстиславич Удатный вместе с новгородцами освободил свой город Ржеву от осады князя Святослава Всеволодовича, брата главного врага новгородцев Ярослава Переяславского. Затем Мстислав спустился по Волге и взял Зубцов. Некоторое время он стоял на р. Вазузе, при впадении которой в Волгу и был построен Зубцов. Далее он дождался подхода по Волге смоленских ратей во главе с князем Владимиром Рюриковичем, и оба они продолжили путь на северо-восток, а затем на юго-восток вниз по течению Волги до устья Шоши. Если бы они опустошали весь бассейн этой реки, то они должны были бы изменить маршрут своего движения и отправиться от устья Шоши на юго-запад к истокам этой реки, но следующим объектом их нападения, согласно летописи, стала Дубна, расположенная восточнее Шоши. Кстати говоря, верховья Шоши новгородцы и Мстислав могли повоевать раньше, когда стояли на Вазузе. Нижнее течение Вазузы и верховья Шоши отстоят друг от друга примерно на 40 км. Очевидно, что захват поселений по Шоше и ее притокам не входил в военные планы новгородцев и Мстислава, они ограничились только нижним течением реки. То же самое можно сказать и о Дубне, тем более что дальнейший путь вниз по Волге новгородцев и Мстислава маркируется уже не топонимами, идентичными гидронимам, а точным названием города Кснятин, стоявшего при впадении в Волгу р. Нерли Волжской. Шоша, Дубна и Кснятин были сожжены новгородцами и их союзниками. Поскольку выясняется, что поселения по меньшей мере в среднем и верхнем течениях Шоши и Дубны не уничтожались, следует заключить, что пострадали суздальские (по старому определению) города по Волге. Летописец так и обобщил данные о повоеванной территории – «все Поволожье». Таким образом, под Дубной летописного рассказа о событиях 1216 г. следует понимать поселение, названное по наименованию реки. Это позволяет поднять вопрос о времени появления Дубны и причинах ее основания.

Поход киевского князя с его новгородскими и смоленскими союзниками на Юрия Долгорукого в начале 1149 г. описан не только в Новгородской I летописи старшего извода, выдержка из которой была приведена выше, но и в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях. Лаврентьевская летопись сообщает,

что «иде Изяславъ Новугороду ис Кыева в помочь Новгородцем на Гюргя, а воем повелѣ по собѣ ити. И поидоша по нем, и похромоша кони оу них, и сам с Новгородци дошедъ Волгы и повоевавъ ю и не оуспѣ ничто же Гюргеви. И дошед Оуглеча поля, поворотися Новугороду и иде Смолинську»⁴⁷. Из приведенного текста видно, что географических сведений в нем немного. Указано, что киевский князь Изяслав прибыл в Новгород, а оттуда с новгородцами дошел до Волги, опустошил поселения по волжским берегам и, дойдя до города Углича, в раннее время называвшегося Угличе Поле, повернул назад и ушел из Суздальского княжества. Углич, таким образом, оказывается единственным волжским городом, названным в Лаврентьевской летописи при описании похода 1149 г.

Наиболее подробное описание похода 1149 г. сохранилось в южной Ипатьевской летописи, в основе которой лежал Киевский летописный свод 1198 г. Летопись сообщает, что после 9 января 1149 г. «Изяславъ поиде на Гюргя стрья своего, а брата своего Володимира остави в Киевѣ, а сына своего Мъстислава остави оу Переяслави»⁴⁸. Путь Изяслава лежал в Смоленск, где он встретился со своим родным братом Ростиславом, договорился с ним о его участии в войне против Юрия Долгорукого и, оставив ему свои основные военные силы – русские, состоявшие из киевских и переяславских полков («а братоу Ростиславоу приказа полкы своя тоуда же пойти по Волзѣ»), сам «иде в малѣ дружины Новоугородоу»⁴⁹. В Новгороде Изяслав пробыл короткое время, а затем «поидоша Новгородци съ Изяславомъ всеми силами своими и Пльсковицѣ, и Корѣла. И приде Изяславъ на Волгоу с Новѣгородци на оустѣ Медвѣдицѣ, и тоужа брата своего Ростислава 4 дни. И приде емоу Ростислав и съ всеми Роускыми силами полкы и съ Смоленскими. И тоу съвкоупишася, и поидоста в низѣ по Волзѣ...»⁵⁰. Дойдя до Кснятина, объединенное войско начало жечь Юрьевы города «и села и всю землю его воевати обаполгы и поидоста оттолѣ на Оуглече поле, и оттоуда идоста на оустѣ Мологы»⁵¹. Далее летопись говорит, что Изяслав и Ростислав Мстиславичи «оттолѣ поустиста Новгородци и Роусь воевать къ Ярославлю. И в то время оуже бысть тепло, бяшетъ бо оуже вѣрбноѣ недѣли, и бысть вода по Волзѣ и по Молозѣ по чрево коневи на ледоу. И в то верема придоша Новгородци, повоевавше, Роусь от Ярославля и полонѣ много принесоша, и много зла земли тои створиша»⁵². На том поход был завершен, и союзники отправились восвояси.

⁴⁷ Там же.. Т. I. Стб. 320.

⁴⁸ Там же. Т. II. Стб. 368.

⁴⁹ Там же. Стб. 369.

⁵⁰ Там же. Стб. 370.

⁵¹ Там же. Стб. 371. «Обаполгы» (вместо «обаполь») – название источника.

⁵² Там же. Стб. 371. Вербная неделя (вербное воскресенье) в 1149 г. была 27 марта.

Описание похода 1149 г. в Ипатьевской летописи называет два города на Волге, которые были захвачены войсками Изяслава и Ростислава Мстиславичей. Это Кснятин и Угличе Поле. Кроме того, называется устье Мологи, где противники Юрия Долгорукого стояли до весеннего паводка. На пути от Кснятина до Углича Поля Изяслав и Ростислав воевали города и села своего родного дяди Юрия по обе стороны р. Волги. В 1984 г. автор настоящей работы высказал мысль, что Кснятин, Угличе Поле и Молога входили в число тех шести городов, взятых Изяславом и Ростиславом Мстиславичами у Юрия Долгорукого в 1149 г., о которых говорит Новгородская I летопись старшего извода. Другие три города было предложено искать не на пространстве от Кснятина до Углича, а по Волге выше Кснятина. В связи с этим было сделано предположение, что три неизвестных города должны были закрывать выходы с Волги в устья ее крупных правых притоков, а по притокам выше по их течению в глубь суздальских земель. Такими крупными правыми волжскими притоками были Тьмака, Шоша и Дубна. а три неизвестных города – Тверь, Шоша и Дубна⁵³.

С этим не согласился тверской археолог П. Д. Малыгин. В своей работе 1989 г. он писал, «что искать три городка выше устья Медведицы нет оснований, так как Ипатьевская летопись совершенно четко отмечает, что лишь после подхода к Кснятину началось разорение городков по Волге. Еще более четко фиксирует этот факт Тверская летопись: «...свьькупишася на Волзе, на усть Медведицы ... и оттоле поидоша к Снятину и к Угличу, и к Молозе ... и взяша 6 городков»⁵⁴. Относительно текста в Тверской летописи (точнее, в Тверском сборнике) следует заметить, что он поздний. Список памятника датируется 20–30 гг. XVII в. Текст кончается на описании событий 1499 г. Сохранились записи, свидетельствующие, что сборник составлялся в Ростове в 1534 г.⁵⁵ Тверским сборник назван потому, что содержит значительный летописный материал, повествующий об истории Твери и Тверского княжества. Однако если удалить такой материал из сборника, в нем останется немало других летописных сообщений и повествований. Источниками последних были Ростовский летописный свод XV в., близкий к Ермолинской летописи, ростовское происхождение которой доказано А. А. Шахматовым⁵⁶, и Новгородская I летопись младшего извода. В частности, именно в Ермолинской летописи читаются слова «и оттолѣ приидоша ко Снятину и к Угльечу,

и к Молозѣ»⁵⁷, которые приводил П. Д. Малыгин для обоснования ббльшей четкости Тверской летописи по сравнению с Ипатьевской⁵⁸, а в Новгородской I летописи младшего извода сохранилось указание на 6 городов⁵⁹, заимствованное, в свою очередь, из Новгородской I летописи старшего извода. Таким образом, четкость указания Тверского сборника, что 6 городов, взятых в войну 1149 г. у Юрия Долгорукого его противниками, были расположены по Волге ниже Кснятина, является мнимой. «Четкость» отразила характер редакторской работы книжника XVI в., а отнюдь не реальные события 1149 г. Для выяснения действительного расположения этих 6 городов, точнее, трех из них, следует внимательно проанализировать свидетельства Ипатьевской летописи.

П. Д. Малыгин, несомненно, прав, когда отмечает, что в Ипатьевской летописи описаны военные действия противников Юрия Долгорукого после соединения войск Изяслава Мстиславича с войсками его брата Ростислава на устье р. Медведица. Однако при этом исследователь не принимает во внимание того обстоятельства, что Ипатьевская летопись – памятник киевский и задача летописца – положительно описывать действия прежде всего киевского князя. Летописец это и делает, давая подробный рассказ о пребывании Изяслава в Новгороде, о мобилизации новгородского войска и походе Изяслава во главе этого войска к Волге по р. Медведице, а затем о его успешных военных действиях. О подобных же действиях смоленского князя Ростислава, брата Изяслава, летописец ничего не говорит. И тут возникают определенные недоумения. Если в 1149 г. территория по обоим берегам р. Волги выше устья р. Медведица была новгородской, как в свое время считал А. В. Куза⁶⁰, а за ним П. Д. Малыгин⁶¹, то почему нельзя было воспользоваться обычным, как показано было выше, путем из Новгорода р. Мстою, далее р. Тверцою с выходом на Волгу и движением по Волге до устья Медведицы? Маршрут по р. Медведице пролегал, без всяких сомнений, по новгородской территории. И не потому ли, что волжский правый берег к 1149 г. уже был укреплен суздальцами? Брать такие укрепления сборному новгородскому войску и малочисленной дружине князя Изяслава было под силу, но трудно и затратно по времени, а потому движение войск из Новгорода к устью р. Медведица пошло по не совсем обычному пути, в обход защищенных пунктов.

Зато по Волге до впадения в нее Медведицы двигался смоленский князь Ростислав Мстиславич. Он возглавлял свое смоленское войско, но в его распоря-

⁵³ Кучкин В. А. Указ. соч. С. 78–82.

⁵⁴ Малыгин П. Д. Тверь и новоторжско-волоцкие земли в XII–XIII вв. // Становление европейского средневекового города. М., 1989. С. 152. Отточиями у П. Д. Малыгина отмечен опущенный им текст, не содержащий географических ориентиров.

⁵⁵ ПСРЛ. Т. XV. СПб., 1863. С. V.

⁵⁶ Шахматов А. А. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод: [отд. оттиск]. СПб., 1904.

⁵⁷ ПСРЛ. Т. XXIII. СПб., 1913. С. 36.

⁵⁸ Малыгин П. Д. Указ. соч. С. 152.

⁵⁹ НПЛ. С. 214.

⁶⁰ Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. М., 1975. С. 198.

⁶¹ Малыгин П. Д. Указ. соч. С. 152.

жении находились киевские и переяславские полки (Русь), оставленные ему его братом киевским князем Изяславом при своем отъезде из Смоленска в Новгород. Это были основные военные силы антисуздальской коалиции. Перед такими силами приречные укрепления долго устоять не могли. Как сообщает Ипатьевская летопись, путь Ростислава был точно указан ему старшим братом Изяславом задолго до начала военной кампании: «приказа ... пойти по Волзѣ». Ростислав этот приказ выполнил. Его опоздание на 4 дня объясняется, видимо, тем, что ему пришлось задерживаться у Твери, Шоши и Дубны, которые были соразмерны и укреплены примерно так же, как Кснятин, Углече Поле и Молога. Что касается упоминаемых Ипатьевской летописью сожженных Изяславом и Ростиславом городов на пространстве от Кснятина до Углича Поля, то фраза «начаста города его жечи и села» может быть чисто трафаретным литературным оборотом. Если же за фразой стоит какая-то реальность, то необходимо заметить, что городов такого масштаба, как Кснятин или Углече Поле, в этом районе не было до конца XV в. и речь может идти только о городах – временных военных укреплениях⁶². Не позволяет отвергнуть предположение о существовании Твери, Шоши и Дубны в 1149 г. и указанный П. Д. Малыгиным список древних городищ, обнаруженных археологами от устья Тверцы до устья Медведицы: Орша I, Городня, Усть-Дубна, у с. Городище, у д. Селищи и Рыбацкое I (Усть-Медведица). Их все исследователь почему-то считает пострадавшими в ходе войны 1149 г.⁶³ Однако для этого надо точно знать, что все названные укрепленные поселения существовали до начала 1149 г. и все они были разрушены или сожжены зимой-весной 1149 г. Понятно, что таких данных в распоряжении П. Д. Малыгина нет. А без них простой перечень археологических объектов от Тверцы до Медведицы для решения обсуждаемого вопроса оказывается бесполезным.

Если мысль о существовании к 1149 г. Твери, Шоши и Дубны верна, то по письменным источникам можно попытаться определить примерную хронологию их основания, чтобы с течением времени проверить ее на основании археологических данных. Как говорилось выше, летом 1136 г. Юрий Долгорукий еще находился в южнорусских землях, которые он тогда же и покинул. Весной 1137 г. новгородцы уже послали посольство к Юрию Долгорукому в Суздаль, прося у него себе князя. К новгородцам был отправлен старший сын Юрия Ростислав⁶⁴. 5 марта 1139 г. в Южной Руси произошло важное событие. На киевский стол,

удерживавшийся с 1113 г. Владимиром Мономахом и его сыновьями, вступил черниговский князь Всеволод Ольгович⁶⁵. Сын Мономаха Юрий Долгорукий такого допустить не мог. Он двинулся на Киев. Однако когда суздальский князь достиг Смоленска и потребовал помощи от новгородцев, те ему отказали. К Юрию в Смоленск 1 сентября 1139 г. прибыл только княживший в Новгороде его сын Ростислав. Поход против Всеволода был сорван. Юрий Долгорукий вынужден был повернуть назад. На возвратном пути в Суздаль Юрий отомстил новгородцам, «възя Новыи търгъ». Но Ростислав Юрьевич новгородского стола лишился. Новгородцы посадили у себя родного брата киевского князя Святослава Ольговича⁶⁶. Это резкое обострение осенью 1139 г. отношений Юрия Долгорукого с Новгородом и заставляло суздальского князя подумывать об укреплении границы его княжества с Новгородом. Отсюда возможное время основания Твери, Шоши и Дубны – не ранее 1139 г. – 1148 гг., скорее всего, между 1140 и 1148 гг.

Рассмотрим теперь географические свидетельства описаний похода киевского князя Святослава Всеволодовича и его союзников на сына Юрия Долгорукого владимирского князя Всеволода Большое Гнездо и поддерживавших его князей в 1180 г. Согласно Новгородской I летописи старшего извода Святослав, его сын Владимир и новгородцы «съясася на Вълзѣ устье Тъхвери и положиша всю Вългу пугу, и города всѣ пожьгоша, и не дошьдъше Переяславля за 40 върсть, у Вълѣнѣ у рѣцѣ, ту ся воротиша»⁶⁷.

Иначе изложены перипетии похода 1180 г. в Лаврентьевской летописи: «Приде князь Всеволодичъ Святославъ с Новгородци и с Половци с погаными и с Черниговци на Всеволода Юргевича. Всеволодъ же поиде противу ему и оусрѣте и на Вленѣ на рѣцѣ. И стояше промежи собою двѣ недѣли. Дружина же Всеволожа хотяхуть крѣпко ѣхати на Святослава. Всеволодъ благосердъ сы, не хотя крове прольяти, не ѣха на нь. Он же, стоявъ 2 недѣли, убояся развоя, пожга городъ Дмитровъ, възвратися опять в Русь, а князь Всеволодъ в Володимерь»⁶⁸.

Наиболее подробно описан рассматриваемый поход в Ипатьевской летописи. В ней говорится, что князь Святослав Всеволодович, мстя Всеволоду Большое Гнездо за захват тем его сына Глеба, двинулся на Суздаль. По пути он соединился со своим сыном Владимиром и новгородским войском, «бѣ бо сынъ его Володимѣръ княжа в Новѣгородѣ Велицемъ». Вместе они «вониде в землю Соуждальскоую. И выиде противу емоу Всеволодъ со всеми Соуждальскими полкы и с Рязаньскими полкы и Моуромьскими и оустрѣте и на Влени рѣцѣ. И стаха оба полы рѣкы Влены,

⁶² Ср. сообщение Новгородской I летописи старшего извода под 6747 годом: «Того же лѣта князь Александръ с новгородци сруби городци по Шелонѣ» (НПЛ. С. 77). Ни один из таких городцов не превратился в обычный город и не сохранился.

⁶³ Малыгин П. Д. Указ. соч. С. 157, примеч. 25.

⁶⁴ НПЛ. С. 25.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 303.

⁶⁶ НПЛ. С. 25.

⁶⁷ Там же. С. 36.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 388.

2 недѣли бяхоуться обои об рѣкоу тоу, бѣ бо рѣка та твердо текоущи, бережиста. Соуждалци же стояхоу на горах, во пропастьехъ и ломохъ, яко же нѣлзи ихъ дойти полкомъ Святославимъ». Далее в летописи следовал рассказ о нападении рязанских князей на обоз («товары») Святослава Всеволодовича, о посылке последним двух священников-послов к Всеволоду Большое Гнездо с предложением найти подходящее место и вступить в сражение, но ответа на него не последовало. «Святослав же, – продолжает далее летопись, – ждавъ многы дни, оублюдъся теплыни, поиде вборзѣ. Всеволо[д] же посла во станы его и много взяша, а по самомъ не вѣлѣ гонити. Святослав же идя и[з] землѣ Соуждальскоиѣ, пожже городъ Дмитровъ»⁶⁹.

Хотя Лаврентьевская и Ипатьевская летописи содержат больше фактических подробностей борьбы киевского князя Святослава Всеволодовича с владимирским князем Всеволодом Большое Гнездо, чем Новгородская I летопись старшего извода, географические свидетельства последней более многообразны. Согласно им, соединение южнорусских сил, возглавлявшихся князем Святославом, с дружиной его сына Владимира и новгородцами произошло на устье р. Тверцы на левом берегу Волги. Объединенное войско двинулось далее вниз по Волге и в итоге оказалось в 40 верстах от Переяславля Залесского на реке Влене (Велене). Как показано было выше (зимний поход новгородцев 31 декабря 1134 г. – 26 января 1135 г.), путь с Волги к Переяславлю шел по р. Нерли Волжской, вытекавшей из Переяславского (Клещина) озера. В таком случае р. Влену, местоположение которой никак не определяется ни в Лаврентьевской, ни в Ипатьевской летописях, следует искать примерно в 40 км от истока Нерли Волжской. Такое расстояние оказывается довольно близким к месту впадения в Нерль Волжскую р. Кубрь, на берегу которой 26 января 1135 г. суздальцы одолели новгородцев (по прямой расстояние от Переяславля до устья Кубри составляет 36 км). Правда, в научной литературе распространено мнение, что р. Влена – это современная р. Веля, левый приток р. Дубны в ее среднем течении. Так считал еще Н. М. Карамзин⁷⁰. Авторитет Н. М. Карамзина оказался столь велик, что его заключению о тождественности названий Влена и Веля стали следовать многие историки⁷¹. Однако названия Веля и Влена (возможно и несколько иное название реки – Велена) различны. Расстояние от р. Вели до Переяславля составляет не

40, а по прямой примерно 70 верст. Веля течет по равнине, Влена – между высокими и крутыми берегами, как они описаны в Ипатьевской летописи: «рѣка та твердо текоущи, бережиста. Соуждалци же стояхоу на горах, во пропастьехъ и ломохъ». Следует напомнить, что на р. Кубре располагалась Ждана гора. Следовательно, принимать Влену за Велю нельзя, это разные реки. А если р. Влена-Велена протекала в бассейне Нерли Волжской, можно с большей уверенностью говорить о том, что зимой 1180 г. Святослав Киевский и его союзники «положиша всю Вѣлгу пусту» лишь до Княтина включительно. В таком случае фраза Новгородской I летописи старшего извода «и города всѣ пожгоша», где слово «города» употреблено во множественном числе, указывает на существование владимирских городов от устья р. Тверцы до устья р. Нерли Волжской, в их числе Твери, первое упоминание которой в письменных источниках относится примерно к 1162 г.⁷², а также Шоши, Дубны и Княтина, о чем прямо не говорят описания похода 1149 г. (за исключением Княтина). Таким образом, заключение о том, что основанные в 1140–1148 гг. Юрием Долгоруким города на верхней Волге продолжали существовать и в 1180 г., и позже, вплоть до 1216 г., может быть обосновано целым рядом прямых и косвенных фактов. Показательно также, что все поименованные поселения названы в летописях городами.

Между тем археологические работы в Дубне на т.н. «Ратминском городище» до сих пор не выявили ни крепостных рвов, ни валов, ни деревянных укреплений на валах, которые в современной науке признаются существенными внешними признаками города. Так, известный специалист по древнерусскому оборонительному искусству П. А. Раппопорт в 60-е гг. прошлого века писал, что «ров и вал – вот та земляная основа, без которой не мыслилась никакая древнерусская крепость»⁷³, а «слово “город” в древнерусском языке обозначало не город в социально-экономическом значении этого понятия, а лишь укрепленное поселение в отличие от неукрепленного. ... Все, что было окружено оборонительной стеной, называли городом»⁷⁴. Однако уже в 80-е гг. XX в. к проблеме укрепленное поселение – неукрепленное поселение, существеннейшей частью которой является тема город – село, стали подходить иначе. Один из авторитетных исследователей древнерусских

⁶⁹ ПСРЛ. Т. II. Стб. 618–620.

⁷⁰ Карамзин Н. М. Указ. соч. Т. II–III. М.: Наука, 1991. С. 534, примеч. 59. Отождествление основывалось на некотором созвучии названий рек и сообщении летописей о сожжении киевским князем города Дмитрова при своем уходе из Владимирского княжества. Поскольку Дмитров находился примерно в 20 км к западу от р. Вели, казалось логичным, что после безуспешного противостояния на этой реке пострадал именно Дмитров.

⁷¹ Насонов А. Н. Указ. соч. С. 193; Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956. С. 411; Кучкин В. А. Указ. соч. С. 96.

⁷² Кучкин В. А., Сумникова Т. А. Древнейшая редакция Сказания о Владимирской иконе Богородицы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996. С. 487. Поскольку составление Сказания относится к 1163–1164 гг., рассказ о предпоследнем чуде Владимирской иконы, в котором упомянута Тверь, можно отнести к 1162 г.

⁷³ Раппопорт П. А. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 105. М.; Л., 1961. С. 113.

⁷⁴ Раппопорт П. А. Оборонительные сооружения Древней Руси // Вопросы истории. 1970. № 11. С. 56.

городов А. В. Куза вынужден был признать, что «до сих пор не сложилось единого мнения о конкретных признаках, отличающих города от прочих населенных пунктов. Поэтому отсутствует детальная, научно обоснованная типология древнерусских городских поселений»⁷⁵. А в 1985 г. вышел из печати фундаментальный труд Института археологии РАН с определяющим названием «Древняя Русь. Город, замок, село», которое демонстрировало, что не все укрепленные поселения в средневековой Руси должны причисляться к городам. Если же проводить водораздел не между укрепленными и неукрепленными поселениями, а между поселениями, возникшими в результате действий властных структур, и поселениями низших слоев общества (починками, деревнями и селами), то проблема должна еще более усложниться: к поселениям первого типа надо будет относить не только города, но и различные населенные пункты особого характера (временные оборонительные сооружения, сторожевые заставы, места сбора различных налогов, соляные варницы и т.п.). Их возникновение, развитие и отмирание представляют не меньший научный интерес, чем история городов и сел.

Судя по находкам на Ратминском городище княжеских и новгородской посадничьей печатей, а также нескольких десятков торговых пломб, Дубна в XII в. представляла собой таможенную или «в Дубне находился один из таможенных пунктов», как считал

⁷⁵ Куза А. В. Малые города Древней Руси. М., 1989. С. 11 (работа написана в первой половине 80-х гг. XX в.).

в 1990 г. С. В. Белецкий. В настоящее время древние таможи стали изучаться археологами. Так, совсем недавно В. Ю. Коваль опубликовал интересную статью о знаменитом подмосковном Войницком мыте. Выяснилось, что этот мыт, упоминаемый в письменных источниках 1473–1506 гг.⁷⁶, имел предшественника XII–XIV вв. – т. н. селище Мякининское 1. На этом селище обнаружены, как пишет В. Ю. Коваль, «вещи высокого социального и имущественного статуса» и «остатки частокольных оград по контуру зоны застройки»⁷⁷. Следовательно, все поселение, в котором пребывали значительные по своему общественному положению люди, не было лишено обороны как простое село, оно было защищено частоколом, но не рвом с валами. Предположительно, так обстояло дело и в средневековой Дубне, точного же ответа на поставленный вопрос следует ожидать от археологической науки. Казалось бы, что может дать история скромного древнего поселения в устье р. Дубны, не существующего уже несколько столетий, для русской истории XII–XV вв.? Одни мелкие частности. Но оказывается, что эти частности связываются с крупными вопросами строительства верховной властью различных населенных пунктов для упрочения своего контроля над территориями, водными и сухопутными путями, военными передвижениями, экономической жизнью населения.

⁷⁶ Коваль В. Ю. О местоположении Войницкого мыта // Археология Подмосквья. Вып. 10. М., 2014. С. 111–112.

⁷⁷ Там же. С. 120.

Summary

V. A. Kuchkin

The Town of Dubna on the Dubna River

This article examines the information found in chronicles of the 12th–15th centuries, in which the place “Dubna” is mentioned: works by historians are analysed, starting with those of V. N. Tatishchev, and the results of archaeological research are outlined in the search for an answer to the question as to whether Dubna was a town in the medieval period or not and in order to establish when the town was founded.

Archaeological materials bear witness to the fact that the settlement at the point where the River Dubna flows into the Volga came into being no earlier than the 12th century. Yet the idea put forward by S. V. Beletskii that in an article of the Novgorod First Chronicle for the year 6642 (old recension) reference to Dubna meant the town of Dubna and all the arguments in support of such an interpretation should be regarded as unsound. The interpretation accepted by Russian historians to the effect

that the Dubna referred to in the chronicle account of the events of 1134 implies the river is the only correct one.

It is possible that the date for the founding of Tver, Shosha and Dubna is no earlier than 1139–1148 and most likely to have been between 1140 and 1148. To judge from the finds in the Ratminskoye fortified settlement of princely seals and those of Novgorod’s governors and also several dozen commercial seals, Dubna must have been a customs post in the twelfth century. The question as to the emergence of Dubna and its early history is a minor question of a particular kind: nevertheless particular details of that nature link in with important issues concerning the structure of the upper echelons of power in various kinds of centres of population, such as the consolidation of control over territories, waterways and land routes, troop movements and the economic life of the population in general.

Образ Киева в исторической топографии Владимира-на-Клязьме и Нижнего Новгорода

Перенос южнорусских названий в Северо-Восточную Русь в XII–XIII вв. давно привлек внимание историков. Он рассматривается как основное свидетельство притока населения из Поднепровья на Северо-Восток¹. Особенно выразительно дублирование пары – топонима и гидронима – «Переяславль – река Трубеж» сразу дважды: Переяславль-Залесский и Переяславль-Рязанский – каждый на реке Трубеж².

Иной характер имел перенос гидронимов из-под Киева во Владимир-на-Клязьме. В том, что новый город окружают названия легендарных киевских речек – Ирпени (под Владимиром – Рпени), Лыбеди и Почайны, не говоря уже о строительстве Золотых ворот, – претензия на основание нового города-столицы. Лыбедь появляется и в Переяславле-Рязанском: кремль возведен в междуречье Трубежа и Лыбеди. В топографии Нижнего Новгорода привлекает внимание наличие гидронима Почайна. Это небольшой правый приток Волги рядом с Кремлем. Но возникает вопрос: откуда перенесено название – из Киева или из Владимира? Последний был столицей Юрия Всеволодовича и должен был быть образцом для подражания при закладке в 1221 г. Нижнего Новгорода.

Чтобы это понять, необходимо обратиться к топографии Киева, Владимира-на-Клязьме и Нижнего Новгорода. В качестве подосновы для схемы гидронимов Киева мною использована прорисовка плана Киева 1753 г., выполненная Д. Я. Вортман и В. И. Никитиной³ с учетом дополнительной информации,

которую несет рисованный план Киева 1695 г.⁴ (рис. 1). Для схемы гидронимов окрестностей Владимира использована реконструкция схемы укреплений XII–XIII вв. Н. Н. Воронина⁵ и карты-схемы современного города (рис. 2). В схеме гидронимов Нижнего Новгорода (рис. 3) использована реконструкция города XIII в., выполненная С. М. Шумилкиным и А. С. Шумилкиным⁶.

Прежде всего бросается в глаза внешнее сходство возвышенностей, на которых расположены древнейшие части этих городов, особенно если смотреть на них с противоположного низкого берега Днепра, Клязьмы или Оки. Устья Почайны и Лыбеди с севера и юга окаймляли центральную часть Киева и играли в его жизни важную роль как естественные гавани, они неоднократно упомянуты в летописях⁷. Такую же роль играла во Владимире река Лыбедь, огибавшая кремль с севера и востока. Она упомянута в связи с событиями 1238 г.⁸ Как и Ирпень под Киевом, Рпень находится на некотором удалении от Владимира. В работах Н. Н. Воронина неоднократно упоминаются Лыбедь, Почайна, Рпень во Владимире как отражение киевской гидронимии⁹. Однако исследователь не уверен в местонахождении ручья Почайна, который находился «за Серебряными воротами», «на восточном отроге владимирских высот», и ссы-

⁴ Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII века. Историко-архитектурный очерк / отв. ред. Б. А. Рыбаков. Киев: Наукова думка, 1982. 159 с.

⁵ Воронин Н. Н. Социальная топография Владимира XII–XIII вв. и «Чертеж» 1715 г. // СА. VIII. М., 1946. С. 167.

⁶ Шумилкин С. М., Шумилкин А. С. Архитектурно-пространственное формирование Нижнего Новгорода XIII – начала XX вв. Нижний Новгород: НГАСУ, 2010. С. 10, рис. 2.

⁷ Барсов Н. П. Историко-географический словарь Русской земли: IX–XIV вв. М.: Либроком, 2011. С. 91–98.

⁸ Там же. С. 35.

⁹ Воронин Н. Н. Андрей Боголюбский. М.: Водолей, 2007. С. 39.

¹ Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М.: Наука, 1984. С. 75.

² Попов А. И. Географические названия. М.; Л.: Наука, 1965. С. 59–60.

³ Вортман Д. Я., Никитина В. И. Малоизвестный план окрестностей Киева 1753 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.myslenedrevo.com.ua/ru/Sci/Kyiv/Plan1753.html> (дата обращения: 20.06.2015).

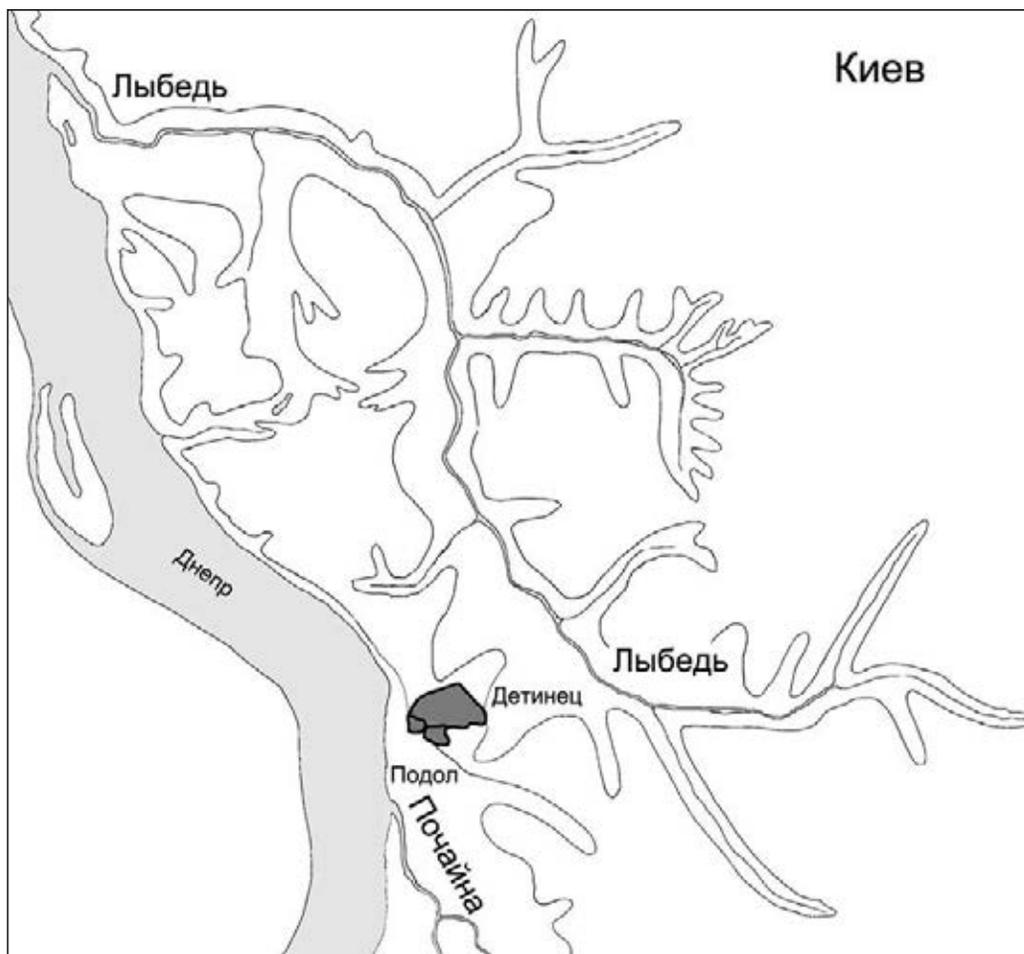

Рис. 1. Карта-схема гидронимов в окрестностях Киева

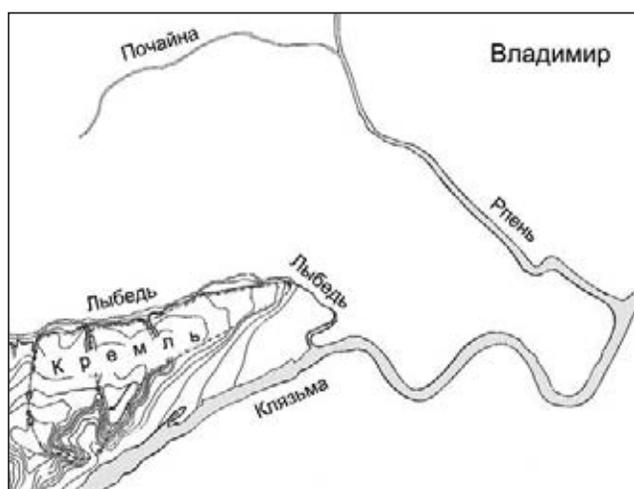

Рис. 2. Карта-схема гидронимов в окрестностях Владимира-на-Клязьме

ляется на сочинение Ф.И.Буслаева о владимирских сказаниях¹⁰. Ручей Почайна протекал с запада на восток примерно в 2 км севернее Лыбеди, являвшейся границей средневекового города, и был правым притоком Рпени. О нем напоминают названия современных улиц Почаевская и Почаевский овраг. В черту города эта территория не была включена вплоть до XX в.¹¹ Не менее 1,5 км отделяло устье Почайны от Серебряных ворот. Общая топографическая ситуация разительно отличается от киевской. Нет уверенности в связи двух гидронимов. По М. Фасмеру, «пóча» – лужа, болото, старое русло реки¹², т. е. не исключено, что владимирское название могло возникнуть независимо от киевского.

¹⁰ Воронин Н. Н. Социальная топография Владимира... С. 163, прим. 6.

¹¹ Мазур Л. Д. Русский город XI–XVIII вв. Владимирская земля. М., 2006. С. 88–89.

¹² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. III. М.: Астрель: Акт, 2003. С. 347.

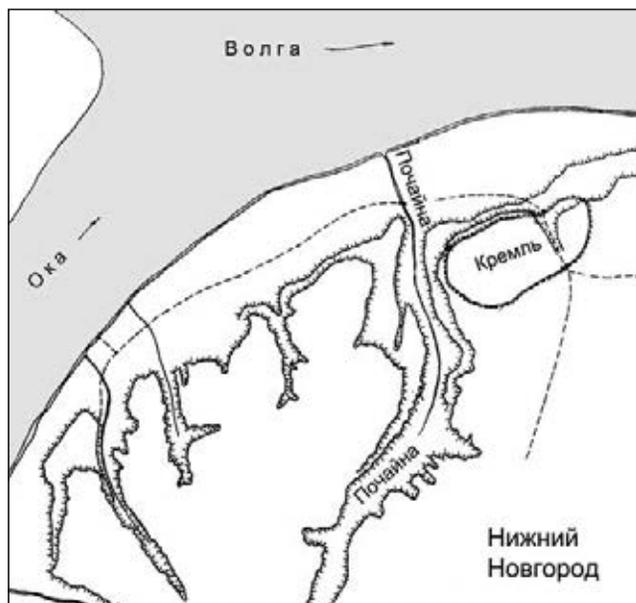

Рис. 3. Карта-схема гидронимов в окрестностях Нижнего Новгорода

Напротив, устье Почайны в Нижнем Новгороде по топографии и функции, которую оно могло выполнять (городская гавань), удивительно похоже на устье Почайны – Притыку в Киеве. Краевед Н.Храмцовский так пересказывает местное нижегородское предание. Великий князь Юрий Всево-

лович «вздумал осмотреть новые свои владения. Дятловы горы, возвышавшиеся при впадении Оки в Волгу, до такой степени поразили его сходством своим с высотами киевскими, колыбелью христианства Руси, что он ручеек, вытекающий из ущелья их, назвал р. Почайной, и решил основать тут город, а близ него, по примеру киевского, монастырь Печерский»¹³. Как и в Киеве, в Нижнем Новгороде в устье Почайны существовала пристань и возник городской торг¹⁴.

Южные названия привязывались к сходным топографическим условиям на Северо-Востоке. Исходя из местной топографии, можно сделать вывод, что при основании Нижнего Новгорода владимирским князем Георгием Всеволодовичем заимствование названия «Почайна» произошло не из Владимира, как можно было ожидать, а из Киева. При этом, на мой взгляд, нет оснований для утверждения о значительном притоке населения из Поднепровья. Перенос топонимов и гидронимов – часть целенаправленной деятельности князей, связанной со строительством новых городов-крепостей на вновь осваиваемых землях.

¹³ Храмцовский Н.И. Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода. Ч. 1: Очерк истории. Нижний Новгород, 1857. С. 6.

¹⁴ Бондаренко И.А., Шумилкин С.М. Исторический путь развития Нижнего Новгорода // Архитектурное наследство. М., 1988. № 35. С. 4.

Summary

V. A. Lapshin

The Image of Kiev in the Topography of Vladimir-on-the-Klyazma and Nizhnii Novgorod

The founding of new cities in North-eastern Rus in the 12th and 13th centuries went hand in hand with the shift of toponyms from Southern Rus. This article examines the shift of names from rivers near Kiev in Vladimir-on-the-Klyazma and Nizhnii Novgorod. Moreover the names from the Kiev area were linked to similar topographic conditions in the North-East. Starting out from the local topography it is possible to conclude that when Nizhnii Novgorod was founded by

the Vladimir Prince, Georgii Vsevolodovich, the name «Pochaina» (relating to a river which no longer exists) was borrowed not from Vladimir, as might have been expected, but from Kiev. There are no grounds for asserting that the population from the Dnieper Valley moved in that direction. Taking over the names of existing towns and rivers was part of a deliberate policy by princes connected with their building of new fortress towns in newly settled lands.

Народы средневековой Карелии (этнокультурное исследование)

В эпоху железа финно-угорские племена занимали огромные пространства лесной зоны Восточной Европы. Во второй половине I – начале II тыс. н.э. эти территории начали активно осваиваться славянами, что привело к существенному изменению этнической карты. Судьбы финно-угорских народов оказались тесно связанными с Древнерусским государством, которое с самого начала своего существования не было моноэтническим и включало разноязычные народы. В процессе расселения славян устанавливались границы земельных владений. Так возникли особые административно-политические образования средневековой Руси: Водская, Корельская, Ижорская земли. Древнерусским политико-экономическим феодальным центром на северо-западе Руси стала Новгородская земля. Подчиненность негородского населения, например карельского, Новгороду носила символический характер и выражалась в сборе дани, в совместных военных операциях по защите государственных рубежей, социально-экономических и торговых мероприятиях. Корельская земля вошла в состав Новгородского государства на правах равноправного или почти равноправного члена. Племена, территория которых подверглась славянской колонизации – водь, ижора, весь, – бытстро исчезли со страниц русских летописей.

Границы расселения народов не совпадали с современными административными и этническими рубежами. Большой частью они формировались в соответствии с особенностями ландшафта, которые определили топографическую специфику поселений и род занятий. При всех взаимовлияниях и этнокультурных контактах в границах общего пространства обитания народы Карелии (предки карелов, вепсов, саамов и русских) сохранили свою индивидуальность в материальной и духовной культуре.

О территории летописной корелы, включавшей Карельский перешеек и северо-западные берега Ладжского озера с городом Корела, исследователи говорят как о давно доказанном факте. Не противопо-

речат ему и сведения западноевропейских источников, древнерусских летописей, берестяных грамот.

Этот период в истории древних карелов освещен в западноевропейских источниках: древнеисландских географических сочинениях, исландских анналах и сагах. Древние карелы фигурируют в сагах под их древним названием «кирьялы». Наиболее ранние упоминания о кирьялах и Кирьялаланде (Земле кирьялов) содержатся в двух древнеисландских географических сочинениях и в «Саге об Одде-Стреле». Они приблизительно датируются X–XI вв. «Сага о Хальвдане, сыне Эйстейна» относится к числу приключенческих и рассказывает о далеких от Исландии и Норвегии странах. Наряду с мифическими деталями она излагает вполне достоверные исторические события и передает некоторые историко-географические сведения, не встречающиеся в других памятниках древнескандинавской письменности: о водных путях между Ладогой и Беломорьем, о городе Алаборге (точно не установлено, о каком городе идет речь, некоторые полагают, что об Олонце) и о его связях с Кирьялаботнармом (Заливы кирьялов)¹.

Ценна информация о существовании административно-политических связей между Ладогой и Кирьялаботнармом, поскольку в русских летописях до XII в. известий о нахождении древнекарельской территории в сфере влияния Ладоги нет, хотя наличие экономических и культурных контактов с нею несомненно. Об этом свидетельствуют и археологические материалы.

В «Легендарной саге об Олаве Святом», норвежском конунге, рассказывается о грабительском походе ярла Свейна в 1015 г. в Кирьялаланд. Дословно изложены эти сведения и в своде саг «Красивая кожа». В исландскую королевскую сагу Снорри Стурлусона «Круг земной» входит «Сага об Олаве Святом», кото-

¹ Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Письменные известия о карелах / отв. ред. В. Л. Янин. Петрозаводск: Карелия, 1990. С. 119–129.

рая описывает, как конунг Уппсалы Эрик в IX в. покорял восточные земли, в том числе и Кирьялаланд. В конце X – начале XI в. конунг «... теряет земли, обязанные данью, из-за отсутствия энергии и мужества»².

Археологические материалы и русские источники подтверждают справедливость сообщений о походах норманнов в Прибалтику и в северо-западное Приладожье.

Сведения о походах Торольва Квельдуйлвссона в Финмарк, Квенланд и Кирьялаланд и о столкновении его с кирыялами есть в «Саге об Эгиле Скаллаgrimссоне». Согласно хронологии саги, походы состоялись в 880-е гг. Однако судя по археологическим материалам излагаемые события могли происходить позднее, в X–XI вв. Скандинавы появились в северо-западном Приладожье тогда, когда оно уже было заселено прибалтийско-финским населением.

Новгородские грамоты на бересте существенно пополнили фонд письменных источников по средневековой истории Карелии. Более десятка грамот, касающихся «карельских дел», датируются концом XI – началом XV в. и информируют о сборе даней, недоимок, хозяйственных распоряжениях, различных повинностях.

Богатейшую информацию по истории Новгородской земли и ее соседей, в том числе и карелов, содержит, в первую очередь, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов³. С 1143 г., года первого упоминания о кореле, она не сходит со страниц русских летописей, в которых рассказывается о внешнеполитических акциях, в той или иной степени связанных с нею, о столкновениях с постоянными врагами корелы, а также о внутренних событиях. Земли корелы с начала XIV в. отдавались в кормление приглашенным русским и литовским князьям, за что они обязаны были заботиться об обороне и охране северо-западных границ Новгородского государства. Другие летописные известия информируют об участии корелы в княжеских междоусобицах на стороне Новгорода, о крещении народа, о карательном походе князя Дмитрия, о мятеже в 1314 г., о сооружении боевой башни в городе Кореле, голоде и т.п. Взаимоотношения Новгорода и корелы были сложными, в целом дружественными, но далеко не идеальными, меняющимися в зависимости от внешнеполитической и внутренней ситуации. Формирование и развитие древнекарельского народа проходило под непосредственным влиянием Новгорода в сложной общеполитической обстановке, которая в какой-то степени ускорила процесс сближения и объединения древнекарельских групп.

Плодотворную работу по сбору названий в северо-западном Приладожье осуществил В. Нисси-

ля. На основе коллекции карельских топонимов (325 000 единиц), хранящихся в Топонимическом архиве Финляндии, им создан обобщающий труд⁴. В свою очередь, материалы топонимической картотеки Карелии и сопредельных областей (фонды ИЯЛИ КарНЦ РАН) дали возможность отразить некоторые процессы освоения карельским населением территории современной Карелии, выявить пути его продвижения на эту территорию, формирование сети поселений и т.д.⁵ Современная диалектная карта карельского языка, по мнению И. И. Муллонен⁶, охватывает более обширную территорию в сравнении с началом II тыс., поскольку создавалась она в ходе неоднократных волн переселения карелов из Приладожья. На первых этапах ее увеличение шло в западном направлении в связи с экономическими и торговыми интересами, и карельский языковой элемент послужил в дальнейшем основой для формирования восточных говоров финского языка. Восточные территории первоначально привлекали ресурсами для промыслов, но затем стали привлекательными и для оседлого освоения в связи с удаленностью от военных действий.

Самый ранний и единственный археологический памятник VI в. зафиксирован в северо-западном Приладожье на о. Риеккалансаари в северной части Ладожского озера, в это время остальная территория северного Приладожья оставалась незаселенной. И только X – началом XI в. датируются одиночные могилы и могильники в районе г. Сортавала, пос. Куркиёки, на восточном берегу Ладожского озера (Мийнала и Мантсинсаари), а также некоторые курганы (рис. 1). Памятников XI–XII вв. в северном Приладожье не зафиксировано: скорее всего, это связано с чисто практическими неуредками в процессе поисков археологических объектов (рис. 2). Предполагать отсутствие населения на этом хронологическом этапе вряд ли уместно. Иначе трудно объяснить небывалую концентрацию древних карелов в XIII–XIV вв., оставивших после себя городища и открытые поселения (24), могилы и могильники (22), клады вещей (3), большое количество случайных находок, свидетельствующих об уничтоженных поселениях и могильниках (54), «жертвенники» (2) (рис. 3). Можно надеяться, что в процессе целенаправленных поисков памятники XI–XII вв. будут найдены. Оптимизм поддерживается письменными

⁴ Nissilä V. Suomen Karjalan nimistö. Joensuu, 1975.

⁵ Мамонтова Н. Н., Кочкуркина С. И. О топонимии северо-западного Приладожья и сопредельных районов // Древняя корела. Л.: Наука, 1982. С. 180–185; Кузьмин Д. В. Формирование этнолингвистической карты карельского Поморья по сведениям топонимии // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007. С. 175–199.

⁶ Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка // Истоки Карелии: время, территория, народы. Петрозаводск, 2015. С. 149–167.

² Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., Джаксон Т. Н. Указ. соч. С. 105.

³ НПЛ.

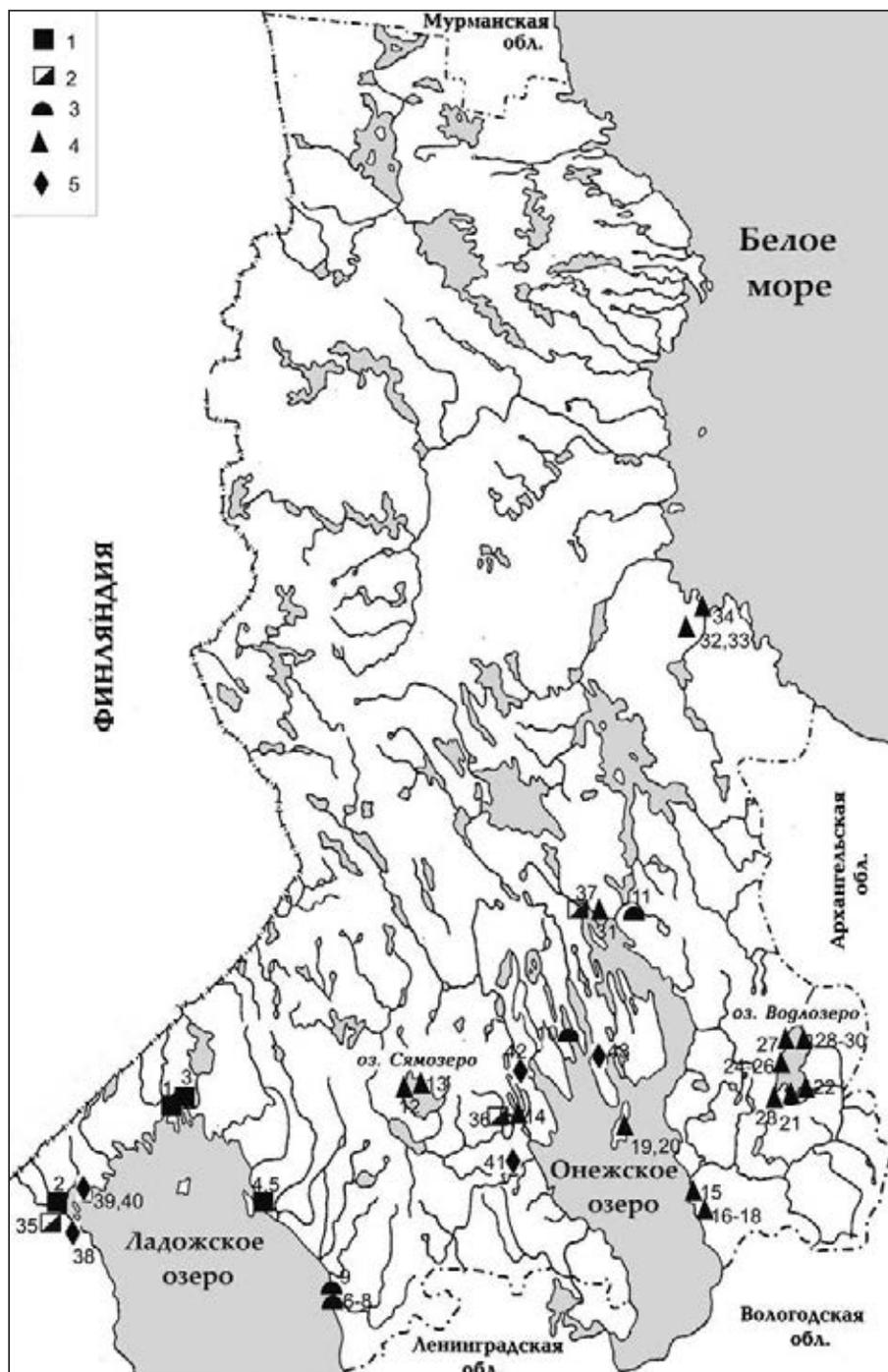

Рис. 1. Памятники VI, X – начала XI в.

- 1 – могилы и могильники;
 2 – случайные находки;
 3 – курганы;
 4 – поселения;
 5 – монеты и клады монет;
 1–43 – номера памятников:
 1 – Нукутталахти;
 2 – Куркиёки-Лопотти;
 3 – Хелюля; 4 – Мийнала;
 5 – Мантсинсаари;
 6 – Горка (Ильинская Горка);
 7 – Гиттойла;
 8 – Капшойла;
 9 – Пирдойла;
 10 – Кокорино;
 11 – Чёлмужи;
 12 – Лахта II;
 13 – Кудома XI;
 14 – Суна VI;
 15 – Бесов Нос VI;
 16–18 – Муромское III, VI, VII;
 19 – Керкостров 2;
 20 – Васильево 2;
 21 – Сомбома I;
 22 – Малая Пога I;
 23 – Пога I;
 24–26 – Охтома I–III;
 27 – Келка I;
 28–30 – Илекса III–V;
 31 – Чёлмужи;
 32–33 – Ерпин Пудас I–II;
 34 – Горельий Мост VI;
 35 – Куркиёки;
 36 – Шуя;
 37 – Повенец;
 38 – Килпола;
 39 – Кууппала;
 40 – о. Хауккасаари;
 41 – Петрозаводск;
 42 – Сандаля;
 43 – Падмозеро

источниками: русские документы не забыли о кареле как активной участнице походов 1143/44 г. и 1149/50 г.

Богатейший археологический материал характеризует разностороннюю деятельность древних карелов, развитое комплексное хозяйство, активные торговые связи.

Прибалтийско-финскими народами (предки вепсов, карелов-ливвиков и людиков), в значительно меньшей степени скандинавами было освоено

юго-восточное Приладожье (Ленинградская область), южная часть Карелии и северное побережье Онежского озера.

В известной нам самой ранней русской летописи «Повесть временных лет» (начало ее создания положено в XI в.) при перечислении финно-угорских племен упомянуты весь («На Белозере сеять весь»), первая, по информации летописца, заселившая эту территорию, за ней – меря на Ростовском и Клещине озерах, и мурома на р. Оке. В списке говорящих на

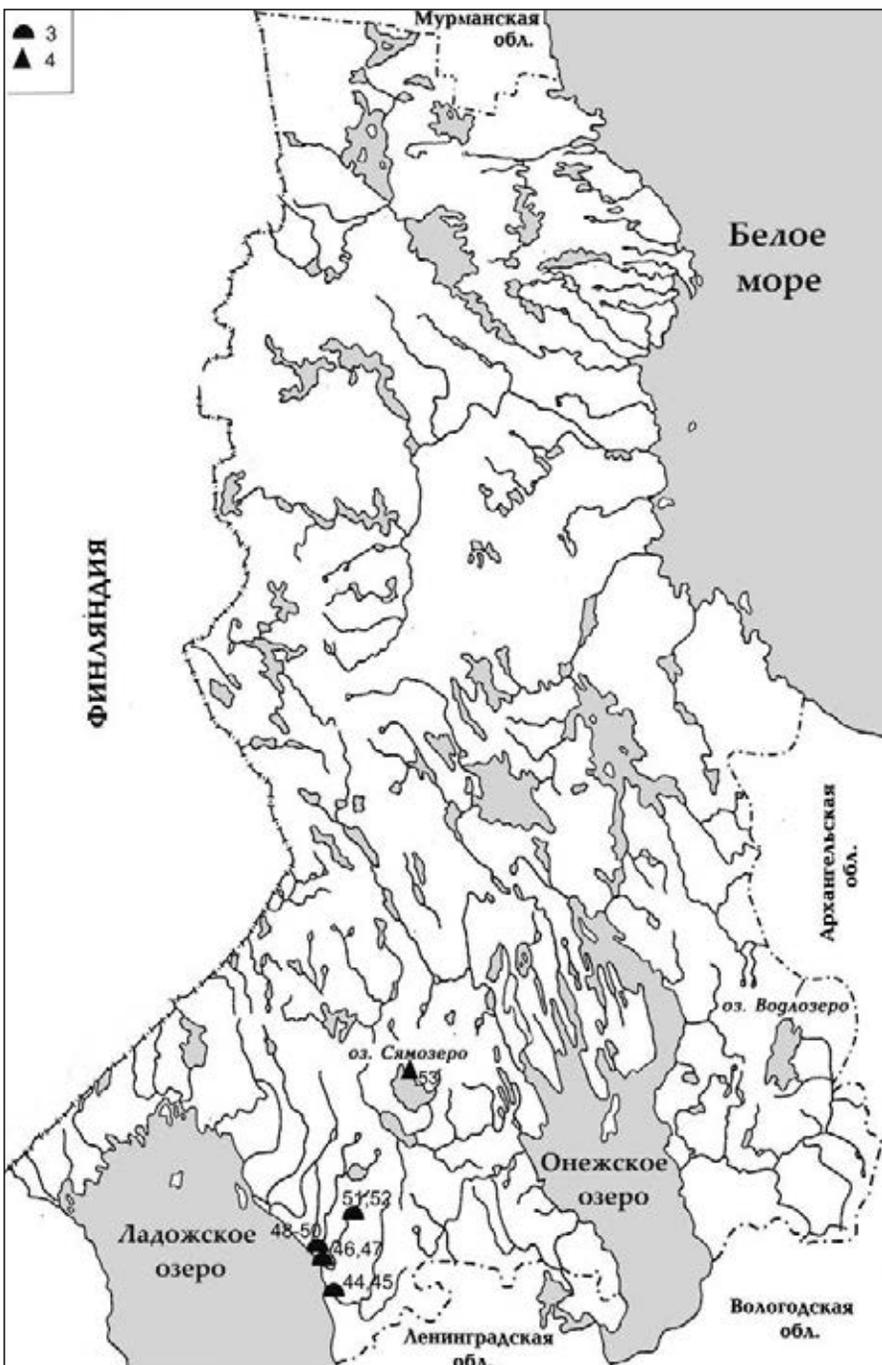

Рис. 2. Памятники XI–XII вв.

- 1 – курганы;
- 2 – поселение;
- 44–53 – номера памятников:
 - 44 – Гомала;
 - 45 – Теркула;
 - 46 – Рабола;
 - 47 – Мергойла;
 - 48 – Исаково;
 - 49 – Симоннаволоок;
 - 50 – Видлица;
 - 51 – Большие Горы (Верхний Конец);
 - 52 – Большие Горы (Нижний Конец);
 - 53 – Чёранга III

нерусских языках («инии языци») и платящих дань Руси весь помещена между мерей и муромой, т.е., как подметил ранее Д. В. Бубрих⁷, между волжскими этническими образованиями. События, связанные с всейю, записаны в летописи под 859 и 862 гг.: в начале группа северных племен сообща выступает против варягов, а затем вновь призывает их. Упоминается весь как участница состоявшегося в 882 г.

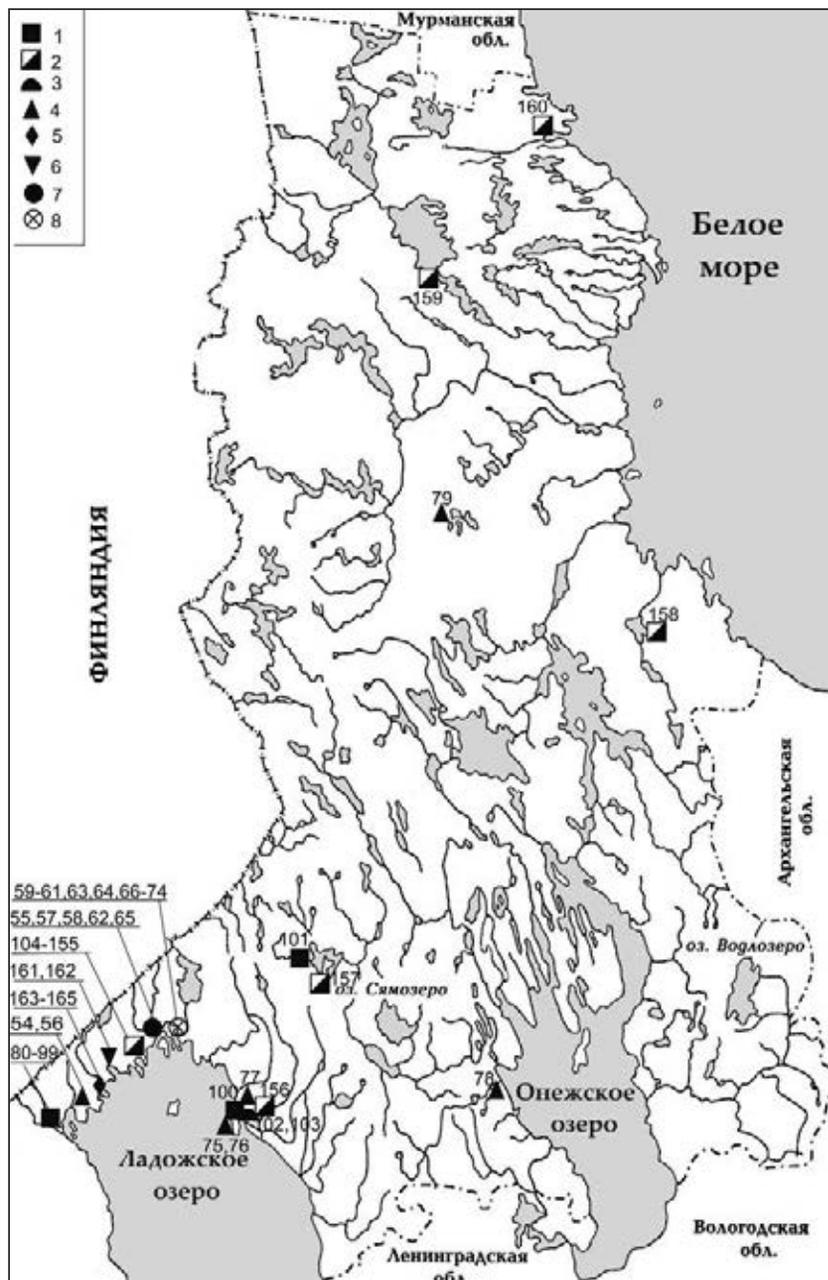
⁷ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск, 1947. С. 24–25.

похода на Киев, возглавляемого князем Олегом. В этом походе кроме веси были представители варягов, чуди, словен, мери и кривичей.

Скучные и лаконичные сообщения западноевропейских источников (Иордан, Адам Бременский, Саксон Грамматик) малонадежны. В свое время большое внимание уделялось отождествлению летописной веси с вису и ису арабских источников (А. П. Смирнов, В. В. Пименов, Л. А. Голубева). Однако отсутствие серьезных доказательств, кроме

Рис. 3. Памятники XII–XIV вв.

- 1 – могилы и могильники;
- 2 – случайные находки;
- 3 – курганы;
- 4 – поселения;
- 5 – клады;
- 6 – «жертвенники»;
- 7 – городища;
- 8 – городища-убежища;
- 54–165 – номера памятников:
- 54 – Копсала;
- 55 – Лопотти-Линнамяки;
- 56, 93, 125, 164 – Кууппала;
- 57 – Хямеенлахти-Линнавуори;
- 58 – Соскуа-Линнамяки;
- 59 – Ранталиннамяки;
- 60 – Корписаари-Линнамяки;
- 61 – Ямяяки;
- 62 – Терву-Линнасаари;
- 63 – Суур-Микли-Линнамяки;
- 64 – Рауталахти-Линнавуори;
- 65 – Паасо;
- 66 – Токкарлахти-Линнасаари;
- 67 – Хийретсаари;
- 68 – Лиеритсаари;
- 69 – Тулолансаари-Каннас-Анттиланиемен линна;
- 70 – Хулконвуорен линна;
- 71 – Мякисало-Линнавуори;
- 72 – Мякисало;
- 73 – Мякисало-Лапинсаари;
- 74 – Ляскеля-Линнавуори;
- 75–76, 100 – Мантсинсаари;
- 77 – Укса; 78 – Пичево;
- 79 – Бохта II;
- 80–85, 104 – Килпола;
- 86 – Ханнола (Липола);
- 87 – Нехвола;
- 88–89, 124 – Мустола;
- 90 – Тенхола;
- 91 – Кавосалми;
- 92 – Кюлялахти;
- 94 – Рахола;
- 95 – Кауппакюля;
- 96 – Сорола;
- 97 – Мийнала;
- 98, 147–148 – Тулолансаари;
- 99 – Риеккала;
- 101 – Суоярви;
- 102–103 – Видлица;
- 104–110, 112–113 – Килпола;
- 111 – Тоунаа;
- 114 – Килполансаари (?);
- 115 – Леппяниеми;
- 116 – Кокко;
- 117 – Мустола;
- 118 – Ункола;

- 119 – Коккола;
- 120–121 – Вейяла;
- 122–123 – Кюлялахти;
- 126–127 – Хямеенлахти;
- 128–129 – Риеккала;
- 130 – Корписаари;
- 131 – Левонпелто;
- 132 – Хямеенлахти;
- 133–135 – Кауппакюля;
- 136–137 – Соскуа;
- 138 – Отсанлахти;
- 139 – Руммунсуо;
- 140–141 – Терву;
- 142 – Куркиёки;
- 143–145 – Микли;
- 146 – Метсямикли;
- 149 – Хюмпёля;
- 150 – Лийкола;
- 151–154 – Сортавала;
- 155 – Кюмёля;
- 156 – Мийнала;
- 157 – Суоярви;
- 158 – Самозеро I;
- 159 – Софпорог;
- 160 – Чупа;
- 161 – Лапинлахти;
- 162 – Сорола;
- 163 – Килпола;
- 165 – Рантуе

похожести этнонимов, сформировало у нового поколения исследователей критическое отношение к вольным и далеким от реальности сведениям (в данном конкретном случае) арабских географических сочинений⁸.

Отсутствие в дальнейшем упоминаний о веси связано, видимо, с разными обстоятельствами и, в первую очередь, с русско-славянским освоением территории и с последующими процессами ассимиляции. Например, в событии, касающемся Белозерья и помещенном в летописи под 1071 г., вместо этнонима «весь» использован термин «белозерцы» в соответствии с их местом жительства. Возможно, что какая-то часть веси стала выступать на страницах русских письменных источников под собирательным именем «чудь».

На исторической вепсской территории наиболее древний пласт представлен древнесаамской топонимией. Однако исследователи отметили ее особенность – в ней отражен не собственно саамский, а предшествующие этапы прасаамского языкового развития, т. е. «население, предшествующее вепсам на территории Межозерья, могло говорить на языке прасаамского типа»⁹.

Ливвиковское (или олонекское) и людиковское наречия прослежены в южной Карелии, на Онежско-Ладожском водоразделе. Исходным фактором в формировании культурных границ, по мнению И. И. Муллонен¹⁰, являются климатические и ландшафтно-географические составляющие. Северная граница вепсской топонимии повторяет очертания северной границы зоны среднетаежных сосновых лесов, а также южной климатической зоны. При этом важно, подчеркивает исследовательница¹¹, что природная граница оказывается и культурной, отделяющей территорию, наиболее благоприятную для ведения земледелия в северных условиях, от районов, где таковое малоэффективно. Карты ареалов топонимных моделей свидетельствуют об объединении в языковом плане ливвиковско-людиковской территории, с одной стороны, с вепсской, с другой – с собственно карельской.

Продвижение славян из юго-восточного Приладожья на Онежско-Ладожский водораздел, а затем и в Обонежье привело к формированию смешанного по составу населения. Исследователи диалектов отметили, что русские онежские говоры обнаруживают сильные связи с говорами, отмеченными

в юго-восточном Приладожье, и в первую очередь на территориях бассейнов рек Ояты, Паши, Сяси, а также с новгородскими диалектами волховско-ильменского региона. В русских говорах Заонежья присутствует мощный прибалтийско-финский пласт. Многосложные миграционные потоки в конечном итоге привели к формированию на огромных пространствах Русского Севера северорусской этнокультурной зоны¹².

Ареал русских топонимов фиксирует водный путь, по которому русские продвигались в Карелию – по р. Свирь в Онежское озеро, затем по р. Водле на восток или через Выгозеро и р. Выг в Поморье. Вдоль этих путей формировались этнолокальные группы русских – поморы, заонежане, водлозеры, выгозеры, которые при всей своей общности отличались особенностями материальной культуры и языка¹³.

Археологические источники – курганы рубежа X – начала XIII в. – располагаются в юго-восточном Приладожье (Ленинградская область), южной части Карелии и на северном побережье Онежского озера. На территории Карелии они немногочисленны. О переселившемся из юго-восточного Приладожья населении свидетельствуют 17 курганных групп на реках Олонке (15 курганов), Тулоксе (11 курганов), Видлице (29 курганов), на северном побережье Онежского озера у дер. Кокорино (7 курганов) и с. Чёлмужи (11 курганов и селище). В них обнаружены ювелирные изделия и разнообразные бусы, восточные и западноевропейские монеты, весы и гирьки, предметы вооружения и бытовой инвентарь, свидетельствующие о широких торговых связях населения.

Эпоха Средневековья бассейна Онежского озера и Белого моря остается пока слабо изученной из-за скудости археологической базы. Эта территория, как представляется по археологическим и топонимическим данным, была открыта как для свободно перемещающихся охотников и рыболовов, так и для оседлых жителей, часто селившихся на одних и тех же местах.

Топонимические исследования показали, что в юго-восточном Обонежье присутствует поволжское влияние, выразившееся в распространении названий некоторых рек и крупных озер, в то время как прибалтийско-финскими топонимами обозначены незначительные объекты. На восточных границах вепсского ареала интенсивность встречаемости вепсских топонимов слабеет, поэтому сохранились выразительные довепсские топонимические назва-

⁸ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М., 1990. С. 131.

⁹ Современная наука о вепсах: достижения и перспективы. Петрозаводск, 2006. С. 12.

¹⁰ Муллонен И. И. Формирование диалектной карты карельского языка.

¹¹ Муллонен И. И. Природные и культурные факторы формирования вепсской этнической территории // Труды КарНЦ РАН. 2012. № 4. С. 13–24.

¹² Герд А. С. Исторические границы и ареалы Обонежья по данным разных гуманитарных наук // Очерки исторической географии. СПб., 2001. С. 409–416.

¹³ Муллонен И. И. Формирование этноязыковой карты Карелии (по материалам топонимического атласа) // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям. М., 2010. С. 427.

ния. На Онежско-Ладожском водоразделе активное взаимодействие карелов и вепсов привело к тому, что вепсское наследие хорошо сохранилось в диалектах южной Карелии, особенно в людиковском. На р. Суде, юго-восточной границе ареала, отчетливо прослеживаются следы древней финно-угорской культуры, предшествующей прибалтийско-финскому пласту названий, пришедшему из Присвирья. Наиболее мощный славяно-русский пласт топонимов отмечен на всей древневепсской территории, хотя характер взаимоотношений вепсов и русских протекал не везде одинаково. Согласно топонимическим свидетельствам, можно говорить о массовом вторжении русских в иноязычную среду и усвоении ими местных названий в западных и южных частях вепсского ареала. На остальной территории засвидетельствовано появление двуязычия местного прибалтийско-финского населения и его постепенное обрусение¹⁴. Эта территория испытала активное освоение со стороны соседних юго-восточных территорий. По мнению Н.А. Макарова¹⁵, с древнерусской колонизацией связано появление стандартных, характерных для XI–XIII вв. предметов украшения и бытовых вещей. Об этом же говорят и случайные находки из Софлорога и Чупы.

Некоторые исследователи продолжают ссылаться на Житие преподобного Лазаря Муромского для характеристики этнической картины восточного Обонежья. «А живущии близ места этого на озере Онего именовались лопари и чудь, сыроядцы боязливые... Множество притеснений, побоев и ран претерпел я от этих зверообразных людей»¹⁶. Однако эти высказывания, крайне непочтительные по отношению к соседям, нельзя принимать на веру, учитывая особенность жанра жития. Агиографы, как правило, не располагали достоверной информацией, на что давно обратил внимание Н.А. Макаров¹⁷.

Археологические памятники весьма своеобразны. На поселениях каменного – железного веков зафиксированы отдельные средневековые предметы. Более или менее долговременные раннесредневековые поселения пока неизвестны. Материальная культура представлена набором изделий из цветного металла, железа и фрагментами лепной керамики, на более поздних – гончарными изделиями. Известны и бескерамические поселения. М.Г. Косменко выделил две территориально-культурные группы археологических памятников: поселения

¹⁴ Муллонен И. И. Топонимия Присвирья: проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. С. 325–330; Современная наука о вепсах... С. 16–18.

¹⁵ Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М., 1997. С. 45.

¹⁶ Пигин А. В. Житие Лазаря Муромского // Кижский вестник. Петрозаводск, 2003. № 8. С. 16.

¹⁷ Макаров Н. А. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. С. 185.

с керамикой «приладожского типа» (около 30) и поселения без керамики, но с остатками металлической посуды (14), оставленные, по его мнению, разными этническими группами – древними вепсами и саамами¹⁸. Однако этнокультурная принадлежность этих памятников по-прежнему остается спорной и требует дополнительных исследований и аргументации; к тому же топонимическая карта демонстрирует более сложную картину заселения этой территории.

Полагают, что впервые саамы упомянуты в письменных источниках I тыс. н.э. как фенны, *scrithifinni*, *scrithifinnoi* (от древнескандинавского *skrida* – «ходить на лыжах») ¹⁹. Под именем лопарей («*lappie*») саамы фигурируют в папских буллах второй половины XII – первой половины XIII в. вместе с карелами, водью и ижорой, а также в датской Хронике Саксона Грамматика второй половины XII – начала XIII в. В Уставе князя Ярослава «о мостех» (XIII в.) упомянута Лопская сотня. О новгородской лопи, лопце рассказывают русские документы XV в. В переписной книге 1500 г. в Ореховском уезде в бассейне р. Нази зафиксирован Егорьевский Лопский погост и т.д. В источниках используется также этноним саамы (саам. *sabme*), который является самоназванием, в то время как соседи называли их лопью, лопарями.

Без сомнения, саамы являлись древними жителями Карелии, оставившими после себя разрушенные ареалы саамских топонимных моделей. Но ареал их, вопреки прежним представлениям, согласно которым они занимали территорию от Скандинавии до Коми, а на юге до Верхнего Поволжья, вовсе не был таким обширным. Скорее всего, формирование саамов происходило на территории Карелии и Финляндии²⁰.

Ареал топонимов *Lappi-/Lappalais-* (кар. «саам, лопарь») широко представлен на территории Финляндии с центром в Саво. Особенно часто эти топонимы встречаются в местах интенсивных контактов прибалто-финнов с аборигенным саамским населением. Саамы оставили значительный след в топонимии беломорских карелов²¹. Эти топонимы явились результатом непосредственных контактов коренного саамского населения с продвинувшимися сюда

¹⁸ Косменко М. Г. Проблемы изучения этнической истории бронзового века – раннего Средневековья в Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – Средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 219–229.

¹⁹ Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. С. 110.

²⁰ Муллонен И. И. Формирование этноязыковой карты Карелии... С. 424–427.

²¹ Кузьмин Д. В. Топооснова LAPPI- в топонимии беломорских карел // Петрозаводск, 2005. С. 126–141; Он же. Формирование этнолингвистической карты карельского Поморья по сведениям топонимии // Комплексные гуманитарные исследования в бассейне Белого моря. Петрозаводск, 2007. С. 175–199.

из более южных районов карелами, которые отметили этими названиями промысловые территории аборигенного населения. В ходе промыслового освоения территории, считает И.И. Муллонен, карелы приспособили для своих нужд саамскую топонимию, саамы же, рассредоточенные на обширной, но редко заселенной территории, быстро подверглись карельской ассимиляции²².

В результате анализа материалов средневековых поселений на современном этапе археологических исследований выяснилось, что периодом X–XI вв. можно датировать (главным образом по наличию фрагментов лепной керамики²³) большинство поселений региона – 23 памятника; к XI–XII вв. отнесен 1 памятник; к XII–XIII вв. – 1 памятник и случайные находки; к XIII–XIV вв. – 1 памятник. Время существования остальных поселений не определено. Следовательно, основная территория бассейнов Онежского озера и Белого моря была освоена в X–XI вв. (см. рис. 1–3).

Хозяйственный уклад населения исследователи охарактеризовали как охотничье-рыболовецкий, подчеркивая при этом промысловый характер памятников со специализацией на пушном промысле, хотя, мне кажется, он не был ориентирован на международную торговлю. В Карелии мало ценных видов пушнины, которые пользовалась бы спросом на международных рынках того времени. Скорее всего,

²² Муллонен И.И. Формирование диалектной карты карельского языка. С. 161.

²³ Анализ керамических коллекций памятников бассейнов Онежского озера и Белого моря осуществлен И.М. Сумманен (Поташевой).

добытая средневековым населением Карелии пушнина использовалась узким кругом потребителей.

Немаловажную роль играло железоделательное производство, базирующееся на запасах местной руды. В процессе археологических раскопок найдены не только железные орудия труда и промыслов, но и три разных по конструкции и времени использования горна²⁴.

Итак, в процессе комплексного исследования историко-культурного наследия удалось выявить этнокультурные ареалы средневековых народов Карелии. Северо-западное Приладожье было заселено предками собственно карелов, восточное побережье Ладоги и северное побережье Онежского озера – предками вепсов, выходцами из юго-восточного Приладожья; бассейн Онежского озера и Белого моря в X–XI вв. освоили промысловики (охота, рыболовство, выплавка железа в примитивных горнах), этническая принадлежность которых может быть определена в общих чертах как прибалтийско-финская без каких-либо специфических черт и особенностей материальной культуры, а также в некоторой степени и древнесаамская. В XII–XIV вв. на этой территории сформировалось постоянное население – предки саамов, карелов, вепсов, русских, оставившие после себя разнообразные археологические памятники и пеструю диалектно-топонимическую картину.

²⁴ Косменко М.Г., Манюхин И.С. Древняя металлургия и металлообработка в охотничье-рыболовецких культурах эпохи железа и раннего Средневековья в Карелии // Гуманитарные исследования в Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 16–22.

Summary

S. I. Kochkurkina

The People of Medieval Karelia

(an Ethno-cultural Research Project)

Within the framework of a multi-disciplinary investigation of the historical and cultural legacy of the medieval peoples inhabiting Karelia it proved possible to identify ethno-cultural distribution areas. The north-western part of the region round Lake Ladoga was inhabited by the ancestors of the actual Karelian and the Onega-Ladoga watershed by the ancestors of the Veps, who had originated from the south-eastern part of the Lake Ladoga region. The basin of Lake One-

ga and the White Sea had been settled by hunters, fishermen and those engaged in smelting iron in primitive furnaces, whose ethnic origins can be defined in general as Baltic-Finnish and to some extent as Ancient Sami. In the 12th–14th centuries a permanent population had taken shape within the territory in question: the ancestors of the Sami, the Karelians, Veps and Russians, who left various types of archaeological sites behind them and a colourful range of dialects and toponyms.

Сложение территории Переяславского княжества

По летописной версии, выделение Переяславского княжения произошло в 1054 г. оглашением Ярославом Мудрым завещания детям: «И еще бо живущу ему, наряди сыны своя, рекъ имъ...». Но умер он в присутствии одного Всеволода, которому отошли земли, «тянувшие» к Переяславлю, включая Курское Посеймье¹. Это незначительная часть противоречий летописания того времени. Так, сведения о феодальных войнах 1015–1019 гг. насыщались и порой подменялись литературными штампами и религиозной риторикой. Часть ранних фактов была перенесена в юбилейный 1036 г. Очевидно, «раздел» Ярослава свершился раньше летописной даты, а письменно он был зафиксирован в 70-х гг. XI в.: летописец не располагал копией завещания².

Поэтому вкратце проследим историю сложения территории Переяславской земли, привлекая доступный археологический материал.

Применительно к ранним этапам южнорусской истории городища и открытые (не защищенные стенами) поселения-селища изучены плохо и одно-сторонне³. Только начиная с эпохи Святослава – Ярополка, эти древности обретают приближенные датировки, что позволяет наметить пределы общерусского и северянского расселения. Так, в ближайшую округу киевского эпицентра входили летописные города Пересечен, Вышгород, Витичев и Родень при устье Роси. На основе местного полянского населения там сложилась своеобразная этническая общность, включавшая со времен Олега регулярно приводимых на юг варягов и выходцев из племен славянской «северной конфедерации».

Площадь Киевского Левобережья, ограниченного Десной, Остром и Трубежом, насчитывает 4 660 км², следов предшествующего населения там не обнаружено. В его северной доле находки середины X в. известны в подслое летописного Остерского Городца, городищ Кошаны и Крехаев. Южнее за пределы междуречья был вынесен дружинный лагерь у с. Лепляво: в 968 г. там мог размещаться стан воеводы Претича. Во второй половине X в. в 130 км от Трубежа в степи был создан летописный Воинь – укрепленная гавань и торговая фактория⁴.

К востоку и северо-востоку от киевского территориального ядра раскинулись земли носителей роменской культуры – восточных северян. Типичные примета этой культуры – общинные убежища-крепостицы, размещались среди лесных массивов. В целом, там насчитывают от 90 до 115 в разной степени информативных городищ⁵; а на территории, позже отошедшей к Переяславлю, мной учтено 74 лучше изученных и действительно северянских памятника этого рода⁶ (рис. 1).

Начало покорения северян положил поход Олега: около 884 г. он «победил» восточных северян, возложил на них «дань легъку» и запретил платить дань хазарам (под следующим годом указано, что Олег уже «обладал» северянами). Но государственная власть распространялась на них скорее номинально или нерегулярно⁷. Около 965 г. Святослав по пути из земли вятичей через северянские земли шел войной на Хазарию. Археологически с этим

⁴ Моргунов Ю. Ю. О пограничном строительстве Владимира Святославича на переяславском Левобережье // РА. 1999. № 3. С. 71, 72.

⁵ Кучера М. П. Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Донцем. Київ, 1999. С. 114; Сухобоків О. В. «Земля незнаема»: населення басейна Середнього Псла в X–XIII вв. по матеріалам роменсько-древнерусського комплексу в с. Каменне. Київ, 2012. С. 269–271.

⁶ Моргунов Ю. Ю. Еще раз о северянских «протогородах» // Міста Давньої Русі: збірник наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ, 2014. С. 116, 119.

⁷ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951. С. 25.

¹ Лавр. С. 161, 162.

² Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. Ч. 2: Приложения. М.; Л., 1950. С. 338, 389; Насонов А. Н. История русского летописания XI – начала XVIII века: очерки и исследования. М., 1969. С. 48.

³ Макаров Н. А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 449, 451.

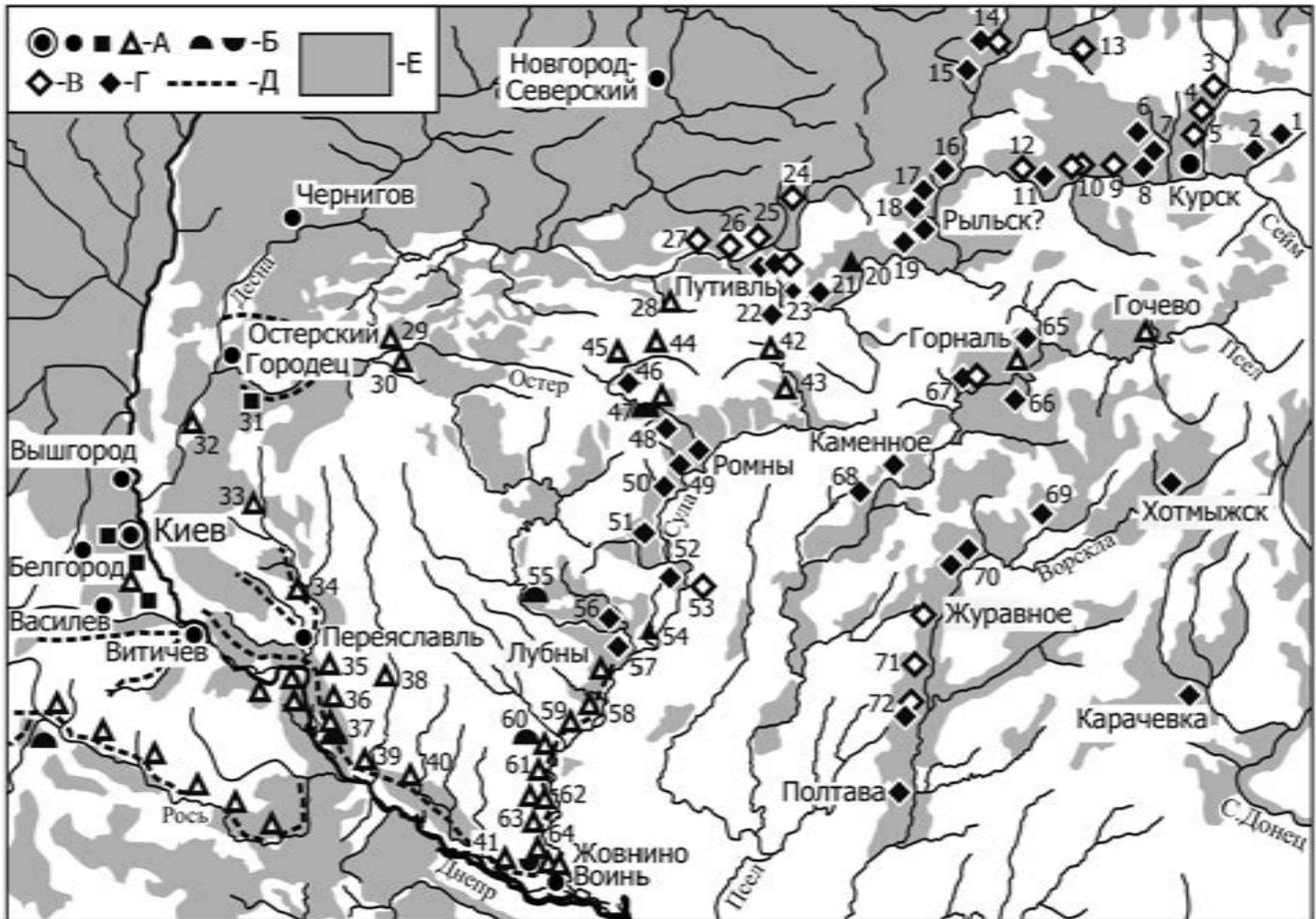

Рис. 1. Археологические памятники эпохи Владимира Святославича:

- А – общерусские летописные города, городища и открытые поселения;*
- Б – курганные и грунтовые могильники;*
- В – сожженные и навсегда покинутые крепости-убежища летописных северян;*
- Г – северянские укрепления, возобновленные значительно позже или содержащие в материалах следы хронологической лакуны;*
- Д – Змиевы валы;*
- Е – древние лесные массивы.*

- 1 – Титово; 2 – Беседино; 3 – Переверзево 2; 4 – Мешково 2; 5 – Шуклинка; 6 – Гнездилово;*
- 7 – Большое Лукино; 8 – Липино; 9 – Дроняево 2; 10 – Погореловка 1 и 2; 11 – Городенск; 12 – Люшинка;*
- 13 – Жидеевка; 14 – Ратманово 1 и 2; 15 – Старый Город (?); 16 – Капыстичи; 17 – Асмолово;*
- 18 – Пригородная Слободка; 19 – Лещиновка; 20 – Горки 1; 21 – Волынцево (Курган); 22 – Лухтовка;*
- 23 – Латышевка; 24 – Будици; 25 – Воргол; 26 – Литвиновичи; 27 – Красное Утро; 28 – Кросна;*
- 29 – Воздвиженское; 30 – Липов Рог 1; 31 – Кошаны; 32 – Крехаев; 33 – Русанов; 34 – Пристромы; 35 – Цибли;*
- 36 – Городище; 37 – Лепляво; 38 – Каленики; 39 – Бубновская Слободка; 40 – Золотоноша; 41 – Веремеевка;*
- 42 – Николаевка; 43 – Городище; 44 – Шевченково; 45 – Великий Самбор; 46 – Красный Колядин; 47 – Липовое;*
- 48 – Медвежье; 49 – Шумск («городище Вашкевича»); 50 – Глинск на Суле; 51 – Свиридовка; 52 – Гаевщина;*
- 53 – Бодаква; 54 – Снитин; 55 – Линовица; 56 – Городище на р. Многие; 57 – Хитцы; 58 – Мацковцы;*
- 59 – Лукомье; 60 – Тарасовка; 61 – Чутовка; 62 – Великая Буримка; 63 – Лящовка; 64 – Клещинцы;*
- 65 – Куриловка; 66 – Великая Рыбица; 67 – Зелёный Гай; 68 – Азак; 69 – Ницаха (Малый Балкан);*
- 70 – Заречное 1, 2; 71 – Куземин; 72 – Глинск на Ворскле*

проходом связывают гибель Большой Горнальской крепости и Гочева: это был первый реальный этап освоения Русью Курского Посеймья⁸.

Киевское вокняжение Владимира и убийство Ярополка в 978 г. вызвали начало печенежской агрессии, она заставила отдалять от столицы внешние пределы и ограждать их древо-земляными стенами (их руины именуются «змиевыми валами»). На Левобережье ими были обнесены низовья Остра, Трубежа с Альтой, левый берег Днепра и Нижнее Посулье. Их строили и защищали пленные и троекратное пополнение из Центра и Севера Руси, расселенное у стен в обширных открытых поселениях. Зачаток посульской защитной линии был отделен от Трубежа 130 километрами незаселенной степи: это мешало ему стать полноценной защитой. Но обитатели высоких береговых поселений могли следить за степными передвижениями, передавать сведения о них и отражать малолюдные, но наиболее многочисленны набеги⁹.

Пик печенежского натиска вынудил Владимира совмещать создание протяженных ограждений со строительством крепостей¹⁰; большинство из них дополняло протяженные ограждения на важнейших путях, не затрагивая племенной территории северян.

На Левобережье Владимир заложил головную восточную крепость Переяславль, реконструировал Воинь, низовья Остра были защищены Городцом Остерским, в 1026 г. принявшим демаркационный съезд Ярослава и Мстислава. Два противоположащих поселения возникли на Остерском броде в современном г. Нежине. В Лепляво к этому времени относится множество артефактов разноэтничного происхождения и срубные погребения. Могильник и ныне размытое городище в Жовнине также отличаются особым числом северных вещей, наличием срубной гробницы и граффити с тамгой Владимира¹¹. Этот памятник лучше отгороженного болотами и старицами Воиня, где ранние погребения не обнаружены, подходил на роль ведущей посульской крепости, а летописное имя Желни-Желди позже, в 1116 г., принесли переселенцы из Полоцкой земли.

Защита от печенежских набегов требовала дальнейшего притока населения и средств для укрепления новых рубежей. И Владимир продолжил начатое Святославом вовлечение племенных территорий в

политическую и хозяйственную орбиту Руси. В литературе это именуется «освоением государственной территории», «огосударствлением» и «окняжением», что подразумевает распространение на племенные земли княжеской дани и суда¹². Другими атрибутами окняжения были искоренение или перемещение военно-жреческой знати в чуждую ей поселенческую среду, уничтожение местного самоуправления и его опоры – общинных крепостей-убежищ, и попытки замены языческих культов христианством. Подобные акции содержали определенный элемент насилия, одинаково освобождавший все «освоенные» земли от властных функций местной аристократии, а приток иноплеменного населения способствовал формированию общерусской этнической общности.

Археологически прослеживаются два основных направления освоения восточносеверянской территории в конце X в.

Наиболее эффективным был северо-восточный вектор: в конце X в. государственное освоение Курского Посеймья было завершено, к этому времени там уже господствовал общерусский погребальный комплекс¹³. В конце X в. на водораздельном пути из Киева, в междуречье Сейма с Сулой и Роменом, появилась цепочка общерусских селищ и погребений в Липовом и в подслое позднейших городищ Кросна, Великий Самбор, летописных городов Глебль (Шевченково), Зарытый (Николаевка) и Вяхань¹⁴. Таким образом, со времен Святослава прилегавшие к Посеймью земли стали саморазвивающимся анклавом, с севера подпитывавшимся дорогой, обходившей вятчские леса, а при Владимире через цепочку поселений он связался и с Киевом.

По ней мог попасть в Курск отец Феодосия Печерского с семьей¹⁵. Традиционное толкование раздела Ярослава и Мстислава датирует это перемещение и возникновение Курска черниговским княжением Мстислава. Но переселить на окраину Руси знатного горожанина из Василева на Стугне мог и Владимир Святославич – это соответствует летописному обороту о «нарубании» мужей лучших. Если это так, то переезд был наиболее востребован в период спада печенежских набегов на киевский регион, т.е. в первое десятилетие XI в.: в первой четверти XI в. Курск мог стать значительным центром,

¹² Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 5–9.

¹³ Шинаков Е. А. «Восточные территории» Древней Руси в конце X – начале XIII в. (этнокультурный аспект) // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж, 1991. С. 90.

¹⁴ Моргунов Ю. Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 2. Курск, 1998. С. 38.

¹⁵ Житие Феодосия Печерского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII века. СПб., 1997. С. 354, 355, 360.

⁸ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. Разыскания о летописях. Жуковский, 2001. С. 393; Моргунов Ю. Ю. Еще раз о северянских «протородах». С. 119–122.

⁹ Моргунов Ю. Ю. О пограничном строительстве... С. 71–75.

¹⁰ Макаров Н. А. Указ. соч. С. 458.

¹¹ Дяденко В. Д., Моця А. П. Жовнинский могильник XI–XIII ст. // Археология. 1986. Вып. 54. С. 82–90.

чему не противоречат обнаруженные там археологические материалы¹⁶.

В начале правления Владимира возник исходивший из Переяславля юго-западный вектор: северный край нижнесульского заграждения печенежских путей на Русь внедрился в племенные земли и вызвал гибель ряда роменских поселений. Защитная стена создавалась на типичных для северянской фортификации эскарпах, а на сопровождающих ее значительных поселениях встречена лепная роменская керамика. Таким образом, захват северянских земель осуществлялся Киевом с двух сторон.

В итоге, из 74 лучше изученных северянских укреплений массово выделяются две категории: 1) сожженные и навсегда заброшенные; 2) сожженные или покинутые, жизнь на которых возобновилась лишь в XII в. В сумме они насчитывают 63 городища, это около 85 % от числа представленной выборки¹⁷. Уничтожение племенных гнезд вызвало небольшой отток северян в лесную зону, но подавляющее большинство северян осталось на прежних местах. Следующим показательным признаком окняжения является появление новых поселений близ разрушенных старых центров¹⁸: там вместо множества небольших поселков появилось меньшее число крупных поселенческих агломераций¹⁹. Это явление прослежено на многих примерах. Так, в Мацковцах на Суле поселение увеличилось в два раза на основе преобладания северянского этноса и преемственности хозяйственной структуры. Таким образом, формирование общерусской культуры происходило на фоне затухавшего на протяжении жизни еще одного – двух поколений использования племенной атрибутики и элементов домостроительства²⁰.

Таким образом, с княжением Владимира связан начальный этап сложения Переяславской земли. В эту пору, вплоть до Любечского съезда князей, ее площадь была максимальной: вместе с Посеймьем ее площадь насчитывала 66 600 кв.км. Территориальное единство в процессе окняжения северян было сформировано: опиравшийся на общинные крепости-убежища племенной сепаратизм был ликвидирован. Население было переведено в привычные Владимиру по новгородскому княжению обширные многоэтничные поселки. Во всяком слу-

чае, при множестве походов на племенные земли Ярослав, сын Владимира, на носителей роменской культуры не покушался.

Но создание политической структуры только начиналось. Нечто похожее на нее прослеживается только из житийных сведений о Курске, но этот источник создавался значительно позже, что не исключает переноса монахами привычных реалий на древнюю почву. Вспомним хотя бы житийное упоминание о волнениях северянских «городов», якобы усмирённых князем Борисом – к 1015 г. они были давно сожжены. Равным образом и сведения о бурной церковной жизни Курска противоречат единичной распространенности на Левобережье предметов личного благочестия и существованию языческих святилищ на месте Снепорода. Конечно, наши знания о заселенности «тянувшего» к Переяславлю Левобережья крайне неполны и порой случайны, и всё же, кроме Переяславля, значительных центров там, похоже, не было. И ожидать существования там структурированного и подчиненного Киеву административного аппарата не приходится. Но перенежская угроза еще существовала, и какая-либо форма наместничества могла бы позволить князю Борису на этой основе сплотить население, продолжить его христианизацию, укрепить военное и политическое устройство.

Несмотря на летописную лакуну 997–1014 гг., после «белгородского киселя» печенежская опасность стихла, что связывают с оборонительными мерами Владимира. Так, в 1008 г. на киевских рубежах закончилось строительство снабженной воротами «крепчайшей и длиннейшей ограды» «для безопасности государства», и был заключен мир с печенегами²¹.

Летописные сведения 1015–1054 гг. почти не коснулись левобережной истории. Это можно объяснить особым вниманием к правобережным событиям: феодальной войне 1015–1019 гг., восстановлению послевоенной разрухи, церковному и гражданскому строительству Ярослава Мудрого.

Для этой темы представляет интерес вопрос о разграничении Ярославом и Мстиславом Владимировичами «Русской земли» в 1026 г. В литературе прочно закрепилось дословное понимание летописной формулы о разделе «по Днепр» как десятилетнее владение Мстиславом всем Левобережьем Днепра. При этом упускалось из виду, что его лесостепная часть изначально осваивалась Киевом. Видимо, поэтому после победоносной Лиственской битвы Мстислав вернулся в Чернигов и предложил брату: «сяди в своемъ Киевѣ: ты еси старѣишеи братъ, а мнѣ буди си сторона». В Городце Остерском братья замирились «и раздѣлиста по Днѣпрѣ Русь-

¹⁶ Енуков В.В., Енукова О.Н. Стратиграфия Курского городища (по материалам раскопов 5 и 6) // Труды III (XIX) Всероссийского АС. Т. 2. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. С. 141.

¹⁷ Моргунов Ю.Ю. Еще раз о северянских «протогородах» // Міста Давньої Русі: збірник наукових праць пам'яті А. В. Кузи. Київ, 2014. С. 127.

¹⁸ Макаров Н. А. Указ. соч. С. 458, 459.

¹⁹ Шинаков Е. А. Указ. соч. С. 82.

²⁰ Моргунов Ю.Ю. Летописный город Снепород и его округа X–XIII вв. // Archaeologica Varia. СПб., 2012. С. 40–53.

²¹ Назаренко А.В. Западноевропейские источники // Древняя Русь в свете зарубежных источников. М., 2003. С. 314, 315.

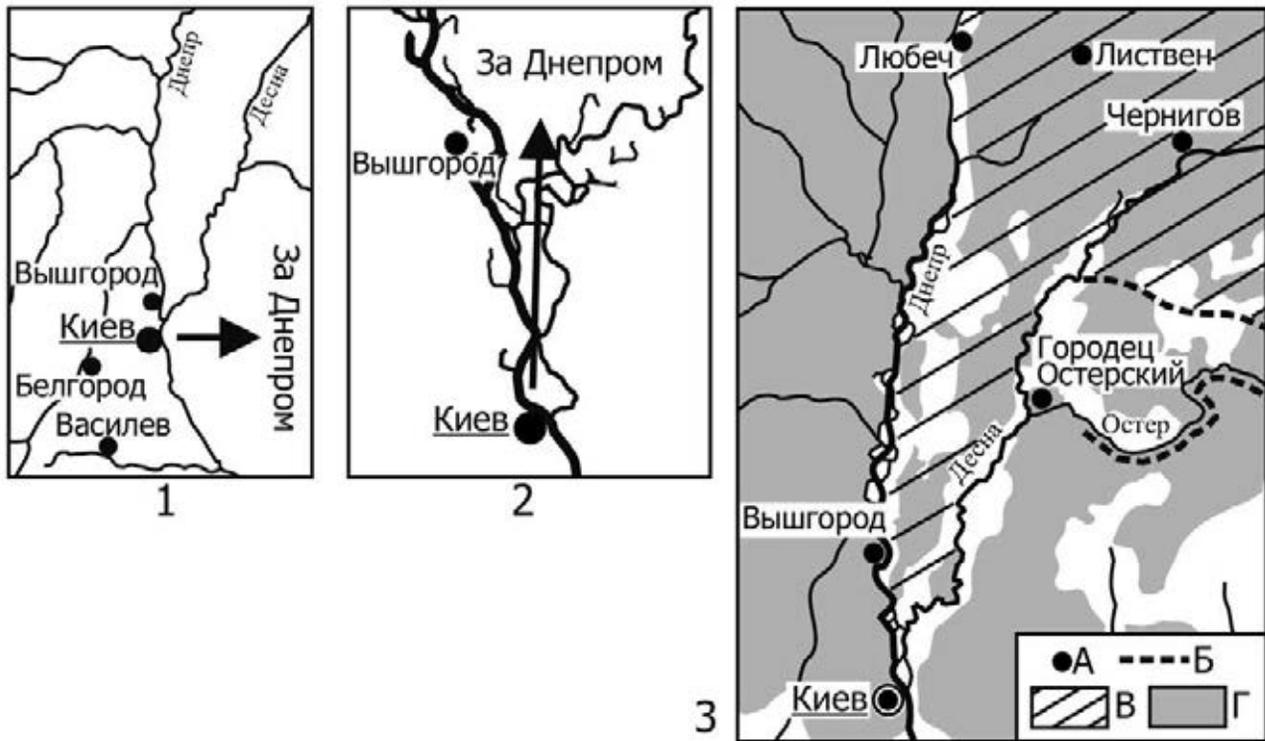

Рис. 2. Различные представления о сути раздела «по Днепру».

А – летописные города; Б – змиевы валы по Остру; В – земли Мстислава Владимировича; Г – древние лесные массивы. 1 – традиционное представление историков о Заднепровье; 2 – взгляд современника на заднепровские владения Мстислава; 3 – альтернативная точка зрения о разделе «Русской земли» между Ярославом и Мстиславом

скую землю: Ярославъ прия сю сторону, а Мъстиславъ ону»²².

Между тем, территориальное ядро Черниговщины сформировалось задолго до Ярослава и никогда не распространялось на земли, размещенные к югу от р. Остра. Поэтому Мстислав мог получить лишь земли, не ущемлявшие территориальных интересов старшего брата и киевского стола. А условия размежевания «Русской земли» наметились еще при Владимире Святославиче северным киевским потоком окняжения восточных северян. Если же следовать дословной трактовке раздела «по Днепру», то десятилетняя принадлежность Переяславщины Мстиславу позже неминуемо вызвала бы разногласия, поводом для которых служил аргумент отчинности²³. Поэтому владельческий интерес Мстислава к лесостепному Левобережью представляется маловероятным²⁴.

²² Лавр. С. 147–149.

²³ Насонов А. Н. «Русская земля»... С. 57–67.

²⁴ Моргунов Ю. Ю. К вопросу о разделе южнорусских земель в 1026 г. «по Днепру» // Наукові записки з української історії. Переяслав-Хмельницький Державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди.

Традиционное же толкование возникло при изучении историками мелкомасштабных карт, где вектор течения Днепра в районе Киева приближается к меридиональному (рис. 2: 1). И визуальная логика заставила их интерпретировать Заднепровье как территорию, «тянущую» к Переяславу. Но для киевского летописца также за Днепром, в междуречье Днепра – Десны и севернее течения Остра, размещалось ядро черниговских владений Мстислава: со второй половины XIII в. оно в источниках именовалось «Заднепровьем»²⁵ (рис. 2: 2, 3). Именно такая владельческая ситуация могла быть закрепленной разделом Ярослава 1054 г.: она отразила давно сложившиеся и поэтому наиболее прочные территориальные взаимоотношения между левобережным Севером и Югом.

Вип. 16: Збірник наукових статей, присвячений пам'яті В. В. Седова. Переяслав-Хмельницький, 2005.

²⁵ Ричка В. М. «И раздѣлиста по Днѣпръ Русьскую землю» (першопричини і далекосяжні наслідки) // Чернігів у середньовічній та ранньомодерній історії Центрально-Східної Європи: збірник наукових праць, присвячений 1100-літтю першої літописної згадки про Чернігів. Чернігів, 2007. С. 164.

Следы заселенности эпохи Ярослава прослеживаются почти исключительно близ приднепровского кочевнического пути на Киев, представленные кладами и отдельными монетами. Исключение составляет клад 1852 г. близ нежинского брода: его выпадение можно связать с проходом войск Мстислава из Тмутаракани в Чернигов²⁶ (рис. 3).

В это время некогда обширные нижнесульские поселения резко уменьшились из-за прекращения

²⁶ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 85, 93; Сотникова М. П., Спаский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России: сводный каталог русских монет XI–XI вв. Л., 1983. С. 14–81.

притока переселенцев, а их потомки осваивали более удобные окрестности. Протяженные укрепления ветшали и осыпались, обращаясь в «змиевы валы». Подобное происходило и на Правобережье: укрепление Ярославом Поросья показывает, что в войнах 1015–1019 гг. защитные линии Владимира были разрушены. И к концу XI в. их руины стали топографическими ориентирами²⁷. На Верхнем Сейме возникло не менее трех открытых поселений; не исключено и существование Рыльска. На Псле и Ворскле новые

²⁷ Лавр. С. 220; Ипат. С. 210, 211; Моргунов Ю. Ю. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII веков. М., 2009. С. 205.

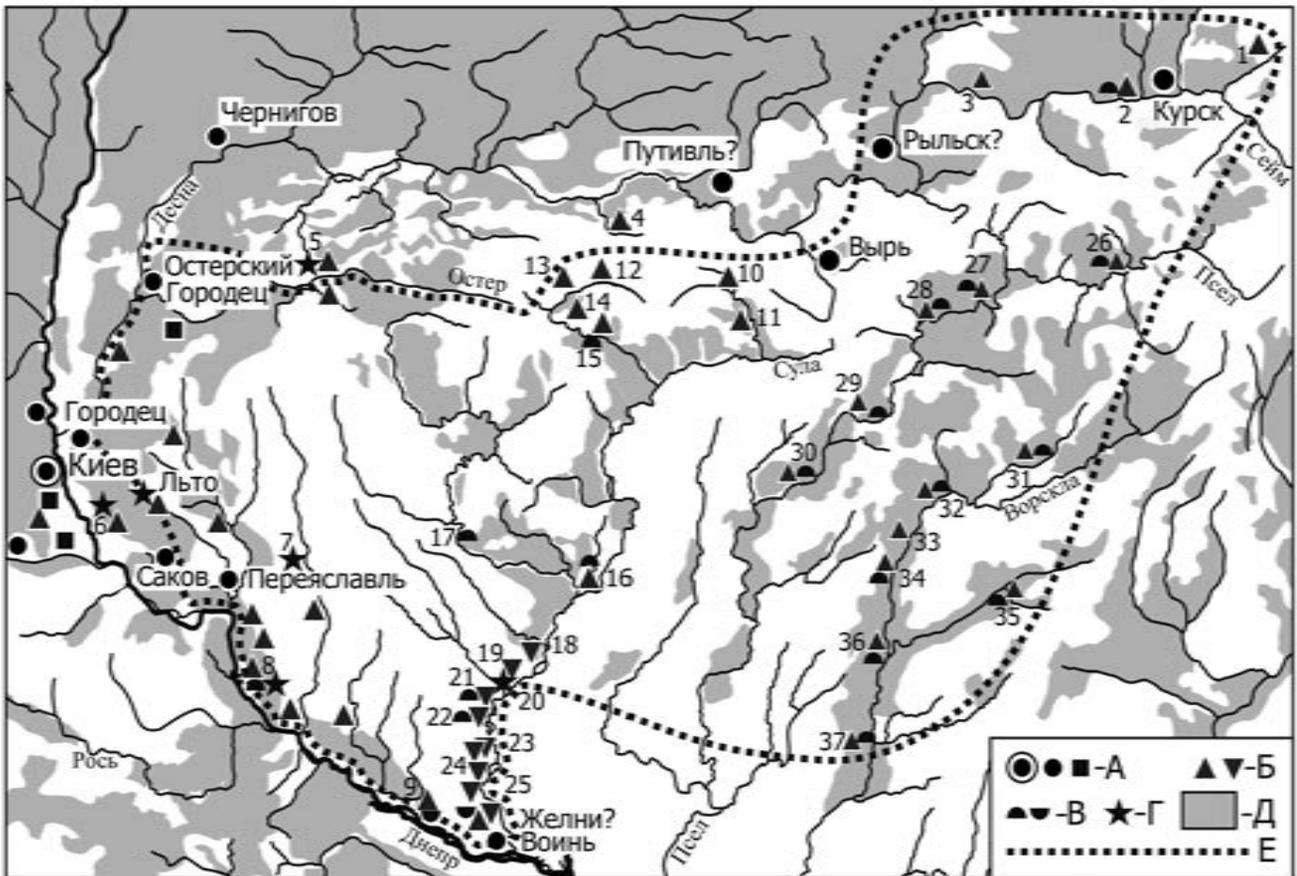

Рис. 3. Заселенность переяславского Левобережья при Ярославе Владимировиче:

- А – летописные города и городища; Б – открытые поселения и уменьшившиеся в размерах посульские селища;
 В – курганные и грунтовые могильники; Г – монетные клады и отдельные находки сребреников;
 Д – древние лесные массивы; Е – внешние пределы Переяславской земли.
 1 – Титово; 2 – Липино; 3 – Люшинка; 4 – Кросна; 5 – Нежин; 6 – Вишенки; 7 – Денисы; 8 – Лепляво;
 9 – Веремеевка; 10 – Николаевка; 11 – Городище; 12 – Шевченково; 13 – Великий Самбор;
 14 – Красный Колядин; 15 – Липовое; 16 – Снитин; 17 – Линовица; 18 – Мацковцы; 19 – Лукомье;
 20 – Великоселецкое; 21 – Тарасовка; 22 – Чутовка; 23 – Великая Буримка 1, 2; 24 – Ляцковка;
 25 – Клещинцы; 26 – Гочево; 27 – Горналь; 28 – Зелёный Гай; 29 – Каменное; 30 – Броварки;
 31 – Ницаха; 32 – Заречное; 33 – Старая Ивановка; 34 – Журавное; 35 – Городное; 36 – Глинск; 37 – Полтава

поселения во многом стали известными по старым раскопкам могильников. Там продолжалась традиция проживания среди лесов, в то время как на залежных берегах Сулы поселения не известны.

Выделившаяся в самостоятельную административно-территориальную область Переяславская земля состояла из четырех частей неодинаковой значимости. Ее сложившимся еще при Владимире Святославиче ядром было междуречье Днепра, Трубежа, низовий Десны и Остра со столицей, закрывавший трубежский брод на приднепровской дороге кочевников на Русь. По «завещанию» Ярослава за Киевом осталась узкая левобережная полоса шириной от 10–15 до 37 км (800 кв. км). Она протянулась от Городца на Радосыни (Градка Песочного) и Долобского озера (близ современной Выгуровщины), следовала через Льто до р. Карани и летописного Сакова, рядом с которым вскоре были расселены «зазаковцы» – полукочевые турпеи.

Другая часть – поречье Сулы: при Ярославе нижнесульский заслон утратил едва зародившийся порубежный статус. Начавшееся после 1060 г. заселение третьей части, супойского плато (его площадь насчитывает 13500 кв. км), заполнило поселенческую лагуну «переяславскими» торками и сблизило Посулье с переяславским ядром. А половецкая экспансия вызвала необходимость возобновления и усиления порубежья: к концу XI в. на Суле было возведено 16 сооружений крепостного типа. Их строительство, как и «длинных стен» при Владимире, началось с нижнего течения реки. По мере создания там плотной цепочки укреплений, половецкие пути на Русь перемещались севернее, что инициировало расширение и усложнение защитного щита²⁸.

Наши, вероятно, неполные сведения в определенной мере могут служить основанием для установления пределов и четвертой части Переяславщины, востока Левобережья. В середине XI в. поречья Верхнего Сейма, Псла и Ворсклы, несомненно, были переяславскими, но княжеский контроль над восточной окраиной был неполным: летом 1084 г. после сожжения степняками посульского г. Горошина князь гнали их только за Хорол. В 1095 г. направлявшиеся в Переяславль ханы Итларь и Китан оставили свои вежи за р. Голтавом-Голтвой (приток Псла), а в 1107 г. степняки остановились непосредственно напротив Лубена, затем князь вновь гнали их до Хорола. Возможно, это позволило отодвинуть контролируемую Русью территорию: в походе 1111 г. на Хороле войска оставили ненужные весной сани, затем устроили стоянку на Голтве²⁹. Не исключено, что оба пункта были укреплены, тем не менее, похоже, что междуречье Сулы и Ворсклы вплоть до

середины – второй половины XII в. оставалось контактной («буферной») зоной между кочевым и оседлым мирами³⁰.

В литературе обозначены два одинаково оспариваемых гипотетических варианта времени оформления территориальной и владельческой принадлежности Переяславской земли.

Первый вариант связан с Владимиром Святославичем: в начале его правления были разорены или заброшены племенные крепости-убежища. Перед 1015 г., вероятно, через Курск (в обход вятичских лесов) в Киеве оказался ростовский князь Борис. Согласно сведениям о произошедшем или готовившемся набеге печенегов, по наказу Владимира и во главе отцовских войск Борис выступил в поход на печенегов, но не нашел степняков³¹. Н. Н. Коринный предположил, что любимому сыну были переданы в управление переяславские земли³². Действительно, придание Борису великокняжеской дружины могло означать наделение его полномочиями по охране этой территории. Это ущемляло интересы старших братьев, поскольку грозило разделом «Русской земли». По возвращении Борис на Льто, в однодневном переходе от Киева, распустил отцовскую дружину, возможно, ожидая от Святополка подтверждения неоформленного отцом владельческого акта.

Эти события отражены во многих списках ПВЛ, а восходящие к их канве Жития более поздние и содержат разночтения³³. К примеру, в несторových «Чтениях о святых мучениках Борисе и Глебе» указано, что Борис, «оумиривъ грады вся, възвратися вспять»³⁴. Тем не менее житийное уточнение о бунте северянских городов приняло множество ученых. Более того, Н. Н. Коринный предположил, что восстание городов поддержали печенеги. Несмотря на невероятность пусть и временного союза заклятых врагов, эта идея также нашла последователей. Впрочем, ни автору «Чтений» в 70-е годы XI в., ни ученым 40–90-х годов XX в. не было известно о том, что северянские «города» были разорены 20–30 годами ранее³⁵. Тем не менее житийный вариант мог содержать отзвук каких-то волнений на Левобережье.

³⁰ Моргунов Ю. Ю. Посульская граница... С. 39, 40.

³¹ Лавр. С. 130–134.

³² Коринный Н. Н. Переяславская земля, X – первая половина XIII века / отв. ред. Ф. П. Шевченко. Киев: Наукова думка, 1992. С. 53.

³³ Шахматов А. А. Указ. соч. С. 33, 35, 73, 75, 416, 417.

³⁴ Чтения о святых мучениках Борисе и Глебе // Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / подг. к печати Д. И. Абрамович. Пг., 1916. С. 8.

³⁵ Коринный Н. Н. Указ. соч. С. 54; Моргунов Ю. Ю. О начале «окняжения» Русью юго-западной окраины племенной территории летописных северян // Переяславка. Наукові записки Національного історико-етнографічного заповідника «Переяслав»: збірник наукових статей. Вип. 5 (7). Переяслав-Хмельницький, 2011. С. 267.

²⁸ Моргунов Ю. Ю. Посульская граница... С. 37, 63, 65, 66.

²⁹ Лавр. С. 228, 248, 249, 282; Ипат. С. 266.

К 1015 г. из тринадцати сыновей Владимира старшим остался туровский князь Святополк. Согласно хронике Титмара Мерзебургского, он был заточен отцом по подозрению в заговоре в связи с походом на Русь его тестя, польского князя Болеслава Храброго и печенегов: в 1013 г. Болеслав «разорил большую часть этой страны»³⁶. Следующий сын, новгородский князь Ярослав, в 1015 г. отказался выплачивать Киеву ежегодные отчисления, и Владимир начал готовить поход на Новгород. Почти одновременное возмущение старших сыновей породило гипотезу о желании Владимира передать Борису верховную власть³⁷. Вероятно, это имела в виду сопровождавшая Бориса княжеская дружина, пожелавшая вести его на Киев. Гипотеза отчасти подтверждается свидетельством Титмара, писавшего, что Владимир умер, «оставив все свое наследство двум сыновьям, тогда как третий до тех пор находился в темнице»³⁸. То есть изначально наследниками считались Ярослав и Борис (другие братья не претендовали на киевский стол). Вокняжение Бориса в обход старших братьев могло привести к войне, но и сам Владимир для вокняжения в Киеве убил Ярополка, что инициировало всплеск печенежских набегов. Тем временем мятежный Святополк занял киевский стол, а Борис в ответ на предложение отцовской дружины занять столицу юридически точно ответил: «Не буди мнѣ възнати руки на брата своего старѣишаго, аще [и] отець ми оумре, то съ буди въ отца мѣсто»³⁹.

Таким образом, первый вариант альтернативен, хотя нежелание «поднять руку на старшего брата», похоже, более указывает на отказ Бориса отбить у мятежного Святополка Киев. К этой версии склоняет и его убийство.

Согласно другой версии, выделение Переяславской земли-княжения произошло прежде летописной даты «завещания» Ярослава⁴⁰. Точная датировка этого акта вряд ли может быть установленной, но можно попытаться прикинуть время, когда в этом возникла наибольшая необходимость. Как известно, выдвижение южнорусских пределов на Левобережье было обозначено Владимиром Святославичем с целью защиты столицы и всего поселенческого ядра Южной Руси от печенежских набегов. На протяжении

княжения Ярослава Русь не ожидала опасности со стороны степей, но великому князю, вероятно, было известно о приближении новой степной угрозы.

Еще в 30-е гг. XI в. передовые половецкие орды выдвинулись в Нижнее Поволжье и оттеснили торков. Согласно сообщению армянской летописи Матвея Эдесского, в 1050/51 гг. монгольское объединение «народа змей» разгромило оставшихся половцев и вытеснило их в причерноморские степи, что послужило причиной мощной подвижки кочевых масс в Европу⁴¹. Приближение новой волны степных вторжений требовало возобновления укрепительных мероприятий на степном пограничье под началом собственного князя. Действительно, после смерти Ярослава к Воиню подошли торки, подпираемые половецкими силами; за ними «на мир» к Переяславлю подоспели и половцы⁴². По аналогии с тактикой печенегов, этот «приход» демонстрировал возвращение степного обычая заключать миры почти с каждым новым князем, а в дальнейшем грозило возобновлением набегов.

Поэтому трудно не согласиться с моими предшественниками в том, что окончательное выделение Переяславской земли состоялось за несколько лет до новой волны вторжений.

Думается, что за условную точку отсчета в оформлении нового административно-территориального образования можно принять 1050/51 г., с которого начались подвижки ближайшей к Руси массы воинственных соседей. И вновь лесостепное Левобережье стало сферой жизненно важных оборонительных интересов Киева, на реализации которых позже испытывались кандидаты на великое княжение. За симптом значимости новых внешне-политических реалий можно принять сохранение за Киевом дополнительно закрывшей важнейшие броды левобережной лесной полосы, защищенной укреплениями Городца, Лыто и Сакова.

Исследователи по-разному оценивали причины отложения Переяславской земли в самостоятельное княжение. Одних волновало несколько надуманное этническое отличие обитателей лесостепного Левобережья от киевских полян и черниговцев. Других интересовали политические мотивы в виде борьбы за гегемонию в «Русской земле», вопросы торговой доходности из-за близости к южным рынкам, а также политические тенденции то киевского, то переяславского боярства, защищавших свои корпоративные интересы. Не осталась без внимания и борьба крупных феодальных центров, которые были «организаторами территориальных единиц»⁴³.

⁴¹ Расовский Д. А. Половцы, II. Расселение половцев // SK. T. VIII. Praha, 1936. С. 178–180.

⁴² Лавр. С. 162.

⁴³ Подробнее см.: Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). СПб., 2002. С. 211–214.

³⁶ Назаренко А. В. Титмар Мерзебургский. Хроника // Немецкие латиноязычные источники IX–XI в. Древнейшие источники по истории Восточной Европы. М., 1993. С. 139, 141, 151.

³⁷ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории // Княжое право в Древней Руси: лекции по русской истории. М., 1993. С. 354; Лихачев Д. С. Указ. соч. С. 336.

³⁸ Назаренко А. В. Титмар Мерзебургский. Хроника. С. 141.

³⁹ Лавр. С. 132.

⁴⁰ Коринный Н. Н. Указ. соч. С. 55; Толочко П. П. Переяславське князівство // Давня історія України. Т. 3: Слов'яно-руська доба. Київ, 2000. С. 355.

Если же обратить внимание на стабильную роль лесостепного Левобережья в разрешении внешнеполитических проблем, образованию самостоятельного Переяславского княжества наиболее способствовал оборонительный фактор – организация отпора вторжениям кочевников. В этом был заинтересован и Киев, и Чернигов: не даром более активные переяславские правители уходили на киевское княжение. А сохранение определенной

политической зависимости Переяславля от Киева часто оборачивалось военной помощью и контролем над осуществлением этих мер. Поэтому с появлением половецкой опасности в первую очередь началось создание защитной линии по высоким берегам Сулы, а «восточные территории» постепенно превращались в своеобразную и, видимо, менее населенную «буферную зону» между оседлым и кочевым расселением.

Summary

Y. Y. Morgunov

The Emergence of the Territory of the Pereyaslavl Princedom

The emergence of the territory of the Pereyaslavl Lands and princedom under Vladimir Svyatoslavich proceeded in two ways. Firstly the east-bank area, bordered by the courses of the Dnieper and Trubezh Rivers and by the lower reaches of the Dnieper and Oster was gradually being settled, as Kiev spread. This process was accelerated by a series of Pecheneg incursions. In order to ensure the security of the hub of the Kiev territory, it proved necessary to move back the south-eastern borders of Rus and to strengthen them with lines of extensive walls and fortresses.

The second step was to complete means of achieving this goal was to complete the state's occupation of the territory of the Northerners referred to in the chronicles. This was done by destroying tribal fortress-refuges,

taking away the power enjoyed by the élite of warriors and priest and moving settlers from the northern regions of Rus south. Places where settlers were concentrated in the lower reaches of the Dnieper turned into extensive open villages, where Russian ethnic groups were gradually uniting.

Under Yaroslav the Wise, after the Pecheneg incursions and the feudal conflicts on the west bank of the Dnieper had come to an end, the evolution of a settlement structure on the east bank of the Dnieper virtually ceased. As the Polovtsian threat drew near, however, this again made it necessary to protect the settled lands and when Yaroslav's lands were "shared out", the Pereyaslavl princedom appeared, which was to provide an obstacle in the path of the nomads.

Часть III

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Нательный крест: эволюция иконографии (VI–X вв.)

В декабре 2015 г. мы отмечаем шестидесятилетний юбилей выдающегося ученого и организатора науки – академика Николая Андреевича Макарова. В сферу его научных интересов входят археология и история средневековой Руси, средневековое сельское расселение, финские древности, колонизация Европейского Севера. Кроме того, научные интересы ученого распространяются на христианские древности. Анализ этого явления, равно как и христианской культовой пластики, в частности нательных крестов, отводится существенное место в трудах Н. А. Макарова¹.

Когда я получил приглашение принять участие в юбилейном сборнике, мне показалось, что юбиляру могут быть небезынтересны некоторые соображения, связанные с проблемой иконографии крестов-тельников, одного из значимых символов христианства.

Отношения к кресту как воспоминание о Христе и его искупительной жертве среди христиан было всегда трепетным и благоговейным². Отсутствие изображений креста в раннем христианстве объясняется существующей в Римской империи традицией крестной смерти как самого позорного и возмутительного вида наказания³. «Надо было пройти многому времени, чтобы изображение распятого

Христа, независимо от своего религиозного значения, сделалось открытым символом христианства и заняло видное место в церковном искусстве; нужно было, чтобы впечатление недавнего подавляющего события сгладились настолько, чтобы образ последнего уже не возбуждал того тяжелого чувства, каким он сопровождался в непосредственном сознании первохристиан»⁴.

Последующая победа христианства над язычеством привела в конечном итоге к тому, что начиная со второй половины IV–V вв. изображение креста встречается уже повсеместно⁵.

Следует отметить, что многообразие видов креста поражает. Достаточно сказать, что специалисты выделяют от 10⁶ до 24⁷ принципиально отличающихся типов, имеющих к тому же свои названия. Изображения же настоящего неприкровенного креста сводятся к трем основным видам. Древнейший из них – трехконечный крест в виде греческой буквы «Т» (Tau). Именно такой формы были кресты Римской империи, используемые в качестве орудий казни⁸. К V в. распространяются два вида четырехконечного креста: «греческий», у которого поперечные лопасти равны вертикальным, и «латинский», у которого вертикальная балка длиннее горизонтальной⁹. Наконец к VI в. символика христианского креста подошла к изображению распятия, нашед-

¹ См., например: Макаров Н. А. К оценке христианизации древнерусской деревни в XI–XII вв. (Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья) // Славяно-русские древности: краткие сообщения Института археологии. Вып. 205. М.: Наука, 1991; Его же. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. М.: Скрипторий, 1997; Его же. Кресты-тельники из раскопок средневековых селищ и проблема христианизации северорусской деревни // Исторические записки. М.: Наука, 2004. Вып. 7 (125).

² Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии и литургике. СПб.: Изд-во САГИСЪ, 1995. С. 215.

³ Там же. С. 217.

⁴ Там же. С. 217.

⁵ Настольная книга священнослужителя. Т. 4. М.: Изд-во Московской Патриархии, 1983. С. 727.

⁶ Benson G. W. The Cross: Its History Symbolism. New York, 1976. P. 15–81.

⁷ Dunkler E. Kreuz // Lexikon der Christlichen Ikonographie. Zweiter Band. Rom; Freiburg; Basel; Wien, 1994. S. 570.

⁸ Настольная книга ... С. 727.

⁹ Там же. С. 788.

шего завершение в формировании восьмиконечного креста, ставшего наиболее распространенным в Русской православной церкви¹⁰.

Появление нательного креста, по-видимому, связано с его охранительной функцией, о чем свидетельствуют обычаи древних христиан изображать малые кресты на частях своего тела и преимущественно на челе¹¹. Вместе с тем мне уже приходилось отмечать¹², что в христианстве идея терпеливого перенесения жизненных тягот связана с идеей несения креста, думается, не следует исключать и буквальное понимание изречения из Нового Завета: «Кто хочет идти за Мной, отвергни себя, и возьми Крест свой, и следуй за мной»¹³.

Появлению наиболее ранних крестов-тельников, по-видимому, предшествуют нашивные кресты, семантический смысл которых продолжает идею нанесения креста на тело. Находки этих предметов в археологических комплексах относятся к VI в.¹⁴

В Европе кресты-тельники появляются в связи с распространением христианства, охватывающего, в том числе, Азию и Африку. Полный инвентарь «миссионерского снаряжения», куда входят и два креста, приводится в сказочном Житии Панкратия Тавроменийского: «Апостол Петр дал им весь церковный чин, две книги божественных таинств, два Евангелия, два Апостола, которые проповедовал блаженный апостол Павел, два серебряных дискотатора, два креста... и украшение церкви, то есть образ Господа нашего Иисуса Христа...»¹⁵. О привнесении миссионерами нательных крестов свидетельствует их использование в дохристианских захоронениях, когда крестики носили в качестве украшений, вероятно, уже веря в их магическую силу¹⁶.

¹⁰ Там же. С. 728.

¹¹ Голубцов А. П. Из чтений по церковной археологии... С. 240.

¹² Молодин В. И. Крест как архетип и одно из его символических проявлений в христианстве // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении. Западная Сибирь и сопредельные территории: материалы XII Западносибирской археолого-этнографической конференции. Томск: Из-во ТГУ, 2001. С. 244–246.

¹³ Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Мк. 8, 34. М.: Международный издательский центр православной литературы, 1995. С. 1066.

¹⁴ См. напр.: Koch V. Beobachtungen zur frühen christentum au den fränkischen Gräberfeldern von Bargen und Berghausen in Nordlanden // Archäologischer Korrespondenzblatt. Urgeschichte. Rünierzeit. Frühmittelalter. Mainz am Rhein, 1974. S. 259–260; Kiss A. Beiträge zur Verbreitung frühmittelaltlicher Fobienkrenze im Kurpatenbecken // Archäologischer Korrespondenzblatt. Urgeschichte. Rünierzeit. Frühmittelalter. Mainz, 1987. S. 235–241.

¹⁵ Шевченко И. Оснащение византийского миссионера по Житию Панкратия // Palaeoslavica. Vol. 7. 1999. С. 319.

¹⁶ Кузнецова А. М. Миссии латинской церкви: опыт христианского Запада. Центральная и Юго-Восточная Европа на рубеже второго тысячелетия // Христианство в странах Восточной, Юго-Восточной и Центральной Европы в конце второго тысячелетия. М.: Прут, 2002. С. 54.

Наиболее ранние кресты-тельники, известные в Европе, относятся к VI–VIII вв. Наличие специальных отверстий или дужек для ношения изделий на шее отличает их от находящихся в то время в ходу крестовидных фибул, нашивных крестов, энколпионов и других христианских оберегов, встречающихся в археологических комплексах еще конца VI и даже IX в. включительно¹⁷.

Уже первоначальный анализ эволюции нательных крестов позволил автору этих строк ставить вопрос о двух линиях развития этих изделий¹⁸. Последующее же обращение к анализу наиболее ранних образцов позволило говорить о еще более сложной ситуации, имевшей место в начальной стадии эволюции этих предметов¹⁹. Все это побудило еще раз обратиться к анализу эволюции иконографии крестов-тельников начиная с момента их появления.

Итак, к VI в. в настоящее время можно уверенно относить три крестика. Два происходят из Причерноморья, где, по данным Л. Г. Хрушковой, уже в IV в. возникла первая христианская община в Питаунте²⁰. Находка еще одного креста связана с Византией (условно обозначим их как изделия трех разных видов).

Золотой крестик из Цебельды²¹ (вид 1) имеет форму «латинского» креста. Лопастей его слегка расширяются к оконечностям, при этом их торцы вогнуты вовнутрь (рис. 1: 1). Вертикальные лопасти несколько длиннее, чем горизонтальные. В центре средокрестия помещена вставка из бесцветной стеклянной пасты. В верхней части вертикальный лопастей прикреплена дужка для ношения креста. Также к VI в. относится крестик из Хашуиса (Восточное Причерноморье)²² (вид 2) (рис. 1: 2). Форма этого серебряного креста «греческая». Лопастей его равновеликие, они слегка расширяются к оконечностям, которые дугообразно выпуклы. Средокрестие выделено рельефной окружностью. Верхнюю лопасть венчает рельефная дужка для ношения креста.

Бронзовый византийский крест из коллекции Dumbarton Oaks (вид 3) также имеет форму

¹⁷ Куликов В. И., Валуев А. А. Европейские универсальные обереги VII–IX веков // КСИА. № 212. М.: Наука, 2001. С. 17–23.

¹⁸ Молодин В. И. Европейские кресты-тельники // Ставрографический сборник. Кн. 3: Крест как личная святость. М., 2005. С. 87–89.

¹⁹ Молодин В. И. Ранние формы крестов-тельников и их линии развития // Сибирь на перекрестке мировых религий: материалы V межрегиональной научно-практической конференции. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. С. 292–295.

²⁰ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII). М.: Наука, 2002. С. 54.

²¹ Там же. С. 327–330.

²² Там же. С. 185–188.

«греческого»²³ (рис. 1: 3). У него равновеликие лопасти, резко расширяющиеся от средокрестия к оконечностям. В центре средокрестия помещена небольшая окружность с точкой. На верхней лопасти имеется дужка для ношения.

Все эти наиболее ранние виды нательных крестов сближает особое выделение средокрестия, что может символизировать образ Спасителя. Следует констатировать также, что обе формы креста – и «римская» и «греческая» – появляются одновременно.

Интересно отметить, что эти наиболее ранние формы крестов получили во времени очень слабое развитие и до X в. встречаются по сути лишь единично. Первый вид изделий вообще не получает развития. Крестики второго вида, при этом сильно измененные, эпизодически встречаются в X в. В качестве примера можно привести изделия из Каситлеса (рис. 1: 4) (Скандинавия)²⁴. Эти крестики изготовлены из тонкой бронзовой пластины. В основе форма «греческого» креста. Лопасти резко расширяются от средокрестия. Их оконечности закруглены таким образом, что образуют при условном продлении как бы правильную окружность. Лицевая сторона по периметру украшена цепочкой окружностей, выполненной пунсонной техникой. В центре средокрестия аналогичным образом нанесен миниатюрный крестик. Следует сказать, что, проявившись в Скандинавии в X в. довольно представительной серией²⁵, они не получают дальнейшего распространения во времени.

Сходную динамику демонстрируют изделия третьего вида. Его проявление мы находим в VII в., однако впоследствии изделия этого вида находят весьма заметное проявление лишь в X – XI вв.

Бронзовый нательный крестик третьего вида обнаружен в надежно датированном комплексе VII в. погребения № 258 могильника Лауххайм (Lauchheim) в южной Германии²⁶ (рис. 1: 5). Лопасти креста одинаковы по величине и резко расширяются от средокрестия, имеющего ромбовидную форму. Край креста по периметру оконтурен жгутовидным валиком. В центре средокрестия имеется круглое сквозное отверстие, обрамленное окружностью.

На протяжении более двух столетий мы не наблюдаем проявления этого вида изделий, однако в X–XI вв. появляются образцы достаточно специ-

фической формы, истоки которой уходят к выше охарактеризованным изделиям (третьего вида). Помимо Скандинавии²⁷ такие крестики бытовали в северной и центральной части Восточной Европы, где и именуется «скандинавскими»²⁸. В качестве типичного образца подобного рода изделий приведем крестик из Меллемхольма²⁹ (рис. 1: 6). Крест построен по модели «греческого». Средокрестие ромбовидное. Лопасти резко расширяются к оконечностям, образуя трилистник. Центр средокрестия украшен с лицевой и оборотной стороны гравировкой «греческого» креста, лопасти дополнительно орнаментированы гравированными линиями.

На рубеже VI–VII вв. зарождается еще один, четвертый вид крестов-тельников. Его происхождение принято связывать с Византийской империей. При этом отчетливо выделяется два подвида таких крестов – 4А и 4Б. Образцом изделия вида 4А можно считать предмет, опубликованный В. Неуссом³⁰ (рис. 1: 7). Форма креста построена по модели «латинского». Лопасти резко расширяются от средокрестия. Их оконечности увенчаны правильными окружностями, в которые, в свою очередь, вписаны концентрические круги. Аналогично оформлено средокрестие (известны случаи, когда средокрестие у таких крестов показано в виде «греческого» креста, покрытого эмалью)³¹.

Кресты вида 4А встречаются в VII–VIII вв. в Восточной Европе. Типичным образцом таких изделий является крест из могильника Озора-Тотакуста «II среднеаварского периода»³² (рис. 1: 8). Его отличает своеобразное средокрестие, выполненное в виде еще одного креста с окружностью в центре, с лопастями в виде «сердцевидной» формы пальметок.

Следует особо отметить, что изделия вида 4А встречены в Скандинавии даже в XI в.³³

Второй подвид (4Б) данной серии составляют кресты, форма которых абсолютно аналогична выше охарактеризованным. Они также появляются в VI–VII вв. Вместе с тем существенным их отличием является размещение на всей центральной лицевой поверхности изображения распятого Спасителя, в длиннополой складчатой одежде, с переданными чертами лица и развернутыми кистями рук, явно

²⁷ Staecker J. *Rex regum et dominus ...* S. 108–110.

²⁸ Фехнер М. В. Крестовидные привески «скандинавского» типа // *Славяне и Русь*. М.: Наука, 1968. С. 210–214.

²⁹ Staecker J. *Rex regum et dominus ...* S. 418–419.

³⁰ Neuss W. *Die Kunst der alten Christen. Von heiligen Kunst. Augsburg*, 1926. Abb. 161.

³¹ Ross M. *Catalogue of the Byzantine ...* Fig. 10 b.

³² Гавритухин И. О. Хронология «среднеаварского» периода // *Степи Европы в эпоху Средневековья. Хазарское время*. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2001. Т. 2. С. 124. Рис. 20–49.

³³ Staecker J. *Rex regum et dominus ...* S. 485; Lindahl F. *ET maerkvaerdigt bronzekrucifiks fru Vestlolland* // *Nationalmuseets Arbejdsmark*, 1966. Fig. 8.

²³ Ross M. C. *Catalogue of the Byzantine and Early Medieval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. Vol. 2: Jewellery, Enamels and Art of the Migration Period. The Dumbarton Oaks Center for Byzantine Stud. Washington*, 1965. Fig 8, 3A.

²⁴ Staecker J. *Rex regum et dominus dominorum. Die wikingzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden. Stockholm*, 1999. S. 91–96.

²⁵ Там же.

²⁶ Stork J. *Neues vom Gräberfeld Lauchheim, Ostalbkreis* // *Archäologische Ausgrabungen in Baden-Württemberg*, 1988. Stuttgart, 1989. S. 215–217. Abb. 163, 164.

демонстрирующими распятие³⁴ (рис. 1: 9). Еще одним существенным дополнением креста вида 4Б является размещение в окружностях, завершающих оконечности креста, ликов апостолов.

Кресты данного подвида 4Б продолжают существование в VIII–X вв., о чем ярко свидетельствует золотой крестик из коллекций Британского музея³⁵ (рис. 1: 10). Его форма и иконография сопоставимы с охарактеризованным выше крестом VI–VII вв. В центре креста помещено изображение распятого Иисуса, также реалистично переданы черты лица Спасителя, развернутые кисти рук и длиннополая складчатая одежда. В четырех завершающих лопасти круглых пальметках показаны лики апостолов в римских одеждах.

Таким образом, по-видимому, можно сделать вывод, что изделия четвертого вида являются характерными для ранней стадии христианства и после X в. уже не изготавливались.

На рубеже VI–VII вв. зарождается еще один вид крестов-тельников (обозначим его как вид 5), ставший одним из доминирующих вплоть до современности. Центральным персонажем этих изделий становится фигура распятого Спасителя. Типичным образцом такого предмета является крест из Севастополиса³⁶ (рис. 1: 11). Перед нами крест, выполненный в «греческой» манере. Всю лицевую поверхность его занимает фигура распятого Иисуса. Особое внимание сконцентрировано на передаче черт лица и развернутых кистей рук. Спаситель облачен в длиннополую одежду с рельефно переданными складками. По терминологии Л. Г. Хрушковой, Христос передан в «архаичном иконографическом типе»³⁷. В аналогичной манере выполнен нательный крест из Лахны³⁸ (рис. 1: 12). По своей форме он приближается к «латинскому» кресту, нижняя его лопасть наибольшая, горизонтальные перекладины несколько смещены вверх. Лопасти креста слегка расширяются к оконечностям и закруглены. Изделие по периметру оконтурено толстым рельефным валиком. Всю поверхность креста занимает фигура распятого Спасителя. Так же, как и на кресте из Севастополиса, мастер особо подчеркнул лицо, развернутые кисти рук, длиннополую складчатую одежду в виде тоги.

³⁴ Werner J. Zwei byzantinische Pektoralkreuze aus Ägypten // Сб. статей по археологии и византиноведению Института имени Н. П. Кондакова. VIII. Praga, 1936. S. 183. Taf. 5.1.

³⁵ Hausscherr R. Das Imervardkreuz und der Volto-Santo-Typ // Zeitschrift für Kunstwissenschaft. Bd. XVI. Berlin, 1962. S. 157.

³⁶ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... С. 203.

³⁷ Хрушкова Л. Г. Материалы по мелкой пластике Абхазии // Материалы по археологии Абхазии. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 62–74.

³⁸ Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья... Табл. LXXX-1.

В аналогичной манере трактовались кресты данного вида в VII в. В качестве примера можно привести бронзовый нательный крестик из Смирны (Турция)³⁹ (рис. 1–13). Его лопасти почти равновелики (кроме верхней вертикальной). Они слегка расширяются к средокрестию и закруглены. Реалистично переданная фигура распятого Спасителя так же занимает всю лицевую сторону креста. Так же подчеркнуты черты лица, кисти рук и складчатая одежда. Новацией является помещение над изголовьем Иисуса четырехконечного «греческого» крестика.

Изделия пятого вида продолжают бытовать в VII–VIII вв. Замечательным образцом такого произведения является крестик из г. Майнца (Германия)⁴⁰ (рис. 1: 14). Крест отлит из свинца. Его лопасти едва уловимо расширяются к оконечностям. Вертикальные перекладины несколько длиннее горизонтальных. Лицевая сторона оконтурена по периметру тонким рельефным валиком. Всю поверхность креста занимает фигура Спасителя. Надо сказать, что она показана более реалистично, чем на ранних крестиках. Тщательно проработано лицо Иисуса, отчетливо читается прическа (расчесанные на пробор длинные волосы), большие глаза, короткая борода и усы. Голова слегка наклонена по отношению к туловищу. Руки несколько согнуты в локтях. Так же реалистично переданы ладони с открытой пятерней. Стопы ног слегка расставлены. Иисус одет в длинную, свободного края тунику, расшитую узором в виде елочного орнамента. В оглавии креста, над головой Спасителя, помещена дощечка с надписью *ix̄in?* (далее не читаемо), что означает «Иисус Христос из Назарета», а над ней рельефные окружности, символизирующие Солнце и Луну.

Оборотная сторона креста также украшена по периметру рельефным валиком. Всю свободную площадь занимает фигура с распростертыми в стороны и приподнятыми в локтях руками. По мнению автора публикации Л. Линденшмита, это изображение Святого Духа⁴¹. Реалистично показаны волнистые волосы, глаза и нос. Особенно тщательно передана складчатая одежда в виде подпоясанной туники. В оглавии креста, над головой Иисуса выпуклым рельефом передана рука Божья.

Яркое продолжение пятого варианта крестов-тельников происходит в IX в. Академик В. В. Седов называл такие предметы из Моравии крестами с

³⁹ Wulf O. Altchristliche und mittelalterliche byzantinische und italienische Bildwerke. Teil. 1: Alteristische Bildwerke. Berlin, 1909. Taf. 45–935.

⁴⁰ Lindenschmit L. Die Vermehrung der vereinigten Sammlungen der Stadt und des Altertumsvereins aus dem Zeitraum von Mitte des Jahres 1904 bis Ende des Jahres 1905 // Mainzer Zeitschrift. Jahrband 1. 1906. Mainz, 1906. S. 73. Abb. 8a, 8b.

⁴¹ Там же.

грубым изображением распятого Христа⁴². С моей точки зрения, налицо продолжение традиции данного вида изделия, уходящей в VI в. При этом отдельные образцы даже не демонстрируют какой-то эволюции в иконографии, а как бы возвращают нас в VI век! В качестве примера уместно привести крестик из Микульчице (Великая Моравия)⁴³ (рис. 1:15). Пропорции его аналогичны вышеописанным образцам. Абсолютно все свободное пространство лицевой части креста занимает фигура Иисуса, переданная в предельно условной манере. Все внимание мастера сосредоточено на передаче лика и ладоней, которые полностью занимают соответственно вертикальные и горизонтальные лопасти. Одежда предельно стилизована – это длинная до пят туника, орнаментированная в нижней части.

В несколько иной манере, как бы продолжая традицию, ярко фиксируемую на крестике этого вида VII–VIII вв. из Майнца (рис. 1: 14), выполнен серебряный крестик из Микульчице. Правда, на нем образ Спасителя передан более стилизованно⁴⁴ (рис. 1–16). Лопасти креста слегка сужаются к средокрестию, при этом горизонтальные перекладины несколько короче вертикальных. Лицевая сторона также по периметру оконтурена рельефным валиком. Всю лицевую поверхность креста занимает фигура распятого Иисуса. Фигура, как и лик, переданы предельно схематично. Особо подчеркнуты круглые глаза. Спаситель одет в тунику до пят, передняя часть которой орнаментирована елочным узором, отороченным широким рельефным кантом. На запястьях Иисуса показаны массивные гвозди, на других образцах пятого вида изделий – только подразумевающиеся. В оглавлении креста, над головой Распятого, доска с буквой X (Христос) в центре. Вероятно, мастер не вполне понимал смысл знаков на доске, поэтому на литейной форме они заменены рельефными валиками. То же самое можно сказать и о солярном и лунарном символах над доской, которые показаны условно, в виде небольших бугорков.

В X–XI вв. центральноевропейская традиция изготовления крестов⁴⁵, обозначенных мною как вариант 5, особенно яркое проявление находит в Скандинавии⁴⁶. Надо сказать, что, несмотря на жесткое соблюдение канонов, практически каждый крестик с Распятием представляет своеобразное произведение декоративно-прикладного искусства.

⁴² Седов В. В. Об одной группе древнерусских крестов // Древности славян и Руси. М.: Наука, 1988. С. 547. Рис. 117.

⁴³ Poulik J. Mikulčice. Sidlo a pevnost knížat velkomoravských. Praha, 1975. Tabl. 73–3.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 547.

⁴⁶ Staecker J. Rex regum et dominus ...

В рамках настоящей статьи уместно ограничиться лишь несколькими примерами крестиков из Центральной Европы и Скандинавии. В практически неизменной форме традиция активно продолжается в XI в.

Итак, к числу достаточно оригинальных образцов варианта 5, относящихся к X–XI вв., принадлежит тельник из Тулструпа⁴⁷ (рис. 1: 17). Крест построен по типичной для данного варианта модели. Всю поверхность его лицевой стороны занимает схематично переданная фигура распятого Спасителя. Руки показаны в виде прямых планок. Кисти рук мастер не демонстрирует, что отличает этот образец от прочих. Также схематично показана короткая туника. Голова Иисуса выполнена без демонстрации черт лица, зато особо подчеркнут нимб над головой Спасителя.

Еще более оригинальным образцом крестов варианта 5 является крестик из Ольденбурга⁴⁸ (рис. 1: 18). Фигура распятого Спасителя передана предельно схематично. При этом крест как бы воплощен в саму фигуру распятого Иисуса. Вместе с тем при всей условности передачи тела – подтреугольной головы, конечностей и кистей рук, позволяющих видеть в этом изделии X–XI в. образец современного модернистского искусства, – переданный образ Спасителя трагичен и узнаваем.

В качестве типичного образца, характерного для X–XI вв., приведем серебряный крестик из Швеции⁴⁹ (рис. 1: 19). Форма его вполне стандартна для варианта 5. Лицевая сторона оконтурена рельефным валиком. Фигура распятого Спасителя занимает всю площадь креста и передана выпуклым рельефом. Непропорционально показаны длинные руки с гвоздями в кистях. На Иисусе надета набедренная повязка. Голова Спасителя с проработанными чертами лица и длинными волосами наклонена вбок. Над головой – рука Божья. Еще одной деталью является рельефно переданный под ногами Иисуса небольшой круглый бугорок, символизирующий гвоздь в ногах. Охарактеризованный крест отличается от типичных для Скандинавии образцов с так называемым «грубым» изображением Иисуса и, несомненно, тяготеет к традиции изображения Спасителя на нательных крестах, имеющей место в Центральной Европе.

Таким образом, пятый вариант крестов оказывается наиболее популярным среди ранних крестов-тельников VI–X вв. Более того, испытывая сти-

⁴⁷ Там же. С. 428.

⁴⁸ Gabriel I. Hof – und Sakralkultur sowie Gebrauchs – und Handesgut im Spiegel der Kleinfunde von Starigard // Oldenburg. Wolin-Staraja Ladoga – Novgorod – Kiev. Handel und Handelsver – Bindungen im südlichen und östlichen Ostseeraum während des frühen Mittelalters [Konvergenz Kiev]. RGK 69. Berlin, 1988. Abb. 16.6.

⁴⁹ Staecker J. Rexregutn et dominus ... S. 519.

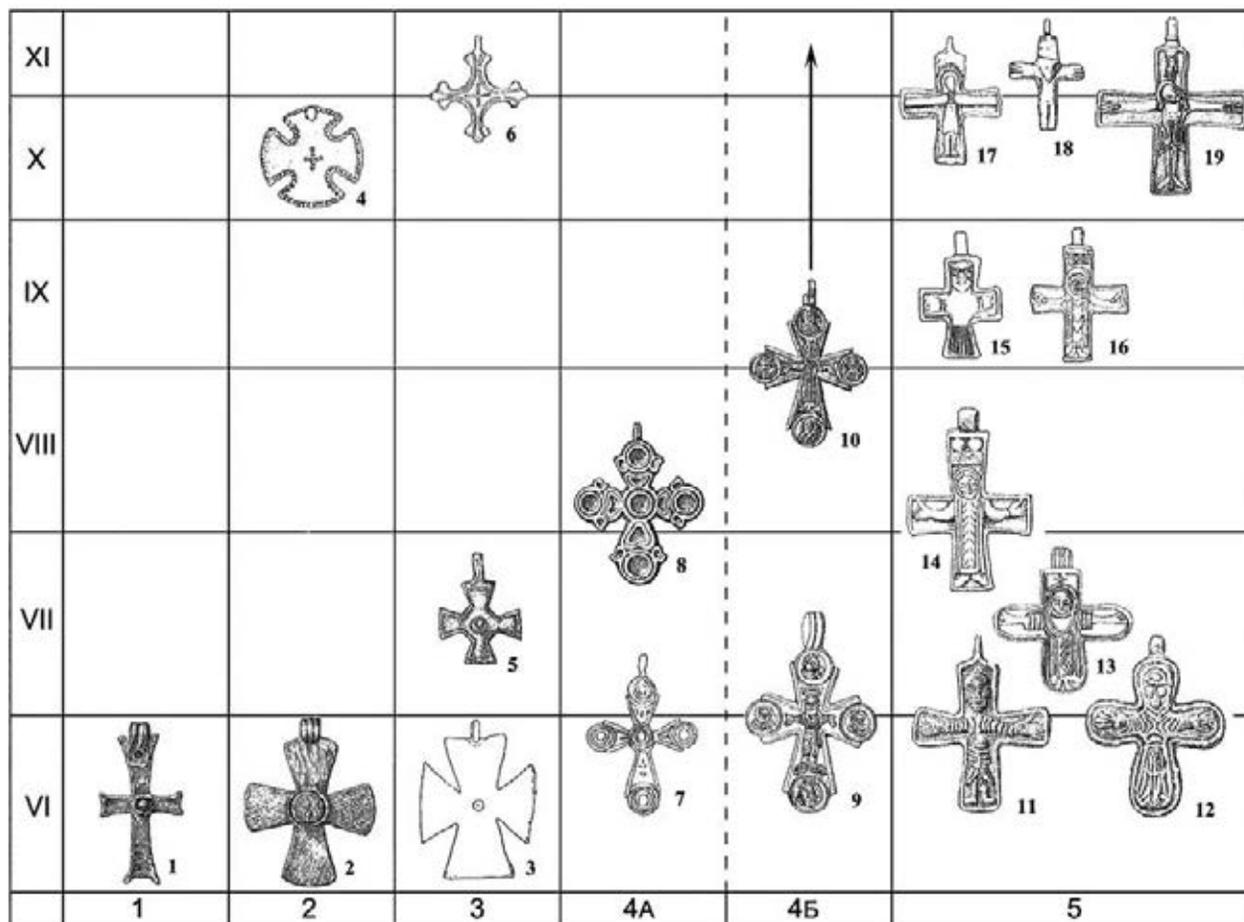

Рис. 1. Схема основных видов крестов-тельников и их изменение с VI по X в.

листоческие изменения во времени⁵⁰, данный вид существует в Европе вплоть до современности. Кресты-тельники с изображением распятого Иисуса находят проявление даже на православном нательном кресте Нового времени⁵¹. Напомним, что с момента появления крестов-тельников на Руси (X в.) данная традиция (кресты пятого вида) не была характерна для православной пластики⁵².

Таковы основные виды крестов-тельников и их эволюция во времени, фиксируемая с момента их появления в VI в. до X столетия.

Разумеется, следует иметь в виду, что в этот период в Европе появлялись и другие их виды, которые

не вписываются в предлагаемую схему. К их числу относятся, например, каменные кресты-тельники VII в. из Саксонского монастыря (Англия)⁵³, серебряный крест из Пфальхайма (Германия)⁵⁴ или бронзовые кресты X в. с проявлением северных, языческих атрибутов из Скандинавии⁵⁵, однако все эти и другие разновидности не получили дальнейшего развития.

Таким образом, в основе креста-тельника мы фиксируем по существу две исходные формы – «греческую» и «латинскую», – которые возникают параллельно в VI в. Что же касается трехконечных тельников в виде буквы «Т», то они вообще встречаются очень редко. Мне известен такой крест, относящийся

⁵⁰ См.: Молодин В. И. Европейские кресты-тельники ...

⁵¹ Молодин В. И. Кресты-тельники с изображением распятого Иисуса в Илимской коллекции // Теория и практика археологических исследований. Вып. 1. Барнаул: Изд-во АГУ, 2005. С. 148–153.

⁵² Николаева Т. В., Недошивина Н. Г. Предметы христианского культа // Археология. Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 173.

⁵³ Peers C., Redford C. A. The Saxon Monastery of Whitby // Archaeologia or Miscellaneous Tracts relating to Antiquity published by the Society of Antiquaries of London. Vol. LXXIX. London, 1943. P. 68–70, fig. 19–24.

⁵⁴ Müller-Karpe H. Der alamannische Kreuzanhänger von Pfahlheim (Kreis Aalen) // Fundberichte aus Schwaben N. F. 19. 1971. S. 338–341.

⁵⁵ Staecker J. Rex Regum et dominus ... S. 406, 413.

к XIII–XIV вв., найденный в р. Темза (Лондон). Автор публикации Т.Хуго интерпретирует его как «знак паломника»⁵⁶. В XVI в., и тоже в Англии, трехконечный Т-образный крест входит в основу медальона-креста⁵⁷.

⁵⁶ Hugo T. Notes on a Collection of Pilgrims, Sings, of the Thirteenth, Fourteenth and Fifteenth Centuries, found in the Thames // *Archaeologia or Miscellaneous Tracts relating to Antiquity* published by the Society of Antiquaries of London. XXXVIII. London, M.DCCC. LX. P. 132–134.

⁵⁷ Maclagan E. An English Gold Rosary of about 1500 // *Archaeologia or Miscellaneous Tracts relating to Antiquity* published by the Society of Antiquaries of London. Vol. LXXXV. London, MCMXXXVI. Pl. VI. Fig. 2, 3.

Интересно отметить, что медальоны-кресты, где мы наблюдаем как бы синкретичное изображение медальона на фоне греческого креста, достаточно широкое распространение получают в XVII в. на территории Польши⁵⁸.

⁵⁸ Rostkowska B. *Dewocjonalia: Medaliki i Kazyzki. Tkany ozdobne* // Sandomierz. Badawia, 1969–1973. Praca Zbiorowa pod Redakcja Stanislaw Tabaczynskiego. Warszawa, 1966. Ryc. 3, 6, 11, 15.

Summary

V. I. Molodin

The Pectoral Cross – the Evolution of Its Historiography (6th–10th Centuries)

This article is dedicated to the celebrations for the 60th birthday of Academician N. A. Makarov, an outstanding Russian archaeologist and historian.

The Cross was an object always held in veneration among Christians as a commemoration of Christ and his redemptive sacrifice. Before pectoral crosses appeared, crosses sewn on to garments were used and also depictions of crosses directly on to the skin. The earliest ex-

amples of pectoral crosses date from the 6th century. The two forms of the Cross – namely “Latin” and “Greek” – appeared simultaneously. Between the time when they first appeared and the 10th–11th centuries five main types can be identified. Each of these underwent various changes over time. The most important one among pectoral crosses used in Europe was Type 5, a cross complete with a depiction of the Crucified Christ.

Омфалий церкви Бориса и Глеба в Кидекше и подобные формы в интерьерах древнерусских и византийских храмов

В 2011 г. при раскопках внутри церкви Бориса и Глеба в Кидекше в подкупольном пространстве храма был обнаружен лежащий в уровне древнего и, как выяснилось, первоначального пола большой круглый камень розоватого цвета. Диаметр камня – около 1 м, его высота – 25–30 см. Он сделан из известняка, имеет множество поверхностных трещин, но в целом он очень плотный и крепкий. В отличие от обычных образцов так называемого белого камня он имеет характерный розовый оттенок, изредка встречающийся в камнях, составляющих кладку стен владими́ро-суздальских храмов XII–XIII вв., но в данном случае мы думаем, цвет камня был выбран не случайно, а намеренно. Камень этот положен на известковую заливку под первоначальный пол, он вдавил эту заливку в нижележащий слой. Взаимоотношение камня и заливки под пол говорит о том, что камень является частью первоначального пола, его центральной части. В 2012 г. Владимиро-Суздальский музей-заповедник музеефицировал этот камень, теперь он находится в огороженном углублении в современном полу.

Храм Бориса и Глеба в Кидекше, построенный в княжение Юрия Долгорукого в 1140–1150-е гг., после частичного обрушения в XVII в. был перестроен в восточной части таким образом, что форма восточных столбов была изменена, а сам храм получил новое завершение, сомкнутые и коробовые своды с глухим завершением, тогда как ранее он завершался световым барабаном с куполом, поставленным в средокрестье¹. Под самым куполом был расположен интересующий нас круглый камень розового оттенка. Этот камень – несомненно, то, что в греческих источниках византийского времени называется омфалием. Этот круглый камень в Кидекше – ред-

чайшее свидетельство использования этой формы византийской архитектуры в Древней Руси. находка омфалия в церкви Бориса и Глеба в Кидекше заставляет нас попытаться найти аналогии этой форме и сделать шаг в сторону понимания ее смысла. Для этого мы попытались свести воедино все разрозненные сведения об омфалиях, которые оказались нам доступны на данный момент, а также привлечь ту литературу, которая содержит объяснения назначения омфалия в византийской и древнерусской богослужебной и церемониальной практике. Автор рассматривает эту работу только как первую ступень в понимании этой малой архитектурной формы византийского мира.

То, что было найдено в Кидекше, принадлежит к большой византийской традиции, которая имеет истоки еще в Античности. В полах многих византийских построек устраивались подобные круглые в плане камни. Такой круглый камень, отмечающий некоторое важное место в храме или во дворце, назывался омфалий (ὀμφάλιον, omphalion).

Омфалии были в некотором количестве в Большом дворце византийских императоров в Константинополе. И заметим, что многие из них имели красный, порфиновый цвет. Так, омфалий под куполом в Бронзовых вратах Большого дворца был связан с сожжением документов: «Император Роман сжег грамоты (bills) на порфиновом омфалии в Бронзовых вратах, среди всего». Этот омфалий был расположен под большим куполом, упомянутым Прокопием². Еще один омфалий находился в зале Юстиниана³.

Эти омфалии, по всей видимости, то же самое, что и «порфиновые плиты», упоминаемые в описании обряда императорского приема в Большом

¹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. I. М., 1961. С. 67–76.

² Paspates A. G. The Great Palace of Constantinople. London, 1893. P. 269.

³ Ibid. P. 279.

Рис. 1. Омфалий в церкви Бориса и Глеба в Кидекше.
Вид с северо-востока

Рис. 2. Омфалий в церкви Бориса и Глеба в Кидекше.
Вид с северо-запада

Рис. 3. Омфалий в церкви Бориса и Глеба
в Кидекше. Вид с хор

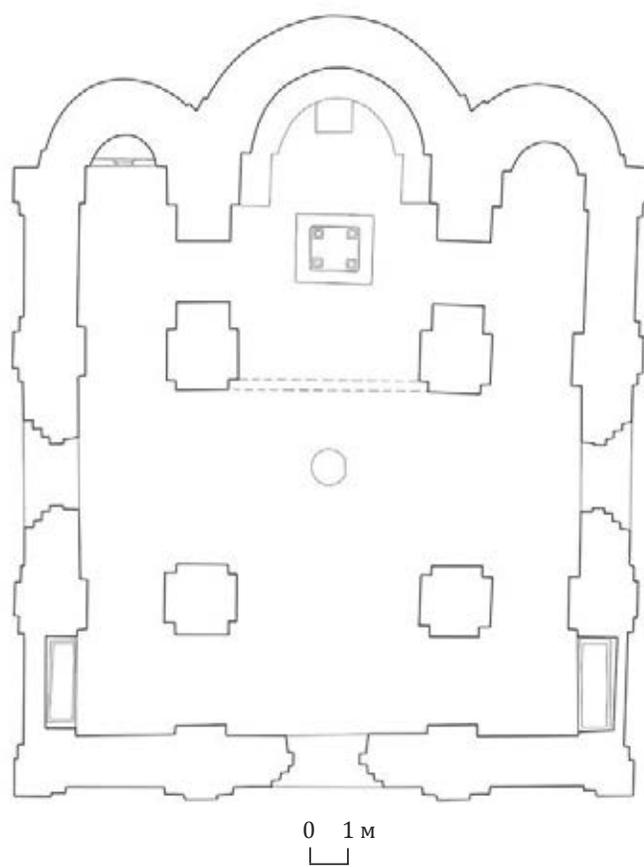

Рис. 4. План церкви Бориса и Глеба в Кидекше
с нанесением местоположения омфалия

дворце димотов Ипподрома, т.е. членов партий Ипподрома или Цирка в фиалах Юстинианова Триклина и Золотой Палаты во время совершения так называемых золотых скачек, золотого ипподрома: «В этом обряде описывается сначала прием, пение и славословие Прасинов в фиале Юстиниановой Палаты и, прослушав их славословия, царь уходит в Золотую Палату и, войдя в камару Св. Феодора, о которой скоро будет речь, царь дожидался там, пока Венеты займут свои места в фиале Хрисотриклина, а сановники и чиновники, участвующие в церемонии приема, пройдут в илиак Хрисотриклина и станут в должном порядке; царю докладывают, что все готово, и он, выйдя из камары Св. Феодора, направляется к восточной камаре и чрез двери этой камары, ведущие в илиак Хрисотриклина, выходит на илиак, где и приветствуют его стоящие там чины, когда он станет на порфиновую плиту»⁴.

Эти порфиновые плиты, или порфиновые омфалии, размещенные в полах, были знаками для определенных церемоний: «К Золотой Палате с восточной стороны примыкал, как уже было упомянуто, ее илиак, т.е. открытый дворик, площадка или терраса, без которой не было почти ни одной большой залы в Константинопольских дворцах... На полу площадки, около выходных дверей из Хрисотриклина, была вделана порфировая плита (порφυροῦν ὀμφάλιον), на которой становился царь, выйдя из Хрисотриклина и принимая поклонение и приветствие чинов. На этой же плите становился папья для раздачи чинам τὰ βασιλικὰ накануне праздника св. Илии (примеч. – Такие мраморные плиты вделывались в полы площадок, зал, церквей (порφυρα ὀμφάλια, μαρμωρα, λίθοι), чтобы обозначить место остановки того или другого чина во время обрядов и действий в этих помещениях)»⁵.

Как уже говорилось, в Большом дворце таких омфалиев было несколько: «Пол Юстиниана, сделанный из разноцветных мраморов, по своей продольной оси имел несколько порфиновых плит, на каждой из которых кланяется друнгарий вилы, войдя в Юстиниан из Скил; на одной из них, вероятно на первой, становится царь, когда идет из Лавзиака в Юстиниан для приема Прасинов в фиале Юстиниана, и как только он станет на эту плиту (ὀμφάλιον), чины падают ниц. То же самое происходит, когда царь войдет в Юстиниан и станет на первой порфировой плите во время шествия из Хрисотриклина в храм св. Сергия и Вакха во вторник Пасхальной недели»⁶. Обратим внимание еще на одно свидетельство множественности омфалиев в Большом дворце, которые, судя по дворцовому церемониалу, назывались «большими омфалиями»: «Аколуф, по данному знаку, возглашал,

⁴ Беляев Д. Ф. Byzantina. Очерки, материалы и заметки по византийским древностям. Кн. I: Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891. С. 18.

⁵ Там же. С. 35.

⁶ Там же. С. 59.

обращаясь к друнгарю: «Повели!». Друнгарий, с мечем, с секирою на правом плече и с магавием в правой руке, входил в Юстиниан и, дойдя до каждого из больших омфалиев, кланялся церемониарию и силенциариям, а затем становился на возвышении, обратившись лицом к западу, т.е. к Скилам»⁷.

Обратим также внимание на описание Халки, зала Большого дворца, напоминавшего по своей структуре купольный храм на четырех опорах: «Стены и пол были также великолепно украшены и выложены мраморами, а в середине пола под сводом была вложена порфировая плита (τὸ πορφύροῦν ὀμφάλιον), на которую царь становился в процессии и слушал приветствия и славословия димов»⁸.

Итак, в Большом дворце омфалии были устроены как знаковые камни, указывающие то или иное положение императора или высшего чиновника в процессии или церемонии. Это были воплощенные в камне указания, часть разметки поверхности.

Подобные же омфалии имелись в Софии Константинопольской и других византийских церквях.

Омфалий напротив Царских врат алтарной преграды Софии Константинопольской упоминает А. Паспатес: «Порфиновый омфалий напротив Святых Врат (Софии. – В. С.), упомянутый Порфирородным, это что-то овальное, около 7 футов в диаметре. Он украшен разными мраморами и сохранился в целостности, но закрыт матами и коврами»⁹. Этот омфалий темно-красного цвета и круглой формы, окруженный мозаичным участком пола, существует и поныне, он расположен не в центре подкупольного пространства, а южнее; на этом месте осуществлялось коронование императоров¹⁰.

Об омфалиях в Софии Константинопольской и других византийских церквях подробно писал историк русской церкви Е. Е. Голубинский, указавший на примеры подобных кругов порфинового цвета в Греции и обративший внимание на возможность существования омфалиев в древнерусских храмах. Из-за важности сообщаемых историком сведений мы приводим его текст, касающийся омфалиев, полностью:

«В Константинопольской св. Софии пред царскими дверями алтаря был порφυροῦν ομφάλιον, на который становились цари, подходя к дверям, и с которого, как кажется, целовали они или которую либо из половинок или водруженные на них кресты (по

⁷ Беляев Д. Ф. Указ. соч. Кн. II: Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X в. СПб., 1893. С. 32.

⁸ Там же. Кн. I. С. 132.

⁹ Paspates A. G. The Great Palace of Constantinople. London, 1893. P. 96.

¹⁰ Majeska G. P. Notes on the Archeology of St. Sophia at Constantinople: the Green Marble Bands on the Floor // Dumbarton Oaks Papers. 32. Washington, D.C., 1978. P. 299–325; Demiriz Y. Interlaced byzantine mosaic pavements. Istanbul, 2002. P. 34–38.

Византию, ομφάλιον называется в некоторых местах ἄετος – орел). Слово ομφάλιον, значащее пуп, в другом приложении к полу церковному, о котором сейчас ниже, означало вставленный в этот пол цветной круг или овал, не выпуклый, а совершенно ровный. Может быть, и в нашем случае его должно понимать так же, разумея указанный круг или овал, вставленный в пол большой солие пред малою. Но весьма возможно и правдоподобно понимать его и как выпушку из малой солие в большую, – выпушку, которая бы представляла наш нынешний амвон (в древнее время называвшийся ομφάλος или ομφάλιον), имел свое назначение в отношении к богослужению: во-первых, как положительно известно, на нем поставлялась перед началом богослужения «свѣща церковная» (та, с которою диакон, а по-старому – кандиловжигатель, предходит кадящему священнику).

Присоединим заметку о втором, сейчас упомянутом нами, пупе в церквях греческих. В наибольшей части нынешних греческих церквей вы заметите в полу, на середине церкви (иногда несколько ближе к алтарю, иногда, наоборот, к западным дверям), вставленный большой круг или овал, который отличается своим цветом от прилежащих к нему частей пола, если последний мозаический, т.е. разноцветный, или от всего пола, если он одноцветный, и которым, очевидно, для чего-то обозначено место. Этот круг или овал, теперь не имеющий у греков никакого технического названия (и просто называемый κύκλος – круг) и большинству их вовсе неизвестный по своему назначению, на нем во время предначертательного сей службы каждения священник делал остановку для начертания кадиллом креста, на нем становился священник с евангелием, износившимся из алтаря на утрени для лобызания молящимися (что ныне у нас делается посредством положения евангелия на аналой), и на нем канонархи сказывали стихи; во-вторых, как со всею вероятностью следует предполагать, на нем делали остановку священники во время великого выхода»¹¹. Как видим, омфалии в византийской и поствизантийской богослужебной практике были, как и омфалии в Большом дворце Константинополя, важнейшей частью разметки храма, указательным местом в полу. Отметим также то обстоятельство, что, как увидим ниже, большинство омфалиев расположены не только в середине храма, но и в точке под центром купола, то есть в геометрическом и символическом центре всей церкви.

В русских храмах омфалии не упоминаются, но историк церкви А. П. Голубцов обратил внимание на известные в источниках «меры среди церкви» и сравнил их с омфалиями: «Все соборные Чиновники, говоря о торжественном входе святителя по праздникам в храм, о совершении им чинов новолетия, страш-

ного суда, православия и других, упоминают о мере среди церкви. Особенно часто называет эту меру старейший из них по своей основе – Чиновник Новгородского Софийского собора. На ней подияки, иногда переменяясь своими станицами, обычно пели дневные или праздничные стихиры пред святителем, когда последний облачался, "творил вход и архиерейския молитвы", иерей начинал часы, а власти действовали над проскомидией. Составители Чиновников термином "мера" пользовались как общеизвестным и с значением вполне определенным. Из сопоставления наиболее характерных случаев употребления ими данного термина ясно следует, что они обозначали им срединное, центральное место в храмовом помосте или на церковном полу, находившееся между так называемым облачальным архиерейским амвоном с одной стороны и амвоном в собственном смысле с другой, впереди первого и позади второго... Ни этого старинного литургического термина не сохранилось в обиходной речи современных нам церковнослужителей, ни предмета, который некогда им обозначался, по-видимому, не существует в наших теперешних церквях; но нельзя сказать того же про современные греческие и отчасти юго-славянские храмы. В одних из них, по словам очевидцев, красуется теперь среди пола мозаикой исполненная звездобразная фигура (например: в соборах св. Фотинии в Смирне и св. Афанасия в Магнезии); в других сердцевидная (ц. св. Георгия на Имвросе); в третьих или, точнее сказать, в большей части их в середине церковного помоста, иногда, впрочем, несколько ближе к алтарю, иногда, наоборот, к западным дверям, вставлен большой круг или овал, отличающийся своим видом, цветом, а иногда и цельным символическим изображением от прилежащих к нему частей или даже от всего пола. В Афонских храмах "под самым хоросом", нашим паникадиллом, против царских врат серым мрамором по белому выложены на полу два четырехугольника, один в другой вложенные. Между ними на каждой стороне имеется по три круга: в середине один и два по углам. Такой же круг имеется и в центре четырехугольников. Этот разноцветный круг, современными греками разно называемый, не отличие или особенность в устройстве пола их нынешних церквей, а вернее, интересный, хотя видом иногда и жалкий остаток от былого великолепия внутреннего убранства древнейших христианских храмов...

Круглые большие порфиновые камни через известные промежутки один от другого вделаны по середине помоста из драгоценных мраморов древней Ватиканской базилики св. Петра. Превосходный мозаический пол с рядом круглых мраморных плит по середине главного нефа в Римской базилике св. Климента, сохранившей до сих пор некоторые из особенностей внутреннего устройства древнехристианских храмов, может дать наглядное представление о помостах последних. Были эти круглые, ква-

¹¹ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. I, ч. 2. М., 1904. С. 237–239.

дратные, ромбоидальные мраморные камни в полах и других церквей Рима, Равенны и прочих городов на Западе. Знали о них и имели их еще в большем числе у себя Византийцы. По крайней мере придворный Обрядник в описании царских выходов, приемов и производств в чины много раз упоминает (под именем *πορφύρουν ὀμφάλιον*, *πορφύρους λίθος*) об этих порфиновых круглых камнях в полах разного рода зал и площадок большого Константинопольского дворца. В Юстиниановой Софии пред святыми дверьми алтаря в помосте из черных и белых мраморов Проконнеса и Босфора был вделан пурпуровый круг, на который становились цари, творя трехкратный поклон с зажженной свечей в руке перед входом в святилище. Подобным же камнем, есть полное основание утверждать, было отмечено и то место в храме сзади амвона, с которого они в звании депотатов по большим праздникам и в день своего венчания на царство открывали малый и великий входы с лампадою в руке.

Широко распространившийся затем по греческим церквям обычай украшать цветною плитой или мозаической фигурой средину церковного пола тем или иным путем, например, чрез Корсунь, мог проникнуть и к нам на Русь. Полы в открытых раскопках покойного графа Уварова, Косцюшки-Волужинича и др. базиликах, крестообразных и круглых храмах Херсонеса украшены посредине то богатым мозаическим узором, то одноцветною круглою или квадратною плитой. Пол Владимировой Десятиной церкви, нашего первого по времени каменного храма, служившего, вероятно, образцом для других в отношении внутренней отделки, сохранил значительную часть своей древней настилки из небольших квадратных плит белого мрамора и красного шифера и представляет обширное пространство шахматного рисунка. Важнее же всего, однако, то, по словам лица, его нарочито изучавшего, что уцелела от него довольно большая часть инкрустации коврового рисунка (далее следует обширная цитата из описания Д. В. Айналова, которое мы приведем ниже. – В. С.). Этот разноцветный круг, или омфалий, находившийся некогда в предалтарной части, вставлен теперь в пол пред престолом в новой церкви, как драгоценный от древнего Десятинного храма остаток. Он единственный пока сохранившийся у нас средицерковный омфалий, но в свое время, разумеется, он не был единственным. Мозаические круги или порфиновые кружки находились, вероятно, в центре мозаических полов Ярославовой Софии, Великой Печерской церкви и, может быть, соборов: Новгородского, Владимирского, Ростовского, Суздальского и других. Церковь во имя Рождества Богородицы в Суздале выложена была красным разноличным мрамором. Могли быть мраморные и мозаические полы или по крайней мере в середине их большие красношиферные круглые пли-

ты и в других не столь монументальных, как перечисленные, древнерусских каменных храмах, например, в Успенском Переяславском. Памятники нашей богослужебной письменности до сравнительно недавнего времени хранили память о рассматриваемой подробности нашего старинного храмового устройства. В чинах поставлений даже конца XVI в. предписывалось, например, новорукоположенному иподиакону, при произнесении святителем слов: Благодать Господа нашего Иисуса Христа и Победную песнь, отложив рукою, становиться посреди церкви на круг и петь: Елико вернии. Не называют этот круг по имени наши старые соборные Чиновики: Новгородский, Московский, Холмогорский и Нижегородский, равно как и другие документы XVII в., но его именно, а не что-либо другое разумеют они под "мерой среди церкви" между амвоном с одной стороны и облачальным архиерейским местом с другой. Как устроилась эта мера в наших храмах XVI–XVII столетий, отмечалась ли по-прежнему она только иноцветным кругом в помосте, таким или иным возвышением в нем, или просто рядом столбиков с перильцами, как место отмеренное, отведенное для известных богослужебных отправлений, – за неимением данных не беремся судить; одно пока несомненно для нас, что мера, как и круг среди церкви, по своему положению и назначению, как сейчас ниже будет сказано, вполне соответствовала омфалию древнейших христианских и особенно византийских церквей.

Помещаясь в центре пола, омфалий при своем необычном, большею частью пурпуровом цвете и обычно круглой форме, естественно являлся главной, доминирующей фигурой в целом его убранстве и имел прежде всего орнаментально-художественное значение. Но в действительности последнее нередко отступало на второй план и как бы даже совсем приносилось в жертву его практическому назначению: омфалий устроился иногда не в самой средине храмового помоста и не в единственном числе. Назначением омфалиев всякого рода было служить местом остановок того или другого лица для совершения таких или иных действия. Устройством в помосте не одного цветного круга, а двух, тех и более по одной и той же линии, например: в притворе, самом храме, на солее его и пред св. престолом – отмечалось кроме того и направление пути лица или целой процессии. Не касаясь омфалиев в трибуналах и дворцах, скажем несколько слов о значении мраморных, порфиновых и т.п. плит в богослужебной практике церквей восточных. На омфалии, среди церкви (*εἰς τὸν ὀμφαλὸν ἦρουν ἐν τῷ μέσῳ τοῦ ναοῦ*) перед началом вечерни ставилась свеча, с которою диакон, а в старое время параклесиарх – предходил кадившему священнику; на нем последний останавливался для начертания кадилом креста во время предназначенного сей службы каждения; здесь

на аналогии полагались Евангелие, крест, иконы, мощи святых для лобызания их молящимися. На нем диакон иногда произносил ектении, канонархи сказывали стихи, а домостик с избранными певцами по великим праздникам, например, в день Воздвижения, исполнял тропарь, подобно тому, как наши старые подьяки потом, переменяясь иногда своими станицами, на мере среди церкви пели дневную или праздничную стихиры. На омфалии становились священнослужители во время выходов на вечерни и литургии; сюда исходили они для благословения хлебов во время полиелея и совершения торжественных обрядов, как то: панихид, молебнов, омоения ног в великий четверг и некоторых таинств: крещения и брака. Постригавшиеся в монашество и посвящаемые во диакона и пресвитера, направляясь – первые из притвора, вторые от жертвенника чрез средину храма ко св. престолу, приостанавливались в западных вратах, пред амвоном и св. дверьми на омфалиях, чтобы сотворить уставные метания. В старину, в XVI–XVII вв., вступали ли наши иерархи в храм, выходили ли из него, на "мере среди церкви" под ноги им непременно полагали орлец, или орел, как тогда говорили, на котором они творили обычное начало или последний поклон.

Если в устройстве таких относительно мало-важных частей храмов, как помосты их, и таких в сущности уже совсем мелочных подробностей, как выстилка иноцветных омфалиев в них, наши древнейшие храмоздатели следовали грекам и подражали их храмам, то что же остается сказать о способе устройства и характере убранства ими частей и храмовых принадлежностей, наиболее видных в глазах их самих и вообще верующих?»¹².

Отдельно следует привести те извлеченные нами из другой работы А.П.Голубцова свидетельства Чиновника Новгородского Софийского собора, в которых упоминается «мера»: «И потом святитель глаголет вход и архиерейские молитвы, а подьяки на мере, переменяя станицы, поют стихи дню» (1 сентября)¹³. «И начинает иерей часы, и святитель и власти действуют проскомидию по обычаю, и поют подьяки в действо по мере, переменяя станицы, стихи новому лету»¹⁴; «на мере подьяки поют стихи празднику»¹⁵; «И после амбонного пения поют подьяки на мере пред святителем, переменяя станицы»¹⁶; «И по времени идет святитель со властью в церковь с подьяческим провожением и, пришед в соборную церковь, став на месте среди церкви, творит приход-

ные поклоны по обычаю»¹⁷; «подьяки поют стихи на мере празднику»¹⁸; «Святитель же, став на среду на орлецы, и глаголет отпуст воскресной со крестом, и по отпусе благословляет святитель крестом себе, и кропит святою водою и, став на месте, благословляет боярина и воеводу и дьяков кропит святою водою»¹⁹; «Также, став на место, облачается святитель, а в то время подьяки поют стих среди церкви на мере, а власти во олгаре такоже облачаются»²⁰; «Потом святитель выходит из олтаря и станет на обычном месте. И по отпусе 1-го часа святитель творит прощение ко властям и священникам и, сшед с мест, творит у гроба Господня прощение»²¹.

Уже у Е. Е. Голубинского мы видим, что омфалий и орлец, тканый круг, кладущийся в определенные места храма для обозначения архиерейского служения, как-то связаны. Это видно и из текста Чиновника Новгородского Софийского собора, где орлец и мера могут быть рассмотрены как нечто схожее (орлец иногда кладут на амвон, орлец кладут в средину храма, орлецов, как и омфалиев, может быть несколько): «И пришед святитель за амбон, станет среде церкви на орлецы, не всходя на место, к востоку лицом, евангелия имея по странам»²²; «а святитель тогда на орлецы стоит, а на место не всходит. И тогда подьяк полагает на амбоне орлец»²³; «и по отпусе сходит с своего места святитель и станет среде церкви на орлеце»²⁴; «и полагает подьяк орлец среде церкви, и святитель, сшед с места, станет на орлеце»²⁵; «и, сшед с места, станет на орлеце среде церкви»²⁶; «Святитель же, став не среду на орлецы»²⁷; «и поставляют звонцы место святителю среде церкви и покрывают ковром, а на нем поставляют кресла с зголовьем и полагают орлец»²⁸; «и полагает подьяк орлец среди церкви и у круглого столпа»²⁹; «сходит святитель с места своего и приходит на среду церкви, и став на орле»³⁰; «тогда подьяк наперед полагает орлец от Златауских врат», ... «станет на орлецы»... «в то же время переносит подьяк орлец и полагает от Златых врат», ... «станет

¹² Голубцов А. П. Соборные чиновники и особенности службы по ним. С. 72–80.

¹³ Голубцов А. П. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899. С. 2.

¹⁴ Там же. С. 18.

¹⁵ Там же. С. 51.

¹⁶ Там же. С. 83.

¹⁷ Там же. С. 90.

¹⁸ Там же. С. 106.

¹⁹ Там же. С. 155.

²⁰ Там же. С. 200.

²¹ Там же. С. 207.

²² Там же. С. 4.

²³ Там же. С. 29.

²⁴ Там же. С. 79.

²⁵ Там же. С. 87.

²⁶ Там же. С. 89.

²⁷ Там же. С. 155.

²⁸ Там же. С. 156.

²⁹ Там же. С. 174.

³⁰ Там же. С. 175.

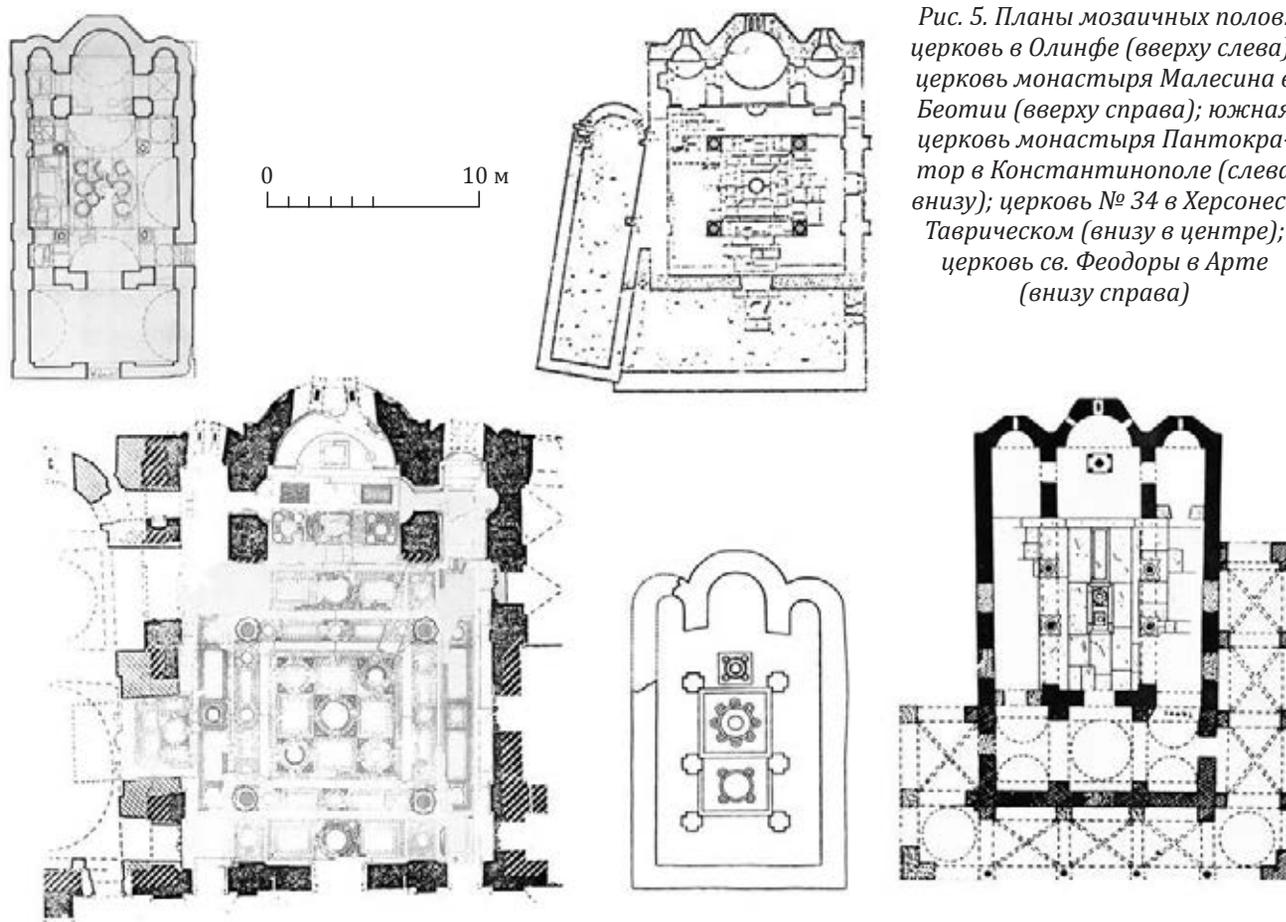

Рис. 5. Планы мозаичных полов: церковь в Олинфе (вверху слева); церковь монастыря Малесина в Беотии (вверху справа); южная церковь монастыря Пантократор в Константинополе (слева внизу); церковь № 34 в Херсонесе Таврическом (внизу в центре); церковь св. Феодоры в Арте (внизу справа)

на орлецы»³¹; «став среде церкви на орлецы»³²; «и у гроба Господня став на орле»³³; «святитель станет на орлеце»³⁴. Этот «орлец» имел достаточно широкое распространение; используется он и сейчас³⁵.

Орлец клали на середину храма и в другом новгородском храме, Входа в Иерусалим: «и пришедсо кресты ко Входу Иерусалима, и входят в церковь, и уставляють ключари кресты по обычаю. Уготованну же бывшу среде церкви месту, послан коврик меньшей, на нем же орлец да кресла с зголовием без деревянаго места»³⁶. Можно думать, что матерчатый орлец есть замена омфалия, связанная с невозможностью устройства каменных омфалиев во всех соборах Руси.

³¹ Голубцов А. П. Чиновник Новгородского Софийского собора. С. 187.

³² Там же. С. 194.

³³ Там же. С. 204.

³⁴ Там же. С. 232.

³⁵ Романов Г. О значении архиерейского орлеца в московских богослужениях XVII века // К свету. 1995. № 17. С. 88–89.

³⁶ Голубцов А. П. Чиновник Новгородского Софийского собора. С. 185.

В былинах упоминается «середа», «середа кирпичетая» или «пол-середа одново серебра», которую можно осторожно связать с омфалиями³⁷.

В Византии омфалии были достаточно широко распространены. Они встречаются в мозаичных полах, в центре которых устраивали круг, в который помещали цельнокаменную круглую вставку, собственно омфалий, который имел в некоторых случаях имел красный или порфиновый цвет. Перечислим известные нам памятники с подобными каменными кругами в центре мозаичного пола, отмечающие центр подкупольного пространства. Это следующие памятники, принадлежащие, за редкими исключениями (Акчаабат, где храм принадлежит к типу «компактный вписанный крест») к типу «вписанный крест» с четырьмя опорами: церковь Преображения в Имрали, VIII–IX вв.³⁸; храм № 34 в Херсонесе Таврическом, X в.³⁹; неизвестная церковь

³⁷ Липец Р. С. Эпос и Древняя Русь. М., 1969. С. 183–185.

³⁸ Demiriz Y. Op. cit. P. 31–33.

³⁹ Яковсон А. Л. Мозаичный пол X в. в Херсонесе (Херсонесе) // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник, 1982. Л., 1984. С. 504–512.

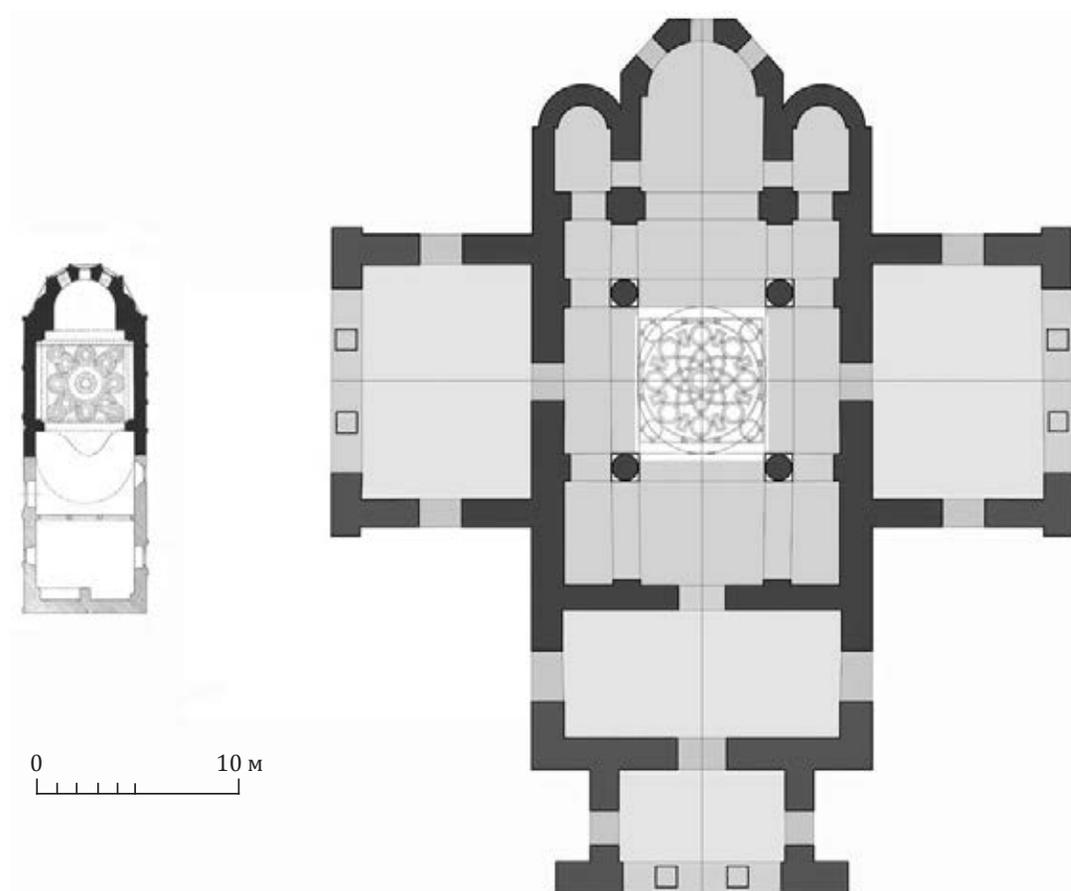

Рис. 6. Церковь Михаила Архангела в Акчаабате (Платане) – справа. Церковь Софии в Трапезунде – слева. План с мозаичным полом

в Конье (Иконию), X–XI вв.⁴⁰; церковь в Олинфе (Фракия), X–XI вв.⁴¹; храм монастыря Малесина в Беотии, XI–XII вв.⁴²; южная церковь монастыря Пантократор в Константинополе, XII в.⁴³; храм Софии в Трапезунде, XIII в.⁴⁴; церковь св. Михаила в Акчаабате (Платане) под Трапезундом, XIII–XIV вв.⁴⁵ Упомянем еще омфалии великолепных мозаичных полов в соборах монастырей на Афоне (XI–XIV вв.): в Ватопедском монастыре⁴⁶, в Ивиране⁴⁷ и в Хиландаре⁴⁸; оба монасты-

⁴⁰ Demiriz Y. Op. cit. P. 101–107.

⁴¹ Βοκοτόπουλος Π. Α. Ο βυζαντινός ναός τῆς Ολυνθοῦ // BYZANTINI MAKEDONIA, 324–1430 μ.Χ. Διεθνές συνέριο. Θεσσαλονίκη, 1995. σ. 45–56.

⁴² Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Lieferung 16. Stuttgart, 1971. S. 1156–1157.

⁴³ Demiriz Y. Op. cit. P. 45–56.

⁴⁴ Ibid. P. 108–114.

⁴⁵ Ibid. P. 10–14.

⁴⁶ Милонас П. Иллюстрированный словарь Святой Афонской горы. Т. I, ч. I: Атлас двадцати суверенных монастырей: топография и архитектура. Тюбинген, 2000. С. 110.

⁴⁷ Kier H. Der mittelalterliche Schmuckfussboden. Düsseldorf, 1970. S. 26–27.

⁴⁸ Милонас П. Указ. соч. С. 116.

ря принадлежат к тому же типу «вписанного креста» на четырех опорах. Укажем также на омфалии в мозаичном полу центрической по плану монастырской церкви в Велюсе (Македония), сооруженной около 1080 г.⁴⁹ В редких случаях омфалии устраивались и в мозаичных полах базиликальных по типу храмов: так, подобный круг имеется в трехнефной базилике св. Феодоры в Арте в Эпире, сооруженной в XIII в. (здесь омфалий расположен примерно посередине)⁵⁰.

Есть примеры расположения нескольких омфалиев на одной оси (как в храме в Херсонесе, где их три, причем один «главный» – в подкупольном пространстве), примерно то же самое мы видим в церкви Успения в Никее, где в центре пола (XI в.?) омфалия не было, но круги расположены на центральной оси или в западной части (один) или в восточной части пола – ближе к алтарю (два)⁵¹.

⁴⁹ Мильковик-Пепек П. Велюса. Скопје, 1981. Табл. VI.

⁵⁰ Reallexikon zur Byzantinischen Kunst. Lieferung 10. Stuttgart, 1968. S. 244–249.

⁵¹ Schmidt Th. Die Koimesis-Kirche von Nikaia. Das Bauwerk und die Mosaiken. Berlin-Leipzig, 1927. Taf. IV; Eyice S. Two mosaic pavements from Bythynia // Dumbarton

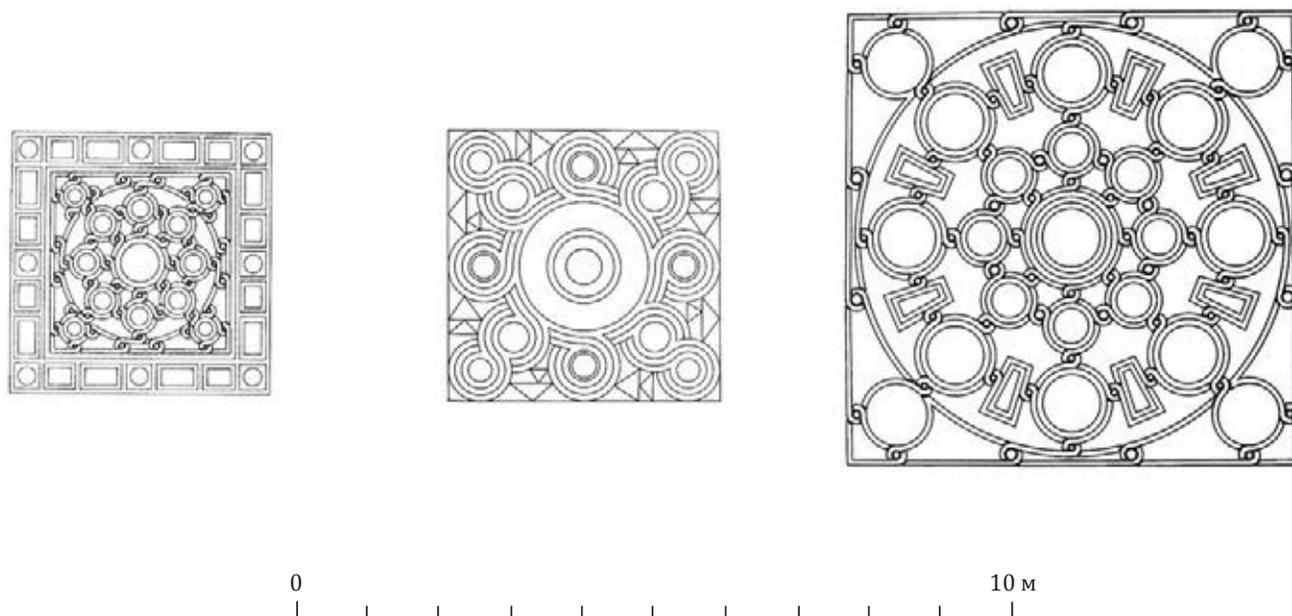

Рис. 7. Мозаичные полы Византии (по Й. Демирлизу), раппорты с омфалием (слева направо): храм Софии в Никее, храм Михаила в Акчаабате (Платане), храм Софии в Трапезунде

Отдельные круглые камни порфиrowого цвета располагались и в важных с точки зрения ритуала боковых частях византийских церквей, что видим во фрагментах мозаичных полов церкви София в Никее, VIII или XI в., где сохранились два омфалия: в западной части среднего нефа и в боковом нефе, тоже со сдвигом к западу⁵², а также уже упоминавшийся средневизантийский омфалий Софии Константинопольской, на котором, как предполагают, короновали императоров⁵³.

Заметим, что в Византии омфалий в мозаичном полу расположен чаще всего в центре храма, в том случае, если это купольный храм, то под куполом, в его геометрическом центре. Сам омфалий делался всегда из цельного камня, часто такой камень имел розовый, пурпурный или же черный цвет. Все эти оттенки являются связанными с пурпуром, означавшим императорское достоинство и святость. Так что розовый и черный являются, на наш взгляд, лишь вариациями на тему пурпура, передаваемого чаще всего с помощью использования порфира. При отсутствии порфира, представляв-

шего собой редкость египетского происхождения и в Византии обычно добывавшегося в античных постройках, использовались розовые и красные мраморы, а также другие породы камня розово-красного цвета и даже (хотя и много реже) зеленые и черные камни.

Происхождение омфалия, безусловно, связано с античными традициями, но конкретная круглая форма, отмечающая то или иное место, связана не только с рисунком пола, здесь, кажется, сказалась форма амвона ранневизантийской формы. Амвон того времени представлял собой круглое или эллиптическое в плане сооружение, поднимавшееся над полом и иногда осененное круглой или круглящейся колоннадой⁵⁴. Нам представляется, что омфалий в середине церкви средневизантийского времени следовал в несколько упрощенной, а также в уплотненной форме амвону ранневизантийскому. Собственно, это и был амвон, выдвинутый к западу от Царских врат алтаря. У нас не хватает данных для того, чтобы говорить об омфалии как об амвоне, но близость этих сооружений или отмеченных «мест» мы можем констатировать.

Не следует отрицать и возможности связи омфалиев средневизантийского времени с тем располагавшимся под куполом и паникадиллом в церкви Воскресения в Иерусалиме «пупом», о котором говорят

Oaks Papers. Vol. 17. Washington, D. C., 1963. P. 373–383; Demiriz Y. Op. cit. P. 94–99.

⁵² Eyice S. Two mosaic pavements from Bithynia // Dumbarton Oaks Papers. XVII (1963). P. 373–383; Pinatsi / York Ch. New Observations on the Pavement of the Church of Hagia Sophia in Nicaea // Byzantinische Zeitschrift. München; Leipzig, 2006. P. 119–126; Möllers S. Die Hagia Sophia in Iznik, Nicaia. Alfter, 1994. S. 14–15; Demiriz Y. Op. cit. P. 84–93.

⁵³ Demiriz Y. Op. cit. P. 34–38.

⁵⁴ Xydis S. G. The Chancel Barrier, Solea and Ambo of Hagia Sophia // The Art Bulletin. 1947. March. Vol. XXIX, No 1. P. 1–24.

русские авторы XII–XVII вв. Этот «пуп», а это слово является прямым переводом слова «омфалий», отмечают многие русские паломники.

В «Хождении Даниила, игумена Русской земли» в начале XII в. (1106–1108 гг.) встречаем два раза упоминание о «пупе»: «Есть же церковь та Воскресение образом круга, всямокачна и въдле и въпреки иматъ сажень 30. Суть же в ней полати пространны и тамо горе живетъ патриархъ. И есть же от дверей гробныхъ до стены великаго олтаря сажень 12. Ту есть вне стены за олтаремъ пупъ земли, и создана надъ нимъ комарка и горе написанъ Христосъ мусиею и глаголет грамота: «се пядию моею измерихъ небо и землю»; «А от пупа земнаго до распятия господня и до края есть сажень 12. Есть же распятие господне къ востоку лицъ, есть же на камени высоко было яко стружия выше. Камень же тый былъ круголь яко горка мала»⁵⁵.

Этот же камень упоминается в «Хождении архимандрита Агрефения обители пресвятыя Богородица» второй половины XIV в.: «От гроба Божия до сръди церкви иже сътроломъ сажень съ 10, тоу есть камень чернь мал, аки чаша, тоу зовется сръддоземлье»⁵⁶; есть упоминание об этом и в «Хождении Зосимы в Царьград, Афон и Палестину» в 1420 г.: «У святаго же Воскресения два верха: един верх съ маковицею и со крестом надъ пупом земнымъ»⁵⁷ и в «Хождении гостя Василия в Малую Азию, Египет и Палестину» в 1466 г.: «Среди церкви большия пуп земли, и ту прииде Христос со ученики своими и рече: “содела спасение посреди земли”»⁵⁸. О расположении «пупа» под паникадиллом церкви Воскресения сообщает посетивший Иерусалим в 1630-е гг. купец Василий Гагара: «а под тем паникадиллом есть пуп земной» (В другом списке сказано: «под тем же паникадиллом зделан пуп земной») ⁵⁹. Мы можем осторожно предположить, что в омфалиях средневизантийского и более позднего времени слились темы «пупа земного» и амвона ранневизантийского времени.

Следует отметить, что из Византии (или, что вернее, из позднеримского искусства) тема круга, выделенного цветом и размещенного на главной оси здания или, если оно было центрическим, то в его центре, распространилась на запад Европы, где была довольно широко представлена⁶⁰.

⁵⁵ Книга хожений. М., 1984. С. 34.

⁵⁶ Малето Е.И. Антология хожений русских путешественников, XII–XV века. М., 2005. С. 267.

⁵⁷ Книга хожений. С. 129.

⁵⁸ Там же. С. 175.

⁵⁹ Пыпин А.Н. Древнерусское паломничество / Чтения о Святой Земле. Издание Императорского православного Палестинского общества. 36 и 37 чтения. СПб., 1903. С. 98.

⁶⁰ Kier H. Op. cit.; Glass D.F. Studies on Cosmatesque Pavements. Oxford, 1980.

В тех областях Византийского мира, где мозаичные полы были редкостью, омфалии устраивались тоже из больших круглых камней, которые были окружены веером камней клинчатой формы; остальная часть мостилась камнями прямоугольной формы. В Болгарии эпохи Первого Болгарского царства известны остатки такого омфалия (называемого авторами амвоном) в виде части обрамлявшего его круга камней, они открыты в большой базиликальной по плану церкви IX–X вв. в Абобе (Плиске)⁶¹. Здесь омфалий был размещен на средней оси посередине длины среднего нефа. В относящемся к типу «вписанного креста» четырехколонном храме № 2 в местности Аврадака в окрестностях Великого Преслава, датирующемся IX–X вв., в каменном полу в центре подкупольного квадрата выложены концентрические круги, в центре которых был, вероятно, единый круглый камень⁶².

В сербских храмах XIV в. в Македонии в каменных полах сохранились каменные круглые центральные вставки – под самым куполом. Такая вставка из цельного камня дошла до нас в церкви св. Никиты в селе Чучер в Македонии, построенной во время правления сербского краля Милутина (1262–1320)⁶³; подобная вставка, обложенная концентрически камнями и заключенная в сложный по орнаментальному заполнению квадрат, находится в центре подкупольного пространства церкви монастыря в Лесново, построенной около 1341 г.⁶⁴ В церкви еще одного сербского монастыря, в Арилье, сооруженной в 1290-е гг., есть похожий омфалий из цельного камня, причем красного цвета, но пол здесь поздний, XX в., хотя есть предположения, что этот камень принадлежал еще первоначальному полу⁶⁵. Отметим также круглый омфалий или амвон в середине пола центрического храма в Петровой церкви в области Старая Рашка в Сербии, относящегося к IX в. или к несколько более позднему, но все же средневизантийскому времени⁶⁶.

⁶¹ Иванова В. Стари църкви и манастиривъ Българските земи (IV–XII в.) // Годишник на Народния музей за 1922–1925 год. София, 1926. С. 464–466.

⁶² Иванова В. Разкопки на Аврадака в Преслав // Разкопки и проучвания / Българска Академия на науки Народен Археологически музей. III. София, 1948. С. 47–60; Чанева-Дечевска Н. Църкви и манастири от Велики Преслав. София, 1980. С. 86, фиг. 97 а, б.

⁶³ Кораћ В. Споменици монументалне српске архитектуре XIV века у Повардарју. Београд, 2003. С. 15–36. Илл. 8 с изображением первоначального пола и омфалия – на с. 25.

⁶⁴ Там же. С. 158–159, илл. 5 на С. 159.

⁶⁵ Чанак-Медић М. Свети Ахилију у Ариљу. Београд, 2002. С. 156–157, 232.

⁶⁶ Окунев Н.Л. «Столпы святого Георгия» Развалины храма XII века около Нового Базара // Seminarium Kondakovianum. I (1927). С. 205–249; Ćurčić S. Architecture in the Balkans: From Diocletian to Süleyman the Magnificent. New Haven; London, 2010. P. 342–343.

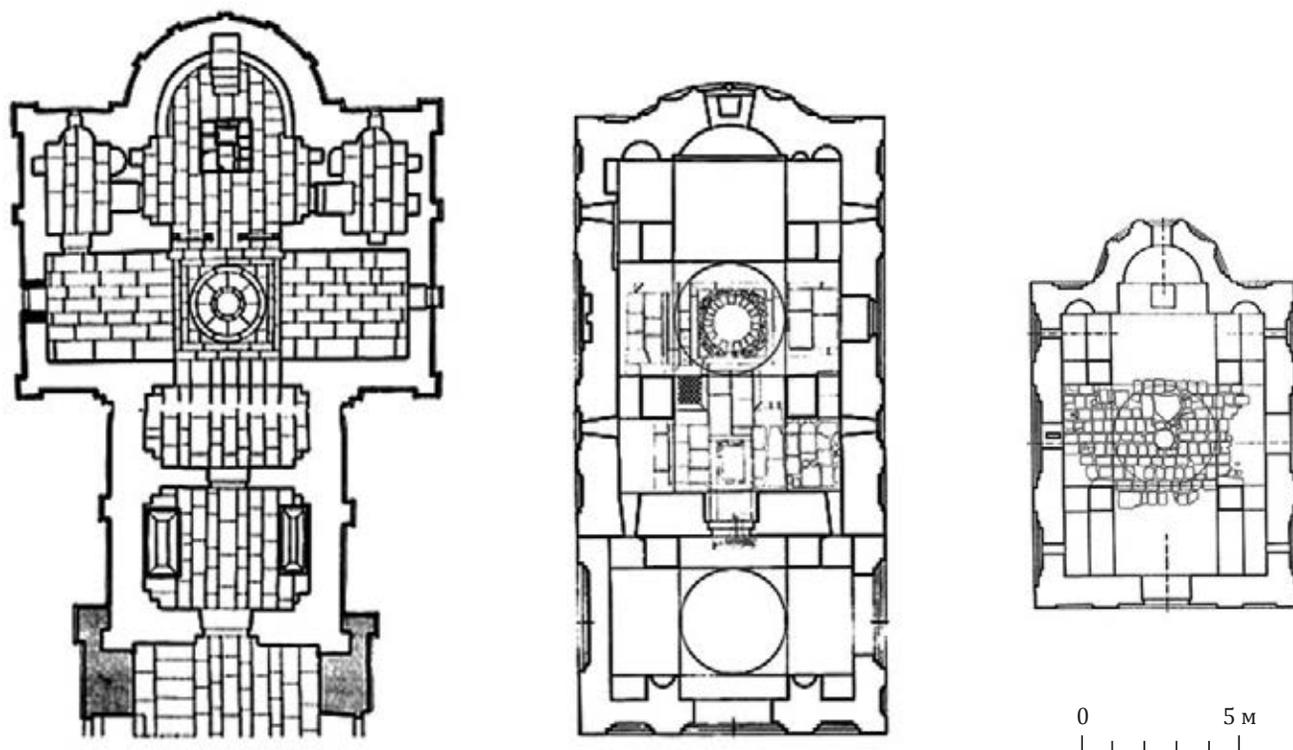

Рис. 8. Планы полов с омфалиями в архитектуре Сербии (слева направо): церковь в Арилье (по М. Чанак-Медич), церковь в Лесново (по В. Корачу) и церковь в Чучере (по В. Корачу)

В Древней Руси мозаичные мраморные полы были редкостью. В подкупольном пространстве древнерусских храмов мозаичные полы византийского типа полностью не сохранились ни в одном случае. Но о том, что они были и что в них были омфалии, свидетельствуют те немногочисленные остатки, которые сохранились до нашего времени.

В частности, в Десятинной церкви конца X в. сохранились участки первоначального мраморного мозаичного пола абсолютно византийского, столичного типа, выполненные, по всей вероятности, константинопольскими мастерами. Один, относительно хорошо сохранившийся участок был описан в начале XX в. Д. В. Айналовым: «Пол Десятинной сохранил значительную часть своей древней настилки, состоящей из небольших квадратных плит белого мрамора и красного шифера, и представляет обширное пространство шахматного рисунка. Важнее, однако, то, что он сохранил довольно большую часть инкрустации коврового рисунка. Эта инкрустация выполнена разноцветными мраморами, между которыми особенно интересны: лиловый порфир, зеленый, или *verdeantico*, белый мрамор с прослойками, затем различные виды пятнистого мрамора. Продолговатый четырехугольный ковер как бы лежит на полу, отороченный ши-

роким бордюром порфира. Внутри его вписан круг, или омфалий, выложенный concentрическими полосами разноцветного мрамора и мелким узором мозаической инкрустации. Внутри омфалия, в центре его, заключен кружок порфира. По четырем углам повторены по четверти центрального омфалия» (далее ученый пишет, что не решился опубликовать своего карандашного рисунка)⁶⁷. Выполненный в цвете план этого участка пола, правда, не привязанный к плану самого храма (а это лишает нас возможности установить, был ли омфалий Десятинной церкви расположен в подкупольном пространстве), опубликовал (по копии Г. Ф. Корзухиной) М. К. Каргер⁶⁸. Повторим, что точное положение этого фрагмента мозаичного пола неизвестно; однако ясно, что располагался он не в подкупольном пространстве, а в алтаре, может быть, так, как это было в церкви Успения в Никее – в предалтарной зоне по главной оси храма.

⁶⁷ Айналов Д. В. Мраморы и инкрустации Киево-Софийского собора и Десятинной церкви // Труды XII Археологического съезда в Харькове. 1902. Т. III. М., 1905. С. 6.

⁶⁸ Каргер М. К. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Труды Всероссийской академии художеств. Вып. 1. М.; Л., 1947. С. 15–50 [о мозаике Десятинной церкви – с. 17–20].

Рис. 9. Петрова церковь (Сербия). Омфалий в полу. Вид с запада

В Спасо-Преображенском соборе в Чернигове, построенном во второй четверти XI в., омфалий не сохранился, при исследовании была обнаружена только часть шиферно-мозаичного бордюра, обходящего по периметру подкупольное пространство. Н.В.Холостенко писал, что этот бордюр «близок к бордюрам, обрамлявшим омфалии в более поздних памятниках»⁶⁹. Отметим также, что в Борисоглебском соборе в Чернигове (рубеж XI–XII вв.) в подкупольном пространстве были найдены обломки круглой шиферной плиты омфалия и фрагменты шиферных плит с углублениями для окружающей омфалий мозаики⁷⁰.

Мозаичные полы и, следовательно, порфиновые (или порфинового цвета) омфалии в них не получили на Руси большого распространения; они были

⁶⁹ Холостенко Н.В. Исследования Спасского собора в Чернигове // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. III. М., 1990. С. 13, илл. 12–13 на с. 12.

⁷⁰ Остапенко М.А. Дослідження Борисоглібського собору в Чернігові // Архітектурні пам'ятники. Київ, 1950. С. 64–72 [об омфалии – с. 69]; Пуцко В.Г. Чернігівські мозаїчні омфалії XII ст. // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернівці, 1995. С. 75–77.

устроены только в самых первых постройках: в Десятинной церкви, в Спасо-Преображенском соборе в Чернигове, в Киевской Софии (где центральная часть пола не сохранилась) и в Софии Новгородской (мозаика в алтаре). Но в дальнейшем, взамен мозаичных полов с каменными вставками, на Руси получили довольно широкое применение полы из поливных керамических плиток, составлявших замену мозаическим вставкам и явно подражавших им. Такие плиточные полы известны, в основном фрагментарно, в десятках древнерусских памятников XI – начала XIII вв.

В большинстве древнерусских памятников указанного времени полностью восстановить характер замощения храма не удастся, но в некоторых из тех, где мощение пола сохранилось на довольно большой площади, есть круги в подкупольном пространстве, которые можно называть омфалиями в плиточном полу. Такие круги до сих пор не были интерпретированы как омфалии, они были всего лишь зафиксированы авторами раскопок. Мы обратимся сначала к тем домонгольским памятникам, в которых омфалии сохранились полностью или частично, но так, что их можно достоверно интерпретировать.

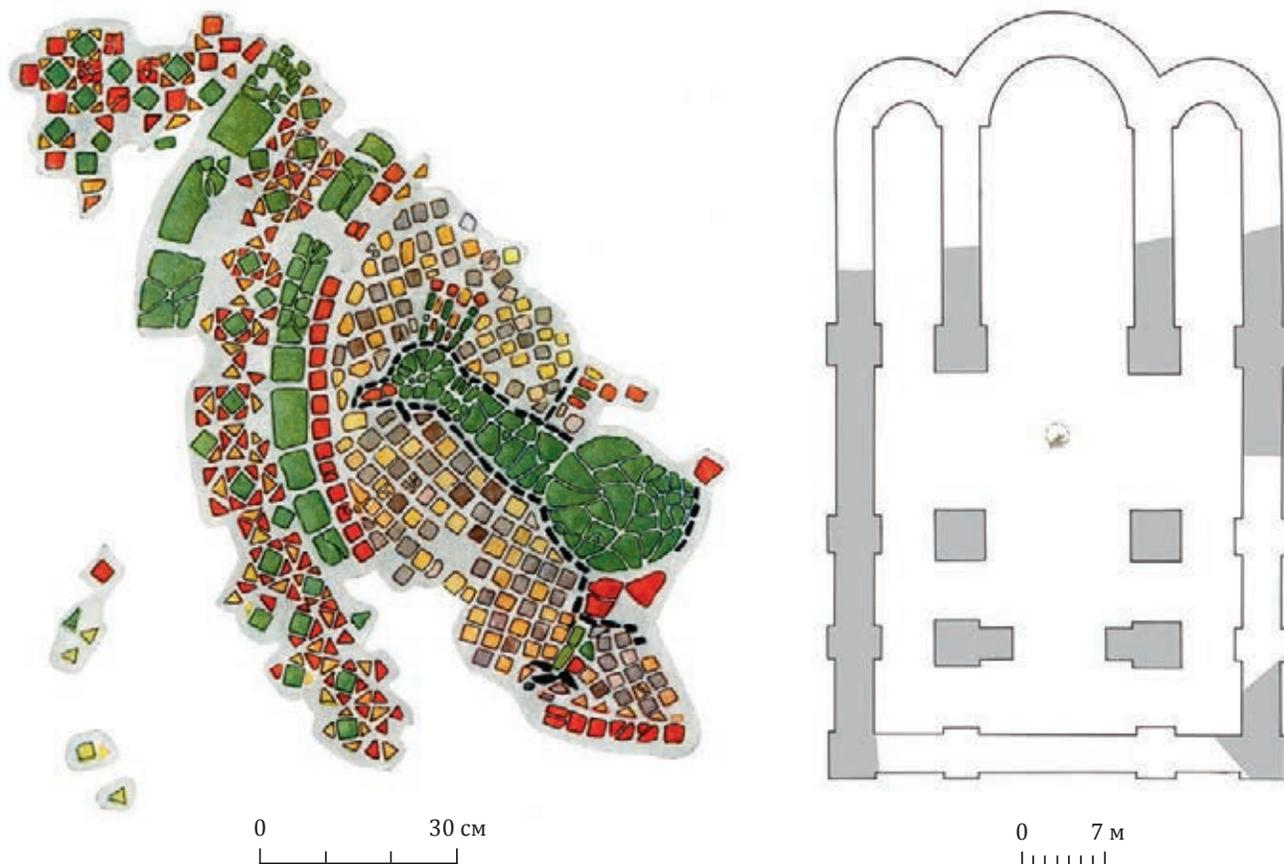

Рис. 10. Благовещенская церковь в Чернигове. Фрагмент омфалия (по Б. А. Рыбакову) и план с предположительной реконструкцией местоположения омфалия

А затем укажем на те памятники, в которых омфалии существовали предположительно.

Интереснейший омфалий был обнаружен Б. А. Рыбаковым при раскопках Благовещенской церкви в Чернигове, сооруженной в 1186 г. Здесь пол был плиточный (он плохо сохранился), но в нем отдельные участки были сделаны из пластин смальты, то есть были мозаичными. В подкупольном пространстве располагался круг диаметром около 60 см, который, по нашему предположению, был размещен в центре, под геометрическим центром купола (хотя, судя по не совсем ясным сведениям из публикации Б. А. Рыбакова, возможно, что это был не главный омфалий, а дополнительный, расположенный на основной оси храма, но не под самым куполом, а немного западнее). В круге было помещено мозаичное изображение павлина⁷¹. Мы даем как чертеж самой мозаики из публикации Б. А. Рыбако-

ва, так и попытку реконструкции этой мозаики как главного омфалия – под куполом храма.

Замечательный пол из поливных плиток был обнаружен Н. Н. Ворониным при раскопках Нижней церкви в Замке в Гродно⁷², сооруженной на рубеже XII–XIII вв.; этот пол был реконструирован и подробно издан М. В. Малевской⁷³. В этом полу особыми плитками фигурной формы были выложены пять одинаковых кругов: один в центре и четыре крестообразно, по сторонам света. Это был, по нашему мнению, центральный омфалий и четыре дополнительных. Заметим, что круглые плитки в центре кругов имели темно-красный, порфировый цвет.

В ряде случаев при раскопках древнерусских храмов XII – начала XIII в. находили не целые круги омфалиев, а лишь фигурные плитки, которые при реконструкции узора, который они составля-

⁷¹ Рыбаков Б. А. Древности Чернигова // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. I. М.; Л., 1949. С. 7–102 [о мозаике с павлином – с. 62, 73–75]. (МИА; № 11); см. также: Пуцко В. Г. Чернігівські мозаїчні омфалії XII ст. // Слов'яно-руські старожитності Північного Лівобережжя. Чернігів, 1995. С. 75–77.

⁷² Воронин Н. Н. Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932–1942 гг.). М., 1954. С. 113–114, рис. 60. (МИА; № 41: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. III).

⁷³ Малевская М. В. К реконструкции майоликового пола Нижней церкви в Гродно // Культура Древней Руси. М., 1966. С. 146–151.

ли, дают круг омфалия (храм «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского, деревянная церковь Параскевы Пятницы в Звенигороде на Белке)⁷⁴. В недавнее время в древнерусской башне в Столпье, сооруженной в начале XIII в., А. Буко открыл поливные плитки пола, сложившиеся при реконструкции в круг со сложным узором внутри⁷⁵, который мы можем интерпретировать как омфалий пола находившейся наверху башни церкви.

В послемонгольское время на Руси омфалии были гораздо менее распространены, чем в домонгольское время. Однако в трех памятниках XIV – начала XV вв. находим эту форму, затем, видимо, исчезнувшую и возродившуюся уже много позже в виде полукруглого выступа, называемого часто амвоном, солеи в гораздо более поздних храмах. В двух случаях из трех омфалии найдены в Новгороде, сохранявшем уходящую домонгольскую традицию.

В церкви Благовещения на Городище в Новгороде, сооруженной в 1342–1343 гг., в древнем, очевидно, первоначальном полу был обнаружен круг диаметром около 1 м, устроенный из concentрически расположенных камней; заполнение круга было утрачено; это, без сомнения, омфалий⁷⁶.

В кирпичном полу церкви Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде, относящемся не ко времени постройки этого храма в начале XIII в., а к XIV в., сохранился десятигранный по форме омфалий с диагональю, равной 1 м; он тоже сложен из кирпича⁷⁷.

⁷⁴ Раппопорт П.А. «Старая кафедра» в окрестностях Владимира-Волынского // СА. 1977. №4. С. 261; Иоаннистьян О.М., Могитыч И.Р., Свешников И.К. Церковь Параскевы Пятницы в Звенигороде-на-Белке // Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник, 1981. Л., 1983. С. 494–507 [о видах плитки – с. 501]; Раппопорт П.А. Строительное производство Древней Руси (X–XIII вв.). СПб., 1994. С. 49.

⁷⁵ Buko A. Byzantine Cultural Enclave in Central Europe? An Example of the Mortared Tower Complex at Stołpie (South-Western Poland) // Rome, Constantinople and Newly-Converted Europe. Archaeological and Historical Evidence. Vol. I. Kraków; Leipzig; Rzeszów; Warszawa, 2012. P. 233–249; Буко А. Холм и Столпье: Русско-византийский контекст средневековых памятников юго-восточной Польши // РА. 2012. №4. С. 26–36.

⁷⁶ Седов Вл.В. Архитектурно-археологические исследования церкви Благовещения на Городище близ Новгорода в 2000 и 2012 годах // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 77–93.

⁷⁷ Булкин В.В. Церковь Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде и новгородское зодчество начала XIII в. // Древнерусское искусство: Русь. Византия. Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 377–392 [об омфалии – с. 383]. «На середину XIV в. как на период создания семисоборной системы указывают перестройки этого времени в одной из соборных церквей – храме Михаила Архангела на Прусской улице, выявленные в процессе археологических раскопок и связанные с устройением такого атрибута соборной службы, как омфалий, – специально отмеченного в полу места храма, связанного с отправлением духовенством особых моментов службы» – см.: Мусин А.Е. Церковь и горожане средневекового Пскова: историко-археологическое исследование. СПб., 2010. С. 136.

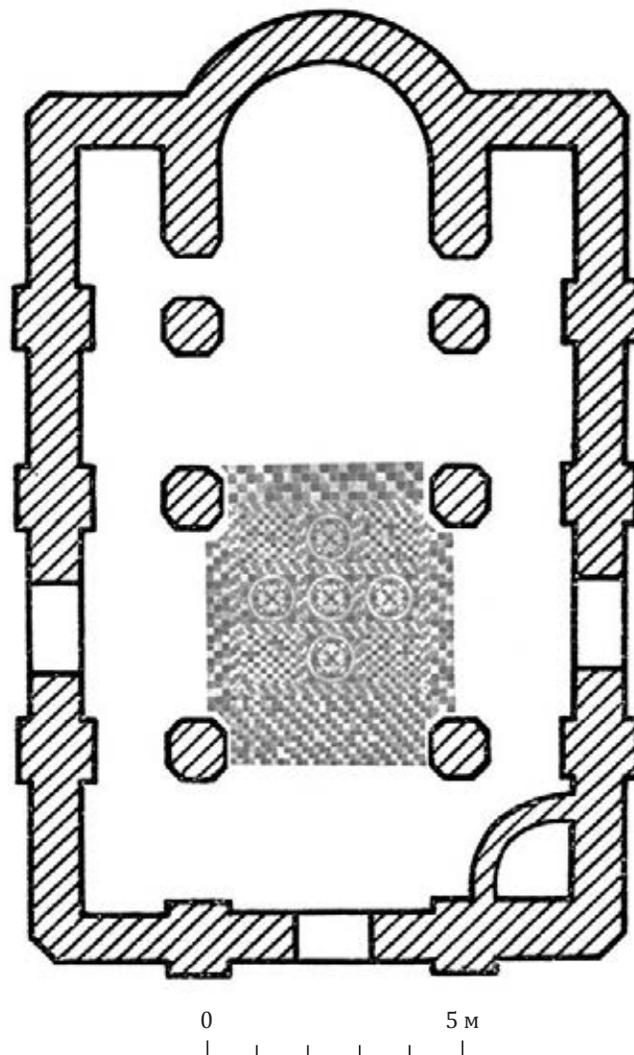

Рис. 11. Нижняя церковь в Гродно.
План (по Н. Н. Воронину),
совмещенный с планом пола (по М. В. Малевской)

Наконец, в соборе Андроникова монастыря в Москве, где был обнаружен пол из поливных керамических плиток, омфалий, возможно, тоже существовал, хотя утверждать это можно только предположительно: здесь была найдена «тонкая белокаменная плита, обтесанная в форме круга, – вероятно, омфалий, и обломки примыкавшей к ней белокаменной выстилки. Для плиты использовано более раннее надгробие, о чем свидетельствует полоса характерного клинчатого орнамента на ее тыльной стороне. Поэтому вряд ли можно быть уверенным в синхронности омфалия керамическому полу»⁷⁸.

⁷⁸ Давид Л.А., Альтшуллер Б.Л., Подъяпольский С.С. Реставрация Спасского собора Андроникова монастыря // Древнерусское искусство. Сергей Радонежский и художественная культура Москвы XIV–XVI вв. СПб., 1998. С. 386.

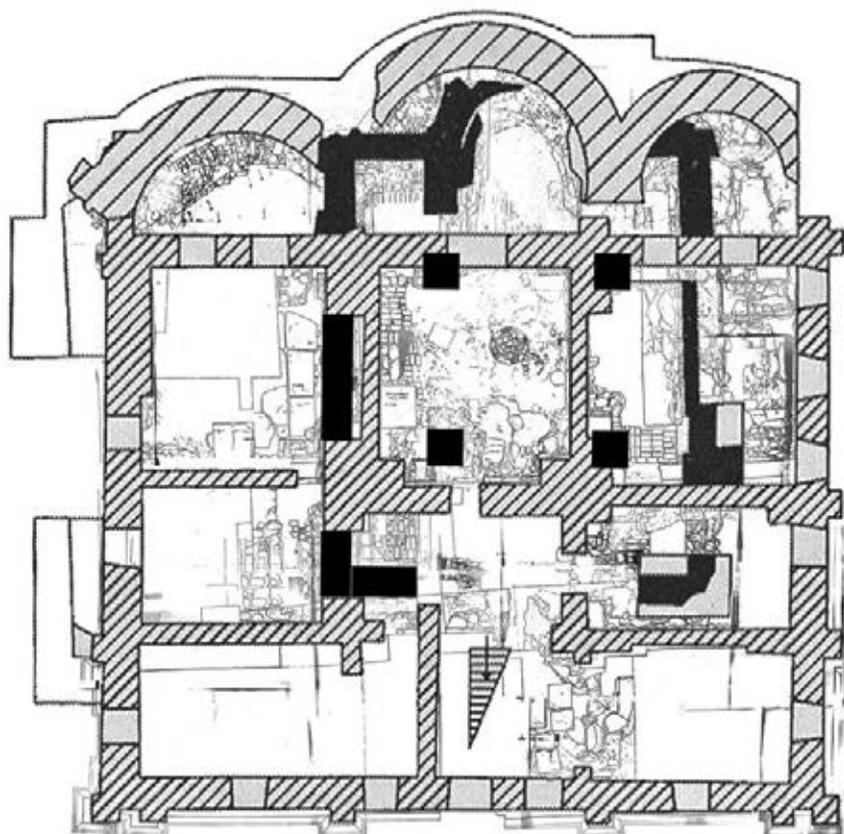

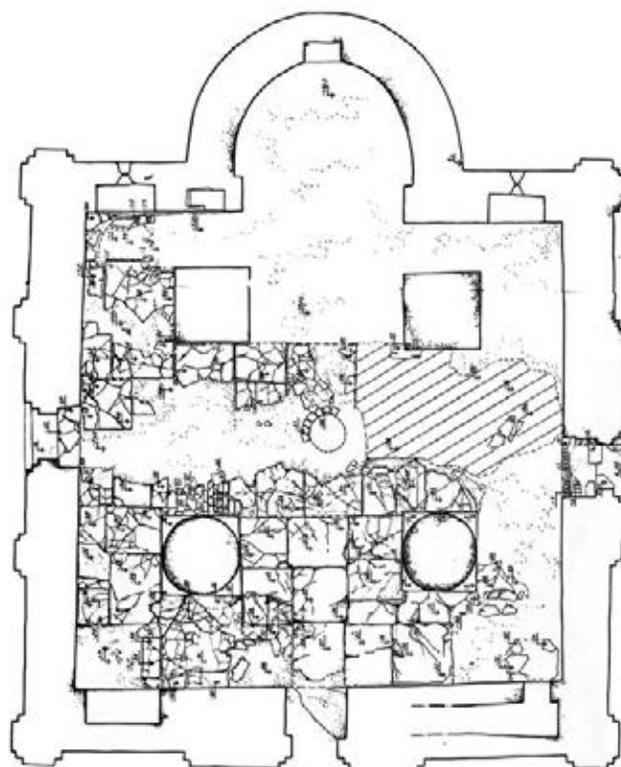
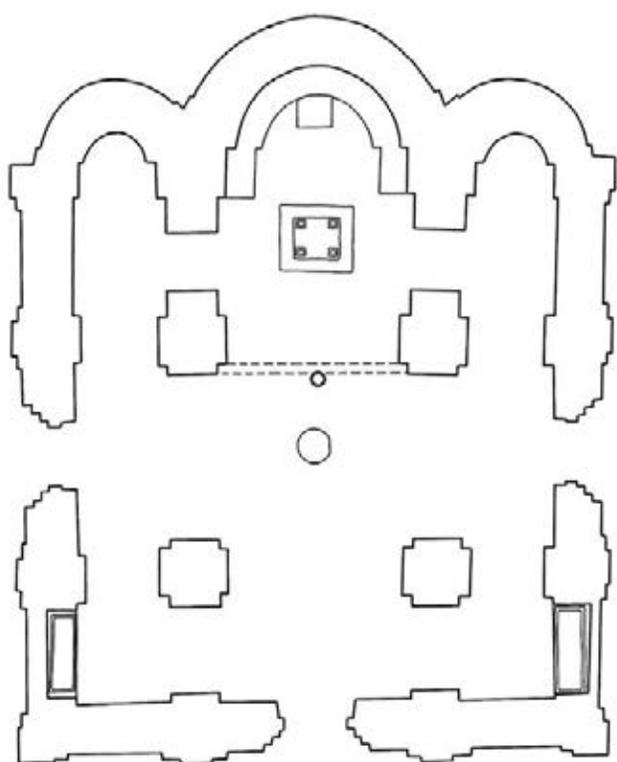
Рис. 12. Планы храмов с омфалиями:

Михаила Архангела на Прусской улице в Новгороде (по В. А. Булкину, перечерчен) (вверху);

Бориса и Глеба в Кидекше (внизу слева);

Благовещения на Городище близ Новгорода (внизу справа)

0 10 м

Итак, в церкви Бориса и Глеба в Кидекше, сооруженной в середине XII в. по заказу ростово-суздальского князя, в полу под куполом был положен розоватый круглый камень, являющийся омфалием или, по-древнерусски, «мерой в полу». Этот омфалий является подражанием или воспроизведением в другом материале порфировых омфалиев Византии и шиферных (пирофилитовых) омфалиев Древней Руси. Как камень, отмечающий положение священнослужителей и архиерея во время некоторых служб, омфалий церкви Бориса и Глеба в Кидекше является частью долгой традиции, характерной для средневизантийской архитектуры. Эта традиция попала на Русь вместе с мастерами и не была повсеместной. Омфалии устраивались, судя по всему, в мозаичных полах ранних храмов Древней Руси, X–XI вв. В XII в. омфалии стали появляться реже, они, возможно, были связаны с особыми условиями заказа (с установкой на воспроизведение каких-то образцов, в которых был омфалий) или с тем, что омфалий появлялся как следствие того, что храм был соборным или был связан с архиерейскими службами. В любом случае, в XII и начале XIII в. мы имеем дело с отдельными храмами, в которых омфалий появлялся как следствие выдающегося из ряда заказа или особой программы. Еще более пунктирной

становится традиция устройства омфалиев в княжествах после монгольской Руси.

Омфалии, как немногие богослужебные устройства или детали, связан с византийской практикой, до конца не исследованной и не объясненной. Эта практика, перенесенная на древнерусскую почву, дала довольно многочисленные, но все же в целом единичные подражания, которые каждый раз выделяют тот памятник, где омфалий присутствует, из общего ряда одновременных церквей. Возможно, в древнерусских храмах будут найдены и другие омфалии, возможно, что в нашей сводке омфалиев мы не учли каких-то уже обнаруженных примеров, но все равно кажется, что устройство этих «мест» не было явлением массовым. Это примета выдающихся памятников, вся архитектура которых, как и богослужебные устройства, говорят о необычном попечении ктитора о снабжении храма не только необходимой утварью и иконами, но и более сложной иконографической программой покрытия пола, связанной с обозначением ключевых моментов торжественных служб. И церковь Бориса и Глеба в Кидекше тоже относится к таким выдающимся памятникам, приметами чего является и сама архитектура храма, и его роспись, и омфалий, положенный в полу подкупольного пространства.

Summary

V. V. Sedov

The Omphalos in the Church of Saint Boris and Saint Gleb in Kideksha and Similar Objects in the Interiors of Medieval Russian and Byzantine Churches

The article is devoted to a round stone pink in colour, which was found at the level of the original floor in the Church of Saint Boris and Saint Gleb – one of the earliest white-stone churches in the Vladimir-Suzdal Lands erected in the middle of the 12th century. This stone which has a diameter of 1 metre was situated in the middle of the square beneath the church's dome. The article examines the purpose behind the stone, the omphalos, which served to indicate where hierarchs would stand at certain moments during services. Historical information is provided about omphalos stones in Byzantium. All examples on the fringes of the Byzan-

tine world known to the author have been summarized. This information is supplemented by references to the existence of omphalos stones in medieval Russian architecture dating from the 11th–14th centuries. The way such stones are arranged is connected with the status of the church building: it is possible that they were arranged in the same way as in cathedrals at the centre of dioceses or in large monasteries. It is suggested that there is a link between these stones and both the earlier ambones and late ambones as found in Greek and Russian churches, in which a stone round in shape was included in the composition of *solia*.

Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России

В середине XX в. в археологию Северо-Восточной Руси почти одновременно вошли два объекта, породившие длительную дискуссию, важную для истории русской культуры от XII до XVII вв. Это погребения в белокаменных саркофагах трапециевидной формы с выделенным оглавием, найденные в Боголюбове и Суздале. Н. Н. Воронин¹ и, со ссылкой на его полевые работы, А. Ф. Дубынин² отнесли их, опираясь в основном на данные письменных источников, ко второй половине XII в. Это ни у кого не вызывало возражений вплоть до 1980-х гг. Однако за последние 30–40 лет, по мере накопления материала, генезис антропоморфных гробов стал одной из спорных тем в истории погребального обряда. Выяснилось, что такие гробы обильны на статусных кладбищах в пределах Центральной России и Русского Севера только в четко ограниченный период: не ранее рубежа XIV–XV и не позднее середины XVII в. Это позволило считать их одним из сравнительно немногих характерных (и потому особенно важных) элементов культуры Московской Руси.

Мы точно знаем, когда исчез этот элемент: в 1650-х гг.³ Причина не совсем ясна, возможно,

¹ Воронин Н. Н. Боголюбовский саркофаг // КСИИМК. 1947. Вып. 14. С. 78–83.

² Дубынин А. Ф. Археологические исследования города Суздаля (1936–1940 гг.) // КСИИМК. Вып. 11. 1945. С. 97–98.

³ Самые поздние погребения в антропоморфных каменных гробах датируются 1640-ми годами. В кремлевском некрополе это погребение царицы Евдокии Стрешневой, второй супруги Михаила Романова († 1645 г., Вознесенский монастырь); к 1647 г. относится захоронение в Серпухове (Толмачев Е. А. Архитектурно-археологические исследования на территории Высоцкого и Владычного монастырей в г. Серпухове. 1972 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 7654. С. 151; см.: Панова Т. Д. Царство смерти. Погребальный обряд средневековой Руси XI–XVI в. М., 2004. С. 87). В Новоспасском монастыре среди многих погребенных под Преображенским собором самый поздний антропоморфный саркофаг имела Н. Н. Романова-Годунова († 1639 г.), а в погребальной палатке Романовых восточ-

она – в трудности изготовления сложной формы и постепенном отказе от древнерусской традиции в оформлении погребений. Но с появлением саркофага такой формы далеко не все ясно. Разбор архитектурно-археологических контекстов, в которых были найдены оба владими́ро-суздальских гроба, уже проводился⁴ и показал, что он отнюдь не предполагает непременно отнесения их к домонгольскому времени. С тех пор эти сомнения только укрепились: за истекшие 70 лет (считая от первых публикаций) найдено довольно много белокаменных саркофагов XII–XIII вв. – но ни один из них не имеет антропоморфной формы. Тем временем число их для XVI–XVII вв. всё растет – их находят практически на всех крупных некрополях Москвы, где ведутся работы (большая серия из усыпальницы Романовых в Новоспасском монастыре; по 2–3 саркофага открыто на месте Златоустовского монастыря и церкви Троицы в Полях, в соборе Покрова на Рву и др.), и за пределами столицы – в монастырях, традиционно с нею связанных, таких как Спасо-Евфимиев Суздальский (усыпальница Пожарских), Кирилло-Белозерский и другие⁵. Эту многочисленность хорошо демонстрирует и обширная коллекция саркофагов Вознесенского монастыря в Московском Кремле⁶.

нее Знаменской церкви в них совершены погребения 1640 (Е. Я. Черкасская) и 1644 (имя не установлено) гг.

⁴ Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси XIII–XVII вв. М.: Институт археологии РАН, 1996. 572 с.; Беляев Л. А. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья // Русское средневековое надгробие: материалы к своду / автор-составитель Л. А. Беляев. Вып. 1. М.: Наука, 2006. С. 7–30.

⁵ Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: Институт археологии РАН, 2013. С. 71–103.

⁶ Коллекция все еще ждет полной публикации, но общие сведения о ней из отдельных статей и книг, а также любезных консультаций Т. Д. Пановой позволяют уверенно оперировать этим материалом.

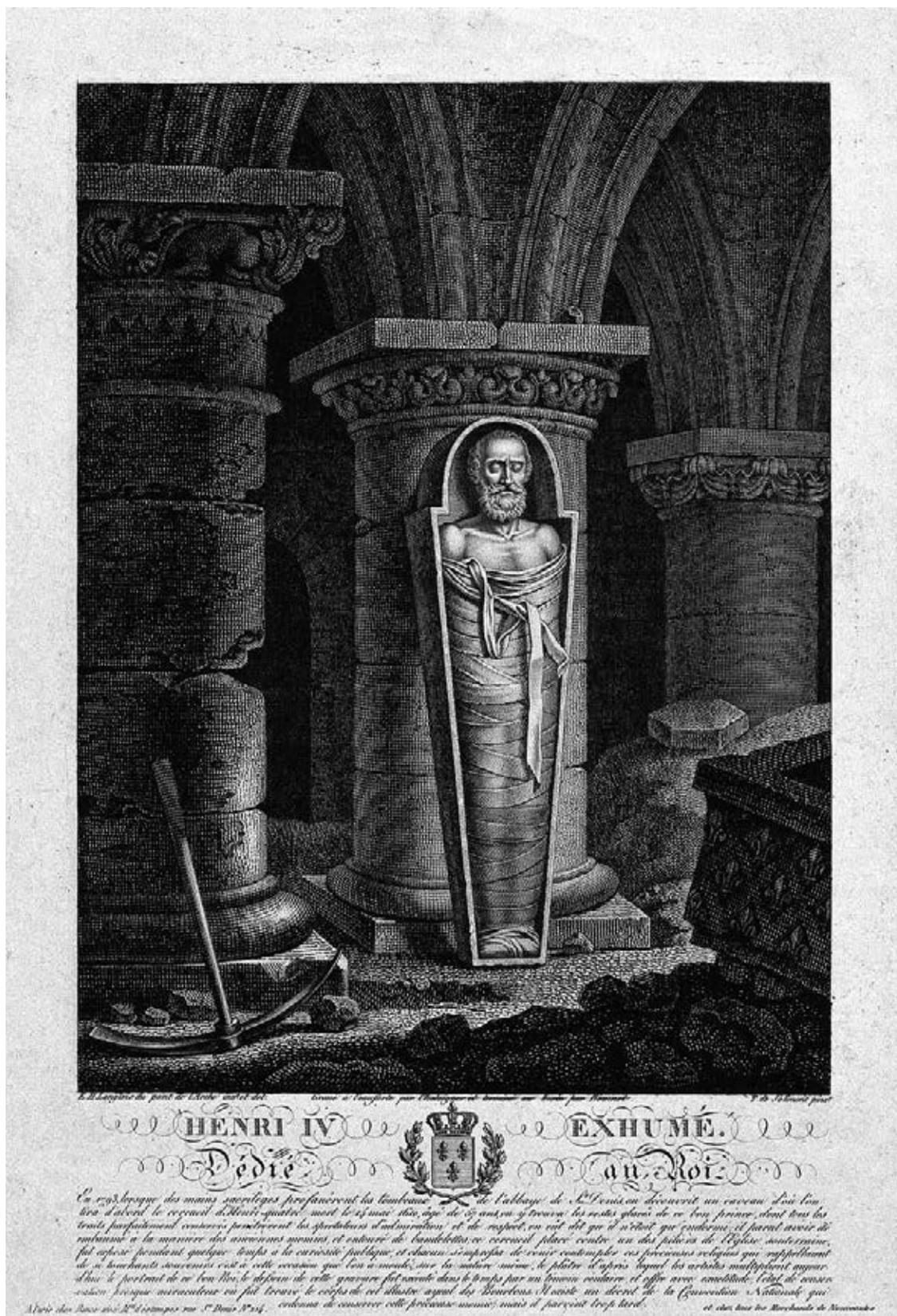

Рис. 1. Langlois E. H., Jolimon, T. de. Эксгумация останков Генриха IV. Акватинта, гравировка (Chataignier, Bovinet). Paris, 1817

Полагаю, что только находки бесспорных по дате антропоморфных саркофагов XII–XIII вв. могли бы стать убедительным доказательством их принадлежности домонгольскому периоду. Даже промежуточные датировки «удельным временем» не вполне надежны – например, трудно с полной уверенностью связать гробы из галереи собора Спаса Преображения в Кремле с теми историческими персонажами, которым их обычно присваивают, а значит, и отнести к концу XIV в. Более того: перенос погребений при строительстве нового собора Вознесенского монастыря заставляет допускать изготовление новых саркофагов для погребенных в начале XV в. великих княгинь примерно через столетие, в начале XVI в. Так или иначе, рубеж XIV – XV вв. выглядит пока предельно ранним для изучаемого типа.

Можно считать установленным, что каменные гробы антропоморфной формы типичны исключительно для эпохи Московского государства, прежде всего для Москвы и связанных с ней монастырей, причем в рамках достаточно жестких археологических дат: 1390-е (или 1490-е?) – 1640-е годы.

Но решение вопроса хронологии не сняло второй изначальной проблемы – в сущности, более важной. Откуда взялась эта форма? Ведь она столь же определена и типична для Москвы, сколь характерна для Новгорода «ладьевидные» каменные гробы (антропоидные, но без выраженного оглавия, зато с фасетками на выпуклых крышках)⁷; для Киева и Чернигова с X–XII вв. сборные «ящики» из шиферных досок; для домонгольских княжеств Юго-Западной и Северо-Восточной Руси – прямоугольные белокаменные «ящики».

Н. Н. Воронин уверенно связал форму с романской традицией Запада. Если он и ошибся в дате, то культурный вектор выбрал, думаю, верный. В начале 1990-х гг. Т. Д. Панова⁸ предложила иной путь, указав на появление одного-двух очень похожих саркофагов раннехристианского времени на Черноморском побережье Кавказа. Правильно полагая, что такая форма имеет восточное (в конечном счете, египетское) происхождение, Панова выстроила циркумпонтийский ход ее на Русь – разумеется, очень прерывистый и гипотетичный. Оставалось неясным, когда и где именно такая форма использовалась на Ближнем Востоке и на коренных землях Византии, как могла достичь Руси и т. д. Гипотеза подверглась справедливой критике⁹ и сейчас может считаться

⁷ Есть их сводка (в аналитической части поверхностная): Сержникова Д. С., Пежемский Д. В. Ладьевидные саркофаги Великого Новгорода // Великий Новгород и средневековая Русь: сб. ст. к 80-летию В. Л. Янина / отв. ред. Н. А. Макаров. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 200–219.

⁸ Панова Т. Д. Каменные саркофаги антропоидного типа // СА. 1991. № 2. С. 90–101.

⁹ Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. Белокаменные плиты Москвы и Северо-Восточной Руси

снятой. Но средиземноморский раннехристианский генезис антропоморфного саркофага и в самой Европе очевиден, как мы увидим в дальнейшем.

Представляемая статья не претендует на то, чтобы окончательно решить вопрос происхождения московского антропоморфного саркофага, но предлагает новые материалы для суждений и новые гипотезы.

Почти случайным поводом вернуться к дискуссии стало знакомство с гравюрой, довольно известной в кругу исследователей Франции эпохи Религиозных войн и, одновременно, Великой революции (рис. 1). На ней показаны останки короля Генриха IV в момент разрушения династического некрополя в аббатстве Сен-Дени в 1793 г. Одного взгляда на гравюру довольно, чтобы убедиться, что тело прославленного короля вложено в антропоморфный каменный гроб с большим оглавием.

Гравюра заставила повторить с целью проверки сборы материалов по истории каменного гроба в Европе (они предпринимались с периодичностью в 10 лет)¹⁰, на этот раз используя ресурсы Интернета. Подобранные примеры в очередной раз подтвердили, что для средневекового периода Европы антропоморфные гробы довольно характерны¹¹. Хотя оглавия обычно не имеют ясно выраженной внешней формы, внутри таких гробов четко вытесаны нишки для головы (различаются только деталями), ясно выражены плечики и часто изголовье для удобной укладки головы. Примеры серий средневековых саркофагов (как правило, начисто лишенных паспортов) в Англии: приходская церковь Всех Святых, Бэйквелл (Дербишир) и приорат Нортон (Ранкорн, Чешир); во Франции: аббатство Сент-Фуа в Конке (станция паломнического пути в Капостеллу), церковь Сент-Пьер в Морнак-сюр-Сёдр (деп. Пуату-Шарант) и др. (рис. 2: а–д). Снаружи трапециевидный блок иногда имеет закругленное или со скошенными углами оглавие, как в том же Сент-Фуа, в аббатствах Уитби (Йоркшир), Холируд (Эдинбург), в приорате Нортон и других (рис. 3: а, б). Иногда линия оглавия повторена внутри без заплечиков (каменный саркофаг с прямоугольным свинцовым гробом внутри в аббатстве Серых братьев (т. е. францисканцев) в Лейчестере,

XIII–XVII вв. С. 106, 110–112; Его же. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья. С. 14; Хрушкова Л. Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья (IV–VII века). М.: Наука, 2002. С. 102–103. Л. Г. Хрушкова, видимо, не дочитала мой текст в книге 1996 г. и приняла критику за апологию, не преминув за нее же и побранить (С. 103). Да, я назвал гипотезу Пановой остроумной, но в науке встречаются точки зрения, которые приходится оспаривать, не отказывая им при этом в провокативности.

¹⁰ Беляев Л. А. Русское средневековое надгробие. С. 106–108; Его же. Новое в изучении надгробных памятников Средневековья. С. 26, ил. 11–12.

¹¹ Конечно, необходим корпус поздних каменных саркофагов Европы, но его пока не составили.

a

Рис. 2. Средневековые саркофаги в Англии и Франции:

- a* – церковь Всех Святых (Бэйквелл, Дербишир);
- b* – приорат Нортон (Ранкорн, Чешир);
- c* – аббатство Сент-Фуа в Конке (Франция);
- d* – церковь Сент-Пьер в Морнак-сюр-Сёдр (деп. Пуату-Шарант, Франция)

b

c

d

а

б

Рис. 3. Средневековые саркофаги в Англии и Франции: а – аббатство Уитби (Йоркшир); б – Лимож (Франция)

а

б

с

Рис. 4. Средневековые саркофаги в Англии и Франции:

а – аббатство Серых братьев (францисканцев) в Лейчестере;

б – саркофаг в стене церкви св. Марии и св. Петра в Олдхэме (Манчестер);

с – саркофаг у церкви св. Романа в Плозеве (Бретань)

открытый при изучении погребения короля Ричарда III (рис. 4: а); саркофаг, вмонтированный в стену церкви прихода св. Марии и св. Петра в Олдхэме (Манчестер) (рис. 4: б); или с заплечиками: у церкви св. Романа в Плозеве, Бретань (рис. 4: с).

На скальных кладбищах вопрос о внешнем контуре саркофага и ставить бессмысленно: антропоморфные вместилища вытесаны непосредственно в породе, которая служит единым огромным гробом с несколькими отделениями, как в Ле Тьерсан (рис. 5).

Рис. 5. Саркофаги, вырубленные в скале. Ле Тьерсан (Франция)

С другой стороны, стоит вспомнить и о четко антропоморфных выкладках из камней, заменяющих саркофаги из цельных блоков, как в приорате Уитхорн (Шотландия).

Традиционно полагают, что саркофаги с антропоморфной вытеской изнутри принадлежат XII–XIII вв., однако точная датировка всегда под вопросом: не опираясь на археологический контекст, ее упрямо ставят в зависимость от сведений о погребенных, сохранившихся в письменных источниках. При этом предлагают род «меню» из имен – в результате в Лейчестере дата не просто колебалась между XIII и XV вв., но и сами гадания (иначе не называть) оказались просто нелепыми¹².

Не вернее ли опереться на вышеупомянутую гравюру? Ведь дата смерти Генриха Наваррского, 1610 г., четко совпадает с эпохой максимального распространения антропоморфных саркофагов Московии, а изображенный каменный гроб типологически им аналогичен. Но история офорта заставила усомниться. Считается, что в его основе – рисунок ученика Луи Давида, художника Э.-Г. Ланглуа¹³, сделанный при вскрытии погребения в 1793 г. Но сам лист выпущен

¹² Исследователи прямо так и писали: «The coffin could contain William de Moton, Peter Swynsfeld or William of Nottingham – who are all important people. Swynsfeld and Nottingham were heads of the Grey Friars order in England» – «В гробу могут находиться останки Уильяма де Мотона, Питера Суинфельда или Уильяма Ноттинхэмского – все они были важными персонами, а Суинфельд и Ноттинхэм к тому же возглавляли орден францисканцев в Англии» (см.: <http://www.le.ac.uk/richardiii/blog/page1.html>). Антропологический анализ, впрочем, установил, что в гробу – женский скелет.

¹³ Eustache-Hyacinthe Langlois, 1777–1837.

через четверть века (1817), после возвращения Бурбонов¹⁴. В эпоху Реставрации память об ужасах революции и выражение почтения к монархии были чрезвычайно востребованы. Среди мрачных эпизодов недавнего прошлого числилось разрушение некрополя королей в соборе Сен-Дени, своего рода «казнь покойников»: революционеры не только снесли памятники, но выкопали сами погребения, выбросив останки в специально выкопанный ров недалеко от собора. При этом была отмечена прекрасная сохранность тел, которые при захоронении мумифицировались. Среди них – тела короля Генрих и маршала Тюррена. Материалов вскрытый сохранилось мало, но их сопровождали краткие записи в особом журнале и, возможно, зарисовки Ланглуа.

Тем не менее гравюра вряд ли отражает реальную картину вскрытия – это своего рода манифест, символический нарратив. Действие происходит в темном сводчатом помещении типа крипты, к одному из столбов которой прислонен поднятый из склепа и поставленный вертикально гроб. Его крышка снята, и свет падает на сохранившееся лицо короля с красиво уложенной бородой и закрытыми глазами. Тело обернуто саваном, обвито лентами (на них надписаны названия битв, выигранных монархом) и уложено в четко прорисованный, суженный к ногам каменный саркофаг с большим полуциркульным оглавием. Это художественная композиция, а не натурная зарисовка: сколько известно, погребение Генриха IV совершено в наосе, а не в крипте; обычай надписывать ленты свивальника в обряд погребения не входил; лик короля изображен абсолютно сохранившимся, что мало вероятно¹⁵.

Есть и чисто стиливые подсказки, заставляющие воспринять сцену как фантазию художника; они ин-

¹⁴ История гравюры и библиография к ней: Lindsay S.G. Mummies and Tombs: Turenne, Napoleon, and Death Ritual // Art Bulletin. Vol. 82, n. 3. NY, 2000. P. 476–502.

¹⁵ Известна идеальная маска, якобы снятая после открытия погребения. На рынке реликвий в течение XIX–XX вв. переходила из рук в руки сама «голова короля» (отрезанная при вскрытии?), которая в 2000–2010-х гг. дважды подвергалась антропологической экспертизе – это отдельная и довольно запутанная история. В 2008 г. владелец головы, сохранившей остатки мягких тканей и кожи, предложил бывшему хранителю Версальского дворца Жан-Пьеру Бабелону организовать экспертизу, и в декабре 2010 г. патологоанатом Филипп Шарлье и группа из девятнадцати ученых признали голову подлинной, представив в 2013 г. реконструкцию лица (о чем широко вещательно сообщали в Сети, см. посты: И. Ракузина. Генрих IV нашел свою голову; Эксперты идентифицировали голову Генриха Наваррского; 460-летний Генрих IV получил реконструированное лицо и др.). Но большая группа ученых усомнилась в результате экспертизы и в реконструкции на основе анализа DNA. См.: Larmuseau M.H.D., Delorme P., Germain P., Vanderheyden N., Gilissen A., Van Geystelen A., Cassiman J.-J., Decorte R. Genetic genealogy reveals true Y haplogroup of House of Bourbon contradicting recent identification of the presumed remains of two French Kings // European Journal of Human Genetics. Vol. 22. 2014 (May). P. 681–687.

тересны и сами по себе. В гравюре заметны признаки «египтомании», зародившейся после похода Наполеона в Египет (1798–1801) и поныне не до конца исчезнувшей¹⁶. Стоящий вертикально раскрытый гроб, пелены с бинтами, на которых начертаны заклинивания, нетленная «мумия», антропоморфный саркофаг – все это характерно для «египетских» сюжетов XIX в. Иконографически композиция, однако, имеет и другую, более устойчивую параллель: «стоящее» в «гробе», подчас даже антропоморфном, обвитое бинтами тело имеет явный прообраз в иконографии «четверодневного» Лазаря в сцене его воскрешения. Символическая аллюзия слишком очевидна, чтобы ею пренебречь.

Таким образом, на гравюре перед нами, вероятно, аллегорическая агитка, стилизованная под археологическую зарисовку. И всё же – насколько невозможно, чтобы на такую стилизацию натолкнула художника реальная форма гроба? Подобные гробы, каменные и особенно свинцовые, довольно точно воспроизводящие форму человеческого тела, в Англии и Франции известны по крайней мере до XVI в., причем речь идет в основном о погребениях королевских семей и высшей знати. Например, когда в капелле св. Георгия в Виндзоре в 1813 г. работники принца-регента (Георг IV) случайно открыли склеп короля Генриха VIII и Джейн Сеймур¹⁷, оказалось, что гроб леди Джейн (†1537) неоспоримо антропоморфен и имеет плоскую крышку. Это отчетливо видно на акварели художника Альфреда Й. Натта (A. Y. Natt), сделанной с натуры при повторном вскрытии в 1888 г. Гроб короля, вероятно, того же типа, но он хуже виден, а два гораздо более поздних гроба (Карла I и его дочери Анны¹⁸) имеют суженное изголовье, но без выраженного оглавия¹⁹ (рис. 6).

Нужно вспомнить и о некрополе – ротонде храма Гроба Господня в Лондоне, знаменитом Тампле, где при реставрации 1841 г. открыли безымянные

¹⁶ В статье Сюзанны Линдсей (Lindsay S.G. Mummies and Tombs... P. 476–502) это не отмечено.

¹⁷ Королевский врач сэр Генри Хэлфорд (Halford) провел аутопсию тела короля, что не преминул отобразить в жутковатой гравюре известный карикатурист Джордж Крукшенк (George Cruikshank, *Meditations amongst the Tombs*, 1813). См. материалы архива Виндзора: archives@stgeorges-windsor.org

¹⁸ Обезглавленного короля после казни уложили в склеп его пращера.

¹⁹ По-видимому, гробы свинцовые. Как исключение, можно встретить почти портретные свинцовые гробы, изображающие покойного полулежа или сидя, с надписями на «теле», как гроб Джона Спенсера, одного из богатейших торговцев XVI в., лорд-мэра Лондона (†1596), открытый в 1808 г. в южном нефе церкви св. Елены и св. Троицы на Бишофсгэйт-стрит, в семейном склепе. См.: [Joseph Moser]. *Anecdotes of Sir John Spencer, knt, Lord Mayor of London, together with observations upon a leaden coffin, discovered in a vault in the parish church of St Helen, Bishopsgate street, London // European Magazine, and London Review. Vol. 64. 1813. Vestiges revived, XXV. P. 5–106.*

Рис. 6. Альфред Й. Натт. Вид склепа в Виндзоре. Акварель, 1888 г.

В центре – саркофаг короля Генриха VIII (†1547), слева от него – леди Джейн Сеймур (†1537), справа – Карл I (†1659)

(во всяком случае, они не связаны с сохранившимися надгробиями) погребения. Один из свинцовых гробов оказался антропоморфным внутри и снаружи, он украшен тисненными гербами, а один из каменных имеет вытесанную нишу²⁰ (рис. 7: а–б). В традиционной дате захоронений (XIII в.) следует усомниться.

В XVI в. укладываются и встреченные примеры «гравировок» на литых бронзовых надгробных плитах эпохи готики: среди них есть изображения, обобщенным обликом напоминающие русскую матрешку: у них открыто только лицо, а тело окутано саваном и свивальником (в одном случае налобник несет знак креста). Правда, известные мне примеры этого типа – детские и, вероятно, показывают не столько мертвеца в саване, сколько живого малыша в пеленках²¹ (рис. 8 а–б).

Таким образом, на новых материалах подтверждается довольно широкое распространение антропоморфных гробов в средневековой Европе, причем среди господствующих упрощенных прямоугольных и трапециевидных блоков встречаются, пусть редко, абсолютно сходные с раннемосковскими вариантами, которые к тому же в основном синхронны (XIV–XVI вв.) и социально близки.

²⁰ Addison Ch.G. *The History of the Knights Templars*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1842. 395 p. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sacred-texts.com/sro/hkt/hkt14.htm>; Richardson E. *Ancient Stone and Leaden Coffins ... recently discovered in the Temple Church*. London: Longman, Brown, Green, and Longmans, 1845. VI+28 p.

²¹ Coster W. *Tokens of innocence: Infant baptism, death and burial in Early Modern England // [Gordon B., Marshall P., eds.] The Place of the Dead: Death and Remembrance in Late Medieval and Early Modern Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. P. 266–287. Pl.14. 3–4.

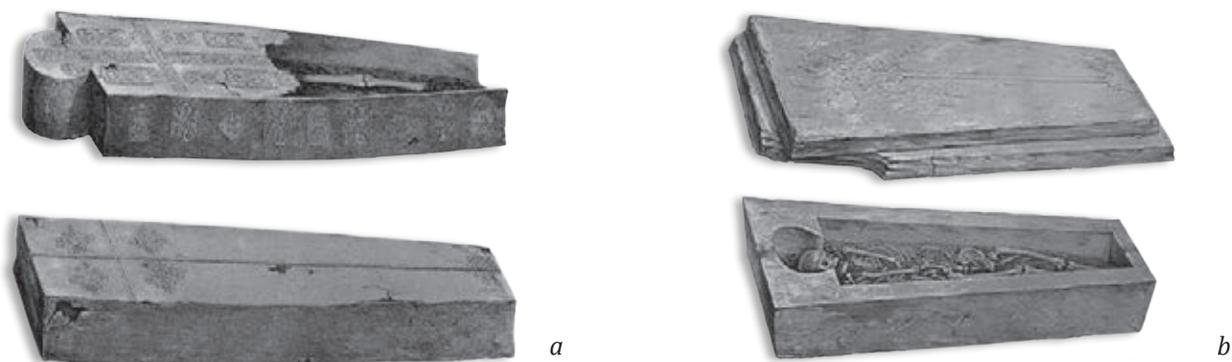
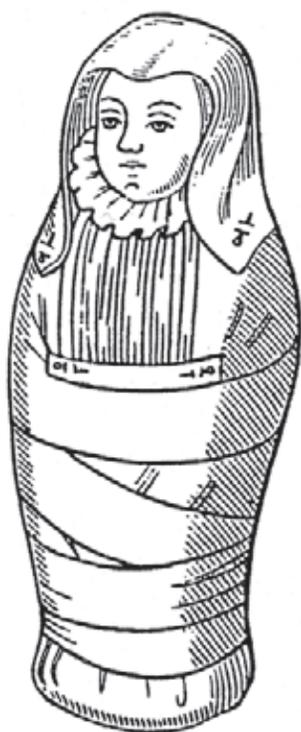

Рис. 7. Саркофаги из ротонды храма Гроба Господня в Лондоне, найденные при реставрации 1841 года: а – свинцовый; б – каменный с вытесанной нишей для головы (по: Richardson E. Ancient Stone...)

a

Рис. 8. Изображения на детских надгробиях XVI в. в графстве Суррей: а – 1587 г., Мэрстэм; б – 1516 г., Стоук Д'Эбернон (по: Coster W. Tokens of innocence...)

b

Pray for the soule of Thyn huan daughter
of Edward huan knyght & Jane hys wyfe
Whiche child dyed ye vii day of may 1516

Вернемся опять к гравюре 1817 г. с ее восточно-христианским и/или древнеегипетским иконографическим колоритом. Не могут ли и впрямь саркофаги (и Европы, и Московии) иметь восточные корни? Эта мысль появилась у исследователей уже в XVIII–XIX вв. – очень интересовавшиеся средневековым кладбищем английские антиквари были уверены, что такая форма гроба пришла в романский мир и готику благодаря Крестовым походам XII–XIII вв., где мирные пилигримы и монахи-рыцари знакомились с образцами древневосточного погребального искусства²². Все же изучить египетские

²² Ibid. P. 105: «Гробы Средневековья, будь то каменные или свинцовые, приобрели форму человеческого тела

или финикийские саркофаги у них вряд ли была возможность. Гораздо доступнее были примеры гробов с внутренними вытесками, которые уходили

под влиянием тамплиеров и членов других монашеских военных орденов, возвращавшихся из Святой Земли. Она восходила к восточным гробам и разнеслась из столицы по всей Англии. В свою очередь, восточные гробы обрели форму простейших антропоморфных в силу того, что тела обматывали и обливали специальными жидкостями, пока они не были полностью укутаны. Гробы свинцовые ближе к форме тела, так как этого легче добиться – но их сохранилось меньше из-за переплавок» (пер. мой. – Л. Б.). И сегодня в инвентарях церквей Англии встречаются прямые указания на принадлежность того или иного каменного гроба погребению рыцаря, вернувшегося из Крестового похода в начале XIII в. См. выше, илл. 4 б.

Рис. 9. Саркофаги с вытесками для головы. Средне-византийский период. Стамбул, Археологический музей

в раннехристианскую эпоху, но сохранялись в средне-византийской практике XII–XIII вв. и, возможно, позднее. По крайней мере, их должны были видеть в Константинополе крестоносцы Четвертого похода, разгромившие город. Они встречали их на побережье Малой Азии и Сирии, да и на Балканах, где такие формы известны в раннехристианский период (Царицын Град, Ниш) и позднее²³ (рис. 9: а–б).

Нужно отметить, что византийские образцы были доступны не только крестоносцам, но также русским паломникам, купцам, посланцам князей, посещавшим Константинополь, Грецию и Палестину. Такую форму могли занести на Русь греки – митрополиты, сопровождавшая их свита, да и другие выходцы с Балкан и христианского Востока. Но это, безусловно, могло стать возможным и благодаря контактам с Западной Европой, которой саркофаги разных форм были известны с раннехристианской

²³ Сводка раннехристианских антропоморфных саркофагов: Хрушкова, 2002. С. 100–103. Отмечу оригинальную гипотезу Хрушковой, предположившей связь форм саркофага с формами одноапсидной церкви. Конечно, уподобление гроба храмовому зданию – еще античная традиция, а присутствие среди нишек изголовья не только полуциркулярных, но и подковообразных (также, кстати, прямых и иных форм) позволяет проводить формальные параллели. Мне, однако, неизвестны такие отождествления в христианской церковной литературе, для которой гроб не является ни жилищем мертвеца, ни, тем паче, церковью. Вероятнее видеть здесь результат своеобразной моды на ту или иную форму и, соответственно, умения мастера строить на плоскости ту или иную кривую.

Рис. 10. Надгробие Изарна, аббата Сен-Виктор (†1048). Марсель, музей замка Борели (отливка с подлинника) (по: Hearn M. F. *Romanesque Sculpture. The Revival of Monumental Stone Sculpture in the Eleventh and Twelfth Centuries*. Ithaca (NY): Cornell University Press, 1981)

эпохи благодаря общей средиземноморской традиции – антропоморфные гробы отмечают как в Северной Африке, так и в Южной Франции (рис. 10). Вероятно, повторная встреча с их византийской версией в эпоху Крестовых походов способствовала развитию своеобразной моды на трапециевидный или прямоугольный в плане саркофаг, внутри повторявший форму тела, в некоторых случаях превращавшийся в полностью антропоморфный каменный или свинцовый гроб²⁴.

У Руси было несколько возможностей принять участие в сложении обычая хоронить покойных в антропоморфных гробах: в XII – первой трети XIII вв., когда в эпоху Крестовых походов в Европу из Византии проникла эта древняя восточная традиция; в XIV–XV вв. при оживлении связей Москвы с Константинополем; и даже в конце XV в. с приездом сюда итало-греческого «свадебного поезда» Софии Палеолог (последнее менее вероятно, но требуется учесть и эту возможность). Особое развитие антропоморфного гроба в московский период можно отнести на счет общего механизма усвоения и развития инноваций в довольно замкнутом пространстве Северо-Восточной Руси, который хорошо прослеживается на других типах артефактов (надгробиях, изразцах и др.)²⁵.

²⁴ Нельзя забыть и о возможности самостоятельной разработки в Европе простейших форм антропоморфного саркофага – не зря же он отвечает пропорциям человеческого тела.

²⁵ Отмечу попутно, что вторая известная на Руси традиция использования антропоморфных саркофагов – новгородский ладьевидный саркофаг XIV–XV вв. – отвечает общей тенденции антропоморфизации, ее можно уверенно соотносить с практикой изготовления каменных гробов в романской Европе и на «латинском Востоке» (с которой новгородцы были знакомы всё же лучше, чем москвичи). Многие саркофаги Новгорода имеют прямые аналоги во Франции и Британии, и такую выборку стоило бы составить.

Возможно, следует напомнить о широкой популярности сюжета «Воскрешение Лазаря» и распространении его иконографии, известной как западной, так и византийской иконописи, где в сцене воскрешения иногда изображают не только спеленутое тело Лазаря (само по себе очень похожее на антропоморфный гроб²⁶), но и каменный саркофаг или вход в пещеру с полукруглым оглавием или тимпаном (иконы «Лазарь из Вифании», мон. св. Екатерины на Синае (XII в.); «Воскрешение Лазаря», Новгородский музей-заповедник (XIV в.); мон. Пантократора, Афон (конец XV в., XVI в.) и Ставроники-ты, Афон (середина XVI в., Феофан Критский); Национальный музей, Белград (середина XIV в.), фреска церкви мон. Пантанассы в Мистре (около 1428 г.) и др. (рис. 11.)²⁷. Эти изображения и связанные с ними аллюзии, так же как изображения ряда других святых в пеленах, могли способствовать развитию и сохранению однажды предложенного типа саркофага.

В заключение следует сказать, что наиболее вероятным временем проникновения и самостоятельной доработки в Московии формы гроба в форме человеческого тела остается конец XIV – начало XVI в. – по крайней мере, до новых находок. Дальнейшие исследования позволят уточнить, откуда именно, прямо из Византии или с Запада, пришли на

²⁶ Стоит учесть и то, что именно сюжет «Воскрешение Лазаря» представлял в средневековой Европе и Руси древневосточную традицию погребения «мумий» в саване и бинтах, отчасти сохранявшуюся в обряде иудеев.

²⁷ Ср.: Беляев, 1963. Табл. 31 и 34.

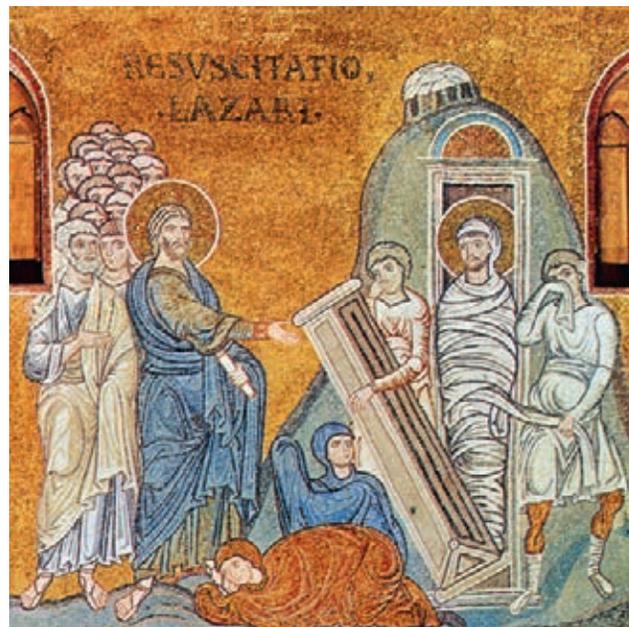

Рис. 11. Воскрешение Лазаря. Мозаика собора в Монреале (Сицилия), 1170–1180 гг.

Русь первые каменные антропоморфные саркофаги, сформировавшиеся благодаря развитию общей средиземноморской традиции. Еще важнее, конечно, понять, почему именно в Москве они так прочно, на 150–250 лет, прижились, получили широкое и устойчивое распространение несмотря на свою весьма сложную форму (или как раз благодаря ей?).

Summary

L. A. Belyaev

Notes on the History of Anthropomorphic Sarcophagi in Europe and Russia

In the archaeology of North-eastern Rus the question as to the appearance and development of stone coffins in the shape of the human body – with wide ‘shoulders’, a narrow part for the legs and a semi-circle for the head – has been discussed ever since the middle of the 20th century. These artefacts were widely used in Muscovy in the 16th century and the first half of the 17th. As far back as the 1940^s one sarcophagus of this kind was found in Suzdal and another in Bogolyubovo (near Vladimir). They were dated to the 12th century but that date is the subject of controversy and has not been confirmed since. The main problem connected with the sarcophagi is their

origin, because anthropoid sarcophagi belong to a select range of items which were actively developed in Muscovy and served to define its artistic and funerary traditions. This article provides a survey of similarly shaped artefacts made in Western Europe and Byzantium and views concerning how they appeared. Attention is drawn to the likelihood or not of West Europeans being acquainted with anthropomorphic coffins at the time of the Crusades in the Near East and Constantinople in the 12th and 13th centuries, but earlier traditions are also considered. Iconographic prototypes are pointed out as well, particularly in the composition “The Raising of Lazarus”.

Начальный этап формирования усыпальницы Вознесенского собора Московского Кремля (XV век)

Длительная и сложная история кремлевских средневековых усыпальниц, на первый взгляд, хорошо отражена в литературе о прошлом столицы России. Но в трудах XIX – начала XX в. о Москве династические и монастырские некрополи Кремля охарактеризованы лишь в общих чертах¹. Состав этих некрополей и их топография представлены в крайне ограниченном числе исторических публикаций². Интерес к усыпальницам правящей элиты средневековой России активизировался во второй половине XX в., что во многом объясняется открытием в 1953 г. свободного доступа к памятникам и древностям Кремля. Но к тому времени ряд объектов исторической топографии Кремля, в основном, церковные постройки, были безвозвратно утрачены. В их число входил собор во имя Вознесения Господня (рис. 1) с размещавшимся в нем некрополем русских великих и удельных княгинь и цариц XV – первой трети XVIII в.

Благодаря трудам протоиерея Вознесенского собора А. Пшеничникова в конце XIX в. увидели свет две книги, наиболее полно представляющие историю этой женской обители, ее усыпальницы и монастырского кладбища³. Они отражали также и топографию интересующего нас некрополя, так как был опубликован план собора (рис. 2) с трид-

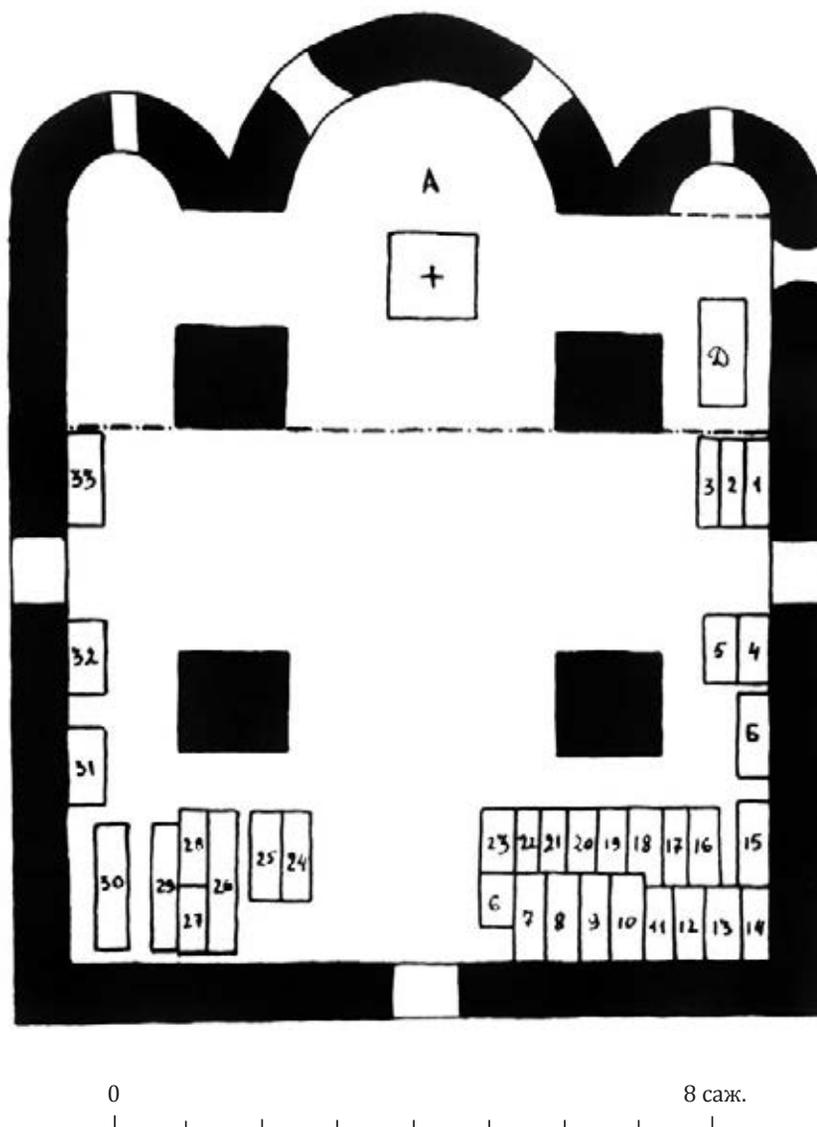
Рис. 1. Вознесенский собор Кремля.
Фото конца XIX в.

¹ Лаврин А. Хроники Харона: энциклопедия смерти. М., 1993. С. 254.

² Дмитриев Д. С., свящ. Вознесенская святой великой княгини Евфросинии обитель. Сергиев Посад, 1908.

³ Пшеничников А., прот. Соборный храм Вознесения Господня в Вознесенском девичьем монастыре в Москве. М., 1886; Его же. Краткое историческое описание Вознесенского девичьего монастыря в Москве. М., 1894.

Рис. 2. План Вознесенского собора и некрополя в нём.
Из книги А. Пшеничникова
«Соборный храм Вознесения Господня
в Вознесенском девичьем монастыре
в Москве»

цатью пятью могилами⁴. Историки XIX – начала XX в. отмечали, что в составе некрополя отсутствовали захоронения некоторых великих княжон и удельных княгинь XV–XVI в., о которых сообщали летописные хроники. Анализ письменных данных и планов из книг А. Пшеничникова свидетельствует о том, что погребенных в усыпальнице должно быть больше. Но реконструировать историю, топографию и состав статусного некрополя Вознесенского собора, используя только эти два вида источников, невозможно. Наиболее полноценными материалами при изучении средневековых объектов такого рода являются археологические данные.

В случае с Вознесенским монастырем, разрушенным на рубеже 1920–1930-х гг., комплексная

⁴ Пшеничников А. Соборный храм Вознесения Господня. С.33; Его же. Краткое историческое описание Вознесенского девичьего монастыря. С.30.

историко-археологическая характеристика все же возможна. Она обусловлена наличием ряда архивных материалов периода активной антицерковной политики советского государства, затронувшей и архитектурный ансамбль Московского Кремля. Исследователи истории Вознесенского собора располагают сегодня свидетельствами, зафиксированными в 1929 г. при разрушении храма-усыпальницы в рисунках архитектора П. Н. Максимова, фотоматериалах и «Дневнике вскрытия захоронений бывшего Вознесенского монастыря в Московском Кремле» (далее – «Дневник вскрытия»). Для изучения также доступны сами захоронения, спасенные от уничтожения сотрудниками Оружейной палаты; с начала 1930-х гг. гробы размещаются в подземной палате рядом с южной стеной Архангельского собора Московского Кремля. Специальная комиссия, в которую осенью 1929 г., кроме

музейных работников, вошли представителя Главнауки, сотрудники Московского университета и фотограф, провела вскрытие погребений на месте их обнаружения, описание и фотосъемку, а также организовала перевозку белокаменных гробов с останками в Архангельский собор, а затем – в подземную палату рядом с ним (рис. 3). Все эти материалы дают возможность в значительной степени уточнить состав женского престижного некрополя и его топографию.

В данной публикации рассматривается топография и состав усыпальницы Вознесенского собора на XV столетие. Но прежде кратко представим историю появления на территории средневековой крепости Москвы женской обители и престижного некрополя в ней. В исторической литературе отражено празднование пятисотлетия Вознесенского женского монастыря в 1889 г. с привязкой к дате смерти ее основательницы – 7 июля. Но даже в юбилейных изданиях фиксировалось отсутствие в летописях точной даты основания обители; она была назначена по благословию митрополита московского Иоанникия⁵.

В письменных источниках монастырь впервые назван в описании событий 1407 г.; зафиксирована закладка каменного храма, строительство которого растянулось на долгие шестьдесят лет. Его сооружение было начато весной 1407 г.: «Великая княгини Евдокея Дмитриева заложи церковь камению на Москве Вознесение, мая 20»⁶. Второе упоминание храма мы найдем в описании смерти этой великой княгини, последовавшей в июне того же года: «Месяца иуна въ 7 день преставися великая княгини Еудокія Дмитриева Ивановича, нареченная въ мнишьеском чину Еуфросиния, и положена бысть в монастыри въ церкви Възнесения, юже сама заложи»⁷.

Погребение великой княгини в только что заложенном храме может вызвать недоумение. Но то, что могила Евдокии Дмитриевны открыла собою ряд захоронений нового престижного некрополя, сомнению не подлежит. Недостроенный храм все же был освящен, как это иногда делается в исключительных случаях – так называемым малым освящением. Только под 1422 г. отмечена следующая погребальная церемония в этой женской обители: «иуля 11 преставися княгини Настасья княжа Юрьева Дмитриевича въ Звенигороде, а положена на Москве у Възнесенья»⁸. Это сообщение служит лишним доказательством того, что недостроенный храм все же был освящен и на его территории можно было совершать погребения. Интересные сведения о ходе

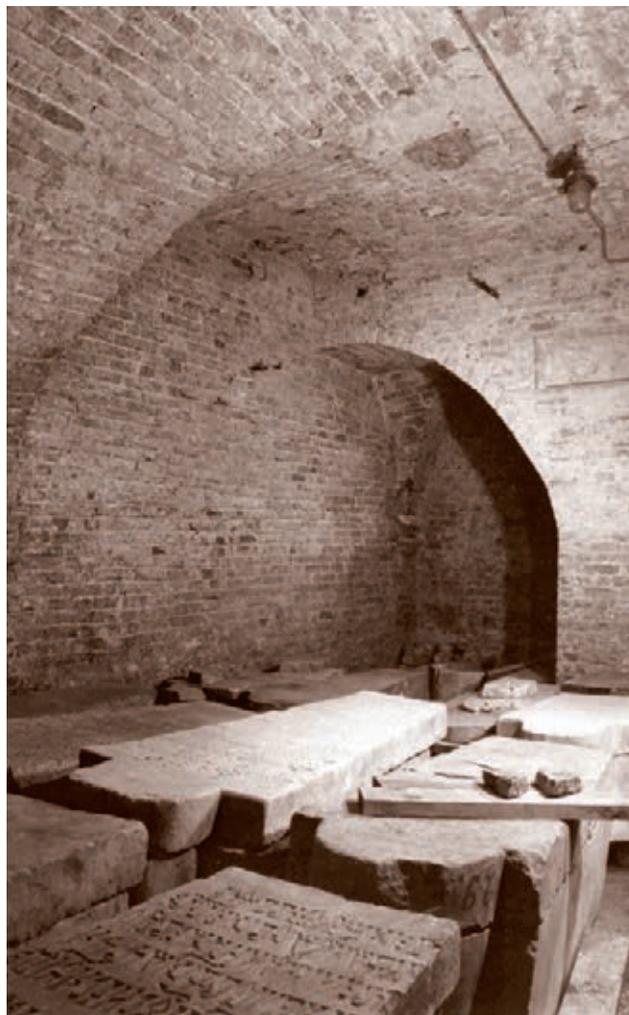

Рис. 3. Саркофаги XV–XVI вв. в подземной палате в Кремле. 1990-е гг.

сооружения Вознесенского собора зафиксированы под 1467 г. в связи со смертью великой княгини Марии Борисовны, первой жены Ивана III: «Априля в 22 в 3 час ноци преставися велика княгини Марья и положена в церкви Възнесения в 24»⁹. Ниже подробно описана история строительства храма: «А заложена была та церковь великою княгинию Евдокею Дмитриевую Ивановича преже сего за шестьдесят лет и два лета»¹⁰. Близкие по содержанию сведения об этом есть также в Симеоновской¹¹ и Воскресенской¹² летописях и в Ермолинском своде¹³.

⁹ Там же. С. 379.

¹⁰ Там же.

¹¹ Симеоновская летопись. Рязань, 1997. С. 298–299. (РЛ; т. 1).

¹² Воскресенская летопись. Рязань, 1998. С. 205. (РЛ; т. 3).

¹³ Ермолинская летопись. Рязань, 2000. С. 210. (РЛ; т. 7).

⁵ Пятисотлетие Московского Вознесенского девичьего первоклассного монастыря. М., 1889. С. 3.

⁶ Львовская летопись. Рязань, 1999. С. 288. (РЛ; т. 4).

⁷ Московский летописный свод конца XV века. Рязань, 2000. С. 322. (РЛ; т. 8).

⁸ Там же. С. 334.

Второй этап строительства Вознесенского собора был связан с годами княжения Василия II, когда монастырю традиционно покровительствовала его мать, вдовствующая великая княгиня Софья Витовтовна. Но в год ее смерти в 1453 г. работа еще не была завершена – «верху не сведе». Великая княгиня Мария Ярославна (вдова Василия II Темного) пригласила для перестройки храма известного подрядчика Василия Дмитриевича Ермолина. Произошло это после опустошительного пожара в Кремле 1465 г.¹⁴ И к 1467 г. Василий Ермолин организовал и провел реставрацию и достройку Вознесенского собора, инициировала которую великая княгиня Мария, постригшаяся после смерти мужа Василия Темного (в 1462 г.) в этой кремлевской обители. Храм-усыпальница великих и удельных княгинь наконец-то приобрел достойный его некрополя вид. Церемония освящения собора состоялась 3 ноября 1468 г.

Но и в недостроенном Вознесенском соборе продолжались погребальные церемонии. В 1453 г. «июня 15 преставися великаа княгини Софья Васильева Дмитриевича в мнишеском чину; и положена того же дни в монастыри у Възнесения на Москве, идеже и свекры еа велика княгини Евдокеа, нареченна в мнишеском чину Ефросиниа»¹⁵. В 1466 г. умерла жена князя Петра (сына Дмитрия Донского), «жив долго в черницах и в скиме на Москве оу Вознесения, нареченная в мнишескомъ чину Ефросинья»¹⁶.

В 1483 г. в Вознесенском соборе была похоронена жена другого удельного князя – Андрея Васильевича Большого (брат Ивана III)¹⁷. Воскресенская летопись приводит имя этой женщины: «Тое же весны преставися княгини княже Андреева Васильевича Елена»¹⁸. Весной 1485 г. в Вознесенском соборе была погребена и проживавшая в этом монастыре на покое великая княгиня Мария Ярославна (в монашестве Марфа), вдова Василия Темного: «Преставися великая княгини Марфа мати великого князя в черницах и в скиме, и положена у Вознесения на Москве, едеже постриглася»¹⁹. В список представительниц великокняжеской семьи следует включить также великую княжну Феодосию, дочь Ивана III и Софьи Палеолог, умершую в 1501 г.²⁰ и великую княгиню Софью Палеолог, скончавшуюся в 1503 г.²¹ В каждом из летописных свидетельств отмечено место их захоронения – «в церкви Вознесения на Москве».

¹⁴ Московский летописный свод. 2000. С. 379.

¹⁵ Воскресенская летопись. С. 195.

¹⁶ Типографская летопись. М., 2000. С. 186. (ПСРЛ; т. XXIV).

¹⁷ Львовская летопись. С. 453.

¹⁸ Воскресенская летопись. С. 285.

¹⁹ Львовская летопись. С. 456.

²⁰ Там же. С. 481.

²¹ Там же. С. 484.

Выявление всех захоронений XV в. в составе некрополя сегодня затруднено тем, что надписи на крышки белокаменных саркофагов стали наносить только во второй четверти XVI в. Краткие эпитафии, зафиксированные на крышках саркофагов великой княгини Евдокии (1407 г.), Софьи Витовтовны (1453 г.) и Софьи Палеолог (1503 г.), выполнены в технике граффити, процарапаны одной рукой, и сделано это могло быть в 1519 г.²² В тот год по повелению Василия III обветшавший Вознесенский храм перестроили. Данных о том, что на время строительства белокаменные саркофаги с останками куда-то перенесли, нет. Но видимо, именно тогда были помечены гробы великих княгинь XV столетия²³, что подтверждает и палеографический анализ надписей²⁴.

В летописных сводах, а они – единственный письменный источник для определения списка погребенных и воссоздания топографии некрополя на XV столетие – зафиксированы семь захоронений этого периода. В сообщениях упомянуты погребения пяти великих, трех удельных княгинь и одной княжны. Но летописные данные редко содержат упоминания о местах могил женщин в пределах собора. Это не позволяет только по письменным источникам представить полную схему их размещения в храме-усыпальнице. На помощь в решении данной проблемы приходят сведения исторической литературы конца XVIII–XIX в., архивных документов рубежа 1920–1930-х гг. и натурные исследования.

Самый первый «Путеводитель к древностям и достопамяностям Московским» 1792 г. не обошел своим вниманием усыпальницу Вознесенского собора в Кремле. На его страницах отмечено наличие тридцати пяти могил в самом храме и пяти – в его северном Успенском приделе²⁵. Несмотря на отсутствие эпитафий на памятниках, отмечавших могилы XV столетия, в путеводителе четко названы захоронения великих княгинь XV в. – Евдокии Донской, Софьи Витовтовны, Марии Борисовны и Марии Ярославны²⁶.

В первой четверти XIX в. изучением некрополя занимался А. Ф. Малиновский, оставивший нам довольно подробное описание Вознесенского монастыря и некрополя в нем с 35-ю захоронениями²⁷. Эти мате-

²² Панова Т. Д. Три надписи-граффити из некрополя церкви Вознесения Московского Кремля // ПКНО, 1989. М., 1990. С. 8–9.

²³ Там же. С. 9.

²⁴ Житенёва А. М. Палеографическое описание надписи-граффито на крышке саркофага Евдокии Донской // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: материалы исследований: в 4 т. Т. 2: Погребения XV – начала XVI в. [в печати].

²⁵ Путеводитель к древностям и достопамяностям Московским. М., 1792. С. 230.

²⁶ Там же. С. 230–232.

²⁷ Дневник вскрытия захоронений б. Вознесенского монастыря в Московском Кремле, 1929 г. // ОРПГФ МЗ МК. Ф. 20. Д. 14. Л. 15.

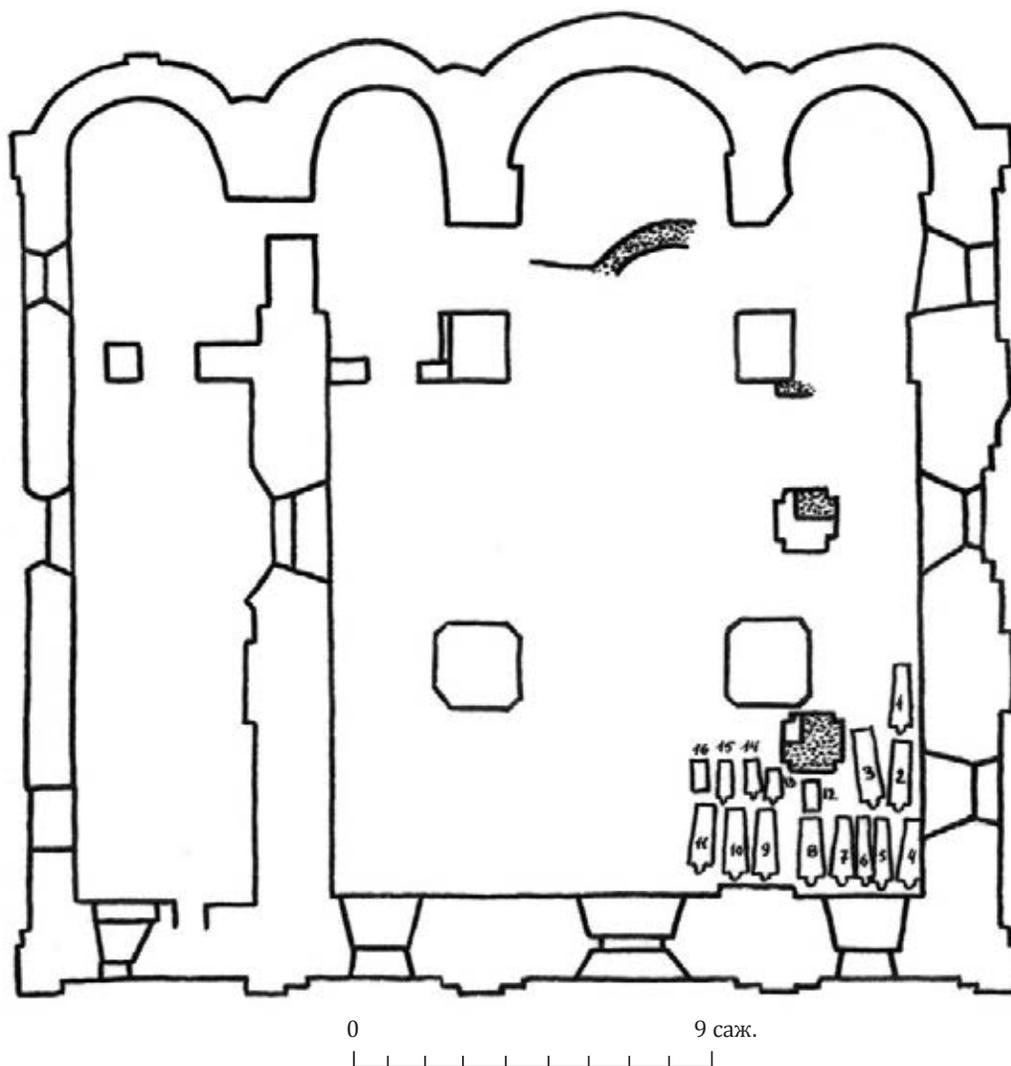

Рис. 4. Могилы великих княгинь и цариц XV – начала XVII в. в юго-восточном углу Вознесенского собора. Чертеж на основе рисунков П. Н. Максимова 1929 г. Из ст. А. Л. Баталова «Собор Вознесенского монастыря в Московском Кремле» (ПКНО, 1883. Л., 1985)

риалы до настоящего времени не введены в научный оборот. Но в опубликованном варианте труда А. Ф. Малиновского не приведено приложение с перечислением имен женщин, погребенных в Вознесенском соборе. В нем упомянуты имена только великих княгинь, погребенных в храме в XV – начале XVI в.: Евдокии Дмитриевны, Софьи Витовтовны, Марии «тверитянки», Марии «во иноцех» Марфы и Софьи Палеолог»²⁸.

Итак, на первом этапе изучения истории женской кремлевской усыпальницы Вознесенского собора сведения о могилах удельных княгинь не упоминаются. Память о погребенных под надгробиями в юго-западном углу собора великих княгинях XV в., которые частично оказались закрытыми с северной и западной сторон более поздними памятными со-

ружениями, все же сохранялась и отражена в архивном материале и публикациях конца XVIII – начала XIX в. Несомненно, что в соборе существовали описи некрополя, поскольку здесь совершались поминальные службы по представительницам высшей знати государства. Сегодня местонахождение могил великих княгинь XV в. в храме не вызывает вопросов. И планы усыпальницы на период XIX столетия, и материалы 1929 г. подтверждают, что могилы великих княгинь Евдокии Дмитриевны (1407 г.), Софьи Витовтовны (1453 г.) и Марии Ярославны (1485 г.) находились слева от южного входа в храм, вдоль южной стены (рис. 4: 1–3). В юго-западном углу, вдоль западной стены, слева от захоронения Марии Ярославны, располагались погребения Марии Борисовны (1467 г.) и Софьи Палеолог (1503 г.) (рис. 4: 4–5).

²⁸ Дневник вскрытия ... Л. 14.

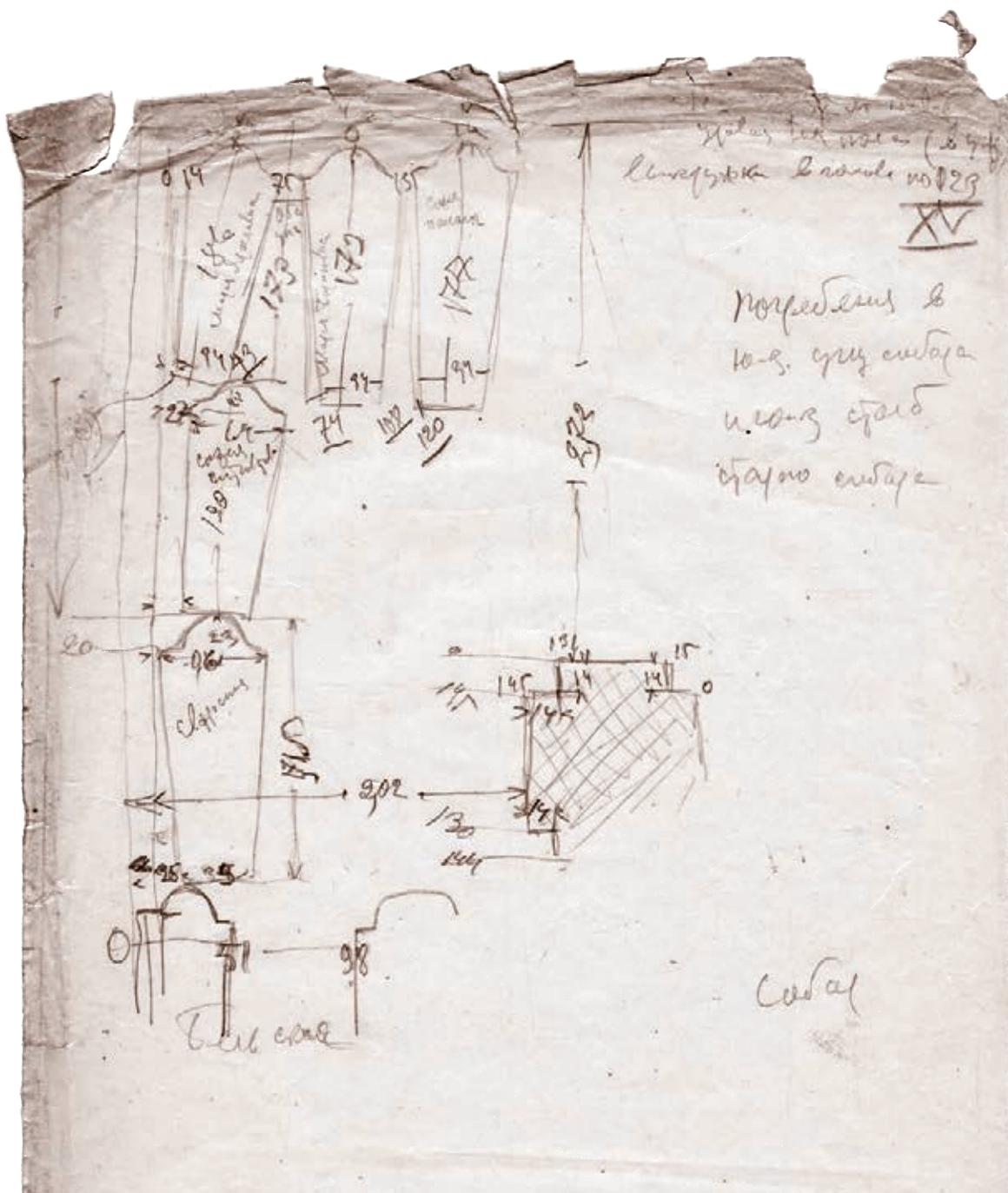

Рис. 5. Саркофаги великих княгинь XV в. в юго-восточном углу Вознесенского собора. 1929 г. Рисунок П. Н. Максимова (ГНИМА им. А. В. Шусева. Отдел графики. Папка 3087. Л. XV)

Следует обратить внимание на то, что саркофаги великих княгинь XV в. были помещены на значительную глубину. К сожалению, на сохранившихся рисунках П. Н. Максимова этот важный момент не отражен в цифрах (рис. 5). Практически нет таких данных и в «Дневнике вскрытия». Анализ фотоснимков 1929 г. позволяет понять, что саркофаги XV в. находились на

глубине не менее 2,0 м. Причем дальнейшее формирование некрополя не затронуло эту часть кладбища – других саркофагов над этими ранними могилами нет. Так, у западной стены храма в юго-западном углу, рядом с участком более древних великокняжеских захоронения XVI в. совершены были на значительно меньшей глубине.

Столь четкое размещение могил разного времени в юго-западном углу храма свидетельствует о том, что места захоронений великих княгинь XV столетия первоначально были как-то выделены в интерьере Вознесенского собора. Видимо, надгробные сооружения здесь появились достаточно рано. Косвенно об этом свидетельствуют памятники Архангельского собора-усыпальницы. Захоронения XIV–XV в. этого храма в 1505 г. были выкопаны и перенесены на время перестройки собора в кремлевскую церковь Иоанна Лествичника. Тогда же над ними восстановили надгробия и заново изготовили резные плиты с эпитафиями, тексты которых были скопированы со старых плит (по заключению палеографа А. М. Житенёвой).

В составе усыпальницы сохранились данные о могилах пяти великих княгинь XV столетия, но сведений о размещении могил удельных княгинь этого времени в источниках и исторической литературе нет – только краткие упоминания о захоронении в Вознесенском соборе на страницах летописей. Как нет их и на чертежах, составленных П. Н. Максимовым в 1929 г. Как показывает анализ «Дневника вскрытия», отдельные из саркофагов вообще не попали в кроки, составленные этим архитектором. Что, впрочем, объясняется спешностью работ, их большим объемом и другими, не зависящими от комиссии, обстоятельствами. Но сравнение плана из книг А. Пшеничникова и рисунков 1929 г., анализ архивных фотоснимков и дневниковых записей, а также исследования палеоантропологов позволили получить дополнительную информацию для реконструкции истории некрополя Вознесенского собора в XV столетии.

Топография и датировка захоронений указанных выше представительниц великокняжеской семьи определялась по таким признакам, как форма саркофагов, место и глубина могил, возрастные характеристики останков, детали погребального инвентаря. Основным источником, который дает возможность локализовать участки некрополя с могилами удельных княгинь XV в., является «Дневник вскрытия» 1929 г. На его страницах привлекает внимание упоминание группы из четырех саркофагов без надписей на крышках – это номера 66/1929 и 67/1929 и два объекта без нумерации²⁹. Данные погребения были выявлены в 1929 г. в северо-западном углу Вознесенского собора. Обстоятельства их обнаружения, отмеченные в «Дневнике», и архивные фотоматериалы позволяют многое определить в истории формирования этой части некрополя.

Во-первых, в северо-западном углу храма были выявлены два яруса захоронений, причем нижний (66/1929, 67/1929 и два б/н, б/и) четко размещался под саркофагами второй половины XVI–XVII столе-

Рис. 6. Безымянные саркофаги в северо-западном углу Вознесенского собора. Фото 1929 г. ОРПГФ МЗ МК. Фотоподборка 51

тия, на значительной глубине между северо-западным столбом и западной стеной. Во-вторых, нижний ряд погребений составляли на этом участке некрополя саркофаги без эпитафий. Отсутствие последних характерно для погребальных сооружений и намгильных плит XV в., что прослеживается по материалам и других некрополей русского Средневековья. В-третьих, как отмечено в «Дневнике вскрытия», захоронения 66/1929 и 67/1929 размещались между западной стеной и северо-западным столбом храма, «у северной стены древнего собора»³⁰; имеется в виду фундамент стены (рис. 6). В-четвертых, фотоматериалы 1929 г. свидетельствуют, что по форме выделенных оголовий (достаточно округлых очертаний) эти саркофаги относятся в основном к XV в.

Судя по фотографиям захоронений 66/1929 и 67/1929, это саркофаги антропоморфной формы. К тому же исследователями в 1929 г. отмечено, что по-

²⁹ Дневник вскрытия... Л. 10, 11, 15, 16.

³⁰ Там же. Л. 10, 11.

Рис. 7. Глиняный поливной ритуальный сосудик из саркофага великой княгини Софьи (1453 г.). Археологический фонд МЗ МК. Арх-384

гребения совершены до постройки нового собора в начале XVI в., но возле фундаментов северной стены старого³¹. Столь компактное расположение ранних безымянных саркофагов в северо-западном углу собора представляется неслучайным. Симптоматично и наличие в погребении 66/1929 глиняного ритуального сосудика (рис. 7). В этом некрополе такие отмечены только в погребениях XV столетия³². Известно, что использование глиняных поливных чашечек в качестве погребальной посуды в период Средневековья не выходит за пределы XIV–XV вв. Важно то, что ранние захоронения XV в. возле южной стены храма и в его юго-западном углу также совершены на значительной глубине, ниже яруса погребений второй половины XVI и XVII столетий. Определив группу ранних погребений, несомненно относящихся – по целому ряду признаков – к XV столетию, выскажем свои предположения о месте размещения в некрополе Вознесенского собора могил удельных княгинь Анастасии (1422 г.), инокини Евфросинии (1466 г.), Елены Мезецкой (1483 г.) и княжны Феодосии. Об их погребении в этом храме есть данные в летописных сводах, но память о могилах была утрачена достаточно рано.

Симптоматично, что все четыре саркофага из нижнего яруса захоронений в северо-западном углу храма размещены в пределах его первоначального здания (1467 г.). Саркофаги 66/1929 и 67/1929 залежали вплотную к фундаменту северной стены старого собора. Поскольку формирование некрополей в храмах практически всегда начинается возле стен, эти погребения несомненно следует считать древнейшими в группе, размещенной в северо-западном углу храма. Архивные материалы и результаты антропологического исследования останков из гроба

66/1929 позволяют предположить такую схему формирования данной части женской усыпальницы в XV в. В саркофаге 66/1929, и говорить об этом можно с большой долей вероятности, была погребена удельная княгиня Анастасия, жена Юрия Галицкого и Звенигородского (рис. 8: 6). Она умерла в 1422 г. в возрасте около тридцати пяти лет. Антропология останков из саркофага 66/1929 подтвердила этот возраст усопшей³³. У правого ее плеча зафиксирован глиняный ритуальный сосудик. Это было второе по времени погребение в данном храме и первое – удельной княгини. Совершили его в стороне от единственного на тот период великокняжеского – Евдокии Дмитриевны. Традиция выделения разных участков в храмах-усыпальницах великокняжеской семьи для захоронения людей разного статуса хорошо прослеживается по материалам некрополя Архангельского собора, где могилы великих князей занимают пространство вдоль южной стены, а удельных – вдоль западной и северной (могилы опальных).

Дополнительной причиной для такого размещения могилы удельной княгини Анастасии послужили весьма непростые взаимоотношения между великим князем Василием II и семьей его дяди звенигородского князя Юрия Дмитриевича по вопросу престолонаследия, приведшие к затяжной гражданской войне во второй четверти XV столетия. В саркофаге 67/1929 костные останки не сохранились. В 1929 г. их изъяли, так как треснувший на несколько частей гроб вынуть целиком возможности не было. К тому же, ученых заинтересовал необычный способ пеленания ног умершей – каждой отдельно. Но в дальнейшем почему-то останки не были возвращены в гроб³⁴. Следуя хронологии событий, можно связать это погребение с личностью монахини Вознесенского монастыря Евфросинии (рис. 8: 7), вдовы дмитровского князя Петра, скончавшейся в 1466 г. в очень пожилом возрасте (не менее 75 лет). Кстати, в ранних саркофагах рассматриваемой группы отсутствует именно такой возрастной скелет. По незадокументированным сведениям (воспоминаниям сотрудников музеев Кремля), в «подвале» в ящике находился скелет, вынутый из саркофага для антропологических исследований. Возможно, речь идет именно о захоронении 67/1929 г., так как в «Дневнике вскрытия» отмечено, что из этого растрескавшегося саркофага останки переложены в отдельный деревянный ящик³⁵ (не сохранились).

³³ Васильев С.В., Боруцкая С.Б., Халдеева Н.И. Антропологическое исследование останков удельной княгини Анастасии // Некрополь русских великих княгинь и цариц в Вознесенском монастыре Московского Кремля: материалы исследований: в 4 т. Т.2: Погребения XV – начала XVI века [в печати].

³⁴ Дневник вскрытия ... Л. 16.

³⁵ Панова Т.Д. Кремлевские усыпальницы. М., 2003. Приложение 1: Дневник вскрытия. С. 193, 197.

³¹ Дневник вскрытия ... Л. 15.

³² Там же. Л. 14.

Два других захоронения из нижнего яруса в северо-западном углу Вознесенского собора (размещались между северо-западным столбом и западной стеной, ближе к западному входу) есть основание также отнести к концу XV – первым годам XVI столетия. На сегодняшний день благодаря записям в «Дневнике вскрытия» мы знаем, что это были два захоронения взрослых женщин в белокаменных саркофагах.

В списке княгинь, погребенных в Вознесенском соборе в XV в., остается два имени – удельной княгини Елены Мезецкой (1483 г.), жены князя Андрея Большого, и великой княжны Феодосии Ивановны (1501 г.). Эти два саркофага не дошли до наших дней. По каким-то причинам нижний ряд погребений в северо-западном углу собора не был зафиксирован на чертежах П.Н.Максимова. В архивном собрании музея-заповедника «Московский Кремль» отсутствуют и фотографии этих двух объектов. В «Дневнике вскрытия» эти два саркофага лишены номеров и подробных описаний. Возможно, плохая сохранность гробов стала причиной того, что сегодня их нет в составе некрополя. Не исключено, что их откопали и вывезли еще до начала работы комиссии по спасению захоронений Вознесенского собора. Могила удельной княгини Елены Мезецкой должна была размещаться в стороне от великокняжеских по статусу – как жены удельного князя, к тому же брата великого князя Ивана III, отношения с которым постоянно омрачались сепаратистскими настроениями Андрея Васильевича Большого, что привело его к гибели в тюрьме. Поэтому мы вряд ли ошибемся, отнеся один из безымянных саркофагов, упомянутых на странице «Дневника вскрытия», к захоронению удельной княгини Елены (рис. 8: 8).

Во втором безымянном саркофаге этого участка некрополя, предположительно, была захоронена великая княжна Феодосия (рис.8: 9). Следует также учитывать, что удельная княгиня Елена и юная княжна Феодосия были последними, кого в 1483 и 1501 гг. похоронили в северо-западном углу усыпальницы. Остальные погребенные в конце XV – первые годы XVI в. были великими княгинями и упокоились (в 1485, 1503 и 1505 гг.) в южном нефе Вознесенского собора.

В целом, учитывая состояние источников, определить состав похороненных в северо-западном углу женского храма-усыпальницы можно с определенной долей вероятности. Но с другой стороны, такие критерии, как иерархия средневекового общества, родственные связи, взаимоотношения между разными ветвями московской правящей семьи в конкретный период, личный вклад в историю России представителей рода, позволяют выделить группу исторических лиц, достойных погребения в женской великокняжеской усыпальнице в Кремле. Краткость точных исторических данных, а глав-

ное – фрагментарность археологической составляющей, заставляют рассмотреть и другие версии возможной принадлежности ранних безымянных захоронений из северо-западной части некрополя Вознесенского собора. Представленный вариант древнейшего этапа топографии усыпальницы и должен быть подкреплен анализом других реконструкции ранней истории одной из самых интереснейших (по персоналиям) усыпальниц средневековой России.

Исходить при этом следует из состава семей московских великих князей и их братьев, сформировавшихся на протяжении последней четверти XIV–XV в. Так, у великой княгини Евдокии Дмитриевны известны четыре дочери. Но первая из них, Софья, стала женой рязанского князя Федора и, скорее всего, была упокоена в храме-усыпальнице столицы этого княжества. Вторая, Мария, была выдана замуж в Литву, за князя Лугвеня Ольгердовича, и после смерти в 1399 г. ее и похоронили в Кремле в церкви Рождества³⁶. Третью дочь Дмитрия Донского, Анастасию, отдали в 1397 г. замуж за новоторжского князя Ивана Холмского. Время ее смерти, как и место захоронения, неизвестны; видимо, это была одна из усыпальниц Тверской земли. Четвертая в семье великого князя Дмитрия стала женой выходца из Литвы князя Юрия Патрикеевича и закончила свои дни в Москве, но место ее погребения неизвестно.

Все три дочери великой княгини Софьи и Василия I оказались, в силу политической необходимости, далеко от Москвы и после смерти были погребены в монастырских некрополях и усыпальницах столиц владений их мужей: Анна – в Константинополе³⁷, Анастасия – в Киеве, а Василиса – в Суздале. У рано умершей великой княгини Марии Борисовны известен только один сын – Иван Молодой. Единственная дочь великой княгини Марии Ярославны (Анна), выданная замуж в 1464 г. за рязанского князя, похоронена была в Рязани, «отчине» своего мужа Василия.

Обратимся к данным о семьях удельных князей. У звенигородской княгини Анастасии родились четыре сына, удельный князь Петр Дмитриевич и его жена, известная по иноческому имени (Ефросиния), потомства не оставили. У Елены Романовны Мезецкой в браке с удельным князем Андреем Васильевичем Большим известны два сына. Из длинного списка потомков интересующих нас великих и удельных княгинь лишь Анна Дмитриевна могла быть погребена в родовой усыпальнице московских государей, но данных об этом в хрониках нет. Следует отметить еще два имени, связанных с семьей

³⁶ Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 229. (ПСРЛ; т. 25).

³⁷ Панова Т.Д. Великая княгиня Софья Палеолог. М., 2005. С. 5–9.

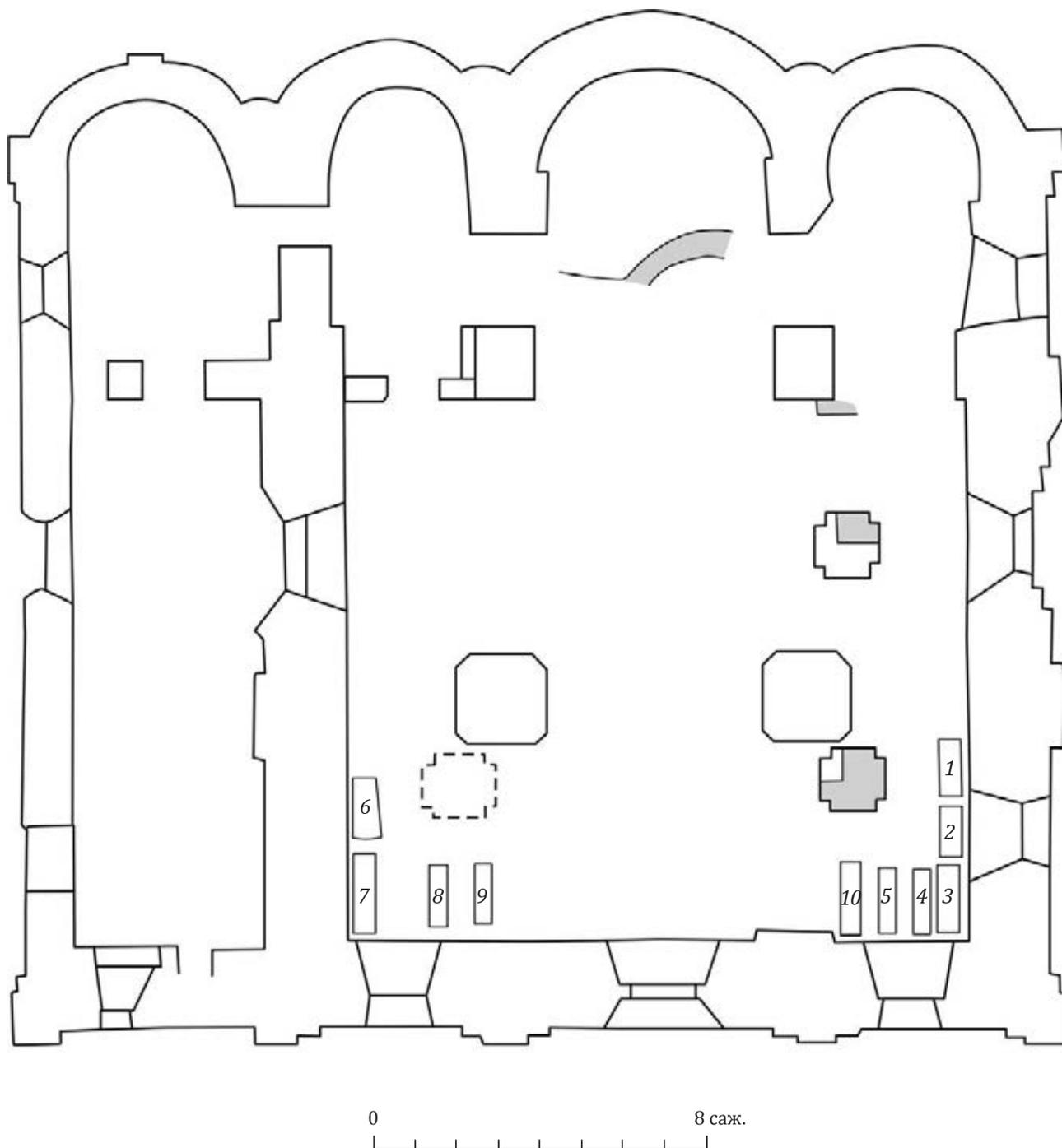

Рис. 8. Топография некрополя Вознесенского собора на XV столетие.

Сост. Т.Д. Панова, комп. графика Е. Ю. Бахаревой.

Могилы: 1 – Евдокии Донской, 2 – Софьи Витовтовны, 3 – Марии Ярославны, 4 – Марии Борисовны,
5 – Софьи Палеолог, 6 – уд. кн. Анастасии, 7 – уд. кн. Евфросинии, 8 – уд. кн. Елены Мезецкой,
9 – вел. княжны Феодосии, 10 – Елены Волошанки

великого князя Ивана III и Софьи Палеолог. Младенцами умерли две их дочери – Елена в 1474 г.³⁸ и Евдокия – в 1483 г.³⁹ Где они были похоронены – неизвестно. Среди детских саркофагов некрополя Вознесенского собора гробов антропоморфной формы нет. Возможно, погребение детей великого князя совершили в одном из дворцовых храмов, Рождества, например, или в Спасопреображенском монастыре.

Рассматривая списки удельных княгинь XV в., по иерархическим и другим признакам можно выделить нескольких женщин, чье происхождение и родственные связи также давали им право на захоронение в некрополе Вознесенского собора. Речь идет о дочерях двух сыновей серпуховского князя Владимира Храброго. Хорошо известны заслуги и военные подвиги самого Владимира Андреевича, сподвижника Дмитрия Донского. Кремлевский храм Архангела Михаила и Троице-Сергиев монастырь стали основным местом захоронения мужчин этой ветви потомков Ивана I Калиты.

В 1433 г. великий князь Василий II (внук Евдокии и Дмитрия Донского) женился на Марии Ярославне – дочери удельного князя Афанасия-Ярослава, сына Владимира Храброго. Другая дочь этого удельного князя – Елена – была замужем за удельным верейским князем Михаилом Андреевичем, также внуком Евдокии и Дмитрия Донского, двоюродным братом великого князя Василия II. Афанасий-Ярослав, как и его братья, был правнуком Ивана Калиты, а его дочери – великая и удельная княгини – праправнучками этого московского князя, основателя московской династии. Даты рождения родных сестер Марии и Елены неизвестны. Великая княгиня Мария Ярославна скончалась в 1485 г., восемь лет прожив в Вознесенской обители под именем инокини Марфы (постриглась в 1478 г.). Когда умерла удельная княгиня Елена, хроники не зафиксировали. Право на захоронение этой женщины в Вознесенском соборе представляется, на первый взгляд, неоспоримым.

Письменные источники упоминают и о дочери князя Андрея Радонежского, другого сына Владимира Храброго. Предположительно около 1432 г. она была выдана замуж за князя звенигородского и галицкого Василия Косого (сын Юрия Звенигородского, внук Евдокии и Дмитрия Донского). Имя этой удельной княгини в летописях не указано, а о самом факте ее брака с Василием Косым известно из сообщения о свадьбе Василия II и Марии Ярославны в 1433 г.⁴⁰ Эта внучка Владимира Храброго была племянницей Афанасия-Ярослава и двоюродной сестрой великой княгини Марии Ярославны и удельной княгини Елены Ярославны. Сам Василий

Косой – старший сын Юрия Звенигородского – также приходился двоюродным братом великому князю Василию II. И, несмотря на вражду с великим князем, его похоронили в семейной усыпальнице московской правящей семьи – в Архангельском соборе Кремля, как и его отца и младшего брата Дмитрия Красного. Этими родственными связями (и в силу указанных выше причин) могло бы обосновываться право на захоронение и жены Василия Косого в некрополе кремлевского Вознесенского собора. Следует отметить, что среди детей и внуков князя Владимира Храброго вообще было мало женщин, что, возможно, послужило дополнительной причиной близких отношений Марии, Елены и их, безымянной для нас, двоюродной сестры. Но ни один письменный источник не упоминает о погребении этих удельных княгинь в некрополе Вознесенского собора. О захоронении в этой усыпальнице Елены Мезецкой и великой княжны Феодосии такие известия сохранились. К тому же в Кремле в XV в. существовала усыпальница для женщин из семьи серпуховских князей. Это был свой домашний Рождественский монастырь, который размещался в восточной части владений серпуховских князей за Архангельским собором, на знаменитом «Ярославичевом» месте⁴¹. К тому же вдова мятежного, по мнению великих московских князей, удельного князя Василия Косого (великого только в течение двух месяцев) вряд ли могла претендовать на упокоение в великокняжеской родовой усыпальнице в годы правления Василия Темного или его сына Ивана III, немало претерпевших от звенигородских князей в годы усобицы. Род серпуховских князей исчез с исторической сцены в XV столетии, Рождественский монастырь перенесен за пределы крепости, а могилы их родовой усыпальницы утрачены. Хотя возможность обнаружения остатков этой обители при археологических исследованиях вполне реальна.

По письменным источникам известен вклад удельного верейского князя Михаила, чьей женой была Елена Ярославна, в Вознесенский монастырь. В его духовной грамоте отмечено, что делает он его «по своем отце, и по своей матери... и по своей княгине и по своем сыне, по князе Иване»⁴². Аналогичные вклады недвижимостью князь Михаил сделал «ко архангилу на Москве», «к Пречистой на площадь» (Успенскому собору), в Алексеевский, Спас-Андронников и Пафнутаев монастыри⁴³. В последней из упомянутых обителей и был похоронен этот удельный князь, возможно, рядом с женой.

⁴¹ Панова Т. Д. Топография храмов Рождества на территории Московского Кремля // Православные святыни Московского Кремля в истории и культуре России. М., 2006. С. 288–289.

⁴² ДДГ. М.; Л., 1950. № 80. С. 302.

⁴³ Там же. С. 302–303.

³⁸ Московский летописный свод. 1949. С. 410.

³⁹ Там же. С. 449.

⁴⁰ Московский летописный свод. 2000. С. 340.

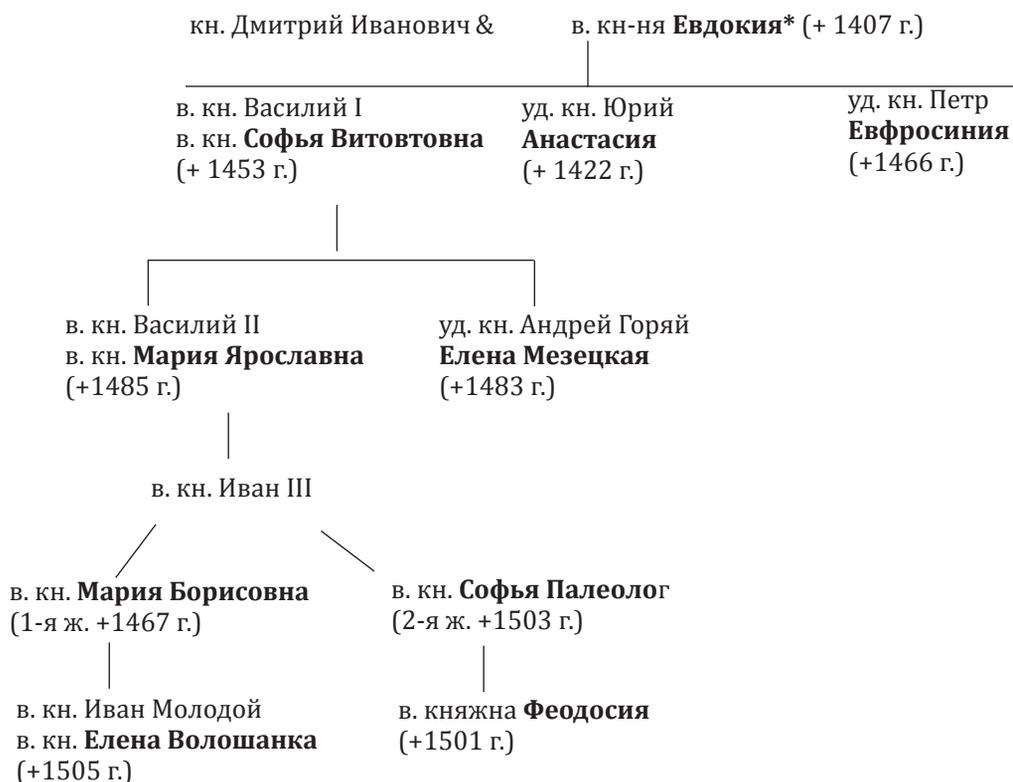
История сложения усыпальницы Вознесенского собора (рис. 8) свидетельствует о том, что принципы формирования женского некрополя московского правящего дома в XV в. были несколько отличными от мужской – в Архангельском соборе Кремля. В последнем удельные князья в XV столетии были похоронены вдоль западной стены в юго-западном углу храма, в стороне от своих братьев – великих князей, но все же с правой от входа стороны, наиболее почетной, по эсхатологическим представлениям Средневековья, части усыпальницы. На формирование некрополя Вознесенского собора воздействовали различные факторы, включая взаимоотношения в великокняжеской семье и личные предпочтения отдельных ее представительниц. Ярким примером этого служит факт размещения могилы великой княгини Марии Ярославны. Судя по всему, задолго до своей смерти в 1485 г. и даже до пострижения

она выбрала место для своей могилы в юго-западном углу храма. И поэтому умершая в 1467 г. великая княгиня Мария Борисовна (первая жена Ивана III) оказалась погребена возле западной стены; хронология в размещении могил великих княгинь оказалась нарушена.

В Вознесенском соборе все удельные княгини XV в. и великая княжна Феодосия похоронены у северной стены и в северо-западном его углу. Об этом говорит и отсутствие большой группы безымянных саркофагов XV столетия в юго-западном углу храма-усыпальницы рядом гробами великих княгинь, как, впрочем, и в других частях собора. На саркофагах из северо-восточного угла собора не было надписей, историческая память об этих могилах не сохранилась, их саркофаги с останками во второй половине XVI–XVII вв. перекрыли сверху вторым ярусом захоронений, заложенных на меньшую глубину. Таким

Генеалогическая таблица 1

Великие и удельные княгини XV в.

* Жирным шрифтом выделены погребенные в женском некрополе Вознесенского собора в Кремле.

образом, все девять погребений женщин из московской правящей семьи XV в., известные нам по письменным источникам (см. табл.1), размещались на двух участках некрополя. Это юго-западный и северо-западный углы Вознесенского собора.

Очень сложен вопрос о том, как отмечали в XV–XVI вв. могилы в храмах-усыпальницах московского Кремля. Фотоматериалы по Вознесенскому собору в этом вопросе мало информативны, особенно для погребений XV–XVI вв. Сведений о том, что могилы этого периода были отмечены на надгробных плитах с надписями, в исторической литературе нет. Самая ранняя резная надпись в этом комплексе датируется 1629 г.; она происходит с надгробного памятника царицы Пелагеи Михайловны. И все последующие могилы уже несут на торце надгробных памятников резные эпитафии. Более ранние плиты не сохранились, так как надгробия над могилами XV–XVI вв. были закрыты соседними более поздними надгробными сооружениями. Состояние останков в саркофагах великих и удельных княгинь XV в. свидетельствует о том, что при перестройке храма в первой четверти XVI в. древние его захоронения оставались на месте и никуда не переносились. Не сообщают о каком-либо перемещении саркофагов и русские летописи. В то время как при перестройке Архангельского собора в начале XVI в. вынос из него захоронений на время был отмечен в летописных сводах⁴⁴.

Как показали натурные исследования, саркофаги XV и первой трети XVI в. не помечены (кроме трех великокняжеских) памятными надписями на крышках. Поэтому идентификация каждого из безымянных захоронений основана на анализе формы саркофагов, характера погребального инвентаря, данных палеоантропологии, места и параметров могил (глубине залегания каменных гробов), соотношения этих погребений с более поздними захоронениями усыпальницы. Данное обстоятельство делает предлагаемую реконструкцию топографии некрополя Вознесенского собора на первом, самом древнем, этапе его формирования достаточно обоснованным вариантом, имеющим право на существование, но требующим дальнейшей доработки – в случае выявления дополнительных источников.

Изучение истории усыпальницы Вознесенского собора Кремля, подготовка к печати четырехтомного издания материалов исследований ее погребений позволят ввести в научный оборот не только данные о погребальном обряде высшей знати XV – начала XVIII в. (рис. 9–12), но и разнообразные данные (исторические, археологические, антропологические, химические, биологические, генетические, палеографические и т.д.) о человеке эпохи позднего Средневековья и раннего Нового времени (ил. 13).

Рис. 9. Надпись-граффито на крышке саркофага великой княгини Софьи Витовтовны († 1453 г.)

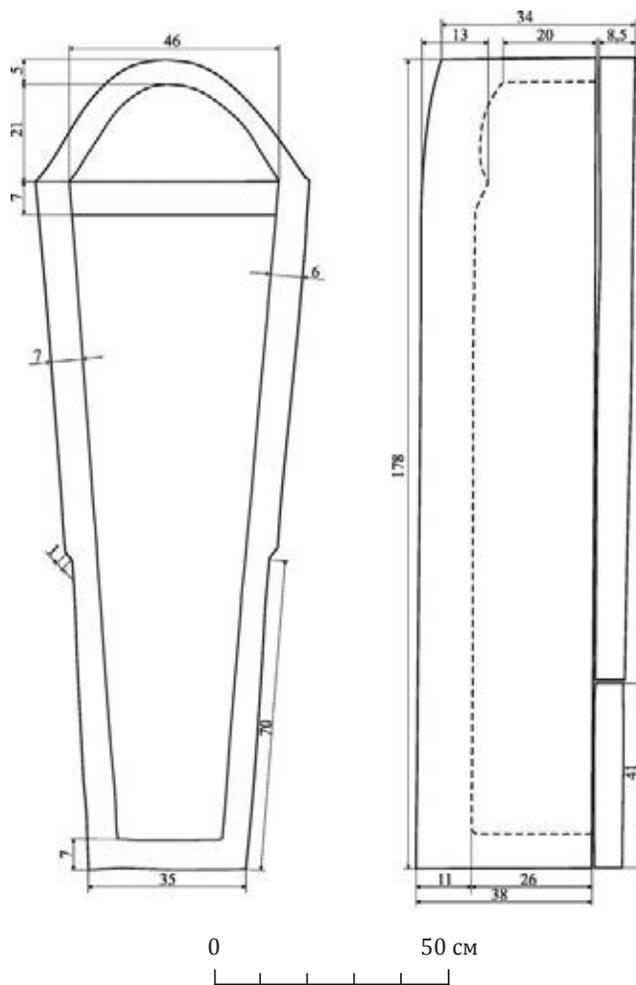

Рис. 10. Саркофаг великой княгини Евдокии Дмитриевны (1407 г.).
Рисунок Т.Д. Пановой,
компьютерная графика Е. Ю. Бахаревой

⁴⁴ Воскресенская летопись. С. 323.

Рис. 11. Прорись изображений на кожаном поясе великой княгини Евдокии. Рисунок О. В. Орфинской

Рис. 12. Части кожаного монашеского пояса великой княгини Евдокии Дмитриевны (до реставрации).
Археологический фонд МЗ МК. Арх-380

Рис. 13. Скульптурный портрет-реконструкция удельной княгини Анастасии, жены звенигородского князя Юрия Дмитриевича. Умерла в 1422 г.
Автор – эксперт-криминалист С. А. Никитин

Публикация результатов работы междисциплинарной группы исследователей дополнит ряд уже увидевших свет изданий по истории храмов-усыпальниц России⁴⁵.

⁴⁵ Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988; Лаврські печери. Путеводитель. Київ, 1997; Трубинов Ю. В. Великокняжеская усыпальница. СПб., 1997; Петропавловский собор. Усыпальница российских императоров. СПб., 1998; Усыпальница в московском Новоспасском монастыре. Кострома, 2005; Киево-Печерська лавра – пам'ятки історії та культури України. Київ, 2006; Дельнов А. Новодевичий некрополь и монастырь. М., 2006; Курганова Н. М. Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007; Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских: 150 лет изучения. М., 2013.

Summary

T. D. Panova

The Initial Stage in the Arrangement of the Burial Vaults in the Cathedral of the Ascension in the Moscow Kremlin (15th Century)

The long and complex history of the medieval burial vaults in the Kremlin would seem at first to have been well covered in the literature about the past of Russia's capital. Yet in many of the works written in the 19th and early-20th century about Moscow, dynastic and monastic tombs within the Kremlin are only described in general terms.

Despite the fact that the Cathedral of the Ascension was destroyed at the end of the 1920^s and beginning of the 1930^s, it is nevertheless still possible to provide a detailed historical and archaeological description of the burial vault in the Cathedral of the Ascension, although in view of a number of circumstances it cannot be regarded as complete. There are certain prerequisites for re-establishing the contents and topography of the tombs of Russian Grand Princesses and Tsarinas. This is thanks to the existence of a number of archive materials from the period of the active anti-religious policy of the Soviet state, which even affected the architectural ensemble of the Moscow Kremlin. Scholars working on the history of the Cathedral of the Ascension have access today to documentary materials recorded in 1929 when the monastery was destroyed – drawings by the architect P.N. Maximov, photographic materials and the “Journal covering the opening up of burials in the former Monastery of the Ascension in the Moscow Kremlin”. Most important of all, the burials in white-stone sarcophagi saved from destruction by the staff of the Kremlin Armoury are now accessible to scholars. Since the beginning of the 1930^s the tombs have been housed in an underground chamber next to the southern wall of the Archangel Cathedral in the Moscow Kremlin.

The plan for the initial stage in the creation of a burial vault in the Cathedral of the Ascension in the Kremlin testifies to the fact that the principles for installing tombs for women members of the ruling dynasty in the Kremlin in the 15th century differed somewhat from those for the burial vault for its male members in the Kremlin's Archangel Cathedral. Various factors influenced the arrangement of the burial vault in the Cathedral of the Ascension, including relations between certain members of the Grand Prince's family and the personal preferences voiced by its individual female members. This sometimes led to failures in observing the chronological principle underlying the arrangement of the graves of Grand Princesses.

As first-hand research has revealed, sarcophagi from the 15th century and the first third of the 16th do not have epitaphs on their lids, apart from three which belonged to Grand Princesses. For this reason the identification of each of the unmarked burials has been based on analysis of written sources, the shape of the sarcophagi in question, the nature of the grave goods, palaeo-anthropological data, information about the location and parameters of the graves (the depths at which the stone coffins had been laid out) and the links or lack of same between the sarcophagi and later burials in the vault. This wide-ranging approach to this complex investigation has meant that the proposed re-establishment of the burial vault's topography in the Cathedral of the Ascension is quite well-founded as regards the initial and earliest chapter in its evolution. At this point in time it justifies our acceptance of the findings so far but still requires further research, if and when additional source materials come to light.

Произведения прикладного искусства из камня, кости и дерева средневековых памятников бассейна Шексны

Широкие археологические исследования древнерусских городов Ладоги, Новгорода, Пскова и других предоставили в руки специалистов многочисленные произведения прикладного искусства – изделия из благородных, цветных и черных металлов, а также из стекла, камня, кости, кожи и дерева. Изделия из кожи и дерева были найдены преимущественно в городских центрах с влажным культурным слоем. Среди этих находок имеются украшения, амулеты и предметы личного благочестия, посуда, бытовые вещи и многое другое. Значительное количество материалов опубликовано, в том числе часть богатейшей коллекции Древнего Новгорода¹. Многочисленные произведения прикладного искусства были обнаружены и в других городских и сельских центрах Древней Руси.

На территории Русского Севера, в частности, в бассейне р. Шексны было обнаружено немало произведений прикладного искусства. В первую очередь, следует обратиться к коллекциям, происходящим из центра Белозерья – древнего города Белоозера, который исследовался в середине XX в. Л. А. Голубевой, а затем – Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым². Этими же авторами исследовался другой важный памятник Белозерья – поселение Крутик, где также были обнаружены высокохудожественные изделия из цветных металлов, кости, рога и камня. Произведения прикладного искусства упоминаются в общих обзорах вещевого инвентаря и специальному анализу не подвергались. В данной

статье материалы Белоозера и Крутика подробно не рассматриваются.

Целью этой статьи является введение в научный оборот, а также попытка первичного анализа находок, происходящих с памятников бассейна Шексны, которые могут быть отнесены к произведениям декоративно-прикладного искусства. Значительная часть этих предметов публикуется впервые.

Изделия из металлов, стекла, часть которых может быть привезена издалека, в статье не рассматриваются. Такие материалы, как кость и рог, дерево, камень, за редким исключением, являются местным сырьем. Большая часть найденных каменных изделий, кроме явно привозных овручских шиферных пряслиц, изготовлена из местного сланца, песчаника и других пород камня, встречающихся повсюду на берегах местных рек и озер.

Большинство средневековых изделий из местного камня составляют оселки, в том числе и с отверстиями, пряслица, грузики. Интересно, что на ряде шиферных пряслиц прочерчены отдельные буквы, знаки и рисунки. Основная часть знаков и букв носилась людьми с целью отметить свое пряслице. Вместе с тем некоторые рисунки, представляющие из себя сложные композиции, иногда состоящие из нескольких орнаментальных поясков, могут рассматриваться как произведения декоративно-прикладного искусства. Основная часть пряслиц со знаками и рисунками происходит с Луковца – одного из самых крупных после Белоозера поселений на Шексне. Поселение Луковец существовало с X в. и было затоплено при образовании Рыбинского водохранилища³.

¹ Древний Новгород: прикладное искусство и археология / сост. Б. А. Колчин, В. Л. Янин, С. В. Ямщиков. М.: Искусство, 1988.

² Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере, X–XIII вв. М.: Наука. 1973; Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индрик, 2004.

³ Поселение Луковец представляет собой периодически затопляемый остров в Рыбинском водохранилище. В 1992–2002 гг. исследовалось А. В. Кудряшовым. Раскопан 292 кв. м влажного культурного слоя X–XII вв. С поверх-

Местные каменные пряслица, как уже сообщалось, изготовлены в большинстве своем из сланца, песчаника, известняка и изредка из местного шифера. На некоторых местных изделиях виден орнамент – точки, насечки. Встречаются изделия, выполненные с помощью лучкового сверла, они украшены циркульным орнаментом, иногда эти предметы принимались исследователями за «шашки».

Сравнительно небольшую коллекцию изделий из камня представляют каменные кресты-тельники. Их не более десятка, среди них имеются изделия из сланца, известняка и мрамора. Мраморные кресты-тельники считаются привозными, они обнаружены на Луковце и на поселении Октябрьский Мост в местности «Череповесь». Известны также два креста из янтаря, один из них, с прямыми ветвями, происходит с Луковца, второй – с квадратным средокрестием – с поселения Кривец. Сланцевые кресты-тельники в большинстве своем изготовлены в простой манере, с прямыми и равными ветвями, без дополнительного декора (рис. 1: 4, 5). То, что некоторые каменные кресты были изготовлены на месте, доказывается отсутствием на них отверстий для шнура, вероятно, это были незаконченные изделия. Такие крестики есть на поселении Нефёдово на Лозско-Азатских озерах, а также на Луковце. Известны они и на Белоозере⁴.

К числу оригинальных изделий из камня относится крестовидная подвеска-амулет, происходящая с Луковца (рис. 1: 2). Она имеет небольшие размеры 2×3 см, изготовлена из гальки, обработана в верхней части и с боков. На лицевой стороне, в верхней половине подвески, процарапано пять крестиков, на нижней видна треугольная перечеркнутая фигура. Подвеска, по всей видимости, заменяла крест-тельник. Крепилась она, вероятно, на шнурке, прикрепляемом к верхней части. Среди каменных изделий, происходящих с поселения Луковец, имеются две пластинки с процарапанными рисунками. Одна из них является, вероятно, сточенным оселком, имеющим залощенную поверхность. На одной стороне ее изображены шестиконечный крест и орнамент, на другой – крест с вписанным в него кругом. Вторая пластинка-галька с обеих сторон расчерчена пересекающимися прямыми и косыми линиями⁵.

К числу произведений средневекового прикладного искусства, безусловно, относится найденная на Луковце шиферная иконка с изображением Богородицы Деисусной (рис. 1: 1). Она имеет арочную форму, размеры 4,7×4,9×0,7 см. На лицевой стороне образка помещено поясное изображение Богородицы. Памятник собрано свыше 3000 предметов, датированных X–XVI вв.

⁴ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. Рис. 343: 8, 10.

⁵ Данные предметы найдены на поверхности острова Луковца и не могут быть точно датированы.

ри с воздетыми руками и телом, слегка повернутым влево. Показана верхняя одежда, украшенная растительным орнаментом, поверх рукавов, возможно, изображены браслеты. Ворот одежды имеет подпрямоугольную форму. Он украшен геометрическим орнаментом. На голове изображен платок, украшенный узорами. Нимб декорирован «зубчиками». На поле иконки, слева и справа от головы Богородицы, имеются неразборчивые надписи. Изображение обрамлено валиком, образующим киотец, завершающийся сводом, в верхней части которого виден прямой крест. Справа и слева от фигуры Богородицы валик киотца осложнен двумя «скобами», орнаментированными косыми крестами и точками. По краю образка идет поясик, орнаментированный точками. Сбоку в верхней «петле» образка имеется отверстие для подвешивания иконки на шнурке.

На оборотной стороне образка шиферная плитка имеет несколько сколов, некоторые из них, по всей видимости, естественные. Здесь также виден орнамент в виде нескольких рядов «плетенки», а также поясков, включающих в себя прочерченную ломаную и перекрещивающиеся линии. Орнамент на оборотной стороне образка процарапан, его качество много ниже лицевой резьбы, некоторые пояски плетенок и декоративных поясков не доведены до края образка. Иконка представляет собой великолепный образец древнерусской мелкой пластики. Она, несомненно, изготовлена профессиональным мастером. Это в первую очередь относится к лицевой стороне образка. Обратная его часть, возможно, орнаментировалась другим человеком, не имевшим навыков профессиональной резьбы по камню. Данное изделие не может быть точно датировано, так как является подъемным материалом.

Находки изделий мелкой пластики на территории Белоозерья не единичны. Известно, например, пять каменных образков, происходящих с Белоозера⁶. Некоторые из них, возможно, были привозными, но встречаются и незаконченные местные изделия⁷. Кроме Белоозера, заготовка шиферной иконки обнаружена на поселении Селище-Воркопль, в древней Ирме (Ирдме), на Средней Шексне. Поселение Селище-Воркопль (Ирдма) известно по письменным источникам XV в.⁸ Рассматриваемый предмет обнаружен при раскопках селища в 2001 г. Заготовка может быть датирована широко – XII–XIV вв. Ее размеры 4,3×5,6×1,0 см (рис. 1: 6). Кроме заготовки иконки, на поселении найдены крест-энколпион, пряслица

⁶ Голубева Л. А. Вещь и славяне на Белом озере ... С. 175, 177, рис. 52: 1, 2; Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. С. 212–213, рис. 214: 1–3.

⁷ Захаров С. Д. Древнерусский город Белоозеро. С. 213, рис. 214: 2.

⁸ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. 2. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 89, 140.

Рис. 1. Вещевой материал из камня и кости с поселений бассейна Шексны:
 1 – образок; 2 – каменная подвеска; 3–5, 7 – кресты-тельники; 6 – заготовка образка.
 1, 2, 4–6 – камень; 3, 7 – плотный рог. 1–5, 7 – поселение Луковец; 6 – поселение Селище-Воркопъ

с буквами, а самое главное – вислая печать с греческой надписью⁹. Это единственная печать, кроме находок, которые происходят из Белоозера, известная на селищах Шексны. Заготовка шиферной иконки с Селища-Воркопи еще раз подтверждает присутствие на шекснинских поселениях профессиональных резчиков по камню.

Общее количество изделий из кости и рога, найденных на селищах бассейна Шексны, составляет несколько сотен экземпляров. В данной статье рассматриваются костяные и роговые изделия, которые можно назвать произведениями прикладного искусства, среди них кресты, амулеты, предметы быта, готовые костяные художественные изделия.

К числу изделий с искусной резьбой можно отнести костяные кресты, происходящие с поселения Луковец. Один из крестов-тельников имел небольшие размеры 2×4,5 см (рис. 1: 3). Резьба сохранилась на лицевой его стороне. В средокрестии, в нише, виден прямоконечный крест, выполненный двойной линией. В центре креста имеется ромбовидная фигура, которая соединяет его ветви. Крест делит средокрестие на четыре части. По углам центральной части средокрестия видны прочерченные буквы: буква К в нижнем правом углу, буква N в нижнем левом углу; буква X в верхнем правом углу и буква, похожая на «С», находится в верхнем левом углу. В верхней части креста также были вырезаны три буквы, среди них определяются М, Р. Ниже основания креста видно несколько горизонтальных коротких линий. В верхней части тельника сбоку имеется отверстие для шнура.

Четырехконечный двусторонний крест большей величины (наперсный?), обнаруженный на поверхности острова Луковца, имел размеры 4,3×7,7×0,8 см (рис. 1: 7). Углы верхней лопасти креста срезаны. На лицевой стороне в полный рост изображен святой воин. Он держит меч острием вверх, прижимая его лезвие к правому плечу. На поясе слева висят ножи. Фигура представлена в воинских доспехах (?). Мужчина изображен, как представляется, с безбородым лицом и головой с густыми волосами, голова окружена нимбом. Из-за спины воина расходятся лучи-«сияние». Над «сводом» в верхней части центральной ветви креста прослеживаются две строчки букв. Верхняя практически не читается, нижнюю можно прочитать – «Дмитрий». Справа от воина, на горизонтальной ветви, изображен святой, над ним находится надпись из 4 букв, похоже, «Петр», справа от воина изображен святой, над которым с трудом читается надпись «Никола». В клеймах на оборотной стороне креста в центре находится Распятие, выше его изображена Троица с соответствующей надписью. Другие клейма плохо различимы, как и надписи

⁹ Кудряшов А. В. Древности Средней Шексны X–XIV вв. Череповец: Череповецкий гос. университет, 2006. С. 65, 95. Рис. 31: 9, 12.

к ним. В верхней части креста имеется отверстие для подвешивания креста на шнурок. Очевидно, на лицевой стороне креста изображен Дмитрий Солунский. По форме крест близок к нательным крестам Новгород, изготовленным из кости и дерева в XIV–XV вв.¹⁰

Изделия из кости представлены также амулетами – изображениями животных. Такой амулет обнаружен во время раскопок Луковца в слое второй половины XII века. Фигурка коня изготовлена из плотного рога и залощена (рис. 2: 11). Размеры подвески 2,2×3,9×1 см. Через тело конька проходит вертикальное отверстие для шнура. Конек изображен очень натуралистично. Сходная подвеска-конек из кости была обнаружена А. Н. Башенькиным при исследовании поселения Никольское VI на р. Суде¹¹.

Изображения коня и других животных известны и на других изделиях, выполненных из разных материалов местными мастерами и рядовыми жителями. Костяной односторонний орнаментированный гребень, происходящий с поселения Луковец, имел рукоятку, сделанную в виде голов двух коней (рис. 2: 1). Аналогичные изделия были найдены в количестве нескольких экземпляров на поселении Крутик Л. А. Голубевой¹². Гребни Крутика изготавливались на месте, о чем свидетельствуют обнаруженные на памятнике бракованные изделия этого типа.

Изображения животных также вырезаны на рукоятках стержневых костяных копоушек. Так, на копоушке, обнаруженной в слое XII в. на Луковце, видно изображение головы дракона – фантастического животного, выполненное весьма искусно (рис. 2: 10). На рукоятках двух других изделий этого типа, обнаруженных на этом же памятнике, видны миниатюрные изображения конских голов (рис. 2: 7). На Шексне известны также копоушки, верхняя часть которых оформлена в виде петушиного гребня (Селище-Воркоп).

Костяные изделия, которые происходят с шекснинских памятников, дают представление о достаточно высоком уровне развития прикладного искусства у местного населения в эпоху Средневековья. Речь идет не только об описанных выше резных крестах, амулетах и бытовых предметах с изображением животных, но и о готовых изделиях, которые отражают и мастерство местных ремесленников-резчиков и художественные пристрастия местных жителей. К числу таких художественных произведений, изготовленных местными жителями, можно

¹⁰ Древний Новгород: прикладное искусство... Рис. 176, 210.

¹¹ Башенькин А. Н. Некоторые общие вопросы культуры восточной Руси, V–XIII вв. // Культура Европейского Севера России: межвузовский сб. научных трудов. Вологда: Вологодский государственный педагогический институт, 1989. С. 15.

¹² Голубева Л. А., Кочкуркина С. И. Белозерская весь. Петрозаводск: Карельский научный центр АН СССР, 1991. Рис. 42.

Рис. 2. Вещевой инвентарь из кости и плотного рога с поселений бассейна Шексны:
 1-3 - гребни; 4 - фрагмент изделия; 5 - рукоять ножа; 6 - томар; 7, 9, 10 - копоушки; 8 - булавка;
 11 - подвеска - амулет; 12 - разделитель ремня; 13 - футляр расчески.
 1-11, 13 - поселение Луковец; 12 - поселение Кривец

отнести великолепную рукоятку ножа, украшенную сложной плетенкой, выполненной в технике высокой резьбы (рис. 2: 5). Данное изделие имеет размеры 9,7×2,5×1,8 см, поверхность его залощена. Разнообразные орнаменты покрывали многие плоские поверхности местных костяных изделий: гребней-расчесок, цельных двухсторонних гребней, костяных рукояток ножей и инструментов, накладок рукояток ножей. Орнамент на гребнях и других изделиях был разным – в виде кружков, кружков с точками, так называемых «солярных знаков», косых насечек, геометрических фигур, вертикальных, горизонтальных, косых, перекрещивающихся линий. Некоторые орнаменты состояли из целого ряда «поясов» и составляли сложные композиции. Орнаменты наносились на костяные пряслица (?), изготовленные на токарном станке, на детали изделий, костяные пряжки и разделители ремней (Кривец), на плоские копоушки и даже на томары – тупые наконечники стрел для пушной охоты (рис. 2: 6). Некоторые костяные изделия – булавки, стержневые копоушки, детали изделий – покрывались изощренной резьбой, образующей «пояски» и геометрические фигуры (рис. 2: 7, 8, 12).

Особую группу предметов, обнаруженных на шекснинских памятниках и представляющих также прикладное искусство местного средневекового населения, составляют изделия из бересты и дерева. Предметы из этих материалов найдены только на двух шекснинских памятниках, имеющих влажный культурный слой, – Белоозере и Луковце. В данной статье не рассматриваются изделия, происходящие из древнего города, которые опубликованы Л. А. Голубевой. Главное внимание автор уделяет материалам, полученным при исследовании находящегося в Рыбинском водохранилище острова Луковца. Здесь обнаружена не одна сотня деревянных и берестяных вещей самых разных категорий, среди них имеются и такие, которые могут помочь нам оценить уровень развития прикладного искусства не только у жителей Луковца, но и всего региона бассейна Шексны. В их число входят как целые изделия, так и их фрагменты.

В первую очередь к ним относятся изделия, в которых изображены животные, окружавшие людей. Речь идет об игрушках, бытовых предметах. Сюда же относятся детали и фрагменты декоративных изделий.

Таким предметом является, например, деревянный конек, игрушка, которая когда-то имела две пары колес. Об этом свидетельствуют отверстия, в которые в прошлом вставлялись оси колес. Конек был изготовлен из дощечки, его размеры 10×15×1,5 см (рис. 4: 5). На нем видны следы горения. Выполнена фигурка довольно натуралистично. Конек обнаружен в напластованиях культурного слоя Луковца, датированных второй половиной X в.

В Новгороде коники на колесах датируются более поздним временем: XII–XIII вв.¹³ В культурном слое Луковца, отложившемся в X–XI вв., были найдены также два предмета, изготовленных из нетолстых дощечек, один из них изображал водоплавающую птицу, второй – коня (рис. 3: 3, 4). Предмет с изображением коня имеет близкую аналогию в Белоозере, Л. А. Голубева интерпретирует его как настенный крюк¹⁴. Близкие аналогии вышеописанным изделиям представлены в монографии Б. А. Колчина, посвященной резному дереву Новгорода¹⁵.

К предметам этой группы можно отнести два Г-образных настенных одежных крюка, изображающих головы и шеи водоплавающих птиц, найденных в напластованиях того же времени. Размеры одного из них – 6,2×7,2 см, второго – 9,5×14 см (рис. 3: 1, 2).

Имеется еще один предмет, на котором присутствует изображение головы коня. Это, может быть, плётка, навершие которой было выполнено в виде головы животного. Длина сохранившейся части рукоятки 29,5 см, диаметр древка от 1,5 до 2 см. (рис. 3: 3). Голова выглядит натуралистично, на месте глаз проколото отверстие, к которому мог крепиться шнур. Среди деревянных находок, происходящих с Луковца, имеются также деревянные декоративные накладки, которые некогда, видимо, украшали мебель и интерьеры домов, фрагменты изделий с деревянной резьбой (рис. 4: 6). На деревянных предметах – посуде, ложках, веретёнах – имеются орнаменты и прорисованные рисунки (рис. 3: 6; 4: 7). Интересный рисунок фантастического животного, например, имеется на фрагменте деревянной плашки с четырьмя отверстиями, которая может быть частью деки музыкального инструмента (рис. 3: 4). Отметим деревянный предмет, на котором обнаружено изображение утки, тело которой было представлено в виде ромба (рис. 3: 8). Похожее изображение утки имеется на деревянном поплавке, входящем в коллекцию деревянных предметов, обнаруженных Л. А. Голубевой на Белоозере¹⁶. Фрагменты бересты с Луковца, украшенные орнаментами и рисунками, являлись в ряде случаев частями берестяных туесов, коробов, а иногда просто обрывками березовой коры. На одном из кусков бересты изображен знак, похожий на знак Рюриковичей (рис. 3: 1). На другом фрагменте бересты имеется декоративная деталь-виньетка, по манере изображения можно предположить, что она выполнена профессио-

¹³ Древний Новгород: Прикладное искусство ... Рис. 227, 228.

¹⁴ Голубева Л. А. Весь и славяне на Белом озере ... Рис. 29: 6.

¹⁵ Колчин Б. А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Е1-55. М.: Наука, 1971. Рис. 1, табл. 39, 40.

¹⁶ Там же. Рис. 29: 9.

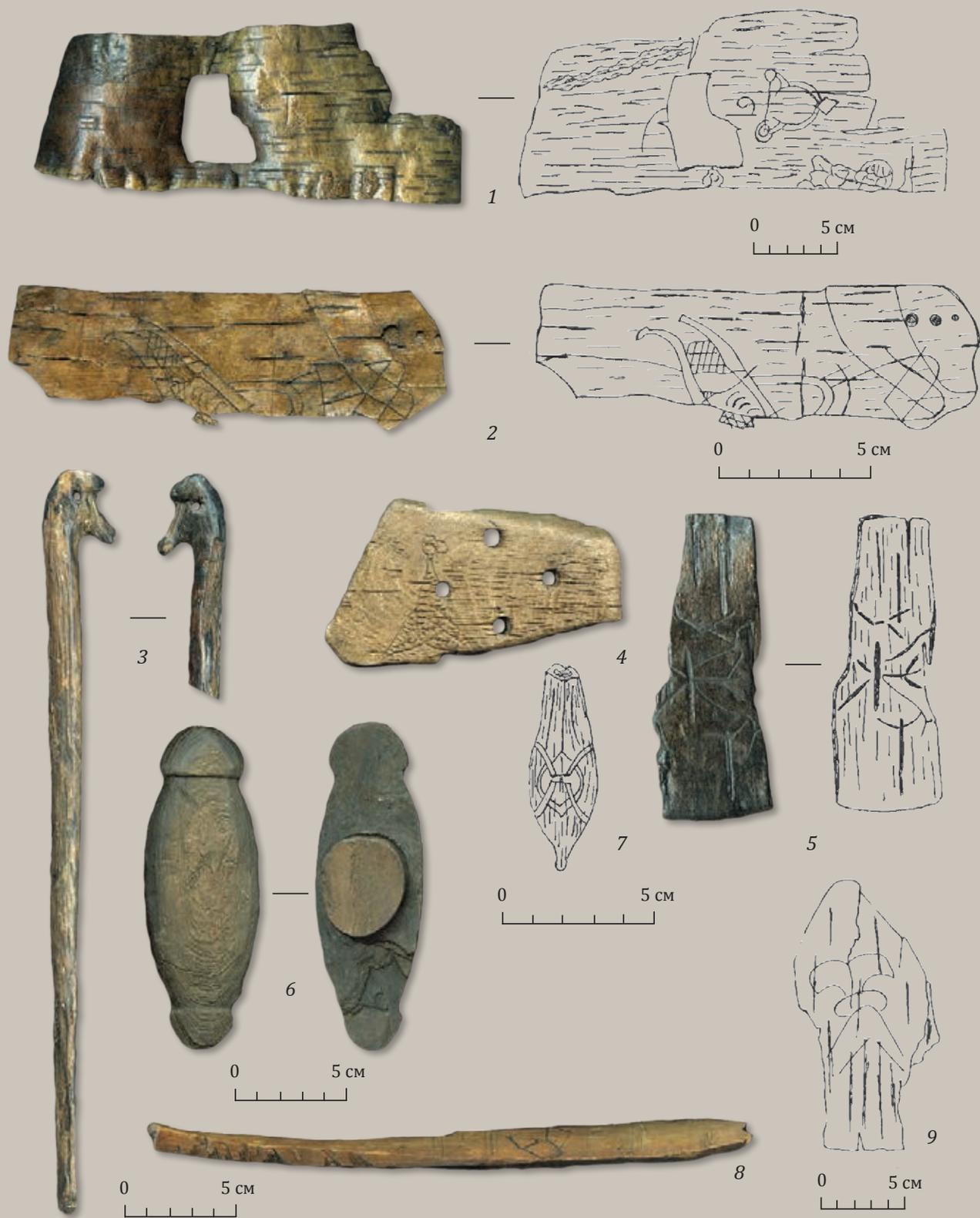

Рис. 3. Вещевой инвентарь из бересты и дерева с поселения Луковец:
 1, 2, 5, 9 – береста с рисунками; 3 – фрагмент плети; 4 – фрагмент изделия с рисунком; 6 – деталь;
 7 – фрагмент ложки; 8 – деревянное изделие с рисунком

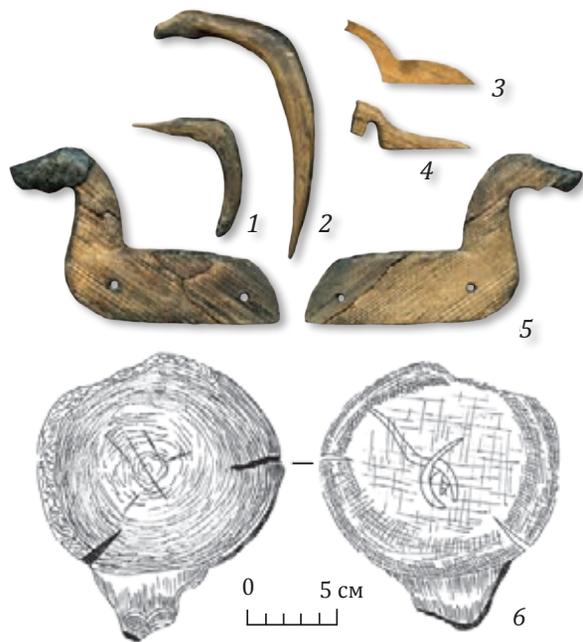

Рис. 4. Вещевой инвентарь из дерева с поселения Луковец:
1–4 – настенные крюки;
5 – игрушка-конек; 6 – блюдо

нальным художником (рис. 3: 9). Рисунки на дереве, как и на бересте, сделаны, очевидно, орудиями письма – железными и костяными писалами, находки которых известны в шекснинских селищах: на Луковце, Соборной горке, Монино 4. Следует отметить в связи с этим, что на Луковце в слое, датированном XI в., обнаружен кусок бересты, на котором изображена буква Н больших размеров, украшенная на концах завитками.

В завершении статьи следует признать, что представленный в ней материал не столь разнообразен, как материалы известных коллекций произведений прикладного искусства древнерусских городов с влажным культурным слоем: Новгорода, Старой Ладogi и других, – но при всей своей фрагментарности он всё же позволяет наметить пусть самую общую, предварительную характеристику декоративно-прикладного искусства региона. Среди материалов шекснинских памятников, в первую очередь Белоозера и Луковца, есть отдельные изделия, изготовленные местными мастерами-профессионалами. Дальнейшие исследования памятников региона, новые находки позволят обогатить и уточнить наши представления о средневековом искусстве Русского Севера.

Summary

A. V. Kudryashov

Works of Applied Art Made of Stone, Bone and Wood from Medieval Sites in the Basin of the Sheksna

As the scale of research into medieval Russian sites increases – something which applies first and foremost to urban centres – so too do the collections of articles regarded as works of applied art: items of jewellery, amulets, objects associated with Christian worship, vessels, household articles and so on. Articles of this kind have also been found by archaeologists excavating sites in northern regions of Russia including the Beloozero area. Most of them have been found at sites where wide-scale excavations have been going on for many years, in the town of Beloozero and the settlement of Krutik. At the same time the study of other medieval sites in the basin of the Sheksna River has also made it possible to add to the collections containing works of applied art manufactured and used by the local population.

This article provides a description of items found at sites in the basin of the Sheksna River which can be classified as works of applied art made of stone, bone and dense horn, wood and birch-bark – materials which are considered in the main as local. Most of these articles were discovered in one of the largest settlements of the region – Lyukovtse, which had existed near the mouth of the River Suda since the 10th century. Among the objects described in the article, which originated in the settlements along the River Sheksna, are small icons and crosses carved from stone and bone, amulets in the form of stone, bone and horn pendants, bone items with carved decoration, articles made of wood and birch-bark fashioned by craftsmen-artists and also by ordinary inhabitants of the settlements.

Каменные резные иконки с изображением Богоматери из раскопок в Твери

Среди произведений мелкой пластики внимание исследователей неизменно привлекают резные каменные иконки. В Твери к настоящему времени уже известно более двадцати подобных находок, происходящих из исследуемого раскопками культурного слоя¹. Среди них как небольшие изделия округлой в плане формы, часто отличающиеся схематизмом изображений, так и прямоугольной или арочной формы иконки, резьба которых – высокого художественного уровня.

В ряду тверских каменных образков выделяется несколько иконок с изображением Богоматери.

Первый из описываемых предметов найден в 1997 г. в культурном слое XV в. на территории Загородского посада города Твери (рис. 1)². Это резная двусторонняя икона арочной формы, с почти горизонтальным, немного выгнутым вниз основанием, чуть сходящимися к центру боковыми сторонами и скругленным дугообразным верхом. Ее ширина – 56,0 мм, высота – 63,5 мм, толщина – 8 мм. Камень светло-серого цвета, гладкий, маслянистый на ощупь. Сравнение тверской иконки с памятниками, хранящимися в ГИМе, Эрмитаже и Лувре, позволяет

отнести материал этой иконки к стеатитам. На лицевой и оборотной стороне, а также на торцах рамки – следы пигмента желтого цвета с теплым коричневатым оттенком, напоминающим золотистую охру. С двух сторон по периметру памятника вырезан бортик. На обеих сторонах образца, найденного в слое пожара, видны следы копоти, несколько микротрещин и сколов. В числе повреждений и значительные утраты мелких резных или гравированных деталей на высоких участках рельефа, возникшие из-за сильной потертости или подшлифовки в результате длительного использования иконки в быту.

На лицевой стороне памятника помещена трехфигурная композиция, в центре которой – сидящая на престоле Богоматерь в молении, по бокам – предстоящие святые. Богородица изображена фронтально. Вокруг ее головы двумя врезными линиями без углубления фона обозначен нимб, слева от верхней части которого под «М»-образным, округлым очертанием титлом – буквы «М» и «Р», объединенные в лигатуру, справа – буквы «Ѧ» и «Ѧ» под таким же титлом.

Фигура и лик Богоматери моделированы скульптурно. Мастер обошелся минимумом изобразительных средств. Лицо гравировано несколькими скупыми штрихами. Глаза обозначены четырьмя экспрессивными линиями: правый – миндалевидной формы, зрачок показан в виде точки, левый – подтреугольной формы, зрачок не проработан. Нос прямой, в виде незамкнутого удлиненного прямоугольника. Рот изображен короткой, чуть изогнутой линией. Подбородок массивный, округлый. Некоторые детали лика, как и детали на других высоких участках рельефа, вероятно, утрачены в результате сильной потертости. Руки Богородицы согнуты в локтях, раскрытые ладони, расположенные на уровне груди, развернуты к зрителю. Пальцы кистей рук направлены вверх и в стороны, при этом большие пальцы отставлены навстречу друг другу. Складки одежды показаны энергичными длинными линиями, выполненными

¹ Попова Л.А. Мелкая пластика Твери XIV в. // ТАС. Вып. 1. Тверь, 1994. С. 207–209, рис. 1; Хохлов А.Н. Каменная резная двусторонняя иконка из раскопок на территории Загородского посада Твери (предварительная публикация) // ТТЗ. Вып. 4 / отв. ред. А.Н.Хохлов. Тверь, 2002. С. 290–302; Романов В.В. Каменные круглые иконки на территории средневековой Руси // Новоторжский сборник (история, археология, историческая география). Вып. 1. Торжок, 2004. С. 85–95; Романов В.В., Романова Е.А. Фрагмент каменной иконки с сюжетом «жены мироносицы у гроба господня» // Михаил Ярославич Тверской – великий князь всея Руси. Тверь, 2008. С. 135–138; Лапшин В.А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам археологических раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. Табл. 1. (Труды ИИМК РАН; т. XXX); Хохлов А.Н. Каменная резная иконка «Богоматерь с Младенцем» из раскопок на территории Затьмацкого посада в Твери (предварительная публикация) // ТТЗ. Вып. 8 / отв. ред. А.Н.Хохлов. Тверь, 2015. С. 133–147.

² Хохлов А.Н. Каменная резная двусторонняя иконка ... С. 290–302.

Рис. 1. Каменная резная двусторонняя иконка с изображением на лицевой стороне Богородицы на престоле с предстоящими из раскопок на Загородском посаде города Твери

как глубокой, так и мелкой резьбой, приближающейся в некоторых случаях к гравировке.

Богоматерь восседает на длинной подушке в виде валика, положенной на престол. Последний изображен фронтально, в его четырех углах помещены косые четырехконечные кресты с дополнительными перекладинами на лопастях. Подножие престола, на которое опираются ноги Марии, изображено в трехчетвертном развороте, что создает впечатление объема. Справа над головой и левым плечом Богородицы читается едва заметная линия, повторяющая общий контур верхней части фигуры. Возможно, это следы первоначальной разметки изображения.

Слева и справа от престола – предстоящие святые, обращенные к Богоматери. Мужские фигуры в епископских ризах даны в рост, в трехчетвертном развороте; руки святителей согнуты в локтях, раскрытые ладони с чуть отставленными большими пальцами направлены к Богородице. Ростовые фигуры зеркально почти повторяют друг друга, отличаясь лишь незначительными деталями (наклоном рук, высотой плеч). Нимбы над головами предстоящих выполнены в той же технике, что и нимб над головой Богоматери. Частично они срезаны рамкой, сужающейся к верхней части иконки. Складки риз ростовых фигур показаны тонкими длинными уверенными линиями. Детали декора одежд (кай-

ма на подоле, кресты на омофорах) изображены такими же тонкими линиями без проработки мелких второстепенных деталей. Фигуры на лицевой стороне иконки отличаются удлинненными пропорциями. Фигура Богоматери несколько крупнее, чем фигуры святых.

У святого, стоящего со стороны зрителя слева от престола, – округлая бородка, высокий лоб, большие залысины. Пряди волос переданы тонкими округлыми линиями. Рельефно оформлены овальные зрачки. Брови переходят в линии крупного носа. Детали лика пострадали из-за потертости рельефа. Нимб, по форме приближающийся к овалу, размещен асимметрично относительно головы. Над нимбом вокруг его головы размещена двухстрочная надпись. Она начинается с лигатуры «С», вписанной в круг (вероятно, это сокращение от слова «святой»), за которым следует имя «ННКОЛ / Δ». Окончание надписи отмечено значком «>».

Надпись, начало и окончание которой оформлено так же, размещена и над нимбом второго святого. Имя «ТРV-Θ-ON» поместилось в одной строке, однако окончание надписи («>») мастер был вынужден расположить ниже. Следует отметить, что буквы надписей вырезаны уверенной рукой, почерк резчика аккуратный, близкий к каллиграфическому. Буквенные начертания отличаются геоме-

трической стройностью, литеры вытянуты вверх. Изображение св. Трифона, которое в общих чертах зеркально повторяет фигуру св. Николая, отличается подчеркнуто удлиненной клиновидной бородой. Почти не читающиеся детали лика св. Трифона в значительной степени пострадали в результате сильной потертости рельефа.

В нижней части свободного поля образка между фигурами св. Николая и Богородицы, над подушкой престола слабо различимы небрежно процарапанные в одну строку буквы «I» (?) и «G». На свободном поле иконки, между фигурами Богородицы и св. Трифона, расположена колончатая надпись «НВWГ», буквы которой столь же слабо различимы и так же небрежно выполнены, как и в предыдущей надписи. Вероятно, это – остатки первоначальной разметочной греческой надписи³, частично срезанной при окончательной, чистовой подработке фона.

Среди произведений мелкой пластики, выявленных на обширной территории Древней Руси, аналогов композиции на лицевой стороне тверской иконки обнаружить пока не удалось. Неизвестны изображения, идентичные тверскому, и среди доступных для изучения византийских стеатитов. По-видимому, композиция на лицевой стороне тверского памятника представляет собой уникальное явление в мелкой пластике. Вместе с тем, изображение Богородицы в молении на престоле известно. В качестве обязательного элемента, символизирующего рай, оно входит в состав сложной многоярусной многофигурной композиции «Страшного суда», известной, по крайней мере, уже с VIII–IX вв. и получившей широкое распространение в XI–XII вв.⁴ По наблюдениям Б. Бренк⁵ «... творцом (или творцами) византийской картины (Страшного Суда. – А.Х.) был Компильтор. Он связал различные, уже существовавшие мотивы на основе различных текстов и ассоциаций ... Рядом с текстами – идеи старых картин (Деисус, Мария в раю), вмещенные в картину суда авторитетом теологических показаний в ассоциативном методе»⁶.

О том, что изображения, подобные изображению Богородицы в Раю, существовали до определенного времени вне сложной композиции Страшного Суда, свидетельствует белокаменный рельеф

³ В предварительной публикации было указано, что это – остатки тайнописи. Однако при осмотре памятника совместно с В. Г. Пуцко было высказано мнение о первоначальном разметочном характере этой надписи. Приношу свою благодарность В. Г. Пуцко за важное наблюдение и дискуссию.

⁴ Цодокович В. К. Семантика иконографии Страшного Суда в русском искусстве XV–XVI веков. Ульяновск, 1995. С. 5–9.

⁵ Цит. по: Цодокович В. К. Семантика иконографии ... С. 9.

⁶ Beat Brenk. Tradition und Neuerung in der christlichen Kunst des ersten Jahrtausends. Studien zur Geschichte des Weltgerichtsbildes / Wiener Byzantinistische Studien. Bd. III. Wien, 1966. S. 84. Цит. по: Цодокович В. К. Семантика иконографии ... С. 9.

Дмитриевского собора во Владимире, построенного в 1194–1197 гг.⁷ На одном из них⁸ – полнофигурное фронтальное изображение Богородицы в молении, восседающей на престоле, с характерным положением рук, ладони которых развернуты к зрителю⁹. Н. П. Кондаков полагал, что Богородица в молении на престоле символизировала церковь по «Песни песней» Соломона¹⁰. Г. К. Вагнер считал, что подобное изображение могло существовать и в других композициях, приводя в качестве подтверждения своей мысли изображения на ларце XII в. из Аахенского собора, на котором представлена тронная фигура Марии в сцене «...апологии христианского просветительства»¹¹.

В композиции Богородицы в молении, восседающей на престоле, характерным устойчивым признаком является изображение рук, большие пальцы которых направлены друг к другу, а ладони особым образом развернуты к зрителю. Типологически эта деталь, безусловно, восходит к византийским образцам. Среди них можно назвать камею «Богородица» правильной циркулярной формы из темно-зеленого порфира, по периметру которой расположена круговая надпись с именем императора Никифора Вонтаниата (1078–1081 гг.), хранящуюся в музее Виктории и Альберта в Лондоне¹². К ней близка серебряная подвеска с поясной фигурой Богородицы из Государственного исторического музея в Киеве, которая может быть связана со столичным византийским искусством XII в.¹³ В этом ряду аналогий и эмалевый медальон византийской работы, входивший в состав клада, найденного в 1882 г. в Старой Рязани¹⁴. В определенной мере все эти произведения можно считать предшественниками и тверского памятника.

⁷ Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. Владимир. Боголюбово. (XII в.). М., 1969. С. 233; Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. С. 6.

⁸ Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси ...; Его же. Архитектура и скульптура Дмитриевского собора во Владимире // Дмитриевский собор: публикация одного памятника. Л., 1969. Рис. 156, 160.

⁹ Г. К. Вагнер, анализируя декор древнерусских храмов X–XIII вв., указывал на то, что в подобном изводе известно только одно изображение Богородицы, в то время как в других изводах (Деисус, Оранта, Знамение) изображение Марии встречается достаточно часто (Вагнер Г. К., Воробьева Е. В. Архитектурный декор Руси X–XIII веков // Археология: Древняя Русь: быт и культура. М., 1997. С. 202).

¹⁰ Кондаков Н. П. Иконография Богородицы. Т. II. Петроград, 1915.

¹¹ Вагнер Г. К. Скульптура Древней Руси. С. 326. Рис. 206.

¹² Лихачева В. Искусство Византии IV–XV вв.: очерк истории и теории изобразительных искусств. Л., 1986. С. 196–198.

¹³ Даркевич В. П. Светское искусство Византии. Произведения Византийского художественного ремесла в Восточной Европе X–XIII вв. М., 1975. С. 271, 274, рис. 384.

¹⁴ Макарова Т. И. Украшения с перегородчатой эмалью // Археология: Древняя Русь: быт и культура. М., 1997. С. 58, табл. 45: 2.

Эволюция композиции Страшного Суда к XII–XIII вв., по-видимому, привела к появлению в сцене «Богородица в раю» двух ангелов, находящихся по сторонам престола¹⁵. Вероятно, именно в этот период изменения неустойчивой иконографической схемы могла появиться композиция тверской иконки, в которой ангелов у престола Марии заменили предстоящие святые¹⁶.

Следует отметить, что арочная форма самой иконки находит многочисленные параллели в византийском искусстве XII–XIII вв. Изображения святых в арках известны в иконописи, мозаиках, миниатюрах, в резьбе по камню и кости¹⁷. Известно использование арочной формы и в монументальном искусстве, когда фрески написаны в нишах, имеющих арочное завершение. Именно так выглядит одна из ближайших аналогий рельефу на лицевой стороне тверского памятника – фреска в нарфике нижнего этажа монастырской церкви-гробницы в Бачково в Болгарии. В росписи этого храма изображение Богородицы в молении на престоле с двумя ангелами входит в состав композиции «Страшного суда». Форма ниши, как и форма тверской иконки, заставила художника склонить головы предстоящих, подчинив их дугообразной линии арочного завершения, и частично срезать их нимбы. В.Н.Лазарев, считавший бачковские фрески «...ярким примером импортированного в Болгарию греческого искусства...», датировал их второй половиной XII столетия¹⁸.

Св. Николай, епископ Мирликийский, – один из наиболее часто встречаемых персонажей христианского искусства. В произведениях каменной пластики, учтенных в своде Т.В.Николаевой, он фигурирует десятки раз¹⁹. Изображение св. Трифона в святительских ризах в древнерусской мелкой пластике из камня неизвестно²⁰. Наблюдения над творческим почерком мастера, работавшего над лицевой

сторонами иконки, позволяет сделать некоторые предварительные замечания.

Автор композиции был не только высокопрофессиональным резчиком, творчески использовавшим различную технику работы (от гравировки до глубокой объемной резьбы), но и талантливым художником. В пользу этого свидетельствуют свободное построение композиции, виртуозное владение линией рисунка, скульптурная моделировка фигур и ликов, понимание соразмерности частей человеческого тела. При создании лика Богородицы осознанно используется принцип асимметрии. Фигуры персонажей отличаются изысканными удлиненными пропорциями. На первый план в авторском замысле выдвигается, прежде всего, целостность образов, а не отдельные детали рисунка.

Несмотря на размеры, каменная миниатюра воспринимается как произведение монументального искусства.

Эти предварительные наблюдения позволяют предполагать, что композиция на лицевой стороне тверского памятника, судя по датам аналогов и эволюции композиции «Страшного Суда», выполнена в конце XII – первой половине XIII вв. мастером, вероятно, работавшим в традициях византийского искусства²¹. Предложенной датировке в целом не противоречат и данные палеографии²². Для надписи характерна общая вытянутость букв. По мнению М.Н.Тихомирова и А.В.Муравьева этот признак свидетельствует о датировке надписи XIII в., возможно, временем после его середины²³. Среди отдельных букв выделяется буква «N», перекидка которой уже в XII в. не доводилась до низа правой мачты, а в XIII в. не опускалась ниже середины литеры²⁴. В то же время начертание буквы «K» с наклонными мачтами, примыкающими к середине вертикальной мачты, обычна для XII столетия.

На оборотной стороне образка фронтально изображены двое святых в рост²⁵. Анализ позволяет вы-

¹⁵ Цодкович В. К. Семантика иконографии Страшного Суда в русском искусстве XV–XVI веков. С. 7.

¹⁶ Для византийской иконографической традиции характерна композиция, где в центральной фигуре, обычно – фигуре Христа или Богородицы, обращены изображения предстоящих ктиторов (как правило, в их роли выступали император и императрица, реже – другие персонажи) или тезоименных святых (Лихачева В. Изобразительное искусство // Культура Византии (вторая половина VII–XII в.). М., 1989. С. 471–473, [рис. на с. 96, 97, 99]).

¹⁷ Примеры таких изображений в арках – Лихачева В. Искусство Византии IV–XV вв.: очерк истории и теории изобразительных искусств. Л., 1986. С. 179, 184, 194, 197; Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. / отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1983. Табл. 7:1, 8:2, 10:1. (САИ; Е 1-60).

¹⁸ Лазарев В. Н. История Византийской живописи / ред. Г. И. Вздорнов. М., 1986. Т. I. С. 108.

¹⁹ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. С. 161.

²⁰ Вероятно, почитание св. Трифона, принадлежавшего к кругу высших церковных иерархов, связано не с древнерусской, а с византийской традицией.

²¹ Задача определения, работал ли автор композиции в традициях элитарного столичного искусства или входил в круг мастеров, сформировавшийся в византийских провинциях, в настоящей публикации не ставится. Вероятно, подобная задача может быть решена только после рассмотрения тверского памятника на фоне широкого круга аналогий в контексте общего развития художественной культуры и христианских древностей.

²² Количество знаков в надписях на иконке, по всей видимости, недостаточно для надежной палеографической датировки, особенно с учетом специфики написания литер не на пергаменте, а на камне. Тем не менее уместно привести хотя бы краткую предварительную характеристику надписей.

²³ Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография. М., 1982. С. 18.

²⁴ Там же. С. 19.

²⁵ Приводим краткое описание композиции. Левая от зрителя фигура в облачении, поверх которого надет омофор. Пальцы правой руки святого сложены в благословении. В левой руке, прикрытой краем облачения, – кодекс.

Рис. 2. Каменная резная иконка с изображением Богородицы Умиление (Ласкающей) из раскопок на Затьмацком посаде города Твери

делить ряд признаков, которые можно считать особенностями творческого почерка автора: при общей уравновешенности композиции основное внимание мастер уделял деталям изображения. Рельефные зрачки, веки в виде двойных, округлых скобок, брови, переходящие в надбровные дуги и нос, пряди волос тонкой и прически, ушные раковины выполнены той же, изящной резьбой.

В целом, среди опубликованных к настоящему времени находок мелкой пластики, обнаруженных при проведении археологических работ в Твери, выделяются две группы. К первой из них относятся небольшие по размерам иконки, большинство которых представляют собой округлой формы медальоны с ушком для подвешивания. Изображения святых на изделиях этой группы отличаются ярко выраженным схематизмом, порой граничащим с примитивизмом, из-за чего иконографические признаки того или иного святого на них зачастую неразличимы. Низкий профессионализм исполнения хорошо заметен в пояснительных надписях на подобных предметах²⁶. Описанная выше каменная

Выразительно передана крупная голова святого. Высокий лоб с крупными залысинами обрамляют короткие волосы. Характерная особенность лика святого – небольшая клиновидная борода; его голову окружает нимб правильной циркульной формы (передан тонким рельефным ободком, выступающим над углубленным фоном). Над нимбом двухстрочная надпись: «ВВАСИ / Ль». В правой части оборотной стороны иконки – фигура святого воина. Над его нимбом дано имя в две строки: «МНKH / ТА». В правой руке воин держит обнаженный меч, в левой – ножны. Острие клинка, касающегося правого плеча воина, уходит выше нимба.

²⁶ Попова Л.А. Мелкая пластика Твери XIV в. С. 207–209, рис. 1; Чукова Т.А. Памятники церковного прикладного искусства (Раскоп Тверской кремль-11) // Тверской кремль: комплексное археологическое источниковедение (по материалам раскопа Тверской кремль-11, 1993–1997 гг.). СПб., 2001. С. 203–209, рис. 1: 4.

резная двусторонняя иконка относится ко второй группе памятников, для которой, как правило, характерен не только иной художественный уровень работы «знаменщика»-рисовальщика, но и высокий профессионализм резчика.

Вторая иконка с изображением Богоматери с Младенцем была найдена в 2011 г. на территории Затьмацкого посада города Твери в раскопе на берегу реки Волги при производстве археологических работ (рис. 2)²⁷. Находка обнаружена в культурном слое, связанном с остатками наземной постройки, которые предварительно отнесены ко второй половине XIV – рубежу XIV–XV вв. Этой дате не противоречит информация, полученная в Киевской лаборатории радиоуглеродной хронологии²⁸. Нижняя часть иконки утрачена, сохранился фрагмент подпрямоугольной формы; размер верхней, полностью сохранившейся стороны (т.е. ширина иконки) – 39 мм. С левой стороны фрагмент сохранился на высоту 24 мм, с правой – на 14 мм; толщина фрагмента – 5,5–6,0 мм. Первоначально иконка была квадратной или прямоугольной²⁹.

На лицевой стороне фиксируются сколы и царапины, но следует отметить хорошую сохранность деталей. Ни на самых высоко выступающих элемен-

²⁷ Хохлов А.Н. Каменная резная иконка «Богоматерь с младенцем» ... С. 133–147.

²⁸ Образец Ki – 17529, радиоуглеродная дата 690±35 bp. После калибровки в программе OxCalv.4.24 (2013) радиоуглеродная датировка укладывается при 68,2 % вероятности в хронологические отрезки 1274–1300 гг. и 1369–1381 гг. н.э., при 95,4 % вероятности – в хронологические отрезки 1261–1319 гг. и 1352–1391 гг.

²⁹ Возможно, первоначально целая иконка имела трапециевидную форму с более широкой нижней частью. В пользу этого свидетельствует тот факт, что на уровне слома ее размер (ширина) уже на 1 мм больше, чем в верхней части.

тах рельефа изображений, ни на поле фона с врезанными надписями, ни на рельефно выступающей рамке не заметно следов потертости или подшлифовки, которая характерна для каменных изделий, долго использовавшихся в быту. Камень темно-коричневого цвета, на ощупь – гладкий. На сломе хорошо читается его плотная слоистая структура, характерная для осадочных пород.

На лицевой стороне по периметру изделия вырезана рамка, представляющая собой бортик треугольной в сечении формы. Его ширина – 3–3,5 мм, над уровнем фона бортик возвышается на 2–2,5 мм. На лицевой стороне памятника фрагментарно сохранились изображения двух фигур, выполненных в технике низкого рельефа. Богородица представлена фронтально. Видны голова, лик, шея и часть правого плеча изображения. Полностью сохранился нимб. От фигуры Младенца, расположенной справа от фигуры Марии, сохранилась только голова, выполненная в трехчетвертном развороте, пальцы правой руки, обхватившие шею Матери, частично – нимб. Слева у головы Богоматери, под декоративным титлом в виде горизонтально лежащей буквы **S** с дополнительными отростками, расположена колончатая надпись из двух букв «**M**» и «**P**», справа – под титлом надпись в одну строку «**ΘΣ**». Слева над плечом Марии и слева от головы Христа – под титлом надпись в одну строку «**IG**», справа у головы Младенца – надпись под титлом «**XG**». Нижние части этих двух букв утрачены. Плоскости нимбов выполнены наклонными: от максимально высоких участков на границе с фоном они понижаются к головам персонажей. В сечении нимбы имеют подтреугольную форму.

Поверхности крупных элементов изображения (лоб, лицо, шея, одежды, нимбы, фон) мастер разместил на разной высоте. Крупные детали рисунка (лица, носы, шеи, одежды и крупные складки на ризах) резчик выполнил скругленным рельефом с понижением высоты от центра к краям изображения, скульптурными средствами смоделировав формы и объем различных поверхностей. Изображение мелких или тонких, небольших по площади деталей выполнены с использованием двух приемов. Буквы, завитки орнамента на нимбе, крест на мафории, пряди волос, губы, пальцы руки Младенца создаются простой врезной углубленной линией. Глаза, уши, контуры нимбов, орнаментальная кайма одежд Богоматери и нимба Младенца, тонкие складки на ризах показаны двойной врезной линией с некоторым понижением, подрезкой прилегающих участков изображения, что создает хорошо читаемую выступающую рельефную линию в виде тонкого валика.

Большое внимание мастер уделяет изображению ликов. Резчик старается сделать их объемными, округляет рельеф, тщательно моделирует

подбородок, щеки, скулы, глазные впадины, хорошо выделяемые светотенью; прорабатывает у обоих персонажей линии изогнутого, слегка горбатого носа, с крупными крыльями. Брови изображены линией с резким двойным изгибом, сведенными в складки у носа. Мастер детально прорисовывает глаза, обведенные двойными врезными линиями, создающими контур век, выделяет крупные зрачки.

Фигура Богоматери изображена фронтально, ее голова слегка наклонена и повернута навстречу Сыну. Об этом ракурсе свидетельствуют общий легкий наклон лица, изображение носа как при виде сбоку, изображение правого уха, которое и должно быть видно в такой проекции, а также то, что левая сторона лица, к которой прижимается Младенец, несколько меньше по ширине. Но этот поворот головы влево лишь намечен. Он не столь завершен, не превратился в энергичный разворот головы, как на подавляющем большинстве каменных образков с сюжетом «Умиление». Пожалуй, только на двух резных иконках можно увидеть близкое положение головы – на экземпляре из собрания Н. П. Лихачева в ГРМ (который Т. В. Николаева датирует XIII – началом XIV вв.³⁰, а А. В. Рындина – ранним XIV в.³¹, и на рельефе из собрания Остроухова в ГТГ³², датирующимся XIV в.

Лицо Богоматери склонено к Сыну. Рельефом смоделированы округлые поверхности щек, скул, подбородка. Выступающими рельефными гибкими линиями переданы глаза, ухо, нижняя губа. Нос – изогнутый, слегка горбатый, с крупными крыльями. Брови изображены с двойным изгибом, своеобразным надломом, сведенные в складки у носа. На лице выделяются крупные выразительные миндалевидные глаза, обведенные двойными врезными линиями, создающими контур век. Подчеркнуты крупные зрачки. Губы плотно сомкнуты, врезная линия, которая моделирует форму нижней губы, изогнута легкой дугой. Этот прием создает абрис опущенных уголков губ. Покрывало не закрывает правое ухо небольших размеров, изображенное в виде изящно изогнутой небольшой скобки, расположенное низко, не выше уровня крыльев носа.

Голову Богоматери покрывает мафорий, который округлыми складками спускается по правой стороне головы и шее на плечо, закрывая лоб Богоматери до бровей. Чепец не виден. В центральной (налобной) части плата, покрывающего голову Богоматери, видна звезда в виде четырех-

³⁰ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. [Табл. 21:1. № 107 по каталогу]. С. 73–74.

³¹ Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и центральная Русь XIV–XV веков. М., 1978. С. 14. Рис. 20.

³² Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. [Табл. 30: 4. № 170 по каталогу]. С. 91.

конечного косоугольного креста. Край мафория украшен каймой с орнаментом в виде полосы маленьких квадратиков, оконтуренной двумя рельефными линиями, – вероятно, так передана кайма с вышивкой или вставками-дробницами с драгоценными камнями. Складки орнаментированной каймы создают причудливое обрамление лика. На правом плече одежды плоскость рассечена V-образной складкой, образованной рельефными линиями. От изображения туники сохранилась только верхняя часть – ворот, обозначенный рельефным контуром, и остатки каймы, украшенной аналогично кайме мафория.

Верхняя часть нимба Богоматери заходит на рамку образа. Край нимба по периметру ограничен тонким рельефным контуром, образованным двумя врезными линиями. Поле нимба украшено, вероятно, листьями, ростками или завитками растительного орнамента. Участки между завитками заполнены треугольниками с разнонаправленной штриховкой. Не исключено, что эти элементы имитируют завитки драгоценного сканного орнамента, широко распространенного в эпоху Средневековья³³. Декор нимбов у Богоматери и Младенца различный.

К левой щеке Богоматери в порывистом движении прижался щекой Младенец, сидящий на левой руке Матери. Его голова, изображенная в трехчетвертном повороте, запрокинута назад. Выступающими рельефными гибкими линиями переданы глаза, ухо, нижняя губа. Нос – изогнутый, слегка горбатый, с крупными крыльями. Брови, как и у Матери, изображены с двойным изгибом, сведенные в складки у носа. Глаза небольшие, миндалевидной формы. Губы Младенца сжаты в виде прямой линии, без намека на улыбку. Округлый подбородок отделен от губ линией в виде скобки, которая передает очертания изогнутой нижней губы и опущенных вниз уголков губ. На лбу Сына – горизонтальная морщина. Левое ухо Христа не прикрыто волосами. Оно показано в виде небольшой скобки, расположенной достаточно реалистично на уровне глаз. Сочетание морщины на лбу, сдвинутых бровей, крупных крыльев носа, опущенных вниз уголков губ в целом создает впечатление грусти и тревоги на лице Младенца.

Правой рукой Младенец обхватил шею Богоматери, пальцы изображены поверх одежд. В иконописи часто встречается вариант, когда пальцы Младенца лежат непосредственно на шее Марии, под тканью мафория, например, на Владимирской

иконе Богоматери³⁴, Толгской иконе Богоматери³⁵, Федоровской иконе Богоматери³⁶, на мозаичной иконе Умиление XIII в. из Афинского византийского музея³⁷. Но в мелкой каменной пластике такие случаи мне неизвестны. Реже в иконописи встречается и другой вариант, когда пальцы правой руки Младенца находятся поверх мафория на шее Богоматери, – например, на иконе Богоматери Умиление XII в. из Сванетии (Грузия)³⁸, на Белоозерской иконе Богоматери XIII в.³⁹ и на иконе Богоматери с Младенцем («Игрушка Феодоры») конца XIV в. из монастыря Ватопед на Афоне⁴⁰. Аналоги такому элементу можно найти на резных каменных иконах, опубликованных Т.В. Николаевой (в том случае, если размеры образков и качество фотографий позволяют рассмотреть такую маленькую деталь изображения)⁴¹. Возможно, это связано с тем, что в каменной миниатюре технически сложно реализовать вариант расположения руки Младенца на шее Матери под мафорием, известный по живописи на больших иконах.

Нимб над головой Христа крестчатый. На поле нимба рельефными линиями изображен крест, лучи которого идут от центра к краю нимба. По периметру нимба расположены две тонких рельефных линии, каждая из которых образована, в свою очередь, двумя врезными линиями, между которыми расположен ряд равномерно вырезанных маленьких квадратов. Вероятно, так мастер попытался показать свечение, блеск, «горение» нимба, возможно, по ана-

³⁴ Смирнова Э. Икона Древней Руси. XI–XVII века // История иконописи. М., 2002. С. 119–164, рис. 55; Попова О. Византийские иконы VI–XV веков // История иконописи. М., 2002. С. 41–94, рис. 22; Лазарев В. Н. История византийской живописи. Т. II: Атлас. М., 1948. Табл. 198; Его же. История византийской живописи. Таблицы. Табл. 325–326.

³⁵ Смирнова Э. Икона Древней Руси, XI–XVII века. Рис. 24; Лазарев В. Н. История византийской живописи. Таблицы. Табл. 269.

³⁶ Смирнова Э. Икона Древней Руси, XI–XVII века. Рис. 23.

³⁷ Лазарев В. Н. История византийской живописи. Т. II. Табл. 264.

³⁸ Евсеева Л. Грузинская икона X–XV веков // История иконописи. М., 2002. Рис. 2.

³⁹ Смирнова Э. Икона Древней Руси, XI–XVII века. Рис. 17.

⁴⁰ Стерлигова И. А. Драгоценный убор дионисиевских икон Богородицы // Древнерусское и поствизантийское искусство, вторая половина XV – начало XVI века: к 500-летию росписи собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. М., 2005. С. 407–420, рис. 8.

⁴¹ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. Каталог: табл. 2: 9 (№ 12 по каталогу), конец XII – начало XIII вв.; табл. 12: 8 (№ 54), XIV в. (собрание Остроумова, ГТГ); табл. 18: 6 (№ 89), XII в.; табл. 21: 1 (№ 107), конец XIII – начало XIV вв. (собрание Н. П. Лихачева, ГРМ); табл. 22: 1 (№ 118), XIII–XIV вв. (ГИМ); табл. 22: 4 (№ 120), начало XIV в. (ГИМ), младенец на правой руке; табл. 36: 4 (№ 207), конец XIV в. (собрание И. С. Остроумова, ГТГ); табл. 36: 5 (№ 208), конец XIV – начало XV вв.; табл. 43: 3 (№ 245), конец XV в.

³³ Жилина Н. В., Макарова Т. И. Древнерусский драгоценный убор – сплав влияний и традиций IX–XIII вв.: художественные стили и ремесленные школы / отв. ред. С. З. Чернов. М., 2008. С. 15, табл. 5: 13, 53–55; Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. М., 1986. Рис. 3: 46; 5; 6: 3а, ба; 7: 1а.

логии с блеском диадемы, украшенной вставками из драгоценных камней.

В заключение краткого обзора изображений на иконке следует отметить, что резчик старался создать индивидуальные характеристики лиц персонажей. Отчетливо видно стремление мастера передать психологическое состояние героев. Миниатюра, несмотря на свои размеры, чрезвычайно выразительна в эмоциональном плане.

Слева у головы Богоматери, под декоративным титлом в виде горизонтально лежащей буквы **S** с дополнительными отростками⁴², расположена колончатая надпись, как и другие не требующая дополнительных пояснений, из двух букв «**М**» и «**Р**». У литеры «**М**» характерная чашевидная середина, у «**Р**» вертикальная мачта длинная, слегка изогнутая. Верхняя часть петли продолжается достаточно далеко влево за пределы вертикальной мачты. Справа от Богородицы – под титлом надпись в одну строку «**Θ**». У буквы «**Θ**» – крестообразно перечеркнутая перекладина.

Слева над плечом Марии и слева от головы Христа – под титлом надпись в одну строку «**IG**», справа у головы Младенца – надпись под титлом «**XG**». Нижние части этих двух букв утрачены. Буквы и титлы прорезаны в фоне тонкими линиями. У некоторых букв (**I**, **Θ**, **Ϛ**, **X**) вертикальные мачты, горизонтальные перекладины и наклонные линии завершаются короткими перпендикулярными линиями – шрифтовыми засечками, что является индивидуальной особенностью письма. Надпись нанесена уверенной рукой. Вместе с тем приходится признать, что оснований для надежной палеографической датировки недостаточно – надписи короткие (по две буквы в надписи), в них суммарно всего восемь букв, из которых только одна («**G**») повторена дважды, и четыре титла.

Изображение на тверской иконке можно уверенно связать с другим иконографическим типом, который многие исследователи традиционно называют Умиление или Елеуса⁴³. Однако О. Е. Этингоф считает, что Елеуса – это эпитет, относящийся к Богоматери вообще, и предлагает именовать этот иконографический тип Богоматерь «Ласкающая»⁴⁴. Т. В. Николаева приводит в своей обобщающей работе 1983 года

⁴² Над остальными поясняющими надписями расположены титла такой же формы.

⁴³ Лазарев В. Н. История византийской живописи. Таблицы. М., 1986; Он же. История Византийской живописи. Т. I–II. М., 1986; Он же. Этюды по иконографии богородицы // Византийская живопись. М., 1971. С. 275–329; Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. II. Петроград, 1915; Он же. Иконография Богоматери. Т. I. Петроград, 1914; Лихачев Н. П. Историческое значение итало-греческой иконописи и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911; Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI веков. М., 1968.

⁴⁴ Этингоф О. Е. Образ Богоматери: очерки византийской иконографии XI–XIII веков. М., 2000. С. 67, 127.

фотографии 23 каменных миниатюр с подобной иконографией⁴⁵. Появляется информация о новых находках образков с изображением Богоматери «Ласкающей», обнаруженных после 1983 г.⁴⁶ Иконографический тип иконы Богоматерь «Ласкающая» уже вполне сформировался, вероятно, в X–XI вв.⁴⁷ В. Н. Лазарев считает, что фреска с изображением Богоматери Умиление («Ласкающая») в нише жертвенника Новой церкви Токалы в Каппадокии создана в XI в.⁴⁸, а О. Е. Этингоф относит ее к 920–940 гг.⁴⁹ В XII–XIII столетиях иконографический тип иконы Богоматерь «Ласкающая» получил распространение на обширной территории от Византии и Византийских провинций до Европы, Древней Руси и христианского Кавказа⁵⁰.

В своде Т. В. Николаевой выявлено 14 каменных резных иконок с изображением Богоматери Умиление («Ласкающей») в иконографическом варианте, в котором Мария держит Младенца левой рукой. На части этих изображений правой рукой Христос держится за шею матери (пальцы ладони вырезаны вверх мафория). Рельефы выполнены в различной стилистике, на разном художественном уровне. Датировка этих образков, по мнению Т. В. Николаевой, укладывается в период с XII–XIII вв. до XV в. включительно⁵¹. Однако с иконкой, найденной в Твери, эти образки объединяет только общая иконография. Тем не менее существует группа произведений мелкой пластики, к которой близка иконка из Твери.

В статье 1974 года Т. В. Николаева рассмотрела несколько резных каменных иконок, обладающих группой близких признаков⁵². Среди них исследователь выделяет такие признаки, как одинаковая манера резьбы, скульптурная моделировка рельефа, использование сходных художественных приемов, палеографические признаки (одинаковое начертание букв, индивидуальные особенности почерка

⁴⁵ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв.

⁴⁶ Макаров Н. А., Суворов А. В. Новые находки каменных образков и матрицы прикладной печати из Вологды и Белоозера // РА. № 3. 2001. С. 111–117.

⁴⁷ Этингоф О. Е. Указ. соч. Рис. 43, 57, 68.

⁴⁸ Лазарев В. Н. История византийской живописи. Табл. 185.

⁴⁹ Этингоф О. Е. Указ. соч. Рис. 43.

⁵⁰ Смирнова Э. Икона Древней Руси, XI–XVII века. С. 119–164, рис. 55; Попова О. Византийские иконы VI–XV веков. С. 41–94, рис. 22; Стерлигова И. А. Малоизвестные произведения средневизантийской глиптики в Музеях Московского Кремля // Византийская идея. Византизм в эпоху Комнинов Палеологов. СПб., 2006. С. 407–420, рис. 8; Евсеева Л. Грузинская икона X–XV веков. С. 165–172, рис. 8; Лазарев В. Н. История Византийской живописи. Т. I–II; Этингоф О. Е. Указ. соч.

⁵¹ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. С. 48–150.

⁵² Николаева Т. В. Каменная иконка, найденная в Новгороде // ПКНО. М., 1975. С. 219–227.

резчика, одинаковое оформление титла над надписями, декоративный характер самой надписи). В эту группу рельефов входят найденная в 1972 г. при раскопках в Новгороде иконка с изображением Симеона Столпника и св. Ставрокия на лицевой стороне и иконка с изображением Бориса и Глеба из рязанского Солотчинского монастыря⁵³. «...Характерной особенностью резьбы этого мастера является то, что, несмотря на плоскость изображения, он дает рельеф разной высоты, с плавным переходом к фону, фигуры не имеют резких контуров с вертикально обрезанным краем. Резчик искусно варьирует приемы создания плоского рельефа.

Эти два произведения по манере резьбы настолько похожи, что позволяют говорить о возможности их изготовления в одной мастерской. Достаточно сравнить головы Ставрокия и Глеба, изображенные в одном и том же трехчетвертном повороте, чтобы убедиться в одинаковом художественном приеме. Особенно выразительно сходство в очерке носа, глаз, в трактовке волос. ...В трактовке и орнаменте одежд мы также найдем очень много общего... Края одежд ... одинаково вырезанными квадратами абсолютно подобны. Мотивы орнамента на одеждах и на других деталях мастер повторяет и там и здесь... Сходство этих двух произведений не только в манере резьбы и орнаменте, но и в надписях у изображений... Мы видим не только палеографическое сходство надписей, но единство почерка... Отметим также характерные для мастера иконок начертания титла...» в виде горизонтально лежащей буквы S⁵⁴. К описанным рельефам, по мнению автора статьи, по совокупности этих же признаков близок образец с изображением Дмитрия Солунского из Каменец-Подольского музея⁵⁵. На основании датировки палеографических признаков пространственных надписей и датировки доспехов на Дмитрии Солунском Т.В. Николаева считает возможным относить описанные иконки к первой трети XIII столетия⁵⁶. В своде 1983 г. представлены еще несколько образков, которые автор отнес к указанной группе⁵⁷.

По всем описанным признакам (манера резьбы, скульптурная моделировка рельефа, использование сходных художественных приемов, палеографические признаки) к этой группе должна относиться и иконка, найденная в Твери. Несмотря на то, что оснований для палеографической датировки мало, в надписи мастер вырезал четыре титла

особых очертаний в виде горизонтально лежащей буквы S с дополнительными отростками с обеих сторон, идентичные титлу на иконке Бориса и Глеба, где «...это титло приобрело орнаментальный характер с дополнительными отростками с обоих концов...»⁵⁸. В дополнение к описанным выше примерам титл в форме горизонтально лежащей буквы S можно указать аналогично выполненные титла на иконке с изображением св. Козьмы и Дамиана, найденной в 1998 г. в Киеве⁵⁹, и на киевском же рельефе, опубликованном Н.П. Кондаковым в 1915 г.⁶⁰ Кроме указанных выше общих признаков, тверскую иконку сближает с произведениями, выделенными Т.В. Николаевой, и особого вида рамка, подтреугольная в сечении. Внутренняя грань рамки тверской иконки (как и рельефов с изображениями Бориса и Глеба, Симеона Столпника и св. Ставрокия, Дмитрия Солунского из Каменец-Подольского музея и Дмитрия Солунского из Новгородского музея), обращенная в сторону поля изображения, наклонена под углом в 30 градусов. Для большинства же иконок, приведенных в своде Т.В. Николаевой, характерны рамки скругленные или прямоугольные в сечении.

Датировка постройки и найденного в ней образка по слою – вторая половина XIV – рубеж XIV–XV вв., чему не противоречит радиоуглеродная датировка. Если принять точку зрения Т.В. Николаевой о хронологии выделенной единой группы образков (основанную, прежде всего, на выделении группы близких по стилю и технологии изготовления памятников, имеющих пространственные надписи, которые послужили основой для палеографической датировки), то изготовление образка из тверского Затьмачья, входящего в эту же группу, также следует относить к первой трети XIII столетия.

Миниатюрная иконка, найденная в Твери, была изготовлена художником высокого уровня, который одновременно являлся высокопрофессиональным мастером-резчиком. Следует отметить, что при небольших размерах, в которых выполнено это произведение, при изменении масштаба оно имеет свойство оставаться гармоничным объемным изображением. Качество рисунка и резьбы таково, что при любом, даже значительном, увеличении рельеф выглядит столь же совершенным. С изменением размеров миниатюра начинает восприниматься зрителем как образец монументального искусства высокого уровня.

⁵³ Николаева Т.В. Каменная иконка, найденная в Новгороде. Рис. на с. 220, 222.

⁵⁴ Там же. С. 220–221.

⁵⁵ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. II. Рис. на с. 223.

⁵⁶ Николаева Т.В. Каменная иконка, найденная в Новгороде. С. 222.

⁵⁷ Николаева Т.В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв. Табл. 5–6.

⁵⁸ Николаева Т.В. Каменная иконка, найденная в Новгороде. С. 221.

⁵⁹ Климовский С. И. Новые находки каменных иконок в Киеве // Восточноевропейский археологический журнал. № 3 (10). 2001, май-июнь. [Электронный ресурс]. URL: <http://archaeology.kiev.ua/journal/030501/klimovsky.htm> (дата обращения: 10.08.2015).

⁶⁰ Кондаков Н. П. Иконография Богоматери. Т. II. С. 92.

Рис. 3. Каменная резная иконка с изображением Богородицы Одигитрии из раскопок на Затьмацком посаде города Твери

Третья иконка с изображением Богородицы с Младенцем (рис. 3) обнаружена при раскопках на территории Затьмацкого посада города Твери в 1989 г.⁶¹ Сохранился большой (судя по изображению на камне – более $\frac{1}{2}$ целого предмета) фрагмент каменной иконки шириной 50 мм. Высота сохранившейся части – 43 мм, толщина – 7 мм. Нижний край образка в виде кривой линии со слабым изгибом, боковые стороны плавно сужаются кверху. Углы у основания плавно скруглены. Целая иконка, вероятно, могла иметь подтрапециевидную или арочную форму. Образок изготовлен из камня, имеющего, судя по излому, слоистую структуру, но вместе с тем достаточно твердого. Камень – темно-коричневого, почти черного цвета. Вероятно, он относится к осадочным породам, возможно, – сланец (?).

На лицевой стороне иконки – вписанное в рамку (ширина ее бортика от 3 до 5 мм) изображение Богородицы с младенцем на руках. Судя по сохранившемуся фрагменту, на лицевой части образка было изображение Богородицы Одигитрии («Путеводительницы»)⁶². Наибольшее количество изображений Богородицы с Младенцем передано именно иконографическим типом Одигитрии. Изображения Одигитрии в различных вариантах были широко известны в Византии, Западной Ев-

ропе и на Руси⁶³. В своде Т. В. Николаевой представлено не менее 31 каменного образка с этой иконографией⁶⁴.

Изображение выполнено высоким для миниатюры многоуровневым рельефом. Поясная фигура Богородицы представлена фронтально.левой рукой Мария держит младенца, раскрытая правая рука, согнутая в локте, обращена к младенцу. Следует отметить, что кисти рук Богородицы изображены с неестественно длинными пальцами, с очевидными нарушениями пропорций. Край мафория

⁶³ Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика; Лазарев В. Н. История византийской живописи. Т. II; Его же. История Византийской живописи. Т. I–II; Его же. Этюды по иконографии богородицы. С. 275–329; Кондаков Н. П. Иконография Богородицы. Т. II; Его же. Иконография Богородицы. Т. I; Лихачев Н. П. Историческое значение италогреческой иконописи и их влияние на композиции некоторых прославленных русских икон. СПб., 1911; Крук М. Древнерусские кресты-реликварии и металлические иконы в собрании отдела церковного искусства национального музея города Кракова // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. СПб., 2010. С. 375–380; Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика XI–XVI веков. М., 1968; Воронцова Л. М. Византийские камеи из ризницы Троице-Сергиевой лавры // Византийская идея. Византия в эпоху Комнинов и Палеологов. СПб., 2006. С. 11–31; Стерлигова И. А. Малоизвестные произведения... С. 180–186; Byzantium. Faith and Power (1261–1557) / ed. by Helen C. Evans. New York, New Haven, London, 2004; Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite: Text. Wien, 1985; Kalavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite: Plates. Wien, 1985. Tab. 31; Пуцко В. Г. Новгородские каменные иконки «романского» стиля // Миграции и оседлость от Дуная до Ладogi в I тысячелетии христианской эры: Пятые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2001; Рындина А. В. Об одной группе каменных икон XIV в. // ПКНО. М., 1975. С. 228–237.

⁶⁴ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв.

⁶¹ Иконка найдена в 1989 г. при проведении археологических раскопок под руководством А. Н. Хохлова. Паспортные данные находки: Тверь, Затьмацкий посад, раскоп 3 (1989 г.), участок 2, кв. Д-15, гл. –133, полевой № 416, слой – перекоп (черно-коричневый с вкраплениями угля и красной глины). Памятник публикуется впервые.

⁶² Этингоф О. Е. Указ. соч.

Богоматери (у шеи и правой руки) украшен каймой, декорированной небольшими прямоугольниками. Край обшлага на правой руке имеет оформление в виде точек. Складки одежд переданы прямыми врезными линиями, образующими подтреугольной формы ломаные линии или ромбы. Верхняя часть иконки с изображением нимба, головы и шеи утрачена (линия слома каменного образка проходит на уровне плеч).

Младенец Христос изображен сидящим на левой руке матери. Пальцы его правой руки, согнутой в локте и слегка опущенной вниз, сложены в благословении. В сжатой кисти левой руки, скрытой одеждами (на уровне живота, возможно, согнутой в локте), – свиток. Верхняя часть туловища Младенца отклонена назад. От головы сохранился подбородок, левая щека, частично – волосы. Голова, как и туловище, отклонена назад. Нимб, изображенный дугообразной рельефной линией, сохранился частично. Внутри нимба – орнаментация в виде прямых коротких врезных линий. Большая часть лица, головы и нимба утрачены. Детали и складки одежд намечены врезными линиями. Ноги Христа – без обуви. Босые ступни Младенца, с детально проработанными пальцами, «опираются» на нижнюю часть рамки образка.

На лицевой стороне сохранились остатки надписи, вырезанной по фону. Между рамкой левого края иконки и правой рукой Богоматери расположены буквы «Р» и «О» в одну строку, за спиной младенца Христа – в две строки литеры «Д», «И», под которыми расположены «Ц» (в написании близком к зеркальному «Ч») и «А». Полная надпись, выполненная горизонтально в две строки, справа и слева от изображения, восстанавливается как: «(Б)О ГОРОДИЦА». Особенность написания букв – изображение литеры «Ц» зеркально, так, что нижняя короткая вертикальная линия буквы оказалась продолжением левой вертикальной мачты; изображение литеры «Д» в виде треугольника, засечки на нижней линии в виде маленьких треугольников вершинами вниз. По формальному признаку (количеству и повторной встречаемости литер) оснований для надежной палеографической датировки немного.

На оборотной стороне иконки сохранились, вероятно, следы разметки рамки, выполненные гравированными линиями. Фрагмент иконки с изображением Одигитрии обнаружен в переотложенном слое. Вероятно, он может быть предварительно отнесен ко времени не позднее XV в. Возможно, датировка образка будет уточнена на основании стилистических и палеографических особенностей. Завершая краткое предварительное обозрение этой резной иконы, необходимо отметить иной уровень профессионального мастерства ее автора. Особенности изображения кистей рук и

пальцев Богоматери позволяют предполагать приверженность изготовившего ее мастера к другому художественному кругу.

В 1970–80-х гг. исследователи, опирающиеся на методы классического искусствоведения, создали несколько «виртуальных» моделей гипотетических произведений тверской пластики, в том числе и каменных резных иконок⁶⁵. К произведениям тверского искусства были отнесены хранящиеся в разных музеях предметы, которые были сгруппированы исходя из специфики иконографии изображенных сюжетов, подбора святых, материала резьбы, из своеобразных технико-стилистических свойств рельефа, учитывались также типология и орнамент серебряных оправ. Это позволило, с одной стороны – объединить ряд вещей в единую группу, с другой стороны – предположить тверское ее происхождение. В эту группу вошли изображения Бориса и Глеба, Михаила – соименные именам некоторых Тверских князей, Спаса, св. Федора, св. Космы и Домиана, св. Никиты, побивающего беса, которые, по мнению исследователей, были особенно почитаемы в Твери⁶⁶. Однако в этой гипотетической модели не нашлось места для каменных икон с изображением Богоматери.

Археологические материалы сегодня предоставляют возможность познакомиться с сюжетами каменных резных икон, которые не гипотетически, а реально существовали в средневековой Твери. Иконные изображения Богородицы, безусловно, имеют широкое распространение. Среди всего многообразия типов представлена и одна Мария, и Богоматерь с Младенцем. Они изображены как в мозаичной и живописной иконе, фреске, так и в каменных, керамических и металлических рельефах, в том числе – произведениях мелкой каменной пластики. Н. Г. Порфиридов в статье 1972 г. приводит сведения о 56 изображениях Богоматери разных типов среди известных ему 423 каменных рельефов⁶⁷. Рассмотренные рельефы с изображением Богоматери в молении на престоле с предстоящими и Богоматери с Младенцем (Ласкающей) – Умиление относятся к образцам предметов городской материальной культуры элитарного уровня.

Где была изготовлены описанные иконки, найденные в Твери? Этот вопрос на сегодняшний день остается открытым. Необходимо отметить, что в материалах раскопок в Твери имеются заготовки каменных иконок, в том числе и с намеченными гравировкой рамками. Нельзя исключать, что какие-то образки изготавливались на месте, в том числе –

⁶⁵ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня XI–XV вв.; Рындина А. В. Древнерусская мелкая пластика. Новгород и центральная Русь XIV–XV веков. М., 1978.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Порфиридов Н. Г. Древнерусская мелкая каменная пластика и ее сюжеты // СА. № 3. 1972. С. 200–207.

один из рассмотренных памятников (с изображением Одигитрии). Вместе с тем материалы раскопок не содержат информации, на основании которой можно было бы предполагать исключительно местное производство описанных выше иконок. Более того, в случае с двусторонней иконой велика вероятность ее изготовления за пределами северо-восточной и северо-западной Руси. Примеры перемещения мастеров, в том числе из Византии на Русь, из Киева в другие города, известны. Но путешествовали и вещи. Изготовленные на заказ они перемещались со своими владельцами, завещались, возможно, продавались. Миграции каменных рельефов способствовали их небольшие размеры, незначительный вес и высокая стоимость. Поэтому вряд ли будет ошибоч-

ным предположение о том, что эти каменные иконки могли быть изготовлены мастерами высокого художественного уровня в крупных городских центрах Древней Руси или византийского мира, в которых существовал широкий круг потенциальных заказчиков подобных изделий.

Сегодня трудно определить, где именно были изготовлены изделия этой группы. Однако можно утверждать, что эти образки, вошедшие в круг тверских древностей по условиям своего обнаружения, представляли собой не только хорошо знакомые жителям города явления. Эти иконки, безусловно, своим существованием в средневековом городе должны были оказать значительное влияние на формирование художественной культуры Твери.

Summary

A. N. Khokhlov

Small Icons Carved from Stone with a Depiction of the Mother of God Found in Excavations at Tver

The small icons examined here, which are carved from stone and depict the Mother of God, were found during archaeological excavations in the city of Tver. The

subjects depicted are analysed and the archaeological context, in which the stone reliefs were discovered, is examined. Questions of chronology are also discussed.

А. В. Чернецов

Католицизм глазами миниатюристов Лицевого летописного свода

Среди ранних работ Н.А.Макарова обращают на себя внимание статьи, посвященные проблематике изучения духовной культуры средневековой Руси. Часть из них посвящена сюжетам, связанным со славянским язычеством и его пережитками¹, часть – отражению в археологическом материале начального периода христианизации². Археологические источники, имеющие отношение к рассматриваемым темам, содержат ограниченную информацию и с трудом поддаются однозначной интерпретации. В то же время важность темы и скудость и тенденциозность сохранившихся письменных свидетельств побуждают исследователей привлекать все сохранившиеся источники. Определенное, хотя и вспомогательное, значение в этом ряду имеют средневековые изобразительные материалы. Мне приходилось неоднократно обращаться к этой теме – и к изображениям, отражающим представления о язычестве и суевериях³, и к изображениям, на которых представлены объекты, ассоциировавшиеся с неблагочестием, ересями и отреченными текстами⁴.

¹ Макаров Н.А. Жертвенный комплекс конца XII – начала XIII вв. на Каргополье // КСИА. 1987. Вып. 190. С. 73–79; Макаров Н.А. Древнерусские амулеты-топоры // РА. 1992. № 2. С. 41–56.

² Макаров Н.А. К оценке христианизации русской деревни в XI–XII вв. Погребения с крестами и образками в могильниках Белозерья и Каргополья // КСИА. 1991. Вып. 205. С. 11–21; Макаров Н.А. Топография погребений в древнерусских храмах // Четверти Международен конгрес по славянска археология: доклади и съобщения. София: Издательство на Българската академия на науките, 1992. Т. I. С. 234–254.

³ Chernetsov A.V. Medieval Russian pictorial materials on paganism and superstitions // Symposium International et pluridisciplinaire sur le paganisme slave. Contributions. Bruxelles – Gand, 21–24 mai 1980 / Slavica Gandensia. Gand, 1980/1981, 7/8. P. 99–112; Чернецов А.В. Язычество и суеверия по древнерусским изображениям // Живая старина. 1994. № 1. С. 18–22.

⁴ Чернецов А.В. Иллюстрация к Шестокрылу и вопрос об отреченных изображениях в Древней Руси // Взаимо-

Исключительно богатой подборкой древнерусских изображений, отражающих широчайший круг тем и сюжетов, является Лицевой летописный свод Ивана Грозного⁵. В этой заметке я попытался рассмотреть некоторые миниатюры Свода, отражающие отношение его создателей и заказчиков к католицизму.

Лицевой летописный свод представляет собой порождение эпохи становления Русского централизованного государства и его официальной идеологии, в которой апология самодержавия сочеталась с религиозной исключительностью, воинствующим православием. Чрезвычайное богатство томов Свода миниатюрами и необыкновенное разнообразие представленных на них композиций, мотивов и отдельных объектов позволяют рассматривать их как своеобразную иконографическую энциклопедию своего времени. Многочисленность миниатюр сильно затрудняет возможности их обобщенной характеристики как в плане художественных особенностей, так и в плане изучения их содержания. По этой причине представляется правомерным изучение этого массива по частям, по отдельным группам, объединяемым по тематическим, композиционным или иным признакам.

Русская православная церковь практически со своих первых шагов относилась к католицизму с открытой враждебностью. Она получила эту враждебность в наследство от своих византийских учителей. Борьба между христианами греческого и латинского обрядов началась еще до формального разделения церквей. Об этом свидетельствует, в частности, драматическая история миссии Кирилла и Мефодия. Рассказ Начальной летописи о Крещении Руси при Владимире (т.е. о событиях до разделения церк-

действие древнерусской литературы и изобразительного искусства. Л.: Наука, 1985. Т. XXXVIII. С. 231–240. (Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР).

⁵ Амосов А.А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного: комплексное кодикологическое исследование. М.: Эдиториал УРСС, 1988. 392 с.

вей) включает поучение, содержащее резкие антикатолические выпады⁶. Антикатолические мотивы представлены в сочинениях Феодосия Печерского⁷. В дальнейшем подобное отношение к католицизму сохраняется в качестве устойчивой составляющей русского православия. При этом, конечно, соответствующие настроения могли временами то усиливаться, то ослабляться. Можно отметить всплески антикатолических настроений в связи с польско-шведской интервенцией начала XVII в. и во второй половине того же столетия, когда они оказались важной составляющей учения старообрядцев. При этом в древнерусской традиции можно обнаружить довольно многочисленные следы католического культурного влияния, проявления симпатий к католикам и католической церкви⁸.

Важнейшим проявлением взаимной враждебности православных и католиков явились события Четвертого крестового похода, завершившиеся взятием Константинополя крестоносцами (1204). Известный русский рассказ об этих событиях, попавший в Новгородскую первую летопись⁹, был перенесен оттуда в текст Лицевого свода. Серия миниатюр Свода, посвященная этому повествованию, специально рассматривалась в публикации О.И. Подобедовой¹⁰. На одной из них¹¹ (рис. 1) можно видеть в соответствии с текстом венчание на царство «латинянина» Балдуина Фландрского (в летописном тексте «кондо Фларенда», «икондоф Офландр»). Западное происхождение императора и его вероисповедная принадлежность на миниатюре никак не отражены. Его изображение вполне тождественно имеющимся в Своде многочисленным изображениям византийских императоров. Он представлен сидящим на престоле иконописного облика, в городчатом венце. Подобные венцы не характерны для византийских императоров, но на миниатюрах Свода они изображаются именно в таких венцах (равно как и татарские «цари» и сам Иван Грозный). Балдуин представлен бородатым, в воинском плаще, в длиннополой верхней одежде, украшенной каймой на рукавах и

Рис. 1. Балдуин Фландрский на миниатюре Свода (Лаптевский том Свода // РНБ. IV. 233. Л. 547)

по подолу, с широкой планкой вдоль борта. Наличие каймы является устойчивым мотивом при изображении богатых одежд знати. Планка и широкий пояс, очевидно, отражают стремление изобразить лорное императорское облачение. Жезл с Т-образным навершием в целом соответствует форме посохов, присваиваемых в Своде византийским императорам. Рукоять-перекрестие посоха изображена с повышенным вниманием к деталям, однако нет оснований считать, что этим стремились подчеркнуть чуждую национальную или конфессиональную принадлежность Балдуина. По сторонам Балдуина представлены венчавшие его на царство «свои» (католические) епископы. Они изображены отлично от православных архиереев (без омофоров и палиц). Поверх длиннополой одежд на них изображено нечто вроде фелоней, с каймой-воротником. Никаких следов зна-

⁶ ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стб. 114–116.

⁷ Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // Труды Отдела древнерусской литературы Института литературы (Пушкинского Дома) АН СССР. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1947. Т. V. С. 159–185.

⁸ См. напр.: Седелников А. Д. Очерки католического влияния в Новгороде в конце XIV – начале XVI в. // Доклады АН СССР. Сер. В. 1929. № 1.

⁹ НПЛ. 2001. С. 46–49.

¹⁰ Подобедова О. И. Повесть «О взятии Царьграда от крестоносцев» в 1204 году в интерпретации русского миниатюриста второй половины XVI в. // Actes du XV-e Congrès International d'études byzantines. Athenes, 1976. Vol. 2: Art et Archeologie. Communications. Athenes, 1981. P. 639–648.

¹¹ Лаптевский том Свода // РНБ. IV. 233. Л. 547; Лицевой летописный свод. Русская летописная история. Кн.: 3: 1174–1204 гг. М.: Форма-АКТЕОН, 2009. С. 515.

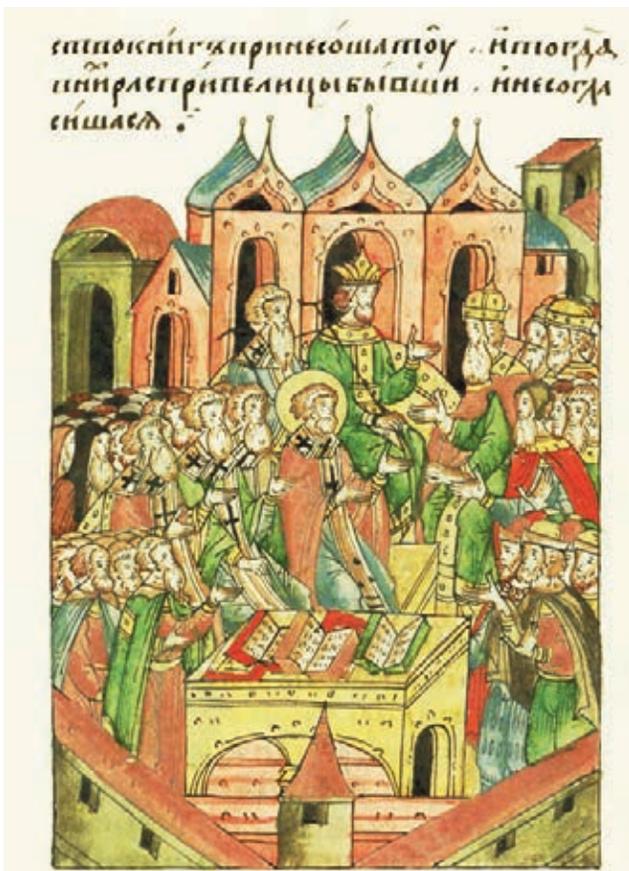

Рис. 2. Ферраро-Флорентийский собор
на миниатюре Свода
(Голицынский том Свода // РНБ. IV. 225. Л. 486)

комства миниатюриста с подлинными облачениями католического духовенства не прослеживается.

Значительная серия миниатюр Свода, иллюстрирующая тексты, включающие антикатолические мотивы, посвящена событиям, связанным с Ферраро-Флорентийским собором и провозглашенной на нем унией церквей (1439), как известно, отвергнутой великим князем московским и русским духовенством. На одной из них мы можем видеть одно из заседаний собора, на котором присутствуют предпоследний византийский император Иоанн VIII Палеолог, представители католического и православного духовенства, в частности, константинопольский патриарх и папа римский¹² (рис. 2). Перед собравшимися стол, на нем разложены раскрытые книги, на которые ссылаются участники диспута. В центре православный архиерей, единственный персонаж, изображенный в нимбе. Это святой Марк Ефесский, последовательно отстаивавший догматы православия. Православные архиереи изображены

¹² Голицынский том Свода // РНБ. IV. 225. Л. 486; Летописный свод. Русская летописная история. Кн. 13: 1425–1444 гг. М.: Форма-АКТЕОН, 2010. С. 261.

Рис. 3. Митрополит Исидор после принятия
унии церквей на миниатюре Свода
(Голицынский том Свода // РНБ. IV. 225. Л. 540)

в соответствии с традициями иконописания, в крещатых омофорах. Позади архиереев стоят иноки в клобуках. Византийский император представлен в обычной для миниатюр Свода иконографии. В руках императора Т-образный посох с навершием, изогнутым концами кверху, у патриарха – книзу. Католическое духовенство представлено в условных одеяниях, наподобие светских. Головной убор римского папы явно фантастичен. Еще более фантастические изображения папы римского в экзотическом для русских миниатюристов западноевропейском наряде светского облика можно видеть на миниатюрах уже упоминавшегося Лаптевского тома Свода в связи с событиями Четвертого крестового похода¹³.

¹³ Лаптевский том Свода. Л. 529 об., 530, 550 об.; Лицевой летописный свод. С. 480, 481, 522.

Папа представлен в короткой верхней одежде и пышных штанах.

Еще одна миниатюра изображает московского митрополита Исидора (по древнерусским понятиям – ренегата), вернувшегося с собора (рис. 3)¹⁴. Исидор, как известно, начал в Москве почитать во время богослужения римского папу и называть себя «легатос и от ребра апостольского» («legatus a latere apostolico»). Кроме того он повелел носить перед собой «крыж латинской» (т.е. четырехконечный, а не осмиконечный) и «три палицы серебряны про честь фряжского (итальянского) права»¹⁵. Соответственно, этот «крыж» и палицы должны были появиться на иллюстрирующей этот текст миниатюре. «Крыж» имеет вид так называемого латинского креста; его несет персонаж в экзотическом головном уборе. В Своде подобные головные уборы обычно изображаются на головах литовцев. Палицы совершенно фантастичны, по форме напоминают дубины, что отражает наивное буквальное понимание слова «палицы». Облачение Исидора обычно для иконографии русских митрополитов. Он изображен в белом клобуке и в мантии с «источниками», в руках пастырский посох.

В связи с развернутым апологетическим текстом, посвященным обличению католического верования и обрядности, в Своде появилась миниатюра, на которой наглядно представлены некоторые догматические и обрядовые различия католицизма и православия (рис. 4)¹⁶. Эта композиция – редкое исключение среди миниатюр Свода. Тексты, в которых отсутствует событийное содержание, миниатюристы обычно оставляли без иллюстраций. В данном случае они решились отступить от этого правила. Это можно объяснить двояко – или они посчитали, что рассматриваемый сюжет столь значим, что его нельзя оставить без иллюстрации, или это просто была единичная попытка «изобразить неизобразимое». Попытку трудно назвать удачной. Хотя композиция составлена в основном из легко опознаваемых элементов, общий смысл композиции без обращения к сопроводительному тексту абсолютно нечитаем.

Для понимания содержания композиции вначале необходимо ознакомиться с иллюстрируемым текстом. «Аще еще от опреснок в священную и главнейшую нашего спасения тайну приносится, слыши же и Златоуста глаголюща о Ветхом и Новом завете: тамо писмо, zde же Христос; тамо кивот, zde же девица (Богородица); тамо жезл Аронов, zde же крест; тамо агнец, zde же Христос; тамо опресноки, zde же хлеб. Что сего явственнейши свидетельства, яко не

¹⁴ Голицынский том Свода. Л. 540; Летописный свод. Русская летописная история. Книга 13. 1425–1444 гг. М.: Форма-АКТЕОН, 2010. С. 369.

¹⁵ ПСРЛ. Т. XII. 1965. С. 40.

¹⁶ Голицынский том Свода. РНБ. IV. 225. Л. 614; Летописный свод. Русская летописная история. Книга 13. 1425–1444 гг. М.: Форма-АКТЕОН, 2010. С. 518.

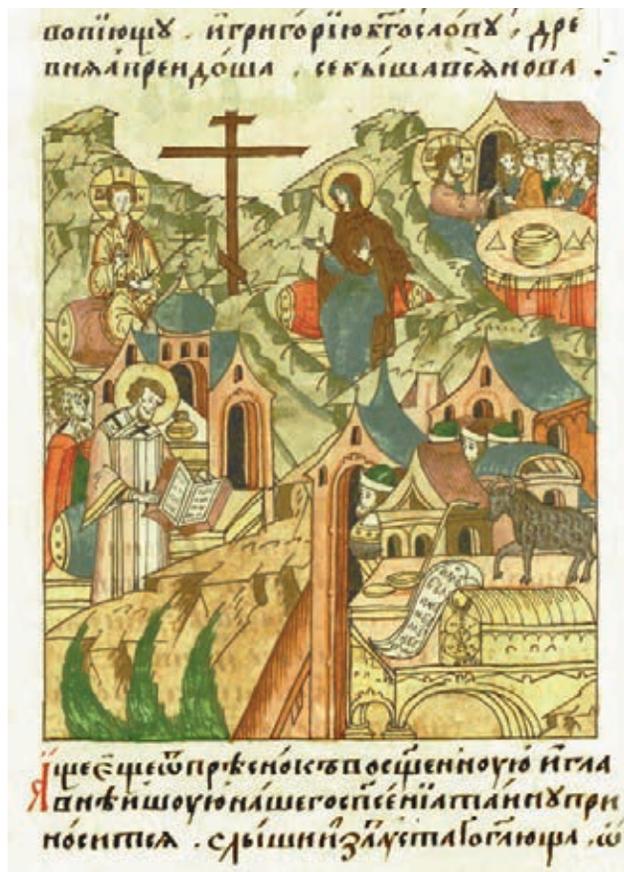

Рис. 4. Теологическая композиция, отражающая полемику с католиками на миниатюре Свода (Голицынский том Свода // РНБ. IV. 225. Л. 614 об.)

опресноки, но хлеб и приаша апостоли и предаша?»¹⁷. Сразу отметим, что для осуждения католических обрядов (использование облаток/опресноков вместо квасного хлеба) используется цитата из Иоанна Златоуста, не имеющая никакого отношения к католицизму, и посвященная риторическому сопоставлению Ветхого и Нового заветов.

Соответственно, на миниатюре можно видеть Тайную вечерю/причащение апостолов (в правой верхней части композиции), Христа и Богородицу на престолах по сторонам креста. Ниже стоящая фигура Иоанна Златоуста с раскрытой книгой в руках на фоне храма. В правой нижней части мотивы, связанные с Ветхим заветом. На двух столах представлены ковчег Завета («кивот») и свиток с письмами («писмо»); агнец, жезл Аарона (в виде клюки) и плоские лепешки (опресноки). Все это представлено на фоне зданий, из-за которых выглядывают персонажи в экзотических головных уборах (иудеи или латыняне). Ковчег завета имеет вид сундука с полуцилиндрической крышкой; на торцевой части

¹⁷ ПСРЛ. Т. XII. С. 60.

изображение шестикрылого херувима. В отличие от большинства книг и свитков Свода, на которых строчки текстов имеют вид рядов черточек, на свитке Писания читаются буквы «Имъ/ бъл/ имъ/ и бъл/ мь/ и бг» (возможно, намек на конкретный текст Священного Писания).

Рассматриваемая миниатюра представляет собой значительный интерес в плане изучения процесса становления оригинального творчества русских мастеров в области иконографии, приведшего к созданию ряда сложных символических композиций на богословские темы. Этапным памятником иконописи этого рода является известная четырехчастная икона «Единородный Сыне» из Благовещенского собора, написанная в 1547 г. Миниатюра Свода, посвященная догматическим и обрядовым отличиям католицизма от православия, представляет собой пассивное перечисление мотивов, упоминаемых в соответствующем тексте, а в целом – своеобразную теологическую криптограмму, плохо поддающуюся прочтению.

Чисто иллюстративный характер миниатюр Свода соответствует прозаическому началу в искусстве (а не эпическому, поэтическому, как ошибочно утверждал В. Н. Щепкин¹⁸). Вместе с тем существенно, что на них встречаются развитые композиции, наделенные идеологическим, в частности, богословским содержанием¹⁹.

Подводя итог рассмотрению нескольких, весьма характерных, миниатюр Лицевого летописного свода, необходимо отметить, что они (в отличие от

¹⁸ Щепкин В. Н. Два лицевых сборника Императорского Исторического музея // Археологические известия и заметки. М., 1897. Т. 5. № 4. С. 111–128.

¹⁹ Чернецов А. В. Религиозно-политическая композиция на миниатюре Лицевого свода // Великий Новгород и средневековая Русь: сб. ст. к 80-летию академика В. Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 663–666.

соответствующих им текстов) маловыразительны в плане проявлений негативного отношения к католицизму. Скорее, для них характерно отсутствие интереса к реальным чертам католического культа, его принадлежностей, в частности облачений. В Москве, где иллюстрировался Лицевой летописный свод, бытовало значительное количество западных печатных книг и гравюр, некоторые мотивы и композиции оттуда заимствовались русскими миниатюристами²⁰. Поэтому создание придворными миниатюристами правдоподобного изображения, скажем, папы римского в соответствующем облачении было делом несложным. Однако масштабности работы, по-видимому, не оставяла миниатюристам времени заниматься поисками образцов, и они ориентировались исключительно на собственную культурную память. Это обстоятельство придает дополнительную ценность особенностям экзотических мотивов на миниатюрах Свода.

В заключение отмечу, что в то время как на западе в XVI в. широко бытовали протестантские сатирические изображения католических святых и духовенства, которым нередко придавался демонический характер, в Лицевом летописном своде подобные мотивы представлены только в неразвитых формах. Дьявол в виде подстрекателя и пособника отрицательных персонажей (в том числе митрополита Исидора²¹) изображается лишь в тех случаях, когда он упомянут в иллюстрируемом тексте.

²⁰ Неволин Ю. А. Новое о кремлевских художниках-миниатюристах XVI в. и составе библиотеки Ивана Грозного // Советские архивы. 1982. № 1. С. 68–71.

²¹ Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск; М.: Водолей Publishers, 2004. С. 192.

Summary

A. V. Chernetsov

Catholicism Seen by the Eyes of the Miniature Painters of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible

This article examines a number of miniatures from the Illustrated Chronicle which dating from the second half of the 16th century. The miniatures reflect attitudes to Catholicism. The events illustrated in them are related to the Fourth Crusade and the Council of Ferrara-Florence. Unlike the text, the miniatures do not show a special negative attitude to Catholicism and reflect little

interest to West-European traditions. Attempts to depict differences between rituals and Church vestments used by priests of the Eastern and Western Churches and also to provide a visual representation of the differences between their respective theologies and liturgies reflect the specific character of the Russian culture of that period within a general European context.

Архитектурные памятники Волжской Булгарии и Казанского ханства

Одним из показателей уровня развития социально-экономических отношений в обществе и производственных технологий является материальная культура. К числу элементов, определяющих оценку степени ее развития, относится архитектура. Она вбирает в себя широкий спектр знаний и достижений, имеющих свою историческую специфику.

Архитектура, формирующая градостроительную структуру поселений с комплексами конкретных зданий и сооружений (дворцы, храмы, бани, фортификация и др.), создает материально организованную среду и является признаком причастности конкретного общества к цивилизации. Создание монументальных архитектурных объектов – это признак наличия в обществе не только специалистов с соответствующим уровнем знаний и развитых производственных отношений, но и наличия в этом обществе потребности в них, понимания их эстетики и назначения.

Изучение этого раздела материальной культуры представляет значительный интерес как для истории культуры, так и для решения вопросов социально-экономического порядка. Являясь своеобразным воплощением технического прогресса, уровня развития производительных сил, в какой-то степени идеологии и художественных вкусов людей, архитектура, может быть, даже полнее, чем другие области человеческого творчества аккумулирует в себе историю и культуру общества. Понятен поэтому интерес ученых к проблемам архитектурной археологии.

Волжско-Камская Булгария – раннефеодальное государство, сыгравшее огромную роль в исторических судьбах многих тюркоязычных и финно-угорских народов Волго-Уральского региона, – по уровню социально-экономического и культурного развития стояло примерно на одной ступени с другими средневековыми государствами Евразии.

Одной из составляющих домонгольской булгарской цивилизации (наряду с высокоразвитыми ремеслом, внутренней и международной торговлей, просвещением и наукой) является степень урбаниза-

Рис. 1. План расположения средневековых булгаро-татарских городов Поволжья

ции общества, в частности, градостроительная культура и архитектура, в том числе и монументальная.

По нашим данным, к настоящему времени на основной территории Булгарского государства известно 171 городище X–XIII вв. – остатки городов, феодальных замков и военных крепостей. Большинство из них являлись крупными укрепленными поселениями с административно-политической, культурной, торгово-ремесленной и военной функциями, жители которых занимались преимущественно неаграрными видами производства (рис. 1). К числу крупнейших городов средневековой Евразии относится Биляр (около 800 га). Часть из этих городских поселений была разрушена монголами в 1236 г.¹

В эпоху Золотой Орды (вторая половина XIII – начало XV вв.) продолжали функционировать домонгольские города и возникали новые. В целом же их количество меньше, чем в домонгольское время².

¹ Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII вв. / отв. ред. А. М. Белавин. Казань: Мастер-Лайн, 2001. С. 17–39.

² Фахрутдинов Р. Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория / отв. ред. А. Х. Халиков. Казань: Таткнигоиздат, 1975. 219 с.

В Казанском ханстве (1445–1552 гг.) известны города Арск, Лаеш, Тетюш, Чаллы, Алабуга и др., но только один памятник – столица ханства Казань – был удостоен внимания археологов.

Систематические раскопки памятников Волжской Булгарии и Золотой Орды на территории Татарстана и сопредельных областей начались лишь в 30-е гг. прошлого столетия. Особая активность археологов, изучающих болгарские города, относится к 60–80-м гг. В результате остатки кирпичных и каменных зданий X – начала XIII вв. были открыты и исследованы на Билярском³, Елабужском⁴, Суварском⁵, Хулашском⁶, Красносундюковском (Ульяновская обл.)⁷ городищах и на Муромском городке (Самарская обл.)⁸. Кроме того, на указанных и других памятниках изучались фортификационные сооружения (преимущественно в виде высоких земляных насыпей-валов с остатками деревянных стен с башнями по гребню); наземные жилища и полуземлянки (срубные одно- и двухкамерные, одно- и двухэтажные, столбовые, турлучные или каркасно-глинобитные дома с печами-тандырами, а также юртообразное жилище в Биляре); хозяйственные сооружения самых различных типов (ямы, ямы-погребя, клетки-полуземлянки, наземные амбары-зернохранилища и клетки и пр.); колодцы с достаточно хорошо сохранившимися срубами-ящиками (только в Биляре их около двух десятков) и др.⁹ Весьма любопытны объекты городского благоустройства: следы деревянного и каменного мощения улиц; дорож-

ки, выложенные кирпичным и каменным щебнем; выгребные и мусорные ямы; туалеты-бадрафы, усадебные и общественные бани, деревянные заборы-ограждения¹⁰.

Среди каменных и кирпичных сооружений болгарских городов домонгольского времени выделяются (по функциональному назначению): 1) белокаменная Соборная мечеть в центре Биляра (рис. 2, 3); сюда же можно отнести знаменитую каменную башню-минарет мечети-крепости на Чёртовом городище близ Елабуги (рис. 2, 4) кирпичные бани общественного характера (в Биляре исследовано три здания, в Муромском городке на Самарской Луке – четыре, на Суварском, Хулашском и Красносундюковском городищах – по одному); 3) кирпичные склепы-мавзолеи в некрополе знати у восточной стены Соборной мечети Биляра; 5) белокаменная стена (фортификационная) Казанской крепости.

Все эти сооружения дошли до нас в руинированном виде, на уровне фундамента или цокольной части с фрагментами пола и стены первого этажа. Единственный памятник удовлетворительной сохранности – башня мечети на Елабужском (Чёртовом) городище – претерпела определенные изменения при ремонте и реставрации в XIX в. Несмотря на такую сохранность, их изучение дает большую информацию, богатый фактический материал для исследования важнейших проблем архитектуры и строительного дела волжских болгар.

Проведенными исследованиями установлено, что возникновение кирпичной архитектуры в городах Волжской Булгарии относится к X в., возможно, к первой его половине, и сложилась она при непосредственном воздействии ближневосточной и среднеазиатской архитектурных школ (о восточных, досельджукских традициях свидетельствуют размеры и формы кирпичей, остатки антисейсмической подушки из сырцовых и полусырцовых кирпичей в основании фундамента, оформление фасадов пилястрами-полуколоннами, особенности планировки и т. д. – наблюдения и выводы А. П. Смирнова, С. С. Айдарова, Р. Ф. Шарифуллина). Полагаем, что первые, наиболее ранние здания из кирпича в болгарских городах строились среднеазиатскими мастерами, прибывшими в 922 г. вместе с посольством багдадского халифа Муктадира, что доказывается не только формой и размерами кирпича (26×26×5 см и др.), составом раствора (глинистый с небольшим количеством извести), но и остатками каркасно-глинобитных жилищ с тандырами в слоях Биляра X столетия. Конечно, пришлые мастера-строители не могли точно копировать свои архитектурные формы и строительные приемы в условиях Булгарии. Они вынуждены были считаться как с более суровыми климатическими условиями края, так и с

³ Айдаров С. С. Архитектурные исследования руин здания караван-сарая в Биляре // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976. С. 101–112; Айдаров С. С., Забирова Ф. М. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 46–61; Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Караван-сарай древнего Биляра // Исследования Великого города. М., 1976. С. 75–100; Их же. Исследование комплекса мечети // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 21–45; Шарифуллин Р. Ф. Второе кирпичное здание в центре Биляра // Археологическое изучение болгарских городов. Казань: Матчер-Лайн, 1999. С. 77–89.

⁴ Халиков А. Х. Алабуга-Елабуга: история возникновения города и исследования Елабужского городища. Елабуга, 1997. 32 с.; Айдаров С. С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара // Город Болгар: монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М.: Наука, 2001. С. 5–149.

⁵ Смирнов А. П. Сувар // Тр. ГИМ. 1941. Вып. XVI. С. 135–171.

⁶ Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972. С. 3–73.

⁷ Семькин Ю. А. Исследования бани на Красносундюковском городище // Археологические исследования Поволжья. Самара, 1993. С. 219–230.

⁸ Матвеева Г. И., Кочкина А. Ф. Муромский городок. Самара, 1988. 46 с.

⁹ Хузин Ф. Ш. Булгарский город в X – начале XIII в. С. 255–275; Шарифуллин Р. Ф. Колодцы центра Билярского городища // Новое в археологии Поволжья. Казань, 1979. С. 101–113.

¹⁰ Город Болгар... С. 5–149.

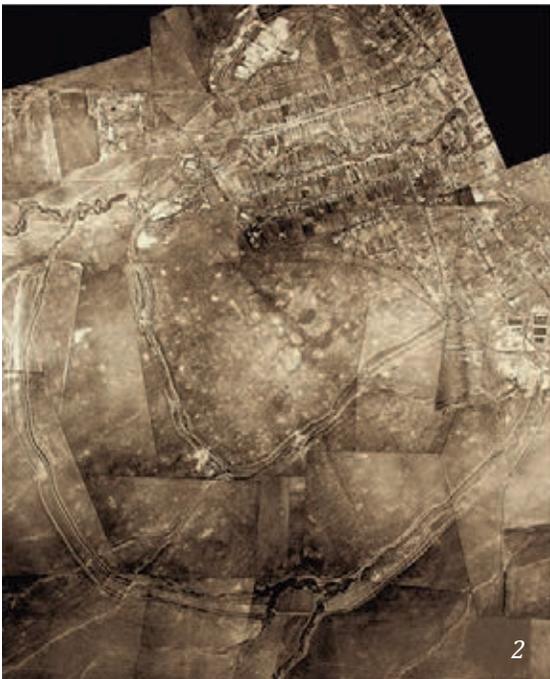
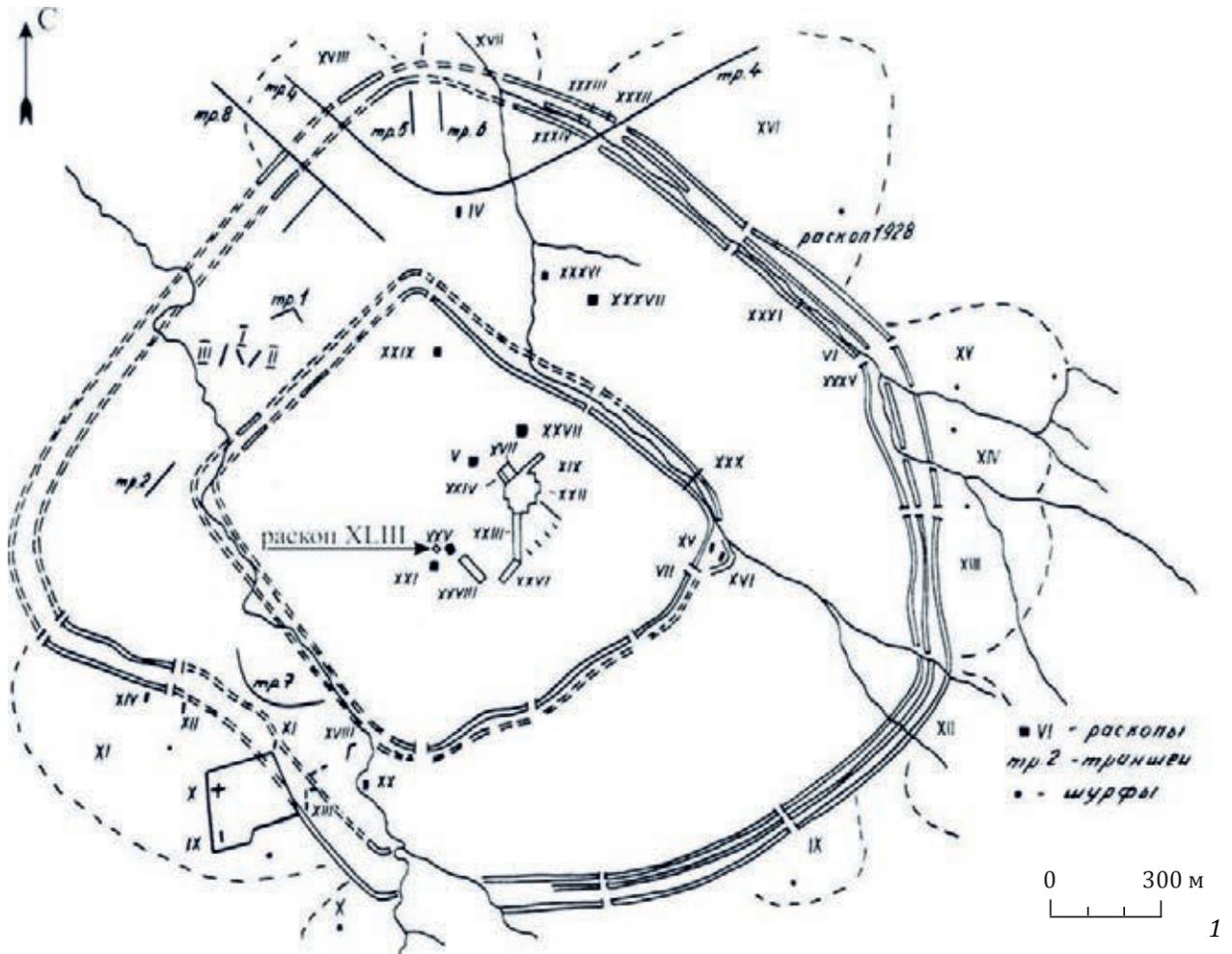

Рис. 2. План (1) и аэрофотосъемка (2, 3) Билярского городища

Рис. 3. Соборная мечеть (X–XI вв.) (1) и кирпичная баня (2), Биляр

Рис. 4. Чертово городище и башня каменной мечети (XII в.)

местными традициями. Сложение самостоятельной болгарской архитектурной школы исследователи относят к XII в.¹¹

¹¹ Айдаров С. С. Архитектурные исследования руин здания караван-сарая в Биляре. С. 101–112; Айдаров С. С.,

Булгарские кирпичные здания домонгольского времени в основном небольших размеров (11×11 м, 10×12 м, 16×16 м), одно- и двухэтажные (?), квадратные или прямоугольные в плане, с подпольной системой отопления (рис. 3). Исследователями памятников функциональное назначение их было определено как «здание гостиничного типа в караван-сараях у восточных ворот Биляра»¹² и «дом знатного феодала» у Соборной мечети в центре внутреннего города¹³. Наличие подпольной системы отопления в этих двух зданиях дало основание Э. Д. Зиливинской рассматривать их в качестве общественных бань¹⁴.

Монументальностью отличается Соборная мечеть в Биляре. Первоначально, в начале X в., она была деревянной (площадь 1400 кв. м), в конце указанного столетия мечеть расширили за счет белокаменного пристроя (площадь 1076 кв. м) с отдельно стоящим минаретом, и общая ее площадь достигла почти 2500 кв. м¹⁵. В молельном зале каменной половины мечети стояли поддерживавшие перекрытие 24 колонны, расположенные симметрично в шесть рядов (рис. 3: 1). Восточный фасад здания оформлен пилястрами. По мнению С. С. Айдарова и Ф. М. Забировой¹⁶, первоначально мечеть имела угловые башни крепостного типа и выполняла одновременно защитные, оборонительные функции точно так же, как и мечеть-крепость на Елабужском городище, а позднее – Соборная мечеть в Болгаре.

В целом, имеющиеся археологические материалы, несмотря на всю их скудность и фрагментарность, свидетельствуют о достаточно высоком уровне развития архитектуры у домонгольских болгар.

Дальнейшее свое развитие она получает в период Золотой Орды. В первой половине XIII в. Болгар стал огромным и мощным городом, важным политическим центром Золотой Орды, несмотря на то что в начале XIV в. переместились на юг, в Сарай. В этот период город значительно разрастается в северную, южную, западную стороны и окружается линией укреплений, включающей валы, рвы, деревянные стены и башни. Укрепленная часть города к этому времени составляла более 400 га (рис. 5).

Забилова Ф. М. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети. С. 46–61; Айдаров С. С. Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства (опыт реконструкции и генетико-стилистические особенности): автореф. дис. ... док. архитектуры. М., 1990. 42 с.

¹² Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Караван-сарай древнего Биляра. С. 75–100.

¹³ Халиков А. Х., Шарифуллин Р. Ф. Исследование комплекса мечети. С. 21–45.

¹⁴ Зиливинская Э. Д. Дома с подпольным отоплением в Волжской Булгарии // СА. 1989. № 4. С. 223–234.

¹⁵ Айдаров С. С., Забилова Ф. М. О реконструкции и консервации остатков комплекса мечети. С. 46–61.

¹⁶ Там же. С. 49.

Рис. 5. План Болгарского городища

Памятники XIII–XIV вв. на территории Болгарского городища: 1 – соборная мечеть «Четырехугольник»; 2 – Северный мавзолей «Монастырский погреб»; 3 – Восточный мавзолей «Никольская церковь»; 4 – новый объект «Дом с башнями»; 5 – Красная палата; 6 – Восточная палата; 7 – Черная палата; 8 – Белая палата; 9 – Ханская палата; 10 – Малый минарет; 11 – мавзолеи; 12 – Малый городок; 13 – Греческая палата; 14 – оборонительные сооружения

Расширяются торговые связи города с Нижним Поволжьем, Ираном, Хорезмом, Кавказом, Крымом, русскими княжествами. Развивается специализированное многоотраслевое ремесленное производство. С середины XIII в. активно строятся объекты монументальной архитектуры: дворцовые постройки, усадьбы феодальной знати, караван-сарай, соборная (рис. 6) и квартальные мечети, мектебе и медресе, общественные бани (рис. 9), мавзолей. Возведение масштабных каменных объектов продолжилось и в XIV в. В это время появляются Северный и Восточный мавзолей (рис. 6), Черная (рис. 7), Белая (рис. 8), Красная (рис. 10) палаты, Малый минарет и Ханская усыпальница (рис. 11), городской рынок, перестраивается главная Соборная мечеть и другие объекты. Высокого уровня достигает благоустройство города. Строятся мостовые и водопроводные сооружения, дренажно-ряжевые системы¹⁷.

Археологизированные памятники Болгара представляют собой зримое подтверждение средневековой жизни города, выраженной не только в разнообразии архитектуры, но и в своеобразном планировании городского пространства (рис. 6). Исторический ландшафт Болгарского городища представляет собой великолепный пример сохранения на протяжении тысячелетия в неизменном виде средне-

вековых памятников, объектов фортификации, культовых и общественных монументальные здания, ремесленных кварталов, районов жилой застройки, некрополей, объектов благоустройства города.

Как показывают результаты исследований, обнаруживается стилистическая общность архитектуры болгарских сооружений с архитектурой культовых зданий стран Ближнего Востока и Средней Азии, где господствующей религией был ислам. Единство канонических принципов объемно-планировочной организации культовых зданий в этих странах, способствующее распространению общности в архитектуре, коснулись и Волжской Булгарии. В этом отношении архитектура Болгарского комплекса может быть сравнима с архитектурой исторических зданий объектов всемирного наследия в азиатских и арабских странах: археологический комплекс Самарры (Ирак, включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО в 2007), крепость Аль-Кала в древнем городе Бени-Хаммад (Алжир, 1980), Крепостной город Баку (Азербайджан, 2000), древний город Куния-Ургенч (Туркменистан, 2005) и др. В то же время при наличии общих черт архитектура каждой страны Восточного мира связана со своими местными культурными традициями и обладает чертами локального своеобразия. Эта двойственность – сочетание всеобщего и частного – была закономерна для сооружений исламского культа. Приобщившаяся к культуре стран мусульманского

¹⁷ Город Болгар... С. 5–149.

Рис. 6. Общий вид Болгарского городища

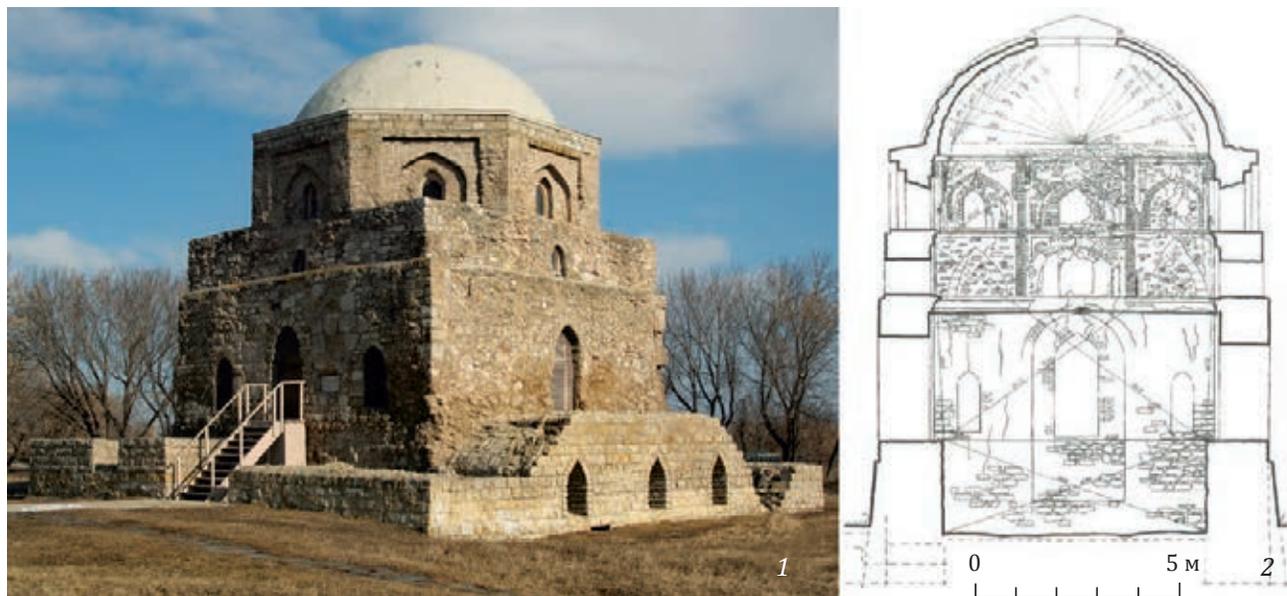

Рис. 7. Черная палата (XIII–XIV вв.), Болгар

Востока сравнительно поздно (начало X в.), Волжская Булгария восприняла архитектурные типы культовых зданий, с одной стороны, уже в сложившемся в период Арабского халифата VII–IX вв. виде, с другой, – имея совершенно иные, северные природно-климатические условия, своеобразные культурные традиции и возможности строительной техники, создала свои местные, уникальные типы зданий. Этот город – пример удивительно продуманной организации хозяйства и передового для того времени урбанизма, что, несомненно, ставит его в один ряд с самыми развитыми городами средневековой Европы.

Все монументальные здания древнего Болгара имеют ярко выраженное своеобразие. Местные архитекторы, освоив и используя традиции исламской архитектуры государства Сельджукидов, Арабского халифата, Бухары, Хорезма, а также архитектуру Хазарского каганата, Дербента, Армении и доставшееся им богатейшее культурное наследие доисламских культур, выработали собственные эстетические концепции, своеобразные приемы и методы, обусловленные местными климатическими условиями. Сложился своеобразный растительный архитектурный декор, основанный на местных строительных материалах, доисламских и исламских духовных традициях и влияниях.

На территории Болгарского городища в настоящее время выявлено, законсервировано и отреставрировано более 30 зданий культового и общественно-светского характера. В центральной и юго-восточной части городища, а также в районе Малого городка они составляют сложившиеся архитектурный ансамбль.

Рис. 8. Белая палата (первая половина XIV в.), Болгар

К 30-м гг. XIV в. окончательно сформировался архитектурный комплекс городского центра Болгара, его главным объектом стала Соборная мечеть с Большим минаретом¹⁸. Белокаменное здание, построенное в первой половине XIII в., размерами 45×46 м имело внутри 20 колонн (рис. 6). К главному северному фасаду примыкали арочный портал входа и высокий минарет. Со всех сторон стены храма были укреплены контрфорсами. С южной стороны размещался михраб, обрамленный внутри богатой орнаментальной резьбой. В начале XIV в. Соборная мечеть подверглась масштабной реконструкции, в том числе внутренней перепланировке – молельный зал был разделен на шесть нефов шестью восьмигранными колоннами. В настоящее время объект представляет собой руины стен, угловых башен, оснований портала и фундаменты колонн и воссозданный в последние годы минарет.

24-х метровой высоты «Большой столп» (Большой минарет) имел, по свидетельствам очевидцев, значительное сходство с сохранившимся «Малым столпом» (Малым минаретом). Обрушился в 1841 г. из-за подкопов кладоискателей. Большой минарет обеспечивал целостность и архитектурное единство с Соборной мечетью, Северным и Восточным минаретами. Эти качественные характеристики были утрачены в XIX в. и имели несоответствия с традиционной окружающей обстановкой. На основании анализа историко-литературных и иконографических материалов XVIII–XIX вв. был разработан проект воссоздания Большого минарета Соборной мечети, который был реализован в 2000 г.

Северный мавзолей («Монастырский погреб») (рис. 6) и Восточный мавзолей («Церковь св. Николая») (рис. 6) расположены напротив северного и восточного фасадов Соборной мечети. Сооружены в 30-х годах XIV в. из белого известняка и облицованы блоками из туфа. Северный мавзолей в начале XVIII в. использовался монахами Успенского монастыря в качестве погреба. Восточный мавзолей являлся семейной усыпальницей болгарского знатного рода Бурашбеков. В начале XVIII в. превращен в церковь Святого Николая. В них сейчас находятся экспозиции Болгарского музея-заповедника.

Кирпично-каменное монументальное сооружение с угловыми башнями-пилонами, расположенное на краю верхнего плато городища в 100 м к северо-востоку от Соборной мечети, получило условное название «Дом с башнями» («Ханский дворец»). Материал раскопок позволяет датировать его строительство серединой XIII в.

В 100 м к юго-западу от общественного центра Болгара существовал торговый двор, где функционировало ювелирное, стеклоделательное и другие

ремесленные производства. Здесь найдены многочисленные весовые гирьки, чашечки и другие детали весов, товарные пломбы, пробирные камни со следами золота на поверхности, слиток серебра и золота, большое количество медных и серебряных монет. Судя по монетам, возведение этого монументального сооружения можно отнести к 1340–50-м гг., а разрушение – ко второй половине 1360-х или 1370-м гг.¹⁹

В подгорной и заречной части, по берегам р. Меленки и на верхней площадке городища в это время существовали городские бани (рис. 12). К настоящему времени в Болгаре изучены полностью остатки шести общественных бань²⁰. Имея много общих конструктивных особенностей, они, тем не менее, различаются расположением, размерами, планировочными особенностями, материалом и временем строительства.

Бани Болгара представляют собой типичные восточные хаммам. Планировочная структура таких сооружений выглядит следующим образом: прямоугольный (чаще квадратный) объем с вписанным в него крестообразным залом, между сторонами которого устроены квадратные кабины-мыльни, представляет собой основу постройки и имеет подпольную систему обогрева. С двух противоположных сторон к нему пристраивались служебные и вспомогательные помещения. Служебная часть предназначалась для тепло- и водоснабжения центральных помещений. Вспомогательные комнаты, иногда отделенные от мылен промежуточным тамбурным помещением, предназначались для переодевания и отдыха посетителей. Вариантами этого классического типа, причем весьма близкими, являются и болгарские бани, что роднит их с подобными же единовременными сооружениями Нижнего Поволжья, Азербайджана и Средней Азии.

Все известные постройки общественных бань центральных районов Волжской Булгарии как золотоордынского, так и домонгольского периодов имеют отопление в виде системы жаропроводящих подпольных каналов с вертикальными тяговыми дымоходами. Эта система принудительной циркуляции дыма и жара также характерна для большинства восточных хаммам.

К числу археологически исследованных относятся Красная (рис. 10), Восточная (рис. 9) и Белая палаты (рис. 10), а также три бани в подтопленной долине р. Меленка (рис. 12). Их строительство связано в целом с золотоордынским временем, но относится к разным периодам развития города.

¹⁹ Коваль В. Ю. Торговый инвентарь из раскопок базы середины XIV в. в Болгаре // Поволжская археология. 2013. № 4. С. 9 и сл.

²⁰ Шарифуллин Р. Ф. Бани Болгара и их изучение. С. 217–260.

¹⁸ Айдаров С. С. Исследование и реставрация памятников монументального зодчества Болгара. С. 8 и сл.

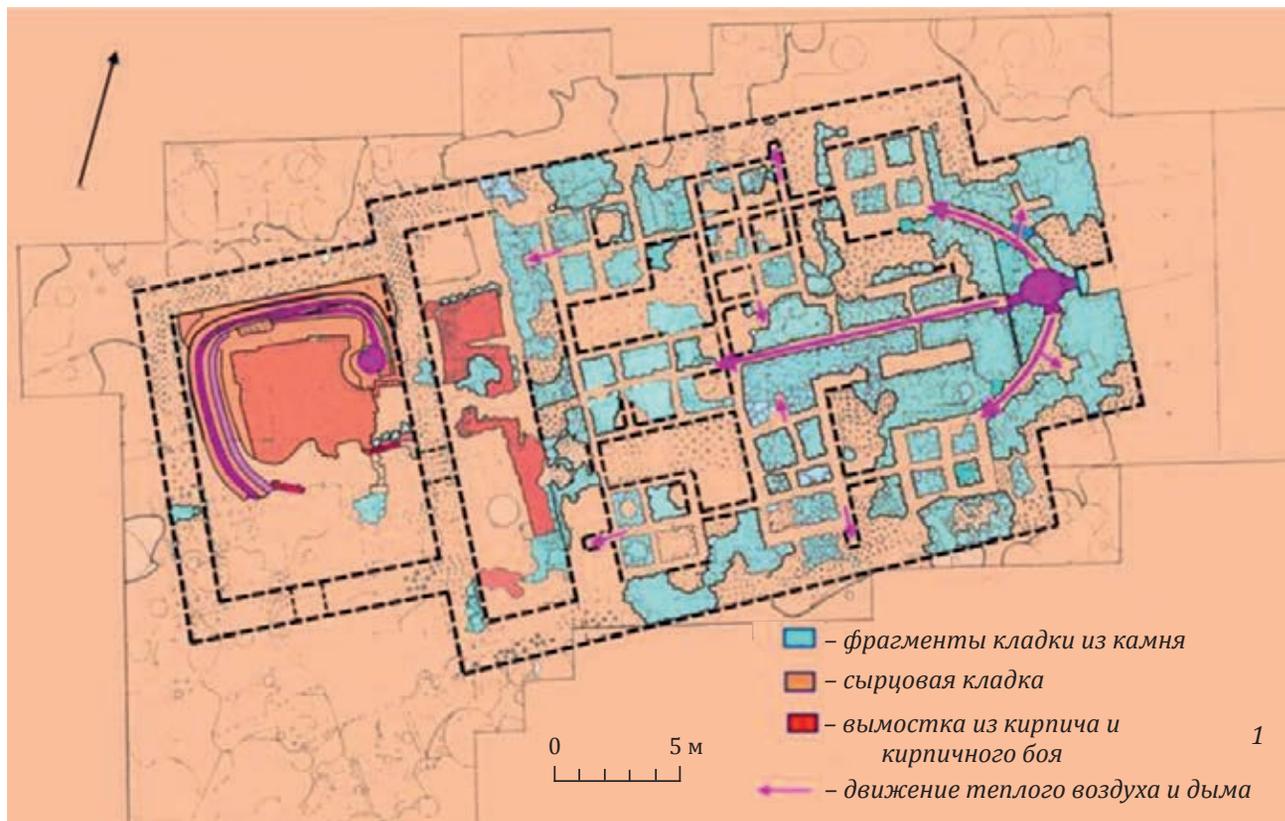

Рис. 9. 1) План Восточной палаты на уровне подпольной системы отопления (автор плана – Р.Ф. Шарифуллин)
2) Восточная палата (середина XIV в.), Болгар

Самой крупной и ранней общественной баней Болгара является Восточная палата («Ханские палаты», или «Ханская баня») (рис. 9). Она расположена примерно в 200 м к юго-востоку от комплекса Соборной мечети. Объект представляет собой кир-

пично-каменное здание середины XIII в. В процессе раскопок прослежено внутренне устройство помещений, следы инженерного обеспечения: система подпольного отопления, дымоходов, водоснабжения, канализации. Отдельные участки кладки разо-

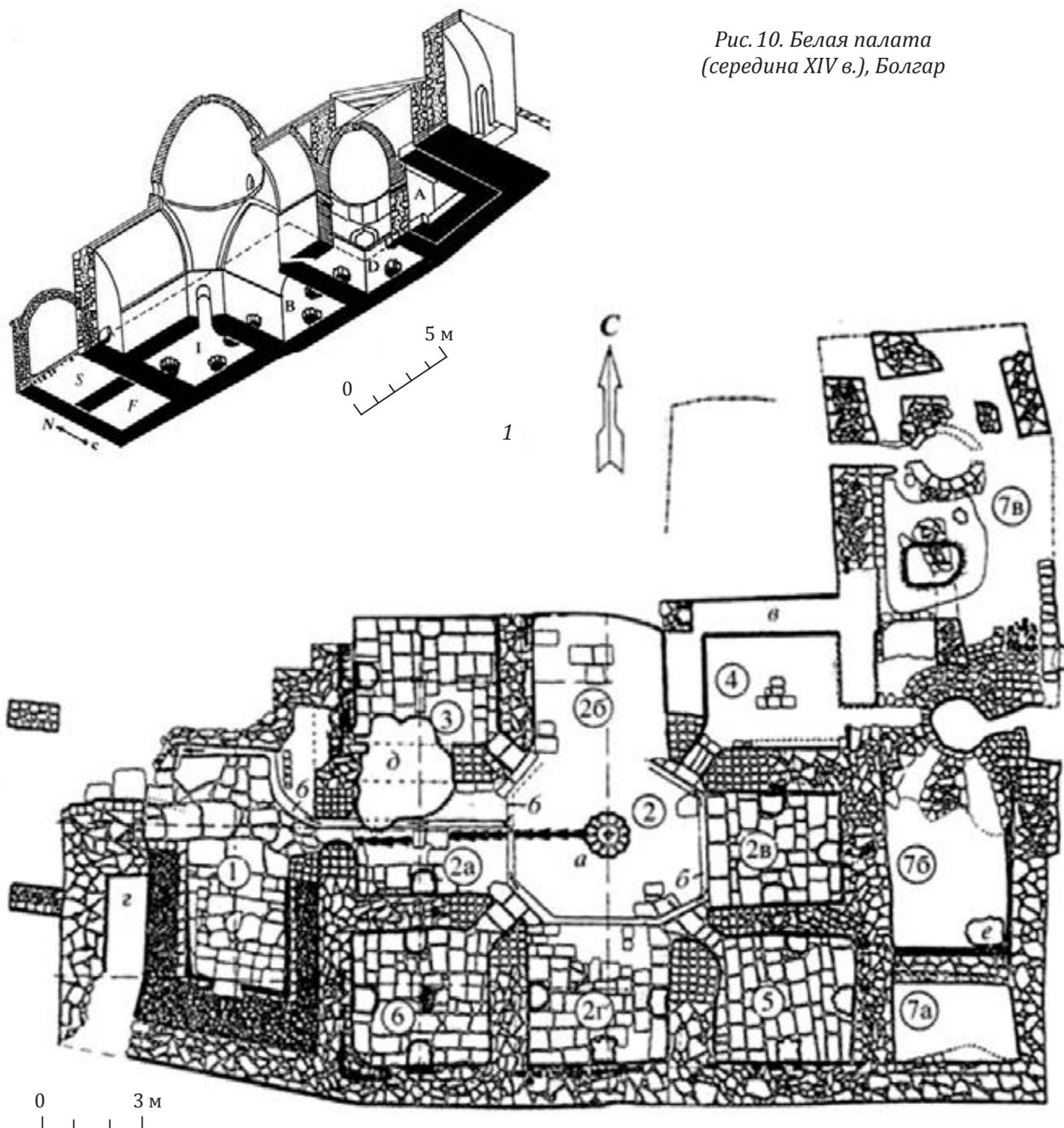

Рис. 10. Белая палата
(середина XIV в.), Болгар

браны вплоть до фундамента. Общий план здания напоминает Красную и особенно Белую палату²¹.

Хорошо известной по многим зарисовкам и описаниям Болгара является Белая палата, сооруженная в 40-х годах XIV в. (рис. 10). Она расположена в 250 м к юго-востоку от Черной палаты. Памятник свидетельствует о хорошо развитой строительной технике болгар и высоком уровне благоустройства города.

К числу бань, расположенных на р.Меленка, относится исследованная еще в 1938–1940 годах

«Красная палата» XIV в.²² (рис. 12). Сохранились фундаменты и основание, система подпольного отопления, водопровода и канализации, каменные чаши водоемов и другие детали. Красная палата – остатки древней бани, условно так названной по красному цвету покраски внутренних стен. В настоящее время Красная палата скрыта под землей.

Юго-восточные районы Болгара были застроены богатыми кирпичными домами и представляли

²¹ Там же. С. 249 и сл.

²² Смирнов А. П. Волжские болгары / ред. С. П. Толстов. М., 1951. С. 210. (Тр. ГИМ; вып. XIX).

собой места, где проживала городская знать. После 1361 г. на большей части этой территории возникли городские кладбища и культовые постройки. Среди них выделяется сформировавшийся еще в первой половине XIV в. комплекс ханских усыпальниц из четырех мемориальных зданий, а также Малый минарет, построенный во второй половине XIV в. по образцу Большого минарета Соборной мечети (рис. 6, 11). Один из немногих сохранившихся до наших дней в первоизданном виде средневековых архитектурных памятников Болгара, Малый минарет представляет собой массивный столп высотой около 10 м. Как и большинство каменных зданий Болгара, он построен из отесанных туфовых и известковых блоков. Ханская усыпальница (8,5×8,5 м) является типичным центрально-купольным кубичным мавзолеем, распространенным в странах мусульманского Востока и заимствованным архитекторами Болгара.

Обширные территории некрополей с мавзолеем известны в южных районах города. Вообще среди монументальных каменных построек Болгарского историко-архитектурного комплекса особое место принадлежит ритуальным сооружениям. Кроме вышеперечисленных в юго-восточном районе города, в округе Малого минарета и южнее расположены еще 11 мавзолеев, сохранившихся на уровне фундаментов (рис. 5) и еще около 10 мавзолеев, скрытых под культурным слоем. Мавзолеи построены из известняка в середине XIV – начале XV в. Захоронения в мавзолеех свидетельствуют, что это погребения знатных, особо почитаемых лиц. Все погребения совершены по мусульманскому обряду и идентичны погребениям городских кладбищ.

В центральной части городища недалеко от Малого минарета расположена Черная палата, построенная в середине XIV в. (рис. 7). Черная палата является единственным сохранившимся гражданским сооружением Болгара. Функциональное назначение памятника до сих пор вызывает споры (судная палата, пристанище для дервишей-суфиев, государственное архивохранилище или библиотека и т.д.). Заслуживает внимания предположение Э.Д. Зиливинской о ее культовом назначении (мавзолей), хотя в ходе исследований памятника не выявлено следов захоронений внутри объекта²³.

В западном и северо-западном районах Болгара функционировали многочисленные ремесленные мастерские – металлургические, гончарные, меднолитейные, ювелирные. Большой концентрацией производственных комплексов отличается район Галанского озера. Многочисленные находки обломков болгарской посуды, керамических горнов дают возможность предположить, что здесь в период расцвета города в середине XIV в. было со-

Рис. 11. Малый минарет (начало XIV в.) и Ханская усыпальница (вторая половина XIV в.), Болгар

Рис. 12. Баня 2 (первая половина XIV в.), Болгар. Реконструкция А. Г. Ситдикова

²³ Зиливинская Э. Д. Архитектура Золотой Орды. Ч. 1: Культовое зодчество. Казань: Отечество, 2014. С. 100 и сл.

Рис. 13. Малый городок
(вторая половина XIV в.), Болгар

средоточено массовое гончарное производство. На берегах озера археологами изучено четыре гончарных мастерских с одним, двумя, тремя и четырьмя двухъярусными горнами с круглыми и овальными основаниями. Обнаруженные археологические материалы позволяют проследить весь процесс гончарного производства от заготовки глины на берегах озера и ее хранения до подготовки и формовки из нее разнообразной продукции.

К югу от городища за валом располагался Малый городок, укрепленный рвами и валами, с парадным, оформленным каменными пилонами въездом с северной стороны и с каменной постройкой в южной части²⁴ (рис. 13). Название «Малый городок» впервые зафиксировано в 1712 г. в описи дьяка Михайлова. Считается, что это остатки недостроенного комплекса караван-сарая. В плане это небольшая, вытянутая с севера на юг и огороженная невысоким валом и неглубоким рвом территория. Внутри Малого городка находится прямоугольной формы площадь с каменными зданиями, также огороженная валом и рвом. Время создания Малого городка – вторая половина XIV в. – совпадает со строительством линии городских укреплений.

За пределами территории Малого городка, к северо-востоку от ворот, находится каменное здание с водоемом. Построено оно из известняка. Здание связано с Малым городком и поставлено так, что миновать его по пути к главным воротам невозможно. Резервуар в здании предназначался для совершения очищающих омовений религиозного или ритуально-политического характера²⁵.

²⁴ Беляев Л. А. Малый городок как памятник архитектуры и строительного искусства Великого Болгара XIV века // Город Болгар... С. 261–294.

²⁵ Там же.

В северо-западной части к городу примыкала Армянская слобода, возникшая на месте бывшего болгарского пригородного поселка. Здесь археологами выявлены деревянные жилища и серия погребений. Полученные материалы свидетельствуют о существовании здесь в XIV в. торговой колонии и христианского кладбища. Здесь же выявлены надгробный камень с армянским текстом и остатки каменной культовой постройки, получившей название «Греческая палата». Она является руинами христианского храма, построенного, возможно, как прототип церкви Св. Богородицы (Сурб Аствацацин) в монастыре Норавак (Армения).

Воплощенные в камне здания мечетей, минаретов, мавзолеев и бань определили облик города Болгара второй половины XIII–XV вв. Традиции болгарской архитектуры нашли преемственное продолжение в каменном и кирпичном зодчестве Казанского ханства.

Если архитектура домонгольских и золотоордынских болгар благодаря успехам археологии изучена более или менее удовлетворительно, то нельзя сказать этого в отношении Казанского ханства. Впрочем, довольно солидные исследования в этой области имеются²⁶, нет только самих памятников. Как известно, все существующие архитектурные памятники Казанского кремля хронологически относятся к периоду после завоевания Казанского ханства Иваном Грозным. Наиболее древние из них датируются второй половиной XVI столетия. В письменных же источниках содержатся сведения о памятниках каменно-кирпичной архитектуры даже XV в. Это сведения 1469 г. о посадской мечети, сведения первой половины XVI в. о мечетях Ханской, Нур-Али, Кул Шарифа и других, о Ханском дворце, Даировой бане и т.д.²⁷

В процессе археологических раскопок, которые проводились в кремле в 1994–2005 гг., вскрыт ряд уникальных объектов, изучение которых существенно дополнило наши скудные представления об архитектуре ханской Казани.

С домонгольским временем связаны выявленные в ходе раскопок руины каменных фортификационных сооружений крепости, существовавших и в золотоордынской эпохе²⁸. Но до периода Казан-

²⁶ Айдаров С. С. Монументальные каменные сооружения и комплексы Волжской Булгарии и Казанского ханства...; Халитов Н. Х. Мечеть Кул Шариф в Казанской крепости: гипотезы, факты, размышления. Казань, 1996. 46 с.; Айдарова-Волкова Г. Н. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI–XIX веков. Модель развития. Структура типов. Влияние. Казань, 1997. 196 с.

²⁷ Древняя Казань глазами современников и историков / сост. и авторы комментариев Ф. Ш. Хузин и А. Г. Ситдииков. Казань: Фест, 1996. 444 с.

²⁸ Ситдииков А. Г. Казанский кремль: историко-археологическое исследование / отв. ред. Ф. Ш. Хузин. Казань, 2006. С. 52, рис. 94, 95.

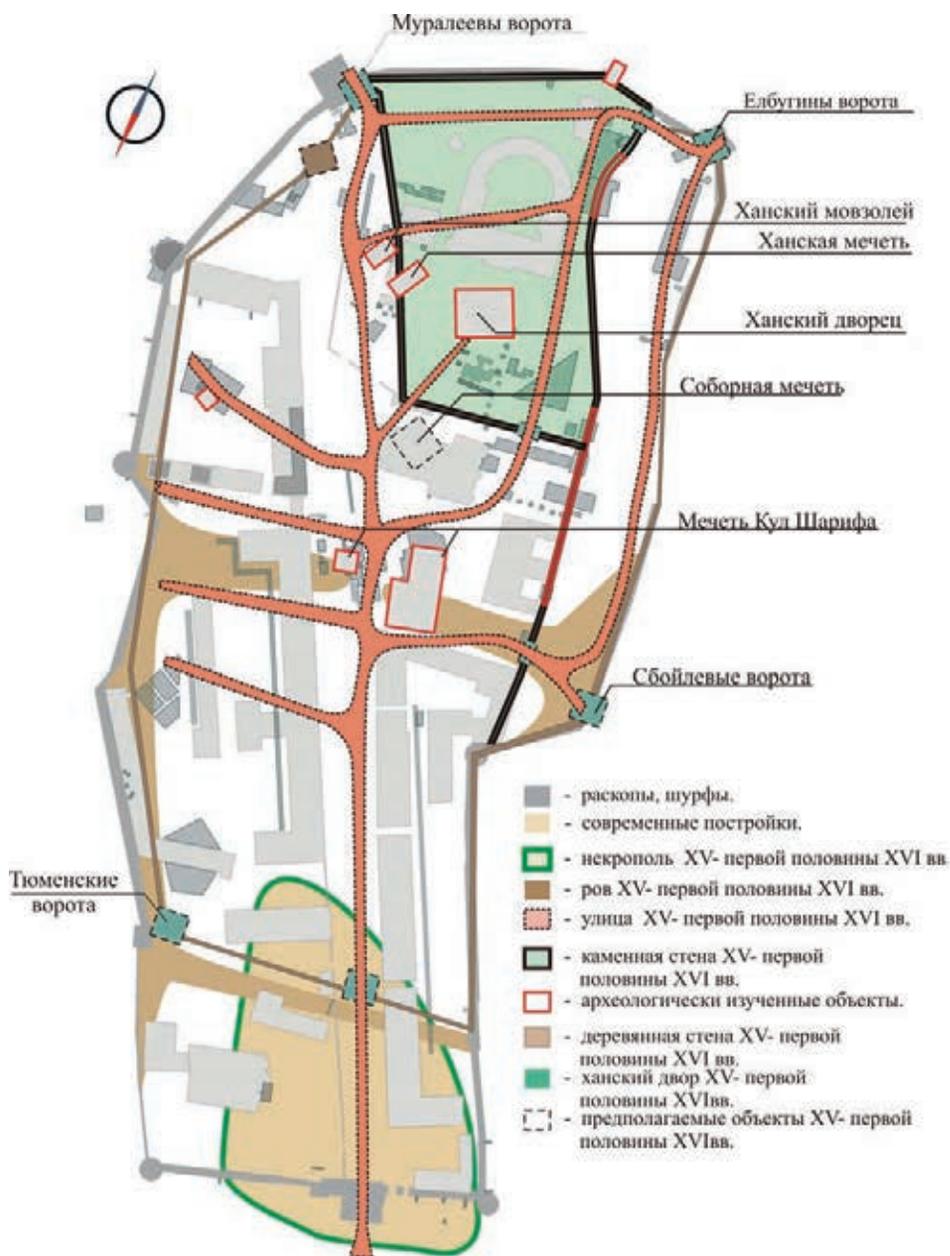

Рис. 14. План Казанского кремля с объектами Казанского ханства

ского ханства пока неизвестны каменные монументальные архитектурные сооружения, не связанные с укреплениями.

С появлением Казанского ханства начинается интенсивное строительство каменных зданий в древней части города (рис. 14). С этим явлением связаны остатки белокаменного здания в сквере перед Благовещенским собором, фрагмент небольшого кирпично-каменного здания в Пушечном дворе, руины каменного здания перед Президентским дворцом (рис. 15) и расположенные рядом с ним

мавзолей (рис. 16) и две мечети (рис. 14). Кроме этих объектов, по письменным источникам локализуется еще два каменных здания – Отучева мечеть и Даирова баня, расположенные за пределами городских укреплений. Пока не удалось выявить археологическими раскопками эти два сооружения. Появление этих объектов в ханской Казани ярко иллюстрирует изменения, которые переживал город, став столицей нового государства.

В северной части Кремлевского холма располагался Ханский двор. А. Курбский, описывая его во

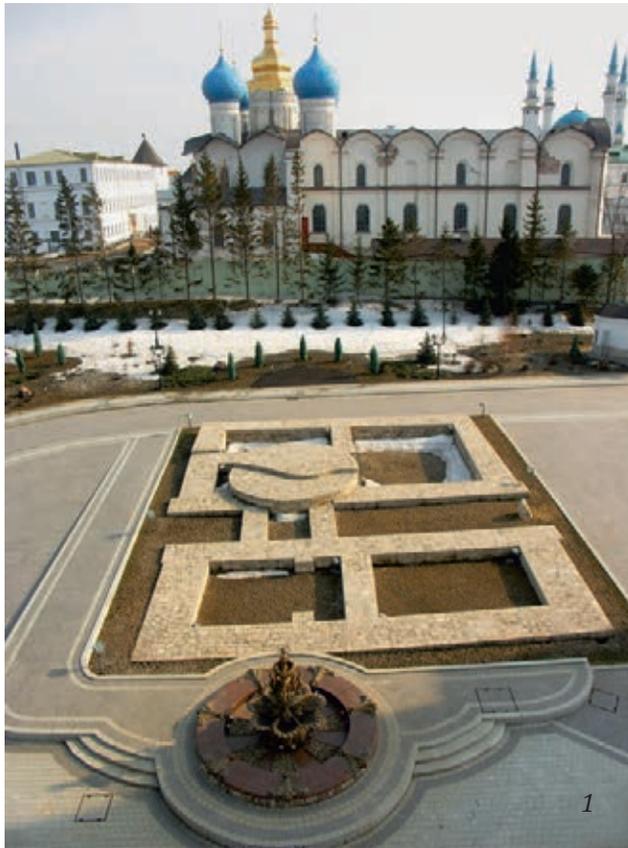

Рис. 15. Ханский дворец (первая половина XVI в.), Казань

время штурма 1552 г, упоминает палаты и мечети каменные²⁹. Большое количество каменных мечетей в этом районе зафиксировано и в Писцовой книге 1565–1568 гг.³⁰, и в других источниках.

²⁹ Библиотека литературы Древней Руси. Т. II: XVI век. СПб.: Наука, 2001. С. 238.

³⁰ Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани, 1565–68 гг. и 1646 г. Л.: Изд-во АН СССР, 1932. Т. XXVIII. С. 3. (Труды Историко-археологического института. Материалы по истории народов СССР; вып. 2).

Попытка локализации упоминаемых в Ханском дворе объектов была предпринята Н. Ф. Калинин³¹. Полученные в результате археологических исследований 2001–2004 гг. материалы позволяют несколько скорректировать его выводы. Так, погребения казанских ханов в каменном мавзолее археологически выявлены с западной стороны Введенской церкви и башни Сююмбике³² (рис. 16). Были также обнаружены остатки двух крупных каменных зданий. Один из объектов размерами 14×23 м, ориентированный по линии ЮЮЗ (азимут 207°), является остатками довольно крупного здания, состоящего из двух частей – белокаменной и кирпичной³³ (рис. 17). Время разрушения здания и засыпки подвалов относится к рубежу XVII–XVIII вв. По нашему мнению, сооружение представляет собой руины Ханской мечети.

Другой крупный объект был обнаружен нами в ходе охранных работ в центральной части двора резиденции Президента Республики Татарстан. Он представляет собой остатки подвальной части белокаменного здания размерами 18×24 м, ориентированного по сторонам света³⁴. Его частично разрушает фундамент здания Архиерейского двора, построенного в начале XIX в. (рис. 15). Вероятнее всего, оно является остатками комплекса Ханского дворца³⁵.

Раскопки в районе сквера южнее Благовещенского собора выявили остатки комплекса каменных зданий (мечети и медресе при ней), расположенных у бывшего Тезицкого рва, известного по сочинениям средневековых авторов³⁶. Опираясь на сведения письменных источников, можно предположить, что изученные нами постройки представляли собой руины тех зданий, возле которых произошло столкновение штурмующих русских воинов и защитников города, возглавляемых сеидом Кул Шарифом (рис. 5, 18). Это было одним из последних мест отчаянного сопротивления казанцев войскам Ивана IV, что сопоставимо по топографии с размещением комплекса мечети Кул Шарифа, располагавшейся как раз у Тезицкого рва³⁷.

³¹ Калинин Н. Ф. Где был дворец казанских ханов? // Вестник Научного общества татароведения. Казань, 1927. № 6. С. 81–96.

³² Мавзолеи Казанского кремля. Казань, 1997. С. 22.

³³ Ситдинов А. Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани // Казанское ханство: актуальные проблемы исследования. Казань: Фэн, 2002. С. 175.

³⁴ Ситдинов А. Г. Казанский кремль... Рис. 126, 127.

³⁵ Набиуллин Н. Г. Охранно-спасательные раскопки на площади перед зданием Президента Республики Татарстан в Казанском кремле (раскоп XLVIII) // Проблемы древней и средневековой истории Среднего Поволжья. Казань, 2002. С. 209–212.

³⁶ Хузин Ф. Ш. Новые открытия в Казанском кремле (предварительные сообщения о раскопках 1997 года) // Tatarica. 1997/98. № 1. С. 133.

³⁷ Хузин Ф. Ш., Ситдинов А. Г. О локализации в Казанской крепости исторической мечети Кул Шарифа // Эхо веков. Гасырлар авазы. 2005. № 2 (41). С. 10–23.

Время строительства комплекса мечети археологически и по данным нумизматики определяется первой четвертью XVI в. Заметим, что активное строительство казанских ханов в начале XVI столетия нашло отражение и в письменных источниках. Сохранилось, в частности, обращение крымского хана Менги-Гирея к Василию III (1509 г.) с просьбой вернуть принятого на службу к князю каменщика Якуба, в свое время посланного им в Казань для строительства каменных сооружений³⁸. Напомним, что чуть раньше, в 1504 г., после завершения строительства Ханского дворца в Бахчисарае в Москву по просьбе Василия III прибыл Алевиз Новый – Алоиз (Aloisio) Ламберти да Монтиньяна, итальянский архитектор конца XV – начала XVI вв.³⁹ С. С. Айдаров считал вполне допустимым участие Алевиза Нового или мастеров из его группы в строительстве мечети Кул Шарифа. Оба факта свидетельствуют о тесных контактах между тремя государствами в области архитектуры и строительства. Представляется наиболее вероятным отнести строительство казанских каменных сооружений, в частности здания мечети Кул Шарифа, именно к первым десятилетиям XVI в.

К числу выявленных объектов можно отнести и здание, вероятно, культовое, располагавшееся с западной стороны Благовещенского собора. Его остатки были зафиксированы в 1861 г. в ходе строительных работ по пристройке крыльца собора в виде строительного мусора и архитектурных деталей⁴⁰. Предположительно с ним связаны клады джучидских и древнерусских монет, найденные в этом районе во второй половине XIX в. Эти остатки можно соотнести с описываемой в Писцовой книге 1565–1568 гг. «мечетью напротив собора».

К сожалению, сохранность объектов, выявленных в результате археологических исследований, не дает возможности реконструировать архитектурный облик зданий. Лишь отдельные элементы внешнего декора, обнаруженные в раскопах (мозаичные кашинные вставки, герихи, камни с декоративной резьбой), позволяют в какой-то степени представить respectable облик сооружений.

Известен ряд архитектурных сооружений, находившихся за пределами укрепленной Казани. Одним из наиболее часто упоминаемых в письменных источниках зданий является «каменная Отучева мечеть» в Кураишевой слободе. Местоположение мечети не установлено, однако, учитывая особенности строительства каменных культовых зданий на территории Казанского кремля, можно предположить, что она

³⁸ Фукс К. Казанские татары в статистическом и этнографическом отношении. Краткая история города Казани. Казань: Фонд ТЯК, 1991. С. 9–10.

³⁹ Зодчие Москвы XV–XIX вв. М.: Московский рабочий, 1981. С. 117–123.

⁴⁰ Ситдиков А. Г. Некоторые аспекты топографии ханской Казани. С. 176.

Рис. 16. Ханский мавзолей (вторая половина XV в.), Казань. Реконструкция А. Г. Ситдикова

Рис. 17. Ханская мечеть (первая половина XVI в.), Казань

- современные постройки	- здания XII - первой половины XVI в.
- раскопы, шурфы	- здания второй половины XVI - XVIII в.
- ров XVII - первой половины XVI в.	- улица XV-XVII вв.
- вал конца X - XV в.	- здания XV - первой половины XVI в.
- каменная стена XII - первой половины XVIII в.	- наложенный чертеж старого
Архиерейского дома (1803 г.)

Рис. 18. Мечеть Кул Шариф (первая половина XVI в.), Казань

находилась в районе Варлаамской церкви, располагавшейся у современного Центрального рынка.

Не менее интересным объектом является легендарная каменная Даирова баня. Именно с ней напрямую связана организация подкопов под Тайницкий ключ и стену между Аталыковыми и Тюменскими воротами с целью их взрыва. Даирова баня предпо-

ложительно находилась в районе ул. Ташаяк, на берегу р. Булак.

К числу устойчивых планировочных элементов, формирующих архитектуру городов, относятся улицы, создающие структуру поселения и обеспечивающие возможность удобного передвижения. Изучение улиц позволяет выявить утраченные исторические

градостроительные элементы, а также решать вопросы архитектуры и топографии города. Хорошо известно, что уличная планиграфия консервативна и остается неизменной в течение длительного времени. Это обусловлено преемственностью устоявшейся структуры застройки, обремененной традициями и имущественными отношениями.

Средневековая уличная застройка Казани не сохранилась до наших дней. Существующая структура улиц города возникла на основе плана регулярной застройки, принятой для Казани во второй половине XVIII в. и реализованной в начале XIX в. Регулярный план полностью изменил прежнюю планировочную структуру города. Сохранились лишь названия отдельных районов и улиц города середины XVI в.: Зилантова гора, Кизическая слобода, Старотатарская слобода, ул. Ташаяк и др.

Традиционные мнения специалистов о хаотичном расположении улиц средневековой Казани претерпели изменения после обширных археологических исследований 1990-х – начала 2000-х гг. в кремле и историческом центре города⁴¹. Некоторые улицы, обнаруженные в раскопах, были идентифицированы по письменным источникам (рис. 14). Археологически было установлено время их появления, разграничены горизонты ремонтных работ, выявлены элементы благоустройства.

В целом благодаря археологическим исследованиям, проведенным в конце XX – начале XXI вв., были получены новые сведения об архитектуре и структуре города ханского времени. Необходимо обратить внимание на то, что городская культура имела преемственное развитие с домонгольского

⁴¹ Ситдиков А. Г. Улицы средневековой Казани: локализация и идентификация // Уч. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3. С. 63–73.

времени и продолжала успешно функционировать с изменениями, обусловленными новыми экономическими, социальными и политическими обстоятельствами.

Нет необходимости представлять здесь более подробный анализ археологически выявленных архитектурных объектов X – первой половины XVI в. Цель работы – показать, что материалы по средневековой архитектуре булгар и татар накапливаются и они заслуживают более внимательного, скрупулезного исследования как со стороны археологов, так и со стороны архитекторов. Причем их сотрудничество должно начаться еще на этапе полевых исследований, когда определяется время строительства, функционирования и разрушения объекта, изучается на месте строительная техника и приемы строительства, выявляются план здания и возможные перестройки его, фиксируются другие детали, которые иногда и не замечаются археологами. В конечном счете, и археолог, и архитектор стремятся реконструировать первоначальный, древний облик здания и общий облик средневекового города в целом. Но перед архитектором, если мы правильно понимаем, стоит еще одна важнейшая задача: выявить, если это возможно, «региональное» своеобразие в древней, традиционной архитектуре и использовать его в современной архитектуре. К сожалению, на сегодняшний день эта задача трудно разрешима на скудных материалах археологии. Следует целенаправленно изучать и другие источники (иконографические, картографические), привлекать для сравнительного анализа известные архитектурные памятники этих эпох и, конечно же, продолжать раскопки булгаро-татарских городов, культурный слой которых включает десятки и сотни древних архитектурных сооружений.

Summary

A. G. Sitdikov, F. S. Khuzin

Architectural Monuments from Volga Bulgaria and the Kazan Khanate

Architectural monuments in Volga Bulgaria and the Kazan Khanate constitute an important element in the study of the material culture of the two states concerned. There exists an extensive literature on this subject, analysis of which makes it possible to single out questions pertaining to the study of the architecture of the Bulgarians, which are of topical relevance. The article examines questions relating to the emergence and

development of the architectural culture of the Bulgars and Tatars and attention is also drawn to the way architectural traditions have been handed down through the generations. New materials are also cited relating to the building and lay-out of medieval towns, which have been obtained in the course of archaeological investigations of important urban centres such as Bilyar, Bolgar and Kazan.

Часть IV

АРХЕОЛОГИЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Парные и совместные средневековые погребения на Русском Севере (по данным антропологии)

История раскопок древнерусских могильников опирается на усилия нескольких поколений исследователей и отражает более чем полуторавековой этап. Со времен А. С. Уварова – первого исследователя курганных погребений – интерес к погребальным памятникам древнерусского периода не утратил своей актуальности. Сегодня работы такого рода ведутся практически во всех областях Древней Руси, отличаясь от ранних раскопок более совершенными методами полевых исследований и сформированной методологической базой. Следует отметить, что масштабное изучение материалов из погребальных памятников стало основой для формирования научных представлений о характере восточнославянских древностей, моделирования этнокультурных связей на Восточно-Европейской равнине, картирования границ этносов и миграционных процессов на этой обширной территории. Основы, заложенные А. А. Спицыным и продолженные трудами А. В. Арциховского, Б. А. Рыбакова, П. Н. Третьякова, В. В. Седова, М. В. Седовой, стали классикой древнерусской археологии.

В нашей работе мы хотели бы обратиться к материалам многолетних плановых исследований могильников Русского Севера, проводимых с 80-х годов Н. А. Макаровым¹. Полученные в ходе этих раскопок данные обозначили ряд новых научных направле-

ний, расширяющих круг очерченных проблем. Это стало возможным благодаря раскопкам могильников широкими площадями (в некоторых случаях всей площади памятника), полному сбору практически всех сохранившихся костных останков человека (а не выборочно, как практиковалось традиционно), тотальному анализу остатков зоофауны из погребений при детальной фиксации положения артефактов и тела погребенного, масштабному применению естественнонаучных методов при обработке материала.

Одним из интересных феноменов средневековой культуры следует считать парные погребения. Проблема одновременности и символики подобных погребений впервые стала предметом специального рассмотрения на материалах могильника Нефедьево с территории Русского Севера, датированного XI–XIII вв. В результате детального анализа Н. А. Макаров² показал, что выявленные 8 примеров парных ингумаций производились вплотную друг к другу, располагались симметрично, но не были одновременными. Интересно отметить, что во всех случаях это были погребения мужчины и женщины, как правило, молодого и среднего возраста. Возраст пар мало отличался друг от друга (значения общего биологического возраста располагались в пределах одного интервала). По данным антропологии не выявлено каких-либо отличий от индивидов, погребенных одиночно. Более того, по результатам анализа близкородственных связей можно утверждать, что индивиды из парных погребений, несомненно, являются частью общины, оставившей этот памятник³.

² Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. С. 141–143.

³ Бужилова А. П. Часть II. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) // Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 239.

¹ Макаров Н. А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 216 с.; Его же. Русский Север: таинственное средневековье. М., 1993. 192 с.; Его же. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. 496 с.; Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. / отв. ред. Н. А. Макаров. Т. 1: Средневековые поселения и могильники. М.: Наука, 2007. 374 с.; Т. 2: Материальная культура и хронология. М.: Наука, 2008. 365 с.; Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. 233 с.

По данным археологии для этих парных ингумаций отмечается своеобразная симметрия: одинаковые размеры погребальных ям, единая конструкция гробов, сходное положение тел (лежали на спине, на одном уровне голова и плечи, сходное положение рук), одинаковое размещение погребальных артефактов. Даже в случае захоронения вероятных основателей поселения (погребения 19 и 20) тела убитых собак (единственный случай на памятнике) располагались одинаковым образом и в ногах погребенных⁴.

На основании полевых отчетов Н.А.Макаров (1990) провел сравнительный анализ погребальных памятников XI–XIII вв. Юго-Восточного Приладожья, Юго-Западного Белозерья, Костромского Поволжья и Суздальского Ополя, пытаясь выявить сходные случаи парных погребений. Благодаря хорошо документированным комплексам некоторых могильников ему удалось надежно реконструировать тот же ритуал, который был зафиксирован в Нефедьево.

Таким образом, выявленный исследователем обряд парного погребения мог иметь определенную социальную символику в жизни древнерусского населения, маркируя важность отношения общества к отдельной т.н. малой семье⁵. Значимость этой социальной ячейки кажется еще более очевидной при условии, что на средневековых могильниках планиграфически родовые участки (захоронения большой семьи) строго не выделяются, хотя на примере отдельных памятников рядность погребений и определенный порядок расположения могил фиксируется уже на ранних этапах функционирования кладбища.

Парные погребения XI века

Развивая идею социальной реконструкции путем анализа погребальных обрядов первых переселенцев на Русский Север, обратимся к другим примерам, выявленным в этом регионе.

Подчеркнем, что гипотеза Н.А.Макарова о распространении традиции парных погребений в этом регионе нашла подтверждение еще на одном памятнике, исследованном им позднее, чем могильник Нефедьево. И это крайне важно, так как прежде все сопоставления проводились по материалам полевых отчетов.

Исследованный погребальный комплекс Мино II располагается на открытом пространстве луга и частично на поросшей лесом территории береговой террасы озера Кубенское Вологодской области в нескольких десятках километров от Нефедьево⁶. В 2001–2004 гг. было заложено несколько раскопов,

⁴ Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. М.: Наука, 1990. 216 с.

⁵ Там же.

⁶ Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т.1: Средневековые поселения и могильники. М.: Наука, 2007. 374 с.

которые выявили разные по хронологии и обряду погребальные комплексы. Было зафиксировано не менее 65 средневековых погребений по обряду ингумации, помимо этого, около двух десятков по обряду кремации. Могильник частично нарушен поздними перекопами и распашкой. В силу того, что часть площади была недоступна для раскопок, было вскрыто, по мнению Н.А.Макарова, не более половины погребений⁷.

В результате специального рассмотрения исследователям удалось показать два примера парных погребений, которые в точности повторяли те, что были описаны при анализе ингумаций Нефедьево. Первая пара (погребения 9 и 10) дала достаточные свидетельства разновременности совершенных погребений, так как яма погребения 10 была частично прорезана соседней могилой 9, а смещенная во время подзахоронения женщины лучевая кость мужчины оказалась в заполнении ямы женского погребения. Кроме того, анализ погребального инвентаря обеих ингумаций дает строгую хронологическую привязку и позволяет подтвердить, что женское погребение совершено позднее примерно на полстолетия⁸.

По данным антропологии мужчина из погребения 9 был среднего возраста (*Maturus*), крупного телосложения, с признаками хорошего физического развития, которое реконструируется благодаря развитию костного рельефа в области прикрепления глубоких мышц и связок. На длинных костях скелета, в особенности верхних конечностях, отмечен значительно выраженный костный рельеф с явной правосторонней асимметрией. Средняя выраженность признаков холодового стресса на лицевом отделе черепа, как и вероятные последствия обморожения (переохлаждения) на правой дистальной фаланге первого пальца стопы свидетельствуют, что он значительную часть времени проводил на открытом воздухе в разные сезоны года, в том числе и в холодное время межсезонья с повышенной влажностью (состояние, наиболее способствующее переохлаждению).

Отмеченный на скелете артроз тазобедренных суставов с расширением суставной поверхности и образованием краевых разрастаний на головках бедренных костей, вероятно, может быть следствием не возрастных изменений, а тяжелого физического труда в условиях частого переохлаждения.

Фиксация значительного по степени распространения зубного камня практически на всех зубах косвенным образом свидетельствует об употреблении вязкой мягкой пищи с присутствием белкового

⁷ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс: погребальные памятники // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / под ред. Н.А.Макарова. Т.1: Средневековые поселения и могильники. М.: Наука, 2007. С. 130–184.

⁸ Там же.

Таблица 1
Результаты химического анализа микроэлементов по останкам индивидов из погребений Монино II (по результатам М. В. Добровольской)

№ погребения	Пол	Zn (ppm)	Cu (ppm)	Sr (ppm)
Одиночные				
15	♂	75,34	2,02	19,30
17	♀	82,34	2,41	21,72
18	♀	67,95	1,26	13,89
19	♀	70,52	1,21	13,30
Парные				
9	♂	57,00	1,80	17,80
10	♀	66,90	1,70	15,90
20	♂	76,69	1,77	11,17
21	♀	57,44	0,75	18,14
27	♀	94,80	3,20	16,40
28	♂	61,00	0,79	18,10
Ярусные				
1	♀	70,20	3,70	27,60
4	♀	109,20	8,50	13,10

Рис. 1. Распространение зубного камня (указано стрелками) на зубах нижней и верхней челюстей мужчины из парного погребения 9–10. Фото автора

компонента (рис.1). Сравнительный химический анализ микроэлементов показал⁹, что ежедневная диета этого мужчины мало отличалась от еды других членов общины, наиболее приближаясь к унифицированной диете индивидов из парных погребений (табл.1; рис.2). Незначительная по выра-

⁹ Сравнительный анализ проводился по данным, полученным М.В.Добровольской. Пользуясь случаем, благодарю свою коллегу М.В.Добровольскую, сотрудника Института археологии РАН, за проведение химического анализа микроэлементов индивидов из серии Монино II.

женности эмалевая гипоплазия на передних зубах подтверждает случайность негативных факторов среды, которые на короткое время приостанавливали рост и развитие его организма в детские годы.

При анализе маркеров профессиональной активности на верхней челюсти справа обнаружены микроповреждения коронки первого предкоренного зуба из-за надкусывания твердых предметов. Кроме того, в области коренных зубов на верхней челюсти с лингвальной стороны фиксируется формирование костного валика у основания зубов, что можно рассматривать как компенсаторную реакцию на функциональную нагрузку зубочелюстного аппарата. В целом зафиксированные признаки можно считать свидетельством использования зубов для обрывания нитей, надкусывания твердых предметов и других подобных хозяйственных ежедневных занятий, способствующих нагрузке на зубо-челюстной аппарат.

Останки женщины из погребения 10 сохранились хуже. Женщина старшего среднего возраста (Maturus 2). У нее отмечена ранняя потеря зубов верхней и нижней челюсти. По меркам Средневековья она достаточно массивна. По результатам анализа маркеров двигательной активности можно утверждать, что у нее была гармонично развита мускулатура, признаков профессиональной специализации не обнаружено. Несмотря на средний возраст, у нее отмечаются старческие возрастные признаки остеохондроза позвоночника. Химический анализ микроэлементов свидетельствует о традиционной диете, сходной, прежде всего, по составу с диетой, реконструированной у женщин из одиночных погребений 18 и 19 (рис.2).

Анализ дискретно-варирующихся признаков, как и анализ митохондриальной ДНК, проведенный группой авторов¹⁰, не выявил биологического родства индивидов из парного погребения 9–10 (табл.2).

Другая пара погребенных (60–61) сохранилась хуже из-за нарушения могил поздней распашкой. По мнению Н.А.Макарова¹¹, этот комплекс, как и предыдущий, относится к XI в. (рис.3). В целом можно, как и в первом случае, говорить о максимально близком размещении погребений мужчины (возраст Adultus 2) и, вероятно, по данным археологии, женщины (останки не дают убедительной антропологической экспертизы пола). Женщина, как и в первом случае, по меркам биологического возраста старше мужчины (Maturus). У нее, несмотря на относительную массивность костяка, есть свидетельства нарушения роста и развития в детские годы, вероятно, связанные с сезонным голоданием

¹⁰ Куликов Е.Е., Бужилова А.П., Полтараус А.Б. Молекулярно-генетическая характеристика средневековых популяций с территории Русского Севера // Генетика. Том 40. № 1. 2004. С.1–9.

¹¹ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс ... С.182.

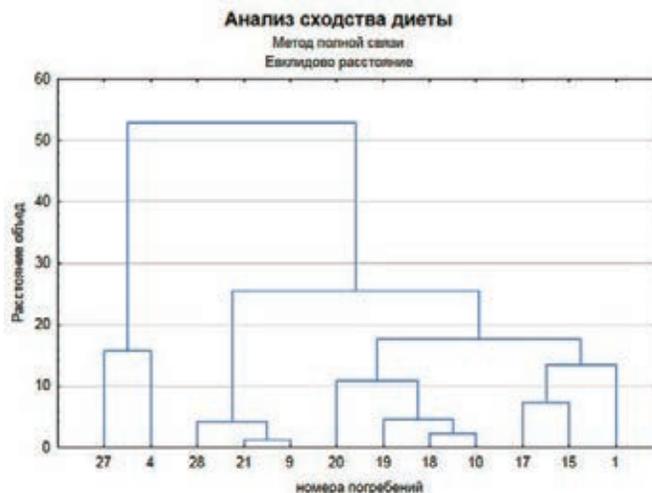
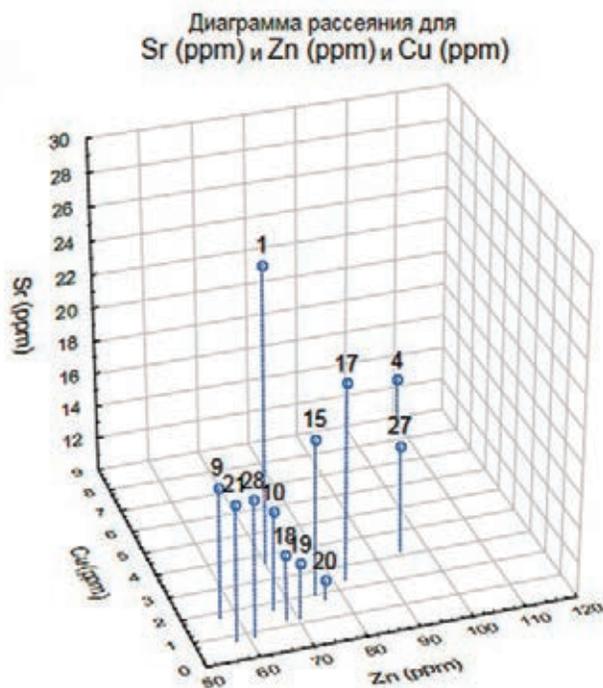

Рис. 2. Результаты анализа сходства диеты изученных индивидов с использованием диаграммы рассеяния (А) и кластерного анализа методом полной связи (Б)

Таблица 2
Результаты генетического анализа митохондриальной ДНК по останкам индивидов из погребений Монино II

№ погребения	Пол	Митотип ДНК
Одиночные		
15	♂	митотип гаплогруппы H
17	♀	митотип гаплогруппы H
18	♀	митотип гаплогруппы H
19	♀	митотип гаплогруппы H
Парные		
9	♂	митотип гаплогруппы I с нуклеотидными заменами 16129 G-A, 16223 C-T.
10	♀	митотип гаплогруппы H
20	♂	митотип гаплогруппы H
21	♀	митотип гаплогруппы H
27	♀	митотип гаплогруппы H
28	♂	митотип гаплогруппы H с нуклеотидной заменой 16129 G-A.
Ярусные		
1	♀	митотип гаплогруппы H
4	♀	митотип гаплогруппы H

(эмалевая гипоплазия). Как и у женщины из предыдущей пары, у нее отмечено значительное развитие остеохондроза. На поясничном позвонке обнаружено еще и последствие грыжи – т.н. узел Шморля, видимо, из-за тяжелых физических работ, связанных с поднятием тяжестей или другими элеваторными нагрузками. Сохранность костяка мужчины мало удовлетворительная, на сохранившихся останках каких-либо особенностей не обнаружено.

На этом могильнике можно выделить еще одно парное погребение (20–21), которое, несмотря на сходную с предыдущими случаями хронологическую дату, отличается от предыдущих тем, что погребенные были захоронены в одну общую яму с небольшим временным интервалом¹². Мужчина немного старше женщины (Maturus 1). У него фиксируется воспаление околоносовых пазух из-за травмы носа. Следовые признаки индикатора холодного стресса в лицевой области свидетельствуют об активной трудовой деятельности на открытом пространстве в холодном и влажном климате. Развитие рельефа в месте прикрепления глубоких мышц подтверждает гипотезу об активной трудовой деятельности. На верхней челюсти справа на коронке второго резца обнаружена выемка, которая формируется от частого использования коронки для обрывания нити или других прочных материалов (т.н. зуб портного). Реконструкция диеты этого индивида показывает, что характер его питания мало отличается от питания индивидов, проживавших в тот же хронологический период (погребения 10, 18 и 19).

В области коренных зубов у него обнаружен кариес с осложнением по типу абсцесса (одонтогенный остеомиелит). Для него характерно наличие зубного камня. Вероятно, обнаруженные патологии скорее возрастные, чем характеризуют тип питания

¹² Там же. Рис. 4.

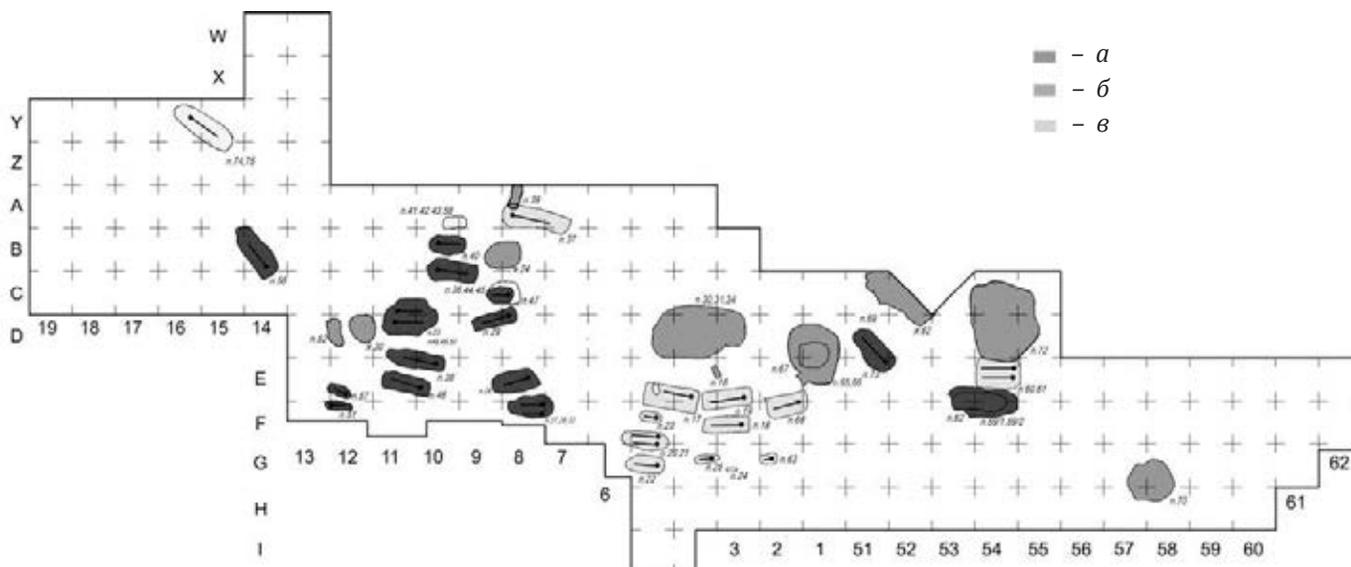

Рис. 3. Погребения различных хронологических периодов в раскопе 3 могильника Минино II (по: Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс...)
 а – погребения второй половины X – начала XI в.; б – погребения XI в.; погребения XII – начала XIII в.

этого индивида. Анализ мтДНК показал наличие митотипа гаплогруппы Н т.н. Кембриджской последовательности (табл. 2).

Женщина чуть моложе по возрасту (Adultus 2). При анализе антропологических особенностей и патологий выявлено наличие общих физических нагрузок с упором на нижние конечности. У нее кариес на жевательной поверхности одного из коренных зубов. По типу питания она наиболее близка мужчине из парного погребения 9–10 и мужчине из парного погребения 27–28, в то время как погребенный с ней мужчина сближается по микроэлементному составу с женщинами из парного погребения 9–10 и одиночных 18 и 19. Отметим сразу, что достоверных различий в питании по полу в этой серии не обнаружено, так что наше наблюдение носит случайный характер. Полученные результаты мы склонны рассматривать как свидетельство отсутствия каких-либо гендерных различий в диете.

Как и у погребенного рядом с ней мужчины, у нее выделен митотип ДНК гаплогруппы Н (табл. 2).

Подводя итоги, обратим внимание, что описанные комплексы имеют устойчивый ряд признаков, что позволяет вслед за Н.А.Макаровым говорить о существовании у первопоселенцев традиции пространственного выделения на погостах парных захоронений мужчин и женщин, возможно, объединенных брачными узлами. Правда, большая часть индивидов (около 65%) все же погребена в одиночных ингумациях без очевидных выделений пар, но к этому числу относятся индивиды из заведомо более поздних по хронологии захоронений. При учете хронологии погребений важно обратить внимание, что

на переломе XII–XIII вв. появляются совместные погребения, которые отличаются от описанных комплексов другими характеристиками.

Совместные погребения XII – начала XIII века

Первое – и важное отличие – размещение парного погребения одновременно в одну могильную яму. Во-вторых, тела располагаются не на спине, а на боку, лицом друг к другу. В-третьих, определяется строгая локализация тела в зависимости от пола погребенного: женский скелет располагается справа, а мужской – слева. Можно полагать, что погребенные располагались в одном гробу¹³.

Мужчина среднего возраста (Maturus) из одномоментного парного погребения 48–49 отличается массивностью сложения, у него реконструируется значительное развитие мышечного покрова. На поясничных позвонках фиксируются грыжи (центральный узел Шморля). О тяжелом физическом труде, кроме перечисленных признаков, свидетельствует и ранний артроз суставов фаланг пальцев кисти. Анализ травм и повреждений выявил заживший перелом правой ключицы; на правой большеберцовой в области присоединения связки (lig. tibiofibulare) отмечены следы остеобластической реакции, возможно, следствие подвывиха голеностопа. Обнаружено еще одно последствие травмы, которое фиксируется на нижней челюсти: на суставной поверхности мы-

¹³ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс ... С. 130–184.

Рис. 4. Погребение 20–21. Раскоп 3 могильника Минино II (по: Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Мининский археологический комплекс...)

щелков ветвей нижней челюсти фиксируется артроз с признаками нарушения площади суставной поверхности. Все описанные травмы несут очевидный бытовой характер. О нелегком, возможно, с недостатком питания детстве можно судить и по значительному изгибу бедренных костей, быть может, вследствие перенесенного рахита. Анализ зубных патологий подтвердил, что этот индивид не отличается от других. У него отмечен случай кариеса и незначительный зубной камень, что косвенно подтверждает типичную для общины Минино диету.

Женщина примерно того же возраста (Maturus 2) отличается средними параметрами костяка. Для нее характерно значительное развитие костного рельефа в области прикрепления глубоких мышц на нижних конечностях, остеохондроз позвоночника, что вкупе подтверждает тяжелый ежедневный физический труд. Анализ травм выявил заживший перелом носа

с осложнением в виде ринита (воспаление околоносовых пазух), вероятно, из-за искривления носовой перегородки вследствие травмы. Из зубных патологий следует отметить пародонтоз, что для ее возраста скорее норма, чем исключение. К сожалению, по данным антропологии у нас нет возможности прояснить причины одномоментной смерти этой пары.

В другом совместном погребении 27–28 мужчина (Maturus 1) отличается крупным телосложением и хорошим физическим развитием мышц. У него отмечается очевидная правосторонняя асимметрия в физических нагрузках. Зафиксированы признаки остеохондроза со смещением выраженности признаков на левую сторону, что лишний раз подтверждает очевидную праворукость индивида. Анализ травм и повреждений костей показал наличие зажившего перелома в нижней трети левой большеберцовой кости, а также заживший перелом носовых костей с признаками ринита (воспаления околоносовой пазухи), вероятно, из-за искривления носовой перегородки вследствие перелома носовых костей. Обе травмы носят бытовой характер. Анализ зубных патологий показал раннюю потерю коренных зубов и развитие пародонтоза, последнее вполне согласуется с возрастом исследованного индивида. На сохранившихся передних зубах отмечены следы эмалевой гипоплазии – свидетельства перенесенных физиологических стрессов в детском возрасте. Химический анализ микроэлементов показал сходство диеты этого индивида с индивидами из других, более ранних по хронологии парных погребений (табл. 1, рис. 2).

Женщина из этого парного погребения (могила 27) отличается средними параметрами костяка. У нее, как и у других женщин Минино II, фиксируются признаки тяжелых физических нагрузок, которые в этом возрасте отмечаются усилением выраженности остеохондроза в поясничной области, наличием грыж (узлов Шморля) на позвонках этого отдела, энтезопатии в области присоединения связки (lig. tibiofibulare) большеберцовой и малоберцовой костей левой стороны, вероятно, из-за травмы голеностопа. Анализ зубных патологий выявил присутствие кариеса и распространение зубного камня. Химический анализ микроэлементов выделил эту женщину, как и погребенную из могилы 4, из других. Диета обеих отличается большей долей белковой пищи (табл. 1, рис. 2).

В отличие от предыдущих парных погребений как XI, так и XII–XIII вв., в этом совместном погребении в области правого колена женщины обнаружены останки ребенка 2–3 лет. Скелет плохо сохранился (рис. 5). Каких-либо выводов об одномоментной причине гибели как ребенка, так и взрослых индивидов сделать не представляется возможным.

Анализ дискретно-варирующихся признаков, как и анализ митохондриальной ДНК не выявил биологического родства половозрелых индивидов

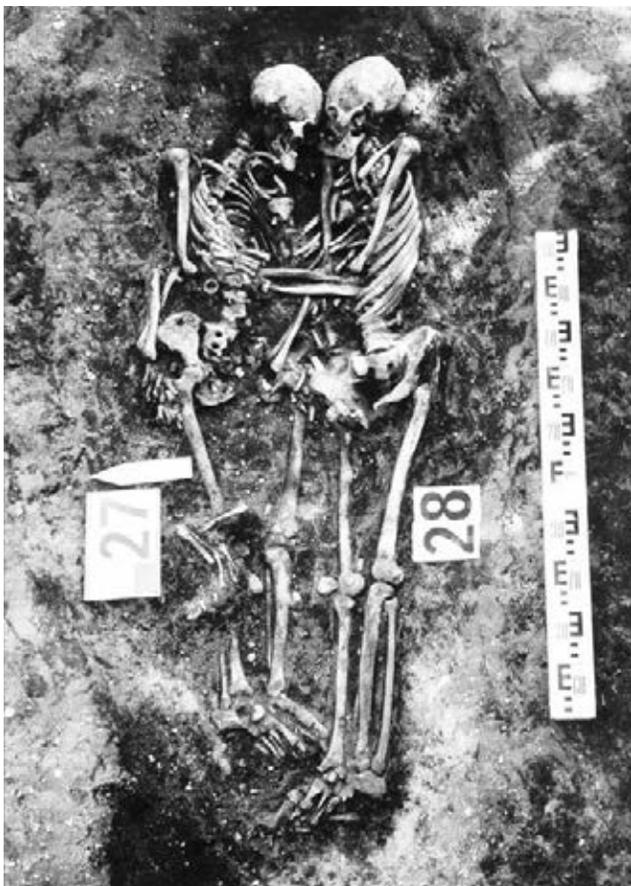

Рис. 5. Погребение 27–28. Раскоп 3 могильника Минино II (по: Макаров Н. А., Зайцева И. Е. Мининский археологический комплекс...)

из этого парного погребения. У мужчины обнаружен митотип гаплогруппы Н с нуклеотидной заменой 16129 G-A, а у женщины наличие митотипа гаплогруппы Н т.н. Кембриджской нуклеотидной последовательности (табл. 2).

Сходный вариант совместного погребения взрослой пары и ребенка можно зафиксировать на примере комплекса 59/I, 59/II и 62. Это погребение мужчины, женщины и ребенка. К сожалению, ингумация плохо сохранилась из-за повреждений в ходе поздних раскопок, поэтому нет возможности охарактеризовать положение тел умерших. По данным археологии читается яма для погребения 62, расположенная чуть ниже более широкой по площади ямы с погребенными 59/I и 59/II. По данным антропологии фиксируется, что погребенные – это мужчина и женщина примерно среднего возраста (Maturus 2, женщина, может, чуть старше) и ребенок 3–4 лет. У женщины отмечена очевидная праворукость в силу профессиональных двигательных нагрузок, на правой ключице следы давно зажившего перелома. На правом плечевом суставе следы артро-

за. На фалангах стоп обнаружены свидетельства артрозных изменений, возможно, в силу возраста.

У мужчины по данным эмалевой гипоплазии сохранились свидетельства нарушения роста и развития в возрасте 3–4 лет, вероятно, из-за недостатка питания. В целом сохранность останков мало удовлетворительная, поэтому информация по этому индивиду минимальна. По сохранившимся малочисленным останкам ребенка мало что можно сказать с уверенностью. В целом, как и в предыдущем случае, причина смерти мужчины, женщины и ребенка по данным антропологии не реконструируется.

Если продолжить обсуждение одновременного захоронения детей и взрослых, то важно отметить на погосте наличие двух специфических комплексов. Первый – это могильная яма 36 погребенного мужчины (возраст Maturus), в верхней части заполнения которой расчищены останки двух детей примерно восьми лет (№№ 44 и 45). Мужчина, как и другие из совместных погребений, отличается отличным физическим развитием. В поясничной области у него фиксируются следы остеохондроза, а на грудном и одном из поясничных позвонков центральные узлы Шморля. У него отмечены разного рода бытовые травмы: заживший перелом носовых костей; заживший перелом в нижней трети диафиза локтевой кости; энтезопатия в области связки правого голеностопного сустава (lig. cosotoclaviculare), вероятно, из-за подвывиха. Из-за искривленной носовой перегородки вследствие перелома носовых костей зафиксированы следы воспаления околоносовых пазух (ринит). Как у многих мужчин в этой группе, у него отмечен зубной камень.

Что касается детских останков, то у каждого из детей фиксируются следы анемии в области орбит, т.н. Cribra orbitalia. Это не может рассматриваться как причина смерти, но говорит об ослабленном здоровье индивидов.

Второй комплекс – это могильная яма, гораздо меньше по размеру, чем традиционные ингумации, вписанная в структуру рядов других погребений на погосте. В ней обнаружены останки 4 индивидов: мужчины и трех детей, тела которых, судя по органическим остаткам, были тесно спеленаты. Мужчина молодой (возраст Adultus), с признаками гармоничных физических нагрузок. У него, как и у одного из детей (№ 43), сохранились т.н. пальцевидные вдавления на нижней пластинке черепа, что можно с некоторой долей условности рассматривать как индикатор биологического родства взрослого и ребенка. Крайне важно, и что не вызывает сомнений, так это наличие весьма характерного и значительно развитого т.н. бугорка Коррабели на коренных зубах всех трех детей. Это, несомненно, можно рассматривать как свидетельство биологической близости погребенных. У самого младшего ребенка 2–3 лет (№ 41) есть неоднозначное свидетельство

активной фазы цинги, что могло стать причиной его гибели.

Последний пример совместного захоронения взрослого и детей не оставляет сомнений в трагической причине гибели родственных людей, возможно, из-за голода, если опираться на выявленную причину гибели одного из погребенных. Вероятно, по каким-то причинам не было возможности осуществить погребение этих людей вовремя. Оно было осуществлено позднее, когда останки перенесли на общее кладбище и предали их земле.

Двойные ярусные погребения

На примере памятника Минино II был вычленен еще один вариант двойного захоронения – ярусное по ориентации могил¹⁴. Так, погребение № 1 было впущено в яму другой могилы (№ 4) и помещено строго над ним, но на 35 см выше. Оба эти погребения принадлежали женщинам. Они были совершены в разное время, но с относительно небольшим хронологическим разрывом. Важно пояснить, что для сельских могильников такого рода погребения ни разу не отмечены. Аналогичное для Минино двойное ярусное погребение женщин известно в этом регионе только в городском некрополе Белоозеро – Крохинские пески¹⁵. Близкие по характеру ярусные захоронения традиционно встречаются в городских могильниках, и такая структура обычно объясняется высокой концентрацией погребений на ограниченных площадях. В этих случаях ярусные погребения могут содержать разновозрастных и разнополых индивидов.

Останки женщины из погребения 1 не очень хорошо сохранились, хотя наличие практически всех отделов скелета прослеживается. В целом размеры костей скелета в пределах средних значений. Отмечается незначительная стертость крупных суставных поверхностей, остеохондроз средней степени выраженности, что в пределах возрастной изменчивости *Maturus-Senilis*. В поясничном отделе на третьем поясничном позвонке фиксируется центральный узел Шморля. При анализе зубных аномалий отмечены только возрастные изменения: равномерная стертость жевательной поверхности зубного ряда (4–5 баллов), образование вторичного дентина на корнях коренных зубов. На клыке верхней челюсти следы эмалевой гипоплазии, указывающие на остановки роста и развития в детском возрасте. Химический анализ микроэлементов показывает, что ее диета была в пределах значений, известных для этой группы, но отличается высокими значениями Sr (табл. 1). Завышение уровня этого элемента

¹⁴ Макаров Н.А., Зайцева И.Е. Мининский археологический комплекс ... С. 130–184.

¹⁵ Макаров Н.А. Население Русского Севера в XI–XIII вв. С. 18.

может быть связано с повышением удельной доли растительной, в первую очередь зерновой, пищи в рационе. В целом ее диета наиболее близка индивидуам из одиночных погребений 15 и 17 (рис. 2).

Останки женщины из погребения 4 дали много интересной информации. Судя по костяку, женщина довольна массивна; отмечается усиленное развитие костного рельефа, особенно на костях верхнего пояса конечностей. Очевидно, у нее были развиты дельтовидные мышцы, бицепсы и трицепсы. На ключицах, особенно правой стороны, отмечены дефекты костной ткани в виде полостей (энтесопагии) в местах прикрепления грудино-ключичной связки. На правой ключице значительно развит рельеф в месте прикрепления трапецевидной мышцы. На правой лопатке отмечается более значительное развитие костного рельефа по сравнению с левой в местах прикрепления дельтовидной мышцы и трицепса. Таким образом, определенно различается правосторонняя асимметрия, возможно, вследствие специфической трудовой деятельности. На поясе нижних конечностей выделяется значительное развитие костного рельефа в месте прикрепления икроножных мышц. Следует обратить внимание на развитие костных «шипики» в месте прикрепления большеберцовой-малоберцовой связки на левой малоберцовой кости. Это может быть результат микротравмы мышц и сухожилий в голеностопном суставе (часто бывает у всадников).

На сохранившихся позвонках в шейном отделе отмечаются признаки остеохондроза. Кроме того, 3, 4 и 5, 6 грудные позвонки попарно анкилоизированы вследствие оссификации боковых связок справа и слева. Причем у 5 и 6 позвонка отмечена костная оссификация не только тел, но и дуг позвонков. В поясничной области фиксируется развитие горизонтального остеофитоза в слабой степени выраженности. В тазо-крестцовом сочленении суставные поверхности имеют краевые разрастания. Краевые разрастания с признаками истертости гиалинового хряща (полировка кости) отмечены и на головке правой плечевой кости, конгруэнтной суставной поверхности лопатки. На дистальных фалангах стоп фиксируются следы порозности и ранней изношенности суставных поверхностей.

Анализ зубных аномалий показал, что все зубы верхней челюсти, за исключением клыков, выпали при жизни индивида. На нижней челюсти прижизненно утрачены два коренных зуба справа. Альвеолы потерянных зубов облитерированы, следовательно, зубы были утрачены задолго до смерти индивида. На сохранившемся клыке нижней челюсти отмечен зубной камень. Суставная поверхность левой ветви нижней челюсти демонстрирует патологическую стертость гиалинового хряща со следами полировки кости. Возможно, это результат травмы (вывих нижней челюсти, например, от удара). Носовые ко-

сточку несут следы зажившего перелома от удара по носу справа. Возможно, преждевременная потеря зубов индивида связана с последствиями нелеченой челюстно-лицевой травмы.

На внутренней стороне лобной и теменных костей вдоль стреловидного шва отмечены следы арахноидоза. Кроме того, на эндокране в области лобной кости обнаружено костное образование неопределенной формы. Возможно, это последствия внутреннего лобного гиперостоза (*Hyperostosis frontalis interna*), связанного с нарушениями гормональной системы и обмена веществ. Нередко женщины с признаками этого синдрома выглядят весьма мужеподобно и проявляют некоторые формы агрессивного поведения¹⁶. Обе большеберцовые кости демонстрируют изгиб диафизов. Это может быть последствием перенесенного в детстве рахита.

Интересна реконструкция диеты этой женщины по результатам химического анализа микроэлементов (табл. 1). Рацион женщины по большей части был составлен белками животного происхождения и отличался от других жителей средневекового Минино, несколько сближаясь с традиционным белковым рационом охотников-рыболовов. Полученные данные статистически достоверны¹⁷. Обратим внимание, что по данным М. В. Добровольской реконструируется достаточно однородное питание у индивидов из Минино и Нефедьево, практиковавших комбинированный тип питания с очевидной долей растительной пищи. На фоне остальных статистически достоверно, помимо упомянутого индивида из ярусного погребения 1–4, выделяется еще и индивид 27 из парного погребения 27–28, у которого доля белковой компоненты была несколько выше. По данным археозоологии для жителей этого микрорегиона основными промысловыми животными были бобр, белка, лесная куница и лось¹⁸. Для пищевого рациона большую долю занимал промысел различных видов рыб, в основном щуки, окуня и различных карповых¹⁹.

¹⁶ Бужилова А. П., Соколова М. А., Перерва Е. В. Об эндокринных нарушениях у кочевых народов (на примере отдельных представителей сарматской культуры) // *OPUS: междисциплинарные исследования в археологии*. М.: Изд-во ИА РАН, 2005. Вып. 4. С. 203–216.

¹⁷ Бужилова А. Реконструкция образа жизни древнего человека методами естественных наук. На примере археологического памятника Минино // *Труды отделения историко-филологических наук РАН*. М.: Наука, 2015. С. 318–333.

¹⁸ Савинецкий А. Б., Крылович О. А. Палеозоологические материалы и динамика промысловой фауны // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере*. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. С. 16–24.

¹⁹ Хамилтон-Дайер Ш. Результаты изучения костных остатков рыб // *Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере*. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М.: Наука, 2009. С. 25–29.

При анализе митохондриальной ДНК у обеих женщин обнаружен митотип гаплогруппы Н т. н. Кембриджской последовательности (табл. 2). Этот митотип не уникален, но в контексте парного ярусного погребального обряда есть основание предположить биологическое родство исследованных индивидов. К сожалению, анализ дискретно-варьирующих признаков и аномалий у этих индивидов не выявил сколь-нибудь явных свидетельств биологического родства. Однако принимая во внимание тенденцию к образованию довольно редких крайних вариантов артроза (полировка суставной поверхности) у обеих женщин, близкое родство исключить нельзя.

Если допустить нашу гипотезу о родственных связях этих женщин, то рассмотренный пример лишней раз подчеркивает важность родства и семейных уз для древнерусских колонистов, которые поддерживали эту идею во всем, даже при распределении погребений на погосте, не упуская возможности подчеркнуть родство спустя несколько поколений, совершая ярусные захоронения одного родственника над другим.

Исследованные останки из парных погребений обоих вариантов (одновременные и нет) и разных хронологических периодов дают представление о том, что перед нами обычные представители сельской общины. У них сходное питание, реконструируется сходный тип физической активности и антропологические особенности. На примере разных пар (например, 9–10; 27–28) можно утверждать, что размещенные в одном комплексе мужчины и женщины не объединяются биологическим родством, но, вероятно, связаны узами брака. С точки зрения палеогенетики интересно отметить, что во многих погребениях индивиды демонстрируют наличие митотипа гаплогруппы Н т. н. Кембриджской нуклеотидной последовательности; этот митотип является наиболее распространенным среди современного европейского населения и практически отсутствует у немногих, например, у саамов. А у мужчин из парных погребений выявлен митотип гаплогруппы Н с нуклеотидной заменой 16129 G-A, принадлежащий к числу наиболее быстро эволюционирующих локусов некодирующей области митохондриального генома человека. В наше время он встречается почти с одинаковой частотой в евразийских популяциях, однако заметно преобладает у германских народов и у некоторых финно-угорских. Последний, третий митотип гаплогруппы I (16223 C-T), обнаруженный у мужчины из погребения 9, считается очень древней митохондриальной мутацией, которая могла произойти еще на заре первых миграций рода Номо на территорию Европы. Он встречается у современного населения с разной частотой, заметно преобладая у представителей азиатско-американской и экваториальной рас. При таком единичном наборе признаков трудно исключить случайности, однако очень осто-

рожно можно предположить, что брачевание в этом поселении шло как минимум между тремя крупными родами (оценка наследования по мтДНК только по женской линии). Возможно, степень родственных связей в этой группе была довольно высока. Анализ митохондриальной ДНК по 12 образцам из серии Минино показал максимально возможное присутствие т.н. Кембриджской нуклеотидной последовательности в серии – у 10 индивидов.

Символическое значение описанных погребений не требует специальных комментариев, а наличие этого феномена в культуре средневековых колонистов Русского Севера дает дополнительные свидетельства для реконструкции психологического склада семейно-родственных связей в общине, сущности религиозного сознания и архаичности выявленной традиции в замкнутой общине первопоселенцев.

Сложнее объяснить присутствие детских останков в парных погребениях XII–XIII вв., так у нас нет возможности оценить причины одновременной смерти взрослых и детей. Однако присутствие в серии случаев детской цинги, которые нам удалось определить на останках 8 детей из одиночных погребений (11, 14, 23, 24, 25, 31, 51 и 57), также как и смерть от цинги одного из детей из совместного погребения позволяют сделать предположение о присутствии в этой общине периодов голодания, что могло стать причиной трагической гибели семей.

При сравнительном анализе детских выборок севера Русской равнины серия Минино II выделяется среди прочих несколько завышенной частотой цинги – вероятного дефицита витамина С. В серии частота встречаемости заболевания достигает 38%²⁰.

Топографический анализ погребений детей с признаками цинги показал, что это одиночные погребения, которые, тем не менее, располагаются очевидными группами (например, №№ 23, 24 и 25; №№ 51 и 57). Подтвержденный диагноз на примере 8 случаев отражает все хронологические периоды функционирования погоста: от X–XI в. (погребение 31) до XII–XIII вв. (погребения 51 и 57).

Таким образом, эти сведения можно рассматривать как отражение хронологических неблагоприятных периодов, связанных, в первую очередь, с нарушениями обеспечения питанием «свежей пищей» в общине, особенно в длительный зимний период, приводящими к вымиранию целых семей. Важно отметить, что погребение в этих трагических обстоятельствах осуществлялось, скорее всего, по принципу объединения индивидов в одной могиле в рамках семейных отношений.

²⁰ Бужилова А. П. Часть II. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) // Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П. Средневековое расселение на Белом озере. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 227–276.

Summary

A. P. Buzhilova

Medieval Burials for Pairs or Groups of the Deceased in Northern Rus (Based on Anthropological Data)

One of the interesting phenomena of medieval culture is the paired burial. The question as to the simultaneous nature of such burials and the symbolism involved became a subject for specialist investigation undertaken for the first time with materials from the Nefedievo Burial-ground within Northern Rus dating from the 11th–13th centuries. The rite identified by this scholar could have been socially symbolic in the life of the population of medieval Rus, reflecting social attitudes to the individual, so-called small family. Anthropological analysis of the series of burials previously studied by N. A. Makarov made it possible to refer to the existence of a tradition among the early settlers to bury men and women together in pairs, possibly linked by marriage

ties. When considering the chronology of these burials it is important to bear in mind that at the turn of the 12th century paired burials appeared which differ from those described above in that they also contained the remains of children. The fact that the deceased in these burials would appear to have died at one and the same time and results from palaeo-pathological analysis make it possible to suggest that such burials bear witness to tragic deaths during periods of famine or misfortune affecting the community. The phenomenon of paired and group burials in the culture of the medieval settlers of Northern Rus provide supplementary evidence for piecing together a psychological model for family and kinship ties within the community.

Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской

Исследования, проведенные в Белозерье, показали, что средневековый сельский грунтовый могильник, будучи изучен археологами, антропологами и представителями других естественнонаучных дисциплин в рамках единой научной программы, становится источником уникальной информации по демографии, родственным связям, заболеваниям, биологической адаптации и происхождению населения¹.

В Московском регионе обратиться к этим темам станет возможным после того, как будут найдены и исследованы узко датированные грунтовые сельские могильники второй половины XIII–XVI в. Пока для исследования доступны лишь погосты, существовавшие при средневековых сельских храмах, главным образом, их белокаменные и валунные надгробия². Изучение собственно погребений наталкивается на целый ряд препятствий. Наиболее перспективны для исследований погосты, на которых перестали хоронить после Смутного времени или ранее³. К сожалению, на многих из них костные

останки сохранились неудовлетворительно, что обусловлено химическими процессами, протекающими в кислых глинистых подпочвах моренных возвышенностей, которые активно осваивались в XIV–XVI вв.⁴ Еще сложнее изучать погосты, на которых продолжали хоронить в XVII–XIX вв. и где – ввиду плотности погребений – средневековые захоронения часто оказываются переотложенными, как, например, на некрополе звенигородского села Козина⁵.

Наряду с погостами при сельских храмах в XIII–XVI вв. в Московском крае существовали и иные грунтовые могильники. На это указывали топонимы «Могильцы», которые фиксировались на землях, осваивавшихся со второй половины XIII в. Однако впервые могильник, надежно связанный со средневековой деревней, был обнаружен в 2011 г., когда на Шестом Дунинском селище под Звенигородом, в стенке траншеи 1941 г., открылись погребения. Археологическая публикация этого памятника на-

¹ Макаров Н. А. Культурная идентичность и этническая ситуация на окраинах // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере. Т. 3: Палеоэкологические условия, общество и культура. М., 2009. С. 91–102; Бужилова А. П. Средневековое население Мининского микрорегиона: анализ антропологических материалов // Там же. С. 30–54.

² Беляев Л. А. Средневековый некрополь Коломенского // Коломенское: материалы и исследования. Вып. 2. М., 1991. С. 45–57; Чернов С. З. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Макариевские чтения. Вып. 6: Канонизация святых на Руси. М., 1999. С. 316–349.

³ Энгватова А. В. Погост начала XV века в городе Можайске // Памятники древнерусской культуры: материалы 2-й Российской научной конференции, 8–10 июня 1994 г. Вып. 2, ч. 2. Можайск, 1994. С. 155–169; Чернов С. З. Погост Афанасия и Кирилла Александрийских в Радонеже по данным археологических исследований 1997–1998 гг. // РА. 2000. № 1. С. 63–81.

⁴ Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В. Археологические исследования погоста XV–XVI веков у села Рождествено Одинцовского района Московской области // Археология Подмосковья. Вып. 5. М., 2009. С. 281–326; Богомолов В. В., Гоняный М. И., Заидов О. Н., Шебанин Г. А., Шеков А. В., Археологические комплексы раннего этапа поселения при погосте у села Рождествено // Археология Подмосковья. Вып. 8. М., 2012. С. 366–388.

⁵ Евтеев А. А. Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино (Московская область): внутригрупповая изменчивость и предварительные результаты межгруппового анализа // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. Вып. 7. М., 2011. С. 433–440. См. также: Гончарова Н. Н. Описание антропологического материала из раскопок у церкви Вознесения Господня в 2004 году в Звенигороде // Охранные исследования церкви Вознесения Господня на Нижнем посаде Звенигорода. Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 3. М., 2005. С. 99–118.

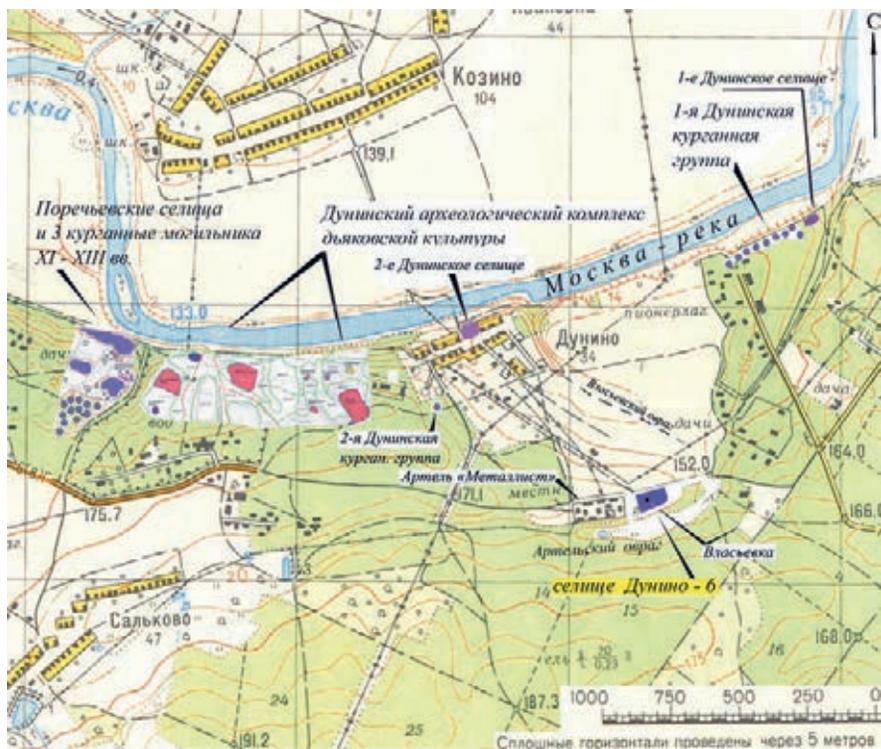

Рис. 1. Шестое Дунино селище и Дунино грунтово-могильник.

Вверху – схема расположения; внизу – вид могильника с юга; справа – траншея 1941 г. и место шурфа 1, слева – памятный крест, поставленный в 2012 г.

ходится в печати⁶. Целью настоящей статьи является ввести в научный оборот антропологические и микроэлементные данные о 19 из 34 погребений этого могильника.

Предваряя изложение данных о могильнике, следует сказать о его археологическом контексте.

⁶Чернов С.З. Кладбище деревни Власьевской XIV–XV вв. и воцерковление сельского населения Московского края // РА. 2015. № 1. [В печати].

Шестое Дунино селище, к которому относится могильник, расположено в 5,5 км к востоку от г. Звенигород и в 0,8 км к юго-востоку от д. Дунино (рис. 1). Оно занимает покрытую бором возвышенность («гриву»), ограниченную на юге Артельским оврагом, а на севере – полем деревни Дунино, распростирающимся до Москвы-реки. Селище было обнаружено 12.04.1997 г. и исследовано в 2011 г. Московской областной средневековой археологической

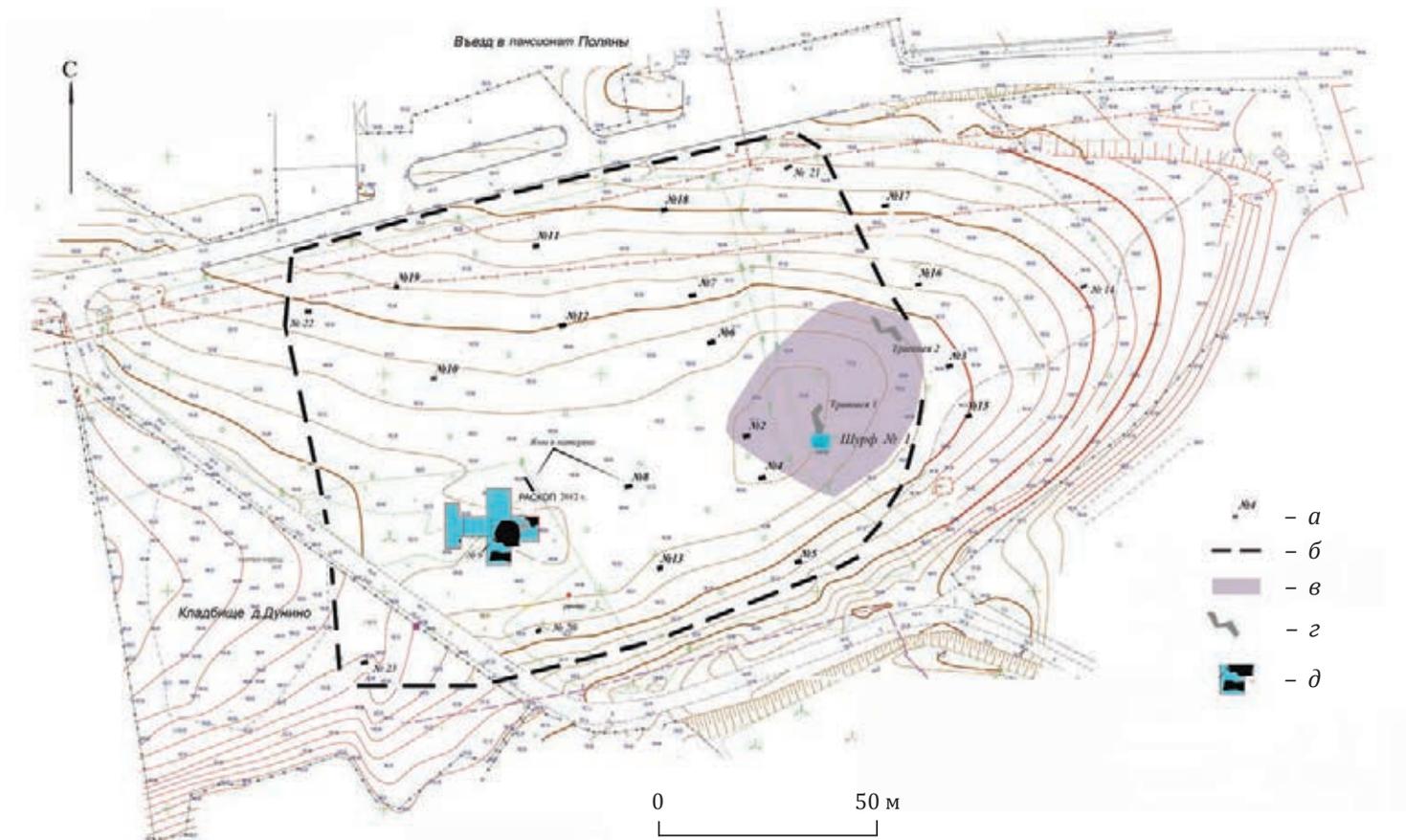

Рис. 2. Шестое Дуниновское селище и Дуниновский грунтовый могильник. План
 а – шурф и его номер; б – границы селища; в – грунтовый могильник; г – траншеи 1941 г., затронувшие погребения Дуниновского грунтового могильника; д – раскоп 2012 г. и выявленные в нем ямы от построек XV в.

экспедицией ИА РАН (шурфы 2–22). 18.06.2011 г. сотрудники музея М. М. Пришвина, осматривая расположенные в центре возвышенности траншеи 1 и 2 1941 г. на предмет их музеефикации, обнаружили в их стенках части скелетов, ориентированных по линии ЮЗ–СВ. Зачистка, произведенная сотрудниками экспедиции, показала, что траншеи затронули погребения средневекового времени. С целью постановки на охрану могильника вблизи траншеи был заложен шурф 1 (12 кв. м) (рис. 2).

В 2012 г. в западной части селища, в зоне проектируемой церкви, был заложен раскоп (156 кв. м), открывший группу из трех ям, которые отражают крупное жилое сооружение. Из ямы 1 происходит 70 находок, в том числе сапожные гвоздики, иглы, бронзовые поясные накладки, ножницы, кривоножечный (XIV – первая треть XV в.) и квадратно-конечный кресты-тельники. О состоятельности владельцев постройки свидетельствует поливная

посуда и серебряный перстень. На дне постройки найдены бронзовые монетные веса, а над заполнением ямы – две серебряные деньги Василия I (с петухом 1389 – начала 1390-х гг. и с всадником вправо – рубежа XIV–XV вв.), деньга Василия Кирдяпы (1390-е – начало XV в.) и полуденьга кн. Владимира Андреевича Серпуховского (+ 1410 г.) с кентавром конца 1390-х гг. Сочетание монет более характерно для периода великого княжения Василия I (1389–1425), чем Василия II (1425–1463), но керамический комплекс (красноглинная грубая и гладкая ранняя краснолощенная) тяготеет ко второй четверти – середине XV в. Восемь радиоуглеродных дат из заполнения ямы 1 укладываются в первую половину XV в. Наиболее точный калиброванный интервал получился для даты 490 ± 40 лет: 1413–1443 гг.

Могильник был зафиксирован в траншеях 1 и 2 1941 г. и шурфах 1 и 2, но не прослежен в шурфах 3–6 и 15–16 (рис. 2). Соответственно, его размеры могут

составлять 40×35 м, а площадь – около 1400 кв. м. Могильник занимал восточную, мысовую, часть возвышенности. Подобное расположение – на восточной окраине поселения – характерно для раннемосковских некрополей XIV–XV вв. и, по всей видимости, обусловлено особенностями эсхатологических представлений того времени⁷.

Вначале были проведены фиксации по двум траншеям, а затем к югу от траншеи 1, с некоторым наложением на нее, был заложен шурф. В траншее 1 (6×1–2 м) на пространстве в 6 м к северу от шурфа прослежены остатки 9 погребений. К сожалению, большая их часть (за исключением погребений 3, 4 и 5) была разрушена в 1941 г. и фиксировалась лишь в стенках. Траншея 2 (8,3×0,8 м), расположенная в 20 м к С–СВ от траншеи 1, затронула северную часть могильника. В этом районе погребения (№ 30–33) были ориентированы с отклонением к югу.

В пределы шурфа 1 (12 кв. м) вошли погребения 1, 2, 6, которые первоначально были зафиксированы еще в стенках траншеи, и погребения 10 и 13–28, раскрытые в ходе раскопок. Анализ перекрытия могил показал, что вначале погребения совершались на глубине 75–112 см от уровня дневной поверхности (отметки – -120 – -150 см) (погребения 10, 25–28), а на втором этапе их глубина сократилась до 60–80 см (отметки -90 – -120 см) (погребения 1, 2, 6, 13–24).

Могильник датируется по находке слезницы в погребении 6 (рис. 5, 6). Это миниатюрный (высота 11,5, диаметр венчика 12 см) красноглиняный грубый горшок из глины с примесью среднезернистого песка. Обжиг неполный, окислительный, дал трехслойный в изломе черепок. Лицевая поверхность горшка заглажена. На плечике имеется излом, шейка отогнута под 45 градусов и завершена вертикальной площадкой с заостренным краем. Шейку украшает «косая волна» классического вида. Аналогии встречены в постройке Шавыкина Дубенского монастыря 1380–1390-х гг.⁸ и сооружении 1 селища Козья горка первой половины XV в.⁹ Дата слезницы – последняя четверть XIV – первая четверть XV в., – вписывается в 125-летнее хронологическое окно между двумя периодами хозяйственной активности на этом месте (1350–1475 гг.).

Раскопки показали, что погребения довольно однородны по обряду. Это ингумации, совершенные

Рис. 3. Находки из шурфа 1 на территории могильника: железный болт (№ 6) и железная накладка на пояс (№ 2).

Находки на территории селища: пряслице из стенки сосуда (№ 3, из шурфа 2), венчик чугунного котла (№ 4, из шурфа 9), обломок ножа (№ 5, из шурфа 6).

Находки из верхнего слоя раскопа 2012 г.: височное кольцо типа «Сельцо» (№ 38, кв. 4), ключ (№ 40, кв. 4)

в деревянных колодах (прослойки гумуса и деревянный тлен в погребении 24) с ориентировкой головой на 3–ЮЗ, запад (13, 24) и СЗ (30–33). Там, где сохранились кости рук, они сложены на груди, иногда одна рука погребенного помещена в районе тазовых костей или вдоль тела. Распределение могильных ям по глубине: 30 см – 1, 40–45 см – 3, 50–55 см – 5, 60–65 см – 6, 70–75 см – 7, 80 см – 3, 90 см – 4, 100–120 см – 3. Из предметов личного благочестия найден круглоконечный бронзовый энколпион с изображением триумфирующего Христа с предстоящими на лицевой стороне и архангелом Сихаилом – на оборотной. Монет (оболоч мертвых) в погребениях не встречено.

⁷ Чернов С. З. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь: История. Археология. Искусство. Охрана. М., 1991. С. 97.

⁸ Чернов С. З. Успенский Дубенский Шавыкин монастырь по археологическим данным // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М.: Наука, 1995. Рис. 8, 2-й снизу и 3-й сверху.

⁹ Чернов С. З. Археологические исследования на селище у поселка Козья горка в Сергиево-Посадском районе Мос. обл. в 1999 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 22034. Рис. 29, № 99-К-131, 99-К-132.

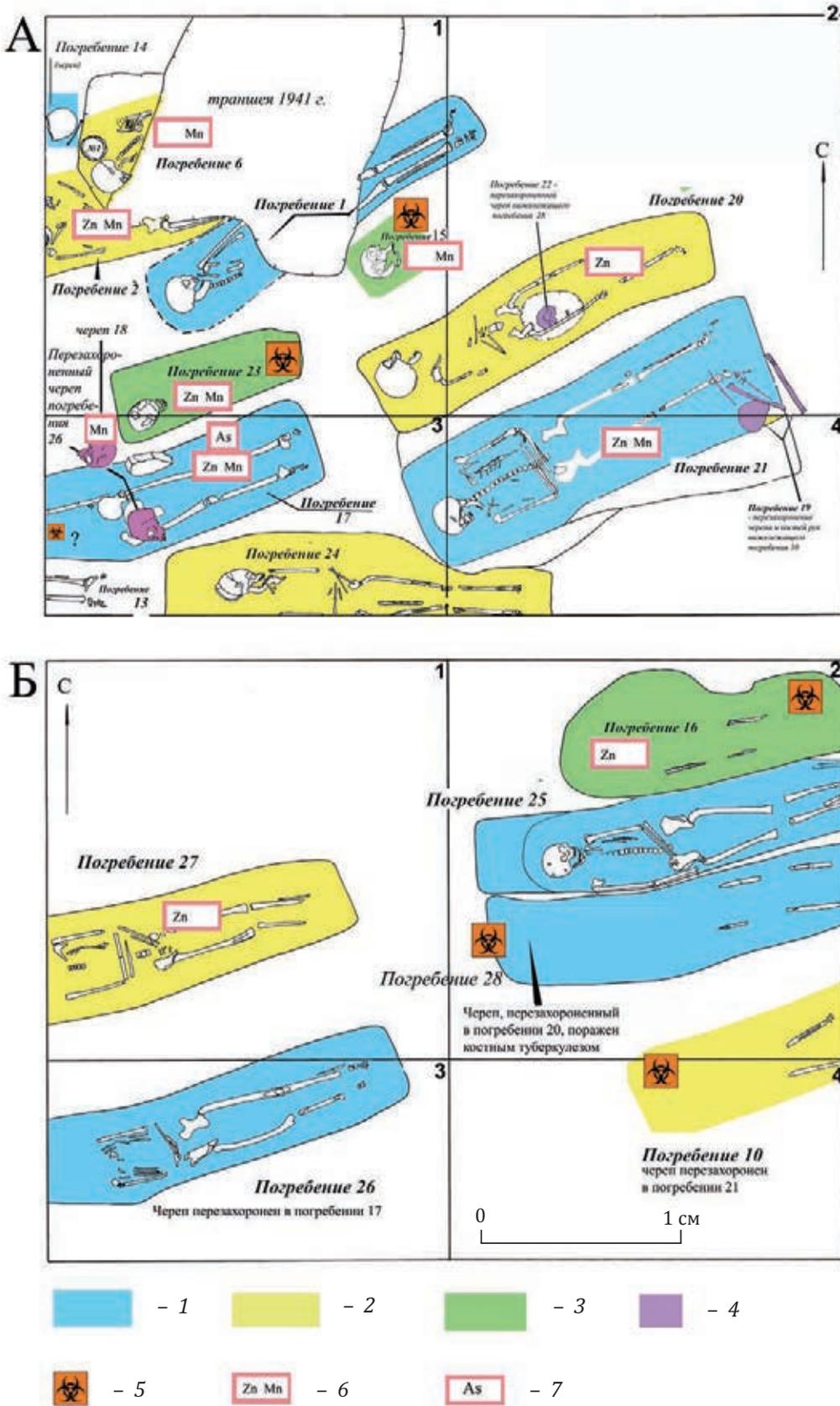

Рис. 4. Дунинский могильник. Шурф 1. Схема расположения мужских (1), женских (2), детских (3) погребений и перезахороненных останков (4) верхнего (А) и нижнего (Б) горизонтов.

Данные микроэлементного анализа костной ткани:

5 – превышение по железу, возможно, вызванное обезвоживанием, наблюдаемым при холере или ином инфекционном эпидемическом заболевании; 6 – превышения по цинку и марганцу, которые могли сопровождаться падением содержания кальция, нарушением усвоения фосфора и развитием в результате этого остеопороза костей (в случае погребения 17, имевшем экстремальные превышения, подтверждено антропологическими наблюдениями); 7 – четырехкратное превышение по мышьяку в погребении 17

Анализ наложения могильных ям позволяет выделить три этапа функционирования некрополя (рис. 4). На первом этапе в исследованной зоне было совершено 6 погребений в двух рядах – три мужские, два женские и одно детское на глубинах от 72 (10) и 80 см (28) до 90 (16) и 120 см (25). 4 могильные ямы имели искривленную форму, что, возможно, связано с неровностью дубовых (?) колод. На втором этапе традиция хоронить рядами сохранялась, но не реализовывалась в полной мере. В западном ряду женское погребение 2 было совершено на свободном месте, мужское погребение 17 было выкопано в старой могиле мужского погребения 26 (со сдвигом на запад), и «в ногах» погребен ребенок (23). Несколько позднее, без учета рядности, было совершено еще два погребения. Женское (6 – при нем была положена слезница) частично разрушило погребение 2, а мужское (1) перекрыло раннее погребение 27, но, будучи заложено мелко (58 см), не достало до его уровня (80 см). Тогда же к югу от погребения 17 возникло два погребения с иной (широтной) ориентировкой. Одно из них (13) задело погребение 17, а другое (женское 24, сохранившее следы колоды) пришлось на свободный участок.

Разрушение старых могил при копке новых – типичная практика в условиях, когда на поверхности земли погребения отмечались лишь оплывающими со временем земляными холмиками и деревянными крестами. Именно так можно реконструировать наземные сооружения Дунинского кладбища, поскольку здесь не найдено ни одного валунного или белокаменного надгробия. Тем не менее, некоторые особенности погребального обряда требуют объяснения. Копая новую могилу (17) в старой, землекопы наткнулись на череп, который возвышался над уровнем скелета на 20 см и перезахоронили его в новой могиле. Следовательно, могила 17 копалась по истечении 10–20 лет после совершения погребения 26 – срока, за который в условиях песчаного грунта колода истлевала, а труп минерализовался. Еще через некоторое время могила 17 была задета погребением 13, ориентированным с запада на восток.

На третьем этапе (уже после появления погребений 13 и 24) было совершено (одновременно или с небольшим хронологическим разрывом) парное погребение 20 и 21 (возможно, супругов). К этому времени наземные ориентиры ранних могил восточного ряда, видимо, настолько стерлись на местности и из памяти жителей деревни, что новые могильные ямы пробили оглавив ранних могил 10 и 28. И вновь, как и в случае с погребением 17, потревоженные черепа и кости не были оставлены на своих прежних местах, но извлечены из земли и перезахоронены в новых могилах (в одном случае – в ямке, выкопанной в центре могилы, а в другом – в изножии).

Антропологическое описание

Костные останки, извлеченные из траншей 1 и 2 до начала археологических работ, были осмотрены 22.06.2011 г. Из траншеи 1 происходило две группы костей. *1 группа. Кости индивидов женского пола:* крестец, три тазовые кости (две из них составляют пару, т.е. левая и правая тазовая кость одного индивида), фрагменты двух левых бедренных костей, две плечевых, парных (т.е. правая и левая одного индивида, на обеих межмышцелковые отверстия), фрагменты двух левых лучевых костей, позвонки. Таким образом, первую группу костей составили останки не менее двух индивидов женского пола. Возраст одной из женщин – 20–25 лет (сохранились следы метафизарных пластинок на длинных костях рук), длина тела – 165–166 см. *2 группа. Кости индивида мужского пола.* К ним относятся: фрагменты тазовых костей, фрагменты бедренной кости, фрагменты ребер, предплечья, левая ключица (выражены энтезопатии, которые свидетельствуют о значительных нагрузках на плечевой пояс), фрагменты лопатки, много позвонков с выраженными изменениями поверхности (грыжи), трубчатые кости кисти с возрастными изменениями. По совокупности признаков возраст индивида – 30–40 лет.

Тогда же были осмотрены кости скелета погребения 3, зачищенного в траншее 1: диафиз левой бедренной кости с сохранившимся нижним мышцелком, диафизы двух большеберцовых костей и одна большеберцовая кость хорошей сохранности, левая плечевая, четыре позвонка, фрагменты диафизов малоберцовой кости, локтевых, лучевых, фрагменты тазовых костей. Сохранность не позволяет определить, скольким индивидам принадлежат эти разрозненные кости. Очевидно, однако, что среди костей присутствуют останки индивида мужского пола 30–45 лет, с предполагаемой длиной тела (по длине большеберцовой кости) 160–167 см. Вполне вероятно, что кости из зачистки траншеи и кости из второй группы принадлежат одному индивиду.

Скопление костей, извлеченных из траншеи 2 до начала археологических работ (погребение 31 или 32), принадлежат одному индивиду женского пола: две бедренные кости, очень грацильные (окружность кости в середине диафиза – 79 мм у правой, 75 мм у левой кости; сагиттальный диаметр – 24 мм и у левой и у правой; поперечный диаметр – 26 мм справа, 25 слева; длины костей – 416 и 415 мм соответственно), тазовые кости, фрагменты свода черепа. Череп выражено долихокранный, швы открыты. Предполагаемая длина тела – 157–165 см, возраст – 18–25 лет.

Шурф 1

Костные останки из шурфа 1 исследовались по мере их раскрытия 27 июня, 7–10, 15 и 27 июля 2011 г. Фрагменты костей, извлеченные при пере-

Рис. 5. Дунинский могильник. Шурф 1. Погребение 6. А – оглавление погребения с слезницей, установленной рядом с черепом погребенной; вид с востока, на переднем плане – граница траншеи 1941 г., разрушившей большую часть погребения; Б – слезница (миниатюрный горшок) *in situ*; вид с северо-востока

Рис. 6. Дунинский могильник. Шурф 1. Слезница (миниатюрный горшок) из погребения 6

борке выброса из траншеи 1941 г. (бруствера), были разделены на две группы. 1) *Кости индивида мужского пола*, возраст не определим (диафиз бедренной кости, два фрагмента тазовых костей, фрагмент костей основания черепа и височной кости). Отмечен выраженный рельеф и массивность костей, некоторые фрагменты имеют следы обгорания. 2) *Кости грацильного индивида*, вероятнее, женского пола, возраст – 30–45 лет (диафиз плечевой кости, две тазовые кости, фрагменты бедренной, две большеберцовые средней сохранности, фрагмент малоберцовой кости, мелкие кости стопы).

Из 1–4 пластов (-30 – -90 см) происходили фрагменты ключицы, костей предплечья, лопатки и тазовых костей. Все эти фрагменты, скорее всего, принадлежали грацильному индивиду (ребенок

или женщина). Кроме этого обнаружены коронки нескольких коренных зубов, а также не полностью сформировавшаяся коронка постоянного нижнего второго резца. Сочетание данных по зубам и костям позволяет уверенно идентифицировать индивида как ребенка 6–9 лет (может быть, погребение 15 – ?).

Погребения верхнего горизонта

Погребение 1. Сохранность скелета средняя. Останки мужчины, возраст смерти 40–45 лет. На позвонках выражены узлы Шморля, хрящевые грыжи (сохранились только шейные и часть грудных позвонков). На правой ключице – выраженные энтезопатии. Воспалительных явлений в суставах рук и ног нет. Совокупность признаков говорит о сильных нагрузках на плечевой пояс. Предполагаемая длина тела 175–176 см. Выражен прогнатизм. На нижнем

крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки.

Погребение 2. Все кости плохой сохранности: верхняя (проксимальная) половина правой бедренной кости, фрагмент тазовой (с вертлужной впадиной), обе ключицы, фрагмент лопатки, плечевая кость и обе кости предплечья (локтевая и лучевая), нижняя челюсть. По совокупности признаков – женщина, возраст смерти 30–45 лет. Предполагаемая длина тела 159–163 см.

Погребение 6 (со слезницей – рис.5). Сохранились череп и, фрагментарно, некоторые кости верхней половины тела. Останки женщины, возраст смерти 40–45 лет.

Погребение 14 (смещенное). Сохранилась только черепная коробка. Останки мужчины, возраст смерти 45–70 лет (швы черепа закрыты полностью).

Погребение 15. Сохранились череп и нижняя челюсть (сохранность плохая, все фрагментировано). По состоянию зубной системы – ребенок 10–12 лет.

Погребение 17 (совершено в более раннюю могилу). Сохранность костяка хорошая. Останки мужчины, 35–40 лет. На позвонках, особенно поясничных, отмечены следы воспаления (остеопороза?). На правой тазовой кости в области крестцово-подвздошного сочленений отмечены следы воспаления, возможно, следы остеопороза на поясничных позвонках обусловлены той же причиной (воспалительные процессы в области малого таза). Предполагаемая длина тела 176–178 см.

Погребение 18 (смещенное). Сохранился только череп и фрагмент нижней челюсти. Останки пожилой женщины, возраст смерти – более 60 лет (полностью закрыты все швы черепа, при жизни выпали все зубы, кроме третьего коренного, стертого до корня).

Погребение 20 (женское в парном захоронении). Сохранность костей средняя, при этом череп сильно деформирован массой земли. Позвонки и суставы без особенностей. Отмечен метопический шов, выражен прогнатизм. Останки женщины, возраст смерти 35–40 лет. Предполагаемая длина тела 163–165 см. На нижнем крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки.

Погребение 21 (мужское в парном захоронении). Мужчина, 30–35 лет. Представлены практически все кости скелета, сохранность средняя. На поясничных позвонках остеофиты, рельеф плечевых костей очень выражен, особенно в нижней трети кости (места крепления мышц кисти и предплечья). Предполагаемая длина тела 175–179 см (выше среднего роста). Погребения 20 и 21 близки по возрасту, что делает вероятным предположение, что это супруги.

Погребение 23 (детская могилка между погребениями 1 и 17). Фрагменты черепа ребенка 2,5–3,5 лет: лобная кость, фрагменты теменных, обе височные, нижняя челюсть.

Рис. 7. Дунинский могильник. Череп женского погребения 24 с предносовыми ямками (*fossae praenasales* – показаны стрелкой). На врезке – эталонный образец предносовых ямок (Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. С. 83.)

Погребение 24 (в колоде у южной стенки шурфа). Останки женщины, 20–25 лет. Обнаружены: фрагментированный и посмертно деформированный череп (рис. 7), фрагменты ключицы, акромиальный отросток левой лопатки, левая бедренная с разрушенным дистальным эпифизом, фрагменты плечевой, локтевых и лучевых костей, фрагменты тазовых и большеберцовых костей, кости стопы. Сохранилась метафизарная пластинка на головке бедренной кости, что позволяет сузить возрастной интервал для определения возраста смерти. Выражен прогнатизм.

Погребения нижнего горизонта

Погребение 10. Сохранились большеберцовая кость, малоберцовая кость, кости стопы. Вероят-

Рис. 8. Дунинский могильник. Череп мужского погребения 26, перезахороненный в погребении 17. На профильном изображении прослеживается уплощенность переносья и прогнатизм, а на фасовом – предносовые ямки

нее, женщина, возраст смерти 25–30 лет (просматривается метафизарная пластинка на эпифизе большеберцовой кости). Череп и верхняя часть этого погребения, перезахороненные в нарушившем его погребении 20, были описаны как погребение 19. Сохранность костей плохая, обнаружены лишь кости черепа и несколько фрагментов костей посткраниального скелета. Останки женщины, возраст – 18–25 лет (на длинных костях ног сохранились следы метафизарной пластинки). Отмечен метопический шов, выражен прогнатизм. На нижнем крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки.

Погребение 16. Обнаружены бедренная кость и две большеберцовых. Сохранность плохая. Останки ребенка, возраст смерти 5–8 лет.

Погребение 25. Средняя сохранность костяка. Останки мужчины, возраст 45–55 лет (швы черепа закрыты, а состояние зубной системы очень хорошее, что соответствует более молодому возрасту). Сильно выражены шероховатости на плечевой кости в местах крепления дельтовидной мышцы,

отвечающей за поднятие руки, и в месте крепления большой грудной мышцы, отвечающей за приведение руки к телу. Состояние костной системы позволяет предположить, что индивид отличался невысоким ростом, но массивным телосложением. Предполагаемая длина тела 169–172 см. На нижнем крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки.

Погребение 26. Плохая сохранность костяка. Останки мужчины, возраст смерти не менее 40 лет. Отмечены воспалительные процессы в локтевом и голеностопном суставе. Кости тонкие, грацильные, предполагаемая длина тела 166–167 см. Череп этого погребения (рис. 8) был перезахоронен в могиле погребения 17 (первоначально описан как часть погребения 17). Выражен прогнатизм. На нижнем крае грушевидного (носового) отверстия черепа отмечены предносовые ямки. На плечевых костях хорошо выражен рельеф, особенно в нижней трети кости (место крепления мышц кисти и предплечья).

Погребение 27. Слабая сохранность костяка. Останки женщины (что вероятнее, для достоверно-

го определения пола данных недостаточно) возраст смерти не менее 40–45 лет. Кости очень грацильные, предполагаемая длина тела 162–165 см.

Погребение 28. In situ сохранились только диафизы длинных костей правого предплечья, фрагменты плечевой кости. Вероятнее, мужчина, возраст смерти не определим. Череп этого погребения, перезахороненный в могиле 20 (мужское погребение парного захоронения), был описан как погребение 22. Мужчина 50–55 лет. Сохранился только свод черепа, височные кости, три зуба (стертость очень высокая, премоляры до корня, клык – до нижней части коронки). Свод черепа покрыт язвами, разрушившими кость. Обычно такого рода изменения связаны с заболеванием сифилисом (учитывая дату могильника, это маловероятно). В некоторых случаях подобную картину может давать костный туберкулез.

Общая характеристика выборки. Патологии

Население характеризуется довольно высоким ростом, длина тела мужчин колеблется около отметки 175 см, женщин – около 165 см. Это высокие показатели для Средневековья.

Сохранность костей не позволяет изучить в деталях состояние позвоночника. Однако можно говорить о фиксации остеопороза на позвонках высокого мужчины 35–40 лет погребения 17 и остеофитах (патологических наростах) на поясничных позвонках женщины 35–40 лет из парного погребения 20–21. Грыжа Шморля зафиксирована у высокого мужчины погребения 1.

Что касается особенностей физической нагрузки, то можно сказать, что у изученного населения был более «нагружен» плечевой пояс, причем не только собственно плечо, но также предплечье и кисть (погребения 1, 21, 25).

Особенности антропологического типа

Для населения данного поселения характерно сочетание очень большой высоты черепа с относительно невысоким лицом. Такое сочетание признаков отмечено, например, у карел¹⁰. Но в изученной выборке еще и уплощено переносье, выражен прогнатизм (выступление челюстной области), повышена частота встречаемости предносовых ямок (дискретно-варьирующий генетический признак). Сочетание признаков позволяет сделать предварительное заключение: изученная группа характеризуется некоторыми особенностями антропологического типа, возможно, испытала влияние групп восточнофинского происхождения. Необходимо подчеркнуть, что

¹⁰ Хартанович В. И. О «лапоноидности» на Севере Европы (по антропологическим материалам из могильников Большого Оленьего острова в Кольском заливе Баренцева моря и Южного Оленьего о-ва Онежского озера) // Первобытная и средневековая история и культура Европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 143–156.

частота встречаемости некоторых редких для славян признаков очень высока: так, у 66% группы отмечена особенность строения нижнего края грушевидного (носового) отверстия (так называемые предносовые ямки, fossae praenasales) (рис. 7). Для славян подобное строение края грушевидного отверстия нехарактерно и в больших смешанных выборках частота этого признака не превышает 15–20%¹¹. По всей вероятности, повышение частоты этого нетипичного для славян признака связано с особенностями выборки, то есть с тесным кругом брачных связей внутри небольшого сельского поселения.

Предносовые ямки зафиксированы на всех стадиях существования могильника как у мужчин, так и у женщин. В раннем горизонте погребений он отмечен в двух мужских (25, 26) и одном женском (10) погребении (рис. 4: б). Среди погребений второго этапа он присутствует у мужчины, захороненного в старую могилу (17), мужчины (1) и женщины (24), захороненных с нарушением рядности могил. В наиболее позднем, «парном», захоронении этот признак замечен у женщины из погребения 20 (рис. 4: а).

Анализ измерительных признаков серии из Дунино (табл. 1, 2) позволяет подтвердить сделанные заключения. Несмотря на небольшое количество индивидов, можно заметить, что и в мужской, и в женской подгруппе меньшими значениями отличаются те признаки, которые характеризуют степень выступления переносья, а именно указатели SS:SC, MS:MC и DS:DC. Кроме того, для всей выборки отмечается большее значение высотного диаметра черепа (признак 17) и более широкое носовое отверстие в сравнении с ближайшими в географическом смысле выборками северной и западной частей Подмосковья. Высотный диаметр черепа по мировому масштабу попадает в категорию очень больших величин, особенно это замечание справедливо для женской части выборки.

Микроэлементный анализ костной ткани и особенности биологической адаптации

Коллекция кларков кости, которая была подвергнута микроэлементному анализу¹², включала фрагменты черепных коробок, длинных костей и позвонков из 19 погребений (табл. 3)¹³.

На современном этапе изучения механизмов участия микроэлементов в жизнедеятельности организма человека полученные данные не могут быть однозначно интерпретированы. Тем не менее

¹¹ Алексеева Т. И. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М., 1973.

¹² Микроэлементный анализ был проведен Е. И. Александровской.

¹³ Череп № 19 относится к погребению 10, череп № 22 – к погребению 28.

Таблица 1

Средние размеры и указатели мужских черепов могильника Дунино в сравнении с синхронными сериями Подмосковья. Выделены признаки, отличающие краниологическую серию из Дунино от остальных

Название признака, номер по Мартину	Дунино (кол-во наблюдений)	Козино (Евтеев, 2011)	Звенигород неопубликованные данные*	Дмитров (Гончарова, 2011)
1. Продольный диаметр	182.80 (5)	179.4	183.0	184.13
8. Поперечный диаметр	146.40 (5)	146.3	144.9	142.00
Указатель 8:1	80.21 (5)	81.7	79.1	77.09
17. Высотный диаметр	142.20 (5)	135.5	138.1	137.42
5. Длина основания черепа	104.00 (5)	101.0	104.2	102.92
9. Наименьшая ширина лба	99.40 (3)	98.2	96.9	97.44
11. Ширина основания черепа	129.20 (5)	126.6	-	119.46
45. Скуловая ширина	138.00 (4)	134.8	135.9	133.80
48. Верхняя высота лица	70.25 (4)	69.9	70.0	70.31
Указатель 48:45	49.65 (3)	51.2	51.2	53.99
55. Высота носа	49.88 (4)	50.6	52.5	49.82
54. Ширина носа	26.77(3)	24.8	25.9	25.04
Указатель 54:55	52.38(3)	49.3	49.6	50.52
51. Ширина глазницы	40.00(3)	40.6	41.5	41.98
52. Высота глазницы	32.30(3)	31.9	32.4	32.01
Указатель 52:51	80.80 (3)	78.7	78.1	76.58
<NM, назомаллярный угол	144.10 (1)	139.7	141.2	142.94
<ZM, зигомаксиллярный угол	138.40 (1)	128.9	130.2	130.43
SC, симотическая ширина	11.20 (3)	10.5	10.1	9.58
SS, симотическая высота	3.30 (3)	4.8	3.9	4.03
указатель SS:SC	29.38 (3)	45.7	39.2	42.11
MC, максилло-фронтальная ширина	21.90 (3)	22.8	-	22.44
MS, максилло-фронтальная высота	7.93 (3)	9.5	-	8.99
указатель MS:MC	36.01 (3)	43.2	-	40.50
DC, дакриальная ширина	23.10 (2)	22.8	24,2	24.82
DS, дакриальная высота	10.00 (2)	12.7	12,2	11.98
указатель DS:DC	43.53 (2)	56.3	50.5	48.40
75(1). Угол выступания носовых костей к линии профиля	15.00 (1)	-	32.1	31.10

* Неопубликованные данные по населению Звенигорода: измерения – Н.Н.Гончарова, обработка – Д.С.Конопелькин.

Таблица 2

Средние размеры и указатели женских черепов могильника Дунино в сравнении с синхронными сериями Подмосковья. Выделены признаки, отличающие краниологическую серию из Дунино от остальных

Название признака, номер по Мартину	Дунино (кол-во наблюдений)	Козино (Евтеев, 2011)	Звенигород неопублик. данные *	Дмитров (Гончарова, 2011)
1. Продольный диаметр	186.0 (4)	171.5	175.3	177.26
8. Поперечный диаметр	134.50 (3)	141.7	144.8	139.97
Указатель 8:1	72.50 (3)	83.0	82.7	79.37
17. Высотный диаметр	142.5 (3)	130.1	134.4	134.29
5. Длина основания черепа	109.00 (2)	96.6	99.2	99.36
9. Наименьшая ширина лба	98.70(2)	95.5	95.0	94.72
11. Ширина основания черепа	113.50 (2)	121.8	-	117.63
45. Скуловая ширина	-	127.0	130.7	127.58
48. Верхняя высота лица	64.33 (3)	65.5	66.8	66.71
Указатель 48:45	-	51.7	53.1	51.84
55. Высота носа	46.47 (3)	47.9	49.0	47.52
54. Ширина носа	25.60 (3)	24.4	25.4	24.46
Указатель 54:55	56.43 (3)	51.1	52.2	52.00
51. Ширина глазницы	37.85 (2)	39.4	40.4	40.43
52. Высота глазницы	28.6 (1)	31.4	32.8	31.56
Указатель 52:51	76.47 (1)	79.7	81.2	77.99
<NM, назомалярный угол	139.40 (1)	141.2	144.7	142.09
<ZM, зигмаксиллярный угол	-	130.5	133.4	132.29
SC, симотическая ширина	8.07 (4)	10.2	10.5	8.96
SS, симотическая высота	2.77 (4)	3.8	3.4	3.29
указатель SS:SC	33.49 (4)	37.6	33.4	36.91
MC, максилло-фронтальная ширина	23.96 (3)	21.8	-	21.37
MS, максилло-фронтальная высота	5.97 (3)	8.1	-	7.74
указатель MS:MC	27.02 (3)	37.8	-	36.67
DC, дакриальная ширина	24.37 (3)	22.4	23.9	22.88
DS, дакриальная высота	8.97 (3)	11.6	11.8	10.89
указатель DS:DC	37.87 (3)	52.2	49.5	48.03
75(1). Угол выступания носовых костей к линии профиля	-	23.1	26,2	27.05

* Неопубликованные данные по населению Звенигорода: измерения – Н.Н.Гончарова, обработка – Д.С.Конопелькин.

Микроэлементы в костной ткани Дунинского грунтового могильника ($n \cdot 10^{-5}$)
(по заключению Е. И. Александровской)

Микроэлементы	Fe %	Ni	Cu	Zn	Mn	Pb	As	Sr	Br
№ погребения, из которого исследовался кларк костной ткани	1.5	0.7	1.8	14	10	1.9	0.1	8.5	0.7
1А	0.5	0.4	0.4	16	10	–	–	4.0	3.0
2, позвонок	1.2	0.4	1.5	28	16	–	–	6.0	1.5
2, кость ноги	0.6	0.3	0.5	50	30	–	–	6.0	1.9
6	0.77	1.0	1.2	18	35	–	–	6.0	1.5
10	2.5	0.5	1.0	14	10	–	–	9.0	1.5
14, длинная кость	0.5	0.3	0.4	15	16	–	–	3.0	2.5
14, плоская кость [череп?]	0.5	0.5	1.0	17	15	–	–	3.0	3.0
15, ребенок 10–11 лет [обломки черепа?]	0.5	0.5	0.5	12	30	–	–	4.0	–
15, ребенок 10–11 лет [обломки черепа?]	3.4	0.4	1.0	13	13	–	–	4.5	–
16	4.0	–	0.6	24	18	–	–	5.0	–
17	0.5	1.0	0.5	28	18	–	0.4	7.0	–
17	2.1	1.0	1.5	100	31	–	–	10	–
18	0.95	–	0.8	12	22	–	–	8.0	–
19, длинная кость	0.8	0.3	0.8	28	16	–	–	4.0	3.0
20, череп	1.1	0.5	1.0	32	11	–	–	3.0	1.3
21	1.5	0.5	0.8	22	33	0.5	–	10	2.0
22	4.5	0.4	0.6	9	6	–	–	2.5	–
23, ребенок 2,5–3,5 лет	3.2	0.8	2.0	45	30	–	–	8.0	1.0
24	0.6	0.5	0.5	7	4	–	–	6.0	1.5
25	1.0	0.4	0.6	10	14	0.6	–	6.0	1.5
26	1.3	0.5	1.2	12	11	–	–	6.5	–
27	1.2	0.6	1.5	50	9	–	–	4.0	–
28	2.3	0.8	1.2	14	7	–	–	7.0	0.4
Траншея 2, кости, найденные до начала раскопок	1.0	1.0	1.0	150	13	–	–	4.5	–

* Примечание: цифры верхней строки таблицы обозначают норму содержания микроэлементов.

медицина широко привлекает данные микроэлементного анализа крови для оценки состояния организма и связи этого состояния с образом жизни индивида. Ниже будут высказаны некоторые предположения на этот счет и предложены способы их проверки с помощью сравнения с изложенными выше палеопатологическими наблюдениями.

Как видно из таблицы 3, в костной ткани большинства погребенных зафиксировано низкое содержание железа и меди (за исключением ребенка 2,5–3,5 лет – погр. 23), что объясняется низким уровнем гемоглобина из-за плохого питания. На этом фоне резко выделяются высокие показатели железа у шести погребенных (рис. 4, 5). Во-первых, это все три детские (от 2,5 до 12 лет) погребения (15, 16, 23 – железо превышает норму, соответственно, в 2,2 и 2,5 раза). Двукратное превышение по железу отмечено в раннем погребении женщины 18–25 лет (10). Кроме того превышение по железу (в 1,3 и в 3 раза) наблюдалось у двух мужских погребений. Это по-

гребение 17 мужчины с экстремальными превышениями по марганцу, цинку и мышьяку, и раннее погребение 28 мужчины, череп которого изъязвлен костным туберкулезом.

Скорее всего, эти случаи связаны с обезвоживанием, наблюдаемым при холере или ином инфекционном эпидемическом заболевании. Три погребения с избытком гемоглобина (15, 17, 23) относятся ко второй хронологической генерации могил, которая датируется по слезнице в границах 1375–1425 гг. – не исключено, что часть из них относится к периоду «великого мора» 1417–1426 гг. Впрочем, избыток гемоглобина наблюдается и в более ранних погребениях (10, 16, 28), которые перекрыты могилами 21 и 20.

Устойчиво наблюдается сочетание избытка цинка и марганца. Оно зафиксировано в одном раннем погребении (27) женщины 40–45 лет (в три раза) (рис. 4 б, б) и большинстве поздних погребений (рис. 4 а, б). Цинк и марганец превышают нор-

му в 3 раза в погребении женщины 30–45 лет (2), перебитом погребением женщины со слезницей (6), в котором, в свою очередь, наблюдается превышение по марганцу. Повышенное содержание цинка и марганца (в 1,8 и 3,3 раза) имеет хорошо сохранившееся позднее погребение мужчины 30–35 лет (21 – часть «парного» погребения) и экстремальное по этим показателям позднее погребение мужчины 17 (см. о нем ниже). Трехкратное превышение по цинку и марганцу имеет погребение ребенка поздней генерации (23). Превышение только по цинку в 2 раза имеет женское погребение 20 (часть «парного» погребения). Превышение только по марганцу имеют женское (18) и детское (15) погребения, от которых сохранились только черепа (соответственно в 2,2 и 3 раза). И наконец, 11-кратное превышение значения по цинку дали кости, извлеченные из траншеи 2 до начала раскопок (погребения 31 и 32).

Избыточное содержание марганца в организме имеет связь с ишемической болезнью сердца и инфарктом. Что касается избыточного поступления цинка в организм, то в ходе опытов над животными оно «сопровождалось падением содержания кальция не только в крови, но и в костях, одновременно нарушалось усвоение фосфора, в результате развивался остеопороз»¹⁴.

Связь избытка марганца с этим заболеванием демонстрирует погребение 17 высокого (176–178 см) взрослого мужчины. Микроэлементный анализ костной ткани этого погребения дал экстремальные значения: по цинку превышение – в 7 раз, по марганцу – в 3 раза и по мышьяку – в 4 раза. На правой тазовой кости в области крестцово-подвздошного сочленения отмечены следы воспаления, возможно, следы остеопороза. На поясничных позвонках также обнаружены следы воспаления, обусловленные той же причиной (воспалительные процессы в области малого таза). Таким образом, гипотеза о том, что избыток марганца мог способствовать формированию остеопороза, находит свое подтверждение для могильника Дунино.

Поскольку избыток марганца и цинка в костной ткани зафиксирован у 10 из 20 обследованных погребений, можно говорить о том, что это явление было весьма характерно для данной популяции. По всей видимости, избыток цинка и марганца действительно вел к блокированию усвоения кальция и фосфора, что приводило к деградации костной ткани и остеопорозу.

О том, что запускало этот процесс, можно только догадываться. Стандартным могло бы быть объясне-

ние, которое связывает остеопороз с особенностями обмена веществ в организме женщин в период менопаузы. Избыток цинка и марганца зафиксирован у четырех из семи женщин и у трех из шести мужчин, то есть интересующее нас явление не было присуще женщинам по преимуществу. Кроме того этот избыток выявлен и у всех трех детей, представленных в выборке. В связи с этим можно высказать осторожное предположение, что избыток марганца возникал при доминировании в рационе толокна, изготовленного из овса. Марганец мог поступать и через грибы и орехи. Исследователи указывают на определенный антагонизм цинка и магния – с одной стороны, и железа и меди – с другой. Возможно, что оба эти явления, зафиксированные в Дунино, обусловлены типичным для Средневековья бедным рационом питания.

При хроническом избыточном поступлении марганца характерным считается своеобразное изменение психической деятельности: снижение активности, памяти, ослабление ассоциативных процессов. Однако в нашем распоряжении нет показателей, которые могли бы проверить возможность подобных проявлений в Дунино.

Избыток брома характерен для большого числа погребений (1, 2, 6, 10, 14, 19, 21, 24, 25), в том числе тех, в которых нет превышения по марганцу и цинку (1, 10, 24, 25 – у первых двух превышение в 4 раза). Влияние такого избытка при определенных условиях могло вести к апатии и ослаблению памяти.

Исторические данные

Селище расположено в пределах южной, заречной, части исторической земельной дачи села Козина, план которой был составлен в 1760-е гг.¹⁵ История этого большого земельного владения известна с 1402–1403 гг., когда звенигородский князь Юрий Дмитриевич передал село Козинское с землями Саввино-Сторожевскому монастырю. Судя по тексту жалованной грамоты, до 1402–1403 гг. жители этого владения платили князю следующие налоги и подати: дань, ям, подвода, тамга, осмниче, костки, явка, пересуд, правой десяток. Их судили «наместницы звенигородские и волостели и их тивуни»¹⁶. Состав этого обширного владения, относившегося к селу Козинскому, реконструируется благодаря грамоте 1470–1472 гг., по которой оно было выменено у монастыря звенигородским князем Андреем Васильевичем (сыном Василия II): «Се яз, князь Ондрей Васильевич, менял есмь землями с сторожевским игуменом с Евсевием и со всею братиею. Выменил есмь у них земли монастырские село Козинское да с

¹⁴ Валиев В. С. Биологическая роль цинка [Электронный ресурс] // Общая характеристика обмена цинка в организме. М., 2011. URL: <http://ipenant.ru/ipencontent/index.php/biokhimiya-i-medsina/blog/16-obmen-tsinka-v-organizme-cheloveka> (дата обращения: 09.10.2015).

¹⁵ РГАДА. Ф. 1354. Оп. 256. К-9к.

¹⁶ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 53, С. 79, 80. Датировать эту грамоту можно предположительно как предшествовавшую другой жалованной грамоте, точно датированной 10 мая 1404 г.

ним *селище Дудинское*, да *село Поречкое*, да *деревню Демехово*, да *деревню Власьевскую*, да *селище Колово*, да *селище Ромашково*, да *селище Хрупкино*, да *селище Хрестцово*, да **три селища Власьевские: Ивашково**, да *Григореево*, да *Якушево*, да **Ивашевские селища: Офонасьевское**, да *Яковле*, да *Михненково*, да *Шолухино*, да *деревню Порютино*, да *деревню Зпорскую* (Згарскую – в списке кн. 76. – С. Ч.), да в *Раменье селище Феодорово*, да *селище Офремово*, да *селище Старые*, да *селище Скоморехово*, да **луг под Козином**, да *селище Детково*. А выменил есмь те земли и с лесы, и с пожнями, и со всем с тем, что к тем землям протягло истарины, куде топор, и коса, и соха ходила»¹⁷.

По воспоминаниям старожилов д. Дунино, Власьевским назывался овраг, впадающий в пойму реки Москвы в 150 м к востоку от д. Дунино и верховьем своим выходящий к южному краю полей д. Дунино (рис. 1: а). Кроме того, в районе колодца на Артельском овраге располагались две поляны «Власьевки»: одна (на ней в 1997 г. было выявлено селище) – перед оврагом, а другая – за оврагом. «За колодцем-то ведь тоже посадка, – вспоминал И. Е. Руненков, – где горело-то ... поле было тоже, где прожектора стояли... Я еще помню, когда маленький был, отец лен сеял там, в углу». Н. Н. Залогин, живущий в Дунино с 1950-х гг., уточнил на основании рассказов местных жителей, что «в 41-м году прожектор ставили за оврагом, за артелью "Металлист". На этом (прожекторном) месте действительно рос молодой сажены соснячок, который горел в 1972 году. Слышал, что овраг за артелью назывался Власьевским»¹⁸.

Учитывая, что Шестое Дунинское селище совпадает с кустом Власьевских микротопонимов, и принимая во внимание немалые размеры памятника, его можно уверенно идентифицировать с «деревней Власьевской», упомянутой в грамоте 1470–1472 гг. Следует отметить, что территория Звенигородского удела – одна из немногих, где целенаправленно проводилось археологическое обследование «церковных мест». Однако ни письменных, ни археологических свидетельств существования в деревне Власьевской храма не обнаружено¹⁹.

* * *

Археологические исследования показывают, что селение, следами которого является Шестое Дунин-

¹⁷ АСЭИ. Т. 3. М., 1964. № 58 а. С. 91.

¹⁸ Магнитофонные записи Ивана Егоровича и Зинаиды Тимофеевны Руненковых, 1924 и 1926 гг. рождения, сделаны О. Н. Глазуновой (Чернов С. 3. Комплексные археологические и историко-ландшафтные изыскания для разработки проекта зон охраны памятников истории и культуры усадьбы Поречье. 1997 г. Т. 3. // Архив Минкультуры МО. С. 35–39). Сообщение Н. Н. Залогина 29.07.2012 г.

¹⁹ Алексеев А. В. Церковные древности Звенигородской земли. Очерки церковной археологии. М.; Звенигород, 2008. С. 7–24.

ское селище, возникло в километре от Москвы-реки в XIII в. в удалении от крупных домонгольских поселений (Поречьевские, 1-е и 2-е Дунинские селища) (рис. 1: а). В эпоху расцвета Звенигородского удела при князе Юрии Дмитриевиче (1389–1433) источники застают здесь волостную деревню Власьевскую – одно из наиболее удаленных владений княжеского села Козинского.

Раскопки центральной усадьбы этого селения показали, что в период, когда деревня находилась под управлением Саввино-Сторожевского монастыря (1401–1472), здесь, при большой Можайской дороге, располагался двор скорняка, пользовавшегося весами для тестирования серебряной монеты. Быт этой усадьбы, существовавшей по меньшей мере до середины века, выделялся среди обычных пашенных дворов (билоновый перстень, поливная посуда). У дороги располагалось еще несколько дворов, а в ближайшей округе – три починка.

Жители Власьевской хоронили умерших не у Никольской церкви села Козинского, а за восточной околицей деревни. На той части кладбища, которая была затронута исследованиями, погребения совершались около 1350–1475 гг., причем единственное датированное погребение было совершено в последней четверти XIV или первой четверти XV в. и принадлежало ко второму этапу формирования кладбища. Погребения, совершенные по православному обряду, по большей части безынвентарные (найжены лишь слезница и крест-энколпион), имели рядность, но не были обозначены на земле валунами-голгофами.

Сопряженное рассмотрение микроэлементных и палеопатологических данных свидетельствует о довольно устойчивом уровне адаптации этой группы. Основными проблемами являлись инфекционные болезни и вызванные бедным питанием дегенерация костной ткани (вплоть до остеопороза), что могло приводить к затруднению движения.

Антропологические данные показывают, что для этой группы был характерен тесный круг брачных связей и яркие особенности (высокий череп при невысоком лице, уплощенное переносье, высокая встречаемость предносовых ямок), которые говорят о возможном влиянии в ее сложении восточно-финских групп.

Этнографический облик предков этой группы, которые в XIII в. основали Власьевское, скорее всего, мало отличался от облика погребенных в Поречьевских и Дунинских курганах, для которых был характерен вятичский женский убор²⁰. На это указывает обнаружение в верхнем слое раскопа 2012 г. височного кольца типа «Сельцо» (рис. 3: 38), изготовленного

²⁰ Макарова Т. И., Равдина Т. В. Семилопастные височные кольца с орнаментом // РА. 1992. № 4. С. 70, 74.

не позднее середины XII в.²¹ Это лишний раз свидетельствует о том, что без антропологических исследований говорить о генетических предках носителей вятчического погребального убора преждевременно.

Судьбу этой группы населения можно проследить лишь пунктирно. В XVI в. жители Власьевского перестали хоронить в своей деревне. Возможно, новым местом их упокоения стало кладбище при Никольском храме в селе Козинском²². В 2007–2008 гг. кладбище Никольского храма (в раскоп вошли фундаменты храма 1811 г.) было исследовано на площади 956 кв. м. Зафиксировано 371 погребение, среди которых по медным крестам и другим находкам выделена группа захоронений XVIII в.²³. Погребения более раннего времени (XIV–XVII вв.) нарушены или

²¹ Недошивина Н. Г. К вопросу о генетической связи радимичских и вятчских височных колец // История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980. С. 109–110; Равдина Т. В. Типология и хронология височных колец // Славяне и Русь. М., 1968. С. 140.

²² Здесь найдено белокаменное плиточное надгробие XVI в.: Алексеев А. В. Церковные древности Звенигородской земли... С. 143–147.

²³ Двуреченская Н. Д., Двуреченский О. В., Разуваев Ю. Д. Итоги работ на археологическом комплексе в с. Козино // Археологические открытия 2008 года. М., 2011. С. 136, 137.

переотложены. Антропологическое исследование черепов из Козина показало, что среди переотложенных погребений (изучено 200 черепов) имеется серия, отличающаяся по своим показателям от погребений XVIII в. Ее характерные черты: «длинноголовость, большая высота свода черепа, большая ширина переноса а также среднее выступание носовых костей» – морфологические характеристики, напоминающие черты относительно ранних славянских групп, постепенно исчезающие в средневековом населении²⁴.

Думается, что развитие сопряженных антропологических и историко-археологических исследований могильников типа Дунинского даст импульс целому ряду направлений в изучении населения Московского княжества XIV–XV вв. В частности, выявление восточнофинского компонента в антропологическом облике населения, оставившего Дунинский могильник второй половины XIV–XV в., делает перспективным поиск поселений и могильников IX–XI вв. автохтонного населения Москворечья в районе Дунинского археологического комплекса дьяковской культуры.

²⁴ Евтеев А. А. Краниологическая серия XVIII века из некрополя села Козино... С. 434.

Summary

S. Z. Chernov, N. N. Goncharova

The Populations of Medieval Villages in the Light of Anthropological and Micro-element Research in the Burial-ground at the Village of Vlasievskaya

This article publishes materials from research into the flat-grave burial-ground, which is adjacent to the Sixth Duninskoye Settlement (5.5 kilometres to the East of Zvenigorod). This type of site has now been identified for the first time within the territory of the Moscow region. The Duninskii Burial-ground has been identified as the cemetery provided for the hamlet of Vlasievskaya near the village of Kozinskoye and it dates from the second half of the 14th century and the third quarter of the 15th century. This article presents to the reader the results of archaeological and anthropological investigation of the burial-ground and also data obtained through micro-element analysis of bone tissue from 19 of the 34 burials found in it.

The archaeological research has shown that the Sixth Duninskoye Settlement emerged in the 13th century one kilometre away from the Moscow River and at a considerable distance from any large pre-Mongol settlements. A century after the settlement had appeared, burials were being conducted in accordance with the

Russian Orthodox rite at a depth of between 30 cm and 1.2 metres beneath the ground surface and they were not marked out on the ground above by any “Golgotha” boulders. Most of the burials did not contain any grave goods (apart from a tear vase and an encolpion cross).

The accompanying examination of micro-elements and palaeo-pathological data testifies to the fact that the main problems of adaptation experienced by this group were infectious diseases and the damage to bone tissue resulting from a poor diet (even to the point of osteoporosis), which could lead to mobility problems. Anthropological data reveal that a limited gene pool was typical for this group and also pronounced physical characteristics (a high skull over a low face, a flat bridge of the nose, frequent examples of small fossae praenasales) which would point to the influence of Eastern Finns in their evolution. These observations will help promote new approaches to the study of the involvement of the local population in the ethno-genesis of the Slavs in the valley of the Moscow River.

Природная среда ранних этапов становления г. Ярославля

Основная цель настоящей статьи¹ – установление закономерностей кратковременных изменений природной среды. Особый интерес представляет начальный этап существования Ярославля, который совпадает с важным глобальным палеоклиматическим событием, известным в литературе как средневековый климатический оптимум (X–XII вв.). Возможно, завершающий этап данного события охватывал также часть XIII в. Последний в литературе нередко рассматривается в качестве переходного рубежа к глобальному похолоданию, известному как малый ледниковый период (XIII или XIV–XIX вв.).

В европейской части России с ее многообразием природных зон проявления данных палеоклиматических событий имели свои индивидуальные особенности, которые еще недостаточно изучены. В настоящей работе речь идет о центральном районе лесной зоны. Особое значение при этом приобретает познание внутренней структуры данных климатических событий. Их непродолжительность потребовала определенной модернизации использования палинологического анализа с целью получения высококорреляционной последовательности палеоландшафтных преобразований. В этом плане в корреляционный анализ палинологических материалов вошла совокупность не только геолого-геоморфологических, но и геохронологических данных.

Наконец, необходимо обратить внимание на то, что в связи с современным потеплением климата средневековый оптимум рассматривается некоторыми специалистами, прогнозирующими изменения климата, как один из возможных аналогов, что придает особую значимость избранному направлению исследований.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, гранты: 14-06-00061, 14-06-00046.

Очень кратко изложим наши представления о некоторых особенностях геолого-геоморфологического строения долины Волги. Современная долина Волги состоит из разновозрастных частей. Участок волжской долины между Рыбинском и Ярославлем образовался в позднем плейстоцене. Достоверных доказательств существования более древней долины в данном районе не имеется.

Что касается долины и русла Волги между Рыбинском и Ярославлем, то для них оказываются свойственны прямолинейность и отсутствие меандр. Небольшие изгибы русла имеются лишь непосредственно выше по течению от Тутаева и Норского. Возникновение этих излучин было связано не с процессом меандрирования (т. е. русловыми процессами, свойственными обычным речным потокам), а с обтеканием мощными водными потоками кулисообразно заходящих друг за друга концевых частей моренных гряд соответственно в районе Тутаева времени калининского оледенения, вблизи Рыбинска – осташковского, а в окрестностях Норского – начиная с московского ледникового покрова.

Подобная особенность морфологии русла и долины Волги на рассматриваемом участке была обусловлена важными гидрологическими событиями – катастрофическим спуском приледниковых водных бассейнов, образовавшихся в гляциодепрессиях соответственно калининского и осташковского оледенений. Таким образом, первоначально волжская долина представляла собой главным образом каналы стока талых ледниковых вод, и только позднее этот канал был освоен современной р. Волга. При этом не исключено, что незначительный речной поток мог существовать в среднем валдае, четких проявлений его геологической деятельности пока не обнаружено.

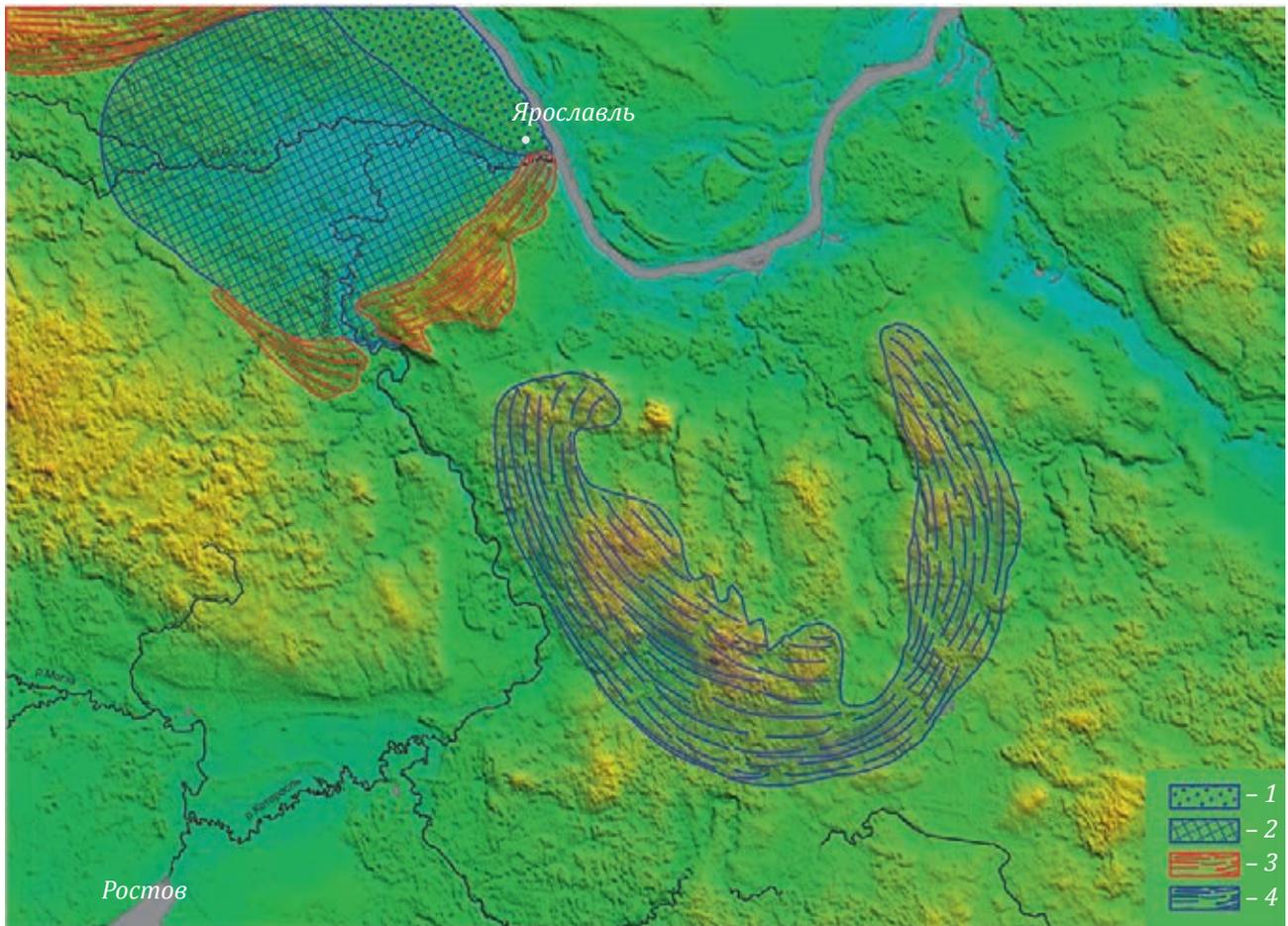

Рис. 1. Геолого-геоморфологическая схема окрестностей Ярославля (автор – Ю.А. Лаврушин):

- 1 – днище калининского и осташковского каналов стока талых ледниковых вод;
- 2 – гляциодепрессия времени калининского оледенения, «запломбированная» мертвым льдом;
- 3 – осцилляционные конечные морены поволжской лопасти калининского оледенения;
- 4 – фрагменты осцилляторной конечной морены московского оледенения

Таким образом, большая часть Ярославля находится не на III и II надпойменных террасах, как обычно считается, а в пределах днищ каналов стока талых ледниковых вод (соответственно калининского и осташковского возраста). По материалам инженерно-геологических скважин, отложения, выстилающие днища каналов стока, представлены главным образом пылеватыми песками, супесями и суглинками мощностью до 6–8 м и не обнаруживают каких-либо известных закономерностей, свойственных строению аллювиальных отложений крупной равнинной реки. Ниже этих образований скважинами были вскрыты как озерные, так и ледниковые отложения.

Упомянутый покров супесчано-суглинисто-песчаных отложений, выстилающих днище каналов стока, скорее всего, можно отнести к отложениям латеральной части мутьевых потоков талых ледниковых вод.

Непосредственно западнее Ярославля расположена обширная гляциодепрессия времени калининского оледенения, в днище которой текут реки Которосль и Пахна. Во время деградации калининского оледенения эта депрессия была «запломбирована» мертвым льдом, восточная часть которого являлась западным бортом канала стока (рис. 1). После таяния ледяной «пломбы» и прекращения стока воды по днищу канала в гляциодепрессии обра-

зовалось палеозеро Тимерёво, названное нами по имени расположенного на его берегу одноименного древнейшего поселения.

Для палеозера Тимерёво, как и для многих озер южной части Ярославщины, были свойственны разнопорядковые и разнонаправленные изменения уровня воды². Восточнее, между палеозером и Волгой, существовал разделяющий их узкий «перешеек», являвшийся фрагментом дна канала стока талых вод и примыкающей к нему части стадиального конечноморенного сооружения калининского оледенения (рис.1). Одной из важных основ расшифровки природно-хозяйственных взаимосвязей являются геологические материалы, которым посвящен следующий раздел настоящей статьи.

Важнейшие особенности строения отложений, вскрытых разрезом на раскопе «Рубленый город»

Палинологические исследования были проведены на основании образцов, отобранных в раз-

² Никитин А.А. Древние поселения и ритмы гидро-сферы // Природа, 1978. № 1. С. 33–43.

зах раскопа «Рубленый город II – 2008 г.» (работы А.В.Энговатовой). Образцы отобраны как из слоев, предшествовавших основанию города (начиная с раннего железного века), так и городских культурных отложений с XI до XVII вв.

Среди отложений, вскрытых разрезом на раскопе «Рубленый город», в генетическом плане установлены осадки нескольких типов. Это прежде всего водные (озерные) отложения, образования почвенно-земледельческой (пахотные и огородные слои) и хозяйственной деятельности (культурный слой) (рис.2, 2а). Под двумя последними типами подразумеваются сохранившиеся участки отложений с проявлениями процессов педогенеза, пахотно-огородные наслоения, скопления в виде строительного мусора, а также нагромождения перемещенных грунтов в виде защитных сооружений (валов). В некоторых частях разреза обнаруживаются разного типа сочетания осадочных образований как естественного типа, так и значительно преобразованных в результате антропогенной деятельности, вплоть до оказавшихся в погребенном состоянии остатков строительных сооружений. Таким образом, изученный разрез оказался достаточно сложным с позиции реконструкции последо-

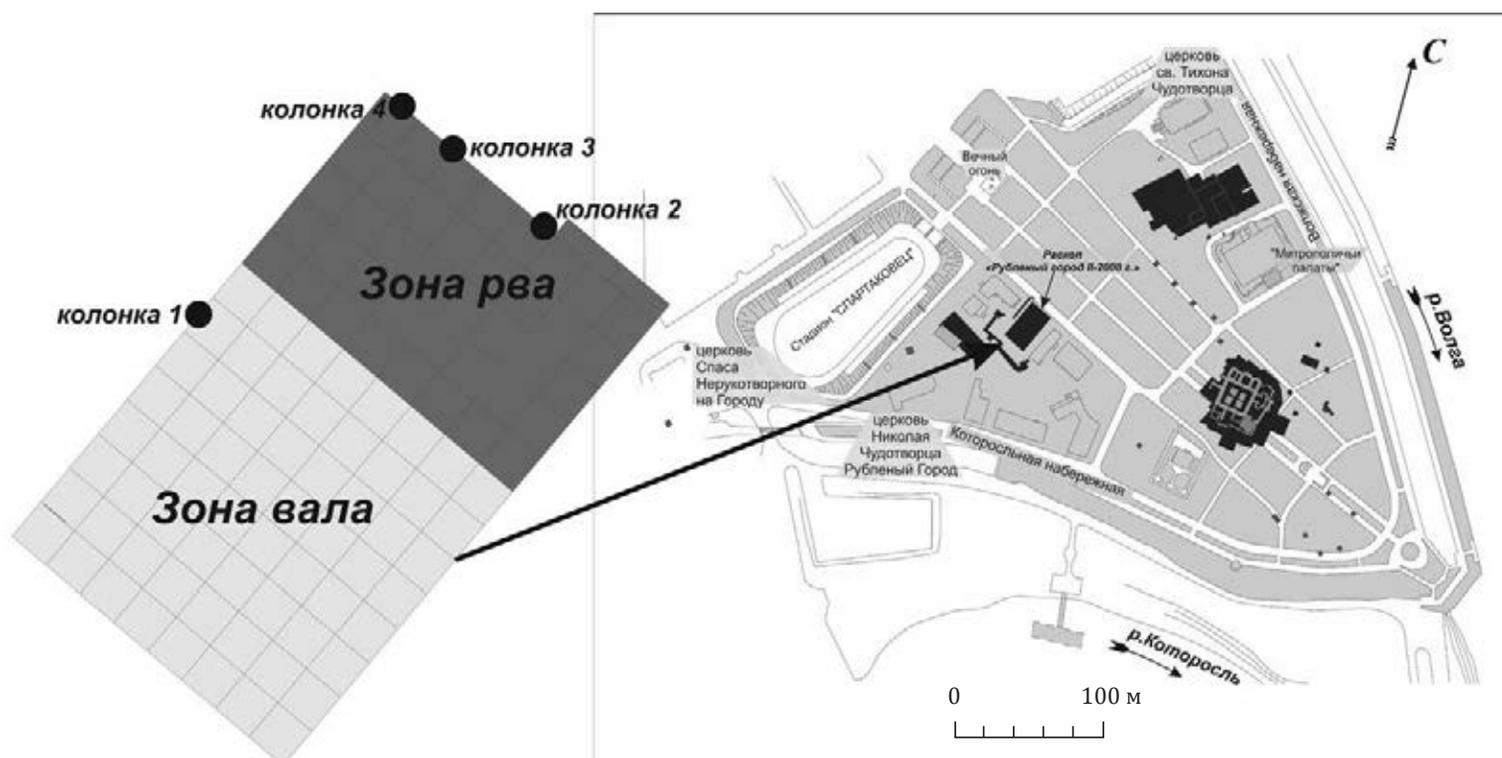
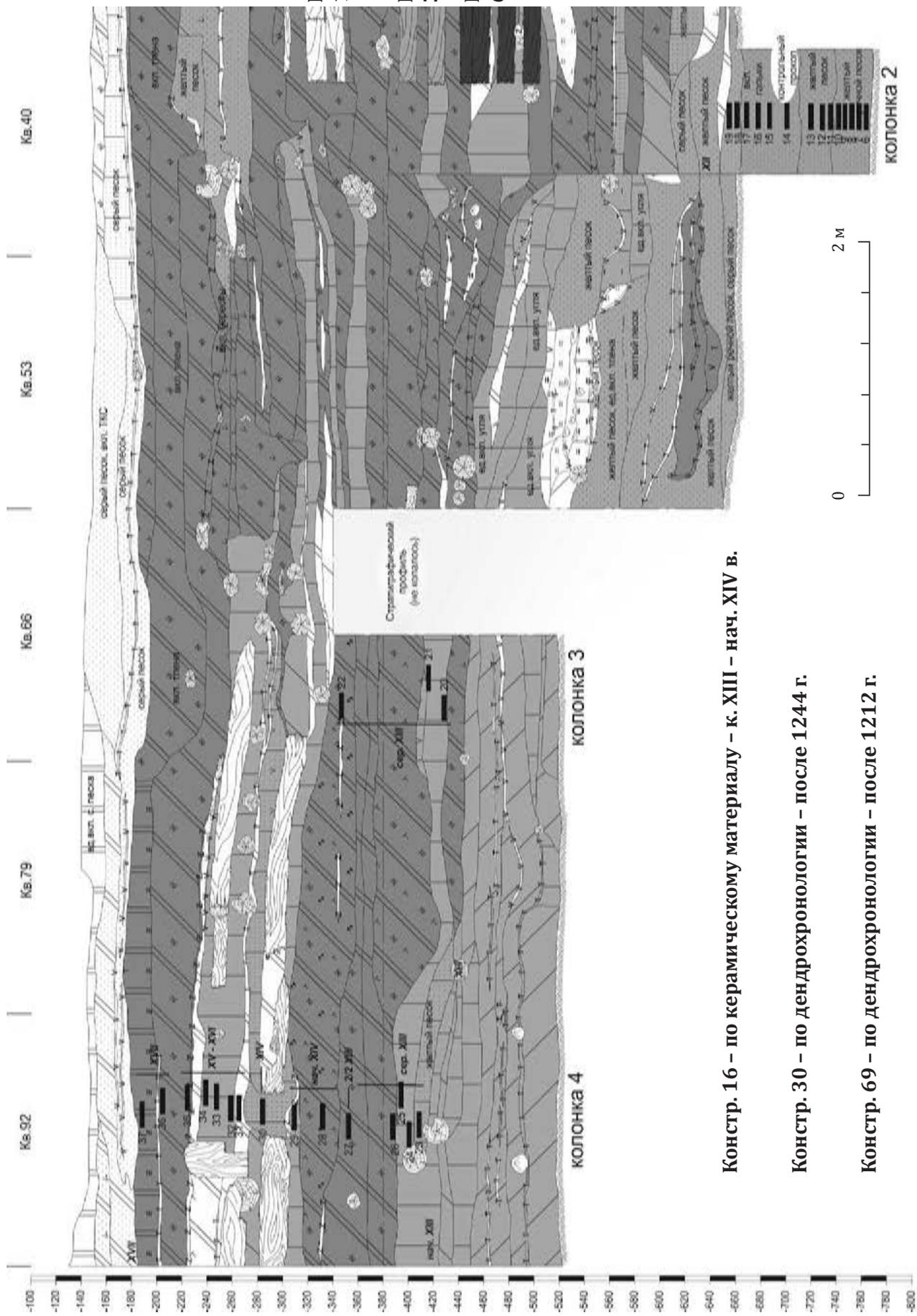

Рис. 2. Схема расположения мест отбора образцов для палинологического анализа. Северо-восточный разрез раскопа «Рубленый город II – 2008 г.» (по материалам архива Ярославской экспедиции ИА РАН)

Констр. 16 – по керамическому материалу – к. XIII – нач. XIV в.

Констр. 30 – по дендрохронологии – после 1244 г.

Констр. 69 – по дендрохронологии – после 1212 г.

Рис. 2а. Строевые разрезы в археологическом раскопе Рубленый город
(по материалам архива археологической экспедиции ИА РАН)

вательности природных событий, и значительных последствий деятельности средневекового человека, а также выявления причинно-следственных связей между ними. Необходимо отметить, что район Ярославля и прилегающая территория оказались чрезвычайно интересными в плане проявления достаточно динамичных природных событий.

Поскольку многие из них запечатлены в изученных отложениях, ниже дается краткое описание разреза, отдельные части которого по мере необходимости будут дополнены в последующих разделах. Снизу вверх в изученном разрезе была установлена такая последовательность вскрытых отложений (рис. 3):

1. Пачка (1) песка коричневатого-бурого, мелкозернистого, с примазками органического вещества и мелкими фрагментами древесного угля. В образцах 5–4 из основания пачки прослеживается тонкий прослой, обогащенный органическим веществом, являющийся, возможно, гумусовым горизонтом погребенной почвы. Второй почвенный горизонт установлен в верхней части пачки и представлен прослоем, также обогащенным органикой (образец 2). Подошва прослоя имеет мелко сосочкоподобный тип, возникновение которого, возможно, связано с корневой системой травянистой растительности. В кровле пачки имеется прослой древесного угля толщиной до 2 см. Из отложений пачки снизу вверх было взято 5 образцов на палинологический анализ (образцы 5–1 – отобраны снизу вверх). Видимая мощность – 0,46 м.

2. Пачка (2) ритмично переслаивающихся прослоев песка и прослоев алеврита. В алеврите содержится растительный детрит, щепы, береста. Песок преимущественно темно-серый, обогащен органикой. Данная ритмично-слоистая пачка отложений относится нами к прибрежно-озерным образованиям. Мощность прослоев изменчива – от 6 до 12 см. На палинологический анализ было взято 12 образцов (№ от 6 до 17). Общая мощность – около 0,7 м.

3. Пачка (3) строительного мусора, представленного скоплением щепы, бересты, обломками веток и проч. На палинологический анализ отобраны образцы 18–22. Мощность пачки изменчива – от 0,6 до 1,3 м.

4. Пачка (4) представлена главным образом аллохтонными скоплениями мелких растительных остатков (мхов, луговых растений, в том числе обводненных участков, фрагментов водной растительности), а также прослоями терригенного алевритового материала. Наиболее важным генетическим индикатором данных отложений является прекрасно выраженная ритмичная слоистость, образованная прослоями алеврита и лежащего на них растительного детрита.

Необходимо отметить еще одну особенность строения отложений рассматриваемой пачки. Эта

черта связана с залеганием заполняющих ров осадков (в качестве рва использовали древнюю депрессию рельефа, видимо, старицу р. Которосли). Слои имеют, поскольку лежат на борту ложбины, четко выраженное падение по направлению наклона поверхности борта ложбины, что, возможно, связано с небольшими проявлениями процесса криппа, сопровождавшими осадконакопление.

Наконец, еще один важный момент. В строении отложений данной пачки имеются линзоподобные включения песка, возникновение которых было обусловлено процессами мелкоочагового гравитационного «языкового» или потоковидного сползания намоченного песка по поверхности борта ложбины в виде зачаточных проявлений течения «грязевых» микропотоков.

В зависимости от сочетания и преобладания в пачке того или иного материала в ее строении было выделено четыре подпачки – 4а, 4б, 4в, 4г.

Подпачка 4а (с условной верхней границей) представлена скоплением растительного детрита, матрикс которого представлен мелкозернистым песком.

В подпачке содержатся линзовидные неправильной формы включения песка. В основании данной подпачки имеется прослой того же песка мощностью до 10 см. Отмеченные линзовидные включения и песчаный прослой в основании подпачки практически не содержат растительного детрита. Это является одним из оснований отнесения этих образований к отложениям упоминавшихся выше сплывов намоченного песка. Образцы 23–26. Мощность подпачки – до 0,4 м.

Подпачка 4б – отложения представлены ритмично-наслоенными слоями аллохтонного растительного детрита и алеврита. Значительна примесь песка, что может свидетельствовать об интенсивности процессов сплывания песчаного материала; имеется примесь крупного плавника в виде стволов и ветвей деревьев. На глубине около 10–15 см от кровли подпачки, в толще последней, содержится значительное количество мелких фрагментов древесного угля. Мощность отложений подпачки, обогащенной углем, составляет около 0,15 м. Не исключено, что на прилегающей территории был крупный пожар. Из этой подпачки на палинологический анализ отобраны образцы 27–31. Мощность – 0,4–0,6 м.

Подпачка 4в – отложения представлены мелкозернистым песком, в котором имеются короткие линзы мелких фрагментов древесного угля. Образцы 32–34. Мощность отложений подпачки – 0,3–0,4 м.

Подпачка 4г – отложения представлены образованиями, полностью аналогичными слагающим подпачку 4б, но без заметного обогащения древесным углем. Образцы 35–37. Мощность – около 0,8 м.

Приведенный разрез избран для отбора образцов на палинологический анализ.

Реконструкция палеоландшафтов средневекового климатического оптимума по результатам палинологического анализа отложений на раскопе «Рубленый город»

Полученные результаты палинологического анализа в настоящем разделе демонстрируются в непривычном виде. В связи с кратковременностью природных событий авторы сочли целесообразным демонстрировать палинологические данные в виде спорово-пыльцевых диаграмм, построенных отдельно для каждой пачки отложений изученного разреза. При этом номера диаграмм совпадают с номерами выделенных пачек.

На диаграмме 1 (рис. 3) показаны результаты исследований пачки 1, которые позволили выделить в ее отложениях три спорово-пыльцевых комплекса.

I спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна, с участием березы) охарактеризован по образцам 4 и 5, отобранным, возможно, из древнего пахотно-огородного слоя. В образцах много золы, кусочков полуистлевшей древесины и других органических остатков.

В общем составе значение пыльцы травянистых растений составляет 13–19%, споры насчитывают 27–30%, пыльца древесных пород – 52–60%.

В группе древесных пород преобладает пыльца ели (*Picea*) (43–54%), пыльца сосны (*Pinus*) составляет около 37%, а пыльца березы (*Betula*) – 4–13%. Единично появляется пыльца ивы (*Salix*).

Среди травянистых растений доминирует пыльца злаков (*Poaceae*) (49–51%), в том числе и культурных видов. Разнотравье (в сумме 32–37%) представлено пыльцой семейств гречишных (*Polygonaceae*) (в том числе *Polygonum amphibium*), кипрейных (*Onagraceae*) (6%), крестоцветных (*Brassicaceae*), яснотковых (*Lamiaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), цикориевых (*Cichoriaceae*), астровых (*Asteraceae*).

Состав споровых растений образован преимущественно папоротником орляк (*Pteridium*) (24–28%) и другими папоротниками семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (17–36%), а также зелеными мхами (*Bryales*) (18–36%) и спорами сфагновых мхов (*Sphagnum*), хвощей (*Equisetum*), уховника (*Ophioglossum*) и плаунов (*Lycopodium clavatum*), встреченными в небольших количествах.

Согласно результатам анализа, рассматриваемый слой образовался в период, когда лес являлся зональным типом растительности. Широкое развитие здесь получили еловые и елово-сосновые леса, в состав которых в виде примеси входили широколиственных породы: липа, дуб, лещина. Постоянное присутствие в спектрах папоротников свидетельствует о хорошо развитых лесных сообществах. Преобладание ели в лесах того времени, бесспорно,

связано с холодным и влажным климатом. Состав растительных сообществ открытых местообитаний был достаточно разнообразен, особенно среди влаголюбивых луговых группировок. В составе спектров установлено присутствие в небольшом количестве культурных форм злаков.

II спорово-пыльцевой комплекс (ель, береза, с участием сосны) охарактеризован по образцу 3, где в большом количестве присутствуют полуистлевшая древесина, а также зола и угольки. Определена древесина сосны.

В общем составе обнаружено пыльцы древесных пород 56%, пыльцы травянистых растений 25%, споры составляют 19%.

В составе древесных пород происходят существенные изменения: роль пыльцы ели (*Picea*) уменьшается до 34%, а пыльцы сосны (*Pinus*) – до 23%. Заметно возрастает значение пыльцы березы (*Betula*), достигая 35%, немного увеличивается роль пыльцы широколиственных пород (3%). Единично и в небольших количествах отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) и лещины (*Corylus*).

В группе травянистых растений доминирует пыльца разнотравья (59%). Это происходит в первую очередь за счет появления большого количества пыльцы кипрейных (*Onagraceae*) – 32%. Также в состав разнотравья в небольших количествах и единично входит пыльца гречишных (*Polygonaceae*) (в том числе *Polygonum amphibium*), крестоцветных (*Brassicaceae*), цикориевых (*Cichoriaceae*), астровых (*Asteraceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*) и синюхи (*Polemonium*). Злаков (*Poaceae*) становится меньше (15%), а осок (*Cyperaceae*) существенно больше (20%).

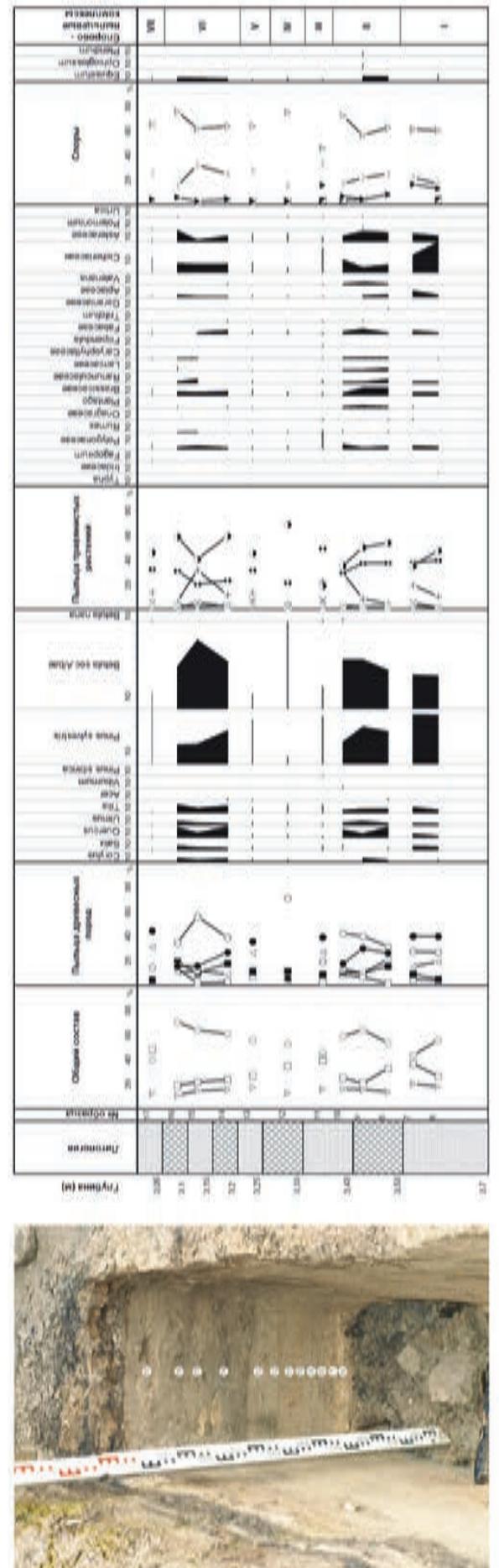
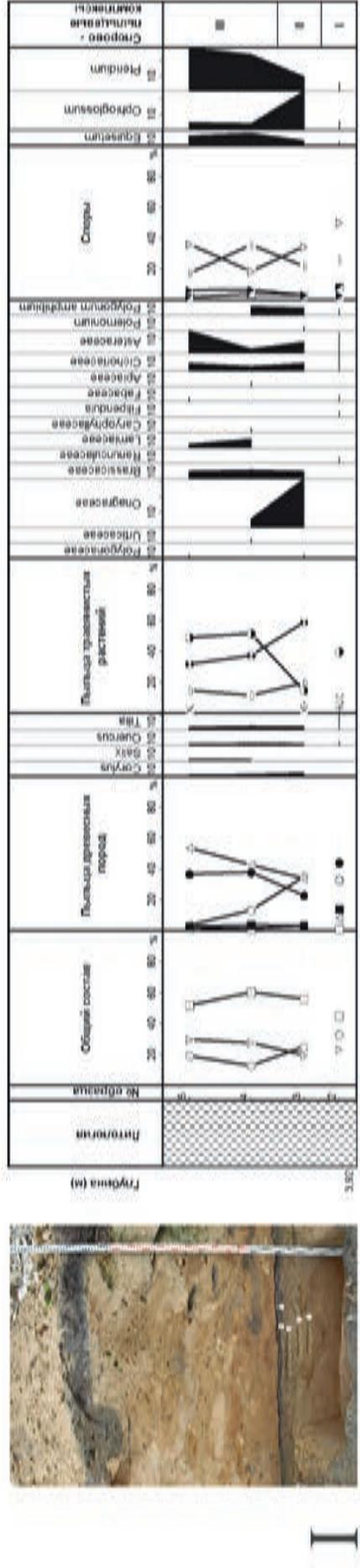
Среди споровых растений сокращается роль зеленых мхов (*Bryales*) (34%) и резко возрастает количество спор уховника (*Ophioglossum*) (25%).

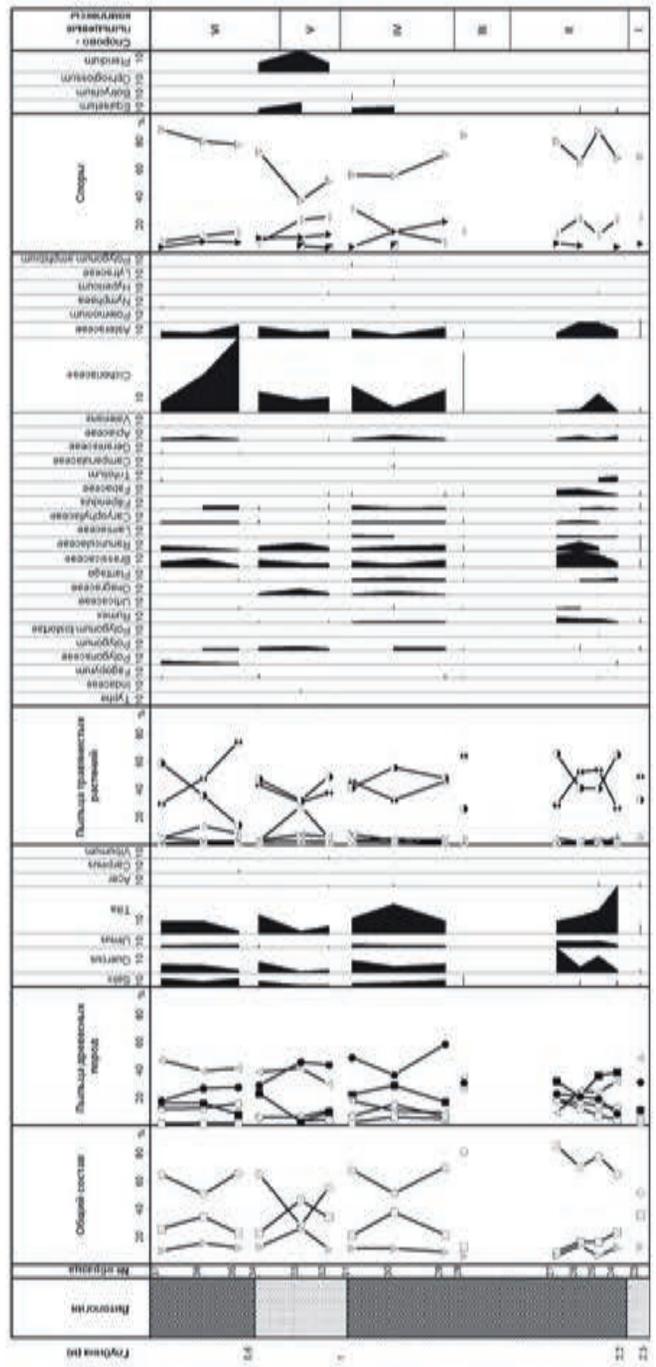
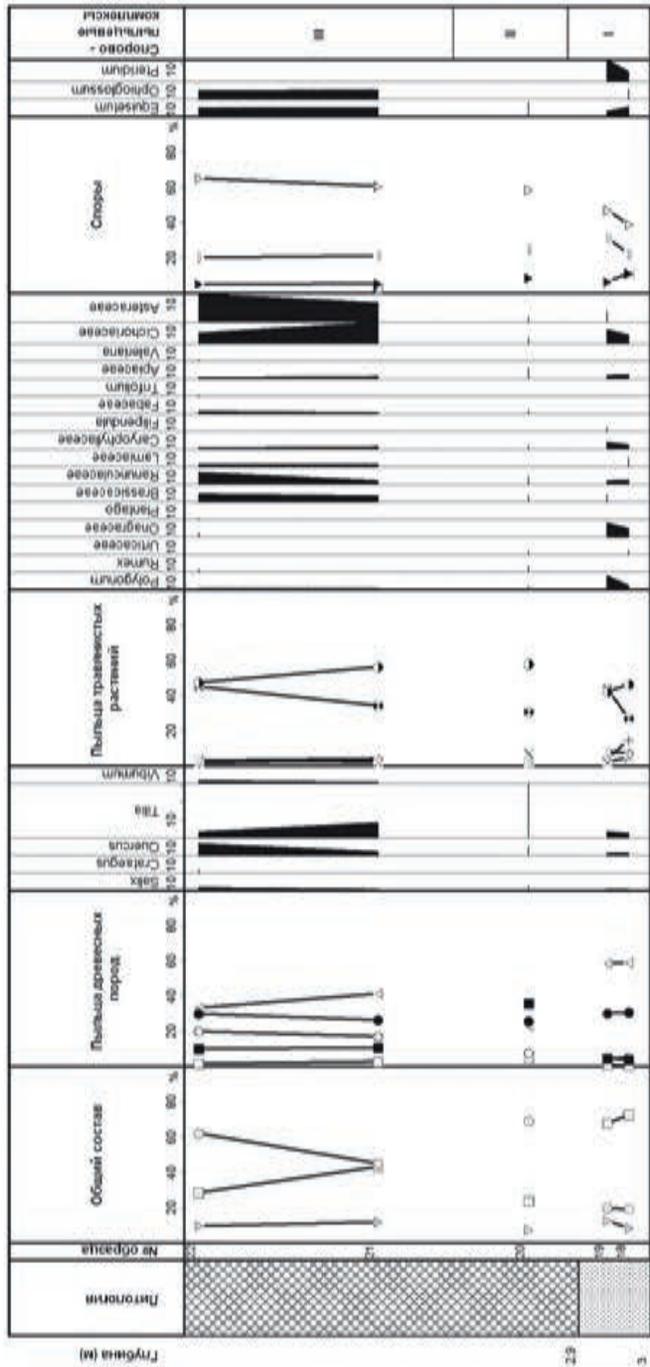
Сравнительный анализ полученного спектра позволяет обратить внимание на иной состав естественных группировок в растительном покрове. Возможно, это было связано с крупным пожаром. Перестройка ландшафта нашла свое отражение в первую очередь в изменении состава лесных массивов. Пожар в большей степени уничтожил хвойные породы (ель, сосна), на смену которым пришли вторичные березняки. Изменился состав биоценозов открытых ландшафтов за счет отсутствия сельскохозяйственных угодий. Возросла роль синюзий кипрея (сем. *Onagraceae*), характерного растения, произрастающего на пожарищах.

Таким образом, по результатам палинологического анализа фиксируются два события. Первое из них свидетельствует о прекращении сельскохозяйственной деятельности в данном конкретном месте. Второе – наличие пожара.

Представление об изменившемся зональном типе растительности было получено по результатам

Рис. 3. Отложения из разреза «Рубленый город» и палинологические диаграммы по образцам: I – пачки 1; II – пачки 2; III – пачки 3; IV – пачки 4

палинологических исследований образца, взятого из погребенной почвы (образец 2), где был выделен **III спорово-пыльцевой комплекс (сосна, береза).**

В общем составе преобладает пыльца древесных пород (45%), содержание пыльцы травянистых растений – 32%, на споры приходится 23%.

В группе древесных пород больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (44%) и березы (*Betula*) (33%). Пыльца деревьев широколиственных пород составляет около 14% и представлена дубом (*Quercus*) (3%) и липой (*Tilia*) (11%). Содержание пыльцы ели (*Picea*) 8%. Единично отмечена пыльца ольхи (*Alnus*).

Среди травянистых растений содержание пыльцы разнотравья и злаков (*Poaceae*) равно и составляет 40%. Пыльца злаков хорошей сохранности, она объемна, среди обнаруженных пылинок присутствуют культурные формы крупных размеров. В составе разнотравья чаще всего встречается пыльца семейств цикориевых (*Cichoriaceae*) (11%) и астровых (*Asteraceae*) (13%), также отмечена пыльца семейств лютиковых (*Ranunculaceae*), бобовых (*Fabaceae*), а также таволги (*Filipendula*), горца земноводного (*Polygonum amphibium*) – примерно по 4%. Содержание пыльцы осок (*Cyperaceae*) составляет 7%, маревых (*Chenopodiaceae*) – 9% и полыней (*Artemisia*) – 4%. Важно обратить внимание на присутствие пыльцы горца земноводного (*Polygonum amphibium*) – растения, которое является длиннокорневищным земноводным многолетником. Оно произрастает в реках, озерах, старицах, прудах, а наземная форма встречается по берегам водоемов.

Споровые представлены преимущественно зелеными мхами (*Bryales*) (50%) и папоротниками семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (26%), единично и в небольших количествах встречены споры сфагнового мха (*Sphagnum*), хвоща (*Equisetum*), уховника (*Ophioglossum*), орляка (*Pteridium*), плауна (*Lycopodium clavatum*).

Исходя из состава спектра, в это время лес наряду с открытыми ландшафтами, как и ранее, преобладал в растительном покрове территории. Однако широкое развитие имели только сосновые и березовые леса с участием широколиственных пород, среди которых господствовала липа и в меньшей степени дуб. Климат стал теплее.

Среди луговой растительности были развиты не только мезофильные сообщества. На более увлажненных участках произрастала влаголюбивая растительность с участием осок, таволги, горца земноводного, а из споровых растений присутствовали сфагновый мох, хвощ, уховник. Описанный состав спектра указывает на его формирование в непосредственной близости от водоема.

Проведенные палинологические исследования отложений этой части разреза позволили устано-

вить три важных момента. Первый из них – изменения зонального типа растительности, что отразилось прежде всего в преобладании сосны и березы в составе лесных массивов в Средневековье, а также в нарастающей роли широколиственных пород. Естественно, подобные изменения были обусловлены кратковременными палеоклиматическими событиями, отражающими тренд общего потепления климата. Второй момент – это локальные изменения, связанные с возобновлением сельскохозяйственной деятельности. Третий – пожары.

Палеоландшафты времени наиболее теплого этапа Средневековья (XI–XII вв.)

Палеоландшафты времени оптимума потепления реконструированы по результатам палинологических исследований образцов, взятых из пачек 2, 3, 4 вышеописанного разреза.

По результатам анализа образцов из отложений пачки 2 (диаграмма 2) было выделено семь спорово-пыльцевых комплексов (рис. 3).

По составу спектров все комплексы можно разделить на две группы. Одна характеризуется песчаными прослоями и отличается большим количеством пыльцы сосны (I, III, V), вторая группа включает повышенное содержание пыльцы березы и характеризует прослой растительного детрита (II, IV, VI спорово-пыльцевые комплексы). Отличие состоит и в различной сохранности пыльцы и спор. Так, в песках часто встречаются рваные пыльцевые зерна и споры, здесь меньше органических остатков травянистых растений, но много кусочков древесины хвойных пород. В терригенно-органогенных отложениях пыльца и споры хорошей сохранности, много остатков травянистых растений, в то время как истлевшей древесины значительно меньше. Встречаются водоросли рода *Pediastrum*.

Во многом первая группа спектров повторяет спектры комплекса III диаграммы 1, хотя здесь отмечено большее количество пыльцы сорных растений за счет семейств цикориевых, родов полыней и подорожника.

Вторая группа спектров дает большее представление о реально существующем растительном покрове изученной территории. Исходя из состава палинологических спектров, в это время общая облесенность была небольшой и постепенно уменьшалась со временем. Климат был близок к оптимальным условиям Средневековья. В целом ландшафт исследованной территории был полуоткрытый.

Среди лесных массивов преобладали смешанные леса, образованные березой, режей сосной и елью, с постоянным участием широколиственных пород: дуба, липы, вяза, а в подлеске с лещиной. В наиболее влажных местообитаниях селилась ива. Состав тра-

вянистых растительных группировок характеризовался значительной сложностью, обусловленной геоморфологическими особенностями территории. Луговая растительность была богата как мезофильными видами, так и сообществами влажного разнотравья (лютики, щавель, валериана, возможно, герани). Присутствие человека проявилось не только в возросшей роли сорной растительности (подорожник, крапива), но и, что самое главное, в наличии во всех спектрах пыльцы культурных злаков, которая иногда образует большие скопления пыльцевых зерен. Возможно, пахотные угодья были не очень велики по площади, но располагались где-то недалеко от изученного объекта.

Самый верхний образец 17 (комплекс VII) взят из прослая песка, где содержалось много остатков древесины и единичных угольков.

От всех вышеописанных спектров, выделенных в песках, данный отличается только более высоким процентом участия пыльцы древесных пород в общем составе и возросшей ролью ели среди древесных пород. Постоянство состава пыльцы и спор в песчаных толщах (I группа спектров) и однородность почти всех компонентов в отложениях растительного детрита (II группа спектров) позволяют полагать, что в целом преобладали кратковременные процессы осадконакопления. В этом плане достаточно посмотреть на спорово-пыльцевую диаграмму, по которой видны лишь незначительные отличия спектров (рис. 3).

Следующая пачка 3 отложений (диаграмма 3) представлена строительным мусором. Эти образования свидетельствуют об интенсивной строительной деятельности населения Ярославля. Здесь из отложений пачки изучено пять образцов. По результатам анализа выделено три спорово-пыльцевых комплекса.

I спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна)

Общий состав данного комплекса характеризуется значительным содержанием пыльцы древесных пород (68–73%), пыльцы травянистых растений – около 19%, на споры приходится 8–13%.

В группе древесных пород больше всего пыльцы ели (*Picea*) (59%) и сосны (*Pinus*) (31%), в небольших количествах отмечена пыльца березы (*Betula*) (около 5%) и широколиственных пород (4–5%): дуба (*Quercus*), липы (*Tilia*). Единично встречается пыльца ольхи (*Alnus*) и ивы (*Salix*).

Среди травянистых растений довольно много злаков (*Poaceae*) (42–46%), содержание пыльцы осок (*Cyperaceae*) (7–8%), маревых (*Chenopodiaceae*) (2–5%) и полыней (*Artemisia*) – от 4 до 15%. Роль разнотравья колеблется от 27% в низах комплекса до 44% в его верхах. Разнотравье представлено пылью гречишных (*Polygonaceae*), кипрейных (*Onagraceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), яснотковых (*Lamiaceae*),

гвоздичных (*Caryophyllaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), цикориевых (*Cichoriaceae*), астровых (*Asteraceae*), крапивы (*Urtica*), таволги (*Filipendula*).

Споровые растения представлены преимущественно зелеными мхами (*Bryales*) (39–47%) и папоротниками семейства *Polypodiaceae* (22–31%). Также отмечены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*) и плаунов (*Lycopodium clavatum*), орляка (*Pteridium*), хвощей (*Equisetum*), ужомника (*Ophioglossum*).

Приведенный состав спектров позволяет утверждать, что основную роль в ландшафте в это время играли еловые и сосново-еловые леса с очень небольшим участием широколиственных пород – липы и дуба. Значение открытых, свободных от леса территорий было очень невелико. Открытые пространства были заняты влаголюбивыми лугами, а местами, возможно, заболочены. Интересно отметить присутствие пыльцы семейства кипрейных (*Onagraceae*), наличие которой часто связано с местами пожарищ. На нарушенность почвенного покрова, возможно, человеком указывает пыльца сорных растений семейства гречишных (*Polygonaceae*) и рода крапивы (*Urtica*), а из споровых – папоротников рода *Ophioglossum*.

II спорово-пыльцевой комплекс (сосна, широколиственные породы с участием ели и березы)

В общем составе начинает господствовать пыльца травянистых растений (70%), а содержание пыльцы древесных пород сокращается до 24%. На споры приходится 7%. Такие резкие изменения позволяют говорить о наличии перерыва между I и II комплексами.

Среди древесных пород резко сокращается содержание пыльцы ели (*Picea*) (23%) и увеличивается количество пыльцы широколиственных пород (36%), представленных преимущественно липой (*Tilia*) (31%), а также дубом (*Quercus*) (5%). Роль пыльцы сосны (*Pinus*) почти не меняется (26%), а березы (*Betula*) становится немного больше (8%). Единично отмечена пыльца ольхи (*Alnus*) и ивы (*Salix*).

В группе травянистых растений можно отметить увеличение роли пыльцы злаков (*Poaceae*) (58%). Причем встречено пять почти целых пыльников культурных форм. Содержание пыльцы осок (*Cyperaceae*) снижается до 2%, а семейства маревых (*Chenopodiaceae*) увеличивается до 7%, полыней (*Artemisia*) – около 3%. Содержание разнотравья составляет 31%. Его состав в целом близок предыдущему комплексу. Немного увеличивается роль пыльцы семейств зонтичных (*Apiaceae*) (до 6%) и лютиковых (*Ranunculaceae*) (до 4%), единично встречается пыльца щавеля (*Rumex*).

Споровые растения представлены в основном зелеными мхами (*Bryales*) (59%), папоротниками семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (25%) и хвощами (*Equisetum*). В целом же значение споровых растений в спектре невелико.

Насколько можно судить о характере растительного покрова в самом начале формирования рассматриваемой толщи (по сравнению с предыдущим этапом), значение лесных массивов в ландшафте территории не только сильно сократилось, но и состав слагающих видов стал иным. Эти изменения, скорее всего, связаны с заметным изменением климата. Помимо возросшей роли сосны в лесах этого времени существенно возросла роль липы и дуба. Присутствие ивы и ольхи можно связать со значительным увлажнением отложений. Помимо изменения в составе леса существенно увеличились площади, занятые полями. Пыльца злаковых не только очень хорошей сохранности, она разнообразна по строению самих зерен – как по размеру, так и по форме. Наличие пыльников культурных злаков говорит об отсутствии транспортировки пыльцы. Растительность лугов играла подчиненную роль.

III спорово-пыльцевой комплекс (ель, с участием сосны и березы) имеет почти одинаковое содержание в общем составе пыльцы древесных пород и травянистых растений (46 и 43 % соответственно). На споры приходится 11 %.

По сравнению с предыдущим комплексом в группе древесных пород снова возрастает содержание пыльцы ели (*Picea*) до 33–42 %, березы (*Betula*) – до 20 %, сосны (*Pinus*) – 26–30 %. Пыльца деревьев широколиственных пород становится меньше, около 11 %. Единично отмечена пыльца ивы (*Salix*), боярышника (*Crataegus*) и калины (*Viburnum*).

Среди травянистых растений количество пыльцы злаков (*Poaceae*) составляет 47–56 % (становится больше крупных форм), осок (*Cyperaceae*) – около 3–4 %, маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*) – около 2–3 %. Разнотравье занимает 34–45 %, в его составе возрастает роль пыльцы растений семейств астровых (*Asteraceae*) (11–16 %) и цикориевых (*Cichoriaceae*) (6–12 %). Вновь появляется пыльца семейства кипрейных (*Onagraceae*). Также отмечена пыльца подорожника (*Plantago*) и валерианы (*Valeriana*).

Споровые растения представлены зелеными мхами (*Bryales*) (60–65 %) и папоротниками семейства многоножковых (*Polypodiaceae*) (20 %). Единично встречены споры сфагновых мхов (*Sphagnum*), хвоща (*Equisetum*), плауна (*Lycopodium clavatum*) и уховника (*Ophioglossum*).

Судя по изменению спектров, в это время произошло незначительное похолодание климата, которое способствовало увеличению роли ели и сокращению содержания липы и дуба в составе лесных массивов. Значение ольхи и ивы сохранилось на прежнем уровне.

Таким образом, можно констатировать, что основная роль в ландшафтах принадлежала еловым и елово-сосновым лесам с небольшой примесью

широколиственных пород. Тем не менее заметные изменения в ландшафте фиксируются по II спорово-пыльцевому комплексу за счет увеличения присутствия в лесах липы, дуба, сосны и, соответственно, уменьшения роли ели. В III комплексе возрастает содержание ели, березы и уменьшается роль широколиственных пород. Подобные различия в составе южнотаежных лесов, скорее всего, связаны с климатическими событиями, т.е. свидетельствуют о кратковременных, но заметно отражающихся в ландшафтах разнонаправленных изменениях климата. При этом необходимо помнить, что между I и II комплексами установлен перерыв, продолжительность которого неизвестна. Поэтому весь ход климатических изменений остается в этой части разреза не полностью восстановленным. Наряду со значительной ролью строительства, отмеченной при описании состава отложений, устанавливаются различия в интенсивности сельскохозяйственной деятельности. Особенно это заметно при сравнении I комплекса с последующими. Возможно, это было связано как с меньшей ролью открытых пространств в то время, так и с пока еще незначительной численностью населения. Некоторое сокращение пыльцы злаковых, фиксируемое III комплексом, наиболее вероятно, было обусловлено большей заболоченностью окрестностей.

Отложения пачки 4, как отмечалось, подразделены на 4 подпачки. Основной материал, слагающий пачку, – аллохтонный растительный детрит. В основании подпачки – прослой песка (образец 23), затем детрит с линзами песка (образцы 24–31), выше зеленовато-серый песок (образцы 32–34); верх разреза – вновь растительный детрит (образцы 35–37). Из данного разреза было исследовано 15 образцов, по результатам анализа выделено шесть спорово-пыльцевых комплексов. Все комплексы отделены друг от друга перерывами (рис. 2, 3).

I спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна) охарактеризован по образцу 23 (глубина отбора – 2,26 м) из прослоя песка в основании подпачки 4а. От последующего комплекса отделяется перерывом. В образце имелись кусочки древесины ели, угольки и неопределимые растительные остатки.

В общем составе больше всего пыльцы травянистых растений – 52 %, пыльцы древесных пород – около 36 %, на споры приходится 13 %.

В группе древесных пород больше всего ели (*Picea*) (49 %) и сосны (*Pinus*) (31 %), единично и в небольших количествах отмечена пыльца ольхи (*Alnus*), березы (*Betula*), ивы (*Salix*). Пыльца широколиственных пород немного (11 %), они представлены дубом (*Quercus*), липой (*Tilia*) и кленом (*Aser*).

Среди травянистых растений установлена значительная роль разнотравья (49 %), много злаков (*Poaceae*) (32 %); содержание пыльцы осок

(*Cyperaceae*), маревых (*Chenopodiaceae*) и полыней (*Artemisia*) примерно по 6%. Состав разнотравья довольно разнообразен: имеется пыльца гречишных (*Polygonaceae*), крестоцветных (*Brassicaceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), яснотковых (*Lamiaceae*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), цикориевых (*Cichoriaceae*), астровых (*Asteraceae*), щавеля (*Rumex*), таволги (*Filipendula*), синюхи (*Polemonium*).

Споровые представлены преимущественно зелеными мхами (*Bryales*) (69%) и папоротниками семейства *Polypodiaceae* (25%), единично встречаются споры сфагнового мха (*Sphagnum*).

На этом этапе около «Рубленного города» были чаще распространены сосново-еловые леса с участием широколиственных пород, по составу близкие таковым в комплексе III диаграммы 3. Возможно, большая заболоченность низин способствовала сокращению пахотного клина и преобладанию влаголюбивых лугов с щавелем (*Rumex*), таволгой (*Filipendula*), синюхой (*Polemonium*), лютиками (*Ranunculaceae*).

II спорово-пыльцевой комплекс (широколиственные породы, ель, с участием сосны и березы) охарактеризован по образцам 24–27 (глубины отбора – 2,16; 2,08; 2,0 и 1,9 м соответственно) из слоя растительного детрита с линзами и прослойками песка (подпачка 4а). От предыдущего и последующего комплексов отделен перерывом.

В общем составе начинают господствовать травянистые растения (65–85%), содержание пыльцы древесных пород сокращается до 9–23%, на споры приводится 6–13%.

Состав древесных пород довольно разнообразен, больше всего пыльцы широколиственных пород (21–38%) и ели (*Picea*) (9–32%), также довольно много пыльцы сосны (*Pinus*) (9–23%), березы (*Betula*) (13–18%), ольхи (*Alnus*) (особенно в верхах комплекса – до 18%), единично и в небольших количествах отмечена пыльца ивы (*Salix*). Широколиственные породы представлены дубом (*Quercus*) (2–18%), липой (*Tilia*) (9–34%) и единично кленом (*Acer*) и вязом (*Ulmus*).

В группе травянистых растений необходимо отметить значительное увеличение роли злаков (*Poaceae*) (41–65%). Содержание разнотравья составляет от 26 до 54%. Его состав в целом близок предыдущему комплексу, но необходимо отметить появление пыльцы подорожника (*Plantago*), крапивы (*Urtica*), увеличение роли крестоцветных (*Brassicaceae*), цикориевых (*Cichoriaceae*), астровых (*Asteraceae*), возможно, связанных с хозяйственной деятельностью населения. Характер споровых аналогичен предыдущему комплексу.

Во время формирования этого комплекса о наличии перерыва с предыдущим этапом свидетельствует совершенно иной характер спектров.

В общем составе вверх по разрезу происходит постепенное уменьшение количества пыльцы древесных растений (23–9%). Состав слагающих видов и их процентное участие по сравнению с предыдущим этапом резко изменилось. Можно говорить о существовании небольших перелесков, образованных коренными лесами с елью, сосной, и участков широколиственного леса. По этим показателям данный комплекс отражает наиболее оптимальные условия внешней среды, которые удалось проследить по всем четырем пачкам отложений данного памятника. На протяжении существования этого эпизода антропогенное влияние на ландшафт территории менялось, скорее всего, из-за повышенного увлажнения приповерхностных грунтов.

III спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна, береза / разнотравье) охарактеризован по образцу 28 (глубина отбора 1,5 м) из того же слоя скопления растительного детрита. От предыдущего и последующего комплексов отделен перерывом.

По характеру общего состава комплекс мало отличается от предыдущего.

В группе древесных пород содержание пыльцы сосны (*Pinus*) возрастает до 31%, ели (*Picea*) становится 35%, березы (*Betula*) – 27%. Пыльца широколиственных пород вообще исчезает из спектра.

Среди травянистых растений сокращается содержание пыльцы злаков (*Poaceae*) (26%), зато роль разнотравья возрастает до 64%, в основном за счет существенного роста содержания пыльцы цикориевых (*Cichoriaceae*) (42%).

Споровые растения представлены зелеными мхами (*Bryales*) (85%) и папоротниками семейства *Polypodiaceae* (15%).

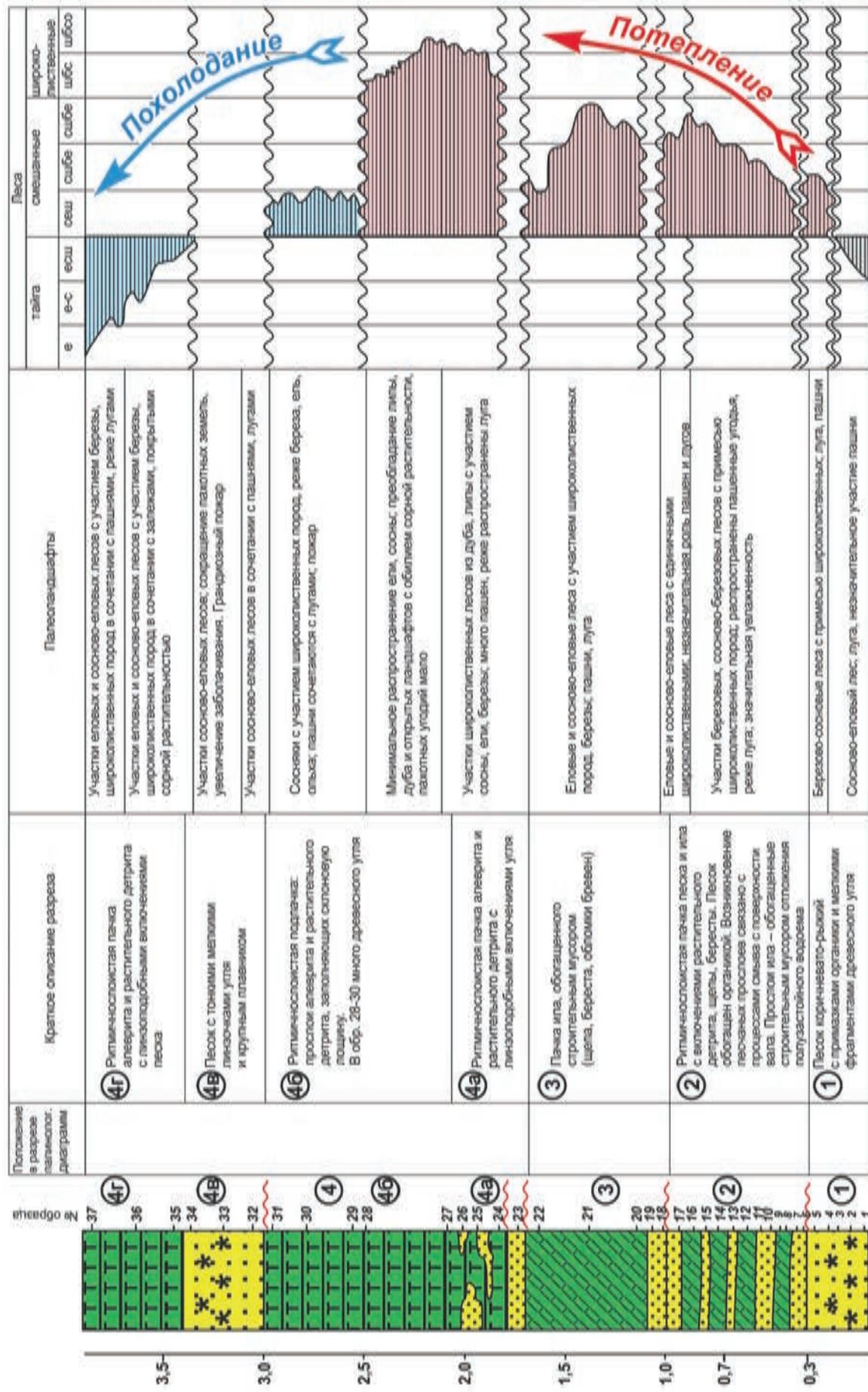
Состав пыльцы и спор комплекса значительно обеднен. По существу, лес на близком от памятника расстоянии был фактически сведен, вокруг были открытые пространства, заросшие разнотравьем, в составе которого преобладала сорная растительность. Это прежде всего представители семейства цикориевых (*Cichoriaceae*) (42%), а также крестоцветных (*Brassicaceae*), подорожника (*Plantago*), крапивы (*Urtica*) и др. Резкое сокращение пашен и их зарастание сорняками свидетельствует, видимо, о неблагоприятных условиях не только для сельскохозяйственной деятельности.

IV спорово-пыльцевой комплекс (сосна с участием широколиственных пород / злаки) выделен по образцам 29, 30 и 31 (глубины отбора – 1,42; 1,2 и 1,02 м соответственно) из верхней части подпачки 4б.

В общем составе по-прежнему преобладают травянистые растения, а роль пыльцы древесных пород и спор в верхах толщи снижается (с 37% до 21%), спор – 9–11%.

В группе древесных пород доминирует сосна (*Pinus*) (36–58%), много пыльцы широколиственных пород (17–29%), которые представлены липой

Рис. 4. Основы строения отложений, вскрытых разрезом «Рубленый город»; последовательность реконструированных палеоландшафтов окрестностей Ярославля; тренды изменения палеоклимата

(*Tilia*) (9–21%), дубом (*Quercus*) (6–9%), единично вязом (*Ulmus*) и кленом (*Acer*). Содержание пыльцы ели (*Picea*) составляет от 9 до 18%, ольхи (*Alnus*) – 2–6%, ивы (*Salix*) – 2–4%.

Среди травянистых растений роль разнотравья уменьшается до 32–45%, в его составе все так же много цикориевых (*Cichoriaceae*), но их содержание сокращается до 3–18%. Помимо пыльцы цикориевых, в состав разнотравья входит пыльца крестоцветных (*Brassicaceae*) (около 5%), астровых (*Asteraceae*) (6–7%), а также гречишных (*Polygonaceae*) (в том числе *Polygonum amphibium*), кипрейных (*Onagraceae*), лютиковых (*Ranunculaceae*), подорожника (*Plantago*), гвоздичных (*Caryophyllaceae*), бобовых (*Fabaceae*), зонтичных (*Apiaceae*), колокольчиковых (*Campanulaceae*), гераниевых (*Geraniaceae*), крапивы (*Urtica*), щавеля (*Rumex*), таволги (*Filipendula*) и кувшинки (*Nymphaea*).

Споровые растения представлены зелеными (*Bryales*) (70–55%) и сфагновыми (*Sphagnum*) (4–22%) мхами и папоротниками семейства *Polypodiaceae* (7–32%). Единично отмечены споры хвоща (*Equisetum*), уховника (*Ophioglossum*) и гроздовника (*Botrythium*).

Формирование данного комплекса началось после перерыва во времени, когда на близлежащей к памятнику территории стал возобновляться лес и снова стало более активно развиваться земледелие. Исходя из состава палинологических спектров, можно говорить о произрастании смешанных лесов, где заметную роль наряду с сосной играли деревья широколиственных пород – липа, дуб, а кое-где даже вяз. Это свидетельствует о довольно теплых климатических условиях. Открытые пространства были заняты лугами и пашнями, площади которых, судя по всему, увеличились по сравнению с предыдущим этапом.

V спорово-пыльцевой комплекс (сосна, ель) выделен по образцам 32–34 (глубины отбора – 0,92; 0,8 и 0,62 м соответственно) из слоя зеленовато-серого песка (подпачка 4 в). Насыщенность пыльцой высокая, но среди пыльцы хвойных встречаются рваные формы и формы с темной окраской. От предыдущего и последующего комплексов отделен перерывом.

В общем составе возрастает роль древесных пород (23–46%), трав становится меньше (28–65%).

В группе древесных пород больше всего пыльцы сосны (*Pinus*) (29–46%) и ели (*Picea*) (30–41%), содержание пыльцы березы (*Betula*) – 6–11%, ольхи (*Alnus*) – около 4%, широколиственных пород – 3–23%. Единично встречается пыльца ивы (*Salix*). Широколиственные породы представлены липой (*Tilia*), дубом (*Quercus*), единично вязом (*Ulmus*) и кленом (*Acer*). Также единично отмечена пыльца калины (*Viburnum*).

Среди травянистых растений больше всего злаков (*Poaceae*) (32–49%), встречено (особенно в верхах комплекса – образец 33) много пыльцы осок (*Cyperaceae*) (28%). Содержание разнотравья составляет от 20 до 43%, его состав в низах комплекса близок к таковому в предыдущем этапе, а начиная с образца 33 сокращается разнообразие. Единично отмечена пыльца рогоза (*Typha*) и ирисовых (*Iridaceae*).

Характер растительного покрова меняется на протяжении формирования комплекса. Видимо, как и во время образования спектра образца 28 (III споро-пыльцевой комплекс), в момент формирования спектра образца 33, значительно отличающегося по составу от других образцов комплекса, произошло какое-то неблагоприятное событие. После вероятного пожара (IV споро-пыльцевой комплекс) происходит восстановление или интенсификация хозяйственной деятельности человека в окрестностях «Рубленого города», что отражается на результатах анализа спектра образца 32. Происходит возрождение елово-сосновых коренных лесов и сельского хозяйства. Луга представлены богатым разнотравьем.

На уровне взятия образца 33 также продолжается восстановление коренных лесов. Не исключено, что в это время достаточно часто могли случаться пожары, о чем свидетельствуют не только темные формы пыльцы древесных пород, но и огромное количество в препаратах фрагментов сгоревшей древесины, присутствие золы. Сельскохозяйственные угодья в близлежащих окрестностях почти перестали существовать, заболоченность почвы возросла. На это указывает прежде всего высокий процент участия осок, появление пыльцы касатиковых (*Iridaceae*). Косвенным подтверждением пожара в этот отрезок времени является присутствие пыльцы кипрейных (*Onagraceae*). Ко времени образования прослоя растительного детрита, из которого был отобран образец 34, участков коренного леса стало значительно меньше. В то же время происходит частичное восстановление пахотных угодий, несмотря на повышенную увлажненность почвы.

VI спорово-пыльцевой комплекс (ель, сосна, с участием широколиственных пород) выделен по образцам 35–37 из отложений подпачки 4 г. Все образцы содержат остатки растительных тканей и древесины хвойных, есть мелкие угольки. От предыдущего комплекса отделен перерывом.

В общем составе больше всего трав – 50–66%, древесных пород – от 22 до 34%, спор – 10–15%.

Среди древесных пород встречено много пыльцы ели (*Picea*) (39–47%), содержание пыльцы сосны (*Pinus*) сокращается до 18–28%. Содержание широколиственных пород составляет около 16%: липа (*Tilia*), дуб (*Quercus*), вяз (*Ulmus*) и ясень (*Carpinus*). Пыльцы ивы (*Salix*) – 4–6%. Единично встречается пыльца ольхи (*Alnus*).

В группе травянистых растений злаков (*Poaceae*) от 14 до 59%, осок (*Cyperaceae*) 5–13%, содержание маревых (*Chenopodiaceae*) не превышает 5%, единична пыльца полыней (*Artemisia*).

Количество разнотравья колеблется от 30 до 74%, в его составе первое место занимает пыльца цикориевых (*Cichoriaceae*) (8–53%), особенно в низах комплекса. Единично отмечена пыльца водного растения кувшинки (*Nymphaea*) (образец 37).

Среди споровых растений господствуют зеленые мхи (*Bryales*) (78–88%), в небольших количествах присутствуют споры папоротников семейства *Polypodiaceae*, а также сфагновых мхов (*Sphagnum*).

В ландшафте территории наблюдается увеличение коренных еловых лесов. Характер луговой и болотной растительности оказался близок прежнему составу. По сравнению с предыдущим этапом произошло заметное увеличение площадей, занятых пашнями в ближайшей округе.

Заключение

По результатам данных палинологического анализа установлены основные особенности изменения растительного покрова и, соответственно, палеоландшафтов, начиная с конца железного века и кончая ранним Средневековьем. В железном веке состав растительных сообществ был близок к коренным лесам и лугам современных ландшафтов севера Ярославской области. По полученным данным, в железном веке господствовали южнотаежные еловые и елово-сосновые леса с незначительным участием деревьев широколиственных пород.

Для рассматриваемого интервала Средневековья были, естественно, свойственны разные ландшафты. В одни интервалы это смешанные леса, в другие этапы – полуоткрытые пространства, для которых свойственно сочетание лесной растительности и разнотравных лугов. Среди лесной растительности это разного типа смешанные и частично широколиственные массивы. На части открытых пространств была развита земледельческая деятельность.

Начало раннего Средневековья отражено на диаграмме 1 (рис. 3) по спорово-пыльцевому комплексу III. Этот комплекс отражает значительные изменения в зональном типе растительности. В ландшафте доминирующими стали смешанные сосново-еловые леса с участием широколиственных пород, а также широколиственные леса, в которых широкое распространение получили дуб и липа.

Анализ установленной последовательности смены зональных типов растительности (рис. 4)

позволил выделить два четко выраженных тренда. Для первого из них характерно увеличение участия деревьев широколиственных пород в лесных массивах. Этот тренд прослеживается лишь по результатам анализа образцов 2–27, соответственно взятых из отложений следующих пачек: прикровельной части пачки 1, пачек 2, 3 и из подпачки 4б (примерно до ее середины). Выявленная тенденция увеличения роли широколиственных пород в лесных массивах совершенно определенно отражает и может коррелироваться с направленным изменением палеоклимата. В частности, в этом случае можно говорить об известном средневековом оптимуме или его фрагменте.

Второй тренд фиксируется по результатам палинологического исследования образцов 28–37. Для этого тренда была установлена обратная тенденция, выразившаяся в уменьшении роли неморальных элементов флоры в лесных массивах. Была установлена резкая смена существовавших в конце первого тренда широколиственно-березово-сосновых лесов смешанными сосново-еловыми лесами лишь с небольшой примесью широколиственных пород, а позднее (скорее всего, в самом начале XIII в.) даже южнотаежными ландшафтами. В палеоклиматическом плане подобное изменение зонального типа лесов достаточно уверенно можно связывать с похолоданием климата. В свете сказанного данная интерпретация полученных палинологических данных представляется достаточно достоверной, поскольку в отложениях подпачки 4г выявилось дальнейшее направленное изменение зонального типа лесов, в которых значительное участие стали принимать ель и лесная растительность, приближаясь к типу южнотаежных лесов. Не исключено, что установленное похолодание является завершающим палеоклиматическим событием средневекового климатического оптимума, предваряющим переход к началу малого ледникового периода (рис. 4).

В настоящей статье приведены индивидуальные особенности рассмотренного палеоклиматического эпизода. Для него были свойственны не только потепление, но и гумидность. С последней особенностью палеоклимата связано возникновение крупных половодий на реках и значительные повышения уровня озер. В результате существовавшая гидросеть могла в деталях отличаться от существующей в настоящее время. Более того, учитывая специфичность данного интервала Средневековья, правильнее его рассматривать в качестве эпизода термически-гумидного максимума.

Summary

E. A. Spiridonova, Y. A. Lavrushin, A. S. Aleshinskaya, M. D. Kochanova

The Environmental Landscape of Yaroslavl in the City's Earliest Stages

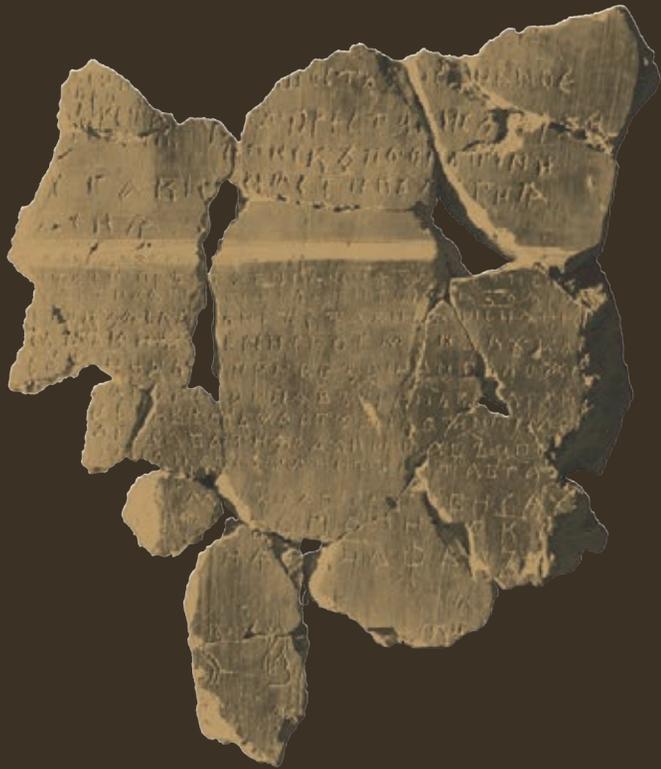
The primary object of this article is to reconstruct the appearance of the environmental landscape of Yaroslavl – from the city's founding in the early 11th through to the 17th cc., and establishing the legality of the changes to the surrounding environmental landscape of the city during that period. Particular attention is given to the earliest years of the foundation of Yaroslavl, which coincide with important global palaeoclimatic events, which are known from written sources as the medieval climatic optimum (the 10th–12th cc.).

Data was obtained on the individual specifics of the palaeoclimatic episode of the period of the 9th/10th cc. to the early 13th c., which was characterised not only by climate warming, but also by humidity. The latter aspect of the palaeoclimate was connected with extensive river flooding and significant increases in water-level in lakes.

For the period under study the Middle Ages were known for different kinds of landscapes. At certain intervals there was mixed forest, while other landscapes

were represented by semi-open spaces, for which forest vegetation mixed with grassy meadows was typical. Amongst this forest undergrowth there were changes between different kinds of mixed and deciduous vegetation. In some places the open areas were used for agricultural activity.

Analysis of the sequence of changes in the types of vegetation zones has made it possible to distinguish two clearly visible trends. The first of these is characterised by an increase in broad-leafed trees in the forest areas. This tendency is certain to reflect and probably correlates with the way the palaeoclimate altered. There was an abrupt change between broad-leafed-birch-pine forests mixed with pine-spruce forests where few broad-leaf trees grew. Later the area mutated in a southern taiga landscape. In palaeoclimate terms, this kind of alteration in the forest zones can be reasonably firmly linked to a chilling of the climate – the beginning of a small Glacial Age.

Часть V

ПИСЬМЕННОСТЬ

Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря*

В 2013 г. Новгородский архитектурно-археологический отряд начал исследования внутри Георгиевского собора Юрьева монастыря: было заложено два шурфа, в средней абсиде и в северной ветви креста собора, в которых было зафиксировано наличие древних, первоначальных конструкций, а также то, что в качестве подсыпок под два поздних пола, рубежа XVII–XVIII вв. и начала XIX в., были использованы фрагменты сбитых со стен фресок¹.

В 2014 г. археологические работы были развернуты во всей восточной половине собора, были обнаружены первоначальные конструкции: первый пол собора, синтрон, три престола (в средней и боковых абсидах), основания алтарной преграды перед южной абсидой². Кроме того, на стенах собора были раскрыты большие фрагменты фресковых росписей, большинство из которых является мраморировками или полилитиями, фресковыми подражаниями полированным мраморным плитам, украшающим нижние части стен византийских храмов³. В засыпках под поздними полами было открыто несколько тысяч фрагментов фресковой живописи, в том числе несколько десятков ликов и множество кусков с

частями одежд, надписей, архитектурных фонов. Среди этих фрагментов довольно многочисленную группу составляют куски сбитой со стен штукатурки с процарапанными надписями. Самой большой из этих надписей посвящена настоящая статья.

На западной стороне межалтарного прохода (это восточный фас восточной лопатки юго-восточного подкупольного столба храма) из средней абсиды собора в южную боковую абсиду внизу сохранился небольшой участок фресковой росписи с зеленым фоном и красной линией разгранки справа, на ребре столба (рис. 1, 2). Выше фреска уничтожена кирпичной вычинкой столба, относящейся к началу XIX в. Под этим местом и южнее в процессе раскопок были обнаружены многочисленные фрагменты с граффити. Часть их сложилась в результате – из 30 кусков разного размера – в единый блок⁴, центральную часть которого занимает большая девятистрочная надпись с утраченными левым и правым краями; это и есть надпись 1198 г. Помимо нее, блок содержит, в более или менее фрагментированном виде, еще несколько граффити, среди которых выделяется надпись о смерти архиепископа Антония 1232 г. (рис. 3).

Участок штукатурки, сохранивший эти тексты, приходится на стык двух тонов фона: зеленого внизу (здесь расположена надпись 1198 г.) и сиреневого вверху; два тона разделены белой полосой разгранки.

Мы можем с большой уверенностью утверждать, что зеленый фон фрески, на котором сделана надпись 1198 г., является продолжением того зеленого фона, который зафиксирован в нижней части простенка на стене. Это значит, что надпись сделана в верхней части нижней полосы фресок; в этом месте мраморировок не было, здесь был ровный зеленый фон, ограниченный по сторонам, на краях

*Статья написана при поддержке РГНФ (грант № 13-01-00212а «Подготовка Свода надписей-граффити Новгорода Великого XI–XVII вв. Часть 2»).

¹ Седов Вл. В., Вдовиченко М. В. Архитектурно-археологические исследования Пантелеймонова и Юрьева монастырей в Великом Новгороде в 2013 году // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 28. Великий Новгород, 2014. С. 94–115.

² Седов Вл. В. Археологические находки 2014 года в Георгиевском соборе Юрьева монастыря // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. 1 (78). С. 175–185.

³ Седов Вл. В., Кадейшвили Е. А., Вдовиченко М. В. Фрески XII в. на стенах Георгиевского собора Юрьева монастыря под Великим Новгородом, открытые в ходе археологических работ 2013 г. // Реставрация и исследование памятников культуры. Вып. 7. М.; СПб.: Коло, 2014. С. 15–19.

⁴ Благодарим И. Ю. Анкудинова, принявшего участие в соединении фрагментов блока и прочтении надписей, и Т. А. Ромашкевич, производившую их реставрацию.

Рис. 1. Место расположения на стене и находки надписи 1198 г.

лопатки, красными вертикальными полосами разграники, а сверху сменяющийся лиловым фоном, причем линия стыка фонов подчеркнута довольно узкой (1 см) полосой белого тона.

Сделанная на зеленом фоне в самом верху нижней полосы фресок, то есть на высоте примерно 90–110 см от уровня первоначального пола, надпись 1198 г. находилась на уровне груди стоящего (высота первого регистра определяется по аналогии с зафиксированной в других местах собора высотой фресок нижнего ряда). Выше, уже на лиловом фоне, в 1232 г. была сделана надпись о смерти новгородского архиепископа Антония⁵.

⁵ Предваряя публикацию комплекса, приводим ее текст: (Въ лѣто) шесть (т)[ы]с(я)[щ]ьное| [·ψ]м· (6740) преста[в]исл (а)[рхи]епискѣпо О[н]тони на сѣти Пе[ла]гиа. Согласно летописи, Антоний умер 8 октября 1232 (6740) г. (НПЛ. С. 72). Память св. Пелагеи приходится на эту дату.

Георгиевский собор Юрьева монастыря
Участок VII
Фрагмент разверстки (восточная грань) юго-восточного столба (восточный столб южной линии столбов)
Фасад
Фреска

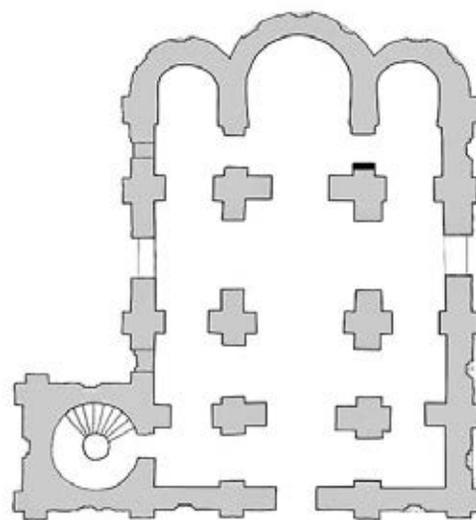
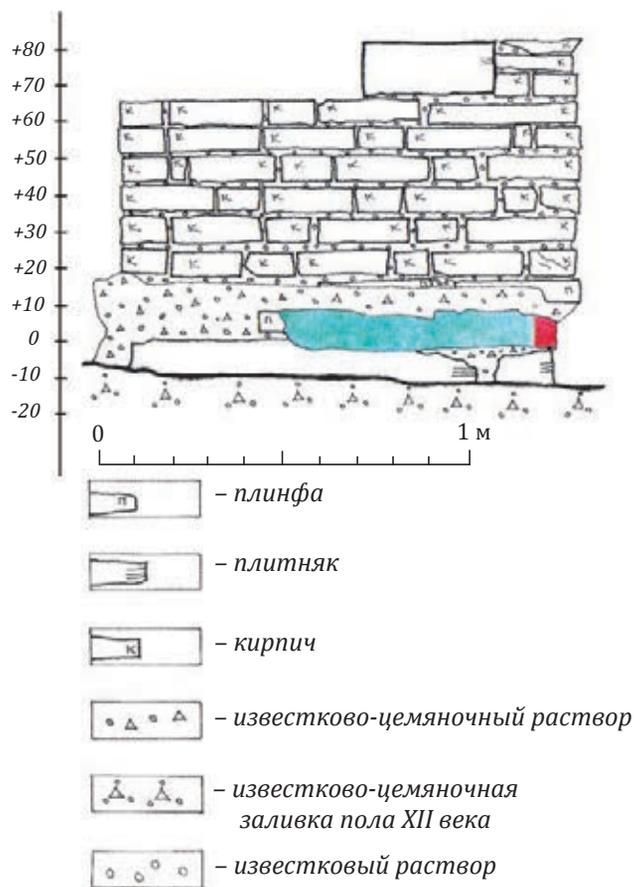

Рис. 2. Восточная лопатка юго-восточного столба. Фреска на стене. Чертеж Ю. Фомичевой

Рис. 3. Блок с надписями 1198 г. (в центре) и 1232 г. (вверху справа)

Все фрагменты большого блока, включающего надпись 1198 г. и надпись 1232 г., были найдены на участке VII, расположенном в западной части южной боковой абсиды собора. Эти участки были до раскопок покрыты сплошной цементной заливкой (отметки +62–+65) по кирпичному полу начала XIX в. Ниже пола следовала песчаная подсыпка под него, а ниже залегал мощный (40 см) слой, в основном состоящий из сбитых во время перестройки храма в 1820-х гг. фрагментов первоначальной фресковой росписи. Мы можем утверждать, что часть росписи сбивалась прямо вниз, то есть не переносилась в ведрах или носилках, а обрушалась со стен и только потом дополнялась другими прослойками. Эти фрагменты, обрушенные со стен, лежали в нижней части слоя с фресками довольно компактно, примерно в радиусе до 1–1,5 м от места расположения надписей на стене, или к востоку от восточной плоскости столба, то есть в межалтарном проходе, или к югу и юго-востоку от этой плоскости, то есть в северной части южной боковой абсиды. Ясно, что до ремонта и перестройки храма 1820-х гг. надписи располагались на стенах.

Ниже слоя с фресками следовала подсыпка или даже плиты некоего промежуточного пола (отметки +12–+20). По отметкам этот пол, почти полностью разобранный, соответствует настилу из плит в средней абсиде, то есть он относится к рубежу XVII–XVIII вв. Расчищенная песчаная подсыпка относится к этому полу. На уровень этого пола и сбивались фрески во время ремонта 1820-х гг.

По мере расчистки песчаной подсыпки под пол рубежа XVII–XVIII вв. на участках VI и VII в южной абсиде открылась известково-цемяночная заливка под первоначальный пол (отметки -13 -16); в этой

заливке отпечатались швы между плитами, давно снятыми, что позволяет реконструировать рисунок первоначального плитяного пола. В северо-западной части на месте сохранились две плиты на отметках -4 -8, несколько плит этого пола на отметках -12 -16 сохранилось вдоль скругления стены абсиды.

Надписи 1198 и 1232 гг. были сделаны в алтаре, отделенном от наоса алтарной преградой, проходившей у западных лопаток восточной пары крестобразных подкупольных столбов. Они не были предназначены для широкого круга посещавших собор, это были надписи поминального характера, вполне официальные, вероятно, утвержденные монастырскими властями, но сокрытые в алтаре и служащие мемориальным целям; возможность читать их имела только у узкого круга клира, допущенного в алтарь собора. Надписи были процарапаны, напомним, на восточной лопатке юго-восточного столба, на высоте около 1 м (или даже чуть больше) от уровня пола.

Надпись 1198 г. (рис. 4) состоит из девяти строк, края ни одной из которых не сохранились; строки с 1-й по 5-ю сохранились на ширину 24–25 см, а строки с 6-й по 9-ю – на ширину 21–22 см. Средняя высота букв в строке – 6 мм. Надпись сделана уверенным книжным почерком. Ее сохранившаяся часть содержит 50 слов, а реконструируемый полный текст – 66 слов. Это делает публикуемое граффито самым пространственным из памятников новгородской эпиграфики XI–XIII вв. (для сравнения: следующий за ним по протяженности текст – ктиторская надпись церкви Спаса на Нередице – содержит 44 слова).

С разделением на слова и бесспорными конъектурами⁶ сохранившийся текст надписи имеет следующий вид:

... (ию)на въ к̄ прѣстависѧ князь (Р)[ос]тисл(авъ) ...
 ... (благо)чѣстиваго (и) боголюбиго к(н)ѧзѧ Ѧро ...
 ... е[г]о Изѧсла(в)ъ прѣстависѧ мѣцѧ ию ...
 ...нѣ въ кнѧ(ж)ени своем[ь] на Лука(хъ) ...
 ...со--цинь--привезоша и в[ъ]лож(иша) ...
 ... (с̄)[т]аг[о] Ге(о)ргиа въ е̄ӣ день пр(и) архи ...
 ... (благо)[ц]ѣс[т]ивѣ[м]ь Мартури а вы и[г]оуме[н] ...
 ...аг(о) Саватиѧ а даи има Б̄ъ оупо ...
 ... с[т]ми своими и мо[ли]та Б̄га ...

⁶ В приводимой транскрипции они заключены в круглые скобки, а частично сохранившиеся буквы – в квадратные.

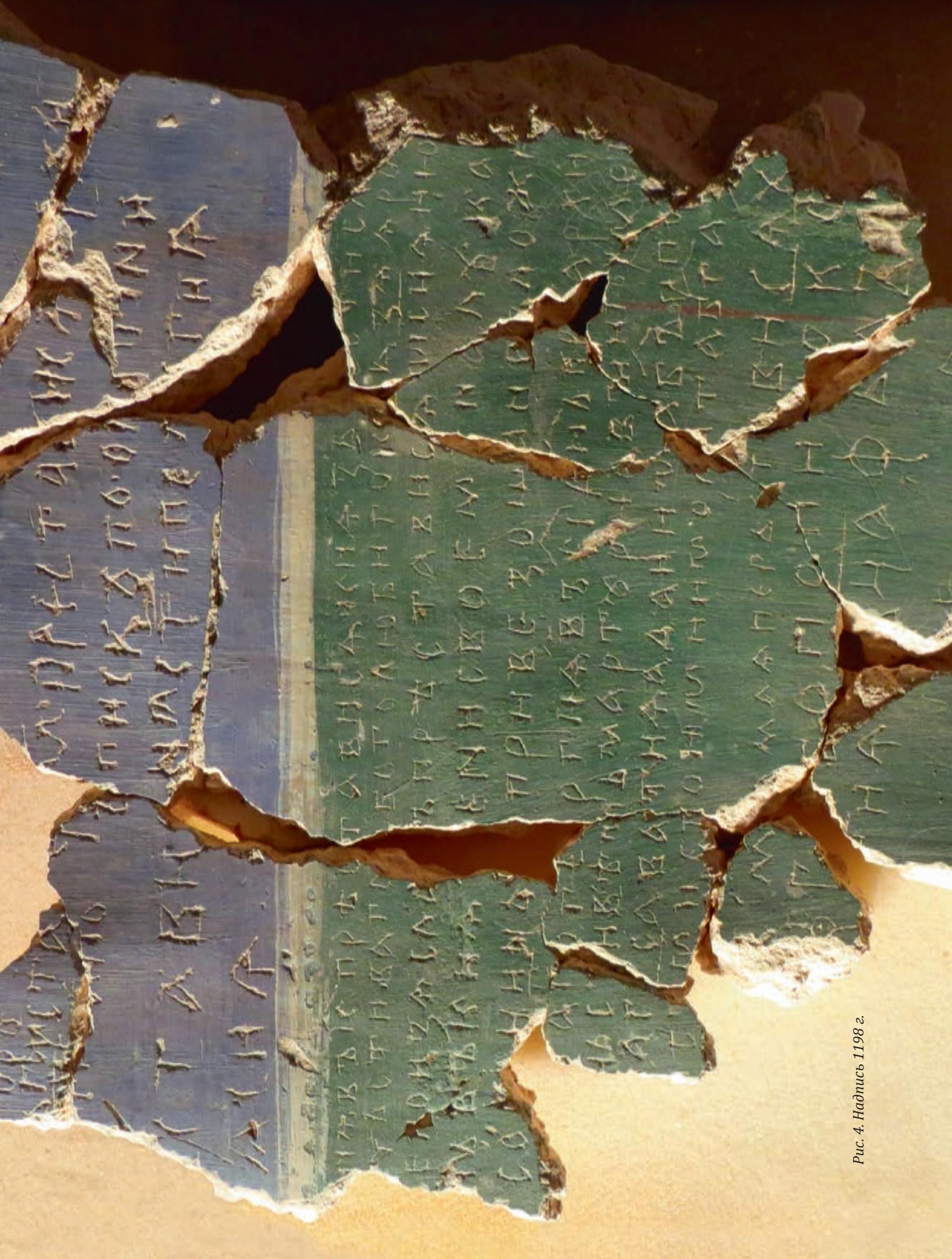

Рис. 4. Надпись 1198 г.

Как и большинство граффити, найденных в ходе раскопок 2014 г., надпись носит поминальный характер, отличаясь от окружавших ее текстов объемом и полнотой сообщаемых сведений. Уже в предварительном прочтении текст с полной надежностью атрибутируется по содержанию: перед нами сообщение о смерти и погребении двух сыновей новгородского князя Ярослава Владимировича, Изяслава и Ростислава, умерших в 1198 г. и похороненных в Юрьеве монастыре. В Новгородской первой летописи это событие описано в следующих словах: «Въ лѣто 6706 [1198] <...>. Тои же весне преставистася у Ярослава сына 2: Изяслав бяше посаженъ на Луках княжити и от Литвы оплечье Новугороду, и тамо преставися; а Ростиславъ Новѣгородѣ; и оба положена у святого Георгия въ манастыри»⁷. Летопись сохранила и годы рождения умерших княжичей: Изяслав, в крещении Михаил, родился в 1190 г., а Ростислав – в 1193 г.⁸; таким образом, в момент смерти старшему было восемь, а младшему – пять лет⁹.

Как установил М. К. Каргер, раскопавший в 1930-е гг. восточную часть собора Георгиевского собора, княжичи были похоронены в южном нефе монастырского храма, в юго-западном отделении основного девятидольного пространства¹⁰. Надпись, сделанная на юго-восточном столбе, в межабсидном проходе из среднего восточного полуокружия собора в южное, где, судя по найденному основанию престола коробчатой формы, с самого начала размещался не дьяконник, а особый придел, оказывается таким образом связанной с их погребением общим расположением в южном нефе собора (рис. 5).

Новгородским архиепископом в 1198 г. был Мартирий, занимавший кафедру с 1193 по 1199 г.¹¹, а игуменом Юрьева монастыря – Савватий, по-

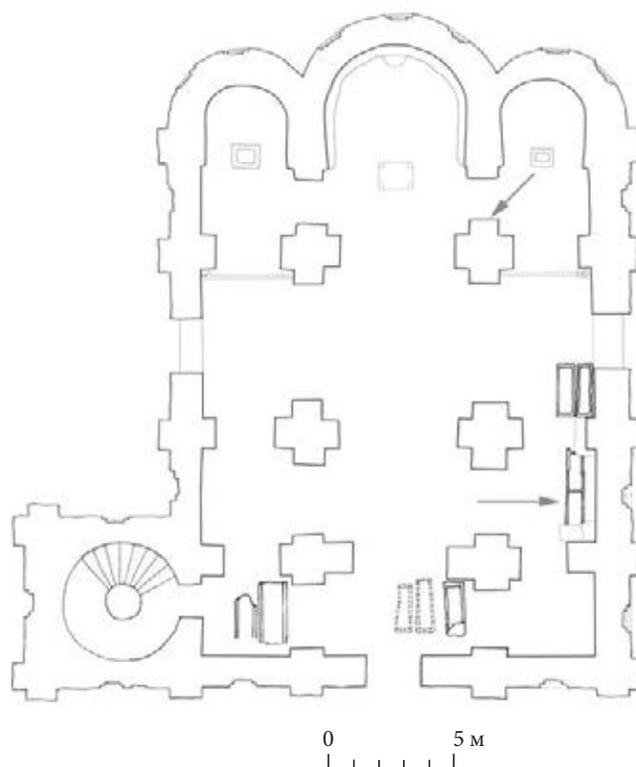

Рис. 5. План Георгиевского собора Юрьева монастыря. Реконструкция на XII в. Верхняя стрелка показывает месторасположение надписи 1198 г., нижняя – двойной саркофага княжичей в южном нефу. Чертеж Ю. Фомичевой

ставленный в 1194 г. и умерший в 1226 г.¹² Сочетание имен и фактов (включая и княжение Изяслава в Луках) находится, таким образом, в полном соответствии с летописными данными. Не составляет исключения и дата смерти Ростислава – 20 июня. Может показаться, что она противоречит свидетельству летописи о том, что княжичи умерли весной, но это не так: летописец руководствовался астрономическим пониманием времен года, согласно которому весна длится от весеннего равноденствия (21 марта) до летнего солнцестояния (22 июня). Ростислав, таким образом, умер в предпоследний день календарной весны. Точные даты, отсутствующие в летописном сообщении, и составляют то новое, что надпись вносит в понимание обстоятельств кончины детей Ярослава Владимировича.

Палеографические и лингвистические характеристики надписи соответствуют своему времени. Орфография – стандартная, без смешения *ѣ* и *ь* с *о* и *е*. Буквы *к* и *я* не употребляется (*его*, *своём*[ь], *Аро(слава)*, *Саватиа*). *Ъ* пишется в соответствии с

⁷ НПЛ. С. 44.

⁸ Там же. С. 39, 41.

⁹ Кроме Изяслава и Ростислава, летопись сообщает также о рождении у Ярослава в 1191 г. сына (не называя его имени), а в 1189 г. – дочери (НПЛ. С. 39, 40). Эта уникальная в новгородском летописании серия известий читается только в старшем изводе НПЛ (Синодальном списке) и, по всей вероятности, восходит к списку с владычной летописи, связанному по своему происхождению с Юрьевым монастырем. Согласно нашей реконструкции, этот список появился в конце 1160-х гг., одновременно с созданием нового свода новгородского владычного летописания, и до конца XII в. регулярно пополнялся по владычной летописи – с местными дополнениями, к числу которых относятся и записи о рождении детей Ярослава Владимировича (см.: Гиппиус А. А. К истории сложения Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. Вып. 6 (16). СПб., 1997. С. 28–34).

¹⁰ Каргер М. К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. Вып. VIII. М.; Л., 1946. С. 175–224. См. также: Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора. М., 1988. С. 89–118.

¹¹ НПЛ. С. 40, 44.

¹² Там же. С. 41, 65.

этимологией, в том числе в приставке *прѣ-*. Слабые редуцированные сохраняются в предлоге и приставке *въ* и в корне *чьст-* и утрачены в корнях *кназ-* и *княж-*. Ъ в предлоге *въ* перед последующим *и* перешел в *ы*: *вы и [з]оуме[н](ьство)*. Из новгородских черт представлено только смешение *ц* и *ч*: (*благо*)-[ц]ьс[т]ивѣ[м]ь. Особенностью граффито является стяжение *-iji* в окончаниях существительных: *въ кна(ж)ени, при ... Мартури*. Единственная описка – пропуск слога *ва* в *боголюбиго*.

Для более полной реконструкции текста оценим сначала его первоначальный объем и масштаб утрат. Наиболее информативным с этой точки зрения оказывается переход с третьей строки на четвертую,

допускающий единственно возможную модель заполнения: *мѣца ию (-- въ -- д)нѣ*. Эта короткая стыковка означает, что в начале надписи отсутствовала годовая дата и она начиналась со слова *мѣца* (или *мѣа*); это неудивительно, учитывая поминальное предназначение текста¹³. Следовательно, в начале строк с 1-й по 5-ю утрачено примерно по 5–6 букв, а в начале строк с 6-й по 9-ю – примерно по 9–10 букв. Утраты на концах строк могли быть различными, но вряд ли составляют более 5–6 букв в наиболее длинных строках.

Исходя из такой оценки утрат, можно следующим образом восстановить большую часть недостающих фрагментов надписи:

- 1 (Мѣца ию)на въ к' прѣстависа князь (Р)[ос]тисл(авъ сынъ)
- 2 (благо)чьстиваго (и) боголюбиго к(н)аза Аро(слава)
- 3 (а сынъ) е[г]о Изасла(в)ъ прѣстависа мѣца ию--
- 4 (въ - д)нѣ въ кна(ж)ени своем[ъ] на Лука(хъ)
- 5 -----со--цинъ--привезоша и в[ъ]лож(иша -)
- 6 (въ гробъ оу с')[г]аг[о] Ге(о)ргиа въ е' днѣ пр(и) архи(епис)
- 7 (скоупѣ блго)[ц]ьс[т]ивѣ[м]ь Мартури а вы и[г]оуме[н](ьство)
- 8 (боголюбив)аг(о) Саватиа а даи има Бѣ оупо(коение)
- 9 (въчное съ) с[г]ми своими и мо[ли]та Бга (за ны)

¹³ Именно так начинается граффито, читаемое непосредственно под записью о смерти княжичей и также носящее поминальный характер: *м(ц)а маа перѣстависа х(столубецъ?) | Г(лѣ)бо попино кѣ (на память) | (с)тиа [м]ца Фьдо(съ)*. В дате *ѣ* написано по ошибке вместо *е*; 29 мая празднуется память св. Феодосии.

Рис. 6. Надпись 1198 г., фрагмент

Предложенные конъектуры или не имеют видимых альтернатив или же допускают варианты, не меняющие смысла текста. Однозначно восстанавливается полный текст первой и второй строк. В начале третьей строки допустимо также чтение (*а братъ*) *его*; с точки зрения синтаксической связности текста оно даже выглядит предпочтительным. Однако вряд ли старший из умерших княжичей определялся через его отношение к младшему брату; скорее, оба они были упомянуты как сыновья Ярослава. Не видно вариантов для конъектуры в начале шестой строки. В летописных описаниях погребений форма *въложиша* всегда управляет винительным падежом с предлогом: *въ раку* или *въ гробъ*; в данном случае заведомо имело место второе. Эпитет при имени игумена Савватия в седьмой строке мог быть и другим, хотя кажется вероятным, что пара прилагательных, характеризующих князя, была разделена между архиепископом и игуменом. Вместо *въчно* могло читаться *въ вѣкы*.

Вариантное заполнение, в принципе, допускает и окончание пятой строки. Поскольку о похоронах Ростислава в надписи отдельно не говорится, здесь можно было бы ожидать местоимение двойственного числа: *въложиша* (*я въ гробъ*). С такой конъектурой, однако, невозможно согласовать предшествующее *привезоша*, явно относящееся к привезенному из Лук Изяславу. Значит, обе глагольные формы относятся к нему и местоимение в конце пятой строки имело форму единственного числа: *въложиша* и. Отсутствие отдельного упоминания похорон Ростислава не должно удивлять: старший брат, в отличие от младшего, занимал собственный стол, в связи с чем его смерть и погребение были описаны с большей полнотой и торжественностью.

Сложнейшую проблему составляет реконструкция начала пятой строки. Формуляр надписи никакого подспорья для заполнения этой лакуны не дает, и опираться приходится только на сохранившиеся буквы. В предыдущей строке слово *Лука*(хъ) заканчивалось на том же уровне, что и название месяца в третьей строке; маловероятно, чтобы строка продолжалась далее. В начале пятой строки утрачено, скорее всего, пять букв (ср. конъектуры *мѣцѣюня*, *благочѣстиваго*, *(а сынъ) его*, дающие равное левое поле), перед *привезоша* – две буквы. Восстановлению, таким образом, подлежит последовательность *----со--цинь--*, справа и слева от которой проходят границы слов.

Заметим, что буквенный состав этой последовательности был установлен не сразу. Поначалу последняя видимая буква читалась нами как *а*. На этом этапе наиболее вероятной нам представлялась конъектура *(по) со(ро)цина*(хъ). Принятие этого чтения означало бы, что Изяслав, умерший прежде своего брата в первых числах июня, был временно захоронен в Луках, а по прошествии сорока дней,

15 июля, погребен в Георгиевском соборе. Аналогия этой ситуации виделась нам в истории погребения другого Изяслава – сына Владимира Мономаха. Убитый в 1096 г. в ходе столкновения с Олегом Святославичем под Муромом, Изяслав Владимирович был сперва положен в местном монастыре св. Спаса, а впоследствии перенесен в Новгород и погребен в Софийском соборе¹⁴. Отсутствие названия месяца при указании даты похорон мы склонны были объяснить тем, что упоминание сороковин делало очевидным, что речь идет об июле. Это объяснение включало в себе некоторую натяжку, как, впрочем, и аналогия с событиями 1096 г.: тогда перенос в Новгород останков Изяслава Владимировича был принят его братом Мстиславом после победы над Олегом Святославичем на Колокше и первоначально едва ли планировался; между тем в 1198 г. никаких оснований сразу не везти умершего княжича в Новгород не было. Приходилось также предполагать, что с четвертой строки на пятую было перенесено какое-то короткое слово, например, причастие: *на Лоука*(хъ *сѣ*|дѣ. *А по*) *со(ро)цина*(хъ) ...

После расчистки надписи стало ясно, что буква, принятая за *а*, в действительности – *ь*¹⁵ (рис. 6). Это сделало предложенную конъектуру неприемлемой. Поиски реконструкции, в которую встраивался бы отрезок *...цинь--*, показывают, что он, даже взятый в отрыве от предшествующего фрагмента, допускает крайне ограниченное число возможных интерпретаций¹⁶. Поскольку надпись выдержана в книжной орфографии и *ь* в ней не смешивается с *е* и *ѣ*, словарный раздел не может проходить перед буквосочетанием *нь*, с которого ни одна древнерусская словоформа не начинается. Практически невероятно и прохождение границы после *цинь*. В принципе, в новгородском тексте, смешивающем *ц* и *ч*, так могла бы заканчиваться архаичная форма И. ед. м. действительного причастия глагола типа *оучинити* (*оуцинь*) или такая же форма притяжательного прилагательного от имени вроде *Търчинъ* (*Търцинь*), но к контексту ни то ни другое решительно не подходит. Следовательно, отрезок *цинь* находится либо в начале слова, либо в середине, причем *ь* может принадлежать только суффиксу. Этим условиям формально удовлетворяют следующие виды словоформ: 1) формы существительных на *-циньць* (типа *зълочиньць*, *отъчиньць*); 2) формы существительных на *-чинье* (при допущении, что дальше следовал союз *и*), 3) краткие формы прилагательных на *-чиньнии* или соот-

¹⁴ ПСРЛ. Т. 1. М., 1926. С. 237.

¹⁵ Ошибочная идентификация была, как теперь ясно, вызвана дефектом штукатурки, из которой в этом месте выпала полоска соломы, образовав углубление, принятое за спинку от *а*.

¹⁶ Первую букву этого отрезка можно было бы трактовать и как *и*, но такая трактовка не дает никаких правдоподобных решений.

ветствующие наречия (типа *бесчиньнъ*, *бесчиньно*); 4) краткие формы бесприставочного прилагательного *чиньныи* и наречие *чиньно*.

Из реально засвидетельствованных слов первых трех видов совместимость с предшествующим *со* обнаруживает лишь основа *сорочиньцъ*-, представленная в топониме *Сорочинцы*. Однако контекстуально топоним здесь неуместен (не говоря уже о том, что топонимия русского Северо-Запада этого названия не знает). Реанимируя отброшенную версию с «сорочинами», можно было бы допустить существование производных *сорочиньцъ* или *сорочинье* с тем же значением, но никакой поддержки в памятниках и диалектах это предположение не находит¹⁷.

Более приемлемой выглядит третья возможность. Не было ли употреблено в надписи наречие *чиньно*? Связать его с предшествующим *со*- можно в рамках конструкции, содержательно встраивающейся в общий каркас фразы: (*А сынъ*) *е[з]о* *Изасла(в)ъ прѣстависа мѣца ию(на) (въ X д)нѣ въ кна(ж)ени своем[ь] на Лука(хъ), (жива о)со[бь], цинь(но)*. «А сын его Изяслав преставился X июня в своем княжении на Луках, живя самостоятельно, чинно (то есть как подобает князю)». Оставшаяся от буквы после *со* вертикаль подходит для *б*; угадывается и верх наклонной мачты *ь*. Примечательно, что сочетание *особь чиньно* – с перестановкой компонентов – находит соответствие в одном из двух примеров на наречие *чиньно*, приводимых в «Материалах» И.И. Срезневского: Просфоръ не по(д)баеть ясти ни со млекомъ, ни с сыромъ, ни с рыбами, но *чинно* *особь да снѣдат* (Сбор. Кирил. Белоз. XV в.)¹⁸. С другой стороны, реконструируемое *жива особь* поддерживается трижды повторенным в «Повести временных лет» пассажем о полянах, «живших (живущих) о собѣ»¹⁹.оборот *жива особь, чиньно* можно было бы понять как вносящий в текст элемент панегирика, что вполне соответствует характеру надписи.

К сожалению, все эти соображения обречены остаться на уровне догадок. Ясно лишь, что данный фрагмент граффито заключал в себе какую-то весьма нетривиальную информацию.

Когда же умер Изяслав Ярославич? Сообщение о его смерти следует в надписи за сообщением о смерти Ростислава, случившейся 20-го июня, при этом погребение датировано 15-м числом – не сказано, какого месяца. Последнее умолчание естественно объяснять тем, что княжич был погребен в том же

¹⁷ Теоретически, *сорочиньцъ* можно было бы трактовать как синоним *сорочининъ*, допустив, что слово было использовано в отвлеченном от его этнического содержания значении «нехристианин» как экспрессивное обозначение литвы, защищать от которой Новгород призван был в Луках Изяслав. Но это была бы уже чистой воды фантазия.

¹⁸ Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1903. Т.3. С.1522.

¹⁹ ПСРЛ. Т.1. С.7, 9, 12.

месяце, в каком и умер; тогда, исходя из последовательности сообщений, следует считать, что это произошло в июле. Такая датировка, однако, решительно расходилась бы с показанием летописи, согласно которому оба княжича скончались «весной»; между тем, надпись в целом подтверждает его достоверность. Следует думать поэтому, что последовательность смертей была обратной той, в какой о них сообщает надпись, то есть что первым умер старший из княжичей, Изяслав. Именно в таком порядке о смерти детей Ярослава Владимировича сообщает летопись. Обратный порядок изложения в надписи следует, видимо, объяснить большей значимостью известия о смерти старшего. В отличие от Ростислава, Изяслав умер, занимая собственный княжеский стол («в своем княжении»), в связи с чем сообщение о его погребении оформлено с особой обстоятельностью, плавно перетекая в заключающую надпись молитвословие²⁰.

Учитывая, что доставка тела в Новгород из Великих Лук (250 км по прямой) должна была занять никак не менее четырех дней, смерть Изяслава следует отнести к периоду с 1 по 11 июня. Этим вполне можно было бы удовлетвориться, если бы не обстоятельство, придающее точной дате смерти княжича принципиальное значение: 8 июня 1198 г. Ярославом Владимировичем была заложена церковь Спаса-Преображения на Нередице²¹. Известие о строительстве храма следует в Новгородской первой летописи сразу за сообщением о кончине княжичей и их погребении в Юрьеве монастыре. Мысль о том, что именно утрата князем двух сыновей послужила

²⁰ Косвенное указание на последовательность кончин сыновей Ярослава Владимировича могло бы дать расположение их останков в гробе, раскрытом М.К. Каргером. Судя по опубликованным данным, первоначальное погребение было совершено в каменном гробе, предназначенном для взрослого человека; после смерти второго княжича этот гроб был надстроен к востоку, а его западная стенка стала перегородкой, разделяющей два отсека. Тот факт, что останки старшего княжича, Изяслава Ярославича, были обнаружены в восточной части гроба, можно было бы интерпретировать как свидетельство того, что Изяслав умер вторым (этот факт выясняется из сообщения в западной части саркофага скелета ребенка лет 5 и в восточной части – скелета ребенка примерно 8 лет – см.: Каргер М.К. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде // СА. Вып. VIII. М.; Л., 1946. С.201–204). Необходимо, однако, учитывать, что при погребении второго из княжичей тело первого могло и даже должно было быть сдвинуто в гробе. Если оно было сдвинуто к востоку, умерший первым оказывался погребен ближе к алтарю храма, а умерший вторым – расположен «в головах» у первого. Если первым умер Изяслав, такое перемещение выглядит обоснованным старшинством княжичей. Вопрос этот, впрочем, нуждается в специальном рассмотрении на основе нового натурального исследования погребения, произведенного в июле 2015 г.

²¹ «Въ то же лѣто заложи церковь камяну князь великий Ярославъ, сынъ Володимиръ, вѣнукъ Мъстиславль, въ имя святого Спаса Преображения Новгородъ на горѣ, а прозвище Нередице; и начаша дѣлати мѣсяця июня въ 8, на святого Федора, а концяша мѣсяця септября» (НПЛ. С.44).

поводом к основанию церкви, была впервые высказана М. Ф. Мурьяновым²² и более детально обоснована Н. В. Пивоваровой²³, которая выявила целый ряд отражений этой темы в иконографической программе нередицкой росписи. Сегодня эта точка зрения является общепринятой.

Нужно заметить, однако, что данное представление опиралось до сих пор на хронологически размытое указание летописи на то, что княжичи умерли весной, с чем дата основания храма хорошо согласуется. Теперь же мы точно знаем, что младший из братьев, Ростислав, умер 20-го июня, то есть на двенадцатый день после закладки церкви. Значит, поводом к основанию храма могла стать только смерть старшего из княжичей. На первый взгляд, это кажется вполне вероятным и даже находит близкую по времени аналогию – правда, в таком позднем и малонадежном источнике, как Житие Андрея Боголюбского XVIII в.: по его свидетельству, церковь Покрова на Нерли была основана Андреем Юрьевичем в память о погибшем в 1165 г. сыне, также носившем имя Изяслав²⁴.

Однако делая это предположение, мы оказываемся перед лицом ситуации, которая сразу с нескольких точек зрения выглядит не самой правдоподобной. Во-первых, считая, что церковь была заложена в связи с кончиной Изяслава, мы должны датировать последнюю временем не позже 4 июня: иначе к 7 июня – кануну закладки Нередицы – скорбная весть просто не успела бы достичь Новгорода. Но в таком случае продолжительность транспортировки тела увеличивается до десяти дней, что, с учетом сравнительных данных, кажется слишком большим сроком²⁵. Во-вторых, церковь не могла быть заложена

сразу же по получении известия о смерти сына: закладка храма требовала подготовки, и такая подготовка явно имела место, судя по тому, что начатый 8-го июня храм был выстроен за один строительный сезон и закончен в сентябре. Наконец (и это, пожалуй, главное), трудно себе представить, чтобы торжественную церемонию закладки храма в память об умершем сыне Ярослав Владимирович провел в то время, когда тело княжича еще не было погребено и находилось на пути в Новгород.

Выход из положения может заключаться в том, что церковь была заложена в связи с одновременной болезнью двух сыновей Ярослава Владимировича, от которой оба умерли уже после ее закладки. Смерть Изяслава могла в таком случае произойти с 5 по 11 июня, и к моменту закладки о ней могло быть еще не известно в Новгороде.

Но следует учитывать и другое. Считая смерть княжичей главным поводом к закладке Спасо-Нередицкой церкви, исследователи, как правило, подчеркивают отсутствие у этого акта видимых политических причин²⁶. Между тем такие причины определенно имелись. Как уже приходилось писать²⁷, смерть сыновей застала Ярослава Владимировича на пике его тринадцатилетнего (с перерывами) новгородского княжения, когда, после двухлетней размолвки с Новгородом, Ярослав вернулся в город, «и седе на столъ своемъ, и обуяся съ людьми, и добро все бысть»²⁸. Вопреки расхожему представлению, Ярослав Владимирович, хотя и был посажен на новгородский стол Всеволодом Большое Гнездо, позиционировал себя в Новгороде и воспринимался его жителями как полноправный князь, «внук великого Мстислава» (как он назван в сообщении о его первом приходе в Новгород в 1182 г.).

²² Мурьянов М. Ф. К культурным взаимосвязям Руси и Запада в XII в. // *Ricerche slavistiche*. Roma, 1966. Vol. 14. P. 31.

²³ Пивоварова Н. В. Ктиторская тема в иконографической программе церкви Спаса на Нередице // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Л., 1991. Вып. 23. С. 153; Ее же. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде (1199) // *Древнерусское искусство. Русь и страны византийского мира, XII в.* СПб., 2002. С. 462–473.

²⁴ Доброхотов В. Древний Боголюбский город и монастырь с его окрестностями. М., 1852. С. 70; Сиренов А. В. Житие Андрея Боголюбского // *Памяти Андрея Боголюбского: сб. ст. М.; Владимир, 2009*. С. 207–240.

²⁵ Воспользуемся фактами, приводимыми А. В. Назаренко (Немецкие латиноязычные источники IX–XI веков. М., 1993. С. 182, прим. 84), с некоторыми уточнениями. В 1112 г. умерший 25 мая в Дорогобуже Давид Игоревич был уже 29 мая похоронен в Киеве, то есть расстояние в 300 км было преодолено не более чем за четыре дня (ПСРЛ. Т. 2. Стб. 273). В 1097 г. ослепленного Василька Ростиславича везли из Киева во Владимир (около 450 км по прямой) шесть дней (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 260–262; Т. 2. Стб. 234–236). В обоих случаях скорость перемещения составляла примерно 75 км в день. Ярополк Изяславич, убитый 22 ноября на пути из Владимира-Волынского в Звенигород («не дошедшу града», то есть явно находясь уже ближе к Звенигороду, от которого до Владимира

около 120 км), был отвезен сначала во Владимир, а затем в Киев, где был погребен 5 декабря (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 206; Т. 2. Стб. 197–198). Соответственно, путь более чем в 500 км занял 13 дней, что дает скорость около 40 км в день. Добавим к этому новгородский пример. Архиепископ Василий Калика умер 3 июля 1352 г. на устье Узы (недалеко от Порхова), а 5 июля его тело было привезено в Новгород (НПЛ. С. 100). Даже если предположить, что путь в 120 км занял три дня целиком (в действительности, вероятно, меньше), скорость движения выходит равной 40 км в день. Рассматривая эту величину в качестве минимальной, следует полагать, что от Великих Лук до Новгорода (250 км по прямой) умершего Изяслава могли везти от силы неделю. Путь по воде мог, конечно, занять и больше времени, но прибегать к нему в такой ситуации вряд ли стали бы (тело Василия Калики, умершего на Шелони, явно было доставлено в Новгород сухим путем).

²⁶ «Политическими причинами трудно объяснить факт каменного строительства по заказу князя» (Ядрышников В. А. Спасо-Нередицкий монастырь: история строительства и реставрации // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 53.

²⁷ Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. // *Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси. К 800-летию памятника*. М., 2005. С. 21–22.

²⁸ НПЛ. С. 43.

Как суверенный правитель Новгорода Ярослав действовал, и сажая на стол на Луках своего первенца Изяслава, чье малолетство только подчеркивало политический символизм этого акта. Самым же ярким проявлением амбиций Ярослава Владимировича является летописное известие о строительстве Нередицкой церкви, в котором он – единственный из обладателей новгородского стола в XII в. – назван «великим князем» (и при этом снова определяется как «внук Мстиславль»). Церковь, о которой принято говорить как о последней княжеской постройке в Новгороде, в актуальной для своего времени перспективе была *первым* каменным храмом, построенным новгородским князем со времени изгнания в 1136 г. Всеволода Мстиславича. Ее строительство вписывается в ряд действий Ярослава Владимировича, демонстрирующих его последовательную ориентацию на образец своего двоюродного дяди (обновление Устава Всеволода, походы на чудь, наконец, обретение во Пскове в 1192 г. мощей Всеволода-Гавриила). Апофеозом этой преемственности является именование Ярослава «вторым Всеволодом» в ктиторской надписи Нередицы, явно имеющее в виду не Всеволода III, а Всеволода-Гавриила Мстиславича. Последний рассматривал Новгород как свое наследственное владение и предполагал остаться в нем пожизненно («целовавъ крестъ къ новгородцемъ, яко хоцю у васъ умерети»²⁹). «Второй Всеволод», Ярослав Владимирович, по-видимому, также думал остаться в Новгороде навсегда: об этом говорит и архитектура храма, особенности которой (аркосолии и поминальный придел на хорах) отражают намерение заказчика превратить его в свою фамильную усыпальницу³⁰.

На этом фоне считать единственным импульсом к основанию нередицкой церкви смерть старшего сына ктитора (или, как мы только что допустили, опасную болезнь двух сыновей) не представляется возможным – это значило бы крайне обеднять исторический контекст события. Следует думать, что строительство храма планировалась Ярославом Владимировичем как акт политического самоутверждения, но, по роковому стечению обстоятельств, его начало было омрачено трагедией в княжеской семье³¹. Закладывая храм с большим количеством

²⁹ Там же. С. 22.

³⁰ Седов В. В. Княжеский заказ в архитектуре церкви Спаса-Преображения на Нередице // Новгородский исторический сборник. Вып. 8 (18). СПб., 2000. С. 36–52; Его же. Придел на хорах церкви Спаса на Нередице // Церковь Спаса на Нередице: от Византии к Руси ... С. 64.

³¹ Не стоит закрывать глаза и на другую возможность. Кончины двух княжеских сыновей, следовавшие одна за другой в разных городах накануне и во время возведения их отцом каменного храма, призванного символизировать прочность его положения в Новгороде, могли иметь насильственный характер: княжичи могли быть отравлены. В городе у Ярослава Владимировича было немало врагов, достаточно вспомнить коммен-

погребальных ниш-аркосолиев, князь явно предполагал, что и его сыновья когда-нибудь упокоятся рядом с отцом в семейной усыпальнице. Погребение Изяслава и Ростислава Ярославичей в Георгиевском соборе находится в очевидном противоречии с этим ктиторским замыслом. Это противоречие естественно объяснять тем, что храм был построен по проекту, возникшему еще до смерти княжичей.

Что же касается росписи, выполненной на следующий год после завершения строительства, то в ней мемориальная тема имела уже все основания приобрести программный характер. Ее отражения Н. В. Пивоварова видит, в первую очередь, в образах св. Бориса и Глеба, изображенных в предстоянии Богоматери в конхе центральной абсиды. «Обращение к образам первых русских святых – князей Бориса и Глеба, безвременно скончавшихся в 1015 г., – позволило зримо передать суть трагедии 1198 г.»³². Мотивированным теми же отношениями «типологического патроната» исследовательница убедительно считает и образ св. Евстафия Плакиды, находившийся в конхе северной абсиды: подобно Ярославу Владимировичу, св. Евстафий, согласно его житию, в одночасье лишился двух сыновей³³.

Спорным представляется, между тем, выделение Н. В. Пивоваровой еще одной пары «типологических» патронов умерших княжичей. Позволим себе обширную цитату. «В системе росписи южного рукава трансепта, образованной исключительно изображениями святых воинов в полном воинском облачении, только два святых – Созонт и представленный левее южных окон Стратоник – выделялись своими мученическими одеждами. Подобно святым Борису и Глебу в центральной абсиде Нередицы, они были запечатлены с крестами – непременными атрибутами мучеников. Св. Созонт был изображен простоволосым; голову Стратоника венчал неболь-

тарий летописца к сообщению об изгнании Ярослава в 1196 г.: «и жяляху по немь въ Новгородѣ добрии, а злии радовахуся». На подобные размышления наводят и загадочные обстоятельства смерти еще одного юноши, похороненного в Георгиевском соборе – четырнадцатилетнего Федора Ярославича, внезапно умершего 10-го июня 1233 г. накануне собственной свадьбы. Этот удар судьбы выглядит не вполне случайным на фоне бурных событий предшествующего 1232 г., в котором Ярослав чуть не лишился стола в результате мятежа, поднятого против него прочергнговской оппозицией – «Борисовой чадью». И в этом случае смерть старшего сына постигает князя на следующий год после, казалось бы, благополучно преодоленного конфликта с частью новгородского боярства.

³² Пивоварова Н. В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде. С. 463.

³³ Стоит добавить, учитывая сказанное выше о возможной причине смерти княжичей, что сыновья Плакиды умерли не естественной смертью: при переправе через реку одного из них загрыз лев, другого – волк. Вспомним, что в летописном рассказе о Борисе и Глебе посланные Святополком убийцы нападают на Бориса на Лыте «аки звѣрье дивии» (ПСРЛ. Т. 1. С. 134).

шой, как у святых воинов, венец. Облик каждого из святых, предельно индивидуализированный, выявлял возрастные особенности каждого из персонажей. Юный, с разбросанными по плечам кудрями Созонт и мужественный, с едва пробивающейся бородкой Стратоник словно противопоставлялись друг другу. Это противопоставление усугублялось местоположением святых в пространстве южного рукава трансепта: в первом случае – включением в ярус со святыми патронами архиепископа и князя, во втором – расположением среди фигур святых воинов. Наиболее логичным объяснением своеобразия рассматриваемых образов было бы признание их патронального характера: акцент на разнице в возрасте и соответствующем возрасте положении в системе княжеской иерархии – содержательная основа летописного сообщения о смерти детей Ярослава Владимировича. <...> Таким образом, значение изображений в системе росписей было аналогичным тому, какое отводилось образам святых Бориса и Глеба в алтарной росписи памятника. Как и образы центральной апсиды, они были призваны воскрешать в представлении непосредственный повод к возведению нередицкой церкви»³⁴.

На наш взгляд, такое соотнесение двух изображений выглядит достаточно искусственным. В отличие от парных образов св. Бориса и Глеба, образы св. Стратоника и Созонта пары не составляли: они не только находились на разных (причем не симметричных) плоскостях, но и имели разный формат: Стратоник был изображен в рост, тогда как Созонт – погрудно, в миниатюрном медальоне, вписанном между килевидными арками, обрамлявшими полуфигуры св. Иоанна Воина и св. Мартирия. Последние были очень убедительно трактованы Л. И. Лифшицем как образы святых патронов князя Ярослава Владимировича и архиепископа Мартирия³⁵. Изображение св. Созонта исследователь не интерпретировал; между тем оно не только выделяется в росписи данного компартиментов своим малым размером, но и, по верному наблюдению Н. В. Пивоваровой, находится «в зените благословляющего жеста преподобного, обращенного к воину»³⁶. Это дает все основания считать изображение патрональным (в отличие от образа св. Стратоника, контекст которого такой трактовки совершенно не оправдывает). Однако необходимо учесть, что и св. Иоанн Воин, и св. Мартирий, и изображенный на соседней плоскости юго-западного столба св. Никифор (патрон киевского митрополита) были патрональными святыми

живых лиц, имевших отношение к возведению церкви. Этим подсказывается единственно возможная, на наш взгляд, атрибуция образа св. Созонта: перед нами небесный патрон среднего сына Ярослава Владимировича, родившегося в 1191 г. (см. выше прим. 8). Прочитанное таким образом, сочетание трех изображений выглядит как акт благословения новгородским владыкой единственного оставшегося в живых княжеского сына, с которым Ярослав Владимирович после смерти Изяслава и Ростислава должен был связывать надежду на продолжение рода.

Специального комментария заслуживает определение Ярослава в надписи как «благочестивого и боголюбивого князя». В Новгородской первой летописи за XII в. с одиночным определением *боголюбивый* упоминаются лишь новгородские иерархи: Нифонт (1153), Илья (1170, 1180) и Мартирий (1195, 1198); ни один из князей, включая и Ярослава Владимировича, его не удостоен. В этом различии проявляется как епископский характер новгородского летописания, так и княжеская принадлежность Юрьева монастыря, еще сохранявшаяся им в конце XII в. (напомним, что записи о рождении детей Ярослава Владимировича представляют собой сделанные в монастыре добавления к местному списку с владычной летописи). Но особенно примечательно следующее: «благоверным и христоролюбивым князем» Суздальская летопись в период с 1190 по 1198 г. 10 раз называет Всеволода Большое Гнездо³⁷. Определение Ярослава в надписи дано как будто с оглядкой на этот образец, с сохранением структуры и частичным изменением лексического наполнения (сделано это весьма изящно: заменены второй корень в первом композите и первый – во втором, то есть срединная часть парного сочетания). Такое копирование владимирского образца невозможно не соотнести с уже упомянутым определением Ярослава Владимировича как «второго Всеволода» в ктиторской надписи Нередицы. Ранее, отказавшись от предложенной Н. В. Пивоваровой трактовки этих слов как имеющих в виду Всеволода III, мы писали: «Не исключено, однако, что сопоставление с владимирским «самодержцем» все же было заложено в этом выражении, образуя его подтекст»³⁸. Синхронная ориентация на Всеволода Юрьевича, посадившего его на новгородский стол, была, по-видимому, так же значима для Ярослава Владимировича, как и диахроническое «повторение» Всеволода Мстиславича: одним из ее проявлений может быть именование Ярослава «великим князем» в летописном

³⁴ Пивоварова Н. В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде. С. 469, 473.

³⁵ Лифшиц Л. И. Об одной ктиторской композиции Нередицы // Древний Новгород: история, искусство, археология: новые исследования. М., 1983. С. 190–192.

³⁶ Пивоварова Н. В. К истокам идейного замысла росписи церкви Спаса на Нередице в Новгороде. С. 469.

³⁷ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 408–414. Статистика упоминаний приводится на основе древнерусского подкорпуса Национального корпуса русского языка (Национальный корпус русского языка: [сайт]. URL: www.rusco.org.ru (дата обращения: 01.06.2015).

³⁸ Гиппиус А. А. Князь Ярослав Владимирович и новгородское общество конца XII в. С. 22.

известии о закладке Нередицы (из русских князей этого времени так последовательно именуется только Всеволод III³⁹). С точки зрения самого Всеволода Юрьевича, такое поведение свояка (Всеволод и Ярослав были женаты на сестрах) должно было выглядеть совершенно необоснованным и даже дерзким. Внезапный вывод Ярослава Владимировича из Новгорода в 1199 г. был, как мы предположили, реакцией Всеволода на его зашедшие слишком далеко претензии на политическую самостоятельность.

Последнее, на что хотелось бы обратить внимание, – это упоминание об *архиепископстве* Мартирия. С тем же титулом этот новгородский иерарх 8 раз упоминается на страницах Новгородской 1-й летописи – при единственном (в конце статьи 1196 г.) упоминании его как епископа. При этом на сохранившейся печати Мартирия (№ 60)⁴⁰ он значится епископом. Обычно в этом видят свидетельство того, что «непрерывного ряда иерархов, носивших титул архиепископа, во второй половине XII – первой четверти XIII в. не было, но им были отмечены только некоторые новгородские епископы»⁴¹. Что же касается летописи, в которой

³⁹ См.: Poppe A. Words that Serve the Authority: On the Title of «Grand Prince» in Kievan Rus' // Acta Poloniae Historica. 1989. P. 60.

⁴⁰ Янин В. Л. Актовые печати Древней Руси. М., 1970. Т. 1. С. 54, 176.

⁴¹ Шапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М., 1989. С. 65.

архиепископами называются все новгородские владыки начиная с Феодора (1077), то ее титулатура считается отредактированной *ex post* и потому игнорируется. Именование Мартирия архиепископом в тексте 1198 г., дошедшем в оригинале, заставляет усомниться в справедливости такой трактовки. Можно, конечно, предположить, что избранный на кафедру в 1193 г. Мартирий получил титул архиепископа после 1196 г. (когда он единственный раз упоминается в летописи как епископ) и что печать, на которой он титулуется так же, относится к 1193–1196 гг. Однако, чем предполагать малообъяснимую трехлетнюю задержку с получением архиепископского титула, не проще ли думать, что использование его новгородскими иерархами домонгольского времени носило непоследовательный характер? Это кажется вполне объяснимым, учитывая титулярный характер новгородской архиепископии, не бывшей таковой в глазах Византии. Если так, то подозрение в редактуре с летописного употребления снимается, а вопрос о времени появления новгородской архиепископии требует нового рассмотрения.

То, что запись о смерти сыновей Ярослава Владимировича, варварски сбита с стены собора в начале XIX в., всё-таки дошла до нас, собранная по фрагментам, нельзя не признать огромной удачей. Погружая нас в атмосферу трагического июня 1198 г., этот замечательный текст связывает между собой целый ряд имен, исторических событий и памятников культуры Новгорода конца XII в.

Summary

A. A. Gippius, V. V. Sedov

A Graffito-Inscription of 1198 Found in St. George's Cathedral of the Yuriev Monastery

This article consists of a publication of one of the most important graffiti-inscriptions on fragments of fresco plaster found in the course of excavations in 2014 in St. George's Cathedral in Novgorod's Yuriev Monastery. The graffito was a note recording the death of Prince Yaroslav Vladimirovich's sons, Iziaslav and Rostislav, who according to evidence in the chronicle died in the early summer

of 1198 and were buried in the monastery's cathedral. The precise dates included in the text (the burial of Iziaslav on June 15th and the death of Rostislav on June 20th) shed light on the circumstances, in which on June 8, 1198 the foundations were laid for the Church of the Transfiguration on Nereditsa Hill, which is thought to have been founded in connection with the death of the Prince's sons.

Средневековые надписи-граффити Владими́ро-Суздальской Руси (XII–XV вв.)

Практика создания надписей-граффити на стенах храмов характерна для византийско-славянской средневековой культуры. В настоящее время не вызывает сомнений, что надписи-граффити на стенах древнерусских храмов связаны с фундаментальными проблемами истории общества, культуры и языка Древней Руси. По массовости и особенно распространенности в разных регионах Древней Руси они превосходят материалы таких важных источников, как берестяные грамоты, наличие которых требует определенных условий, в первую очередь, особенностей и сохранности культурного слоя, грамотности и степени мобильности населения. К настоящему времени накоплен значительный эпиграфический материал по отдельным памятникам древнерусского зодчества из разных древнерусских городов, чему способствуют реставрационные и архитектурно-археологические работы, раскрытие древнерусской монументальной живописи. Их исследование уже перестало быть изолированным фактом публикации отдельного памятника письменности, хотя до сих пор и такой подход не исключается, обогащая исторические области знания новыми данными. Но уже отмечена тенденция расширения круга проблем, к решению которых привлекаются древние надписи.

О «бытовой» письменности обширных и цветущих земель Владимиро-Суздальской Руси долгое время мы могли судить только по отдельным памятникам эпиграфики: Нерльскому и Святославу крестам, антиминсу 1148 г., Суздальскому змеевику и тому подобным артефактам. Первые публикации надписей-граффити на стенах белокаменных храмов стали известными с середины прошлого столетия (несколько обрывков надписей-граффити, изданных в трудах Н. Н. Воронина долго оставались непрочитанными). В последнее время реставраци-

онные, археологические и ремонтные работы, проводившиеся на многих архитектурных памятниках Владимиро-Суздальской Руси, оживили интерес и к надписям и рисункам-граффити.

Планомерное изучение рисунков и надписей-граффити как в фондах музея, так и сохранившихся *in situ* на стенах белокаменных сооружений было предпринято по инициативе руководителя Владимиро-Суздальской экспедиции Н. А. Макарова и проведено А. А. Медынцовой при участии сотрудника государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника С. Н. Вахтанова и частично опубликовано¹.

¹ Медынцева А. А. Автограф мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008. С. 357–359; Ее же. Граффити Золотых ворот во Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 2. М., 2008. С. 155–170; Ее же. Надписи-граффити Успенского собора во Владимире // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 3. С. 171–180; Ее же. Имя мастера на фасаде Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // РА. 2012. № 2. С. 149–155; Ее же. Датированные надписи мастеров из Георгиевского собора в Юрьеве-Польском // КСИА. Вып. 229. М., 2013; Ее же. Надписи-граффити храма Свв. Бориса и Глеба в с. Кидекша (Суздаль) // Средневековийт човек и неговијат свят: сб. в чест 70-годишнина проф. д.и.н. Казимира Попконстантинова. Велико-Търново, 2014. С. 751–759;

Вахтанов С. Н. Граффити суздальского Рождественского собора XIII в. // Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник: материалы исследований. Вып. 12. Владимир, 2006. С. 103–113; Его же. Граффити церкви Свв. Бориса и Глеба XII в. в селе Кидекша // Материалы и исследования ГВСМЗ. Вып. 13. Владимир, 2007. С. 20–25; Его же. Граффити Золотых ворот в г. Владимире // Материалы исследований ГВСМЗ. Вып. 16. Владимир, 2010. С. 75–78; Его же. Средневековые граффити XII – начала XV в. церкви Покрова на Нерли // Материалы исследований ГВСМЗ. Вып. 17. Владимир, 2011. С. 88–91; Его же. Средневековые рисунки-граффити белокаменных памятников владими́ро-суздальского зодчества // Материалы исследований ГВСМЗ. Вып. 20. Владимир, 2014. С. 149–158.

Особенностью сохранности белокаменной архитектуры Владимиро-Суздальской Руси является почти полное отсутствие фресковой росписи, особенно в нижних частях стен, где обычно, на уровне доступности для человека, и находятся древние граффити. Поэтому большинство вновь открытых надписей и рисунков-граффити и резных найдены на внешних стенах сооружений. В целом было открыто около 80 надписей (в том числе и фрагментов) и более 300 рисунков-граффити от XII–XIII вв. до XVIII в. В первую очередь привлекает внимание древнейший период (XII–XIII/XV вв.), наименее освещенный другими письменными источниками. К этому времени относится и большая часть новооткрытых надписей, по большей части представляющая лишь фрагменты (например, коллекция мелких обломков фресковой живописи с остатками букв из фондов Суздальского музея, которая нуждается в предварительной работе реставраторов).

Надписи-граффити раннего средневекового времени обнаружены далеко не во всех известных белокаменных зданиях. К таким памятникам зодчества относятся Золотые ворота, Успенский собор во Владимире, храм Свв. Бориса и Глеба в с. Кидекше, храм Покрова на Нерли, суздальский Рождественский собор, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском.

В данной статье целесообразно рассмотреть надписи по памятникам архитектуры, причем рамки статьи вынуждают останавливаться лишь на некоторых, наиболее сохранившихся надписях указанного времени.

Золотые ворота во Владимире представляют собой мощную крепостную проездную башню в системе оборонительных валов, защищавших город с западной стороны, увенчанную надвратной церковью во имя Положения Риз Богородицы, построенной в 1164 г., т.е. уже при Андрее Боголюбском. До наших дней сооружение дошло со значительными утратами и перестройками. Но от первоначальных ворот сохранились основы белокаменной башни и проезд, некогда закрывавшийся створами ворот. Граффити-рисунки были обнаружены на западной стене выхода на нижнюю боевую площадку Н. Н. Ворониным в 1939 г. Тогда он обнаружил на ее стене надпись и несколько рисунков. Среди них – два больших врезанных креста. Позднее Н. Н. Воронин посвятил им специальную статью². Первооткрыватель справедливо считал крест и надпись единым комплексом. Надпись он прочел как «Гюргичь» (Юрьевич), а крест сначала считал поминальным. По палеографическим признакам надпись была им

датирована XII–XIII вв., скорее XIII в. На основании даты надписи и местоположения Н. Н. Воронин пришел к мнению, что в ней упоминается юный московский князь, сын Георгия Всеволодовича – Владимир Георгиевич (Юрьевич), взятый в плен татарами в 1238 г. Появление надписи и рисунки крестов он связал с драматическими событиями осады и разгрома Владимира монголо-татарами в феврале 1238 г.

Предположения Н. Н. Воронины, живо перекликающиеся с реальным описанием осады Владимира, нашли сторонников в художественной, научно-популярной и методической литературе и дожили в качестве предположений в описаниях достопримечательностей Владимира до современности.

Непосредственное обследование и фиксации надписи и рисунков уточнило прочтение и истолкование надписи, при этом дополнительно обнаружен ряд неизвестных ранее надписей и рисунков.

В первую очередь нужно остановиться на прочтении первой надписи: вместо «Гюргичь» отчетливо читается **гюргиџ**. Последняя буква не «червь», а «пси» – это отчетливо видно при непосредственном осмотре, на фото и на макрофотографии. Таким образом, надпись на Золотых воротах Владимира не является исключением и принадлежит к широко распространенному типу автографов: «имярек писал», который был одновременно и подписью-автографом и молитвенной надписью, о чем свидетельствует почти обязательное наличие изображения креста рядом; иногда сама надпись-автограф располагалась по сторонам креста. Прочтение надписи «Гюрги писал» сомнения не вызывает. Но в корне меняется смысл начерченного автографа – это не поминальная надпись, а автограф-молитва, сделанный здравствующим человеком.

Относительно датировки надписи: конец XII – начало XIII (скорее, XIII) в. – можно согласиться с первооткрывателем, о чем свидетельствует геометрический стиль почерка, горизонтальные перекладины букв **и** и **ю**. Форма «пси» – с конической чашечкой – хронологически неопределенна. Она известна и в XI–XII вв., и в XIII в., но нарушенная симметрия буквы, скорее, говорит о XIII в., чем о более раннем времени. И сама формула «*имярек писал*» тоже характерна для домонгольского времени. Интересны наблюдения и над именем, представляющим собой переходную форму от древнегреческой «*Георгий*» к русской «*Юрий*». Поэтому можно с большой долей вероятности датировать надпись второй половиной XII–XIII в., скорее, даже началом XIII в., т.е. подтвердить дату, предложенную Н. Н. Ворониным. Но не подтверждается его предположение о том, что второй крест (большого размера на «рогатом подножии») – изображение ханского стяга, поперанного крестом. На самом деле это широко известное изображение креста на Голгофе, действительно имеющей необычную форму. Как правило, она изобра-

² Воронин Н. Н. Оборонительные сооружения Владимира // Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1. М.; Л.: Из-во АН СССР, 1949. С. 208. (МИА; № 11); Его же. Граффити 2 февраля 1238 г. // Славяне и Русь. К 60-летию академика Б. А. Рыбакова. М.: Наука, 1968. С. 132–145..

жается в виде одной или нескольких ступеней либо холма. Иногда внутри холмообразной Голгофы изображается череп – символ праотца Адама.

Таким образом, несмотря на видимую привлекательность гипотезы о связи автографа и рисунков с трагическими событиями осады Владимира татарами-монголами зимой 1238 г., она не выдерживает критики и прежде всего потому, что надпись не поминальная, а молитвенная и называет не Юрьевича, а Юрия (Георгия). Между тем имя Юрий (Георгий) чаще всего упоминается в летописях и других письменных источниках XII–XIII вв. либо как княжеское, либо как имя знатного человека. Если это имя оставлено представителем княжеской династии, то в XII–XIII вв. это мог быть либо Юрий Долгорукий (90-е гг. XI в. – 1157 г.), либо Юрий (Георгий) Всеволодович, великий князь Владимирский (1212–1216, 1218–1237 гг.). Юрий Долгорукий ушел на киевское княжение в 1155 г., успев заложить только внешние Золотые ворота, и спустя несколько лет умер. Таким образом, с Юрием Долгоруким надпись соотнесена быть не может, о чем свидетельствует и палеография. Вторым князем – Юрием Всеволодович – дважды был Владимирским великим князем. Первый раз он получил великое княжение в 1212 г. по «ряду» отца Всеволода III, в обход старшего брата Константина, хотевшего присоединить Владимир к Ростовскому княжению³. Несколько лет спустя он вынужден был с позором покинуть город после поражения в битве у р. Липицы близ Юрьева-Польского (1216 г.). Братья-победители Константин и Владимир на третий день после битвы спешно отправили его «в насадах» по р. Клязьме в Городец. Но уже через год Константин вернулся Юрия из ссылки, вызвав во Владимир и заключив новое соглашение: до смерти Константина он получил Суздаль, а после смерти должен был получить Владимир, что и произошло в 1218 г.⁴ Юрий Всеволодович оставался великим князем до своей гибели в битве с татарами-монголами на р. Сити, где он надеялся соединиться с войсками братьев Ярослава и Святослава. В любое время своего княжения он мог оставить молитвенную надпись в переходе к заборам главных Золотых ворот. Это предположение вполне вероятно, подкреплено датировкой надписи и местом на одном из главных оплотов обороны города – Золотых воротах, увенчанных храмом. Однако нельзя исключить, что надпись оставил и неизвестный нам Юрий, один из воинов, защищавших город, хотя его имени нет в других письменных источниках. Но несомненно одно – перед нами автограф знатного воина.

На той же западной стене перехода обнаружена еще одна надпись, прочерченная крупными, уве-

ренными, редкими буквами. Надпись забелена, но под слоями побелки различаются почти все буквы (повреждены всего две, но они легко восстанавливаются):

г (и) помози ра
в҃у с[в]оему ано
дѣрѣю.

Учитывая сочетание архаичных и более поздних начертаний для надписи имени Андрея, можно предложить дату – XIII в., скорее всего, середина – вторая половина века. Имя Андрей источниками этого времени, в том числе грамотами и граффити, отмечается только как княжеское либо как имя знатных людей. Местонахождение надписи Андрея тоже позволяет предположить в авторе человека, принадлежащего либо княжеской семье, либо высшей дружине. Следует также отметить, что эта надпись находится вблизи надписи с именем Юрия (Гюрги), хронологически в пределах исторической памяти 2–3 поколений. Для владими́ро-суздальской княжеской династии сочетание этих имен вполне обычно.

К сожалению, убедительных оснований связывать эти имена с княжеской династией пока нет, хотя обе надписи (Юрия и Андрея) находятся в непосредственной близости, перед выходом на забор Золотых ворот – главного оборонительного рубежа Владимира и выделяются из общей массы (около 100) безымянных крестов, оставленных, возможно, и неграмотными воинами. Надпись вполне могла быть оставлена и каким-то знатным воином-дружинником в середине – второй половине XIII в.⁵

В укрепленном городке Кидекша у Суздаля, на берегу Нерли, на месте легендарного становища Бориса и Глеба, в 1152 г. был построен Юрием Долгоруким храм во имя святых князей – покровителей княжеской династии. На одной из стен виден отчетливо сохранившийся крест с не читаемой ранее надписью. Расчистка надписи от покрывающих стены микроводорослей позволила рассмотреть плохо читаемую надпись. Надпись составляет короткую фразу – **Ради матирѣ**, где слово «ради» употреблено в современном смысле, но в последнем слове содержатся ошибки: конечный «ять» заменяет собой **ѣ**, а вместо **ѣ** написано **и** (?), хотя должно быть написано: **МАТЕРѣ** (р.п. ед.ч).

По формуле надпись и крест напоминают известные в славянской эпиграфике памятные поминальные кресты, поставленные в поминовение умершим родственникам.

Древнейший из них – так называемый крест, или надпись царя Самуила, датированная 993 г., известный с 1888 г.⁶ Надпись представляет прямоуголь-

³ ПСРЛ. 1962. Т. I. Стлб. 373, 442, 494–502.

⁴ Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Л., 1987. С. 108–109, 114–115.

⁵ Медынцева А. А. Граффити Золотых ворот во Владимире. С. 155–170.

⁶ Иванов Й. Български старини из Македония: [Репринт]. София, 1970. С. 23–25.

ную каменную плиту с вырезанными на ней тремя крестами и надписью, в которой сообщается: кто поставил (в данном случае вырезал) кресты – раб Божий Самуил, в память кого – отцу, матери и брату, указаны их христианские имена и точная дата с годом и индиктом. Известны и древнерусские аналоги подобным поминальным надписям – имеется в виду обломок белокаменного креста с надписью из древнерусского города Ростиславль и Воймерицкий крест с надписью, где сообщается, что братья Богуслав и Лазарь и их мать поставили крест в память по Мирославу⁷.

В данном случае краткая, неформальная надпись вместе с изображением креста заменяла официальный формуляр и, скорее всего, была выполнена мастером-камнерезом.

Около 10 надписей обнаружено в храме Рождества Богородицы в Суздале. Среди них привлекает внимание одна. Она находится на каменном блоке, испещренном разнообразными рисунками крестов, под крупным рисунком восьмиконечного креста на Голгофе с подписью **А НАПСАЛО ШЕСТАКЪ** «А написал Шестаке»⁸. Ранее этот белокаменный блок был вставлен в кладку северо-восточного угла собора, в настоящее время находится в экспозиции. Все три стороны блока буквально испещрены рисунками крестов, остатками надписей. По обе стороны креста – надпись в три строки: **ИС ХС // БЖИ СПЪ // НИ КА**, над всеми словами проставлены четкие волнообразные титла, буквы **ИИ** объединены в лигатуру. Сходство приемов резьбы и единый почерк, как и расположение надписи и креста, безусловно, объединяют их в единый комплекс. Шестаке – древнерусское имя, засвидетельствованное источниками с XV в. В конце слова «псал» вместо **Ъ** написано **О**, в конце имени – «ять» вместо **Е**. В последнем написании (а это действительно «ять»), целиком уместяющееся в строке, с наклонным «коромыслом»), вероятно, проявились диалектные особенности. Во-первых, свойственное древненовгородскому диалекту использование звательной формы вместо именительной и затем замена конечного **Е** на «ять», что говорит о смешении этих звуков в говоре писца (в данном случае в безударном положении), что обычно в любом положении для северо-западных рукописных памятников начиная с XIII в.

Надпись Шестака выполнена четкими, ровными буквами уверенной рукой человека, привычного к письму. Широкие пропорции букв: остроугольные **а, н** – в виде латинских, симметричная **ж** – говорят

о раннем времени. В то же время пропуск **ь** в слове «писаль», написание **о** вместо **ъ** позволяют отнести надпись к рубежу XII–XIII вв. Надпись и рисунок выделяются своим профессионализмом, обнаруживая не только привычку к письму, но и владение специальными инструментами по обработке камня. Есть и другие признаки, обнаруживающие профессиональные привычки к обратной (обронной) резьбе: это обратное расположение слов: божий сын вместо (сын божий) по сторонам креста, зеркальное написание буквы **ъ** в последующем слове и зеркальное же написание лигатуры **и + н**, вместе с профессионально выполненным рисунком и надписью это позволяет предположить в авторе подписи ремесленника, привыкшего резать в камне или на металле обратные изображения (допустим, при изготовлении литейных каменных форм или чеканных работах). Датировка надписи, особенности ее исполнения и красивый четкий рисунок креста позволяют предположить, что крест с подписью Шестака появился в процессе строительства храма.

Среди построенных Андреем Боголюбским храмов, посвященных Богородице, храм Покрова занимает особое место. Расположенный в полутора километрах от княжеской резиденции Боголюбово, при впадении Нерли в Клязьму, храм был построен в 1165 г. Этот всемирно известный памятник архитектуры, кажется, всесторонне изучен до последнего камня, каждого рельефа и орнаментальных деталей, немногословно и сдержанно украшающих белокаменные стены фасадов. Кажется, была ясна и его архитектурная история. Храм неоднократно подвергался поновлениям, едва не был уничтожен в конце XVIII в., получил новую, тяжелую луковичную главу взамен исконной шлемовидной, нынешнее позакомарное перекрытие со сферической кровлей, скрывающей прямоугольный постамент и низ барабана, но сохранил тем не менее основное архитектурное ядро. Некогда он был расписан фресками, которые были полностью сбиты в 1877 г. Неоднократно вокруг храма проводились археологические раскопки, последние – в середине прошлого века – под руководством известного исследователя архитектуры Н. Н. Воронина, давшие неожиданные результаты, во многом меняющие уже кажущийся привычным облик храма. Оказывается, он был поставлен на искусственном холме, облицованном камнем, стены его до половины высоты окружали открытые галереи-гульбища⁹. Несмотря на впечатляющие результаты исследований храма, естественно, что многие вопросы его архитектурной истории остаются до сих пор не изученными. К числу таких вопросов среди прочих относится наличие надписей и рисунков-граффити на его стенах. Нигде до сих

⁷ Коваль В. И., Медведь А. И. Новый памятник средневековой письменности Рязанской земли // РА. 2000. № 1. С. 194–206; Рождественская Т. В. Воймерицкий крест // Висы дружбы: сб. в честь Татьяны Николаевны Джаксон. М., 2011. С. 382–390.

⁸ Вахтанов С. Н. Граффити суздальского Рождественского собора XIII в. С. 110–111.

⁹ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV вв. Т. 1. М., 1961. С. 268–269.

Рис. 1. Резная надпись возле изображения царя Давида на южном фасаде храма Покрова на Нерли

пор не упоминалось об их наличии в храме Покрова на Нерли. Даже в капитальном труде Н. Н. Воронина, обычно упоминающем, а иногда и публикующем их зарисовки, об их существовании ничего не сказано. Специальное обследование храма с целью их выявления обнаружило значительное количество рисунков-граффити и несколько надписей. Среди последних были лишь известны, но не подвергались палеографическому изучению резные надписи при изображении царя Давида в трех закомарах храма. Они неоднократно публиковались вместе с самими композициями, изображающими псалмопевца царя Давида. Сами композиции ясны и однозначны, о чем свидетельствуют и одинаковые надписи, обозначающие композицию: «царь Давид». Вероятно, поэтому и надписи не привлекали к себе внимания, хотя они связаны с первоначальным резным убранством храма и точно датированы 1165 г. Между тем надписи заслуживают внимания хотя бы по датировке и связи с мастерами-резчиками. Обследование надписей со строительных лесов, построенных для ремонтных работ, выявило, что они различны по написанию. Визуальному обследованию удалось подвергнуть надписи на северном и южном фасадах, надпись на западном фасаде осталась недоступной из-за отсутствия лесов, но хорошо просматривается с земли. Удалось рассмотреть и сфотографировать ее хотя бы в ракурсе. В момент осмотра вся поверхность южного фасада была покрыта плотной густой краской, напоминающей жидкую штукатурку, что сглаживало рельефы поверхности и затрудняло фотografiрование. Тем не менее общие начертания глубоко врезанной резцом надписи хорошо прослеживаются. Надпись (рис. 1) расположена над головой царя Давида по правую и левую руку: СТЪ ДВДЪ.

Буквы надписи крупные, четкие, близки к квадрату, все помещаются в строке. Над обеими частями надписи проставлены титла в виде прямой черты. Конечный **Ъ** старательно начерчен на соседнем камне кладки, на некотором расстоянии, что было вызвано наличием строительного шва. Это выдает руку русского (русскоязычного, а не грека) мастера. Петли **Ъ** геометричны и треугольны, **Ъ** написано через **Ъ** и соединено перемычкой, расположенной посередине буквы, **В** симметрична, правая ее часть образована ломаной линией. Буква **Д** с горизонтальной отсечкой оба раза помещается в строке вместе с короткими ножками. Хотя надпись очень кратка, но палеографические особенности ее достаточно выражены. Хотя по берестяным грамотам отмеченные начертания встречаются в разных хронологических группах, например **В** с «переломом» правой части встречается от начала XI до начала XIV в., а «плосковерхие» **Д** – от начала XII до конца XIII в., нужно иметь в виду, что в первом случае не учитывается форма «перелома» и симметричность, а во втором – расположение буквы в строке¹⁰. Общий стиль почерка, широкие редкие буквы, симметричные петли указывают на время до XIII в., а перечисленные выше начертания, **Ъ** с перемычкой посередине очень близки надписи на потире Юрия Долгорукого, датирующемся предположительно до 1151 г.¹¹ Надпись при изображении царя Давида на северном фасаде, как и само изображение, почти идентична по рисунку изображению и надписи на южном настолько, что их легко перепутать. Фигура царя Давида отличается лишь некоторыми деталями: орнаментами на одежде и короне псалмопевца, а надпись – отсутствием конечного **Ъ**, несмотря на наличие свободного пространства. Но расположение надписи, начертания букв выдают руку одного мастера, засвидетельствовавшего ранее свое русское происхождение, и нет оснований относить их к другому времени, чем летописная дата постройки храма – 1165 г. Резные рельефы западного фасада не удалось исследовать, как уже говорилось, с близкого расстояния из-за отсутствия лесов, но, вероятно, они исполнены тем же мастером, о чем свидетельствуют и формы букв и наличие **Ъ** в конце имени.

Помимо резных надписей при рельефах, на стенах внутреннего пространства храма удалось обнаружить некоторое количество рисунков-граффити, появившихся на его стенах в процессе его существования. Это – фрагменты. Но один из них особенно интересен, так как начерчен рядом с необычными для стен храма рисунками.

¹⁰ Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг. М., 2000. Табл. 3, 4.

¹¹ Рыбаков Б. А. Русские датированные надписи XI–XIV веков. М., 1964. Табл. V–VI, № 26. (САИ; вып. E1-44).

С. Н. Вахтанов опубликовал наиболее характерные и хорошо сохранившиеся рисунки-граффити на внутренних и внешних стенах храма. Большинство их традиционны: это рисунки крестов в разных вариантах, строительные метки и бытовые рисунки. Точное количество их не поддается исчислению, так как часто их наличие только предполагается из-за разрушения самого камня, утрат штукатурки или плотного слоя обмазки. Внутренняя поверхность стен к тому же покрыта насечками под живопись и многочисленными следами краски. В некоторых местах (на столбах и откосах порталов) часть изображений перекрывает одно и другое. Все это позволяет проследить только глубоко врезанные изображения и черты.

Формы крестов достаточно многообразны: это и простые симметричные четырехконечные кресты, кресты с расширениями по концам, шестиконечные кресты и кресты на ступенчатой Голгофе. Датировка их затруднительна, но многие из них по своим начертаниям и технике нанесения на камень сближаются с изображениями крестов-граффити на Золотых воротах, датируемых по надписям XII–XIII вв. Но серия так называемых «бытовых» рисунков исключительна и по своей тематике, и по наличию надписи при одном из них. Речь идет об изображениях лошадей, сохранившихся на внутренних стенах и столбах, приблизительно на высоте 1,25–1,3 м от уровня пола¹². Это и единичные изображения и групповые, изображающие табун скачущих коней. Особенно интересны рисунки на северной грани северо-восточного столба, представляющие как групповые, так и одиночные рисунки. Впереди – отдельное, более крупное изображение лошади, за ней следует на переднем плане еще одна лошадь (голова изображения плохо сохранилась), отчетливо видны грудь и задняя нога, на втором и третьем плане просматриваются отдельные силуэты лошадиных голов и круп. На свободном пространстве прочерчены дополнительно еще три глубоко врезанных изображений равноконечных крестов. Но самое интересное – это остатки надписи, сопровождающей, судя по расположению, эти рисунки (рис. 2). Она находится над ними и состоит из трех строк, прочерченных небрежными, глубоко врезанными буквами. Можно различить следующие слова:

КО(Г)ТАНА
ПОКУЗНИ---Г(В)--
КО ЗУ

Отчетливо читается только первое слово. Это имя «Костяня», производное от канонического Константин, в этом имени плохо сохранилась лишь вторая буква **Г**, но она легко восстанавливается по сохранившимся чертам и смыслу. Следующие слова

прочитать трудно из-за повреждений штукатурки, плотной покраски и нестандартности надписи. Во второй строке предположительно читается буква **П** (ее верхняя перекладина просматривается плохо), следующая – **О** – читается отчетливо, ясно видна и декоративная точка посередине буквы, за ней легко рассмотреть **К** с изломом колена и **У**, обозначенное одной ижицей с отчеркиванием отрогов. Совершенно отчетливо читается за ней **З** с верхней частью во всю строку и с «хвостом», начинающимся посередине, по терминологии А. А. Зализняка, – **з** с развилкой. В берестяных грамотах такая форма не редкость и встречается на всем протяжении XII – начала XV вв.¹³. Но как следует из таблицы 9¹⁴, наиболее близкие формы отмечены в группах конца XII–XIV вв. Следующая буква – **Н** с наклонной перекладиной, которая при изменении освещения выглядит как «зеркальная» **Н** из-за случайной царапины. Последнюю букву в этой строке можно восстановить как **И** со слегка наклонной перекладиной. Далее строка сползает вниз и буквы становятся трудно различимы из-за потеков обмазки, утрат штукатурки и солевых выступов. Предположительно можно различить еще две: **Г** и **В** с правой частью, не прикасающейся к мачте, в виде зигзага. Судя по таблицам А. А. Зализняка, подобная форма хронологического большого значения не имеет, так как распространена в грамотах от XI до XIV вв.¹⁵ После может поместиться, судя по окончанию следующей строки, еще две-три буквы. Последняя строка состоит из четырех букв, разделенных изображением креста, прочерченным ранее. До надписи был сделан и рисунок коня, так как буквы его огибают. Первая из них – **К**, вторая – **О**, правый овал которой совпадает с линией, образующей изгиб шеи коня. Последние две буквы читаются отчетливо: это **ЗУ**. Начертания этих последних букв близки к облику этих же букв в третьей строке, как и глубина и размер штрихов (буквы в последней строке только несколько крупнее), так что сомнений в том, что они принадлежат той же надписи, нет. Но плохая сохранность надписи затрудняет и датировку, так как нет уверенности не только в прочтении, но и их начертаниях. Буква **К** в первой строке лучше всего сохранилась, поэтому облик этой буквы можно восстановить именно по первому слову. Она принадлежит к виду, который называется «разомкнутым», т. е. левая часть ее не примыкает к правой. Она довольно симметрична, тщательно написана, верхние и нижние части штрихов выделены отточиями. Во второй строке, как отмечалось, обращает внимание **О** с точкой в середине, так называемое «**О** очное». По наблюдениям Е. Ф. Карского, такое начертание по-

¹³ См. группу «вертикальные, с развилкой»: Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот ... С. 168–169.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 156–157.

¹² Вахтанов С. Н. Средневековые граффити XII – начала XV вв. церкви Покрова на Нерли. С. 91.

Рис. 2. Изображения лошадей с надписью-граффити «Костяня» на северной грани северо-восточного столба. Прорись С. Н. Вахтанова. Исправлена по сравнению с публикацией 2011 г.

является в южнославянских рукописях в отдельных словах начиная с XI в., а в восточнославянских – в Рязанской кормчей 1284 г. и позже. «Такое очное \diamond тянется в рукописях через все века употребления устава и полуустава...»¹⁶. Для памятников эпиграфики такая форма не характерна. Впервые похожая на \diamond очное форма появляется на ковчеге Дионисия 1383 г., но две точки здесь проставлены не внутри, а над буквой¹⁷. В берестяных грамотах \diamond с точкой внутри довольно распространено: впервые оно отмечено в смоленской берестяной грамоте начала XIII в. (очное \diamond широкое и узкое), и становятся довольно обычной и та и другая формы на протяжении XIV – начала XV вв. В надписи Костяни очень отчетливо видна узкая \diamond с точкой внутри во второй строке, в двух других случаях уверенности нет из-за плохой сохранности поверхности камня. Важны наблюдения над начертаниями Ψ , встреченной два раза. В обоих случаях звук обозначен не диграфом ($\diamond\Psi$), а лишь одной ижицей. Очень важны для датировки выводы А. В. Арциховского, сделанные по материалам первых берестяных грамот Неревского раскопа, что обозначение этого звука через ижицу, без \diamond , является в XII в. как исключение, а обычно встреча-

ется лишь в более поздних грамотах¹⁸. В датированных надписях обозначение этого звука через диграф встречается на всем протяжении XI–XIV вв., в то время как написание через одну ижицу редко для XII в. и обычно для более поздних надписей, в основном XIV в.¹⁹ К сожалению, в таблицах А. А. Зализняка не прослежен этот признак, формы Ψ и $\diamond\Psi$ не разделяются. Но сочетание признаков, встречающихся в основном в XIII–XIV вв. и позже в надписи, состоящей из нескольких слов, дает некоторые основания отнести ее и, следовательно, рисунки ко времени не ранее конца XIII – начала XV вв.

Перевод надписи также затруднен как из-за плохой сохранности, так и из-за нетрадиционности содержания. Уверенно просматривается равноконечный крест в начале надписи и имя – *Костяня*. В следующей строке читается слово – *покузн(и)*. Возможно, это производное от глагола *ковати, кую*, откуда – *кузь, кузнец* и т. п. Этот глагол в древнерусском языке имел много значений, помимо современного он означал: делать, замышлять недоброе, заковывать, подковывать лошадей и т. п.²⁰ В сочетании с рисунками естественно предположить, что

¹⁶ Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. М., 1979. С. 196.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Указ. соч. Табл. XI–XII, № 54.

¹⁸ Арциховский А. В. НГБ (из раскопок 1958–61 годов) М., 1963. С. 32

¹⁹ Рыбаков Б. А. Указ. соч. № 46–47 и др.

²⁰ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 7. М., 1980. С. 213; Вып. 8. М., 1981. С. 110–111.

речь идет о ковке лошадей. В таком случае это слово следует понимать как императив от глагола *покузнить*. Но такого глагола в словарях не отмечено, известен только глагол – *кузнечити*²¹. Прояснить его значение мог бы контекст, но далее видны лишь несколько черточек от изображения креста (?), потом предположительно буквы **БВ** и снова поврежденная штукатурка, где могли бы поместиться 2–3 буквы, и в следующей строке читается слово **КО ЗУ** (козу – в.п. ед.ч. ж.р.), разделенное вертикальной перекладной креста, начерченного ранее. Помимо современного смысла это слово употреблялось в значении «рычаг для метания камней с крепостных стен» и еще как «вид светца»; уменьшительное *козица* обозначало мешок из шкуры, пошлину, волынку²². Если следовать сохранившемуся тексту, то его можно понять как обращение к автору рисунков: *Костяня, покузни (подкуй, отведи в кузницу) свою козу*. На Руси начиная с древнейших времен лошадей подковывали, о чем говорит коллекция подков, найденных при археологических раскопках. Сомнение вызывает глагол *покузни*, не зафиксированный словарями. Но сохранившиеся остатки слов в сочетании с рисунками лошадей, наименее удачными из всех, где изображение лошади действительно напоминает козу с рожками, заставляет отдать предпочтение такому осмыслению надписи. Вероятно, перед нами остатки диалога двух подростков (как можно судить по высоте расположения рисунков и надписи). Один из них (Костяня?) с упоением изображал табуны лошадей или отдельно рысющую лошадь – картины, которые он мог наблюдать на заливных лугах в окрестностях храма, другой над ним подшутил, назвав изображенную товарищем лошадь козой. Отрывочность надписи позволяет понять ее и несколько иначе: может быть, как «Костяня напроказил козу». При таком варианте следует восстановить глагол как *покузни(ль)*, где два последних знака не сохранились. И в этом случае тоже имеется в виду неудачный рисунок лошади, напоминающей козу. Но сохранившиеся буквы и цезуры заставляют предпочесть первый вариант. В чем нельзя сомневаться, так это в чтении имени – *Костяня* и в дате, хотя и достаточно широкой, но относящей рисунки и надпись к Средневековью (от конца XIII до начала XV вв.).

Резные надписи обнаружены и в храме Георгия в Юрьеве-Польском. Некоторые из них одновременны резному убранству (1234 г.), другие (датированные) относятся уже к началу XVI в. Одна из современных эпохе строительства собора надпись не является обозначением имени святого, хотя и расположена рядом с изображением Спаса Нерукотворного.

²¹ Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. С. 110.

²² Там же. Вып. 7. С. 222–223.

Этому сюжету была посвящена специальная статья Г.К. Вагнера. В ней он обосновал гипотезу о том, что главным был мастер, исполнивший два рельефа Спаса Нерукотворного на стене северного притвора над входом. Возле правого рельефа была прочитана надпись «Баку...», которую он посчитал именем мастера²³. Считалось, что она представляет собой недописанное или искаженное имя от канонического «Аввакум» (древнерусский вариант – Абакум). Обследование надписи *in situ*, сделанные прориси и новые фотографии позволяют уточнить существующие прочтения. Рельеф и надпись хорошей сохранности, расположены на соседних блоках, но растительный орнамент и нимб святого составляют на них единое целое, следовательно – они вырезались одновременно. Надпись расположена на специально оставленном для нее месте. На парном рельефе Спаса Нерукотворного, расположенном слева от входа, все пространство между нимбом и соседним блоком занимает растительный орнамент. Следовательно, надпись, вырезанная крупными буквами специальным инструментом, не может быть случайной и входит в первоначально задуманную композицию. В целом колончатая надпись читается: **Бакае: \'/**; она заканчивается орнаментальным «крином». Логично предположить, что орнаментальная колончатая надпись рядом с изображением в нимбе должна называть имя святого, но, как мы видим, она не имеет отношения ни к изображению Спаса, ни к патрональным святым княжеской династии.

В то же время среди личных собственных имен, зафиксированных источниками, имеются: новгородец Бакай Игнатъев – 1498 г. и фамилия Бакеевы, известная по источникам приблизительно с того же времени²⁴; в словаре Н.М. Тупикова отмечен крестьянин Осипко Бакай – 1634 г. и там же имя Бака – 1570 г.²⁵

Надпись Бакае можно объяснить как личное собственное имя в звательной форме в значении именительной. Ее употребление вместо номинатива А.А. Зализняк считает особенностью новгородского диалекта, но в данном случае нет уверенности в том, что здесь представлена звательная форма, так как на письме **е** могло обозначать **ј**, т.е. надпись могла передавать имя, звучавшее как «Бакай» (т.е. номинатив). Происхождение и семантика его неясны. Несмотря на тюркоязычное звучание, оно, возможно, родственно слову «бакуня», которое М. Фасмер был склонен объяснять, вслед за В. Далем, как производное от глагола «бакать», сохранившегося в ряде славянских языков в значении «болтать, много говорить», или от уменьшительной формы имени

²³ Вагнер Г.К. О главном мастере Георгиевского собора 1234 г. в Юрьеве-Польском // СА. 1966. № 3. С. 99–108.

²⁴ Веселовский С.Б. Ономастикон. М., 1974. С. 21.

²⁵ Тупиков Н.М. Словарь древнерусских личных собственных имен // ЗОРСА. Т. VI. СПб., 1903. С. 93.

Аввакум, Амбакум²⁶. Таким образом, не исключено, что несколько иначе читаемая надпись возвращает нас к имени «Бакун» (Аввакум), как это предлагал Г. К. Вагнер. Очень важна датировка надписи, хотя само исполнение связывает ее со временем построения собора. К сожалению, для палеографической датировки данных мало. Сравнение ее с надписями при других рельефах и надписью на Святославовом кресте (1234 г.) из этого же храма показывает, что она выполнена иным почерком, что вполне объяснимо, так как Г. К. Вагнер насчитал не менее 11 мастеров, работавших над резьбой. В качестве палеографических признаков с широкой датой можно отметить несокращенный верх букв **Б** и **К**, что обычно для устава XI – первой половины XIII в., но встречается и позднее. Датировочным признаком может быть лишь начертание **А** – в обоих случаях с наклонной правой чертой и небольшой «оплывшей» петлей, что в рукописях обычно для XIII в.²⁷ и характерно для надписей начиная с XIII в. Но похожие начертания встречаются и в XII в., и в середине XIV в.²⁸ В целом палеография надписи не противоречит датировке ее XIII в. и отнесению ко времени строительства храма (1224–1234 гг.), хотя она и не находит аналогий в каллиграфических, вытянутых пропорциях других надписей при изображениях святых и летописной записи на Святославовом кресте. Можно предположить, что она появилась во время восстановления храма в конце XV в. Но палеографических особенностей именно этого времени нет, в то время как наличие специально оставленного места в системе общей композиции рельефа и орнамента

²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Репринт. Т. I. М., 1986. С. 109.

²⁷ Щепкин В. Н. Русская палеография. [Репринт]. М., 1967. С. 114–116.

²⁸ Рыбаков Б. А. Указ. соч. № 17, 21 – XII в.; № 44 – XIII в.; № 46 – 1329 г.

говорит о синхронности надписи и резьбы собора, т. е. относит ее к 20–30 гг. XIII в. (до 1234 г.).

Тематически надписи-граффити также связаны с храмовыми постройками, что следует из их содержания, а частично и местоположения. Например, часть надписей из Успенского собора во Владимире обнаружена в алтаре, куда доступ имели только люди, связанные с церковью. Из всех надписей-граффити владими́ро-суздальских храмов только несколько можно считать условно светскими, не связанными с религиозно-обрядовой тематикой. Такова, например, надпись Костяни из Покровского храма на Нерли.

Обзор сохранившихся раннесредневековых надписей-граффити Владимиро-Суздальской Руси говорит о широком распространении грамотности не ранее XII–XIII вв. среди слоев населения, связанных с клиром, профессиональными переписчиками, знатью и высококвалифицированными ремесленниками. Дальнейший ее рост, по данным граффити, отмечается только в XVI вв., что, очевидно, является отражением сохранности древних фресок. По этим данным для Владимиро-Суздальской Руси невозможно говорить о широком распространении грамотности ранее середины – второй половины XII в., так как сами сохранившиеся храмы были построены не ранее этого времени. Просто мы должны констатировать, что для суждения о грамотности ее жителей в более раннее время материал граффити не показателен. Но отсутствие других эпиграфических памятников ранее середины XII в. и появление датированных надписей приблизительно в это же время (потир Юрия Долгорукого, Нерльский крест, антими́нс 1148 г.) уже заставляют задуматься о синхронности появления белокаменной архитектуры, устройства монастырей с их библиотеками и училищами и появления большого количества грамотных людей.

Summary

A. A. Medyntseva

Medieval Inscriptions and Graffiti from the Vladimir and Suzdal Russian Principality (12th–15th Centuries)

This article is devoted to a survey of graffiti and inscriptions dating from the 12th–13th centuries to the 15th century found or re-investigated in the course of the last decade. Materials from individual sites are re-examined and to this end the best preserved specimens are selected which are on subjects typical for graffiti. As in other buildings for worship these inscriptions include prayers, memorial and other inscriptions connected with everyday religious practice. There is

only one inscription which constitutes an exception – one with domestic content from the Church of the Intercession on the River Nerl.

The purpose of this research is to provide a general assessment of the inscriptions and graffiti found in architectural monuments of the Vladimir-Suzdal principality and constituting a new historical resource and of their significance for shedding light on literacy in this region of medieval Rus.

Часть VI

НУМИЗМАТИКА

Сребреник Владимира Святославича из Новгорода

Древнейшие русские монеты – «первый увековеченный в металле материальный комплекс памятников русской государственности, внушительное собрание миниатюрных памятников ремесла и изобразительного искусства, языка и письменности конца X – начала XI в.»¹. Изготовление монет Владимиром Святославичем (около 960–1015), Святополком Ярополчичем (около 979–1019) и Ярославом Владимировичем (около 978–1054) продолжалось не более 30 лет. Их выпуски, вероятно, были незначительными, а сама попытка русских князей наладить самостоятельную чеканку звонкой монеты оказалась кратковременным неудачным эпизодом в тысячелетней истории русской денежной системы. К началу XXI в. зарегистрировано 11 златников и около 400 сребреников². Но сам факт чеканки первых русских золотых и серебряных монет отразил два основополагающих политических события в развитии Руси: образование древнерусского государства с центром в Киеве и принятие христианства в качестве государственной религии³.

¹ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.: Искусство, 1983. С. 5.

² Там же. С. 105–111; Моисеенко Н. С., Сотникова М. П. Новые данные об исследовании древнейших русских монет // Нумизматический сборник [Московского нумизматического общества]. № 13. М., 2006. С. 24–39; Зайцев В. В. О новых находках древнерусских монет X–XI вв. // Средневековая нумизматика Восточной Европы. М., 2007. Вып. 2. С. 5–22; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Древнейшие русские монеты // Русь в IX–X вв.: археологическая панорама / отв. ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 411. В это число не входят около 90 сребреников из Нежинского (1852 г., около 200 монет, 20 не разысканы) и Киевского (1876 г., около 120 монет, 70 погибли в качестве ювелирного сырья) кладов. См.: Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 49, 55–56; Сотникова М. П. Древнейшие русские монеты X–XI вв. как исторический источник: автореф. дис. ... докт. ист. наук / АН СССР. ЛОИА. Л., 1990. С. 9.

³ Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 403.

Считается, что все монеты Владимира (златники и 4 типа сребреников) и Святополка (2 типа сребреников) изготавливались в Киеве, а сребреники Ярослава (2 типа) – в Новгороде⁴. Топография находок древнейших русских монет подтверждает такое заключение. Клады, включающие в себя монеты Владимира и Святополка, зарегистрированы на территории всей Древней Руси. Но единичные находки сребреников этих князей встречаются преимущественно в Южной Руси (Киевское, Черниговское и Переяславское княжества). Наибольшая их концентрация сосредоточена в бассейне Верхнего и Среднего Днепра и его притоков – по основному торговому водному пути, связывавшему Древнюю Русь с Византией и Северной Европой⁵. В последние годы отмечены находки единичных сребреников Владимира и Святополка в более северных землях: Курской, Брянской, Тульской, Калужской, а также во Владимирской областях⁶. Монеты Ярослава зарегистрированы за единственным исключением только на севере, по большей части на территории западных соседей Новгорода и в Скандинавии. Лишь один сребреник Ярослава, ставший известным в конце XVIII в., происходит из Киева⁷.

В 2008 и 2010 гг. Новгородская археологическая экспедиция ИА РАН провела широкомасштабные раскопки в северо-западной части Людина конца средневекового Новгорода. Здесь на четырех раскопах (общая площадь около 4000 кв. м), расположенных к востоку от Десятинного монастыря, был вскрыт и

⁴ Там же. С. 413, 421, 426.

⁵ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 47–58; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 412.

⁶ Зайцев В. В. Указ. соч.; Родина М. Е. Находки с селищ у с. Тарбаево близ Суздаля в собрании Владимиро-Суздальского музея-заповедника // Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. Вып. 4. М.; СПб., 2012. С. 86–87, рис. 1, 1.

⁷ Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 412, 426–429.

Рис. 1. Ситуационный план раскопов Великого Новгорода.
Стрелкой отмечен Десятинный 4 раскоп, из которого происходит сребреник Владимира Святославича

полностью изучен культурный слой мощностью до 2,0–2,5 м⁸. На Десятинном IV раскопе в 2010 г. в слое первой половины XI в. впервые в Новгороде обнаружен сребреник киевского князя Владимира Святос-

лавича⁹ (рис. 1, 2). В некоторых местах слой этого времени достигал 0,4 м, но синхронных ему сооружений рядом с монетой не выявлено, поскольку напластования сильно повреждены огородами, существовавшими здесь во второй половине XI в. Из слоя с публикуемой находкой происходят ременные накладки, нательные кресты, западноевропейские монеты¹⁰.

⁸ Олейников О.М. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2008 г. (Десятинный I, III, IV раскопы) // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 36–44; Фараджева Н.Н. Археологические исследования на раскопе Десятинный II в 2008 г. // Там же. С. 46–60; Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2010 г. (Десятинный IV раскоп) // ННЗ. Вып. 25. Великий Новгород, 2011. С. 40–43.

⁹ Паспорт находки: участок 4, квадрат Ж–8, глубина –200 см, № 221.

¹⁰ Гайдуков П.Г., Олейников О.М. Работы в северо-западной части Людина конца Великого Новгорода в 2010 г. С. 41, 43.

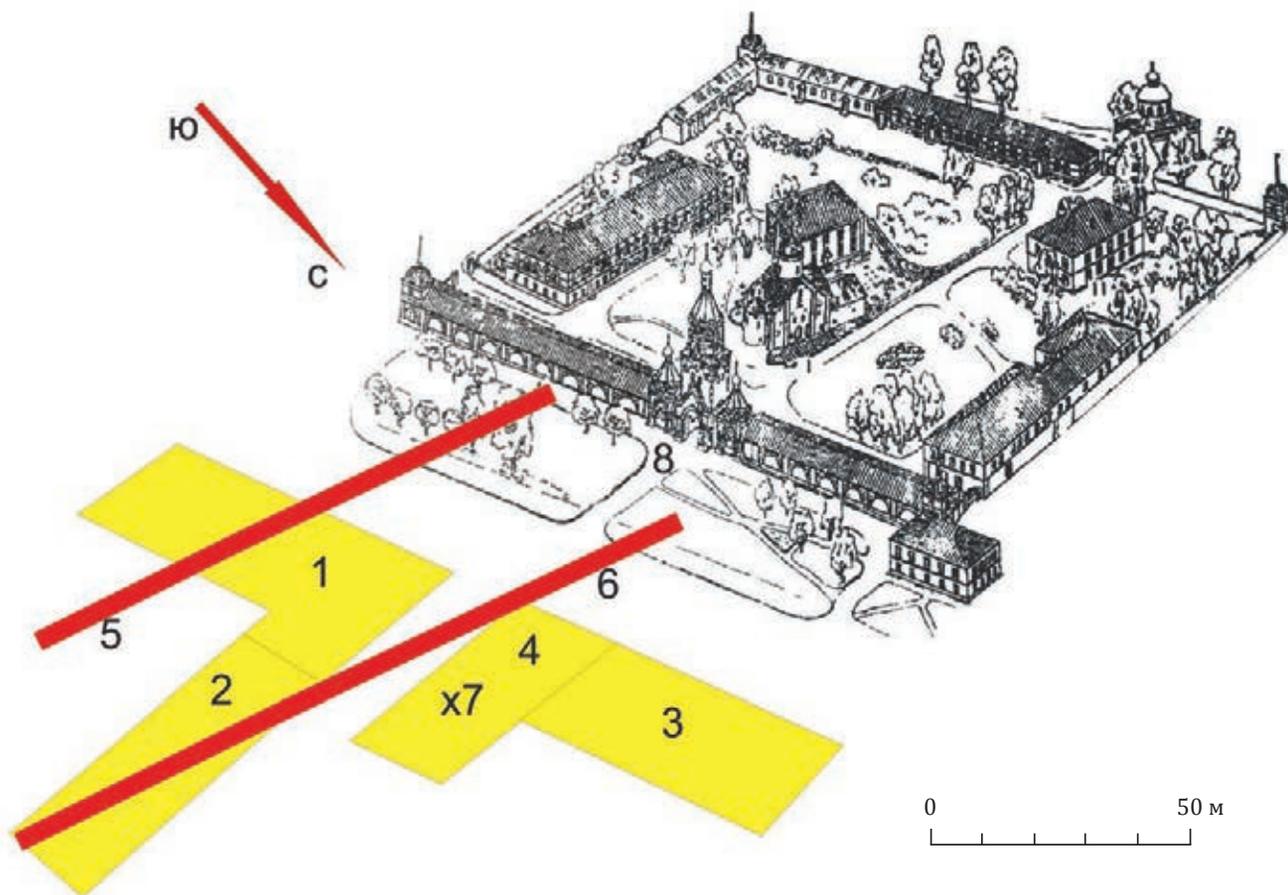

Рис. 2. Ситуационный план Десятинных раскопов.

1 – раскоп Десятинный 1; 2 – раскоп Десятинный 2; 3 – раскоп Десятинный 3; 4 – раскоп Десятинный 4; 5 – Волосова улица до начала XIII в.; 6 – Добрыня улица до начала XIII в.; 7 – место обнаружения сребренника Владимира Святославича; 8 – Десятинный монастырь

Сребренник отчеканен на кружке из металла серебристо-серого цвета с проступающими в отдельных местах коричневыми пятнами. Монета сохранилась очень плохо. Она сильно потерта, края обломаны или выкрошились, в поле имеется сквозная трещина и круглое отверстие. Диаметр сребренника – 25–26 мм, толщина – 0,4–0,5 мм, вес – 1,34 г. Соотношение осей прямое (↑↑)¹¹ (рис. 3).

Несмотря на значительные утраты изображения, в новгородской находке надежно опознается сребренник Владимира Святославича четвертого типа. На лицевой стороне таких монет помещалось изображение князя, сидящего на престоле без спинки (с нимбом вокруг головы, в плаще и шапке, с крестом в правой руке), и круговая надпись: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ. На оборотной стороне –

изображение княжеского знака в виде трезубца, вокруг которого продолжение круговой надписи: А СЕ ЕГО СРЕБРО¹². Из-за плохой сохранности абсолютно точно отождествить монету с известными сребренниками затруднительно, но наиболее близкими (если не идентичными) штемпелями отчеканен сребренник № 172 из Сводного каталога древнерусских монет (рис. 4)¹³.

Из 245 серебряных монет Владимира, опубликованных в Сводном каталоге, сребренников типа I насчитывается 77 экз., типа II – 86, типа III – 58, а

¹² Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 422, рис. 15.

¹³ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 178. № 172-1 (хранится в Национальном музее истории Украины). Сравнение сохранившихся деталей изображения князя на новгородской находке производилось также по сребреннику № 171-1, лицевая сторона которого тождественна № 172-1.

¹¹ Хранится в НГОМЗ, без номера.

Рис. 3. Сребреник Владимира Святославича четвертого типа.
 Великий Новгород, Десятинный IV раскоп, находка 2010 г.
 Фото П. Г. Гайдукова (увеличено в 2 раза), прорись В. В. Зайцева (натуральная величина)

Рис. 4. Сребреник № 172 из Сводного каталога древнерусских монет (увеличено в 2 раза).
 (См.: Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России.
 Сводный каталог русских монет X–XI вв. Л.: Искусство, 1983. С. 178. № 172: 1.)
 Отчеканен, вероятно, теми же штемпелями, что и новгородский srebrnik

типа IV – 24 экз. (отчеканены 13 штемпельными парами)¹⁴. Все монеты четвертого типа найдены на территории Южной Руси. 21 сребреник происходит из Нежинского клада, один – из клада с. Денисы Полтавской губ. Еще две монеты – единичные находки. Они обнаружены в 100 верстах от Ростова-на-Дону (вероятно, на Цимлянском городище) и на берегу Днепра в с. Вышенки Черниговской губ.¹⁵

Точно датировать выпуск монет Владимира Святославича невозможно. Высказано предположение, что изготовление златников и сребреников I типа было приурочено к крещению Руси и женитьбе Владимира на сестре византийских императоров Василия II и Константина VIII. Сребреники II–IV типов являются вторым монетным выпуском, осуществленным после значительного перерыва, в последние годы правления Владимира¹⁶.

До недавнего времени на Северо-Западе России было известно о находке лишь одной древнерусской монеты. Маленький фрагмент сребреника Владимира первого типа входил в состав монетного клада весом около 3 кг, найденного в с. Молоди Псковской губ. в 1878 г. Он был захоронен около 1010 г. и состоял исключительно из мелких кусочков серебряных монет X – первой четверти XI в.: куфических, византийских, германских, англосаксонских и чешских. Клад разобран в 1880 г. В.Г. Тизенгаузен и Ю.Б. Иверсен, а сребреник впервые опубликован И.И. Толстым¹⁷.

В 2013 г. в Новгородский музей-заповедник поступил на хранение сребреник Владимира четвертого типа, найденный незадолго до этого близ д. Раджа Батецкого района Новгородской области¹⁸.

Таким образом, новгородский сребреник Владимира является второй единичной находкой подобных монет на северо-западе Древнерусского государства, что значительно расширяет общий ареал их распространения.

В научной литературе сложилось мнение, что большинство сребреников изготовлено из низко-

¹⁴ Там же. С. 121–180; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 413, 415, 417, 421.

¹⁵ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 48–49, 176, 178. № 166-1, 170-1, 171-1.

¹⁶ Там же. С. 81; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 421.

¹⁷ Толстой И. И. Древнейшие русские монеты Великого княжества Киевского. СПб., 1882. С. 14, № 10 а, табл. 12, 2; Марков А. А. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910. С. 37, № 210; Бауер Н. П. Древнерусский чекан конца X и начала XI в. // Известия ГАИМК. Т. V. Л., 1927. С. 306; Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik. Bd. 39. Berlin, 1929. S. 133–134, № 50; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 57. № 21.

¹⁸ НГОМЗ, КП 47228. Сребреник имеет плохую сохранность. Он истерт так, что от изображений видны лишь контуры, на краю имеется круглое отверстие и слом. Вес монеты 2,13 г. Не опубликована. Отчеканена, по всей вероятности, штемпелями № 165 по Сводному каталогу. См.: Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 176, № 165-1.

пробного серебра или из меди с небольшими его добавками¹⁹. Оно базируется на результатах массового пробирования сребреников, проведенного в Эрмитаже в 1960-х – первой половине 1970-х гг. Установлено, что лишь монеты Ярослава имеют очень высокую пробу серебра (960–970°). Данные по монетам двух других правителей показали значительное наличие серебра (от 960° до 300°) лишь у одной трети сребреников, в составе же остальных монет его мало или вообще нет²⁰. Пробированию подверглось более 140 сребреников Владимира всех типов. Выяснилось, что металл 70,2% из них практически не содержит серебра. У 17,0% монет проба составила 300–500°, у 2,8% – 600–720°, у 3,6% – 800–860°, у 6,4% – 875–960°. Таким образом, лишь около 10% монет оказалось с пробой серебра, превышающей 800°²¹.

Недавно Н.С. Моисеенко высказал сомнения в результатах анализа состава металла сребреников и призвал к их пересмотру. «Ознакомление с результатами проведения пробирования монет в 1950–1960-х годах в Государственном Эрмитаже, выполненного по технологии XVIII–XIX вв. – путем царапания иглой, механического соскоба, высверливания или вытравливания части поверхности монеты и дальнейшего сравнения получившегося после указанных операций цвета металла с эталоном на пробирном камне, в свете современных исследований позволило поставить под сомнение достоверность опубликованных сведений о содержании серебра в древнерусских монетах»²². С этой целью исследователь подверг рентгенофлуоресцентному анализу (РФА) поверхность 30 пробированных ранее сребреников и обнаружил значительные несоответствия с полученными ранее результатами. Так, из 22 монет, признанных изготовленными из недрагоценного металла, «12 имеют пробу ниже 275°, 8 – 300–450° и 2 – 650–700°, то есть почти половина опробованных экземпляров оказалась биллоном, хотя и в большинстве своем низкопробным». Кроме старых коллекционных монет Н.С. Моисеенко, удалось опробировать методом РФА некоторое количество сребреников, обнаруженных в последние годы. В результате исследования состава металла монет он пришел к заключению, что сребреники «в основной своей массе являлись биллоновыми монетами, что позволяло им быть средством не только местного, но и международного денежного обращения»²³.

¹⁹ Моисеенко Н. С. Так ли уж низкопробны древнерусские сребреники? // Нумизматические чтения ГИМ. 2011 г. М., 2011. С. 44–45.

²⁰ Сотникова М. П. Итоги изучения русских монет X–XI веков в Государственном Эрмитаже // Прошлое нашей родины в памятниках нумизматики. Л.: Аврора, 1977. С. 9; Сотникова М. П., Спасский И. Г. Указ. соч. С. 109, табл. 4.

²¹ Там же; Гайдуков П. Г., Калинин В. А. Указ. соч. С. 421.

²² Моисеенко Н. С. Указ. соч. С. 45.

²³ Там же. С. 45–47.

Таблица 1
Химический состав сребреника

Элемент	Л. с.: изображение князя на престоле (РФА)	О. с.: изображение трезубца (РФА)	Среднее
Ag	63,81	56,70	60,25
Cu	33,91	41,70	37,80
Pb	1,15	0,80	0,97
Sn	0,55	0,31	0,43
Bi	0,37	0,26	0,31
Au	0,15	0,13	0,14
Zn	0,06	0,03	0,04

Для определения химического состава сплава новгородского сребреника был использован неразрушающий аналитический метод РФА²⁴. Анализ подверглись обе стороны монеты (табл. 1). Исследования показали, что сребреник изготовлен из двухкомпонентного сплава, содержащего ~60% серебра и ~38% меди. В небольших количествах присутствуют свинец (~1%), олово (~0,4%), висмут (~0,3%), золото (~0,1%) и цинк (<0,1%).

Медь является обычным легирующим компонентом в сплавах серебра. Чистое серебро мягкое и быстро истирается, поэтому средневековые мастера сплавляли его с чистой медью, латунью и бронзой. Медь повышала механическую твердость и прочность сплава, сохраняя при этом пластичность, ковкость и красоту благородного металла²⁵. Следует отметить, что причиной «разубоживания» серебра могли быть не только технологические преимущества получаемых сплавов, но и суровая необходимость экономить ценное ювелирное сырье.

В отличие от меди, добавляющейся в сплав осознанно, свинец, олово, висмут, золото и цинк попадали в сплав либо при использовании тиглей, в которых неоднократно проводились плавки сырья самого разнообразного состава и качества, либо в составе металла, имевшегося в распоряжении мастера. Для древнерусских ювелиров единственным источником цветных и благородных металлов вплоть до XVII в. была внешняя торговля, при которой серебро и медь ввозились преимущественно в виде многократно переплавленной продукции.

²⁴ Изучение состава металла сребреника выполнено в лаборатории анализа минерального вещества ИГЕМ РАН на рентгенофлуоресцентном спектрометре последовательного действия (PW 2400, Philips Analytical) ведущим специалистом метода А. И. Якушевым. Метод РФА обеспечен утвержденными методиками анализа и государственными стандартными образцами.

²⁵ Андриюшенко А. И. Руководство золотых и серебряных дел мастерства. Нижний Новгород, 1904. С. 7.

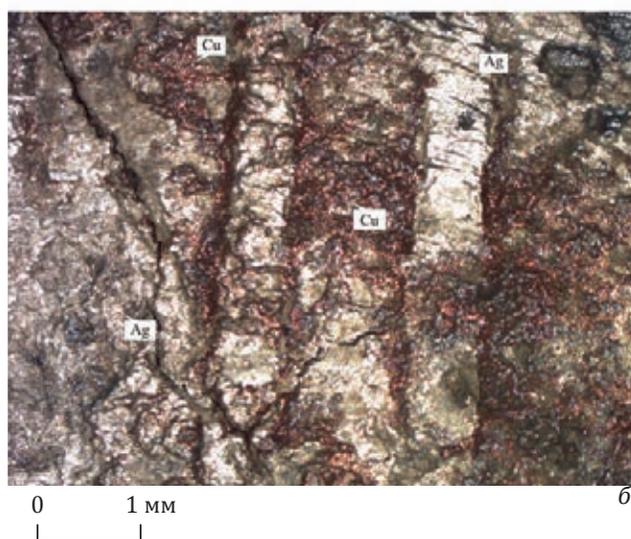
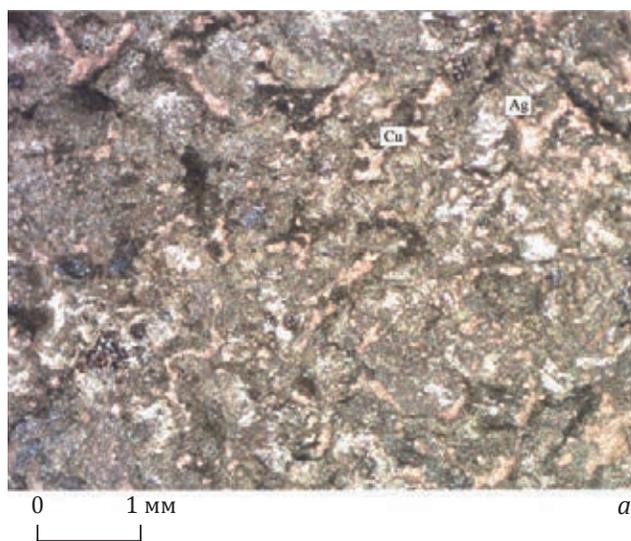

Рис. 5. Структура поверхности сребреника, образованная светлым серебром (Ag) и красноватой медью (Cu): а – лицевая сторона сребреника (с изображением князя на престоле); б – оборотная сторона сребреника (с изображением трезубца). Изображения получены на стереомикроскопе Olympus SZ61

На микроуровне серебряные отливки всегда неравномерны по составу, однако сплав сребреника крайне неоднороден даже на макроуровне: визуально хорошо различимы красноватые образования меди на фоне светлого серебра (рис. 3, 5).

Для исследования неоднородностей сплава были использованы методы электронной микроскопии, позволяющие провести количественный элементный анализ в микрообъеме вещества и по-

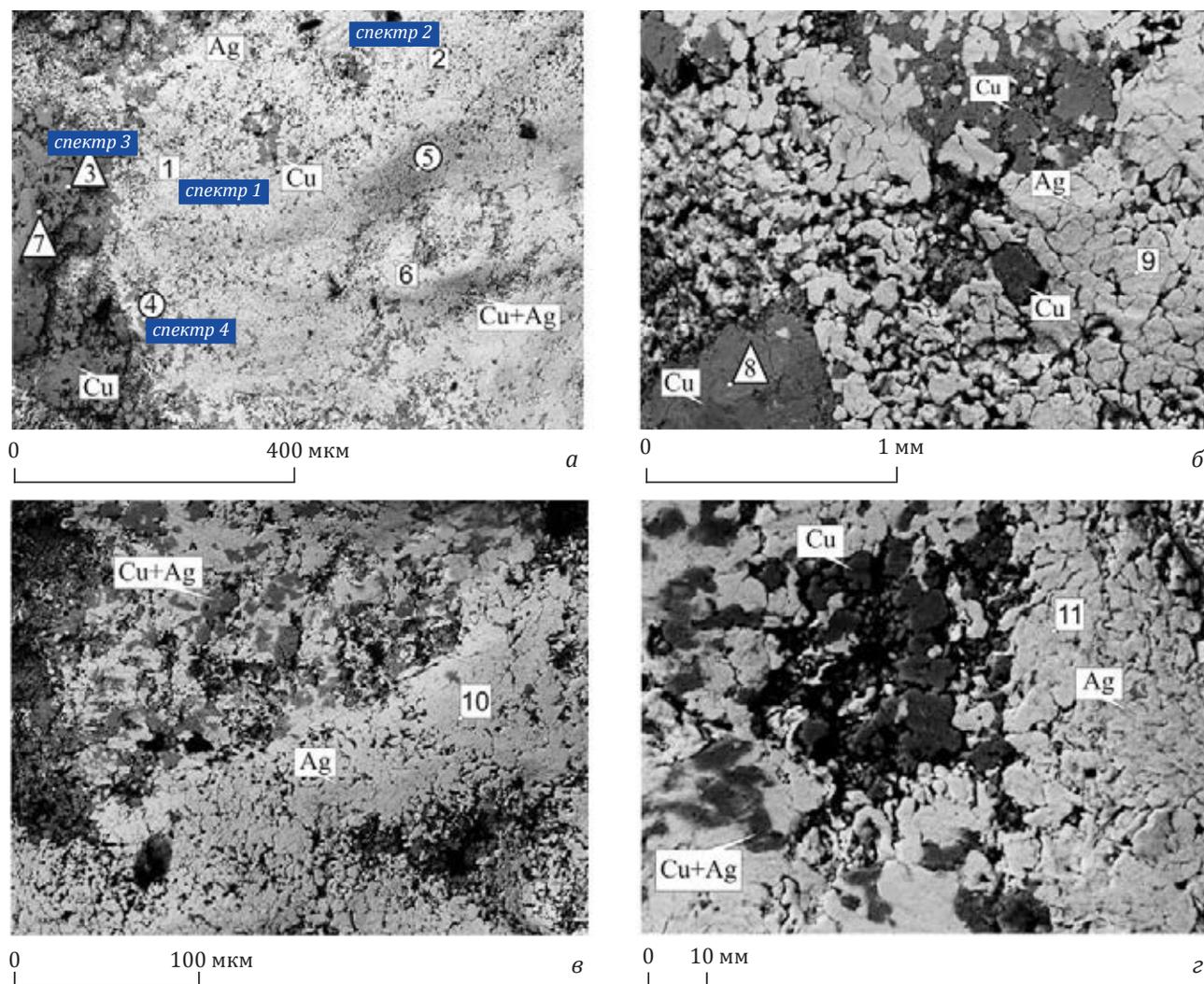

Рис. 6. Микронеоднородность сплава серебреника. Электронно-микроскопические изображения в режиме обратно-рассеянных электронов (BSE), показывающие композиционный контраст сплава. Светлые области образованы серебром (Ag), светло-серые – смесью меди и серебра (Cu+Ag), тёмные – медью (Cu). Цифрами обозначены номера аналитических спектров, соответствующие таблице 2

лучить электронно-микроскопические изображения поверхности серебреника (табл. 2; рис. 6)²⁶.

На электронно-микроскопических изображениях поверхность серебреника контрастна: область, содержащая элементы с высоким атомным номером, более светлая по сравнению с областью, сложенной элементами с меньшим атомным номером. На фотографиях видно, что микроструктура сплава серебреника состоит из трёх фаз: более светлой – серебра (Ag, атомная масса 107,9), более тёмной – меди (Cu, атомная масса 63,54) и светло-серой фазы, пред-

²⁶ Микроанализ проведён на аналитическом сканирующем низковакуумном электронном микроскопе JSM-5610LV (JEOL, Япония), оснащённом энергодисперсионным рентгеновским спектрометром INCA Energy-450 (Великобритания, Oxford Instruments), в лаборатории кристаллохимии минералов ИГЕМ РАН Н. В. Трубкиным.

Таблица 2
Фазовый химический состав серебреника по данным микроанализа

Спектр	Рис.	Содержание элементов, %	
		Ag	Cu
1	6, а	92,0	7,9
2	6, а	94,2	5,7
3	6, а	-	92,85
4	6, а	18,43	81,5
5	6, а	2,43	89,96
6	6, а	94,0	6,0
7	6, а	-	97,86
8	6, б	-	97,6
9	6, б	95,0	4,9
10	6, в	94,5	4,5
11	6, г	96,1	2,8

ставляющей собой смесь меди и серебра (Cu+Ag). Микронзондовый анализ этих областей показал, что светлые фазы на 92–96 % состоят из серебра (рис. 6, а–г: спектры 1–2, 6, 9–11); тёмные фазы сложены самородной, немного окисленной медью (рис. 6, а–б: спектры 3, 7, 8); светло-серые участки сплава состоят из меди (~80–90 %) с примесью серебра (рис. 6, а: спектры 4, 5).

Неоднородность сплава, из которого был изготовлен сребреник, обусловлена сложностью металлургического процесса, контроль за которым мастер-литейщик XI в. осуществлял исходя из собственного опыта.

Двухкомпонентный сплав серебро – медь при переходе из жидкого состояния в твёрдое образует твёрдый раствор с ограниченной растворимостью. Если в сплаве растворимый компонент присутствует в количестве, превышающем собственную предельную растворимость, то образуется структура, состоящая из «матрицы» и выделившегося другого твёрдого раствора. При медленном охлаждении эта избыточная фаза выделяется по границам твёрдого раствора («матрицы»). При переходе из жидкого в

твёрдое состояние сплавы имеют свойство распалиться на составные части, имеющие разные точки плавления (явление ликвации). Таким образом, если расплавленные металлы представляли собой однородную смесь, это ещё не значит, что при охлаждении смесь получится такой же однородной. При застывании жидкого металла сначала твердеет более тугоплавкий металл.

У сребреника «матрица» сформирована медью – тёмная фаза. Медь как самый тугоплавкий металл сплава ($t_{\text{плавл.}} = 1084,5^{\circ}\text{C}$) при застывании твердеет первой, приобретая вид достаточно крупных сфероидальных зёрен (рис. 6, б–г). По границам выделений меди, обтекаемая ею, выделялось менее тугоплавкое серебро ($t_{\text{плавл.}} = 961,9^{\circ}\text{C}$) – светлая фаза (рис. 6, б, г). На поверхности серебра хорошо видны светло-серые пятна неправильной формы с плавными очертаниями, представляющие собой твёрдый раствор серебра в меди (рис. 6, а, в, г).

Итак, лабораторные исследования показали, что новгородский сребреник изготовлен из двухкомпонентного сплава серебра и меди. Его проба составляет около 600°.

Summary

P. G. Gaidukov, O. M. Oleinikov

A Vladimir Svyatoslavich Srebrenik from Novgorod

This article is devoted to the publication of a silver coin (srebrenik) of Grand Prince Vladimir Svyatoslavich (c. 960–1015), which was found in 2010 during archaeological excavations in the Desyatiny 4 Trench in Novgorod the Great. Only a few of that prince's coins have survived (only 250 – of four different types – had been recorded by the end of the 20th century) and they had all been minted in Kiev. Thanks to the fact that most of these coins had been made of low-quality silver, they

circulated mainly in Southern Rus (within the territory of the Kiev, Chernigov and Pereyaslavl principalities). This was the first find of such a coin in Novgorod. The article includes a detailed description of the srebrenik, an example of the fourth type with the smallest number of specimens: it had been issued in the last years of Vladimir Svyatoslavich's reign. Laboratory analysis revealed that the Novgorod srebrenik had been made from an alloy consisting of silver (60 %) and copper (40 %).

Сидоровский клад куфических монет 1960 г.

В 1960 г. около д. Сидоровка Рыбновского района Рязанской области школьниками на склоне вала Абловского городища в выброшенной из лисьей норы земле был найден клад серебряных куфических монет¹. Общие размеры комплекса остались неизвестны, сохранилось лишь расплывчатое упоминание, что он включал в себя несколько десятков экземпляров. Сотрудники Мещерской экспедиции Сидоров и Третьяков при осмотре места обнаружения и расчистке норы собрали 40 дирхамов и передали их Рязанскому областному краеведческому музею (РОКМ)².

Данные о наличии упаковки противоречивы. В музейных документах указано, что клад ее не имел³. Заведующий же отделом истории досоветского периода РОКМ В. И. Зубков в газетной заметке отметил, что комплекс помещался в горшке, фрагменты которого лежали в земле вместе с монетами⁴.

Первоначально дирхамы неверно отнесли к VIII–IX вв.⁵ В 1961 г. они были исследованы и описаны сотрудником отдела нумизматики Государственного Исторического музея. Фамилия сотрудника в отчете РОКМ не называлась, можно предполагать, что это была хранитель восточных

монет С. А. Янина⁶. Результаты исследования комплекса не издавались и пока не обнаружены. Опубликованы только сведения общего характера: обстоятельства находки, количество дирхамов и степень их сохранности⁷.

В 2000–2001 гг. монеты клада были заново определены А. А. Гомзиным, в 2014–2015 гг. производилась перепроверка атрибуций. Результаты этой работы приведены ниже⁸.

Список монет Сидоровского клада 1960 г.

Аббасиды

1) ал-Муктадир биллах, Насибин, 3xx г.х. Вес: 3,4 г, проба 960, целый, сильно потерт с обеих сто-

⁶ Отчет о работе Рязанского областного краеведческого музея за 1961 год // ГАРО. Ф. Р-3611. Оп. 7. Д. 173. Л. 39.

О С. А. Яниной см., например: Берестецкая Т. В. К истории отдела нумизматики ГИМ (1918–1965 гг.) // Очерки по истории Отдела нумизматики. Нумизматический сборник. Ч. XII. М., 1993. С. 30; Молчанов А. А. Памяти Светланы Алексеевны Яниной (1924–1997) // Нумизматика в Историческом музее. Нумизматический сборник. Ч. XIV. М., 2001. С. 12–13.

⁷ Зубков В. И. Указ. соч.; Кропоткин В. В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // НЭ. Т. IX. М., 1971. С. 85, № 84.

⁸ В описании монет клада приведены династическая принадлежность, эмитент, место и год чеканки, учетные музейные номера (номер по книге поступлений и инвентарный номер), вес, проба и степень сохранности, учитывающая различные повреждения дирхамов. Когда возможно, указан тип монеты по литературе. В некоторых случаях публикаций, адекватно отражающих особенности монетного типа, не нашлось, тогда были использованы ссылки на онлайн-базу восточных монет Zeno.

Нечитаемые цифры в датах монет заменены символом «х». Утраченные выпускные сведения восстановлены с учетом содержания легенд, взаимного расположения их элементов, дифференгов в поле л. с. и о. с., особенностей палеографии надписей и по результатам сверки с однотипными экземплярами лучшей сохранности.

Номера монет на иллюстрациях соответствуют порядковым номерам в списке.

¹ Городище относится к раннему железному веку и 3-й четверти I тыс. н. э. Памятник имеет два или три вала с северо-западной, напольной стороны и один в юго-восточной, мысовой части. Высота валов достигает 3 м (Археологическая карта России: Рязанская область. Ч. 1. М., 1993. С. 145, № 449; Челяпов В. П. Отчет о разведках на территории Рязанской области в 1977 году // НА РИИМЗ. № 3093. Л. 2). На склоне какого из них обнаружен клад, неизвестно. За городищем и кладом закрепились разные названия по близлежащим деревням.

² С 1968 г. Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник.

³ Акт приемки-сдачи № 405 // РОКМ. Акты поступления на предметы основного фонда за 1960 год. Л. 125; Протокол № 25 заседания Музейного Совета 1 июня 1960 г. // ГАРО. Ф. Р-3611. Оп. 7. Д. 162. Л. 2 об.

⁴ Зубков В. И. Лиса нашла клад // Приокская правда. 1960. 12 июня.

⁵ Протокол № 25 ... Л. 2 об.; Зубков В. И. Указ. соч.

рон, слабо прочеканен, край с тремя небольшими надрубками (РИАМЗ. КП-7075/1/ НМ 2723)⁹.

Ранее дирхам под вопросом атрибутировался как выпущенный в Басре¹⁰. У места чеканки здесь отсутствуют несколько последних букв, а начало слова и концовка предшествующего ему выглядят расплывчато, поскольку оттиснуты разработанным штемпелем. Отсюда можно было бы предполагать четыре варианта прочтения – Антакийя, ал-Басра, Исбахан и Насибин, из которых последний, если судить по видимой части слова и палеографии легенд, выглядит наиболее предпочтительным.

Хамданиды

2) Насир ад-даула Абу Мухаммад, от места чеканки видна только первая буква (Халеб(?), Харран(?), Химс(?)), 33х г.х., по типу – 330–331 гг.х. (941–943 гг.), с именем халифа ал-Муттаки (329–333 гг.х. / 940–944 гг.)¹¹. Вес: 2,72 г, проба 930, целый, сильно потерт с обеих сторон, плохо прочеканен, неровный край с четырьмя надрубками (РИАМЗ. КП-7075/2 / НМ 2724).

Обычно отмечается, что дирхамы с упоминанием наследника халифата Абу Мансура на л.с. и лакабом Насира ад-даули на о.с. известны для 330 г.х.¹² Однако возможные варианты реконструкции невидимой части внутренней круговой легенды л.с. допускают и наличие единицы в годовом числе. Поскольку не получается остановиться на одной из определенных дат, то монета отнесена совокупно к периоду отмеченных двух лет. 332–333 гг.х. не могут рассматриваться как вариант датировки, так как в указанное время лакаб Насира ад-даули соседствует на дирхамах с лакабом его брата Сайфа ад-даули, чего в нашем случае определенно не наблюдается¹³.

⁹ Пробирование дирхамов произведено ведущим экспертом Подмосковной государственной инспекции пробирного надзора О.Б.Кисленко (ПГИПН. Акт № 4 от 24 декабря 2009 г.). Исследовать металл монет методом РФА по организационным причинам не представляется возможным.

¹⁰ Гомзин А.А. Восточное монетное серебро IX – начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье: дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. Л. 244, № 30-1. При ссылках на дирхамы в диссертации первый номер является порядковым номером клада в списке находок, а второй, через тире, порядковым номером монеты в составе рассматриваемого комплекса.

¹¹ Рядом исследователей данный тип дирхамов рассматривается как аббасидский, поскольку Насир ад-даула фигурирует здесь не как независимый правитель, а как амир ал-умара при халифе (Album S. Checklist of Islamic Coins. Third Edition. Santa Rosa, 2011. P. 58, 99, № 259, 748–749; Bikhazi R.J. The Struggle for Syria and Mesopotamia (330–58/941–69) as Reflected on Hamdanid and Ikhshidid Coins // ANSMN. Vol. 28. New York, 1983. P. 142–143).

¹² Album S. Op. cit. P. 58, № 259.

¹³ Ibid. P. 99, № 748.

Саманиды

3) Ахмад б. Исма'ил, аш-Шаш, 298 г.х. (910/911 г.)¹⁴. Вес: 2,99 г, проба 960, целый, с отверстием, край немного подрезан (РИАМЗ. КП-7075/3 / НМ 2725).

4) Наср б. Ахмад, Андараба, 305 г.х. (917/918 г.)¹⁵. Вес: 3,02 г, проба 980, целый, о.с. – двойной удар, край немного подрезан (РИАМЗ. КП-7075/4 / НМ 2726).

5) Наср б. Ахмад, Самарканд, 320 г.х. (932 г.), с именем халифа ал-Муктадира биллаха¹⁶. Вес: 3,005 г, проба 960, целый, край подрезан (РИАМЗ. КП-7075/5 / НМ 2727).

6) Наср б. Ахмад, Самарканд, 323 г.х. (934/935 г.)¹⁷. Вес: 2,78 г, проба 970, сильно потерт с обеих сторон, у края выломан фрагмент около 1/8 (РИАМЗ. КП-7075/6 / НМ 2728).

7) Наср б. Ахмад, Самарканд, 328 г.х. (939/940 г.)¹⁸. Вес: 4,14 г, проба 960, целый, о.с. – двойной удар, край с тремя надрубками (РИАМЗ. КП-7075/7 / НМ 2729).

8) Наср б. Ахмад, Самарканд, 328 г.х. (939/940 г.)¹⁹. Вес: 3,935 г, проба 960, целый, потерт с обеих сторон, плохо прочеканен, край с четырьмя надрубками (РИАМЗ. КП-7075/8 / НМ 2730).

9) Наср б. Ахмад, место чеканки и имя халифа стерты, по типу – аш-Шаш, 3хх г.х. Вес: 3,63 г, проба 960, целый, сильно потерт с обеих сторон, плохо прочеканен, край с четырьмя надрубками, надломлен, в трещинках, отдельные фрагменты утрачены (РИАМЗ. КП-7075/9 / НМ 2731).

10) Нух б. Наср, Бухара, 338 г.х. (949/950 г.)²⁰. Вес: 2,81 г, проба 930, целый, потерт с обеих сторон, с двумя отверстиями (РИАМЗ. КП-7075/10 / НМ 2732).

11) Нух б. Наср, место и год чеканки искажены, по типу – аш-Шаш, 330-е гг.х., с именем халифа ал-Мустакфи биллаха. В поле л.с. над символом расположено орнаментальное украшение; на о.с. под именем амира – лигатура из двух букв: *ص*. Разломан на три части, которые спаяны другим металлом в целую монету, вследствие чего взвешивание нецелесообразно, проба 930, с трещинками, край с шестью надрубками (РИАМЗ. КП-7075/11 / НМ 2733).

Ранее дирхам атрибутировался как выпущенный в Бухаре²¹. Однако тип монеты с учетом дифферен-тов и палеографии надписей позволяет определить

¹⁴ Тизенгаузен В.Г. О саманидских монетах // ЗАО. Т. VI. Отд. I. СПб., 1853. С. 125, № 9. При ссылках на данную работу номера дирхамов приводятся со знаком №. Однако иногда исследователь не нумеровал монеты, просто перечисляя их отличия. В таких случаях использовалось слово «вариант», которому присваивался порядковый номер по описанию.

¹⁵ Там же. С. 146, № 1.

¹⁶ Там же. С. 172, № 1.

¹⁷ Там же. С. 177, № 1.

¹⁸ Там же. С. 182, № 1.

¹⁹ Там же. С. 182, № 1.

²⁰ Там же. С. 198, № 2.

²¹ Гомзин А.А. Восточное монетное серебро ... Л. 245, № 30–11.

место чеканки как аш-Шаш. И. Леймус, ссылаясь на Р.Р. Фасмера, относит аналогичный дирхам с отломленным годом к 338 г.х. (949/950 г.)²². Однако все известные нам экземпляры данного типа несут на себе сильно искаженное годовое число, не поддающееся однозначной реконструкции. Возможные варианты прочтения предполагают 334 (945/946 г.), 337 (948/949 г.) или 339 г.х. (950/951 г.).

12) Нух б. Наср, аш-Шаш, 342 г.х. (953/954 г.)²³. Вес: 3,76 г, проба 800, целый, потерт с обеих сторон, край немного обломан, с тремя надрубками (РИАМЗ. КП-7075/12 / НМ 2734).

13) 'Абд ал-Малик б. Нух, аш-Шаш, 343 г.х. (954/955 г.)²⁴. Вес: 3,91 г, проба 800, целый, потерт с обеих сторон, плохо прочеканен, край немного обломан (РИАМЗ. КП-7075/13 / НМ 2735).

14) 'Абд ал-Малик б. Нух, Самарканд, 348 г.х. (959/960 г.)²⁵. Вес: 4,1 г, проба 800, фрагмент (обрезок-обломок) около 4/5, край с четырьмя надрубками (РИАМЗ. КП-7075/14 / НМ 2736).

15) 'Абд ал-Малик б. Нух, Балх, 349 г.х. (960/961 г.)²⁶. Вес: 3,74 г, проба 960, целый, плохо прочеканен, небольшой фрагмент вырезан, надрезан с края (РИАМЗ. КП-7075/15 / НМ 2737).

16) 'Абд ал-Малик б. Нух, Бухара, 349 г.х. (960/961 г.)²⁷. Вес: 3,195 г, проба 700, целый, потерт с обеих сторон, с отверстием, край с тремя надрезами и надрубками (РИАМЗ. КП-7075/16 / НМ 2738).

17) 'Абд ал-Малик б. Нух, Бухара, 349 г.х. (960/961 г.)²⁸. Вес: 2,75 г, проба 750, целый, с отверстием, край немного обломан, о.с. – двойной удар (РИАМЗ. КП-7075/17 / НМ 2739).

18) Мансур б. Нух, Самарканд, 355 г.х. (965/966 г.)²⁹. Вес: 3,38 г, проба 800, целый, края с четырьмя надрубками, немного обломан (РИАМЗ. КП-7075/19 / НМ 2741). Ранее из-за слабого прочекана числа единиц неверно атрибутировался как выпущенный в 354 г.х. (965 г.)³⁰.

19) Мансур б. Нух, аш-Шаш, 35(5?) г.х. (965/966 г.). Дифферент в поле л.с. над символом не ясен. Судя по видимым частям, это, скорее, лигатура из двух букв или знаков *зо*, чем имя Фаика. «Ра» в нижней

²² Leimus I. Sylloge of Islamic Coins 710/1-1013/4 AD. Estonian Public Collections. Tallinn, 2007. P. 370, № 2957.

²³ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 204, № 2.

²⁴ Zeno.ru. Oriental Coins Database: [сайт]. № 131775. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=131775> (дата обращения: 12.09.2015).

²⁵ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 211.

²⁶ Zeno.ru. Oriental Coins Database: [сайт]. № 33453. URL: <http://www.zeno.ru/showphoto.php?photo=33453> (дата обращения: 12.09.2015).

²⁷ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 212, № 2.

²⁸ Там же. С. 212, № 2.

²⁹ SNAT. Buhara / Samarqand. XVa Mittelasien / Central Asia I. Tubingen; Berlin, 2008. P. 84, № 852.

³⁰ Гомзин А. А. Восточное монетное серебро ... Л. 246, № 30-18.

строке поля л.с. с орнаментальным завитком; вправо от нее точка³¹. Вес: 2,79 г, проба 900, целый, плохо прочеканен, сильно потерт с обеих сторон, прямой срез края (РИАМЗ. КП-7075/18 / НМ 2740).

Плохая сохранность дирхама не позволяет провести однозначное деление внутренней круговой легенды л.с. на составляющие ее лексемы. Это обстоятельство обуславливает два предположительных варианта прочтения даты – 355 или 359 г.х. (969/970 г.), из которых первый представляется более предпочтительным, принимая во внимание дифференты рассматриваемого экземпляра. Ранее монета неверно была отнесена к 362 г.х. (972/973 г.)³².

20) Мансур б. Нух, Бухара, 356 г.х. (966/967 г.)³³. Вес: 3,32 г, проба 600, целый, потерт с обеих сторон, край с двумя надрезами (РИАМЗ. КП-7075/20 / НМ 2742).

21) Мансур б. Нух, Бухара, 359 г.х. (969/970 г.)³⁴. Вес: 3,055 г, проба 960, целый, с отверстием, потерт с обеих сторон (РИАМЗ. КП-7075/21 / НМ 2743).

22) Мансур б. Нух, аш-Шаш, 359 г.х. (969/970 г.)³⁵. Вес: 3,12 г, проба 930, целый, о.с. – двойной удар, потерт с обеих сторон, край с тремя надрубками (РИАМЗ. КП-7075/22 / НМ 2744). Ранее дирхам из-за слабого прочекана был неверно определен как выпущенный в Самарканде³⁶.

23) Мансур б. Нух, Самарканд, 360 г.х. (970/971 г.)³⁷. Вес: 3,055 г, проба 960, целый, л.с. – двойной удар, потерт с обеих сторон (РИАМЗ. КП-7075/23 / НМ 2745).

24) Мансур б. Нух, Самарканд, 363 г.х. (973/974 г.)³⁸. Вес: 3,99 г, проба 900, целый (РИАМЗ. КП-7075/24 / НМ 2746).

25) Мансур б. Нух, Рашт, 364 г.х. (974/975 г.)³⁹. Вес: 3,025 г, проба 600, целый, потерт с обеих сторон (РИАМЗ. КП-7075/25 / НМ 2747).

26) Мансур б. Нух, аш-Шаш, 365 г.х. (975/976 г.)⁴⁰. Вес: 3,505 г, проба 900, целый, край с тремя надрубками, обломан (РИАМЗ. КП-7075/26 / НМ 2748).

³¹ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896. С. 155, № 992 (?).

³² Гомзин А. А. Восточное монетное серебро ... Л. 246, № 30-23.

³³ Савельев П. С. Дополнения к описанию саманидских монет // ЗАО. Т. VI. Отд. II. СПб., 1855. С. 418, № 34 (установить наличие или отсутствие дифферента в поле л.с. под символом не представляется возможным из-за слабой сохранности соответствующего участка монетной пластины).

³⁴ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 223, вариант 2.

³⁵ Там же. С. 223.

³⁶ Гомзин А. А. Восточное монетное серебро ... Л. 246, № 30-21.

³⁷ Тизенгаузен В. Г. Указ. соч. С. 224.

³⁸ Там же. С. 226.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 227.

27) Мансур б. Нух, аш-Шаш, 365 г.х. (975/976 г.)⁴¹. Вес: 3,02 г, проба 900, целый, край немного обломан, плохо прочеканен, потерт с обеих сторон (РИАМЗ. КП-7075/27 / НМ 2749).

28) Нух б. Мансур, Андараба, ххб, по типу – 366 г.х. (976/977 г.)⁴². Вес: 5,02 г, проба 900, целый, о.с. – двойной удар, сильно потерт с обеих сторон (РИАМЗ. КП-7075/28 / НМ 2750).

29) Нух б. Мансур, аш-Шаш, 368 г.х. (978/979 г.)⁴³. Вес: 2,76 г, проба 700, фрагмент (обрезок-обломок) около 5/6, край с двумя надрубками (РИАМЗ. КП-7075/29 / НМ 2751).

Бувайхиды

30) Рукн ад-даула Абу 'Али, Хамадан, 348 г.х. (959/960 г.)⁴⁴. Вес: 3,59 г, проба 800, целый, наметен для просверливания(?), потерт с обеих сторон (РИАМЗ. КП-7075/35 / НМ 2757).

31) Рукн ад-даула Абу 'Али, Казвин, 350 г.х. (961/962 г.)⁴⁵. Вес: 4,39 г, проба 700, целый, край с надрубком, подрезан и изломан (РИАМЗ. КП-7075/36 / НМ 2758). Ранее ошибочно считался чеканенным в ал-Мухаммадийе⁴⁶.

32) 'Адуд ад-даула Абу Шуджа' и Рукн ад-даула Абу 'Али, Арраджан, 348 г.х. (959/960 г.)⁴⁷. Вес: 3,93 г, проба 700, целый, надрублен, край помят из-за незавершенного откачивания фрагмента (РИАМЗ. КП-7075/30 / НМ 2752).

33) 'Адуд ад-даула Абу Шуджа' и Рукн ад-даула Абу 'Али, Арраджан, 351 г.х. (962/963 г.)⁴⁸. Вес: 5,035 г, проба 800, целый, немного помят из-за незавершенного откачивания фрагмента (РИАМЗ. КП-7075/31 / НМ 2753).

34) 'Адуд ад-даула Абу Шуджа' и Рукн ад-даула Абу 'Али, Арраджан, 361 г.х. (971/972 г.)⁴⁹. Вес: 3,67 г, проба 700, целый, край с тремя небольшими надрубками (РИАМЗ. КП-7075/32 / НМ 2754).

35) 'Адуд ад-даула Абу Шуджа' и Рукн ад-даула Абу 'Али, Арраджан, 363 г.х. (973/974 г.)⁵⁰. Вес: 3,23 г, проба 700, целый, потерт с обеих сторон, немного погнут из-за незавершенного откачивания половины (РИАМЗ. КП-7075/33 / НМ 2755).

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. С. 228.

⁴³ Марков А. К. Указ. соч. С. 162, № 1145–1146.

⁴⁴ Treadwell L. Buyid Coinage. A Die Corpus (322–445 А.Н.). Oxford, 2001. P.170, Na348, variant with ornaments?

⁴⁵ Ibid. P. 220, Qa350.

⁴⁶ Гомзин А.А. Восточное монетное серебро... Л. 247, № 30–31.

⁴⁷ Treadwell L. Op. cit. P. 5, Ar348.3/R2 (неотмеченное сочетание штемпелей).

⁴⁸ Ibid. P. 6, Ar 351.

⁴⁹ Ibid. P. 9, Ar361.7/R5 (неотмеченное сочетание штемпелей).

⁵⁰ Ibid. P. 9, Ar363.a.5/R5 (неотмеченное сочетание штемпелей).

36) Му'аййид ад-даула Абу Мансур и 'Адуд ад-даула ва-Тадж ал-Милла, место и год чеканки стерты или не прочеканены, по типу – ал-Мухаммадийа, 368–369 г.х. (978–980 гг.). Вес: 4,9 г, проба 700, целый, плохо прочеканен, потерт с обеих сторон, край с трещинами и восемью надрубками разной величины (РИАМЗ. КП-7075/34 / НМ 2756).

Зийариды

37) Захир ад-даула Абу Мансур Вушмагир, Амул, 364 г.х. (974/975 г.)⁵¹. Вес: 3,995 г, проба 600, целый, плохо прочеканен, потерт с обеих сторон, л.с. – двойной удар, край с двумя надрубками (РИАМЗ. КП-7075/37 / НМ 2759).

38) Захир ад-даула Абу Мансур Вушмагир, Амул, 366 г.х. (976/977 г.)⁵². Вес: 5,15 г, проба 700, целый, потерт с обеих сторон (РИАМЗ. КП-7075/38 / НМ 2760).

Подражания куфическим монетам

39) Подражание аббасидскому дирхаму второй половины VIII – начала IX в., две о.с. Вес: 2,16 г, проба 970, целое (РИАМЗ. КП-7075/39 / НМ 2761). Усматривать прототип именно в монете Аббасидов в данном случае можно лишь достаточно условно. Каждая из сторон подражания имеет по одной круговой легенде и по три строки в поле. Надписи сильно искажены; строки в поле лишь отдаленно и отдельными элементами напоминают вторую часть символа веры, обычно размещавшуюся на о.с. аббасидских монет указанного периода. Поэтому сходство можно видеть только в количестве легенд и их расположении.

«Слепые» монеты

40) Дирхам, на котором надписи не отчеканились. Вес: 2,96 г, проба 600, целый, с трещинками, край с шестью надрубками (РИАМЗ. КП-7075/40 / НМ 2762).

Как видно из приведенного списка, старшая монета клада – Аббасиды, ал-Муктадир биллах, Насибин, Зхх г.х. (Список монет, № 1); младшая из точно датированных – Саманиды, Нух б. Мансур, аш-Шаш, 368 г.х. (Список монет, № 29). Младшим можно считать и бувайхидский дирхам № 36. Место и год чеканки на нем не прочитываются, различимы только лакабы амиров. Однако тип и палеографические особенности монеты позволили определить местом выпуска ал-Мухаммадийу. Точный год установить, к сожалению, не удалось, получилось лишь сузить датировку дирхама до двух лет – 368–369 г.х.⁵³

По датам младших монет Сидоровский комплекс входит в группу кладов последней четверти X в. из бассейна Оки и располагается между

⁵¹ Miles G. C. Coinage of the Ziyārid Dynasty of Tabaristan and Gurgān // ANSMN. Vol. 18. New York, 1972. P. 133.

⁵² Ibid. P. 134 (со слабо прочеканенными словами по сторонам в поле л.с.).

⁵³ Ср.: Treadwell L. Op. cit. Pl. 150–151.

Рис. 1. Монеты Сидоровского клада

Рис. 2. Монеты Сидоровского клада

Рис. 3. Монеты Сидоровского клада

Рис. 4. Монеты Сидоровского клада

Белоомутским 1839 г. и Борковским 1951 г. (младшие дирхамы 366 г.х.) комплексами, с одной стороны, и Борковским кладом 1958 г., с другой (младший дирхам 372 г.х.)⁵⁴. Это дает основание относить время его формирования к началу 980-х гг.

Вал городища в качестве места сокрытия клада, видимо, был использован не случайно, это заметный ориентир, который при необходимости несложно найти и забрать спрятанную сумму. Нельзя исключать, что у владельца были и какие-то иные причины доверить свои монеты укреплению необитаемого поселения⁵⁵. Впрочем, выявить таковые в настоящее время не представляется возможным, поскольку для этого нет никаких реальных оснований.

Династический состав клада в целом аналогичен упомянутым комплексам Поочья и выглядит следующим образом: Аббасиды – 1, Хамданиды – 1, Саманиды – 27, Бувайхиды – 7, Зийариды – 2, подражания Аббасидам – 1, «слепой» дирхам – 1 экз. Во всех кладах доминируют саманидские дирхамы, вполне сопоставимы доли бувайхидских и зийаридских монет (Белоомут 1839 г.: Саманиды – 41, Бувайхиды – 4, Зийариды – 5; Борки 1951 г.: Саманиды – 186, Бувайхиды – 15, Зийариды – 10; Борки 1958 г.: Саманиды – 116, Бувайхиды – 13, Зийариды – 3 экз.), присутствуют подражания. Обращает на себя внимание отсутствие в рассматриваемом комплексе дирхамов волжских булгар, в то время как в сравниваемых с ним кладах таких монет содержится по две в каждом⁵⁶. Судя по всему, данное

⁵⁴ Помонетный состав Белоомутского клада 1839 г. и библиографию см.: Гомзин А.А. Восточное монетное серебро... Л. 230–231, № 21; Гомзин А.А. «Описание куфических монет X века...» В.В. Григорьева. Особенности прочтения и использования в нумизматической литературе XIX–XX вв. // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фомина: тезисы докладов и сообщений. М., 2011. С. 34–37; Григорьев В.В. Описание куфических монет X века, найденных в Рязанской губернии в 1839 г. СПб., 1841; Григорьев В.В. О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источнике для древнейшей отечественной истории // ЗООИД. Т. I. Одесса, 1844. С. 141–142, № 82.

Помонетный состав клада 1951 г. с Борковского селища и его библиографию см.: Гомзин А.А. Восточное монетное серебро... Л. 260–281, № 38; Кропоткин В.В. Указ. соч. С. 84, № 79; Пахомов Е.А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. VII. Баку, 1957. С. 94–96, № 1877.

Помонетный состав клада 1958 г. с Борковского селища и его библиографию см.: Гомзин А.А. Восточное монетное серебро... Л. 281–295, № 39; Его же. К вопросу об особенностях монетных кладов последней четверти X в. в Поочье // Российский научный журнал. 2011. № 3(22). С. 3–10, 12; Кропоткин В.В. Указ. соч. С. 85, № 80.

⁵⁵ Культурный слой IX–X вв. и предметы соответствующего времени на городище не зафиксированы. Автор выражает свою признательность заведующему отделом археологии РИИМЗ В.В. Судакову и заведующему сектором «Поле Вожской битвы» Д.А. Иванову за консультации по данному вопросу.

⁵⁶ Гомзин А.А. Восточное монетное серебро... Л. 278, № 38–173, 38–174, Л. 294, № 39–139, 39–140; Его же. Мо-

обстоятельство не является случайностью и не связано с размерами комплекса, а обусловлено особенностью формирования его хронологического состава, что будет отмечено ниже. «Слепые» дирхамы из всех кладов, помимо Сидоровского, находятся только в Борковском 1951 г. (3 экз.)⁵⁷.

Номенклатура мест чеканки анализируемого клада также достаточно традиционна для комплексов последней четверти X в. (табл. 1). В примерно равных долях здесь доминируют дирхамы Самарканда и Шаша, с некоторым преобладанием последних. Заметной является доля монет Бухары. Во всех четырех кладах присутствует по дирхаму Рашта. В бувайхидской части Сидоровского комплекса количественно выделяются дирхамы Арраджана, что сближает его с Борковским кладом 1958 г.⁵⁸

Таблица 1

Распределение дирхамов Сидоровского клада по местам чеканки

№ п/п	Династия	Место чеканки	Количество дирхамов, экз.
1	Аббасиды	Насибин	1
2	Бувайхиды	Арраджан	4
3		Казвин	1
4		ал-Мухаммадийа	1
5		Хамадан	1
6	Зийариды	Амул	2
7	Саманиды	Андараба	2
8		Балх	1
9		Бухара	5
10		Рашт	1
11		Самарканд	8
12		аш-Шаш	10
13		Хамданиды	Халлеб(?), Харран(?), Химс(?)

В отличие от династического и географического распределений монет хронологическое распределение экземпляров Сидоровского комплекса не на-

неты волжских булгар в Среднем и Нижнем Поочье // Археология древнерусского города XI–XV веков. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза: тезисы докладов Международной научной конференции. Рязань, 6–9 апреля 2011 г. М., 2011. С. 18, № 16, 19, 20, 27; Григорьев В.В. Описание куфических монет... С. 48–51, № 39–40.

⁵⁷ Возможно, два таких экземпляра содержались и в Белоомутском клада 1839 г. и были приняты его публикатором за совершенно стертые (Григорьев В.В. О куфических монетах... С. 142, № 82). Проверить это предположение теперь не удастся, поскольку комплекс не сохранился.

⁵⁸ Гомзин А.А. Восточное монетное серебро... Л. 366–367. Приложение 5, табл. 6, № 21, 38, 39.

ходит аналогий среди сравниваемых с ним кладов (табл. 2). Зато оно оказывается близким Борковско-му комплексу 1948 г. (младший датированный дирхам 365 г.х.), который по этому признаку относится к другой группе кладов бассейна Оки⁵⁹. Кроме последнего, сюда входят более ранние Молитвинский и Супрутский комплексы⁶⁰. Отличительной чертой их хронологического распределения является отсутствие пиков, предшествующих годам младших монет; абсолютные же максимумы слабо выражены или вовсе отсутствуют⁶¹.

Их датировка не позволяет усматривать в качестве причины такого состояния дел какие-либо внешние факторы. Нелогично было бы учитывать и небольшой размер комплексов, вследствие чего и не сформировалось никаких ярко выраженных хронологических пиков, поскольку это касается лишь Супрутского и Борковского 1948 г. кладов. Молитвинский же и Сидоровский комплексы имели в своем составе 81 и несколько десятков, из которых сохранились 40, монет. Единственно возможное, на наш взгляд, объяснение такой картины заключается в том, что рассматриваемые клады не формировались преднамеренно. Они представляют собой суммы, явившиеся результатом незначительного числа торговых сделок. Это буквально «находки из кошелька», монеты, которые не собирались целенаправленно в течение определенного промежутка времени, они находились под рукой, и ими расплатились.

Данное предположение подтверждается и еще одной особенностью кладов отмеченной группы. В каждом из них, при всей нетипичности и непоказательности хронологического распределения, преобладают дирхамы какого-либо одного места чеканки, вопреки ожиданиям столь же размытого географического состава. Для Молитвинского клада это монеты Мадинат ас-Салам⁶². Для Супрутского –

⁵⁹ Помонетный состав клада 1948 г. с Борковского селища и его библиографию см.: Гомзин А. А. Восточное монетное серебро ... Л. 258–260, № 37; Его же. Клад куфических монет 1948 г. из с. Борки // НС ГИМ. Т. XIX. М., 2012. С. 58–65. Показательно, что в этом кладе так же, как и в Сидоровском, отсутствуют монеты волжских булгар, что дополнительно может свидетельствовать о некоторых сходных условиях формирования этих комплексов.

⁶⁰ Подробнее о Молитвинском кладе 2007 г. см.: Волков И. В., Лебедев В. П. Второй Коломенский клад куфических дирхемов середины IX в. // НС ГИМ. Т. XIX. М., 2012. С. 46–57.

Подробнее о кладе 1972 г. с городища Супруты см.: Изюмова С. А. Супрутский денежно-вещевой клад // История и культура древнерусского города. М., 1989. С. 206–213; Фёдоров-Давыдов Г. А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // ЭВ. Вып. XXIII. Л., 1985. С. 45, № 15.

⁶¹ Гомзин А. А. Восточное монетное серебро ... Л. 374–383, 400–403, 412–413, 415. Приложение 6, табл. 2, № 18; табл. 3, № 55; табл. 6, № 37. Приложение 7, табл. 2, № 18; табл. 3, № 55; табл. 6, № 37.

⁶² Гомзин А. А. Восточное монетное серебро ... Л. 363–364. Приложение 5, табл. 2, № 18.

Таблица 2

Хронологическое распределение дирхамов Сидоровского клада

г. х.	общее хронологическое распределение дирхамов	хронологическое распределение дирхамов Самарканда	хронологическое распределение дирхамов аш-Шаша
298	1	—	1
...	—	—	—
305	1	—	—
...	—	—	—
320	1	1	—
...	—	—	—
323	1	1	—
...	—	—	—
328	2	2	—
...	—	—	—
338	1	—	—
...	—	—	—
342	1	—	1
343	1	—	1
...	—	—	—
348	3	1	—
349	3	—	—
350	1	—	—
351	1	—	—
352	—	—	—
353	—	—	—
354	—	—	—
355	2	1	1
356	1	—	—
357	—	—	—
358	—	—	—
359	2	—	1
360	1	1	—
361	1	—	—
362	—	—	—
363	2	1	—
364	2	—	—
365	2	—	2
366	2	—	—
367	—	—	—
368	1	—	1

ал-Мухаммадийи, что необычно по сравнению с синхронными комплексами, но зато вполне допустимо для нецеленаправленно сформированной суммы⁶³.

⁶³ Там же. Л. 364–365. Приложение 5, табл. 3, № 55.

Для Борковского 1948 г. – аш-Шаш⁶⁴. Для Сидоровского – тоже преобладает Шаш, которому немного уступают самаркандские дирхамы (табл. 1).

Таким образом, в научный оборот введен Сидоровский клад куфических монет, о котором на протяжении длительного времени были известны лишь сведения общего характера. Владелец спрятал его на склоне вала Абловского городища, являвшегося заметным ориентиром на местности.

⁶⁴ Там же. Л. 366–367. Приложение 5, табл. 6, № 37.

Время сокрытия клада может быть отнесено к началу 980-х гг. По своему составу комплекс принадлежит к группе кладов Поочья последней четверти X в. и в плане династического и географического распределений имеет аналогии с Белоомутским 1839 г. и Борковскими 1951 и 1958 гг.кладами. Хронологическое распределение комплекса указывает на то, что он представляет собой непреднамеренно сформированную сумму, буквально «находку из кошелька», монеты, которые просто оказались под рукой и были пущены в оборот.

Summary

A. A. Gomzin

The Sidorovskiy Hoard of Kufic Coins Found in 1960

This article introduces the Sidorovskiy Hoard of kufic coins found in 1960 into the academic literature. For a long time the only information available about it was of a general character. The owner had hidden it in the slope of the rampart of the Ablovskoye city-site, which was a conspicuous landmark in its locality.

The date for the burial of the hoard falls to the turn of the 970^s – 980^s. On the basis of its composition, this hoard has been identified as one of a group of hoards hidden

in the valley of the River Oka in the last quarter of the 10th century and its dynastic and geographical features make it comparable to the Beloomutskiy and Borkovskie Hoards found in 1839, 1951 and 1958 respectively.

The chronological spread of the range of the coins in the Sidorovskiy Hoard indicates that its total was not something which had been planned in advance and was literally a “find straight from a purse”, a quantity of coins which had simply happened to be available and used for payment.

Новый новгородский клад западноевропейских монет XI века

В 2008 и 2010 гг. Новгородская археологическая экспедиция ИА РАН проводила работы на четырех Десятинных раскопах в северо-западной части Людина конца средневекового Новгорода¹. Десятинный II раскоп (руководитель работ Н. Н. Фараджева), расположенный между раскопом на Добрыне улице (1999 г.) и Десятинным I раскопом, полностью исследован в июле–октябре 2008 г. (см. рис. 1 и 2 на с. 503, 504 настоящего издания)². Его площадь составляет 1030 кв. м, мощность культурного слоя – 2,0–2,3 м. Из древнейших отложений слоя происходит небольшой клад западноевропейских монет XI в.

Находка монетного клада при раскопках культурного слоя Новгорода – явление исключительно редкое. За более чем 80 лет активных археологических исследований в городе обнаружено лишь семь кладов. Перечислим их. В 1953 и 1956 гг. на Неревском раскопе в слоях 80-х годов X в. найдены два клада куфических дирхемов (соответственно 871 и 735 монет)³. В 1979 г. на Нутном раскопе в слое конца первой четверти XV в. обнаружен клад из 28 ливонских монет⁴. В 1993 г. на Троицком раскопе в слое второй четверти XI в. найден клад из 57 западноевропейских и 2 византийских монет⁵. В 1998 г. на

¹ См. статью П. Г. Гайдукова и О. М. Олейникова «Серебряник Владимира Святославича из Новгорода» на с. 486–493 настоящего издания.

² Фараджева Н. Н. Археологические исследования на раскопе Десятинный II в 2008 г. // ННЗ. Вып. 23. Великий Новгород, 2009. С. 46–60; Она же. Исследования на раскопе Десятинный II // АО 2008 г. М., 2011. С. 63–65.

³ Янина С. А. Неревский клад куфических монет X века // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М., 1956. С. 180–207. (МИА; № 55); Она же. Второй Неревский клад куфических монет X века // Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М., 1963. С. 288–331. (МИА; № 117).

⁴ Молвыгин А. Н., Янин В. Л. Новгородский клад ливонских монет XV в. // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 323–328.

⁵ Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет конца X – первой половины XI в. // ДГ, 1994. Новое в нумизматике. М.: Археогра-

Троицком раскопе в слое середины X в. обнаружен клад из 13 куфических дирхемов⁶. В 2008 г. в шурфе 9 по трассе водопровода на перекрестке Никольской и Михайловой улиц найден клад из 28 монет Великого Новгорода 1420–1447 гг.⁷ Клад Десятинного раскопа является седьмой подобной находкой и предметом настоящей публикации.

В пределах Десятинного II раскопа изучены мостовые улицы Добрыня и остатки средневековой усадебной застройки. Из трех усадеб раннего времени, располагавшихся к югу от улицы, практически полностью изучена только центральная, получившая литерное обозначение Б (рис. 1). На ней 21 октября 2008 г. при разборке основания сруба № 20 обнаружен клад, состоящий из 23 западноевропейских серебряных монет (уч. Б, кв. 43, пл. 16, гл. -165 см, № 19).

Постройка, в которой обнаружен клад, представляла собой четырехстенный сруб, размерами 4,8×4,8 м, с печью в центре (рис. 2–5). Сооружение поставлено на фундаментную площадку в виде песчаной подсыпки, ограниченной бревенчатой обно-

фический центр, 1996. С. 151–170; Janin V. L., Gajdukov P. G. Ein Schatzfund aus Novgorod mit westeuropäischen und byzantinischen Münzen // Studien zur Archäologie des Ostseeraumes: Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Festschrift für Michael Müller-Wille / hrsg. von A. Wesse. Wachholtz Verlag Neumünster, 1998. S. 345–357.

⁶ Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Дубровин Г. Е., Сорокин А. Н. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1998 г. // ННЗ. Вып. 13. Новгород, 1999. С. 6–7; Гайдуков П. Г., Федоров-Давыдов Г. А., Янин В. Л. Новый клад куфических монет из Новгорода // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция, Москва, 17–21 апреля 2000 г.: тез. докл. и сообщ. М., 2000. С. 55–56.

⁷ Клад не опубликован. О нем известна лишь краткая информация. См.: Тарабардина О. А. Археологические исследования на Михайловой улице в Новгороде в 2008 г. // Ежегодник Новгородского государственного объединенного музея-заповедника 2009 г. Великий Новгород, 2010. С. 60–61; Рыбина Е. А., Трояновский С. В. Открытия в Новгороде в XXI веке (к 80-летию систематического археологического исследования города) // Вестник РГНФ. М., 2012. № 4 (69). С. 152, рис. 6.

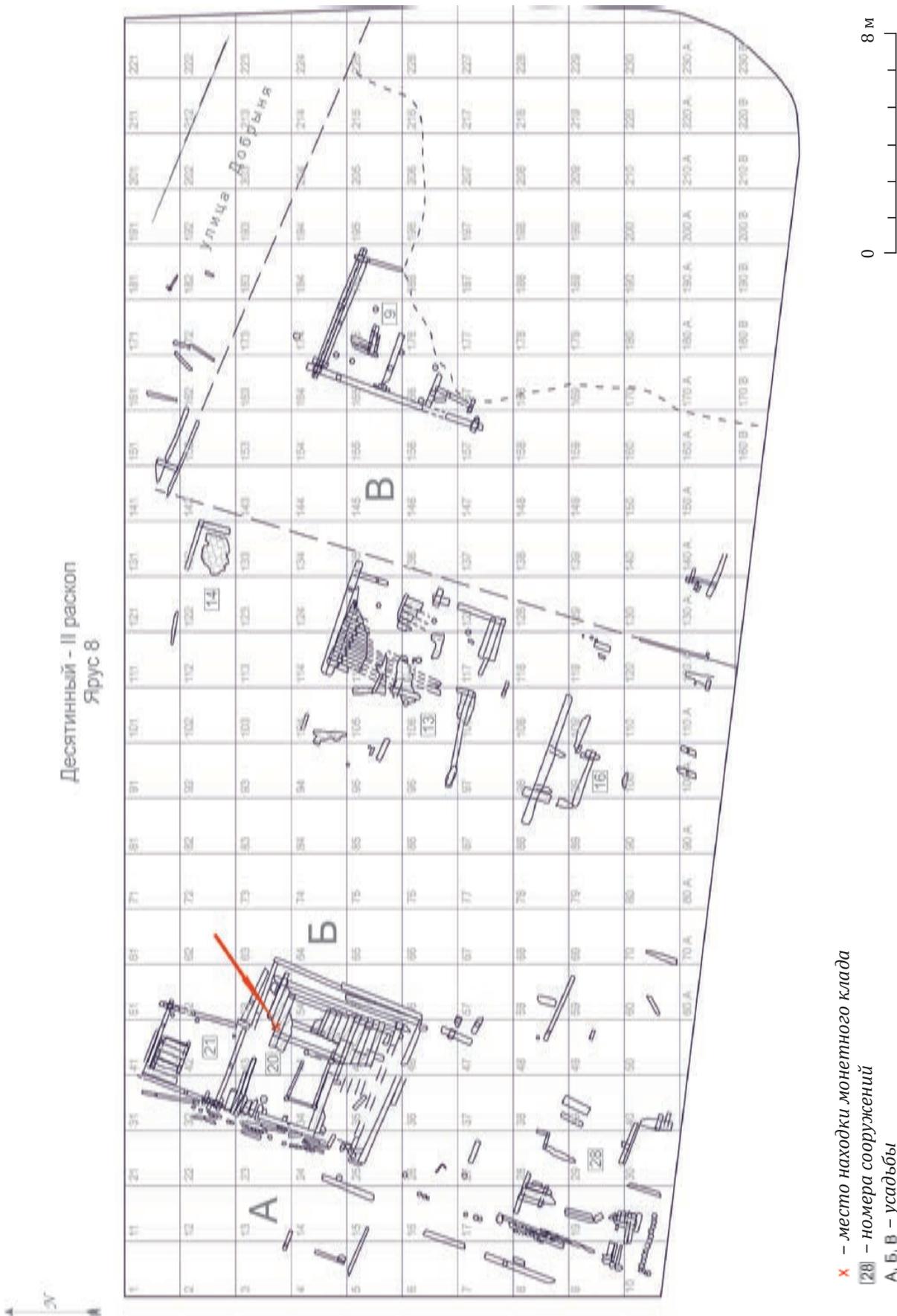

Рис. 1. Раскоп Десятинный II. Усадьбная застройка рубежа XI-XII вв. Стрелкой отмечено место находки клада

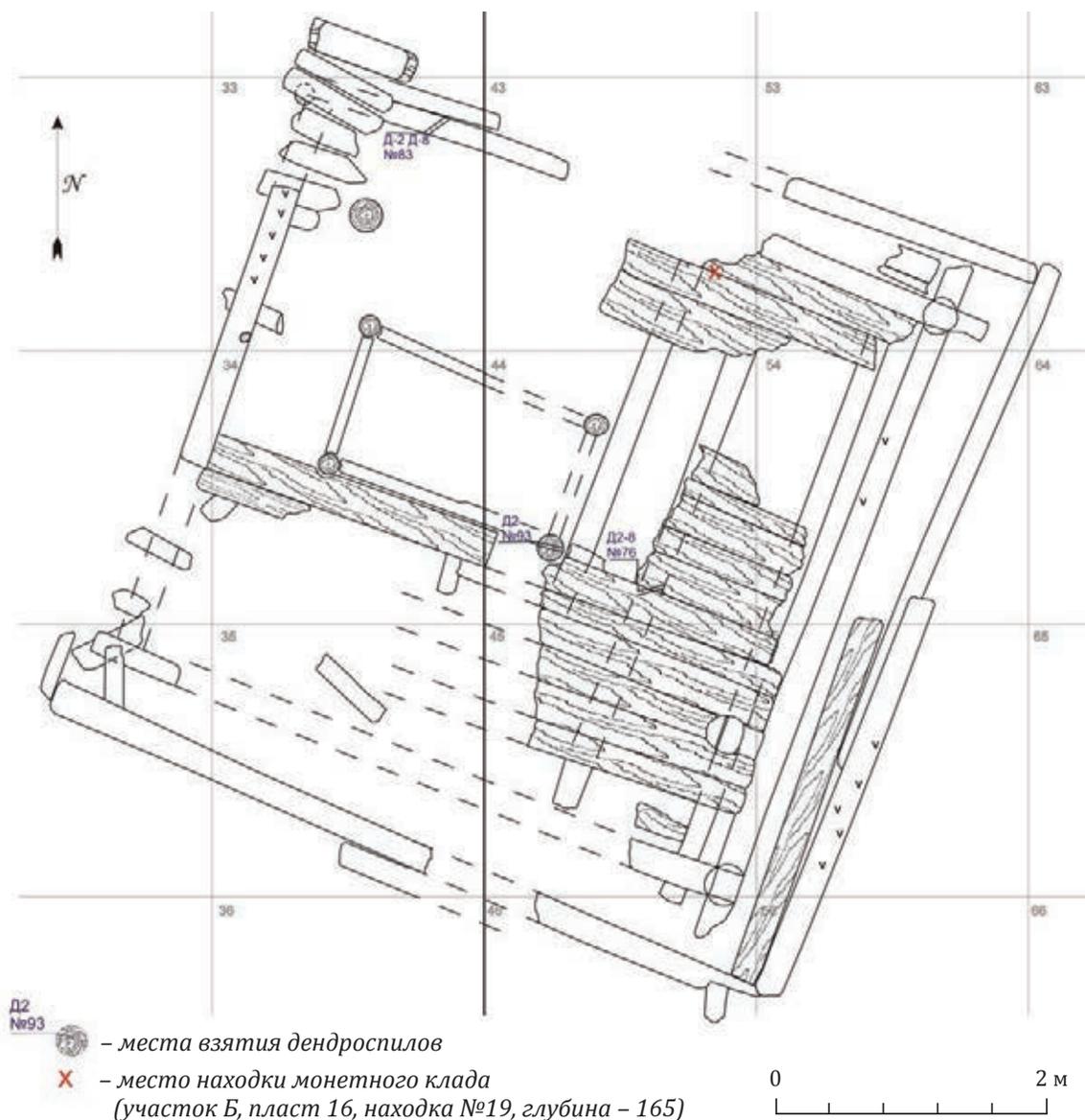

Рис. 2. Постройка № 20 с обозначением места находки клада

ской. Во внутреннем пространстве сруба частично сохранился пол из широких досок, ориентированных в направлении запад–восток, доски опирались на бревенчатые лаги. Постройка поставлена вплотную к западной границе двора. Ее местоположение и ориентировка настила пола указывают на расположение входа в дом, который мог находиться только с восточной стороны.

Сохранность древесины постройки довольно слабая. Из трех образцов, взятых для дендроанализа, датирован только один (рис. 2). Это юго-восточный столб опечка (№ 93), сооруженный из сосны, срубленной не ранее 1098 г.⁸

⁸ Определение О. А. Тарабардиной, лаборатория НГОМЗ, 2008 г.

Монеты залежали плотной кучкой под досками пола сруба, справа от входа, между печью и его северной стеной (рис. 2–4). Они обнаружены непосредственно под полом постройки, на 10–15 см ниже него, на уровне основания лаг пола (верхняя граница половиц – от -150 до -153 см, верхняя граница лаг: -157 см). Компактное расположение монет косвенным образом указывает на наличие какой-то упаковки, возможно, ткани из нитей растительного происхождения. Но никаких ее следов не обнаружено⁹.

⁹ Необходимо отметить, что условия захоронения Десятинного клада и Троицкого клада 1993 г. полностью совпадают. Троицкий клад также был спрятан под досками пола в жилом срубе и найден без следов упаковки. См.: Янин В. Л., Гайдуков П. Г. Новгородский клад западноевропейских и византийских монет ... С. 152.

Рис. 3. Восточная часть постройки № 20. Вид с северо-востока. Красной стрелкой отмечено место находки клада. Фото Н. Н. Фараджевой

Рис. 4. Восточная часть постройки № 20. Вид с северо-запада. Красной стрелкой отмечено место находки клада. Фото Н. Н. Фараджевой

Рис. 5. Западная часть постройки № 20. Вид с юго-запада. Фото Н. Н. Фараджевой

Сруб № 20 (ярус 8) относится ко времени первоначальной застройки усадьбы Б. Предматерик в этом месте находится на глубине -179 см, материк – на глубине -186 см. Строительство самых ранних домов на площади усадьбы достаточно надежно датируется 90-ми годами XI – рубежом XI–XII вв. Судя по стратиграфической ситуации и дендродате, постройка № 20 была возведена не ранее конца 1090-х гг. На стенах сруба прослежены следы огня, что может свидетельствовать о его гибели в пожаре. Точные сведения о продолжительности существования 8-го яруса отсутствуют. В сменившей его застройке (ярус 7) нет датированных сооружений. Данные о верхней границе яруса 7 получены на основании датировок более позднего 6-го яруса, возникшего в начале–середине 50-х гг. XII в. Застройка яруса 7, вероятно, сформировалась в середине 1120 – начале 1130-х гг.: средняя продолжительность жизни строительных ярусов в Новгороде – 20–25 лет. Можно полагать, что сокрытие клада в срубе № 20 могло произойти в конце его существования (в первой половине 20-х годов XII в.?).

Клад Десятинного раскопа состоит из 21 германского, одного итальянского и одного датского денария¹⁰. Перечислим немецкие монеты. К Ниж-

¹⁰ За помощь в определении и уточнении атрибуций ряда монет авторы глубоко признательны доктору Пете-

ней Лотарингии относится 15 денариев (см. приложение: № 1–5, 8–17): область Утрехта, Гронинген – 5 экз.; Фризия, Эмден – 4 экз., Доккум – 4 экз., Леуварден – 2 экз. Кроме перечисленных денариев, в кладе присутствуют два подражания: монете Гронингена времени епископа Вильгельма (1054–1076) и монете неопределенного города в регионе Тилля середины XI в. (см. приложение: № 6, 7). Место изготовления этих подражаний неизвестно. К Саксонии относятся четыре монеты. Все они принадлежат к нижнесаксонскому городу Еверу (см. приложение: № 18–21).

Таким образом, все немецкие монеты относятся к чекану пяти северогерманских городов, расположенных неподалеку друг от друга близ южного побережья Балтийского моря¹¹. Время выпуска большинства монет укладывается в середину – третью четверть XI в. Незначительно более поздними могут быть три денария Евера (см. приложение: № 19–21). Однако их плохая сохранность не позволяет дать им точную атрибуцию, и эти монеты от-

ру Илишу (Dr. Peter Ilisch, Münster, BD) и доктору Михаилу Матцке (Dr. Michael Matzke, Basel, Schweiz).

¹¹ См.: Kluge B. Deutsche Münzgeschichte von der sräten Karolingerzeit bis zum Ende der Salier (ca. 900 bis 1125). Sigmaringen: Thorbecke, 1991. S. 12, 13; Karte 3, № 73, 83, 84, 88, 90.

несены к двум правителям: Ордульф (1059–1071) и Герману († 1086)¹².

Датский денарий принадлежит Свену Эстридсену (1047–1075) (см. приложение: № 23). Его, вероятно, следует считать наиболее поздним среди монет этого правителя, поскольку в каталоге П. Хауберга такой денарий описан последним¹³.

В Новгороде датский денарий найден впервые, но в целом «по количеству находок датских монет Русь занимает одно из первых мест среди стран средневековой Европы»¹⁴. По данным В.М. Потина к середине 1960-х годов на Руси найдена 351 датская монета конца X–XI в., из них 138 принадлежат к чекану Свена Эстридсена¹⁵.

Итальянский денарий относится к городу Вероне (см. приложение: № 22). Из-за его плохой со-

хранности точная атрибуция затруднительна. По внешнему облику и весу можно заключить, что он отчеканен в период правления королей Генриха IV или Генриха V (1056–1125)¹⁶.

Итальянский денарий, как и датский, в Новгороде найден впервые. В многочисленных кладах западноевропейских монет, происходящих с территории Восточной Европы, итальянских монет X–XI вв. встречается очень мало. По подсчетам В.М. Потина на территории Руси отмечено всего 8 кладов с 17 монетами, чеканенными преимущественно в Павии и Вероне¹⁷. Совсем немного итальянских монет также в кладах Эстонии (7 кладов, 9 монет) и Финляндии (3 клада, 6 монет)¹⁸.

Итак, неясная хронология чеканки некоторых монет не дает надежного нумизматического указания на время тезаврации клада. Его сокрытие следует датировать широко: концом XI – началом XII в. Археологическая дата существования дома, в котором был найден клад, сужает время захоронения этого монетного комплекса до первой половины 1120-х гг.

¹² В 1954 г. на Неревском раскопе в слое конца XI – начала XII в. был найден кожаный кошелек с шестью монетами, близкими к издаваемому кладу. Состав: Фризия, Утрехт, Бернольд (1027–1054); Нижняя Саксония, Гиттельде, середина XI в.; Фризия, неизвестный монетный двор, Бруно III (1038–1057); Нижняя Саксония, Евер, Ордульф (1059–1071) или Герман; то же (?), плохая сохранность); Франкония, Вормс, первая половина XI в. См.: Колчин Б.А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М., 1956. С. 129. (МИА; № 55); Потин В.М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории Древней Руси // Труды Государственного Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. 3. Л., 1967. С. 142. № 200; Он же. Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // ТГЭ. Т. XXI: Нумизматика, 5. Л., 1981. С. 81–82, № 8–13.

¹³ Hauberg P. Myntforhold og Udmyntninger i Danmark indtil 1146. Kjobenhavn, 1900. S. 225, № 77; Tab. XI, 77.

¹⁴ Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства X–XIII вв.: историко-нумизматический очерк. Л., 1968. С. 135.

¹⁵ Там же. С. 134, табл. 9.

¹⁶ Corpus nummorum italicorum. Primo tentativo di un Catalogo generale delle monete medievali e moderne coniate in Italia. Vol. VI: Veneto (zecche minori), Dalmazia – Albania. Roma, 1922. P. 260–261, Tav. XXIII, 20–22.

¹⁷ Потин В.М. Древняя Русь и европейские государства X–XIII вв. С. 207–208, табл. 27. По данным автора к середине 1960-х годов всего насчитывалось 82 клада с 168 итальянскими денариями. Наибольшее количество находок отмечено в Польше (28 кладов, 72 монеты) и в Поморье (18 кладов, 32 монеты).

¹⁸ Molvogin A. Die Funde westeuropaische Munzen des 10. bis 12. Jahrhunderts in Estland. Hamburg, 1994. S. 34, 208, 233, 253, 300, 326, 371. (Numismatische Studien; H. 10); Talvio T. Coins and Coin Finds in Finland AD 800–1200. Helsinki, 2002. P. 24, 25, 140, 145, 153. (Iskos; 13).

Summary

P. G. Gaidukov, N. N. Faradzheva

New Novgorod Hoard of West-European 11th-century Coins

This article is devoted to the publication of a hoard of silver West-European coins found in 2008 during archaeological excavations in the Desyatiny-2 trench in Novgorod the Great. The hoard was found under floorboards in a building dating from the initial period of construction in this part of the town. To judge from the stratigraphic situation and the dendro-dates, the building had been erected no earlier than the 1090s, but the hoard could have been buried between 1110 and 1130. It consisted mainly of Germanic denarii issued in the

middle or third quarter of the 11th century BC (21 specimens) but also included one Italian and one Danish coin. The Germanic denarii originated from Lower Lotharingia (15 specimens) and Saxony (4 specimens). In addition there were also 2 imitations of North-German denarii in the hoard. The Italian denarius was a coin from the city of Verona. It had been issued during the reign of Henry IV or Henry V (i.e. between 1056 and 1125). The Danish denarius had been minted in the name of King Swejn Estridsson (1047–1075).

Приложение
Состав Десятинного клада
западноевропейских монет¹⁹

ГЕРМАНИЯ

Нижняя Лотарингия (Niederlothringen)
Утрехт (Utrechter Raum)

1. Гронинген (Groningen). Епископ Бернольд (1027–1054). Чекан 1040–1054 гг. Вес 0,30 г (изогнута, обл.).

Кёне, 1852. С. 97. № 218. Табл. IX, 2 (вар.); Dbg. 559; Ilisch, 2000. S. 191, № 18.3.

2. Гронинген (Groningen). Епископ Вильгельм (1054–1076). Вес 0,39 г (обл.).

Dbg. 546 (var.); Ilisch, 2000. S. 194, № 18.8.

3. То же. Вес 0,40 г (обл.).

Dbg. 546 (var.); Ilisch, 2000. S. 194, № 18.6.

4. То же. Вес 0,22 г (обл., корр.).

Dbg. 546 (var.); Ilisch, 2000. S. 194, № 18.7.

5. То же. Вес 0,09 г (обл., корр.).

Dbg. Taf. 73, 546a; Ilisch, 2000. S. 194, № 18.4.

6. Подражание монете Гронингена времени епископа Вильгельма (1054–1076)²⁰. См. № 2–5. Вес 0,68 г.

7. Подражание монете неопределенного города в регионе Тиля (Tiel); возможно Цальтбоммеля (Zaltbommel) (середина XI в.)²¹. Вес 0,51 г (обл.).

Dbg. 2186; Ilisch, 2000. S. 81–82, № 4.14.

Фризия (Frisischer Raum)

8. Эмден (Emden). Граф Герман (1020–1051). Вес 0,38 г (обл.).

Dbg. 773; Kluge, 1991. S. 223, Taf. 50, № 300.

9. То же. Вес 0,50 г (обл.).

10. То же. Вес 0,40 г (обл., корр.).

11. То же. Вес 0,21 г (обл.).

12. Доккум (Dokkum). Граф Бруно III (1038–1057). Чекан около 1050–1057 гг. Вес 0,45 г (обл.).

Dbg. 499 (var.); Ilisch, 2000. S. 233, № 21.20.3.

13. То же. Вес 0,52 г.

14. Леуварден (Leeuwarden). Граф Бруно III (1038–1057). Чекан около 1050–? гг. Вес 0,11 г (обл., корр.).

¹⁹ Фото монет, представленные в таблицах, даны с увеличением в 2 раза. Номера монет в описании и в таблицах совпадают. Фотографии монет выполнены С. В. Ольховским, таблицы подготовлены Н. С. Софроновой. Монеты отреставрированы А. В. Григорьевым весной 2009 г. Их вес до реставрации: 1 – 0,33, 2 – 0,44, 3 – 0,45, 4 – 0,28, 5 – 0,72 (с окислами!), 6 – 0,70, 7 – 0,55, 8 – 0,42, 9 – 0,58, 10 – 0,63, 11 – 0,21, 12 – 0,50, 13 – 0,55, 14 – 0,24, 15 – 0,33, 16 – 0,45, 17 – 0,53, 18 – 0,40, 19 – 0,29, 20 – 0,70, 21 – 0,14, 22 – 0,39, 23 – 0,27 г. Вес расчищенных и покрытых защитным лаком монет указан при их описании.

²⁰ Определение доктора Петера Илиша, предположившего, что монета могла быть изготовлена на территории Руси.

²¹ Определение доктора Петера Илиша.

Dbg. 502; Ilisch, 2000. S. 228–230, № 21.14.

15. То же. Вес 0,32 г (обл., корр.).

16. Доккум (Dokkum). Граф Экберт II (1068–1090). Чекан около 1068–1077 гг.? Вес 0,42 г (обл.).

Dbg. 528; Kluge, 1991. S. 223, Taf. 50, № 299; Ilisch, 2000. S. 242, № 22.5b.

17. То же. Вес 0,45 г (обл.).

Dbg. 528; Kluge, 1991. S. 223, Taf. 50, № 299; Ilisch, 2000. S. 242, № 22.5b–d.

Саксония (Sachsen)

Нижняя Саксония (Niedersachsen)

18. Евер (Jever). Герцог Ордульф (1059–1071). Вес 0,37 г (обл.).

Dbg. № 595; Kluge, 1991. S. 205, Taf. 41, № 243.

19. Евер (Jever). Герцог Ордульф (1059–1071) или Герман, брат Ордульфа († 1086). Вес 0,23 г (обл., корр.).

Dbg. № 595–597; Kluge, 1991. S. 205, Taf. 41, № 243, 244.

20. То же. Вес 0,62 г.

21. То же. Вес 0,13 г (обл., корр.).

ИТАЛИЯ

22. Верона (Verona). Король Генрих IV или V? (1056–1125)²². Вес 0,25 г (с трещиной).

CNI. VI. P. 260–261, Tav. XXIII, 20–22 (var.?).

ДАНИЯ

23. Король Свен Эстридсен (1047–1075). Вес 0,25 г (обл., корр.).

Hauberg, 1900. S. 225, № 77. Tab. XI, 77 (var.).

Принятые сокращения в каталоге

Кёне, 1852 – Кёне Б. Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России. СПб., 1852.

CNI. VI – Corpus nummorum italicorum. Primo tentativo di un Catalogo generale delle monete medievali e moderne coniate in Italia. Vol. VI: Veneto (zecche minori), Dalmazia – Albania. Roma, 1922.

Dbg. – Dannenberg H. Die deutschen Muenzen der Sächsischen und fränkischen Keiserzeit. Bd. I–IV. Berlin, 1876–1905.

Hauberg, 1900 – Hauberg P. Myntforhold og Udmyntning i Danmark indtil 1146. Kjobenhavn, 1900.

Ilisch, 2000 – Ilisch P. Die Münzprägung im Herzogtum Niederlothringen // Jaarboek voor Mint- en Penningkunde 84–85 (1997/8). Amsterdam, 2000.

Kluge, 1991 – Kluge B. Deutsche Münzgeschichte von der sräten Karolingerzeit bis zum Ende der Salier (ca. 900 bis 1125). Sigmaringen: Thorbecke, 1991. (Monographien / Römisch-Germanisches Zentralmuseum, Forschungsinstitut für Vor- und Frühgeschichte; Bd. 29).

²² Определение доктора Петера Илиша и доктора Михаила Матцке.

1

2

3

4

5

6

7

8

0 2 cm

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

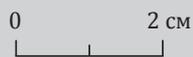
21

22

23

Платежные слитки черниговского типа

Уже в начале XIX в. русская нумизматика различала по находкам серебряных слитков в древних кладах усечённо-ромбовидные шестиугольные «гривны» «киевского» и палочковидные «новгородского» типов. Впервые слитки ещё одного типа – четырёхугольные ромбовидные с проковкой концов – описал Д. Я. Самоквасов, атрибутировав находки из Горбово (рис. 1: 1–6) как «древние рубли-слитки Новгородсеверской области»¹.

Позже А. И. Черепнин предложил более дробную классификацию древнерусских платежных слитков, разделив их на две группы по происхождению («южнорусские» и «севернорусские») и по принадлежности к счетно-весовым системам («киевской» и «новгородской»). Среди «южнорусских» слитков исследователь выделил три типа: шестиугольные «киевские» «киевского» же веса; ромбовидные «черниговские» и «эллипсоидные» – «новгородского» веса. Термину «черниговские» А. И. Черепнин не придавал жесткой территориальной нагрузки, предполагив, что такие слитки могли отливаться и в других регионах Южной и Юго-Западной Руси².

Констатировав широкую географию находок слитков черниговского типа в кладах, А. А. Ильин оставил вопрос о месте их производства открытым³. Более категорично высказался Н. П. Бауер, придав ключевое значение совпадению весовых стандартов слитков черниговского и новгородского типов, определяемых им весом в 196–197 г. Исследователь датировал слитки XII в. и отметил генетическую связь их формы с эллипсоидными неметрическими слитками XI в., а также выразительные следы неоднократного плющения слитков, что указывало на их принадлежность к сырьевому («поделочно-му») серебру, заключив, что именно им и суждено

было превратиться позже, в XIII в., «в новгородские рубли-палочки»⁴.

И. Г. Спасский, наоборот, отнес слитки черниговского типа ко второй половине XIII в. и связал по происхождению с Волынью⁵. Эта датировка не была поддержана В. Л. Яниным, указавшим, что во второй половине XIII в. в обращении находились только слитки новгородского типа. Исследователь рассматривает слитки черниговского типа как разновидность тяжелых шестиугольных киевских, адаптированных к весовой норме новгородских (204,75 г), датируя их оборот синхронно другим типам XII – первой половиной XIII в.⁶ Технологическую связь слитков киевского и черниговского типов и их отличие по способу изготовления от новгородских подтвердило специальное исследование Р. С. Минасяна⁷.

В 1996 г. вышла большая работа Н. Ф. Котляра о гривнах черниговского типа, посвященная коллекции древнерусских слитков из клада в Бурге⁸. находка на Готланде в составе денежного клада сразу 34 древнерусских ромбовидных и эллипсоидных плющенных слитков резко склонила исследователя к выводу об изготовлении слитков черниговского типа в Северной Руси, вследствие чего Н. Ф. Котляр даже предложил переименовать данный тип слитка в «северорусский». Опираясь на средний вес изученных слитков, исследователь также предположил существование

⁴ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift. Wien, 1929. Bd. 62. S. 115–116; Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 225; [Бауер Н. П.], Романов Б. А. Деньги и денежное обращение // История культуры Древней Руси. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 395–396.

⁵ Спасский И. Г. Русская монетная система: историко-нумизматический очерк. М., 1962. С. 55–56.

⁶ Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 55–56, 254–257.

⁷ Минасян Р. С. Способы изготовления платежных слитков // Петербургский археологический вестник. СПб., 1994. № 9. С. 170–171.

⁸ Котляр Н. Ф. Севернорусские («черниговские») монетные гривны // ДГ, 1994. М., 1996. С. 80–142.

¹ Самоквасов Д. Я. Основания хронологической классификации, описание и каталог коллекций. Варшава, 1892. С. 83.

² Черепнин А. И. О гривенной денежной системе по древним кладам // Труды Московского нумизматического общества. М., 1901. Т. II. С. 203–204.

³ Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921. С. 10.

в Древней Руси отличного от новгородского метрологического стандарта слитков в 196–197 г, происхождение которого связал с готландской маркой.

Новые находки слитков черниговского типа заставили исследователей высказать и новые мнения. Так, два слитка из культурного слоя Дорогобужа позволили Б.А. Прищепе и Ю.М. Никольченко предположить, что начало их оборота на Волыни приходится на 30-е гг. XIII в. и, возможно, связано с деятельностью Даниила Романовича или же такие слитки были принесены сюда беженцами из Киевского и Черниговского княжеств; их весовая норма, вслед за В.Л. Яниным, отождествлена с новгородской⁹. Позже Б.А. Прищепе допустил возможность производства таких слитков и на Волыни, а время их оборота в указанном регионе ограничил первой половиной XIII в.¹⁰

В 1999 г. новый клад слитков черниговского типа был обнаружен и на посаде Чернигова. А.Л. Казаков и Г.В. Жаров обратили внимание на компактную концентрацию кладов со слитками данного типа в районе Новгород-Северского, что с учетом кладов из Чернигова и Мышеловки на Киевщине, по их мнению, свидетельствует о южнорусском производстве слитков. Вместо термина «северорусские гривны» авторы предложили название «чернигово-северские». Поддержав предложенный для слитков Н.Ф. Котляром метрологический стандарт в 196 г, тем не менее А.Л. Казаков и Г.В. Жаров предположили, что он формировался на Чернигово-Северщине и связан с какими-то неизвестными древними весовыми нормами¹¹. Те же идеи были повторены в книге А.Л. Казакова и А.П. Моци¹².

Параллельно в литературе развернулась дискуссия о весовом стандарте самбй древнерусской (новгородской) гривны серебра. К идее Н.П. Бауера о «скандинавской марке в 197 г» с различной аргументацией фактически вернулись И. Леймус, А.В. Назаренко и А.П. Толочко¹³.

Такое количество противоречий древнерусской нумизматикой, пожалуй, не накоплено в отношении ни одной другой категории находок. Под сомнением происхождение, функции, хронология, метрология и даже сам термин «слитки черниговского типа».

⁹ Прищепа Б. А., Никольченко Ю. М. Літописний Дорогобуж в період Київської Русі. До історії Західної Волині в X–XIII століття. Рівне, 1996. С. 89–92.

¹⁰ Прищепа Б. А. Дорогобуж на Горині у X–XIII ст. Рівне, 2011. С. 158–159.

¹¹ Казаков А., Жаров Г. Клад гривен из древнего Чернигова // Древний мир. 2001. № 2. С. 48–49.

¹² Моця О., Казаков А. Давньоруський Чернігів. К.: Стародавній світ, 2011. С. 137–139.

¹³ Леймус И. Русский денежный счет XII века – свой или заимствованный? // Монета. Вологда, 2001. № 4. С. 23–30; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: междисциплинарные очерки торговых, культурных, политических связей IX–XII веков. М., 2001. С. 163–168, 209–213; Толочко А. П. О новгородской «гривне серебра» // Ruthenica. К., 2007. Т. VI. С. 360–363.

Клад из 16 ромбовидных и эллипсовидных серебряных слитков, не включающий слитки киевского или новгородского типов, обнаруженный в 1999 г. на территории посада Чернигова, снял последнюю проблему использования традиционного, исторически закрепившегося за данным типом названия «слитки черниговского типа». Южнорусскую географическую данность данного типа находок, по сравнению с каталогом Н.Ф. Котляра¹⁴, также следует дополнить тремя пунктами на Волыни – это уже упоминавшийся летописный Дорогобуж, клад 1878 г. у с. Высотск (Ровненской обл.), а также находка шестиугольного с расплюснутыми концами слитка на городище Тельничцы (Хмельницкая обл.)¹⁵.

Но гораздо важнее в плане определения центров производства слитков черниговского типа оказалось заключение Р.С. Минасяна о технологии их изготовления. Согласно выводам исследователя, слитки новгородского типа выливались в подогретую форму, тогда как слитки киевского и черниговского типов изготавливались путем плавки серебра в форме-тигле непосредственно в горне. Несмотря на характерные каверны на внешней поверхности («пузырение»), которые привели Н.Ф. Котляра к заключению о «неумелости литейщиков и общей провинциальности производства», у полученных таким образом слитков есть другое важное преимущество – это более низкая внутренняя пористость, которая позволяла ювелирам получать из слитка хороший листовой металл и проволоку¹⁶. Иными словами, изготовление слитков киевского и черниговского типов первоначально было ориентировано на сырьевой ювелирный рынок, и лишь затем они приобрели платежные функции. К такому же выводу, но опираясь на следы проковки слитков черниговского типа, в свое время пришел Н.П. Бауер¹⁷.

Отличие версии Н.П. Бауера состоит в универсальности «сырьевого» подхода к ранним серебряным слиткам, постепенно превратившимся в платежные «новгородские», тогда как Р.С. Минасян подчеркнул принципиальное технологическое отличие слитков черниговского типа от новгородских. Более того, изучив технологию изготовления партии слитков черниговского типа, поступивших в Государственный Эрмитаж в XIX в., Р.С. Минасян считал их «грубой подделкой мастера XIX в.», не сумевшего понять принцип изготовления таких слитков и поэтому сымитировавшего их (очевидно, оттиском

¹⁴ Котляр Н. Ф. Указ. соч. С. 141–142.

¹⁵ Кучинко М., Кучинко З. Давні та середньовічні скарби Волині. Луцьк, 2007. С. 88; Фещук Р., Якубовський Р. Звіт слов'яно-руського загону Хмельницької обл. екскурсійно-туристської станції про результати арх. досліджень в Хмельницькій обл. у 1973 р. Хмельницький, 1974 // НА ІА НАНУ № 1973/66. С. 3. Рис. 7: 2.

¹⁶ Минасян Р. С. Указ. соч. С. 170–171.

¹⁷ [Бауер Н. П.], Романов Б. А. Указ. соч. С. 395–396.

оригинала) путем литья в двусторонних формах¹⁸. Исследователь упустил из виду, что ранее конца XIX – начала XX в. этот тип серебряных гривен ещё не был известен коллекционерам, а Н. П. Бауер и Н. Ф. Котляр атрибутировали указанные эрмитажные слитки как принадлежащие кладу 1854 г. из Великолуцкого уезда Псковской губ.¹⁹

Это замечательное наблюдение свидетельствует о том, что слитки черниговского типа, являвшиеся своего рода эталоном серебряного сырья для кованных ювелирных изделий, действительно пытались производить и северорусские мастера, но далеко не все из них понимали суть технологии, что и приводило к появлению древних «подделок» в стиле Великолуцкого клада.

Слитки черниговского типа демонстрируют самый высокий процент буквенных граффити. К высказанным ранее версиям М. П. Сотниковой об их значении как ремесленной маркировки и Е. А. Мельниковой о собственнических надписях Б. А. Прищепа и Ю. М. Никольченко в отношении слитка из Дорогобужа добавили версию о маркировке веса в неких условных единицах, а А. Л. Казаков и Г. В. Жаров случаи маркировки буквами и небуквенными знаками слитков Черниговского клада сочли клеймами мастеров²⁰. Несомненно, клеймами выступают «звездочка» на слитке из Мабекино и родовой знак или монограмма на слитке из Горбово (рис. 1: 8, 9). Похоже, что качество слитков (а большинство из пробированных дают пробу выше 930°)²¹ было предметом гордости ремесленников.

Самым интересным из граффити является греческое имя ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ на слитке из Горбово (рис. 1: 7). Имя представлено в номинативе, вместо обычного для собственнической надписи Θεοδοου, больше напоминая именно знак мастера. Учитывая же более экзотичную куфическую надпись мусульманского ремесленника на знаменитой ювелирной формочке из Киевского Подола, предположение о греческом ювелире, работающем в одном из южнорусских крупных городов, совсем не выглядит удивительным.

Объясняет ли сугубо сырьевой характер слитка черниговского типа редкость подобных находок в кладах с платежными слитками киевского и новгородского типов? И этим ли обусловлено загадочное отсутствие случаев пересечения слитков киев-

ского и черниговского типов в кладах Черниговской земли горизонта монгольского погрома?

Принципы относительной хронологии древнерусских денежно-вещевых кладов были сформулированы в монографии Г. Ф. Корзухиной²², разделившей исследуемые комплексы на 4 хронологические группы. Все клады со слитками черниговского, новгородского и киевского типов оказались в группе IV, сокрытие которой исследователь отнесла к 70-м гг. XII – первой половине XIII в. И хотя в отношении времени появления слитков Г. Ф. Корзухина повторила «нумизматическую» дату – с конца XI в., время массового распространения платежных слитков определено «после 1150 г.». Последний рубеж, в свою очередь, диктовался общими представлениями о начале «безмонетного» периода в Древней Руси.

В рецензии на книгу Г. Ф. Корзухиной В. Л. Янин акцентировал внимание на том, что в Южной Руси монетное обращение прекратилось не в конце XI в., а ещё в его начале, поэтому предпосылки для более раннего появления платежных слитков возникли именно на юге. Раннюю дату, как в то время казалось, подтвердила и находка в 1954 г. слитка киевского типа в Новгороде, датированная второй половиной XI в. (ярус 21)²³.

Последняя находка была позже критически проанализирована А. Ф. Медведевым²⁴. Исследователь продемонстрировал, что, согласно отчетным данным, слиток киевского типа из раскопа VII в Новгороде был обнаружен в 1954 г. при зачистке стенки яруса 19, а его отнесение к нижним ярусам 21–22 (1076–1116 гг.) стало лишь следствием неверной интерпретации первичных данных раскопок. Дендрохронологическая дата яруса 19 – 1134–1161 гг.²⁵ Хотя в горизонте этого яруса и были найдены две изношенные монеты 1059–1070 гг. и 1068–1090 гг.²⁶, древнерусские слитки, несомненно, не подчинялись закономерностям обращения западноевропейских монет на Руси.

В. Л. Янин учел поправку А. Ф. Медведева, ориентируясь на «широкую» стратиграфическую дату слитка (ярусы 19–20: 1116–1161 гг.). Исследователь отметил, что этот рубеж хорошо согласуется с наблюдениями об отсутствии находок гривен киевского

²² Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 15–32.

²³ Янин В. Л. Рецензия: Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954 // СА. 1956. Т. XXV. С. 362–363; Колчин Б. А. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. 1956. № 55. С. 104.

²⁴ Медведев А. Ф. О новгородских гривнах серебра // СА. 1963. № 2. С. 110–120.

²⁵ Колчин Б. А. Дендрохронология Новгорода // МИА. 1963. № 117. С. 90.

²⁶ Потин В. М. Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Труды Государственного Эрмитажа. Л., 1981. Т. XXI. С. 83.

¹⁸ Минасян Р. С. Указ. соч. С. 170.

¹⁹ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. № 90; Котляр Н. Ф. Указ. соч. С. 91.

²⁰ Прищепа Б. А., Никольченко Ю. М. Указ. соч. С. 91–92; Казаков А., Жаров Г. Указ. соч. С. 48.

²¹ Котляр Н. Ф. Указ. соч. С. 104; Прищепа Б. А., Никольченко Ю. М. Указ. соч. С. 89; Яшueva-Омельянчик Р. Монетные гривны из XI–XV вв. (из собрания Национального музея истории Украины) // Нумизматика і фалеристика. К., 1999. № 1. С. 17–19.

Рис. 1. Слитки черниговского типа: 1–8 – Горбово; 9 – Мамекино

типа вкладах с западноевропейскими монетами, датирующими время появления таких слитков не ранее второй четверти XII в.²⁷ Несмотря на значительное «омоложение» даты, указанная новгородская находка до недавнего времени оставалась наиболее ранним датированным слитком киевского типа.

Кардинальные уточнения в интерпретацию слитка внесла Е.В. Янюшкина, указавшая на его изготовление из недрагоценного металла (свинцово-оловянистый сплав), а также происхождение из слоя

²⁷ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси. С. 256.

пожара 60-х гг. XIII в.²⁸ По всей видимости, слиток представлял собой модель для изготовления оттиском в пластичной массе одноразовой формы-тигля так же, как и медный слиток из Городища²⁹. Таким образом, археологические основания для датировки слитков киевского типа вновь возвращаются к исходным позициям Г.Ф. Корзухиной – подавляющая масса

²⁸ Янюшкина Е.В. Собрание слитков ГИМ // Нумизматический сборник Московского нумизматического общества. Вып. 5. М., 1997. С. 139.

²⁹ Янин В.Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси. С. 254–256.

таких находок происходит из кладов и горелых слоев городов времени монгольского нашествия.

Не намного лучше ситуация с ранней датировкой А. Ф. Медведевым времени появления слитков новгородского типа, на что уже обращал внимание Н. Ф. Котляр³⁰. Под «гривной/слитком новгородского типа» в археологии подразумевается слегка прогнутый узкий слиток с полукруглым или подтрапециевидным сечением, без признаков проковки, весящий в диапазоне 187–206 г. В поисках же наиболее ранних экземпляров слитков данного типа А. Ф. Медведев обратился к находкам узких раскованных или разрубленных «палочковидных» серебряных слитков из кладов XI в., близких по фактическому или реконструируемому весу метрологическому стандарту слитков новгородского типа³¹.

Собственно «новгородскими гривнами» такие находки, несомненно, не являются, но наличие слитков близкого весового стандарта, действительно, свидетельствует о попытках лить метрологически обоснованные слитки уже в XI в. В. М. Потин справедливо отметил аналогии формы литым новгородским слиткам Тверского клада среди серебряных слитков из кладов Готланда XI–XII вв.³², но в этом случае проблема иная. Готландские слитки, даже те, которым придавали стандартную узнаваемую форму (например, «ладьевидные» с заостренными концами или прогнутые четырехгранные), не составляют определенных метрологических стандартизированных групп³³. Метрология на слитках Скандинавии или шире – Северной Европы лучше всего срабатывает на небольших слитках или рубленых фрагментах стандарта «эре» (1/8 марки), реже – «фердинга». То есть, говоря о заимствовании для слитка новгородского типа формы североευропейских сырьевых слитков, мы тем не менее должны учитывать, что идея зафиксировать вес такого стандартного слитка на отметке марки (или полуфунта), скорее, принадлежала самой Руси.

В двух синхронных кладах у д. Стражевичи (Витебская обл.) 1898 и 1903 гг., включавших младшие западноевропейские монеты середины XI в. (в основном плохой сохранности), находились «палочковидные» серебряные прокованные слитки различного веса и размера (рис. 2: 19, 20), из которых два слитка из клада 1903 г. весили 101,59 г и 202,82 г (или 103,63 г и 201,56 г)³⁴, что в целом ложится в

метрологию новгородской гривны. В Полоцком кладе 1910 г., также с западноевропейскими монетами середины XI в. и с обломками серебряных слитков «лепешек» находились и 5 «палочковидных» слитков без определенного стандарта веса (19,4 г; 24,43 г; 93,85 г; 173,75 г; 190,65 г)³⁵.

Денежно-вещевые клады не накопительные, их происхождение обычно связано с серьезной опасностью, не позволившей собственнику позже найти и изъять спрятанные вещи. Появление рассмотренной группы белорусских кладов вероятно произошло в 1067 г., во время разорения Полоцкого княжества противниками Всеслава Всеволода Ярославича и Владимира Мономаха. Из трех кладов только один действительно говорит о начале литья «метрологических» слитков, остальные слитки принадлежат ещё к группе без фиксированного веса.

Первому вторжению во владения Всеслава предшествовали походы самого Всеслава на Полоцк (1065 г.) и Новгород (1066 г.); также и поход Всеслава на Новгород 1076 г. стал причиной ответной акции 1077 г. В округе Пскова можно отметить сразу три вещевых клада с западноевропейскими монетами, младшие из которых относятся к середине XI в. (Васьково, Демшина, Крыжово); один близ Новгорода (Собацьи Горбы) и еще один клад в Старой Ладоге³⁶. В последнем (допускающем по монетам и датировку второй четвертью XI в.) находились два «палочковидных» слитка весом 101,56 г и 118,6 г. Картина, сходная с кладами Полоцкой земли, – лишь появление отдельных слитков с весовыми характеристиками в системе более поздней новгородской гривны.

В Южной Руси в кладе у с. Великоселецкое (Полтавская обл.) второй половины XI – начала XII в. (датирован по двум византийским монетам 1005–1025 гг. и 1059–1067 гг.) найдены 2 слитка весом 194,07 г и 198,2 г³⁷. Их форма узкая подромбовидная, со сужающимися, слегка расплюснутыми концами (рис. 2: 21, 22). Вес слитков близок, но форма не соответствует новгородским, как и процедура обработки ковкой. А вот многочисленные каверны на поверхности указывают на литье в очень горячей форме или даже непосредственно в горне, что близко технологии производства слитков черниговского типа. Относительной аналогией можно считать слиток из клада у с. Чубарово (рис. 2: 3).

Близкий набор византийских монет (младшая 1057–1059 гг.) происходит и из киевского клада 1899 г. найденного на усадьбе Бродского, включавшего два «палочковидных» золотых слитка: обр-

³⁰ Котляр Н. Ф. Указ. соч. С. 90.

³¹ Медведев А. Ф. Указ. соч. С. 110–113.

³² Потин В. М. Причины прекращения притока западноевропейских монет на Русь в XII в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961. С. 106–107.

³³ См. сводку: Stenberger M. Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Lund, 1947; 1958. В. I–II.

³⁴ Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. Пг., 1921. С. 36; Корзухина Г. Ф. Указ. соч. С. 95–97; Рябцевич В. Н. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X – начала XIV вв. // Гістарычна-археалагічны зборнік. Мінск, 2000. № 15. С. 68.

³⁵ Рябцевич В. Н. Указ. соч. С. 67.

³⁶ Корзухина Г. Ф. Указ. соч. С. 98–102.

³⁷ Там же. С. 93; Ильин А. А. Указ. соч. С. 42; Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962. С. 35.

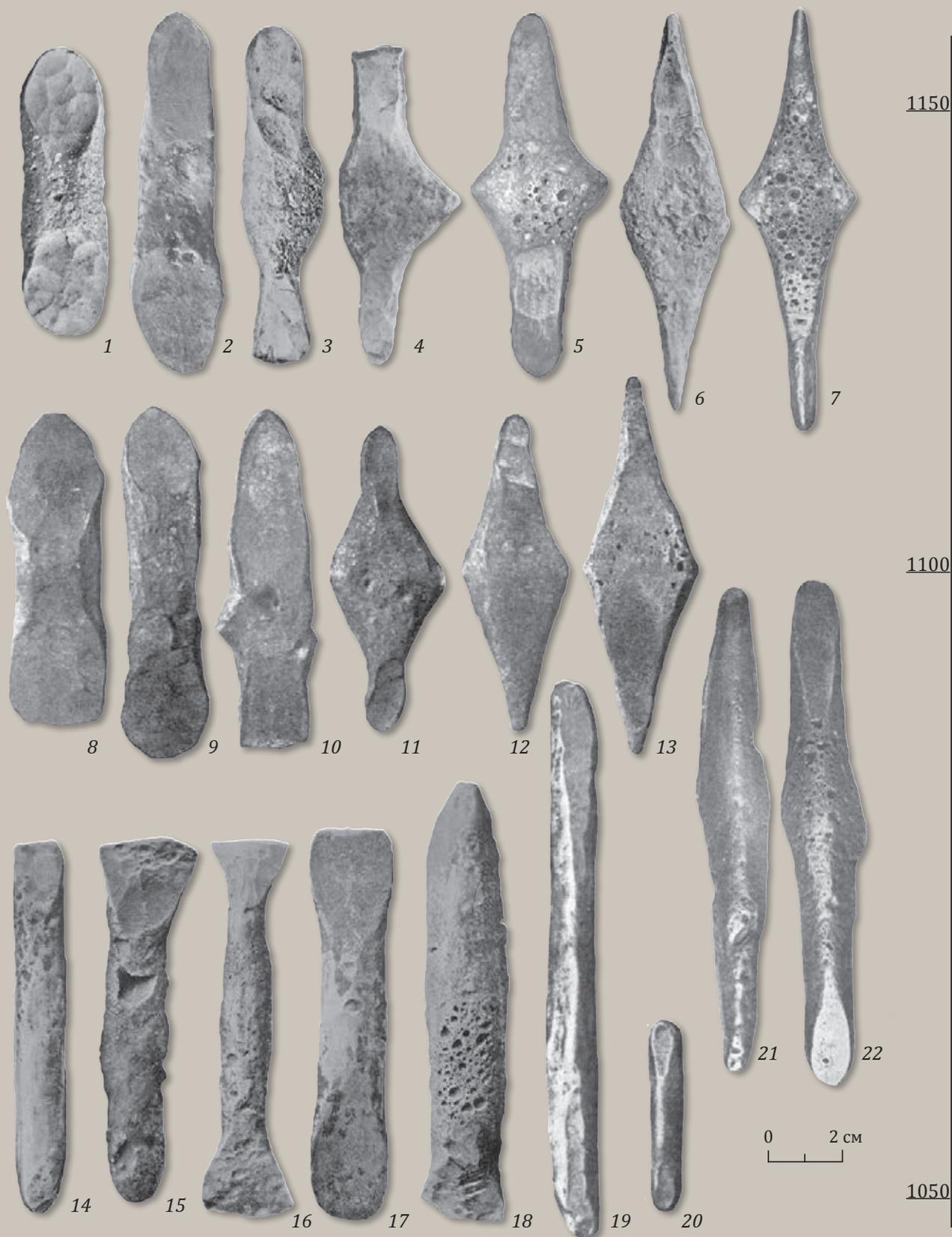

Рис. 2. Хронология сырьевых слитков: 1, 2 – Мамекино; 3, 4, 6 – Чубарово; 5 – Чернигов; 7 – Горбово; 8–13 – Мышеловка; 14–18 – Бужиска; 19, 20 – Стражевичи, 1898 г.; 21, 22 – Великоселецкое

бленный (143,15 г) и целый (97,32 г)³⁸. В. Б. Антонович связывал происхождение клада с занятием Киева Изяславом и Болеславом II в 1077 г. или же с одним из половецких набегов³⁹.

Клад у д. Бужиски (Гродненская губ.) второй половины XI – начала XII в. содержал 5 слитков: 3 плоских с расплюснутыми концами; 1 «палочковидный» с расплюснутыми концами и 1 «палочковидный» с проковкой только одного конца (рис. 2: 14–18). Вес слитков – 79,39 г; 93,64 г; 96,93 г; 130,7 г; 183,82 г⁴⁰. При неустойчивой метрологии данная группа слитков выступает несомненными прототипами эллипсоидных слитков черниговского типа, причем как минимум один из них (рис. 2: 18) полностью соответствует и по технологии изготовления: плавка в форме-тигле с последующей расковкой.

И эллипсоидные (4 экз.), и ромбовидные (7 экз.) слитки черниговского типа в уже метрологически стандартизированном виде представлены в кладе 1896 г. из Мышеловки (современная городская черта Киева) (рис. 2: 8–13). Два экземпляра слитков обрублены (175,3 г и 196,8 г); целые весят в диапазоне 196–204,35 г; на нескольких гривнах граффити в виде букв⁴¹. Уникальный клад, содержащий поясной набор среднеазиатской работы, был отнесен Г. Ф. Корзухиной к группе кладов 1170–1240 гг., но В. П. Даркевич оспорил эту дату, указав, что аналогии поясному набору и его стилистика относятся к XI в., а сам клад, по мнению исследователя, зарыт на рубеже XI–XII вв.⁴²

Ближайшая древнерусская аналогия щитовидным поясным бляшкам с изображением грифона из Мышеловки происходит из слоя первой половины XII в. Киевского Подола по ул. Спасская, 35 (раскопки 2007 г.)⁴³. Подольская бляшка – лишь дериват, а её присутствие в культурном слое маркирует время выхода пояса из употребления. Сохранность мышеловского поясного набора в целом хорошая, за исключением механических повреждений нескольких деталей, которые подвергались ремонту. Это дей-

³⁸ Ильин А. А. Указ. соч. С. 27; Корзухина Г. Ф. Указ. соч. С. 90–91.

³⁹ Антонович В. Замечательный клад // Киевская старина. 1899. № 10. Отд. II. С. 1–2.

⁴⁰ Орешников А. Описание серебряным монетным слиткам из собрания Императорского Российского исторического музея // Труды Московского нумизматического общества. М., 1901. Т. II. С. 219–220, табл. V, 16–20; Ильин А. А. Указ. соч. С. 19–20; Корзухина Г. Ф. Указ. соч. С. 94–95. Табл. XX.

⁴¹ Котляр Н. Ф. Указ. соч. С. 140; Яушева-Омельянчик Р. Указ. соч. С. 18.

⁴² Корзухина Г. Ф. Указ. соч. С. 133–134. Табл. LVI; Даркевич В. П. Художественный металл Востока. М., 1976. С. 54–55.

⁴³ Сагайдак М. А., Хамайко Н. В., Вергун О. І. Нові дослідження торгівельно-ремісничих садиб давньокиївського Подолу // Археологічні дослідження на Україні 2007–2008 р. К., 2010. Рис. 4; Сагайдак М. А., Хамайко Н. В., Комар О. В. Спаський розкоп давньокиївського Подолу // Пам'ятки України. К., 2015. № 5–6. С. 28.

ствительно не дает оснований для датировки клада позже начала XII в. Из масштабных исторических событий этого периода, которые могли вызвать сокращение клада в ближайшей округе древнего Киева, следует выделить нападение половцев 1093 г., во время которого половцы обогнули Киев, достигнув Вышгорода, и знаменитое нападение на Киев 1096 г. во главе с ханом Боняком.

Следующий датированный клад из Бурге (Готланд) включал 34 слитка черниговского типа в комплексе с восточными и западноевропейскими монетами, младшая из которых чеканена в 1143 г.⁴⁴ Значительная часть слитков содержит древнерусские надписи, а многочисленные каверны на поверхности ярко говорят о южнорусской технологии производства.

Сразу три клада найдены в округе Новгород-Северского: клад 1878 г. у с. Горбово из 18 целых и 4 половинок слитков черниговского типа, а также 3 гривен новгородского типа (?); клад 1885 г. из 8 слитков у с. Мабекино и клад, обнаруженный до 1907 г. у с. Чубарово, из которого в коллекцию Б. Ханенко поступили 3 слитка черниговского типа (рис. 2: 3, 4, 6)⁴⁵. Черниговский клад 1999 г. обнаружен на территории посада в объекте без четкой датировки. А. Л. Казаков и Г. В. Жаров склонны связывать его сокращение с событиями 1239 г., хотя археологический контекст предполагает более широкие рамки: от второй четверти XII в. до 1239 г.⁴⁶

Для датировки слитков черниговского типа важно принять во внимание следующие обстоятельства: они пока ни разу не пересекались вкладах Черниговского и Новгород-Северского княжеств ни со слитками киевского типа, ни с характерными предметами горизонта монгольского погрома (колты, предметы с перегородчатými эмальями и т. п.).

Последние в кладе 1923 г. из Чернигова сочетаются со слитком киевского типа (159,96 г); в кладе 1883 г. у с. Стариково (Курская обл.) – с 7 слитками новгородского типа; в кладе 1876 г. у д. Терехово (Орловская губ.) – со слитком киевского типа (159,06 г), и лишь в кладе 1853 г. у д. Лески (Орловская губ.) был какой-то узкий тонкий слиток (194,08 г), не похожий на новгородские (сырьювой?)⁴⁷.

⁴⁴ Котляр Н. Ф. Указ. соч. С. 94–96, 109–116; Наследие варягов: диалог культур. Каталог выставки. М., 1996. С. 67–72; Jonsson K. Eastern contacts based on the coin finds // *Situne Dei* 2009. Sigtuna, 2009. P. 64.

⁴⁵ Ханенко Б., Ханенко В. Древности Приднепровья и побережья Черного моря. К., 1907. Вып. VI. С. 43, № 1130–1133; Корзухина Г. Ф. Указ. соч. С. 137–142; Яновська Л. Давньоруські старожитності Новгород-Сіверського Подесення // Сіверянський літопис. Чернігів, 2005. № 5. С. 12; Яушева-Омельянчик Р. Указ. соч. С. 17, 19.

⁴⁶ Казаков А., Жаров Г. Указ. соч. С. 49; Моця О., Казаков А. Указ. соч. С. 138–139.

⁴⁷ Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. S. 103, 108; Корзухина Г. Ф. Указ. соч. С. 138, 139, 141.

В «гривенных» кладах картина следующая: клад 1890 г. из Чернигова – 9 слитков киевского типа; клад 1910 г. из Путивля – 22 слитка новгородского типа; клад 1883 г. у с. Стариково (Курская губ.) – 6 слитков новгородского типа; клад 1892 г. у г. Мглин (Черниговская губ.) – 11 слитков новгородского типа; 2 клада (клад?) 1873 г. в Стародубском уезде – 59 и 19 новгородских слитков; два слитка новгородского типа обнаружены в 2010 г. в Любече в объекте первой половины XIII в.⁴⁸

Как видим, в первой половине XIII в. на территории Чернигово-Северской земли ходили в основном слитки новгородского и киевского типов. В то же время два узко датированных клада из Мышеловки и Бурге предполагают бытование слитков черниговского типа в конце XI – середине XII в., причем ни в одном из них нет собственно слитков киевского или новгородского типов⁴⁹. Единственный возможный случай сочетания слитков черниговского и новгородского (?) типов – Горбовский клад 1878 г., из которого, впрочем, в фондах НМИУ, ГЭ и ГИМ сохранились только 18 слитков черниговского типа и 4 их половинки, хотя Н.П. Бауер упоминает и 3 «палочковидные». Клад любопытен и тем, что некоторые черниговские слитки в нем даже не раскованы (рис. 1: 2, 4, 5). Такая картина закономерно подталкивает к выводу о хронологической разнице.

Появление черниговского клада и трех «новгород-северских» со слитками черниговского типа в контексте их вероятной датировки XII в. должно быть связано с хронологически узким событием, которым объективно может быть только усобица 1152–1153 г., когда половцы – союзники Юрия Владимировича «пригонивше к Чернигову и городъ по-

згли», а затем опустошили Новгород-Северские земли⁵⁰. Эта дата чрезвычайно близка к датировке клада из Бурге (40–50-е гг. XII вв.), что может быть веским дополнительным аргументом в ее пользу.

Свидетельством использования слитков черниговского типа до 1239–1240 гг. является вещевой клад 1988 г. из Московского Кремля, включавший ромбовидный слиток черниговского типа, слиток новгородского типа, а также «тяжелую» гривну киевского типа (203,8 г). Впрочем, как и Тверской клад 1906 г., Московский клад отличается наличием предметов, находящихся аналогии в кладах X (!) – XII вв., что заставляет предполагать длительную историю его формирования⁵¹.

В чем-то похожа ситуация с находками из Дорогобужа. Б.А. Прищепа и Ю.М. Никольченко датировали слитки черниговского типа из Дорогобужа 30–40-ми гг. XIII в., отнеся их попадание в слой к монгольскому времени. Такая дата вероятна, но она не следует непосредственно из материала. На участке раскопа 24 обнаружены объекты X–XII вв., перекрываемые культурным слоем с керамикой XI – первой половины XIII в. Из того же слоя происходит меч второй половины XII – первой половины XIII в. Попадание в слой предметов, которые в обычных обстоятельствах никогда не выбрасывались, конечно, логично связать с чрезвычайным событием, но вторая находка меча на детинце Дорогобужа ярко иллюстрирует всю сложность датировки предметов из культурного слоя лишь по сопутствующему контексту. Меч принадлежит к типу Z второй половины X–XI в., хотя авторы раскопок относят его всё к тому же слою «монгольского времени»⁵².

Высотский клад 1878 г. не сохранился, лишь согласно описанию, он включал слитки киевского типа и ромбовидные слитки черниговского (?) типа⁵³, т.е. этот случай также к надежным не отнести. Находка же на городище Телиженцы (Хмельницкая обл.) из горелой клетки № 1, несомненно, принадлежащей к середине XIII в., представляет собой расплющенный на концах слиток киевского типа⁵⁴.

В любом случае единичные слитки черниговского типа, доживающие до середины XIII в., известны лишь на *периферии* Руси, в то время как наиболее ранние на данный момент происходят из клада рубежа XI–XII вв. из окраин Киева. Это вполне соответ-

⁴⁸ Ильин А. А. Указ. соч. С. 32, 51, 53; Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift. Wien, 1931. Bd. 64. S. 64–66; Веремейчик О. М., Бондар О. М. Археологічні дослідження Замкової Гори у смт. Любеч Ріпкинського району Чернігівської області // Археологічні дослідження на Україні 2010 р. К.; Полтава, 2011. С. 60.

⁴⁹ В 2002 г. нелегальным кладоискателям достался ещё один крупный клад слитков черниговского типа, обнаруженный в сети [http://www.grivnaklad.narod.ru/photo.html], с фотографиями которого были ознакомлены Н.Ф. Котляр и П.Г. Гайдуков. Клад включал минимум 24 целых слитка черниговского типа, 5 половинок и 3 более мелкие фракции, половину палочковидного слитка с расплющенными концами, а также 7 целых и 12 фрагментированных лепешковидных слитков. Присутствие последних Н.Ф. Котляр счел непонятным, хотя сам отметил их наличие в кладах из Бурге (Котляр Н.Ф. Указ. соч. С. 98). Следует обратить также внимание на наличие обломков (обрубков) лепешковидных слитков в монетном кладах 1910 г. из Полоцка (2-я пол. XI в.) и в синхронном кладах 1898 г. из Стражевичей (Корзухина Г.Ф. Указ. соч. С. 95; Рябцевич В.Н. Указ. соч. С. 67, 68). Лепешковидные слитки имеют такую же характерную поверхность в литейных кавернах, а их обрубаение ярко свидетельствует о сырьевом характере. Присутствие же обломков лепешковидных слитков в группе монетных кладов второй половины XI в. хорошо вписывается в сырьевой характер оборота серебряных слитков на раннем этапе.

⁵⁰ ПСРЛ. М., 2001. Т. 2: Ипатьевская летопись. Ст. 487–488.

⁵¹ Авдусина Т. Д., Панова Т. Д. О находке клада на территории Московского Кремля // СА. 1989. № 4. С. 272–274; Наследие варягов. С. 107–120; Панова Т. Д. Клады Кремля. Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль». М., 1996. С. 28–51.

⁵² Прищепа Б. А., Никольченко Ю. М. Указ. соч. С. 26, 89–91, 101–102, рис. 46–47; 50; 65; Прищепа Б. А. Указ. соч. С. 99–104, рис. 110, 121–126.

⁵³ Кучинко М., Кучинко З. Указ. соч. С. 88.

⁵⁴ Фещук Р., Якубовский Р. Указ. соч. С. 2–3, рис. 7: 2.

ствуется модели возникновения типа в центральных землях Южной Руси и его постепенного выхода из обихода под давлением слитков киевского и новгородского типов, многократно сочетающихся вкладах середины XIII в. Сохранение изначально сырьевых черниговских слитков до XIII в. служит также важным показателем их превращения в платежные.

Не исключено, что новые документированные комплексы в будущем изменят ситуацию, но на данный момент, кроме дедуктивных предположений о возникновении слитков киевского, черниговского и новгородского типов одновременно в конце XI в. и о их параллельном хождении до середины XIII в., другими основаниями для подобного заключения мы не располагаем. В этой ситуации наиболее методологически правильным решением будет довериться археологическим датам конкретных комплексов.

Типологические линии развития формы самих слитков позволяют возводить к XI в. лишь слитки новгородского типа (прототипы – прокованные «палочкообразные» слитки) и эллипсоидные слитки черниговского типа (прототипы – подэллипсоидные слитки с раскованными концами) (рис. 2). Слитки киевского типа по форме могут восходить только к ромбовидным черниговским с усеченными концами, что вполне закономерно, ведь весовой стандарт слитка черниговского типа заметно превышает обычный вес киевских слитков. Это, в свою очередь, не дает оснований предполагать, что «тяжелые» гривны киевского типа представляют наиболее ранний вариант таких слитков.

Эволюция древнерусских серебряных слитков XI–XIII вв. на данный момент представляется следующей:

первая половина XI в. – метрологически нестабильные «палочковидные» слитки и их фрагменты;

середина XI в. – появление «палочковидных» прокованных слитков стандарта новгородской гривны серебра или её половины, а также неметрологических слитков с раскованными концами – прототипов слитков черниговского типа, при преобладании в обращении слитков без фиксированного веса;

конец XI в. – начало хождения слитков черниговского типа при сохранении оборота «палочковидных» прокованных слитков «северного» веса;

первая половина (или середина) XII в. – появление литых слитков новгородского типа при сохранении в обращении слитков черниговского типа;

середина – вторая половина XII в. – появление слитков киевского типа;

конец XII – первая половина XIII в. – вытеснение из обращения слитков черниговского типа при полном преобладании слитков киевского и новгородского типов;

вторая половина XIII в. – исчезновение из оборота слитков киевского типа при сохранении слитков новгородского типа.

Как видим, «северный» весовой стандарт доминирует не только на севере, но и на юге Руси до середины XII в. включительно. Слиток киевского типа появляется в Южной Руси на смену черниговскому и «протоновгородскому», очевидно, не ранее 40–50-х гг. XII в., причем в условиях острой конкуренции князей за Киев не успевает к концу 50-х гг. XII в. распространиться даже в соседних Чернигово-Северских землях. Это серьезное противоречие «классической» схеме, предполагающей непрерывное развитие византийского весового стандарта в Южной Руси начиная с X в.

Гипотеза Н. Ф. Котляра о различии метрологического стандарта слитков черниговского и новгородского типов и соответствии «черниговского» весового образца готландской марке могла бы стать еще более резонансной в свете ранней хронологической позиции слитков черниговского типа. Но с подобными заключениями не стоит торопиться.

В работах Н. П. Бауера, действительно, утверждалась тождественность древнерусской гривны «североевропейской» марке весом в 197 г, но, ссылаясь на это мнение, Н. Ф. Котляр был вынужден сделать оговорку, что следов такой марки в литературе ему обнаружить не удалось⁵⁵.

При поиске «общескандинавской» марки исследователи обычно обращаются к чекану Дании, Швеции, Норвегии и Англии XI–XII вв., обнаруживая пересечение весовых стандартов «общескандинавской» марки на отметке ок. 216 г; более легкая марка весом в 208,5 г предполагается для начального шведского чекана Сигтуны (995–1005 гг.)⁵⁶.

Именно марка весом ок. 208 г зафиксирована в конце XIV – начале XV вв. в Риге (207,82 г), где весовые стандарты монеты и марки были установлены в 1211 г. в соответствии с чеканом Готланда: *«in moneta quatuor marcae et dimidia denariorum marcam argenti ponderabunt Gutlensem»* – «В монетном чекане четыре с половиной марки денариев [должны быть равны] марке серебра веса Готландского»⁵⁷. Эта марка и должна фигурировать в договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г.

Никаких следов ни «тяжелых» скандинавских марок, ни «легкой» «русско-скандинавской» марки в 197–198 г в денежном счете и весовых системах

⁵⁵ Бауер Н. П. Указ. соч. С. 228–230; Котляр Н. Ф. Указ. соч. С. 102.

⁵⁶ Suchodolski S. Początki mennictwa w Europie środkowej, wschodniej i północnej. Wrocław, 1971. S. 171–175; Nightingale P. The Evolution of Weight-Standards and the Creation of New Monetary and Commercial Links in Northern Europe from the Tenth Century to the Twelfth Century // The Economic History Review. 1985. Vol. 38. № 2. P. 194; Hirschend F. What Olof had in mind // Fornvannen. Stockholm, 1992. № 87. P. 19–29.

⁵⁷ Zemzaris J. Mers un svars Latvija 13.–19. gs. Rīga, 1981. S. 158–159; Liv-, Esth- und Curländisches Urkundenbuch nebat Regesten. Reval, 1853. Bd. 1. № 20. S. 27.

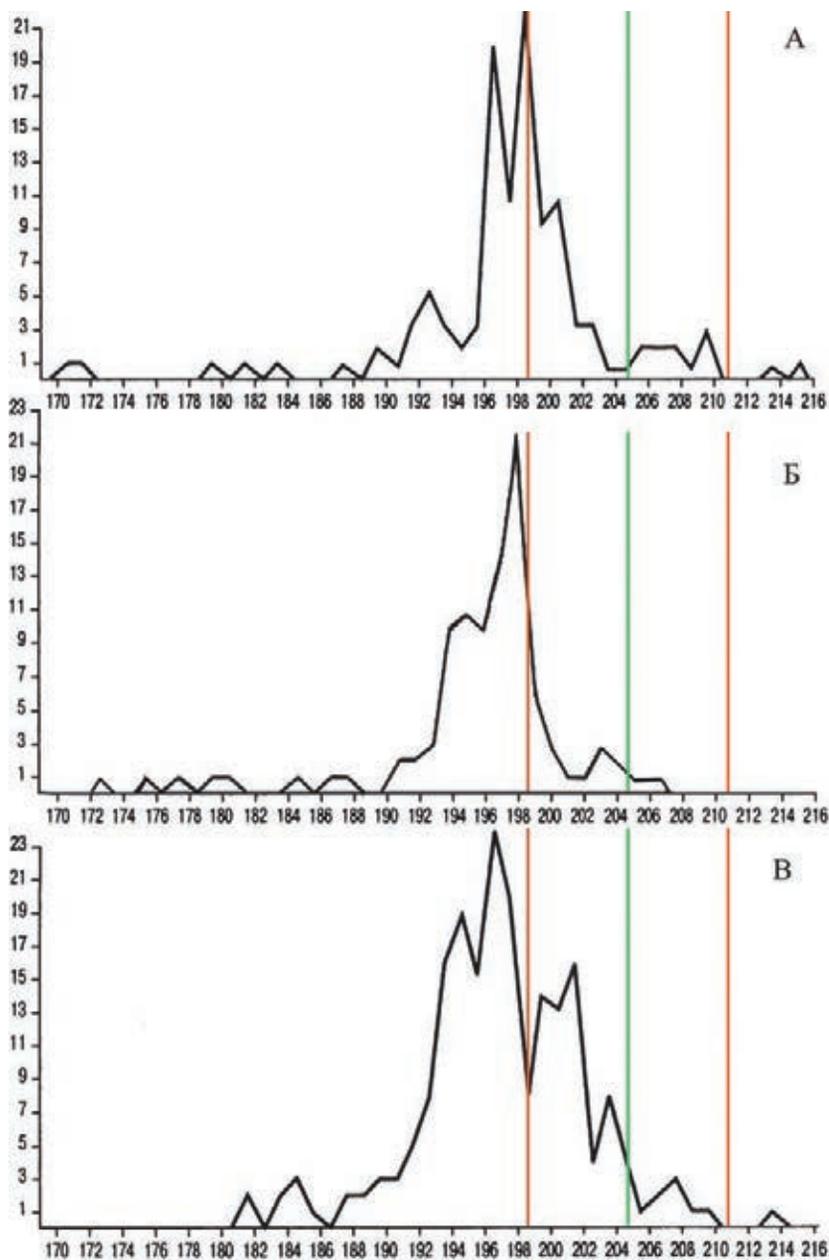

Рис. 3. Диаграммы веса серебряных слитков с диапазоном возможной погрешности взвешивания ($\pm 3\%$) при стандарте русского полуфунта:

А – новгородского типа XII – начала XIII в.;

Б – черниговского типа;

В – новгородского типа XIII в.

(А, В – по В. Л. Янину)

Руси XI–XIII вв. и последующего периода мы не обнаружим. Собственно, в таком поиске и нет потребности, поскольку в определении Н. Ф. Котляром метрологического стандарта слитков черниговского типа изначально заложена методическая ошибка – сравнение среднего веса слитков не с аналогичным фактическим показателем слитков новгородского типа, а с их «идеальным» стандартом русского полуфунта.

Согласно расчетам В. Л. Янина, средний фактический вес слитков новгородского типа в 198,21 г отличается от стандарта в 204,756 г на 3,2%. Именно в 3%, согласно исследованиям Э. Спербера, оценивается погрешность древних весов на такой загрузке⁵⁸. Сред-

ний вес черниговских слитков, по сводке Н. Ф. Котляра⁵⁹, составил 196,55 г, но с отсечением экземпляров вне допустимого диапазона погрешности взвешивания и изготовления (192–207 г) средний вес слитков оказывается несколько выше – 197,73 г. Это дает процент отличия от стандарта в 3,4%, т.е. чуть выше, чем у новгородских гривен, но и способ изготовления

⁵⁸ Sperber E. How accurate was Viking Age weighing in Sweden? // Fornvannen. Stockholm, 1992. № 83. P. 158-165.

⁵⁹ Мы учитываем также 10 слитков Черниговского клада 1999 г., по которым опубликованы весовые данные (Казиков А., Жаров Г. Указ. соч. С. 48). Для Горбовского клада 1878 г. дополнительно учтены 3 слитка из собрания НМИУ (Яшшева-Омельянчик Р. Указ. соч. С. 17), а также современные весовые данные для 6 экз., хранящихся в ГИМ (Москва) (№ СБ 988-993), которые отличаются от опубликованных А. Орешниковым (Орешников А. Указ. соч. С. 220): 172,5; 195,5; 198,1; 199; 199,1; 206,99 г.

слитков черниговского типа, как уже указывалось выше, отличается. При этом диаграммы веса слитков новгородского и черниговского типов (рис. 3) одинаково выделяют наиболее массовые выпуски весом 197–199 г, что подразумевает 2,5–3-процентное отличие веса обычных экземпляров, и более заметное у экземпляров, менее качественных по исполнению.

На диаграмме веса слитков новгородского типа XII – начала XIII в. (рис. 3: А) наблюдаем их концентрацию в диапазоне 196–203 г с пиком на 198–199 г, а экземпляров XIII в. – в несколько более широком диапазоне 192–202 г с пиком на 196–197 г (рис. 3: В). Слитки черниговского типа группируются в сходном диапазоне 194–201 г с пиком на 198 г (рис. 3: Б), не подтверждая версии об отличии их метрологического стандарта от слитков новгородского типа. При этом показательно, что диаграммный анализ иллюстрирует наибольшее сходство весовых характеристик слитков черниговского типа с новгородскими XII – начала XIII в., т.е. достоверно домонгольского времени.

Диаграмма веса рублевых слитков XIV в. (средний вес – 197,3 г) демонстрирует довольно монолитный диапазон 192–204 г с пиком на отметке 199 г, что, как справедливо отметил В. Л. Янин, является наиболее веской и яркой иллюстрацией неизменности метрологического стандарта серебряных слитков древнерусской гривны и русского рубля⁶⁰.

Таким образом, проблема генезиса метрологического стандарта слитков черниговского типа является частью более серьезной общей проблемы генезиса древнерусской денежно-весовой системы. Проблема же отличия фактического веса древнерусских серебряных слитков от стандарта полуфунта содержится в целом комплексе объективных причин: угар и несовершенство взвешивания в процессе изготовления, коррозия и износ сохранившихся до нашего времени археологических находок.

⁶⁰ Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси. С. 56–57, рис. 3.

Интуиция не обманула Н. П. Бауера, увидевшего именно в «сырьевых» серебряных слитках черниговского типа начало зарождения древнерусской системы платежных гривен серебра. Их генезис, несомненно, уходит в эпоху сканно-дротовых ювелирных украшений XI в., требовавших для изготовления серебро с хорошими пластическими характеристиками, а наиболее крупными потребителями таких слитков традиционно выступали ювелиры крупнейших южнорусских центров – Киева и Чернигова.

Первые вытянуто-эллипсоидные слитки второй половины XI в. с кавернами на поверхности маркированы только демонстративно расплюснутыми концами (рис. 2: 18, 21, 22). Позже, на рубеже XI–XII вв., южнорусские сырьевые слитки приобретают и «фирменную» ромбовидную форму (рис. 2: 10–13), и метрологический стандарт половины фунта. Выполненный прежде всего для производственных целей, с началом «безмонетного периода» слиток в первой половине XII в. начинает неожиданно играть роль главной крупной платежной единицы Южной Руси, подсказывая князьям идею специального изготовления платежных слитков.

Лишь в середине XII в. на базе слитка черниговского типа появляется его «усеченная» версия другого весового стандарта (1/2 литры) – платежный слиток киевского типа, выполненный в той же технике и в том же «ювелирном» качестве, но уже без демонстративной проковки, что ясно свидетельствовало именно о его платежной функции. Сырьевые черниговские слитки до середины XIII в. практически полностью вытесняются из оборота слитками киевского и новгородского типов, массово выпадающими вкладах горизонта монгольского погрома. Но немногочисленные южнорусские клады первой половины – середины XII в., включающие исключительно слитки черниговского типа, ярко свидетельствуют о периоде, когда зарождалась древнерусская «гривна серебра», равная по стоимости четырем 50-кунным гривнам Пространной Русской Правды.

Summary

A. V. Komar

Silver Ingots of the Chernigov Type

This article treats questions relating to the origin, production site, date and weight standard for medieval Russian silver ingots of the Chernigov Type, similar in shape and features of casting technology to ingots of the Kiev type but similar in weight details to the Novgorod type.

Chronological, morphological, spatial and technological analysis obliges researchers to position the Chernigov-type ingots between the 'raw-material' and

non-metrological ingots of the 11th century with the flattened ends and standardized ingots of the Kiev and Novgorod types dating from the late-12th century or the early-13th century. Their production was initially aimed at the market for jewellers but, in the conditions of the "coinless" period in Rus, metrological ingots of the "silver grivna" standard gradually came to play the role of a reliable means of wealth accumulation and payment.

Объектная записка о Новороссийской археологической экспедиции 1932 года.

О историческом значении Новгорода и важности раскопок в нем для изучения русского феодализма говорить нет необходимости.

Местом раскопок избран Славенский

Усадь по следующим соображениям:

1) это один из типичных городских кварталов, где возможно сравнительное изучение социального облика Великого Новгорода во все его истории,

2) здесь наиболее вероятное место древнейшего поселения, ядра будущего города, поэтому раскопки имеют исключительное значение для проблемы происхождения русского феодализма и для даты возникновения Новгорода,

3) в XVIII-XIX^{вв.} века, судя по архивным источникам, на территории участка застроен не был; поэтому можно избежать непроизводительных расходов на раскопки поздних слоев,

Часть VII

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ НАУКИ

Артемий Владимирович Арциховский и новгородская археология

Имя Артемия Владимировича Арциховского навсегда неразрывно связано с Новгородом и новгородской археологией. Даже юбилейные даты его рождения (1902) и начала систематических раскопок в Новгороде (1932)¹ отмечаются в один год. Роль и значение А. В. Арциховского в новгородской археологии хорошо известны и общепризнаны. Он заложил основы новгородской археологии, он – организатор и первый руководитель Новгородской археологической экспедиции, он – первый издатель берестяных грамот. Но за этими общими фразами скрывается и со временем забывается конкретный вклад ученого в археологическое изучение Новгорода. Оценить этот вклад, понять, сколь велика заслуга А. В. Арциховского в открытиях и достижениях новгородской археологии, можно, прежде всего, по его публикациям и архивным материалам, которые и стали основой данной статьи. Она снабжена большим количеством цитат, потому что, как сказал поэт, «следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная».

Раскопки в Новгороде Артемий Владимирович начал в возрасте 30 лет. Вот как он рассказывал о своем первом знакомстве с Новгородом: «В 1929 г., когда кончилась моя многолетняя работа по вятичам и диссертация о вятичах была написана и сдана в печать, передо мной встал вопрос, где теперь работать. Новгородом я всегда интересовался, с гимназических лет, и в 1929 г. организовал туда впервые экспедицию. Первый раз я приехал в Новгород, будучи совсем молодым преподавателем университета; со мной был студент Борис Александрович Рыбаков. Помню огромное впечатление, которое произвел Новгород, и детинец, и Волхов. Но раскопки тогда были совсем маленькие и не в Новгороде, а на Городище под Новгородом. Поскольку

¹ Возникающий время от времени спор о дате начала раскопок в Новгороде (1929 или 1932) давно разрешен А. В. Арциховским, который написал: «Раскопки в Новгороде начаты мною в 1932 году». См.: Арциховский А. В. Новгородская экспедиция // КСИИМК. Вып. 27. М., 1949. С. 113.

я тогда был специалистом по подмосковным курганам, я в том же году производил раскопки новгородских курганов»².

Начало раскопок в Новгороде. 1930-е гг.

После первых раскопок в новгородской округе интерес к самому городу у Арциховского усилился. Спустя три года он вернулся в Новгород основательно подготовленным, с хорошо продуманной и аргументированной программой раскопок. Об этом свидетельствуют архивные документы. Это, прежде всего, написанная от руки «Объяснительная записка о Новгородской археологической экспедиции 1932 года»³, в которой Арциховский по пунктам обосновывает выбор Славенского холма в качестве места для раскопок, определяет состав экспедиции, ее смету и сроки проведения работ (рис. 1). Выбор конкретного участка для раскопок на Славенском холме был обусловлен как научными задачами, так и практическими возможностями. Что касается последнего, то для раскопок выбирался незастроенный участок. Как писал Арциховский, «экспедиция, осмотрев все новгородские пустыри, избрала для раскопок пустырь на Славне»⁴. Кроме исторического значения данной территории, выбор именно этого пустыря был обусловлен еще и тем, что по соседству при земляных работах были обнаружены хорошо сохранившиеся древние срубы. Одним из пунктов, аргументирующих выбор участка на Славенском холме, отмечено охранное значение раско-

² Авдусин Д. А. Артемий Владимирович Арциховский и Новгород // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 28.

³ Архив ИИМК. Ф. 2. 1932. Д. 97. Л. 16–17 об. Впервые первый лист записки опубликован П. Г. Гайдуковым. См.: Гайдуков П. Г. 1932 год – начало планомерного археологического изучения Новгорода // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 36, рис. 1.

⁴ Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде // МИА. № 11. М., 1949. С. 120.

Объяснительная записка о Новгородской археологической экспедиции 1932 года.

О историческом значении Новгорода и важности раскопок в нем для изучения русского феодализма говорить нет необходимости. Местом раскопок избран Славенский холм по следующим соображениям:

- 1) это один из типичных городских кварталов, где возможно сравнительное изучение социального облика Великого Новгорода во все время его истории,
- 2) здесь наиболее вероятно место древнейшего поселения, эволюция которого пошла поэтому раскопки имеют исключительное значение для проблемы происхождения Новгорода,
- 3) в XVIII-XIX вв. буда по архивным источникам, на территории участка застройки не был; поэтому можно издать непроизводительные расходы на раскопки поздние слои,

Рис. 1. Объяснительная записка А. В. Арциховского об экспедиции в Новгород (первый лист). Из архива ИИМК

1932 год

Экспедиция в Новгород по изучению феодального города.

ЦЕЛЕВЫЕ УСТАНОВКИ.
 Задача экспедиции является изучение наиболее важного и наименее изученного из русских феодальных городов, Новгорода. В первую очередь намечается раскопки на Славенском холме, где будут поставлены следующие темы:
 а) изучение Новгорода по его типичным жилым кварталам в отломках нескольких эпох.
 б) выяснение проблем возникновения феодального города по древнейшим слоям Новгорода, которые предполагаются на Славне, в изучение деревянных жилищ и производственных сооружений, сохранившихся на Славне.
 в) изучение городского ремесленного производства.
 Выбор Славенского холма обусловлен также предстоящей застройкой зданиями водопровода и электростанции намеченного для раскопок места.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ.
 Методика подчинена цели задачам изучения жилищ и производственных сооружений (последние-квадратная регистрация имеет при этом только вспомогательное значение. Основная регистрация отчетная - графика на миллиметровке. Полевая возможно, что работы первого года ограничатся верхними комплексами, но доведение раскопок до материка остается обязательной задачей для экспедиции в целом. Комплексы всего ожидается несколько слоев, каждый из которых должен быть охарактеризован типичными сооружениями, полностью вскрытыми. Открываемые деревянные предметы консервируются желатином на основе указания ИИМК по исторической технологии.

СВЯЗЬ С МЕСТАМИ.
 Экспедиция проходит при научном и материальном участии Новгородского Музея, сотрудники которого будут участвовать во всех работах. Участники экспедиции проводят доклад в местных организациях и экскурсия на место раскопок.

ПОДГОТОВКА КАДРОВ.
 В составе экспедиции работает пять студентов-практикантов ЛИИ.

ЛИЧНЫЙ СОСТАВ.
 Начальник экспедиции - А. В. АРЦИХОВСКИЙ. Заместитель начальника экспедиции - М. П. НАРТЕВ. Секретарь экспедиции - В. А. РЫБАКОВ. Фотограф - С. Н. АНОСОВ. Научно-технические сотрудники: ГОРЮНОВ - СТАЛ, КОМАРСКАЯ, РОГАНЦЕВ, ШЕРБАЛОВ. Председатель Новгородского Музея.

Землекопы - в среднем в неделю в I рабочий день.
Время работ - июль.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБРАБОТКА будет закончена к I апреля 1933 года. Доложные вещи поступают в Гос. Исторический Музей и в Новгородский Музей.

Отчеты будут представлены в сроки, указанные в инструкции /см. Сообщение ГИИМК № 2/.

Арциховский

Рис. 2. Программа работы экспедиции в Новгороде в 1932 г. Из архива ИИМК

пок: «Месту этому угрожает опасность застройки с рытьем котлованов для водопровода и электростанции, которые уже заняли большую часть Славенского холма»⁵. Таким образом, еще до начала раскопок в Новгороде Арциховский сознавал необходимость охраны его культурного слоя.

Любопытна смета первой экспедиции, в которой кроме расходов на командировки, оплату рабочих-землекопов, покупку фотоматериалов, инвентаря и канцелярских принадлежностей предусмотрена покупка желатина, необходимого для консервации дерева. Следовательно, с самого начала появилась мысль о необходимости сохранения деревянных находок путем их консервации, сведений о методике которой, к сожалению, не сохранилось.

В литературе, посвященной раскопкам Новгорода, сложилось твердое убеждение, что основной целью раскопок на Славне были поиски «древнейшего Новгорода». Однако «целевые установки», указанные в программной записке 1932 г. «Экспедиция в Новгород по изучению феодального города»⁶

⁵ Архив ИИМК. Ф. 2. 1932. Д. 97. Л. 16 об.

⁶ Там же. Л. 12.

(рис. 2), были гораздо шире этой проблемы. Общей задачей экспедиции было изучение Новгорода как одного из важнейших русских феодальных городов. В числе научных тем были обозначены как общие проблемы (возникновение феодального города и исследование одного из городских кварталов), так и конкретные задачи, основными из которых было изучение деревянных сооружений и городского ремесленного производства.

Эта записка о проведении экспедиции в Новгород, несмотря на свою лаконичность, была программной. По существу в данном документе по всем позициям были заложены основы новгородской археологии и работы экспедиции на десятилетия вперед. Записка состояла из нескольких разделов, в которых кроме «целевых установок» определялись методика исследования (в том числе и консервация деревянных предметов), время работы экспедиции и личный состав, предполагались подготовка кадров (студентов), камеральная обработка и сдача отчета. Очень важен раздел «Связь с местами», с самого начала заложивший основы сотрудничества археологической экспедиции с Новгородским музеем. В этом

Рис. 3. А. В. Арциховский проводит археологическую «пятницу».
Неревский раскоп, 1950-е годы

же разделе планировалась популяризация раскопок (экскурсии на раскоп) и древнерусской истории (доклады для местных краеведов и жителей города). Последнее Артемий Владимирович специально отметил в числе других записей в записной книжке 1932 г., где были названы даты и темы докладов, с которыми выступали перед новгородскими краеведами сотрудники экспедиции. Причем темы докладов были отнюдь не археологические: Б. А. Рыбаков – «О русской воинствующей церкви XV–XVI вв.», М. К. Каргер – «О новгородской архитектуре XII в.», А. В. Арциховский – «О миниатюрах»⁷. С тех пор популяризация археологических исследований в Новгороде стала неотъемлемой частью деятельности Новгородской экспедиции. Во время работ на Неревском раскопе (1951–1962 гг.) Артемий Владимирович устраивал ставшие знаменитыми археологические «пятницы» (рис. 3), традиция проведения которых сохраняется до сих пор. Каждую неделю он знакомил участников экспедиции и всех любителей древностей с результатами раскопок, рассказывал о содержании берестяных грамот, демонстрировал самые интересные находки.

Начало работ в Новгороде в 1932 г. подробно описано в статье П. Г. Гайдукова, опубликованной в

⁷ Записные книжки А. В. Арциховского // Архив НГМ. Фонд № Р-2. Оп. 1.

материалах юбилейной конференции 1992 г.⁸ В данном обзоре мы сосредоточимся на оценке значения этих раскопок самим Арциховским. Уже после первого года работ на Славенском холме, где была исследована площадь всего в 64 кв. м, он писал: «Раскопки 1932 г. в Новгороде доказали окончательно, что Новгород может и должен стать местом больших стационарных раскопок, подобно античным городам на юге нашей страны. Сохранность разновременных деревянных сооружений открывает блестящие перспективы. Новгород лежит под землей и ожидает раскопок. Дома, мастерские, лавки, дворы, улицы вечернего периода – всё это из сказочной романтики перейдет в область науки»⁹. Это заключение, основанное только на результатах первого года раскопок, оказалось не просто пророческим, а блестяще подтвердилось в дальнейшем.

Обратим также внимание на слова Арциховского о больших стационарных раскопках Новгорода, что делает очевидным его намерение проводить в Новгороде планомерные систематические раскопки. И неслучайна ссылка на античные города

⁸ Гайдуков П. Г. 1932 год – начало планомерного археологического изучения Новгорода. С. 35–53.

⁹ Арциховский А. В., Каргер М. К. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом // Проблемы истории материальной культуры. Л., 1933. № 1–2. С. 64.

(Херсонес, Ольвия), где подобные раскопки проводились со второй половины XIX в. и где выработывалась методика городских раскопок, основой которой был послойно-квадратный способ. Именно им руководствовался Арциховский, начиная раскопки в Новгороде. В первый же год раскопок он задумался и о музеефикации открываемых древностей: «Создание в Новгороде нескольких музейных кварталов древнего города является реальной задачей ближайших лет»¹⁰. Однако музеефикация археологического раскопа не стала реальностью до сих пор, хотя такие проекты возникали не раз.

Археологические открытия в Новгороде давно стали достоянием не только научных кругов, но и широкой общественности. Вместе с тем спустя десятилетия после начала новгородских раскопок у новых поколений создается впечатление, что методика городских раскопок, способы датирования культурного слоя, в том числе и дендрохронологический метод, существовали в новгородской археологии изначально. Совершенно очевидно, что это заблуждение. Обратившись к трудам А. В. Арциховского, увидим, как постепенно отработывалась методика вскрытия культурного слоя, на чем основывались и как совершенствовались методы датирования.

На Славне предназначенная для раскопок площадь (588 кв. м) была разбита на двухметровые полосы с севера на юг и такие же полосы с запада на восток, в результате чего образовывался квадрат площадью 4 кв. м. Поскольку полосы были пронумерованы буквами от А до Я, каждый квадрат имел двубуквенное обозначение. Арциховский считал, что «двубуквенная шифровка четче и закономернее определяет квадрат, чем цифровая, всегда несколько случайная»¹¹. Однако вскоре он убедился в том, что подобное обозначение квадратов слишком сложно и неудобно. Поэтому на Дворище раскопы разбивались уже не на двухметровые пересекающиеся полосы, а на обозначенные цифрами квадраты, что стало нормой для городских раскопок. До начала раскопок все квадраты нивелировались. Что касается вскрытия культурного слоя, то изначально срезались слои по 20 см, названные Арциховским пластами. Таким образом, была отработана методика вскрытия культурного слоя. При этом Артемий Владимирович отмечал вспомогательный характер послойно-квадратной регистрации.

Важнейшее значение имели хронологические наблюдения Арциховского над стратиграфией культурного слоя. И на Славне, и на Дворище им были отмечены три четко разграниченных слоя с хорошо датированными строительными постройками. В раскопе на Славне такой границей стала каменная стена

1335 г., зафиксированная между вторым и третьим слоем. Мощность каждого из трех слоев составляла от 60 до 120 см, а их хронология надежно определялась найденными монетами, керамикой и массовыми категориями находок, из которых наибольшее значение имели стеклянные браслеты. Самым насыщенным разнообразными находками, хорошо сохранившим органику был третий слой, который Арциховский датировал X–XIV вв. Однако если верхняя граница этого слоя, обеспеченная строительной прослойкой каменной стены 1335 г., не вызывала сомнений, то вопрос о X в. оставался для Артемия Владимировича открытым. Он утверждал, что «мнение многих историков, помещавших древнейшее поселение Новгорода на Славенском холме и выводивших из этого названия скандинавское имя Новгорода – Хольмград – раскопками не подтверждено»¹².

Хорошая сохранность деревянных сооружений в третьем слое позволила проследить три уровня застройки, для которых Артемий Владимирович впервые употребил термин «ярус», не придавая ему еще особого хронологического значения. Это был первый опыт членения классического для Новгорода темно-коричневого слоя со щепой и навозом на отдельные прослойки, что было бы невозможным без сохранившихся деревянных сооружений.

Результаты раскопок на Славне, где были открыты каменная стена 1335 г., ремесленные мастерские, жилые постройки, сотни прекрасно сохранившихся предметов, в том числе деревянных, печати, предметы прикладного искусства, поразили воображение археологов. Ведь ничего подобного до сих пор в древнерусских городах не обнаруживалось. Подводя итоги работ на Славне, Арциховский справедливо заключил: «Раскопки на Славне заложили основы археологии Новгорода. Счастливое установление уровня 1335 г. позволило точно датировать ряд сооружений и вещей и наметить хронологическую шкалу для новгородских городских слоев»¹³. Кроме методики раскопок и датировки культурного слоя особенно важна разработанная А. В. Арциховским методика интерпретации открытых сооружений. Предпринятый им анализ замкнутых в пределах тех или иных сооружений вещевых комплексов позволил выяснить функциональное назначение построек. В результате впервые в российской археологии были открыты ремесленные мастерские сапожника и игрушечника.

¹² Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. С. 125. Впоследствии было установлено, что в раскопе на Славне отсутствовали слои не только X в., но и XI в. Все имеющие датирующее значение предметы (стеклянные бусы, кресала, костяные гребни, стеклянные браслеты, печати) не выходят здесь за рамки XII в. или имеют наибольшее распространение, начиная с XII в. (например, шифрные пряслица).

¹³ Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. С. 151.

¹⁰ Там же.

¹¹ Арциховский А. В. Раскопки на Славне в Новгороде. С. 121.

После завершения в 1937 г. раскопа на Славне Арциховский перенес раскопки на Ярославово Дворище, где работы велись в течение двух лет (1938–1939). Выбор места для раскопок был обусловлен свободным пространством вокруг Никольского собора, где было заложено и исследовано восемь небольших участков общей площадью 552 кв. м. Впоследствии Арциховский считал ошибочным и выбор мест для раскопок на Дворище, и, главное, разобщенность малых по площади раскопов, из которых самые большие составляли 96 кв. м. В публикации материалов Артемий Владимирович открыто признавался: «Разрывы между раскопами считаю теперь своей методической ошибкой; сплошной раскоп, заложенный на Славне, был целесообразнее»¹⁴. Тем самым им была определена оптимальная методика ведения городских раскопок большими площадями, что стало основой городской археологии.

Что касается стратиграфии раскопов на Дворище, здесь также были выделены три слоя, хорошо различающиеся на профилях и маркированные строительными прослойками при сооружении и перестройках Никольского собора, церковью Параскевы и Прокопия.

Довоенные раскопки на Славне и Дворище Арциховский опубликовал в двух цитированных выше больших статьях, которые являются образцовыми как по структуре, так и по характеру изложения археологического материала. Суть исследовательской методики Арциховского заключалась в восхождении от тщательного источниковедческого анализа к важным историческим выводам.

О раскопках 1947–1948 гг.

В 1947 г. Арциховский вернулся в Новгород и, в отличие от предвоенных, небольших по площади раскопов, заложил в западной части Дворища большой раскоп площадью 836 кв. м., который был закончен в 1948 г. Арциховский намеревался подготовить подробную публикацию всех материалов, добытых на этом участке, как это было сделано по предыдущим довоенным раскопкам на Славне и Ярославовом Дворище. Однако это намерение он, к сожалению, не осуществил, ограничившись предварительной публикацией результатов раскопок в двух небольших статьях¹⁵. В них он отметил, прежде всего, всё то новое, что появилось в методике работ, в типах сооружений и составе вещевой коллекции. Методическим новшеством в работе экспедиции тех лет стало первое в отечественной археологии применение транспортеров для вывоза просмотрен-

ной земли с раскопа и постоянно действующая химическая¹⁶ лаборатория, где проходили обработку только что найденные предметы. Вопросов стратиграфии в публикациях Артемий Владимирович практически не касался, отметив лишь четыре слоя, которые хорошо выделялись на профилях раскопа. К средневековому периоду относились два слоя: третий – XII–XV вв. и четвертый – IX–XII вв. Нижнюю дату Арциховский аргументировал находкой лишь нескольких фрагментов лепной керамики в юго-западной части раскопа. Отметив этот факт, он, тем не менее, по-прежнему считал, что Новгород возник только в X в., а на территории будущего города, возможно, были небольшие поселки¹⁷.

В обеих публикациях Артемий Владимирович дал общий обзор открытых сооружений и вещевого материала, обратив особое внимание на неизвестные ранее типы построек и разнообразные предметы. Наибольшее внимание он уделил характеристике хорошо сохранившихся деревянных находок, благодаря которым «открылся целый мир совершенно новых для науки вещей». Обилие всевозможных деревянных предметов открывало, как отметил Артемий Владимирович, новые темы в славяно-русской археологии. Одна из них была связана с изучением «машин», т. е. различных механизмов, которые со времен античности делались из дерева¹⁸. Были найдены и надежно определены блок подъемного механизма и некоторые детали ткацких станков, но Арциховский был уверен, что и многие другие деревянные предметы были деталями различных механизмов. Он утверждал, что эти загадочные предметы со временем будут атрибутированы благодаря этнографическим материалам. Так и случилось впоследствии¹⁹. В частности, в числе неизвестных ранее категорий были названы найденные в изобилии деревянные счетные бирки, заслуживающие, по мнению Артемия Владимировича, «длительного изучения». Действительно, только спустя десятилетия эта категория была впервые систематизирована и введена в научный оборот²⁰.

Особый интерес вызвали у Артемия Владимировича разнообразные бытовые предметы с надписями или отдельными буквами, что свидетельствовало, по его мнению, о высоком уровне грамотности в Новгороде. Ведь, как он справедливо отметил, «гра-

¹⁶ Этим термином Арциховский, видимо, назвал полевою камеральную лабораторию.

¹⁷ Арциховский А. В. Раскопки в Новгороде. С. 9.

¹⁸ В качестве доказательства А. В. Арциховский приводит определение Витрувия: «Машина есть система связанных между собой частей из дерева». См.: Арциховский А. В. Новгородская экспедиция. С. 115.

¹⁹ См.: Колчин Б. А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Вып. Е1-55. М., 1968.

²⁰ Ковалев Р. К. Новгородские деревянные бирки: общие наблюдения // РА. 2002. № 1. С. 38–50; Его же. Деревянные долговые бирки-сорочки XI–XII вв. из новгородской коллекции // НИС. 2003. Вып. 9 (19). С. 28–35.

¹⁴ Арциховский А. В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // МИА. № 11. М., 1949. С. 154.

¹⁵ Арциховский А. В. Новгородская экспедиция. С. 113–122; Его же. Раскопки в Новгороде // КСИИМК. М.; Л., 1950. Вып. 33. С. 3–16.

мотны были не только граждане, метившие надписями свое имущество, но и их соседи, для которых эти надписи предназначались»²¹. Так еще до находки берестяных грамот в новгородской археологии возникла тема о грамотности средневековых новгородцев. Кроме уже перечисленных, а также не названных здесь тем Артемий Владимирович обратил внимание на многочисленные находки зерен, семян и костей, по которым в будущем специалисты могли бы определить виды растений и породы животных, распространенных в средневековом Новгороде. Тем самым была осознана необходимость привлечения специалистов естественнонаучного профиля, что и было осуществлено в дальнейшем.

Неревский раскоп (1951–1962 гг.)

Наступил 1951 год. Как ни парадоксально звучит, но работы на Неревском конце начались в известной степени случайно. Весной того года при прокладке канализационных и водопроводных магистралей в районе улиц Дмитриевской и Декабристов²² обнаружилось настилы средневековых мостовых, о чём было сообщено в ИИМК в Москву. В Новгород был отправлен Б.А. Колчин, который должен был обследовать строительные траншеи. В одной из них оказалось шесть ярусов прекрасно сохранившихся настилов древней мостовой. Тогда было решено заложить вдоль Дмитриевской улицы раскоп, тем более что примыкающий к ней городской квартал после войны представлял собой большой пустырь.

К раскопкам 1951 г. Арциховский приступил во всеоружии им же созданной методики городских раскопок, накопив большой опыт как в организации и проведении археологических раскопок в городе, так и в систематизации и интерпретации обнаруженных древностей. Неизвестно, как стала бы развиваться новгородская археология в дальнейшем, если бы не десять берестяных грамот, найденных в 1951 г. Вслед за первым раскопом в указанном квартале Новгорода стали закладываться один за другим новые раскопы, первая цель которых, как писал Арциховский, состояла в увеличении числа грамот²³. Однако одновременно с находками всё новых грамот стала накапливаться колоссальная коллекция вещей из самых разнообразных материалов, которые были известны в Средневековье. Кроме того открывались многочисленные сооружения, в том числе и мостовые улиц. Все это требовало тщательного изучения, что было под силу только большому коллективу исследователей. Такой коллектив был создан Арциховским из его учеников и постоянных участников

экспедиции, за каждым из которых была закреплена определенная научная тема. В результате работы этого коллектива было издано четыре тома трудов Новгородской археологической экспедиции с публикацией разных категорий вещей, построек, а также остеологическим анализом и анализом злаков и других растений²⁴. За собой Артемий Владимирович оставил изучение и публикацию берестяных грамот.

Но сначала необходимо было заняться датировкой культурных напластований. В отличие от раскопов на Славне и Дворище, на Неревском раскопе не было явных датированных строительных построек, связанных с каким-либо известным каменным сооружением. Культурный слой, насыщенный щепой и навозом, был здесь практически однороден и не потревожен позднейшими перекопами. Поэтому для датировки пластов Арциховский использовал массовые датирующие находки, подчеркивая, что единичные находки не могут служить основанием для их датировки. Он подробно рассмотрел и установил динамику распределения по пластам надежно датированных массовых категорий: стеклянных браслетов, стеклянных бус, шиферных пряслиц, сердоликовых бус, а также свинцовых печатей²⁵. При этом Артемий Владимирович прекрасно сознавал, что пласты являются только «вертикальной координатой» и не могут быть основой хронологии. Такой основой стали настилы деревянных мостовых, которые в Новгороде вплоть до XVIII в. не меняли своего направления. Наличие на Неревском раскопе средневековых улиц с деревянными настилами, обилие деревянных построек создавали каркас культурного слоя, который легко членился на строительные ярусы, основой которого была мостовая. Термин «ярус», впервые употребленный Арциховским при описании слоя со сменяющимися друг друга постройками на Славне, получил здесь дальнейшее развитие. В 1951 г. Артемий Владимирович, разрабатывая стратиграфическую датировку берестяных грамот, впервые употребил термин «строительный ярус», хотя первые десять грамот датировал еще по их местоположению в пласте²⁶. Формулировку этого термина он дал в публикации 1956 г., подводящей первые итоги работ на Неревском раскопе: «Совокупность срубов и других сооружений, одновременных одной мостовой, можно назвать строительным

²⁴ Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. М., 1956. (МИА; № 55); Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. II. М., 1959. (МИА; № 65); Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. М., 1963. (МИА; № 117); Жилища древнего Новгорода. Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. IV. М., 1963. (МИА; № 123).

²⁵ Арциховский А. В. Стратиграфическая датировка грамот и надписей // Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953. С. 53–62.

²⁶ Там же. С. 60–61.

²¹ Арциховский А. В. Новгородская экспедиция. С. 122.

²² Современные названия – Великая и Козьмодемьянская.

²³ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // МИА. № 55. М., 1956. С. 14.

ярусом»²⁷. При этом Артемий Владимирович понимал, что простой хронологической синхронности между настилом мостовой и отдельными срубами может не быть, поскольку некоторые срубы переживали по две и даже три мостовые. В связи с этим в экспедиции была развернута огромная работа по составлению таблиц (так называемые переводные таблицы), в которых каждый квадрат каждого пласта был соотнесен с тем или иным ярусом. Таким образом была составлена надежная хронологическая шкала, где были установлены даты для каждого яруса. Относительные даты – по стратиграфии, абсолютные (в пределах полувека) – по вещам и летописным датам пожаров.

По существу, в Новгороде, начиная с раскопок на Славне, впервые разрабатывалась хронология городских древностей, поскольку, как писал Артемий Владимирович, «археологическую хронологию для русского Средневековья до новгородских раскопок давали только курганы»²⁸. Между тем в 1959 г. началась инициированная Б. А. Рыбаковым дискуссия о новгородской хронологии²⁹. В тексте грамоты № 206, происходящей из яруса 15, датированного рубежом XII–XIII вв., Б. А. Рыбаков усмотрел дату. Речь идет о грамоте мальчика Онфима, в первой строке которой содержится набор букв **SYGA** с титлами, что, по мнению Артемия Владимировича, представляло «собой сильно искаженное обозначение года по тогдашнему летоисчислению»³⁰. Однако Б. А. Рыбаков усмотрел в этой записи на месте **Y** – **Ψ** (пси), на месте **G** – **Ϟ**, что в результате дало дату 1263 г.: **SΨϞA** – 6771 (1263) г. А. В. Арциховский с помощью М. Н. Кислова проверил по макрофотографиям написание всех соответствующих букв в грамотах Онфима и убедился, что в спорной записи нет ни **Ψ**, ни **Ϟ** и, следовательно, нет никакой надежной даты³¹.

В продолжавшейся острой дискуссии все аргументы обеих сторон были исчерпаны. Тогда для установления истины впервые в отечественной археологии был предпринят дендрохронологический анализ, позволивший уточнить даты ярусов³². В

²⁷ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. С. 16.

²⁸ Арциховский А. В. Там же. С. 15.

²⁹ См. Гайдуков П. Г. К 50-летию начала дискуссии «О новгородской хронологии» (Б. А. Рыбаков – А. В. Арциховский и Б. А. Колчин) // ННЗ. Вып. 24. Великий Новгород. 2010. С. 101–111.

³⁰ Арциховский А. В. Берестяные грамоты мальчика Онфима // СА. 1957. № 3. С. 221.

³¹ Что касается даты в грамоте № 206, спустя десятилетия выяснилось, что в этой грамоте вообще нет никакой даты, а пресловутые буквы под титлами являются сокращенной записью начальных слов тропаря шестого часа. См. Зализняк А. А., Янин В. Л., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). М., 2015. С. 212.

³² Вихров В. Е., Колчин Б. А. Основы и метод дендрохронологии // СА. 1962. № 1.

очередной публикации грамот Арциховский привел новые даты ярусов, основанные уже на дендрохронологии, сравнил их с прежней хронологией, основанной на анализе печатей, монет и массовых категорий находок и привел список поправок для всех 28 ярусов³³. В дальнейшем все датировки основывались на данных дендрохронологии.

Первые итоги работ на Неревском раскопе за 1951–1954 гг. Арциховский подвел в статье «Археологическое изучение Новгорода», в которой новгородская археология рассмотрена всесторонне, начиная с историографии и кончая значением археологических материалов для изучения политического строя³⁴. Самое существенное состоит в том, что здесь в полной мере был применен метод восхождения от анализа археологического материала к историческим выводам. Многие сюжеты в статье и аргументация автора заслуживают особого внимания и показывают, как важно перечитывать давние, но весьма актуальные и сегодня публикации. Например, на основании анализа письменных источников, изображений на новгородских монетах, где вместо князя изображена святая София, и отсутствия новгородских княжеских печатей в XIV–XV вв. Арциховский пришел к выводу, «что политический строй Новгорода XIV в. и первой половины XV в. был чисто республиканским»³⁵.

Эта статья стала последней большой публикацией Арциховского по археологии Новгорода. В последующие годы он ограничивался информацией о результатах очередного сезона археологических раскопок в Новгороде, уделяя основное внимание подготовке к публикации берестяных грамот.

Берестяные грамоты

Открытие берестяных грамот в Новгороде также неразрывно связано с именем Артемия Владимировича Арциховского. Он хорошо знал об использовании в Средневековье бересты в качестве писчего материала и с самого начала раскопок в Новгороде надеялся найти бересту с буквами. Неслучайно в день находки первой грамоты Арциховский воскликнул: «Я этой находки ждал 20 лет»³⁶. С 1938 г., когда им были начаты раскопки на Дворище, в экспедиции выработалось правило просматривать каждый свиток или обрывок бересты. При раскопках Дворища в 1948 г. сотрудникам экспедиции даже показалось, что на бересте есть буквы, но, увы, это были всего

³³ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1956–1957 гг.). М., 1963. С. 5–6.

³⁴ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода // МИА. № 55. М., 1956. С. 7–43.

³⁵ Там же. С. 41.

³⁶ Янин В. Л. Я послал тебе бересту ... М., 1965. С. 25.

лишь трещины³⁷. Казалось, что поиски текстов на бересте никогда не увенчаются успехом, поскольку все известные ранее записи на ней были написаны чернилами, которые за редчайшим исключением легко смываются в насыщенном водой слое. Но когда была найдена первая грамота, оказалось, что для ее написания не было затрачено ни одной капли чернил: буквы на бересте были процарапаны с помощью специального инструмента – писала (стилоса). Такие предметы и раньше обнаруживались при раскопках, но не были опознаны как орудия письма.

Вот как описывает сам Арциховский момент находки первой грамоты: «26 июля 1951 г. работница Н. Ф. Акулова нашла первую берестяную грамоту. На куске бересты были обнаружены буквы, буквы сложились в слова, слова – во фразы. На следующий день явились вторая и третья грамоты. Впечатление было потрясающим. Казалось, из-под земли раздалось живые голоса древних новгородцев»³⁸.

Предварительная публикация грамот 1951 г. была осуществлена Арциховским в том же году в двух журналах, где была указана и основанная на стратиграфии датировка грамот в пределах века³⁹. Спустя два года вышел первый том академического издания берестяных грамот, авторами которого были А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров⁴⁰. Публикацию грамот Артемий Владимирович предварил введением, в котором дал характеристику первого Неревского раскопа и общие сведения о берестяных грамотах. Здесь же он описал бересту как писчий материал, инструменты для письма и способы написания грамот, методы обработки грамот, топографию находок, характер содержания грамот (частные письма). Кроме того высказал соображения о распространении грамотности и в качестве аналогий грамотам назвал граффити.

Уже при издании первых десяти грамот Арциховский предугадал их значение как важного исторического источника: «Чем больше раскопок будет производиться, тем больше они дадут драгоценных свитков берестяной коры, которые, в конце концов, станут такими же источниками для истории Новгорода Великого, какими для истории эллинистического и римского Египта являются папирусы»⁴¹.

Автором полной публикации текстов первых десяти грамот и надписей на предметах из раскопок 1947, 1948 и 1951 гг. был М. Н. Тихомиров, который

определял даты только по палеографическим признакам. Арциховский в этом же томе опубликовал статью «Стратиграфическая датировка грамот и надписей», в которой обосновал для каждой грамоты стратиграфическую дату⁴². «Во всяческой науке, – писал Артемий Владимирович, – всегда важна взаимная проверка выводов, полученных разными способами»⁴³. Полученные А. В. Арциховским стратиграфические даты в большинстве своем совпали с палеографическими, предложенными М. Н. Тихомировым.

Вместе с тем Артемий Владимирович сознавал, что в силу специфики писчего материала начерки на бересте заметно отличаются от книжных, поэтому считал необходимым разработку палеографии берестяных грамот, независимой от книжной. Об этом он неоднократно писал при публикации очередных текстов на бересте, хотя отчетливо понимал, что это дело отдаленного будущего: «Теперь такие попытки были бы преждевременны: число грамот для этого пока недостаточно. Каждая форма буквы представлена на бересте недостаточным количеством экземпляров, и палеографические закономерности этим путем установить пока нельзя»⁴⁴. Тем не менее, работа по созданию берестяной палеографии была начата М. Н. Кисловым, однако она так и осталась незавершенной. Только спустя десятилетия, когда число берестяных грамот, включая находки в других древнерусских городах, достигло тысячи экземпляров, А. А. Зализняком была создана палеография берестяных грамот⁴⁵. При издании грамот 1953–1954 гг., когда было найдено 136 грамот, к этим двум способам их датирования А. В. Арциховский добавил еще лингвистический и исторический.

С самого начала Арциховский выработал структуру издания грамот и оперативное введение их в научный оборот⁴⁶. Публикация каждой грамоты сопровождалась подробными сведениями о ней: местонахождение, сохранность, стратиграфическая дата, палеография. Далее следовал текст грамоты без разделения на слова, затем текст с разделением на слова, перевод, комментарий и изложение содержания. Обязательным условием было изготовление фотографий и прорисей текстов, которые прилага-

⁴² Там же. С. 53–62.

⁴³ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. С. 19.

⁴⁴ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). М., 1958. С. 7.

⁴⁵ Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). М., 2000. С. 134–429.

⁴⁶ Всего А. В. Арциховским было издано 7 томов новгородских грамот, часть из них в соавторстве. К настоящему времени вышло 11 томов, в которых опубликовано 915 грамот. Очередной том, в котором публикуются грамоты 916–1063, вышел в 2015 г.

³⁷ Арциховский А. В. Археологическое изучение Новгорода. С. 14.

³⁸ Там же.

³⁹ Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде // Вопросы истории. 1951. № 12. С. 77–87; Его же. Археологические открытия в Новгороде // Вестник Академии наук СССР. 1951. № 12. С. 60–69.

⁴⁰ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953.

⁴¹ Там же. С. 8.

лись в качестве иллюстраций. Кроме того, каждый том сопровождался алфавитным указателем слов, имеющих в грамотах, что впоследствии облегчило в техническом отношении составление лингвистического словоуказателя к берестяным грамотам.

А. В. Арциховским были заложены и основные принципы изучения грамот, которые в дальнейшем только совершенствовались и дополнялись. При комментариях текстов он использовал широкий круг письменных источников, в числе которых были, прежде всего, летописи и акты, материалы, а также разнообразные словари. Первые сопоставления персонажей из берестяных грамот с соответствующими по хронологии именами из летописей и пергаменных актов были предприняты еще при публикации грамот № 3 и 5 XIV в. Реальное историческое лицо впервые было зафиксировано в грамоте № 94 рубежа XIV–XV вв., адресованной Юрию Онцифоровичу, в котором Артемий Владимирович сразу опознал известного по летописям «сына Онцифора Лукиничя, одного из виднейших политических деятелей»⁴⁷. Именно тогда к существующим трем способам датирования грамот (страти-

⁴⁷ Арциховский А. В., Борковский В. И. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1953–1954 гг.). С. 20.

графический, палеографический, лингвистический) Арциховский добавил еще один – исторический.

Очень важны наблюдения Арциховского над языком грамот и замечания об их значении для истории языка. В первом же томе он утверждал: «Грамоты ценны не только как исторический источник. Филологи, несомненно, используют их для истории русского языка, тем более что речь здесь не книжная и канцелярская, а самая непринужденная»⁴⁸.

Не будучи лингвистом, он подметил основные особенности языка берестяных грамот, которые, как оказалось впоследствии, являются характерными признаками древненовгородского диалекта. Издавая грамоты 1952 г., Артемий Владимирович писал: «Я не могу подробно рассматривать здесь языковые особенности грамот – это дело языковедов. Но некоторые замечания надо высказать; это необходимо для понимания грамот. Прежде всего, надо отметить постоянную взаимозаменяемость букв о и ъ, е и ь»⁴⁹. Как теперь хорошо известно благодаря работам А. А. Зализняка, эта особенность является одним

⁴⁸ Арциховский А. В., Тихомиров М. Н. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). С. 9.

⁴⁹ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954. С. 5.

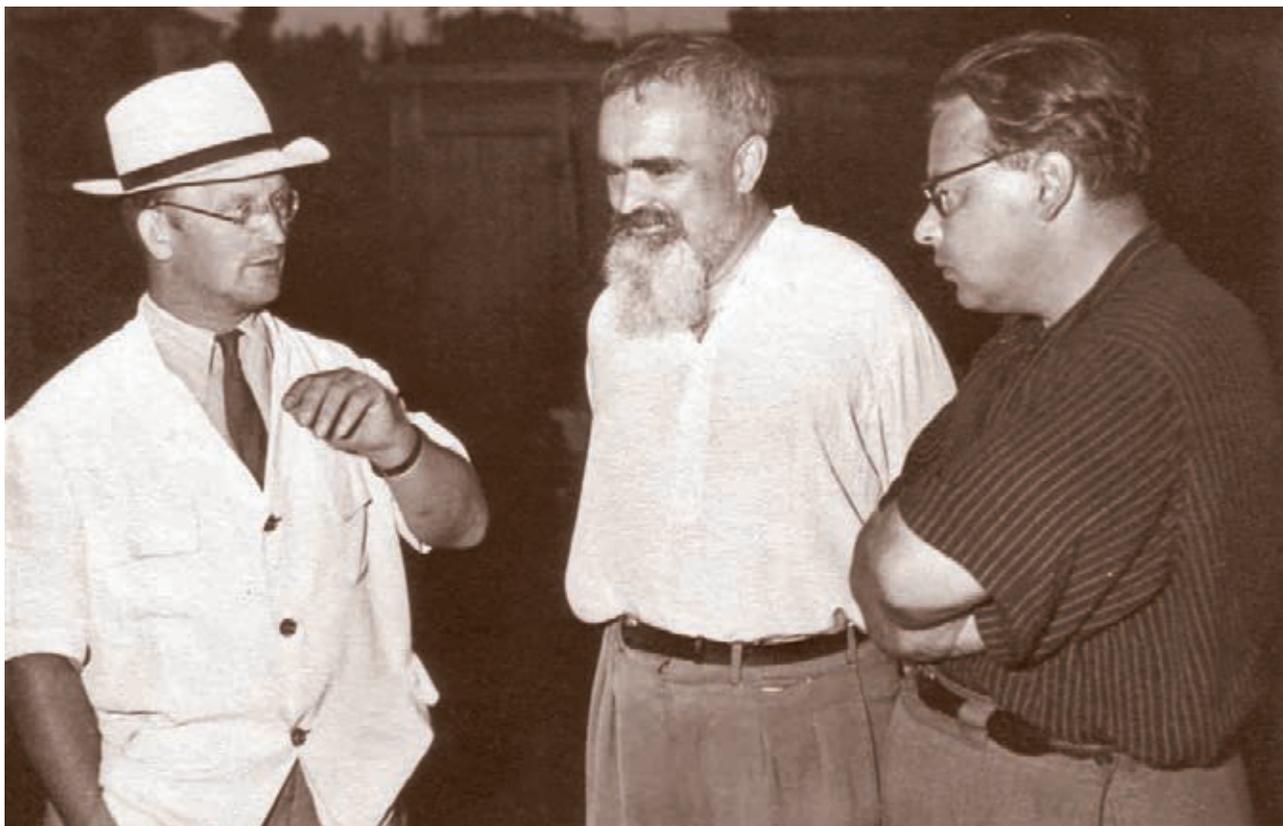

Рис. 4. Б. А. Колчин, А. В. Арциховский, В. Л. Янин. Новгород, Неревский раскоп, 1957 г.

из основных признаков существовавшей в Новгороде бытовой графической системы письма⁵⁰, в рамках которой тексты на бересте практически безупречны в грамматическом отношении. Арциховский также обратил внимание на преобладание окончания -е в им. п. муж. р. (например: звере, быле, възяле и т.п.) в отличие от всех других славянских языков, где преобладает окончание -ъ (зверъ, былъ, възяль), т.е. указал на главный признак древненовгородского диалекта. Этот основополагающий признак был выявлен А.А.Зализняком и теперь широко известен. Увы, лингвисты, проанализировав 25 грамот, надолго потеряли интерес к текстам на бересте, будучи уверенны в том, что они написаны малограмотными людьми и, следовательно, для изучения древнерусского языка особого интереса не представляют. Несколько десятилетий спустя лингвистическим анализом берестяных грамот занялся А.А.Зализняк, который реабилитировал их как важнейший источник для истории древнерусского языка.

Издавая грамоты 1952 г., когда их было найдено 74 экз., Арциховский предсказывал: «Культурный слой Неревского конца Новгорода Великого густо насыщен грамотами. Пока число их исчисляется десятками, но с расширением раскопок оно будет исчисляться сотнями, затем тысячами»⁵¹. Этот прогноз начал сбываться уже при жизни Арциховского, когда было найдено 562 грамоты. В 2015 г. число грамот в Новгороде достигло 1073 экз.

С тех пор, как в 1951 г. были найдены первые десять грамот, главным научным занятием Арциховского стала подготовка их к публикации. На раскопки в Новгород он продолжал приезжать ежегодно,

⁵⁰ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004. С. 21–23.

⁵¹ Арциховский А. В. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). С. 3.

но не на весь срок работы экспедиции. С 1952 г., судя по записным книжкам Артемия Владимировича и воспоминаниям участников работ на Неревском раскопе, время его пребывания в Новгороде ограничивалось одним месяцем. Все руководство раскопками он передал своему ученику Б.А.Колчину, а с 1962 г. – В.Л.Янину (рис. 4). В записных книжках, представляющих собой небольшого формата телефонные книжки, Артемий Владимирович регулярно указывал даты своего приезда в Новгород, по числам отмечал посещение раскопов, камеральной лаборатории, осмотр новгородских памятников. Начиная с 1964 г. он проводил в Новгороде не более двух недель, как правило, в августе. С 1967 по 1975 г. (последний год приезда в Новгород) приезжал всегда в одно и то же время – с 15-го по 22-е или 23-е августа. Им же составлен погодный список пребывания в Новгороде с 1932 по 1975 г. – всего 33 сезона.

Завершая этот неполный рассказ об А.В.Арциховском и новгородской археологии, подчеркнем, что он не просто стоял у истоков археологического исследования Новгорода. Без преувеличения можно сказать, что новгородская археология создана А.В.Арциховским. И не только новгородская, по существу им были заложены основы городской отечественной археологии: методика раскопок, способы датирования и источниковедческого анализа материалов. Конечно, не все выводы, сделанные Арциховским, сохранили свое значение до наших дней. Многие из того, что было найдено в последующие годы, дополнило, уточнило, в ряде случаев изменило прежние представления. Но именно Артемий Владимирович Арциховский определил вектор развития новгородской археологии и заложил научную программу археологического исследования Новгорода, которая успешно решается новыми поколениями археологов, посвятивших себя изучению Новгорода.

Summary

E. A. Rybina, V. L. Yanin

Artemii Vladimirovich Artsikhovskii and the Archaeology of Novgorod

This article is devoted to the role of A.V.Artsikhovskii in the archaeological study of Novgorod. It is based on analysis of his publications and certain archive materials. The article traces how Artsikhovskii elaborated methods for carrying out excavations and for dating habitation levels at various stages of the archaeological study of Novgorod,

starting from 1932. Many quotations from works by A.V.Artsikhovskii are used, which reflect his opinions about the achievements of archaeologists working in Novgorod in the past and today, about the discovery of birch-bark documents and their importance for the study of medieval history and the language of medieval Russia.

Проблемы изучения Южной Руси после монгольского времени

Историография о судьбах Южной Руси после Батыева погрома накопилась довольно большая. Периодически возникали острые дискуссии, имевшие в большинстве своем политические основания. Исходя из скудных данных источников и основываясь на воззрениях книжников XVI–XVII вв., в условиях отсутствия широких археологических исследований подавляющее большинство историков конца XVIII – середины XX в. считали, что Киев (как и остальные центры Южной Руси) был уничтожен войсками Батыя в 1240 г. и вплоть до XVII в. едва влачил жалкое существование. Погибло всё, а политическая и культурная жизнь надолго прекратилась.

Острая дискуссия разгорелась после статьи Н. П. Погодина, утверждавшего, что «в Киеве жили до татар не малороссыяне, а великороссыяне», которые после 1240 г. переселились на север, а на освободившееся место осели пришельцы «от Карпатских гор»¹. Эта гипотеза о полном разорении Приднепровья и последующей смене здесь коренного населения вызвала критику со стороны М. А. Максимовича, А. А. Котляревского², однако в последующее время приобрела таких авторитетных сторонников как А. И. Соболевский, В. О. Ключевский, П. Н. Милюков³.

Независимо от них утверждения о полном запустении и смене населения выдвинула польская историография, что отражало идеологию обоснования экспансии Речи Посполитой на эти земли. К. Шайноха писал, что «польская сабля удовлетворяла себя, защищая Русь от татар, лемеш ее обрабатывал и заселял». А. Яблоновский утверждал, что Русь

«после татарского погрома середины XIII в. совсем не имела сил, чтобы подняться», и только благодаря энергии польских магнатов там возникали новые поселения⁴.

Дискуссии, касавшиеся важнейших национальных и политических проблем, часто выходили за чисто научные рамки, в них отражались радикальные, заостренные полемикой взгляды. Подчеркнем и то, что мнения ученых далеко не всегда делились по национальному признаку. Так, гипотезу Н. П. Погодина разделял галицкий историк Д. И. Зубрицкий⁵, а критиковал С. М. Соловьев, считавший, что в первое время после нашествия монголы серьезно не влияли на внутренний строй Руси, поскольку ее судьба определялась только факторами внутреннего характера. К. Н. Бестужев-Рюмин писал, что наука не может принять предположение об отселении на север всех жителей Южной Руси и приход новых из Галиции⁶. А «украинский буржуазный националист» (по советским определениям) П. А. Кулиш полностью разделял взгляды польских историков⁷.

Наиболее аргументировано ложность концепций о полном запустении Приднепровья и смене здесь населения показал В. Б. Антонович, собравший обширный документальный материал⁸. В то же время он явно недооценивал степень разрушений, нанесенных монгольским завоеванием. Киев, по его мнению, практически не пострадал в 1240 г. Он не

¹ Погодин М. П. Записка о древнем языке русском // Известия Академии наук по Отделению русского языка и литературы. СПб., 1856. Ч. 5. Вып. 2. С. 81–83.

² Максимович М. А. О мнимом запустении Украины в нашествие Батыево и населении ее новопришлым народом // Собр. соч. Т. 1. Киев, 1876. С. 131–145; Котляревский А. А. Были ли малороссы исконными обитателями Полянской земли или пришли из-за Карпат в XIV веке? // Собр. соч. Т. 1. СПб., 1893. С. 624–637.

³ Соболевский А. И. Очерки по истории русского языка. Киев, 1884; Ключевский В. О. Сочинения: в 8 т. Т. 1. М., 1956. С. 284.

⁴ Szajnocha K. Szkice historyczne Zdobycze pluga polskiego. Т. 2. Warszawa, 1881. S. 341; Jablonowski A. Pisma. Т. 2. Warszawa, 1911. S. 236–244; Бобржинский М. Очерки истории Польши. Т. 2. СПб., 1891.

⁵ Зубрицкий Д. Критико-историческая повесть временных лет Червоной или Галицкой земли. М., 1845.

⁶ Соловьев С. М. История Российская с древнейших времен. Кн. 2–4. М.: Издательство АН СССР, 1960. С. 189; Бестужев-Рюмин В. Н. Русская история. Т. 1. СПб., 1872. С. 278–280.

⁷ Кулиш П. А. История воссоединения Руси. Т. 1. СПб., 1874. С. 15.

⁸ Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885.

видел и принципиального отличия между событиями 1240 г. и разгромами города 1169 и 1203 гг. Сильные и слабые стороны взглядов своего учителя дальше развивал М.С. Грушевский⁹. Историк отметил нацеленность ордынской политики на ликвидацию активных политических деятелей из Киева.

Справедливыми остаются выводы М.Ф. Владимирского-Буданова, который писал, что «делая общий вывод из приведенных фактов относительно XIII в., мы должны признать, что: 1) Действительно произошло огромное опустошение всей Южной Руси в 40-х годах этого столетия; численность населения должна была уменьшиться здесь везде, но 2) Край вовсе не остался после татар пустыней... 3) Главный этнографический состав нового населения тот же, что и был ранее»¹⁰.

На этих разработках XIX в. преимущественно базировались и взгляды историков первой трети XX в. Причем аргументы В. Б. Антоновича и М. С. Грушевского практически были изъяты из научного оборота («украинские буржуазные националисты»). В целом господствовало представление о полном разгроме Киева. Эту точку зрения мощно усилил М. К. Каргер, который широко ввел в научный оборот археологический материал¹¹ и ярко показал картину разгрома Киева в 1240 г. Однако он, не владея историческим материалом XIV–XV вв. и разделяя общее представление о полном запустении Приднепровья, слишком упрощенно представлял дальнейшую сложную историю Киева, причины гибели храмов. На его утверждение о том, что Киев был низведен до уровня рядового местечка, где жизнь едва теплилась, опирались многочисленные работы историков и искусствоведов¹².

Все разрушения, братские могилы, следы пожаров, укрытия кладов датировались исключительно 1240 г., что сказалось на хронологии. Общепризнанным постулатом стало полное прекращение производства пряслиц, стекла, энколпионов, исчезновение высокохудожественных ремесел и т. д. Отсюда и вероятное ложное определение культурных слоев, хронологическими индикаторами которых выступали эти находки. В общеисторическом плане господствовал тезис о полном отрыве Южной Руси от Северной. Церковные и другие историко-культурные связи XIII–XV вв. были слабо известны. Часто

⁹ Грушевский М.С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава Мудрого до конца XIV ст. Киев, 1891. С. 443–459; Его же. Історія України-Руси. Львів, 1905. С. 171–179.

¹⁰ Владимирский-Буданов М.Ф. Население Юго-Западной России от половины XIII до половины XV века // Архив Юго-Западной России. Ч. 7, т. 1. Киев, 1896. С. XV.

¹¹ Каргер М.К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 493–515.

¹² Вздорнов Г. Исследование о Киевской Псалтыри. М.: Искусство, 1978. С. 33, 96; Успенский Л. В., Шнейдер К. Н. За семью печатями: очерки по археологии. М., 1958. С. 83, 84.

археологи свое незнание и неумение (вполне объективные на определенный период) перекладывали на Батюгу, приписывая ему все пожары и разрушения, бывшие делами его преемников.

В результате археологи 60-х гг. XX в. о материальной культуре Южной Руси XIII–XV вв. знали значительно меньше, чем о X в. М. К. Каргер отрицал само наличие в Киеве культурного слоя XIV–XV вв. «Между слоем XIX в. ... и древними слоями XI–XIII вв. лежит прослойка, которая по составу находок может быть связана с Киевом XVII–XVIII вв.»¹³. Но наличие материалов второй половины XIII и XIV в. сомнений не вызывает, и с каждым годом раскопок их становится всё больше. Отметим, что во времена М. К. Каргера даже керамика XIII–XIV вв. не была выделена из общей массы древнерусского материала. Для большинства археологов нашествие Батюги было естественным верхним хронологическим рубежом, который ограничивал их научные интересы, что, по выражению А. В. Чернецова, способствовало определенной «фетишизации» этого события.

На рубеже 1960–1970-х гг. послемонгольская тематика стала привлекать внимание украинских исследователей. Особо важными стали работы М. П. Кучеры¹⁴, который выделил несколько групп керамики, традиционно датированные X в., и доказал ее принадлежность ко второй половине XIII–XIV в., и В. О. Довженка. Последний указал на необходимость пересмотра мнения о полном запустении Среднего Приднепровья, показав, что топонимика свидетельствует об исторической наследственности до и после нашествия. Наличие поселений с культурным слоем XIV–XV вв., по его мнению, свидетельствует, что далеко не все поселения запустели в результате нашествия Батюги. В. О. Довженок обратил внимание на то, что «и там, куда татарские полчища не добрались, жизнь прекращается в XIV–XV вв. ... Имелись, видно, и какие-то иные обстоятельства, которые принуждали население уже после татарского нашествия оставлять насиженные места»¹⁵.

Плодотворной является мысль Л. В. Черепнина, что монгольское нашествие следует рассматривать не как одноразовый акт, а как процесс, который длился почти весь XIII в.¹⁶

До сих широко употребляется громоздкий и неверный по своему историческому смыслу термин

¹³ Каргер М. К. Указ. соч. С. 494.

¹⁴ Кучера М. П. Про одну групу середньовічної кераміки на території УРСР // Слов'яно-руські старожитності / відп. ред. В. Й. Довженок. Київ: Наукова думка, 1969. С. 174–181.

¹⁵ Довженок В. О. Среднее Поднепровье после татаро-монгольского нашествия // Древняя Русь и славяне / отв. ред. Т. В. Николаева. М.: Наука, 1978. С. 76–82.

¹⁶ Черепнин Л. В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1977. С. 209.

«татаро-монголы» («монголо-татары»). Это искусственное название¹⁷ появилось только в 1823 г. Ни В. В. Татищев, ни Н. М. Карамзин его не употребляли. В. Рубрук писал, что сами основатели Улуса Джучи требовали, чтобы их называли монголами. Только по иронии истории в покоренных странах орды Чингисхана стали называть татарами, которые отравили отца хана. Последний жестоко мстил: победив в 1204 г. последних татар, Чингисхан приказал перерезать всех, включая женщин и детей¹⁸.

Систематические раскопки Киева, как и других поселений Древней Руси последнего времени, новые разработки письменных источников показывают более сложную, чем представлялось ранее, картину исторического развития древнерусских земель, и в частности Приднепровья, после нашествия Батыя.

Картина разгромов и разорений 1237–1240 гг. основывается на данных раскопок и ярко показана в работах многих исследователей¹⁹. Но всё же последствия нашествия не были настолько апокалипсичными и прямолинейными, как это представляется некоторым авторам.

Прогрессивное развитие Киева было остановлено монгольским нашествием. Город, безусловно, сильно пострадал. Однако, пусть и скудные, но собранные вместе источники говорят о том, что Киев и во второй половине XIII в. продолжал оставаться важнейшим политическим центром, церковной столицей всех древнерусских земель. Археология последнего времени показала, что и после 1240 г. жизнь продолжалась во всех исторических районах Киева, даже в наиболее пострадавшем детинце, однако ее интенсивность значительно снизилась.

Карпини писал о 200 домах в городе, о встреченных в 1246 г. купцах из Австрии, Польши и крупнейших торговых центров (Венеция, Генуя, Пиза, Константинополь, Вроцлав, Акра)²⁰. В полностью уничтоженный город караваны не направлялись бы. Известен клад из 200 дирхемов, чеканенных Менгуханом в Бухаре (младший датируется 1253/54 гг.)²¹. В Киеве активно функционирует митрополичья ка-

федра в Софийском соборе. В 1262 г. «преосвященному архиепископу Кирилу преславного града Киева, учителя же всей Руси и светильника церквам богоспасенного града Киева» присылает из Болгарии князь Яков-Святослав Сербскую Кормчую книгу. На ее базе софийские книжники создают Киевскую кормчую. Здесь в 1273 г. проходил съезд иерархов церкви, где приняли Правила митрополита Кирилла, единые для всей Руси, а печерский архимандрит Серапион был поставлен епископом во Владимир. В 1276 г. тут же поставили Климента на Новгород. В 1281 г. Кирилла II «погребоша его в Киеве в соборной церкви». В 1284 г. «позвани быша епископи вси русския в Киев к Максиму митрополиту Киевскому» для утверждения важных дополнений к новой Кормчей, со списка которой (из «православного града Киева») переписывается Рязанская кормчая 1284 г.²²

На стенах Софийского собора, Михайловского и Кирилловского храмов, церкви Спаса на Берестове выявлены граффити с прямыми датами – 1257, 1259, 1285 гг. Принципиальных изменений в палеографии, лексике, грамматике не фиксируется²³.

Понятно, что любое нашествие или наступление нового века не могло принципиально изменить, например, гончарное (как и многие другие) производство.

А археологические исследования Новгорода, Пскова, Твери, Владимира и других древнерусских центров четко показали существование некоторых реперных находок (стеклянные браслеты, пряслица) и в послемонгольский период²⁴.

Общие изменения в материальной культуре, искусстве (архаизация, завершение романской эпохи) в XIII в. имеют общеевропейскую подоснову. Монгольское нашествие явилось лишь одним из факторов, причем не только в аспекте уничтожения и разрушения. Оно вызвало перемещение больших масс разноэтничного населения, создало новую карту Восточной Европы. В эту же эпоху происходит захват католиками Византии и наступают другие последствия крестовых походов для всего Средиземноморья. Из Италии идут проторенесансные культурные импульсы.

Чрезвычайно важными для понимания появления массовых брошенных поселений на Руси стали наблюдения Н. А. Макарова, основанные на многолетних исследованиях (собственных и многих авторов – Н. А. Кренке, М. И. Гоняного, С. Д. Захарова и др.)

²² Щапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. С. 181–185.

²³ Высоцкий С. А. Киевские граффити XIII–XVII вв. Киев: Наукова думка, 1985 и другие его работы.

²⁴ Полубояринова М. Д. Стеклокерамические браслеты древнего Новгорода // МИА. М., 1963. № 117; Рыбина Е. А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М.: Издательство МГУ, 1978. С. 24–27; Макарова Т. И. Облагоченные митрополита Алексея и ювелиры Москвы XIV в. // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. М., 1995.

¹⁷ Наумов П. Об отношении российских князей к монгольским и татарским ханам от 1224 по 1480 год. СПб., 1823. С. 10, 11.

¹⁸ Сандаг Ш. Образование единого монгольского государства и Чингисхан // Татаро-монголы в Азии и Европе / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 1977. С. 27–34.

¹⁹ По Киеву: Каргер М. К. Указ. соч. 494; Килиевич С. Р. Детинец Киева IX – первой половины XIII веков. Киев: Наукова думка, 1982. С. 126–135; Толочко П. П. Древний Киев. Киев: Наукова думка, 1983; Его же. Древняя Русь. Киев: Наукова думка, 1987.

²⁰ Карпини Плано Дж. История монгалов // Карпини Плано Дж. История монгалов; Рубрук Г. Путешествие в восточные страны / вступ. статья и комментарии Н. П. Шастиной. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 67, 81–82.

²¹ Беляшевский Н. Ф. Монетные клады Киевской губернии. К., 1899.

на огромных пространствах Русского Севера, который увидел закономерности историко-культурного развития этих земель в данную переломную эпоху²⁵. Как убедительно показал исследователь, они были обусловлены не внешними (хотя и чрезвычайно мощными), а внутренними причинами. Выявленные подвижки в сельском расселении являются крупным историческим явлением, коренным образом изменившим облик лесной полосы Восточной Европы. Происходит кардинальная смена системы расселения – господствующим становится не приречный, а водораздельный тип. Изменяется и тип сельского поселения – идет переход от многодворных к однодворным. Происходила глубокая перестройка хозяйства, потребления и образа жизни. То есть запустение многих поселений прежде всего отражает структурные изменения, обусловленные собственной внутренней логикой развития и природными факторами. Объяснение общих, несомненно, крупных историко-культурных сдвигов той эпохи лишь нашествием Батыя может привести к упрощению и искажению реальной картины исторической жизни Руси XIII в.

Здесь следует лишь подчеркнуть, что этот вывод, конечно, справедлив и для земель Южной Руси, просто подобные тщательные и скрупулезные исследования на многих рядовых памятниках еще не проводились. Важнейшие данные дали палеоботанические работы (авторы – Е.А. Спиридонова и А.С. Алешинская), воссоздавшие природную среду Мининского микрорегиона и показавшие происходившие там изменения. Состав пыльцы (осока и сфагновый мох) указал на поднятие грунтовых вод и активное заболачивание, сокращение лугов и увеличение пахотных земель. Эти процессы исследователи справедливо связывают с распространением новых форм природопользования и ведения хозяйства, а также изменением климата, становившегося более влажным и прохладным²⁶.

Еще одним распространенным мифом является мнение об уничтожении монголами в 1240 г. всех древнерусских храмов Киева. Но летописи не сообщают о разрушении монголами каких-либо церквей, кроме Десятинной в Киеве и Михайловской в Переяславе. Археологическими раскопками также пока не зафиксировано разрушений какого-либо храма в ходе событий 1237–1241 гг., хотя исключать этого и

не следует. Сохранились церкви, которые монголы штурмовали – например, Успенский собор во Владимире. Поэтому нет достаточных оснований считать это мнение доказанным.

Ярким примером таких мифов является Печерский монастырь. По Киевскому Синопису XVII в., «нечестивые варвары овнами, или таранами, стены каменные монастырские столкши и до основания сокрушивши, в святую обитель внидоша, людей всякого чина посекоша, иных плениша... и самую небеси подобную церковь Пресвятыя Богородицы оскверниша, от всего украшения обнажиша и крест с главы церковныя златокованный сняша». Более того, они «верх до полуцеркви по окна повелием проклятого Батыя испровергоша, также и верх олтаря великого по перси иконы пресвятыя Богородицы изща, и весь Монастырь со всеми украшениями и каменными стенами искорениша и разметаша»²⁷. Отсюда и пошло мнение, что Печерский монастырь «чрез многие лета прибываша в запустетении... черноризцы же по лесах и вертепах скитающаяся».

Но представление о том, что монголы разобрали купол и верхние части Успенского собора, полностью опровергает сообщение Павла Алеппского, видевшего в 1653 г. в алтаре «от верху полукруглой арки до половины» изображение "Владычицы, стоя благославляющей, с платом у пояса"²⁸.

У монголов не было причин для уничтожения православных храмов. Это противоречило их традиционному покровительственному отношению к религии в завоеванных странах. Они предпочитали «не трогать чужой религии, побудить церковнослужителей молиться за хана своему божеству по своей вере»²⁹. Духовенство на Руси стало единственным сословием, которое Золотая Орда не обложила данью.

Главной причиной гибели храмов было само монгольское нашествие, но они разрушались не столько во время боев 1237–1241 гг., сколько на протяжении веков из-за отсутствия ресурсов для их поддержки. Киев бы быстро возродился, если бы не была уничтожена вся экономическая система страны, особенно его главная экономическая база – Среднее Поднепровье, не были обрублены те артерии, которые питали город. Из-за этого и разрушения храмов – «от ветхости»³⁰. Такие разрушения «от ветхости» или от строительных просчетов хорошо известны на Руси и в более раннее время. Так, в 1276 г. в Новгороде «опаде стена у святой

²⁵ Макаров Н.А. Русь в XIII в.: культурная ситуация по археологическим данным // Русь в XIII веке: континуитет или разрыв традиций? / отв. ред. Н.А. Макаров и А.В. Чернецов. М.: Институт археологии РАН, 2000. С. 5–13; Он же. Русь в XIII веке: характер культурных изменений // Русь в XIII веке. Древности темного времени / отв. ред. Н.А. Макаров и А.В. Чернецов. М.: Наука, 2003. С. 5–11.

²⁶ Макаров Н.А., Захаров С.Д. Накануне перемен: сельские поселения на Кубенском озере в XII – начале XIII века // Русь в XIII веке. Древности темного времени. С. 131–150.

²⁷ Киевский Синопис. Киев, 1836. С. 125–127.

²⁸ Алеппский П. Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в. Вып. 2. М., 1892. С. 52.

²⁹ Веселовский И. О религии татар по русским летописям // Журнал Министерства народного просвещения. 1916. № 7. С. 100.

³⁰ Ивакин Г.Ю. Историчний розвиток Києва XIII – середини XVI ст. Київ: Інститут археології НАН України, 1996.

Софии до основы от Неревского конца»³¹, но это событие нельзя связывать с Батыем.

Причиной гибели храмов служили и стихийные бедствия – землетрясения и наводнения. Особенно землетрясение 1230 г., которое вполне могли связывать с последствием походов Батыя 1237–1240 гг. Существенным фактором, сыгравшим важную роль в гибели многих древних памятников на территории Украины, являлся запрет Казимира IV ремонтировать и восстанавливать православные церкви.

³¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1950. С. 63.

Археологические работы фиксируют всё больше материалов данной эпохи, которые еще не введены в широкий научный оборот. Но наблюдения за материальной культурой Южной Руси XIII–XV вв. подтверждают, что в середине XIII в. катастрофического разрыва традиции из-за монгольского завоевания не произошло. Продолжалось общее развитие, обусловленное прежде всего внутренними факторами. На них оказывали влияние события и тенденции общеевропейского масштаба. Разрушения 1237–1240 гг. касались только отдельных аспектов общекультурного развития, а не его глубинной основы.

Summary

G. Y. Ivakin

Questions Pertaining to the Study of Southern Rus in the Post-Mongol Period

This article examines certain aspects of the historiography for the question of the historical development of the lands of Southern Rus after Batu Khan invaded. Starting in the 19th century, conflicting opinions have been voiced in this historiography (referring to catastrophic destruction and complete replacement of the population on the one hand to rejection of negative consequences of the Mongol invasion on the other).

It is pointed out how an objective view of the historical picture of Eastern Europe in the post-Mongol period is gradually taking shape. Enormous devastation befell Southern Rus in the 1240^s, but the region was not reduced to a desert and the original population was not wiped out. Materials from archaeological excavations carried out during recent decades are to a large extent responsible for reaching this correct understanding of the events involved. Together with a study of toponyms they shed light on historical heredity in the region before and after the invasion.

In Kiev and after 1240 life went on in all the districts of the city. The widespread myth regarding the destruction of medieval Russian stone churches wrought by the Mongols in 1237–1240 is overturned in this article. This would have been in contradiction of their traditionally tolerant attitude to religion in the lands they conquered.

The main factors leading to the collapse of these churches were the invasion itself and the establishment of the Mongol yoke: the churches, however, collapsed not in the course of battles but gradually, over the centuries, because resources for their upkeep were not available.

Important data making it possible to put together a general picture of the situation have been provided by investigations undertaken in Northern Rus. The patterns underlying the historical and cultural development of those lands, which had emerged even before the Mongol invasion, have been identified. Attention was drawn to a key change in settlement practices: areas along rivers were no longer the all-important ones for settlement, but rather watershed areas. The type of rural settlements was also changing: there was a shift to larger settlements consisting of several farmsteads from the previous smaller ones consisting of a single farmstead. Major changes were taking place in agriculture, consumption and the population's way of life. The major changes which took place in the 13th century were shaped not so much by external as by internal factors, the logic intrinsic to development and natural phenomena. The Mongols' destruction of the medieval state system in Rus was an addition to rather than the cause of historical processes which had already been taking shape.

Суздальский орел: изразец графа А. С. Уварова и московские музейные коллекции

В 1851 г. молодой граф Алексей Сергеевич Уваров (1825–1884) начал раскопки в Суздале. Будущий основатель Московского археологического общества и выдающийся организатор науки писал об этом: «Изучая суздальские древности и видя, какое богатое княжество процветало тут в древние времена, мы можем почти наверное предполагать, что эта местность более всех прочих должна содержать памятники, важные в отношении искусств и истории.

Я принял смелость предложить окрестности Суздаля для начатия разысканий потому, что по всем выводам и собранным сведениям эта местность, едва ли еще тронутая, обещает обильную жатву к открытиям русских древностей всякого рода»¹.

Раскопки А. С. Уварова в Суздале и его окрестностях широко известны благодаря его книге о курганных древностях. Однако изначально четкого плана работ у Уварова не было. Говоря о «суздальском проекте»² графа, Н. А. Макаров специально подчеркивает это: «Парадоксально, но уваровский план исследования древностей Суздальской земли первоначально не предполагал раскопок курганных могильников. Это обстоятельство было отме-

чено А. А. Спицыным. Курганы ни разу не упоминаются в докладах, обосновывавших необходимость раскопок в Суздале и его окрестностях, которые А. С. Уваров адресовал министру внутренних дел Л. А. Перовскому и в записках Перовского, подававшихся на высочайшее имя. Раскопки курганных групп были начаты лишь в середине июля 1851 г., спустя полтора месяца после начала кампании, после продолжительных работ в Суздальском кремле и у церкви Бориса и Глеба в Кидекше, результаты которых, очевидно, разочаровали Уварова»³.

О находках в Суздальском кремле предметов позднего Средневековья известно мало⁴. Но среди них есть один, неоднократно упомянутый в литературе – это изразец, относящийся к числу первых зафиксированных находок русских изразцов вообще. Судьба его очень показательна и как факт историографии русского искусства, и как отражение истории музейного хранения в России, и, разумеется, как эпизод в деятельности графа А. С. Уварова в качестве историка, археолога и создателя музеев, причем эпизод далеко не случайный.

³ Макаров Н. А. Указ. соч. С. 34. К периоду до начала раскопок курганов относится и открытие усыпальницы Пожарских (см.: Беляев Л. А. Родовая усыпальница князей Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимиевом монастыре Суздаля: 150 лет изучения. М.: ИА РАН, Нестор-Традиция, 2013. 254 с.).

⁴ В дальнейшем в поле зрения исследователей оказались артефакты, найденные в Суздальском кремле на месте усадеб, принадлежавших скандинавским дружинникам, в связи с чем был детально изучен «скандинавский след». См.: Мельникова Е. А., Седова М. В., Штыхов Г. В. Новые находки скандинавских рунических надписей на территории СССР // Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования. М., 1981. С. 182–188; Седова М. В. Скандинавские древности Суздаля и его округа // XIII конф. по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М.: Петрозаводск, 1997. С. 178–180.

¹ Цит. по: Спицын А. А. Владимирские курганы. СПб., 1905. С. 2, 3.

Открытый лист А. С. Уварову на раскопки близ Суздаля 26 апреля 1851 г. хранится в ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 208. Л. 7.

Приношу огромную благодарность зав. ОПИ ГИМ О. А. Сиротиной и ст. н. с. отдела Д. Г. Юшко за помощь в подборе материала.

² «...Это название кажется мне более корректным, поскольку первоначальной целью исследований были памятники Суздаля и его окрестностей» (Макаров Н. А. А. С. Уваров и начало археологического изучения Северо-Восточной Руси: тез. докладов Междунар. науч. конф. // Ученые и идеи: страницы истории археологического знания. М., 2015. С. 33).

Рис. 1. Изразцы из раскопок А. С. Уварова в Суздале в 1851 г. (нижний ряд).
Фото А. В. Филиппова, 1915 г. Архив А. В. Филиппова

Чтобы это понять, пришлось провести настоящее музейное расследование. Прежде всего, нужно было найти сам изразец. Хотя о нем дважды упомянуто в статье Н. В. Султанова 1894 года⁵, предмет не был опубликован и не значился ни в одном из современных музейных собраний. Султанов написал о нем скупно, зато указал место тогдашнего хранения: «Красный изразец XVII в., найденный графом Уваровым в 1851-ом году в Суздале, на “воеводском дворе” и хранящийся ныне в отделении “Русских древностей” в Румянцевском музее, точно так же имеет изображение двуглавого орла»⁶.

В поиске помогли недавно найденные и сейчас готовящиеся к публикации документы архива известного исследователя русского изразца А. В. Филиппова⁷, среди которых оказалась выполненная в 1915 г.

⁵ Султанов Н. В. Древнерусские красные изразцы // Архитектурные известия и заметки. 1894. № 12. С. 369, 376.

⁶ Там же. С. 376. Об этом упоминает А. И. Иванов: «Впервые красные изразцы были найдены гр. Уваровым в 1851 г. в Суздале на “воеводском дворе”» (Иванов А. И. Забытое производство: очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930. С. 7).

⁷ Архив А. В. Филиппова. Приношу глубокую благодарность хранителю архива Е. А. Бобринской.

в Румянцевском музее фотография с изображением найденных Уваровым в Суздале изразцов (рис. 1), а также заполненная Филипповым в том же году «анкета» с изображением «уваровского» изразца (рис. 2, 3). Это позволило идентифицировать хранящиеся в собрании МГОМЗ фрагменты изразцов неизвестного происхождения с изображением двуглавого орла и представить облик легендарного артефакта, а также проследить его весьма запутанную историю.

Прежде всего, появилась возможность детально описать предмет. Это красноглиняный узкорамочный терракотовый с плоским рельефом изразец, на котором среди «трав» изображен двуглавый орел с расправленными крыльями. Головы орла с загнутыми вниз закрытыми клювами увенчаны стилизованными коронами со скругленными краями; между головами на узком тонком стебле расположен цветок лилии. Шеи и туловище орла покрыты рисунком из крупных рельефных треугольников, основание крыльев и лапы декорированы треугольниками меньшего размера. В каждом крыле – по пять маховых перьев, четыре верхних пера имеют продольные рельефные полосы. Лапы с тремя растопыренными когтями расставлены в стороны;

хвост состоит из пяти изогнутых перьев с продольными рельефными полосками.

«Травы» по боковым сторонам фигуры представляют собой несимметричный растительный орнамент из переплетенных стеблей, вырастающих из нижних углов и заканчивающихся фигурными листьями в верхней части изразца. Несмотря на заметные попытки украсить изделие, изображение маловыразительно и отличается нечетким рисунком рельефа головы и короны.

Рамка изразца рельефная, лепная, квадратная, с неровными краями, шириной от 0,9 до 1,3 см. Размеры изразца 18,5×18,5 см (по Филиппову, «4¼×4¼ вершка»). Изразец оттиснут из формы. Вдоль изразца (справа), по всей высоте пластины, имеется трещина, рамка в двух местах повреждена.

Характер лепки рельефа смешанный, высота рельефа неравномерна – от 0,2 до 0,5 см, в среднем – 0,3 см. Черепок довольно тонкий, толщиной 0,7–0,8 см, слоистый. По сколу черепка и на его лицевой стороне – следы высолов; на тыльной стороне сохранившихся фрагментов с утраченной румпой – остатки сажи. Несохранившаяся коробчатая румпа с высокими прямыми стенками, к счастью, зафиксирована на рисунке А. В. Филиппова. По его описанию, у изразца «румпа ящичной формы, высотой 9 см (с толщиной изразца)»⁸.

Фрагменты, хранящиеся в собрании МГОМЗ, полностью совпали с изображениями на фотографии и рисунке, где в числе прочего отчетливо видна трещина в правой части лицевой стороны предмета (рис. 4: а–в). Видимо, по линии этой трещины со временем произошел скол, который в дальнейшем привел к утрате части изразца. Судя по фотографии, вверху на рамке изразца находилась надпись: «Увар. раск. в Суздале 1851», сделанная чернилами.

В собрание МГОМЗ изразец поступил из Государственного исторического музея, куда он попал из Румянцевского музея, а в него из неизвестного нам места хранения. Румянцевский музей, созданный в 1831 г. в Петербурге, в 1861 г. был перевезен в Москву, размещен в бывшем доме Пашкова и в 1862 г. открыт для посещения. Вскоре после открытия сюда стали поступать выдающиеся коллекции.

Среди многочисленных дарителей музея была графиня Прасковья Сергеевна Уварова. Возможно, она и передала изразцы, хотя сведений об этом до сих пор нет. «При поступлении вещей в Румянцевский музей, – писал позднее А. А. Спицын, – они представляли в полном смысле беспорядочную грудю материала, так как при них не было описи с отметками, из какого кургана каждая вещь происходит...»⁹. Од-

⁸ Архив А. В. Филиппова. Без шифра.

⁹ Спицын А. А. Владимирские курганы // ИАК. 15. СПб., 1905. С. 12–13. А. А. Спицын – сотрудник Императорской Археологической комиссии и петербургского Русского археологического общества.

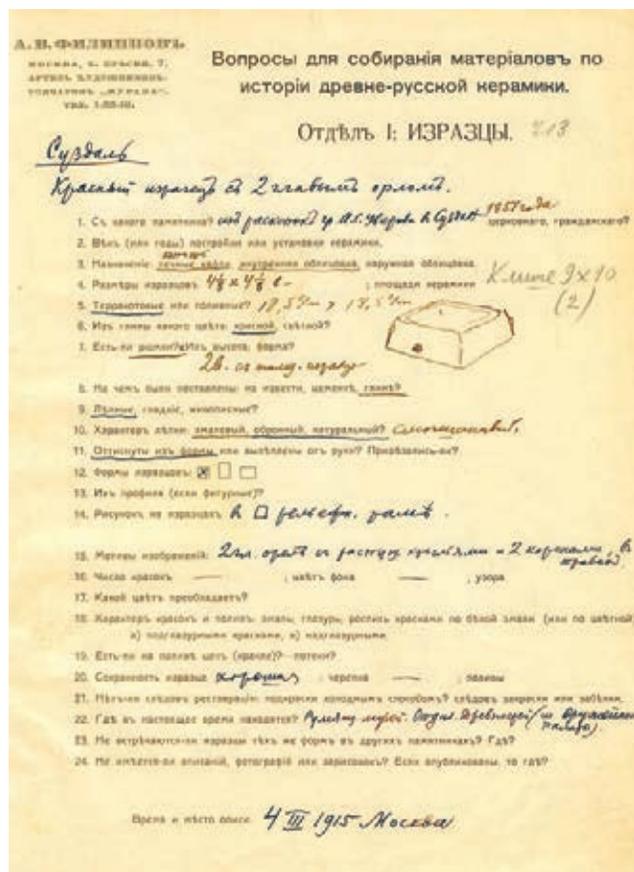

Рис. 2, 3. «Анкета» А. В. Филиппова. 1915 г. Архив А. В. Филиппова

Рис. 4 (а, б, в). Фрагменты изразца с орлом из раскопок А. С. Уварова в Суздале в 1851 г. Собрание МГОМЗ

нако В.А.Лапшин считает, что документация была утрачена не в поле, а уже в музеях, возможно, при неоднократных передачах коллекций¹⁰.

Документы, сохранившиеся в ГИМе, подтверждают эту версию. В «Журнале археологических розысканий, произведенных во Владимирской губернии в 1851 г. Суздаль и его окрестности»¹¹ неоднократно упоминаются находки изразцов в Суздальском кремле: в самом начале раскопок, 31 мая, «на восток-юг от церкви Афанасия и Кирилла Александрийских между церковною оградой и крепостным валом в восьми аршинах от вала...» (Л. 1)¹² «на ближнем углу к церкви были видны следы сложенной печки. В некоторых местах найдены были изразцы, украшенные узорами с ценинным обливом. Из этого можно заключить, что часть пола была сложена из изразцов» (Л. 2); «изразец с изображением животного» (Л. 4); «изразец синий цветной» (Л. 4 об.); «на глубине 2 ар. 10 в. кусок изразца, на котором виден как бы орел, обращенный вправо; другой изразец с изображением животного» (Л. 5 об.); «вдоль Афанасьевского переулка на 1 ар. 8 вершков. Здесь попадаются изразцы, какие находимы были при прежних разрытиях» (Л. 6.); «найден цельный ценинный изразец от карниза и несколько мелких кусков такого же изразца» (Л. 12 об.), «...найлены изразцы красной глины точно такие же, как вчера» (Л. 13), «...на глубине полуаршинна изразцы красной глины, подобные тем, которые описаны по № 11–12. Один обломок с надписью «ломихинъ» (Л. 14 об.); «...найлены три куска изразцов, из них один служил дополнением вчера найденного с львиною головою» (Л. 15 об.); «...изразцы от карниза... обломок изразца с синей обливой с остатком орлиной головы» (Л. 17 об.); «...разного рода изразцы, в числе которых два изображения павлина» (Л. 20); «...близ сада... разного рода изразцы» (Л. 22); вдоль Афанасьевского переулка «разного рода изразцы, в части которых на одном разбитом видны буквы в две строки, составляющие, как видно, надпись» (Л. 22 об.), «...очень много битых изразцов» (Л. 23 об.); «...два обгорелых изразца и два с белою обливою» (Л. 26); «...два, ценинного облива, узорчатая в византийском стиле изразца...» (Л. 27 об.); «обгорелые изразцы» (Л. 28). Чаще всего встречаются изразцы «...под ценинной

¹⁰ «Депаспортизация значительной части коллекции явилась следствием последующего музейного хранения, что связано с отсутствием в то время сложившегося понимания исторической ценности целостного археологического комплекса». См.: Лапшин В.А. О методике раскопок Владимирских курганов // Уваровские чтения. Муром, 1990. С. 7–9.

¹¹ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 209. На первом листе надпись: «Дневник археологических исследований, произведенных графом Алексеем Сергеевичем Уваровым в г. Суздале, в течение июня, июля, августа и сентября месяцев 1851 года» (Л. 1).

¹² Здесь и дальше. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 209.

обливой» (Л. 3); «ценинного облива» (Л. 23), «узорчатые с ценинным обливом...» (Л. 12)¹³.

Среди этих записей обнаружилось и долгожданное упоминание о нашем изразце: «На глубине 5 вер. найдены изразцы красной глины; один из них совершенно цельный с изображением двуглавого орла (курсив мой. – С. Б.) ...»¹⁴ (рис. 5).

Убедительным подтверждением тому, что запись касается уваровского изразца, послужил комментарий о сохранности находки (единственный в своем роде в документах) – «совершенно цельный».

Мы находим еще одно подтверждение в сделанном в 1852 г. описании раскопок¹⁵, которое содержит множество карандашных исправлений и открывается следующим текстом: «В прошлое лето в первый раз были предприняты от правительства археологические розыскания на чисто русской почве с целью отыскивать русские древности. Древнее Суздальское княжение было исследовано в продолжение пяти месяцев»¹⁶. Как свидетельствует документ, все находки были сложены в ящики с надписью: «Древности, найденные в Суздале на бывшем Княжьем дворе. От №1-28»¹⁷. Среди них под номерами № 1 и 2 числятся «орлы», о которых написано: «Сначала нашли деревянный пол и основание воеводского дома, сложенного из бутового камня. Тут появились изразцы от изящных печей, одни с изображением двуглавого орла, другие с узорами и с надписями»¹⁸.

Музейная судьба изразца оказалась чрезвычайно запутанной. В 1933 г. «Изразец красный с изображением двуглавого орла (К-44/2050 и 16971), на другом таком же изразце надпись: “Уваровские раскопки в Суздале 1851 г.”» был передан из ГИМ на временное хранение в музей в Коломенском в составе большой коллекции, принятой первым директором музея П. Д. Барановским¹⁹. В том же году предмет был внесен в опись²⁰. На самом изразце

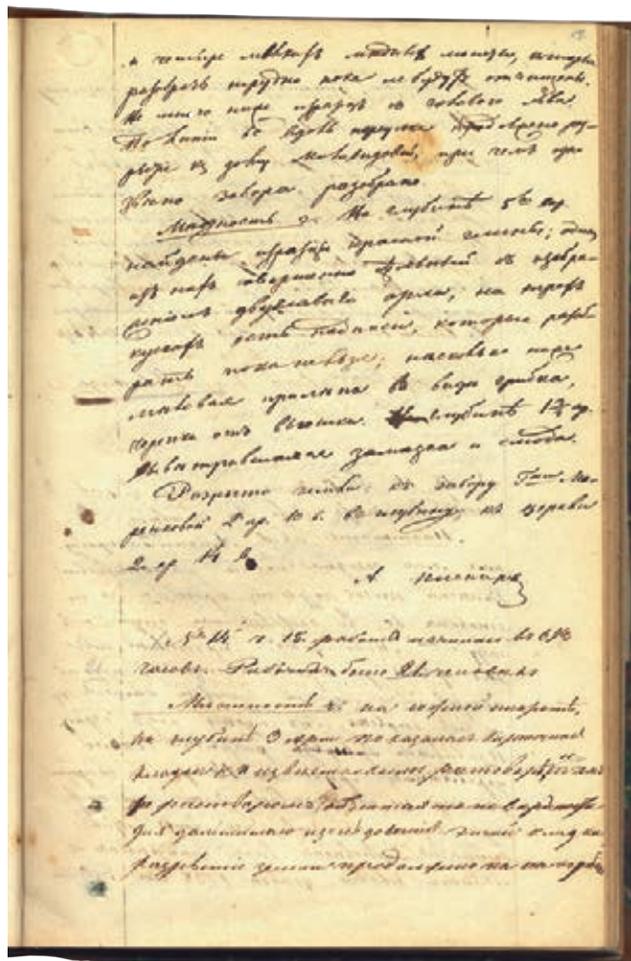

Рис. 5. Запись из дневника раскопок в Суздале в 1851 г.
ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 15

карандашом был поставлен временный номер – 3367, хотя по описи он был иной – 3336.

Видимо, с этого началась путаница. В результате в 1936 г. в первой инвентарной книге музея под № 3336 оказался другой изразец, также с орлом, поступивший из ГИМ в составе той же передачи. Суздальские же находки числились в книге под № 3338, 3350, 3356, причем с пометкой «суздальский»²¹. В дальнейшем путаница усугубилась: после перевода коллекции на постоянное хранение и введения новой инвентарной книги ошибка закрепилась, так как изразцы получили постоянные номера²².

¹³ Сведения о находках муравленых (зеленых) изразцов в Суздале встречаются реже. Например, на «дороге, ведущей с Краснова села... один мужик нашел изразец с зеленой обливой с разными деревьями» (ГИМ ОПИ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 212. Л. 10).

¹⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 15.

¹⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 212. Листы разделены на две части. Описание предметов справа сопровождается номерами предметов по описи.

¹⁶ Там же. Л. 18.

¹⁷ Там же. Л. 19.

¹⁸ Там же. Л. 19 об. Начиная со слова «воеводского» до слова «с надписями» зачеркнуто карандашом и сверху строки написано: «Из бутового камня, принадлежавшие к воеводскому дому, который существовал здесь с начала XVI столетия».

¹⁹ ГМЗ «Коломенское» до 1971 г. являлся филиалом ГИМ. Акт № 56 от 16 апреля 1933 г.

²⁰ Отдел учета МГОМЗ. Инвентарная книга временных поступлений № 28. № 234 С. 30.

²¹ Отдел учета МГОМЗ. Инвентарная книга от № 1 – до № 3670. 1936 г. С. 265–266.

²² В 1960-е гг. ошибочно присвоенный временный номер суздальского орла оказался связанным в учетной документации с постоянным инвентарным номером (И-149) другого изразца с изображением двуглавого орла среди «трав». Очевидно, путаница произошла из-за сходства сюжета. Видимо, расхождение в размерах и количестве вызвало определенное сомнение, так как данные о

Таким образом, фрагменты подлинного изразца со стершейся к тому времени подписью, получив новый инвентарный номер (И-167 с дробными), уцелели. Подлинные сведения о происхождении изразца с орлом были утрачены, и изразец растворился в огромной коллекции. До начала 1980-х гг. эта коллекция хранилась в ящиках в подклете церкви Вознесения Господня и лишь незначительная ее часть представлялась в экспозициях музея. На них суздальский изразец никогда не экспонировался.

Это объясняет, почему изразец, хорошо известный А. В. Филиппову, не был опубликован ни в его капитальном издании, посвященном русским изразцам (1938 г.)²³, ни в электронной версии его второго выпуска²⁴.

Помимо частей «цельного» изразца, в собрании МГОМЗ хранятся два фрагмента аналогичного предмета, упомянутые в актах передачи. На одном из них – голова орла, повернутая вправо (рис. 6). Скорее всего, именно об этом фрагменте идет речь при описании находки: «...на глубине 2 ар. 10 в. кусок изразца, на котором виден как бы орел, обращенный вправо»²⁵. Изображение и характер рельефа этих фрагментов полностью совпадают с изображением и рельефом другой находки, что позволяет предполагать использование при их изготовлении одной и той же формы.

На фотографии А. В. Филиппова, помимо изразца с орлом, видны два фрагмента поливных изразцов, имеющих в верхней правой части лицевой пластины надпись: «Увар. раск. в Суздале 1851». Они пока, к сожалению, не обнаружены²⁶.

Точные аналоги «суздальскому орлу» среди многочисленных русских изразцов с двуглавым орлом мне неизвестны, хотя подобный сюжет широко представлен в пестрой иконографии первых печных наборов. География его распространения убеждает в повсеместности этого изображения, которое отнюдь не было привилегией столичных мастеров. Частота встречаемости орлов на красных печных изразцах конца XVI – первой половины XVII в. ясно указывает на отсутствие специальных ограничений на их производство и использование. Но в то же время трудно думать, что включение этого сюжета в суздальском происхождении в инвентарном описании не приводятся (Отдел учета МГОМЗ. Инвентарная книга фонда «Изразцы» № 1. С. 39).

²³ Филиппов А. В. Древнерусские изразцы. Вып. 1. М., 1938.

²⁴ См.: Филиппов А. В. Древнерусские изразцы. Вып. 2. Изразцы XVII в. [Электронный ресурс] // РусАрх: электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: <http://www.rusarch.ru/filippov1.htm> (дата обращения 15.10.2015).

²⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 209. Л. 5 об.

²⁶ Следы фрагмента рельефного полихромного изразца с двумя геральдическими львами по сторонам щита найдены в описании 1852 г.: «Изразцы с ценинною поливою и с изображением львов, щитов, орлов и пр.». Слева указаны номера: «№ 3, 4, 5, 6, 7» (Там же. Л. 19 об.).

Рис. 6. Фрагмент второго изразца с орлом из раскопок А. С. Уварова в Суздале в 1851 г. Собрание МГОМЗ

фасады печей несло исключительно декоративную функцию – статусные и/или идеологические элементы не исключены. Ведь речь идет о печах, занимающих одно из главных мест в царских, боярских и церковных интерьерах. Вероятно, не случайны двуглавые орлы на чрезвычайно дорогих глазурованных печах царских покоев Михаила Федоровича Романова в Московском Кремле²⁷. Не случайно суздальский изразец с орлом был найден на «воеводино» дворе («орлистые» изразцы на воеводском дворе известны еще, по крайней мере, в Томске, где открыты археологом М. В. Чёрной)²⁸.

Геральдические орлы встречаются и на печных муравленых (зеленых) и ценинных (многоцветных) изразцах, о чем свидетельствуют музейные собрания и сохранившиеся описания. Например, в кельях Покровского монастыря в Суздале находилась печь с многоцветным изразцом «...с изображением, чрезвычайно выпуклым, двуглавого орла с коронами над головой...»²⁹, а в церкви Успенского монастыря в Александрове – печь с изразцами «...с двуглавыми коронованными орлами, покрытыми желтою краскою по зеленому полю...»³⁰. Во дворце князя А. В. Голицына в Москве была «орлистая» печь (судя по времени и месту размещения, многоцветная³¹). Вряд ли выбор этих изображений для печей столь статусных интерьеров случаен – известно, что изразцы с

²⁷ Изразцы были найдены в 1990-х гг. при исследовании Большого Кремлевского дворца Центральными научными проектными мастерскими. В настоящее время они хранятся в фондах музеев Московского Кремля.

²⁸ Чёрная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002. Рис. 34, вклейка между с. 66–67.

²⁹ Иванов А. И. Указ. соч. С. 28–29.

³⁰ Тихонравов К. Н. Древности Владимирской губернии // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского Археологического общества. Т. 1. СПб., 1851. С. 24.

³¹ Розыскные дела о Федоре Шахловитом и его сообщниках. СПб., 1884–1893. Т. 4. Ст. 598.

геральдическими орлами на фасадах, декоре зданий были, в первую очередь, государственным гербом³².

Изразец с орлом изготовили, вероятно, местные мастера – суздальское производство было крупнейшим во Владимирской земле³³, о чем говорят и неоднократные находки здесь следов мастеровских с горнами³⁴.

Особенность суздальского³⁵ изразцового производства – запаздывание в сравнении с Москвой. Традиционные рамочные изразцы изготавливали в Суздале до 1670-х гг., а отдельные разновидности дожили до начала XVIII в. Устойчиво сохранялись и технические детали, прежде всего румпы: они в Суздале долго, до середины XVIII в., остаются архаичными, коробчатыми, так что румпа изразца с орлом не является ранним признаком: изразец можно отнести ко второй половине XVII в.

Возвращаясь к событиям 1851 г., отметим, что находка в Суздальском кремле – не единственный сюжет, связывающий графа А. С. Уварова с ранней стадией изучения русских изразцов. В документах о его пребывании в Суздале обнаружили факты для исследования и решения еще одной музейно-историографической проблемы – истории появления в усадьбе Уваровых Поречье печи из Суздальского архиерейского дома. Этот сюжет, несомненно, заслуживает отдельного изложения, здесь скажу о нем лишь вкратце.

Мое внимание привлекли два письма Владимирского епископа Иустина, в которых он заверяет

³² Подробнее см.: Баранова С. И. Геральдические орлы в московской фасадной керамике XVII в. – элемент декора и эмблема государства // Искусство христианского мира. М., 2004. Вып. 8. С. 260–270; Она же. Московский архитектурный изразец XVII века в собрании МГОМЗ. Каталог. М., 2013.

³³ Они рано привлекли внимания исследователей, но работа А. И. Иванова «Забывтое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края» (1930) долго оставалась единственной, хотя отдельные изразцы публиковались: А. В. Филиппов «Древнерусские изразцы» (1938), С. А. Маслих «Русское изразцовое искусство XV–XIX веков» (1976, 1983). Главную работу по изучению суздальского изразца проделала Н. И. Немцова (диссертационное сочинение «Методика исследования, реставрации и реконструкции русских изразцовых печей XVII–XVIII вв. на материале Владимирской области» (1991); статьи «Новые материалы о суздальском изразцовом искусстве» (1990) и «Владими́ро-суздальские рамочные изразцы» (1991). В настоящее время архив Н. И. Немцовой, переданный ею в МГОМЗ, готовится к приемке.

³⁴ Подробнее см.: Немцова Н. И. Новые материалы о суздальском изразцовом искусстве // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник, 1989. М., 1990. С. 341–349.

³⁵ Наряду с владимирским и александровским. Черты провинциальных русских изразцовых центров на ранней стадии: незначительные размеры партий, отсутствие постоянной профессиональной группы изразечников, вследствие чего – неравномерное качество изделий, разная интенсивность деятельности. Но одновременно и черты самобытности.

графа Уварова, что готов уступить ему «кафельную печь» при условии пожертвования денег³⁶ «для устройства новой печи», ведь старая «дошла до такой степени ветхости и повреждения, что сделалась совершенно неспособною не только к употреблению, но даже и исправлению». Новая печь была оплачена³⁷, а старая украсила «Порецкий музей»³⁸ – один из первых частных музеев России. Это была печь второй половины XVIII в. с раппортными гладкими расписными (коричневая и зеленая роспись на белом фоне) сюжетными изразцами. К сожалению, в «Указателе» 1850-х гг. она не упомянута³⁹.

Исследование показало, что эта изразцовая печь не была единственной в Поречье. Еще в 1892 г. графиней Прасковьей Сергеевной Уваровой в собрание Исторического музея была передана большая коллекция «кафлей печных расписных»⁴⁰. Документального подтверждения их суздальского происхождения нет, но велика вероятность, что это изразцы от печей бывшего архиерейского дома. Еще в 1930 г. Иванов, со ссылкой на работу Н. Артлебена⁴¹, писал: «Раньше их (печей. – С. Б.) было пять, но две пропали неизвестно куда, а третья перевезена во Владимирский музей, где и находится до настоящего времени»⁴². В настоящее время в Суздале экспонируется три печи.

³⁶ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 208. Переписка, отношения, открытый лист А. С. Уварову на раскопки близ Суздаля 26 апреля 1851 г. Л. 50.

³⁷ Там же. Л. 50 об.

³⁸ Основан графом С. С. Уваровым в 1830-е гг.; с 1850-х гг. доступен для посещения. В собрании были многочисленные произведения западноевропейской живописи и скульптуры, книги, рукописи. Пополнением, изучением, систематизацией собрания занимались затем А. С. Уваров (1825–1884) и П. С. Уварова (1840–1924). При графе А. С. Уварове собрание пополнили русские древности.

³⁹ Указатель Порецкого музеума для посетителей. М., 1853. См.: Полякова М. А. Усадьба Поречье Уваровых в культуре России. М., 2014. С. 94, 95.

⁴⁰ ГИМ. Инвентарь коллекциям Императорского Исторического музея (20895–29672). С. 274. 16 апреля 1892 г. записан под номером 25415 как дар графини П. С. Уваровой – «Кафли печные расписные:

больших 94 шт.
плитками 76
карнизов 1200
карнизов угольников 170 шт.
колонок 8
поясов кафельных 1150».

Часть изразцов использовались в реконструкции печи на выставке «Русский изразец» в филиале ГИМ «Новодевичий монастырь» в 1980-х гг. Реконструкция опубликована С. А. Маслихом с упоминанием о том, что «печь собрана сотрудниками отдела керамики ГИМ из изразцов печи, бывшей в усадьбе археолога С. А. Уварова» (Маслих С. А. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М., 1983. № 242). В 1962 г. часть изразцов была передана в МГОМЗ.

⁴¹ Артлебен Н. Кафельная печь в архиерейском доме в Суздале // Известия Императорского Археологического общества. Т. 4. Вып. 4. СПб., 1863. Стб. 334–337.

⁴² Иванов А. И. Забывтое производство. Очерк изразцовой промышленности Владимирского края. Владимир, 1930. С. 34.

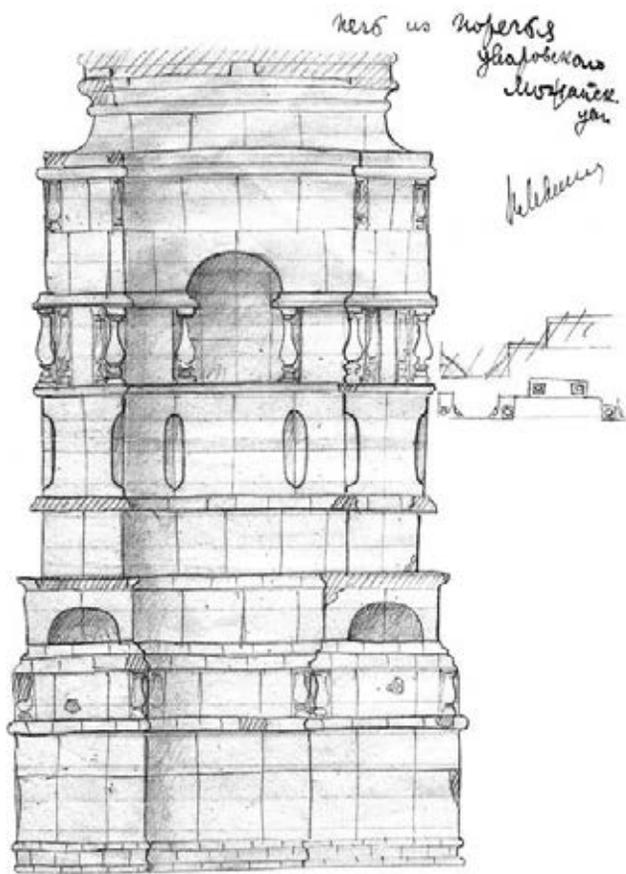

Рис. 7. А. Р. Левинсон. Зарисовка печи в усадьбе Уваровых Поречье. 1934 г. Архив отдела керамики ГИМ

Судьба суздальской печи до конца не ясна. Известно, что в 1929 г.⁴³ было принято решение вывезти изразцовую печь из усадьбы в Дом Красной армии⁴⁴, а в 1934 г. в ГИМ А. Р. Левинсоном была передана «изразцовая печь усадебная, принадлежала крупному помещику графу Уварову», которая состояла из «845 штук фигурных и простых изразцов из Суздаля»⁴⁵ (рис. 7). Идет ли здесь речь о двух разных печах или одной, изменившей маршрут доставки, пока неизвестно⁴⁶.

⁴³ По инициативе владельцев часть коллекции «Порецкого музеума» еще до революции была подарена Российскому историческому музею, а после революции туда же поступил ценнейший семейный архив и библиотека Уваровых, а также значительная часть собрания.

⁴⁴ Следы изразцовой печи из Суздаля не удалось найти ни в Культурном центре Вооруженных сил РФ (правопреемник Центрального дома Красной армии), ни в Центральном музее Вооруженных сил, куда могли попасть предметы из ЦДКА.

⁴⁵ А. Р. Левинсон выполнил зарисовки печи, хранящейся в отделе керамики ГИМ. Судя по ним, перед перевозкой печь находилась в усадьбе в собранном виде.

⁴⁶ Приношу глубокую благодарность И. И. Сергиенко, оказавшей неоценимую помощь в работе над публикацией.

В Поречье свозились изразцы не только из Суздаля. На фотографии одного из залов музея в витрине видны изразцы из декора разобранного в 1874 г. здания Главной аптеки, на месте которого затем был построен Исторический музей (рис. 8).

Итак, вывезенные А. С. Уваровым из Суздаля изразцы оказались в собрании двух московских музеев, хранящих ныне крупнейшие коллекции русских изразцов. Очевидно, что изразцы заинтересовали графа. И не только его. Тогда же, в 1851 г., Императорское Русское археологическое общество, «желая привести в известность русские древние памятники», предложило «просвещенным соотечественникам» участвовать в сборе сведений, в том числе и об изразцах. В свою очередь, в 1853 г. А. С. Уваров задал тему и выделил деньги на премию, которую получил И. Е. Забелин, написав одну из первых работ о русском изразце «Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России»⁴⁷.

А ведь в то время изразцовые элементы фасадов зданий и печей едва попадали в поле зрения исследователей. В середине XIX в., в эпоху историзма, закреплявшегося в общественном сознании, интерес к национальному наследию обрел черты научного подхода. Изразец был осознан как одно из самобытных проявлений русской средневековой культуры. Архивисты-историки и архитекторы-реставраторы заинтересовались им почти одновременно. Результаты натуральных наблюдений частично отражались в публикациях. В середине столетия архитектор Ф. Ф. Рихтер в известном увраже⁴⁸ впервые показал важность изразцового декора для Теремного двorca в Московском Кремле, Крутицкого теремка, церкви Николая на Берсеневке и Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря⁴⁹. Одновременно и отчасти в связи с работой Рихтера вышли в свет исследования историков, собравших источники для изучения изразца и истории их производства⁵⁰.

Археологические находки изразцов привлекают внимание гораздо позже и будут носить случайный характер. В Москве в 1872 г. красные изразцы «мо-

⁴⁷ Забелин И. Е. Историческое обозрение финифтяного и ценнинного дела в России // ЗАО. СПб., 1853. Т. 6. С. 238–338.

⁴⁸ Рихтер Ф. Ф. Памятники древнего русского зодчества, снятые с природы и представленные в планах, фасадах, разрезах с замечательнейшими деталями украшений каменной высеки и живописи. М., 1850–1856.

⁴⁹ Подробнее см.: Баранова С. И. Архитектор Ф. Ф. Рихтер – первый исследователь русского изразца // Вестник ПСТГУ. М., 2011. Вып. 2 (5). С. 163–179.

⁵⁰ В работе И. П. Сахарова «Ценнинные произведения» (с. 77) отмечалось: «эта особая отрасль скульптурного производства (terracotta) не была еще исследована русскими археологами; нигде не было еще напечатано ни одного верного рисунка» и далее: «В русской литературе не было издано ни одного сочинения о ценнинных произведениях. Даже слово «ценина» недавно появилось в исследованиях русских древностей» (с. 79).

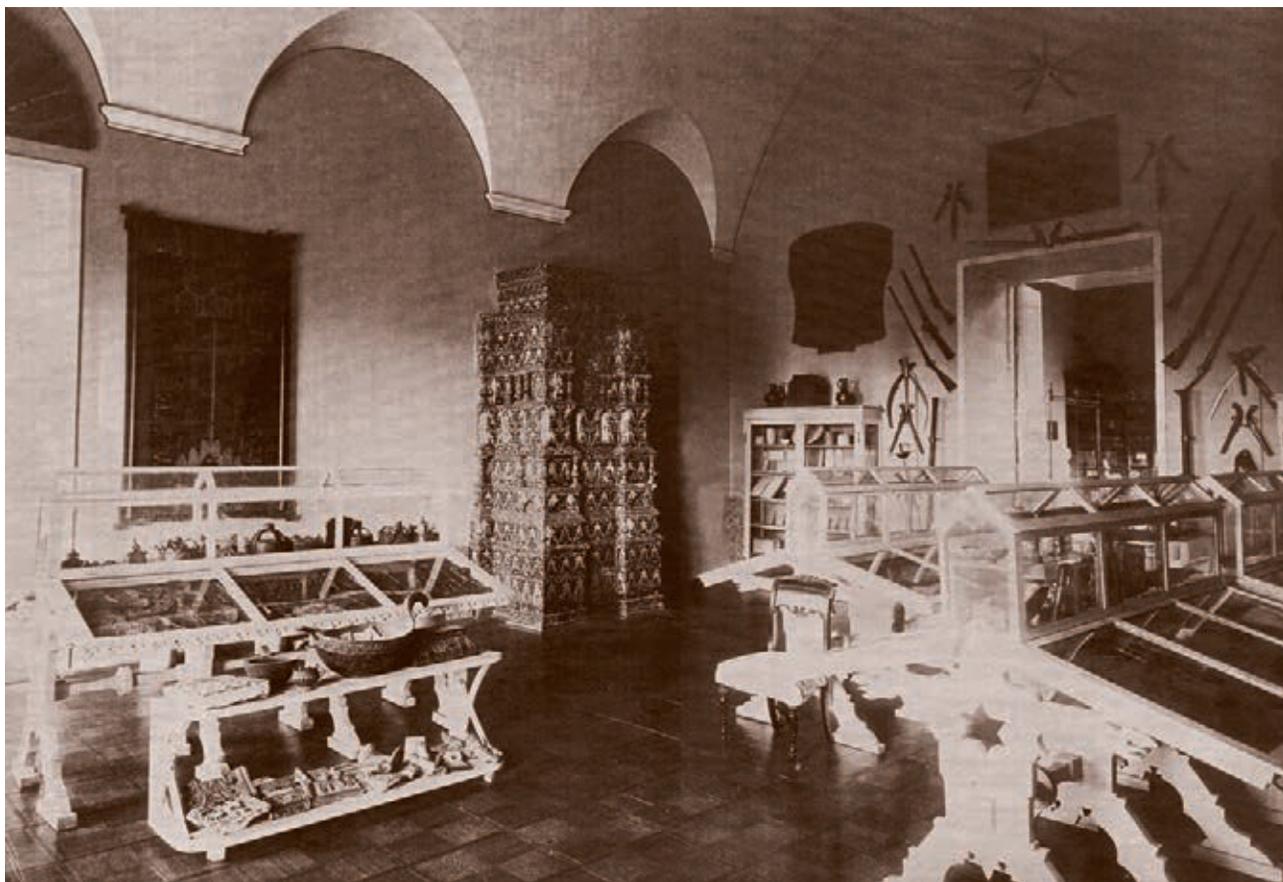

Рис. 8. Изразцовая печь в усадьбе Уваровых Поречье. Фото конца XIX в. Архив автора

сковского» периода обнаружил в Кремле архитектор Н. А. Шохин⁵¹. Во многом определяющей стала находка, сделанная в начале 1890-х гг. при работах на месте постройки памятника императору Александру II в Московском Кремле.

В 1894 г. часть неполивных изразцов опубликовал нашедший их архитектор Н. В. Султанов⁵², который дал им название «красные». Н. В. Султанов писал, что красные изразцы «до сих пор еще почти не были обследованы в нашей археологической науке, и только раскопки последнего времени дали несколько образцов ... и в большинстве являются более или менее случайными археологическими находками»⁵³. Название прижилось, так как фик-

сировало не только цвет обожженной глины, но и определенную форму изразца, состав печного набора и даже тип печи – «готический». Через год, «согласно воле в бозе почившего Государя Императора, в Музей (Исторический музей. – С. Б.) препровождены Высочайше учрежденным Комитетом по сооружению в Москве памятника Александру II 196 изразцов цветных без поливы и 12 красных изразцов, найденных на месте постройки памятника»⁵⁴.

Немного ранее, в 1893 г., в Исторический музей были переданы изразцы, собранные при строительстве на углу Немецкой улицы и Кирочного переулка⁵⁵, а также красный изразец, обнаруженный при проведении канализационных работ в слое Красной площади⁵⁶.

⁵¹ Шохин Н. А. Сборник очерков и детальных рисунков русских старинных построек. М., 1872. Дет. № 5. «Кахели, открытые в 1872 г. на дворе Николаевского дворца в Москве»; также см.: Филиппов А. В. Древнерусские изразцы. Вып. 1. М., 1938. Ил. 26, 27.

⁵² Султанов Н. В. Указ. соч. С. 376.

⁵³ Там же. С. 369. Аналогичные сведения о находке изразца в Суздале приводятся в статье «Древнерусские красные изразцы», повторяющей статью Н. В. Султанова 1894 г., но написанную от неизвестного лица в 1895 г. Есть все основания предполагать, что ее автором был Н. В. Сул-

танов. См.: Древнерусские красные изразцы // Неделя строителя. 1895. № 22. С. 115–116; № 23. С. 121–123.

⁵⁴ Отчет Императорского Российского Исторического музея имени Императора Александра III в Москве за 1883–1908 годы. М., 1916. С. 8.

⁵⁵ Султанов Н. В. Указ. соч. С. 372; Филиппов А. В. Древнерусские изразцы. Вып. 1. Ил. 22, 51, 54.

⁵⁶ Султанов Н. В. Указ. соч. С. 381; Филиппов А. В. Древнерусские изразцы. Вып. 1. Ил. 32.

Находки сформировали коллекции, что не только позволило сохранить артефакты, но и придало им статус музейных предметов, обеспечив внимание к отдельно взятому изразцу. Создаваемая в Историческом музее коллекция вызвала интерес у членов императорской семьи. И. Е. Забелин, описывая посещение 11 января 1889 г. музея великим князем, отметил, что тот «особенно был доволен разнообразием собираемых изразцов»⁵⁷. Когда в 1891 г., приехав в музей, «Великая княгиня расспросила о находках в Кремле, что заме-

⁵⁷ Дулькина Т.И. История отдела керамики и стекла Государственного исторического музея (конец XIX в. – 1950-е гг.). М., 2002. С. 18.

чательного», И. Е. Забелин «указал на богатство изразцов»⁵⁸.

Благодаря исследователям XIX в. к началу XX столетия общество уже восприняло изразец как один из элементов русской национальной традиции. Археологические изразцы стали объектом исследования, что во многом было обеспечено новыми направлениями в их изучении – включением в научный процесс полевой археологии и собиранием их музеями, начало которым положил граф Алексей Сергеевич Уваров. Первая публикация этих находок А. С. Уварова – дань славной истории русской археологии, память о которой хранится в недрах музейных собраний.

⁵⁸ Там же. С. 19.

Summary

S. I. Baranova

The Suzdal Eagle – a Tile, Count A. S. Uvarov and Moscow Museum Collections

The universally acknowledged contribution of A. S. Uvarov to the establishment of the archaeology of the «Burial-mound Period» in the Vladimir-Suzdal principality came to overshadow the finds he made at the same time in the urban habitation levels and inside buildings of 17th-century Suzdal. Yet his documentation and the objects he found, which are still to be seen today in the country's museums, demonstrate that this Count and archaeologist has every right to be recognized as one of the first (if not simply the first) among scholars who appreciated the importance for the history of Russia of such structures as tiled stoves and the elements from which they were assembled – the tiles themselves. Moreover this work shows Count Uvarov to have been one of the first scholars, who recognized the importance of studying the archaeology of the state of Muscovy.

In the article the reader is presented with material which demonstrates the apt nature of this assessment. During the first season of his archaeological work in 1851, A. S. Uvarov not only discovered and investigated the tombs of the Pozharsky princes, but he also carried out excavations in the Suzdal Kremlin and discovered a series of early unglazed tiles decorated in relief, which prior to that had been virtually unknown to archaeologists and which had not survived elsewhere as elements used for decorating stoves. Among these was a symboli-

cally significant specimen on which there was a depiction of a double-headed eagle. It made an undeniable impression on Uvarov's contemporaries and was mentioned in the academic literature until the period immediately after the October Revolution, when attention was drawn to the eagle along with other finds of Uvarov's by A. V. Filippov, a specialist in the technology of pottery production. Later on, however, all traces of the tile were lost and the depictions on it were forgotten. The article contains an account of the long journey through museums and archives which proved necessary in order to re-establish the beginning of the object's history. That was followed by the search for the depictions on it and finally the discovery of surviving fragments in the collection of the «Kolomenskoye» Museum (a combined museum and archaeological park in the outskirts of Moscow).

Due credit is paid to A. S. Uvarov's work to restore the stoves, which were still intact in prosperous residences: two of them were dismantled and then brought to the Porechie Estate, to Uvarov's renowned «Museum». The tasks still outstanding for further work on the reconstruction of what was found during Count Uvarov's excavations, using methods for multi-disciplinary research in museum and archive studies, have duly been formulated and this will facilitate attribution and other aspects of the work required.

Экспедиция К. Ф. Калайдовича и начало изучения владими́ро-сузда́льских древностей

В начале XIX в., когда для изучения русской истории обратились к собиранию древностей, в этом нелегком деле появились свои знатоки и энтузиасты. Благодаря их самоотверженной деятельности многие памятники древнерусской культуры были спасены от гибели и дошли до наших дней. Так, самым крупным центром собирания древнерусских рукописей был кружок графа Николая Петровича Румянцева. Экспедиции членов румянцева кружка открыли научному миру древнейшие русские рукописи, уникальные источники по отечественной истории¹. Историк русской археологии В. П. Козлов даже назвал эту плеяду ученых «колумбами российских древностей»². В кружок Румянцева входил и молодой историк Константин Федорович Калайдович.

К. Ф. Калайдович был сыном врача Федора Петровича Калайдовича³. В 1811 г. он окончил Московский университет, выступил в печати с несколькими статьями об изучении русских древностей и поступил служить в Московский главный архив Министерства иностранных дел – главный центр исторических изысканий в Москве того времени. Но прослужил там недолго, поскольку началась Отечественная война. Патриотически настроенный Константин Калайдович вступил в ополчение и отправился воевать. Материальное положение его было столь незавидным, что даже ополченский мундир ему был «построен» на благотворительные сред-

ства. За время хозяйничанья французской армии в Москве дом Калайдовичей сгорел, и вернувшийся с войны Константин Федорович в первое время не имел ни средств к существованию, ни пристанища. К 1813 г. относится его знакомство с Н. П. Румянцевым, которому молодой и энергичный историк пришелся по душе. Калайдович получает первые научные поручения от Румянцева, продолжает свою работу в архиве Министерства иностранных дел, вступает в Общество истории и древностей российских при Московском университете. В начале 1814 г. Калайдович уговаривает своего приятеля Александра Абрамовича Волкова передать в Московский архив Министерства иностранных дел небольшую коллекцию древних рукописей, доставшуюся тому от отца, известного литератора и масона Авраама Сергеевича Волкова⁴. Принесенные в дар архиву рукописи воспринимались в то время как благотворительная помощь русского патриота разоренной древней столице. Как известно, в пожаре Москвы 1812 г. погибло немало древних рукописей. Волков, конечно, был не единственным дарителем, но одним из первых в разоренной послевоенной Москве. Его почин – во многом заслуга Калайдовича, уговорившего приятеля расстаться с рукописями. Обыкновение дарить Московскому архиву древние рукописи из личных собраний в последующие годы закрепилось и обогатило русскую науку десятками ценных источников.

В разносторонней деятельности Калайдовича, который кроме занятий историей писал и публиковал стихи, было еще одно увлечение. Его брат, Федор Федорович Калайдович проживал и слу-

¹ См. об этом: Козлов В. П. Русская археология конца XVIII – первой четверти XIX в. М., 1999.

² Козлов В. П. Колумбы российских древностей. М., 1981.

³ Наиболее обстоятельная биография К. Ф. Калайдовича написана еще в XIX в.: Бессонов П. А. К. Ф. Калайдович. Биографический очерк // Чтения Общества истории и древностей российских. 1862. Кн. 3. Отд. 1.

⁴ См. об этом: Сиренов А. В. К истории изучения Волковского списка Степенной книги // Историография и источниковедение отечественной истории: сб. научных статей и сообщений. СПб., 2001. С. 196–205.

жил во Владимире. Близкие отношения, которые связывали братьев, а также неподдельный интерес к владими́ро-суздальским древностям влекли Константина Федоровича во Владимир. Прежде чем приехать во Владимир, что в то время для стесненного в средствах молодого чиновника было непросто, Константин расспрашивал брата о владимирских и суздальских древностях, на что тот обстоятельно отвечал в письмах: «Вот тебе, по требованию твоему, шпашак и копыя, да еще в прибавок биография почившего Василия Сергеевича Подшивалова, писанная его собственною рукою в болезни незадолго до смерти, к сожалению, она не кончена» (письмо от 24 октября 1813 г.⁵); «О Суздальской летописи не совсем отчаиваюсь, ибо Д. И. нам директор обещается доставить» (письмо от 9 января 1814 г.⁶); «О Суздальской летописи ничего хорошего не могу тебе сказать, ибо от обоих в Суздале находящихся учителей не мог ничего добиться толкового» (письмо от 14 ноября 1814 г.⁷). Упоминаемый в письме от 24 октября 1813 г. шпашак, т.е. шлем особой конструкции, хранился во владимирском Успенском соборе при древней гробнице сына Андрея Боголюбского князя Изяслава Андреевича. Сделанный Ф.Ф.Калайдовичем для брата рисунок этого шлема, довольно неискусный и даже небрежный, был опубликован в приложении к статье «Краткое известие о владимирских древностях», изданной под именем Ф.Ф.Калайдовича в 1815 г.⁸ По-видимому, перед нами те сведения о владимирских древностях, которые Ф.Ф.Калайдович собрал для брата. Крайне щепетильный во всем, что касалось научных изысканий, К.Ф.Калайдович не мог воспользоваться сведениями, собранными для него другим лицом, и решил сначала опубликовать их. Суздальской летописью Ф.Ф.Калайдович называет сочинение XVIII в. об истории Суздаля, опубликованное в 1791 г.⁹

Наконец, в декабре 1814 г. К.Ф.Калайдович приезжает во Владимир. Те шестнадцать дней, которые

⁵ Калайдович Ф.Ф. Письма К.Ф.Калайдовичу // РНБ. Ф.328 (К.Ф.Калайдович). Д.378. Л.7. О Василии Сергеевиче Подшивалове, литераторе и переводчике, который 13 декабря 1810 г. был назначен председателем Владимирской гражданской палаты и умер 31 июля 1813 г., см.: Модзалевский Б.Л. Подшивалов Василий Сергеевич // Русский биографический словарь. Т. 14: Плавильщиков-Примо. СПб., 1905. С.216–220.

⁶ Калайдович Ф.Ф. Письма К.Ф. Калайдовичу // РНБ. Ф.328 (К.Ф.Калайдович) 378. Л.8 об.

⁷ Там же. Л.14.

⁸ Краткое известие о владимирских древностях, сообщенное Ф.Ф.Калайдовичем // Записки и труды Общества истории и древностей российских. М., 1815. Ч.1. С.159–163.

⁹ Летопись о построении града Суздаля и в нем монастырей и о бытии и о преставлении суздальских чудотворцев и о родословии российских князей вкратце // Древняя российская вивлиофика. М., 1791. Ч.19. С.358–367.

он пробыл во Владимирской губернии, были наполнены самыми разными событиями. О них мы знаем из имеющихся в нашем распоряжении источников: путевого дневника К.Ф.Калайдовича¹⁰, рапорта ковровского городничего Сыроватского владимирскому генерал-губернатору А.Н.Супоневу¹¹ и различных упоминаний в личной переписке К.Ф.Калайдовича, а также отдельных материалов его архива¹². Итак, проследуем с К.Ф.Калайдовичем в его поездке по Владимирской губернии. Подчеркнем, что перед нами первая научная экспедиция во Владимир и Суздаль, изучение богатого наследия которых в те времена еще не начиналось. В первую очередь по этой причине результаты поездки К.Ф.Калайдовича имеют непреходящую ценность.

25 декабря. Выезд из Москвы. Калайдович имел открытый лист на свое имя за подписью председателя Общества истории и древностей российских Бекетова. Этот документ сообщал в общем-то частной поездке Калайдовича статус археографической экспедиции. Однако, как видно из дальнейших событий, открытый лист не всегда производил нужное впечатление, тем более, что он был написан рукой самого Калайдовича.

27 декабря 1814 г. Приезд во Владимир, а оттуда в тот же день – в Суздаль.

28 декабря 1814 г. Исследование церковных библиотек и архивов Суздаля. Археограф познакомился с описью книг Рождественского собора, древностями монастырей Спасо-Евфимьевского, Покровского, Васильевского и Ризоположенского, в чем ему способствовал суздальский благочинный. Из соборной библиотеки была взята рукопись сочинения суздальского историка XVIII в. Аналия Федорова «Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале». В Спасо-Евфимьевском монастыре внимание исследователя привлекли рукописи и печатные книги. Архимандрит этой древней обители Мельхиседек разрешил Калайдовичу взять во временное пользование пражское издание Библии Франциска Скорины 1518 г., Апостол киевского издания 1630 г., «Свиток печатанный», а также рукописи: список Кормчей книги (это рукопись ВСМЗ 5636/399 – Кормчая редакции Вассиа-

¹⁰ РНБ. Ф.328 (К.Ф.Калайдович). Д.18. Л.1–2 об.

¹¹ Этот крайне важный для нашей статьи документ был обнаружен и опубликован Г.Д.Овчинниковым (Овчинников Г.Д. Ковровский эпизод в биографии К.Ф.Калайдовича // Рождественские чтения. Ковров, 1994. Вып.1. С.27–33; Его же. Владимирский эпизод из жизни К.Ф.Калайдовича // Отечественные архивы. 2000. №3. С.58–60).

¹² Некоторые результаты поездки Калайдовича во Владимир и Суздаль в 1814–1815 гг., а также повествующие о ней источники были учтены В.П.Козловым (Козлов В.П. К.Ф.Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в первой трети XIX века: дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С.50, 202, 203, 214, 215), но сама поездка как научная экспедиция в литературе не рассматривалась.

на Патрикеева), «О поставлении митрополитов» и сборник житий. 28 декабря Калайдович взял еще несколько книг из монастырской библиотеки и уже на следующий день некоторые из них вернул, о чем свидетельствует письмо к нему архим. Мельхиседека: «Ваше благородие милостивый государь! Две книги Требника Петра Могилы я получил обратно и из реэстра, Вами данного, вычернил»¹³. Из этого письма следует также, что Калайдович в монастыре интересовался также иконами и спрашивал о знатоках местных древностей. Архим. Мельхиседек на это сообщил: «О старце Григорие я понимаю [слово нрзб.] слышно, что находится в таком же положении, как и прежде, занимаюсь хмельными напитками. Икон, обозначенных Вами, ни одной у меня нет»¹⁴. При посещении монастыря Калайдович обратил внимание на колокол – вклад Дмитрия Пожарского, услышал рассказ о родовой усыпальнице Пожарских, но следов ее не обнаружил, о чем записал в дневнике: «Были также и гробы князей Пожарских и, может, знаменитого Димитрия, но невежество лет за 20 назад употребило их на церковные потребности и изгладило подписи». Выписал статью о поминании рода Пожарских из монастырского синодика. Заинтересовали Калайдовича и арестанты монастырской тюрьмы. Спасо-Евфимьев монастырь был известен своими казематами, где содержались лица, совершившие преступление против церкви. В 1814 г. там пребывал психически больной сын министра народного просвещения А. К. Разумовского. Калайдович, служивший в этом ведомстве, пожелал взглянуть на заключенного и описал свои впечатления: «В сем монастыре содержатся преступники. Одного я видел. Это сын нашего министра. Не понимаю, зачем его держат. Он не буян и в полном уме. Впрочем, малой самой прелестной и угрюмой, может быть, от долгого заключения». Написав эти строки, Калайдович не мог знать, что через каких-нибудь два месяца сам окажется в подобном положении.

В Ризоположенском монастыре обнаружил только рукописное Житие Евфросинии Суздальской. В Покровском монастыре его внимание привлекла надпись на стене собора о его росписи и древние захоронения в соборном подклете. Из археографических находок – «один старинный сверток, не внесенный в реэстр». В Васильевском монастыре удалось найти только рукописную службу в честь

Полтавской победы. Вечер 28 декабря, надо думать, был посвящен более подробному знакомству с рукописями и печатными книгами, взятыми в Спасо-Евфимьевском монастыре.

29 декабря 1814 г. Возможно, в этот день, а не 28 декабря, состоялось посещение Покровского и Васильевского монастырей. Наверняка вновь посетил Спасо-Евфимьев монастырь. В это посещение получил в подарок от архимандрита две рукописи: список Посыльной грамоты новгородского архиепископа Леонида митрополиту Кириллу 1574 г. и рукописный сборник со статьями об убиении Андрея Боголюбского, Батые, кончине Александра Невского, Меркурии Смоленском и др. В тот же день осмотрел архивы некоторых приходских храмов. Находка его ждала только в Успенской церкви. В ней обратил внимание на византийскую икону древнего письма. Но самым интересным оказалась находка, сделанная в алтаре главного храма в 1811 г., т. е. за три года до описываемых событий. Из тайника в стене тогда извлекли ящик с царскими жалованными грамотами и другими документами числом около двадцати, среди которых была летопись. Самая ранняя из грамот датировалась правлением Ивана Грозного, остальные относились ко второй половине XVII в. Калайдович взял ящик с документами под расписку. Видимо, вскоре (может быть, на следующий день) он вернул их обратно. Во всяком случае, они среди его вещей не числятся. Характерно, что, завершая обозрение суздальских древностей, он дал поручение благочинному собрать в приходских церквях описи имущества и представить их ему в следующий приезд.

30 декабря 1814 г. Утром был завершён осмотр суздальских древностей, а затем Калайдович выехал в Ковров, другой уездный город Владимирской губернии, находящийся от Суздаля в 70-ти километрах. У путешественника была выданная владимирским генерал-губернатором подорожная от Владимира до Суздаля, по которой на почтовой станции ему должны были предоставить пару курьерских лошадей. Поэтому можно думать, что дорога до Коврова заняла немного времени. Поскольку в Коврове Калайдович прибыл около четырех часов вечера, из Суздаля он должен был выехать в полдень. Путь лежал через Кидекшу – древнее село с церковью Бориса и Глеба, построенной в XII в. Видимо, в Кидекше Калайдович не остановился, торопясь добраться засветло до Коврова. По приезде в город явился к городничему с просьбой о содействии в знакомстве с древностями, но получил ответ, что в Коврове таковых не имеется. Тогда путешественник отправился на почтовую станцию заказать лошадей (по-видимому, до Суздаля). Ему отказали и в этом. Кроме того, почтмейстер усомнился в подлинности подорожной: показался странным исходящий номер – трехзначный, хотя в конце года приходящие от

¹³ Мельхиседек, архим Спасо-Евфимиева м-ря. Письма К. Ф. Калайдовичу // РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 404. Л. 3. Другие взятые из Спасо-Евфимьева монастыря рукописи Калайдович вернул во второе посещение Суздаля в начале января 1815 г., о чем см. ниже. Издания Ф. Скорины и сочинение Анания Федорова историк увез в Москву и только в марте 1818 г. после неоднократных настоятельных просьб архим. Мельхиседека вернул их в монастырскую библиотеку (Там же. Л. 1–2, 5–5 об., 7, 8).

¹⁴ Там же. Л. 3.

губернатора официальные бумаги имели четырехзначный номер. Не получив лошадей, Калайдович отправился ужинать в дом местного священника. Здесь произошел конфликт, о котором мы знаем со слов ковровского городничего. Тот старался представить Калайдовича скандальным, склонным к буйству и пьянству молодым офицером, каковые наверняка встречались на российских дорогах в то послевоенное время. Тем более что Калайдович по недостатку средств носил свой старый ополченский мундир. Словом, Калайдович был арестован.

31 декабря 1814 г. Допрос Калайдовича ковровским городничим и внимательное изучение последним бывших при Калайдовиче документов, в результате чего выяснилось, что подорожная из Владимира в Суздаль поддельная. Новый 1815 год Константин Федорович Калайдович встретил в заключении.

1 января 1815 г. Калайдовича доставили, видимо, под охраной, из Коврова во Владимир к губернатору, который выдал ему билет на свободный проезд в Москву с обязательной явкой там к своему начальству для дачи объяснений. Однако вместо отъезда в Москву Калайдович продолжил знакомство с владими́ро-суздальскими древностями¹⁵.

2–6 января 1815 г. За пять дней пребывания во Владимире Калайдович познакомился с архимандритом Боголюбовского монастыря Августином¹⁶, протоиереем Дмитриевского собора, побывал в Успенском соборе. К этому времени, по всей видимости, относится его «Записка о погребенных в губернском городе Владимире князьях, княгинях и княжнах», сохранившаяся в архиве историка¹⁷. В ней автор подробно и обстоятельно описывает древние княжеские гробницы в Успенском соборе и Княгининном монастыре. Несомненную ценность представляют указания на особенности надгробных надписей – здесь сказался интерес Калайдовича к источниковедению, одна из наиболее ярких черт его исследовательского почерка: «Надписи на стенах и гробах, равно как и самые деревянные зеленою краскою окрашенные гробы сделаны во недавнем времени последнего возобновления собора суммою, отпущенною по высочайшему повелению путешествовавшей чрез Владимир в Казань Великой Екатерины. В девичьем Абрамиевом монастыре

¹⁵ Об этом мы узнаем из его путевых заметок: К[алайдови]ч К. Отрывок из путевых заметок // Сын Отечества: исторический, политический и литературный журнал. 1815. Ч. 21. С. 171–178.

¹⁶ В своих путевых заметках он неоднократно упоминает боголюбовского архимандрита (Там же. С. 171, 172, 177), но не называет его по имени. Из справочника П. М. Строева узнаем, что в 1808–1818 гг. Боголюбовским монастырем управлял архим. Августин (Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви / сост. П. Строев. СПб., 1877. Стб. 674).

¹⁷ РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 70. Л. 1–2.

в пределе Рождества Христова на южной стороне с правой руки иконостаса на деревянной доске длиною в 1½ арш[ина], а шириною в 3/4 аршина находится следующая надпись... И здесь все надписи (на коих не означено ни года, ни месяца, ни числа) также, как видно, сделаны в недавнем времени¹⁸. От дмитриевского протопопа Калайдович получил во временное пользование грамоту из архива Дмитриевского собора¹⁹, в Успенском соборе приобрел одну из старинных железных стрел. Были сделаны и другие приобретения: какой-то камень (возможно, один из камней Прокопия Устюжского), две иконы на металле и портрет Петра I²⁰.

6 января. Собираясь в Суздаль, Калайдович подготовил документ следующего содержания: «Росписку о получении в суздальском Рождественском соборе книги житий суздальских чудотворцев получил и другую о взятых и возвращенных мною книгах в Спасо-Ефимиев суздальский монастырь числом пяти также получил. Соборная у меня осталась Летопись суждальская, в лист, и монастырская: пять книг Моисеевых, в лист. Владимир, 6 января 1815 года. Действительный член Общества истории и древностей российских К. Калайдович»²¹. Он действительно увез с собой в Москву одну рукопись и пять печатных книг издания Франциска Скорины. В восемь часов вечера Калайдович отправился в Суздаль, но на этот раз решил сделать крюк и поехать через Боголюбово. До Боголюбова он доехал вместе с боголюбовским архимандритом, который показал ему древний монастырский собор с лестничной башней XII в. и церковь Покрова на Нерли. Внимание исследователя привлекли белокаменные кресты с полустертыми надписями: один у Покровской церкви, а другой по дороге из Боголюбова к селу Суходол. Ночевал Калайдович в Суходоле – селе на суздальской дороге. Это значит, что из Боголюбова он направился в Суздаль.

¹⁸ Там же. Л. 1–1 об.

¹⁹ Ныне: Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Собрание жалованных грамот. В–4125 (подробнее см.: Антонов А. В. Вотчинные архивы владимирских монастырей и соборов XIV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 216). Спустя полтора года, 10 августа 1816 г., брат ему писал: «Спешу извещением тебя, что денежных и книжных ни во Владимире, ни в Суждале на тебя нет претензий кроме грамоты, взятой тобою у нашего Дмитров[ского] соб[орного] протопопа» (Калайдович Ф. Ф. Письма К. Ф. Калайдовичу // РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 378. Л. 18).

²⁰ Об этом узнаем из того же письма брата: «Книги твои и бумаги я давно уже переслал к батюшке; железное же копьё, один камень, два образа желез[ные] и [слово нрзб.] сукном портрет Петра I-го находятся у меня, но к пересылке их на почте не принимают, а потому я и буду стараться при первом удобном случае с ездоками отправить в Москву» (Там же. Л. 18 об.).

²¹ Мельхиседек, архим. Спасо-Евфимиева м-ря. Письма к К. Ф. Калайдовичу // РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 404. Л. 8.

7 января 1815 г. Прибыл в Суздаль. Посетил священника церкви Косьмы и Дамиана Никифора Ананьина – судя по отчету, сына суздальского историка XVIII в. Анания Федорова. Получил от него список Исторического собрания о богоспасаемом граде Суждале, о чем выдал следующую расписку: «1815 года января 7 дня нижеподписавшийся взял Суждальскую летопись у священника Козьмы и Дамиана Никифора Ананьина с тем, чтобы оную обратно доставить. Подпоручик и действительный член Исторического общества К. Калайдович»²². По всей видимости, 7 или 8 января Калайдович посетил Троицкий монастырь и Вознесенскую церковь (бывший Александровский монастырь). К этому времени путевых заметок он уже не вел, и об обследовании этих обителей свидетельствуют документы, отложившиеся в его архиве: царские жалованные грамоты Александровскому монастырю за 1576–1722 гг. в копиях XVIII в.²³ и Троицкому монастырю за 1582–1734 гг.²⁴ Вывез Калайдович и подлинник благословенной грамоты суздальского архиепископа Стефана игуменье Троицкого монастыря на постройку монастырской церкви в 1675 г.²⁵

8 января 1815 г. Арестован в Суздале и препровожден во Владимир к губернатору.

9 января 1815 г. Выслан под конвоем в Москву к московскому обер-полицмейстеру. В сопроводительном письме владимирский генерал-губернатор

²² РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 22. Л. 37.

²³ РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 153.

²⁴ РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 535.

²⁵ РНБ. Ф. 328 (К. Ф. Калайдович). Д. 537.

охарактеризовал Калайдовича как «человека совершенно беспокойного, нетрезвого и дерзкого»²⁶.

11 января 1815 г. Доставлен в Москву.

С этого времени начинаются злоключения Калайдовича. Чтобы избавить сына от судебного преследования за подделку документов, Ф. П. Калайдович объявляет его душевнобольным и определяет в лечебницу для умалишенных. После полугодового пребывания в этом скорбном месте К. Ф. Калайдович получает свободу, но не полную. Он должен еще год прожить в монастыре «на покаянии». Труден был обратный путь к наукам, прерванным занятиям в архиве и Обществе истории, к участию в экспедициях румянцевского кружка. Во Владимир Калайдович больше не вернулся и владимирскими древностями больше не занимался. Да иного трудно было и ожидать от столь восприимчивого, легко ранимого человека, каким был Константин Федорович Калайдович. О поездке во Владимир ему наверняка было тяжело вспоминать.

Что приобрела бы наука от столь раннего описания и изучения памятников Владимира и Суздаля? Архивы и ризницы были еще не расхищены, древние храмы не искажены позднейшими реставрациями. Мы гораздо больше знали бы о прошлом Владимира и Суздаля, чем знаем сейчас. Но судьба распорядилась иначе: юношеское легкомыслие Калайдовича, въедливость ковровского почтмейстера – и едва начавшееся исследование оборвано.

²⁶ Цит. по: Овчинников Г. Д. Владимирский эпизод из жизни К. Ф. Калайдовича. С. 59.

Summary

A. V. Sirenov

The Expedition Led by K. F. Kalaidovich and the Initial Stages in the Study of Vladimir-Suzdal Antiquities

This article is devoted to the journey undertaken by the well-known historian and archaeographer, K. F. Kalaidovich, to Vladimir and Suzdal in order to study antiquities. K. F. Kalaidovich undertook his journey at the end of 1814 and beginning of 1815. He examined church archives and libraries in the cathedrals and monasteries of Vladimir and Suzdal and was the first scholar to describe the Church of the Intercession on the River Nerl. Ka-

laidovich had also planned to include Kovrov in his itinerary, but he was arrested there, because he had been travelling with a forged order for fresh post horses. Yet this did not stop the scholar going about his work and when Kalaidovich had been released, he continued his research, which ended up with his administrative deportation back to Moscow. That was how his first expedition aimed at the study of Vladimir-Suzdal antiquities ended.

Identität und Ethnizität im Frühmittelalter. Zur Rolle der Archäologie in der aktuellen Diskussion

Der Beitrag geht auf eine Anregung von Nikolaj Andreevič Makarov zurück, der mich bat, die aktuellen Forschungsdiskussionen in der deutschen Archäologie zusammenzufassen. Diesem Wunsch komme ich hiermit gerne nach, wobei ich den Schwerpunkt auf die Begriffe Ethnizität und Identität lege, da sie die Grundlagen unseres Faches berühren und darum besonders kontrovers diskutiert werden.

Einleitung

Welche Informationen lassen sich auf der Grundlage archäologischer Funde und Befunde gewinnen, wenn es um vergangene Identitäten geht? Bei dieser Frage geht es grundsätzlich um die historische Interpretation archäologischer Quellen. Wie und unter welchen Bedingungen erlauben Grabungsergebnisse Rückschlüsse auf vergangene Gruppenzugehörigkeiten? Welche methodischen Reflexionen sind damit verbunden? Aktuelle Debatten in Deutschland thematisieren vor allem die ethnische Interpretation in der Archäologie und stellen sie auf den Prüfstand. Doch es geht dabei nicht ausschließlich um ethnische Identitäten; zum Interpretationsspektrum gehören auch soziale, religiöse, kulturelle und andere Identitäten. Einen wichtigen Aspekt im Zusammenhang mit dieser Diskussion bilden die unterschiedlichen Forschungsperspektiven von Archäologen, Historikern, Ethnographen und Vertretern anderer Fachdisziplinen und die Rolle, die den zur Verfügungen stehenden Quellen beigemessen wird. Im Frühmittelalter entwickelte sich die politische Gliederung Europas in eine Welt von Völkern; gleichzeitig stellen in vielen Regionen archäologische Funde und Befunde die einzigen Quellen für diese Zeit dar. Gerade in der sowjetischen und postsowjetischen Archäologie spielten und spielen Fragen der Ethnogenese und die Suche nach vergangenen „Völkern“ eine zentrale Rolle. Häufig unterbleibt jedoch eine theoretische Reflexion. Im Folgenden soll gezeigt werden, in welcher Weise archäologische Funde und Befunde und ihre Aussagekraft aktuell hinterfragt werden.

Begriffsdefinitionen

Grundlegend sind die Begrifflichkeiten, denn das Verständnis dessen, was unter Identität und Ethnizität jeweils verstanden wird, weist ein weites Spektrum auf. Daher sollen eingangs die Begriffe erläutert werden. Beide Begriffe sind eng miteinander verbunden. Sie wurden überwiegend in den Nachbardisziplinen entwickelt, von denen die prähistorische Archäologie die Anregung für ihre Fragestellungen und Interpretationen bezog. Einzig der Begriff der archäologischen Kultur ist eine methodische Eigenentwicklung der Archäologie.

Der Begriff Identität findet vorwiegend in den Sozial- und Geisteswissenschaften Verwendung, wo er der Beschreibung von Individuen und Gruppen als relativ feste, in sich einheitliche Ganzheit dient. In den letzten zwei Jahrzehnten ist die Diskussion um die Identität in nahezu allen Kulturwissenschaften bemerkenswert angewachsen¹. Dabei ist dieser Begriff von zahlreichen Kontroversen begleitet². Die Ergebnisse der Diskussion sind kaum überschaubar, das Verständnis von Identität kann sehr unterschiedlich sein: statisch oder dynamisch, objektiv oder subjektiv, gesellschaftlich oder individuell, faktisch oder konstruiert³. Der Begriff Identität bezeichnet all-

¹ Vgl.: Müller-Scheeßel N., Burmeister S. Einführung: Die Identifizierung sozialer Gruppen. Die Erkenntnismöglichkeiten der Prähistorischen Archäologie auf dem Prüfstand // Soziale Gruppen – kulturelle Grenzen: Die Interpretation sozialer Identitäten in der Prähistorischen Archäologie/ Hrsg. S. Burmeister, N. Müller-Scheeßel. Münster; New York; München; Berlin, 2006. S. 9–38. (Tübinger Archäologische Taschenbücher; 5).

² Vgl.: Davidovic A. Identität – ein unscharfer Begriff: Identitätsdiskurse in den gegenwartsbezogenen Humanwissenschaften // Ibid. S. 39–58.

³ Pohl W. Identität und Widerspruch. Gedanken zu einer Sinngeschichte des Frühmittelalters // Die Suche nach den Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters / Hrsg. W. Pohl. Wien, 2004. S. 23–36. (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters; 8); Idem. Archaeology of identity: introduction // Archaeology of Identity – Archäologie der Identität / eds. W. Pohl, M. Mehofer. Wien, 2010. P. 10. (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters; 17).

gemein eine völlige Übereinstimmung, Gleichheit oder Einheit und stellt eine Bildung des 18. Jh. dar⁴. Identität bezeichnet keine qualitative Eigenschaft eines Individuums, sondern seine Beziehung zu anderen. Sie entwickelt, festigt oder verändert sich ausschließlich im Zusammenhang mit sozialen Interaktionen. Identität kann als bewusste und subjektive Selbst-Zuordnung von Individuen zu einer sozialen Gruppe oder kurz als das Bewusstsein sozialer Zugehörigkeiten beschrieben werden⁵. Identität *senso stricto* kann nur Individuen zugeschrieben werden, da nur jene über die notwendige Subjektivität für eine eigene Sinnzuschreibung verfügen. Soziale Gruppen bestehen allerdings nie aus „identischen“ Mitgliedern, sind nicht homogen. Eine Gruppenidentität ist daher nur in übertragenem, metaphorischem Sinne möglich. Vorstellungen „kollektiver Identitäten“ gehen auf die 1920er Jahre zurück und verdecken soziale Heterogenitäten, indem auf wenige, vordergründig übereinstimmende Merkmale Bezug genommen wird⁶. Seit Mitte der 1980er Jahre wurde es vor allem in den Politikwissenschaften gebräuchlich, von miteinander konkurrierenden Gruppenidentitäten zu sprechen, die allerdings *de facto* niemals feste Einheiten gebildet haben, sondern in zahlreiche kleinere Einheiten zerfallen und zwar letztlich in Individuen, die sich mit der einen oder anderen Gruppierung identifizieren können.

Die Problematik der Identität hat in der Neuzeit und Moderne eine andere Bedeutung als zuvor. In den frühmittelalterlichen Gesellschaften hing die Identität eines Individuums vorwiegend von seiner Herkunft und Zugehörigkeit zu einer bestimmten sozialen Schicht ab, die zu ändern es in der Regel keine Möglichkeit gab. Probleme der Selbstidentifikation, wie sie heute in modernen Gesellschaften geläufig sind, traten nicht auf.

Man kann zwischen einer individuellen und sozialen Ebene der Identität unterscheiden. Die persönliche, individuelle Identität umfasst die Charakteristika, die die Einzigartigkeit des Individuums ausmachen, während die soziale Identität das Ergebnis der Identifizierung des Individuums mit den Erwartungen und Normen der es umgebenden sozialen Umwelt ist. Die strenge Trennung dieser beiden Ebenen beispielsweise in eine innere und äußere Identität gelingt nicht, denn die Selbstwahrnehmung des Individuums ist zwangsläufig das Ergebnis der Internalisierung gesellschaftlicher Normen. Kein Individuum kann sich letztlich auf Dauer verschiedenen Gruppenidentitäten entziehen, ohne außerhalb der Gesellschaft zu stehen⁷. Gleichzeitig müssen

⁴ Brather S. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie. Geschichte, Grundlagen und Alternativen*. Berlin; New York, 2004. S. 97. (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde; Bd. 42).

⁵ *Ibid.*

⁶ Vgl.: Niethammer L. *Kollektive Identität. Heimliche Quellen einer unheimlichen Konjunktur*. Reinbek, 2000.

⁷ Yates F. A. *Gedächtnis und Erinnern. Mnemonik von Aristoteles bis Shakespeare*. Berlin, 1997; Brather S. *Op. cit.* S. 100.

die eigenen Vorstellungen nicht unbedingt damit übereinstimmen. Das eigene Ich bildet sich als Ergebnis der Wechselwirkung im Gleichgewicht zwischen individueller (persönlicher) und „personaler“ (sozialer) Identität. In einigen Fällen kann es zum Ungleichgewicht kommen (Randgruppen, Außenseiter), man spricht hier in der Soziologie von „Stigmatisierung“. Ein grundsätzliches methodisches Problem ist die Unterscheidung zwischen individueller (biographischer) und personaler (sozialer) Identität: im archäologischen Kontext lässt sich zwar das Individuum fassen (z. B. im Grab), doch die Rolle des Einzelnen innerhalb der sozialen Gruppe ist nur schwer zu beurteilen⁸. Von größerem historischem Interesse sind daher das Denken und Handeln von Gruppen.

Mit der Konstruktion von Identität ist stets der Aufbau von Alteritäten verbunden, da sich das Selbstverständnis nur angesichts des „Anderen“ gewinnen lässt⁹. Der Vergleich wird zum Instrument der Selbstvergewisserung¹⁰. Bedrohungen von außen können, selbst wenn die Kontakte nur punktuell waren, weitreichende Veränderungen auslösen¹¹. Die Übergänge zur Fremdheit sind jedoch fließend und müssen nicht im Extrem, der Feindschaft, münden¹². „Hybride“ Identitäten und Grenzüberschreitungen sind häufig und demonstrieren, wie flexibel Identitäten gehandhabt werden können¹³. Dazu kommt ein „Rollenverhalten“, das darauf zurückzuführen ist, dass Individuen mehrere kontextabhängige, fließende Gruppenzuordnungen besitzen.

In Abhängigkeit davon, was die Grundlage für die Identifizierung bildet, lassen sich verschiedene Typen sozialer Identität unterscheiden, deren Zugehörigkeiten sich im Verlaufe des Lebens ändern können: professionelle, ethnische, regionale, politische usw. Der Stellenwert der ethnischen Identität in der Persönlichkeitsstruktur kann sich ändern. Einerseits kann er eine geringe bis gar keine Rolle spielen (ethnischer Indifferentismus), andererseits kann er so stark in den Vordergrund treten, dass er andere Identifikationen des Individuums verdrängt.

⁸ Brather S. *Op. cit.* S. 98–99. Vgl.: Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München, 1992.

⁹ Grundlegend zum Zusammenhang von Identität und Alterität: Assmann J. *Op. cit.*

¹⁰ Förster T. *Vergleich und Identität. Selbst- und Fremdeutung im Norden des hochmittelalterlichen Europa*. Berlin, 2009. S. 8–9. (Europa im Mittelalter; 14).

¹¹ Beispiele dafür sind die östlichen Reitervölker der Hunnen im 5. Jh., der Ungarn im 9./10. Jh. oder der Mongolen/Tataren im 13.–15. Jh. Vgl.: Wunsch T. *Deutsche und Slawen im Mittelalter. Beziehungen zu Tschechen, Polen, Südslawen und Russen*. München, 2008. S. 2.

¹² Vgl.: Lübke C. *Fremde im östlichen Mitteleuropa. Von Gesellschaften ohne Staat zu verstaatlichten Gesellschaften*. Köln; Weimar; Wien, 2001. S. 7–32. (Ostmitteleuropa in Vergangenheit und Gegenwart; 23).

¹³ Brather S. *Op. cit.* S. 101. Vgl. auf kultureller Ebene: Hybride Kulturen im mittelalterlichen Europa. Vorträge und Workshops einer internationalen Frühlingsschule / Hrsg. M. Borgolte, B. Schneidmüller. Berlin, 2010. (Europa im Mittelalter; 16).

Die ethnische Identität hat einen prozessualen und situativen Charakter. Die Selbstidentifizierung eines Individuums mit der einen oder anderen ethnischen Gruppierung hängt von einer ganzen Reihe Faktoren ab. Auf jeden Fall hat sie jedoch nichts mit einer „Erweckung“ irgendwelcher im Inneren ruhenden Fähigkeiten zu tun, sondern immer mit dem Eintreten einer Situation, die ein bestimmtes Verhalten bedingt (insbesondere die kollektive Solidarisierung anhand eines ethnischen Merkmals). Entscheidend für das Auftreten einer ethnischen Identität ist also nicht das Zusammentreffen bestimmter Merkmale (phänotypische Charakteristika, Sprache, kulturelle Besonderheiten, Religion, ...), sondern die Bedeutung, die diesen Merkmalen im Verlaufe der sozialen Kommunikation beigemessen wird.

Der Begriff Ethnizität¹⁴ wird als wissenschaftliche Kategorie gebraucht, um kulturell unterschiedliche (ethnische) Gruppen und Identitäten zu bezeichnen. Ethnische Identitäten sind ein Sonderfall kollektiver Identitäten¹⁵. In den russischen Gesellschaftswissenschaften wird häufiger der Begriff „Ethnos“ verwendet, wenn es um ethnische Gemeinschaften unterschiedlichen Typs geht (Stämme, Völkerschaften, Nationen). Das Verständnis von Ethnos setzt das Vorhandensein von homogenen und statischen Charakteristika voraus, die eine bestimmte Gruppe von anderen unterscheidet, die über vergleichbare, aber andere Charakteristika verfügen. Eine allgemein anerkannte Definition von „Ethnos“ existiert nicht. In der russischen Literatur ist das Verständnis von Ethnos als „ethnosozialer Organismus“¹⁶ oder als „biosozialer Organismus“¹⁷ immer noch dominierend. Das aktuelle Ethnizitätskonzept zieht solch einen Blick auf kulturelle Unterschiede in Zweifel und legt den Schwerpunkt vor allem auf ihre prozessuale, gesellschaftlich konstruierte Natur, auf den mobilen und multikulturellen Charakter moderner Gesellschaften sowie auf das praktisch vollkommene Fehlen kulturell isolierter Gemeinschaften. Besonders in der englischsprachigen Fachliteratur wird wegen der Variabilität und Komplexität ethnischer Identitäten häufig darauf verwiesen, dass sie kulturell bzw. sozial konstruiert seien¹⁸, was bisweilen mit der impliziten Auffassung einhergeht, dass sie nicht wahrnehmbar gewesen wären oder keine große Rolle in der Geschichte gespielt hätten. Die Tatsache, dass ethnische Identitäten soziale Konstrukte darstellen, bedeutet jedoch keinesfalls, dass sie nicht existiert hätten¹⁹. Einen Konsens in Bezug auf die Definition von

Ethnizität gibt es nicht, doch es gibt einige weitgehend anerkannte für eine ethnische Gemeinschaft kennzeichnende Charakteristika. Zu solchen identitätsstiftenden Charakteristika für ein „Volk“ oder „Ethnos“ gehören:

1) das Vorhandensein einer einheitlich von allen Mitgliedern der Gruppe geteilten Vorstellung über die allgemeine territoriale und historische Herkunft (die durchaus erfunden sein kann: der Glaube an gemeinsame Kultur und Abstammung), eine gemeinsame Sprache, allgemeine Charakteristika der materiellen und geistigen Kultur;

2) politisch geformte Vorstellungen über die Heimat und besondere Institutionen (z. B. Staatlichkeit), die als Teil der Vorstellung über das Volk gelten können;

3) das Gefühl des Ausgezeichnetseins, d.h. das Bewusstsein der Gruppenmitglieder über ihre Zugehörigkeit zur Gruppe und darauf gegründete Formen der Solidarität und gemeinsame Handlungen.

Ethnische Gruppen (oder Ethnien) werden vor allem von jenen Charakteristika bestimmt, die die Gruppenmitglieder selbst für sich als bedeutsam ansehen (oder diese Bedeutung wird von außen aufgezwungen), und die die Grundlage ihres Selbstverständnisses bilden. Ethnizität ist demnach eine Form der sozialen Organisation kultureller Unterschiede. Mit Max Weber kann ethnische Identität als ein „Gemeinsamkeitsglauben“²⁰ bezeichnet werden.

Die Gegenüberstellung mit anderen Gruppen allein ist jedoch nicht ausreichend für die Herausbildung von Ethnizität und ethnischer Gemeinschaft. Dennoch fördert die Auseinandersetzung mit Anderen, die als „Fremde“ begriffen werden, die Reflexion und Steigerung der Relevanz des Selbstbildes²¹. Die individuelle und kollektive Ethnizität definiert sich durch fundamentale Verbindungen mit anderen sozialen und politischen Gemeinschaften, die nicht notwendigerweise auf negativer Konfrontation beruhen. Eine ethnische Gemeinschaft ist demnach eine Gemeinschaft auf der Grundlage kultureller Selbstidentifikation im Verhältnis zu anderen Gemeinschaften, mit denen sie fundamentale Verbindungen eingegangen ist. Ethnische Identitäten lassen sich nicht aus einem unwandelbaren Kern heraus verstehen, sondern nur in ihren inneren und äußeren Beziehungen²². Sie sind offene dynamische Systeme. Mit abnehmendem sozialem Prestige geht auch die Bindung an die Gruppenidentität zurück, sodass ethnisches Bewusstsein mitunter auf die Eliten beschränkt bleibt bzw. von diesen repräsentiert wird²³.

Letztere Ansicht erklärt Pohl als Reaktion auf den Missbrauch ethnischer Identitäten im 20. Jh.

²⁰ Weber M. *Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriß der verstehenden Soziologie*. Tübingen, 1956. S. 237.

²¹ Brather S. Op. cit. S. 106.

²² Mühlmann W. E. *Rassen, Ethnien, Kulturen. Moderne Ethnologie*. Neuwied; Berlin, 1964. S. 58–60. (*Soziologische Texte*; Bd. 24); Brather S. Op. cit. S. 109.

²³ Assmann J. Op. cit. S. 150; Brather S. Op. cit. S. 104–105.

¹⁴ Vgl. im Folgenden auch URL: <http://iph.ras.ru/elib/3585.html> (Zugriff 22.08.2015).

¹⁵ Müller E. W. *Der Begriff „Volk“ in der Ethnologie* // *Saeculum*. 40. 1989. S. 237–252; Brather S. Op. cit. S. 104.

¹⁶ Бромлей Ю. В. *Очерки теории этноса*. М., 1989.

¹⁷ Гумилёв Л. Н. *Этногенез и биосфера земли*. Л., 1989; *Его же. География этноса в исторический период*. Л., 1990.

¹⁸ Vgl. z. B.: Curta F. *Some remarks on ethnicity in medieval archaeology* // *Early Medieval Europe*. 15/2. 2007. P. 184.

¹⁹ Pohl W. *Archaeology of identity: introduction*. P. 12.

Vom Standpunkt innerhalb der Gruppe aus gründet sich die Ethnizität auf einen Komplex kultureller Kriterien, anhand derer die Mitglieder der Gruppe sich von anderen Gruppen unterscheiden, auch wenn sie in kultureller Hinsicht sehr ähnlich sind. Die Unterscheidungen, die dazu herangezogen werden können, sind in der Regel recht vielschichtig, wogegen die von außen herangetragenen Vorstellungen über die Gruppe zu Generalisierungen und Stereotypen neigen. Innere und äußere Zuschreibungen einer ethnischen Gruppe enthalten also sowohl objektive als auch subjektive Kriterien. Häufig spielen Blutsverwandtschaft und andere objektive Kriterien keine entscheidende Rolle. Ethnizität setzt das Vorhandensein von sozialen Markern zur Differenzierung der Gruppen voraus, die auf unterschiedlicher Grundlage entstehen können, beispielweise dem physischen Erscheinungsbild, der geographischen Herkunft, der wirtschaftlichen Spezialisierung, Religion, Sprache und äußerlichen Charakteristika wie Kleidung oder Nahrung. Wichtig ist vor allem das Bewusstsein der Abgrenzung, d.h. die Vorstellung, dass verschiedene Gruppen existieren²⁴.

Es gibt keinen allgemein anerkannten Konsens über die Verwendung der Begriffe ethnische Identität und Ethnizität. Dennoch deuten sich Schwerpunkte an: bei der „ethnischen Identität“ wird eher das Individuum, und damit die subjektive Innenansicht, das Selbstverständnis, in den Mittelpunkt gerückt. Ethnizität bezeichnet dagegen eher das Verhalten von Gruppen in bestimmten Situationen, die Außenansicht. Beide Aspekte stellen unterschiedliche Perspektiven dar und lassen sich kaum in Einklang bringen²⁵.

Nach den maßgeblichen Konzepten der Sozialwissenschaften werden demnach Identität und Ethnizität von sozialen Gruppen erzeugt und sind nicht statisch, sondern dynamisch. Sie sind Ausdruck sozialer und politischer Ambitionen²⁶. Daraus ergeben sich zwangsläufig methodologische Probleme für die Archäologie, die im Folgenden thematisiert werden sollen.

Forschungsgeschichte

Für das Verständnis der Gesamtsituation ist zunächst ein Blick in die Forschungsgeschichte hilfreich, denn das Interesse daran, „Völker“ in das Zentrum der Vorgeschichtsforschung zu stellen, ist forschungs- und wissenschaftsgeschichtlich begründet. Die Identifizie-

rung archäologischen Fundmaterials mit (historisch überlieferten) „Stämmen“ hat eine lange Tradition, die älter ist als ur- und frühgeschichtliche Archäologie. Die moderne Vorstellung vom „Volk“ entstand im späten 18. und frühen 19. Jh.²⁷, als der gesellschaftliche Wandel auch Veränderungen der traditionellen Unterschichtenkultur mit sich brachte (zuvor Volk vs. Elite). Erst in der Romantik bildeten sich drei zentrale Thesen über Volkskultur heraus: 1) sie gilt als ursprünglich (= aus grauer Vorzeit), 2) es gibt eine kollektive Schöpferkraft (= Volksgeist), Volksdichtung, und 3) die Volksseele ist rein und echt, nur die bäuerliche Landbevölkerung bewahrt die ursprünglichen Gebräuche²⁸. Die Volkskunde und die Vorgeschichte folgten in ihren dilettantischen Anfängen im 19. Jh. denselben romantischen Ideen, die von diesen Thesen getragen waren. Sie gingen beide davon aus, dass die Volkskultur in der Moderne verloren ging und hatten das Bestreben, gemeinsam so viel wie möglich davon zu bewahren und ihre Ursprünge zu ergründen. Bei dieser Suche spielte die Identifizierung früherer Völker im archäologischen Material eine wesentliche Rolle bei der Konstruktion nationaler Identitäten der modernen Welt. Im Rahmen der Herausbildung moderner Nationen und Nationalstaaten entdeckten die Deutschen die Germanen wieder, die Franzosen die Kelten und Gallorömer, die Tschechen, Slovaken, Polen, Slovenen konstruierten im Streben nach eigener Identität zeitweise eine panslawische Gemeinschaft. Diese ethnische Interpretation wurde im späten 19. Jh. als zentrale historische Aussage empfunden, die weit über das bloße Sammeln und die Klassifikation von Objekten hinausging und der prähistorischen Archäologie gegenüber den historischen Wissenschaften Anerkennung verschaffte. Entscheidend für diese Interpretation war die schon bei J. G. Herder zu findende Überzeugung der Sprachwissenschaft des 19. Jh., dass jedes „Volk“ (s)eine Sprache spricht. Zur Verbreitung dieser Ansicht hat wesentlich die Grimmsche Auffassung beigetragen, dass „Völker“ und „Sprachen“ kongruent seien, und daher ethnisch-politische Gruppen auch mit Hilfe sprachlicher Kriterien abgegrenzt werden können²⁹. Ethnographie, Anthropologie und Vorgeschichtsforschung haben sich weitgehend parallel entwickelt und erst im Laufe des 19. Jh. zu eigenständigen Disziplinen entwickelt, woraus auch miteinander verwandte Fragestellungen resultierten. „Sprache“, „Volk“, „Kultur“ und „Rasse“ wurden dabei als weitgehend miteinander übereinstimmende Kategorien empfunden.

²⁴ Vgl.: Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Culture Difference / ed. F. Barth. Oslo; London, 1969.

²⁵ Jones S. The Archaeology of ethnicity. Constructing identities in the past and present. London; New York, 1997. P.XIII; Brather S. Op. cit. S.111–112.

²⁶ Burmeister S. Migration und Ethnizität: Zur Konzeptualisierung von Mobilität und Identität // Theorien in der Archäologie: Zur jüngeren Diskussion in Deutschland / Hrsg. M.K.H. Eggert, U. Veit. Münster; New York; München; Berlin, 2013. S.236. (Tübinger Archäologische Taschenbücher; 10).

²⁷ Elwert G. Nationalismus und Ethnizität. Über die Bildung von Wir-Gruppen // Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie. 41. 1989. S.441.

²⁸ Schulze H. Staat und Nation in der europäischen Geschichte. München, 1994. S.172–188; Brather S. Op. cit. S.34.

²⁹ Grimm J. Über die wechselseitigen Beziehungen und die Verbindung der drei in der Versammlung vertretenen Wissenschaften [1846] // Kleinere Schriften 7. Rezensionen und vermischte Aufsätze 4. J. Grimm / Hrsg. K. Müllenhoff, E. Ippel. Berlin, 1884. S.556–563; Brather S. Op. cit. S.89.

den, die von anderen Gruppierungen klar abgrenzbar seien. Diese Ansicht begründete letztlich G. Kossinnas Parallelisierung von Sachkultur, Sprache und Ethnos³⁰, die weitreichende Folgen für die Archäologie des 20. Jh. hatte. Sie ermöglichte die Instrumentalisierung der Archäologie für tagespolitische Interessen und wirkt implizit teilweise bis heute nach.

Eine verstärkte Beschäftigung mit dem Terminus Ethnizität in der Forschung begann in den 1960er Jahren im Zuge der postkolonialen geopolitischen Veränderungen und des Anerkennungsbestrebens zahlreicher ethnischer Minderheiten in den Industriestaaten. Bis dahin war der gesellschaftliche Wandel mit anderen Modellen erklärt worden. Die verschiedenen Interpretationen von Ethnizität erfassten jeweils mit unterschiedlichem Schwerpunkt Erscheinungen wie soziale und politische Veränderungen, Herausbildung von Identität, soziale Konflikte, Rassenbeziehungen, Nationenbildung etc. Es existieren drei grundlegende Ansätze zum Verständnis von Ethnizität: der essentialistische (oder primordiale), der instrumentalistische (oder funktionalistische) und der konstruktivistische Ansatz³¹.

Der erste Ansatz setzt voraus, dass die ethnische Identifikation oder „nationale Zugehörigkeit“ auf einer tiefen und grundlegenden Verbundenheit mit einer bestimmten Gruppe oder Kultur beruht, das bedeutet auch die Existenz realer, greifbarer Grundlagen für diese Identifikation, die entweder als vorwiegend biologische oder als kulturell-historische Faktoren angesehen werden können. Das heißt, die Menschen werden in die ethnischen Gruppen hineingeboren³². Diese Herangehensweise wurde stark vom Evolutionismus und seinem Interesse an biologischen, genetischen und geographischen Faktoren beeinflusst. Die Erkenntnis der Gruppenzugehörigkeit ist in diesem Verständnis genetisch kodiert und das Ergebnis der frühen menschlichen Evolution. In der Extremform des primordialistischen Ansatzes gilt die Ethnizität in den Kategorien der Soziobiologie als erweiterte Form der Artenauslese³³. Vergleichbare Modellbildungen finden sich auch in der russischen Forschungsliteratur im Rahmen der sogenannten Ethnos-Theorie. Dort dient der Soziobiologismus zusammen mit dem geographischen Determinismus als Grundlage für sehr gewagte Konstruktionen wie „Leben und Tod der Ethnien“³⁴ u. ä.; sowie für Thesen wie Exogamie als Merkmal und Existenzbedin-

gung von Ethnien³⁵. Aus primordialer Sicht ist die Ethnizität eine Gemeinschaft, der objektive und einheitliche Charakteristika zuzuordnen sind: Territorium, Sprache, Wirtschaft, Rasse, Religion, Weltanschauung und sogar das psychische Naturell. Damit ist häufig die Ansicht verbunden, dass die ethnische Gruppierung als sozialer Archetypus erstrangige Bedeutung inne habe³⁶. Diese Ansicht war die Voraussetzung für die umfangreichen Ethnogeneseforschungen in der sowjetischen Archäologie und Ethnographie. Für die Kategorisierung der ethnischen Gruppierungen finden historisch-linguistische, historisch-archäologische und physisch-anthropologische Klassifikationen und Rekonstruktionen breite Anwendung. Die sprachlich-kulturellen Charakteristika entwickeln sich demnach durch die geographische Verbreitung im Verlauf der Geschichte der einen oder anderen Gruppe. Das Individuum agiert auf der Grundlage seiner kulturellen Prägung und handelt entsprechend bestimmter Traditionen. Das primordiale Ethnizitätsverständnis sieht die ethnische Identität als inhärenten psychologischen Teil des Menschen an und betrachtet ihre Veränderung als unnatürlich und aufgezwungen³⁷. Im Rahmen dieses Ansatzes wurden die grundlegenden Arbeiten in der russischen Ethnographie ausgeführt³⁸, die auch maßgeblich für die archäologische Forschung waren. Grundlegend war die Überzeugung, dass der Gesamtprozess der Ethnogenese eine historische Gesetzmäßigkeit darstellt und dass jede ethnische Einheit durch bestimmte kulturelle Eigenheiten ausgezeichnet ist, die ihre Identifizierung im archäologischen Fundmaterial ermöglichen³⁹.

Das instrumentalistische Verständnis von Ethnizität vertritt einen anderen Standpunkt. Demnach wird die Ethnizität, die sich ansonsten in einer Art Stand-By-Modus befindet, zu einem bestimmten Zeitpunkt mobilisiert, um Konkurrenz zu überwinden, soziale Kontrolle über andere ethnische Gruppen zu erlangen, solidarisches Verhalten innerhalb der Gruppe zu stärken oder politische

³⁵ Vgl.: Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973; Пименов В. В. Удмурты. Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.

³⁶ Z. B.: Ethnicity. Theory and Experience / eds. N. Glazer, D. P. Moynihan. Cambridge, 1975 und viele russische Autoren.

³⁷ Vgl. z. B.: Stavenhagen R. The Ethnic Question: Conflicts, Development and Human Rights. Tokyo, 1990; Connor W. Ethnonationalism. The Quest for Understanding. Princeton, 1994; Miller D. On Nationality. Oxford, 1995.

³⁸ Токарев С. А., Чебоксаров Н. Н. Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания // Советская этнография. 1951. № 4; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография; Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1984.

³⁹ Vgl.: Otto K.-H. Archäologische Kulturen und die Erforschung der konkreten Geschichte von Stämmen und Völkern // Ethnographisch-Archäologische Forschungen. Bd. 1. 1953. S. 1–27; Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 47; Sellnow I. Ethnographisches zum Problem der Ethnogenese // Archäologie als Geschichtswissenschaft. Studien und Untersuchungen / Hrsg. J. Herrmann. Berlin, 1977. S. 48–49. (Schriften zur Ur- und Frühgeschichte; 30).

³⁰ Kossinna G. Die Herkunft der Germanen. Zur Methode der Siedlungsarchäologie. Würzburg, 1911. S. 3.

³¹ Vgl. im Folgenden auch URL: <http://iph.ras.ru/elib/3585.html> (Zugriff 22.08.2015).

³² Vgl.: Müller K. E. Ethnicity, Ethnozentrismus und Essentialismus // Wir, ihr, sie. Identität und Alterität in Theorie und Methode / Hrsg. W. Eßbach. Würzburg, 2000. S. 317–343. (Identitäten und Alteritäten; 2).

³³ Van den Berghe P. L. The Ethnic Phenomenon. New York, 1981.

³⁴ Vgl. die Arbeiten von Л. Н. Гумилёв und С. М. Широкогоров.

Positionen zu fördern, bisweilen sogar um ein kollektives Trauma zu bewältigen⁴⁰. Der instrumentalistische Ansatz mit seinen intellektuellen Wurzeln im soziologischen Funktionalismus versteht die Ethnizität als Ergebnis politischer Mythenbildung, die von kulturellen Eliten in ihrem Streben nach Privilegien und Macht begründet und manipuliert wird. Er reduziert demnach ethnische Gruppen auf wirtschaftliche und politische Interessenverbände⁴¹. Hier geht die Abgrenzung ethnischer Gruppierungen von anderen sozialen (Interessen-)Gruppen verloren⁴².

Die verschiedenen Ansätze zum Verständnis der Ethnizität schließen sich nicht zwangsläufig aus, sondern müssen im Gegenteil miteinander kombiniert werden, um der Vielfalt und Komplexität ethnischer Identität gerecht zu werden. Die Einbeziehung von mehr oder weniger bedeutsamen Aspekten in die ganze Theorie der Ethnizität ist auf der Basis einer konstruktivistischen Synthese recht perspektivreich, sofern der soziale und personelle Kontext nicht außer Acht gelassen wird. Die Ethnizität kann in diesem Zusammenhang innerhalb des Systems der sozialen Dispositionen und situativen Abhängigkeiten auf verschiedenen „Ebenen“ und „kontextuellen Horizonten“ gesehen werden⁴³.

Aktuelle Positionen in der Archäologie. Das Beispiel der Slawen

Die Methoden- und Theoriediskussion wurde in den letzten Jahrzehnten vor allem von der angloamerikanischen Prähistorischen Archäologie vorangetrieben. Hier waren es besonders die Vertreter der New Archaeology oder Processual Archaeology, die seit den 1960er Jahren traditionelle Konzepte und Interpretationsmodelle in Frage stellten, oft aufgrund ihrer mangelhaften methodischen und theoretischen Basis. Seit den 1980er Jahren wurden die prozessualen Erklärungsmodelle durch sogenannte postprozessuale Ansätze weitgehend abgelöst, womit auch im englischsprachigen Raum wieder traditionelle Forschungsfragen, wie Ethnizität und Migration, in den Vordergrund rückten. Ethnizität und Identität gehören zu den Begriffen, hinter denen – wenn auch oft implizit – zentrale Konzepte der Archäologie stehen. In der deutschen – wie auch in der russischen – archäologischen Forschungslandschaft bildeten sie allerdings lange kein eigenes Forschungsthema, sondern sie blieben als kulturhistorisches Phänomen unbehandelt. Sie beinhalten also weniger eine Forschungsfrage als einen Erklärungsansatz, der axiomatisch gesetzt ist. Die frühgeschichtliche Archäologie ist durch schriftliche Überlieferungen mit Informationen konfrontiert, die einen großen Einfluss auf die archäologischen Interpre-

tationen nehmen. Es gibt zahlreiche Berichte über Migrationen und Nennungen einzelner Ethnien. Dies sollte eigentlich die Deutung archäologischer Befunde vereinfachen, doch in der Praxis zeigt es deutlich die methodologischen Probleme der archäologischen Quelleninterpretation. Die Identifizierung von Völkern oder Ethnien im archäologischen Material wird teilweise bis heute als „größte Herausforderung“⁴⁴ bzw. eines der „Hauptziele der Ur- und Frühgeschichtsforschung“⁴⁵ gesehen⁴⁶, wie dies auch schon in der ersten Hälfte des 20. Jh. der Fall war⁴⁷. Die wichtigsten Varianten der ethnischen Interpretationen in der Archäologie sind die Zuweisung von Siedlungsräumen, Verbindung kultureller und ethnischer Kontinuitäten, Ethnogeneseprozesse, der Nachweis von Wanderungen und die Zusammensetzung von Bevölkerungen (Fremde und Minderheiten). Allen Identifizierungsversuchen der ethnischen Zuweisung liegt stets die Vorstellung nach innen weitgehend homogener und nach außen scharf abgegrenzter Gruppen zugrunde⁴⁸. Grundannahme ist dabei ein enger Zusammenhang zwischen Sprache und Sachkultur.

Seit etwa 15 Jahren manifestiert sich in der deutschsprachigen Archäologie eine Auseinandersetzung über die ethnische Deutung archäologischer Befunde, die maßgeblich von den Arbeiten Sebastian Brathers angestoßen und geprägt wurde⁴⁹. Er sieht die ethnischen

⁴⁴ Nowakowski W. Die Funde der römischen Kaiserzeit und der Völkerwanderungszeit in Masuren. Berlin, 1998. S. 16. (Museum für Vor- und Frühgeschichte: Bestandskatalog; Bd. 6).

⁴⁵ Brachmann H. Archäologische Kultur und Ethnos // Von der archäologischen Quelle zur historischen Aussage / Hrsg. H. Preuß. Halle, 1979. S. 101.

⁴⁶ In ähnlichem Sinne auch V.V. Fomin, der die Frage nach der Ermittlung der Sprache, die die Waräger gesprochen haben, als eine der Hauptfragen der russischen Geschichte bezeichnete (Фомин В. В. Южнобалтские варяги в Восточной Европе // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. S. 109. (ТГЭ; XLIX)). Fomin ist allerdings Historiker und kein Archäologe.

⁴⁷ Vgl. z. B.: Kiekebusch A., s.v. Siedlungsarchäologie // Reallexikon der Vorgeschichte. Bd. 12. / Hrsg. M. Ebert. Berlin, 1928. S. 103 (als „letztes, höchstes Ziel“); Wahle E. Zur ethnischen Deutung frühgeschichtlicher Kulturprovinzen. Grenzen der frühgeschichtlichen Erkenntnis I. // Abhandlungen der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse. 2. Abh. 1940/41. Heidelberg, 1941.

⁴⁸ Brather S. Op. cit. S. 304.

⁴⁹ Brather S. Ethnische Identitäten als Konstrukte der frühgeschichtlichen Archäologie // Germania 78. 2000. S. 139–177; Idem. „Ethnische Gruppen“ und „archäologische Kulturen“. Identität und Sachkultur in der archäologischen Forschung // Das Altertum 47. 2002. S. 111–126; Idem. Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie; Brather S., Wotzka H.-P. Alemannen und Franken? Bestattungsmodi, ethnische Identitäten und wirtschaftliche Verhältnisse zur Merowingerzeit // Soziale Gruppen – kulturelle Grenzen: Die Interpretation sozialer Identitäten in der Prähistorischen Archäologie / Hrsg. S. Burmeister, N. Müller-Scheefel. S. 139–224; vgl. auch: Auf der Suche nach Identitäten: Volk – Stamm – Kultur – Ethnos. Internationale Tagung der Universität Leipzig vom 8.–9. Dezember 2000 // BAR International Series 1705 / Hrsg. S. Rieckhoff, U. Sommer. Oxford, 2007; Archaeology of

⁴⁰ Vgl.: Horowitz D. Ethnic Groups in Conflict. Berkeley, CA, 1985.

⁴¹ Ethnic Groups and the State / ed. P. Brass. London, 1985.

⁴² Vgl.: Jones S. Op. cit. P. 65–79.

⁴³ Vgl.: Brather S. Op. cit. S. 110–112.

Interpretationen im Fach sehr skeptisch und in der Regel eher als hinderlich für die Erkenntnis. Damit rührt er an die Grundpositionen des Fachverständnisses, was eine zum Teil sehr emotional und kontrovers geführte Diskussion zur Folge hat⁵⁰. Die Diskussion hat viel mit den Begriffen Ethnos und Identität zu tun, die im modernen Verständnis (s.o.) zum Teil in krassem Gegensatz zu den Begriffsinhalten stehen, die die „traditionelle“ Archäologie – meist implizit – verwendet. Sie sind insofern alles andere als unproblematisch⁵¹. Ethnos und Identität sind Kategorien, die hauptsächlich soziale Phänomene darstellen, und deren aktuelle Diskussion entsprechend von den Geistes- und Sozialwissenschaften geprägt wird. Den Kernpunkt der Kritik an der ethnischen Interpretation archäologischen Materials bildet die Einsicht, dass „Sprache“, „Volk“, „Kultur“ und „Rasse“ wissenschaftliche Klassifikationen darstellen, die einerseits zwar vier unterschiedliche (Fach-) Perspektiven auf die Vergangenheit repräsentieren, aber andererseits weder homogene noch distinkte Gruppierungen beschreiben. Es können also weder Kongruenz noch Synchronität a priori vorausgesetzt werden⁵². Damit werden wesentliche Grundannahmen der ethnischen Deutung in der Archäologie erschüttert. Verfechter der traditionellen ethnischen Deutung machen von ihr den Charakter der Archäologie als historische Wissenschaft abhängig⁵³. Entgegen der häufigen Aussage, dass die ethnische Interpretation induktiv, also unmittelbar aus den archäologischen Quellen erschlossen werde, ist sie in der Praxis häufig in hohem Maße deduktiv. Die ethnische Signifikanz der spezifischen Kulturmerkmale, anhand derer die Gruppenbildungen vorgenommen werden, ist von außen an das Material herangetragen und zeichnet den Weg der Interpretation vor⁵⁴. Eine wissenschaftliche Begründung dieses Vorgehens oder eine Abwägung gegenüber alternativen Deutungsmöglichkeiten unterbleibt in der Regel. Aus dem archäologischen Befund erschlossene Gruppenbildungen können auch anders als ethnisch bedingt gewesen sein. Dies sei im Folgenden etwas näher ausgeführt.

Identity – Archäologie der Identität / Hrsg. W. Pohl, M. Mehofer; Theorien in der Archäologie: Zur jüngeren Diskussion in Deutschland / Hrsg. M. K. H. Eggert, U. Veit. S. 229–267.

⁵⁰ Bierbrauer V. Zur ethnischen Interpretation in der frühgeschichtlichen Archäologie // Die Suche nach den Ursprüngen: Von der Bedeutung des frühen Mittelalters / Hrsg. W. Pohl. Wien, 2004. S. 45–84 (Forschungen zur Geschichte des Mittelalters; 8); vgl. dazu: Burmeister S. Migration und Ethnizität... S. 233–240.

⁵¹ Zur Kritik an der Verwendung des Begriffes ‚Identität‘ in den Geistes- und Sozialwissenschaften: Niethammer L. Kollektive Identität; Davidovic A. Identität – ein unscharfer Begriff: Identitätsdiskurse in den gegenwartsbezogenen Humanwissenschaften.

⁵² Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 96 und passim.

⁵³ So z. B.: Bierbrauer V. Op. cit. S. 47.

⁵⁴ Vgl.: Burmeister S. Migration und Ethnizität... S. 248 mit Beispielen.

Ausgangspunkt für alle Interpretationsansätze sind die „ethnischen“ Bezeichnungen in den Schriftquellen. Entgegen der forschungsgeschichtlich begründeten traditionellen Verbindung dieser Bezeichnungen mit Stämmen oder Völkern haben quellenkritische Betrachtungen inzwischen vielfach gezeigt, dass eine erhebliche Bandbreite in Bezug darauf herrscht, wer oder was mit diesen Bezeichnungen wirklich gemeint ist – sofern dies sich überhaupt erschließen lässt⁵⁵. Ethnische Identitäten bedeuteten nicht unbedingt in allen Fällen das gleiche, und in den völkerwanderungszeitlichen und frühmittelalterlichen Schriftquellen gibt es eine Vielzahl von unterschiedlichen ethnischen Gruppen⁵⁶. Die Bezeichnungen in den Quellen sind nicht eindeutig, sondern mehrschichtig⁵⁷, und die Begriffe werden sehr flexibel verwendet. Meist haben wir es mit Fremdquellen, also der Außensicht zu tun. Für die hier interessierenden Zeiträume sind fast nur Äußerungen und die Vorstellungswelt von „Eliten“ an „zentralen Orten“ überliefert⁵⁸. Dabei spielt auch der „Maßstab“ eine Rolle, denn regionale Identitäten sind gestuft – in der engeren Umgebung muss die Zuschreibung viel genauer und lokaler erfolgen als in der „Fremde“, wo eine grobe regionale Angabe ausreicht. Goten, Franken etc. waren demnach vor allem politische Verbände unterschiedlicher Leute, die sich eventuell in ethnischen Begrifflichkeiten selbst definierten⁵⁹. Die frühen Reichsbildungen des 5.-8. Jh. scheinen bis zu einem gewissen Grad sprachneutral gewesen zu sein⁶⁰, jedenfalls wurde nicht zwischen Sprachen verschiedener gentes unterschieden. Nicht die Sprache, sondern Tradition (oder die Fiktion von Tradition) und politischer Erfolg stützten die Gemeinschaftsbildung⁶¹. Die sprachliche Verwandtschaft bedeutet nicht zugleich eine Verwandtschaft ihrer Sprecher im Sinne

⁵⁵ Vgl.: Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 142–158.

⁵⁶ Vgl. für eine Zusammenstellung der möglichen Typen ethnischer Gruppierungen in den Schriftquellen Pohl W. Archaeology of identity: introduction... P. 15–17 und ausführlicher Pohl W. Die Namen der Barbaren: Fremdbezeichnung und Identität in Spätantike und Frühmittelalter // Zentrum und Peripherie. Gesellschaftliche Phänomene in der Frühgeschichte / Hrsg. H. Friesinger, H. Stuppner. Wien, 2004. S. 95–104. (Mitteilungen der Prähistorischen Kommission; Bd. 57).

⁵⁷ Vgl. für mittelalterliche Vorstellungen und deren moderne Missverständnisse ausführlich: Werner K.F. s.v. Volk, Nation, Nationalismus, Masse III. Mittelalter. Einleitung; IV. Volk/Nation als politischer Verband; V. Volk als Masse, Unterschicht // Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 7. / Hrsg. O. Brunner, W. Conze, R. Koselleck. Stuttgart, 1992. S. 171–281.

⁵⁸ Le Goff. Geschichte und Gedächtnis. Frankfurt a. M.; New York; Paris, 1992. S. 102. (Historische Studien; 6).

⁵⁹ Nees L. Early medieval art. Oxford, 2002. P. 14.

⁶⁰ Pohl W. Strategie und Sprache. Zu den Ethnogenesen des Frühmittelalters // Entstehung von Sprachen und Völkern. Glotto- und ethnogenetische Aspekte europäischer Sprachen / Hrsg. P.S. Ureland. Tübingen, 1985. S. 99. (Linguistische Arbeiten; 162).

⁶¹ Ibid. S. 97 f.

einer Abstammungsgemeinschaft, Sprachen können sich auch selbstständig z.B. als soziales Prestige ausbreiten. Insofern dürfte die geographische Verbreitung von Sprachen im frühen Mittelalter nicht homogen und in geschlossenen Arealen gewesen sein⁶². Vieles spricht dafür, dass mindestens bis ins 7./8. Jh. die „ethnischen“ Bezeichnungen ausschließlich für eine soziale Elite standen und niemals einen ganzen „Stamm“ oder ein „Volk“ bezeichneten. Dabei wurden vor allem frühmittelalterliche Heere „ethnisch“ bezeichnet. Die Terminologie der Ethnizität war vordergründig militärisch bestimmt; kulturelle, rechtliche und sprachliche Aspekte traten dahinter zurück⁶³. Noch im 8. Jh. standen ethnische, politische und territoriale Begriffe gleichberechtigt nebeneinander⁶⁴. Gentile Bezeichnungen wurden erst allmählich auf Territorien übertragen. Die Sachsen beispielsweise gab es erst seit der Konfrontation mit Karl dem Großen, die nominelle Einbeziehung ins Karolingerreich führte zur Herausbildung der Saxonia. Ostfalen, Westfalen, Engern waren keine älteren Untergruppen der Sachsen, sondern entstanden erst als Reaktion auf die fränkischen Angriffe⁶⁵. Im Frühmittelalter kam es zu einer Vielzahl von Ethnogenesen, deren Verlauf sehr unterschiedlich sein konnte und wesentlich von den historischen Rahmenbedingungen abhing. Bei den frühmittelalterlichen Germanen vollzog sich die Stammesbildung um militärische Anführer, für die Slawen bildeten dagegen offenbar territoriale Bindung, lokale Autonomie, einfache Sozialstruktur, flexible Kampfweise und kleinräumige Landwirtschaft den entsprechenden Rahmen⁶⁶.

Ethnische Abgrenzungen differieren je nach dem historischen und regionalen Kontext⁶⁷. Die ethnische

⁶² Neuß E. Sprachraumbildung am Niederrhein und die Franken. Anmerkungen zu Verfahren der Sprachgeschichtsschreibung // Die Franken und die Alemannen bis zur „Schlacht bei Zülpich“ (496/97) / Hrsg. D. Geuenich. Berlin; New York, 1998. S. 173 (Ergänzungsbände zum Reallexikon der Germanischen Altertumskunde; Bd. 19); Haubrichs W. Über die allmähliche Verfertigung von Sprachgrenzen. Das Beispiel der Kontaktzonen von Germania und Romania // Grenzen und Grenzregionen / Hrsg. W. Haubrichs, R. Schneider. Saarbrücken, 1993 [1994]. S. 99–129. (Veröffentlichungen der Kommission für Saarländische Landesgeschichte und Volksforschung; Bd. 22); Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 93.

⁶³ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 148.

⁶⁴ Pohl W. Zur Bedeutung ethnischer Unterscheidungen in der frühen Karolingerzeit // Studien zur Sachsenforschung. Bd. 12. Oldenburg, 1999. S. 199 mit Beispielen.

⁶⁵ Becher M. Rex, Dux und Gens. Untersuchungen zur Entstehung des sächsischen Herzogtums im 9. und 10. Jahrhundert. Husum, 1996; Idem. Non enim habent regem idem Antiqui Saxones... Verfassung und Ethnogenese in Sachsen während des 8. Jahrhunderts // Studien zur Sachsenforschung Bd. 12. S. 1–31; Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 150–151.

⁶⁶ Pohl W. Verlaufsformen der Ethnogenese. Awaren und Bulgaren // Typen der Ethnogenese unter besonderer Berücksichtigung der Bayern. Teil 1. / Hrsg. H. Wolfram, W. Pohl. Wien, 1990. S. 123. (Veröffentlichungen der Kommission für Frühmittelalterforschung; Bd. 12).

⁶⁷ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 156.

Identität war für die Zeitgenossen nur eine von mehreren Identitäten, abhängig von den sozialen Rollen und Abstufungen von Fremdheit. Für die meisten dürfte sie im Alltag keine Rolle gespielt haben, denn es handelte sich vor allem um ein Elitenphänomen, die Elite war Träger des „ethnischen Bewusstseins“⁶⁸. Für die Bevölkerung waren andere, vor allem soziale Zuordnungen wichtiger, da sie ihr Alltagsleben bestimmten. Der wissenschaftliche Wert des Terminus „ethnisch“ ist demnach nicht besonders groß, da er ein „für jede wirklich exakte Untersuchung unbrauchbarer Sammelname“⁶⁹ ist. Es besteht ein grundlegender Widerspruch zwischen dem sozialen Charakter von Identitäten und dem Interesse an räumlichen Verbreitungen in der Archäologie, der es als fraglich erscheinen lässt, ob sich Ethnos und Sachkultur überhaupt miteinander verbinden lassen.

Kelten, Germanen und Slawen sind große linguistische Gruppen ohne gemeinsames ethnisches Bewusstsein oder Gemeinschaftsgefühl. Es sind demnach keine Ethnien, denn diese definieren sich über den Glauben an ihre Zusammengehörigkeit⁷⁰. Diese sprachlich-kulturellen Großräume bilden auf unterschiedlichen Ebenen ehemalige Kommunikationsräume ab, aber die Relevanz für Identitätsbildungen wird dabei nicht erfasst. Ebenso ist das „Indoeuropäische“ vor allem „Ausdruck der Korrelation zwischen den Einzelsprachen“ und keine reale Sprache⁷¹. Die heutigen Bezeichnungen haben einen grundsätzlich anderen Inhalt als die antiken Begriffe. Eine Gefahr besteht darin, dass Historiographie, Linguistik und Archäologie zwar mit den gleichen Begriffen operieren, aber unterschiedlichen Inhalten, denn sie arbeiten mit anderen Quellen und anderen historischen Kontexten. Die zeitliche Tiefe, in die kulturelle und ethnische Kontinuitäten verfolgt werden, hat sich in den letzten Jahrzehnten deutlich verkürzt. Bis zur Mitte des 20. Jh. wurden die Germanen, Kelten oder Slawen oft noch bis ins Neolithikum verfolgt, heute geht man meist nicht mehr so weit zurück. Meist wird nur noch die jeweilige „Vorgängerkultur“ (vor der historischen Ersterwähnung) als ethnisch halbwegs sicher interpretierbar angesehen.

Eine grundlegende Forschungsfrage der osteuropäischen und sowjetischen Archäologie behandelt die Ethnogenese und Ausbreitung der Slawen⁷². Dabei spielt

⁶⁸ Ibid. S. 113.

⁶⁹ Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. S. 242.

⁷⁰ Vgl.: Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 219.

⁷¹ Müller H. M. Sprache und Evolution. Grundlagen der Evolution und Ansätze einer evolutionstheoretischen Sprachwissenschaft. Berlin; New York, 1990. S. 102 [Zitat], 113; Holzer G. Das Erschließen unbelegter Sprachen. Zu den theoretischen Grundlagen der genetischen Linguistik. Frankfurt a. M., 1996. S. 105. (Schriften über Sprache und Texte; Bd. 1); Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 94.

⁷² Vgl. zusammenfassend mit weiterer Literatur: Щукин М. Б. Рождение славян. Из истории вопроса. Два пути ретроспективного поиска // Стратум: структуры и катастрофы, 1997. С. 110–147.

seit jeher die Lokalisierung der „Urheimat“ eine zentrale Rolle, von der ausgehend sich die Slawen über halb Europa verbreitet haben sollen⁷³. Die Annahme einer „Urheimat“ beruht auf Erkenntnissen der Linguistik⁷⁴, die sie anhand von Gewässernamen etwa im Raum zwischen mittlerer Weichsel/Bug und Dnepr rekonstruiert. Dort haben sich die ältesten Hydronyme erhalten. Sehr früh (5./6. Jh.) datierte Fundplätze der Prager Kultur im Pripjatgebiet scheinen diese These zu stützen⁷⁵. Hydronyme sind jedoch aus sich heraus nicht datierbar. Es bleibt daher unklar, wie alt sie sind und warum sie sich in diesem Raum erhalten haben. Für die Ethnogeneseforschungen war die (falsche) Vorstellung Voraussetzung, dass ethnische Identität, Sachkultur und Sprache und Population sich praktisch synchron entwickelten⁷⁶. Aus der Sicht der Anthropologie lässt sich jedoch nichts zur Ethnogenese europäischer Völker beitragen, weil diese nichts mit biologischen Zusammenhängen zu tun haben. Sie kann evtl. Bevölkerungskontinuitäten und Genpoolveränderungen deutlich machen, aber nicht die soziale und kulturelle Zuordnung von Individuen und Gesellschaften. Die Abhängigkeit der Ethnogeneseprozesse von spezifischen historischen Umständen bedeutet, dass es verschiedene Typen von Ethnogenesen geben muss⁷⁷.

Die Prag-Korčak-Kultur bildet archäologisch den Ausgangspunkt bei der Suche nach den Wurzeln der slawischen Sachkultur⁷⁸. Verbindungen zu den älteren, kaiserzeitlichen Kulturen sind schwer herzustellen, denn die Dynamik der Völkerwanderungszeit führte auch zu tiefgreifenden Veränderungen der Sachkultur. Vor allem das 5. Jh. lässt sich archäologisch kaum überbrücken, derartige Versuche sind meist nicht hinreichend chronologisch abgesichert⁷⁹. Auf eine Phase spätrömisch-mediterraner Einflüsse und Prägungen folgte eine Art Neubeginn, der oberflächlich als „Verarmung“ erscheint, aber wohl die Rahmenbedingungen der Waldsteppen-

und Waldzone nach dem Ende mediterraner Beeinflussung widerspiegelt, eine Art großräumiger Vereinheitlichung⁸⁰. Kulturelle Kontinuitäten der Slawen bis in die Kaiserzeit werden besonders anhand von vier Kulturen zu demonstrieren versucht:⁸¹ die Černjachov- bzw. Sîntana-de-Mureș-Kultur, die (Spät-) Zarubincy-Kultur an Pripjat und mittlerem Dnepr⁸², die Kiever Kultur am mittleren Dnepr und der Desna⁸³ und die Przeworsk-Kultur an oberer und mittlerer Oder und Weichsel⁸⁴.

Insgesamt sind die Bemühungen, „die Slawen“⁸⁵ archäologisch vor die Zeit um 500 zurückzuverfolgen ohne überzeugendes Ergebnis geblieben. Das liegt zum einen am Fehlen charakteristischer, eindeutig zuzuordnender Typen und der relativen Schlichtheit der frühslawischen Sachkultur allgemein, zum anderen an den Veränderungen der Völkerwanderungszeit, die neue Entwicklungen ermöglichten. Erst die Konfrontation zwischen Byzanz und den slawischen Plünderern im 6. Jh. führte zur Verfestigung der Vorstellung dessen, was als slawisch angesehen werden kann. Nun, in der Zeit Justinians, werden slawische Gruppen zum ersten Mal verlässlich historisch greifbar⁸⁶. Diese Ereignisse müssen also den Ausgangspunkt bilden, denn alle früheren eventuellen Nennungen bleiben zu vage und spekulativ. Die Veneter, Sklavinen und Anten werden mit frühen Slawen in Verbindung gebracht, wobei vor allem die Zuordnung der Anten strittig ist. Vermutlich waren

⁸⁰ Struve K. W. Die Ethnogenese der Slawen aus der Sicht der Vor- und Frühgeschichte // Ethnogenese europäischer Völker. Aus der Sicht der Anthropologie und Vor- und Frühgeschichte. Ilse Schwidetzky zum 75. Geburtstag. / Hrsg. W. Bernhard, A. Kandler-Pálsson. Stuttgart; New York, 1986. S. 319; Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 215.

⁸¹ Vgl.: Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993. (Археология СССР).

⁸² Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура. М., 1964. (САИ; вып. D 1-19); Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982. Zuletzt mit weiterer Literatur: Обломский А. М. Поздnezарубинецкие памятники на территории Украины (вторая половина I – II в. н.э.) Москва, 2010. (Раннеславянский мир; вып. 12); Die Spät-Zarubincy-Kultur wurde auch für baltisch gehalten. Vgl.: Седов В.В. Ранний период славянского этногенеза // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976. С. 68–108.

⁸³ Zusammenfassend: Обломский А.М. Памятники киевской культуры в лесостепной зоне России (III – начало V в. н.э.). М., 2007. (Раннеславянский мир; вып. 10).

⁸⁴ Vgl. zusammenfassend: Parczewski M. Zum Stand der Diskussion der polnischen Archäologen über die Ethnogenese der Slawen // Frühe Slawen in Mitteleuropa. Schriften von Kazimierz Godłowski / Hrsg. J. Bemann, M. Parczewski. Neumünster, 2006. S. 19–22. (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; 6).

⁸⁵ Die Slawen hier am ehesten als große Sprachgruppe verstanden, nicht als ethnische Identität. Dafür ist der Raum viel zu groß.

⁸⁶ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 216–217; Curta F. The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region, c. 500–700. Cambridge, 2001. P. 74–189. (Cambridge Studies of Medieval Life and Thought; 4, 52).

⁷³ Godłowski K. Z badań nad zagadnieniem rozprzestrzenienia Słowian w V–VII w. n.e. Krakow, 1979; Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979; Его же. Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002 и др.; vgl. auch: Dulnicz M. Frühe Slawen im Gebiet zwischen unterer Weichsel und Elbe. Eine archäologische Studie. Neumünster, 2006. S. 275–276. (Studien zur Siedlungsgeschichte und Archäologie der Ostseegebiete; 7).

⁷⁴ Udolph J. Zum Stand der Diskussion um die Urheimat der Slawen. Beiträge zur Namenforschung NF 14, 1979. S. 1–22.

⁷⁵ Вяргей В.С. Помнікі тыпу Прагі-Карчак і Лука-Райкавецкай культуры // Археалогія Беларусі: у 4 т. Мінск, 1999. Т. 2: Жалезны век і ранняя сярэднявечча. С. 317–348; Вяргей В.С. Археалогія ранніх славян на тэрыторыі Беларусі // Wspólnota dziedzictwa kulturowego ziem Białorusi i Polski. Ośrodek Ochrony Dziedzictwa Archeologicznego Przedsiębiorstwo. Warszawa, 2004. S. 278–304 и др.

⁷⁶ Vgl. die Vorstellung stadialer Entwicklung bei N. J. Marr.

⁷⁷ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 548–549.

⁷⁸ Vgl.: Русанова И.П. Заключение // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. – первой половине I тысячелетия н.э. / отв. ред. И.П. Русанова, Э.А. Симонович. М., 1993. С. 193, рис. 7. (Археология СССР).

⁷⁹ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 213.

diese Bezeichnungen damals ohnehin hauptsächlich geographische Zuordnungen. So lassen sich slawische Gruppen in der Mitte des 6. Jh. zwischen der unteren Donau, der oberen Weichsel und dem mittleren Dnepr lokalisieren, am Ende des 6. Jh. auch an der mittleren Donau, die Ostseeküste wurde demnach im 7. Jh. erreicht⁸⁷. Die schwache Quellenlage hat zur Folge, dass den archäologischen Quellen in der Diskussion ein großes Gewicht beigemessen wird. Dabei spielt in erster Linie die Gefäßkeramik eine entscheidende Rolle. Das Vorkommen der Keramik vom Typ Prag-Korčak erstreckt sich vom mittleren Dnepr bis zur mittleren Elbe, entlang der unteren Donau und bis nach Mähren⁸⁸. Es deckt sich ungefähr mit jenen Siedlungsräumen, die im 6./7. Jh. „slawisiert“ wurden und fällt mit den frühesten verlässlichen Nachrichten über Slawen zusammen⁸⁹. Die Prager Kultur wird daher mit den frühen Slawen identifiziert. Unverzierte, handgemachte Keramik ist jedoch viel zu funktional und technologisch bestimmt, um als verlässliches Abgrenzungskriterium dienen zu können. Als weitere wesentliche Merkmale der frühen Slawen werden daher auch die Brandbestattung und quadratische Grubenhäuser mit Herd oder Feuerstelle angeführt⁹⁰, die zusammengenommen ein „slawisches Kulturmodell“ bilden⁹¹. Hinzu tritt, besonders für die Waldzone Nordwestrusslands, der Ackerbau als kulturdiagnostisches Merkmal, der zusammen mit Grubenhäusern und Brandbestattung als Merkmalsgruppe der slawischen Wirtschafts- und Lebensweise⁹² die slawische Kultur definiert. Allerdings sind die Grenzen unscharf, denn Nachbarkulturen verfügen über die gleichen Merkmale und unterscheiden sich nur graduell; als Beispiele seien die Pen'kovka-Kultur zwischen mittlerem Dnepr und oberem Donec und die Koločin-Kultur im oberen Dneprbecken genannt, die daher auch mit den Slawen verbunden werden. Allerdings gibt es um die ethnische Zuordnung der Pen'kovka-Kultur des 5.-7. Jh. eine breite Diskussion, die sie einerseits mit den Anten bzw. als ostslawisch identifiziert⁹³ und andererseits

aus der polyethnischen Černjachov-Kultur⁹⁴ als sekundär slawisiert ableitet⁹⁵; oder aber auf die Kiever Kultur zurückführt⁹⁶. Die Koločin-Kultur wird einerseits überwiegend als slawisch⁹⁷, andererseits aber auch als baltisch⁹⁸ angesprochen. Alle drei Kulturen entwickelten sich unter denselben geographischen, wirtschaftlichen und historischen Rahmenbedingungen, woraus vergleichbare kulturelle Merkmale und Traditionen resultieren. Ein „ethnischer“ Hintergrund lässt sich daraus nicht ableiten⁹⁹. Die unscharfen Grenzen und Überlappungen dieser Kulturen werden häufig als ethnische Heterogenität interpretiert¹⁰⁰, doch dürfte dies eher ein Ergebnis der Definition und Abgrenzung verschiedener Regionalkulturen sein¹⁰¹. In Kommunikationsräumen ergeben sich naturgemäß Übergangsbereiche, in denen sich Elemente der Kommunikationspartner vermischen. Bei vergleichbaren Lebensbedingungen und Habitus ähneln sich die „archäologischen Kulturen“ zwangsläufig sehr und die Unterscheidung kann sich nur auf wenige Elemente beziehen, wodurch die Abgrenzung besonders diffus ausfallen muss. Es darf dabei nämlich nicht übersehen werden, dass archäo-

Анты и пеньковская культура // Древние славяне и Киевская Русь. Киев, 1989. С. 58–69; Седов В. В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995. С. 68–94; Гавритухин И. О., Обломский А. М. Гапоновский клад и его культурно-исторический контекст. М., 1996. (Раннеславянский мир; вып. 3); Гавритухин И. О., Лопатин Н. В., Обломский А. М. Восточная Европа в середине I тысячелетия н. э. М., 2007. (Раннеславянский мир; вып. 9).

⁹⁴ Баран В. Д. Черняхівська культура. За матеріалами Верхнього Дністра і Західного Бугу. Київ 1981; Godłowski K. Germanische Wanderungen vom 3. Jh. v. Chr. bis ins 6. Jh. n. Chr. und ihre Widerspiegelung in den historischen und archäologischen Quellen. Peregrinatio Gotica 2 / Hrsg. J. Kmieciński. Łódź, 1989. S. 68. (Archaeologica Baltica; 8).

⁹⁵ Русанова И. П. Памятники типа Пеньковки // Проблемы археологии. Л., 1978. Вып. 2. С. 114–118; Седов В. В. Восточные славяне. М., 1982. С. 28. (Археология СССР).

⁹⁶ Горюнов Е. А., Казанский М. М. Спорные вопросы изучения пеньковской культуры // КСИА. М., 1981. Вып. 164. С. 10–17.

⁹⁷ Поболь Л. Д. Раннесредневековые древности Белоруссии (IV–VI вв. н. э.) // Berichte über den II. Internationalen Kongress für slawische Archäologie, 3. Berlin, 1973. С. 491–500; Поболь Л. Д. Славянские древности Белоруссии. Могильники раннего этапа зарубинецкой культуры. Минск, 1973; Третьяков П. Н. По следам древних славянских племён. Л., 1982; Баран В. Д. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990; Макушиков О. А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие. Гомель, 2009. С. 5.

⁹⁸ Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. С. 82–83; Седов В. В. Восточные славяне. С. 34–45.

⁹⁹ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 187.

¹⁰⁰ Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии: сб. ст., посвящённых 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972. С. 108–118; Горюнов Е. А. Op. cit. С. 60–71.

¹⁰¹ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 188.

⁸⁷ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 186.

⁸⁸ Erstbeschreibung der Prager Kultur: Borkovský I. Staroslavanská keramika ve střední Evropě. Studie k počátkům slovanské kultury = Die altslawische Keramik in Mitteleuropa. Ein Beitrag zu den Anfängen der slawischen Kultur. Praha, 1940.

⁸⁹ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 186.

⁹⁰ Русанова И. П. Славянские древности VI–VII вв. Культура пражского типа. М., 1976.

⁹¹ Godłowski K. Die Frage der slawischen Einwanderung ins östliche Mitteleuropa // Zeitschrift für Ostforschung. 1979. № 28. S. 419.

⁹² «Славянский хозяйственно-бытовой комплекс». Минасян Р. С. Раннеславянский хозяйственно-бытовой инвентарь и его появление в лесной зоне Восточной Европы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980; Минасян Р. С. Проблемы славянского заселения лесной зоны Восточной Европы в свете археологических данных // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 24–29.

⁹³ Горюнов Е. А. Ранние этапы истории славян Днепровского левобережья. Л., 1981. С. 71–82; Приходнюк О. М.

logische Kulturen wissenschaftliche Konstrukte zur deskriptiven Gliederung des Materials sind, die die tatsächlichen Verhältnisse vereinfachen, eine künstliche Ordnung schaffen und keine einstige Realität abbilden.

Nach Osten lässt sich also kaum eine klare Abgrenzung der Prag-Korčak-Kultur ausmachen. Demgegenüber fällt sie nach Westen hin recht scharf aus, wo deutliche kulturelle Unterschiede zum fränkischen, thüringischen und sächsischen Raum zu finden sind. Im Süden bildete die untere und mittlere Donau eine scharfe, politische Grenze zu Byzanz. Im östlichen Europa vollzog sich eine großräumige kulturelle und wahrscheinlich auch sprachliche Vereinheitlichung, die als „Slawisierung“ bezeichnet werden kann, wobei mit Sicherheit Assimilationsprozesse von Bevölkerungsgruppen eine wichtige Rolle spielten¹⁰². Nicht von der Prag-Korčak-Kultur repräsentiert sind die Slawen im Reichsgebiet südlich der Donau und der gesamte Bereich nördlich der Mittelgebirge zwischen unterer Elbe und Neman. Dort gibt es kaum Grubenhäuser und Brandbestattungen, aber dennoch trägt die frühmittelalterliche Besiedlung in diesem Raum slawischen „Charakter“. Möglicherweise lassen sich die Unterschiede durch naturräumliche Faktoren erklären: Klima und Hydrographie sprachen gegen den Bau von eingetieften Häusern, die Brandbestattungen wurden als oberflächennahe Brandschüttungen vorgenommen, weshalb sie archäologisch kaum nachweisbar sind. Die Gefäßkeramik beschränkte sich ebenfalls auf unverzierte, handgefertigte Gefäße vom Sukower Typ, der sich nur wenig vom Prager Typ unterscheidet.

Diese großräumige Unterteilung des slawischen Raums stellt wahrscheinlich keine sekundäre Differenzierung einer „ursprünglich“ einheitlichen (ur-)slawischen kulturellen Gemeinschaft dar. Die Unterschiede zwischen Nord und Süd dürften sich mit der Slawisierung dieser Räume herausgebildet haben, wobei auch zeitliche Unterschiede der Besiedlung eine Rolle spielten¹⁰³.

Am kurz umrissenen Beispiel der frühen Slawen wird deutlich, dass die Verbindung der großen Sprachgruppen mit ausgedehnten, in sich jedoch differenzierten Kulturräumen, zunächst keine großen Probleme bereitet. Quadratische Grubenhäuser, eine wirtschaftliche Grundlage aus mehr Ackerbau als Viehhaltung und eine annähernd egalitäre, nur wenig hierarchisierte Gesellschaft ohne ausgeprägte Spitze gelten in Archäologie und Geschichtswissenschaft als „typisch“ für die Slawen; Germanen werden oft durch große Wohnstallhäuser, dominierende Viehhaltung, „Gefolgschaften“ und Kriegertrupps (sogenannte „Traditionskerne“) charakterisiert¹⁰⁴. Problematisch wird es erst dann, wenn nach genauen Begrenzungen dieser Kulturräume gesucht wird, denn die Grenzbereiche sind unscharf. Die Abgrenzung verschiedener Gruppen voneinander geschah anhand von Zeichen,

die keinesfalls materieller Art sein müssen. Wichtig war vor allem, dass diese Zeichen von allen Gruppenmitgliedern verstanden wurden, sie müssen sich also in einem gemeinsamen Kommunikationssystem befunden haben, sonst waren Missverständnisse nicht zu vermeiden. Aus den Angaben der schriftlichen Quellen lassen sich kaum materielle Zeichen erschließen, die der Archäologie zugänglich wären¹⁰⁵. Symbole können unter günstigen Umständen gefunden und als Zeichen erkannt werden, doch ihre Bedeutung kann niemals archäologisch erschlossen werden. Eindeutige materielle Symbole sind im Allgemeinen sogar nicht zu erwarten, dagegen eher eine flexible Instrumentalisierung von Zeichen auf verschiedenen Ebenen. Es lässt sich nicht ermitteln, ob die zur Charakterisierung als „archäologische Kultur“ herangezogenen Merkmale der Sachkultur für die subjektive Zuordnung zu politisch-ethnischen Gruppen relevant waren. Auch naturräumliche und wirtschaftliche Faktoren führen zur Abgrenzung von Siedlungsgemeinschaften, von denen sich mehrere als eine „ethnische Gemeinschaft“ verstanden haben können¹⁰⁶. Die Sprache ist als Merkmal für bewusste Abgrenzung ein eher nachgeordnetes Merkmal. Wie soziologische Vergleiche zeigen, hat sie keine vordergründige ethnische Relevanz¹⁰⁷. Erst durch den modernen Nationalismus des 19. Jh. wurde die Sprache zum konstituierenden Merkmal einer Nation¹⁰⁸. Gleichzeitig bewirkten die nationalstaatlichen Grenzen sekundär auch eine tatsächliche sprachliche Abgrenzung – die Angleichung der Sprachräume an die Siedlungsgebiete¹⁰⁹. Es zeigt sich, dass nicht Sprachen Siedlungsgebiete abgrenzen, sondern umgekehrt: die Isolation von Bevölkerungen – durch geographische oder politische Trennlinien – führt sekundär auch zu sprachlicher Differenzierung¹¹⁰.

Fundkartierungen spiegeln Siedlungsareale wider; Übereinstimmungen und Ähnlichkeiten von Kulturelementen weisen auf Kommunikation innerhalb dieser Gebiete hin, mehr Ähnlichkeiten auf intensivere Kommunikation. Eine ethnische Zusammengehörigkeit bedeutet das nicht. Gustaf Kossinna zog seine Schlussfolgerungen

¹⁰⁵ Ibid. S. 158; S. 304–318.

¹⁰⁶ Ibid. S. 531–532.

¹⁰⁷ Mühlmann W.E. Rassen, Ethnien, Kulturen. Moderne Ethnologie; Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 89 ff., 593.

¹⁰⁸ Vgl.: Grimm J. Über die wechselseitigen Beziehungen und die Verbindung der drei in der Versammlung vertretenen Wissenschaften [1846]; Anderson B. Die Erfindung der Nation. Zur Karriere eines folgenreichen Konzepts. Frankfurt a. M.; New York, 1996; Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 117 ff.

¹⁰⁹ Vgl.: Gardt A. Nation und Sprache. Die Diskussion ihres Verhältnisses in Geschichte und Gegenwart. Berlin; New York, 2000; Wehler H. U. Nationalismus. Geschichte – Formen – Folgen. München, 2001. S. 46–48; Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 91.

¹¹⁰ Sprachen und Sprachgemeinschaften sind in sich heterogen: soziale Schichten sprechen verschiedene Sprachen, es gibt Schriftsprache, gesprochene Sprache, regionale Unterschiede (Mundarten) ... Vgl.: Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 92.

¹⁰² Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 188.

¹⁰³ Ibid. S. 189.

¹⁰⁴ Ibid. S. 529.

zum Teil anhand einer einzigen Form¹¹¹. Kossinnas Ansatz ist methodisch problematisch, denn außer der Parallelisierung von Sachkultur, Sprache und Ethnos sind asynchrone Entwicklungen in gleicher Weise möglich und wahrscheinlich. Ethnische Identitäten können über kulturelle Brüche hinweg bewahrt bleiben, kulturelle Kontinuitäten können bei ethnischem Wandel auftreten¹¹². Seit Gordon Childe hat sich die Merkmalskombination zur Definition einer archäologischen Kultur als methodisches Instrument durchgesetzt¹¹³. Doch selbst die Kombination von Elementen aus unterschiedlichen Lebensbereichen täuscht eine kulturelle Homogenität vor, die es so nicht gibt¹¹⁴. So können sich Keramikstile ganz anders als Bestattungsformen ändern, der Hausbau hängt nicht unmittelbar mit der Waffenentwicklung zusammen, Schmuckformen nicht mit der Landwirtschaft. Diese verschiedenen Bereiche der Sachkultur lassen sich trotz gegenseitiger Beeinflussungen (abseits großer abstrahierender Linien) nur schwer parallelisieren¹¹⁵. Es herrscht hier das Problem der „Gleichzeitigkeit des Ungleichzeitigen“, das in evolutionistischen Arbeiten leicht übersehen wird.

Die Probleme, dass archäologische Kulturen keine Realität abbilden, sondern ein Ordnungsbegriff sind, und dass die Schriftquellen fast immer Eindrücke von außen wiedergeben, führen dazu, dass mit archäologischen Mitteln Ethnizität und Identitäten im Normalfall nicht direkt zu ergründen sind. Es sind Kategorien in erster Linie aus den Nachbarfächern, die nicht zu den archäologischen Quellen passen. Das Verständnis dessen, was eine Gruppierung innerhalb einer Gesellschaft ist, ist vielfältiger geworden.

Konsequenzen

Als generelle Konsequenz aus den methodologischen Problemen, die das Identitäts- und Ethnizitätskonzept mit sich bringen, favorisiert Brather den Ansatz, Archäologie als Strukturgeschichte zu begreifen, in der Phänomene der *longue durée* im Vordergrund stehen, nicht eine politische Ereignisgeschichte oder Geschichte ethnischer Gruppen¹¹⁶. Wichtig ist die Fragestellung, sie bestimmt auch die Methodologie und die Interpretation. Die Einteilung in archäologische Kulturen kann für klassifikatorische Zwecke sinnvoll sein, für andere Fragen kann sie den Blick verstellen (ebenso wie die Einteilung

in Typen)¹¹⁷. Um nicht lediglich historiographische Aussagen zu illustrieren, sollte sich die Archäologie auf Untersuchungen konzentrieren, die adäquat zu ihren Quellen sind und nicht vorrangig Probleme der Nachbardisziplinen zu lösen versuchen – Bodenfunde können keine universalen Kultur-Modelle falsifizieren¹¹⁸.

Brather hat ein übersichtliches, schematisches Drei-Ebenen-Modell entwickelt¹¹⁹, um die verschiedenen Interpretationsebenen zu verdeutlichen, mit denen Archäologen es zu tun haben (Abb. 1). Die Ebenen bauen zwar aufeinander auf, sind aber dennoch nicht so scharf voneinander zu trennen, wie es das Schema suggeriert. Sie gehen eher unscharf ineinander über.

Die Ordnung und Klassifikation des Fundmaterials und seines Kontextes (Ebene 1) bildet die Grundlage für jede weitere Interpretation. Schon diese erste Ebene beinhaltet eine Interpretation, denn die Interpretation beginnt bereits bei der Ausgrabung¹²⁰. Davon ausgehend lassen sich soziale, wirtschaftliche und kulturelle Verhältnisse und deren Veränderungen beschreiben (Ebene 2), die Brather als strukturgeschichtliche Erklärungen bezeichnet. Die dritte Ebene, die eine Verbindung zu Ereignissen und kurzfristigen Entwicklungen schafft, kann nur in Ausnahmefällen und niemals allein auf Grundlage der archäologischen Quellen erreicht werden; hierfür bedarf es besonders günstiger Überlieferungsumstände¹²¹. Die mittlere Ebene vermeidet insofern eine unzulässige Überinterpretation des archäologischen Quellenmaterials, bietet aber gleichzeitig Erklärungen und Hypothesen, ohne sich auf eine reine Sammlung von Fakten zu beschränken. Wichtig ist eine weitgehend ergebnisoffene Forschung, die bei der Interpretation des Fundmaterials die ethnische Deutung wenn überhaupt, dann nur als eine von zahlreichen Möglichkeiten in Betracht zieht¹²². Monokausale Erklärungsmuster sind grundsätzlich zu vermeiden,¹²³ denn sie können der komplexen historischen Realität niemals gerecht werden.

Die ur- und frühgeschichtliche Archäologie hat sich längst als eigenständige Fachdisziplin etabliert. Es gibt inzwischen zahlreiche Spezialisierungen, die ein weites Feld von Fragestellungen untersuchen, die nahezu alle Bereiche des menschlichen Lebens betreffen. Die Suche nach vergangenen Völkern und deren Ursprung sowie die damit verbundene ethnische Interpretation der archäo-

¹¹⁷ Ibid. S. 74.

¹¹⁸ Ibid. S. 525.

¹¹⁹ Ibid. S. 522, Abb. 85.

¹²⁰ The Politics of Archaeology and Identity in a Global Context / ed. S. Kane. Boston, 2003. P. 2; Hodder I. Sustainable Time Travel: Toward a Global Politics of the Past // The Politics of Archaeology and Identity in a Global Context / ed. S. Kane. Boston, 2003. P. 139–147.

¹²¹ Eindeutig zuzuordnende dendrochronologische Daten, Inschriften etc.

¹²² In diesem Sinne schon Eggers H. J. Das Problem der ethnischen Deutung in der Frühgeschichte // Festschrift für Ernst Wahle. Heidelberg, 1950. S. 58.

¹²³ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 565.

¹¹¹ Z. B. verzierte eiserne Lanzenspitzen = ostgermanisch. Kossinna G. Über verzierte Eisenlanzenpitzen als Kennzeichen der Ostgermanen // Zeitschrift für Ethnologie. 1905. № 37. S. 369–407.

¹¹² Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 541.

¹¹³ Childe V. G. The Danube in prehistory. Oxford, 1929. P. V–VI. Vgl. dazu auch: Клейн Л. С. Проблема определения археологической культуры // СА. 1970. № 2. С. 37–51.

¹¹⁴ Brather S. Ethnische Interpretationen... S. 533.

¹¹⁵ Ibid. S. 539.

¹¹⁶ Ibid.

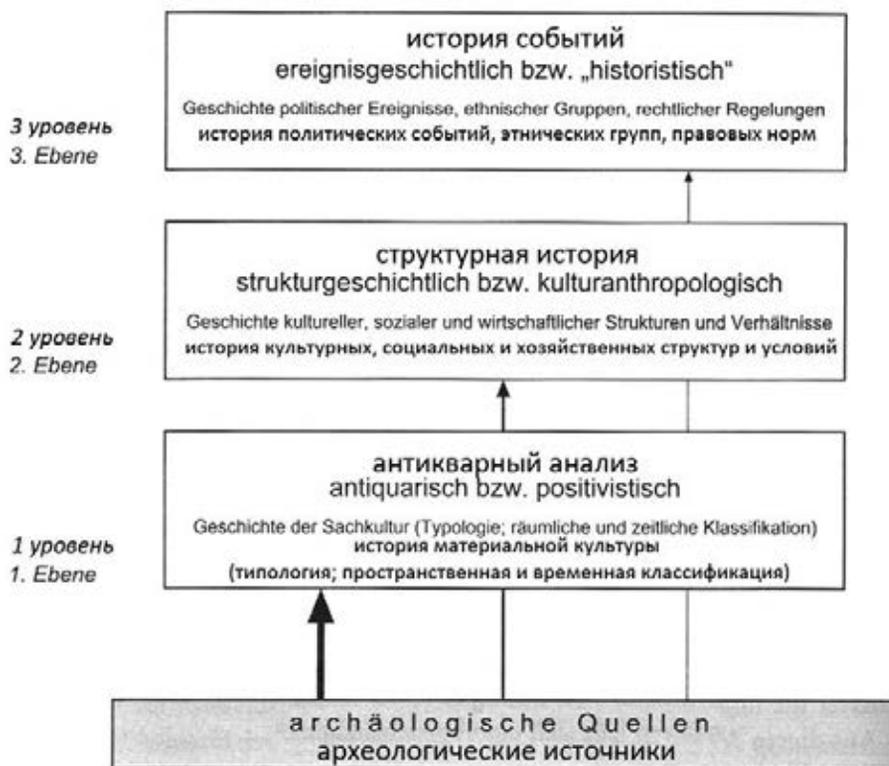

Abb. 1. Die Interpretationsebenen archäologischer Quellen (nach Brather S. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie*. S. 522, Abb. 85)

Рис. 1. Уровни интерпретации археологических источников (no: Brather S. *Ethnische Interpretationen in der frühgeschichtlichen Archäologie*. S. 522, Abb. 85)

logischen Quellen spielt zwar besonders in der frühgeschichtlichen Archäologie immer noch eine wichtige, aber bei weitem nicht mehr die führende Rolle. Die feste Etablierung und Weiterentwicklung naturwissenschaftlicher Analysemethoden in der Archäologie hat in den letzten Jahrzehnten zu einer stärkeren Orientierung des Faches an den Naturwissenschaften geführt. Das hatte auch Auswirkungen auf die untersuchten Fragestellungen. Komplexe, interdisziplinäre Untersuchungen, die die Wechselwirkungen zwischen dem Menschen und seiner Umwelt erforschen, sind inzwischen in den Vordergrund getreten. Sie werden den archäologischen Quellen besser gerecht.

Das bedeutet jedoch keineswegs, dass die Archäologie nichts zu Identitäten und Ethnizität in der Vergangenheit beitragen kann. Das Bewusstsein um den vielfältigeren und komplexeren Charakter frühmittelalterlicher Identitäten und der Paradigmenwechsel der Identitätsforschung in den Geisteswissenschaften eröffnet auch neue Forschungsperspektiven für die Archäologie. Die Erforschung vergangener Identitäten ist zwar einerseits komplexer geworden, eine größere Variabilität der Formen sozialer und ethnischer Gruppierungen mag andererseits aber auch das Verständnis der oft sehr heterogenen archäologischen Quellen erleichtern. Insgesamt wissen wir immer noch viel zu wenig über Gruppen- und Kommunikationsstrukturen, innere und äußere Beziehungen und Austauschnetzwerke¹²⁴.

¹²⁴ Pohl W. *Archaeology of identity: introduction*. P. 18.

Ausblick

In Bezug auf die frühen Slawen zeigt bereits der Blick auf die teilweise jahrzehntelangen fruchtlosen Diskussionen um die ethnische Zuordnung dieser oder jener archäologischen Kultur, dass es sich dabei oft um Glaubensfragen handelte, die an die archäologischen Quellen herangetragen wurden, ihnen aber nicht gerecht wurden. Wir haben es hier mit einem Beispiel für eine Gesellschaft zu tun, für die weder eine ausgeprägte Führungsspitze, noch spezifische Ethnonyme für einheitlich handelnde Gruppen oder eine Fülle symbolischer Objekte nachgewiesen werden können¹²⁵. Zum großen Teil waren solche Fragestellungen direkt oder indirekt mit tagespolitischen Interessen verbunden, wie der von nationalistischen Interessen geprägte Streit um die „Warägerfrage“ anschaulich illustriert¹²⁶. Es überfordert jedoch die archäologischen Quellen, um die Anwesenheit von Wikingern in Osteuropa und deren Identität zu streiten. Zwischen individueller Mobilität und Mobilität von Dingen, also

¹²⁵ Ibid. P. 23. Ausnahmen bilden hauptsächlich die Slawen entlang der unteren Donau im 6./7. Jh. Vgl.: Curta F. *The Making of the Slavs. History and Archaeology of the Lower Danube Region*, S. 500–700. P. 190–310.

¹²⁶ Vgl.: Клейн Л. С. *Спор о варягах. История противостояния и аргументы сторон*. СПб., 2009; Фомин В. В. *Варяги и варяжская Русь: к итогам дискуссии по варяжскому вопросу*. М., 2005; Егоров Ю. *Южнобалтские варяги в Восточной Европе*. С. 107–125.

kulturellem Austausch¹²⁷, kann aus archäologischer Sicht meist nur spekuliert werden. Perspektivreicher scheint die Erschließung und Untersuchung des Kommunikationsraums Osteuropa und seiner Entwicklung unter den verschiedenen Einflüssen aus Skandinavien einerseits und Byzanz andererseits. Das Frühmittelalter in Nordwestrussland und die Herausbildung der Kiever Rus' standen und stehen bis heute im Fokus der sowjetischen und russischen archäologischen Forschung¹²⁸. Aber dennoch steht eine diachrone Darstellung der kulturellen, wirtschaftlichen und sozialen Entwicklung der osteuropäischen Waldzone als Kommunikationsraum auf Grundlage der archäologischen Quellen bis heute aus. Vordergründige ethnische Zuschreibungen und Prämissen haben dies bislang verhindert. Inzwischen werden jedoch auch komplexe Fragestellungen verfolgt, die das gesamte Methodenspektrum der Archäologie nutzen und archäobotanische, archäozoologische und andere naturwissenschaftliche Analysen einbeziehen¹²⁹. Solche interdisziplinären Forschungen ermöglichen gesicherte und quellennahe Aussagen zu wirtschaftlichen Verhältnissen und Umweltbedingungen. Nur auf diese Weise kann es gelingen, die Rahmenbedingungen für die historischen Entwicklungen zu rekonstruieren, die z. B. zur Herausbildung der Kiever Rus' führten¹³⁰.

Verallgemeinernd gesagt, ist es langfristig nicht zielführend, weiterhin Fragestellungen zu verfolgen, für deren Beantwortung die zur Verfügung stehenden Quellen nicht hinreichend sind. Hinterlassenschaften homogener ethnischer Gruppen, die einer ganz bestimmten Bevölkerung entsprechen, sind im archäologischen Fundmaterial generell nicht zu erwarten. Ebenso wenig kann mit der Archäologie im Normalfall Ereignisgeschichte erhellt werden, sondern nur in besonderen Ausnahmesituationen, wo schriftliche Überlieferung und archäologische Befundlage plausibel in Übereinstimmung gebracht werden können¹³¹. Eine ethnische Zugehörigkeit

kann auf verschiedenen Ebenen stattfinden, daher gibt es auch zahlreiche Möglichkeiten, welche Art ethnischer Gruppierung mit einem Ethnonym in einer Schriftquelle gemeint gewesen sein kann¹³². Eine einfache ethnische Interpretation des archäologischen Fundmaterials überfordert daher die zur Verfügung stehenden Quellen. Die große Bedeutung, die Ethnien in den Fragestellungen der sowjetischen und postsowjetischen Archäologie haben, hängt sicher zum Teil auch damit zusammen, dass das Fach sich immer als eine Teildisziplin der Geschichte verstanden hat. Eine Emanzipation der Archäologie als eigene wissenschaftliche Disziplin ist Grundvoraussetzung, um zu eigenen, fachspezifischen und quellenadäquaten Fragestellungen zu gelangen.

Welchen Beitrag kann nun die Archäologie zur Diskussion um Ethnizität und Identität leisten? Aus den archäologischen Quellen können in der Regel keine zweifelsfreien Informationen über ethnische Zuordnungen oder Identitäten von Individuen gewonnen werden, denn es handelt sich bei beiden Kategorien um soziale und subjektive Konstrukte, die sich zwar (in unterschiedlichster Weise) in den materiellen Hinterlassenschaften niederschlagen können, aber nicht müssen. Der Beitrag kann also nur ein indirekter sein, indem die Archäologie die kulturellen, wirtschaftlichen und sozialen Verhältnisse, Kommunikationsräume und -wege und – gemeinsam mit den naturwissenschaftlichen Nachbardisziplinen – die Landschafts- und Umweltbedingungen erforscht, in denen sich die sozialen Interaktionen der Menschen, Identitätsbildungen und Ethnogenesen abspielten. Deren Erforschung selbst sollte jedoch in engem Verbund mit den entsprechenden Nachbardisziplinen geschehen, denn die Erforschung von Identitäten in der Vergangenheit ist ein weitaus komplexeres Erkenntnisziel als archäologische Kulturen mit ethnischen Gruppen zu identifizieren¹³³. Ethnische Gruppen lassen sich nicht einfach an regionalen Unterschieden ablesen, denn sie stellen weder eine unveränderliche Zuschreibung dar, noch erfasst ihre Charakterisierung alle Bereiche der Gesellschaft. Anstelle nach einer wie auch immer gearteten Form der Ethnizität zu suchen müssen weitaus flexiblere Formen der Identitäten gedacht werden, denn der größte Teil des archäologischen Fundmaterials ist nicht ethnisch signifikant. Es enthält aber sehr viel weiter reichende Informationen über den konkreten Lebensalltag der Menschen in der Vergangenheit, die zu entlocken im Verbund mit den archäologischen Nachbardisziplinen vordringlichste Aufgabe der Archäologen sein sollte.

¹²⁷ Vgl. zur Mobilität von Objekten: Steuer H. ‚Objektwanderung‘ als Quelle der Kommunikation. Die Möglichkeiten der Archäologie // Kommunikation und Alltag in Spätmittelalter und früher Neuzeit. Wien, 1992. S. 401–440. (Veröffentlichungen des Instituts für Realienkunde des Mittelalters und der frühen Neuzeit; Bd. 15).

¹²⁸ Vgl. z. B. mehrere Tagungsbände der letzten 10 Jahre: У истоков русской государственности. СПб., 2007; Сложные русские государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009; Северная Русь и проблемы формирования древнерусского государства. Вологда, 2012.

¹²⁹ In dieser Hinsicht beispielhaft sind die Forschungen des Jubilars, der hier eine Vorreiterrolle einnimmt. Vgl. z. B.: Макаров Н.А. Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере: в 3 т. М., 2007–2009.

¹³⁰ Vgl. auch: Макаров Н.А., Носов Е.Н., Янин В.Л. Начало Руси глазами современной археологии // Вестник Российской академии наук. 2013. Т. 83, № 6. С. 496–507.

¹³¹ Vgl. als Beispiel für eine derartige günstige Befundlage z. B. Schneeweiß J. Neues vom Hühbeck-Kastell // Nachrichten aus Niedersachsens Urgeschichte. Bd. 81. 2012. S. 81–

110. Zur Diskussion: vgl. Schneeweiß J. How historical dates can affect archaeological research. The Viking Age examples of 793 A.D., 862 A.D. and 929 A.D. // Российский археологический ежегодник, 5. 2015.

¹³² Pohl W. Archaeology of identity: introduction. P. 15–17, 22.

¹³³ Vgl.: Davidovic A. Identität – ein unscharfer Begriff: Identitätsdiskurse in den gegenwartsbezogenen Humanwissenschaften. S. 52–56.

Резюме

Йенс Шнеевайс

Идентичность и этничность в Средневековье. О вкладе археологии в актуальную дискуссию

Этничность и идентичность относятся к терминам, которые имплицитно отражают концепции, занимающие центральное место в археологии. Ведь только в раннем Средневековье Европы политические структуры развивались так, что образовался мир из различных народов. При этом единственные источники для реконструкции исторических процессов во многих регионах в данный период – именно археологические свидетельства. Однако как в немецком, так и в русском научно-исследовательском сообществе изучение этнической идентичности долго не могло оформиться в особое, присущее археологии направление. Правда, в советской и постсоветской археологии вопросы этногенеза и поиск «народов прошлого» играли и играют центральную роль, но теоретическая рефлексия обычно оказывается здесь бессильной. В последние десятилетия методологическая и теоретическая дискуссия была продвинута, главным образом, усилиями англо-американской археологии.

В современной Германии проблема этнических интерпретаций в археологии усиленно дискутируется. Те письменные источники, которые имеются для протоисторического периода, содержат данные, которые, несмотря на их относительную малочисленность, сильно влияют на результаты интерпретации археологов. Основные варианты этнических интерпретаций в археологии: идентификация заселенных территории; соединение культурных и этнических явлений; процессы этногенеза; доказательство миграции и определение состава популяций (выделение приезжих и меньшинств). Все попытки этнических идентификаций основаны на выделении внутренне однородных, но резко различающихся между собой групп населения, причем исследователи априорно предполагают наличие тесной связи между языком и материальной культурой.

Термины «идентичность» и «этничность» тесно связаны друг с другом и в основном разработаны в смежных научных дисциплинах, от которых археология получила импульсы для постановки вопросов и осуществления конкретных интерпретаций (только понятие «археологической культуры» выработано в ходе методического саморазвития археологии). Термин «идентичность» используется преимущественно в социальных и гуманитарных науках. Под ним понимаются отдельные лица и группы как относи-

тельно устойчивые и гомогенные целостности. Идентичность не является качественной характеристикой личности, но определяет ее отношение к другим. В раннесредневековых обществах идентичность человека зависела, прежде всего, от его происхождения и принадлежности к определенному социальному слою. Идентичности (или тождества) обладают в то же время определенной гибкостью, как показывает возможность существования «гибридных» идентичностей и пограничных, переходных состояний. Кроме того, надо учитывать и «ролевое поведение» – ведь люди имеют групповую принадлежность, зависящую от данного контекста. Можно выделить разные виды социальной идентичности, которые могут меняться по ходу жизни: профессиональную, этническую, региональную, политическую и т.п.

Термин «этничность» – научная категория для обозначения культурно различных (этнических) групп и их тождества. Современная концепция этничности фокусируется в основном на ее процессуальном, социально сконструированном характере и гомогенности. Предполагается, из-за изменчивости и сложности этнических идентичностей, что они конструированы культурно и социально. Однако консенсуса в определении этничности не существует. Она является формой социальной организации культурных различий. Этническая идентичность может быть определена в формулировке М.Вебера как *Gemeinsamkeitsglauben* («чувство (= вера) принадлежности к единому сообществу»). Предпосылками для определения этнической принадлежности являются социальные маркеры, позволяющие различать группы. Они могут иметь разные основы, как то: географическое происхождение, внешность, хозяйственная специализация, религия, язык и/или самые внешние характеристики, такие как одежда и пища. Но важно, прежде всего, осознание своей личности, ограниченности, то есть присутствие самого *представления* о том, что разные группы существуют. Идентичность и этничность, следовательно, порождаются социальными группами. Они динамичны и выражают социальные и политические претензии (амбиции).

Современная идея «народа» развивалась в конце XVIII и начале XIX в., причем фольклористика и праистория, с присущим им изначально дилетантизмом, сохраняли те же романтические идеи весь XIX век.

Обе исходили из того, что народная культура потеряется в современном мире, и старались как можно больше от нее сохранить или, по крайней мере, исследовать ее происхождение. Решающим для этих идей была выработанная еще Й.Г.Гердером и усвоенная языкознанием XIX столетия глубокая убежденность в том, что «народы» и «языки» совпадают и, следовательно, этнополитические группы можно выделять на базе критериев лингвистики. Этнография, антропология и праистория развивались в основном параллельно и только в ходе XIX в. стали отдельными дисциплинами, что обеспечивало единство в постановке вопросов. Таким образом, понятия «язык», «народ», «культура», «раса» воспринимались в значительной мере как совпадающие друг с другом категории, с помощью которых казалось возможным отличать одни группы от других. Эта точка зрения в конечном счете стала основой для произвольного соединения материальной культуры, языка и этноса Г. Коссинной, которое повлекло серьезные последствия для археологии XX столетия и отчасти имеет последствия до наших дней. Оно позволило использовать археологию как инструмент в реализации злободневных политических интересов.

Есть три основных подхода к пониманию этничности: примордиальный, инструменталистский и конструктивистский. Согласно первому, люди принадлежат к определенным этническим группам по рождению, то есть осознание принадлежности к таким группам закодировано генетически и является продуктом общей эволюции человека. Исходя из примордиальной точки зрения, этнос – это сообщество, характеристики которого едины и существуют объективно: территория, язык, хозяйство, раса, религия, мировоззрение, даже психическая природа. Эта точка зрения была предпосылкой обширных исследований этногенеза в советской археологии и этнографии. В инструменталистском понимании этничность – результат политического мифотворчества культурных элит, который поддерживает их в стремлении к привилегиям и власти с целью управлять массами. Такой подход сводит представление об этнических группах к формированию объединений, основанных на экономических и политических интересах. Разные подходы не исключают один другой, напротив, их следует комбинировать, так как этническая идентичность – понятие разнообразное и сложное. Поэтому наиболее перспективен для изучения этничности конструктивистский синтез разных аспектов.

Дискурс этнической интерпретации археологических свидетельств и находок существует в немецкой археологии около 15 лет и в значительной мере продвинулся по инициативе и под влиянием работы Себастиана Братера. Согласно ему, этнос и идентичность – категории прежде всего социальные. Суть критики этнической интерпретации археологических материалов – в понимании того, что *язык, народ, куль-*

тура, раса – это научные дефиниции, представляющие четыре разных профессиональных подхода к прошлому, а не однородные и четко различимые группировки. Их совпадение или синхронность *a priori* предполагать нельзя. Этническое значение конкретных признаков культуры, на основе которых выделялись группы, не содержится в самом материале, а привносится извне и априорно определяет вектор интерпретации.

Отправная точка для всех подходов к интерпретации – «этнонимы» в письменных источниках. Но ведь названия в источниках не однозначны, а многослойны, и термины используются очень гибко. Готы, франки и другие – это в первую очередь *политические* объединения представителей различных групп. Много свидетельств того, что по крайней мере до VII–VIII вв. «этнонимы» прилагали исключительно к социальной элите, они никогда не описывали всё «племя» или «народ». Терминология этничности применялась прежде всего по отношению к состоянию войны – культурные, правовые и лингвистические аспекты отступали перед ней. «Этнонимами» называли прежде всего группы воинов, и понятие этнонимов расширилось гораздо позже. Сами процессы этногенеза происходили не одновременно и не однородно. Их ход, конечно, в значительной мере зависел от исторических условий и мог быть очень различен. Этническая идентичность была лишь одной из нескольких идентичностей, в зависимости от социальных ролей и степени отчужденности, но в целом, это – явление элитное. Для рядового населения важнее были другие, главным образом, социальные формы включенности, так как они определяли его повседневную жизнь. Таким образом, между общественным характером идентичностей и материалом археологии, отражающим распространение жизни в пространстве, заложено фундаментальное противоречие, и есть сомнения в том, следует ли вообще связывать друг с другом этнос и материальную культуру.

Кельты, германцы и славяне – это крупные лингвистические группы без общего этнического самосознания или чувства общности. Они не являются этносами, так как этносы определяются верой в их единство. Эти крупные языковые и культурные пространства отражают, на разных уровнях, прежние зоны коммуникации. Опасность неверного понимания определена тем, что история, лингвистика и археология используют одни и те же термины, но с другими значениями – ведь они работают с разными по типам источниками и с неодинаковыми историческими контекстами.

Фундаментальная проблема исследований в восточноевропейской и советской археологии – этногенез и распространение славян, в котором локализация «прародины» славян издавна играла ключевую роль. Гипотезы о прародине строились на данных лингвистики, и опираясь на нее, славяне должны

были распространиться более чем на половину Европы. Предпосылкой для изучения этногенеза было ошибочное представление о том, что этническая идентичность, материальная культура, язык и население развиваются практически синхронно. В научной дискуссии о культурной преемственности с римского времени до эпохи славян особую роль играют четыре культуры: черняховская (Sântana-de-Mureș) культура; позднезарубинецкая культура Припяти и среднего Поднепровья; киевская культура берегов Днепра и Десны; пшеворская культура на верхнем и среднем Одере и Висле. В целом, правда, старания археологически проследить корни славян до времени ранее середины I тыс. н.э. (около 500 г. н.э.) не дали убедительных результатов. Только противостояние Византии набегам славян в VI в. позволяет подтвердить существование понятия «славяне» в это время. Археологическим источникам придают в дискуссии большое значение уже в силу малочисленности письменных. Керамика типа Прага-Корчак, погребальный обряд (кремация) и подквадратные (полу-) землянки с печкой или очагом считаются показателями присутствия славян, также как и земледелие (особенно в лесной зоне Северо-Запада России).

Тем не менее эти различия не четкие, ведь соседние культуры (Пеньковская, Колочинская и др.) имеют такие же характеристики. Эти культуры развивались на той же географической, хозяйственной и исторической базе, в результате чего возникли сопоставимые культурные признаки и традиции. Выводить этнический фон из такой основы *a priori* невозможно. Археологические культуры в сопоставимых условиях неизбежно похожи друг на друга, различия могут касаться только избранных элементов. Нельзя забывать, что археологические культуры – это научные конструкты для описания и расчленения археологического материала, они упрощают реальные обстоятельства, создают искусственный порядок и не изображают былую реальность. В отличие от восточной, западная граница славян различима довольно хорошо. Здесь можно найти существенные культурные различия по сравнению с франкской, тюрингской или саксонской территориям. На юге нижний и средний Дунай образовал четкую политическую границу с Византией. В Восточной Европе произошла широкомасштабная культурная и, возможно, языковая унификация, которую можно назвать «славянизацией». При этом, несомненно, играли важную роль процессы ассимиляции разных групп населения. Крупномасштабное подразделение славянского пространства, вероятно, не является вторичной дифференциацией «первоначально» единого (пра-) славянского культурного сообщества. Соединить крупные языковые группы с обширными, но дифференцированными внутри культурными пространствами не так сложно. Но

проблемы возникают тогда, когда идет поиск точных границ этих культурных пространств, так как пограничные зоны нечеткие. Разграничение различных групп друг от друга произошло, вероятнее всего, на основе символов не материальной природы. Важно прежде всего то, что эти символы были понятными для всех членов группы, следовательно, они должны были существовать в одной системе коммуникации. Совершенно невозможно определить, насколько выделенные для характеристики археологической культуры признаки материальной культуры были существенны и в прошлом для субъективной идентификации политико-этнических групп.

Язык как признак сознательного разграничения имеет второстепенное значение. Как показывают социологические сравнения, он не особенно важен для этнического самоопределения. Только в эпоху современного национализма, в XIX в., язык стал учреждающим признаком нации. Не языки разграничивают населенные территории, а наоборот: изоляция популяций по географическим или политическим границам впоследствии ведет и к языковой дифференциации.

Археологические карты распространения находок отражают ареалы заселения; сходства и совпадения культурных элементов указывают на коммуникационные связи в этих ареалах (большее сходство – на более интенсивную коммуникацию). Но все это не означает этнического единства. Подход Густава Коссинны с точки зрения методологической ущербности. При этом даже сочетание элементов из разных областей жизни, в манере Гордона Чайлда, лишь симулирует культурную однородность, которая на самом деле отсутствует. Стили керамики могут изменяться совсем не так, как меняется погребальный обряд, а конструкция жилищ не связана с развитием оружия напрямую, также как формы украшений не связаны с земледелием. Археологические культуры не отображают реальность – это критерий условного упорядочивания.

Таким образом, этническая принадлежность и идентичность обычно не раскрываются археологическими методами. Это категории смежных дисциплин, материал которых археологические источники не отражают. В общем, С. Братер предпочитает видеть в археологии структурную историю, где на первый план выступают долгосрочные феномены (*longue durée*), а не события политической истории или этнических групп. Для того, чтобы не просто иллюстрировать постулаты историографов, археология должна сосредоточиться на исследованиях, адекватных ее источникам, не пытаясь решить проблемы других дисциплин (во всяком случае, решать их не в первую очередь).

Чтобы проиллюстрировать различные уровни интерпретации, с которыми имеют дело археологи, С. Братер разработал трехуровневую схему (рис. 1). Третий уровень, где возникает связь с событиями и

непродолжительными периодами развития, может быть достигнут лишь в исключительных случаях (и никогда – на основе исключительно археологических источников), для этого требуются особо благоприятные обстоятельства «предания». Средний уровень, наверное, самый подходящий в большинстве случаев. Так называемая структурная история не ограничена лишь сбором фактов, но позволяет предлагать объяснения и гипотезы, при этом избегая новой трактовки археологического материала. В целом, независимо от какого-либо уровня, следует принципиально избегать монопричинности при анализе исторических процессов. Выводы, основанные на знании только одной из сторон процесса, не могут достоверно показать комплексность и многогранность исторической реальности.

До- и протоисторическая археология давно сложилась как самостоятельная научная дисциплина. Есть многочисленные специальные направления, исследующие бесчисленные вопросы и охватывающие практически все сферы человеческой жизни. Поиск народов древности и их происхождения, а также связанная с этим этническая интерпретация археологических источников по-прежнему играют важную, но далеко не главную роль, особенно в протоисторической археологии. На первый план вышли комплексные междисциплинарные исследования, исследующие взаимодействие человека с окружающей средой. Они лучше соответствуют археологическим источникам. Но это не значит, что археология не может ничего внести в изучение идентичности и этничности в прошлом. Признание большей изменчивости форм социальных и этнических групп может, в конце концов, облегчить понимание археологических источников, зачастую неоднородных.

Что касается древних славян, опыт десятилетий отчасти бесплодных дискуссий об этнической при-

надлежности той или иной археологической культуры уже показывает, что это часто лишь «вопрос веры», нередко прямо или косвенно связанный с краткосрочными политическими интересами. Раннее Средневековье на Северо-Западе России и формирование Руси были и остаются в центре внимания советских и российских археологических исследований. Но не хватает чистого, без предвосхищающей этнической интерпретации, диахронического свода материалов, отражающих культурное, хозяйственное и социальное развитие восточноевропейской лесной зоны как зоны коммуникаций, составленного на базе археологических источников. Междисциплинарные исследования с привлечением всего методологического спектра не только археологии, но и других гуманитарных и естественнонаучных дисциплин уже позволяют формировать надежные, основанные на источниках представления о хозяйственном развитии и условиях окружающей среды. Только на этом пути можно обрисовать историческую эпоху, в которой совершались такие события, как, например, рождение Руси.

Поэтому вклад археологии в исследование идентичности и этничности может быть только косвенным, он в том, чтобы изучить культурные, хозяйственные и социальные обстоятельства, зоны и пути (а также способы) коммуникаций; вместе с естественнонаучными дисциплинами – восстановить ландшафт и условия окружающей среды, то есть те рамки, в которых строилось социальное взаимодействие людей, формировались идентичности, шел этногенез. Однако изучение этих последних следует вести только в тесном со трудничестве с соответствующими научными дисциплинами, ведь исследование идентичностей прошлого – крайне сложная задача, ее не решить механическим соединением археологических культур с этническими группами.

Список сокращений

- ААЭ – Акты, собранные Археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. I
- АВСЗ – Археология Владимиро-Суздальской земли: материалы научного семинара. М.: ИА РАН (Вып. 1, 2, 5); М.; СПб.: ИА РАН (Вып. 3, 4)
- АИП – Археологическое изучение Пскова
- АИППЗ – Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы семинара (с 2005 г. – им. академика В. В. Седова)
- АН РТ – Академия наук Республики Татарстан
- АО – Археологические открытия. М.
- АС – археологический съезд
- АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- АСЭИ – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
- БКД – Большой Кремлевский дворец
- ВГУ – Воронежский государственный университет
- ВСМЗ (ГВСМЗ) – Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник
- ВЭГУ – Восточная экономико-юридическая гуманитарная академия (Академия ВЭГУ)
г. х. – год хиджры
- ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
- ГАРО – Государственный архив Рязанской области
- ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949
- ГИМ – Государственный исторический музей
- ГМЗРК – Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»
- ГМИРиА – Государственный музей истории религии и атеизма
- ГНИМА – Государственный научно-исследовательский музей архитектуры им. А. В. Щусева
- ДГ – Древнейшие государства Восточной Европы (до 1991 г.: Древнейшие государства на территории СССР: материалы и исследования). М.
- ДДГ – Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л., 1950
- ЗАО – Записки Императорского археологического общества
- ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей
- ЗОРСА – Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества
- ИА РАН – Институт археологии Российской академии наук
- ИА НАН Украины – Институт археологии Национальной академии наук Украины
- ИАК – Известия Императорской археологической комиссии. СПб., Петроград
- ИГЕМ РАН – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН» (Москва)
- ИЗО ГИМ – Отдел изобразительного искусства Государственного исторического музея
- ИИМК РАН – Институт истории материальной культуры Российской академии наук
- Ипат. – Ипатьевская летопись / под ред. А. А. Шахматова. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. (ПСРЛ. Т. 2)
- ИЯЛИ – Институт языка, литературы, истории им. Г. Ибрагимова
- ИЯЛИ КарНЦ РАН – Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН
- КСИА – Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР / РАН. М.
- КСИИМК – Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
- КСМ – Культура средневековой Москвы. Исторические ландшафты. М.: Наука, 2005
- КФАН СССР – Казанский филиал АН СССР
л. с. – лицевая сторона
- Лавр. – Лаврентьевская летопись. М., 2001. (ПСРЛ. Т. 1)
- ЛГУ – Ленинградский государственный университет
- ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
- МАО – Московское археологическое общество
- МАР – Материалы по археологии России, издаваемые Императорской археологической комиссией. СПб.
- МГОМЗ – Московский государственный объединенный художественный историко-архитектурный и природно-ландшафтный музей-заповедник
- МГУ – Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

- МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
- МИГМ – Музей истории города Москвы
- МК – Московская керамика. Новые данные по хронологии. М., 1991
- НА РИАМЗ – Научный архив Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника
- НГАСУ – Нижегородский архитектурно-строительный университет
- НГМ – Новгородский государственный музей
- НГОМЗ – Новгородский государственный объединенный музей-заповедник
- НИИЯЛиЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и экономики при Правительстве Мордовской АССР
- НИС – Новгородский исторический сборник
- НМ РТ – Национальный музей Республики Татарстан
- ННЗ – Новгород и Новгородская земля: история и археология. Великий Новгород
- НПЛ – Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / под ред. А.Н.Насонова. М.; Л., 1950
- НС ГИМ – Нумизматический сборник Государственного исторического музея
- НЭ – Нумизматика и эпиграфика
о. с. – оборотная сторона
- ОАВЕС – Отдел археологии Восточной Европы и Сибири Государственного Эрмитажа
- ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея
- ОПИ ИА РАН – Отдел полевых исследований Института археологии РАН
- ОРПГФ МЗ МК – Отдел рукописных, печатных и графических фондов музея-заповедника «Московский Кремль»
- ПВЛ – Повесть временных лет
- ПГИПН – Подмосковная государственная инспекция пробирного надзора
- ПГПУ – Пензенский государственный Поволжский университет
- ПИМ – Памятники исторической мысли
- ПКНО – Памятники культуры. Новые открытия: ежегодник
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
- ПСТГУ – Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
- РА – Российская археология. М.
- РАН – Российская академия наук
- РГАДА – Российский государственный архив древних актов
- РГНФ – Российский гуманитарный научный фонд
- РИАМЗ – Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник
- РЛ – Русские летописи
- РНБ – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)
- Родина – Родина: Российский исторический журнал. М.
- РОКМ – Рязанский областной краеведческий музей
- РФА – рентгенофлуоресцентный анализ
- СА – Советская археология. М.
- САИ – Свод археологических источников
- СОМ – Смоленский областной музей (ныне Смоленский государственный музей-заповедник)
- СО РАН – Сибирское отделение РАН
- СПбГУ – Санкт-Петербургский государственный университет
- СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв.
- ТАС – Тверской археологический сборник. Тверь
- ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа
- ТОДРЛ – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН
- ТТЗ – Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь
- ФГБУК – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
- ЭВ – Эпиграфика Востока
- ANSMN – The American Numismatic Society Museum Notes
- LMS – Archäologisches Landesmuseum der Christian-Albrechts Universität (Kiel, Schleswig)
- MGH Lib. mem. – Monumenta Germaniae Historica, Libri memoriales et Necrologia, Nova series
- MGH SS – Monumenta Germaniae Historica, Scriptorum (in folio)
- SHM – Statens Historiska Museum Stockholm
- SK – Seminarium Kondakovianum
- SMPK/MVF PM-A – Staatliche Museen zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz, Museum für Vor- und Frühgeschichte, Archiv des ehemaligen Prussia-Museums
- SNAT – Sylloge Numorum Arabicorum Tübingen
- NIKU – Norsk institutt for kulturminneforskning

Сведения об авторах

Алешинская Анна Сергеевна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Москва). asalesh@mail.ru

Баранова Светлана Измайловна – доктор исторических наук, хранитель МГОМЗ, доцент кафедры музеевологии Российского государственного гуманитарного университета (Москва). svetlanbaranova@yandex.ru

Беляев Леонид Андреевич – доктор исторических наук, заведующий отделом Московской Руси ИА РАН, главный редактор журнала «Российская археология» (Москва). labeliaev@mtu-net.ru

Брисбейн Марк (Brisbane, Mark) – профессор Борнмутского университета (Дорсет, Великобритания). mbrisbane@bournemouth.ac.uk

Бужилова Александра Петровна – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, директор НИИ и Музея антропологии им. Д.Н.Анучина МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва). albu_ra@mail.ru

Гайдуков Пётр Григорьевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора ИА РАН (Москва). russianchange@yandex.ru

Гамилтон-Дайер Шейла (Hamilton-Dyer, Sheila) – Борнмутский университет (Дорсет, Великобритания). shd@shdbones.plus.com

Гиппиус Алексей Алексеевич – доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник Лаборатории лингвосомиотических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва). agippius@mail.ru

Гомзин Андрей Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник научно-фондового отдела ФГБУК «Рязанский историко-архитектурный музей-заповедник» (Рязань). gomzin_a@mail.ru

Гончарова Наталия Николаевна – кандидат биологических наук, старший преподаватель кафедры антропологии биологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва). 1455008@gmail.com

Ениосова Наталья Валерьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва). eniosova@inbox.ru

Ершов Иван Николаевич – научный сотрудник ИА РАН (Москва). ershovin@yandex.ru

Зайцева Ирина Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН (Москва). izaitseva@yandex.ru

Зеленцова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН (Москва). olgazelentsova2010@yandex.ru

Ибсен Тимо (Ibsen, Timo) – доктор, Центр балтийской и скандинавской археологии (Шлезвиг, Германия). timo.ibsen@schloss-gottorf.de

Ивакин Глеб Юрьевич (Ивакин Гліб Юрійович) – доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, заместитель директора ИА НАН Украины (Киев, Украина). ivaking@iananu.org.ua

Коваль Владимир Юрьевич – кандидат исторических наук, заведующий отделом средневековой археологии ИА РАН (Москва). kovaloka@mail.ru

Комар Алексей Викторович (Комар Олексій Вікторович) – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела древнерусской и средневековой археологии ИА НАН Украины (Киев, Украина). akomar@mail.ru

Кочанова Мария Дмитриевна – научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Москва). mdkochanova62@mail.ru

Кочуркина Светлана Ивановна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, зав. сектором археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН (Петрозаводск). babkin@karelia.ru

Кренке Николай Александрович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН (Москва). nkrenke@mail.ru

Кудряшов Александр Валентинович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Череповецкого государственного университета, заведующий отделом истории и природы края Череповецкого музейного объединения (Череповец). akudryash@narod.ru

Кузина Инна Николаевна – младший научный сотрудник отдела средневековой археологии ИА РАН (Москва). kuzina.i@gmail.com

Кулькова Марианна Алексеевна – кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии и геоэкологии Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена (Санкт-Петербург). kulkova@mail.ru

Кучкин Владимир Андреевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, руководитель Центра по истории Древней Руси Института российской истории РАН (Москва). kuchkin_va@mail.ru

Лаврушин Юрий Александрович – доктор геолого-минералогических наук, главный научный сотрудник Геологического института РАН (Москва). lavrushin09@mail.ru

Лапшин Владимир Анатольевич – доктор исторических наук, директор ИИМК РАН (Санкт-Петербург). vladimirlapshin51@yandex.ru

Леонтьев Андрей Евгеньевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН (Москва). leont3@mail.ru

Лопатин Николай Владимирович – кандидат исторических наук, зав. информационно-издательской группой ИА РАН (Москва). n.lopatin@gmail.com

Медынцева Альбина Александровна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН (Москва). medyntc@gmail.com

Милованов Сергей Иванович – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН (Москва). milovan@bk.ru

Михайлова Елена Робертовна – кандидат исторических наук, зав. лабораторией археологии, исторической социологии и культурного наследия им. проф. Г.С.Лебедева СПбГУ (Санкт-Петербург). e.mikhailova@spbu.ru

Молодин Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, заместитель директора Института археологии и этнографии СО РАН, заведующий Лабораторией мультидисциплинарных исследований первобытного искусства Евразии Новосибирского государственного университета (Новосибирск). molodin@archaeology.nsc.ru

Молтби Марк (Maltby, Mark) – доктор, Борнмутский университет (Дорсет, Великобритания). mmaltby@bournemouth.ac.uk

Моргунов Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела славяно-русской археологии ИА РАН (Москва). morgunovu@mail.ru

Мурашева Вероника Владиславовна – кандидат исторических наук, зав. сектором средневековой археологии отдела археологических памятников ГИМ (Москва). vmurasheva@mail.ru

Назаренко Александр Васильевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории религии и Церкви Института российской истории РАН (Москва). avnazarenko-hist@yandex.ru

Олейников Олег Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИА РАН (Москва). olejnikov1960@yandex.ru

Осипов Дмитрий Олегович – доктор исторических наук, научный сотрудник отдела археологических памятников ГИМ (Москва). dmitriyosipov@mail.ru

Панова Татьяна Дмитриевна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Музея-заповедника «Московский Кремль» (Москва). panova@kremlin.museum.ru

Пушкина Тамара Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва). tarpush@mail.ru

Руденко Константин Александрович – доктор исторических наук, профессор Казанского государственного института культуры (Казань). murziha@mail.ru

Рыбина Елена Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва). elena.rybina1@gmail.com

Сакса Александр Иванович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург). saksa@mail.natm.ru

Свенссон Ева (Svensson, Eva) – профессор Института биоресурсов и природопользования Карлстадского университета (Швеция). Eva.Svensson@kau.se

Седов Владимир Валентинович – доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, ведущий научный сотрудник ИА РАН (Москва). sedov1960@mail.ru

Седых Валерий Никандрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург). valedykh@yandex.ru

Сиренов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры источниковедения истории России Института истории СПбГУ (Санкт-Петербург). sirenov@ Rambler.ru

Ситдииков Айрат Габитович – доктор исторических наук, директор Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (Казань). sitdikov_a@mail.ru

Скворцов Константин Николаевич – научный сотрудник ИА РАН и старший научный сотрудник Кали-

нинградского областного историко-художественного музея (Калининград). sn_arch_expr@mail.ru

Спиридонова Елена Александровна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН (Москва). easpiridonova@mail.ru

Сыроватко Наталья Алексеевна – младший научный сотрудник ИА РАН (Москва). nsyrov@ Rambler.ru

Толочко Пётр Петрович (Толочко Петро Петрович) – профессор, доктор исторических наук, академик НАН Украины, иностранный член РАН, директор Института археологии НАН Украины (Киев, Украина). rptolochko@ukr.net

Фараджева Наталия Николаевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник ИА РАН (Москва). fnn1@yandex.ru

Флоря Борис Николаевич – доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института славяноведения РАН (Москва).

Френкель Яков Викторович – младший научный сотрудник сектора архитектурной археологии Государственного Эрмитажа (Санкт-Петербург). jashafrenkel@mail.ru

Хвошинская Наталия Вадимовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИИМК РАН (Санкт-Петербург). kottimoshka85@mail.ru

Хохлов Александр Николаевич – научный сотрудник ИА РАН, начальник Самбийской экспедиции ИА РАН (Москва). anhbalt@mail.ru

Хузин Фаяз Шарипович – доктор исторических наук, член-корреспондент АН РТ, заведующий отделом средневековой археологии Института археологии им. А. Х. Халикова АН РТ (Казань). khuzinfayaz@mail.ru

Хэмблтон Эллен (Hambleton, Ellen) – доктор, Борнмутский университет (Дорсет, Великобритания). ehambleton@bournemouth.ac.uk

Чернецов Алексей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИА РАН (Москва). avchernets@yandex.ru

Чернов Сергей Заремович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИА РАН (Москва). chernovs@sumail.ru

Шепард Джонатан (Shepard, Jonathan) – преподаватель российской истории Кембриджского университета (Великобритания); участник проекта «Дирхемы у славян», финансируемого Исследовательским советом по искусству и гуманитарным наукам и Исследовательским центром Халили при Оксфордском университете; почетный доктор Университета Климента Охридского (София, Болгария). nshepard@easynet.co.uk

Шнеевайс Йенс (Schneeweiß, Jens) – доктор, стипендиат программы «Феодор Линен» фонда им. Александра фон Гумбольдта (ИИМК РАН, Санкт-Петербург), Гёттингенский университет (Германия). jschnee@gwdg.de

Шполянский Сергей Владимирович – научный сотрудник отдела археологических памятников ГИМ (Москва). shpol@yandex.ru

Энговатова Ася Викторовна – кандидат исторических наук, заместитель директора, зав. отделом сохранения археологического наследия ИА РАН (Москва). engov@mail.ru

Янин Валентин Лаврентьевич – доктор исторических наук, академик РАН, советник Президиума РАН (Москва). v_janin@mail.ru

Содержание

Николай Андреевич Макаров: страницы научной биографии	5
Список основных печатных трудов Н. А. Макарова	14

ЧАСТЬ I. АРХЕОЛОГИЯ

<i>П. П. Толочко</i> . Из Киевского Поднепровья в Суздальское Ополье (конец XI – 40-е годы XIII в.)	24
<i>Mark Brisbane, Ellen Hambleton, Sheila Hamilton-Dyer and Mark Maltby</i> . Reflections on the Ecological Setting and Environmental Impact of Medieval Settlement Expansion in Northern Russia [<i>Марк Брисбейн, Эллен Хэмблтон, Шейла Гамильтон-Дайер, Марк Молтби</i> . Размышления по поводу экологического контекста и воздействия на окружающую среду расширением средневековых поселений в Северной Руси]	36
<i>А. Е. Леонтьев</i> . Археологические данные к истории Ростовской епархии	45
<i>А. В. Энговатова</i> . Новые данные о датировке фортификации древнего Ярославля (по материалам раскопа «Рубленный город II – 2008 г.»)	53
<i>Eva Svensson</i> . Innovations in the Rural Edge. Inventions and Smart Organizations in the Scandinavian Outland Use [<i>Е. Свенсон</i> . Инновации в сельской жизни. Изобретения и рациональная организация пространства на периферии Скандинавии]	69
<i>И. Н. Ершов, Н. А. Кренке, М. А. Кулькова, О. М. Олейников, Н. А. Сыроватко</i> . К вопросу о локализации древнейшего Смоленска: археологические и топонимические данные	78
<i>Timo Ibsen & Konstantin N. Skvorzov</i> . Das Gräberfeld von Groß Ottenhagen/Berezovka – ein wiederentdeckter Bestattungsplatz des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrader Gebiet [<i>Т. Ибсен, К. Н. Скворцов</i> . Могильник Гросс Оттенхаген– Березовка – повторно открытый памятник I тысячелетия н. э. в Калининградской области]	86
<i>Е. Р. Михайлова</i> . Могильник Которск XII: длинные курганы в древнерусскую эпоху	103
<i>О. В. Зеленцова, С. И. Милованов</i> . Курганный обряд погребения в Нижнем Поочье в эпоху Средневековья	122
<i>К. А. Руденко</i> . Хронология болгарских селищ конца X–XIII в. в Западном Закамье (по материалам исследований 1992–2011 гг.)	135
<i>Т. А. Пушкина</i> . Лучевые височные кольца Гнёздова	155
<i>В. В. Мурашева</i> . Серьги славян Хазарского каганата	161
<i>Н. В. Ениосова</i> . Фибулы типа «Терслев» на территории Древней Руси	169
<i>Н. В. Хвоцинская</i> . «Пегас» с Рюрикова городища	180
<i>И. Е. Зайцева</i> . Детали поясной гарнитуры из Шекшова в Суздальском Ополье	184
<i>С. В. Шполянский</i> . Датированные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополья (по материалам археологических исследований последних лет)	199
<i>В. Н. Седых, Я. В. Френкель</i> . О металле украшений комплексов курганов № 285 и № 382 Тимерёвского могильника	213
<i>В. Ю. Коваль</i> . Глазурованные чашечки из погребений XI века	229
<i>И. Н. Кузина</i> . Стекланные бусы из могильника Никольское III в центральном Белозерье	240
<i>Д. О. Осипов</i> . Результаты и перспективы исследования кожевенно-сапожного ремесла в России	247
<i>А. И. Сакса</i> . Средневековый Выборг как восточное продолжение городской цивилизации побережья Балтики	256

ЧАСТЬ II. ИСТОРИЯ

<i>Jonathan Shepard</i> . Things, Persons and Practices in Circulation Between Byzantium and the British Isles in the Viking Age: a Role for Rus? [<i>Джонатан Шепард</i> . Путешествия и торговля между Британскими островами, Русью и Византией в эпоху викингов]	274
<i>Н. В. Лопатин</i> . К этногеографии Сказания о призвании варягов	286
<i>А. В. Назаренко</i> . Новгородский холоп Дудика и соболя падерборнского епископа Майнверка	293

<i>Б. Н. Флоря.</i> «Иванское» купечество в средневековом Новгороде.....	302
<i>В. А. Кучкин.</i> Город Дубна на реке Дубне.....	308
<i>В. А. Лапшин.</i> Образ Киева в исторической топографии Владимира-на-Клязьме и Нижнего Новгорода.....	320
<i>С. И. Кочкуркина.</i> Народы средневековой Карелии (этнокультурное исследование).....	323
<i>Ю. Ю. Моргунов.</i> Сложение территории Переяславского княжества.....	331

ЧАСТЬ III. ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

<i>В. И. Молодин.</i> Нателный крест: эволюция иконографии (VI–X вв.).....	342
<i>Вл. В. Седов.</i> Омфалий церкви Бориса и Глеба в Кидекше и подобные формы в интерьерах древнерусских и византийских храмов.....	349
<i>Л. А. Беляев.</i> Заметки по истории антропоморфных саркофагов в Европе и России.....	365
<i>Т. Д. Панова.</i> Начальный этап формирования усыпальницы Вознесенского собора Московского Кремля (XV век).....	375
<i>А. В. Кудряшов.</i> Произведения прикладного искусства из камня, кости и дерева средневековых памятников бассейна Шексны.....	390
<i>А. Н. Хохлов.</i> Каменные резные иконки с изображением Богородицы из раскопок в Твери.....	398
<i>А. В. Чернецов.</i> Католицизм глазами миниатюристов Лицевого летописного свода.....	410
<i>А. Г. Ситдинов, Ф. Ш. Хузин.</i> Архитектурные памятники Волжской Булгарии и Казанского ханства.....	415

ЧАСТЬ IV. АРХЕОЛОГИЯ И ЕСТЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

<i>А. П. Бужилова.</i> Парные и совместные средневековые погребения на Русском Севере (по данным антропологии).....	434
<i>С. З. Чернов, Н. Н. Гончарова.</i> Население средневековой деревни в свете антропологических и микроэлементных исследований могильника д. Власьевской.....	444
<i>Е. А. Спиридонова, Ю. А. Лаврушин, А. С. Алешинская, М. Д. Кочанова.</i> Природная среда ранних этапов становления г. Ярославля.....	460

ЧАСТЬ V. ПИСЬМЕННОСТЬ

<i>А. А. Гипциус, Вл. В. Седов.</i> Надпись-граффито 1198 года из Георгиевского собора Юрьева монастыря.....	478
<i>А. А. Медынцева.</i> Средневековые надписи-граффити Владимиرو-Суздальской Руси (XII–XV вв.).....	491

ЧАСТЬ VI. НУМИЗМАТИКА

<i>П. Г. Гайдуков, О. М. Олейников.</i> Сребреник Владимира Святославича из Новгорода.....	502
<i>А. А. Гомзин.</i> Сидоровский клад куфических монет 1960 г.	510
<i>П. Г. Гайдуков, Н. Н. Фараджева.</i> Новый новгородский клад западноевропейских монет XI века.....	521
<i>А. В. Комар.</i> Платежные слитки черниговского типа.....	531

ЧАСТЬ VII. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ НАУКИ

<i>Е. А. Рыбина, В. Л. Янин.</i> Артемий Владимирович Арциховский и новгородская археология.....	544
<i>Г. Ю. Ивакин.</i> Проблемы изучения Южной Руси послемонгольского времени.....	554
<i>С. И. Баранова.</i> Суздальский орел: изразец графа А. С. Уварова и московские музейные коллекции.....	559
<i>А. В. Сиренов.</i> Экспедиция К. Ф. Калайдовича и начало изучения владимиро-суздальских древностей.....	569
<i>Jens Schneeweiß.</i> Identität und Ethnizität im Frühmittelalter. Zur Rolle der Archäologie in der aktuellen Diskussion [Йенс Шнеевайс. Идентичность и этничность в Средневековье. О вкладе археологии в актуальную дискуссию].....	574

Список сокращений.....	592
Сведения об авторах.....	594

Contents

Nikolay Andreevich Makarov: the Notes on the Scholar Biography	5
Nikolay Andreevich Makarov. Selected Bibliography.....	14

PART I. ARCHAEOLOGY

<i>P. P. Tolochko</i> . From the Dnieper Valley in the Kiev Area to the Suzdal High Plain.....	24
<i>Mark Brisbane, Ellen Hambleton, Sheila Hamilton-Dyer and Mark Maltby</i> . Reflections on the Ecological Setting and Environmental Impact of Medieval Settlement Expansion in Northern Russia.....	36
<i>A. E. Leontiev</i> . Archaeological Data Pertaining to the History of the Rostov Diocese.....	45
<i>A. V. Engovatova</i> . The City Fortifications of Yaroslavl in the Eleventh Century (based on data from 2008 excavations at the Yaroslavl Kremlin).....	53
<i>Eva Svensson</i> . Innovations in the Rural Edge. Inventions and Smart Organizations in the Scandinavian Outland Use	69
<i>I. N. Ershov, N. A. Krenke, M. A. Kulkova, O. M. Oleinikov and N. A. Syrovatko</i> . On the Question of Locating Ancient Smolensk: Archaeological and Toponymical Data.....	78
<i>Timo Ibsen and Konstantin N. Skvorzov</i> . Das Gräberfeld von Groß Ottenhagen/Berezovka – ein wiederentdeckter Bestattungsort des 1. Jahrtausends n. Chr. im Kaliningrader Gebiet.....	86
<i>E. R. Mikhailova</i> . The Kotorsk XII Burial-ground: Long Burial Mounds of the Medieval Period.....	103
<i>O. V. Zelentsova, S. I. Milovanov</i> . A Barrow's Funeral Rite in Nizhnee Poochye in Middle Ages.....	122
<i>K. A. Rudenko</i> . The Chronology of Large Bulgarian Settlements Between the End of the 10 th and 13 th Centuries in the Western Part of the Region Beyond the River Kama (Based on Materials Gleaned Through Research Undertaken Between 1992 and 2011).....	135
<i>T. A. Pushkina</i> . Radiate Temple Rings from Gnyozdovo.....	155
<i>V. V. Murasheva</i> . Earrings of the Slavs in the Khazar Khaganate.....	161
<i>N. V. Eniosova</i> . The Terslev-style Brooches from the Old Russian Territory	169
<i>N. V. Khvoshchinskaya</i> . 'Pegasus' from Ryurik Gorodishche.....	180
<i>I. E. Zaytseva</i> . Details of a Belt Set from Shekshovo in the Suzdal Opolie (Field Region).....	184
<i>S. V. Shpolyanskii</i> . Finds from the Late-13 th Century Through to the Early 15 th from Suzdal and the Large Settlements of the Vladimir-Yurevskoye (Suzdal) High Plain, Which Can Be Used for Dating Purposes (with Reference to Materials From Archaeological Excavations of Recent Years)	199
<i>V. N. Sedych, Y. V. Frenkel</i> . On the Metal Used in Jewellery from Certain Assemblages in the Timeryovskii Burial-ground.....	213
<i>V. Y. Koval</i> . Small Glazed Cups from Burials of the 11 th Century	229
<i>I. N. Kuzina</i> . Glass Beads of Nikolskoye III Cemetery (Central Belozerye).....	240
<i>D. O. Osipov</i> . Results Obtained Through Investigation of the Crafts of Leather-workers and Bootmakers in Russia.....	247
<i>A. I. Saksa</i> . Medieval Vyborg as an Eastern Extension of the Urban Civilization from the Baltic Coast	256

PART II. HISTORY

<i>Jonathan Shepard</i> . Things, Persons and Practices in Circulation Between Byzantium and the British Isles in the Viking Age: a Role for Rus?	274
<i>N. V. Lopatin</i> . To the Ethno-geography for the Legend of the Calling of the Varangians	286
<i>A. V. Nazarenko</i> . The Novgorod Serf Dudika and the Sable Furs of Bishop Meinwerk of Paderborn.....	293
<i>B. N. Florya</i> . The "Ivansky Merchants" in Medieval Novgorod	302
<i>V. A. Kuchkin</i> . The Town of Dubna on the Dubna River	308
<i>V. A. Lapshin</i> . The Image of Kiev in the Topography of Vladimir-on-the-Klyazma and Nizhnii Novgorod.....	320

<i>S. I. Kochkurkina</i> . The People of Medieval Karelia (an Ethno-cultural Research Project).....	323
<i>Y. Y. Morgunov</i> . The Emergence of the Territory of the Pereyasavl Principedom	331

PART III. CULTURAL HISTORY

<i>V. I. Molodin</i> . The Pectoral Cross – the Evolution of Its Historiography (6 th –10 th Centuries).....	342
<i>V. V. Sedov</i> . The Omphalos in the Church of Saint Boris and Saint Gleb in Kideksha and Similar Objects in the Interiors of Medieval Russian and Byzantine Churches.....	349
<i>L. A. Belyaev</i> . Notes on the History of Anthropomorphic Sarcophagi in Europe and Russia.....	365
<i>T. D. Panova</i> . The Initial Stage in the Arrangement of the Burial Vaults in the Cathedral of the Ascension in the Moscow Kremlin (15 th Century)	375
<i>A. V. Kudryashov</i> . Works of Applied Art Made of Stone, Bone and Wood from Medieval Sites in the Basin of the Sheksna	390
<i>A. N. Khokhlov</i> . Small Icons Carved from Stone with a Depiction of the Mother of God Found in Excavations at Tver	398
<i>A. V. Chernetsov</i> . Catholicism Seen by the Eyes of the Miniature Painters of the Illustrated Chronicle of Ivan the Terrible	410
<i>A. G. Sitdikov, F. S. Khuzin</i> . Architectural Monuments from Volga Bulgaria and the Kazan Khanate	415

PART IV. ARCHAEOLOGY AND NATURAL SCIENCES

<i>A. P. Buzhilova</i> . Medieval Burials for Pairs or Groups of the Deceased in Northern Rus (Based on Anthropological Data)	434
<i>S. Z. Chernov, N. N. Goncharova</i> . The Populations of Medieval Villages in the Light of Anthropological and Micro-element Research in the Burial-ground at the Village of Vlasievskaya	444
<i>E. A. Spiridonova, Y. A. Lavrushin, A. S. Aleshinskaya, M. D. Kochanova</i> . The Environmental Landscape of Yaroslavl in the City’s Earliest Stages	460

PART V. WRITTEN LANGUAGE

<i>A. A. Gippius, V. V. Sedov</i> . A Graffito-Inscription of 1198 Found in St. George’s Cathedral of the Yuriev Monastery	478
<i>A. A. Medyantseva</i> . Medieval Inscriptions and Graffiti from the Vladimir and Suzdal Russian Principality (12 th –15 th Centuries).....	491

PART VI. NUMISMATICS

<i>P. G. Gaidukov, O. M. Oleinikov</i> . A Vladimir Svyatoslavich Srebrenik from Novgorod.....	502
<i>A. A. Gomzin</i> . The Sidorovskiy Hoard of Kufic Coins Found in 1960.....	510
<i>P. G. Gaidukov, N. N. Faradzheva</i> . New Novgorod Hoard of West-European 11 th -century Coins.....	521
<i>A. V. Komar</i> . Silver Ingots of the Chernigov Type	531

PART VII. THEORY AND HISTORY OF SCIENCE

<i>E. A. Rybina, V. L. Yanin</i> . Artemii Vladimirovich Artsikhovskii and the Archaeology of Novgorod	544
<i>G. Y. Ivakin</i> . Questions Pertaining to the Study of Southern Rus in the Post-Mongol Period	554
<i>S. I. Baranova</i> . The Suzdal Eagle – a Tile, Count A. S. Uvarov and Moscow Museum Collections	559
<i>A. V. Sirenov</i> . The Expedition Led by K. F. Kalaidovich and the Initial Stages in the Study of Vladimir-Suzdal Antiquities	569
<i>Jens Schneeweiß</i> . Identität und Ethnizität im Frühmittelalter. Zur Rolle der Archäologie in der aktuellen Diskussion	574
List of Abbreviations	592
About the Authors	594

Научное издание

**ГОРОДА И ВЕСИ СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ:
АРХЕОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА**

К 60-летию Николая Андреевича Макарова

Подписано в печать 26.11.2015. Формат 60×90/8.
Усл. печ. л. 60,0. Тираж 500 экз. Заказ № 4776.

Институт археологии РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.

ООО НИЦ «Древности Севера»
160004, г. Вологда, ул. Октябрьская, 58, оф. 48.
Тел. / факс (8172) 72-79-60. E-mail: drevnostisevera@mail.ru URL: <http://drevnostisevera.ru>

Вёрстка: А. А. Бобкова, М. В. Васильева, Ю. А. Ершова, А. В. Суворов.
Дизайн: Ю. А. Ершова, Н. Н. Падалкина.
Технический редактор: М. В. Васильева.
Корректоры: М. С. Герасимова, Е. В. Дуганова, Т. В. Парменова.

Отпечатано в ООО «Первый издательско-полиграфический холдинг»
г. Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., д. 60, лит. У.